Русский биографический словарь

Обезьянинов – Очкин

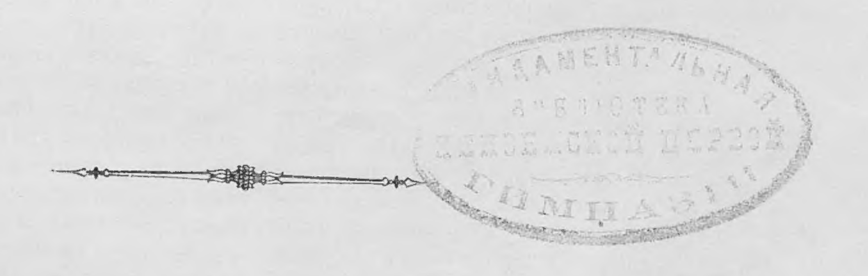
1905 г.

РУССКІЙ
БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Обезьяниновъ—Очкинъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1905.

О.

Обезьяниновъ, *Николай Петровичъ,* — вице-адмиралъ. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 11-го января 1838 года кадетомъ. Черезъ пять лѣтъ былъ произведенъ въ гардемарины, а въ августѣ 1845 года въ мичмана. 30-го марта 1852 года произведенъ въ лейтенанты и спустя два года назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба командира Севастопольскаго порта. До этого времени, онъ сначала на корабляхъ «Арсисъ» и «Фриландъ» плавалъ по Финскому заливу, а потомъ на фрегатѣ «Браиловъ», бригѣ «Аргонавтъ», кораблѣ «Султанъ-Махмудъ», транспортѣ «Мамай», пароходо-фрегатахъ «Бессарабія» и «Громоносецъ», фрегатахъ «Коварна», «Месемврія» и кораблѣ «Гавріилъ» плавалъ по Черному морю. Въ виду предстоявшей осады Севастополя Н. П. былъ назначенъ 1-го мая 1854 года помощникомъ начальника 1-й оборонительной линіи по укрѣпленію Севастополя, а въ августѣ состоялъ помощникомъ флигель-адъютанта Тотлебена по южной оборонѣ Севастополя и съ этого времени до конца кампаніи находился при Тотлебенѣ. 31-го октября 1854 года, Н. П. Обезьяниновъ былъ раненъ въ руку съ раздробленіемъ пальца и вскорѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Въ слѣдующемъ году, назначенный завѣдывать Инженернымъ Депо въ Николаевѣ, онъ и здѣсь обратилъ на себя вниманіе и былъ награжденъ орденами св. Владиміра 4-й степени съ мечами и св. Станислава 2-й степени съ мечами и бантомъ; съ 29-го сентября 1856 года Обезьяниновъ исправлялъ должность дежурнаго штабъ-офицера морского дежурства при штабѣ бывшаго отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Въ слѣдующемъ году Н. П. былъ назначенъ для особыхъ порученій по морской части при командующемъ кавказскою арміею и въ этой должности состоялъ до 1884 года. Въ сентябрѣ 1857 г. онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Во время своей службы на Кавказѣ Н. П. Обезьянинову пришлось неоднократно принимать участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, за что въ 1861 году и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами, а черезъ два года тѣмъ же орденомъ съ императорскою короною. Въ августѣ 1864 года, онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а черезъ четыре—въ капитаны 1-го ранга и въ этомъ чинѣ кромѣ Высочайшихъ подарковъ получилъ ордена св. Владиміра 3-й степени съ мечами (1870 г.) и Ольденбургскій орденъ Петра-Фридриха-Людвига. Въ апрѣлѣ 1878 года, Н. П. Обезьяниновъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ оставленіемъ для особыхъ порученій при вел. князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а черезъ годъ мечами къ этому ордену. Получивъ въ 1881 году орденъ св. Анны 1-й степени, Н. П. оставался еще служить до іюня 1885 года, когда былъ произведенъ въ вице-адмиралы и вышелъ въ отставку. Оставшись на жительствѣ въ Тифлисѣ и продолжая до самой своей смерти состоять предсѣдателемъ кавказскаго отдѣла Общества спасанія на водахъ, Н. П. Обезьяниновъ скончался въ Тифлисѣ въ октябрѣ 1886 года.

„Общій морской списокъ“ ч. XI, Спб. 1900 г. стр. 74—76; „Новости и Биржевая Газета“ за 1886 г. № 296, некрологъ; „Всеобщій Календарь“ на 1888 г., некрологъ, стр. 519; „Русскій Календарь“ на 1888 г., некрологъ.

Е. Ястребцевъ.

Обермиллеръ, *Александръ Леонтьевичъ,* — тайный совѣтникъ, лейбъ-хирургъ Двора Е. И. В., а инспекторъ врачебной части министерств Императорскаго Двора, непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета и медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный членъ медико-филантропическаго комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и главнаго управленія Краснаго Креста и предсѣдатель русскаго хирургическаго общества Н. И. Пирогова. Род. 4 окт. 1828 года въ Петербургѣ, гдѣ, по окончаніи курса въ третьей гимназіи, поступилъ въ медико-хирургическую академію. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе профессора Н. И. Пирогова, подъ руководствомъ котораго и началъ работать, какъ въ анатомическомъ театрѣ, такъ и при производствѣ операцій въ клиникѣ. Выпущеный въ 1853 г. изъ академіи со званіемъ лѣкаря съ отличіемъ, онъ въ январѣ слѣдующаго года былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ во 2-й военно-сухопутный госпиталь и началъ работать въ хирургической клиникѣ, которою завѣдывалъ Н. И. Пироговъ. — Чтобы облегчить положеніе раненыхъ во время Севастопольской обороны, великая княгиня Елена Павловна поручила Пирогову сформировать отрядъ врачей-хирурговъ и отправила его на свои средства въ Севастополь, при чемъ всѣ врачи, вошедшіе въ этотъ отрядъ должны были быть исключительно въ вѣдѣніи Пирогова и безъ его вѣдома не могли никуда быть назначаемы. А. Л. Обермиллеръ былъ въ числѣ первыхъ, приглашенныхъ Н. И. въ составъ отряда и — по свидѣтельству доктора А. Генрици — обремененный всегда хирургическою работою и статистикою, былъ преданнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ Пирогова. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Севастополѣ (съ 12-го октября 1854 года по 27-е мая 1855 года) черезъ руки А. Л. прошли тысячи раненыхъ и больныхъ. 28-го января 1855 года Обермиллеръ былъ зачисленъ въ вѣдомство министерства Императорскаго Двора, а по возвращеніи въ Петербургъ, въ ноябрѣ того же года, по Высочайшему Повелѣнію былъ назначенъ хирургомъ къ великому князю Николаю Николаевичу, при которомъ прослужилъ около 25-ти лѣтъ. Въ 1859 году А. Л. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами, въ 1863 году былъ пожалованъ въ почетные лейбъ-хирурги, въ слѣдующемъ году получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, а черезъ годъ назначенъ лейбъ-хирургомъ Двора Е. И. В. Находясь съ 1856 года постоянно при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ А. Л. вмѣстѣ съ нимъ совершилъ рядъ путешествій: на Кавказъ, въ Венецію, Варшаву, Кіевъ, Харьковъ, Іерусалимъ и во многіе другіе русскіе и заграничные города. 27-го іюля 1867 года Обермиллеръ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; спустя шесть лѣтъ получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1876 году — орденъ св. Анны 1-й степени и золотую табакерку съ брилліантовымъ вензелемъ. 4-го августа слѣдующаго года, будучи въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Обермиллеръ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Съ началомъ русско-турецкой войны кругъ дѣятельности А. Л. значительно расширился. Состоя главнымъ врачемъ при главнокомандующемъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на медицинскую часть арміи. Дѣятельность его въ этой кампаніи, какъ и въ Севастополѣ, была чрезвычайно энергична и самоотвержена: нерѣдко Обермиллеру приходилось подъ градомъ пуль, рискуя собственною жизнью, оказывать помощь раненымъ, которыхъ не всегда могли вмѣщать походные бараки. За отличія, выказанныя во время турецкой войны, Обермиллеръ былъ произведенъ 16-го февраля 1878 года въ тайные совѣтники. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, онъ оставилъ службу при дворѣ великаго князя Николая Николаевича, при чемъ Высочайше повелѣно было сохранить ему получаемый окладъ жалованья до самой смерти. Въ 1880 году онъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго придворною медицинскою частью, а спустя два года, по выходѣ въ отставку управляющаго медицинскою частью Цыцурина, былъ назначенъ на его мѣсто. Въ томъ же году онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а 5-го февраля 1887 года орденъ св. Александра Невскаго. Кромѣ вышеназванныхъ русскихъ орденовъ А. Л. имѣлъ еще турецкій, сербскій, персидскій и шведскій ордена. — Глубоко уважая Н. И. Пирогова, съ которымъ Обермиллеръ съ молодыхъ лѣтъ былъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, онъ явился однимъ изъ иниціато

ровъ и учредителей русскаго хирургическаго общества Н. И. Пирогова; въ этомъ обществѣ А. Л. состоялъ болѣе десяти лѣтъ предсѣдателемъ, а съ 9-го мая 1892 года и почетнымъ членомъ. Въ это же общество по смерти Обермиллера поступила его довольно большая библіотека, легшая въ основу библіотеки общества, въ помѣщеніи котораго теперь виситъ также и большой портретъ А. Л. Въ то же время Обермиллеръ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ главнаго управленія Краснаго Креста, и въ качествѣ члена его онъ послѣдніе годы своей жизни не рѣдко просиживалъ цѣлыя ночи за разборомъ многочисленныхъ дѣлъ по просьбамъ о назначеніи изъ инвалиднаго капитала пенсій и пособій увѣчнымъ и ихъ семьямъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался рѣдкой душевной добротой; не ограничиваясь безвозмезднымъ пользованіемъ своихъ многочисленныхъ бѣдныхъ паціентовъ, Обермиллеръ нерѣдко оказывалъ имъ денежную помощь, несмотря на свои ограниченныя средства, и воспоминанія въ особенности отмѣчаютъ эту симпатичную черту въ характерѣ А. Л.—Обермиллеръ скончался отъ паралича сердца въ Петергофѣ 10-го августа 1892 г., на 64 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Семейный архивъ М. К. Обермиллеръ, гдѣ хранятся воспоминанія А. Л. (о турецкой войнѣ) и между прочимъ переписка съ нимъ Н. И. Пирогова. „Русская медицина“ за 1892 г. № 23—24, стр. 367, некрологъ; „Врачъ“ за 1892 г. № 34, некрологъ, стр. 872; „Новости и Биржевая газета“ за 1892 г. № 221, некрологъ С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1892 г № 219, некрологъ, стр. 2; „Нива“ за 1892 г. № 46, некрологъ, ст. В. Пр[иселко]ва, стр. 1015 (съ портретомъ стр. 1013); „Сынъ Отечества“ за 1892 г. № 218, стр. 3, некрологъ; „Новое Время“ за 1892 г. 12-го августа, № 5910, некрологъ, стр. 2; „Русскій календарь“ на 1894 г. некрологъ, стр. 329; „Всемірная Иллюстрація 1879 г. № 22 (съ портретомъ); „Русская Старина“ за 1877 г. т. 20, ноябрь, стр. 449, за 1895 г. т. 83, мартъ, стр. 19, май, стр. 15; за 1896 г. т. 85, стр. 452—454, т. 86, стр. 251, т. 87, стр. 243—246 и 252—253. *Е. Ястребцевъ.*

Обернибѣсовъ, *Кононъ Антоновичъ*, контръ-адмиралъ, управляющій счетной экспедиціей военной коллегіи. Родился въ 1768 году. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ мартѣ 1781 года и спустя два года былъ произведенъ въ гардемарины. Окончивъ морской корпусъ, онъ въ маѣ 1785 года былъ произведенъ въ мичмана и до весны 1787 года продолжалъ плавать въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1787 году совершилъ переходъ въ Архангельскъ, гдѣ и оставался до 1791 года. Въ 1792 и 1793 гг., уже въ чинѣ лейтенанта, командуя транспортными судами «Цвей-брудеръ» и «Обсерваторіумъ» плавалъ между Кронштадтомъ и Ревелемъ. 16-го августа 1796 года К. А. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а спустя полтора года, въ капитаны 2-го ранга. Съ 1794 года по 1798 г. Обернибѣсовъ провелъ въ Архипелагѣ, Средиземномъ морѣ и у береговъ Испаніи въ качествѣ волонтера англійскаго флота (находясь въ эскадрѣ адмирала Нельсона), при чемъ неоднократно участвовалъ въ сраженіяхъ съ французскимъ флотомъ. Возвратившись въ Россію, К. А. съ 1799 г. по 1802 командовалъ фрегатомъ «Тихвинская Богородица» и кораблемъ «Софія Магдалина». Въ 1801 году онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга; спустя три года производилъ опись и промѣръ невскихъ фарватеровъ. Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ кораблемъ «Смѣлый». Во время же шведской войны въ 1807 году командовалъ пятью плавучими батареями на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ томъ же году былъ произведенъ въ капитанъ-командоры и назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаромъ при черноморскомъ департаментѣ. Эту должность онъ занималъ болѣе года и 8-го января 1809 г. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ управляющимъ счетною экспедиціею военной коллегіи и въ этой должности оставался до самой своей смерти. Скончался К. А. Обернибѣсовъ въ Петербургѣ, 15-го февраля 1820 года на 53 году отъ рожденія.

„Общій морской списокъ“ т. III, СПБ. 1890 г. стр. 6—8, т. VIII, СПБ. 1894 г. стр. 580; „Матеріалы для исторіи русскаго флота“ т. XIII, СПБ. 1890 г. стр. 127, т. XIV СПБ. 1893 г., стр. 439, т. XVI, СПБ. 1902 г. стр. 30, 189, 306, 337, 413 и 538.

Обертъ, *Карлъ Станиславовичъ*—дѣйствительный статскій совѣтникъ, цензоръ с.-петербургскаго Цензурнаго комитета. Родился въ 1811 году. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, въ 1833 г. К. С. поступилъ на службу въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Спустя четыре года, онъ перешелъ на должность помощника секретаря въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а въ

1840 году былъ произведенъ въ титулярные совѣтники. Осмотрѣвъ, по порученію начальства, въ 1843 году Московскую Румянцевскую библіотеку и музей, онъ въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, а въ слѣдующемъ году назначенъ исполняющимъ должность секретаря и въ этой должности утвержденъ въ 1847 году. Спустя два года К. С. былъ назначенъ старшимъ секретаремъ по дѣламъ цензуры при канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, и съ этого времени начинается его цензорская дѣятельность, помимо которой впрочемъ онъ не мало еще проработалъ въ качествѣ члена С.-Петербургскаго Попечительства о бѣдныхъ. 12-го апрѣля 1858 года онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, вслѣдъ за тѣмъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 6-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія по дѣламъ варшавскаго учебнаго округа, при чемъ ему поручено было разсмотрѣніе и наблюденіе за періодической печатью. Спустя семь лѣтъ, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, К. С. 30-го августа 1865 года былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени, а затѣмъ, прослуживъ еще немного, онъ по выслугѣ полной пенсіи вышелъ въ отставку. Какъ о цензорѣ А. М. Скабичевскій говоритъ объ Обертѣ слѣдующее: «Въ комитетѣ внутренней цензуры наиболѣе выдавались Корсаковъ, Крыловъ, Ахматовъ, Фрейгангъ, но всѣхъ ихъ превзошелъ Карлъ Станиславовичъ Обертъ». Но если К. С. былъ порою не въ мѣру остороженъ, то причиной тому были многократные выговоры, которые дѣлало ему слишкомъ бдительное въ ту пору начальство, что видно изъ архивныхъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія. Выйдя въ отставку К. С. Обертъ остался жить въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 30-го августа 1871 г.

Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дѣла за 1858 г. №№ 217, 232; за 1859 г. №№ 37, 47, 178, 246, 276; „С.-Петербургскія Вѣдомости" за 1871 г. № 241; „Биржевыя Вѣдомости" за 1872 г. № 355; А. М. Скабичевскій „Очерки исторіи русской цензуры" Спб. 1892 г. стр. 369 и 372—373; „Русская Старина" за 1899 г. т. 100, № 12, стр. 593—594. *Е. Ястребцевъ.*

Оберъ, *Лаврентій Николаевичъ,* дѣйств. ст. совѣтникъ, бывшій управляющій конторою Императорскихъ московскихъ театровъ. Родился 10 іюля 1802 г. въ Москвѣ, скончался 16 апр. 1884 года, тамъ же. Отецъ его былъ французъ-эмигрантъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой пріѣхавшій въ Москву и долгое время служившій тамъ гувернеромъ во многихъ русскихъ аристократическихъ семьяхъ. Матерью его была небезъизвѣстная Роза Оберъ-Шальме; въ 1812 году послѣ оставленія французами Москвы (гдѣ Оберъ-Шальме имѣла модный магазинъ) она вмѣстѣ съ дѣтьми послѣдовала за французской арміей, съ намѣреніемъ вернуться во Францію. Но она не перенесла трудностей пути и скончалась въ Вильнѣ. Дѣтямъ же Александру и Ѳедору (см. ниже) удалось прибыть въ Парижъ, гдѣ при содѣйствіи родственниковъ матери они получили хорошее образованіе. Въ 1820-хъ годахъ дѣти Оберъ-Шальме вернулись въ Москву и вскорѣ даже приняли русское подданство. Л. Н. въ 1831 г. поступилъ въ Дворянскій институтъ младшимъ преподавателемъ французскаго языка, а черезъ семь лѣтъ занялъ также мѣсто преподавателя того же языка въ гимназіи. Въ 1845 году онъ перемѣнилъ службу, поступивъ въ театральное вѣдомство, въ которомъ служилъ и братъ его Ѳ. Н. Сначала Л. Н. занялъ должность смотрителя Малаго театра, затѣмъ учителя франц. языка при Театральномъ училищѣ; потомъ былъ назначенъ инспекторомъ экстерновъ, наконецъ долгое время былъ инспекторомъ училища, а съ 1872 г. управлялъ театральной конторой. Пробывъ 50 лѣтъ на государственной службѣ, Л. Н. вышелъ въ отставку и скончался въ 1885 г. въ Москвѣ.—Воспоминанія отмѣчаютъ его привѣтливость, сердечность и энергію; какъ начальникъ, онъ оставилъ по себѣ прекрасную память. Л. Н. Оберъ не былъ чуждъ и литературѣ. Будучи знакомъ со многими нашими крупными писателями, онъ собирался—было написать о нихъ свои мемуары, но успѣлъ написать и напечатать лишь небольшую по объему и значенію статью: «Мое знакомство съ Пушкинымъ». Она была напечатана въ «Русскомъ Курьерѣ» за 1880 г., № 158 и перепечатана въ «Молвѣ» 1880 г., № 164.—Кромѣ того, въ рукописи остался набросокъ воспоминаній Л. Н. о 1812 годѣ.

Послужной списокъ. Воспоминанія Л. Н. Обера (въ рукописи). Свѣдѣнія, полученныя отъ сына—А. Л. Обера. „Моск. Вѣдомости" 1884 г. № 106 (некрологъ). О матери Л. Н.— Розѣ Оберъ-Шальме можно встрѣтить упоминанія во многихъ мемуарахъ, касающихся войны 1812 года; кромѣ того см.: П. И. Щу-

книгъ: „Бумаги, относящіяся до Отечеств. войны 1812 года“, ч. 2, М. 1897, стр. 35, 43; ч. 5, стр. 7; „Русск. Архивъ“ 1869, № 9. 1876, № 5 (здѣсь же указаны и иностранные источники); въ письмѣ Волковой къ Ланской „Русск. Вѣстн.“ 1879 г.; Д. Ровинскій „Русск. Народн. картинки“ СПБ. 1881, кн. IV, стр. 431, кн. V, стр. 278. Ея письма къ Наполеону находятся въ Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Ив. К.

Оберъ, *Ѳедоръ Николаевичъ,* братъ предъидущаго — директоръ С.-Петербургскаго театральнаго училища. Родился въ Москвѣ въ 1800 г. Въ 1812 г. вмѣстѣ съ остатками французской арміи добрался до Парижа, гдѣ и получилъ хорошее образованіе. Точныхъ свѣдѣній о томъ, когда онъ снова пріѣхалъ въ Россію, нѣтъ, но въ срединѣ 1820 гг. онъ уже жилъ въ Москвѣ у А. М. Гедеонова въ качествѣ воспитателя его дѣтей. По назначеніи А. М. Гедеонова директоромъ Императорскихъ театровъ, Ѳ. Н. Оберъ переѣхалъ въ Петербургъ и получилъ здѣсь мѣсто преподавателя французскаго языка въ театральномъ училищѣ (въ 1833 году), а вскорѣ былъ назначенъ и инспекторомъ этого училища. Несмотря на то, что онъ — даже по словамъ его друзей—былъ очень плохой служащій, А. М. Гедеоновъ, питавшій къ нему личныя симпатіи, назначилъ его въ 1842 году управляющимъ театральнымъ училищемъ. Должность эту Оберъ занималъ до 1853 года. Интересную характеристику Ѳ. Н. даетъ М. Н. Лонгиновъ, знавшій его прекрасно и считавшій себя его другомъ: «Оберъ былъ однимъ изъ величайшихъ эпикурейцевъ, какого мнѣ случалось встрѣтить... Вообще, Оберъ былъ самый плохой служака, не имѣлъ понятія о формахъ службы, скучалъ оставаться въ стѣнахъ училища и театральной дирекціи, бывалъ тамъ ровно столько времени, сколько требовало приличіе... Оберъ даже рѣдко посѣщалъ спектакли и являлся тамъ лишь на короткое время». В. А. Инсарскій, ревизовавшій дѣла театральнаго училища тотчасъ послѣ ухода Ѳ. Н. Обера, характеризуетъ его въ еще менѣе лестныхъ для него выраженіяхъ. Впрочемъ, М. Н. Лонгиновъ беретъ Обера подъ защиту, хотя и признаетъ, что «никто изъ служащихъ при театрѣ не былъ такъ чуждъ интересамъ, интригамъ, событіямъ театральнаго міра, какъ Оберъ». Выйдя въ 1853 году въ отставку Ѳ. Н. Оберъ въ слѣдующемъ году уѣхалъ во Францію, гдѣ и скончался въ 1863 году.

„Русскій Архивъ“ за 1869 г., стр., 351, „Русская Старина“ за 1874 г. т. XI стр. 303—319, ст.: Воспоминаніе В. А. Инсарскаго и стр. 550—557, ст. Н. М. Лонгинова: „Ѳ. Н. Оберъ“; „Воспоминанія Л. Н. Обера“ (рукопись).

Е. Ястребцевъ.

Облезовъ, *Гаврило,* дьякъ.—Былъ въ числѣ дьяковъ, принимавшихъ въ 1626 г. участіе въ свадебныхъ торжествахъ по случаю брака царя Михаила Ѳеодоровича; между прочимъ Облезовъ «за царя являлъ рѣчь и дары» патріарху Филарету Никитичу.—Затѣмъ Облезовъ упоминается въ числѣ думныхъ дьяковъ, отвозившихъ подъ Смоленскъ «государевы запасы - сухари» для войска въ 1633 году. Облезовъ отвезъ туда 20 четей сухарей.

Разр. книги, т. II, стр. 451. Доп. къ Дворц. разрядамъ, стр. 438; „Русск. Архивъ“ 1901 г., кн. 2.

Облезовъ, *Моисей,* купецъ.—На него жаловались Новгородцы въ томъ, что онъ, пріѣхавъ въ Новгородъ въ 1650 г. изъ Москвы, сталъ закупать хлѣбъ для шведскихъ городовъ, а Новгородцамъ никому не далъ дѣлать закупки хлѣба, «и мы всѣ оттого,—пишутъ они въ своей челобитной, обѣдняли и оголодали».

Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. II, стр. 1534.

Облеуховъ, *Александръ Дмитріевичъ,*—генералъ-маіоръ, бывшій правителемъ Калужскаго намѣстничества. Службу началъ въ 1759 году. Во время войны съ Турціей 1772 года за выказанную храбрость былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а спустя семь лѣтъ произведенъ въ артиллеріи - маіоры. Въ 1783 году А. Д. получилъ чинъ артиллеріи-подполковника, наконецъ въ 1791 году, на 32-мъ году службы, произведенъ въ генералъ-маіоры. Черезъ два года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени, а въ 1794 году былъ назначенъ правителемъ Калужскаго намѣстничества и оставался въ этой должности до выхода въ отставку, т. е. до декабря 1796 года. Скончался Облеуховъ 28-го октября 1814 года въ Москвѣ.

Н. Туркестановъ: „Губернаторскій Служебникъ“ Спб. 1869 г. стр. 10 и 114. Рукопись Шлуна, стр. 73. „Сенатскій Архивъ“, т. I, С.-Пб. 1886, стр. 40.

Облеуховъ, *Александръ Никаноровичъ,* — генералъ-маіоръ. Родился въ 1824 г., происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ

Херсонской губерніи. Отецъ его Н. Облеуховъ былъ артиллерійскій полковникъ. По достиженіи 10-ти-лѣтняго возраста А. Н. отданъ былъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, который и окончилъ въ 1842 году. Произведенный въ прапорщики 8-го августа того же года, онъ былъ назначенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, съ которымъ, между прочимъ, участвовалъ и въ Венгерской кампаніи. Дальнѣйшая служба Облеухова протекла въ Сибири, сначала въ качествѣ командира Сибирскаго линейнаго № 13 батальона, затѣмъ, въ качествѣ члена отъ военнаго вѣдомства бывшей иркутской полевой провіантской коммиссіи. Въ послѣдней должности онъ пробылъ около трехъ лѣтъ; за это время онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени (за участіе въ присоединеніи Амурскаго края къ Россіи) и произведенъ въ полковники. Разстроенное здоровье вскорѣ заставило его временно выйти въ отставку (30-го августа 1858 года) и лишь 9-го ноября 1864 года онъ снова поступилъ на службу. Причисленный къ главному управленію Восточной Сибири, онъ вскорѣ былъ назначенъ сначала ачинскимъ городничемъ, а 23-го августа слѣдующаго года енисейскимъ городничемъ. Послѣ административныхъ реформъ въ Восточной Сибири, онъ 1-го января 1868 года былъ назначенъ енисейскимъ окружнымъ исправникомъ, а 27-го апрѣля того же года—исполняющимъ должность командира 2-й пѣшей бригады Забайкальскаго казачьяго войска. Спустя полтора года А. Н. былъ прикомандированъ къ штабу мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа съ зачисленіемъ кандидатомъ на должность губернскаго воинскаго начальника. Состоя при штабѣ мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа, Облеуховъ исполнялъ нѣсколько разъ обязанности губернскаго воинскаго начальника (въ г. Олонецкѣ), начальника петербургскаго семеновскаго, Александровскаго военнаго госпиталя и др., а съ 1872 года по 1874 годъ неоднократно былъ назначаемъ въ составъ временно-военно-окружныхъ судовъ, учрежденныхъ въ гг. Петрозаводскѣ, Архангельскѣ и Бѣлозерскѣ. Затѣмъ, съ 8-го мая 1874 года Облеуховъ состоялъ предсѣдателемъ ревизіонной коммиссіи при шлиссельбургской военно-исправительной ротѣ. Выслуживъ полную пенсію А. Н. подалъ прошеніе объ отставкѣ и 2-го декабря 1876 года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ въ отставку, съ мундиромъ и пенсіей, послѣ чего остался въ Петербургѣ, гдѣ жилъ до самой своей смерти. А. Н. Облеуховъ скончался 23-го января 1879 года. Похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.—Послѣ А. Н. Облеухова остался дневникъ, пожертвованный его дочерью Варварой Александровной въ Севастопольскій музей.

„Указъ объ отставкѣ", данный 16-го декабря 1876 года. Устныя свѣдѣнія, полученныя отъ дочери А. Н.—В. А. Облеуховой.

Е. В.

Облеуховъ, *Димитрій Александровичъ,*—докторъ медицины, писатель-переводчикъ, родился въ 1790 г., умеръ 13-го декабря 1827 г., въ Москвѣ, похороненъ на кладбищѣ московскаго Данилова монастыря. Степень доктора медицины Д. А. получилъ въ 1811 г. въ московскомъ университетѣ. По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ Облеухова и между прочимъ по отзыву его друга И. В. Кирѣевскаго, Д. А. былъ человѣкъ «во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный», одаренный большими способностями, развить и рѣзче проявить которыя помѣшала ему его ранняя смерть. Его отличительной чертой была преданность наукѣ: не чуждый литературѣ, онъ, кромѣ своей спеціальности, занимался математикой, философіей, филологіей, исторіей и пр. Онъ написалъ много, но печатныхъ трудовъ оставилъ мало. Литературная дѣятельность Облеухова началась съ 1805 г. Въ этомъ году онъ напечаталъ въ «Другѣ Просвѣщенія» (ч. III, стр. 105—110) 1-ю Вергиліеву эклогу, переведенную имъ стихами. Затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ перевелъ и напечаталъ въ 4-хъ томахъ объемистое сочиненіе аббата Батте: «Начальныя правила словесности» (М. 1806—1807), долгое время пользовавшееся широкой извѣстностью. Кромѣ того, друзья Облеухова вскорѣ послѣ его смерти напечатали его переводъ изъ Байроновскаго «Манфреда» («Моск. Вѣстникъ» 1828 г. ч. VIII, стр. 241—289) и «Отрывокъ изъ письма о гіероглифическомъ языкѣ» («Моск. Вѣстникъ» 1829 г. ч. IV, стр. 105—134). Много трудовъ Облеухова осталось въ рукописи.

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи писатели". Тетрадь 2-я. С.-пб. 1886 г., стр. 38; С. Шевыревъ: Исторія Императорскаго московскаго универ-

ситета„ М. 1855 г., стр. 410; Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина, С.-пб. 1828 г., № 6017. „Москвитянинъ“ 1845 г., № 1, стр. 4; „Моск. Вѣстн.“ 1828 г., ч. VIII, стр. 352—354 (статья И. В. Кирѣевскаго); „Моск. Вѣстн.“ 1829 г., ч. IV, стр. 105; „Переписка Грота съ Плетневымъ“, т. II, стр. 446, 449. *И. Давидовичъ.*

Облеуховъ, *Никаноръ Александровичъ,*—писатель-переводчикъ конца XVIII вѣка. Біографическихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ. Ему принадлежатъ: «Разговоръ откупщика съ господиномъ о прямомъ счастіи, или Путь къ счастію, по коему всякаго состоянія люди шествуя могутъ быть благополучны на землѣ», перев. съ франц. Калуга. 1794 г.; «Записки кардинала де-Ретца, содержащія въ себѣ наидостопримѣчательнѣйшія происшествія во Франціи въ продолженіе первыхъ лѣтъ царствованія Людовика XIV», перев. съ франц. Калуга. 1794—1796 гг.

Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина, Спб., 1828 г., №№ 1202 и 3307. *И. Д.*

Обломіевскій, *Димитрій Өедоровичъ,*—дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины, лейбъ-хирургъ, писатель, изъ дворянъ, род. въ 1804 г., умеръ въ ночь съ 13-го на 14 февр. 1865 г., въ Петербургѣ. Въ 1822 г. Обломіевскій поступилъ въ число студентовъ — казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, откуда былъ выпущенъ въ 1826 г. лекаремъ, съ серебряною медалью, и опредѣленъ лекаремъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ походѣ во время турецкой войны 1828—1829 г.: въ 1829 г. онъ былъ произведенъ въ штабъ-лекари. Спустя три года, въ 1832 г., Д. Ө. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ. въ томъ же году назначенъ полковымъ штабъ-лекаремъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, въ 1835 г. 3-го апрѣля, удостоенъ Спб. медико-хирургической академіей степени доктора медицины. Съ 1836 г. по 1853 Обломіевскій состоялъ врачемъ по гражданскому вѣдомству, въ департаментѣ внѣшней торговли, въ 1841 г. былъ опредѣленъ старшимъ лекаремъ 1-го кадетскаго корпуса и въ 1859 г. произведенъ въ лейбъ-хирурги и назначенъ врачемъ ихъ Высочествъ. Въ послѣдніе годы жизни Обломіевскій былъ ревностнымъ послѣдователемъ гомеопатіи. Обломіевскій имѣлъ ордена до св. Анны 1-й степени включительно. Ему принадлежитъ: «Операція надъ выпаденіемъ проходной кишки перевязкою» («Другъ Здравія», 1836 г., № 34).

Полный послужной списокъ; Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи писатели“. Тетрадь 2-я, Спб. 1886 г., стр. 38; „Медицинскій Вѣстникъ“, 1865 г., № 12; „Исторія Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи“ 1798—1898. Приложенія, Спб. 1898 г., стр. 224; „Русск. Стар.“ 1894 г., т. 82, іюль. *И. Давидовичъ.*

Обобуровъ, *Богданъ.* Въ 1634 году былъ подьячимъ; въ этомъ году съ нимъ послана была намять окольничему Коробьину. Затѣмъ приписъ его, какъ дьяка, встрѣчается въ одной государевой грамотѣ 1636 года. Въ 1637—1638 г. служилъ въ Новгородѣ, затѣмъ въ Мангазеѣ — въ 1638—1641 годахъ, потомъ въ Вязьмѣ — въ 1648—1649, и наконецъ въ Тобольскѣ 1652—1657 годахъ, гдѣ и умеръ въ 1657 г.

Акты Истор., т. III, стр. 346. Акты Археог. Эксп., т. III, стр. 400, 408, 491; Акты относ. до юр. быта, т. II, стр. 156, 158, Дополн. къ Акт. Истор. т. III, стр. 168, 178, 179, 181; IX—167. Барсуковъ: „Списки городовыхъ воеводъ“, стр. 56, 133, 238, 239. *Б.*

Ободовскій, *Александръ Григорьевичъ*—педагогъ, писатель, авторъ сочиненій по географіи. Родился 23 марта 1796 г. въ Галичѣ, умеръ 17 іюня 1852 г. Ободовскій происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Его отецъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ врачей въ губерніи, съ дѣтства сумѣлъ внушить своему сыну любовь къ наукѣ и особенно къ медицинѣ. Первоначальное образованіе А. Г. получилъ въ С.-Петербургской губернской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Медико-хирургическую академію, откуда, впрочемъ, вскорѣ перевелся въ Главный Педагогическій институтъ. По окончаніи курса въ институтѣ былъ отправленъ за границу «для узнанія разныхъ системъ воспитанія», согласно проекту попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа графа С. С. Уварова. 1 августа 1816 года Ободовскій съ 3 товарищами отправился за границу. Сначала молодые люди посѣтили Англію и тамъ ознакомились главнымъ образомъ съ ланкастерской системой, обращавшей тогда на себя особенное вниманіе нашего правительства. Здѣсь Ободовскій съ товарищами занимался у Белля, Джонсона, Пиктона и др. Изъ Англіи они отправились въ Парижъ (гдѣ ихъ вниманіе на себя обратилъ аббатъ Готье своею своеобразной методой «учить игра-

ючи»), затѣмъ въ Швейцарію (къ Фелленбергу и Песталоцци) и Германію (къ Линднеру, Кругу и Жирару). Изъ всѣхъ этихъ педагоговъ наибольшее вниманіе на Ободовскаго оказалъ Песталоцци, какъ тѣмъ одушевленіемъ, которое онъ вносилъ въ дѣло, такъ и своими бесѣдами о совершенствованіи домашняго воспитанія. Неменьшее впечатлѣніе оказалъ на него Песталоцци и указаніемъ ученикамъ, какъ на образецъ отношенія къ воспитываемымъ, на любовь матери къ своимъ дѣтямъ, «любовь, которая все согрѣваетъ и оплодотворяетъ», и на естественное развитіе индивида и возбужденіе въ немъ самодѣятельности духа, какъ конечную цѣль воспитанія. Въ 1819 году молодые педагоги возвратились въ Петербургъ, а въ 1820 г. были приняты преподавателями въ Учительскій институтъ. Здѣсь Ободовскій принялъ на себя преподаваніе географіи. Уроки его, по отзывамъ учениковъ, отличались живостью и увлекательностью, чему много способствовало и то, что, преподавая географію, онъ касался и смежныхъ съ нею наукъ, въ чемъ ему помогала его огромная начитанность и прекрасное образованіе. Кромѣ географіи Ободовскій временно преподавалъ въ институтѣ латинскій языкъ, а въ средниxъ классахъ С.-Петербургской гимназіи математику (въ 1822 г.). Въ 1827 году Учительскій институтъ былъ упраздненъ и слился съ 3-й гимназіей, въ которой А. Г. оставался до 1827 года старшимъ преподавателемъ географіи и естественной исторіи. Съ 1823—1826 г. онъ состоялъ учителемъ географіи и статистики въ высшихъ классахъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, а въ 1826 году былъ приглашенъ на должность помощника инспектора классовъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома; въ 1830 году утвержденъ въ должности инспектора. Многолѣтняя опытность, обширная эрудиція (Ободовскій былъ знакомъ почти со всѣми европейскими языками) и педагогическій тактъ въ соединеніи съ удивительной энергіей и свойственной ему любовью къ дѣлу обезпечивали ему успѣхъ въ этой новой должности. Пользуясь довольно независимымъ служебнымъ положеніемъ и поощряемый вниманіемъ Императрицы Маріи Өеодоровны, неоднократно имѣвшей случай выразить ему свое благоволеніе, Ободовскій, имѣлъ къ тому же полную возможность не стѣсняться въ денежныхъ средствахъ, и старался не упустить изъ виду ничего, что могло способствовать умственному, нравственному и эстетическому развитію ученицъ и подготовкѣ ихъ къ ихъ будущему труду. Такъ, по его инициативѣ въ Институтѣ были устроены натуральный, технологическій и сельскохозяйственный кабинеты и были примѣняемы разнообразнѣйшія системы обученія (звуковая, наглядная и пр.).—Помимо исполненія инспекторскихъ обязанностей Ободовскій принялъ на себя преподаваніе многихъ предметовъ (напр. дидактики, педагогики, начальныхъ основаній физики, технологіи, энциклопедіи, медицинскихъ наукъ и др.). Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1844 г.) Ободовскій исполнялъ безвозмездно обязанности инспектора классовъ и преподавателя педагогики въ Домѣ трудолюбія. Съ 1829—1848 года А. Г. состоялъ сначала адъюнктомъ, а потомъ (съ 1830 г.) профессоромъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ сначала читалъ географію, а потомъ еще статистику и педагогику; помимо педагогическихъ занятій онъ исправлялъ и должность ученаго секретаря конференціи института (съ 1834 года). Въ 1845 году онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Кромѣ того онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ общества С.-Петербургскаго минералогическаго (съ 1829 г.) и Императорскаго русскаго географическаго. Въ кругу своей семьи (Ободовскій былъ женатъ и имѣлъ 9 дѣтей) и друзей онъ оставилъ о себѣ воспоминаніе какъ о прекраснѣйшемъ человѣкѣ. «Душа его, говоритъ Свенске, была полна любовью ко всему человѣчеству; отличительныя его качества были преимущественно сердечныя: откровенность, привязанность къ друзьямъ, пламенная любовь къ природѣ, вообще чувствительность легко доходившая до нѣкоторой раздражительности». Какъ педагогъ, онъ, слѣдуя завѣтамъ Песталоцци, которые вполнѣ гармонировали съ его личными наклонностями, вносилъ въ свое дѣло все свое одушевленіе и энергію, сливая свои личные интересы съ интересами службы. Впрочемъ, эта энергія подъ конецъ его жизни стала замѣтно ослабѣвать какъ вслѣдствіе чисто внѣшнихъ преобразованій по службѣ лишавшихъ его прежней самостоятельности какъ инспектора, такъ и въ силу нѣкоторыхъ

непріятностей по службѣ, которыя ему пришлось испытать послѣ 25 лѣтняго служенія. 17 іюня 1852 г. Ободовскій скончался отъ апоплексическаго удара.—Ободовскій въ свое время былъ еще извѣстенъ своею научно-литературною дѣятельностью. Въ настоящее время, само собой разумѣется, труды его имѣютъ лишь историческое значеніе. Началомъ его научно-литературной дѣятельности можно считать 1835 г. Въ этомъ году онъ написалъ «Руководство къ педагогикѣ или наукѣ воспитанія Спб. 1835 г. Затѣмъ «Руководство къ дидактикѣ, или наукѣ обученія» Спб. 1836 г. Оба сочиненія составлены по Нимейеру. Затѣмъ А. Г. Ободовскій напечаталъ рядъ слѣдующихъ работъ: «Руководство къ математической географіи» 1836. «Руководство къ физической географіи» 1838. «Теорія статистики въ настоящемъ состояніи съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики» 1838. (Это сочиненіе удостоено было академіей наукъ Демидовской преміи). «Краткая всеобщая географія» 14 изд. 1875. «Всеобщей географіи учебная книга» 14 изд. 1874. «Краткая географія Россійской Имперіи» 1844.— «Начальныя основанія космографіи» 2 изд. 1841. «Обозрѣніе земного глобуса, съ краткимъ обозрѣніемъ Россіи»; 1870. «Учебный атласъ Россійской имперіи»; «Руководство къ черченію полукартъ на память, съ приложеніемъ сѣтокъ частей свѣта и первостепенныхъ государствъ Европы» 1850 г. Послѣднее время Ободовскій занимался составленіемъ полнаго учебнаго атласа всеобщей географіи. Кромѣ этого, Ободовскій помѣстилъ рядъ мелкихъ статей по минералогіи, педагогикѣ и географіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1833 и 1834 гг. совмѣстно съ Е. Гугелемъ и П. Гурьевымъ онъ издавалъ первый у насъ въ Россіи «Педагогическій Журналъ».

Полный послужной списокъ. „Нѣсколько словъ въ память А. Г. Ободовскаго" — К. Свенске, въ „С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ" 1852 г. №№ 153 и 154. Извлеченія изъ этой статьи напечатаны въ „Журналѣ Минист. Нар. Просв." 1853 г. часть LXXXI, VII стр. 31—34, въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" 1852 г. па 5 стр. 83 и 84). Словарь Н. Березина, т. III, стр. 136.— Н. К. Шильдеръ: „Два доноса". 1831 г. („Русская Старина" 1899 г., мартъ, 612 ст.). Краткое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института („Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." 1836 г. часть IX стр. 581). *Л. Корсавинъ.*

Ободовскій, *Платонъ Григорьевичъ* — педагогъ, писатель. Происходилъ изъ дворянъ, родился 27 ноября 1803 г. въ Галичѣ, ум. 10 февраля 1864 года въ Петербургѣ. Первоначальное воспитаніе, полученное во второй петербургской гимназіи, закончилъ образованіемъ въ Высшемъ училищѣ. Началъ службу съ 1823 года, опредѣлившись въ вѣдомство Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году поступилъ «комнатнымъ надзирателемъ» въ С.-Петербургскую третью гимназію, гдѣ вскорѣ получилъ и уроки по предмету россійской и латинской грамматикъ; въ 1824 году ему было поручено давать уроки русскаго языка въ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1827 году онъ оставилъ службу при гимназіи, а въ 1830 прекратилъ педагогическія занятія и въ Воспитательномъ Домѣ, успѣвъ получить за время службы нѣсколько наградъ, а въ 1829 и чинъ титулярнаго совѣтника. Къ службѣ вообще на первыхъ порахъ Ободовскій не питалъ расположенія: его влекло къ литературѣ, въ которой онъ значительно успѣлъ еще на школьной скамьѣ. Будучи гимназистомъ, онъ уже заявилъ себя въ печати, какъ начинающій поэтъ, и едва кончилъ курсъ гимназіи былъ принятъ въ число членовъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и сталъ ревностнымъ сотрудникомъ журнала «Благонамѣренный». Прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ и литературный вкусъ дали Ободовскому возможность скоро снискать себѣ извѣстность; по крайней мѣрѣ уже въ 1829 году В. А. Каратыгинъ охотно поставилъ въ свой бенефисъ трагедію Шиллера «Донъ Карлосъ» въ переводѣ Ободовскаго. Съ этого перевода П. Г. и началъ свою продолжительную и плодовитую драматическую карьеру.

Другимъ не менѣе сильнымъ увлеченіемъ Ободовскаго была его страсть къ наукѣ и образованію въ широкомъ смыслѣ: для удовлетворенія своихъ образовательныхъ и научныхъ интересовъ Ободовскій уже въ зрѣломъ возрастѣ, именно въ 1830 г., тотчасъ по выходѣ въ отставку, отправился въ заграничное путешествіе, въ которомъ пробылъ до 1835 года. За эти пять лѣтъ онъ побывалъ и слушалъ лекціи въ Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ, Штутгардтѣ, Женевѣ. Во всѣхъ университетахъ его усердныя занятія аттестовались

профессорами и кромѣ того въ Женевѣ онъ получилъ дипломъ доктора философіи.

Возвратившись въ Петербургъ съ большимъ запасомъ научныхъ познаній и уже съ искреннимъ желаніемъ посвятить себя общественному служенію. Ободовскій въ маѣ 1835 года вновь опредѣлился по министерству иностранныхъ дѣлъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній переводчикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вскорѣ вернулся и къ педагогическимъ занятіямъ: въ 1839 году Ободовскій былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ ордена св. Екатерины, а въ слѣдующемъ, не покидая инспекторства, занялъ мѣсто профессора россійской словесности въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Ободовскій, какъ и его братъ — извѣстный географъ—не былъ лишенъ педагогическихъ способностей: его толковые живые уроки и увлекательныя лекціи, въ которыхъ вмѣстѣ съ талантомъ прекраснаго чтеца и оратора Ободовскій умѣлъ выказать и значительную эрудицію во всеобщей литературѣ, пользовались извѣстностью, и онъ очень часто получалъ приглашеніе давать приватно уроки во многихъ нашихъ аристократическихъ семьяхъ. Наконецъ, въ 1841 г. онъ былъ приглашенъ преподавать русскій языкъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ великимъ князьямъ Константину, Николаю и Михаилу Николаевичамъ и великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Ободовскій съ любовью отдался этому дѣлу и его старанія не разъ были удостоиваемы особаго вниманія Августѣйшей семьи. Какъ отличный педагогъ, Ободовскій имѣлъ доброе любящее сердце и искренно и горячо любилъ своихъ питомцевъ и учениковъ. Своимъ Высокимъ ученикамъ онъ былъ горячо преданъ и его муза, какъ умѣла, и совершенно искренно не разъ откликалась на нѣкоторыя важныя событія, происходившія въ жизни Августѣйшей семьи.—Что касается его дѣятельности въ училищѣ ордена св. Екатерины, то и тутъ Ободовскій приложилъ не мало добросовѣстнаго труда и любви. Въ качествѣ инспектора онъ сумѣлъ, какъ говорится въ одномъ воспоминаніи, дружески связать кругъ преподавателей; кромѣ того его усердію училище во многомъ обязано болѣе быстрымъ осуществленіемъ реформы въ учебномъ дѣлѣ: при немъ былъ видоизмѣненъ курсъ, состоявшій изъ двухъ трехгодичныхъ классовъ, въ семь одногодичныхъ; наконецъ, какъ педагогъ и начальникъ, онъ оставилъ по себѣ въ памяти своихъ питомицъ самое пріятное впечатлѣніе своей любовью къ нимъ, и близкимъ участіемъ къ жизни училища. Ободовскій не разъ даже писалъ кантаты и пѣсни, которыя въ музыкѣ М. И. Глинки распѣвались институтками на торжественныхъ актахъ. Должность инспектора училища ордена св. Екатерины П. Г. занималъ по день своей смерти, послѣдовавшей послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни 10-го февраля 1864 г. По службѣ дошелъ онъ до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и имѣлъ ордена до ордена Станислава 1 ст. включительно. Всѣ воспоминанія объ Ободовскомъ проникнуты глубокой симпатіей къ двумъ основнымъ чертамъ въ его характерѣ: честности и необычайной добротѣ. Кромѣ того, современники отмѣчають его искренность въ убѣжденіяхъ и рѣдкое трудолюбіе, всего яснѣе сказавшееся въ его литературной дѣятельности.

Несмотря на многосложныя и многочисленныя педагогическія занятія, Ободовскій находилъ время и для занятій литературныхъ. Помимо стихотвореній, которыхъ довольно много Ободовскій помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ (главнымъ образомъ въ болѣе молодые годы), онъ успѣлъ за время своей литературной дѣятельности написать, перевести или передѣлать до 26 драматическихъ произведеній, изъ которыхъ весьма многія предназначались спеціально для В. А. Каратыгина, съ которымъ Ободовскій былъ друженъ. Въ 1840-хъ годахъ имя Ободовскаго помѣщалось на театральныхъ афишахъ, можно сказать, столь же часто какъ имена Полевого и Кукольника. Изъ драматическихъ произведеній его наибольшимъ и болѣе продолжительнымъ успѣхомъ пользовалось (и даже пользуется нынѣ) передѣланная имъ съ нѣмецкаго языка пятиактная драма въ стихахъ «Велизарій», въ свое время подавшая поводъ написать Бѣлинскому одну изъ лучшихъ своихъ статей, посвященныхъ критикѣ театральныхъ представленій. «Велизарій», поставленный въ первый разъ въ 1839 году, по словамъ Вольфа, имѣлъ успѣхъ колоссальный и сдѣлался одною изъ капитальныхъ пьесъ русскаго репертуара, а по воспоминаніямъ Леонидова эту драму давали иногда для усиленія сбора на Большомъ театрѣ. Кромѣ «Велизарія» значительный

успѣхъ выпалъ на долю его піесъ: «Заколдованный домъ», «Отецъ и дочь», «Боярское слово» и нѣк. др. За то всѣ прочія многочисленныя драматическія произведенія Ободовскаго имѣли временный и весьма непродолжительный успѣхъ. Не отрицая въ Ободовскомъ большой начитанности, эрудиціи и литературнаго вкуса, должно замѣтить, что П. Г. не обладалъ крупнымъ литературнымъ талантомъ, и наилучшимъ качествомъ Ободовскаго, какъ писателя, слѣдуетъ признать его хорошую версификацію и несомнѣнное умѣнье владѣть правильнымъ русскимъ языкомъ. Оригинальныхъ произведеній у него мало: онъ большею частью переводилъ или передѣлывалъ (съ нѣмецк., франц., и итальянск. яз.) и вѣрнѣе его можно характеризовать, какъ хорошаго переводчика, владѣвшаго стихомъ и хорошо знавшаго сцену. Какъ писатель, Ободовскій по преимуществу писатель драматическій, оставившій послѣ себя, какъ сказано, до 26 пьесъ. Изъ нихъ поставлены были на сцену слѣдующія переводныя или передѣланныя — «Донъ Карлосъ» — траг. въ 5 д., «Велизарій» — др. въ 5 д., «Отецъ и дочь» — др. въ 5 д., «Заколдованный домъ» — др. въ 5 д., «Прародительница» — др. въ 5 д., «Іоаннъ Герцогъ Финляндскій» — др. въ 5 д., «Кипрскій вѣнецъ» — др. въ 5 д., «Гризельда» — др. въ 5 д., «Христина королева Шведская» — др. въ 4 д., «Маріанна, или Герцогиня и Нищій» — др. 5 д., «Черный Корсаръ» — др. въ 5 д., «Братья-Купцы» — др. въ 5 д., «Камоэнсъ» — въ 1 д., «Брачное свидѣтельство» — др. въ 5 д., «Первая и послѣдняя любовь Карла XII» — ком. въ 1 д., «Ужасный замокъ» — др. въ 5 д., «Проклятіе матери» — др. въ 5 д., «Арфистка» — др. въ 3 д., «Карлъ V въ Нидерландахъ» — др. въ 3 д., «Четверо часовыхъ у одной будки» — ком. въ 1 д.; оригинальныя — «Царь Василій Іоановичъ Шуйскій» — драм. предст. въ 5 д. съ прологомъ, «Князь Александръ Михайловичъ Тверской» — др. въ 3 д., «Боярское Слово или Ярославская кружевница» — драм. предст. въ 1 д., «Русская Боярыня 17-го вѣка» — драм. предст. съ пѣніемъ и плясками въ 1 д., «Камиллъ-Диктаторъ Римскій» — др. въ 5 д., «Бояринъ Матвѣевъ» — др. въ 5 д. За весьма малыми исключеніями («Брачное свидѣтельство», «Арфистка») перечисленныя пьесы написаны стихами. Говоря о переводахъ и передѣлкахъ Ободовскаго слѣдуетъ замѣтить, что Ободовскій въ большинствѣ случаевъ не придерживался близко оригинала и, стремясь сохранить лишь фабулу, допускалъ большія измѣненія въ частностяхъ и нерѣдко вставлялъ въ ту или другую передѣлываемую піесу цѣлый рядъ самостоятельно составленныхъ сценъ; нѣкоторыя его передѣлки носятъ характеръ переложенія на русскіе нравы, хотя не очень удачнаго. Что касается оригинальныхъ піесъ Ободовскаго, какъ напр. «Царь В. И. Шуйскій», «Князь А. М. Тверской» и др., то онѣ не отличаются особеннымъ достоинствомъ: автору не только не удавалось удовлетворительно возсоздать изображаемую эпоху, онъ не могъ дать рѣзко и ярко или правильно очерченныхъ типовъ: можно сказать, что оригинальныя пьесы Ободовскаго написаны имъ по шаблону тѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ пьесъ, сбивающихся на мелодраму, которыя онъ часто предлагалъ русской публикѣ въ переводѣ. Критика въ большинствѣ случаевъ относилась къ Ободовскому благосклонно; общее мнѣніе признавало за Ободовскимъ болѣе трудолюбія, чѣмъ таланта. Онъ былъ выше многочисленной толпы современныхъ ему драматурговъ, но дарованіе его не переходило границъ посредственности. Въ ряду драматурговъ имя его помѣщали обыкновенно вслѣдъ за Кукольникомъ и Полевымъ.

Полнаго собранія сочиненій Ободовскаго нѣтъ. Изъ пьесъ Ободовскаго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ намъ извѣстно лишь «Боярское слово или Ярославская Кружевница» — драм. представленіе въ 2-хъ отд. (О пьесахъ напечатан. въ журналахъ см. ниже). Изъ прочихъ стихотворныхъ произведеній Ободовскаго изданы отдѣльно: «Геро и Леандръ» — вольн. перев. изъ Шиллера 1826 (Первонач. въ «Невск. Альманахѣ на 1827 г.»); «Хіосскій сирота» 1828 г.; «Царскій цвѣтникъ» (на русск. и нѣм. яз.) 1840; «Петръ Великій» — историческая ораторія въ 2-хъ отд., передѣланная съ нѣм. (положена на музыку И. Л. Фуксомъ) 1842; «Царское спасибо» — пѣсня храбрымъ защитникамъ Севастополя — 1855; Е. И. В. Николаю Николаевичу по случаю объявленія о помолвкѣ его» 1855; Бѣлому царю отъ вѣрнаго русскаго народа» 1855; «Прощальная пѣснь дѣвицъ училища орд. св. Екатерины по случаю выпуска 1850 г. (музыка Глинки). — Всѣ сочиненія

напечатаны въ Петербургѣ.—Свои произведенія Ободовскій помѣщалъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ журналахъ: «Литературная Газета», «Благонамѣренный». «Соревнователь Просвѣщенія», «Сѣверная Пчела». «Славянинъ», «Галатея», «Сынъ Отечества», «Новости Литературы», «Маякъ», «Репертуаръ». Кромѣ того, произведенія Ободовскаго можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ альманахахъ 20—30 годовъ, въ «Опытѣ русск. аноологіи (1828 г.), въ изд. «Сто русскихъ литераторовъ» и др.

Матеріаломъ послужили устныя свѣдѣнія, полученныя авторомъ отъ сына писателя—К. П. Ободовскаго и почерпнутыя изъ его семейнаго архива.—Полный послужной списокъ.—Архивъ вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ — Некрологи: Сѣв. Почта 1864 г., № 61; Якорь 1864 г., № 14; Голосъ 1864 г., № 46; Московск. Вѣд. 1864 г., № 73; Иллюстриров. газета 1864 г., № 8; Биржев. вѣдом. 1864 г., № 46; Кіевскій телегр. 1864 г., № 21; Русск. Арх. 1866 г., № 4; 1867 г., стр. 1410—1411; 1869 г., стр. 1043. Мѣсяцесловъ на 1865 г. — Въ воспоминаніяхъ К. А. Полевого, Н. И. Греча, А. М. Каратыгиной („Рус. Вѣстн.“ 1881, № 4 и 5). Кромѣ того въ „Русск. Ст.“ 1888 № 4 (воспомин. Л. Л. Леонидова), 1889, № IX (дневникъ А. В. Никитенко) и др.; „Русск. Архивъ“ 1898 № 4 (воспомин. Стерлиговой).—Н. С. Карцовъ: „Нѣсколько фактовъ изъ жизни Спб. училища орд. св. Екатерины“—Спб. 1898 стр. 27. Рецензіи и отзывы о пьесахъ Ободовскаго можно встрѣтить во всѣхъ современныхъ журналахъ и газетахъ; главнымъ же образомъ см. А. И. Вольфъ.—„Хроника петербургск. театровъ“ Спб. 1877—1884 (passim); Бѣлинскій—„Соч.“ т. III, VI, VII, (въ редакціи С. А. Венгерова т. IV и т. V) „Отечеств. Записки, (1840-хъ годовъ), „Репертуаръ“, и „Пантеонъ“, и „Сѣв. пчела“ (тѣхъ же годовъ).

Ив. Кубасовъ.

Оболдуевъ, *Никита Андреевичъ*, полковникъ, московскій генералъ полицiймейстеръ. Родился въ 1688 году. Вступивъ въ военную службу, онъ не долго оставался въ строевыхъ частяхъ и вскорѣ былъ назначенъ въ Саранскъ судьею. 22-го января 1722 года Н. А. былъ произведенъ въ маіоры, а спустя восемь лѣтъ, по списку военной коллегіи, числился уже полковникомъ въ отставкѣ. Въ томъ же 1730 году, 26 октября, состоялось его назначеніе на должность воеводы въ Пензенскую провинцію. Прослуживъ тамъ два года, онъ въ 1732 году былъ уволенъ, а въ слѣдующемъ году 11-го января былъ назначенъ московскимъ генералъ-полицiймейстеромъ. Спустя шесть лѣтъ Н. А. былъ уволенъ отъ должности московскаго генералъ-полицiймейстера и вскорѣ послѣ того умеръ.

П. Барановъ: „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ“ т. II. СПБ. 1875 г., стр. 295, № 4488; „Сенатскій Архивъ“, т. IV, СПБ. 1891 г. стр. 497, т. V, СПБ. 1892 г., стр. 270, т. VII, СПБ. 1895 г., стр. 739—740, 610 и 652.

Оболенская, княгиня *Александра Алексѣевна*, урожденная Дьякова, — выдающаяся дѣятельница эпохи преобразованій императора Александра II, поборница женскаго образованія въ Россіи и основательница старѣйшей изъ существующихъ нынѣ въ С.-Петербургѣ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Род. 27 ноября 1831 года въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, въ селѣ Черемошнѣ, принадлежавшемъ ея отцу, богатому помѣщику Алексѣю Николаевичу Дьякову. Мать ея, вторая жена А. Н. Дьякова (урожденная баронесса Дальгеймъ-де-Лимузенъ), была дочерью французскаго эмигранта и воспитанницей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая дала ей образованіе въ Смольномъ институтѣ, затѣмъ взяла ее, какъ круглую сироту, къ себѣ во дворецъ въ качествѣ фрейлины и вскорѣ выдала замужъ. Но замужемъ молодая женщина прожила недолго. Послѣ четырехъ лѣтъ брачной жизни она скончалась, оставивъ послѣ себя трехъ дѣвочекъ, изъ которыхъ среднею была Александра Алексѣевна. Въ непродолжительномъ времени А. Н. Дьяковъ женился въ третій разъ на дѣвицѣ Окуловой, которая и воспитала дѣвочекъ, такъ какъ самъ онъ полтора года спустя послѣ женитьбы скончался.

Отъ своей матери француженки А. А. унаслѣдовала необыкновенную живость ума, веселость и остроуміе. Первые годы своего дѣтства А. А. провела въ деревнѣ, а затѣмъ переѣхала съ родственниками въ Москву, гдѣ и прожила до замужества. Согласно съ обычаемъ времени А. А. получила домашнее образованіе и свѣтское французское воспитаніе. Выйдя въ 1853 году замужъ за князя Андрея Васильевича Оболенскаго, человѣка, чутко слѣдившаго за волновавшими тогдашнихъ лучшихъ людей вопросами и горячо откликавшагося на запросы и нужды современности, А. А. рѣшила посвятить и себя великому дѣлу служенія родинѣ и сдѣлала это, выступивъ на общественное поприще сначала въ качествѣ помощницы

своего мужа, по проведенію крестьянской реформы въ Калужской губерніи, а затѣмъ,—по переѣздѣ въ столицу—въ качествѣ горячей поборницы серьезнаго и основательнаго женскаго образованія и воспитанія. Имя кн. А. А. Оболенской должно быть тѣсно связано съ именами первыхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, такъ какъ она была одной изъ очень немногихъ русскихъ женщинъ той эпохи, которыя, при первыхъ шагахъ реформы, поняли ея значеніе. Слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ застали княгиню въ провинціи. Здѣсь-то княгиня всегда старалась доказывать непонимавшимъ и недовольнымъ всю необходимость и величіе готовящейся реформы, а въ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ и друзей все время поддерживала колебавшихся и ободряла нерѣшительныхъ, и ея домъ въ Калугѣ сдѣлался любимымъ мѣстомъ собраній кружка жившихъ тамъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ. Это сочувствіе кн. А. А. великому преобразованію сказалось и въ иной формѣ въ ея послѣдующей жизни: ея просвѣтительная дѣятельность въ Петербургѣ была дальнѣйшимъ его развитіемъ.

Полная необыкновенной жизненности и энергіи она никогда не могла оставаться праздной и вмѣстѣ съ тѣмъ жаждала такого дѣла, которое захватило бы всю ея душу, могло вполнѣ удовлетворить ее. Такое дѣло видѣла она въ умѣломъ воспитаніи и широкомъ, всестороннемъ образованіи женщины, и отдаться этому дѣлу стало ея завѣтнымъ желаніемъ, тѣмъ болѣе, что она встрѣчала въ Россіи мало образованныхъ женщинъ и прекрасно понимала всю недостаточность и односторонность распространеннаго въ то время домашняго образованія, которое ей пришлось получить самой. Стремленіе создать условія, которыя облегчили бы русской женщинѣ полученіе основательнаго образованія, не было лишь служеніемъ отвлеченной идеѣ: кн. А. А. слишкомъ хорошо знала русскую жизнь, чтобы увлекаться до фанатизма «женскимъ вопросомъ» въ томъ смыслѣ, какъ его тогда понимали; для нея были важны не громкія фразы о равноправіи, о необходимости освобожденія женщины отъ семейныхъ узъ и допущеніи ея въ университеты: ей хотѣлось дать женщинѣ такое образованіе, которое, не мѣшая ей быть хорошей женой и матерью, могло бы сдѣлать ее и полезной работницей на общественномъ поприщѣ... Благодаря своему свѣтлому уму кн. А. А. всегда считалась съ дѣйствительностью, всегда имѣла въ виду лишь самыя насущныя, неотложныя нужды общества и никогда не увлекалась грандіозными затѣями, какъ бы заманчивы онѣ не были. Прекрасно ознакомленная съ программами существовавшихъ тогда женскихъ учебныхъ заведеній и ихъ выполненіемъ, кн. А. А. видѣла, что заведенія эти не даютъ достаточной подготовки къ университету, что для слушанія университетскихъ лекцій надо обладать гораздо большею суммою знаній, и вотъ, въ 1869 году у княгини явилось желаніе открыть перворазрядное женское учебное заведеніе, приближающееся къ мужскимъ реальнымъ гимназіямъ, которое, давая необходимое общее образованіе, могло бы также подготовлять воспитанницъ къ слушанію университетскихъ курсовъ. Кн. А. А. желала создать прочный фундаментъ для высшаго женскаго образованія, а для этого было необходимо возвысить уровень преподаванія на его средней ступени и, возбудивъ въ учащихся любовь къ знанію и вѣру въ его великое жизненное значеніе, открыть для русской дѣвушки доступъ къ наукѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ разъ въ то самое время, совершенно независимо отъ княгини, подобной же цѣлью задался и женскій кружокъ, хлопотавшій объ устройствѣ университетскихъ лекцій для женщинъ, но въ тоже время сознававшій малую подготовленность большинства къ слушанію научныхъ курсовъ. Узнавъ о существованіи этого кружка, кн. А. А. сблизилась съ нимъ, было рѣшено устроить гимназію общими силами, но главныя хлопоты по этому дѣлу цѣликомъ пришлись на долю княгини. Для составленія программы преподаванія въ новой гимназіи были приглашены такія компетентныя лица, какъ А. Я. Гердъ и А. Н. Страннолюбскій. Бюджетъ гимназіи былъ разсчитанъ на первый годъ въ суммѣ 8000 рублей, изъ которыхъ половину давала княгиня Оболенская, а половину кружокъ учредительницъ; много помогли дѣлу и частныя пожертвованія. Оставалось лишь найти лицо, которому можно было бы довѣрить главное завѣдываніе гимназіей. Но зная по опыту, какъ трудно найти такое лицо, княгиня А. А., несмотря на свои сорокъ лѣтъ, рѣшилась сама держать экзаменъ на званіе домашней учительницы,

который она и сдала. Учебный курсъ вновь открытаго (въ ноябрѣ 1870 г.) учебнаго заведенія 1-го разряда, впослѣдствіи получившаго названіе «Женской гимназіи княгини Оболенской», былъ составленъ лучшими нашими педагогами. По своему объему, онъ равнялся курсу мужскихъ реальныхъ училищъ съ незначительными измѣненіями. Онъ былъ раздѣленъ на семь годичныхъ классовъ, изъ которыхъ при основаніи гимназіи были открыты два младшихъ. При основаніи гимназіи кн. А. А. пожертвовала безвозвратно значительный капиталъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы заведеніе могло, даже безъ всякихъ доходовъ, продержаться не менѣе двухъ лѣтъ и затѣмъ изъявила готовность пополнять и въ слѣдующіе годы могущіе быть дефициты, впредь до обезпеченія училища его собственными доходами. Доходы же эти, какъ бы значительны они не были впослѣдствіи, въ полномъ составѣ должны были, по мысли учредительницы, обращаться на расширеніе и улучшеніе самой гимназіи. Такимъ образомъ, изъ этого предпріятія была совершенно устранена мысль о какой либо выгодѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ гимназіи была предоставлена возможность широкаго развитія со временемъ. Особенность вновь открытой гимназіи заключалась въ томъ, что родители учащихся въ ней дѣтей допускались къ участію въ педагогическихъ совѣщаніяхъ заведенія и могли устно или письменно сообщать совѣту гимназіи свои замѣчанія о разныхъ педагогическихъ мѣрахъ, мнѣнія о преподаваніи того или другого предмета, личныя наблюденія надъ дѣтьми. Тутъ необходимо указать на то направленіе, которое вложила кн. А. А. въ созданное ею училище и который продолжаетъ господствовать въ немъ и донынѣ. Какъ женщина искренне-религіозная, она всегда выдвигала на первый планъ религіозно-нравственныя начала воспитанія. Въ тѣсной связи съ этою чертою характера въ педагогическомъ настроеніи княгини проявлялись двѣ особенности, которыя оставили глубокій слѣдъ на всемъ учебно-воспитательномъ строѣ ея гимназіи. Первую особенность составляло постоянное стремленіе къ правдѣ, вторую — смиренное сознаніе слабости своихъ личныхъ силъ. Она съ величайшимъ вниманіемъ прислушивалась ко всякому заявленію о недостаткахъ гимназіи, и сама была всегда самымъ строгимъ судьей этихъ недостатковъ. Отъ всякой показности, отъ всякаго прикрытія ихъ кажущеюся основанной на случайномъ внѣшнемъ эффектѣ репутаціей учебнаго заведенія она отвращалась всѣми силами своей души. Въ отношеніяхъ къ своимъ сотрудникамъ по гимназіи она всегда умѣла подчинять соображенія личной близости и естественныя влеченія симпатіи и антипатіи требованію справедливости въ оцѣнкѣ заслугъ. Вообще же, надо сказать, кн. А. А. отличалась удивительною способностью быстро и мѣтко опредѣлять силы и дарованія людей. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ выборъ А. Я. Герда, въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1879 г. по 1888 включительно) руководившаго учебной частью ея гимназіи, а также многихъ преподавателей, между которыми встрѣчаются такія имена какъ П. И. Вейнберга, математиковъ Н. И. Билибина и А. Н. Страннолюбскаго. Съ 1880 года, т. е. съ того времени, когда учебному заведенію княгини Оболенской были дарованы права правительственныхъ гимназій, въ немъ окончило курсъ семи классовъ 502 ученицы, изъ VIII же класса со званьями домашнихъ наставницъ и учительницъ выпущено 440. Между тѣмъ, годы брали свое и княгиня, чувствуя сильное ухудшеніе здоровья, передала непосредственное завѣдываніе гимназіей своей дочери, кн. М. А. Мещерской, но не переставала жить интересами гимназіи и оказывать всестороннее на нее вліяніе. Лишенная возможности посѣщать гимназію, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не будучи въ состояніи лично участвовать въ ежедневной ея жизни, княгиня изъ своей комнаты не переставала слѣдить за ней, горячо интересуясь каждымъ ея шагомъ. Вообще, несмотря на изнурительный недугъ, приковавшій ее къ постели, кн. А. А. до конца жизни сохранила и ясный живой умъ, и горячій интересъ ко всему окружающему. Страданія свои кн. А. А. выносила стойко, мужественно, а глубокая религіозность и твердая вѣра въ безсмертіе помогали ей спокойно встрѣтить и самую смерть... Чувствуя ея приближеніе, княгиня вернулась изъ Крыма въ Петербургъ, желая умереть въ кругу своихъ дѣтей, въ стѣнахъ своей гимназіи 8-го декабря 1890 года кн. Оболенская скончалась.

Сообщеніе дочери кн. А. А. Оболенской — кн. Маріи Андреевны Мещерской; „С.-Петерб. Вѣдом., 1869 г. №№ 40 и 4[illegible]; „Журналъ М. Н. Просв." 1869 г. февраль: Перворазрядное женское учебное заведеніе

учрежденное кн. Оболенской въ 1870 г.", Спб., 1871 г.; „Вѣстникъ Европы" 1871 г., августъ: „Русская Школа" 1891 г. февраль; „Русская Школа" 1895 г., ноябрь; „Новое Время" 1890 г; № 5310 „Новости" 1890 г., №№ 341 и 344. „Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи" (1856—1880). Лихачевой. Спб., 1891 г. *А. А. Петровъ.*

Оболенскіе, русскій княжескій родъ, происходящій отъ Черниговскихъ князей черезъ внука князя св. Михаила Черниговскаго, князя Юрія Всеволодовича Торусскаго, сынъ котораго князь *Константинъ Юрьевичъ* получилъ въ удѣлъ городъ Оболенскъ (нынѣ село Оболенское, Калужской губ., Торусскаго уѣзда, на рѣкѣ Протвѣ) и при покореніи великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ западно-русскихъ княжествъ, погибъ, защищая свой удѣлъ въ битвѣ на рѣкѣ Холхнѣ въ 1368 году. Оболенскъ отошелъ къ Литвѣ, а сыновья князя Константина Юрьевича князья *Иванъ* и *Андрей* Оболенскіе, не желая подчиняться иновѣрнымъ государямъ, перешли на службу въ Москву, гдѣ были приняты съ почетомъ. Оба они участвовали въ походѣ 1375 года, предпринятомъ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ на Тверь, и были въ сторожевомъ полку во время Куликовской битвы. Слѣдующее поколѣніе князей Оболенскихъ, князя Ивана Константиновича сдѣлались ярыми приверженцами московскаго единодержавія и отличались преданностью великому князю Василію Темному въ его долголѣтней борьбѣ съ галицкимъ княземъ Дмитріемъ Шемякою, а изъ двухъ сыновей князя Андрея Константиновича старшій — *Иванъ*, дѣлается родоначальникомъ князей Долгорукихъ, а младшій *Александръ* - князей Тростенскихъ. Изъ представителей слѣдующаго поколѣнія нужно отмѣтить (кромѣ поименованныхъ ниже) князя *Ивана Никитича Смолу*, умершаго бояриномъ въ 1501 году и князя *Исаака Михайловича*, впослѣдствіи Іосифа, архіепископа Ростовскаго. Но наибольшаго блеска родъ князей Оболенскихъ достигъ при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ и въ малолѣтство Іоанна Грознаго, когда въ лицѣ линіи Оболенскихъ-Телепневыхъ представители этого рода стали во главѣ управленія московскимъ государствомъ. Въ это время родъ Оболенскихъ выдвинулъ изъ своей среды цѣлый рядъ другихъ княжескихъ родовъ, игравшихъ очень видную роль въ исторіи Россіи: князья Горенскіе, Долгорукіе, Кашины, Курлятевы, Львовы, Ноготковы, Оболенскіе-Телепневы, Репнины, Стригины-Оболенскіе, Тростенскіе, Туренины, Тюфякины, Щепины-Оболенскіе считають своими родоначальниками представителей рода Оболенскихъ.—По казни Грознаго не прошли для нихъ безслѣдно: родъ Оболенскихъ ослабѣлъ, число его представителей уменьшилось и они должны были уступить свое мѣсто новымъ родамъ, выдвинувшимся въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго.—Въ царствованіе трехъ первыхъ представителей дома Романовыхъ Оболенскіе остаются по-прежнему въ тѣни и не играютъ видной роли ни при Дворѣ, ни въ войскѣ, ни на воеводствахъ. Единственнымъ виднымъ представителемъ рода въ это время является князь *Венедиктъ Андреевичъ* (см. ниже), достигшій званія окольничаго. Въ 1699 году однако нѣсколько князей Оболенскихъ еще владѣли населенными имѣніями.—Въ XVIII вѣкѣ на поприщѣ общественной дѣятельности успѣли выдвинуться лишь немногіе представители рода Оболенскихъ, но за то ими богатъ былъ XIX-й вѣкъ.

Оболенскіе-Репнины см. **Репнины-Оболенскіе.**

Оболенскіе-Стригины см. **Стригины-Оболенскіе.**

Оболенскіе-Телепневы, князья,- одна изъ линій княжескаго рода Оболенскихъ, ведущихъ начало съ половины XV вѣка, отъ братьевъ Василія и Ѳедора Васильевичей Оболенскихъ, сыновей князя Василія Ивановича Оболенскаго-Косого, прозванныхъ Телепнями. Линія эта, несмотря на свое недолговременное существованіе (угасла въ царствованіе Іоанна Грознаго), дала нѣсколько видныхъ военныхъ дѣятелей; особенно большое значеніе получили Оболенскіе-Телепневы въ малолѣтство Іоанна Грознаго, когда одинъ изъ нихъ, князь *Иванъ Ѳедоровичъ Овчина* (см. ниже) даже стоялъ во главѣ правленія.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Александръ Васильевичъ,* сынъ князя Василія Ивановича Косого, бояринъ и воевода великаго князя Іоанна Васильевича, участвовалъ въ большинствѣ его походовъ. Впервые упоминается въ 1476 году, когда сопровождалъ великаго князя въ его поѣздкѣ въ Новгородъ, потомъ мы находимъ его въ 1477 г. въ походѣ великаго князя подъ Новгородъ. Оболенскій, подъ начальствомъ котораго

были ополченія калужанъ, серпуховцевъ, хотуничей, алексинцевъ, радонежцевъ, новоторжцевъ и москвитянъ, находился въ отрядѣ брата великаго князя Андрея Васильевича Меньшого и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ движеніе подъ Новгородъ между Яжелбицкой и Деменской дорогами къ Юрьеву и Аркадьеву монастырямъ, а 27 ноября того же года, когда московская рать подступила къ Новгороду, занималъ позицію у Никольскаго монастыря на Мостищахъ. Подъ 1484 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Александръ Васильевичъ участвовалъ въ походѣ противъ Казани въ одномъ изъ небольшихъ походовъ, предпринимавшихся туда по смерти царя казанскаго Ибрагима. Въ 1487 году, когда Іоаннъ III предпринялъ походъ на Казань для возведенія на престолъ казанскаго царевича Магметъ-Аминя, князь Оболенскій участвовалъ и въ этомъ походѣ. Въ 1492 году Оболенскій былъ воеводой въ Можайскѣ, а въ 1493 году изъ Можайска же былъ посланъ съ московской и казанской ратью въ Литву и участвовалъ во взятіи Серпейска и Опакова. Въ 1495 году Оболенскій сопровождалъ великаго князя въ его поѣздкѣ въ Новгородъ, въ 1497 году участвовалъ въ походѣ подъ Казань для защиты царя Магметъ-Аминя отъ шибальскаго царя Мамука и, наконецъ, въ 1501 г. былъ отправленъ съ псковскимъ войскомъ въ Ливонію. Здѣсь онъ опустошилъ окрестности Дерпта, Маріенбурга и Нейгаузена, причемъ умертвилъ и взялъ въ плѣнъ до 40.000 человѣкъ; затѣмъ встрѣтилъ непріятелей близъ Гельмета, вступилъ съ ними въ битву, одержалъ полную побѣду, но и самъ былъ убитъ въ этомъ же сраженіи.

Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") I, 1418, 1487; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 70, 71, 74, 191 пр. 139, 583, 516, 518; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", СПБ. 188) I, 246, II, 374; Спиридовъ: „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ" М. 1810, II, 279; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, IV, 135, 156. 161, 275, VI, 207, 209, 211, 240, 243, 248, 24, 36. 39, 47, VIII, 185, 187, 189, 190, 217, 225, 241. Никон. VI, 121—122, 75—104, Архангел. 193. Разрядная книга — изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I) 11, 12. 15, 16, 17, 19, 24; Акты историческіе, I, 385.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Александръ Петровичъ*—сенаторъ. Родился 31 декабря 1780 г., умеръ 18 апрѣля 1855 г. Дѣтство и юность провелъ въ родительскомъ домѣ и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе. Въ 1798 году былъ привезенъ отцемъ кн. П. А. Оболенскимъ (род. 3 іюня 1742 г., ум. 15 мая 1822 г.) въ Петербургъ. Несмотря на сильное желаніе юнаго князя поступить въ военную службу, отецъ, принимая въ соображеніе тяжелыя условія послѣдней въ то время, записалъ сына въ Иностранную Коллегію. Но не прошло и нѣсколько мѣсяцевъ, вспоминаетъ князь, какъ Императору показалось, что дворяне избѣгаютъ военной службы. А потому, приказавъ подать себѣ, между прочимъ и списокъ служащихъ по иностранной коллегіи, собственноручно намѣтилъ изъ числившихся въ ней коллегіи-юнкеровъ 12 человѣкъ къ опредѣленію штандартъ-юнкерами въ Конную гвардію. И кн. А. П. такимъ образомъ поступилъ въ Лейбъ-гвардіи Конный полкъ, гдѣ въ 1801 г. былъ произведенъ въ корнеты, а въ сентябрѣ слѣдующаго года въ поручики. Въ декабрѣ того же года князь, по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ, вышелъ въ отставку и не состоялъ ни на какой службѣ въ теченіе пяти лѣтъ, проживая это время почти безвыѣздно въ деревнѣ отца. Между тѣмъ, наши военныя дѣйствія не переставали привлекать къ себѣ вниманія князя и онъ въ 1807 году, съ чиномъ капитана, вновь опредѣлился на военную службу, и былъ зачисленъ въ Ингерманландскій драгунскій полкъ, находившійся тогда въ Пруссіи. Генералъ Дохтуровъ назначилъ князя своимъ адъютантомъ. Съ этимъ полкомъ князь А. П. Оболенскій 24 мая 1807 года принялъ участіе въ занятіи Ломтена. Въ воздаяні[е] отличной храбрости князю была пожалована золотая шпага съ надписью: «з[а] храбрость». Не менѣе отваги выказал[ъ] князь и въ дѣлѣ подъ Гейльсбергомъ [и] Фридландомъ, за участіе въ которомъ был[ъ] награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. и произведенъ въ маіоры. По окончані[и] военныхъ дѣйствій князь не долго пр[о]былъ на службѣ въ полку: въ феврал[ѣ] 1809 года онъ вышелъ опять въ отставк[у] съ чиномъ подполковника, а въ слѣду[ю]щемъ мѣсяцѣ повѣнчался съ Аграфено[й] Юрьевной—старшей дочерью кн. Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Тогда же княз[ь] былъ Высочайше опредѣленъ ко Двору ве[л.] кн. Екатерины Павловны въ званіи камеръ-юнкера, съ переименованіемъ въ чинъ на[д]ворнаго совѣтника и съ причисленіем[ъ]

къ вѣдомству Путей Сообщенія, въ которомъ состоялъ и супругъ великой княгини—принцъ Ольденбургскій. Приказомъ 1 сент. 1809 г. князь снова былъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ штабсъ-ротмистромъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ принцу Ольденбургскому, занимавшему въ то время постъ генералъ-губернатора тверского, новгородскаго и ярославскаго, и князю такимъ образомъ съ конца 1809 г. до начала 1812 г. пришлось прожить въ Твери. Пребываніе въ Твери, хотя и недолговременное, было однимъ изъ наиболѣе пріятныхъ моментовъ жизни князя: ласки и вниманіе Августѣйшихъ особъ и тихая жизнь во дворцѣ тверского генералъ-губернатора, куда не разъ съѣзжалось наше лучшее общество обѣихъ столицъ и гдѣ нерѣдко бывалъ самъ Государь Императоръ, оставили въ душѣ князя неизгладимое впечатлѣніе.— Война 1812 года, отозвавшая принца Ольденбургскаго въ дѣйствующую армію, заставила и князя проситься на театръ военныхъ дѣйствій. Какъ адъютантъ принца, онъ получилъ уже разрѣшеніе пріѣхать въ Вильну, гдѣ находился его высокій покровитель, но Государь отправилъ его обратно въ Петербургъ ко Двору ея высочества. Однако это не удержало князя сдѣлать еще рядъ попытокъ стать съ оружіемъ въ рукахъ на борьбу съ Наполеономъ. Желаніе князя скоро осуществилось. Великая княгиня Екатерина Павловна, движимая патріотическимъ чувствомъ, рѣшила на собственныя средства сформировать батальонъ и поручила дѣло сформированія его и командованія имъ князю А. П. Оболенскому. 1 ноября 1812 года егерскій батальонъ Ея Высочества былъ уже въ Ярославлѣ, откуда послѣ смотра отправился въ Тверь. Изъ Твери батальонъ подъ командою князя, только-что произведеннаго въ полковники, двинулся къ дѣйствующей арміи, которая тогда уже преслѣдовала Наполеона. Достигнувъ Витебска, гдѣ предположена была встрѣча съ принцемъ Ольденбургскимъ, князь узналъ о смерти принца, послѣдовавшей въ Твери (15 дек. 1812 г.) и ему ничего не оставалось, какъ съ грустью идти далѣе согласно данному маршруту. Изъ Витебска батальонъ черезъ Ковно, Вилькомиръ, Агенбургъ и др. города прибылъ въ Маріенвердеръ, гдѣ получено было приказаніе отъ графа Витгенштейна идти немедленно на соединеніе съ нимъ въ Берлинъ. Изъ Берлина въ апрѣлѣ 1818 года князь съ батальономъ прибылъ въ Дессау, гдѣ находилась въ то время главная квартира главнокомандующаго. Здѣсь князь получилъ письмо великой княгини Екатерины Павловны, изъ котораго узналъ, что по ходатайству Ея Высочества Государь Императоръ, во вниманіе къ памяти усопшаго принца Ольденбургскаго, повелѣлъ зачислить князя А. П. Оболенскаго со дня кончины принца въ свои флигель-адъютанты, съ оставленіемъ его командиромъ батальона. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ того же года князь съ батальономъ успѣлъ отличиться въ сраженіи подъ Люценомъ, овладѣвъ молодецки деревней Гросъ-Гертенъ и выгнавъ оттуда французовъ; за этотъ подвигъ князь былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Весь остатокъ 1813 г. князь съ своимъ батальономъ провелъ въ военныхъ операціяхъ и не разъ принималъ дѣятельное участіе въ бояхъ и наиболѣе отличился въ Кульмскомъ сраженіи, давшемъ ему орденъ св. Анны 2 ст., и въ дѣлѣ подъ Лейпцигомъ, за каковое князь получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ алмазными украшеніями. Изъ Лейпцига батальонъ, которымъ командовалъ князь прибылъ, вмѣстѣ съ дѣйствующей арміей, въ Эрфуртъ, оттуда во Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь Государь, замѣтивъ князя, изволилъ выразить ему свое удовольствіе по поводу удачныхъ дѣйствій батальона и приказалъ причислить послѣдній, для сбереженія значительно уменьшившихся ратниковъ онаго, къ Гренадерскому Корпусу, въ составѣ котораго онъ и принималъ участіе въ походахъ 1814 г. Въ мартѣ этого года разстроенное здоровье князя принудило его испросить отпускъ въ Россію, куда онъ и поспѣшилъ, не дождавшись даже торжественнаго занятія русскими Парижа. Въ маѣ того же года князь вернулся въ полкъ, который находился въ то время въ Вюрцбургѣ. Между тѣмъ, Государь 25 іюня 1814 г. прибылъ въ Брюссель, куда явился и князь А. П. Оболенскій, которому приказано было представиться путешествовавшей за границей великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Князь встрѣтилъ ея высочество въ Миннерштадтѣ, гдѣ и представилъ ей свой батальонъ. Здѣсь же была объявлена воля Государя о распущеніи батальона. Батальонъ двинулся въ обратный походъ въ Россію, а князь временно остался при вели-

кой княгинѣ, которую сопровождалъ въ Вѣну, куда прибылъ и Императоръ. Въ Вѣнѣ князь выхлопоталъ себѣ отпускъ, и въ декабрѣ 1813 года прибылъ въ Тверь, гдѣ отдалъ послѣдній приказъ батальону, вернувшемуся на родину въ числѣ 118 человѣкъ и потерявшему въ походахъ 294. Въ мартѣ 1815 г. князь былъ вызванъ въ Вѣну въ Императорскую Главную квартиру, гдѣ получилъ назначеніе состоять при великой княгинѣ до ея возвращенія въ Россію. 17 мая ея высочество оставила Вѣну и князю было поручено сопровождать ее въ ея заграничныхъ путешествіяхъ. Наконецъ, въ сентябрѣ того же года князь получилъ отпускъ и вернулся въ Москву съ горячимъ желаніемъ оставить блестящую, но недававшую ему нравственнаго удовлетворенія карьеру и поступить на гражданскую службу. Въ декабрѣ онъ вышелъ въ отставку, но неудачи по пріисканію подходящей должности заставили его отказаться отъ всякихъ исканій и князь уѣхалъ въ свою деревню, гдѣ и предался тихой семейной жизни. Впрочемъ, мало обезпеченное положеніе и заботы о большой семьѣ, состоявшей къ тому времени изъ 10 человѣкъ дѣтей, заставили князя вновь хлопотать о службѣ. На этотъ разъ хлопоты увѣнчались успѣхомъ: въ февралѣ 1825 года состоялся Высочайшій указъ объ опредѣленіи князя, въ чинѣ статскаго совѣтника, гражданскимъ губернаторомъ въ Калугу. Въ этой должности князь пробылъ около семи лѣтъ и успѣлъ снискать себѣ неоднократно Высочайшее благоволеніе и глубокое уваженіе подчиненныхъ и согражданъ за обходительность, тактичныя и умѣлыя административныя распоряженія и сердечныя отношенія къ прибѣгавшимъ за его помощью. Въ 1826 г. князь былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1831 г. въ тайные; кромѣ того въ 1829 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. 1 октября 1831 года кн. А. П. Оболенскій оставилъ постъ калужскаго губернатора, такъ какъ получилъ новое Высочайшее назначеніе въ Москву, къ присутствованію, въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента Сената, а въ ноябрѣ того же года состоялось назначеніе его почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Въ 1832 году князь былъ перемѣщенъ къ присутствованію въ гражданскомъ 8-мъ департаментѣ Сената, и кромѣ того на него было возложено управленіе учрежденнымъ отъ Воспитательнаго Дома Военно сиротскимъ училищемъ; въ октябрѣ того же года князь былъ утвержденъ совѣстнымъ судьею московскаго совѣстнаго суда. Въ январѣ 1833 года князь былъ назначенъ членомъ совѣта, учрежденнаго при московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины и управляющимъ Александровскимъ женскимъ училищемъ. Въ воздаяніе отлично-ревностной службы за этотъ періодъ времени князь въ 1835 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. съ Императорской короной, а въ 1838 году орденомъ св. кн. Владиміра 2-й ст. Между тѣмъ, въ 1839 г. по Высочайшему повелѣнію князь А. П. Оболенскій былъ перемѣщенъ къ засѣданію изъ 8-го въ 7-й департаментъ Сената, а въ 1845 г. къ присутствованію въ 8-й департаментъ. Наконецъ въ 1852 г. въ виду преклонныхъ лѣтъ и ослабѣвающихъ силъ князя, онъ былъ включенъ въ число сенаторовъ неприсутствующихъ. За отлично ревностную службу въ званіи сенатора и почетнаго опекуна князь былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и жалованъ былъ орденами до ордена св. кн. Владиміра 1 ст. включительно и знакомъ безпорочной службы за XXX лѣтъ. Въ 1854 году, во время сбора ополченія, по случаю начавшихся военныхъ дѣйствій на югѣ Россіи, калужское дворянство, помня и чтя прошлыя заслуги князя въ качествѣ ратнаго слуги отечества, избрало его начальникомъ мѣстнаго губернскаго ополченія, но пятьдесятъ лѣтъ напряженной дѣятельности лишили князя возможности принять на себя эту лестную и почетную обязанность. Силы его замѣтно уходили и 18 апрѣля 1855 года онъ скончался въ Москвѣ. (Погребенъ на кладбищѣ Лаврентьева монастыря, близъ Калуги).— Воспоминанія, отмѣчая добрыя душевныя качества князя, особенно останавливаются на изображеніи князя какъ скромнаго, честнаго и въ высшей степени привѣтливаго человѣка, весьма религіознаго, мягкаго и доступнаго.

Полный послужной списокъ.—Свѣдѣнія, извлеченныя изъ Архива Правительствующаго Сената.—П. Н. Семеновъ: „Біографическіе очерки сенаторовъ" (изъ домашн архива П. Н. Баранова), принадлежащіе Императ. Истор. Обществу. — „Хроника недавней старины". Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Петерб. 1876 г. (между прочимъ здѣсь напечатаны и воспоминанія кн. А. П. Оболенскаго).—А. П. Языковъ: „Бата-

ліонъ ея п. в. вел. кн. Екатерины Павловны, Герцогини Ольденбургской 1812 года". С.-Пб. 1868 г.—Кн. П. А. Вяземскій: „Сочиненія", С.-Пб. 1886, т. X, стр. 268; „Русск. Арх." 1873 г., стр. 2200; 1877, стр. 305—314; „Старина и Новизна", кн. 1, С.-Пб. 1897, стр. 1, 149. 173, 178, 202. *Ив. К.*

Оболенскій, князь *Алексѣй Андреевичъ*, архангельскій вице-губернаторъ и губернаторъ, род. 20 мая 1664 г., ум. 20 янв. 1760 г. Служилъ сначала по военной службѣ, съ 1730-хъ годовъ по статской. 19 февр. 1736 г. онъ былъ назначенъ въ чинѣ статскаго совѣтника кригсъ-комиссаромъ. Въ 1740 г. былъ оберъ-кригсъ комисаромъ и 29 окт. этого же года былъ произведенъ въ дѣйствительные статск. совѣтники. Въ это время онъ уже служилъ не въ Петербургѣ, и былъ въ 1737—1740 годахъ архангельскимъ вице-губернаторомъ. Дѣла, находившіяся въ его распоряженіи, были двоякаго рода: дѣла о ссыльныхъ и объ отправкѣ судовъ. Между прочимъ, подъ его наблюденіемъ въ 1731 году была приготовлена къ отправкѣ цѣлая эскадра, состоявшая изъ 66 разнообразныхъ судовъ. Управленіе городомъ требовало особыхъ заботъ со стороны администраціи, какъ вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, такъ и частыхъ крупныхъ общественныхъ бѣдствій, постигавшихъ въ то время Архангельскъ. Такъ, напр., въ ноябрѣ 1737 года въ Архангельскѣ выгорѣло до 500 домовъ. 31 окт. 1740 г. кн. Оболенскій былъ переведенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, но лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. 7 янв. 1741 г. онъ уже былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ, въ каковой должности и былъ утвержденъ 25 марта того же года. Какъ губернатору Архангельска, ему пришлось завѣдывать отправкой вышеупомянутой эскадры въ Бѣлое море, а оттуда въ Океанъ. 17 янв. 1742 г. кн. Оболенскому Высочайше было повелѣно явиться въ Сенатъ, но назначенный на его мѣсто губернаторъ оказался ненадежнымъ и навлекъ на себя неудовольствіе императрицы. Поэтому, Оболенскій, не успѣвшій еще покинуть Архангельска, былъ оставленъ губернаторомъ до 15 іюня 1743 г. Оболенскій умеръ въ 1760 г.

Кн. Долгорукій: „Родословная русскихъ дворянскихъ фамилій". „Сенатскій архивъ" т. 2 стр. 69, 79, 660; т. 3, стр. 39, т. 5 стр. 368; Огородниковъ: „Исторія Архангельскаго порта", стр. 151; Фонъ-Пошманъ: „Архангельская губернія 1802 г." стр. 18, 21; „Архангельскія губернскія вѣдомости", за 1847 г. № 17, за 1875 г. № 18 и 95; „Сборн. Импер. Истор. Общ.", т. LVI, стр. 396. *Б. Гласко.*

Оболенскій, князь *Алексѣй Васильевичъ*, — генералъ отъ артиллеріи, сенаторъ, присутствовавшій въ департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената, почетный мировой судья Ольгопольскаго мирового округа Подольской губерніи и Чериковскаго мирового округа Могилевской губерніи. Родился 23-го мая 1819 года. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, кн. А. В. Оболенскій въ 1838 году выдержалъ офицерскій экзаменъ при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Въ томъ же году, 8-го апрѣля, онъ вступилъ въ военную службу фейерверкеромъ 4-го класса лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады въ легкую № 1 батарею. Спустя два года былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ изъ 1-й во 2-ю батарейную батарею, а еще черезъ три года переведенъ тѣмъ же чиномъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію. 10-го октября того же года онъ былъ произведенъ въ подпоручики, а 6-го декабря 1846 г. въ поручики. Въ слѣдующемъ году кн. А. В. былъ назначенъ адъютантомъ начальника гвардейской артиллеріи Сумарокова, но въ этой должности пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. 10-го апрѣля 1848 года кн. Оболенскій былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ адъютантомъ къ Е. И. В. вел. кн. Михаилу Павловичу, главнокомандующему гвардейскими и гренадерскими корпусами. Въ слѣдующемъ году, 19-го сентября, онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а 6-го декабря произведенъ въ капитаны. Венгерскую кампанію кн. А. В. совершилъ съ свитѣ вел. кн. Михаила Павловича, съ которымъ и вернулся въ Варшаву, а вскорѣ затѣмъ, по смерти великаго князя, сопровождалъ его тѣло въ Петербургъ. Спустя два года, за отличное выполненіе Высочайшихъ порученій онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени: въ апрѣлѣ 1852 года кн. Оболенскій назначенъ командующимъ батареей лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Въ іюлѣ того же года онъ былъ произведенъ въ полковники. Со времени назначенія своего флигель-адъютантомъ, кн. Оболенскій многократно выполнялъ особо возлагавшіяся на него Высочайшія порученія, какъ-то: производилъ слѣдствіе о пожарѣ 10 іюня 1850 г. въ г. Самарѣ и раздавалъ тамъ погорѣв-

шимъ жителямъ деньги, пожертвованныя для этого Государемъ; наблюдалъ за наборомъ рекрутовъ въ губерніяхъ Рязанской, Подольской, Волынской, Смоленской, Могилевской и другихъ. Съ началомъ крымской кампаніи кн. Оболенскій былъ командированъ въ Новочеркасскъ для наблюденія за формированіемъ пяти донскихъ батарей, а вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію генерала Хомутова, былъ отправленъ къ Севастополю для подкрѣпленій. Въ этой кампаніи, кн. А. В. участвовалъ въ сраженіи 8 сентября 1854 года, затѣмъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, гдѣ успѣшныя дѣйствія находившейся подъ его командой батареи много способствовали общему успѣху, и за это дѣло князь былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ, въ началѣ слѣдующаго года кн. Оболенскій ѣздилъ курьеромъ въ Петербургъ. По смерти Императора Николая I, командированъ былъ въ Новочеркасскъ для приведенія къ присягѣ войска Донского, послѣ чего снова вернулся въ Севастополь. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіи 4 августа, а съ 10 по 21 августа находился на оборонительной линіи (въ Севастополѣ). За отличное мужество и храбрость, выказанныя во время обороны Севастополя, кн. А. В. былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Исполняя обязанности флигель-адъютанта онъ въ 1858 году, кромѣ того, состоялъ членомъ коммиссіи учрежденной въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, по дѣлу о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по довольствію войскъ бывшей крымской арміи, а въ слѣдующемъ году производилъ слѣдствіе о причинахъ медленной постройки православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Витебской губерніи. 17-го апрѣля 1860 кн. А. В. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Е. И. В. и съ зачисленіемъ по полевой конной артиллеріи, а 8-го января слѣдующаго года назначенъ исполняющимъ должность военнаго и гражданскаго губернатора г. Ярославля, откуда вскорѣ былъ переведенъ на должность губернатора въ Москву. Въ Ярославлѣ и въ Москвѣ онъ весьма энергично работалъ надъ проведеніемъ крестьянской реформы, и кромѣ того исполнялъ обязанности вице-предсѣдателя комитета Попечительнаго о тюрьмахъ. Въ 1866 году кн. Оболенскій, по прошенію, былъ уволенъ отъ должности Московскаго губернатора, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В. 16-го апрѣля 1867 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ зачисленіемъ въ запасныя войска и съ оставленіемъ по полевой конной артиллеріи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ сенаторомъ, при чемъ ему повѣлѣно было присутствовать въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента Правительствующаго Сената. Спустя два года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени, а въ маѣ 1875 года былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Ольгопольскаго судебнаго округа Подольской губерніи. Дальнѣйшими наградами кн. А. В. были ордена Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго. Въ 1878 году, онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Чериковскаго мирового округа Могилевской губерніи. 1-го января 1881 года Высочайшимъ указомъ былъ назначенъ къ присутствію въ департаментѣ Герольдіи Правительствующаго сената, а спустя два года (15-го мая 1883 года) былъ произведенъ въ генералъ отъ артиллеріи съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ.—Кн. А. В. Оболенскій отличался рѣдкими душевными качествами: добротой, отзывчивостью и скромностью. Въ Петербургѣ, между прочимъ, онъ долгое время содержалъ на свои средства безплатную столовую для бѣдныхъ на 200 человѣкъ. Кромѣ того, какъ попечитель первой женской частной гимназіи своей родственницы кн. А. А. Оболенской, онъ сдѣлалъ не мало добраго и хорошаго и для гимназіи. Кн. А. В. Оболенскій скончался скоропостижно въ Петербургѣ отъ паралича сердца 1-го декабря 1884 года.

Формуляръ 1867 года. „Новое Время", 1884 г., 7-го декабря № 3154, некрологъ; „Русскій архивъ" 1891 г. т. I, стр. 73.

Е. Ястребцевъ.

Оболенскій, князь *Андрей Васильевичъ*,—дѣйствительный статскій совѣтникъ, предсѣдатель Гродненской Казенной Палаты. Родился въ 1824 году въ Москвѣ, скончался 11 дек. 1875 г., въ Петербургѣ. Отецъ его князь Василій Петровичъ, служилъ въ военной службѣ и былъ генералъ-маіоромъ. Годы дѣтства кн. А. В. провелъ въ Москвѣ и въ деревнѣ Ольхи, Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи, гдѣ получилъ и первоначальное образованіе. Дальнѣйшее образованіе князь получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ, ст

чиномъ коллежскаго секретаря, былъ опредѣленъ 15 іюня 1846 года во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Правительствующаго Сената. Въ сенатѣ онъ исполнялъ должность младшаго помощника секретаря, затѣмъ былъ причисленъ къ департаменту Министерства Юстиціи, а 30 іюня 1847 года назначенъ въ Рязань исполняющимъ должность губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго. Въ Рязани онъ пробылъ не долго и, вскорѣ по назначеніи на должность товарища предсѣдателя рязанской палаты гражданскаго суда, былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Ярославскую уголовную палату. Въ началѣ 50-хъ годовъ онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ коммиссіи о бѣглыхъ, бродягахъ и пристанодержателяхъ. Въ этой коммиссіи—по словамъ И. С. Аксакова—собралось все, что было молодого, честнаго, умнаго, образованнаго и даровитаго въ Ярославлѣ. Помимо исправленія своей непосредственной должности—товарища предсѣдателя уголовной палаты, князь былъ сначала секретаремъ, а потомъ директоромъ Тюремнаго комитета. За отличную службу князь Оболенскій былъ награжденъ чиномъ титулярнаго совѣтника, а затѣмъ—коллежскаго ассесора.—Въ началѣ декабря 1853 года кн. А. В. былъ назначенъ исправляющимъ должность товарища предсѣдателя Калужской гражданской палаты. Дѣятельность его въ Калугѣ была весьма разнообразна. Такъ, онъ часто замѣщалъ предсѣдателя гражданской палаты, былъ директоромъ губернскаго тюремнаго комитета, состоялъ, по полученіи чина надворнаго совѣтника (въ 1855 г.), исправляющимъ должность калужскаго губернскаго прокурора и, наконецъ, 1 марта 1858 года былъ назначенъ предсѣдателемъ Калужской Палаты гражданскаго суда. Особенно благотворна была его дѣятельность въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда князю выпало на долю принять участіе въ дѣлахъ калужскаго комитета для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Присутствуя въ этомъ комитетѣ, князь проявилъ немало энергіи противъ стремленій многихъ помѣщиковъ сохранить власть надъ крестьянами. Имя его, какъ члена калужскаго комитета, встрѣчается также и подъ выкупнымъ проектомъ этой губерніи. За свою полезную дѣятельность по комитету кн. А. В. былъ въ 1859 году награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Съ 4 февраля по 19 мая 1860 года кн. Оболенскій находился въ Петербургѣ, въ качествѣ депутата въ редакціонныя коммиссіи, и въ этой роли выказалъ себя сторонникомъ возможно большей свободы для крестьянъ. Такъ, въ своемъ отзывѣ по докладамъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій, кн. А. В., возставая противъ отдачи крестьянамъ земель на правахъ пользованія, хотя бы и безсрочнаго, ратовалъ за отдачу имъ земель въ собственность. Онъ полагалъ, что сохраненіе помѣщиками имущественныхъ правъ въ отношеніи пользующихся ихъ землями крестьянъ, нисколько не устраняя излишняго вмѣшательства помѣщиковъ въ дѣла крестьянъ, придаетъ этому вмѣшательству характеръ сословный, враждебный. Наоборотъ,— отдача крестьянамъ земли въ собственность должна была, по его мнѣнію, имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что какъ помѣщики, такъ и крестьяне вошли бы въ составъ однихъ и тѣхъ же волостныхъ обществъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ получилъ бы значеніе соотвѣтственно своему состоянію, своему образованію и своимъ нравственнымъ качествамъ. Далѣе, князь говорилъ, что дворянство изъ чувства самосохраненія, а еще болѣе по чувству гражданскаго долга, обязано добровольно отказаться отъ сословныхъ своихъ преимуществъ и привиллегій, во имя разумныхъ основаній гражданственности, въ пользу начала равенства всѣхъ передъ закономъ.—14 января 1861 г. князь былъ назначенъ членомъ временной коммиссіи по введенію въ дѣйствіе освободительной реформы, а по переименованіи коммиссіи въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе состоялъ его членомъ. За полезные труды по устройству крестьянскаго быта князь А. В. получилъ серебряную медаль на Александровской лентѣ и былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1862 году онъ оставилъ службу по выборамъ и былъ причисленъ къ департаменту министерства юстиціи. Назначенный 1 ноября 1863 года предсѣдателемъ Гродненской казенной палаты, кн. А. В. попалъ въ сѣверо-западный край въ самый разгаръ смуты. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь, въ такую трудную эпоху, онъ умѣлъ согласить строгое исполненіе долга русскаго должностного лица съ гуманностью и незлобивымъ отношеніемъ къ порою враждебной средѣ, его окружавшей. Онъ былъ чрезвычайно до-

ступнымъ для всѣхъ, скоро снискалъ къ себѣ искреннее уваженіе и оставилъ въ жителяхъ Гродны хорошее воспоминаніе о своей дѣятельности. За выдающіеся полезные труды въ должности предсѣдателя Гродненской казенной палаты князь Оболенскій между прочими знаками Монаршей милости получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., затѣмъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени. Въ 1873 году, почти лишившись зрѣнія отъ ряда неудачныхъ глазныхъ операцій, князь перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность чиновника V-го класса для особыхъ порученій при министрѣ финансовъ. Въ ночь съ 10-го на 11-е декабря 1875 года кн. Оболенскій скончался на 52 году жизни отъ осложнившейся грудной жабы и похороненъ въ селѣ Ольхи, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, съ которымъ были связаны воспоминанія его дѣтства и юности. Князь Андрей Васильевичъ принадлежалъ къ числу умныхъ, отзывчивыхъ и чрезвычайно симпатичныхъ людей; отличительными чертами его характера были — безразличная доброта, уваженіе къ человѣческой личности, терпимость и бодрое настроеніе, не покидавшее его до конца дней, несмотря на постигшую слѣпоту. Съ ранней молодости онъ былъ другомъ И. С. Аксакова и вполнѣ раздѣлялъ его позднѣйшія политическія убѣжденія. Поэтому, славянское движеніе семидесятыхъ годовъ его всецѣло захватило и онъ уже слѣпой, до послѣдней минуты жизни не переставалъ горячо интересоваться событіями на балканскомъ полуостровѣ и вообще вопросами, служенію которымъ онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Рано сознавъ всю ненормальность крѣпостной зависимости, онъ тотчасъ по окончаніи Училища Правовѣдѣнія отправился путешествовать пѣшкомъ по Россіи, чтобъ изучить на дѣлѣ дѣйствительное положеніе народа: онъ побывалъ въ Ростовѣ, Орлѣ, Тулѣ, прошелъ Смоленскую губернію и чрезъ Калугу, съ котомкой за плечами, дошелъ до Москвы. Изъ мемуаровъ и отзывовъ о князѣ А. В. можно извлечь цѣлый рядъ примѣровъ его доброты, гуманности, чуткости и умѣнья распознавать и цѣнить людей. Такъ, напр., И. С. Аксаковъ въ своей перепискѣ говоритъ о князѣ съ восторгомъ: называетъ его единственной своей отрадой, человѣкомъ, производящимъ впечатлѣніе, равное съ впечатлѣніемъ природы и къ нему относитъ свое стихотворное замѣчаніе, что онъ хорошъ—«души любовнымъ разумѣньемъ и сердца мудрой простотой!».

Послужной списокъ.—Дѣло кн. Оболенскаго въ Архивѣ Канцеляріи мин. финансовъ.—Сообщеніе дочери кн. А. В.— княгини М. А. Мещерской.—„Приложеніе къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ“ т. VIII, часть 3, кн. 2. Спб. 1860; „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, тт. II и III; Сухомлиновъ: „И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ“; „Русскій Архивъ“ 76 г. стр. 251; 1891 кн. 1, 2, и 3; 98 года кн. 2; „Русская Старина“, 1889 г. кн. 2; 1897 г. т. 90; „Историческій Вѣстникъ“, 1884 г. кн. 6; 1886 г. кн. 3 и 4; 1888 г. кн. 2; 1902 г. кн. 11; „Родословная книга“ кн. Долгорукова; „Голосъ“ 1875 г., № 358; „Иллюстрированная газета“, 1876 г., № 2.—Сообщенія гродненскаго сторожила.

А. А. Петровъ.

Оболенскій, князь *Андрей Михайловичъ*,—по прозванію Дурной, сынъ князя Михаила Ивановича. Въ 1480 году участвовалъ въ походѣ на Лифляндію, вмѣстѣ съ псковской ратью и былъ при осадѣ Юрьева. Въ 1492 году Оболенскій былъ воеводою въ Торусѣ; дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не встрѣчается вплоть до 1500 года, когда онъ упоминается въ чинѣ свадьбы дочери великаго князя Софьи Ивановны и князя Холмскаго. Въ 1513 году, во время похода великаго князя подъ Смоленскъ, кн. Оболенскій находился съ запасною ратью на рѣкѣ Угрѣ, а въ 1520 году былъ воеводою въ Тулѣ.

Спиридовъ: „Сокр. описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ“, М. 1810, II, 280; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, пр. 98; Разрядная книга — изд. Милюкова („Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн.“ 1902, I) 9, 46, 47.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Андрей Никитичъ*,—по прозванію Ноготь, сынъ князя Никиты Ивановича. Въ 1481 году былъ отправленъ Іоанномъ III на помощь Пскову противъ ливонскихъ рыцарей; прогнавъ ихъ изъ псковскихъ областей, онъ углубился самъ внутрь непріятельской страны, взялъ городъ Костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, осаждалъ Дерптъ, опустошилъ на большомъ пространствѣ Ливонію и вернулся съ громадной добычею, ведя съ собою, по выраженію лѣтописи, «и головами чюди и чюдакъ и робятъ много множество безъ числа». Впрочемъ, вскорѣ послѣ похода, Оболенскій по какому-то поводу поссорился съ псковичами и увелъ свою рать въ Москву, предоставивъ Пскову самостоятельно отби-

ваться отъ нѣмцевъ. Въ 1493 г. Оболенскій участвовалъ въ походѣ на Литву въ качествѣ воеводы правой руки войскъ. Князь Андрей Никитичъ считается родоначальникомъ князей Ноготковыхъ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородныхъ росс. дворянъ" М. 1810, II, 335; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 103, пр. 252; Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси" (Спб. 1889) I, 233, 237, „Полн. Собр. Руск. Лѣт." IV, 263, V, 38, VI, 34, VIII, 204; Никон. VI, 17, 115—116.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Андрей Петровичъ*,—тайный совѣтникъ, попечитель Московскаго учебнаго округа. Род. 1 авг. 1769 г., сконч. 19 февр. 1852 г., въ Москвѣ. По обычаю того времени, онъ на пятомъ году жизни былъ записанъ отцомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Дѣтскіе и юношескіе годы князя протекли подъ родительскимъ кровомъ, гдѣ и дано было ему хорошее домашнее образованіе. Въ 1790 году князь былъ уже подпоручикомъ, а черезъ годъ былъ принятъ ко Двору Ея Величества въ качествѣ камеръ-юнкера. Въ 1797 г. князь, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, жалуется церемоніймейстеромъ ордена св. Анны; черезъ два года князь Оболенскій уволился отъ службы и 17 лѣтъ провелъ въ отставкѣ. Наконецъ, 1 января 1817 г. князь А. П. по Высочайшему указу былъ назначенъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, въ коей должности пробылъ восемь съ половиной лѣтъ. Время, въ которое князю пришлось занять этотъ важный постъ, было тяжелое для Московскаго округа. Москва еще далеко не оправилась совершенно отъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, что причинило ей непріятельское вторженіе 1812 г.: гроза не миновала и университета, составлявшаго предметъ главныхъ заботъ Учебнаго Округа и на него то обратилъ особенное вниманіе новый попечитель. Зданіе университета, за исключеніемъ двухъ корпусовъ, сгорѣло и подъ грудами пепла было погребено почти все его ученое имущество: музеи, библіотеки, коллекціи, инструменты. Правда, въ попечительство предшественника кн. Оболенскаго — П. П. Голенищева-Кутузова, заботами и стараніями правительства и частныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, университету отчасти удалось возмѣстить нѣкоторыя потери, и уже съ осени 1813 возобновились лекціи, но аудиторіи въ теченіе шести лѣтъ пришлось имѣть въ наемномъ домѣ. И лишь при кн. Оболенскомъ были вновь отстроены университетскія зданія, а за ними и зданія Медицинскаго Института, университетской типографіи и пр. Университетъ, въ изъявленіе признательности князю Оболенскому за понесенные имъ труды и энергію, поднесъ ему (въ 1820 г.) дипломъ на званіе почетнаго члена. Да и вообще болѣе чѣмъ восьмилѣтнее управленіе кн. Оболенскаго Округомъ, по отзывамъ большинства современниковъ, достойно замѣчанія. Если даже положеніе учебнаго дѣла въ Московскомъ Округѣ и въ частности въ университетѣ въ попечительство кн. Оболенскаго и не стояло на отмѣнной высотѣ, то все же Московскій Учебный Округъ, имѣя своимъ начальникомъ кн. А. П. Оболенскаго, находился въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ прочіе округа, имѣвшіе такихъ начальниковъ, какъ Руничъ, Магницкій... Кн. Оболенскій употреблялъ все свое вліяніе и довѣріе начальства, лишь бы оградить московскій университетъ отъ злыхъ навѣтовъ и нареканій. Не будучи ученымъ, онъ все же умѣлъ цѣнить, любилъ и уважалъ просвѣщеніе и ревностно служилъ ему. Въ большую заслугу кн. Оболенскому должно поставить хотя бы и то, что онъ былъ едва-ли не первымъ попечителемъ, бравшимъ на себя трудъ посѣщать даже самыя отдаленныя гимназіи и другія училища своего округа; причемъ, важно отмѣтить, что результатомъ этихъ ревизій было въ большинствѣ случаевъ улучшеніе тѣхъ или другихъ сторонъ въ жизни посѣщаемыхъ учебныхъ заведеній или открытіе новыхъ. Значительная часть современниковъ и сослуживцевъ князя, воздавая должное его любви къ дѣлу, отмѣчаютъ въ своихъ отзывахъ и слѣдующія двѣ основныя черты въ характерѣ его, какъ начальника: мягкосердечіе къ просителямъ и подчиненнымъ и вниманіе къ нуждамъ дѣла. «Кн. А. П., говоритъ одинъ изъ сослуживцевъ его (М. П. Третьяковъ) — отличался превосходнымъ природнымъ умомъ; умѣлъ владѣть собою; обходился со всѣми ласково и привѣтливо; былъ любимъ и уважаемъ въ обществѣ»: другой современникъ—С. А. Масловъ, между прочимъ, говоритъ о князѣ: «Помню, какое патріальхальное, отеческое было его правленіе. Помню настрой чувствъ между учащими и учившимися. Это была общая семья, въ которой кн. А. П. былъ старшій, всѣми чтимый... Въ теченіе всего своего

попечительства ему не представлялось случая огорчить кого либо изъ гг. профессоровъ, или студентовъ и чиновниковъ». Кн. П. А. Вяземскій отзывается о немъ, какъ о «честномъ, высокой нравственности, здравомыслящемъ и духовно-религіозномъ человѣкѣ». Въ столь же сочувственныхъ выраженіяхъ отзываются о немъ и такія лица, какъ Н. М. Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, Д. Н. Свербеевъ и др.—Управленіе кн. Оболенскаго Округомъ прекратилось вскорѣ по вступленіи на постъ министра А. С. Шишкова. 19 іюля 1825 г. кн. получилъ Высочайшій указъ объ увольненіи и черезъ мѣсяцъ передалъ дѣла вновь назначенному попечителю А. А. Писареву. Къ службѣ болѣе онъ не возвращался и весь отдался семейнымъ заботамъ, проводя съ своей обширной семьей зиму въ Москвѣ, лѣто въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ—Кн. А. П. Оболенскій былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ съ Масловой, вторымъ съ кн. С. П. Гагариной. Скончался кн. А. П. Оболенскій на 83 году. По службѣ дошелъ онъ до чина тайнаго совѣтника, полученнаго имъ 6 апрѣля 1819 г., имѣлъ ордена до ордена св. Анны 1 степени, коимъ былъ награжденъ тогда же. Будучи избранъ въ почетные члены Московскаго университета, кн. Оболенскій былъ и въ числѣ почетныхъ членовъ Харьковскаго университета и нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ: Общества Исторіи и Древностей, Общества испытателей природы (въ этомъ обществѣ князь былъ и президентомъ), Общества сельскаго хозяйства и др.

Полный послужной списокъ.—С. Шевыревъ: „Исторія Московскаго университета“ М. 1855, стр. 425, 429, 430, 439; „Москвитянинъ“ 1852, ч. 2, кн. 1, № 7 (ст. М. Н. Погодина); „Московск. Вѣдом.“ 1852 г. № 26; ibid. № 36, (ст. Д. Н. Свербеева, см. также его „Записки“, т. I., М. 1899, стр. 468—474; (есть и отд. оттискъ) кн. П. А. Вяземскій: „Сочиненія“ т. VII, стр. 496, т. VIII, стр. 401 (см. также „Русскій Архивъ“ 1877, т. I); И. И. Дмитріевъ „Взглядъ на мою жизнь“, стр. 285;„ Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ“ Спб. 1866; „Старина и Новизна“, кн. 2-я, Спб. 1898; „Русская Старина“ 1892, т. 75, стр. 333—338; 535—537; 541—548; „Русск. Архивъ“ 1867, ст. 667; 1869, стр. 284; 1893 г. т. II, 1897, т. II, 1901; „Зап. и труды Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“ 1824, ч. II; Масловъ „Историч. обозр. И. Моск. Общества Сельск. хозяйства“, М. 1846, стр. 50, 111, 123, 272; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“ тт. I, II и III. *Ив. К.*

Оболенскій, *Андрей Филипповичъ*—профессоръ Императ. Александровскаго лицея. Родился въ 1789 г., сконч. 7 янв. 1871 г. въ своемъ имѣніи С.-Петерб. губ., Лужскаго уѣзда; происходилъ изъ духовнаго званія. Образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго, въ январѣ 1814 года поступилъ преподавателемъ въ С.-Петербургскую гимназію. Черезъ два года Оболенскій перешелъ на службу въ Царскосельскій лицей, гдѣ, и протекла вся его педагогическая дѣятельность. Сначала онъ занялъ мѣсто «гувернера» при пансіонѣ и преподавателя латинскаго яз. и ариѳметики, затѣмъ (въ 1817 г.) былъ назначенъ помощникомъ при профессорѣ нравственныхъ наукъ и преподавалъ на младшихъ курсахъ между прочимъ психологію (по учебнику Фриса), логику и нравственную философію (по учебнику Герлаха). Въ 1822 г., онъ былъ уволенъ отъ должности гувернера при пансіонѣ и назначенъ гувернеромъ при лицеѣ, а черезъ четыре года оставилъ и эту должность. Въ 1826 году Оболенскій былъ утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора нравственныхъ наукъ и кромѣ того былъ назначенъ инспекторомъ лицея, въ послѣдней должности Оболенскій оставался до 1843 г. Въ 1833 г. Оболенскій былъ утвержденъ профессоромъ нравственныхъ наукъ, и въ этомъ званіи читалъ гражданскіе законы, финансовое право и законы благоустройства и благочинія по день выхода въ отставку, т. е. до 16 ноября 1861 года. Оставивъ службу въ Лицеѣ, Оболенскій однако не отстранился совершенно отъ общественной дѣятельности. Такъ, въ томъ же 1861 г. онъ былъ избранъ мировымъ посредникомъ, съ введеніемъ же мирового института былъ избранъ въ мировые судьи, а затѣмъ и предсѣдателемъ мирового съѣзда. Но ослабѣвшія силы и преклонные годы заставили Оболенскаго за три года до смерти отказаться отъ какой-бы то ни было дѣятельности: онъ уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ и скончался 7 янв. 1871 г. Изъ общественной дѣятельности Оболенскаго наибольшей извѣстностью пользуется его служба въ лицеѣ, въ качествѣ инспектора и профессора. Большинство отзывовъ о педагогической дѣятельности Оболенскаго сдержаны или же несочувственны. Болѣе доброжелательную характеристику его, какъ профессора, далъ въ своихъ воспоминаніяхъ академикъ К. С. Веселовскій. «Лекціи Оболенскаго -говоритъ онъ -были хорошо принаровлены къ степени познаній и раз-

витія его слушателей. Рѣчь его была строго обдуманною, плавною и ровною, она всегда была полна содержанія. Его лекціи психологіи и нравственной философіи слушались нами внимательно и охотно». За то, другія воспоминанія отзываются о немъ неодобрительно. Такъ, одинъ изъ бывшихъ лицеистовъ утверждаетъ, что Оболенскій читалъ логику и психологію «наискучнѣйшимъ образомъ»; плохое воспоминаніе о лекціяхъ Оболенскаго оставилъ и бар. Н. А. Корфъ и др. Но, если въ оцѣнкѣ профессорской дѣятельности взгляды современниковъ и несовсѣмъ совпадаютъ, за то всѣ бывшіе лицеисты, оставившіе воспоминанія объ Оболенскомъ, единогласно свидѣтельствуютъ что, какъ инспекторъ, онъ былъ нелюбимъ воспитанниками. «Это былъ безспорно умный и знающій человѣкъ,—говорится въ одномъ воспоминаніи,—но въ характерѣ его не было ни прямоты, которая такъ приковываетъ къ себѣ молодежь, ни благороднаго образа дѣйствій... Я и теперь убѣжденъ, что здраво - педагогическихъ пріемовъ умѣнья вести дѣло нашего воспитанія въ немъ не было». Неодобрительно отзывается объ этой сторонѣ инспекторскаго надзора Оболенскаго и К. С. Веселовскій, по словамъ котораго—тайный осмотръ книгъ и тетрадей воспитанниковъ и шпіонство были излюбленными педагогическими пріемами Оболенскаго, какъ инспектора.—Кромѣ обязанностей инспектора и профессора, Оболенскій временно исполнялъ должность директора лицея, библіотекаря, кромѣ того съ 1829 по 1832 гг. былъ членомъ коммиссіи, учрежденной для перестройки зданія, назначеннаго для Александровскаго кадетскаго корпуса, съ 1835—1836 гг. состоялъ членомъ коммиссіи для разбора архивовъ лицея, а съ 1846—1848 гг. принималъ участіе въ занятіяхъ комитета для разсмотрѣнія проекта новаго устава лицея, наконецъ, въ 1848 г. былъ утвержденъ членомъ совѣта Александровскаго лицея. За усердное исполненіе какъ своихъ прямыхъ, такъ и временно налагаемыхъ обязанностей, Оболенскій былъ часто награждаемъ начальствомъ и удостаивался знаковъ Высочайшаго благоволенія. По службѣ дошелъ онъ до чина дѣйствительнаго ст. совѣтника, каковымъ чиномъ былъ пожалованъ 6 декабря 1840 г. Оболенскій имѣлъ ордена до ордена св. Анны 2 ст. съ Императорской короною.

Послужной списокъ.—И. Селезневъ: „Историч. очеркъ Императ. бывш. Царскосельск., нынѣ Александровскаго Лицея“, Спб. 1861; его-же: „Памятн. кн. Импер. Александр. Лицея“, Спб. 1856; „Голосъ“ 1871, № 9 и 21; „Иллюстр. Газета“ 1871, № 4; „Русск. Стар.“ 1884, т. 42, стр. 378—381; 1888, т. 60, стр. 109, III; 1890, т. 65, стр. 840; 1900, т.104, стр. 7—16; „Переписка Грота съ Плетневымъ“ т. I и II. *Ив. К.*

Оболенскій князь *Борисъ Михайловичъ,*—Туреня, сынъ князя Михаила Ивановича. Въ 1477 году участвовалъ въ походѣ великаго князя подъ Новгородъ въ отрядѣ князя Андрея Васильевича Меньшого, шелъ съ нимъ къ Аркадьеву и Юрьеву монастырямъ, а потомъ занималъ позицію въ Богоявленскомъ монастырѣ на Соколѣ. Подъ его начальствомъ въ этомъ походѣ были можайцы, волочане, звенигородцы и ружане. Въ 1482 году Туреня стоялъ въ Нижнемъ Новгородѣ для оберегаія русскихъ границъ отъ казанскаго царя Алегама, въ 1484 году, когда верейскій князь Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Литву, кн. Оболенскій былъ посланъ за нимъ въ погоню и едва не нагналъ его. Въ 1492 году мы видимъ его воеводою въ Серпуховѣ, въ 1493 году первымъ воеводою сторожевого полка въ походѣ на Литву, въ 1499 году намѣстникомъ въ Вязьмѣ и, наконецъ, въ 1502 году воеводою въ сторожевомъ полку онъ участвовалъ въ походѣ на Литву. Князь Борисъ Михайловичъ считается родоначальникомъ князей Турениныхъ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукопись Имп. Публ. Библ.) IV, 391; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI пр. 288, Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“ Спб. 1889, II. 336, 374; Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI, 207, 209, 211, 212, 235, VIII. 185, 187, 189, 190 Никон. VI, 75—101. Разрядная книга, изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1902, I) 12, 13, 14, Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в.“ Спб. 1888, 101, 299, 306—307. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій князь *Василій Владиміровичъ*—Каша, сынъ князя Владиміра Ивановича. Въ 1493 году участвовалъ въ походѣ на Литву подъ начальствомъ князя Ѳедора Васильевича Рязанскаго, былъ при взятіи Серпейска; въ 1495 году былъ намѣстникомъ въ Путивлѣ, а въ 1503 году участвовалъ снова въ походѣ на Литву. Князь Василій Владиміровичъ считается родоначальникомъ князей Кашиныхъ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ росс. благородн. родовъ“ (Рукопись Имп.

Публ. Библ.) IV, 784—475; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, пр. 201. Разрядная книга, изд. Милюкова („Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1902, I), 16—17. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій *Василій Ивановичъ,* — филологъ, адъюнктъ Московскаго университета, писатель-переводчикъ.—Родился въ 1790 году, скончался въ маѣ 1847 года, въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца—сельскаго священника Орловской губерніи; окончивъ затѣмъ курсъ Сѣвской семинаріи, Оболенскій, движимый желаніемъ продолжить образованіе, за неимѣніемъ средствъ пѣшкомъ пришелъ въ Москву, гдѣ и поселился у одного священника. Нужда заставила его въ декабрѣ 1809 года поступить канцеляристомъ въ Губернское правленіе, но уже весною слѣдующаго года онъ, при помощи П. М. Третьякова, былъ принятъ въ число студентовъ университета, гдѣ въ теченіе курса съ особенной любовью занимался изученіемъ древнихъ языковъ. Непріятельскій погромъ 1812 г. не увлекъ Оболенскаго на ратное поле: онъ, запасшись филологическими книгами, укрылся въ Ярославлѣ, откуда вернулся опять въ Москву ко времени возобновленія университетскихъ занятій. Въ 1814 г. Оболенскій удостоенъ былъ степени кандидата словесныхъ наукъ и въ январѣ 1816 г. опредѣленъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Тверскую гимназію. Здѣсь онъ изъ ревности къ классическому образованію безплатно преподавалъ, между прочимъ, и греческій языкъ. Но желаніе усовершенствоваться въ избранной спеціальности вновь привело его въ 1820 году въ Московскій университетъ. Продолжая свои научныя занятія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялъ мѣсто преподавателя лат. языка въ университетскомъ пансіонѣ. Въ январѣ 1824 года Оболенскій, защитивъ диссертацію на тему: «De discrimine et ingenio litterarum graecorum et romanorum nec non utilitate ac praestantia studiorum humanitatis», былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ. Въ 1827 году Оболенскій былъ назначенъ старшимъ преподавателемъ въ Московскую гимназію. Къ этому времени В. И. успѣлъ себя зарекомендовать не только отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ и переводчикомъ, но и хорошимъ педагогомъ съ обширными познаніями во многихъ гуманитарныхъ наукахъ. Его охотно принимали въ свои члены наши ученые и литературные кружки и общества (между прочимъ В. И. былъ членомъ Общества Любителей россійской словесности, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и др.), отмѣчало его и начальство, пославшее Оболенскаго въ 1828 году въ Петербургъ для изученія методы взаимнаго обученія. Эта метода понравилась Оболенскому и онъ усердно распространялъ ее въ Москвѣ. Не ограничиваясь примѣненіемъ ея въ университетѣ, онъ въ январѣ 1829 г. открылъ школу взаимнаго обученія при Никитскомъ училищѣ, которому и пожертвовалъ всѣ свои вспомогательныя средства этого обученія. Въ 1832 году Оболенскому было поручено читать лекціи по греческому языку для первогодичныхъ студентовъ; въ 1835 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи и Воспитательнаго Дома.—За десятилѣтній періодъ своей профессорской дѣятельности Оболенскій успѣлъ снискать себѣ весьма широкія симпатіи. Онъ былъ не только ученый, основательно знавшій предметы своей спеціальности, но и хорошій лекторъ, умѣвшій, по словамъ одного изъ его учениковъ, «говорить много дѣльнаго и прекраснаго безъ всякаго приготовленія и заранѣе обдуманнаго плана... Онъ любилъ бесѣдовать и говорить, и въ разговорѣ обнаруживалъ необыкновенную начитанность. Внезапно высказывались мысли оригинальныя, въ которыхъ виднѣлся высокій умъ и благородная душа». Къ студентамъ относился онъ въ высшей степени доброжелательно. Онъ не только съ любовью руководилъ ихъ занятіями, снабжалъ ихъ пособіями и пр., но порою приглашалъ наиболѣе бѣдныхъ къ себѣ на квартиру и предоставлялъ имъ безплатно пользоваться его столомъ, помѣщеніемъ и библіотекой. Доброта была однимъ изъ основныхъ и постоянныхъ качествъ этого оригинальнаго человѣка, и воспоминанія въ особенности отмѣчаютъ эту черту въ характерѣ Оболенскаго. Такъ, Погодинъ называетъ его «добрѣйшимъ существомъ, какое только можетъ быть», другой современникъ Пѣховскій—говоритъ о нѣмъ, что В. И., будучи младенецъ душой, «имѣлъ сердце чистѣйшее и добрѣйшее, совѣсть неукоризненную, скоро прощалъ и забывалъ обиды, былъ великодушенъ, щедръ, простъ и т. д.». Пассекъ также подтверждаетъ его необычайную доброту. Доброта была принципомъ Оболенскаго и выходила изъ глубины его убѣжденій: не даромъ онъ однажды на актѣ въ гимна-

зіи еще въ 1829 году — читалъ рѣчь «О добромъ направленіи сердца». — Другой отличительной чертой Оболенскаго была его крайняя оригинальность, граничившая съ чудачествомъ; эта черта, въ связи съ его колоссальной разсѣянностью, служила часто пищей для насмѣшекъ надъ В. И., на которыя тотъ, впрочемъ, почти не обращалъ вниманія. Въ общемъ, онъ пользовался большой симпатіей со стороны всѣхъ его знавшихъ, какъ за глубокія познанія, такъ и за рѣдкія душевныя качества.—Оболенскій состоялъ на службѣ до 1842 года; помимо обязанностей лектора, несъ обязанности секретаря 1-го отдѣленія филологическаго факультета, и исполнялъ разныя другія порученія начальства: завѣдывалъ изданіемъ греческихъ классиковъ для студентовъ, издалъ Илліаду въ подлинникѣ и т. п. Слабость зрѣнія заставила его проситься въ отставку (въ іюнѣ 1843 г.): въ 1847 году онъ скончался. Послѣдніе годы жизни Оболенскій вполнѣ отдался сильному религіозному направленію, которое въ значительной степени владѣло имъ и раньше.

Литературная дѣятельность Оболенскаго выразилась преимущественно въ переводахъ съ греческаго языка. Въ отдѣльн. изд. имѣются слѣдующіе труды В. И. Оболенскаго: «Исторія Геродіана въ восьми книгахъ о Римской имперіи по кончинѣ Марка Аврелія до избранія Младшаго Гордіана» пер. съ греч., М. 1829; «Платоновы разговоры о законахъ», М. 1827; Homeri Ilias in usum scholarum», М. 1829. Кромѣ того, В. И. Оболенскій напечаталъ нѣсколько работъ и въ періодическихъ изданіяхъ: «Лѣтопись Ѳеофана. Отъ Діоклитіана до царей Михаила и сына его Ѳеофилакта». Пер. съ греч. («Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійск.» кн. 4-я., стр. 1—70); «Правила жизни добродѣтельной», изъ сочин. Платона: «О законахъ»: пер. съ греч. («Моск. Вѣстн.» 1827 года ч. 2, стр. 348—363). Помимо переводовъ съ греч. яз., перу Оболенскаго принадлежитъ и рядъ оригинальныхъ сочиненій, которыя онъ помѣщалъ главнымъ образомъ въ журн. «Атеней» (1828—1830 гг.) и «Русск. Зритель» (1829 г.). Изъ статей Оболенскаго теоретическаго содержанія отмѣтимъ: «Объ отличительныхъ качествахъ поэзіи и краснорѣчія» («Атеней», 1828, т. III, стр. 357—368); «Сравнительный взглядъ на высокое и прекрасное» (тамъ же, т. V, стр. 303—311); «О высокомъ и смѣшномъ» (тамъ же, т. VI, стр. 191—199); статьи беллетристическаго содержанія: «Арабакъ»—восточн. повѣсть (тамъ же, 1830 г., т. III, стр. 111—117), «Клязма, Москва и проч.» (тамъ же, т. IV, стр. 114—126), «Талантъ и Случай» (тамъ же, 1828 г., т. II, стр. 86—96), «Геній Павловска» (тамъ же, т. VI, стр. 338—343) и др. Наконецъ, упомянутая актовая рѣчь Оболенскаго въ гимназіи на тему: «О добромъ направленіи сердца», напечатана въ брошюрѣ «Рѣчи и стихи, произнесенные въ торжественный день акта въ московской гимназіи въ 1829 г.» М. 1829).

Полный послужной списокъ.—Статья Пѣховскаго въ „Біографич. Словарѣ профес. и преподав. И. Моск. Университета“ М. 1855 г., стр. 157—160; С. Шевыревъ: „Исторія Моск. Универ.“, стр. 410, 460, 462; П. Прозоровъ: „Системат. указатель книгъ и статей по греческой филологіи и пр.“ Спб. 1898; „Русская Стар.“ 1875 г., стр. 130—131 (воспоминанія М. П. Третьякова; т. VII, стр. 323—333; (воспоминанія Т. П. Пассекъ); „Русск. Арх.“ 1865, с. 1882, т, III, ст. 182.—Рец. и отзывы: „Моск. Телегр. 1829 г., т. XXII, стр. 501—504; „Галатея“ 1829, ч. 5, стр. 195—201; „Труды Кіевск. Дух. Акад.“ 1876 г., № 4, стр. 213; „Моск. Вѣстн.“ 1827 г. 4, стр. 71—81 и др. *Ив. К.*

Оболенскій, князь *Василій Ивановичъ*—Косой, сынъ князя Ивана Константиновича, бояринъ и воевода великаго князя Василія Темнаго. Въ 1443 году, когда татары подъ начальствомъ царевича Мустафы ворвались въ Рязанскую землю, Оболенскій былъ посланъ противъ Мустафы съ большой ратью и толпами мордвы, встрѣтилъ татаръ на рѣкѣ Листани и послѣ отчаянной битвы разбилъ ихъ и съ большимъ числомъ плѣнныхъ возвратился въ Москву. Въ 1445 году кн. Оболенскій былъ воеводой въ Муромѣ и успѣлъ въ это время оказать важную услугу великому князю, перехвативъ татарскаго гонца Бегича, ведшаго переговоры съ врагомъ Василія Темнаго, княземъ галицкимъ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, относительно лишенія великаго князя престола. Въ 1450 году, во время похода великаго князя на Шемяку, Оболенскій участвовалъ и въ этомъ походѣ: онъ былъ посланъ впередъ къ Галичу противъ Шемяки, 27 января этого года подступилъ къ городу, сдѣлалъ приступъ, взялъ городъ и прогналъ изъ него Шемяку.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благород. росс. дворянъ“ М. 1810, II, 277; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣ-

верной Руси", Спб. 1889, I, 166, 170, 178, II, 241, 249; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза") I, 1064, 1079, 1112, 1113, 1418 пр. 6; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) V, 179, 183, 198, 230, пр. 321, 329, 352, 354, 410; Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в.", Спб. 1888, 345, 346; Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 147, V, 269, VI, 172, 179, VII, 226, VIII, 2, 111, 114, 122, XV, 494; Никон. V, 191—193, 200, 201, 216, 217; Царственный лѣтописецъ, 259—261; Русскій Временникъ II, 3—4.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Василій Никитичъ*,—сынъ князя Никиты Ивановича, бояринъ и воевода. Въ 1472 году былъ посланъ противъ татаръ, сдѣлавшихъ въ это время нашествіе на московскія границы; на берегу Оки, встрѣтилъ ихъ и прогналъ обратно. Въ 1480 году кн. Оболенскій зачѣмъ-то посланъ былъ князьями Андреемъ и Борисомъ Васильевичами къ великому князю, въ 1482 году былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ вторымъ воеводою для обереженія московскихъ областей отъ Казанскаго царя Алегама. Въ 1487 году участвовалъ въ походѣ къ Казани для низверженія царя Алегама и возведенія на Казанское царство брата его Магметъ-Аминя. Въ 1493 году князь Оболенскій—воевода въ Серпуховѣ. Въ 1501 году кн. В. Н. Оболенскій умеръ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благородн. росс. дворянъ" М. 1810 II, 278; Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI, 223, VII, 204; Разрядная книга — изд. Милюкова („Чтен. москов. Общ. Ист. и Древностей" 1902, I), 15.

Е. Лихачъ.

Оболенскій-Телепневъ князь *Василій Өеодоровичъ*—Помясь, сынъ князя Өедора Васильевича. Упоминается съ 1535 года, когда подъ начальствомъ князя Василія Шуйскаго участвовалъ въ походѣ на Литву, осадѣ Мстиславля и опустошеніи литовскихъ областей. Въ 1537 году былъ посланъ въ Старицу съ приказаніемъ князю Андрею Іоанновичу Старицкому ѣхать въ Москву, а когда Старицкій князь задумалъ бѣжать въ Литву, былъ посланъ подъ начальствомъ князя Ивана Оболенскаго-Телепнева къ Волоку для пересѣченія ему пути въ Литву, участвовалъ въ погонѣ за нимъ и въ переговорахъ съ нимъ въ Тухолѣ. Въ 1541 г. Оболенскій былъ посланъ вторымъ воеводой передового полка къ Окѣ, когда крымскій ханъ сдѣлалъ нашествіе на московскія области, и участвовалъ въ его отраженіи; въ 1545 году кн. Оболенскій участвовалъ въ походѣ на Казань; въ 1547 году былъ снова въ походѣ противъ Казани; въ 1548 году мы видимъ его во Владимірѣ; въ 1549 году кн. Оболенскій получилъ приказаніе собирать ратныхъ людей въ Муромѣ, для новаго казанскаго похода, въ 1550 году участвовалъ въ этомъ походѣ подъ личнымъ предводительствомъ царя.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благородн. росс. дворянъ", М. 1810 II, 333; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII пр. 16,220; Полное Собр. Рус. Лѣтописей VI, 302; Акты Археогр. Экспедиціи I, 354.

Е. Лихачъ.

Оболенскій князь *Венедиктъ Андреевичъ*,—сынъ князя Андрея Борисовича, окольничій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1629 и 1630 годахъ былъ стольникомъ и воеводой въ Арзамасѣ, а съ 1645 по 1650 г. въ Теркахъ. Въ 1651 году, 17 марта, въ день государевыхъ именинъ, былъ пожалованъ въ окольничіе, и въ томъ же году умеръ. Довольно продолжительная для того времени служба князя Венедикта Андреевича въ Теркахъ была въ высшей степени полезна для края: при немъ началось на Кавказѣ шелководство, о распространеніи и успѣхахъ котораго воевода заботился: онъ устраивалъ заводы, изыскивалъ мѣста нахожденія тутоваго дерева, хлопоталъ передъ царемъ о расширеніи дѣла и вообще много работалъ для прочнаго насажденія этого новаго промысла.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благородн. росс. дворянъ", М. 1810 II, 284; Дворцовые разряды, II, 586, 614, III, 11, 46, 69, 104, 224—225; Акты историческіе, IV, 18, 19, 138; Акты Московскаго Государства, I, 242, 243, 289, 291.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Глѣбъ Васильевичъ*,—сынъ князя Василія Константиновича. Въ 1551 году мы находимъ его въ спискѣ московскихъ дѣтей боярскихъ; въ 1559 году князь участвовалъ въ походѣ на Ливонію подъ начальствомъ боярина Морозова; въ 1560 году участвовалъ въ осадѣ Феллина; въ 1563 году былъ при осадѣ Полоцка, при чемъ отразилъ литовскій отрядъ, посланный на выручку городу; въ 1571 году сперва былъ воеводой въ Полоцкомъ острогѣ, а затѣмъ вторымъ воеводой въ Юрьевѣ. Послѣднее извѣстіе о немъ относится къ 1572 году, когда онъ годовалъ въ Полоцкѣ четвертымъ воеводою.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благород. росс. дворянъ", М., 1810 II, 282; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VIII, пр. 574, 578; Разрядныя книги (Сибирскій сборникъ М. 1845) 5, 34; Разрядная книга—изд. Милю-

кова („Чтен. Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1902, I) 206, 224, 236. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій князь *Глѣбъ Ивановичъ,*—сынъ князя Ивана Константиновича, воевода великаго князя Василія Васильевича Темнаго. Въ 1436 году былъ воеводою въ Устюгѣ и во время борьбы великаго князя съ княземъ галицкимъ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ былъ осажденъ послѣднимъ. Послѣ девяти-недѣльной осады кн. Оболенскій принужденъ былъ сдаться, но на извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ, однако, князь Василій Юрьевичъ не сдержалъ: воевода былъ вѣроломно убитъ и похороненъ въ Устюжской соборной церкви.

Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза"), I 1113 Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) V, 155 пр. 278; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", Спб. 1889, I, 162, II, 238, 284; Никон. V, 120 — 121; Полн. Собр. Рус. Лѣт. V, 266, VI, 150, VIII, 99.

Е. Лихачъ.

Оболенскій князь *Георгій Васильевичъ,* — генералъ-лейтенантъ, состоявшій при принцѣ Александрѣ Петровичѣ Ольденбургскомъ, смоленскій губернскій предводитель дворянства. Образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго въ 1849 году началъ службу по Министерству юстиціи. Однако гражданская служба его продолжалась не долго, всего лишь четыре года. Въ 1853 году, съ началомъ Крымской кампаніи, онъ переходитъ въ военную службу унтеръ-офицеромъ въ резервный эскадронъ Павлоградскаго гусарскаго полка. Перейдя на военную службу не съ тѣмъ, чтобы быть вдали отъ военныхъ дѣйствій, князь Г. В. Оболенскій, добился назначенія ординарцемъ въ штабъ Южной арміи. Здѣсь начинается его боевая дѣятельность, перешедшая въ Севастополь съ началомъ осады этого города. Въ Севастополѣ онъ состоялъ при начальникѣ севастопольскаго гарнизона кн. Васильчиковѣ, что давало Оболенскому широкую возможность выказать свои способности съ самой хорошей стороны. Во время осады Севастополя онъ былъ произведенъ за отличіе въ корнеты и награжденъ орденами св. Анны 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ мечами, а въ концѣ осады произведенъ въ поручики. Открывшіяся во время Крымской войны злоупотребленія въ Крымской и Южной арміяхъ вызвали, по заключенію мира, Высочайше учрежденную коммиссію для ихъ разслѣдованія. Кн. Г. В. Оболенскій былъ призванъ принять участіе въ работахъ этой коммиссіи въ качествѣ состоящаго при ея предсѣдателѣ кн. Васильчиковѣ, причемъ, какъ юристъ, онъ оказалъ коммиссіи значительныя услуги. По окончаніи дѣйствія этой коммиссіи, кн. Оболенскій былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и назначенъ состоять при Е. И. В. принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, а впослѣдствіи при сынѣ его—принцѣ Александрѣ Петровичѣ. Въ 1864 г. кн. Оболенскій былъ произведенъ въ полковники, а спустя восемь лѣтъ въ генералъ-маіоры. Около этого времени князь былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи и такимъ образомъ его дѣятельность въ качествѣ юриста еще разъ возобновилась. Въ 1882 году кн. Г. В. Оболенскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства Смоленской губерніи. Должность эту онъ занималъ до самой своей смерти, продолжая попрежнему состоять и при Е. В. принцѣ Александрѣ Петровичѣ Ольденбургскомъ. Кн. Оболенскій имѣлъ ордена до ордена Бѣлаго Орла включительно. Онъ скончался 27-го сентября 1886 года въ Смоленскѣ.

„Русскій Инвалидъ", 1886 г.; № 218, стр. 1—2, некрологъ; „Смоленскія Губернскія Вѣдомости", 1886 г., 2-го октября; „Новости и Биржевая Газета" 1886 г., № 272, некрологъ; „Всеобщій Календарь" на 1888 г., стр. 519.

Е. Ястребцевъ.

Оболенскій — князь *Дмитрій Александровичъ*, сынъ сенатора кн. Александра Петровича Оболенскаго, — статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ. Родился 26 окт. 1822 г., сконч. 22 янв. 1881 г., въ Петербургѣ.—Въ іюнѣ 1842 г., тотчасъ по окончаніи курса въ Императ. Училищѣ Правовѣдѣнія, кн. Оболенскій опредѣлился въ канцелярію 2-го Отдѣленія Департамента Правительствующаго Сената, гдѣ въ томъ же году былъ назначенъ младшимъ помощникомъ секретаря, а въ слѣдующемъ причисленъ къ Департаменту Министерства Юстиціи. Въ августѣ 1844 г. князь получилъ мѣсто Казанскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, а въ ноябрѣ слѣдующаго былъ переведенъ въ Тулу на должность товарища предсѣдателя Палаты Гражданскаго Суда. Въ октябрѣ 1845 г. князь опять

въ Петербургѣ сначала исполняющимъ должность товарища предсѣдателя 1-го Департамента Палаты Гражданскаго Суда, а затѣмъ предсѣдателемъ. Занимая этотъ постъ, кн. Оболенскій —по словамъ одного воспоминанія — скоро сталъ извѣстенъ своимъ энергичнымъ дѣйствіемъ на защиту такихъ правъ, которыя лишь при большихъ усиліяхъ находили защиту въ тогдашнихъ судебныхъ учрежденіяхъ. — Въ то же время, пользуясь вниманіемъ вел. кн. Елены Павловны, онъ становится близкимъ и постояннымъ участникомъ того кружка лицъ, который собирала вокругъ себя великая княгиня. Въ этомъ же кружкѣ кн. Оболенскій сошелся и съ Н. А. Милютинымъ, съ которымъ находился съ тѣхъ поръ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — Между тѣмъ, въ 1851 году, помимо обязанностей предсѣдателя департамента, кн. Оболенскій исполнялъ и должность совѣстнаго судьи и за успѣшное веденіе дѣла удостоился Высочайшаго благоволенія. Въ январѣ слѣдующаго года князь былъ Высочайше утвержденъ директоромъ С.-Петербургскаго Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, а въ концѣ года за отличіе былъ произведенъ въ кол. совѣтники. 7 октября 1853 г. кн. Оболенскій былъ переведенъ на службу въ Морское Министерство на должность директора Коммиссаріатскаго Департамента. Въ этомъ вѣдомствѣ князь прослужилъ десять лѣтъ и, благодаря своимъ отмѣннымъ административнымъ способностямъ и энергіи, могъ съ успѣхомъ выполнить множество возлагавшихся на него порученій. На первыхъ же порахъ своего служенія на новомъ поприщѣ, князю выпало на долю составленіе Свода уставовъ Провіантскаго и Коммиссаріатскаго, а затѣмъ цѣлый рядъ командировокъ, вызванныхъ, главнымъ образомъ, военными событіями того времени. Положеніе дѣлъ, входившихъ въ вѣдѣніе Коммиссаріатнаго Департамента, какое засталъ кн. Оболенскій, вступивъ въ управленіе послѣднимъ, требовало особенной энергіи и заботы. Не говоря о томъ, что сообразно съ условіями и требованіями времени пришлось реорганизовать многія детали, не мало нужно было употребить труда на измѣненіе самыхъ основныхъ началъ въ управленіи департаментомъ, начиная съ коренного измѣненія уставовъ; кромѣ того, много усилій пришлось положить князю и на борьбу съ злоупотребленіями, которыя не разъ имѣли мѣсто въ тѣхъ или другихъ подвѣдомственныхъ Департаменту Интендантствахъ. Именно Морскому Министерству, какъ извѣстно, принадлежалъ почипъ послѣдующихъ административныхъ реформъ, и именно въ этомъ вѣдомствѣ—по словамъ одного воспоминанія—во время кн. Оболенскаго кипѣла юная жизнь. Энергичное умѣлое веденіе дѣла блестящее выполненіе частыхъ особо-возлагаемыхъ на князя порученій и обстоятельные отчеты по управленію департаментомъ неоднократно обращали на кн. Оболенскаго Высочайшее вниманіе. Здѣсь должно замѣтить и то, что князь не ограничивался лишь оффиціальными отношеніями, докладами и отчетами, но находилъ возможнымъ и полезнымъ прибѣгать и къ печатному слову: такъ, въ «Морскомъ Сборникѣ», кн. Оболенскій напечаталъ нѣсколько статей по нѣкоторымъ вопросамъ, близко касавшимся сферы его дѣятельности. За полезную и ревностную службу по Морскому Министерству князь былъ произведенъ въ ст. сов. (1854 г.), а затѣмъ и въ дѣйств. ст. сов. (1856); кромѣ того дважды удостоился получить Именное Монаршее благоволеніе и орденъ Владиміра 3-й ст. (1855 г.).—Изъ послѣдующей дѣятельности кн. Оболенскаго по Морскому вѣдомству важно отмѣтить его участіе, въ качествѣ предсѣдателя, въ коммиссіи, учрежденной для исправленія проэкта устава о Военномъ Морскомъ Судѣ; затѣмъ въ коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о казенныхъ подрядахъ; наконецъ, завѣдываніе князя въ Адмиралтейскомъ Совѣтѣ дѣлами эмеритальной пенсіонной кассы морского вѣдомства. Кромѣ того, князь Оболенскій принималъ дѣятельное участіе въ комитетахъ и коммиссіяхъ, неимѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ Морскому вѣдомству. Такъ въ 1859 году, уже въ званіи статсъ-секретаря (послѣднее кн. Оболенскій получилъ 1 янв. 1858 г.), онъ былъ Высочайше назначенъ состоять членомъ Комитета, учрежденнаго для принятія мѣръ къ устройству благотворительныхъ заведеній для православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ; затѣмъ членомъ комитета по пересмотру рекрутскаго устава и, наконецъ, предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной въ началѣ 1862 года для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій о книгопечатаніи. Особаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность князя въ послѣдней коммиссіи.

имѣющей громадное значеніе въ исторіи эпохи Александровскихъ реформъ вообще и въ частности въ исторіи русской цензуры. Неудобство въ проведеніи нѣкоторыхъ цензурныхъ принциповъ на практикѣ и несоотвѣтствіе и неполнота нѣкоторыхъ частностей цензуры стараго времени примѣнительно къ эпохѣ, предшествовавшей шестидесятымъ годамъ, ощущались давно. Наконецъ, въ 1861 году, по представленію всеподданнѣйшаго доклада гр. Путятинымъ и по соглашенію послѣдняго съ статсъ-секретаремъ гр. Валуевымъ, была составлена смѣшанная коммиссія изъ двухъ чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и двухъ же Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Эта коммиссія должна была подготовить работы для другого предполагавшагося высшаго комитета. Но, эта смѣшанная коммиссія не могла притти къ какому либо соглашенію: мнѣнія раздвоились и составились два противуположные проэкта. Въ виду такого положенія дѣлъ, Государь, по представленію доклада по сему поводу, повелѣлъ, чтобы существующія постановленія по дѣламъ печати были пересмотрѣны. Тогда же и была учреждена и особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Д. А. Оболенскаго. Князь, какъ человѣкъ, высоко цѣнившій просвѣщеніе, какъ человѣкъ не чуждый литературныхъ интересовъ и хорошо знакомый съ цѣлымъ рядомъ выдающихся литературныхъ дѣятелей и, наконецъ, какъ опытный администраторъ, понималъ всю важность этого новаго Высочайше на него возложеннаго порученія. И онъ съ усердіемъ и любовію началъ свои подготовительныя работы въ исполненіе Монаршей воли. По свидѣтельству А. В. Никитенки, которому скоро пришлось раздѣлить труды князя, въ числѣ прочихъ членовъ коммиссіи, кн. Д. А. изучилъ предметъ широко, какъ въ теоріи, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ. «Онъ показывалъ мнѣ—говоритъ въ своемъ дневникѣ Никитенко — массу книгъ, которыми запасся для справокъ, а отчасти и прочелъ въ продолженіе своего предсѣдательствованія въ коммиссіи. Тутъ собрано почти все, что было писано по поводу цензуры въ Германіи, Англіи, Бельгіи, наконецъ какъ и всѣ законодательства по этой части». Въ началѣ 1862 г. открылись засѣданія коммиссіи, которой, прежде чѣмъ выработать проэктъ столь значительной важности, предстояло разобрать обширный матеріалъ, обогащенный къ тому же массой отзывовъ, со стороны цензуры и печати, коимъ министръ народнаго просвѣщенія предложилъ высказаться по поводу предстоящихъ реформъ. Засѣданія коммиссіи длились почти годъ: въ октябрѣ 1862 г. коммиссія кончила свои работы, составивъ проектъ новаго устава о печати, и рѣшительно высказалась за передачу цензурнаго вѣдомства министерству внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее поддерживалъ и на немъ настаивалъ и министръ А. В. Головнинъ. 12 янв. 1863 г. послѣдовало извѣстное Высочайшее повелѣнье: 1) передать проектъ коммиссіи по дѣламъ книгопечатанія министру внутреннихъ дѣлъ; 2) предоставить министру нар. просвѣщенія въ Министерство внутр. дѣлъ всѣ цензурныя учрежденія, и 3) предоставить Министру внутр. дѣлъ составить, по его усмотрѣнію, проектъ окончательнаго устройства цензурной части во ввѣренномъ ему управленіи.- Высочайшее повелѣніе немедленно было исполнено, и къ марту 1863 г. цензурное вѣдомство во всемъ составѣ поступило подъ управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, куда былъ переданъ и проектъ коммиссіи кн. Д. А. Оболенскаго. Положеніе дѣлъ было таково, что проектъ этотъ не могъ быть осуществленъ немедленно и полностью, уже по одному тому, что далеко не всѣ детали сложныхъ цензурныхъ реформъ въ немъ были ясно очерчены, равно какъ и потому, что въ немъ затрагивалось много вопросовъ общаго, принципіальнаго характера, вызвавшихъ массу оживленныхъ толковъ, преній, отдѣльныхъ мнѣній, въ которыхъ предстояло еще разобраться. Такъ, между прочимъ, баронъ А. П. Николаи высказалъ даже убѣжденіе о «несвоевременности и безполезности предложенныхъ коммиссіей реформъ», каковое замѣчаніе принудило кн. Оболенскаго сдѣлать извѣстное «Возраженіе». Наконецъ, 14-го января 1863 г. министръ внутр. дѣлъ образовалъ, подъ предсѣдательствомъ того же кн. Оболенскаго, вторую коммиссію, которою къ концу мая былъ составленъ обширный проектъ Устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы. Этотъ знаменательный проектъ, пройдя необходимыя инстанціи, своимъ конечнымъ результатомъ имѣлъ извѣстный законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года. 1-го сент. того же года министромъ Валуевымъ, въ присутствіи кн. Д. А. Оболенскаго, было

торжественно открыто и Главное Управленіе по дѣламъ печати. — Между тѣмъ, 28 іюня 1863 г. кн. Оболенскій получилъ новое назначеніе: Высочайшимъ указомъ онъ былъ опредѣленъ, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря, директоромъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ. На этомъ посту кн. Оболенскій пробылъ семь лѣтъ и еще разъ выказалъ свои блестящія администраторскія способности и энергію. Въ 2—3 года ему удалось совершенно преобразовать это вѣдомство: онъ освѣжилъ его личный составъ, и—по словамъ одного воспоминанія—какъ бы вселилъ въ него новыя начала, новыя понятія. Для болѣе точнаго ознакомленія съ положеніямъ дѣлъ во ввѣренныхъ его попеченіямъ округахъ и истиннаго выясненія ихъ нуждъ, кн. Оболенскій предпринималъ частыя и продолжительныя поѣздки въ округа Царства Польскаго, въ Бессарабію и на берега Чернаго и Азовскаго моря, всюду, между прочимъ, принимая мѣры для предупрежденія и пресѣченія контрабанды. Кромѣ того, кн. Оболенскій попрежнему получалъ и Высочайшія особо-возлагаемыя на него порученія. Такъ, въ 1863 г. онъ былъ членомъ учрежденной при Министерствѣ Финансовъ коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ; затѣмъ въ 1867 г. временно исправлялъ должность министра финансовъ. Дѣятельность кн. Оболенскаго за этотъ періодъ времени была отмѣчена слѣдующими знаками Монаршей милости: въ 1859 году кн. получилъ орденъ св. Станислава 1 ст., въ 1862 г.—св. Анны 1 ст., въ томъ же году кн. былъ произведенъ въ тайные совѣтники; затѣмъ въ 1864 году князь былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. Наконецъ, 3-го марта 1870 г. князь получилъ Высочайшее повелѣніе быть товарищемъ министра Государственныхъ Имуществъ. Впрочемъ, съ новымъ назначеніемъ князь не порывалъ связей съ департаментовъ Таможенныхъ Сборовъ: ему было поручено имѣть надзоръ за окончательнымъ и правильнымъ введеніемъ въ дѣйствіе начатыхъ по таможенному вѣдомству преобразованій. Кромѣ того, въ томъ же году князю Оболенскому Высочайше повелѣно было присутствовать въ Общемъ Собраніи 4-го, 5-го и Межевого Департаментовъ Сената постоянно и въ Общемъ Собраніи 1-го и 2-го Департаментовъ и Департамента Герольдіи въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднихъ будутъ рассматриваться дѣла, касающіяся Министер
ства Государственныхъ Имуществъ. На
конецъ, въ томъ же 1870 г., помимо дру
гихъ занятій по Министерству, князю бы
поручено ближайшее завѣдываніе и Лѣ
нымъ Департаментомъ.—Но уже въ 1872
кн. Оболенскій покинулъ должность тов
рища министра и въ званіи статсъ-секр
таря сенатора и члена Государственна
Совѣта (съ 1872 г.) провелъ десятилѣтні
остатокъ жизни въ исполненіи особо-во
лагаемыхъ на него порученій. Такъ, в
1873 г. князь былъ назначенъ къ присут
ствованію въ Департаментѣ Законовъ, за
тѣмъ состоялъ членомъ Особыхъ Коммисс
для разсмотрѣнія отчетовъ Министерств
Народн. Просвѣщ. (1872, 1873, 1877
1877 гг.), Минист. Государствен. Иму
ществъ (1876, 1877, 1878, 1879 гг.), Попечи
тельнаго Совѣта заведеній Обществен. При
зрѣнія въ Москвѣ (1874, 1876, 1877, 1873 гг.
Управленія Государств. Коннозаводств
(1877 г.); кромѣ того, въ 1877 г. кн. Д. А
Оболенскій былъ членомъ Особой Коммисс
для предварительнаго разсмотрѣнія дѣла
введеніи мировыхъ судебныхъ установлен
въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и Коммисс
для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи т
ремной части и о пересмотрѣ 2-й гла
1-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ. На
конецъ, слѣдуетъ отмѣтить участіе кня
Оболенскаго, въ качествѣ предсѣдате
С.-Петербугскаго Съѣзда представител
поземельныхъ банковъ (1873 г.) и пре
сѣдательство князя въ Совѣтѣ по тюре
нымъ дѣламъ (1879 г.).—Дѣятельность к
Оболенскаго за послѣдніе годы его жизн
была отмѣчена слѣдующими Высочайшим
наградами; въ 1871 г. князь получил
орденъ Бѣлаго Орла, въ 1876 г.—орде
св. Александра Невскаго и, наконецъ, в
апрѣлѣ 1880 г. кн. Оболенскій былъ про
веденъ въ дѣйств. тайные совѣтники.-
22 янв. 1881 года кн. Д. А. Оболенск
скончался и былъ похороненъ на кладби
Александро-Невской Лавры.—Кн. Д.
Оболенскій былъ женатъ на кн. Дар
Петровнѣ урожд. кн. Трубецкой.

Какъ человѣкъ, кн. Д. А. Оболенск
пользовался прочными симпатіями какъ
свой умъ и честныя убѣжденія, такъ и
мягкость и благородство въ обхожден
А. В. Никитенко характеризуетъ его, ка
человѣка «разсудительнаго, умнаго, обр
зованнаго и чуждаго всякихъ крайних
увлеченій»; М. А. Милютина отзывает

о немъ не иначе, какъ о человѣкѣ весьма милаго и добраго нрава, вполнѣ образованномъ и вполнѣ благородномъ»; не менѣе благожелательные отзывы о князѣ можно встрѣтить и въ перепискѣ Самарина, Аксакова и др. лицъ, съ которыми кн. Д. А. Оболенскій былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Что же касается оцѣнки направленій князя, какъ государственнаго дѣятеля, и участника въ дѣлѣ великихъ реформъ, то въ этомъ отношеніи взгляды современниковъ князя имѣли двойственный характеръ. Несомнѣнно то, что кн. Д. А. Оболенскій былъ сторонникомъ т. наз. западнаго прогресса, но въ тоже время многіе считали его какъ бы одним изъ представителей «Московской партіи», и дѣйствительно, какъ близкій другъ Самариныхъ, Аксаковыхъ, Черкасскаго и имъ подобнымъ, онъ былъ таковымъ. Таковымъ считалъ его: между прочимъ и гр. П. А. Валуевъ: «Оболенскій принадлежитъ къ славянской школѣ»—отмѣтилъ онъ однажды въ своемъ дневникѣ. — Кн. Д. А. Оболенскій, какъ сказано, былъ не чуждъ и литературѣ. Такъ, въ 1876 г. онъ издалъ книгу: «Хроника недавней старины» (Изъ Архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Спб. 1876), и въ разные годы сообщилъ нѣсколько статей въ журналахъ: «Русская Старина» и «Русскій Архивъ» («О первомъ изданіи сочиненій Гоголя»—«Русск. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 940—953; «Возмутительныя воззванія въ русской исторіи»,—«Русск. Архивъ» 1878 г., № 1, стр. 493).

Кромѣ того, кн. Оболенскій, въ бытность свою директоромъ Коммиссаріатнаго Департамента, помимо отчетовъ, помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» слѣдующія статьи: «Нѣсколько мыслей о способахъ совершенія и исполненія казенныхъ подрядовъ» (1860 г., т. 1, № 12) и «Нѣсколько словъ по поводу возбужденныхъ вопросовъ о способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота». 1856 г., т. XXVI. № 14).

Полный послужной списокъ. „Голосъ“, 1881 г., № 28; „Русск. Стар.“, 1881, т. 30; 1881, т. 41; 1885, т. 45; 1890, т. 66; 1891, т. 69, 71, 72; 1899, т. 97. „Русск. Архивъ“, 1869 г., стр. 1013; 1888 г., стр. 327—328; 1893 г.; П. А. Вяземскій „Сочиненія“, т. X, Спб. 1886, с. 210; „И. С. Аксаковъ въ его письма“ т. I, II и III, М. 1888—1892 г.; Скабичевскій: „Исторія русск. цензуры“, Спб. 1892, гл. 22—24; Г. Джаншіевъ: „Эпоха великихъ реформъ“, М. 1898, гл. 6-я; С. В. Рождественскій: „Историч. обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв.“ Спб. 1902, стр. 132. 395, 408, 410; „Revue de deux mondes“ 1880, t. 42. *Ив. К.*

Оболенскій-Телепневъ, князь *Димитрій Ивановичъ*, Рюрикъ, бояринъ и воевода, сынъ князя Ивана Васильевича. Въ 1545 году участвовалъ въ походѣ на Казань подъ начальствомъ князя Семена Пункова; въ 1547 году, когда черемисы просили великаго князя послать рать на Казань, кн. Оболенскій участвовалъ въ этомъ походѣ подъ начальствомъ князя Александра Горбатаго; въ 1550 году участвовалъ въ новомъ походѣ на Казань подъ начальствомъ самого царя, а послѣ похода былъ воеводой въ Коломнѣ; въ 1552 году получилъ санъ боярина, былъ воеводой въ Коломнѣ, а оттуда былъ посланъ къ Тулѣ противъ крымцевъ, напавшихъ на московскія окраины, съ цѣлью отвлеченія московскаго царя отъ Казани. Прогнавъ крымцевъ, Оболенскій успѣлъ явиться и подъ Казань, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ. Въ 1553 году князь Димитрій Ивановичъ былъ воеводой въ Коломнѣ, но во время болѣзни Іоанна мы видимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ, во время споровъ о томъ, кому присягать на случай смерти Іоанна, принялъ сторону князя Владиміра Андреевича и отказался присягнуть малолѣтнему Димитрію. За эту оплошность ему пришлось впослѣдствіи пострадать, но когда царь выздоровѣлъ, то не выказалъ недовольства и Оболенскій продолжалъ свою почетную придворную и военную службу попрежнему: въ 1555 году князь ходилъ подъ Оку къ Тулѣ и къ Коломнѣ для отраженія крымскаго хана, въ 1556 году, когда ожидалось новое нашествіе крымцевъ, стоялъ сперва въ Калугѣ, а потомъ у Серпухова охранялъ перевозъ черезъ Оку; въ 1558 году былъ воеводой въ Торусѣ, въ 1559 году снова сопровождалъ царя къ Тулѣ въ походѣ противъ Крымцевъ; въ 1561 году былъ первымъ воеводой въ Свіяжскѣ, въ 1562 году опять былъ у Серпухова противъ крымцевъ, а въ 1563 году участвовалъ въ походѣ царя на Литву и взятіи Полоцка. Но въ 1563 же году на него, наконецъ, былъ обращенъ гнѣвъ царя, который разсердившись за что-то приказалъ постричь князя Димитрія Ивановича и конфисковать всѣ его помѣстья. Въ монастырѣ однако Оболенскій прожилъ недолго и умеръ въ томъ же 1563-мъ году.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе службъ благородн. росс. дворянъ“. М. 1810, II, 33

Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 126, пр. 377, IX 48 пр. 66, 144. Разрядная книга, изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1902, I) 143, 157, 162, 168, 171, 180, 188, 193, 212, 229, 233. Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в.“ Спб. 1888, 8, 112, 114, 115, 275—276, 298; Акты историческіе, I, 161, III, 156.

Е. Лихачъ.

Оболенскій-Телепневъ, князь *Димитрій Θедоровичъ*—Овчина, сынъ князя Θедора Васильевича Овчины-Телепнева-Оболенскаго. Въ 1555 году былъ воеводой въ Мценскѣ, въ 1556 году въ качествѣ рынды, сопровождалъ царя въ походѣ къ Серпухову противъ крымцевъ, въ 1559 году былъ вторымъ воеводой въ Дѣдиловѣ и въ томъ же году подъ начальствомъ князя Бѣльскаго ходилъ противъ крымцевъ, въ 1560 году ходилъ съ княземъ Мстиславскимъ въ Ливонію, участвовалъ во взятіи Феллина и послѣ взятія этого города былъ посланъ къ городу Кеси, овладѣлъ этимъ важнымъ пунктомъ и былъ оставленъ тамъ воеводой. Въ 1561 году былъ въ Москвѣ и въ этомъ же году умеръ, казненный по приказанію Іоанна Грознаго. Относительно подробностей смерти Оболенскаго до насъ дошло нѣсколько разсказовъ: по одному изъ нихъ, князь Димитрій Θедоровичъ поссорился съ любимцевъ молодого царя Басмановымъ и въ гнѣвѣ сказалъ ему: «я и предки мои служили всегда съ пользою государю, а ты служишь гнусной содоміей». Басмановъ нажаловался во время пира Іоанну и царь за пиромъ же убилъ Оболенскаго. По другому разсказу, царь приказалъ Оболенскому во время пира выпить чашу крѣпкаго меду за царское здоровье, а когда Оболенскій уже охмѣлѣвшій не могъ выпить и половины, царь приказалъ задушить его.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ“, М. 1810 II, 333. Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, II пр. 34, 50, Соловьевъ (изд. Т-ва „Общ. Польза“) II, 153, 154. „Сказанія“ Курбскаго, стр. 92.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Евгеній Петровичъ,*—писатель, декабристъ. Родился въ 1796 году и былъ сыномъ д. с. с. князя Петра Николаевича Оболенскаго и второй жены его фрейлины Двора Е. И. В. Анны Евгеніевны, урожденной Кашкиной (сконч. въ 1810 году). Получивъ прекрасное домашнее образованіе, кн. Е. П. началъ свое служебное поприще въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку. Исполненіе служебныхъ обязанностей оставляло ему много свободнаго времени, которое онъ большею частью посвящалъ чтенію книгъ преимущественно мистическаго характера. Избранный въ число членовъ Союза Благоденствія, онъ вскорѣ, вмѣстѣ съ Токаревымъ, организовалъ Вольное Общество (1-е), которое было почти независимо отъ Союза Благоденствія. Между тѣмъ, въ концѣ 1822 года Петербургское или Сѣверное Общество снова возродилось, и князь Оболенскій былъ принятъ уже въ число «убѣжденныхъ» членовъ. Въ началѣ слѣдующаго года онъ познакомился съ К. Θ. Рылѣевымъ, и это знакомство имѣло на него огромное вліяніе. Сдѣлавшись друзьями уже послѣ первыхъ встрѣчъ, они сохранили самыя искреннія и глубокія чувства до послѣднихъ дней своихъ. Предсѣдателемъ Сѣвернаго Общества до конца 1823 года былъ одинъ Никита Муравьевъ, но въ концѣ этого года, для болѣе широкой и успѣшной дѣятельности Общества, рѣшено было избрать еще двухъ предсѣдателей, -этими предсѣдателями были кн. Сергѣй Трубецкой и кн. Е. П. Оболенскій. Вслѣдъ затѣмъ начались сношенія Сѣвернаго Общества съ Южнымъ, въ которыхъ Е. П. принялъ самое дѣятельное участіе. Увлекаясь дѣятельностью тайнаго общества и пополняя его новыми членами, князь въ то же время весьма интересовался литературой и философіей, причемъ у него почти еженедѣльно устраивались собранія, которыя посѣщались многими извѣстными въ то время писателями, и которыя не имѣли ничего общаго съ Сѣвернымъ Обществомъ. По свидѣтельству многихъ современниковъ, кн. Оболенскій пользовался среди всѣхъ, знавшихъ его, широкими симпатіями за свой умъ и высоко-честный и симпатичный характеръ, почему домъ его всегда посѣщали охотно. Между тѣмъ дальнѣйшія сношенія съ Южнымъ Обществомъ и настоянія Пестеля дѣйствовать энергичнѣе заставили Е. П. серьозно подумать о будущемъ. Осенью 1825 года у него явилось сомнѣніе, имѣютъ ли право нѣсколько человѣкъ, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ русскаго народа, будучи честными людьми, предпринять государственный переворотъ и свои возрѣнія на государственное устройство почти насильно навязать тѣмъ, которые, быть можетъ, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ новаго, а если и ищутъ и стремятся къ нему, то не иначе, какъ пу-

темъ историческаго развитія. Это сомнѣніе, столь естественное въ его положеніи, кн. Оболенскій высказалъ К. Ѳ. Рылѣеву. Послѣдній принялъ его, какъ признакъ охлажденія къ цѣлямъ и дѣятельности Общества и прилагалъ всѣ усилія во время частыхъ и горячихъ споровъ по этому вопросу, чтобы убѣдить кн. Оболенскаго въ неосновательности его мысли. Благодаря своему огромному вліянію на князя Оболенскаго, Рылѣеву удалось, если и не совсѣмъ разсѣять его сомнѣнія, то, по крайней мѣрѣ, добиться того, чтобы Е. П. не бросилъ Общества. Услышавъ о послѣдовавшей въ Таганрогѣ смерти Императора Александра I, наиболѣе вліятельные члены Сѣвернаго Общества, въ числѣ которыхъ былъ и кн. Оболенскій, собирались ежедневно на совѣщанія для рѣшенія, что предпринять и какъ воспользоваться уже возникшей смутой. 14-го декабря 1825 года утромъ князя Оболенскій съ Московскимъ полкомъ прибылъ на Сенатскую площадь, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока всѣ собравшіеся тамъ не были разогнаны, послѣ чего отправился къ поручику Цебрикову, у котораго вечеромъ князя и арестовали. На другой день онъ уже сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, куда помѣстили также и его лучшаго друга— Рылѣева. -- Верховный Уголовный Судъ, учрежденный надъ декабристами, призналъ кн. Е. П. Оболенскаго виновнымъ въ томъ, что онъ «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза Благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное Общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества; приготовлялъ главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство». Признавая себя виновнымъ въ учрежденіи Сѣвернаго Общества и въ управленіи онымъ, кн. Е. П. однако отрицалъ участіе въ убійствѣ графа Милорадовича. Дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, Милорадовичъ умеръ отъ раны, нанесенной ему Каховскимъ, но Верховный Уголовный Судъ не принялъ во вниманіе объясненій кн. Оболенскаго и причислилъ его къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь отсѣченіемъ головы. Московское дворянство, черезъ своего губернскаго предводителя П. Х. Обольянинова, обратилось къ Императору Николаю I съ всеподданнѣйшей просьбой о смягченіи наказанія кн. Е. П. Оболенскому. Смягченіе это послѣдовало всѣмъ участникамъ въ дѣлѣ 14-го декабря, причемъ преступники перваго разряда, въ томъ числѣ и кн. Е. П., были приговорены въ вѣчную каторжную работу, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства. Черезъ одиннадцать дней послѣ объявленія вышеупомянутаго приговора кн. Е. П., въ первой партіи, вмѣстѣ съ А. З. Муравьевымъ, В. Л. Давыдовымъ, А. И. Якубовичемъ, кн. С. Трубецкимъ и Волконскимъ, былъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ первое время, вмѣстѣ съ А. И. Якубовичемъ, жилъ на солеваренномъ заводѣ въ Иркутскомъ Усолѣ (въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска). Въ началѣ октября того же 1826 года ихъ вызвали въ Иркутскъ, откуда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими декабристами, они были отправлены въ Нерчинскъ. Въ Нерчинскѣ кн. Оболенскій прожилъ около году, а затѣмъ былъ переведенъ въ Читу, гдѣ оставался до осени 1830 года, пока не былъ переведенъ въ Петровскій заводъ, а оттуда, въ виду сокращенія срока работъ преступникамъ перваго разряда, въ 1839 году вышелъ на поселеніе и сначала былъ поселенъ въ Туровскѣ, но черезъ четыре года былъ переведенъ въ Ялуторовскъ. Живя въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ кн. Оболенскій много занимался философіей. Кромѣ того, онъ давалъ уроки англійскаго языка братьямъ Бѣляевымъ, которые подъ его руководствомъ перевели сочиненіе Gibbon'а «History of the decline and fall of the Roman Empire». Выйдя на поселеніе, кн. Оболенскій женился на дочери священника и съ нею прожилъ въ Ялтурскѣ до восшествія на престолъ Императора Александра II, когда, по манифесту 26-го августа 1856 г., ему возвращена была свобода и дворянское достоинство, а вскорѣ возвращенъ былъ его дѣтямъ даже княжескій титулъ. По возвращеніи изъ Сибири кн. Оболенскій пріѣхалъ въ Москву, а затѣмъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ избралъ Калугу, гдѣ жилъ до самой смерти. Живя въ Калугѣ, Оболенскій посвящалъ свое время на чтеніе, записываніе своихъ воспоминаній и переписку съ друзьями. Свои

воспоминанія о К. Ө. Рылѣевѣ и о жизни въ Сибири, приведенныя имъ въ порядокъ, въ концѣ 1850-хъ гг., онъ какъ то далъ прочесть кн. Голицыну. Послѣдній, уѣхавъ вскорѣ въ Парижъ, напечаталъ тамъ эти воспоминанія въ издаваемомъ имъ журналѣ «Будущность» (1861 г. № 9—12) и отдѣльной книгой въ IV томѣ «Русскаго Заграничнаго Сборника», а затѣмъ перевелъ ихъ на французскій языкъ и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «Souvenirs d'un exilé en Sibérie» trad. par le pr. Aug. Galitzin. Leipzig, 1862, 12°. Кромѣ того, эти воспоминанія были еще разъ переведены на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Mon exil en Sibérie» Leipzig. Первая часть «воспоминаній», охватывающая лишь знакомство съ К. Ө. Рылѣевымъ, напечатана также и въ Сборникѣ П. Бартенева «Одиннадцатый вѣкъ», (М. 1872, ч. I, стр. 312—322) подъ заглавіемъ «Воспоминанія о К. Ө. Рылѣевѣ». Затѣмъ, есть еще указаніе, что Е. П. Оболенскій, вмѣстѣ съ И. И. Пущинымъ написалъ записку о 14-мъ декабря, которая была напечатана за границей, послѣ его смерти. Изъ переписки съ друзьями особенный интересъ имѣетъ переписка кн. Оболенскаго съ Г. И. Ростовцевымъ, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ еще до своей ссылки въ Сибирь. Вотъ что между прочимъ писалъ ему Ростовцевъ (18-го ноября 1858 года); «Тридцать лѣтъ я люблю тебя и уважаю. Ни годы, ни страшныя событія не измѣнили нашихъ отношеній. Какъ я дорожилъ твоимъ мнѣніемъ въ декабрѣ 1825 года, такъ дорожу имъ и теперь»... Дѣйствительно Ростовцевъ дорожилъ мнѣніемъ Оболенскаго: это видно хотя бы изъ того, что подвергаясь постояннымъ нападкамъ со стороны Герцена и его «Колокола», онъ особенно старался оправдаться въ глазахъ кн. Оболенскаго. Назначенный предсѣдателемъ въ Редакціонной Коммиссіи, Ростовцевъ неоднократно совѣтовался съ Е. П., посылая послѣднему отчеты и свѣдѣнія о работахъ Редакціонной Коммиссіи.—Е. П. Оболенскій скончался въ Калугѣ 26-го февраля 1865 г., на 69 году отъ рожденія.

„Русскій Архивъ", за 1866 г. стр. 573; 1867 г. стр. 970 и 1320; 1869 г. стр. 731, 735, 052, 053. 054 и 1727; 1870. стр. 1558, 1618, 1665 и 1666; 1871, стр. 321, 325 и 1964, 1873, стр. 486—XCVIII; 1877, стр. 1006, 1008 и 1385; 1879, стр. 479, 1881, стр. 286, 292, 293, 299, 303, 314, 315, 317 321, 327, 330 и 333; 1883, кн. 6, стр. 293, 299, 301 и 302; 1884, кн. I, стр. 1192, 1194 и 1690; 1886, стр. 114; 1890, кн. I, стр. 240, 263 и 366 и кн. II, стр. 123, 134, 145, 163, 164, 168, 175 177, 184, 189—191; 1893, кн. I, стр. 354—356 и 366 и кн. II, стр. 111 и 121; 1895, стр. 207 и 209; 1899, кн. II, стр. 290 и 295; „Русская Старина" 1870, изд. I, т. I, стр. 424, т. II, стр. 160, 183—184; 1873, т. VII, стр. 184, 293, 466, 664; 1875, стр. 354—355, 1881, стр. 423 и 654: 1882 г. т. XXXIII, стр. 65, 235. 250, 251 и 256 и т. XXXIV, стр. 474, 704-707, 1886, т. LI, стр. 165 и 552; 1887, т. LVI, стр. 227 и 479—482, 1888 г. т. LVII, стр. 439, 440 и 578; 1889, т. LXI, стр 294, 302, 306 и 514, т. LXIII, стр. 617—639, т. LXIV, стр. 235; 1898, т. XCVI стр. 338, 339 и 340; 1900, т. CIV, стр. 367—378; 1901, т. CV, стр. 437—449, и 673, т. CVIII, стр. 101—108, 28—219 и 656—658; «Историческій Вѣстникъ» 1890, т. XXXIX, стр. 115—155 и 234; 1891, т. XLV, стр. 220—227; 1893, т. LIV, стр. 209, 351, 367, 368 и 667; 1897, т. LXIX, стр. 490—514; 1900, т. LXXXII, стр. 418, 429. 817, 818—819, 825, 834—838, 847—848 и 850. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 21, стр. 545; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга», т I, стр. 258; «День» 1865, № 18, ст. А. Розена некрологъ; Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе т. IV стр. 330; С. Максимовъ «Сибирь и Каторга», Спб., 1871 г. ч. 3, гл. 2; «Иллюстрированная Газета», 1865, № 17, некрологъ; «Сочиненія К. Ө. Рылѣева» Спб., 1872 г.; Н. И. Гречъ: «Записки о моей жизни» Спб. 1886 стр. 425. „Верховный уголовный судъ надъ злоумышленниками, учрежденный по Высочайшему манифесту 1-го іюня 1826 года" Спб. 1826 г., стр. 31 и 53; Всеподданнѣйшій докладъ Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу декабристовъ, Спб. 1826 г. стр. 16, 26, 61, 62 65, 66 и 89. *Е. Ястребцевъ.*

Оболенскій, князь *Иванъ Васильевичъ* Стрига, сынъ князя Василія Ивановича Косого, бояринъ и воевода великаго князя Василія Васильевича Темнаго и Іоанна Васильевича, участвовалъ почти во всѣхъ походахъ этихъ великихъ князей. Впервые упоминается И. В. Оболенскій въ 1446 году. Въ этомъ году великій князь былъ захваченъ и ослѣпленъ княземъ галицкимъ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, который заточилъ его съ дѣтьми въ Угличъ. Оболенскій съ князьями Ряполовскими и другими приверженцами великаго князя рѣшился составить заговоръ для его освобожденія; заговорщики на совѣщаніи рѣшили собраться въ условленный день подъ Угличемъ, но Шемяка узналъ объ этомъ и Оболенскому съ нѣкоторыми другими пришлось бѣжать за Волгу, въ Бѣлоозеро. Шемяка послалъ за ними войско, которое было однако разбито Оболенскимъ и Ряполовскими при устьѣ рѣки Мологи. Однак

время итти къ Угличу было упущено и Оболенскій вмѣстѣ съ другими приверженцами Василія Темнаго рѣшилъ бѣжать въ Литву. Въ Литвѣ въ это время уже собралась вся партія князей и бояръ противныхъ Шемякѣ; во главѣ ея стоялъ князь Василій Ярославичъ Боровскій, и Оболенскій вступилъ въ ея ряды. Соединившись въ мѣстечкѣ Пацынѣ, союзники двинулись къ Угличу, но по дорогѣ узнали что великій князь уже собираетъ войско, чтобы вернуть себѣ великокняжескій столъ. Союзники двинулись къ нему на помощь, соединились съ нимъ у Углича и дальнѣйшій походъ совершили вмѣстѣ. Въ 1449 году Оболенскій былъ воеводой въ Костромѣ и вмѣстѣ съ другимъ воеводой Василія Темнаго, Ѳедоромъ Басенкомъ отразилъ нападеніе Шемяки, который, начавъ снова войну съ великимъ княземъ, осадилъ этотъ городъ (т. е. Кострому). Въ 1456 году, когда великій князь пошелъ на Новгородъ, Оболенскій сопровождалъ его и былъ посланъ Василіемъ впередъ на Русу, захватилъ этотъ городъ врасплохъ, взялъ здѣсь много богатствъ и отправилъ ихъ почти со всей своей ратью къ главному войску, а самъ съ небольшимъ отрядомъ двинулся дальше. Не ожидавшій непріятеля, Оболенскій наткнулся на пятитысячное новгородское войско, высланное противъ великокняжеской рати. Однако Оболенскій не отступилъ и, такъ какъ въ рукопашный бой схватиться мѣшали плетни и снѣжные сугробы, приказалъ своимъ воинамъ убивать новгородскихъ лошадей. Благодаря точному исполненію этого приказанія, новгородскій отрядъ пришелъ въ смятеніе, ряды его были разстроены, и москвичи одержали полную побѣду, взявъ въ плѣнъ посадника Михаила Тучу и истребивъ много непріятелей.—Въ 1458 году Оболенскій участвовалъ въ походѣ на Вятку, а въ 1460 году, по просьбѣ псковичей, былъ назначенъ великимъ княземъ намѣстникомъ во Псковъ; 23 марта 1460 года псковичи торжественно посадили его на княженіе и «даша ему всю княжюю пошлину». Чѣмъ Оболенскій заслужилъ такое расположеніе псковичей—неизвѣстно, но въ 1461 году онъ уже ушелъ отъ нихъ, повидимому, безъ особенной ссоры съ ними, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ они снова просили его къ себѣ у великаго князя. Въ 1467 году Стрига былъ посланъ великимъ княземъ помогать московскому служилому царевичу Касиму занять казанское царство, но на Волгѣ встрѣтилъ казанскаго царя Ибрагима, который не далъ ему возможности перейти рѣку и московское войско должно было возвращаться безъ успѣха въ холодную и дождливую осень, причемъ едва не погибло отъ голода, такъ какъ оказался большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Въ 1470 году, когда казанцы напали на верховья рѣки Юга и сожгли городъ Кичменгу и разорили костромскія волости, Оболенскій былъ посланъ на нихъ, прогналъ ихъ, преслѣдовалъ до рѣки Унжи, но догнать не могъ, и, разоривъ черемисскія земли, вернулся въ Москву. Въ 1471 году Оболенскій участвовалъ въ походѣ великаго князя къ Новгороду, а въ 1472 году, при извѣстіи о нашествіи хана Ахмата на московскія области, былъ посланъ къ Окѣ. Въ томъ же году псковичи снова просили его къ себѣ на княженіе, но на этотъ разъ великій князь не согласился на это, сказавъ, что Оболенскій нуженъ ему самому. Въ 1478 году кн. И. В. Оболенскій былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ похода великаго князя къ Новгороду, двинулся туда по Яжелбицкой дорогѣ, и, при распредѣленіи позицій, былъ назначенъ съ владимірскимъ ополченіемъ въ передовой полкъ; 21 ноября Оболенскій получилъ приказаніе занять, подъ главнымъ начальствомъ брата великаго князя—Андрея Васильевича Меньшого—всѣ монастыри въ окрестностяхъ города, чтобы новгородцы не выжгли ихъ. Оболенскій въ одну ночь двинувшись изъ Бронницъ, гдѣ стояло тогда великокняжеское войско, по льду Ильменьскаго озера, исполнилъ порученіе Іоанна III и занялъ всѣ новгородскія окрестности. Когда же новгородцы рѣшились сдаться, Стрига велъ переговоры съ ними отъ имени великаго князя объ условіяхъ сдачи, а послѣ сдачи былъ назначенъ новгородскимъ намѣстникомъ и приводилъ жителей Новгорода къ присягѣ великому князю. Впрочемъ, намѣстничать въ Новгородѣ пришлось ему не долго: въ 1478 году весною онъ умеръ, вѣроятно, отъ моровой язвы, господствовавшей въ то время въ Новгородѣ, успѣвъ однако передъ смертью оказать еще одну важную услугу Іоанну III: онъ отыскалъ и выдалъ ему всѣ письменные договоры, когда-либо заключенные новгородцами съ князьями литовскими. Похороненъ былъ Оболенскій, по собственному желанію, въ Суздалѣ, въ Спасо-Ев-

ѳимьевѣ монастырѣ.—Князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига считается родоначальникомъ князей Стригиныхъ-Оболенскихъ.

Спиридовъ: „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ". М. 1810, II. 352; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза", I, 1069, 1078, 1089, 1092, 1113, 1377, 1381, 1411, 1412, 1413, 1513 пр.); Карамзинъ „Ист. Гос. Рос." (изд. Эйнерлинга),—V, 189, 191, 197, 202, 207 пр. 340, 342, 369, VI, 10, 11, 25, 34, 51, 70—75, 79, 81, 214, пр. 15, 79, 203, 629. Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", Спб. 1889, I, 173, 175, 177, 182, 186, 192, 193, 201, 206, 212, II, 56, 57, 192, 248, 313, 349, 372, 373; Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI, 33, 175, 176, 177, 178, 181, 187, 192, 208, 209, 211, 213, 214, 218, IV, 132, 147, 149, 152, 220, 221, 231, 243, 244, V, 33, 272, 274, VII, 227, VIII, 3, 118, 119, 122, 146, 152, 162, 186, 187, 190, 191, 192, 197, 199, XV, 493; Никон., V, 202—209, 281—283; 285, VI, 4—6, 17—20, 26—27, 45—48, 55; Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ, I, 348; Акты Археографической Экспедиціи, 1, 352; Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в.", Спб. 1888, 308—309; Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей". *Е. Лихачъ.*

Оболенскій, князь, *Иванъ Владимировичъ* Лыко, сынъ князя Владимира Ивановича. Въ 1478 году участвовалъ въ походѣ на Новгородъ и былъ въ отрядѣ князя Андрея Васильевича Меньшого, а послѣ взятія Новгорода былъ назначенъ намѣстникомъ въ Великіе Луки, но началъ такъ притѣснять и грабить жителей, что тѣ разбѣжались за границу, а нѣкоторые жаловались великому князю. Іоаннъ нарядилъ судъ и Оболенскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою. Лучане, узнавъ объ этомъ рѣшеніи великаго князя, начали показывать лишнее, чего Оболенскій и не бралъ съ нихъ и лишнее брать съ намѣстника, котораго великій князь къ тому же отрѣшилъ отъ намѣстничества. Оболенскому все это очень не понравилось и онъ рѣшился воспользоваться стариннымъ правомъ бояръ «отъѣзжать» отъ одного князя къ другому и «отъѣхалъ» къ князю Борису Васильевичу Волоцкому. Іоаннъ, однако, рѣшился наказать отъѣздчика и, нарушивъ древнее право отъѣзда, потребовалъ у Бориса выдачи Оболенскаго, а когда Борисъ отказался сдѣлать это, приказалъ своему намѣстнику въ Боровскѣ, Образцу, схватить тайно Оболенскаго, гдѣ бы то ни было. Образцу удалось выполнить приказаніе великаго князя: Оболенскій былъ захваченъ въ своемъ селѣ, находившемся въ Боровской волости и въ оковахъ отвезенъ въ Москву къ разгнѣванному Іоанну. Вскорѣ, однако, гнѣвъ великаго князя утихъ и въ 1483 году мы уже встрѣчаемъ Оболенскаго посломъ къ крымскому хану, а въ 1487 году онъ участвовалъ въ походѣ на Вятку. Въ 1488 году онъ защищалъ Устюгъ отъ нападенія вятчанъ, въ 1489 году былъ первымъ воеводою двинскаго ополченія въ новомъ походѣ на Вятку и участвовалъ въ покореніи ея; въ 1492 году мы находимъ его вторымъ намѣстникомъ въ Новгородѣ. Въ 1493 году Оболенскій участвовалъ въ литовскомъ походѣ, направленномъ противъ Серпейска, въ 1494 году былъ воеводой въ Торусѣ, въ 1495 году снова въ Новгородѣ, въ 1502 году участвовалъ въ походѣ на Литву и наконецъ въ 1507 году мы находимъ его снова въ Вяткѣ.—Князь Иванъ Владимировичъ считается родоначальникомъ князей Лыковыхъ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукопись Имп. Публ. Библ.) IV, 436; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", Спб. 1889, I, 234, II, 146, 357, 374; Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос." (изд. Эйнерлинга), 90, пр. 156, 269, 312; Никон. VI, 75-104, 109—115; Архангел. 186—187; Разрядная книга,—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн." 1902, I) 15,16, 18, 19).

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Иванъ Михайловичъ* Репня, сынъ князя Михаила Ивановича, бояринъ и воевода великихъ князей Ивана III и Василія Ивановича. Упоминается съ 1490 года, когда, участвуя въ походѣ на Литву, былъ при взятіи Вязьмы. Въ 1491 году былъ посланъ вмѣстѣ съ царевичемъ Сатылганомъ на помощь крымскому хану Менгли-Гирею противъ ордынскихъ царевичей Сеидъ-Ахмета и Шигъ-Ахмета и, совершивъ удачно походъ, прогналъ царевичей. Въ 1493 году участвовалъ въ походѣ на Литву, а въ 1495 году сопровождалъ великаго князя въ Новгородъ, въ слѣдующемъ участвовалъ въ походѣ на Финляндію и принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ Выборга. Въ 1500 году снова участвовалъ въ походѣ на Литву и въ знаменитой побѣдѣ московскаго воеводы князя Даніила Щени надъ литовскими войсками при Ведрошѣ. Въ 1502 году съ сыномъ великаго князя княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ ходилъ на Литву, участвовалъ во взятіи Орши и опустошеніи литовскихъ областей до Полоцка и

Мстиславля. Въ 1503 году снова ходилъ въ Литву; въ 1505 году былъ въ неудачномъ походѣ князя Димитрія Іоанновича подъ Казань, въ 1507 году, когда открылась новая война съ Литвой, ходилъ для опустошенія литовскихъ областей, въ 1508 году участвовалъ въ походѣ подъ Дорогобужъ и во взятіи этого города. Въ 1509 году Оболенскій былъ намѣстникомъ въ Псковѣ и сразу же сталъ въ непріязненныя отношенія съ жителями его, такъ какъ пріѣхалъ въ Псковъ помимо ихъ желанія, но по назначенію великаго князя. Эти взаимныя отношенія скоро перешли во враждебныя, такъ что, когда осенью великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, ему были вручены жалобы и отъ намѣстника и отъ псковичей: первый жаловался, что псковичи держатъ его нечестно, не такъ, какъ держали прежнихъ намѣстниковъ, въ суды и доходы великокняжескіе вмѣшиваются и не съ достаточнымъ уваженіемъ относятся къ его людямъ. Псковичи также жаловались, что намѣстникъ, его люди и пригородскіе намѣстники обижаютъ ихъ, и просили дать имъ другого намѣстника, такъ какъ съ Оболенскимъ они жить не могутъ. Для суда были приглашены въ Новгородъ къ великому князю и намѣстникъ и псковскіе посадники и старосты, но здѣсь вмѣсто суда псковичи были арестованы, а псковское самоуправленіе уничтожено. Впрочемъ, другія лѣтописи разсказываютъ, что великій князь, выслушавъ жалобы той и другой стороны, нашелъ, что виноваты псковичи, которые не слушались намѣстника, въ суды и пошлины великокняжескіе вступались и держали его не такъ, какъ прежнихъ намѣстниковъ, но что и Оболенскій былъ не правъ, причиняя много обидъ псковичамъ; посадники были арестованы и отданы подъ стражу, и Псковъ лишенъ независимости главнымъ образомъ за то, что псковичи «государское имя презирали, нечестно держали». Какъ бы то ни было, но изъ этого лѣтописнаго извѣстія мы можемъ заключить, что Оболенскій дѣйствовалъ по отношенію къ псковичамъ не совсѣмъ «по старинѣ», можетъ быть, не безъ согласія и одобренія великаго князя. Съ 1512 года князь Иванъ Михайловичъ появляется на театрѣ войны съ Литвою: онъ сопровождалъ великаго князя во всѣхъ трехъ его смоленскихъ походахъ, а во время втораго похода въ 1513 году былъ посланъ изъ Боровска къ Смоленску впередъ съ самостоятельнымъ сильнымъ отрядомъ, встрѣтилъ недалеко отъ городского вала тамошняго намѣстника Юрія Соллогуба, разбилъ его и осадилъ городъ. Умеръ князь Иванъ Михайловичъ въ 1523 году. Кн. И. М. Оболенскій-Репня считается родоначальникомъ князей Репниныхъ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородныхъ росс. дворянъ", М. 1810, II, 334; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", Спб. 1889, I, 289; Соловьевъ (изъ т—ва „Общ. Польза") I, 1598, 1599, 1608; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 128, 196 пр. 431, 483, 541, 544, 629, VII, 19, 21, 22, 34, 35, пр. 9, 36, 57, 94, 98, 383; Разрядная книга—изд. Милюкова („Чтен. Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1902, I) 9, 20, 23, 26, 32, 34, 37, 42, 48. 52, 53; Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 159, 160, 282, 283—284, VI, 24, 25, 38, 240, 250, 253, VIII, 223, 231, 246, 251, 253. Никон. VI, 127, 296; Архангел. 213; Русскій Временникъ, II, 278; Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI в.", Спб. 1888, 306, прил. 14, 15.

Е. Лихачъ.

Оболенскій - Телепневъ, князь *Иванъ Өедоровичъ* Овчина, сынъ князя Өедора Васильевича Телепня, извѣстный бояринъ и воевода. Упоминается съ 1511 года, когда былъ воеводою въ Тулѣ. Въ 1512 году Оболенскій былъ воеводой въ Стародубѣ и въ томъ же году отражалъ нападеніе крымскихъ татаръ, бывшихъ подъ начальствомъ Ширинскихъ князей, на окрестности города Козельска. Въ 1515 году князь участвовалъ въ походѣ на Литву, въ 1517 году снова былъ въ Стародубѣ, а въ 1518 году ходилъ съ московскимъ войскомъ подъ Могилевъ, въ качествѣ второго воеводы передового полка и участвовалъ въ опустошеніи литовскихъ областей. Въ 1519 году Овчина снова былъ воеводой въ Стародубѣ, отсюда опять ходилъ на Литву; въ 1520 году былъ воеводой въ Торусѣ, въ 1521 году, во время нашествія крымскаго хана, съ другими воеводами былъ отправленъ противъ него къ Серпухову и весь этотъ годъ провелъ въ Серпуховѣ, а въ 1522 году былъ опять въ Торусѣ. Въ 1524 году князь Иванъ Өедоровичъ былъ отправленъ съ другими московскими воеводами подъ Казань и въ конномъ отрядѣ воеводы Хабара Симскаго участвовалъ въ битвѣ съ татарами на Свіягѣ и при осадѣ Казани. Въ 1526 году Оболенскій упоминается въ чинѣ свадьбы великаго князя на княжнѣ Еленѣ Глинской; въ 1527 году отражалъ нашествіе крымскаго царевича Исламъ-Гирея на русскія области и въ

томъ же году былъ сперва воеводой въ Рославлѣ, а потомъ намѣстникомъ въ Калугѣ. Въ 1529 году былъ послѣдовательно: воеводой въ Коломнѣ, въ Рославлѣ и снова въ Коломнѣ. Въ 1530 году былъ въ казанскомъ походѣ первымъ воеводой передового полку, въ конной рати, шедшей подъ начальствомъ князя Михаила Глинскаго, участвовалъ въ бою съ казанцами и въ осадѣ Казани, причемъ отличился, пробивъ брешь въ городской стѣнѣ и ворвавшись въ предмѣстье города. Въ 1531 году, когда получено было извѣстіе, что крымскіе татары собираются походомъ на Москву, былъ посланъ къ Козельску первымъ воеводой передового полку. Въ 1532 году князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ пожалованъ въ бояре и вообще около этого времени онъ начинаетъ выдвигаться и дѣлается однимъ изъ видныхъ лицъ при дворѣ и однимъ изъ способнѣйшихъ и отважнѣйшихъ московскихъ воеводъ того времени. Въ 1533 году, во время новаго нашествія крымцевъ, былъ между другими воеводами у Оки и посланъ былъ съ легкимъ отрядомъ за Оку для добыванія языковъ, напалъ на толпу татаръ, разбилъ ее, но въ преслѣдованіи наткнулся на главное войско враговъ и едва спасся, а послѣ отраженія татаръ получилъ приказаніе ѣхать въ Москву, гдѣ былъ пожалованъ высокимъ чиномъ конюшаго и посланъ воеводой въ Коломну, гдѣ провелъ и 1534 годъ, до самой смерти великаго князя.

Послѣ 1534 года положеніе Оболенскаго совершенно измѣняется: молодой, красивый и статный онъ сумѣлъ овладѣть сердцемъ пылкой великой княгини и вступилъ съ нею въ связь. Это, конечно, измѣнило и положеніе Телепнева при дворѣ и въ государствѣ: великій князь былъ малъ и Елена управляла всѣмъ, а Еленой не трудно было управлять Оболенскому. Ему только нужно было отстранить отъ себя всѣхъ бояръ, которые могли бы воспрепятствовать его вліянію на дѣла. Къ числу такихъ лицъ прежде всего относился дядя великой княгини—извѣстный князь Михаилъ Глинскій, который также видѣлъ опасность для своего до сихъ поръ неограниченнаго вліянія на великую княгиню со стороны Оболенскаго и убѣждалъ Елену прекратить постыдную связь съ Телепневымъ. Положеніе обострилось и наконецъ Елена принуждена была для Оболенскаго пожертвовать Глинскимъ: вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, Глинскій былъ схваченъ и обвиненъ въ томъ, что хотѣлъ, пользуясь малолѣтствомъ великаго князя, держать государство въ своихъ рукахъ, а кромѣ того въ томъ, что онъ отравилъ великаго князя литовскаго Александра. Оба обвиненія были явно несправедливы, но, тѣмъ не менѣе, обвиняемые были заключены въ тюрьму, гдѣ Глинскій скоро и умеръ. Немного раньше заключенія Глинскаго бѣжали въ Литву, князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій. Телепневъ воспользовался и этимъ, чтобы заключить въ тюрьму еще двухъ бояръ, опасныхъ для его самовластія: обвинены были въ соумышленничествѣ съ бѣглецами князья Иванъ Бѣльскій и Иванъ Воротынскій. Послѣ этихъ строгостей уже не нашлось болѣе бояръ, которыхъ нужно было бы устранять, такъ какъ двое другихъ приближенныхъ покойнаго великаго князя, имѣвшіе право на значеніе въ малолѣтство его сына, князь Василій Шуйскій и Шигона Поджогинъ показывали видъ, что они довольны своимъ положеніемъ и не желаютъ первенства, да и Телепневъ относился къ нимъ, особенно къ первому, съ большимъ уваженіемъ и уступалъ ему первыя мѣста, поступая однако во всемъ такъ, какъ самъ хотѣлъ. Для того, чтобы еще болѣе усилить свою власть, онъ рѣшилъ и малолѣтняго Іоанна подчинить своему надзору и приставилъ къ нему въ главныя воспитательницы свою сестру Аграфену Челяднину, которая, кажется, была посредницей и при сближеніи своего брата съ великой княгиней. Обезпечивъ себя такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, Оболенскій началъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, зная, что всѣ его распоряженія будутъ утверждены великой княгиней. Это громадное вліяніе фаворита прежде всего сказалось въ дѣлѣ князя Андрея Іоанновича Старицкаго, брата покойнаго великаго князя, поссорившагося съ великой княгиней за то, что она не хотѣла придать ему городовъ къ его отчинѣ. Послѣ долгихъ взаимныхъ неурядицъ и споровъ, по доносу, сдѣланному Оболенскому, что князь Старицкій хочетъ бѣжать въ Литву, Телепневъ съ согласія Елены рѣшилъ преградить путь князю и двинулся съ войскомъ и другимъ воеводой, княземъ Никитой Оболенскимъ къ Волоку. Андрей Іоанновичъ, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ дѣйствительно бѣжать

выѣхалъ изъ Старицы на сѣверъ къ Новгороду, собравъ вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ себя довольно большое ополченіе. Оболенскій, узнавъ объ этомъ, послалъ князя Никиту приготовить Новгородъ къ оборонѣ на случай, если Андрей двинется туда, а самъ пошелъ въ погоню за Старицкимъ княземъ и догналъ его въ Тухолѣ въ пяти верстахъ отъ Заячьяго Яма. Войска обѣихъ сторонъ были готовы къ битвѣ, но здѣсь между предводителями ихъ начались переговоры, о которыхъ, впрочемъ, лѣтописи разсказываютъ различно: однѣ говорятъ, что началъ переговоры Андрей и обѣщалъ бросить оружіе, если Оболенскій поклянется ему, что Елена и великій князь не схватятъ его и не положатъ на него большой опалы. Оболенскій, безъ вѣдома великой княгини, поклялся и Андрей спокойно пріѣхалъ въ Москву, гдѣ однако Елена, недовольная на своего любимца за своевольную клятву, приказала схватить Андрея и посадить его въ тюрьму. Другія лѣтописи разсказываютъ, что началъ переговоры Телепневъ, тогда какъ Андрей хотѣлъ сраженія, что по приказу Елены ея любимецъ обѣщалъ Андрею придачи къ его отчинѣ и полное прощеніе и что только склонясь на это обѣщаніе, князь Старицкій поѣхалъ въ Москву. Какъ бы то ни было, но этотъ фактъ показываетъ, какъ сильно было вліяніе Оболенскаго въ это время, когда даже гонцы съ доносомъ ѣздили не къ великой княгинѣ, а къ Оболенскому, и фаворитъ великой княгини отъ ея имени заключалъ договоръ или велъ войну. Не безъ значительнаго участія Оболенскаго велась и война съ Литвой. Оболенскій, уступая первое мѣсто старѣйшимъ воеводамъ, тѣмъ не менѣе, пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, довольствуясь, повидимому, второстепеннымъ, но виднымъ положеніемъ воеводы передового полку: такъ ходилъ онъ въ октябрѣ 1535 года съ княземъ Михаиломъ Горбатымъ-Суздальскимъ, опустошая литовскія области почти до самой Вильны, такъ ходилъ онъ и въ 1536 году съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ подъ Мстиславль, окрестности котораго были опустошены московскимъ войскомъ. Но рѣзче всего проявилось значеніе, которымъ пользовался Оболенскій, когда пришлось вести съ Литвой переговоры о мирѣ: большинство пословъ пріѣзжало не къ великому князю и не къ боярской думѣ, а прямо къ Телепневу, подъ видомъ переписки его съ своимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Ѳедоромъ Оболенскимъ, находившимся въ то время въ плѣну въ Литвѣ, или непосредственно съ гетманомъ литовскимъ Радзивилломъ. Вообще во все это правленіе, если мы и встрѣчаемъ выраженія, что рѣшаетъ дѣла великій князь, разсуждая съ боярами, то все это выраженія лишь оффиціальнаго языка; на самомъ дѣлѣ, всѣ дѣла рѣшались Еленой, при непосредственномъ участіи и вліяніи Телепнева. Разумѣется, не легко покорялись этому бояре, которые думали, что имѣютъ на это вліяніе больше правъ, чѣмъ князь Оболенскій и которые надѣялись на осуществленіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ въ слабое женское правленіе Елены, но обманулись и оказались подъ властью всесильнаго и энергичнаго временщика. Послѣ опалы Глинскаго, Бѣльскаго и Воронцова никто уже не рѣшался явно противодѣйствовать фавориту, но тайныхъ враговъ у него было много. Первымъ и главнымъ изъ нихъ былъ важный и родовитый бояринъ князь Василій Шуйскій, который готовъ былъ при первомъ удобномъ случаѣ уничтожить Оболенскаго. Этотъ случай скоро представился: 3 апрѣля 1538 года великая княгиня Елена умерла, по словамъ Герберштейна—отъ яда, поднесеннаго ей Шуйскимъ, которому уже надоѣло его второстепенное положеніе. Съ этой смертью, Телепневъ-Оболенскій лишился своей главной поддержки; впрочемъ, онъ не терялъ еще надежды остаться на достигнутой имъ высотѣ, разсчитывая на малолѣтняго великаго князя, любовь котораго сумѣла пріобрѣсти его сестра, мамка Іоанна, Аграфена Челяднина, и который привязался къ самому Оболенскому. Но этотъ разсчетъ не оправдался: бояре, враждебные Оболенскому, обращали слишкомъ мало вниманія на волю Іоанна: по настоянію Шуйскаго, на седьмой же день по смерти Елены, Оболенскій вмѣстѣ съ своей сестрой были схвачены; первый былъ отправленъ въ заключеніе и умеръ въ тюрьмѣ отъ недостатка пищи и дурного ухода, а вторая была пострижена въ Каргополѣ. Герберштейнъ говоритъ даже, что Оболенскій, посаженный въ тюрьму, будто бы былъ разсѣченъ на части.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ“, М. 1810, II, 330—332; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза“) I,

1641, II, 6, 8—11, 13—16, 24, 29, 30; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, 92, 98, 105, пр. 201, 265, 302, VIII, 6, 9, 11, 17, 19, 21, 23, 26, 28, 30, 31, 49, пр. 2, 12, 16, 69, 74, 75; „Древн. Росс. Вивліоѳика", (2 изд.) XX, 25; Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей"; Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 149, 199, IV, 302, VI, 266—267, 293, 302, VIII 268, 270, 273, 284, 288, 290, 293, 294; Никон. VI, 257 и сл, VII 1—214; Царственная Книга, 1—94; Разрядная Книга—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1902, I"), 59, 65, 66, 67, 68, 72, 75—81, 85, 86, 88—90, 92, 96, 100, 104; Герберштейнъ: „Записки о Московіи", Спб. 1866, 43, 165; Лихачевъ: „Разрядныя дьяки XVI в.", Спб. 1888, 81, 305 прил. 14, 25. Акты Археогр. Экспедиціи I, 337. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій, князь *Иродіонъ Андреевичъ,* статскій совѣтникъ, въ должности гофмейстера Императорскаго Двора, сынъ тайнаго совѣтника князя Андрея Петровича и братъ извѣстнаго археолога и историка князя Михаила Андреевича Оболенскаго. Родился въ Москвѣ 1-го янв. 1820 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 22 авг. 1891 г. Первоначальное образованіе кн. Оболенскій получилъ дома подъ руководствомъ своей матери, урожденной княжны Гагариной; затѣмъ, въ 1836 году, 16-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, но пробылъ въ университетѣ всего одинъ годъ и въ ноябрѣ 1837 года уже поступилъ на службу въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора. Служба его въ канцеляріи губернатора была самой заурядной: черезъ два года по поступленіи туда онъ былъ произведенъ въ первый классный чинъ, а спустя еще четыре года въ губернскіе секретари. Въ 1843 году, согласно своему желанію, онъ былъ прикомандированъ къ назначенному для ревизіи Астраханской губерніи сенатору князю Гагарину. Къ этому времени относится его знакомство съ И. С. Аксаковымъ, который въ своихъ письмахъ къ родителямъ упоминаетъ о кн. Оболенскомъ, какъ о человѣкѣ, хоть и невыдающагося ума, но чрезвычайно честномъ, добромъ, воспитанномъ, крайне невзыска-тельномъ и готовомъ на всякое доброе дѣло. Участіе князь Оболенскаго въ ревизіонной коммиссіи выразилось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, онъ былъ помощникомъ И. С. Аксакова по обревизованію Астраханскаго уѣзднаго суда, затѣмъ осматривалъ, во всѣхъ ли помѣщичьихъ имѣніяхъ есть сельскіе магазины, и, наконецъ, принималъ участіе въ морской экспедиціи для изслѣдованія Эмбенскихъ водъ Каспійскаго рыболовства и прочихъ особен-ностей Каспійскаго моря. Вообще, во все время нахожденія въ командировкѣ, онъ исполнялъ возложенныя на него обязанно-сти съ особеннымъ усердіемъ. Въ 1845 году кн. Оболенскій, согласно прошенію, былъ назначенъ почетнымъ смотрителемъ Верей-скаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ на службѣ въ канцеляріи губернатора, в въ слѣдующемъ году за отлично-усердную службу произведенъ въ коллежскіе секре-тари. Въ 1848 году онъ былъ опредѣленъ на вакансію члена конторы Московско дѣтской больницы съ оставленіемъ въ должности почетнаго смотрителя Верей-скаго училища, но въ слѣдующемъ году былъ уволенъ отъ послѣдней должности Въ іюнѣ 1850 года ему была изъявлена признательность московскаго военнаго ге-нералъ-губернатора за особенное усердіе оказанное имъ въ 1848 году при раздач пособій пострадавшимъ отъ холерной эпи-деміи и въ томъ же году князь былъ про-изведенъ въ титулярные совѣтники. В 1854 году онъ оставилъ службу по Ми-нистерству внутреннихъ дѣлъ и былъ п-реведенъ первымъ переводчикомъ въ Мо-сковскій Главный Архивъ Министерств иностранныхъ дѣлъ. Произведенный въ коллежскіе ассесоры, князь былъ пожало-ванъ въ камеръ-юнкеры Высочайшаго Двора Произведенный постепенно въ коллежскі и статскіе совѣтники, кн. Оболенскій был пожалованъ въ 1862 году въ званіе ка-мергера, а въ 1865 году назначенъ гоф-мейстеромъ Императорскаго Двора. В 1879 году онъ получилъ орденъ св. Вла-димира 4-й степени за 35-тилѣтнюю служб а въ 1883-году послѣднюю награду—знак отличія безпорочной службы за XL лѣт

Долгоруковъ: „Россійская родосл. книга" „Придворный календарь" на 1891 годъ; „И. С Аксаковъ въ его письмахъ", М. 1888, т. Формулярный списокъ о службѣ, хранящійс въ С.-Пб. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Со-общеніе кн. М. А. Мещерской.

А. А. Петровъ.

Оболенскій, князь, *Михаилъ Але-ксандровичъ,* статсъ-секретарь, сенаторъ тайный совѣтникъ; родился въ 1821 год въ Москвѣ, умеръ 6-го марта 1886 года Первоначальное образованіе князь Обо-ленскій получилъ дома подъ руковод-ствомъ своего отца кн. Александра Пе-тровича и матери Аграфены Юрьевны урожденной Пелединской-Мелецкой; затѣмъ воспитывался въ бывшемъ Московском

дворянскомъ институтѣ и закончилъ образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ. По окончаніи курса, съ чиномъ IX класса, опредѣлился на службу въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, а въ августѣ 1841 года былъ откомандированъ на время для занятій въ Московскій Главный Архивъ этого министерства. Ровно черезъ годъ былъ причисленъ — сверхъ штата — къ нашему посольству въ Берлинѣ, и въ ноябрѣ 1843 года назначенъ младшимъ секретаремъ посольства въ Мюнхенѣ. Черезъ два съ половиною года былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Вѣну. Въ началѣ 1851 года семейныя обстоятельства заставили князя покинуть дипломатическую службу: согласно прошенію, онъ былъ отозванъ изъ Вѣны и причисленъ вновь къ Московскому Главному Архиву. По собственному признанію кн. Оболенскаго, наибольшее вліяніе на него, за время его службы за границей, оказывалъ баронъ Мейендорфъ, а позднѣйшая дѣятельность князя показала, что вліяніе это было чрезвычайно благотворнымъ. Въ октябрѣ 1852 г. князь былъ переведенъ въ Министерство Двора съ назначеніемъ совѣтникомъ Московской Дворцовой Конторы. Въ этой должности онъ прослужилъ около пяти лѣтъ и принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ коронаціи императора Александра II и въ самомъ торжествѣ послѣдней. Въ 1857 году кн. Оболенскій вышелъ въ отставку, а 9-го апрѣля 1859 года снова поступилъ на службу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Пожалованный въ званіе камеръ-юнкера, онъ въ томъ же 1859 году былъ командированъ въ распоряженіе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. На югѣ Россіи князь успѣлъ отличиться своими мѣропріятіями по борьбѣ съ саранчей. Отчисленный отъ занятій при новороссійскомъ ген.-губерн., онъ въ концѣ 1865 года былъ прикомандированъ къ Земскому отдѣлу для занятій въ немъ, а чрезъ три мѣсяца, 4-го февраля 1866 года, назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, гдѣ въ то время губернаторомъ былъ, князь Багратіонъ. Ко времени пребыванія его въ послѣдней должности относится слѣдующій характерный случай: въ однѣ сутки онъ сумѣлъ положи тьконецъ начавшимся между крестьянами одной волости волненіямъ, не прибѣгая къ вызову военной силы. За эту заслугу онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и вскорѣ былъ пожалованъ въ камергеры Высочайшаго Двора. Въ должности тверского вице-губернатора онъ пробылъ два года съ небольшимъ и за это время одиннадцать разъ управлялъ губерніей на правахъ губернатора. 31 мая 1868 года князь былъ назначенъ ковенскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ пробылъ шесть лѣтъ и оставилъ по себѣ память опытнаго и дѣловитаго администратора. Его дѣятельность въ Ковнѣ тѣсно связана съ тѣми тяжелыми условіями, въ какія было поставлено населеніе губерніи событіями польскаго мятежа 1863 года и репрессаліями Муравьева, направленными къ его подавленію. Разоренное сельское населеніе съ трудомъ перенесло 1867-й неурожайный годъ; въ 1868 году виды на урожай были не лучше, и населенію угрожалъ голодъ, тѣмъ болѣе, что всѣ торговые обороты въ губерніи были въ рукахъ ковенскихъ евреевъ-капиталистовъ, жестоко эксплоатировавшихъ бѣдный людъ. Вотъ тутъ-то князь М. А. и проявилъ свои дипломатическія способности: онъ сумѣлъ усыпить бдительность капиталистовъ-евреевъ, заключивъ съ однимъ изъ нихъ секретное условіе на поставку муки въ опредѣленные пункты, обезпечилъ себѣ доставку хлѣба по дешевымъ цѣнамъ изъ южныхъ губерній и не только избавилъ милліонное населеніе отъ голоданія, но уменьшилъ недоимку по губерніи на 1.022.321 р. 82¾ к., за что и получилъ Высочайшее благоволеніе. По его ходатайству объ облегченіи положенія бѣдныхъ чиновниковъ, цесаревичъ Александръ Александровичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ III) выслалъ въ его распоряженіе для раздачи чиновникамъ 10.000 рублей и обѣщалъ просить Государя объ усиленіи этого капитала. Кромѣ того, князь воспользовался наплывомъ въ городъ голоднаго пролетаріата для производства многихъ работъ, и Ковна своимъ нынѣшнимъ благоустройствомъ во многомъ обязана этимъ работамъ. Вообще, кн. М. А. оставилъ по себѣ хорошую память въ Ковенской губерніи. Благодаря его ходатайству, цесаревичъ Александръ Александровичъ пожертвовалъ ковенскому Свято-Никольскому братству значительную сумму для образованія неприкосновеннаго капитала. Сельское населеніе за время его управленія губерніей успѣло уплатить скопившіяся за время мятежа и неурожаевъ

недоимки казенныхъ сборовъ.—Разсматривавшійся въ половинѣ 80-хъ годовъ въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о такъ называемыхъ вольныхъ людяхъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ—былъ впервые поднятъ кн. М. А. Оболенскимъ. Извѣстно отношеніе нашего правительства къ дѣлу объ уніи и уніатахъ въ сѣверо-западномъ краѣ; бѣлоруссы стремились къ православію не вездѣ, и князь это понималъ, но, признавая, что хоть дѣло ихъ обращенія въ православіе не обходится безъ «промаховъ, ошибокъ, увлеченій, преувеличеній, злоупотребленій и даже, быть можетъ, преступленій», полагалъ, что «время сгладитъ слѣды возможныхъ во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ недостатковъ и занесетъ на страницы исторіи великое дѣло». Съ Виленской администраціей князь не ладилъ: ему часто приходилось избавлять отъ ея несправедливыхъ нападокъ своихъ лучшихъ сотрудниковъ и не безъ большого труда отстаивать ихъ и спасать отъ изгнанія. Къ своимъ прямымъ обязанностямъ князь относился чрезвычайно добросовѣстно: за работой онъ проводилъ много безсонныхъ ночей, бывали цѣлыя недѣли, когда ему удавалось заснуть въ ночь не болѣе, чѣмъ на 3—4 часа. Такая усердная работа была замѣчена покойнымъ императоромъ Александромъ II-ымъ, который дважды выражалъ князю свое Монаршее благоволеніе и пожаловалъ его кавалеромъ орденовъ св. Станислава и св. Анны 1-хъ степеней. По совершенно разстроенному здоровью и въ виду постоянныхъ противодѣйствій его лучшимъ начинаніямъ со стороны Виленской администраціи, князь выпросилъ себѣ увольненіе отъ должности Ковенскаго губернатора, и 10 января 1874 года былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Отдохнувъ и оправившись отъ болѣзни, князь въ концѣ 1874 года принялъ должность Воронежскаго губернатора. 1 января 1876 года былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й ст.; въ сентябрѣ того же года сопровождалъ за границу заболѣвшаго шефа жандармовъ ген.-ад. Потапова, а въ 1877 году былъ назначенъ коммисаромъ при румынскомъ правительствѣ съ сохраненіемъ должности губернатора. Состоя коммисаромъ, князь Оболенскій доказалъ, что румынское правительство должно Россіи 6 милліоновъ рублей и что претензіи румынскихъ поставщиковъ
къ нашей арміи простираются не до 3
милліоновъ рублей, а всего до 8 милліо
новъ франковъ. За эту заслугу онъ был
произведенъ въ тайные совѣтники, а вскор
назначенъ статсъ-секретаремъ и сенато
ромъ.— 6 марта 1886 г. кн. М. А. Обо
ленскій скончался отъ крупознаго восп
ленія легкихъ. По словамъ его прежних
сослуживцевъ, князь велъ записки, но в
печати онѣ еще не появлялись.

Полный послужный списокъ. „Московск
Вѣдомости“ 1886 года, № 69; „Русскій Ар
хивъ“ 1886 г., т. II; Энциклоп. словар
Брокгауза и Ефрона. *А. А. Петровъ.*

Оболенскій, князь *Михаилъ Андре*
вичъ, археографъ, археологъ, директор
московскаго архива министерства ин
странныхъ дѣлъ, гофмейстеръ. Родился в
1805 г., скончался 22 января 1873 г. в
Петербургѣ. Согласно обычаю, господств
вавшему въ то время въ нашихъ зна
ныхъ семействахъ князь, 13-лѣтнимъ мал
чикомъ былъ опредѣленъ пажемъ; въ 1823
онъ былъ произведенъ въ камеръ-пажи,
черезъ два года поступилъ на дѣйствител
ную службу прапорщикомъ въ лейбъ-гва
діи Финляндскій полкъ. Въ 1828 г. кня
Оболенскій былъ произведенъ въ подпор
чики и въ слѣдующемъ же году приня
участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вмѣс
съ финляндскимъ полкомъ князь Оболен
скій участвовалъ въ переправѣ за Дуна
затѣмъ при осадѣ и взятіи Варны; въ ср
женіи 16 сентября князь былъ раненъ п
лей въ лѣвую ногу и принужденъ был
вмѣстѣ съ другими ранеными, отправить
для излѣченія въ Одессу. За выказанну
«храбрость и неустрашимость» князь бы
награжденъ золотой шпагой съ надпись
«за храбрость» и произведенъ въ пор
чики. Но полученная рана застави
князя скоро оставить службу: въ 1831
онъ, въ чинѣ капитана, вышелъ въ о
ставку для опредѣленія къ статскимъ д
ламъ и вскорѣ былъ назначенъ состоя
при председателѣ временнаго правлен
Царства Польскаго для особыхъ поручені
Впрочемъ, польскіе мятежи скоро поб
дили князя опять взяться за только ч
оставленное оружіе и за отличіе и хра
рость, выказанныя въ дѣлахъ 19—21 а
густа, кн. Оболенскій былъ пожалова
орденомъ св. Владиміра 4 степени съ ба
томъ. Въ 1832 г. князь Оболенскій,
чинѣ коллежскаго ассесора назначенъ бы
завѣдующимъ секретной частью канце

ріи намѣстника Царства Польскаго, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ на службу министерства иностранныхъ дѣлъ и былъ назначенъ къ московскому главному архиву, въ которомъ и прослужилъ почти 40 лѣтъ, сначала въ качествѣ переводчика, затѣмъ главнаго смотрителя въ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ и, наконецъ, въ качествѣ директора архива. Здѣсь-то кн. Оболенскій и стяжалъ себѣ то почетное имя, которое, по выраженію Костомарова, «останется надолго памятнымъ въ лѣтописяхъ отечественной науки». Съ первыхъ же шаговъ своей службы въ архивѣ, кн. Оболенскій горячо принялся за дѣло изученія историческихъ памятниковъ и документовъ и уже въ 1834 г. появилось его изданіе «Деньги Великаго Новгорода». Изданная затѣмъ имъ въ 1837 г. такъ-называемая «Супральская лѣтопись» скоро обратила на князя вниманіе ученыхъ обществъ и кн. Оболенскій, уже въ то время членъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, былъ избранъ въ члены археологической коммиссіи. Наконецъ, въ декабрѣ 1840 г. князь былъ назначенъ исправляющимъ должность управляющаго архивомъ, въ 1848 г. былъ утвержденъ въ этой должности и лишь въ маѣ 1868 г. переименованъ директоромъ архива. Ставъ во главѣ управленія такой богатой сокровищницы матеріаловъ для русской исторіи, какъ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князь Оболенскій, успѣлъ извлечь изъ него не мало драгоцѣнныхъ памятниковъ и самостоятельно или при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ по архиву (какъ напримѣръ, А. Н. Аѳанасьевъ, С. С. Ивановъ, М. Н. Полуденскій) приготовить къ печати и обнародовать ихъ въ различныхъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ и въ изданіяхъ отдѣльныхъ. Кромѣ упомянутой «Супральской лѣтописи», князь издалъ еще два лѣтописныхъ памятника «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» и «Новый Лѣтописецъ». Затѣмъ, по его почину было издано довольно значительное собраніе историческихъ актовъ, какъ напримѣръ, «Книга Посольская», «Метрики Великаго Княжества Литовскаго» и др. Кромѣ того, не мало актовъ обнародовалъ князь и въ своемъ «Сборникѣ князя Оболенскаго», коего съ 1838 г. по 1840 г. вышло одиннадцать выпусковъ. Въ составъ сборника вошли частью — акты, хранящіеся въ архивѣ, частью — принадлежавшіе князю, и затѣмъ пожертвованные имъ въ архивъ. Каждый выпускъ сборника посвященъ изданію какого-либо одного акта. Содержаніе актовъ относится къ эпохѣ XVI и XVII вѣковъ, въ особенности привлекавшей вниманіе князя. Въ 1847 и 1848 г. кн. Оболенскій издалъ въ 4 небольшихъ выпускахъ «Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи», напечатанные имъ также и въ «Чтеніяхъ моск. общ. исторіи и древн. россійскихъ», кстати, отмѣтить, что еще ранѣе того (1839 г.) онъ перепечаталъ одинъ любопытный разсказъ, относящійся къ эпохѣ смутнаго времени и составленный очевидцемъ, какимъ-то голландскимъ купцомъ: «La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'Imposteur». Изъ прочихъ многочисленныхъ изданій кн. Оболенскаго важно отмѣтить: «Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича» (роскошно изд. 1856 г., отпечатан. въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ), «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства» (изд. 1861—1862 г. коммиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, коей управляющимъ былъ князь). Кромѣ перечисленныхъ отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ подъ наблюденіемъ князя Оболенскаго, отечественная наука обязана князю цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, напечатанныхъ имъ въ различныхъ повременныхъ и періодическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Чтеніяхъ моск. общ. исторіи и древн. россійскихъ», «Архивѣ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній» Калачева, «Запискахъ одесскаго общ. исторіи и древностей», «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ», «Библіографическихъ Запискахъ», «Русскомъ Архивѣ», «Журналѣ Землевладѣльцевъ», «Православномъ Обозрѣніи». Не мало потрудился кн. М. А. Оболенскій и въ качествѣ археолога, въ особенности во время своего предсѣдательства въ ученой коммиссіи по возобновленію палатъ бояръ Романовыхъ. Реставрація романовскихъ палатъ — одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ исторіи русской археологіи. Не разъ подвергавшійся пожарамъ, перестройкамъ, порою даже варварскимъ (съ точки зрѣнія археологіи) передѣлкамъ, этотъ древній драгоцѣнный па-

мятникъ старины былъ однажды приговоренъ даже къ уничтоженію. Но благодаря лицамъ, умѣвшимъ цѣнить памятники историческіе, романовскія палаты не только не погибли, но были сохранены и возстановлены средствами, коими располагали наши археологическія науки. «Явилась мысль», говоритъ Костомаровъ, «создать наглядный образчикъ старинной русской жизни начала XVII вѣка, доступный всѣмъ и каждому. Несмотря на передѣлки старое зданіе все еще представляло въ своемъ расположеніи черты, объясняющія какъ древнее жилье, такъ, отчасти, и пріемы старинной жизни. Чего недоставало, то было возобновлено на основаніи дѣйствительно существующихъ вещественныхъ памятниковъ древности». Серьезное вниманіе обращено было также и на обстановку палатъ, которая была составлена изъ вещей дѣйствительно принадлежавшихъ современникамъ той эпохи. Не мало вещей пожертвовалъ при этомъ изъ своей археологической коллекціи и кн. М. А. Оболенскій. Помимо дѣятельности князя въ главномъ архивѣ и въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи по возобновленію романовскихъ палатъ, достойно упоминанія и завѣдываніе его учрежденнымъ при московской оружейной палатѣ государственнымъ древнехранилищемъ хартій, рукописей и печатей, каковое Высочайшее порученіе было возложено на него въ 1853 г. Кромѣ того, не мало потрудился кн. М. А. Оболенскій и какъ сотрудникъ многихъ ученыхъ обществъ. Князь состоялъ членомъ московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей, археологической и археографической коммиссій, музеума древностей и виленской временной археологической коммиссіи, членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и археологическаго общества, членомъ кіевской временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, почетнымъ членомъ московскаго и казанскаго университетовъ, общества любителей словесности при казанскомъ университетѣ, общества исторіи и древностей остзейскихъ губерній, Императорской публичной библіотеки и др. Наконецъ, за нѣсколько лѣтъ до смерти (въ 1869 г.), кн. М. А. Оболенскій былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей алатырскаго уѣзда (симбирской губ.) и почетнымъ мировымъ судьей въ съѣздѣ мировыхъ судей каменецкаго округа (подольской губ.). Скончался кн. М. А. Оболенскій 12 января 1873 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ остановился было проѣздомъ з. границу для поправленія здоровья, сильн пошатнувшагося за послѣдніе годы жизн особенно послѣ потери единственнаго сын Эта потеря сильно подѣйствовала на князя князь и прежде любившій уединеніе, н отличавшійся особенной общительностью легко раздражаемый, сталъ жить еще уедн ненпѣе, сталъ еще менѣе доступнымъ, болѣе суровымъ. Большинство воспомин ній, воздавая должное трудамъ князя н поприщѣ отечественной науки, не зама чиваютъ нѣкоторыхъ особенностей въ х рактерѣ князя, которыя не могли привле къ нему симпатій, какъ къ человѣку. Во поминанія указываютъ на нѣкоторую жес кость его нрава, его суровость, часто н доступность и порою грубость по отнош нію къ сослуживцамъ.—По службѣ кн. М. А Оболенскій дошелъ до чина тайнаго совѣ ника, имѣлъ ордена до ордена Бѣлаго Ор включительно. По придворной службѣ княз въ 1856 г. получилъ званіе гофмейстер Двора Его Величества. Похороненъ к М. А. Оболенскій въ своемъ родовомъ имѣ ніи, въ селѣ Глуховѣ, Дмитровскаго уѣзд московской губерніи. Онъ оставилъ по себ дочь Анну Михайловну (въ замужествѣ кн. Г. Д. Хилковымъ), которая, по ко чинѣ отца, издала въ 1875 г. обширн томъ «Изслѣдованій и замѣтокъ князя М. А Оболенскаго по русскимъ и славянски древностямъ». Свою обширную библіоте и собраніе русскихъ вещей и портрето князь завѣщалъ московскому архиву ин странныхъ дѣлъ.

Перечни сочиненій и изданій князя пр ведены въ статьяхъ: Н. М. Костомарова („Ру скій Архивъ" 1873 г., кн. 4, стр. 667—065 здѣсь же и обстоятельный обзоръ дѣятел ности князя), Г. Н. Геннади („Русскій А хивъ" 1875 г., кн. 3, стр. 463—464), В. И. С мевскаго („Русская Старина" 1873 г., т. VI стр. 283—286). Некрологи: „Иллюстрирова ная Газета" 1873 г., № 3, „Гражданинъ" 1874 № 3, „Записки Императорскаго Одесска Общества исторіи и древностей" т. IX, ст 367—369. Календари—Русскій, Гатцука, Вс общій; Словарь Брокгауза;—Гр. Милорад вичъ: „Матеріалы для исторіи Пажескаго И. В. корпуса", Кіевъ, 1876 г., стр. 107—114. „Русская Старина" 1881 г., т. 42, стр. 199 218; 1889 г., т. 61, стр. 404—405, т. 62, стр. 2 и сл.; т. 64, стр. 215; „Русскій Архивъ" 1882 кн. I (письма къ Полѣнову); 1886 г., кн. (письма Ундольскаго); „Архивъ Брюлловых Спб. 1900, стр. 183, 184. Полный послужно списокъ.—Превосходный портретъ кн. М.

Оболенскаго (въ боярскомъ одѣяніи) былъ написанъ К. П. Брюлловымъ (въ 1842 г.).

Ив. К.

Оболенскій—князь *Михаилъ Ивановичъ*, секундъ-маіоръ, депутатъ Шуйскій отъ дворянъ въ Комиссіи Новаго Уложенія въ 1768 году. Принималъ участіе въ обсужденіе проэкта о правахъ благородныхъ. Оболенскій читалъ въ комиссіи наказъ отъ Шуйскихъ дворянъ, которые просили разрѣшить крестьянамъ торговать на ярмаркахъ и въ городѣ, продавая свои припасы въ розницу; указныя цѣны на мѣстные товары, запретить дворянамъ заниматься фабричною дѣятельностью, а купцамъ пріобрѣтать имѣнія, для избѣжанія слiянія этихъ двухъ сословій. При обсужденіи упомянутаго проэкта князь стоялъ за права дворянъ. Такъ, онъ присоединился къ мнѣнію, что купцы имѣютъ только право суда выбранными изъ ихъ среды судьями, но права пріобрѣтать земли они не имѣютъ, равно какъ не могутъ брать никакихъ откуповъ или монополій. Согласился съ тѣмъ заявленіемъ, что Россія должна управляться единымъ и общимъ всѣмъ закономъ; отдѣльныя же области и губерніи не должны имѣть никакихъ привилегій или особенностей въ законахъ. Сталъ на сторону голоса, высказавшагося за то, чтобы не отнимать у крестьянъ право заниматься мастерствами, даже если они и не принадлежатъ къ мастеровымъ цехамъ. Участіе кн. Оболенскаго въ дѣлахъ комиссіи прекратилось внезапно: по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга.

Сборникъ Импер. Истор. Общ. Т. IV стр.: 112, 127, 397. Т. VIII стр. 67, 219, 330.

Борисъ Гласко.

Оболенскій, князь *Никита Васильевичъ* Хромой, сынъ князя Василія Никитича, бояринъ и воевода. Упоминается съ 1513 года, когда получилъ санъ боярина и участвовалъ въ походѣ великаго князя подъ Смоленскъ; въ 1514 году снова былъ подъ Смоленскомъ, а послѣ его сдачи вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Глинскимъ, ходилъ подъ Оршу и послѣ бѣгства Глинскаго въ Литву участвовалъ въ несчастной Оршанской битвѣ. Въ 1517 году мы снова встрѣчаемъ извѣстіе объ его участіи въ войнѣ съ Литвой. Въ 1526 г. Оболенскій упоминается въ чинѣ свадьбы великаго князя на княжнѣ Еленѣ Глинской; въ 1531 г. былъ воеводой въ Каширѣ и въ 1532 году ходилъ съ царемъ Еналѣемъ для возведенія его на казанское царство. Въ 1534 году мы находимъ Оболенскаго намѣстникомъ въ Смоленскѣ, гдѣ ему пришлось выдержать сильное нападеніе литовскаго войска подъ начальствомъ князя Александра Вишневецкаго. Въ томъ же году князь Никита Васильевичъ участвовалъ въ походѣ на Литву подъ начальствомъ князя Михаила Горбатаго и доходилъ съ московскимъ войскомъ до Вильны. Въ 1356 году ему снова пришлось отражать литовцевъ отъ Смоленска, а въ 1537 году, когда въ Москвѣ ождали бѣгства князя Андрея Іоанновича Старицкаго въ Литву, кн. Никита Оболенскій былъ посланъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Телепневымъ-Оболенскимъ къ Волоку—преграждать путь Старицкому князю, а когда послѣдній пошелъ къ Новгороду, Оболенскій отправился туда же приготовить городъ къ оборонѣ, на случай нападенія со стороны Андрея. Въ 1540 году, во время нападенія казанскаго царя Сафа-Гирея на московскія области, кн. Оболенскій былъ посланъ для отраженія враговъ къ Мурому и Владиміру. Въ томъ же году Оболенскій и умеръ во Владимірѣ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ". М. 1810, II, 280; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, пр. 91, 110, VIII, 6, 11, 16, 17 пр. 2, 16; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза") II, 10, 11, 13; Разрядная книга—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн." 1902, I) 48, 52, 55, 63, 81, 84, 86, 96, 100, 111; Полн. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 287, 288, 293—294.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Петръ Васильевичъ* Нагой, сынъ князя Василія Ивановича Косого. Въ 1469 году вмѣстѣ съ другими воеводами участвовалъ въ неудачномъ походѣ на Казань, начальствуя надъ ратью москвитянъ, въ 1476 году сопровождалъ великаго князя въ его поѣздкѣ въ Новгородъ, въ 1477 году былъ подъ Новгородомъ, въ 1492 и 1493 годахъ участвовалъ въ походахъ на Литву, въ 1500 году былъ пожалованъ въ бояре и упоминается въ чинѣ свадьбы князя Холмскаго съ дочерью великаго князя, княжной Софьей Ивановной. Въ 1501 году Оболенскій подъ начальствомъ воеводы князя Даніила Щени участвовалъ въ походѣ на Литву и извѣстной побѣдѣ надъ княземъ Константиномъ Острожскимъ при Ведрошѣ. Въ 1510 году находимъ извѣстіе, что во время поѣздки великаго князя въ Новгородъ и Псковъ, Оболенскій

былъ оставленъ «Москву вѣдать». Въ 1510 же году онъ и умеръ.—Князь Петръ Васильевичъ считается родоначальникомъ князей Нагихъ.

Спиридовъ: „Сокращенное описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ“, М. 1810, II, 337; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“ Спб. 1889, т. I, 194, 249; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 226, пр. 139 и 448; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза“) I, 1414; Полн. Собр. Рус. Лѣт., IV, 165; VI, 188, 189, 240; VIII, 155, XV, 497, Никон. VI, 13, „Разрядная Книга“—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1902, I) 11, 13, 27, 44. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій, князь *Петръ Никитичъ*, сынъ князя Никиты Ивановича. Въ 1478 году былъ приставомъ у царевича Даньяра въ Новгородскомъ походѣ и вмѣстѣ съ нимъ занималъ позицію передъ Новгородомъ въ монастырѣ на Ковалевѣ, въ 1491 году былъ посланъ съ московской ратью и съ царевичемъ Салтаганомъ на помощь крымскому хану Менгли-Гирею противъ ордынскихъ царевичей Сеидъ-Ахмета и Шигъ-Ахмета, дошелъ до Донца и безъ битвы заставилъ царевичей уйти. Въ 1493 году князь Петръ Никитичъ былъ пожалованъ въ бояре и участвовалъ въ походѣ на Литву, въ 1495 году, когда открылась война съ Швеціей, былъ въ Финляндіи и принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ Выборга, въ 1496 году снова ходилъ въ Финляндію и опустошалъ ее до самаго Тавастгуса. Умеръ князь Оболенскій въ 1499 году.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ“. М. 1810, II, 278 Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 129, пр, 428 Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 159, 160, VI; 38, 213, 223, 240, VIII, 191, 204, 223, 230. Разрядная книга, изд. Милюкова („Чтен Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1902, I) 18, 19. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій, князь *Семенъ Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Константиновича, воевода великаго князя Василія Васильевича Темнаго, отличавшійся особою приверженностью къ нему. Въ 1446 году, когда галицкій князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка, побѣдивъ великаго князя, заключилъ его въ Угличъ и ослѣпилъ. Оболенскій бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ и тамъ получилъ отъ него въ управленіе Брянскъ, удѣленный Василію Ярославичу съ нѣкоторыми другими городами великимъ княземъ Литовскимъ. потомъ соединился съ другими бѣжавшими приверженцами Василія Тем-
наго и отправился на освобожденіе вели-
каго князя, но по дорогѣ московскі
воеводы узнали, что великій князь осв
божденъ и пошли на соединеніе съ ним
сошлись у Углича и совмѣстно продолжа
весь дальнѣйшій походъ къ Ярославлю
Костромѣ. Въ 1452 году во время нов
войны великаго князя съ Шемякою, ког
было получено извѣстіе, что галицк
князь идетъ къ Устюгу, Оболенскій бы
отправленъ туда вмѣстѣ съ княземъ В
силіемъ Ярославичемъ Боровскимъ и сы
номъ великаго князя Иваномъ Василь
вичемъ; воеводы принудили Шемяку отст
пить отъ Устюга и бѣжать на Двину,
оттуда въ Новгородъ. Другихъ свѣдѣній
князѣ Семенѣ Ивановичѣ до насъ
дошло.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служе
благородн. росс. дворянъ“, М. 1810, II, 27
Карамзинъ, (изд. Эйнерлинга) V, 187, 2
пр. 342, 356; Экземплярскій: „Великіе и удѣл
ные князья сѣверной Руси“, Спб. 1889,
172, 173, 175, 180, II, 243, 250, 313; Соловье
(изд. т-ва „Общ. Польза“) I, 1068, 1069, 10
1113; Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., IV, 131, 1
V, 269, VI, 174, 175, 177, 180, VIII, 117, 1
120, 125, XV, 493; Никон., V, 202, 221, Собр
ніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 1
182. *Е. Лихачъ.*

Оболенскій, князь *Ярославъ Васил
вичъ*, сынъ князя Василія Ивановича К
сого, воевода великаго князя Ивана В
сильевича. Въ 1472 году по просьбѣ пск
вичей былъ назначенъ Іоанномъ III н
мѣстникомъ въ Псковъ и торжествен
въѣхалъ въ него 23 февраля 1473 го
Псковичи приняли его съ честью и пос
дили на княженіе «на всѣхъ старина
псковскихъ». Сначала отношенія Оболе
скаго къ псковичамъ, повидимому, бы
самыя дружественныя и онъ даже ѣзди
въ 1475 году въ Москву вмѣстѣ съ деп
таціей отъ псковичей ходатайствовать п
редъ великимъ княземъ, разгнѣванны
на Псковъ за то, что псковичи пос
обороны ихъ московскими воеводами о
набѣговъ ливонскихъ рыцарей снаряди
въ Москву съ благодарностью князю пр
стого гонца, а не торжественное посольст
Великій князь сперва не хотѣлъ приня
депутаціи, но потомъ умилостивился и пр
нялъ ее. Но послѣ этой поѣздки въ отнош
ніяхъ Оболенскаго къ псковичамъ зам
чается рѣзкая перемѣна: въ лѣтописи
встрѣчаемъ извѣстіе, что онъ «нача

Пскова просити и судъ держати не по псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имати и по пригородомъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя, такоже и деньги намѣстничи». Псковичи отправили двухъ посадниковъ съ жалобой въ Москву, но великій князь отвѣтилъ: «Вы бы есте князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ проситъ», но псковичи не могли сдѣлать этого и весной 1476 года отправили новыхъ пословъ, съ новыми жалобами на намѣстника; великій князь на этотъ разъ обѣщалъ послать своего посла для разбора дѣла. Но пришла осень, а великокняжескаго посла не являлось. Тогда псковичи послали снова пословъ въ Новгородъ, (гдѣ въ то время былъ Іоаннъ), но уже съ подаркомъ въ 50 рублей. Великій князь благосклонно принялъ деньги, но пословъ задержалъ, сказавъ, что отпуститъ ихъ только тогда, когда къ нему пріѣдетъ самъ намѣстникъ. Испуганные псковичи обратились къ Оболенскому, подарили ему 20 рублей, лишь бы онъ походатайствовалъ за нихъ передъ великимъ княземъ. Оболенскій, хотя и взялъ деньги, но не только не защищалъ псковичей, но даже жаловался, что посадники и граждане не даютъ ему его законныхъ доходовъ. Великій князь принялъ сторону своего намѣстника и приказалъ псковичамъ отдать Оболенскому все требуемое имъ. Псковичи уступили и Оболенскій получилъ 130 рублей. Послѣ этой уступки псковичей, намѣстникъ сталъ дѣлать послѣднимъ еще больше насилій и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву снова пріѣхали бояре со всѣхъ концовъ Пскова съ жалобой на него и съ просьбой дать имъ другого намѣстника. Великій князь обѣщалъ прислать посла разобрать ссору. Между тѣмъ, отношенія между намѣстникомъ и гражданами въ Псковѣ обострились до такой степени, что привели къ открытому вооруженному столкновенію между намѣстничьими людьми и гражданами; столкновеніе это кончилось тѣмъ, что псковичи, возмущенные своеволіемъ князя, собрались на вѣче и отрѣшили Оболенскаго отъ власти. Послѣдній, однако, не признавалъ дѣйствительной силы за такимъ постановленіемъ псковичей и ожидалъ грамоты великаго князя. Великій князь прислалъ, наконецъ, своего посла, но этотъ посолъ принялъ сторону намѣстника и началъ наводить слѣдствіе о томъ, кто принималъ участіе въ столкновеніи съ намѣстничьими людьми. Псковичи, однако, не выдали никого и отправили новыхъ пословъ къ великому князю. Новые послы не добились положительныхъ результатовъ и только когда предпринятъ былъ походъ на Новгородъ и великій князь сталъ нуждаться въ помощи псковичей, Оболенскій былъ отозванъ въ Москву. Впрочемъ, псковичи отпустили его съ честью и проводили до самаго рубежа, за что однако Оболенскій отплатилъ имъ неблагодарностью, связавъ и увезя съ собой 18 псковскихъ приставовъ, провожавшихъ его.

Сейчасъ же послѣ отъѣзда изъ Пскова, Оболенскому пришлось участвовать въ походѣ на Новгородъ, гдѣ, послѣ взятія города, онъ былъ оставленъ намѣстникомъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Оболенскимъ-Стригой. Въ 1480 году Оболенскій, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Булгакомъ и 20.000 войскъ, былъ посланъ на Ливонію, разграбилъ страну, взялъ Феллинъ и Тарвастъ и захватилъ обозъ самого магистра; впрочемъ, по свидѣтельству лѣтописи, нѣкоторые города откупались отъ грабежа деньгами, которые шли въ пользу воеводъ. Въ 1483 году мы снова находимъ князя Ярослава Васильевича во Псковѣ, куда онъ былъ назначенъ намѣстникомъ по волѣ великаго князя, и гдѣ снова начались у него несогласія съ гражданами. На этотъ разъ дѣло началось съ того, что въ этомъ году во Псковѣ случилось возмущеніе: псковичи убили трехъ посадниковъ за то, что тѣ вмѣстѣ съ Оболенскимъ написали новую грамоту съ взбунтовавшимися смердами и положили въ ларь безъ вѣдома псковичей. Великій князь разгнѣвался на гражданъ, которымъ было приказано просить прощенія у Оболенскаго. Послѣ долгихъ споровъ желаніе великаго князя было исполнено и псковичи били челомъ намѣстнику, чтобы онъ заступился за нихъ передъ Іоанномъ. Оболенскій примирился съ псковичами и весною 1485 года ѣздилъ съ ихъ посланными ходатайствовать передъ великимъ княземъ о прощеніи. Примиреніе однако было недолгое: уже въ слѣдующемъ 1486 году посадники псковскіе снова просили у Іоанна управы на своего намѣстника, но великій князь снова не принялъ ихъ жалобы. Несогласія гражданъ съ намѣстникомъ продолжались до самой смерти Оболенскаго въ 1487 году. Умеръ Оболенскій вѣроятно отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ то время въ Псковѣ и погребенъ тамъ же у св. Троицы.

Въ томъ же году лѣтопись отмѣчаетъ смерть и его жены и сына, умершихъ, повидимому, отъ той же болѣзни.

Спиридовъ: „Сокращенное описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ", М. 1810, II. 336, Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 51, 53, 66, 71, 80, 105, пр. 111, 129, 143, 156, 203, VII, 20; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") I, 1377, 1381—86; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", Спб. 1889, I, 212—214, 217—219, 225, 239, 240; Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 214, 246; 248—255, 258, 259, 261. 262, 265, 266, 267, V, 37, 38, 41, 43, 45—46, VI, 19, 22, 23, 33, 35—36, 220, 234, VII, 198, 214; Никон., VI, 51—65; Акты историческіе, I, 520.

Е. Лихачъ.

Оболенскій-Телепневъ, князь *Ѳедоръ Васильевичъ*, сынъ князя Василія Ѳедоровича Оболенскаго-Телепня. Въ 1500 году участвовалъ подъ начальствомъ князя Даніила Щени въ походѣ на Литву и въ знаменитой битвѣ при Ведрошѣ. Въ томъ же году упоминается въ чинѣ свадьбы дочери великаго князя Софіи Ивановны и князя Василія Даниловича Холмскаго. Въ 1502 году участвовалъ въ походѣ сына великаго князя, князя Димитрія Іоанновича подъ Смоленскъ и во взятіи Орши; въ 1503 году снова ходилъ въ Литву. Въ походахъ противъ литовцевъ кн. Оболенскій принималъ участіе и въ 1507 и 1508 годахъ. Въ 1515 году Оболенскій былъ воеводою въ Великихъ Лукахъ, въ 1517 году былъ снова въ Великихъ Лукахъ, а въ 1518 году участвовалъ въ походѣ князя Василія Шуйскаго къ Полоцку. Въ 1519 году онъ снова ходилъ въ Литву, а въ 1520 и 1521 годахъ былъ воеводой въ Торусѣ; въ 1522 году ходилъ къ Окѣ на случай нападенія крымцевъ; въ 1524 году участвовалъ въ походѣ на Казань подъ начальствомъ воеводы Хабара Симскаго, въ 1526 году упоминается въ чинѣ свадьбы великаго князя на княжнѣ Еленѣ Глинской; въ 1527 году былъ воеводою въ Каширѣ, въ 1530 году участвовалъ снова въ походѣ на Казань. Въ 1532 году Оболенскій былъ воеводой въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ 1534 году былъ воеводою въ Стародубѣ и отражалъ отъ него литовскія войска, бывшія подъ начальствомъ Кіевскаго воеводы Андрея Немировича, а потомъ вышелъ изъ Стародуба и опустошилъ Литовскія области до самаго Новгорода-Литовскаго, возвратился въ Стародубъ съ громадною добычей. Въ слѣдующемъ году Оболенскому пришлось плохо: Стародубъ былъ осажденъ большимъ литовскимъ войскомъ подъ начальствомъ гет[мана] Радзивилла и, несмотря на муж[е]ственную оборону воеводы, былъ взятъ с[ъ] помощью подкопа, которымъ Литовцы взор[вали] городъ. Оболенскій попалъ въ плѣн и былъ увезенъ въ Литву. Но и плѣнны[й] онъ однако имѣлъ возможность поддерж[и]вать сношенія съ Москвой, и принимал[ъ] дѣятельное участіе въ заключеніи мир[а] между обоими государствами. Въ Лит[вѣ] кн. Оболенскій и умеръ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служеб[ъ] благородныхъ рос. дворянъ", М. 1810, II 3[..] Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI 148, 1[..] пр. 380, 488, 541, VII, 54, пр. 169, 231, [Со]ловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза" II, 13, 1[..] 15, 487. Моск. Собр. Рус. Лѣтоп. III, 199, I[..] 301, VIII, 273, 287, 288, 290; Царственная кни[га] 38 и сл.; Разрядная книга—изд. Милюко[ва] („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн." 19[..] I) 9, 16, 23, 24, 27, 32, 57, 59, 73, 91. Собра[ніе] Госуд. Грам. и Договоровъ I, 370—371, II [..]

Е. Лихачъ.

Оболенскій-Телепневъ, князь *Ѳедоръ Васильевичъ*—Лопата, сынъ кня[зя] Василія Васильевича Оболенскаго-Телепн[я]. Въ 1492 году, когда открылась война [съ] Литвой, кн. Оболенскій былъ посланъ [съ] большимъ отрядомъ войска на Мценскъ [и] Любутскъ, сжегъ ихъ и захватилъ въ плѣ[нъ] намѣстниковъ и многихъ жителей и [съ] большой добычей вернулся въ Москву. [Въ] 1495 году Оболенскій ходилъ съ другими во[е]водами въ Финляндію и осаждалъ Выборг[ъ], въ 1496 году снова былъ въ Финлян[д]скомъ походѣ, участвовалъ въ опустошен[іи] Финляндіи и въ битвѣ съ шведами, [въ] 1497 году ходилъ съ княземъ Семено[мъ] Ряполовскимъ къ Казани на защиту ха[на] Магметъ-Аминя отъ наступавшаго на н[его] шибанскаго царя Мамука, а въ 1499 го[ду] ходилъ съ княземъ Семеномъ Холмски[мъ] снова въ Казань садить на царство [ца]ревича Абдулъ-Летифа. Въ 1500 году О[бо]ленскій участвовалъ въ походѣ на Лит[ву], куда ходилъ и въ 1503 году первымъ во[е]водою передового полку. Въ 1508 го[ду] Оболенскій снова былъ въ Литвѣ, и пос[лѣ] этого извѣстія о немъ прекращаются [до] 1517 года, когда мы встрѣчаемъ извѣсті[е], что онъ былъ посланъ изъ Великихъ Лу[къ] съ ратью противъ литовскаго гетмана, кня[зя] Константина Острожскаго, осаждавш[аго] въ это время Опочку. Подойдя къ гетма[ну], Оболенскій раздѣлилъ свое войско на [..] части и повелъ его въ бой, битва бы[ла] выиграна русскими и Острожскій, потеря[въ] свой обозъ и артиллерію, разбитый [..]

два раза другими московскими воеводами, долженъ былъ удалиться отъ Опочки и выйти изъ московскихъ владѣній. Въ 1519 году князь Ѳедоръ Васильевичъ получилъ санъ боярина и дворецкаго и вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ ходилъ въ Литву и участвовалъ въ опустошеніи литовскихъ областей. Въ 1520 году Оболенскій былъ воеводой въ Стародубѣ, въ 1521 году въ Каширѣ и въ томъ же году во время нашествія крымцевъ былъ отправленъ къ Окѣ, гдѣ, участвуя въ битвѣ съ татарами, попался въ плѣнъ, былъ уведенъ татарами въ степи и только у Рязани выкупленъ тамошнимъ воеводой Хабаромъ Симскимъ. Въ 1524 году Оболенскій участвовалъ въ походѣ на Казань первымъ воеводою передового полку судовой рати князя Ивана Бѣльскаго и въ осадѣ Казани; въ 1527 году былъ воеводою въ Кашинѣ и въ томъ же году отражалъ отъ Оки крымскаго царевича Ислама; въ 1529 году былъ сначала воеводой въ Коломнѣ, а потомъ въ Рославлѣ, и въ 1530 году ходилъ воеводой передового полку къ Казани и участвовалъ въ осадѣ Казани, но во время нечаяннаго нападенія черемисъ на московское войско былъ смертельно раненъ и на третій день послѣ этого умеръ.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. рос. дворянъ", М. 1810, II, 328; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, 66, 68, 92, пр. 219, 225, 302; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза") I. 1679; Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей"; „Древн. Росс. Вивліоѳика" XX, 19; Герберштейнъ: „Записки о Московіи", Спб. 1866, 143; Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 199, VI, 259—260, 265, 233, VIII, 262, 263, 268, 272, 273; Никон. 210 283, 234; Разрядная книга—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн."), 1902, I), 19, 37, 66, 69, 76, 77, 78, 79, 81.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Ѳедоръ Тимофеевичъ*—Черный, воевода при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Упоминается съ 1612 года, когда былъ посланъ отъ новгородцевъ къ князю Пожарскому и земскому ополченію въ Ярославль вмѣстѣ съ игуменомъ Вяжицкаго новгородскаго монастыря Геннаціемъ съ предложеніемъ пригласить на царство шведскаго королевича Карла-Филиппа, котораго уже признали новгородцы. Пожарскій не согласился на это и переговоры кончились тѣмъ, что хотя Пожарскій и высказался противъ царя-иновѣрца, но не прервалъ сношеній съ новгородцами по этому поводу, а Оболенскій въ свою очередь обѣщалъ перейти на сторону ополченія, если шведскій королевичъ откажется принять православіе. Повидимому однако Оболенскій былъ сторонникомъ Швеціи и сильно склонялся въ ея сторону, такъ какъ за свою приверженность шведскому королю былъ даже награжденъ отъ него помѣстьемъ, отнятымъ у него, впрочемъ, впослѣдствіи, когда Новгородъ снова перешелъ къ Москвѣ. Послѣ этого объ Оболенскомъ до насъ не доходитъ никакихъ извѣстій до 1623 года, когда мы находимъ его воеводою въ Ржевѣ-Владимирскомъ. Въ 1627 году онъ былъ посланъ въ Цивильскій уѣздъ въ Убіевскую волость переписывать черемисъ и облагать ихъ оброкомъ. Затѣмъ, въ 1640 году мы видимъ его воеводою въ Кольскомъ острогѣ, въ 1643 году воеводою въ Ломовѣ и наконецъ, въ 1648 году Оболенскій упоминается въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича на Маріи Ильиничнѣ Милославской.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ", М. 1810, II, 284; Дворцовые разряды II, 640, 695, III,81. Разрядныя книги, I, 923; Акты историческіе, IV 134; Дополненіе къ Актамъ истор., I, 18, 40, 69, 287, 387; Акты Археогр. Экспедиціи, II 357, III 125; Акты Московскаго Государства, I, 141.

Е. Лихачъ.

Оболенскій, князь *Ѳедоръ Юрьевичъ*—Глазатый, сынъ князя Юрія Константиновича. Въ 1551 году значится въ спискѣ Московскихъ дѣтей боярскихъ; въ 1554 году участвовалъ въ походѣ для усмиренія возмутившихся прикамскихъ и приволжскихъ черемисъ и мордвы, въ 1559 году участвовалъ въ походѣ на Ливонію и въ опустошеніи ея подъ начальствомъ боярина Морозова.

Спиридовъ: „Сокращ. описаніе служебъ благородн. росс. дворянъ", М. 1810, II, 282; Разрядная книга—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древностей" 1902. I) 170, 206.

Е. Лихачъ.

Оболонскій, *Александръ Александровичъ*, редакторъ и издатель (совмѣстно съ Г. Д. Щербачевымъ) журнала «Народное чтеніе», земскій дѣятель; родился въ 1825 г., умеръ 23-го октября 1877 года. Оболонскій происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи и былъ сыномъ разорившагося богача-помѣщика, ст. сов. Александра Демьяновича и Маріи Петровны (урожденной Родзянко). Жизнь Оболонскаго, начиная съ ранняго дѣтскаго

возраста, сложилась весьма грустно. Девяти лѣтъ отъ роду онъ былъ брошенъ на произволъ судьбы матерью, которая, противъ воли мужа, выѣхала въ 1834 году въ Италію, оставивъ своего сына Александра въ Одессѣ. Родственники, пріютившіе мальчика, помогли ему впослѣдствіи поступить въ Ришельевскій лицей, въ которомъ Оболонскій и окончилъ курсъ по камеральному факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента; въ 1845 году онъ поступилъ на военную службу, которую проходилъ въ драгунскихъ полкахъ, сначала юнкеромъ въ бывшемъ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, затѣмъ, въ драгунскомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полку, и наконецъ, въ бывшемъ Кинбургскомъ драгунскомъ. Въ 1851 году, по болѣзни, Оболонскій былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ прапорщика. Въ 1845 и 1846 г. онъ участвовалъ въ двухъ походахъ, въ Малую Чечню и успѣлъ отличиться въ многихъ сраженіяхъ и стычкахъ, напр., при Шаудекъ-Шари, Казакъ-Кичу, на берегахъ Сунжи, Асси и др. Литературнымъ памятникомъ боевой дѣятельности Оболонскаго служатъ его интересныя записки (въ рукописи), въ которыхъ на ряду съ разсказами о подвигахъ русскихъ войскъ и состояніемъ нашей арміи во время Кавказской войны, есть не мало любопытныхъ замѣчаній о горцахъ, ихъ нравахъ, привычкахъ, боевой отвагѣ и пр. Въ 1853 году А. А. Оболонскій поступилъ чиновникомъ въ Военную типографію и въ томъ же году былъ прикомандированъ для занятій къ Инспекторскому Департаменту Военнаго Министерства. Годъ спустя онъ перешелъ на службу въ С.-Петербургскую контрольную экспедицію IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, на каковой службѣ пробылъ до 1860 г. Въ 1856 году, когда вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости стоялъ на очереди, у А. А. Оболонскаго явилась мысль издавать журналъ для народа, который могъ бы составить для крестьянъ пріятное и полезное чтеніе. Мысль свою Оболонскій сообщилъ своему пріятелю-полковнику (впослѣдствіи генералъ-маіору) Григорію Дмитріевичу Щербачеву, который охотно раздѣлилъ ее и они вмѣстѣ выработали программу журнала и рѣшили назвать его «Народнымъ Чтеніемъ». По мнѣнію издателей, проекти-

руемый журналъ долженъ былъ удовлетво
рять, прежде всего, двумъ требованіямъ
во-первыхъ, долженъ былъ давать народ
здоровую умственную пищу и, во-вторыхъ
сообразуясь съ денежными средствами про
столюдиновъ, цѣна его должна была бы
доведена до minimum'a. Для достиженi
первой цѣли издатели обратились къ лу
шимъ нашимъ литераторамъ того времен
съ просьбой быть сотрудниками ихъ жу
нала. Особенное сочувствіе изданію нова
журнала выразили: профессоръ Бѣляевъ
Курочкинъ, Кулишъ, Лучицкій, Макс
мовъ, Майковъ, Марковичъ, Мей, Ник
тинъ, Плещеевъ, Писемскій, Погодин
Тургеневъ, Н. Успенскій, Тарасъ Ше
ченко и другіе. Всѣ эти лица, за искл
ченіемъ, впрочемъ, Тургенева, Писемска
и Погодина участвовали своими произв
деніями въ «Народномъ Чтеніи». Въ д
стиженіи второй цѣли, т. е. удешевлені
журнала, издателямъ значительно помог
Великій Князь Михаилъ Николаевич
исходатайствовавъ удешевленную пер
сылку журнала. Не преслѣдуя комме
ческихъ цѣлей, но желая лишь расп
страненія и общедоступности журнал
издатели употребляли всѣ усилія, чтоб
увеличить число своихъ подписчиковъ: он
обращались къ Военному вѣдомству,
архіереямъ и губернаторамъ, прося их
способствовать возможно большему ра
пространенію журнала. И издатели имѣ
матеріальный успѣхъ, несмотря даже
нѣкоторое гоненіе на журналъ со сторон
министра М. Н. Муравьева. Что касает
самого журнала «Народное Чтеніе»,
нужно сказать, что многія изъ помѣще
ныхъ въ немъ статей не могли быть впол
доступны пониманію простолюдина, отчас
вслѣдствіе того, что порою затрагива
чуждыя ему темы, отчасти вслѣдствіе нѣк
торой неясности въ изложеніи. Несмотр
однако, на эти недостатки, очень усерд
отмѣченные критикой того времени, въ жу
налѣ было много такого, что могло пос
жить не безполезной духовной пищей д
крестьянина. Издавалось «Народное Ч
ніе» въ теченіе двухъ лѣтъ — въ 1859
1860 годахъ, но цензурныя стѣсненія,
особенности въ послѣдній годъ, и домаш
обстоятельства, заставившія Оболонска
покинуть Петербургъ, побудили издате
продать журналъ, который, впрочемъ, у
не возобновлялся. Оболонскій, переѣха
въ Полтавскую губернію, не удовольст

вался, однако, жизнью хозяина-помѣщика и, стремясь къ общественному служенію, вскорѣ выступилъ въ качествѣ земскаго дѣятеля. Въ 1862 году на губернскихъ выборахъ въ Полтавѣ онъ былъ избранъ дворянствомъ Гадячскаго уѣзда кандидатомъ на должность предводителя дворянства, а въ 1865 году, за смертью предводителя дворянства Гадячскаго уѣзда, былъ утвержденъ предводителемъ дворянства и пробылъ въ этой должности три года. Впрочемъ, дѣятельность Оболонскаго, какъ земца и предводителя дворянства, не всегда встрѣчала сочувствіе со стороны администраціи и въ особенности со стороны полтавскаго губернатора, который, напр., былъ, между прочимъ, виновникомъ неразрѣшенія Оболонскому издавать задуманную было имъ газету для народа. Въ семидесятыхъ годахъ Оболонскій переѣхалъ съ семьей въ Харьковъ. Тутъ онъ, будучи членомъ городской управы, старался улучшить положеніе богоугодныхъ заведеній, особенно «Сабуровой дачи»,—заведенія для психически больныхъ, перешедшаго изъ Приказа общественнаго призрѣнія въ городское управленіе. Кромѣ того, онъ вмѣстѣ съ женою своею Маріею Александровною и при содѣйствіи нѣкоторыхъ харьковцевъ основалъ въ городѣ Харьковѣ пріютъ для покинутыхъ дѣтей (подкидышей). Тяжкая и продолжительная болѣзнь подкосила силы Оболонскаго, и въ 1877 году онъ скончался. За свою честность и отзывчивость Оболонскій до конца дней своихъ пользовался прочными симпатіями со стороны многихъ крупныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, въ особенности близокъ онъ былъ къ С. Максимову, Кулишу, Кавелину, Т. Шевченко. Нѣкоторыя статьи Оболонскаго (напр. «Обрусеніе польскаго края») остались въ рукописи.

Полный послужной списокъ; аттестаты. Сообщеніе сына А. А. Оболонскаго — проф. Н. А. Оболонскаго; письмо къ послѣднему Г. Д. Щербачева. „Народное Чтеніе“ 1859 и 1860 гг.; „Сынъ Отеч.“ 1859 г., № 12; „Русск. Міръ“, 1859 г., № 18; „Русск. Стар.“, 1891 г., т. LXIX, стр. 406.

А. А. Петровъ.

Оболонскій, *Демьянъ Васильевичъ*, малороссійскій генеральный судья; сынъ сотника Сосницкаго (1715) Василія Ивановича Оболонскаго и Анастасіи Мануйловны Мануйловичъ, сестры генеральнаго есаула Ивана Мануйловича. Впервые имя Оболонскаго встрѣчается въ числѣ писарей Генеральнаго Суда, въ каковой должности онъ состоялъ въ 1736 году и пріобрѣлъ здѣсь извѣстность дѣльца своего времени. На урядѣ писаря Суда Генеральнаго Оболонскій оставался по 1741 годъ, когда назначенъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ на мѣсто Ивана Бороздны. Въ 1744 году Оболонскій былъ осыпанъ милостями императрицы Елизаветы Петровны, проѣхавшей лѣтомъ этого года черезъ Малороссію, а съ этихъ поръ начался ростъ его благосостоянія. Извѣстный Яковъ Марковичъ, авторъ «Записокъ», разсказываетъ въ послѣднихъ, что императрица, проѣздомъ въ Кіевъ, остановилась въ Глуховѣ на два дня и изволивъ, между прочимъ, «веселиться танцами старшинскихъ женъ, польскими и казацкими», обратила особое вниманіе на жену Оболонскаго, найдя въ ней громадное сходство съ своей матерью — Императрицей Екатериной I. Это и было причиной того что Оболонскій получилъ отъ императрицы большія имѣнія. Такъ, на обратномъ пути изъ Кіева въ Глуховъ, императрица, именнымъ указомъ Сенату отъ 13 сентября 1744 года, пожаловала Оболонскому два села: Вишняки на р. Хоролѣ и Горошинъ на р. Сулѣ. Этимъ, однако, милости императрицы къ Оболонскому не ограничились. По прибытіи въ Глуховъ (20 сентября) императрица остановилась въ немъ опять на два дня, была воспріемницею дочери Оболонскаго, пожаловала женѣ его четыреста червонцевъ, крестъ и «полштуки штофу» и пригласила ее въ Петербургъ. Оболонскій съ женою пріѣхали въ Петербургъ въ началѣ 1745 года и прожили тамъ почти цѣлый годъ, причемъ женѣ Оболонскаго было отведено помѣщеніе во дворцѣ. Возвратившись въ Глуховъ, Оболонскій занятъ былъ веденіемъ своихъ имущественныхъ процессовъ; милости императрицы и поддержка «великороссійскихъ» членовъ Генеральнаго Суда позволяли направлять ихъ въ свою пользу. Затѣмъ, Оболонскій присутствовалъ 22 февраля 1750 года въ Глуховѣ на церемоніи избранія въ гетманы К. Г. Разумовскаго, будучи со всѣми бунчуковыми товарищами и малороссійскимъ шляхетствомъ, и ѣздилъ во главѣ посольства, отправленнаго Малороссіей въ Петербургъ для принесенія благодарности императрицѣ по сему случаю и состоявшаго изъ него, нѣжинскаго пол-

ковника С. В. Кочубея и бунчуковаго товарища П. В. Журмана. 24 апрѣля этого года имъ дана была публичная аудіенція, на которой рѣчь отъ лица малороссіянъ говорилъ Оболонскій, а графъ Головкинъ объявилъ депутатамъ, что императрица утверждаетъ сдѣланное малороссіянами избраніе. При чтеніи же Высочайшей грамоты объ избраніи въ гетманы Разумовскаго, Оболонскій стоялъ съ гетманскимъ бунчукомъ. Впослѣдствіи, во время гетманства Разумовскаго, Оболонскій былъ генеральнымъ есауломъ (1750) и служилъ то въ Генеральной Канцеляріи, то въ Генеральномъ Судѣ, а подъ конецъ жизни получилъ урядъ генеральнаго судьи. Награжденный большими имѣніями отъ императрицы и выигравъ много имущественныхъ процессовъ, Оболонскій составилъ себѣ огромное состояніе (болѣе 7000 душъ крестьянъ), которое перешло къ его сыну и дочери.

Умеръ Оболонскій въ началѣ 1758 года и въ сентябрѣ этого года на его мѣсто былъ избранъ въ генеральные судьи И. В. Журманъ.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Оболонскихъ; Ал. Лазаревскій, статья объ Оболонскихъ, въ „Кіевской Старинѣ" 1887 г., августъ, стр. 631—35; А. Лазаревскій: „Описаніе Старой Малороссіи", т. II, полкъ Нѣжинскій, Кіевъ, 1893, стр. 161, 421, 483, 503; Д. Бантышъ-Каменскій: „Исторія Малой Россіи", изданіе 3-е, Кіевъ, 1903, стр. 451, 454, 455, 458; примѣчанія 238, 455 къ 3-ей части; Записки Якова Марковича, т. II, стр. 210, 213, 216, 217, 230, 233—235.

Вадимъ Модзалевскій.

Обольяниновъ, *Петръ Хрисанфовичъ*, — генералъ-отъ-инфантеріи; бывшій генералъ-провіантмейстеръ, генералъ-прокуроръ Правительствующаго Сената и губернскій предводитель дворянства Московской губерніи. Родился въ 1752 году и происходилъ хотя не изъ богатой, но старинной дворянской фамиліи. Родители его, не имѣя крупныхъ связей въ военномъ мірѣ, не могли, по обычаю знатныхъ дворянъ того времени, записать сына въ списки какого-либо гвардейскаго полка. До 16-тилѣтняго возраста П. Х. жилъ дома, причемъ ограниченныя средства его родителей, а быть можетъ и не высокій уровень ихъ собственнаго образованія, были причиной, что Обольяниновъ обучился дома только чтенію и письму. Записанный въ 1768 году кадетомъ въ армію, онъ въ томъ же году началъ свое служебное поприще. Не столько отличаясь умомъ и развитіемъ, сколько усерднымъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей и безпрекословнымъ и пунктуальнымъ сл[ѣдо]ваніемъ приказаніямъ высшаго начал[ьства]. Обольяниновъ добился того, что у[же] въ слѣдующемъ году былъ произведенъ в[ъ] прапорщики, а черезъ нѣсколько мѣсяцев[ъ] въ подпоручики. Въ 1773 г. Обольяниновъ былъ произведенъ въ капитаны, а спус[тя] пять лѣтъ, уже въ чинѣ секундъ-маіор[а], былъ переведенъ въ Новгородскій бат[аль]іонъ, въ которомъ прослужилъ лишь д[ва] года и въ 1780 году вышелъ въ отставк[у]. Съ этого времени военная служба его пр[е]рывается на 12 лѣтъ, и Обольяниновъ пробуетъ свои силы и способности на гр[а]жданскомъ поприщѣ. Пробывъ три го[да] въ отставкѣ, П. Х. въ 1783 году пост[у]пилъ губернскимъ стряпчимъ въ Псковск[ое] намѣстническое правленіе. И здѣсь [его] всегдашняя исполнительность и точност[ь] при высокой честности, быстро двига[ли] его по ступенямъ службы. Обольяниновъ скоро былъ назначенъ совѣтникомъ [въ] гражданскую палату Псковскаго намѣстн[и]чества, а въ 1792 году, съ чиномъ [н]дворнаго совѣтника, переведенъ на ту [же] должность въ казенную палату. Одна[ко] гражданская служба не казалась ему о[со]бенно заманчивой, и онъ сталъ хлопота[ть] снова о переходѣ въ военное вѣдомств[о]. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Пр[и]нятый въ 1793 году, съ чиномъ подп[ол]ковника, онъ зачисленъ былъ по адмир[ал]тейству. Со времени назначенія Оболь[я]нинова по адмиралтейству движеніе [его] по ступенямъ службы пошло еще б[ы]стрѣе—уже черезъ два года П. Х. бы[лъ] произведенъ въ полковники. Попавъ [въ] гатчинскія войска, Обольяниновъ вско[рѣ] обратилъ на себя вниманіе цесаревич[а] Павла, ставившаго выше всего точнос[ть], исполнительность и фронтовую выправ[ку]. Слѣдствіемъ этого было то, что, по вст[у]пленіи императора Павла I на престол[ъ], на него сразу посыпались щедрыя м[и]лости. Такъ, уже на другой день с[о] его царствованія, Павелъ I, своимъ В[ы]сочайшимъ Указомъ, отъ 7-го нояб[ря] 1796 года, произвелъ Обольянинова [въ] генералъ-маіоры и вслѣдъ затѣмъ П. [Х.] былъ назначенъ генералъ-провіантмейст[е]ромъ, а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ е[му] Высочайше было пожаловано 2000 ду[шъ] въ Саратовской губерніи. Кромѣ того,

томъ же году ему пожалованъ былъ орденъ св. Анны 1-й степени, въ день же коронаціи императора Павла. Обольяниновъ былъ награжденъ еще и орденомъ св. Александра Невскаго. Чувствуя особыя симпатіи къ Гатчинѣ и всему гатчинскому, императоръ Павелъ, между прочимъ, поручилъ Обольянинову составить проэктъ городового положенія Гатчины. П. Х. представилъ этотъ проектъ въ январѣ 1797 г. а 9 февраля того же года, помимо исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, Обольяниновъ былъ еще назначенъ членомъ особой коммиссіи «для снабженія резиденціи припасами, для распорядка квартиръ и прочихъ частей до полиціи принадлежащихъ». Въ слѣдующемъ году онъ, вмѣстѣ съ графомъ Гудовичемъ, занимался устройствомъ подвижного провіантскаго магазина и за успѣшное выполненіе этого дѣла ему объявлено было Высочайшее благоволеніе; нѣсколько времени спустя онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Завоевывая съ каждымъ днемъ все большія и большія симпатіи императора Павла I, Обольяниновъ быстро пріобрѣлъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ при Дворѣ и пользовался значительнымъ вліяніемъ во многихъ сферахъ. Въ 1799 году ему пожалованъ былъ командорскій крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, немного спустя золотая табакерка съ бриліантами, казенный домъ и болѣе чѣмъ на 100.000 р. разныхъ дорогихъ подарковъ. 22 ноября 1799 года П. Х. былъ назначенъ сенаторомъ, причемъ ему повелѣно было присутствовать въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Произведенный въ началѣ 1800 года въ генералъ-отъ-инфантеріи, Обольяниновъ, тотчасъ по удаленіи генералъ-прокурора Беклешова отъ должности, былъ назначенъ на его мѣсто съ оставленіемъ во всѣхъ прежде занимаемыхъ имъ должностяхъ. Если при своемъ недалекомъ умѣ и ничтожномъ образованіи, благодаря честности и строгому отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, онъ могъ быть хорошимъ баталіоннымъ или полковымъ командиромъ и даже генералъ-провіантмейстеромъ, то всѣхъ этихъ качествъ оказалось весьма недостаточно, чтобы быть даже удовлетворительнымъ генералъ-прокуроромъ. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, объ П. Х. Обольяниновѣ историкъ царствованія Павла I и Александра I,—Н. К. Шильдеръ: «Съ появленіемъ Обольянинова въ генералъ-прокурорской должности дѣла пошли еще хуже прежняго; произволъ водворился окончательно и надъ людьми и въ дѣловыхъ рѣшеніяхъ. Генералъ-прокуроръ слѣпо исполнялъ всѣ получаемыя повелѣнія и никогда не возражалъ». Дѣйствительно, выдвинувшись впередъ, исключительно благодаря лишь способности слѣпо исполнять приказанія, и зная, что Императоръ Павелъ I выше всего цѣнитъ такое безпрекословное повиновеніе, Обольяниновъ никогда не возражалъ ему, не обращая вниманія на то, что сегодняшніе Высочайшіе Указы противорѣчили вчерашнимъ... Вспыльчивый, грубый, невоздержанный, онъ постоянно ругалъ и кричалъ не только на своихъ подчиненныхъ, но даже и на сенаторовъ. Съ первыхъ же дней своего генералъ-прокурорства, своимъ бѣшенымъ нравомъ, онъ привелъ въ трепетъ всю сенатскую канцелярію.—П. Х. Обольянинову подъ строгій надзоръ поручена была сверхъ статской еще и военная часть. Кромѣ того, по должности генералъ-прокурора, онъ завѣдывалъ еще и тайной канцеляріей, которая, по словамъ Н. К. Шильдера «была завалена дѣлами и подвергала допросамъ съ истязаніями. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сталъ инквизиторомъ и вскорѣ уподобился великому визирю». Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Н. К. Шильдеръ говоритъ, что «хотя повелѣнія о наказаніяхъ и ссылкахъ объявлялись большею частью тайною экспедиціею, бывшею въ завѣдываніи генералъ-прокурора Обольянинова, но Обольяниновъ былъ только безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній, которые получалъ. Онъ не былъ подстрекателемъ». Нѣкоторые же изъ современниковъ, какъ напр., Н. А. Саблуковъ, утверждаютъ даже, что Обольяниновъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Императора Павла I, что онъ, будучи генералъ-прокуроромъ Сената, много старался о водвореніи безпристрастія въ судахъ и проч. Въ короткое время генералъ-прокурорства Обольянинова, продолжавшагося всего 13 мѣсяцевъ, особыхъ постановленій ни по Правительствующему Сенату, ни по министерству юстиціи не было издано. Были объявлены только слѣдующія узаконенія: 1) О томъ, чтобы дѣла, заслушанныя въ Правительствующемъ Се-

натѣ, оканчивались по мнѣнію наличныхъ сенаторовъ, несмотря на то, что хотя бы кто изъ нихъ выбылъ изъ службы или былъ командированъ въ другія мѣста. (Высоч. повел. объявл. генер.-прок. 1800 г. марта 23-го за № 19338) и 2) о присутствованіи въ Сенатѣ и въ другихъ мѣстахъ въ страстную недѣлю до четверга, а въ недѣлю св. Пасхи — съ среды, а сырная и первая недѣля поста освобождаются отъ присутствія (Высоч. повел. объявл. генер.-прокур. 1800 г. марта 31-го и 1801 г. января 30-го за №№ 19354 и 19738). Между тѣмъ довѣренность Императора Павла I къ Обольянинову все возрастала и дошла до того, что онъ даже ко всѣмъ близкимъ Обольянинова сталъ относиться безъ всякаго подозрѣнія. Обольяниновъ въ свою очередь тоже не отличался подозрительностью. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались участники замысла на жизнь Павла I и избрали домъ Обольянинова сборнымъ мѣстомъ. Назначенный 18 апрѣля 1800 года членомъ только что учрежденнаго тогда Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ генералъ-прокуроромъ, генералъ-провіантмейстеромъ и въ прочихъ должностяхъ, Обольяниновъ 19 декабря того же года былъ награжденъ высшимъ русскимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Послѣднимъ проявленіемъ глубокаго уваженія и довѣренности къ нему Павла I было данное ему 11 марта 1801 года порученіе привести къ присягѣ на вѣрность государя наслѣдника Александра Павловича (впослѣдствіи Императора Александра I) и цесаревича Константина Павловича. Присяга эта состоялась утромъ въ тотъ же день въ церкви Михайловскаго замка. Вечеромъ Обольяниновъ былъ у Императора и послѣдній, какъ всегда, обошелся съ нимъ милостиво и любезно. Въ девять часовъ вечера Обольяниновъ уѣхалъ изъ дворца, а въ часъ ночи былъ арестованъ. Тотчасъ же по смерти Павла I, Императоръ Александръ I, чтобы успокоить общество, считавшее Обольянинова въ виду его завѣдыванія тайной канцеляріей, однимъ изъ самыхъ крупныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдъ царствованія Павла I, приказалъ арестовать Обольянинова. Плацъ-маіоръ, плохо понявшій отданное ему распоряженіе, взялъ команду и съ нею въ часъ ночи на 12-е марта 1801 года явился въ домъ генералъ-прокурора, причемъ объявилъ ему, что онъ арестованъ, но не сказалъ по чьему повелѣнію. Обольяниновъ, не протестуя, сталъ одѣваться, такъ какъ, зная перемѣнчивый нравъ Павла I, думалъ, что это дѣлается по его приказанію и только старался догадаться о причинѣ такой строгости. Его отвели на гауптвахту. Но когда утромъ Императору Александру I доложили, что приказаніе его — арестовать генералъ-прокурора — исполнено и что послѣдній сидитъ на гауптвахтѣ, Александръ I остался очень недоволенъ тѣмъ, что его приказаніе было понято не такъ и велѣлъ отвезти Обольянинова домой. Вслѣдъ затѣмъ, П. Х. подалъ прошеніе объ увольненіи его по болѣзни отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей и 16 марта на его мѣсто былъ назначенъ его предшественникъ Беклешовъ. Уволенный отъ всѣхъ должностей, Обольяниновъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и оставался жить до самой своей смерти.

О дѣятельности П. Х. Обольянинова въ должности генералъ-прокурора, было сказано выше. Въ запискахъ современниковъ о немъ сохранились самые разнообразные отзывы. Такъ, напримѣръ, А. Коцебу говоритъ объ Обольяниновѣ слѣдующее: «Обольяниновъ и его палачъ-сообщникъ Туманскій, — двое злодѣевъ, имена которыхъ потомство произнесетъ не иначе, какъ съ содраганіемъ»; и далѣе — «ненавистная фамилія этого прокурора — Обольяниновъ... Все то зло, которое эти олицетворенные демоны (Обольяниновъ и Туманскій) совершили подъ видомъ мнимой законности и подъ прикрытіемъ ихъ добраго отъ природы монарха, поддававшагося, къ несчастію, вліянію этихъ и многихъ другихъ злодѣевъ, всего этого не смыла бы ихъ кровь, пролитая рукою палача и не загладитъ даже доброта, великодушіе и справедливость Императора Александра». Если сравнить этотъ отзывъ съ вышеприведеннымъ отзывомъ генерала Н. А. Саблукова и принять во вниманіе, что отзывовъ обоего рода сохранилось много, то станетъ понятнымъ, какъ трудно произнести окончательный приговоръ объ этомъ лицѣ. Безспорно, столь благожелательный отзывъ Саблукова о П. Х. Обольяниновѣ далеко не вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣятельности, но справедливо, пожалуй, будетъ признать, что и тѣ, которые называютъ П. Х. заплечнымъ мастеромъ, исчадіемъ ада и проч., тоже преувеличиваютъ. Вѣр

нѣе всего, что поводомъ къ послѣдняго рода отзывамъ было нахожденіе Обольянинова во главѣ тайной канцеляріи, черезъ которую большею частью объявлялись повелѣнія о наказаніяхъ и ссылкахъ, но Н. К. Шильдеръ категорически говоритъ, что Обольяниновъ не былъ «подстрекателемъ», а былъ лишь слѣпымъ исполнителемъ всѣхъ получаемыхъ повелѣній. Вообще, будучи отъ природы честнымъ человѣкомъ, искренно преданный Императору Павлу I и считавшій своимъ священнымъ долгомъ въ точности и безприкословно исполнять Высочайшія повелѣнія, онъ, однако, благодаря своему ничтожному образованію и недалекому уму, не могъ быть особенно полезнымъ дѣятелемъ на такомъ высокомъ посту, какъ постъ генералъ-прокурора. Тѣмъ болѣе, что вспыльчивый и грубый нравъ его дѣлали сношенія съ нимъ подчасъ чрезвычайно тяжелыми. Впрочемъ, несмотря на послѣднее качество его характера, по словамъ его подчиненнаго—Ильинскаго, не только военный губернаторъ графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные и статскіе чины пріѣзжали къ нему и наполняли залы, ожидая его выхода. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи также бывали у него.—Уѣхавъ въ Москву, П. Х. Обольяниновъ зажилъ тамъ широко и вскорѣ пріобрѣлъ общее уваженіе. Несмотря на свою опалу онъ держалъ себя гордо и независимо. Рѣдкая по тому времени честность и прямой характеръ снискивали ему все большее и большее расположеніе лучшей части московскаго дворянства. Послѣднее въ 1819 г. избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. П. Х. съ прежнимъ усердіемъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Ревностно охраняя интересы почтившаго его дворянства, онъ старался каждому помочь по мѣрѣ своихъ силъ и избранный въ 1822 г. на второе трехлѣтіе, онъ въ слѣдующемъ году былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 степени. Московское дворянство было такъ довольно своимъ губернскимъ предводителемъ, что при новыхъ выборахъ въ 1825 г. въ третій разъ избрало Обольянинова и, несмотря на отказъ послѣдняго, усиленными просьбами уговорило его остаться предводителемъ. 14-е декабря того же года дало возможность Обольянинову еще разъ выказать свое гражданское мужество. Онъ смѣло поднялъ голосъ о помилованіи или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи наказанія князю Евгенію Петровичу Оболенскому, сыну своего хорошаго знакомаго и уважаемаго всей Москвой князя П. А. Оболенскаго. Въ 1828 году, при новыхъ выборахъ, московское дворянство въ четвертый разъ избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ, но, несмотря на усиленныя просьбы принять избраніе, онъ, утомленный предыдущей службой, рѣшительно отказался. Дальнѣйшіе годы своей жизни онъ проводилъ преимущественно въ своемъ имѣніи (селѣ Толожнѣ, Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда), гдѣ и скончался 22-го Сентября 1841 г., на 90 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ придѣлѣ мѣстной приходской церкви.

„Русскій Архивъ“ 1876—1878, 1879 гг., кн. I и III, 1880 г. кн. I, 1881 г. кн. I и III, 1882, 1883 г. кн. VI, 1884 г. кн. I, 1886, 1892, 1894 гг. кн. I и II, 1895 г. кн. I и III, 1897 г. кн. I и III, 1899 г. кн. I и III, 1900 г. кн. I, 1901 г. кн. I, II и III и 1902 г. кн. I; „Русская Старина“ 1870 г. т. I, 1871 г. т. III и IV, 1872 г. т. V и VI, 1873 г. т. VII и VIII, 1874 г. т. XII, 1876 г. т. XV, 1877, 1878, 1880 гг. т. XXVIII, 1882 г. т. XXXV и XXXVI, 1883 г. т. XXXV и XXXVI, 1885 г. т. XLV и XLVIII, 1886 г. т. L, 1887 г. т. LVI, 1888 г. т. LIX, 1889 г. т. LXI, LXIII и LXIV, 1890 г. т. LXVI, 1893 г. т. LXXVII и LXXIX, 1894 г. т. LXXXII, 1895 г. т. LXXXIII, 1896 г. т. LXXXVIII, 1898 г. т. XCIV и 1901 г. т. CV и CVIII; „Историческій Вѣстникъ“ 1881 г. т. VI, 1882 г. т. VII и IX, 1883 г. т. XI и XIV, 1884 г. т. XVIII, 1885 г. т. XXII, 1888 г. т. XXXII, 1889 г. т. XXXV, 1897 г. т. LXIX и LXX, 1899 г. т. LXXVII и 1901 г. т. LXXXV; „Сенатскій Архивъ“ т. I. Спб. 1888 г., стр.: 22, 27, 74, 241, 289, 316, 411, 561. 562, 564, 591—593, 606, 632, 660, 675, 695, 713, 718, 719, 722, 727 и 740; П. Г. Бутковъ „Матеріалы для исторіи Кавказа“, ч. III, Спб., 1869 г., стр. 333; Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Павелъ I“, Спб., 1901 г., стр.: 289, 290, 371, 425, 426, 433, 441, 475, 482, 489, 499, 500, 567, 582 и 594; Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, Спб., 1897 г., т. I, стр.: 131—132, 215, 219, 251, 379, 380 и 406, т. II, стр: 12, 21 и 267; „Жизнь А. С. Пищевича“, стр. 234—235; Даневскій: „Исторія Государственнаго Совѣта“, стр. 43; Корфъ: „Жизнь Сперанскаго“, стр. 52; Ивановъ: „Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи“, Спб., 1834 г., стр. 77—80; „Справочный Энциклопедическій Словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXI, Спб., 1897 г., стр. 551; Д. Б. Мертваго: „Автобіографическія Записки“, М., 1867 г., стр.: 95, 97—125, 130, 139. 140, 150—152, 156, 233; „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1872 г., ст. Н. Н. Меньшикова: „Записки Г. Р. Державина“; „Записки Г. И. Добрынина“, Спб., 1871 г.

Е. Ястребцевъ.

Обольяниновъ, *Степанъ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, состоявшій при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-инспекторѣ кавалеріи, Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Родился 1-го Іюля 1826 года и происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Получивъ воспитаніе въ Николаевскомъ училищѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, онъ по окончаніи училища былъ произведенъ 10-го Августа 1845 г. въ корнеты и назначенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ, въ которомъ оставался до 14-го Января 1863 г., причемъ, 15-го Апрѣля 1856 года былъ произведенъ въ ротмистры, два года спустя назначенъ командующимъ эскадрономъ Его Величества. 30-го Августа 1860 г. былъ произведенъ въ полковники; въ октябрѣ 1862 года былъ утвержденъ командиромъ 2-го дивизіона. Въ этой должности онъ оставался всего лишь до Января 1863 года, когда по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку. 30-го октября слѣдующаго года, онъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-инспекторѣ кавалеріи Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Въ этомъ званіи Обольяниновъ оставался до самой своей смерти, причемъ 16-го Апрѣля 1872 года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи, а 1-го Января 1878 года, награжденъ орденомъ св. Владиміра, 3-й степени. С. А. Обольяниновъ скончался въ Петербургѣ, 26-го Августа 1880 года, на 57 году отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, дѣло 3-го стола, 6-го отдѣленія, 1880 г., № 852.

Е. Ястребцевъ.

Образецъ, *Василій Ѳедоровичъ*, воевода. Во время борьбы Новгорода съ Москвой, въ 1471 г. воевода Образецъ нанесъ новгородцамъ пораженіе на берегу Двины. Въ 1478 г. участвовалъ въ походѣ на Казань. Въ 1479 г. былъ намѣстникомъ въ Боровскѣ. Когда князь Оболенскій-Лыко отъѣхалъ отъ великаго князя къ его брату, князю Борису Волоцкому, Образцу было поручено отыскать Оболенскаго и схватить. Тотъ исполнилъ порученіе и отвезъ Оболенскаго въ оковахъ въ Москву.

Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I.

Б.

Образецъ, *Игнатій,* воевода велика[го] князя Ивана III. Въ 1492 и 1495 годах[ъ] сопровождалъ великаго князя въ его по[-] ѣздкахъ въ Новгородъ; въ 1500 г., когд[а] татары и ногайцы, напавъ на Казань, хо[-] тѣли низвергнуть казанскаго царя Абдул[ъ-] Летифа, союзника великаго князя, Обр[а-] зецъ ходилъ съ княземъ Бѣльскимъ на за[-] щиту царя: въ 1501 г. онъ былъ одним[ъ] изъ воеводъ во время похода на Литв[у;] въ 1502 г. ходилъ съ княземъ Даніилом[ъ] Щеней въ Ливонію, участвовалъ въ битв[ѣ] съ рыцарями и опустошалъ ливонскія зем[ли] до самаго Дерпта.

Спиридовъ: „Записки о старин. службах[ъ] русск. благородн. родовъ“ (рукоп. Имп. Пу[бл.] Библ.), V, 200; „Разрядная книга“, изд. М[и-] люкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древ[н.] 1902, I), 28; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), V[I] пр. 507, 516.

Е. Л.

Образцовъ, *Григорій Романовичъ,* во[е-] вода царя Іоанна Грознаго; въ 1551 го[ду] значится въ спискѣ московскихъ дѣт[ей] боярскихъ, въ 1560 г. участвовалъ въ к[а-] чествѣ головы въ сторожевомъ полку [в] походѣ князя Ивана Мстиславскаго [в] Лифляндію и во взятіи Феллина; въ 1566 [г.] былъ однимъ изъ воеводъ въ Смоленс[кѣ] и, наконецъ, въ 1567 г. сперва былъ н[а-] мѣстникомъ въ Почепѣ, а потомъ сно[ва] воеводой въ Смоленскѣ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службах[ъ] русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Пу[бл.] Библ.), V, 200; „Разрядная книга“, изд. М[и-] люкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древ[н.] 1902, I), 224; „Разрядная книга“ („Симбирск[ій] Сборникъ“, М., 1845), 18.

Е. Л.

Образцовъ, *Григорій Ѳедоровичъ,* во[е-] вода, упоминается съ 1591 г., когда бы[лъ] назначенъ провожать запасы, отправл[яв-] шіеся въ Ивангородъ. Въ томъ же г[оду] Образцовъ участвовалъ въ отраженіи кр[ым-] цевъ отъ Москвы, отличился въ бою [съ] ними и получилъ въ награду шубу цѣн[ою] въ 15 рублей. Въ 1595 и 1596 года[хъ] былъ письменнымъ головой при вое[водѣ] Жданѣ Сабуровѣ во время постройки [по-] слѣднимъ города на рѣкѣ Яикѣ; въ 159[.] онъ былъ сдѣланъ судьей въ приказѣ с[та-] раго земскаго двора, 2 февраля 1601 [г.] назначенъ головой въ Тобольскъ при в[ое-] водѣ Ѳедорѣ Шереметевѣ и пробылъ та[мъ] по 1602 г.; въ 1604 г. мы находимъ [его] воеводой въ Ржевѣ, въ мартѣ 1606 г. [онъ] былъ посланъ Лжедимитріемъ въ Ки[рил-] ловъ монастырь для сопровожденія [ц.] Симеона Бекбулатовича и для присут[ст-]

при его постриженіи. Въ февралѣ слѣдующаго (1607) года Образцову было велѣно, по приказу патріарха Гермогена, собрать изъ сотенъ и слободъ людей «мужеска пола» въ церковь для разрѣшенія народа отъ клятвопреступленія царю Борису Ѳедоровичу. Въ 1612 г. мы находимъ его въ земскомъ ополченіи при князѣ Пожарскомъ, который послалъ его съ отрядомъ на Бѣлоозеро наблюдать за движеніями шведовъ, занявшихъ въ это время всю новгородскую область и, въ случаѣ нападенія на главное земское ополченіе, по возможности, противодѣйствовать этому. Въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемъ его уже въ Вологдѣ, куда онъ явился изъ Бѣлоозера съ своимъ отрядомъ для введенія порядка, когда услышалъ, что казаки разграбили городъ и перебили воеводъ. Впрочемъ, здѣсь его усилія оставались безплодными: его никто не слушалъ и онъ долженъ былъ удалиться къ Москвѣ, къ главному войску князя Пожарскаго. Здѣсь онъ участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова и былъ пожалованъ новымъ царемъ за свою службу въ стряпчіе. Послѣднее извѣстіе о немъ встрѣчается въ 1615 г., когда онъ былъ воеводой въ Ржевѣ и участвовалъ въ шестинедѣльной защитѣ города отъ Лисовскаго.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“ (рукопись Импер. Публ. Библ.), V, 202—203; „Разрядная книга“ („Сибирскій Сборникъ“, М., 1845), 129 130; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“), II, 1025, 1035; „Акты Историческіе“, т. II; „Дополненіе къ актамъ историч.“, I, 290—291, 299, 300—307, 311, II, 66; „Акты археогр. экспедиціи“, II, 97, 157, 367; „Дворцовые разряды“, I, 190.

Е. Лихачъ.

Образцовъ, *Дементій*, дьякъ. Въ 1616 г. былъ посланъ съ кн. Ю. Я. Сулешевымъ къ Казани, для усмиренія взбунтовавшихся приволжскихъ черемисовъ; по окончаніи похода былъ назначенъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ въ 1618 г. помогалъ кн. Б. М. Лыкову собирать ратныхъ людей для отраженія нашествія королевича Владислава; затѣмъ въ 1621 году былъ назначенъ писцомъ для составленія новыхъ переписныхъ книгъ по Нижнему Новгороду и его уѣзду при Димитріи Лодыгинѣ, которому было поручено составить эти книги. По окончаніи переписи въ 1623 году Образцовъ былъ отозванъ въ Москву, гдѣ, между прочимъ, въ 1632 г., въ сотрудничествѣ съ И. П. Волынскимъ составилъ „Роспись книгамъ святѣйшаго патріарха Филарета Никитича“. Въ Москвѣ же Образцовъ получилъ назначеніе въ приказъ Новгородской Чети, въ которомъ мы и встрѣчаемъ его до 1634 г. Послѣ же этого никакихъ извѣстій о немъ не имѣется. Въ бытность свою въ Москвѣ Образцовъ принималъ значительное участіе и въ дипломатической дѣятельности московскаго правительства: въ 1630 году былъ приставомъ у турецкаго и у датскаго пословъ, въ 1632 году—снова приставомъ у турецкаго посла.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.), V, 201—205; Акты историч. III, 168—169, 243, 288—289, 293, 325. 367; Дополн. къ актамъ историч. IX, 188, X, 80; Акты Археографической Экспедиціи III, 116, 118, 185, 227, 274, 280, 283, 291, 317, 327; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ III. 171, 177, 283; Акты Московскаго Государства I, 223, 243, 395, II, 42; Дворцовые разряды I, 240, 291, 315, 636, II, 131, 242, 250, 277, 309, 310, 311, 313, 316; „Временникъ“, кн. XII, смѣсь, стр. 1—9.

Е. Лихачъ.

Образцовъ, *Ѳедоръ Романовичъ*, воевода царя Іоанна Васильевича Грознаго; сперва значится въ спискѣ боярскихъ дѣтей князя Владиміра Андреевича Старицкаго и въ 1550 году упоминается въ чинѣ свадьбы его, а потомъ мы его видимъ на царской службѣ: въ 1563 и 1564 годахъ онъ былъ намѣстникомъ въ Рыльскѣ, 13 марта 1565 года былъ назначенъ воеводой въ Рославлѣ, а въ 1567 году—посланъ съ служилыми московскими царевичами Ибакомъ и Камбулою подъ Великіе Луки, въ качествѣ головы надъ свіяжскими татарами.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) V, 201; Разрядная книга, изд. Милюкова („Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1902, I) 240, 255; Разрядная книга („Сибирскій Сборн.“, М., 1845) 9, 20; Собр. государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 550.

Е. Л.

Образцовъ, *Хрисанфъ Ивановичъ*, потомственный почетный гражданинъ, купецъ 1-й гильдіи, бывшій саратовскій городской голова, крупный мѣстный благотворитель. Родился въ 1768 году въ небогатой семьѣ и въ молодости нерѣдко испытывалъ тяжелую нужду, но, благодаря своему практичному уму и трудолюбію, ему вскорѣ, однако, удалось побороть матеріальные недостатки и даже пріобрѣсти довольно значительное состояніе. Ставъ человѣкомъ обезпеченнымъ,

онъ, однако, не забывалъ и тѣхъ, кто, какъ и онъ въ былое время, нуждался въ матеріальной поддержкѣ, всегда умѣя оказать помощь во время и деликатно. Его особенное вниманіе привлекала къ себѣ участь малолѣтнихъ сиротъ, которыхъ онъ или бралъ къ себѣ въ домъ, или же поручалъ ихъ воспитаніе честнымъ небогатымъ людямъ, платя имъ за это. У Х. П. Образцова и на его средства получило воспитаніе нѣсколько десятковъ сиротъ. Кромѣ того, Образцовъ, очень много жертвовалъ на построеніе и украшеніе церквей и на устройство школъ. Вообще, онъ всегда охотно откликался на всякое предложеніе пожертвовать что-либо на доброе дѣло, а нерѣдко и самъ былъ иниціаторомъ такихъ предложеній. Въ Саратовѣ Образцовъ, занимавшій одно время должность городского головы, пользовался глубокимъ уваженіемъ согражданъ и ни одно болѣе важное и интересное городское дѣло не рѣшалось безъ его участія. Х. П. Образцовъ скончался въ Саратовѣ отъ холеры 25 августа 1847 года на 80 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на кладбищѣ Саратовскаго Спасопреображенскаго монастыря.

„Московскія Вѣдомости“ 1847 г., № 112, ст. А. Росницкаго, некрологъ, стр. 816.
Е. Ястребцевъ.

Обресковъ, *Александръ Васильевичъ*,—генералъ отъ-кавалеріи, финляндскій военный губернаторъ съ 1805 по 1810 годы. Род. въ 1857 г. Начавъ дѣйствительную военную службу съ 1777 года въ Измайловскомъ полку, Обресковъ, благодаря постоянному участію въ войнахъ, быстро повышался въ чинахъ и 21-го апрѣля 1787 года былъ произведенъ уже въ полковники, съ назначеніемъ въ Рижскій карабинерный полкъ; четыре года спустя, 25-го марта 1791 года, былъ произведенъ въ бригадиры съ оставленіемъ при Рижскомъ карабинерномъ полку. Произведенный 1-го января 1795 года въ генералъ-маіоры, онъ черезъ три года послѣ того, въ званіи инспектора Кавказской Кавалеріи и въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ назначенъ въ дѣйствующія войска на нашей кавказской линіи, гдѣ за выказанныя отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ былъ награжденъ орденами св. Георгія 4-й степени и св. Владиміра 3-й степени. Затѣмъ, въ 1800 г. Обресковъ былъ произведенъ въ генералъ отъ кавалеріи и назначенъ Инспекторомъ Московской Кавалеріи. Служба на Кавказѣ дала возможность Обрескову вы- казать кромѣ военныхъ еще и админи- стративныя способности, и онъ въ 1805 г. былъ назначенъ на важный постъ фин- ляндскаго военнаго губернатора и управ- ляющаго гражданскою частью. Въ 1809 год ему былъ пожалованъ орденъ св. Алексан- дра Невскаго. Въ 1810 г. Обресковъ и болѣзни вышелъ въ отставку и дальнѣй- шихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось.

П. Г. Бутковъ. „Матеріалы для истор Кавказа“ т. III стр. 321. „Списки Воинско му Департаменту“ за 1789 г. стр. 97, за 1792 г. стр. 111, за 1795, стр. 46; „Адрес Календари“ на 1806 г. ч. 2. стр. 384, на 1806 ч. 2, стр. 414. на 1808 г. ч. 2, стр. 405, 1809 г. ч. 2, стр. 382, на 1810 г. ч. 2, стр. 38

Обресковъ, *Александръ Михайлович*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, сынъ сена- тора Михаила Алексѣевича Обрескова. Ро- дился въ 1793 году, умеръ въ 1885 год Въ 1804 году былъ зачисленъ на служ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣл Въ 1811 году былъ произведенъ въ тит лярные совѣтники и причисленъ къ Шту гардской миссіи и въ томъ же году п лучилъ званіе камеръ-юнкера, въ 1813 былъ переведенъ къ Константинопольско миссіи, въ 1815 г. къ Тосканской мисс секретаремъ посольства, въ 1817 год когда Тосканская миссія была присоеди нена къ Римской, былъ причисленъ къ п слѣдней, откуда въ 1818 г. былъ перемѣщен къ Вѣнской миссіи, гдѣ въ 1820 г. опр дѣленъ на должность совѣтника посольств въ 1821 году пожалованъ камергеромъ съ 18-го сентября по 22-го ноября 1822 исправлялъ обязанности нашего повѣре наго въ дѣлахъ при Вѣнскомъ дворѣ. В 1825 году Обресковъ былъ отозванъ из Вѣны и командированъ въ Мекленбург Шверинъ и Ангальтъ-Цербстъ съ извѣщ ніемъ о вступленіи на престолъ Импер тора Николая I, а по возвращеніи отту былъ назначенъ членомъ учрежденной тог въ Петербургѣ коммиссіи для разсмотр нія всѣхъ поступавшихъ въ Министерст иностранныхъ дѣлъ жалобъ на Оттома скую Порту. Въ декабрѣ 1826 г. Обр сковъ былъ произведенъ въ дѣйствител ные статскіе совѣтники, и въ 1827 го былъ прикомандированъ въ качествѣ ди ломатическаго агента къ войскамъ, дѣ ствовавшимъ противъ Персіи подъ нача ствомъ князя Паскевича. Въ 1828 г. Ал ксандръ Михайловичъ принималъ учас въ заключеніи мира съ персами въ Тур

манчаѣ; за удачное выполненіе этого важнаго порученія былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Штуттартѣ, откуда 31 декабря 1831 года былъ переведенъ на почетный постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Туринѣ; 17-го апрѣля 1837 года былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а 19-го апрѣля 1838 года отозванъ изъ Турина и назначенъ сенаторомъ. Въ званіи сенатора Обресковъ, впрочемъ, пробылъ не долго и 15-го октября 1840 года вышелъ въ отставку. Умеръ А. М. Обресковъ въ глубокой старости, въ 1885 году.

Формулярный списокъ о службѣ. „Русская Старина", 501; т. 80, стр. 460, т. 93, стр. 497; т. 91, стр. 101; т. 92, стр. 78, 113; „Историческій Вѣстникъ", т. 48, стр. 497. „Русскій Архивъ", 1891 г., III, стр. 32, 58, 59, 313, 315—318, 322. *Е. Лихачъ.*

Обресковъ, *Алексѣй Михайловичъ*, дипломатъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, сынъ Михаила Аѳанасьевича Обрескова. Родился въ 1718 г., умеръ въ 1787 г. Въ 1733 году былъ помѣщенъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, который окончилъ въ 1740 году. Въ этомъ году въ Константинополь отправлялся назначенный туда полномочнымъ посломъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ и Обресковъ, не смотря на то, что уже въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ быть произведенъ въ оберъ-офицеры, пренебрегъ этимъ повышеніемъ и подалъ просьбу о причисленіи его къ посольству. Просьба эта была исполнена и Обресковъ былъ назначенъ пажемъ при отправлявшемся посольствѣ. Въ Константинополѣ онъ, благодаря своему знанію иностранныхъ языковъ, скоро сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для Румянцова и постоянно помогалъ послу вести дипломатическую переписку; въ то же время, обладая хорошей памятью и богатыми способностями, Обресковъ скоро изучилъ турецкій и греческій языки; въ 1742 году Обресковъ былъ произведенъ въ армейскіе поручики. При слѣдующихъ, послѣ Румянцова резидентахъ, Вешняковѣ и Неплюевѣ, Обресковъ также находился въ Константинополѣ и, пользуясь ихъ расположеніемъ, нерѣдко исполнялъ весьма отвѣтственныя порученія. Въ 1747 году ему, между прочимъ, было поручено Неплюевымъ отвезти въ Россію захваченнаго въ Константинополѣ самозванца Ѳедора Иванова, выдававшаго себя за сына царя Ивана Алексѣевича. Обресковъ съ стражей повезъ его, но по дорогѣ, въ Айдосахъ самозванецъ началъ звать турокъ, крича, что онъ подданный султана и что онъ желаетъ принять магометанство. Турки отбили его и, несмотря на попытки Обрескова выманить самозванца обратно посулами и угрозами, его не только не выдали, но стали даже угрожать самому Алексѣю Михайловичу. Обресковъ долженъ былъ спасаться отъ разъяренной толпы и уѣхалъ обратно въ Константинополь, но Неплюевъ понимая, что держать его въ Константинополѣ послѣ этого не безопасно, отправилъ его на время въ Россію. Впрочемъ, здѣсь Обресковъ пробылъ не долго: уже въ слѣдующемъ году онъ былъ снова въ Константинополѣ и 2-го декабря 1748 года былъ произведенъ въ армейскіе капитаны. Въ 1750 г. Обресковъ вернулся въ Россію и въ награду за свою дѣятельность былъ произведенъ въ секундъ-маіоры. Въ Петербургѣ отдыхать ему, однако, пришлось не долго: въ 1751 году умеръ въ Константинополѣ русскій резидентъ А. И. Неплюевъ и нужно было немедленно же замѣстить этотъ постъ, весьма важный въ виду тогдашнихъ европейскихъ событій. Обресковъ, несмотря на свою сравнительную молодость, въ глазахъ правительства былъ лицомъ, могущимъ не безъ успѣха стать представителемъ Россіи передъ Турціей, ибо за нимъ была достаточная опытность и знаніе. Въ докладѣ иностранной коллегіи о немъ говорилось: «Сей маіоръ Обресковъ для того способнымъ къ тому признается, что онъ уже былъ тамъ при здѣшнихъ резидентахъ, Вешняковѣ и Неплюевѣ, около 10 лѣтъ и въ тамошнихъ поведеніяхъ довольное имѣетъ знаніе». 28-го Февраля 1751 г. Обресковъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополь съ производствомъ въ надворные совѣтники, а черезъ полтора года, 2-го ноября 1752 г. былъ сдѣланъ и резидентомъ. Главной цѣлью, которая была поставлена новому резиденту—было стремиться къ заключенію трактата, по которому русскіе могли бы свободно производить торговлю на Черномъ морѣ на своихъ корабляхъ и свободно плавать на этомъ морѣ. Обресковъ отлично понималъ, что это дѣло «самокрайнѣйшей нѣжности» и поэтому дѣйствовалъ очень осторожно. Онъ отлично зналъ, что вѣр-

нѣйшее средство воздѣйствовать на турецкое правительство, есть подкупъ, и потому подкупалъ всѣхъ тѣхъ, которые по его мнѣнію могли быть ему полезными. Въ то же время Обресковъ долженъ былъ имѣть въ виду и нужды балканскихъ славянъ, положеніе которыхъ требовало заступничества Россіи; между тѣмъ, какъ Россія была лишена возможности дѣйствовать рѣшительно, въ виду тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя она была поставлена приготовленіями къ войнѣ съ Фридрихомъ II, Обресковъ очень умѣло справлялся со всѣми этими затрудненіями и очень мирно уживался съ строгимъ и капризнымъ султаномъ Мустафой III. Гораздо труднѣе оказалось положеніе Обрескова, когда началась семилѣтняя война: Фридрихъ II, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, старался какъ-нибудь раздѣлить силы союзниковъ и предписывалъ своему посланнику въ Константинополѣ склонить Порту къ нападенію на Австрію или по крайней мѣрѣ къ заключенію съ Пруссіей союза. Представленія прусскаго посла поддерживалъ и англійскій представитель, и Порта дѣйствительно была настроена очень воинственно и готова была придраться къ самому незначительному поводу, чтобы открыть войну. Обрескову пришлось быть осторожнымъ, но онъ все-таки справился съ своей задачей и заставилъ Турцію держаться нейтралитета. Между тѣмъ умерла Императрица Елизавета и вступилъ на престолъ Петръ III, который круто измѣнилъ направленіе русской политики, ставъ на сторону Фридриха II противъ Австріи. Обрескову было приказано теперь уже не удерживать Порту, но наоборотъ, направлять ее противъ Австріи, и А. М. очутился въ очень затруднительномъ положеніи, будучи принужденъ уничтожать все то, о созданіи чего раньше старался. Къ его счастью скоро вступила на престолъ Екатерина II, относившаяся вообще очень благосклонно къ Обрескову, и ему не пришлось проводить политики прямо противоположной той, которую онъ проводилъ раньше. Еще Петръ III произвелъ Алексѣя Михайловича въ дѣйствительные статскіе совѣтники; Екатерина II пожаловала ему скоро по вступленіи на престолъ орденъ св. Анны. Очень хорошо относился къ Обрескову и тогдашній президентъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ графъ Панинъ, имѣвшій не разъ случай испытать его умѣніе и дипломатическій тактъ, которые особен понадобились ему теперь, когда въ 1763 умеръ польскій король Августъ III и под нялся вопросъ объ избраніи на его мѣс новаго короля. Русское правительство пр тежировало графу Понятовскому, но фра цузскій дворъ, стремившійся къ упроч нію польскаго престола за Саксонски домомъ, началъ сильно противодѣйст вать русскимъ замысламъ и старался в строить противъ нихъ Порту. Съ этою цѣль интриговалъ въ Константинополѣ фра цузскій посолъ Верженъ и польскій ре дентъ Станкевичъ, заявляя, что Польш лишена возможности выбрать себѣ корол что Екатерина силой возводитъ Понято скаго, чтобы потомъ выйти за него з мужъ и этимъ объединить подъ сво властью Польшу и Россію. Турецкое пр вительство, дѣйствительно, хотѣло снача вмѣшаться въ польскія дѣла, но Обресков успѣлъ склонить на свою сторону пер водчика Порты и цѣлымъ рядомъ подк повъ заставилъ Порту отказаться отъ вм шательства. Императрица была очень д вольна этимъ и на реляціи Обрескова н писала: «ревность, искусство и усер Обрескова довольно похвалить не може да благословитъ Господь Богъ и впре дѣла наши тако».

Между тѣмъ въ Константинополѣ Обрескова появились новые враги: ра дражалъ Порту противъ Россіи свои жалобами крымскій ханъ Крымъ-Гире враждебно настроенный противъ Росс интриговали противъ нея польскіе па ріоты, недовольные русскимъ правител ствомъ, а Пруссія и Австрія, также доб вались заключенія союза съ Турціей, жел вовлечь ее въ дѣла Польши, чтобы осл бить въ ней вліяніе Россіи. Между тѣм русское правительство ввело войска Польшу для защиты диссидентовъ, затѣ началась борьба съ Барской конфедер ціей и все это подавало поводъ враган Россіи возмущать противъ нея турецк правительство. Положеніе Обрескова сд лалось очень труднымъ: онъ даже должен былъ подписать обѣщаніе, по которо русскіе должны были вывести изъ Польш свои войска лишь только кончится дисс дентская война. Тщетно просилъ онъ с вѣта и указанія у Панина: тотъ полага на его собственную опытность и ли прислалъ ему на подкупы 70,000 рубле Но деньги теперь уже не могли помо

такъ какъ благопріятствующіе Обрескову великій визирь и рейсъ-эфенди были смѣнены, новые же оказались враждебно настроенными противъ Россіи. Порта искала только случая, чтобы объявить войну Россіи и случай скоро представился: въ 1768 году во время гайдамацкой войны шайка гайдамаковъ напала на селенія Балту и Дубоссары, принадлежавшія крымскому хану. Порта придралась къ этому и рѣшила начать съ Россіей войну. 25-го ноября 1768 года Обресковъ былъ позванъ къ великому визирю, который потребовалъ отъ него ручательства, что Россія выведетъ немедленно войска изъ Польши и откажется отъ защиты диссидентовъ. Обресковъ заявилъ, что онъ не имѣетъ права сдѣлать это и тогда ему и 11 членамъ посольства былъ объявленъ арестъ. Обрескова посадили въ подземелье башни Едикуле, гдѣ положеніе его оказалось настолько тяжелымъ, что даже турокъ-комендантъ долженъ былъ донести, что плѣнники не могутъ прожить въ такомъ помѣщеніи и трехъ сутокъ. Обресковъ вслѣдствіе этого былъ переведенъ въ лучшее помѣщеніе, небольшую тѣсную избушку, куда свѣтъ проходилъ только черезъ двери и небольшое окно въ крышѣ. Въ декабрѣ Обресковъ притворился отчаянно больнымъ, подкупилъ врачей и заставилъ перевести себя въ лучшее помѣщеніе. Въ 1769 году визирь взялъ его съ собой въ походъ и здѣсь Обрескову пришлось очень тяжело: его заставляли ходить пѣшкомъ, обращались съ нимъ очень плохо, всѣ представленія, которыя онъ дѣлалъ великому визирю о своемъ освобожденіи, оставались безъ послѣдствій и только новый визирь смягчилъ нѣсколько его участь, заключивъ его въ полуразвалившійся замокъ въ окрестностяхъ Андріанополя и не заставляя его постоянно двигаться вмѣстѣ съ своей арміей. Караулъ, приставленный къ нему былъ очень строгъ: къ нему никого не допускали; однако, во все время своего заключенія, ему удавалось пересылать письма Панину, въ которыхъ онъ описывалъ свое состояніе, положеніе дѣлъ въ Константинополѣ и давалъ очень цѣнные совѣты относительно веденія войны. Вотъ какъ описывалъ онъ въ одномъ изъ писемъ свое положеніе: «Я запертъ въ замкѣ, въ которомъ пустого мѣста не болѣе саженъ пять и долженъ толочься тутъ, какъ въ берлогѣ медвѣдь; если еще живъ, то сіе единственно приписываю отрадѣ, часто вкушаемой по случаю счастливыхъ успѣховъ нашего оружія; утѣшаетъ меня также крайнее разстройство и страхъ здѣшнихъ варваровъ». Наконецъ, лѣтомъ 1771 г. по энергичнымъ представленіямъ австрійскаго и прусскаго пословъ, Обресковъ былъ освобожденъ и 30-го августа 1771 года прибылъ въ Петербургъ. Императрица щедро наградила его за это заключеніе: еще въ 1766 году онъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники; теперь онъ былъ назначенъ членомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, получилъ орденъ св. Александра Невскаго и 200,000 руб. Недолго, однако, пришлось ему быть въ Петербургѣ. Начались мирные переговоры съ Портой и А. М. Обресковъ вмѣстѣ съ графомъ Г. Г. Орловымъ былъ отправленъ на конгрессъ съ турецкими уполномоченными въ Фокшаны. Главныя требованія русскаго правительства сводились къ признанію за Россіей свободы торговли и мореплаванія на Черномъ морѣ и къ независимости Крыма отъ султана. Турки, разумѣется, не могли согласиться на это и конгрессъ окончился безъ результатовъ. Впрочемъ, до насъ дошло письмо графа Панина, которое указываетъ и на другую причину неудачи конгресса. Панинъ приписываетъ неудачу «бѣшенству и колобродству» гр. Орлова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ увѣрялъ Обрескова, что Императрица отлично сознаетъ, что «вамъ невозможно было ничего иного сдѣлать въ положеніи вашемъ, какъ то, что вы сдѣлали. Повѣрьте, мой другъ, что вамъ вся справедливость отдается и ваши прежнія заслуги не помрачаются, конечно, отъ необузданности товарища вашего... Мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе черезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую. Вамъ поручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса». На слѣдующій конгрессъ въ Бухарестъ Обресковъ отправленъ былъ уже одинъ, но и здѣсь, несмотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ ничего сдѣлать, вслѣдствіе постоянныхъ интригъ со стороны враговъ Россіи въ Константинополѣ. Только новыя побѣды Румянцова могли заставить Порту согласиться на русскія условія, но миръ былъ заключенъ уже не Обресковымъ, который не могъ поспѣть во время въ Кучукъ-Кайнарджи, вслѣдствіе сильнаго разлитія Дуная. По прибытіи въ Петербургъ, Обресковъ не

прекратилъ своей дѣятельности и ревностно работалъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ скоро занялъ, благодаря своему выдающемуся уму и способностямъ, видное положеніе. Въ 1779 году онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, въ 1784 г.— произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и умеръ находясь на службѣ въ 1787 году.

По свидѣтельству современниковъ А. М. Обресковъ отличался большимъ образованіемъ и природнымъ умомъ, но въ обыденной жизни, былъ человѣкомъ очень вспыльчивымъ и крутымъ.

А. М. Обресковъ былъ женатъ два раза: первый разъ тайно, когда ему было еще 18 лѣтъ; второй разъ въ Константинополѣ, на гречанкѣ, и имѣлъ четырехъ сыновей: Петра, Михаила, Ивана и Николая, и двухъ дочерей: Екатерину и Агриппину.

Формулярный списокъ о службѣ; Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей“; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза“, т. V и VI; Архивъ кн. Воронцова, VII, 289, 293, 316—317; Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 562, 847, 984; 1882 г., т. II, стр. 8, 10, 15, 25, 26, 31, 34, 35, 38—41, 43—48, 52, 55, 67; „Русская Старина“, V, 21; „Историческій Вѣстникъ“, 1891 г., VIII, 263—270, 272—274; „Сборн. рус. ист. Общ.“, тт. I, X, XII, XIII, XVIII, XIX, XXII, XXXVII, XLVI, XLVIII, LI, LVII, LXVII, LXXII, LXXXII; Восемнадцатый вѣкъ, V, 21; „Записки Порошина“ (изд. 1881 г.), стр. 72 и сл. Уляницкій: „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в.“ (М. 1883 г.), 79 — 106, 392—410, 423 — 460, 470 — 481, прил. 47 — 88, 149—258; Петровъ: „Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами съ 1769—1774 г.“ (Спб. 1866 г.) I, 70—72; IV, 103; 108, 112, 119, 125—133; Чечулинъ: „Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II“ (Спб. 1896) passim. *Е. Лихачъ.*

Обресковъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, сынъ сенатора А. М. Обрескова, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ. Родился въ 1759 году. 5-го апрѣля 1772 г., не имѣя еще полныхъ 13-ти лѣтъ, онъ былъ приписанъ актуаріусомъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался до конца 1781 года, причемъ 1-го декабря 1774 г. былъ произведенъ въ переводчики. Въ январѣ 1782 г. Обресковъ перешелъ на военную службу и въ чинѣ поручика поступилъ во Владимірскій пѣхотный полкъ, и 12-го апрѣля того же года былъ произведенъ въ капитаны. Годъ спустя онъ перевелся секундъ-маіоромъ въ Астраханскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ, и съ этого времени начинается е боевая дѣятельность, длившаяся около пят лѣтъ. Назначенный 2-го іюня 1788 год адъютантомъ къ князю Потемкину-Тавр ческому съ производствомъ въ премьер маіоры Обресковъ находился при княз во все время осады Очакова, причем былъ контуженъ пулею въ руку. За отл чія, выказанныя при взятіи Очакова, ког Обресковъ, находясь въ первой колон генерала Палена, былъ раненъ въ ру онъ былъ произведенъ въ подполковни а годъ спустя переведенъ въ Елизаве градскій конно-егерскій полкъ, причемъ в томъ же году участвовалъ въ сраженія при мѣстечкѣ Каушанахъ, подъ Аккерм номъ, при блокадѣ и взятіи Бендеръ. З выказанную храбрость во всѣхъ этихъ д лахъ, ему пожалованъ былъ золотой крес на георгіевской лентѣ съ надписью: « службу и храбрость», а въ 1793 г. Обр сковъ получилъ орденъ св. Владимі 4-й степени съ бантомъ; въ 1794 г. н ходился въ дѣлахъ противъ поляков Произведенный въ полковники, Обресков въ томъ же 1794 году былъ переведе въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, три года спустя былъ назначенъ кома диромъ Лейбъ-Кирасирскаго Его Вел чества полка и 15-го ноября 1797 го произведенъ въ генералъ-маіоры съ наз ченіемъ шефомъ Нарвскаго драгунска полка, но на другой день снова переведе командиромъ лейбъ-гвардіи Кирасирска полка. Въ слѣдующемъ году онъ былъ н гражденъ орденомъ св. Анны 1-й степе но въ началѣ 1799 года впалъ въ неми лость и 10-го февраля отставленъ о службы и пробылъ въ отставкѣ бол двухъ лѣтъ. 22-го марта 1801 г. Обр сковъ снова былъ принятъ на военну службу и зачисленъ по арміи. Чтобы н градить его за отставку, вспомнили объ е участіи во взятіи Очакова, и 26-го нояб 1802 года ему былъ пожалованъ орде св. Георгія 4-й степени. Однако ему н еще не давали никакой должности ли 20-го іюля 1805 года онъ былъ назначе генералъ-кригсъ-коммиссаромъ арміи, 25-го іюня слѣдующаго года Обресков былъ произведенъ въ генералъ-лейтенант Съ наступленіемъ вслѣдъ затѣмъ вой съ Наполеономъ (1806—1807 гг.) Обр сковъ исполнялъ обязанности генера кригсъ-коммиссара дѣйствующей арм Возникшія вскорѣ пререканія съ генера

интендантомъ кн. Волконскимъ, за которыми послѣдовали обоюдные доносы о злоупотребленіяхъ, вызвали назначеніе особаго слѣдствія, на время котораго Обресковъ былъ отрѣшенъ отъ должности генералъ-кригсъ-коммиссара. Слѣдствіе, однако, выяснило полную его невинновность, и приказомъ 16-го апрѣля 1809 года, ему повелѣно было состоять по арміи. Командированный въ 1810 году въ Архангельскъ для инспекціи войскъ и для производства слѣдствія по нѣкоторымъ дѣламъ, онъ своею справедливостью пріобрѣлъ такое уваженіе среди архангельскаго населенія, что когда онъ сдѣлалъ представленіе объ устройствѣ въ Архангельскѣ временнаго госпиталя для воинскихъ чиновъ, то 13 человѣкъ изъ мѣстнаго купечества пожертвовало для этой цѣли 52,500 руб., причемъ письменно было заявлено, что: «они (архангелогородцы) преисполненные признательности къ строгимъ, но справедливымъ дѣйствіямъ его, Обрескова, равно и къ человѣколюбивому его предположенію, которое послужитъ къ успокоенію больныхъ, такъ и къ облегченію города Архангельска, съ живѣйшимъ усердіемъ пожертвовали изъ собственныхъ капиталовъ, на устройство предположеннаго имъ госпиталя 52,500 р.» По возвращеніи изъ Архангельска, Обресковъ 12-го іюля былъ назначенъ сенаторомъ и директоромъ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ, а 14-го августа слѣдующаго года, назначенъ директоромъ Департамента внѣшней торговли. Требуя во всемъ самаго строгаго исполненія установленныхъ правилъ и энергично преслѣдуя всякое лихоимство, Обресковъ вскорѣ достигъ того, что таможенные сборы увеличились въ нѣсколько разъ. Такая ревностная дѣятельность не осталась незамѣченной: «въ воздаяніе неусыпныхъ трудовъ по управленію Департаментомъ внѣшней торговли и въ награду примѣрнаго усердія къ пользамъ казны, доведеніемъ государственныхъ доходовъ до такого возвышенія, котораго не достигали они еще въ предъидущее время», Обрескову пожалованы были орденъ св. Владиміра 2-й степени, св. Александра Невскаго и 5000 десятинъ. Серьезно заболѣвъ въ началѣ 1823 года, Обресковъ 9-го мая того же года по прошенію былъ уволенъ отъ должности директора Департамента внѣшней торговли и уѣхалъ за границу лѣчиться, а по возвращеніи въ слѣдующемъ году въ Петербургъ, ему повелѣно было попрежнему присутствовать во II отдѣленіи 3-го Департамента Правительствующаго Сената. Назначенный 28-го сентября 1827 года членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія требованій россійскихъ подданныхъ къ Турецкой имперіи, онъ оставался въ этомъ комитетѣ вплоть до закрытія его, 2-го апрѣля1829 г., причемъ, 23-го іюня 1828 года былъ переименованъ изъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. 8-го октября 1829 года Обрескову повелѣно было присутствовать въ 1-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, а съ 28-го января 1832 года ему повелѣно быть первоприсутствующимъ въ Общемъ Собраніи 4-го, 5-го и Межевого Департаментовъ Сената; въ этой должности онъ былъ до конца 1834 г., когда ему повелѣно было быть первоприсутствующимъ во временномъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената, въ каковомъ званіи онъ состоялъ до дня своей смерти, принимая сверхъ того дѣятельное участіе въ работахъ разныхъ коммиссій, особенно же по вопросу объ откупахъ. М. А. Обресковъ скончался въ Петербургѣ, 25-го ноября 1842 г, на 84 году отъ рожденія. Воспоминанія вообще не отзываются объ Обресковѣ съ хорошей стороны, Вигель-же въ своихъ «Запискахъ», изобразилъ его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Послужной списокъ. „Русск. Арх." 1867, стр. 211—245; 1868, стр. 1498—1509; 1899, I, 1, стр. 127, 564—575; 1902, I, 42; 78, 297, 508—509; 619; III, 392, 497. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 21. Ф. Ф. Вигель: „Записки", М. 1892, т. II, стр. 95—97; „Русск. Стар.", 1898, I, XII; 1899, VI, стр. 589, 592; 1873, т. VII, с. 40; т. VIII, с. 112.

Е. Ястребцевъ.

Обресковъ, *Николай Васильевичъ*, московскій гражданскій губернаторъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ, сынъ капитанъ-поручика Василія Ивановича Обрескова. Родился въ 1764 доду, умеръ въ мартѣ 1821 года. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, Обресковъ восьми лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ на службу пажемъ при Дворѣ императрицы Екатерины II; девять лѣтъ спустя былъ пожалованъ въ камеръ-пажи. 18-го февраля 1785 года Обресковъ, въ чинѣ поручика, поступилъ на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; въ январѣ 1788 г., былъ произведенъ въ капитанъ-поручики и въ 1790 году получилъ чинъ капитана.

Въ 1789 году Обресковъ принималъ участіе въ походѣ въ Финляндію противъ шведовъ и командовалъ гренадерской ротой. Въ январѣ 1793 г. Обресковъ былъ переведенъ въ армію подполковникомъ Бѣлорусскаго корпуса, въ слѣдующемъ— въ Тверской Карабинерный полкъ и въ 1795 г. въ легко-конный Сумскій гусарскій полкъ. Въ 1796 году Обресковъ участвовалъ въ войнѣ съ Персіей, во время которой ему было поручено отправиться съ отрядомъ для подкрѣпленія города Баку; порученіе это онъ исполнилъ весьма успѣшно, занявъ Баку своимъ отрядомъ 16-го іюня «внезапно отъ непріятеля». Въ 1797 году Обресковъ былъ произведенъ въ чинъ полковника и въ слѣдующемъ же году въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ гусарскаго Шевича полка. 10-го февраля 1799 года Обресковъ безъ награжденія чиномъ былъ уволенъ и не занималъ никакой должности до 1803 г., когда былъ избранъ московскимъ дворянствомъвъ дмитровскіе уѣздные предводители дворянства. Въ концѣ 1806 года, во время сбора земскаго ополченія, Обресковъ былъ избранъ и утвержденъ дмитровскимъ уѣзднымъ начальникомъ милиціи, а два года спустя московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. 25-го іюня 1810 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Обрескова московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ производствомъ его въ тайные совѣтники. Въ этой должности Обресковъ заявилъ себя съ очень хорошей стороны своими многочисленными, разумными мѣропріятіями и распоряженіями и снискалъ себѣ особенное довѣріе императора Александра I. 17-го іюля того же 1810 года Обресковъ былъ произведенъ въ сенаторы, съ назначеніемъ засѣдать во II отдѣленіи 6-го департамента Сената и съ оставленіема въ должности моск. гражданск. губернатора; наконецъ, 17-го февраля 1813 года онъ былъ пожалованъ золотою осыпанною алмазами табакеркою съ Императорскимъ портретомъ. Вскорѣ послѣ полученія этой послѣдней награды, Обресковъ, чувствуя свое здоровье совершенно разстроеннымъ, сталъ проситься въ отставку. Императоръ Александръ I, надѣясь, что Обресковъ поправится, соизволилъ лишь на временное увольненіе его отъ должности московскаго гражданскаго губернатора и необходимости присутствовать въ Сенатѣ, но въ началѣ 1816 г. Обресковъ вновь просилъ объ отставкѣ, как вая просьба была уважена. По выходѣ отставку, Обресковъ прожилъ еще пя лѣтъ, и умеръ въ мартѣ 1821 года. словамъ лицъ, близко знавшихъ Обреско между прочимъ, по отзыву московска генералъ-губернатора графа Растопчи Обресковъ былъ человѣкъ весьма умн тонкій и отлично понимавшій людей, которыми имѣлъ дѣло; по отзыву С. Глинки, Н. В. Обресковъ былъ «человѣ красивый, баловень роскоши и нѣги, ум гибкій и рѣчистый въ русскомъ слов Императоръ Александръ I весьма цѣни Обрескова: въ 1812 г. онъ въ особо рескриптѣ, минуя московскаго глав командующаго фельдмаршала графа Гу вича, довѣрилъ ему секретное дѣло устройствѣ особеннаго воздушнаго ша прислалъ къ нему механика Лепиха, звавшагося устроить этотъ аэростат находился съ нимъ въ непосредствен личной перепискѣ.

Полный послужной списокъ. Днев В. А. Жуковскаго („Русская Старина“, 190 январь, май).—Изъ переписки М. Н. За скина („Рус. Стар., 1902 года, кн. III). С ственноручный рескриптъ императора А ксандра I, тайному совѣтнику Обреск изъ Вильны отъ 24-го мая 1812 года („Р Стар.“, 1875 г., т. II). „Русская Стари 1874 годъ, т. IX, 1877 г., стр. 717 и 718; LXIV, стр. 54 — 60, LXXVII, стр. 175, 187, т. XCIII, январь, декабрь; „Рус Архивъ“, 1866 г., стр. 1506, 1875 г., стр. и слѣд.; 1886, III, 1875, III. Шильдеръ: „Им раторъ Александръ I“; „Вѣстн. Евро 1872 г., кн. II, стр. 303—320; „Сборникъ 2 Акад. Наукъ“, т. 27, стр. 435; С. Н. Гли „Записки“, Спб. 1895, стр. 199; М. А. Д тріевъ: „Мелочи изъ запаса моей памя М. 1869, с. 245.

Александръ Петровъ.

Обресковъ, *Петръ Алексѣевич* тайный совѣтникъ, сенаторъ, стат секретарь Императора Павла I. дился въ 1752 году и былъ сынъ на го Константинопольскаго посла сенат Алексѣя Михайловича Обрескова. Нача свое служебное поприще еще при жи отца, онъ однако не особенно быстро гался по іерархической лѣстницѣ чинов въ 1795 году былъ еще лишь коллежск совѣтникомъ. Съ восшествіемъ на прес Императора Павла I, положеніе Обреск сразу измѣнилось. Снискавъ къ себѣ вѣріе монарха, онъ 10-го февраля 1897 будучи лишь въ чинѣ статскаго совѣт ка, былъ назначенъ статсъ-секретар

Императора, сопровождалъ его во время путешествій по Россіи и управлялъ Императорскою походною канцеляріею. 5-го апрѣля 1797 года онъ былъ произведенъ уже въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 25-го сентября того же года назначенъ казначеемъ Императорскихъ Россійскихъ орденовъ. 14-го октября слѣдующаго года Обресковъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, причемъ сначала присутствовалъ въ 3-мъ, а потомъ въ 5-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Однако удержаться на все время въ милости Императора Павла I ему не удалось. Въ началѣ сентября 1800 года онъ впалъ въ немилость и 4-го того же сентября былъ уволенъ отъ службы. Въ слѣдующемъ году, 5-го апрѣля, ему снова повелѣно было присутствовать въ Московскихъ департаментахъ Сената 12-го января 1802 года, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ уволенъ въ отпускъ на два года «для поправленія домашнихъ дѣлъ». По возвращеніи изъ отпуска Обресковъ былъ назначенъ главноуправляющимъ межевою канцеляріею, и въ этой должностиоставался до самой смерти. Въ 1810 году Обресковъ, по Высочайшему повелѣнію, обозрѣвалъ Пермскую губернію и по выполненіи этого порученія былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.—П. А. Обресковъ скончался 18-го мая 1814 года на 62 году отъ рожденія.

Его супруга Елисавета Семеновна, урожденная Волчкова (за П. А. Обресковымъ была во второмъ бракѣ), слыла замѣчательной красавицей, оставившей по себѣ хорошую память своей добротой и привѣтливостью, а подъ конецъ жизни и благотворительностью. Между прочимъ, съ ней было знакомо не мало нашихъ писателей, запечатлѣвшихъ въ своихъ стихахъ симпатичный образъ этой доброй женщины.—По смерти П. А. Обрескова, она вскорѣ вступила въ третье супружество за кн. С. А. Хилкова и скончалась въ преклонномъ возрастѣ (въ Москвѣ, 2 іюля 1856 г.).

„Адресъ-Календарь“ 1814—1815 гг. „Энциклопедическій Словарь“ изд. Брокгауза и Ефрона, т. 21, стр. 573; Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, Спб. 1901; „Русск. Архивъ“, 1887, I; „Русская Старина“, 1891 г. № 12, стр. 609; т. 48, стр. 82.—Объ Е. С. Обресковой, см.: кн. И. М. Долгоруковъ: „Капище моего сердца“ Кн. I, м. 1873, „Сѣв. Пчела“ 1856, № 151; „Рус. Архивъ“ 1871, ст. 988; 1875, III. И. А. Кубасовъ: „А. Е. Измаловъ“ Спб. 1901, стр. 32; „Памяти Л. Н. Майкова“, Спб. 1903, стр. 230.

Обріенъ, *Христофоръ* (Christof O'Brien), вице-адмиралъ главный командиръ Кронштадтскаго порта. Англичанинъ по происхожденію, Обріенъ началъ свою службу въ англійскомъ флотѣ, гдѣ дослужился до чина капитана. Русскій посолъ въ Лондонѣ князь Антіохъ Кантеміръ предложилъ Х. Обріену перейти въ русскую службу. Обріенъ согласился и былъ принятъ съ чиномъ контръ-адмирала 1 апрѣля 1737 года. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ, онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й дивизіи корабельнаго флота. Въ ноябрѣ того же года ему былъ Высочайше пожалованъ одинъ изъ казенныхъ домовъ въ Кронштадтѣ, а 1 мая слѣдующаго года Обріенъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ практической эскадры и эту должность исполнялъ въ теченіе трехъ кампаній, причемъ имѣлъ свой флагъ на кораблѣ «Выборгъ», фрегатѣ «Арондель» и корабляхъ «Императрица Анна» и «Св. Андрей». 14 февраля 1740 года Обріенъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а годъ спустя, 13 марта 1741 года назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Однако эту должность онъ занималъ менѣе года, такъ какъ 6 февраля 1742 года былъ уволенъ въ отставку. Въ теченіе своей пятилѣтней службы Х. Обріенъ представилъ въ Адмиралтействъ-коллегію нѣсколько проэктовъ. Изъ нихъ наиболѣе интересенъ проэктъ скорѣйшаго устройства и оборудованія доковъ и эллинговъ въ Кронштадтскомъ портѣ и проэктъ новаго устройства крюйтъ-камеръ на судахъ.

„Общій Морской Списокъ“, ч. II Спб., стр. 296; „Матеріалы для исторіи русскаго флота“, т. VI, Спб., 1877 г., стр. 661 и 674, т. VIII, Спб., 1880 г., стр. 288, 337, 350, 381, 392, 395, 411—413, 46—464, 470, 471, 482—494, 509, 516, 517, 555, 578, 602—611, 620—630, 683, 690, 697, 699, 710, 711, т. IX, Спб., 1882 г., стр. 35, 70, 76, 209, 210, 592.

Е. Ястребцевъ.

Обручевъ *Владиміръ Афанасьевичъ*,—генералъ-отъ-инфантеріи, предсѣдатель Генералъ-аудиторіата Военнаго министерства и генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края. Родился въ Архангельскѣ въ 1793 году. Воспитывался до 12-ти лѣтъ дома, въ 1805 году родители опредѣлили его юнкеромъ въ Инженерный Корпусъ. Спустя три года, онъ былъ произведенъ въ прапорщики и вскорѣ послѣ этого командированъ въ Ригу, для участія въ возведеніи укрѣпленій. За свои труды въ Ригѣ В. А. Обручевъ въ 1811 году

былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-маіору Дибичу, причемъ былъ переведенъ съ чиномъ поручика въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Уже въ самомъ началѣ Отечественной войны ему пришлось принять участіе въ дѣлахъ противъ французовъ. Спустя пять дней (16-го іюня) по переходѣ Наполеона черезъ нашу границу, Обручевъ участвовалъ въ бою у г. Вилькоміра, затѣмъ въ сраженіяхъ во время перевода мостовъ по рѣкѣ Двинѣ отъ Дриссы до м. Друи, въ дѣлахъ при Клястицахъ, Свальнѣ и Полоцкѣ. За отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ Обручевъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Продолжая состоять при Дибичѣ и по изгнаніи французовъ изъ Россіи, Обручевъ принялъ участіе и въ кампаніяхъ 1813—1814 гг. За отличія, выказанныя имъ въ Люценскомъ, Бауценскомъ, Дрезденскомъ и Кульмскомъ сраженіяхъ Обручевъ былъ произведенъ въ капитаны, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и тѣмъ же орденомъ съ алмазными украшеніями, золотою шпагою съ надписью «за храбрость», Кульмскимъ крестомъ и прусскимъ орденомъ «за достоинство». Затѣмъ, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Моншпранѣ, Ларотіерѣ, Арси, и при взятіи Парижа. Въ 1816 году Обручевъ былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Нарвскій пѣхотный, полкъ находившійся въ составѣ корпуса гр. Воронцова, расположеннаго во Франціи. Спустя годъ, Обручевъ былъ назначенъ командиромъ Нарвскаго полка и въ этой должности оставался въ теченіе шести лѣтъ. Въ 1823 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса. Оставаясь въ этой должности до половины турецкой войны 1828 года, Обручевъ въ концѣ того года былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ 2-й арміи. Онъ принималъ участіе во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ съ турками и за отличіе получилъ между прочими орденами и орденъ св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ, въ 1830 году Обручевъ былъ назначенъ начальникомъ 3-й пѣхотной дивизіи, но командовалъ ею не долго— лишь до начала польскаго возстанія, когда занялъ должность дежурнаго генерала дѣй-

ствующей арміи, причемъ участвовалъ в
сраженіяхъ при Ваверѣ, Гроховѣ, Остролен
кѣ и при взятіи Варшавы. За послѣднее дѣл
онъ былъ награжденъ орденомъ св. Гео
гія 3-й степени и произведенъ въ гене
ралъ-лейтенанты. Въ 1832 году Обручев
былъ назначенъ начальникомъ 1-й пѣхо
ной дивизіи, а затѣмъ третьей Грен
дерской, которою командовалъ около восьм
лѣтъ. — Въ бытность свою начальн
комъ штаба, а потомъ дежурнымъ ген
раломъ Обручевъ обнаружилъ большія адм
нистративныя способности. Поэтому, когд
въ началѣ 1842 года Оренбургскій генерал
губернаторъ В. А. Перовскій былъ на
наченъ членомъ Государственнаго Совѣта
на его мѣсто оренбургскимъ генерал
губернаторомъ и командиромъ отдѣльна
Оренбургскаго корпуса былъ назначен
В. А. Обручевъ. Послѣдній, по пріѣз
своемъ въ Оренбургскую губернію, тотчас
же принялся за тщательное изученіе мѣс
ныхъ нуждъ. Онъ объѣхалъ весь ввѣре
ный ему край и намѣтилъ планъ буд
щихъ своихъ дѣйствій. Правда, многое из
начинаній Перовскаго было оставлено н
вымъ генералъ-губернаторомъ безъ пр
долженія, но Обручевъ не мало сдѣла
для края и по собственной иниціативѣ. В
особенности онъ много потрудился на
водвореніемъ тишины и безопасност
столь часто нарушавшихся инородцами в
этомъ неспокойномъ краѣ; кромѣ то
Обручеву удалось нѣсколько поднять и м
теріальное благосостояніе нашей далек
окраины.—Въ 1846 г. Обручевъ предпр
нялъ экспедицію на восточный берегъ Ка
пійскаго моря. Отправившись съ отрядом
войскъ изъ Гурьева-Городка на Ман
шлагскій полуостровъ, онъ занялъ это
послѣдній и возвелъ тамъ укрѣпленіе, на
ванное Новопетровскимъ (теперь фор
Александровскій). Затѣмъ, осмотрѣвъ в
веденныя еще ранѣе, по его указан
укрѣпленія на р. Иргизѣ и Тургаѣ, о
вернулся въ Оренбургъ. Въ слѣдующе
году, желая укрѣпить за нами кирги
кайсаковъ, и защитить ихъ отъ набѣго
сосѣднихъ азіатскихъ кочевниковъ, Обр
чевъ послалъ довольно значительный
рядъ къ восточной границѣ Оренбургск
губерніи, гдѣ на р. Сыръ-Дарьѣ въ ур
чищѣ Раимѣ было возведено укрѣплен
и оставленъ гарнизонъ. Въ течен
своей службы въ Оренбургѣ Обручев
за свои заслуги по управленію крае

кромѣ орденовъ получилъ и чинъ генерала отъ инфантеріи. Высочайшимъ указомъ 20 марта 1851 года Обручевъ былъ уволенъ отъ должности командира оренбургскаго корпуса и оренбургскаго военнаго губернатора: ему было повелѣно присутствовать въ Московскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ. Въ декабрѣ 1859 г. Обручевъ былъ назначенъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, предсѣдателемъ Генералъ - аудиторіата Военнаго министерства. Наконецъ, растроенное здоровье въ 1865 г. вынудило его просить объ отставкѣ. Просьба его была уважена: Обручевъ былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя Генералъ-аудиторіата, но оставленъ въ званіи сенатора. Вскорѣ по выходѣ въ отставку, Обручевъ скончался, въ апрѣлѣ 1866 года на 73 году жизни. Послѣ В. А. Обручева остался переводъ, письма H. Hourrth'а—«Климатъ Сибири въ эпоху мамонта», напечатанный въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (1889 г., № 3). Кромѣ того, въ апрѣлѣ 1853 г. Обручевъ представилъ Государю слѣдующій свой трудъ «Сводъ новѣйшихъ мѣръ, предпринятыхъ въ послѣднюю турецкую войну (1828—1829 гг.»—Воспоминанія, отмѣчая симпатичныя черты въ характерѣ В. А. Обручева—его доброту, заступничество и честность, не замалчиваютъ и его суровости въ обращеніи съ подчиненными, въ особенности въ бытность его Оренбургскимъ генералъ губернаторомъ.— В. А. Обручевъ имѣлъ ордена до ордена Александра Невскаго включительно.

„Военный Сборникъ" за 1866 г. т. 50 № 8, стр. 86—89, некрологъ; „Ежегодникъ Русскихъ Армій" на 1868 г., ч. II, стр. 307, некрологъ; „Иллюстриров. Газета" 1866 г. № 28, некрологъ; „Военный Сборникъ" 1872 г. № 85, № 5, ст. Лобысевича: „Главные начальники Оренбургскаго Края", біографія; „Памятная книжка Уфимской губерніи" на 1873 г., стр. 19—27; „Русск. Старина" 1896 г., кн. V, стр. 553—536; 1893, кн. I, стр. 181—183; 1903 г. кн. 4, стр. 55—64 (Записки Н. Г. Залѣсова). „Истор. Вѣстн.", 1886, т. XXIII.

Е. Ястребцевъ.

Обручевъ, *Николай Владиміровичъ*, (сынъ предъидущаго),—генералъ-маіоръ, завѣдывавшій военною хроникою «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». Родился въ 1833 году. Получивъ воспитаніе въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, который онъ окончилъ съ правомъ на чинъ 9-го класса, Обручевъ однако рѣшилъ пойти въ военную службу. Выдержавъ экзаменъ на юнкера гвардіи, Обручевъ былъ принятъ въ іюлѣ 1854 г. подпрапорщикомъ въ 5-й запасный баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Тогда же вступивъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, онъ въ слѣдующемъ году 4-го марта былъ произведенъ въ прапорщики, а еще черезъ годъ въ подпоручики и въ 1856 году былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ. 30-го апрѣля слѣдующаго года Обручевъ былъ прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса и вскорѣ послѣ того поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, въ которой оставался до 20-го декабря 1859 года, когда былъ отчисленъ отъ Академіи и назначенъ состоять въ департаментѣ Генаральнаго Штаба, а черезъ годъ при штабѣ 6-й пѣхотной дивизіи. 12-го января 1861 года Обручевъ былъ переведенъ съ чиномъ поручика въ генеральный штабъ. Въ августѣ 1863 года Обручевъ получилъ новое назначеніе—старшимъ адъютантомъ штаба 26-й пѣхотной дивизіи, а три мѣсяца спустя, назначенъ младшимъ помощникомъ начальника Военно-ученаго Отдѣла Главнаго управленія генеральнаго штаба. Три года спустя, по сліяніи Главнаго управленія генеральнаго штаба съ Инспекторскимъ департаментомъ въ Главный Штабъ, Обручевъ остался въ прежней должности и 16-го апрѣля 1867 года былъ произведенъ въ подполковники, а недѣлю спустя переименованъ въ чиновники для особыхъ порученій при начальникѣ Главнаго Штаба. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба Рижскаго военнаго округа и по пріѣздѣ къ мѣсту служенія тотчасъ же принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по составленію военно-статистическаго обозрѣнія Рижскаго военнаго округа. Назначенный 25-го октября 1869 года начальникомъ штаба 5-й пѣхотной дивизіи, Обручевъ 17-го апрѣля слѣдующаго года былъ произведенъ въ полковники, а еще черезъ годъ переведенъ начальникомъ штаба 31-й пѣхотной дивизіи и въ этой должности оставался до 20 сентября 1874 года, когда вышелъ въ отставку. Однако спустя три года вновь поступилъ на службу и былъ зачисленъ въ распоряженіе начальника сообщеній

дѣйствующей арміи. Отчисленный черезъ два года за штатъ, онъ 2-го января 1882 г. совсѣмъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-маіора. Послѣдніе годы Обручевъ завѣдывалъ военною хроникою «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». Н. В. Обручевъ скончался въ Петербургѣ 15-го февраля 1886 года на 54 году отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, Дѣло 1886 г., 6-го отдѣленія 5-го стола № 8.
Е. В.

Обрютинъ, *Иванъ Петровичъ*,—капитанъ-командиръ, директоръ Адмиралтейской Конторы, президентъ Коммиссіи фергеровъ и кригсрехтовъ. Родился въ 1696 г. и началъ свою службу во флотѣ; въ 1716 г., будучи гардемариномъ, былъ посланъ въ числѣ первыхъ гардемариновъ «опредѣленныхъ къ архитектурѣ» въ Западную Европу. Проведя около двухъ лѣтъ въ Венеціи, онъ въ 1718 году побывалъ въ Испаніи и потомъ возвратился въ Россію. 31-го декабря 1729 года Обрютинъ былъ произведенъ изъ унтеръ-лейтенантовъ въ лейтенанты, и въ 1740 году въ капитаны. Два года спустя, онъ былъ назначенъ командиромъ эскадры мелкихъ судовъ Балтійскаго моря подъ главнымъ начальствомъ генералъ-аншефа Левашева, причемъ въ 1746 году ему повелѣно было на 20 галлерахъ перевести четыре полка въ Рогервикъ, каковое порученіе, однако, кончилось неудачей. Впрочемъ, это не помѣшало дальнѣйшему движенію Обрютина по службѣ. Въ 1746 г. онъ, въ чинѣ капитанъ-командира, былъ назначенъ директоромъ Адмиралтейской Конторы, а 8-го февраля 1761 года назначенъ еще презусомъ только что учрежденной Коммиссіи фергеровъ и кригсрехтовъ. И. П. Обрютинъ скончался 18-го августа 1763 года.

„Матеріалы для исторіи русскаго флота", т. V, Спб. 1875 г. стр. 828, т. IX, Спб. 1882 г. стр. 14, 197 и 558, т. X, Спб. 1883 г. стр. 128, 318, 402, 459, 521, 632; П. Барановъ: „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ Архивѣ Правительствующаго Сената" т. III, Спб. 1878 г. стр. 343; „Русскій Вѣстникъ" 1875 г. № 11, стр. 92, 93, 102 и 110.
Е. Ястребцевъ.

Обтемперанцевъ—Якшинскій, *Семенъ*, кол. ассес., штабъ-лекарь, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія. Род. въ 1788 г., ум. 28-го дек. 1828 г. Въ 1896 г., по окончаніи курса духовной семинаріи, Обтемперанцевъ поступилъ въ число студентовъ Петербургской медико-хирургической академіи, въ 1813 г. получилъ званіе лекаря II отдѣленія и назначенъ въ Митавскій военный госпиталь, откуда въ 1814 г. былъ переведенъ въ Брестскій и потомъ Владимірскій военный госпиталь. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ въ 33-й егерскій полкъ, въ 1816 г. переведенъ, за болѣзнью, въ Витебскій госпиталь, а отсюда въ слѣдующемъ же году въ 7-й карабинерный полкъ, въ Грузіи. Въ 1819 г. Обтемперанцевъ былъ произведенъ въ штабъ-лекаря, въ 1822 г. назначенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, въ 1825 г. въ Тифлисскій военный госпиталь, въ томъ же году переведенъ ординаторомъ въ Тираспольскій военный госпиталь, на каковомъ посту и умеръ. Ему принадлежитъ: «Наблюденія о дѣйствіи сѣрнокислаго хинина въ перемежающейся лихорадкѣ» («Другъ здравія»,1836 г., № 47) и комедія «Мошенники», 1811 г.

Л. Змѣевъ. „Русскіе врачи писатели", тетр. 2-я Спб. 1886 г. стр. 39.
И. Давидовичъ.

Обуховъ, *Борисъ Петровичъ*,—дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, присутствовавшій въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, второй товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Родился въ 1820 году и происходилъ изъ богатой семьи дворянъ Самарской губерніи. Желая дать сыну хорошее воспитаніе, родители Б. П. Обухова помѣстили его въ Царскосельскій лицей. Однако, не отличаясь особеннымъ прилежаніемъ, Обуховъ не окончилъ лицея, и въ мартѣ 1838 года поступилъ на службу въ Пензенское губернское правленіе съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію гражданскаго губернатора. Три года спустя, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, а 6-го іюля 1843 г. назначенъ почетнымъ смотрителемъ Саранскаго уѣзднаго училища. Черезъ пять лѣтъ Обуховъ былъ переведенъ на ту же должность въ Самарское уѣздное училище. Около того времени былъ возбужденъ вопросъ объ открытіи Самарской губерніи. Обуховъ принялъ дѣятельное участіе въ осуществленіи этой идеи. Когда въ 1851 г. Самарская губернія была открыта, то дворянствомъ ея Обуховъ былъ избранъ въ число депутатовъ, отправленныхъ въ Москву для принесенія всеподданнѣйшей благодар-

ности дворянства Императору Николаю I за оказанную милость. Пріобрѣтая все большую популярность въ средѣ дворянъ молодой Самарской губерніи, Обуховъ въ апрѣлѣ 1856 года былъ избранъ самарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянста. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, когда идея освобожденія крестьянъ все болѣе назрѣвала и близилась къ осуществленію, Обуховъ явился однимъ изъ энергичнѣйшихъ сторонниковъ и проводниковъ ея какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ, причемъ сначала былъ назначенъ членомъ Комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ качествѣ депутата отъ дворянъ Бузулукскаго уѣзда, а потомъ членомъ Редакціонной коммиссіи при томъ же комитетѣ. Избранный въ маѣ 1859 г. Комитетомъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ въ члены для представленія правительству всѣхъ свѣдѣній и объясненій, какія потребуются при разсмотрѣніи и обсужденіи проэкта освобожденія крестьянъ, Обуховъ около года провелъ въ Петербургѣ и энергично отстаивалъ идею особожденія крестьянъ съ землею. По возвращеніи въ Самару, онъ былъ избранъ 25-го января 1861 года въ губернскіе предводители дворянства. Дѣятельность его въ должности губернскаго предводителя дворянства была отмѣчена какъ Императоромъ Александромъ II, пожаловавшимъ его 30-го августа 1863 года въ камергеры и произведшимъ его 4-го апрѣля 1865 года «за отличіе» изъ надворныхъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, такъ и самарскимъ дворянствомъ, избравшимъ Обухова 25-го января 1864 года своимъ губернскимъ предводителемъ на новое трехлѣтіе. Однако дослужить до срока Обухову не пришлось, т. к. 30-го августа 1865 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность самарскаго губернатора, а черезъ полтора года назначенъ псковскимъ губернаторомъ и въ этой должности прослужилъ до 30 марта 1868 года, когда былъ назначенъ исправляющимъ должность второго товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же году онъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ псковскаго городского общества, а въ мартѣ 1869 года утвержденъ почетнымъ мировымъ судьею по Бугурусланскому уѣзду Самарской губерніи. Состоя членомъ Попечительнаго о тюрьмахъ комитета, Обуховъ въ ноябрѣ того же 1869 г. былъ назначенъ вице-президентомъ этого комитета, 18-го же марта слѣдующаго года былъ утвержденъ въ должности второго товарища министра внутреннихъ дѣлъ съ производствомъ въ тайные совѣтники, и тотчасъ же былъ назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности. Однако товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Обуховъ пробылъ недолго— лишь до 12-го ноября 1871 года, когда по прошенію, въ виду разстроеннаго здоровья, былъ уволенъ отъ должности второго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Въ этомъ званіи и закончилась дѣятельность Обухова, длившаяся почти пятьдесятъ лѣтъ. Б. П. Обуховъ скончался 23-го іюня 1885 года въ Петербургѣ на 65 году отъ рожденія въ чинѣ д. тайнаго совѣтника; имѣлъ ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно. Тѣло его погребено въ Москвѣ, въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Полный послужной списокъ — „Новое Время" 1885 г., №№ 3347 и 3349, некрологъ; „Новости и Биржевая газета" 1885 г., № 172, некрологъ; „Петербургскій Листокъ" 1885 г., № 170, некрологъ.

Е. Ястребцевъ.

Обуховъ, *Иванъ Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, камергеръ Высочайшаго Двора, одинъ изъ пособниковъ Императрицы Екатерины II-й при ея восшествіи на престолъ. Родился 2-го іюня 1734 года, умеръ 30 апрѣля 1795 г. Обуховъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, восходящему къ первой половинѣ XVI-го столѣтія. Службу Обуховъ началъ въ 1749 году въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, въ которомъ и продолжалъ ее до 1762 года. Въ этомъ году, въ чинѣ капитанъ-поручика, онъ принималъ дѣятельное участіе въ государственномъ переворотѣ 28 іюня и возведеніи Екатерины Алексѣевны на престолъ, за что впослѣдствіи былъ щедро награжденъ ею, уже самодержавной императрицей. Какъ видно изъ сохранившихся бумагъ императрицы Екатерины II-й, она причисляла Обухова къ числу тѣхъ лицъ, «которыя по ревности для поспѣшенія благополучія народнаго побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердое къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію, такимъ образомъ, нашего отечества отъ угрожавшихъ оному

бѣдствій», и поэтому «соизволила указать ему въ числѣ прочихъ «особливо знаки своего благоволенія и милости». Первоначально эти знаки благоволенія и милости должны были состоять въ пожалованіи его камергеромъ Высочайшаго Двора, но какъ видно изъ списковъ награжденныхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ № 80 С.-Петербургскихъ вѣдомостей отъ 24 сентября 1762 года, Обуховъ былъ награжденъ денежною суммою въ 18000 рублей и пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Продолжалъ ли Обуховъ послѣ 1762 года службу въ Измайловскомъ полку или въ другомъ мѣстѣ, неизвѣстно въ точности. Въ 1777 году Обуховъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а въ 1789 назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ Императорскаго Двора съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ 1793 году, во время путешествія Екатерины II въ Бѣлоруссію, Обуховъ вмѣстѣ съ княземъ Ив. Вас. Несвицкимъ, былъ командированъ въ Могилевъ для встрѣчи императрицы и приготовленія всего необходимаго для пятидневнаго ея пребыванія въ городѣ. За успѣшное выполненіе возложеннаго на него порученія Обуховъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. 1-го января 1795 года Обуховъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Изъ общественной дѣятельности Обухова надо указать на его участіе въ Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта «Новаго Уложенія». Между прочимъ, онъ былъ выбранъ въ число повѣренныхъ отъ дворянства Московскаго уѣзда для выбора предводителя дворянства и депутата въ городѣ Москвѣ. Подъ конецъ жизни Обуховъ сблизился съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и живалъ иногда въ Гатчинѣ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы I, VII, XXVI; Лонгиновъ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“. Гербовникъ, т. IX (21); Придворный мѣсяцесловъ на 1795 годъ; Списокъ находившимся въ статской службѣ лицамъ за 1795 г. Бартеневъ: „Осьмнадцатый вѣкъ“ (Книга 3-я). Барсуковъ: „Жизнь князя Орлова“ („Русскій Архивъ“ 1873 г.). „Русскій Архивъ“ 1864 г., 1866 г. 1874 г.; „Русская Старина“ 1874 г. кн. I.

А. Петровъ.

Обуховъ *Павелъ*, прокуроръ, депутатъ симбирскій отъ дворянъ въ коммиссіи Новаго Уложенія 1768 года; былъ выбранъ въ помощники генералъ-прокурора въ этой коммиссіи: участвовалъ въ коммиссіи о рудокопаніи, ращеніи и сбереженіи лѣсовъ и торговлѣ вообще. Принималъ также участіе въ обсужденіи проэкта о правахъ благородныхъ.

Сборникъ Импер. Ист. Общ. I. стр. 32, 45, 58, 67, 82 и 173.

Б. Гласко.

Обуховъ *Павелъ Матвѣевичъ*,—дѣйствительный статскій совѣтникъ, горный инженеръ. Родился въ 1820 году въ Вятской губерніи и происходилъ изъ дворян[ъ] той же губерніи. Отданный въ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, онъ окончилъ его въ 1843 году первымъ по выпуску и былъ награжденъ большою золотою медалью. Тогда же произведенный въ поручики, Обуховъ былъ командированъ на Гороблагодатскіе заводы, а два года спустя былъ назначенъ на штатное мѣсто смотрителя при Серебрянскомъ заводѣ. Должность эта, ничтожная по своему значенію сильно тяготила Обухова, и онъ скор[о] оставилъ ее, успѣвъ выхлопотать себѣ заграничную командировку. Въ 1846 г. Обуховъ былъ командированъ за границ[у] на два года, въ Германію и Бельгію, для усовершенствованія въ горнозаводскомъ дѣлѣ и въ особенности для изученія желѣзнаго, мѣднаго и механическаго производства, съ обязательствомъ прослужить за эту командировку шесть лѣтъ въ Горномъ вѣдомствѣ. Проведя два года за границей Обуховъ въ началѣ 1848 года пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ 4 мѣсяца, составляя отчетъ о своей поѣздкѣ. Вернувшись въ сентябрѣ въ Серебрянскъ, онъ въ концѣ того же 1848 года былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ управителемъ Кувшинскаго завода, на которомъ прослужилъ три года. Около этог[о] времени у него стала зарождаться идея изобрѣтенія литой стали. Однако ничтожныя средства Кувшинскаго завода не давали возможности повести опыты въ широкихъ размѣрахъ, но съ назначеніемъ въ 1851 году управителемъ болѣе обширнаго и богатаго мѣднаго Юговскаго заво[да] Обуховъ энергично принялся за опыты Обративъ на себя вниманіе высша[го] начальства своими знаніями, честносты[ю] и энергіей, Обуховъ въ 1854 году был[ъ] назначенъ управителемъ Златоустовско[й] оружейной фабрики. Должность эта считалась уже довольно значительной в[ъ] Горномъ вѣдомствѣ и кромѣ того давала Обухову самыя широкія средств[а] для производства опытовъ. Въ то врем[я]

на Златоустовской фабрикѣ шла лихорадочная работа по изготовленію ружейныхъ стволовъ для перевооруженія арміи. Нужной для того стали у насъ своей не было, такъ какъ Златоустовскій заводъ производилъ лишь сырцовую сталь, сталь весьма низкаго качества и негодную ни на кирасы ни на ружейные стволы, поэтому для послѣднихъ покупали обыкновенно сталь въ Англіи или Германіи (у Круппа), что обходилось очень дорого. Между тѣмъ, опыты Обухова давали все лучшіе и лучшіе результаты и наконецъ ему удалось получить сталь, не уступавшую ни англійской ни крупповской стали, и даже во многомъ превосходившую ихъ. Такъ струги для обстрогиванія кожъ, приготовленныя изъ обуховской кирасской стали, обстрогивали 2000—3000 кожъ, въ то время какъ струги, приготовленныя изъ такой же англійской стали обстрогивали лишь 50—80 кожъ. Добиваясь, чтобы качества его стали не уступали англійской и крупповской стали, Обуховъ въ тоже время рѣшилъ поставить свою сталь и по цѣнѣ внѣ всякой конкуренціи. Дѣйствительно пудъ его кирасской стали обходился всего лишь 1 р. 50 к. крупповская же стоила 5 р. 50 к., а англійская около 15 рублей за пудъ. За свое изобрѣтеніе Обуховъ въ 1857 г. былъ произведенъ въ подполковники и награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени; въ томъ же году онъ взялъ привиллегію на изобрѣтенный имъ способъ приготовленія литой стали. Командированный вслѣдъ затѣмъ опять на полгода въ Германію, онъ тамъ внимательно осмотрѣлъ Крупповскій заводъ и по возвращеніи оттуда представилъ проэктъ отливки стальныхъ пушекъ въ Россіи, которыми до того времени снабжалъ насъ заводъ Круппа. Проэктъ этотъ обратилъ на себя общее вниманіе, и авторъ его былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1859 году ему разрѣшили приступить къ отливкѣ на Златоустовскомъ заводѣ пробныхъ стальныхъ пушекъ. Въ срединѣ 1860 года первыя четыре пушки были уже совершенно готовы и испытаніе ихъ въ Петербургѣ показало, что онѣ нисколько не уступаютъ Крупповскимъ, а даже превосходятъ ихъ. Одна изъ этихъ пушекъ, выдержавшая болѣе 4000 выстрѣловъ, находится теперь въ Артиллерійскомъ Историческомъ Музеѣ на кронверкѣ Петропавловской крѣпости. Успѣхъ отлитыхъ Обуховымъ пушекъ имѣлъ для него огромное значеніе. Обуховъ былъ произведенъ въ полковники, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и назначенъ на важный постъ начальника Златоустовскаго горнаго округа, причемъ ему поручено было выстроить въ Златоустѣ Князе-Михайловскую орудійную фабрику. Съ обычною своей энергіей взявшись за дѣло, онъ менѣе чѣмъ черезъ годъ уже лилъ стальныя пушки на новой фабрикѣ и притомъ такъ удачно, что одной изъ его 4-хъ фунтовыхъ пушекъ, выдержавшей болѣе 4000 выстрѣловъ, на Лондонской выставкѣ въ концѣ 1862 года была присуждена медаль. Назначенный въ маѣ 1861 года членомъ-корреспондентомъ ученаго артиллерійскаго комитета, Обуховъ въ 1863 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и вскорѣ послѣ того командированъ въ Петербургъ для устройства на средства Морского министерства вновь возводимаго стале-пушечнаго завода (теперь Обуховскій). Здѣсь онъ, какъ и всегда, дѣятельно принялся за работу. Однако условія работы въ Петербургѣ далеко не соотвѣтствовали условіямъ работы въ Златоустѣ. Поэтому первое время дѣло съ новымъ заводомъ плохо ладилось. Обуховъ требовалъ все новыхъ и новыхъ суммъ, сначала требованія его безпрекословно исполнялись, потомъ ему стали возражать и даже отказывать. Все это замѣтно отразилось на Обуховѣ, онъ потерялъ увѣренность въ себѣ, здоровье его стало слабѣть. Въ 1868 году онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ томъ же году, окончательно упавши духомъ, уѣхалъ лечиться за границу. Вернуться въ Россію ему уже не пришлось. Онъ скончался 1-го января 1869 г. въ Молдавіи, въ Піетро на 49 году отъ рожденія. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и погребено 4-го февраля того же 1869 года, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Морское министерство сохранило за основаннымъ имъ въ Петербургѣ заводомъ названіе Обуховскаго.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1869 г., № 39, ст. В. Полетики, некрологъ; „Голосъ“ 1869 г., № 42, ст. кн. Всев. Долгорукова, некрологъ; „Иллюстрированная Газета“ 1869 г., № 10, некрологъ; „Горный Журналъ“ 1869 г. № 4, ст. К. Скальковскаго стр. 185—189 некрологъ и за 1857 г. ч. III, стр. 191—209; „Артиллерійскій Журналъ“ 1857 г. № 1, официальный отдѣлъ, стр. 70—71 (отзывъ о стали

Обухова) и № 2; „Историческій вѣстникъ" 1894 г. № 4, ст. П. П. Падучева: „Первыя русскія стальныя пушки", стр. 161—183; „Энциклопедическій Словарь", изд. Брокгауза и Ефрона т. 21, стр. 600.

Е. Ястребцевъ.

Обыденниковъ, *Ефимъ (Абрамовичъ) Борисовичъ*—докторъ медицины. Родился въ 1840 году. По окончаніи Тамбовской гимназіи, Обыденниковъ отправился въ Петербургъ и поступилъ на казенный счетъ въ Медико-Хирургическую академію. Выпущенный оттуда въ 1865 году со званіемъ лѣкаря, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ Александровскую постовую команду При-Амурской области, а затѣмъ переведенъ въ Сергіевскій военный госпиталь, въ которомъ пробылъ три года; отсюда въ 1869 году Обыденниковъ былъ переведенъ въ 7-й пѣхотный Ревельскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ клиникѣ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи. Здѣсь онъ сталъ работать надъ своей докторской диссертаціей: «О вліяніи кофе на количество и качественный составъ молока». По защитѣ диссертаціи (26-го мая 1871 года), Обыденниковъ вскорѣ былъ назначенъ въ 6-й пѣхотный Либавскій полкъ, а спустя три года переведенъ въ 160-й Абхазскій пѣхотный полкъ. Е. Б. Обыденниковъ скончался въ г. Пензѣ, въ 1877 году.

„Пензенск. Врачебн. Вѣдомости" 1877 г., № 24 некрологъ и № 56—о памятникѣ ему; Л. Ѳ. Змѣевъ: „Русскіе-врачи-писатели", вып. II, Спб. 1889, тетрадь 5, стр. 40.

Е. Ястребцевъ.

Овандеръ, *Василій Яковлевичъ*,—генералъ-лейтенантъ, командиръ 2-го армейскаго пѣхотнаго корпуса. Родился 15-го ноября 1790 года и происходилъ изъ купеческой семьи. Началъ свою службу во время войны 1812 года въ бывшемъ Перновскомъ гренадерскомъ полку, Овандеръ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ офицеры, и черезъ годъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, откуда въ 1818 году въ лейбъ-гвардіи Волынскій пѣхотный полкъ. Произведенный въ 1824 г. въ полковники, онъ пять лѣтъ спустя былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Е. И. В., а въ октябрѣ 1831 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, а потомъ командовалъ 6-ю пѣхотною гвардейскою бригадою. Въ 1836 году Овандеръ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ, а въ слѣдующемъ году получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Спустя пять лѣтъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса и вскорѣ послѣ того, 4-го апрѣля 1843 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и назначенъ начальникомъ 3-й гренадерской дивизіи. Въ этой должности Овандеръ оставался до января 1846 года, когда былъ назначенъ начальникомъ 3-й гвардейской дивизіи. Затѣмъ онъ былъ членомъ Комитета по составленію устава войсковой пѣхотной службы. Начавшаяся Крымская война 1853—1856 гг. чуть-было снова не вызвала Овандера къ боевой дѣятельности. 4-го мая 1855 года онъ былъ назначенъ командующимъ 4-мъ Армейскимъ корпусомъ и поѣхалъ уже принимать его, но разстроенное здоровье заставило его вернуться въ Петербургъ. Въ іюлѣ того же года онъ былъ зачисленъ по запаснымъ войскамъ. Въ теченіе своей 43-хъ-лѣтней службы Овандеръ участвовалъ въ походахъ 1813, 1814 и 1831 г.г. и имѣлъ всѣ ордена до св. Александра Невскаго включительно, пожалованнаго ему въ 1852 году. В. Я. Овандеръ скончался въ Петербургѣ 15-го ноября 1855 г., ровно 65-ти лѣтъ отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго штаба. Книга генералъ-лейтенантовъ 1845 г., стр. 638; Дѣло 1855 г., 3-го отдѣленія 3-го стола, № 1696;—Свѣдѣнія полученныя отъ дочери В. Я. Овандеръ—С. В. Лоде.

Е. Ястребцевъ.

Оверлахъ, *Эмилій Андреевичъ*,—дѣйствительный статскій совѣтникъ, штабъ-лекарь, врачъ при академіи художествъ сынъ доктора философіи, род. въ 1801 г. въ Эстляндіи, ум. 9-го мая 1878 г. въ Петербургѣ, похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Оверлахъ получилъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, который окончилъ въ 1825 г. Въ 1827 г., 18 февр. онъ вступилъ на службу въ Академію Художествъ лекаремъ, а черезъ четыре года былъ произведенъ въ штабъ-лекари. Въ качествѣ лекаря при Академіи Художествъ Оверлахъ прослужилъ всю свою жизнь. Въ февралѣ 1877 г. въ награду за полезную 50 лѣтнюю врачебную дѣятельность былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Кромѣ службы въ Академіи Художествъ, Оверлахъ состоялъ, также съ 1829 г., врачемъ и при Публичной библіотекѣ.

„Дѣла“ Правленія Академіи Художествъ, №№ 9 и 104; A. Hasselblatt und Dr. G. Otto: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889, s. 91; „Новое Время“ 1878 г., № 789. *И. Давидовичъ.*

Оверъ, *Александръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ терапевтической клиники и директоръ терапевтическаго отдѣленія факультетской клиники Московскаго университета, инспекторъ Московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства, гофъ-медикъ, выдающійся хирургъ. А. И. Оверъ былъ сынъ французскаго эмигранта—доктора правъ и королевскаго адвоката при парламентѣ въ Нанси, за свои политическія убѣжденія принужденнаго искать убѣжища въ Россіи, гдѣ и умеръ въ 1809 г. – А. И. Оверъ род. 18-го сент. 1801 г. въ селѣ Паншѣ, Крапивинскаго уѣзда Тульской губ.; ум. 23-го дек. 1864 г., въ Москвѣ, похороненъ на кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. –Первоначальное образованіе Оверъ получилъ въ Московской практической коммерческой академіи и въ гимназіи. На 15-мъ году жизни онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскую медико-хирургическую академію, но черезъ годъ, благодаря вліянію профессора анатоміи въ Московскомъ университетѣ Лодера, перевелся въ университетъ студентомъ медицинскаго факультета. Въ университетѣ за студенческую работу «Historia animalium aspandyloideorum» физико-математическій факультетъ наградилъ его золотою медалью. Передъ окончаніемъ университета, А. И. Оверъ снова перешелъ въ Медико-хирургическую Академію, гдѣ въ 1823 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины, съ обязательствомъ представить диссертацію. Въ томъ же 1823 г., въ октябрѣ, Оверъ для продолженія образованія отправился за границу, въ Страсбургъ, гдѣ пробылъ до 1825 г. Здѣсь онъ слушалъ лекціи профессоровъ медицинской школы, изъ которыхъ особенно сблизился съ Іоанномъ Фридрихомъ Лобштейномъ, профессоромъ патологической анатоміи. Благодаря вліянію своихъ товарищей—Маршаля и Штольца (впослѣдствіи профессора медицины въ Страсбургѣ), Оверъ получилъ свободный доступъ въ Страсбургскую городскую больницу, которая представляла богатѣйшій матеріалъ для практическихъ занятій. Въ 1825 г. Оверъ по домашнимъ обстоятельствамъ, возвратился въ Россію, и, по представленіи въ конференцію Московской медико-хирургической академіи диссертаціи—«De incisione ductus aërei», былъ утвержденъ въ степени доктора медицины, послѣ чего снова отправился за границу, на этотъ разъ въ Парижъ. Въ Парижѣ тогда пользовались славою свѣтилъ медицинской науки Дюпюитренъ—по хирургіи, Бруссе — по медицинской клиникѣ, Лейнэкъ — по патологической анатоміи, Бойе, Ру. Подъ ихъ вліяніемъ Оверъ увлекся хирургіей и посвятилъ изученію ея, подъ ихъ руководствомъ, два года. Потомъ Оверъ побывалъ въ Лондонѣ, Монпелье, Италіи, Германіи, вторично въ Страсбургѣ, и въ 1829 г., въ маѣ мѣсяцѣ, возвратился въ Москву, которую избралъ постояннымъ мѣстомъ своей медицинской дѣятельности. Здѣсь на первыхъ порахъ ему пришлось пережить не мало огорченій и разочарованій. Нравственную поддержку въ тяжелыхъ обстоятельствахъ оказывали ему—Готгельфъ Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, президентъ Академіи, знавшій его еще въ дѣтствѣ, его учитель-профессоръ Мудровъ, другъ Ѳ. Рихтеръ. Проф. Мудровъ, ознакомившись съ научными познаніями Овера обѣщалъ пристроить его при университетѣ, но смерть профессора (въ 1831 г.) не дала ему возможности осуществить эти намѣренія.—Въ 1830 г. Москву постигла холера и Оверъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ Басманной временной холерной больницы, гдѣ сблизился съ главнымъ врачемъ оной Карломъ Рамихъ. Съ того же года, по ходатайству Ѳ. Рихтера, начались его практическія занятія въ Екатерининской больницѣ. Въ 1832–3 академическомъ году Оверъ исправлялъ должность помощника профессора хирургической клиники Московскаго университета — А. А. Альфонскаго. Въ этомъ же году, по порученію своего профессора, Оверъ читалъ курсъ оперативной хирургіи, излагая его по методу своего учителя Лисфранка, основывавшаго хирургическія дѣйствія на данныхъ хирургической анатоміи. Въ 1833 г. А. И. Оверъ поступилъ на службу въ Московскую городскую больницу, какъ старшій врачъ, а главнымъ врачемъ ея былъ докторъ Эвеніусъ. Здѣсь кругъ его работъ еще болѣе расширился. Въ этой больницѣ Оверъ въ первый разъ въ Москвѣ произвелъ операціи: перевязку подключичной артеріи до и послѣ прохожденія ея inter scalenos, перевязку сонной артеріи, полное и частич-

нос отнятіе верхней и нижней челюсти и многія другія операціи. За время службы въ городской больницѣ Оверъ составилъ коллекцію анатомо-паталогическихъ препаратовъ и атласъ картинъ, представляющихъ все замѣчательное, извлеченное изъ наблюденій болѣе интересныхъ случаевъ въ больницѣ. Коллекція эта заслуживала дѣйствительнаго вниманія и не уступала лучшимъ иностраннымъ коллекціямъ. Постепенно дѣятельность Овера расширялась и вызвала его вскорѣ за предѣлы больницы, въ городъ. Послѣ пятилѣтнихъ занятій въ качествѣ оператора городской больницы, Оверъ въ 1838 г. представилъ оффиціально Московской медико-хирургической академіи отчетъ о 150 важнѣйшихъ своихъ операціяхъ съ объяснительными рисунками, а также статью, представляющую описаніе пяти полныхъ отнятій верхней челюсти, за что былъ удостоенъ въ декабрѣ того-же года степени доктора медицины и хирургіи. 20-го іюня 1839 г. А. И. Оверъ, послѣ представленіи диссертаціи — «De diagnosi morbi» и лекціи безъ приготовленія, былъ назначенъ ординаторомъ профессора терапевтической клиники при Московской медико-хирургической академіи — на поприще, составляющее эпоху въ его жизни... Въ то же время Оверъ, воспользовавшись идеей доктора Тибера, впервые въ Россіи сталъ приготовлять весьма удовлетворительные искусственные анатомическіе препараты въ томъ видѣ, въ какомъ они являются при вскрытіи труповъ (искусственные препараты-должны были замѣнить препараты, сохраняемые въ винномъ спиртѣ, подверженные порчѣ и особенно измѣненію въ цвѣтѣ). Эти препараты послужили моделями для всѣхъ препаратовъ нашихъ анатомическихъ музеевъ и дали возможность русскимъ врачамъ воспроизводить замѣчательнѣйшіе анатомико-патологическіе случаи, встрѣчающіеся въ нашихъ госпиталяхъ и сохранять ихъ для пользы науки. Тогда же впервые въ Москвѣ Оверъ примѣнилъ распространенный въ Германіи гидросудопатическій методъ леченія къ тифознымъ больнымъ, дававшій прекрасные результаты. Въ 1842 г., съ закрытіемъ академіи, Оверъ перешелъ въ университетъ и занялъ каѳедру профессора Бунге, нѣкогда — его любимаго учителя Мудрова. Одновременно онъ былъ опредѣленъ также и директоромъ терапевтической

клиники университета.—Въ 1846 г. А. И.
Оверъ рѣшилъ обнародовать огромный
матеріалъ, собранный имъ за 17 лѣт
дѣятельности, особенно атласъ, картин
котораго были сдѣланы даровитымъ ху-
дожникомъ Щеголевымъ. Соединенным
усиліями его помощниковъ —Млодзіовска
и Редлиха, доктора Фелькеля, издате
Урбена, при содѣйствіи бывшаго попечи
теля Московскаго университета граф
С. Г. Строгонова, былъ изданъ въ Моск
въ 1847 г. первый томъ сочиненія н
латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: S
lecta praxis medicochirurgicae; (4-й послѣ
ній томъ изданъ въ 1852 г.). Этотъ тру
былъ удостоенъ лестныхъ отзывовъ медици
ской критики за границей и награжденъ
заслугамъ какъ нашимъ, такъ и очень мн
гими иностранными монархами и ученым
обществами: Государь Императоръ меж
прочимъ наградилъ Овера бриліантовы
перстнемъ. Въ 1846 же году Оверъ п
жертвовалъ Московскому университету б
гатое анатомо-патологическое собраніе
тѣмъ, чтобы на проценты съ капита
котораго оно стоитъ, были учреждены т
стипендіи для студентовъ медицинскаго ф
культета: одна въ память профессора М
дрова и двѣ--его имени—Въ холерную эп
демію 1847—1848 г.г. А. И. Оверъ бы
главнымъ врачемъ временной Срѣтенск
больницы (въ Каретномъ ряду) и, по з
нію профессора терапевической клини
завѣдывалъ холернымъ отдѣленіемъ
былъ также главнымъ врачемъ времен
больницы на Плющихѣ. Въ 1850 г. Ове
былъ назначенъ инспекторомъ Моск
скихъ больницъ гражданскаго вѣдомст
и въ этой должности еще разъ, въ тре
ему пришлось бороться съ холерной эп
деміей въ 1853 г. Наблюдая множес
больныхъ въ 1830, 1847—1848 и 1853 г
онъ твердо убѣдился въ томъ, что хол
заразительна, и настойчиво отстаива
свое мнѣніе противъ многочисленны
возраженій противниковъ. Въ 1860
по порученію Московскаго военнаго ге
ралъ-губернатора П. А. Тучкова, б
изданъ «Медицинскій Отчетъ Овера
Московскихъ больницахъ гражданскаго
домства за 1858 г.», въ дополненіе
«Матеріаламъ для исторіи больницъ»
Въ 1846 г. Оверъ былъ назначенъ
дицинскимъ инспекторомъ Московск
учрежденій Императрицы Маріи.
1849 г. получилъ званіе гофъ-медика

труды въ холерную эпидемію 1847—1848 г.г., а въ 1850 г. — званіе члена медицинскаго совѣта; въ 1851 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ 1853 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. — Какъ профессоръ медицинской клиники, Оверъ главнымъ образомъ, придерживался ученія знаменитыхъ представителей французской школы—Лейнека, Бруссе, Крювелье, Андраля, Бульйо и др. Читая при постеляхъ больныхъ лекціи, онъ постоянно обращалъ вниманіе на анатомо-патологическія данныя и пояснялъ излагаемое многочисленными препаратами, слѣпками и рисунками. Изъ французскихъ хирурговъ онъ особенно цѣнилъ Дюпюйтрена, Лисфранка, Вельпо. Многочисленныя весьма важныя хирургическія операціи, произведенныя Оверомъ съ блестящимъ успѣхомъ въ Москвѣ, свидѣтельствуютъ о его талантѣ и обширныхъ познаніяхъ. Какъ медицинскій инспекторъ, Оверъ много трудился въ особомъ Комитетѣ надъ составленіемъ проэкта устава Московскихъ больницъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Попечительнаго Совѣта заведеній Приказа общественнаго призрѣнія. Онъ ясно сознавалъ необходимость соединить всѣ Московскія больницы гражданскаго вѣдомства подъ однимъ управленіемъ. Въ объяснительной запискѣ къ проэкту устава указано на то, какъ много выиграютъ больницы отъ такого соединенія ихъ. Уже больной, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, онъ согласился принять на себя обязанности медицинскаго инспектора Московскихъ учрежденій Императрицы Маріи, надѣясь, что чрезъ подчиненіе всѣхъ московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства одному медицинскому инспектору много подвинется впередъ желанное рѣшеніе весьма важнаго вопроса о соединеніи всѣхъ этихъ больницъ подъ однимъ управленіемъ... Ученость и опытность Овера, а также его самоотверженіе въ служеніи больному ближнему нашли въ обществѣ справедливыхъ цѣнителей. Врачи, нуждаясь въ опытномъ совѣтникѣ, обращались къ нему съ полнымъ убѣжденіемъ, что получатъ надлежащій совѣтъ и встрѣтятъ въ немъ справедливаго цѣнителя ихъ собственныхъ мнѣній и заслугъ; больные цѣнили его состраданіе къ нимъ, простое задушевное обращеніе и опытность. Имя Овера было весьма популярнымъ въ Москвѣ. Впрочемъ, въ воспоминаніяхъ быв-

разныя незначительныя должности до 1801 г. включительно, когда въ чинѣ статскаго совѣтника былъ назначенъ на должность С.-Петербургскаго оберъ-полицiймейстера. Для этой должности онъ, однако, оказался совершенно неподходящимъ, такъ как не сумѣлъ привести въ порядокъ полицейскiя дѣла въ столицѣ. Будочники при немъ продолжались назначаться самими обывателями, которые обыкновенн посылали въ эту должность людей им не нужныхъ, малоспособныхъ къ труду и т. п. Грабежи и безобразiя на улицахъ при Овсовѣ приняли широкiе размѣры; воры и грабители скрывались тутъ же на улицахъ, въ новостроящихся зданiяхъ, на баркахъ, и т. д. и при удобномъ случаѣ дѣлали свои вылазки.—Наконецъ, нѣсколько крупныхъ скандаловъ, происшедшихъ на улицахъ столицы, заставили нѣкоторыхъ сановниковъ обратить вниманiе императора Александра Павловича на дурное состоянiе столичной полицiи, и Овсовъ былъ смѣненъ 7 сентября 1802 года. Впослѣдствiи онъ управлялъ экспедицiей государственнаго медицинскаго управленiя и былъ членомъ коммиссiи по сооруженiю Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ. Умеръ Овсовъ въ чинѣ дѣйствительнаго ст. совѣтника.

Дѣло С.-Петербургскаго Градоначальства 1903 годъ о с. с. Овсовѣ. „Изъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго" („Русскiй Архивъ" 1867 г.). „Отрывокъ изъ жизни Василiя Пассека, имъ самимъ сочиненный. („Русскiй Архивъ" 1863 г.) „С.-Петербургская столичная полицiя и Градоначальство". Краткiй историческiй очеркъ. Спб. 1903 г. *А. Петровъ.*

Овсянниковъ, *Александръ Степановичъ*, капитанъ 1-го ранга, первоприсутствующiй въ Николаевской Контрольной Экспедицiи. Родился около 1760 года. Въ сентябрѣ 1773 года Овсянниковъ былъ зачисленъ кадетомъ въ Морской кадетскiй корпусъ. Два года спустя былъ произведенъ въ гардемарины, а 1-го iюня 177? года изъ капраловъ въ мичмана. Плавая сначала въ Балтiйскомъ морѣ, онъ съ 177? года по 1782 годъ на корабляхъ «Всеславъ» и «Вячеславъ» плавалъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, потомъ до 1784 года плавалъ изъ Кронштадта до Ливорно на кораблѣ «Св. Георгiй Побѣдоносецъ», причемъ 13-го января 178? года былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1784 году Овсянниковъ былъ командированъ въ Кострому для набора ре-

крутовъ, затѣмъ снова плавалъ въ Архангельскъ, въ 1787 году былъ назначенъ командиромъ Рижской брантвахты. Въ слѣдующемъ году, находясь на кораблѣ «Всеславъ», Овсянниковъ участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи. 1-го мая 1789 года онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, затѣмъ, командуя катеромъ «Лебедь» въ томъ же году участвовалъ въ Рюченсальмскомъ сраженіи, причемъ выказалъ себя храбрымъ и распорядительнымъ командиромъ. Командуя въ 1790 году шебекою «Летучая», Овсянниковъ участвовалъ въ сраженіи съ непріятельскимъ гребнымъ флотомъ при Біоркѣ, и заслужилъ лестный отзывъ адмирала принца Нассау-Зигена. Два года спустя, онъ былъ назначенъ командиромъ штурманской роты и славяно-россійской школы въ Архангельскѣ, гдѣ оставался до 1799 года. Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ командовалъ рижскою учебною флотиліею и 23-го сентября 1797 года былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга съ назначеніемъ капитаномъ надъ Архангельскимъ портомъ. Въ этой должности онъ оставался въ теченіе семи лѣтъ. 6-го мая 1804 года А. С. былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ Контрольной Экспедиціи г. Николаева. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось.

„Общій Морской Списокъ“ т. 4, Спб. 1890 г., стр. 482—483; „Матеріалы для исторіи русскаго флота“ т. XII, Спб. 1888 г. стр. 594, т. XIII, Спб. 1890 г. стр. 653, т. XIV, Спб. 1892, стр. 124, 131, 144, 239, 343, т. XVI, Спб. 1902 г. стр. 204 и 477.

Е. Ястребцевъ.

Овцынъ, *Григорій Семеновичъ*, воевода царя Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова. Въ 1572 году сопровождалъ царя въ походѣ на Ливонію подъ Вейсенштейнъ, въ 1582 году былъ осаднымъ воеводой въ Кукейносѣ, въ 1584—вторымъ воеводой въ Ладогѣ, въ 1590 году — воеводой въ Самарѣ, въ 1591 году былъ назначенъ воеводой въ Дѣдиловъ, въ 1592 — былъ отправленъ строить укрѣпленія въ Астрахани; въ 1595 году Овцынъ былъ снова въ Самарѣ и, наконецъ, съ 1601 по 1603 годъ находился на воеводствѣ въ Курскѣ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) V, 35; Разрядная книга (Спбирскій Сборн. М. 1845) 37, 147, 149; Дополн. къ Актамъ истор., IX, 156, X, 407; Акты Московск. Государства I, 46. *Е. Л.*

Овцынъ, *Дмитрій Леонтьевичъ*, — оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаръ. Родился въ началѣ XVIII столѣтія и въ бытность свою школьникомъ плавалъ въ 1725 году въ Испанію, а по возвращеніи оттуда въ слѣдующемъ году поступилъ въ морскую службу штурманскимъ ученикомъ. Три года спустя, 13-го октября 1729 года онъ былъ назначенъ адъютантомъ при Кронштадтскомъ портѣ, каковую должность исполнялъ до 1732 года, когда, произведенный въ прапорщики, былъ назначенъ въ экспедицію для описи сѣвернаго берега Россіи. Въ томъ же году 22-го ноября онъ былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты отъ солдатъ, а 18-го января слѣдующаго года по новому штату былъ записанъ въ лейтенанты маіорскаго ранга съ назначеніемъ въ Тобольскую экспедицію. Начавшаяся, такимъ образомъ, еще въ предыдущемъ году научная работа Овцына по изслѣдованію сѣвера Россіи продолжалась почти до конца 1738 года. Первой порученной ему задачей было отысканіе сѣвернаго прохода изъ р. Оби въ р. Енисей. Съ этою цѣлью на дубель-шлюпкѣ «Тоболѣ» онъ въ 1734 году отправился сначала по рѣкѣ Оби, а потомъ Тозовской губою и дошелъ до 70°4' широты. Однако дальнѣйшему изслѣдованію помѣшала грозившая вскорѣ зима и появившіеся льды. Въ виду опасности быть затертымъ льдами, Овцынъ возвратился въ Обдорскій острожекъ, гдѣ и рѣшилъ провести зиму, намѣреваясь продолжать свое изслѣдованіе, какъ только Тозовская губа снова очистится отъ льда. Дѣйствительно, 29-го мая слѣдующаго года онъ вышелъ изъ Обдорска, несмотря на плававшіе еще льды, и продолжалъ свои работы по изслѣдованію и описи сѣвернаго пути изъ р. Енисея въ р. Обь. Однако на этотъ разъ экспедиція его была менѣе удачна, чѣмъ предыдущая. Вскорѣ онъ самъ и вся его команда заболѣла цингою, что заставило Овцына, достигнувъ 68°40' широты, вернуться назадъ; въ октябрѣ того же года онъ прибылъ въ Тобольскъ, откуда, оправившись немного отъ болѣзни, поѣхалъ съ отчетами въ Петербургъ. Здѣсь работы Овцына обратили на него вниманіе Адмиралтействъ-коллегіи, и послѣдняя рѣшила командировать Овцына въ слѣдующемъ году снова въ Тобольскъ. Отправясь весной 1736 года на дубель-шлюпкѣ «Тоболъ» изъ Тобольска, Овцынъ на этотъ разъ плавалъ по Сѣверно-Ледовитому океану и достигъ широты 72°40', а въ концѣ сентября вернулся зимовать въ Обдорскъ.

Зимою 1737 года Овцынъ перебрался въ Тобольскъ, а по веснѣ, командуя построеннымъ въ Тобольскѣ ботомъ «Обь Почтальонъ», вышелъ въ море, обогнулъ сѣверный мысъ полуострова, отдѣляющаго Обскую губу отъ Енисейской, достигъ широты 73°15' и, поставивъ здѣсь знакъ, поплылъ Енисейской губой къ устью Енисея, куда дошелъ 31-го августа. Такимъ образомъ, благодаря трехлѣтнимъ упорнымъ стараніямъ, онъ вполнѣ успѣшно выполнилъ возложенное на него трудное порученіе — отыскать сѣверный путь изъ р. Оби въ р. Енисей. Перезимовавъ вблизи Туруханска, Овцынъ весною 1738 года плавалъ сначала по Енисею и въ это время, въ бытность въ Березовѣ, дружески обошелся съ жившимъ тамъ въ ссылкѣ кн. Долгоруковымъ. Объ этомъ тотчасъ же было сообщено въ Петербургъ, въ Тайную канцелярію. Послѣдняя усмотрѣла въ этомъ поступкѣ Овцына государственное преступленіе и распорядилась объ арестованіи и преданіи Овцына суду. Между тѣмъ, онъ уже успѣлъ выѣхать въ Петербургъ съ отчетами, и по дорогѣ былъ арестованъ, отчеты его отобраны и отправлены въ Адмиралтействъ-коллегію, а самъ онъ 20-го января 1739 года «за нѣкоторую вину» былъ разжалованъ въ матросы и посланъ въ команду капитанъ-командора Беринга. Но уже два года спустя, 19-го февраля 1741 года, былъ Всемилостивѣйше помилованъ и возвращенъ въ прежній чинъ лейтенанта, а черезъ четыре года назначенъ командиромъ яхты «Транспортъ Анна», а затѣмъ «Меркуріусъ». Вскорѣ онъ принялъ участіе въ камчатской экспедиціи, за что 20-го ноября 1749 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1751 году Овцынъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Гавріилъ», а 4 года спустя въ чинѣ капитана 1-го ранга назначенъ секундъ-интендантомъ флота. Черезъ два года, находясь на кораблѣ «Полтава», онъ исполнялъ во время кампаніи флота должность оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара и въ томъ же 1757 году, 25-го іюля былъ уволенъ по болѣзни на берегъ. Свѣдѣній о дальнѣйшей жизни Д. Л. Овцына не сохранилось.

„Общій Морской Списокъ“ т. II, Спб. 1887 г., стр. 297—298; „Настольный Словарь“ Ф. Толля, т. II, стр. 1057; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота“ т. VII, Спб. 1879, стр. 511, 757, 758; т. VIII, Спб. 1880 г. стр. 23, 24, 152, 180—183, 212, 226, 238, 309, 310, 311, 476, 477, 557, 563, 674, 677, 693 и 694; т. IX, Спб. 1882 г. стр. 11, 12, 65, 490, 519, 520, 565 и 603; т. X, Спб. 1883 г. стр. 52, 58, 59, 79, 93, 96, 97, 127, 131, 132, 144, 238, 283, 295, 337, 403—407; П. Барановъ „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ Архивѣ Правительствующаго Сената“ т. III, Спб. 1878 г. стр. 224 (9905) и 314 (10598); „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ т. 9 (Спб. 1830 г.) стр. 716—717; В. К. Андреевскій: „Исторія Сибири“ т. II, Спб. 1889 г. гл. 5; В. Берхъ: „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ Сѣверныя полярныя страны, съ присовокупленіемъ физическаго свойства того края“; „Записки Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента“ 1820 г., ч. 4, ст: „О плаваніи русскихъ морскихъ офицеровъ изъ р р. Лены, Оби и Енисея; также отъ г. Архангельска къ Востоку по Ледовитому морю съ 1734 и 1742 гг.“ стр. 306 — 378; Энциклопедическіе Словари изд. И. Березина, отд. III, т. 3, стр. 171, изд Брокгауза и Ефрона, т. 21, стр 685—686, ст. В. Р—ва; „Военный Энциклопедическій Лексиконъ“ т. IX, Спб. 1855 г. стр. 517—518; Лееръ „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“ т. V, стр. 435. Портретъ Д. Л. Овцына помѣщенъ въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“ А. Ровинскаго т. I, стр. 1173.

Е. Ястребцевъ.

Овцынъ, *Иванъ Тихоновичъ,*—контръ-адмиралъ. Поступивъ 29-го февраля 1752 года въ Морскую академію ученикомъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ кадетомъ морского корпуса и 1-го февраля 1757 года произведенъ въ гардемарины, а спустя годъ, 14-го апрѣля 1758 года—въ мичмана. Съ 1755 года по 1762 Овцынъ плавалъ почти все время въ Балтійскомъ морѣ. 22-го мая 1762 года И. Т. Овцынъ былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, а спустя три года, 12-го января 1765 года—въ лейтенанты. Отправившись въ 1769 году изъ Кронштадта въ Средиземное море, онъ въ слѣдующемъ году принялъ въ свое командованіе фрегатъ «Почтальонъ», съ которымъ плавалъ въ Архипелагѣ и участвовалъ въ Чесменскомъ бою. 12-го марта 1771 года Овцынъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и вскорѣ назначенъ командиромъ фрегата «Санторино», причемъ принималъ участіе въ атакѣ Метелино. Нѣсколько времени спустя, фрегатъ «Санторино» потерпѣлъ крушеніе и былъ взятъ въ плѣнъ турками, и Овцынъ съ всею командою былъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ пробылъ до начала 1773 года. Вернувшись изъ плѣна, онъ былъ назначенъ капитаномъ надъ Яузскимъ портомъ и въ этой должности оставался до 1775 года, когда на кораблѣ «Побѣда»

оставивъ Архипелагъ, прибылъ въ Ревель. Въ слѣдующемъ году Овцынъ былъ командированъ на Днѣпръ, причемъ ему поручено было произвести промѣръ отъ верховья рѣки до Кіева, а также осмотрѣть находящіеся на берегахъ лѣса. Вскорѣ ему дано было еще порученіе: немедленно приступить къ наиболѣе нужнымъ постройкамъ на Днѣпровскомъ лиманѣ. Произведенный 21-го апрѣля 1777 года въ капитаны 2-го ранга, Овцынъ въ февралѣ слѣдующаго года возвратился въ Петербургъ и получилъ въ свое командованіе корабль «Св. Николай». Въ апрѣлѣ 1780 года Овцынъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а немного раньше назначенъ исправляющимъ должность капитана надъ Херсонскимъ портомъ, причемъ, по отъѣздѣ изъ Херсона генералъ-поручика Ганнибала, принялъ и главную команду надъ Херсонскимъ портомъ. Должность главнаго командира Херсонскаго порта Овцынъ исполнялъ нерадиво. По крайней мѣрѣ, назначенный въ 1783 году въ Херсонъ вице-адмиралъ Клокачевъ въ одномъ изъ рапортовъ своихъ кн. Потемкину писалъ, что онъ еще нигдѣ не встрѣчалъ такихъ безпорядковъ, упущеній и злоупотребленій, какія нашелъ въ Херсонскомъ портѣ.— Вслѣдствіе этого рапорта, И. Т. Овцынъ 21-го іюня 1783 года былъ уволенъ отъ должности командира Херсонскаго порта, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ командовалъ разными судами. Въ 1789 году онъ былъ назначенъ флагъ - капитаномъ въ эскадру контръ-адмирала Ушакова. Въ апрѣлѣ 1790 г. Овцынъ былъ назначенъ капитаномъ надъ Николаевскимъ портомъ и начальникомъ школы штурмановъ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга, а спустя семь лѣтъ, 2-го января 1798 года — въ контръ-адмиралы. Крейсируя по Черному морю на фрегатѣ «Царь Константинъ», онъ былъ застигнутъ сильной бурей и утонулъ 14-го октября того же года у устьевъ Дуная, почти со всѣмъ экипажемъ, при крушеніи фрегата. Тѣло И. Т. Овцына погребено на островѣ Феодонисіи.

„Общій Морской Списокъ“ т. II, стр. 299—300; „Матеріалы для исторіи русскаго флота“, т. VI, Спб. 1877 г., стр. 697, 701, 707, 718, 723; т. XI, Спб. 1886 г., стр. 7, 21, 203, 687; т. XII, Спб. 1888 г., стр. 1, 47, 132, 139, 387, 411, 414, 504, 516, 537; т. XV, Спб. 1895 г. стр. 10, 17, 18, 257, 258, 293, 295, 315, 340, 421, 566; т. XVI, Спб. 1902 г., стр. 119, 149, 214, 216, 257, 270, 285, 286, 298, 300, 332 и 334.

Е. Ястребцевъ.

Овцынъ, *Семенъ Андреевичъ,* воевода царя Іоанна Грознаго. Въ 1551 году значится въ спискѣ московскихъ дѣтей боярскихъ; въ 1553 году былъ городничимъ въ Свіяжскѣ, въ 1560 году былъ головой при окольничемъ Даніилѣ Адашевѣ во время похода московскихъ воеводъ подъ Феллинъ и участвовалъ во взятіи этого города. Въ 1572 году Семенъ Андреевичъ, въ числѣ головъ, сопровождалъ царя въ его походѣ на Лифляндію подъ Вейсенштейнъ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) V, 32; Разрядная книга (Сибирскій Сборн. М. 1845) 37; Разрядная книга („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.“ 1902, I) 160, 223.

Е. Л.

Овчинниковъ, *Андрей,* яицкій казакъ, одинъ изъ главныхъ помощниковъ Пугачева. Свѣдѣній о его личности до времени бунта мы не имѣемъ. Извѣстно лишь, что онъ былъ человѣкомъ очень уважаемымъ среди казаковъ, которые выбрали его впослѣдствіи въ свои атаманы. Жилъ онъ въ Яицкомъ городкѣ и при началѣ же бунта былъ однимъ изъ первыхъ казаковъ, принявшихъ сторону Пугачева. Открыто онъ присоединился къ самозванцу въ половинѣ сентября 1773 года, когда Пугачевъ подступилъ къ Яицкому городку; вскорѣ послѣ этого, когда былъ собранъ казачій кругъ, онъ былъ выбранъ въ атаманы и такимъ образомъ сразу же сталъ во главѣ казаковъ, самой надежной части войскъ Пугачева. Благодаря этому, Овчинниковъ сдѣлался необходимымъ Пугачеву, который чувствовалъ отъ него даже нѣкоторую зависимость и ничего не предпринималъ безъ его совѣта и указанія. Главнымъ образомъ по его совѣту были разосланы Пугачевымъ возмутительные манифесты въ Башкирію, онъ же, какъ самый способный изъ всѣхъ мятежниковъ, былъ отправленъ и противъ генерала Кара, посланнаго съ правительственными войсками противъ бунтовщиковъ. Задача, возложенная при этомъ на Овчинникова, заключалась въ томъ, чтобы не пропустить Кара къ Оренбургу, подлѣ котораго тогда находился Пугачевъ съ главными своими силами, но для этого ему было дано только 500 казаковъ съ 6 пушками. Овчинниковъ, несмотря на малочисленность своего

отряда, быстро пошелъ навстрѣчу Кару, присоединилъ къ себѣ по дорогѣ другого виднаго дѣятеля мятежа-Хлопушу съ его шайками, набранными изъ заводскихъ рабочихъ, собралъ до 1500 человѣкъ башкиръ и съ этими силами встрѣтился съ регулярными войсками Кара у деревни Юзеевой. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ Овчинникову удалось зайти въ тылъ отряду Кара, захватить шедшій къ нему на помощь отрядъ, окружить Кара, смѣшать его войска и заставить ихъ отступить съ большими потерями. По возвращеніи къ Пугачеву, Овчинниковъ однако получилъ выраженіе неудовольствія со стороны послѣдняго за то, что не сумѣлъ захватить въ плѣнъ всего отряда. Послѣ этого, Овчинниковъ до конца года былъ у Оренбурга, засѣдалъ въ составленномъ Пугачевымъ военномъ совѣтѣ, гдѣ и получилъ имя графа Панина. Въ началѣ января 1774 года Овчинниковъ былъ посланъ къ Яицкому городку, упорно защищавшемуся противъ мятежниковъ, принималъ участіе въ его осадѣ, а въ концѣ января былъ посланъ въ Гурьевъ городокъ, склонилъ тамъ казаковъ на сторону Пугачева, казнилъ всѣхъ непокорныхъ, захватилъ весь порохъ, снаряды и орудія и очень быстро возвратился къ Яицкому городку. Особенно выказались военныя способности Овчинникова, когда противъ Пугачева въ началѣ марта выступилъ съ значительнымъ отрядомъ князь Голицынъ. Овчинникову снова пришлось принять начальство надъ шайками Пугачева; онъ выступилъ противъ Голицына, но не могъ выдержать его перваго натиска и отступилъ сперва къ Илецкой, а потомъ къ Татищевой крѣпости, быстро укрѣпилъ ее, насколько это было возможно, и рѣшилъ въ ней защищаться и преградить путь кн. Голицыну къ главнымъ силамъ Пугачева, прося въ то же время у послѣдняго подмогу; Пугачевъ прислалъ ему двухтысячный отрядъ, даже самъ пріѣзжалъ на нѣкоторое время, но скоро уѣхалъ и предоставилъ Овчинникову защищаться, какъ онъ самъ сумѣетъ. Голицынъ между тѣмъ началъ штурмовать крѣпость, но Овчинниковъ велъ дѣло такъ успѣшно, что лишь послѣ упорнаго шестичасоваго боя регулярнымъ войскамъ удалось выбить изъ полуразрушенной крѣпости нестройныя мятежныя шайки плоховооруженныхъ крестьянъ, татаръ, башкиръ и «разной бѣглой сволочи». Самъ Голицынъ отдавалъ долж-ное распорядительности Овчинникова. «Дѣло столь важно было», писалъ онъ въ своемъ донесеніи, «что я не ожидалъ таковой дерзости и распоряженія въ таковыхъ непросвѣщенныхъ людяхъ въ военномъ ремеслѣ, какъ сіи побѣжденные бун-товщики». Овчинниковъ понесъ больші[...] потери, часть его шаекъ разбѣжалась [...] онъ долженъ былъ отступить къ Илецком[...] а оттуда къ Яицкому городку, чтобы [...] возможности скорѣе взять этотъ важны[...] пунктъ, который могъ бы послужить д[...] мятежниковъ базисомъ въ дальнѣйших[...] военныхъ дѣйствіяхъ. Голицынъ отпра-вилъ противъ него генерала Мансуров[...] Овчинниковъ вышелъ къ нему навстрѣ[...] съ небольшимъ отрядомъ Яицкихъ каз[...]ковъ и 5 пушками, встрѣтился съ ним[...] на рѣкѣ Быковкѣ и пытался, пользуя[...] выгодами узкаго прохода, задержать здѣ[...] Мансурова. Мансуровъ однако обладал[...] большими силами, успѣшно переправил[...] черезъ рѣку и быстрымъ кавалерійским[...] натискомъ разогналъ мятежниковъ. Овчи[...]никовъ принужденъ былъ бѣжать съ 30[...] казаками сперва къ Бугуруслану, отту[...] къ Бугульмѣ, прорвался тамъ на нов[...] московскую дорогу и ушелъ въ Башкирі[...] гдѣ началъ возмущать башкиръ. Въ н[...]чалѣ мая 1774 года онъ присоединил[...] снова къ Пугачеву у крѣпости Магни[...]ной, совершилъ съ нимъ весь дальнѣйші[...] походъ, участвовалъ въ штурмѣ Казан[...] былъ отправленъ подъ Саратовъ и взял[...] его, потомъ взялъ Камышинъ и за св[...] заслуги передъ Самозванцемъ былъ пож[...]лованъ имъ въ генералъ-фельдмаршал[...] Скоро однако, пришелъ конецъ дѣятел[...]ности Овчинникова. 24 августа 1774 год[...] послѣ битвы подъ Чернымъ Яромъ съ отря[...]домъ Михельсона, онъ пропалъ безъ вѣсти.

Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники[...] Спб. 1884, т. I, 231, II, 7—15, 39, 45, 90-9[...] 102, 104, 114, 133—136, 146—148, 267, 270, 27[...] 294—307, 392—394, III, 30, 65, 87, 221, 2[...] 243 — 252; Труды Я. К. Грота, IV, 6[...] Пушкинъ: „Исторія Пугачевскаго бун[...] („Сочиненія", изд. подъ ред. Ефремова, Сп[...] 1903, VI; „Русская Старина" т. XVI, 482-[...] 490, 609; „Воен. Сборникъ" 1869, LXV[...] 159—163, 172; „Чтен. Московск Общ. Ист. Древн." 1858, т. II, отд. 2, стр. 20, 21, 25,[...] 30 32, 34, 35, 49; Г. Р. Державина: „Сочине-нія" (Акад. изд.) т. V. *Е. Лихачъ.*

Овчинниковъ, *Андрей* — купе[...] депутатъ Ядринскій отъ города въ ко[...]миссіи Новаго Уложенія 1768 года. С[...]

илъ за расширеніе правъ купечества. Принялъ сторону мнѣнія, что нужно дать право свободной торговли и право имѣть фабрики, заводы и склады исключительно однимъ купцамъ. Кромѣ того, принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи проэкта о правахъ благородныхъ.

Сборн. Имп. Истор. Общ., Т. VIII стр.: 44, 200, 259, 316, Т. 52, стр.: 180, 204, 208—210, 221, 245, 255, 268, 277, 280, 285.

Б. Гласко.

Овчинниковъ, *Андрей,* передѣлыватель «Фауста» Гете, писалъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Біографическихъ свѣдѣній объ Овчинниковѣ не имѣется. Выпущенная имъ въ 1851 году въ Ригѣ книга «Фаустъ, полная нѣмецкая трагедія Гете, вольно-переданная по-русски А. Овчинниковымъ», представляетъ передѣлку лишь 2-й части «Фауста», и притомъ изложенную имъ не «по-русски», какъ обозначено въ заглавіи, а какимъ-то новымъ, самимъ авторомъ изобрѣтеннымъ языкомъ. Между прочимъ, по словамъ переводчика несмотря на его основательное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, онъ долженъ былъ для совершеннаго пониманія «Фауста» изучить многихъ иностранныхъ къ нему комментаторовъ, «перебрать весь запасъ областныхъ реченій, общенародныхъ поговорокъ» и т. п., и «для большей выдержки знаменательности оригинала собраться со всѣмъ сказочнымъ духомъ русскаго мудрословія». Но критика отмѣтила не только то обстоятельство, что между передѣлкой Овчинникова и подлинникомъ Гете не было ничего общаго, но и то, что написана она была вновь открытымъ г. Овчинниковымъ языкомъ. Дѣйствительно, въ книгѣ Овчинникова сло́ва, въ родѣ: щелмакъ, ощелмачить, препряда, некощный, деченка, метлячки, любня и т. п. встрѣчаются чуть ли не въ каждой строчкѣ. Кромѣ «Фауста» перу Овчинникова принадлежитъ—изданная имъ въ Петербургѣ книга — «Награда за откровенность». Книга переполнена такими же курьезами, какъ и «Фаустъ», но изложена болѣе сноснымъ языкомъ. Затѣмъ онъ же анонимно издалъ въ Ригѣ (1852 г.) брошюру: «Партитура Американско-животнаго театра въ Европѣ, Орбана и Казановы» (въ стихахъ). Впрочемъ, никакого литературнаго значенія она не имѣетъ, равно какъ и вся писательская дѣятельность Овчинникова.

Карточный каталогъ Имнер Публичн. Библіотеки. — „Фаустъ", полная нѣмецкая трагедія Гете, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковымъ, Рига, 1851. „Современникъ" 1851 г. Т. XXX. „Отечественныя Записки" 1851 г. т. 79; „Сынъ Отечеств." 1852 г. т. I; „Москвитянинъ" 1851 г. № 22; „Награда за откровенность", сочиненіе Андрея Авчинникова, Спб., 1853. „Современникъ" 1853 т. 42; „Отечеств. Записки" 1854 г., т. 92; „Сѣв. Пчела" 1851, № 228.

А. А. Петровъ.

Овчинниковъ, *Павелъ Акимовичъ,*—фабрикантъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и мануфактуръ-совѣтникъ, родился 25-го марта 1830 года въ селѣ Отрадномъ, Московской губерніи. По происхожденію Овчинниковъ принадлежалъ къ числу крѣпостныхъ крестьянъ князя Д. Волконскаго, и упомянутое село «Отрадное» было однимъ изъ родовыхъ помѣстій этого князя. Расторопность и понятливость Овчинникова-мальчика скоро обратили на себя вниманіе князя, который присмотрѣвшись къ мальчику поближе, нашелъ въ немъ замѣчательныя способности къ рисованію. Для систематическаго развитія художественныхъ способностей, Овчинниковъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ, впрочемъ, онъ поступилъ не въ рисовальную школу, а въ мастерскую золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, принадлежавшую его родному брату А. Овчинникову. У послѣдняго онъ пробылъ 6 лѣтъ въ качествѣ подмастерья; въ 1850 году женился, и на 1000 руб. приданаго за женой рѣшилъ начать самостоятельное дѣло; въ апрѣлѣ 1851 года, Овчинниковъ уже открылъ свою собственную мастерскую. Вскорѣ здоровье его брата принудило оставить свои дѣла и онъ передалъ ихъ П. А. Овчинникову, который въ короткое время сумѣлъ дать производству еще болѣе широкіе размѣры. Такъ, въ 1853 году годовой оборотъ у него доходилъ до 250,000, а въ слѣдующемъ онъ превышалъ полтора милліона рублей. Въ слѣдующіе годы оборотъ продолжалъ расти быстро и послѣдовательно. Соотвѣтственно ему увеличивалось, и число занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ рукъ. Такъ, въ 1854 году у Овчинникова работало 400 человѣкъ, въ 1855—600. Въ теченіе десятилѣтія (съ 1855 г. по 1865 г.) фабрика Овчинникова достигла такой извѣстности, что въ 1865 г. на Московской международной выставкѣ онъ удостоился получить отъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича званіе придворнаго поставщика. Кромѣ того, въ награду

за выставку ему былъ пожалованъ большой орелъ и золотая медаль. Впослѣдствіи Овчинниковъ былъ награжденъ многочисленными медалями и дипломами за свои экспонаты и былъ удостоенъ пяти россійскихъ орденовъ до ордена св. Владиміра 4-й степени включительно, а также званія мануфактуръ-совѣтника; кромѣ того, его пожаловали орденами австрійское бельгійское и французское правительство. Одна изъ главныхъ заслугъ Овчинникова заключается въ томъ, что онъ отрѣшился отъ рабскаго подражанія иностраннымъ образцамъ и старался по возможности придавать своимъ произведеніямъ народный характеръ. Работы его фабрики въ тысячахъ экземпляровъ расходились въ Россіи и за границей.—Кромѣ того, Овчинниковъ хорошо зарекомендовалъ себя и какъ гласный Московской Городской Думы, въ должности котораго онъ пробылъ 12 лѣтъ. Скончался Овчинниковъ 9-го апрѣля 1888 года.

„Русская Старина" томъ XVI. „Московскія Вѣдомости" за 1888 г. „Русскія Вѣдомости" за 1888 г.

Огаревъ, *Иванъ Ѳомичъ*,—сынъ Ѳомы Васильевича Огарева, стольникъ и воевода. Упоминается съ 1609 года, когда находился въ войскѣ князя М. В. Скопина-Шуйскаго и былъ посланъ отъ него съ донесеніемъ въ Москву къ царю Василію. Въ 1612 году онъ вмѣстѣ съ отцомъ былъ въ войскѣ Пожарскаго и подписался подъ одной изъ увѣщательныхъ грамотъ, посланныхъ Пожарскимъ изъ Ярославля. Послѣ этого, извѣстія о немъ прекращаются до 1625 года, когда мы видимъ его приставомъ у персидскаго посла; въ 1626 г. Огаревъ былъ вторымъ судьей въ Холопьемъ приказѣ и пробылъ въ этой должности до 1629 года. Въ 1630 году онъ былъ приставомъ у турецкаго посла, а въ 1632 году ему было поручено заготовить хлѣбные запасы для наемныхъ нѣмецкихъ отрядовъ, собранныхъ въ то время въ Москвѣ для войны съ Польшей; когда же открылась война съ Польшей, Огаревъ вмѣстѣ съ княземъ Барятинскимъ былъ назначенъ завѣдывать провіантской частью при арміи у Смоленска. Въ 1633 году, когда ожидалось нападеніе крымцевъ, Огаревъ былъ назначенъ воеводой въ Москвѣ у Яузскихъ воротъ. Въ 1636, 1637, и 1638 годахъ онъ былъ вторымъ судьей въ Кормовомъ приказѣ, завѣдывавшемъ снабженіемъ провіантомъ наемныхъ нѣмецкихъ отрядовъ. Послѣднее упоминаніе об Огаревѣ относится къ 1640 году, когда онъ былъ приставомъ у польскихъ пословъ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ", X, 288; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 1200 Дворцовые разряды, I, 661, 847, 1030, II, 133–134, 244, 249, 276, 337, 630; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, II 358, 54 Акты Археогр. Экспедиціи II, 219, 347, III. 314, 317; Акты историческіе, II, 320; Акт Московск. Государства, I, 288, 376, 385, 38 545. *Е Лихачъ.*

Огаревъ, *Илья Ивановичъ,* тайный совѣтникъ, пермскій гражданскій губернаторъ. Родился въ 1780 году и происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи. По обычаю того времени, Огарев еще ребенкомъ былъ зачисленъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскі полкъ. Вступивъ въ дѣйствительную служб въ январѣ 1797 года Огаревъ былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ в Казанскій гарнизонный полкъ. Быстро повышаясь въ чинахъ, онъ въ 1800 го былъ уже произведенъ въ капитаны, а дв года спустя переведенъ въ Рыльскій пѣхотный полкъ. Уволенный въ 1803 году от службы, онъ въ слѣдующемъ году былъ зачисленъ въ штатъ Коммиссаріатскаго департамента, съ переименованіемъ въ 8-й класс Однако, черезъ два года онъ снова поступилъ въ военную службу ротмистромъ в Гродненскій гусарскій полкъ, а черезъ по года перевелся въ Волынскій полкъ, с которымъ и принялъ участіе въ вой 1807 года. 25-го мая 1808 года Огарев былъ произведенъ въ маіоры, а затѣм со своимъ полкомъ поступилъ въ состав войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турці причемъ за отличія и храбрость, выказанн въ сраженіи при урочищѣ Дайнфросин былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3- степени, а за пораженіе непріятеля по укрѣпленіемъ Калафотъ, гдѣ онъ коман довалъ Волынскимъ полкомъ, Огаревъ п лучилъ орденъ св. Владиміра 4-й степен съ бантомъ. Въ томъ же, 1811 году, Ога ревъ былъ произведенъ въ подполковник Затѣмъ Огаревъ участвовалъ въ Отечествен ной войнѣ и въ войнѣ 1813 года, ког за отличія, оказанныя въ сраженіи пр с. Бриловѣ. получилъ орденъ св. Ан 2-й степени. По возвращеніи войскъ в Россію, онъ продолжалъ служить въ том же Волынскомъ полку до марта 1818 го когда по болѣзни вышелъ въ отставк

въ теченіе 9-ти лѣтъ не служилъ нигдѣ. 27-го января 1826 года онъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ, казанскомъ, симбирскомъ и пензенскомъ генералъ-губернаторѣ. Переименованный вслѣдъ затѣмъ въ надворные совѣтники, онъ три года спустя былъ причисленъ къ Канцеляріи Его Величества по 3-му отдѣленію состоять при генералѣ Бенкендорфѣ, а 9-го сентября того же 1829 года съ чиномъ полковника былъ принятъ въ караулъ жандармовъ. Польское возстаніе 1831 года дало ему возможность выказать свои административныя способности и уже въ декабрѣ того же года онъ былъ назначенъ архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Въ октябрѣ слѣдующаго года Огаревъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ въ должности губернатора. Познакомившійся съ Огаревымъ въ Архангельскѣ А. В. Никитенко говоритъ о немъ въ своемъ «Дневникѣ», какъ о человѣкѣ оригинальнаго характера и честномъ; впрочемъ, ядовитый Вигель въ своихъ «Запискахъ» даетъ о немъ не совсѣмъ лестный отзывъ. Въ 1835 г. Огареву былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 1-й степени, а 15-го апрѣля 1837 года онъ былъ перемѣщенъ губернаторомъ же въ Пермь. Въ этой должности онъ оставался до самой смерти, причемъ въ 1843 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники. И. И. Огаревъ скончался въ г. Перми 6-го мая 1854 года, на 74 году отъ рожденія.

Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Формулярные списки 1842 и 1843 гг. и Дѣло о смерти Огарева 1854 г. „Дневникъ" А. В. Никитенки, I, 341; „Рус. Стар.", 1889, авг., стр. 296—297; „Сѣв. Пчела" 1854, № 117; „Записки Ф. Ф. Вигеля, т. II, стр. 233; А. С. Грибоѣдовъ: „Полн. собраніе сочиненій": Спб. 1889, т. I; „Истор. Вѣстн." 1897, I.

Е. Ястребцевъ.

Огаревъ, *Константинъ Ильичъ,* генералъ-лейтенантъ, состоявшій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, пермскій губернаторъ; сынъ предыдущаго. Родился 26-го апрѣля 1816 года. Вступивъ 26-го октября 1834 года въ военную службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, онъ былъ прикомандированъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, по окончаніи которой былъ произведенъ 4-го сентября 1836 года въ прапорщики съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Пять лѣтъ спустя, Огаревъ былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Клейнмихелю, бывшему дежурнымъ генераломъ главнаго штаба, а 2-го ноября 1842 года назначенъ старшимъ адъютантомъ. Состоя въ этой должности, Огаревъ постепенно былъ произведенъ въ капитаны, затѣмъ въ полковники и 19-го ноября 1857 года въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ исправляющимъ должность военнаго губернатора г. Перми и пермскаго гражданскаго губернатора. Такимъ образомъ, Огаревъ попалъ губернаторомъ въ ту губернію, гдѣ за три года передъ тѣмъ умеръ его отецъ, губернаторствовавшій тамъ около 20-ти лѣтъ. Однако, для К. И. Огарева мѣсто это было менѣе счастливо. На него сыпались доносы за доносами, и несмотря на поддержку родственника — генералъ-адъютанта Н. А. Огарева, онъ всетаки не удержался на этомъ мѣстѣ: въ 1861 году онъ былъ уволенъ отъ должности пермскаго губернатора; но при содѣйствіи упомянутаго Н. А. Огарева былъ назначенъ (въ мартѣ того же года) состоять при военномъ министрѣ, а ровно черезъ годъ—при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этой должности онъ оставался до самой своей смерти, причемъ служба его не проходила незамѣченною: онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденами до ордена Бѣлаго Орла включительно. К. И. Огаревъ скончался 26-го января 1877 года.

Архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Дѣла: 1861 г. 1-го отдѣленія, 1-го стола № 91 и 1862 года 2-го отдѣленія 3-го стола № 442 (75); Адресъ-Календари 1865—1875 г.г. Высочайшіе приказы.

Е. Ястребцевъ.

Огаревъ, *Михаилъ Васильевичъ,* генералъ-маіоръ, помощникъ начальника мѣстныхъ войскъ Казанскаго Военнаго Округа. Родился 5 сент. 1819 года и происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Зачисленный 19-го ноября 1823 года въ Дворянскій полкъ, онъ, по окончаніи воспитанія въ этомъ заведеніи, былъ произведенъ 25-го марта 1828 года въ подпрапорщики и назначенъ въ Гренадерскій гр. Аракчеева полкъ. Съ этимъ полкомъ, въ чинѣ подпоручика, онъ принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія 1831 года, причемъ за отличія и храбрость, выказанныя въ дѣлахъ подъ г. Вильно,

былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и произведенъ въ поручики. Переведенный 20-го іюня 1837 года въ Нижегородскій гр. Аракчеева корпусъ, онъ, спустя пять лѣтъ, былъ произведенъ въ капитаны, а въ 1849 году въ подполковники, съ переводомъ въ пѣхотный фельдмаршала гр. Дибича-Забалканскаго полкъ. Затѣмъ Огаревъ служилъ въ Московскомъ пѣхотномъ полку, въ линейномъ Оренбургскомъ № 2 баталіонѣ и наконецъ 3-го марта 1851 года былъ назначенъ командиромъ линейнаго Оренбургскаго № 5 баталіона. Два года спустя, 28-го сентября 1853 года, Огаревъ получилъ новое назначеніе—исправляющимъ должность начальника укрѣпленій и войскъ лѣваго фланга Сыръ-Дарьинской линіи и въ томъ же году, 26-го ноября, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени за 25-ти-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ. Служба на Кавказѣ дала Огареву широкую возможность выказать свою храбрость и распорядительность и уже въ слѣдующемъ году, за отличіе въ дѣлахъ противъ кокандцевъ, онъ былъ произведенъ изъ подполковниковъ въ полковники и вскорѣ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ по арміи. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ въ командованіе 1-ю бригаду 12-й пѣхотной дивизіи и за отличіе, выказанное имъ въ дѣлахъ на Черной рѣчкѣ и Федюхиныхъ высотахъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Въ октябрѣ 1857 года Огаревъ былъ прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, по упраздненіи же этого корпуса оставался въ запасныхъ войскахъ до 16-го ноября 1861 года, когда былъ назначенъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками казанскаго военнаго округа. Почти черезъ годъ, 28-го октября 1865 года, онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника мѣстныхъ войскъ казанскаго военнаго округа. Это была послѣдняя его должность, которую онъ занималъ до 10-го мая 1867 года, когда былъ зачисленъ въ запасныя войска. М. В. Огаревъ скончался 2-го апрѣля 1875 года, на 65 году отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Формулярные списки 1864 г; „Воскресный Досугъ" 1866 г., № 175, біографія. *Е. Александровъ.*

Огаревъ, *Николай Александровичъ*,— генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, совѣщательный членъ временнаго артиллерійскаго комитета и завѣдующій редакціей «Россійской военной хроники». Родился 31-го декабря 1811 года и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Отданный въ Пажескій корпусъ, онъ 6-го августа 1829 года былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики и назначенъ въ легкую № 1 батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Начавшаяся два года спустя польская кампанія дала ему возможность выказать свою храбрость, и за отличія въ сраженіяхъ при д. Старомъ Якацѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а при Остроленкѣ—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. В слѣдующемъ, 1832 году, Огаревъ былъ назначенъ адъютантомъ батареи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи и въ этой должности оставался около трехъ лѣтъ. Произведенный 16-го апрѣля 1835 г. в поручики, онъ въ началѣ слѣдующаго года былъ переведенъ въ легкую № 1 батарею той же артиллеріи, а 5-го февраля 1838 года назначенъ адъютантомъ к Е. И. В. великому князю Михаилу Павловичу. Съ этихъ поръ Огаревъ началъ быстро повышаться въ чинахъ и в 1849 году былъ произведенъ уже въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ 19-го сентября былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, за 25-ти-лѣтнюю службу в офицерскихъ чинахъ. Восточная война 1853—1856 г.г. снова вызвала его къ бол[ѣе] энергичной дѣятельности. Ему поручен[о] было принять мѣры къ усиленію оборон[ы] и вооруженію Выборгской крѣпости и Кіев[а]. За успѣшное выполненіе этихъ поручені[й] онъ былъ награжденъ орденомъ св. Ан[ны] 1-й степени, а 4-го января 1855 го[да] назначенъ членомъ артиллерійскаго вое[н]но-ученаго комитета и въ томъ же год[у] 15-го ноября, сверхъ того, завѣдующим[ъ] редакціей «Россійской военной хроники», а въ слѣдующемъ году назначенъ и завѣдующимъ военной литографіей. Произведенный 30-го августа 1857 года въ генералъ-лейтенанты, онъ два года спус[тя] былъ награжденъ орденомъ св. Владимі[ра] 2-й степени, а 23-го сентября орденом[ъ] Бѣлаго Орла. Послѣдней наградой его был[ъ] орденъ св. Александра Невскаго, пожал[о]ванный ему за неоднократное исполнен[іе] во время нижегородской ярмарки време

ной должности нижегородскаго генералъ-губернатора. П. И. Мельниковъ (А. Печерскій), познакомившійся въ то время по дѣламъ службы съ Огаревымъ, такъ характеризуетъ генералъ-губернатора: «Огаревъ—стараго закала человѣкъ; онъ добрый пріятный господинъ, но съ нимъ надобно держать себя осторожно: играй какъ съ медвѣдемъ, все ничего, все ничего, а какъ вдругъ озлится, да ни съ того, ни съ сего и тяпнетъ». Н. А. Огаревъ скончался въ Петербургѣ, 7-го февраля 1867 года, на 56 году отъ рожденія. Онъ былъ женатъ на фрейлинѣ Е. И. В. великой княгини Александры Николаевны — Маріи Николаевнѣ рожд. Сеславиной. Н. А. Огаревъ былъ собственникомъ довольно значительнаго желѣзопрокатнаго завода.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, дѣло VI отдѣленія 3-го стола 1867 г. № 223, „Военный Сборникъ“ 1867 г. № 4, стр. 187—188, некрологъ. „Историч. Вѣстникъ“, 1884, т. XVIII. стр. 358—360; И. Усовъ: „П. И. Мельниковъ“, стр. 228—230; „Письмо ген.-маіора В. Рашета ген.-адъютанту Н. А. Огареву изъ Нижнетагильска отъ 14 окт. 1861 г.“, Спб. 1861; „Механическій желѣзопрокатный, желѣзоковальный и литейный заводъ ген.-адъют. Н. А. Огарева“. Спб. 1862.

Е. Ястребцевъ.

Огаревъ, *Николай Гавриловичъ*, генералъ-поручикъ, командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и военнаго Сибирскаго округа. Огаревъ вступилъ на службу въ 1749 году, въ 1782 году былъ произведенъ въ генералъ-поручики и 24-го ноября того же года былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1787 году былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и военнаго Сибирскаго Округа. Скончался Огаревъ 19-го апрѣля 1789 года.

Руммель и Голубцовъ: „Родословный сборникъ“, 211, 212; „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“ Т. XXVI, 450, XXVII, 387.

П. Артамонова.

Огаревъ, *Николай Ивановичъ*,—дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ. Происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи, родился въ 1780 г., и 6-лѣтнимъ мальчикомъ былъ опредѣленъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ. Въ 1792 г. переведенъ, съ чиномъ сержанта, въ Семеновскій полкъ, а 29 января 1797 г. выпущенъ къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ губернскаго секретаря, и опредѣленъ къ дѣламъ государственнаго казначея, гдѣ по службѣ достигъ чина коллежскаго совѣтника (8-го апр. 1803 г.). Въ мартѣ 1805 г. перешелъ въ Коммиссію составленія законовъ редакторомъ; 25 ноября 1806 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники, а 24 ноября 1808 г., согласно прошенію, былъ причисленъ къ Герольдіи. 1-го марта 1810 г. поступилъ въ вѣдѣніе принца Голштейнъ-Ольденбургскаго, для особыхъ порученій по управленію Тверскою, Ярославскою и Новгородскою губерніями и по Дирекціи путей сообщенія. 8 января 1811 г. Огареву Высочайше повелѣно было быть начальникомъ отдѣленія по 2-му разряду, въ Экспедиціи путей сообщенія. 22 марта 1812 г. Огаревъ былъ причисленъ къ Департаменту минист. юстиціи, а 19 ноября того же года назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-е отдѣленіе 6 департамента Сената. 6 іюля 1813 г. Огаревъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ оберъ-прокуроры 4 департамента Правит. Сената. Три года занятій по должности оберъ-прокурора настолько утомили Огарева, что онъ былъ вынужденъ поѣхать для лѣченія, на кавказскія минеральныя воды, и пробылъ въ отпускѣ до февраля мѣсяца 1819 года. Возвратившись въ Петербургъ, Огаревъ получилъ Высочайшее повелѣніе быть оберъ-прокуромъ 7 департамента, а въ іюлѣ слѣдующаго былъ назначенъ оберъ-прокуромъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ. 22 августа 1826 г. Огаревъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, и тогда же повелѣно было ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. 12 сентября 1826 г. Огаревъ былъ назначенъ къ присутствованію въ 8 департаментѣ Сената; 24 ноября, по Высочайшему повелѣнію, командированъ для обревизованія Саратовской губерніи, въ мартѣ 1828 г.—Тульской губерніи, въ февралѣ 1830 г.—Рязанской губерніи. 1 іюля 1842 г. Огаревъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, успѣвъ получить къ тому времени всѣ ордена, до ордена Бѣлаго Орла включительно. 23 марта 1845 г., по болѣзни, Огаревъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу на 1 годъ; 18 октября Огаревъ снова вступилъ въ должность первоприсутствующаго во 2-мъ департаментѣ Сената; 2 декабря того-же 1845 г. былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ 7 департаментѣ Сената, а 1 мая 1847 г., согласно прошенію, отъ службы уволенъ. 10 апрѣля 1852 г. Н. И. Огаревъ скончался въ Москвѣ. — Исторіографъ Ка-

рамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву даетъ, между прочимъ, слѣдующую характеристику Огарева: «Онъ дикъ, неискателенъ, чувствителенъ, честенъ, уменъ, способенъ къ дѣламъ и весьма хорошо пишетъ... Такихъ людей у насъ немного». И въ другомъ письмѣ Карамзинъ подтверждаетъ: «Немного въ свѣтѣ такихъ честныхъ, благородныхъ, и даже умныхъ людей въ смыслѣ основательности, а не блеска мишурнаго». По отзыву А. В. Кочубея, Огаревъ былъ человѣкъ «просвѣщенный и дѣловой, но истинный философъ, воспитанный въ идеяхъ Вольтера и Ж. Ж. Руссо».

Супругой И. И. Огарева была Елизавета Сергѣевна рожд. Новосильцова (род. 13 ноября 1786 г., ум. въ Петербургѣ 5 февр. 1870 г.) — родная племянница Н. Н. Новосильцова. Она славилась своей красотой, умомъ и образованіемъ, и ее не разъ воспѣвали въ своихъ стихахъ А. С. Пушкинъ, кн. П. А. Вяземскій, И. И. Дмитріевъ.

Полный послужной списокъ. „Сѣв. Пчела" 1852, № 86; „Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву", Спб., 1866, стр. 162, 166; „Записки" А. В. Кочубея, Спб., 1890, стр. 44; „Переписка Грота съ Плетневымъ", т. II и IV; „Остафьевск. Архивъ кн. Вяземскаго", Спб., 1899, т. I и II; Пушкинъ: „Сочиненія", Акад. изд., т. I, стр. 230, 344—345; И. И. Дмитріевъ: „Сочин.", изд. 1893; ч. I; кн. Вяземскій „Полн. Собр. сочин.", т. III. „Русск Арх." 1873, стр. 1041—2. *К. М.*

Огаревъ, *Николай Ильичъ*, генералъ-маіоръ, московскій полиціймейстеръ. Родился въ Москвѣ и былъ сынъ пермскаго губернатора И. И. Огарева. Отданный въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, Огаревъ не окончилъ его, поступилъ въ 1835 году вольноопредѣляющимся въ лейбъ-кирасирскій полкъ, а затѣмъ перевелся въ лейбъ гусарскій полкъ, и въ 1838 г. былъ произведенъ въ офицеры, а шесть лѣтъ спустя, вышелъ въ отставку, но черезъ два года снова поступилъ на военную службу. 11-го декабря 1856 года, будучи уже подполковникомъ, онъ былъ назначенъ полиціймейстеромъ въ Москву и въ этой должности оставался до дня своей смерти, причемъ въ 1860 году былъ произведенъ въ полковники, а въ декабрѣ 1881 года—въ генералъ-маіоры; 1-го ноября 1889 года, въ день 50-ти-лѣтія своего служенія въ офицерскихъ чинахъ, былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Огаревъ скончался въ Москвѣ 19-го января 1890 года. Тѣло его погребено въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

„Русскія Вѣдомости" 1890 г. № 19 и 20, некрологъ; „Московскія Вѣдомости" 1890 г. № 20, некрологъ; „Вѣдомости Московской Городской Полиціи" 1890 г. № 16; „Новое Время", 1890, № 4994 и 4998; „Истор. Вѣстн." 1893, т. 61; „Нива", 1890, № 8. *Е. Ястребцовъ.*

Огаревъ, *Николай Платоновичъ*, писатель, другъ и сотрудникъ Герцена; родился 24-го ноября 1813 года въ С.-Петербургѣ. Отецъ его—Платонъ Богдановичъ принадлежалъ къ богатой дворянской фамиліи. Онъ имѣлъ много помѣстій въ нѣсколькихъ губерніяхъ и, между прочимъ, с. Старое Акшино въ Пензенской губ. Матери его—Елизаветѣ Ивановнѣ (рожд. Баскаковой) принадлежало значительное родовое село Бѣлоомутъ въ Рязанской губ. Семья Огаревыхъ обыкновенно проживала зимой въ Москвѣ, а на лѣто переѣзжала въ какое-нибудь изъ своихъ богатыхъ имѣній. Николай Платоновичъ потерялъ свою мать двухлѣтнимъ ребенкомъ. Дѣтство свое онъ провелъ въ мирной обстановкѣ, чисто обломовскаго характера, на попеченіи двухъ бабушекъ, няни изъ крѣпостныхъ и дядьки, выучившаго его читать и писать. Бабушки и дядьки способствовали выработкѣ въ немъ внѣшняго религіознаго настроенія, которое впослѣдствіи легко исчезло подъ вліяніемъ Байрона и философіи 18 вѣка, для того, чтобы съ теченіемъ времени снова возродиться въ обновленномъ видѣ. Чтеніе въ дѣлѣ развитія Огарева имѣло большое значеніе, особенно производилъ впечатлѣніе на него Шиллеръ, впервые пробудившій въ душѣ его идеальныя стремленія. Нѣмецъ-гувернеръ—Карлъ Ивановичъ Зоненбергъ, приставленный къ будущему поэту, когда последнему исполнилось тринадцать лѣтъ, былъ слишкомъ ничтожною личностью для того, чтобы имѣть на кого-либо нравственное вліяніе, но онъ много способствовалъ физическому развитію своего воспитанника и кромѣ того сыгралъ громадную роль въ судьбѣ Огарева, познакомивъ его съ Герценомъ. Съ перваго же момента этого знакомства между двумя различными (одной нѣжной, замкнутой въ себѣ, съ оттѣнкомъ грусти, а другой — порывистой, горячей, энергичной), но одинаково настроенными натурами завязалась дружба, сохранившаяся у того и другого до гробовой доски. Около того же времени начинается болѣе или менѣе серьезно-

систематическое совмѣстное образованіе обоихъ друзей. «Какъ святыню», до старости сохранилъ Огаревъ память о нѣкоторыхъ изъ своихъ наставниковъ. Отчасти подъ вліяніемъ ихъ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чтенія, юные друзья мечтали о высокомъ призваніи, о служеніи правдѣ, но окружающая дѣйствительность не была благопріятна для ихъ порывовъ. И чѣмъ мрачнѣе, по ихъ мнѣнію, становилось кругомъ, тѣмъ острѣе и воинственнѣе дѣлалось ихъ настроеніе, а въ душѣ укрѣплялось убѣжденіе, что они—избранныя натуры, способныя обновить если не цѣлый міръ, то по крайней мѣрѣ Россію. Настроеніе ихъ приняло оппозиціонный характеръ. Они считали себя преемниками декабристовъ.—Такъ развивались Огаревъ и Герценъ до 1830 года, когда во Франціи внезапно грянула политическая гроза, извѣстная подъ именемъ іюльской революціи. Извѣстіе объ этомъ событіи сильно взволновало обоихъ юныхъ мечтателей. Оно застало ихъ въ предверіи Московскаго университета, куда поступили они на математическій факультетъ и гдѣ вскорѣ они сгруппировали вокругъ себя цѣлый кружокъ товарищей, сочувствовавшихъ ихъ направленію. Старѣйшій изъ русскихъ университетовъ просыпался тогда отъ своего временнаго усыпленія; составъ прежнихъ профессоровъ сталъ пополняться свѣжими силами, а буйные студенты обращаться въ увлекающихся идеалистовъ; начали появляться студенческіе кружки, изъ которыхъ, какъ извѣстно, скоро вышли люди, имѣвшіе немалое значеніе въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Самыми замѣчательными изъ кружковъ, безъ сомнѣнія, были кружокъ Станкевича и кружокъ Герцена-Огарева. Послѣдующія за 30-мъ годомъ событія сильно поколебали вѣру идеалистовъ-друзей, но вытравить ее изъ сердца ихъ эти событія были не въ силахъ. Убѣдившись въ несостоятельности своего дѣтскаго либерализма, они замѣнили его системой Сенъ-Симона. Не успѣлъ Огаревъ кончить университетскаго курса, какъ надъ нимъ и его друзьями стряслась вдругъ неожиданная бѣда. Лѣтомъ 1834 года нѣсколько членовъ кружка были арестованы, а весною слѣдующаго года Огарева выслали на попеченіе отца въ его родовое имѣніе Старое Акшино. Поводомъ къ аресту послужило знакомство члена кружка—Сатина съ поэтомъ Соколовскимъ, поплатившимся за одно свое стихотвореніе политическаго характера. Съ внѣшней стороны ссылка не была особенно тяжела для Огарева, но его мучило одиночество вслѣдствіе оторванности его отъ друзей, такъ какъ сойтись съ мѣстнымъ обществомъ онъ не могъ, хотя и не пренебрегалъ его удовольствіями и развлеченіями. Умственный трудъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ поэта, но Огаревъ не могъ отдаться ему всецѣло, вслѣдствіе отсутствія выдержки и непривычки къ упорной систематической работѣ. Время у него не проходило праздно, но широкіе планы обыкновенно не осуществлялись, а начатое не доводилось до конца. Одиночество и неудачи возбуждали въ ссыльномъ недовольство и уныніе. Тяжела была въ это время и домашняя обстановка Огарева: на глазахъ его умиралъ медленной смертью разбитый параличемъ его старикъ-отецъ. Въ такіе темные дни явилась къ поэту любовь, но она осчастливила его только на самое короткое время. Въ 1837 году онъ обвѣнчался съ племянницей пензенскаго губернатора А. А. Панчулидзева—Марьей Львовной Рославлевой. Сперва казалось, что супруги зажили счастливо, но уже вскорѣ между ними стали замѣчаться недоразумѣнія, которыя, не переходя въ открытый разрывъ, долго, какъ медленно дѣйствующій ядъ, подтачивали спокойствіе Огарева. Лѣтомъ 1838 года Огареву позволено было отправиться на минеральныя кавказскія воды, гдѣ онъ познакомился съ декабристами, отбывавшими наказаніе на Кавказѣ. Изъ нихъ особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него А. И. Одоевскій, Огаревъ быстро сблизился съ нимъ и сталъ смотрѣть на него, какъ на своего учителя. Одоевскій сдѣлался его критикомъ, передъ авторитетомъ котораго Огаревъ безпрекословно склонялся, и его наставникомъ въ вопросахъ какъ философскаго, такъ и общественнаго характера; особенно Одоевскій способствовалъ усиленію въ Огаревѣ религіозно-политической экзальтаціи, зачатки которой у него были и раньше. Въ половинѣ 1839 года Огареву разрѣшили вернуться въ Москву, за нимъ прибылъ туда же и Герценъ. Впрочемъ, Герценъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ, а около Огарева сгруппировался новый кружокъ, въ которомъ на первомъ планѣ стали бывшіе

члены кружка Станкевича, имѣя во главѣ Бѣлинскаго и Бакунина. Однако положеніе Огарева въ этомъ кружкѣ было очень тяжелымъ. Друзья его окончательно разошлись съ любимой имъ женщиной, относившейся къ нимъ съ своей стороны враждебно, а онъ, еще не потерявшій вѣры въ нее, старался всѣми силами примирить людей, которыхъ примирить было невозможно. Разумѣется, попытка сдѣлать это не удалась, и измученный поэтъ въ 1841 году вынужденъ былъ удалиться за границу, гдѣ въ концѣ концовъ навсегда разстался со своей женой. Во главѣ созданнаго Огаревымъ кружка съ 1842 г. стали Герценъ и Грановскій.

За границей, если не считать кратковременнаго пріѣзда его въ Россію въ 1841 году, Огаревъ пробылъ около пяти лѣтъ. Тамъ онъ иногда старался заглушить тоску, терзавшую его душу, разгуломъ и разсѣяннымъ времяпрепровожденіемъ, но тамъ же, подъ вліяніемъ впечатлѣній западноевропейской жизни, новыхъ философскихъ теченій и научныхъ занятій, онъ измѣнилъ основныя идеи своего прежняго міровоззрѣнія, ставъ на почву матеріализма, а въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ началъ придерживаться болѣе реальныхъ взглядовъ, чѣмъ прежде. Такія перемѣны въ міровоззрѣніи Огарева повели къ несогласію его съ друзьями, съ которыми приходилось иногда расходиться въ очень существенныхъ вопросахъ, а это, въ свою очередь, вело къ разладу съ ними. Особенно тяжелымъ бременемъ легъ на душу Огарева разладъ его съ Грановскимъ. Возвратившись въ 1846 году на родину, Огаревъ поселился въ деревнѣ. Тамъ онъ занялся химіей, сельскимъ хозяйствомъ и фабриками, но надъ всѣми его предпріятіями тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Одна изъ фабрикъ его сгорѣла. Хозяйство разстраивалось. Даже освобожденіе крестьянъ въ одномъ изъ доставшихся Огареву по наслѣдству имѣній (село Бѣлоомутъ), затѣянное имъ еще въ 1840 году, но не по винѣ его затянувшееся до 1846 года, не принесло, повидимому, желаннаго результата, такъ какъ есть извѣстіе, что часть изъ вышедшихъ на волю крѣпостныхъ попала въ сѣти кулаковъ. Въ одномъ только судьба за это время благосклонно отнеслась къ поэту: въ лицѣ Натальи Алексѣевны Тучковой, умной и образованной дочери сосѣдняго помѣщика, онъ нашелъ близкаго для себя человѣка. Въ 1855 году Огаревъ, послѣ смерти своей первой жены, обвѣнчался съ ней, а въ слѣдующемъ году удалился вмѣстѣ съ ней за границу, на этотъ разъ навсегда. Въ самый блестящій періодъ литературной дѣятельности знаменитаго своего друга Герцена, когда въ Россіи подготовлялась отмѣна крѣпостного права, Огаревъ принималъ ближайшее участіе въ его извѣстныхъ заграничныхъ изданіяхъ, хотя позже онъ же, вмѣстѣ съ Бакунинымъ, болѣе всего способствовалъ ихъ паденію и прекращенію. Въ политическихъ увлеченіяхъ своихъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ Огаревъ значительно измѣнился, и, несмотря на мягкость и мечтательность натуры, порой не брезгалъ крутыми средствами для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Послѣдніе годы Огарева (особенно послѣ смерти Герцена) были ужасны. Счастье ему измѣнило. По разнымъ причинамъ друзья его оставили. Поэтическій талантъ ослабѣлъ. Вѣра въ прежніе идеалы утратилась, а новыхъ не являлось на смѣну. Нужда, постоянныя физическія недомоганія и несчастная страсть къ вину, отъ которой онъ не въ силахъ былъ отдѣлаться, дѣлали его тяжелое положеніе еще болѣе невыносимымъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ сошелся съ пожилой вдовой англичанкой, которая ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ, но которая, по своему неразвитію, не могла дѣлить съ нимъ умственныхъ его интересовъ. Умеръ Огаревъ въ 1877 году 31 мая въ Гринвичѣ, недалеко отъ Лондона.

Изъ всего литературнаго наслѣдія Огарева самымъ цѣннымъ считаются его лирическія стихотворенія, которымъ, главнымъ образомъ, онъ обязанъ своею извѣстностью. Въ печати Огаревъ появился въ первый разъ въ «Телескопѣ» 1831 года съ двумя переводными философскими трактатами. Первые стихотворные опыты Огарева, увидѣвшіе свѣтъ только послѣ смерти его въ концѣ прошлаго столѣтія, свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ началъ свою дѣятельность съ увлеченія тѣми направленіями романтизма, какія господствовали у насъ въ тридцатыхъ годахъ. Недостатки этихъ опытовъ, вѣроятно, ясны были и для самого автора. По крайней мѣрѣ, онъ рѣшился выступить въ печати въ качествѣ стихотворца только въ началѣ сороковыхъ

годовъ, хотя достовѣрно извѣстно, что поэзія занимала Огарева еще въ тридцатыхъ. Впервые стихотворенія Огарева появились въ «Литературной газетѣ» 1840 г. Затѣмъ онъ участвовалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Раньше всѣхъ изъ журналистовъ оцѣнилъ Огарева Бѣлинскій. Въ пятидесятыхъ годахъ, когда появились отдѣльныя изданія стихотвореній Огарева, о послѣднихъ съ похвалой отозвались лучшіе критики того времени: Чернышевскій, А. Григорьевъ, Дружининъ и Щербина. Большинство стихотвореній Огарева пользуются широкою извѣстностью среди литературно-образованной публики, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли давно даже въ школьныя хрестоматіи. Огаревъ принадлежитъ къ той плеядѣ европейскихъ поэтовъ, которая носитъ названіе поэтовъ міровой скорби. Скорбь его поэзіи скорѣе философскаго, чѣмъ общественнаго характера. Огаревъ былъ одаренъ сердцемъ, чуткимъ ко благу ближняго, жаждущимъ не одного личнаго счастья, но и счастья для другихъ. Онъ и его друзья вошли въ жизнь «съ прекраснымъ упованьемъ», съ «неробкою душой», «съ желаньемъ истины, добра желаніемъ, съ любовью, съ поэтической душой». Они, не щадя себя, готовы были вступить въ борьбу за свои идеалы, но вокругъ себя не встрѣтили сочувствія. Мало того, они увидѣли, что все кругомъ печально и грустно, начиная съ людей и кончая неодушевленной природой. Любовь не только, сплошь и рядомъ, не приноситъ счастья, когда для нея неблагопріятно сложатся обстоятельства, но сама по себѣ она непостоянна, проходитъ и забывается, какъ забывается все на свѣтѣ. Дружба надежнѣе, но и она нерѣдко грустно обрывается, хотя, впрочемъ, бываетъ иногда глубока и неизмѣнна и часто служитъ единственной опорой въ жизни. Поэтъ не проходитъ мимо мрачныхъ сторонъ послѣдней, онъ пытливо вглядывается въ нихъ и страдаетъ, глядя на нихъ, но онъ не анализируетъ своихъ впечатлѣній, не отдаетъ отчета въ томъ, кто виноватъ въ несовершенствѣ человѣческаго существованія, а если тѣнь такого сознанія у него и появляется, онъ не обладаетъ достаточной энергіей, чтобы сдѣлаться борцомъ, защитникомъ того, что для него дорого. Кромѣ того, воля поэта парализуется отсутствіемъ въ немъ твердой вѣры въ торжество правды и свѣта. Изрѣдка она у него появляется, но это — только минутныя вспышки, которыя быстро проходятъ, смѣняясь горькимъ разочарованіемъ.

Поэзія Огарева—плачъ нѣжнаго, способнаго глубоко любить, но слабаго въ другихъ отношеніяхъ существа, искренно, но безсильно страдающаго о томъ, что въ мірѣ слишкомъ мало любви, справедливости и счастья. Въ ней не слышится мощныхъ звуковъ, призывающихъ къ борьбѣ; въ ней не все узко-личное, но нѣтъ почти ничего опредѣленнаго въ общественномъ смыслѣ. Огаревская скорбь не скорбь о несовершенствѣ человѣческихъ отношеній, а скорбь о несовершенствахъ мірозданія, органическихъ несовершенствахъ человѣка и о человѣческомъ безсиліи. — Въ описаніяхъ природы Огаревъ большею частью субъективенъ: онъ наблюдаетъ и рисуетъ ее сквозь призму своего собственнаго настроенія. Субъективенъ онъ также и въ поэмахъ, изъ которыхъ однѣ («Зимній путь», «Юморъ», «Ночь») представляютъ собой рядъ отдѣльныхъ стихотвореній съ лирическимъ оттѣнкомъ, связанныхъ въ одно механически, а другія («Хозяинъ», «Радаевъ») рисуютъ лишняго человѣка 40-хъ годовъ, родственнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самому автору. Впрочемъ, у Огарева есть нѣсколько пьесъ, проникнутыхъ бодростью и энергіей. Къ числу ихъ принадлежитъ стихотвореніе «Искандеру», написанное въ 1858 году, когда въ Англію, гдѣ проживалъ въ то время поэтъ, пришла первая вѣсть о начавшемся на Руси освобожденіи крестьянъ. Крестьянскому же вопросу Огаревъ посвятилъ цѣлый рядъ статей, напечатанныхъ въ «Колоколѣ» и «Полярной Звѣздѣ». Въ нашей литературѣ не разъ указывалось на общественныя заслуги герценовскихъ изданій въ пятидесятые годы, но при этомъ какъ-то замалчивалось, что въ нихъ близкое участіе принималъ Огаревъ. Увлекшись западно-европейскимъ соціализмомъ, онъ думалъ найти осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ въ русской народной жизни, которая, по его мнѣнію, въ зачаточномъ видѣ заключала въ себѣ много данныхъ, благопріятныхъ для развитія въ будущемъ идеально справедливыхъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній между людьми. Такія надежды заставили его ближе присмотрѣться къ деревнѣ, детально ее изучить не только

по книгамъ, но и путемъ непосредственныхъ наблюденій. Свои знанія онъ обнаружилъ за границей въ тѣ годы, когда разрѣшался крестьянскій вопросъ въ Россіи, гдѣ далеко не все возможно было высказывать вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій. Какъ и Герценъ, онъ стоялъ за немедленное освобожденіе крестьянъ съ землею и съ сохраненіемъ общины. Кромѣ крѣпостничества, другой корень зла въ современной ему жизни Огаревъ видѣлъ въ чиновничествѣ, институтъ котораго онъ рекомендовалъ замѣнить выборнымъ началомъ. Огаревъ отстаивалъ также свободу печати, самоуправленіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и гласный судъ при участіи общественнаго элемента. Позднѣе публицистическая дѣятельность его приняла рѣзко-оппозиціонный характеръ. Съ внѣшней стороны, статьи Огарева по общественнымъ вопросамъ страдаютъ вялымъ изложеніемъ и отсутствіемъ воодушевленія, необходимаго для журнальнаго дѣятеля.

Въ 1861 году, въ Лондонѣ изданъ былъ сборникъ такъ называемой «потаенной» русской литературы. Онъ начинался обширнымъ введеніемъ, принадлежащимъ перу Огарева. Это—историческій очеркъ нашей литературы 19 вѣка; главной задачей автора было прослѣдить по ея произведеніямъ развитіе у насъ общественности за указанный періодъ. Пытался Огаревъ писать и философскіе трактаты, но обыкновенно не доводилъ ихъ до конца. Сохранившіеся до насъ отрывки ихъ какъ въ печати, такъ и въ рукописяхъ, обнаруживаютъ въ Огаревѣ крайняго метафизика, не сходившаго со скользкой почвы теоретическаго мышленія даже въ тотъ періодъ своего развитія, когда ему казалось, что онъ вступалъ на путь реализма. Написалъ также Огаревъ прозаическую повѣсть «Саша» и драматическія сцены «Исповѣдь лишняго человѣка». Оба эти произведенія не напечатаны. Первое изъ нихъ — очень слабая вещь въ литературномъ отношеніи. Второе — тоже слабо въ цѣломъ, но въ немъ есть сильный монологъ, цѣнный особенно потому, что этотъ монологъ, безъ сомнѣнія, исповѣдь самого поэта. Въ самые послѣдніе годы жизни Огаревъ, больной физически и нравственно, не оставлялъ, однако, привычки писать, но большая часть его стихотвореній, относящихся къ этому времени, не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей. Тѣмъ не менѣе, они важны для его характеристики. Слабыя по формѣ, эти стихотворенія свидѣтельствуютъ о томъ, что Огаревъ, растерявъ все дорогое для него въ мірѣ, и разочаровавшись во всемъ, не переставалъ вѣрить въ Россію, о которой не забывалъ никогда и о которой нѣжно и любовно вспоминалъ до конца своихъ дней.

Рукописи Н. П. Огарева, принадлежащ[...] проф. Лозанскаго университ. А. А. Герцену.— Н. П. Огаревъ: „Стихотворенія“, 3 изд., М. 1856 г., 1859 г. и 1863 г.; „Стихотворенія“, Лондонъ 1858 г.; „Юморъ“, Лондонъ 1857 (с[...] пред. И—ра); „За пять лѣтъ“ (1854 — 1860), Лондонъ 1860, ч. II; „Студентъ“ — стихотв., печатано отдѣльными листками въ 1869 г. „Финансовые споры“, Лондонъ 1864; „Questio[n] d'orient en panorame“.—Римованныя строчки Н. Огарева. Женева 1869; „Essai sur la situation russe“, Londres, 1863; „Въ память людямъ 14 дек. 1825 г.“, Лондонъ 1870; „Надгробное слово“ (въ память А. Потебни),— Лондонъ 1870; „Общее дѣло“—журналъ (приложеніе къ „Колоколу“); издав. Огаревымъ (Старообрядцемъ) съ 15 іюня 1862 по 15 іюн[я] 1864 г.; вышло 29 №№. — Рядъ статей, замѣтокъ и стихотвореній въ слѣдующихъ журналахъ и изданіяхъ: „Телескопъ“ 1831 г., ч. IV; 1832, ч. II; „Лит. Газета“ 1840, № 63 „Отечеств. Записки“ 1840 — 1845, 1853 гг.; „Современникъ“ 1847 г., т. I и III; „Русск. Вѣстникъ“ 1856 г.; „Колоколъ“ 1858—1863 гг.; „Будущность“ 1870 г.; „Литературн. Вечера“, М. 1844; „Полярная Звѣзда“ на 1856, 1857 1858, 1859, 1861, 1862, 1869; „Лютня“, Лейпцигъ 1869, ч. II; „Газета Гатцука“ 1879, № [...] и 6; „Русск. Стар.“ 1886 т. 49; 1887, т. 56 1888, т. 60; 1889, т. 61—62, т. 63; 1890, т. 65 т. 66; 1891, т. 68; 1892, т. 72; 1893 т. 80; „Полярная Звѣзда“ 1881 г., № 3 и 5; „Русск. Мысль“ 1888 г., кн. VII и X; 1889, кн. IV, VI, X, XII; 1902, кн. III; „Литературн. Вѣстникъ“ 1901; „Литерат. Архивъ“, изд. П. А. Картавовымъ, Спб. 1902 г.—сент.; „Помощь голодающимъ“ (сборникъ, М. 1892). Біографическія свѣдѣнія объ Огаревѣ и оцѣнка ег[о] литературной дѣятельности. Некрологи: „Газета А. Гатцука“, 1877, № 28; „Русск. Обозр.“ 1877, № 23; „Сѣв Вѣстн.“ 1877, № 49; „С.-Петербургск. Вѣд.“ 1877, № 167; „Нашъ Вѣкъ“ 1877, № 105; „Недѣля“ 1877, № 25; „Общее Дѣло“ 1877, № 8; „Община“ 1877; „Русск. Арх.“ 187[...] II. С. А. Венгеровъ (Словарь Брокгауза [и] Ефрона т. 21); Словарь Граната (т. VI[...] Клюшникова (1878, II), Березина (т. III); „Отеч. Записки“ 1842, т. 20, отд. V (стат[ья] Бѣлинскаго); 1851, №№ 11 и 12; 1866, дек. „Русск. Вѣстн.“ 1863, №№ 166, 169, 188, 1[...] 196, 248; „Голосъ“ 1863, № 195; „Московск. Вѣд.“ 1865, № 183; „Бирж. Вѣд.“ 186[...] № 119; „Библіот. для Чтенія“ 1857, т. 1[...] „Библіограф. Записки“, 1859 и 1861 г.; „Д[о]машн. Бесѣда“ 1867, № 6; „Истина“ (журн. изд. въ Іоганнесбургѣ 1867 г.); „Русск. Старина 1880 г. (Записки И. В. Селиванова 1885, № 3; 1889, № 1—7; 1892, № 3; 1896, № 1[...]

1898, № 3; 1899, № 9; „Современникъ“ 1850, т. XIX, отд. VI; „Историч. Вѣстн.“ 1881; 1889; 1892; 1898; 1900; „Вѣстн. Евр.“ 1880, № 1—5; 1885, № 3; 1900, № 8, 11; 1901; „Новое Время“ 1883, № 1; «Новости“ 1902, № 148; „Русь“ 1883, № 1; „Недѣля“ 1892, кн. 3 (ст. Огаревъ какъ поэтъ); 1899, № 46; „Русск. Арх.“ 1884. II; 1885, III; 1887, I; 1902, I; „Русская мысль“ 1888, №№ 7, 9—11; 1889, №№ 1, 4, 10—12; 1890, №№ 3, 4, 8—10; 1891, №№ 6—8; 1892. №№ 7—8; 1897, 1900, кн. 7; 1902, кн. 5, 11, 12; „Сѣверъ“ 1892, № 33; Сѣверн. Вѣстникъ“ 1894, №№ 3, 8, 11; 1895, № 11; „Русск. Обозр.“ 1895. кн. 5, 6, 8, 10; 1898, кн. 1; „Русск. Богатство“ 1902, кн. 2, 3, 4. „Наблюдатель“ 1900, кн. 2. 3, 4; „Вѣстникъ Всемірн. Исторіи“ 1900, кн. 6; „Русск. Слово“ 1900, № 298; „Литерат. Вѣсти“ 1902, кн. 5; „Міръ Божій“, 1903, кн. 5; А. И. Герценъ: „Былое и Думы“, Лонд. 1861. „Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничн. русск. дѣятели“, Берлинъ 1862; „Центральн. народн. польск. комитетъ въ Варшавѣ и издат. „Колоколъ“, Лонд. 1862; А. В. Дружининъ: „Сочиненія“, т. VII; А. Григорьевъ: „Сочиненія“, т. I; В. В. Андреевъ: „Расколъ и его теченіе въ народѣ русск. исторіи“, Спб. 1870 (гл. VII); Ѳ. В. Ливановъ: „Раскольники и острожники“ Спб. 1871, т. III; Н. П. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, XV; „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену“, Женева 1892; „Письма Бакунина къ Герцену и Огареву“ (съ прим. М. Драгоманова), Женева 1896; А. И. Колюпановъ: „Біографія А. И. Кошелева“, М. 1892, т. II; „Анненковъ и его друзья“, Спб. 1892; Н. Чернышевскій: „Эстетика и поэзія“, Спб. 1893; „Починъ“ сборникъ, М. 1895; „Подъ знаменемъ науки“ (сборникъ, М. 1902); Перцовъ: „Философскія теченія русск. поэзіи“, Спб. 1900; Н. А. Бѣлоголовый: „Воспоминанія“, М. 1897; В. Д. Смирновъ: „Жизнь и дѣятельн. Герцена“ Спб. 1897; „Т. Н. Грановскій и его переписка“, т. I и II; Н. А. Огарева-Тучкова: „Воспоминанія (1848 — 1870), М. 1903; „Вѣстн. Европы“ 1903, кн. 9.

С. Переселенковъ.

Огаревъ, *Постникъ Григорьевичъ*,— московскій дворянинъ. Упоминается съ 1585 года, когда былъ посланъ навстрѣчу польскому посланцу, потомъ въ 1590 г. снова упоминается въ качествѣ пристава при польскихъ послахъ; въ 1591 году участвовалъ въ числѣ прочихъ стрѣлецкихъ головъ въ отраженіи крымскаго хана, отличился въ битвѣ съ татарами и получилъ въ награду шубу въ 25 рублей. Въ 1598 году Огаревъ былъ при избраніи на царство Бориса Годунова и подписался подъ избирательной грамотой; въ 1601 г. снова былъ приставомъ у польскихъ пословъ и, наконецъ, въ 1605 году былъ посланъ царемъ въ Польшу требовать отъ Сигизмунда III, чтобы тотъ не помогалъ появившемуся тогда Лжедимитрію, если возможно, перехватилъ бы его и наказалъ бы всѣхъ его приверженцевъ. Послѣ этого. извѣстія объ Огаревѣ прекращаются и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукопись Импер. Публ. Библ.) X, 286—287; Карамзинъ, (изд. Эйнерлинга) XI, 85, пр. 237, 275, 291; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“) II, 756; Акты историческіе, II, 60—61; Дополненія къ актамъ истор. I, 257—258; Акты Московскаго Государства II, 73; Акты Археогр.-Экспедиціи, II, 44; Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, III, 111.

Е. Лихачъ.

Огаревъ, *Ѳома Васильевичъ Нелюбъ*. Упоминается съ 1591 года, когда отличился при отраженіи крымцевъ. Въ 1592 году онъ участвовалъ въ походѣ князя Мстиславскаго въ Финляндію и по возвращеніи войска изъ подъ Выборга былъ посланъ къ царю съ донесеніемъ. Въ 1596 году онъ получилъ порученіе строить городъ Курскъ, населять его и его уѣздъ поселенцами переведенными изъ Мценска и Орла и устраивать ихъ бытъ. Здѣсь онъ пробылъ до 23 октября 1598 года, когда былъ отозванъ въ Москву. Въ 1601, 1602 и 1603 годахъ мы находимъ Огарева воеводой въ Михайловѣ, а въ 1609 году онъ былъ въ отрядѣ князя М. В. Скопина-Шуйскаго подъ Новгородомъ и здѣсь вмѣстѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ перешелъ на сторону Тушинскаго вора. Въ 1612 г. мы видимъ его въ войскѣ Пожарскаго, съ которымъ онъ, повидимому, совершилъ и походъ подъ Москву, а послѣ этого извѣстія о немъ прекращаются и послѣдній разъ онъ упоминается въ 1618 году въ качествѣ второго воеводы въ Самарѣ.

Спиридовъ: „Записки о старинн.-служб. русск. благородн. родовъ“ (Рукопись Имп. Публ. Библ.) X, 287; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) XII пр. 367; Разрядная книга (Синбирскій Сборникъ м. 1845) 148—149.

Е. Лихачъ.

Огарковъ, *Михаилъ*, — дьякъ. Въ 1592 году вмѣстѣ съ Трифономъ Коробейниковымъ ѣздилъ къ греческимъ патріархамъ съ богатыми дарами отъ царя Ѳедора Ивановича, по случаю рожденія у него дочери Ѳеодосіи. Въ 1606 г. производилъ «верстанье» въ Иванъ-Городѣ. Въ 1616 и 1617 годахъ былъ объѣзжимъ головой «для огней».

Разряд. Книги; Карамзинъ: „Истор. Госуд. Росс. т. X; Соловьевъ—Исторія Росс., кн. II.

Б.

Огіевскій, *Дмитрій Максимовичъ*,— докторъ медицины Геттингенскаго универ-

ситета. Родился въ 1760 году въ Кролевцѣ и былъ сыномъ Нѣжинскаго сотника. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Кіевской академіи, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь 26-го января 1777 года былъ принятъ въ генеральный сухопутный госпиталь, а въ слѣдующемъ году 1-го марта произведенъ подлѣкаремъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ. Продолжая заниматься медициной, онъ черезъ два года выдержалъ экзаменъ и былъ 24-го декабря 1780 года произведенъ въ лѣкаря, а черезъ годъ назначенъ переводчикомъ при Медицинской коллегіи. Затѣмъ, по его же просьбѣ былъ отправленъ въ 1783 году въ Страсбургъ, причемъ ему было назначено жалованье по 600 рублей въ годъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Страсбургѣ, Огіевскій переѣхалъ въ Гетингенъ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Я. Чистовичъ: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи" Спб. 1883 г., приложеніе X, стр. CCXLII. *Е. Я.*

Огильви, *Александръ Александровичъ*,—адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-совѣта, инспекторъ балтійскихъ ластовыхъ экипажей. Род. 27 апр. 1765 г. Начавъ свою службу въ англійскомъ флотѣ, онъ 1-го января 1783 года былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ мичмана и съ назначеніемъ въ Астрахань, а ровно черезъ годъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1787 году онъ производилъ опись Туркменскаго берега, послѣ чего былъ переведенъ въ С.-Петербургскій портъ, при которомъ числился около шести лѣтъ. Съ этого времени собственно и начинается боевая дѣятельность Огильви. Въ 1788 году, находясь на кораблѣ «Всеславъ», онъ участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи. Въ слѣдующемъ году, командуя корветомъ «Нептунъ», участвовалъ въ сраженіи со шведской гребной флотиліей у Паркалаута, а потомъ, командуя фрегатомъ «Св. Маркъ», дрался со шведами въ Барезунскомъ проходѣ. За храбрость и распорядительность, выказанныя въ этихъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. 1-го января 1790 года Огильви былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и вскорѣ послѣ того, находясь на кораблѣ «Св. Пантелеймонъ», участвовалъ въ сраженіяхъ Красногорскомъ и Выборгскомъ, послѣ чего получилъ въ командованіе фрегатъ «Ярославль». Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ Севастополь, а по возвращені оттуда плавалъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, послѣ чего совершилъ нѣсколько кампаній къ берегамъ Англіи и Голландіи, откуда въ 1800 году перевезъ въ Петербургъ дессантъ. Отечественная война, какъ война сухопутная, прошла для него незамѣтно, но за то въ 1813 году ему было много работы по перевозкѣ дессантныхъ войскъ въ Англію и приморскія города Германіи и по блокадѣ французскаго флота. По возвращеніи въ Кронштадтъ, въ началѣ 1814 года, онъ 19-го февраля того же года былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 3-й флотской бригады, а въ 1816 году былъ уже въ званіи дивизіоннаго начальника. Въ слѣдующемъ году онъ со своей дивизіей перевозилъ дессантныя войска изъ Кал въ Кронштадтъ. 30-го августа 1824 года Огильви былъ произведенъ въ вице-адмиралы и черезъ три года назначенъ флотскимъ начальникомъ въ Кронштадтъ, и въ этой должности оставался до 21-го апрѣля 1830 года, когда получилъ новое назначеніе на должность инспектора балтійскихъ ластовыхъ экипажей. Дальнѣйшія заслуги А. А. Огильви были отмѣчены орденомъ Бѣлаго Орла, который ему былъ пожалованъ въ 1847 году и чиномъ адмирала. Въ 1843 году Огильви назначенъ членомъ Адмиралтействъ Совѣта и въ этой должности оставался до самой своей смерти. А. А. Огильви умеръ въ Петербургѣ 25 марта 1847 года.

„Общій Морской Списокъ" т. IV, Спб. 1890 г., стр. 485—487; „Мѣсяцесловъ" на 1848 г. „Сѣв. Пчела" 1847 г., № 68 и 70.

Е. Александровъ.

Огильви, *Георгъ Венедиктъ*,—баронъ фельдмаршалъ-лейтенантъ. Родился въ Шотландіи въ 1644 году и происходилъ изъ знатной фамиліи. Еще юношей онъ переѣхалъ въ Австрію, гдѣ вступилъ въ военную службу. Уже въ первые годы своей военной дѣятельности онъ обнаружилъ и отмѣнную храбрость и крупныя дарованія. Постоянныя войны съ турками давали ему возможность часто выказывать свои способности. Быстро повышаясь въ чинахъ, онъ наконецъ былъ произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты. Петръ Великій, ведя войны со Швеціей и Турціей

старался привлекать изъ иностранцевъ въ русскую службу какъ простыхъ офицеровъ, такъ генераловъ и полководцевъ. По его порученію, русскій посолъ въ Вѣнѣ Паткуль предложилъ Огильви перейти въ русскую службу. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ Огильви согласился, и 4-го ноября 1702 года между нимъ и Паткулемъ былъ заключенъ контрактъ, по которому Огильви принимался на русскую службу съ чиномъ фельдмаршалъ-лейтенанта, со старшинствомъ передъ полными генералами, съ жалованіемъ по 7000 рублей въ годъ, причемъ, въ случаѣ, если бы ему пришлось находиться въ составѣ арміи подъ командою перваго фельдмаршала, то русское правительство обязывалось поручать ему—Огильви—въ команду отдѣльный корпусъ. Однако еще цѣлыхъ полтора года Огильви оставался въ Австріи, не рѣшаясь ѣхать въ Россію, несмотря на весьма выгодныя для него условія и на требованія Петра Великаго поскорѣе прибыть въ армію. Лишь въ 1704 году Огильви отправился къ мѣсту новаго своего служенія. Русскія войска съ государемъ находились въ то время подъ Нарвою, которую уже нѣсколько мѣсяцевъ осаждали. Прибывъ 27-го іюня въ нарвскій лагерь съ рекомендательнымъ письмомъ отъ австрійскаго императора Леопольда и явившись Петру I, Огильви принялъ главное начальство надъ осаднымъ корпусомъ. Между тѣмъ, государь черезъ три дня уѣхалъ въ армію гр. Шереметева. Не зная никого изъ своихъ подчиненныхъ, связанный нѣкоторыми распоряженіями императора, Огильви до его возвращенія не могъ предпринять ничего рѣшительнаго и старался только возможно тѣснѣе обложить осажденный городъ время отъ времени тревожа его артиллерійской стрѣльбою. По возвращеніи же государя спустя двѣ недѣли подъ Нарву, дѣло пошло быстрѣе. 30-го іюня по осажденному городу открыта была сильная артиллерійская канонада, продолжавшаяся до 9-го августа. Несмотря на сильный вредъ, причиняемый крѣпости артиллерійской стрѣльбой, нарвскій комендантъ Горнъ не сдавалъ ее и только просилъ о перемиріи. Въ перемиріи ему было отказано, и 9-го августа Огильви повелъ русскія войска на штурмъ. Послѣ упорнаго двухчасового рукопашнаго боя Нарва была взята, несмотря на упорное сопротивленіе коменданта Горна. Черезъ семь дней послѣ взятія Нарвы, 16-го августа сдался и Иванъ-Городъ. Когда 14-го декабря того же года состоялся торжественный въѣздъ Петра Великаго въ Москву, то Огильви, участвуя въ этомъ торжествѣ, ѣхалъ впереди войскъ на богато украшенной лошади, окруженный толпою адъютантовъ. Государь же шелъ въ мундирѣ капитана полка. Въ слѣдующемъ году съ ввѣреннымъ ему корпусомъ Огильви долженъ былъ дѣйствовать противъ шведскихъ генераловъ, оперировавшихъ въ Польшѣ. Боясь, какъ бы русскія войска, состоявшія почти изъ однихъ новобранцевъ, не были разбиты шведами въ открытомъ бою, да кажется и не совсѣмъ довѣряя способностямъ фельдмаршалъ-лейтенанта, Петръ I приказалъ ему избѣгать генеральнаго сраженія, а стараться по возможности вредить непріятелю въ выгодныхъ для этого мѣстахъ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Въ эту кампанію, кромѣ небольшихъ стычекъ съ авангардомъ и мелкими непріятельскими отрядами, у Огильви не было сраженій и онъ занялся укрѣпленіемъ Гродно и Тикочина. Въ томъ же году, по вступленіи на польскій престолъ короля Августа II, Петръ Великій отправилъ къ нему Огильви съ поздравленіями, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя приказалъ послѣднему со всѣмъ ввѣреннымъ ему корпусомъ быть въ распоряженіи Августа. Когда Карлъ XII въ 1706 году подступилъ къ Гродно, который въ это время былъ занятъ Огильви, хотѣвшимъ ожидать Саксонскія войска, чтобы дружными усиліями разбить шведовъ, Петръ I, не надѣясь на саксонцевъ, писалъ фельдмаршалу: «... На саксонцевъ нечего надѣяться: если и придутъ, то снова обратятся въ бѣгство, оставя нашихъ на гибель», причемъ приказывалъ отступать немедленно, какъ только вскроются рѣки, «если не желаетъ дать отвѣтъ Богу и суду». Огильви не могъ ослушаться императора и отступилъ, сумѣвъ, при этомъ благодаря хитрому маневру, избѣжать сраженія. Какъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ, Огильви считался старшимъ изъ генераловъ послѣ фельдмаршала Б. П. Шереметьева, между тѣмъ свѣтлѣйшій князь А. Д. Меньшиковъ, любившій всегда играть первенствующую роль, не хотѣлъ подчиняться фельдмаршалъ-лейтенанту, несмотря на то, что былъ еще генералъ-по-

ручикомъ и находился подъ его командою. Между ними завязалась борьба, не оставшаяся безъ вниманія государя, который въ концѣ этой борьбы принялъ сторону Меньшикова. Это обстоятельство еще болѣе ухудшило отношенія Огильви къ государю, который имѣлъ уже случай выразить недовольство своимъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ. Между тѣмъ, Огильви представилъ проэктъ охраны западныхъ границъ государства, въ которомъ для этой цѣли требовалъ 10,000 дворянъ «добрыхъ и оружныхъ и чтобы войска были увеличены до 50,000 человѣкъ». Это требованіе крайне изумило Петра Великаго, и онъ отвѣчалъ фельдмаршалу: «Неслыханное въ свѣтѣ дѣло предлагаете: гдѣ дворянъ такое число взять? Также и прочее войско, чтобы умножить до 50,000 человѣкъ; но воистину легко писать и указывать, а самому не дѣлать». Вслѣдъ затѣмъ вернулся фельдмаршалъ гр. Б. П. Шереметьевъ, и ему поручена была команда надъ всей арміей, Огильви же, согласно уговору, данъ былъ отдѣльный корпусъ, состоявшій изъ тринадцати полковъ, однако онъ долженъ былъ находиться подъ командою главнокомандующаго, что ему было очень непріятно; поэтому, принявъ при рапортѣ одинъ только разъ пароль отъ гр. Шереметьева, онъ объявилъ, что не намѣренъ оставаться въ командѣ послѣдняго. Царь, который уже и ранѣе былъ недоволенъ службою Огильви, теперь приказалъ уволить его отъ службы, выдавъ ему все причитающееся жалованье.—Имѣя вспыльчивый и упрямый характеръ, Огильви въ тоже время былъ человѣкъ добрый умный и образованный. Онъ старался смягчить строгость въ военныхъ судахъ и избѣгалъ крутыхъ мѣръ въ силу того убѣжденія, что «русскіе еще во младенчествѣ должны быть постепенно образованы». Имъ же, по словамъ Манштейна, введены значительный порядокъ и дисциплина въ войскахъ. Оставивъ русскую службу, Огильви уѣхалъ изъ Россіи и дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Бантышъ-Каменскій: „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ", Спб. 1840 г., ч. I, стр. 61—68 съ портретомъ; „Картина жизни и военныхъ дѣяній генералиссимуса кн. Александра Даниловича Меньшикова", М., 1803 г., ч. I, стр. 25; „Записки Манштейна"; Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго" ч. 2, стр. 225. Сборникъ 2-го Отдѣл. И. Ак. Наукъ, т. X и XXVI.

Е. Ястребцевъ.

Огинскій, *Алексѣй Григорьевичъ*— педагогъ, писатель-переводчикъ, библіотекарь библіотеки Гидрографическаго депар- тамента Морского министерства. Огин- скій происходилъ изъ духовнаго званія род. въ 1770 г., умеръ въ 1848 г. в Петербургѣ.—Вскорѣ по окончаніи Екатеринославской духовной семинаріи, Огин- скій поступилъ учителемъ въ ту же се- минарію, гдѣ сначала преподавалъ греч. языкъ, а съ 1803 г. россійск. и латинск. краснорѣчіе. Въ 1808 г. онъ оставилъ пре- подавательскую дѣятельность, переѣхалъ в Петербургъ и въ чинѣ губ. секрет. опре- дѣлился въ департаментъ Народнаго Про- свѣщенія. Черезъ пять лѣтъ Огинскій по- ступилъ въ канцелярію статсъ-секретар Молчанова, а въ 1817 году опредѣлился на службу въ Цензурный комитетъ пр особенной канцеляріи минист. полиціи, гд служилъ до 1830 года, когда оставил службу при полиціи, чтобы на два год поступить письмоводителемъ въ Государ- ственный заемный банкъ. Кромѣ того, в началѣ 1820 годовъ Огинскій недолг время состоялъ преподавателемъ древ- нихъ языковъ въ Первой гимназіи. На- конецъ, въ сентябрѣ 1832 г., послѣ без- успѣшныхъ хлопотъ передъ министер- ствомъ народнаго просвѣщ. о представле- ніи ему чина статск. совѣтника за е литературную дѣятельность, Огинскій по- лучилъ мѣсто библіотекаря библіотек Гидрографическаго Депо (впослѣдстві департамента) Морского министерства которое удержалъ за собой до самой смерт т. е. до лѣта 1848 года. По службѣ Огин- скій дошелъ до чина статскаго совѣтника который получилъ въ 1838 г., и имѣл ордена до ордена св. Владиміра 4-й с. Жилъ онъ безбѣдно, и на Сергіевской у имѣлъ свой домъ.—Въ литературѣ Огин- скій стяжалъ себѣ извѣстность, какъ пе- реводчикъ съ древнихъ языковъ (лат. греч.) и съ англійск. и франц. Кромѣ тог Огинскій писалъ и стихи, впрочемъ сти- хотворные опыты его ниже переводовъ и послѣдніе не обличаютъ въ немъ боль- шихъ способностей. Начало литератур- ной дѣятельности Огинскаго относится времени его пріѣзда въ Петербургъ. Огин- скій былъ весьма ревностнымъ класси- комъ, и если природа отказала ему в талантливости и дарованіяхъ, то он щедро надѣлила его усидчивостью трудолюбіемъ. Переводы Огинскаго не о

личаются изяществомъ, едва-ли ихъ можно назвать удачными и въ смыслѣ близости къ подлиннику, но онъ все же, можно сказать, сдѣлалъ въ свое время вкладъ въ нашу небогатую литературу объ исторіи древняго міра. Огинскій оставилъ переводъ капитальнаго сочиненія Гиллиса по исторіи древней Греціи, перевелъ 5 томовъ Гольдсмита, много переводилъ изъ Гезіода, Геродота, Демосоена, переводилъ также Гомера, Цицерона. Затѣмъ помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ журналахъ нѣсколько переводовъ съ франц. языка, напр. изъ Шатобріана и др.—Отдѣльно изданы слѣдующіе переводы Огинскаго: «Омирова брань лягушекъ и мышей» 1812 г; «Творенія Гезіода Аскрейскаго» 1830 г.; Гиллисъ: «Исторія древней Греціи, поселеній и завоеваній оной и пр.» (посвящ. Государю Императору), въ 8 томахъ, 1830 г.; Гольдсмитъ: «Сокращенная исторія Греціи», 1823 г.; его же—«Римская исторія», въ 2 томахъ, 1819—1820 гг.; его же—«Сокращенная исторія Англіи», въ 2 томахъ, 1821 г.; его же—«Векфильдскій священникъ», 1847 г.; Гильбертъ: «Гимны въ пользу обучающихся дѣтей» (выдержало три изданія—1830, 1831 и 1835 гг.); Шатобріанъ: «О Бонапарте, бурбонахъ и о необходимости обратиться къ законнымъ государямъ для счастія Франціи и Европы», 1814 г.

Оригинальныя сочиненія Огинскаго: «Собраніе коренныхъ словъ греч. яз., расположенныхъ по азбучному порядку», 1823; «На рожденіе младенца В. К. Шлихтинга», 1843 г. Всѣ изданія вышли въ Петербургѣ. Отрывки изъ своихъ переводовъ Огинскій обыкновенно предварительно печаталъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ журналахъ: «Благонамѣренный» (1824), «Духъ Журналовъ» (1817), «Журналъ древней и новой словесности» (1818—1819), «Сынъ Отечества» (1824), «Вѣстникъ Европы» (1827), «Сѣверн. Минерва» (1832).

Современники Огинскаго, напр. М. И. Глинка, И. И. Панаевъ, Н. И. Гречъ, воздавая должное познаніямъ Огинскаго, въ то же время оставили въ своихъ запискахъ далеко не симпатичные отзывы о немъ, какъ человѣкѣ.

Полный послужной списокъ. Свѣдѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ Морского Архива и изъ Архива Департамента Народнаго Просвѣщенія. Карточный каталогъ Император. Публич. Библіотеки.—П. Прозоровъ: „Систем. указатель книгъ и статей по греческ. филологіи". Спб. 1898 (passim); „Галатея" 1830, № 29; „Сѣв. Минерва" 1832 г. № 2; „Маякъ" 1841, ч. 14; „Сѣв. Пчела" 1849, № 6; „Журн. Мин. Нар. Просв. 1858, № 8; Д. П. Соловьевъ: „50-лѣтіе С.-Петерб. 1-й гимназіи", Спб. 1880, стр. 42 — 43; И. И. Панаевъ: „Литературныя воспоминанія", Спб. 1876, стр. 21—24 (см. также „Современникъ" 1861, т. LXXXV, № 1); М. И. Глинка: „Записки", Спб. 1887, стр. 40–41; Н. И. Гречъ: „Записки", Спб. 1886, стр. 296, Д. И. Ростиславовъ: „Записки" („Русск. Стар." 1895, № III, стр. 103–105). *Ив. К.*

Огинскій, *Людвигъ*, римско-католическій епископъ Смоленской епархіи, сынъ Троцкаго кастеляна Николая Огинскаго († 1712 г.), род. въ 1680 г., ум. въ 1719 г. Огинскій былъ пробстомъ въ Бобруйскѣ, потомъ каноникомъ Виленскимъ, а съ 1716 г. до смерти—епископомъ Смоленскимъ.

Encyklopedyja Powszechna, t. XVIII, Warszawa 1884, str. 784; D. Tolstoy: Le catholicisme romain en Russie t. 1, Paris 1863, annexe № 22. *П. Давидовичъ.*

Огинскій, графъ *Михаилъ (Клеофасъ) Андреевичъ*, сенаторъ и тайный совѣтникъ, извѣстный польскій патріотъ, родился 14 апрѣля 1765 года въ Вильнѣ. Огинскіе ведутъ свой родъ отъ Рюрика и князей Черниговскихъ. До XVII вѣка они назывались «Огинскими съ Козельска». Въ настоящее время этотъ родъ считается одной изъ извѣстныхъ аристократическихъ польскихъ фамилій, имѣющей богатое прошлое, записанное на страницахъ польской исторіи. Родители М. А. Огинскаго, будучи очень богатыми и вліятельными лицами, пользовались извѣстностью во всей Литвѣ и Польшѣ. Отецъ его, Андрей Ѳаддѣевичъ, занималъ важныя и отвѣтственныя общественныя должности. Онъ былъ Ошмянскимъ старостой, мечникомъ Литовскимъ и маршаломъ сейма; вообще онъ былъ извѣстенъ, какъ опытный и искусный дипломатъ и неоднократно былъ посылаемъ въ Вѣну, Берлинъ и Петербургъ, въ качествѣ представителя польскихъ интересовъ. Мать Михаила Андреевича, (рожденная Шембекъ) въ первомъ бракѣ графиня Потоцкая, была очень образованной женщиной и сумѣла дать сыну отличное европейское образованіе. Въ 1784 году, 19 лѣтъ отъ роду, гр. М. А. Огинскій поступилъ на гражданскую службу и присутствовалъ въ сеймѣ, послужившемъ для него ареной, на

которой развились его унаслѣдованныя отъ отца дипломатическія способности. На 6-мъ году службы способности графа выдвинули его настолько, что онъ въ 1790 году былъ назначенъ на должность чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Польши при Голландской республикѣ, а затѣмъ въ Англіи. Въ концѣ 1790 года внутреннія дѣла заставили его возвратиться въ Польшу, а въ слѣдующемъ году, по порученію короля Станислава Понятовскаго, гр. Огинскій отправился въ Вильно для поддержанія обнародованной въ то время конституціи 3 мая, противъ которой дѣйствовали тогда въ Литвѣ сторонники Россіи—Коссаковскіе. Когда же Императрица Екатерина II противупоставила конституціи 3 мая тарговицкую конфедерацію, къ которой именно долженъ былъ приступить Станиславъ Понятовскій, то гр. Огинскій, бывшій въ то время великимъ подскарбіемъ Литовскимъ, разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, поспѣшилъ уѣхать въ Пруссію, за что (по обычаю) были конфискованы его многочисленныя имѣнія въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи. Впрочемъ, ему скоро удалось при помощи личнаго ходатайства въ Петербургѣ возвратить конфискованныя правительствомъ имѣнія, но не иначе, какъ подъ условіемъ службы польскому правительству на основаніяхъ упомянутой тарговицкой конфедераціи. Но лишь только въ 1794 г. въ Вильно вспыхнуло возстаніе, какъ онъ поспѣшилъ принять въ немъ дѣятельное участіе и, сформировавши на свои средства конный егерскій полкъ, открылъ военныя дѣйствія противъ русскихъ. При этомъ онъ игралъ роль посредника между Костюшкой и литовскими инсургентами. Во время возстанія онъ лично предводительствовалъ своимъ отрядомъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ. Послѣ подавленія литовскаго возстанія и взятія въ плѣнъ Костюшки, гр. Огинскій поступилъ въ одинъ изъ польскихъ конныхъ отрядовъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ Пруссаковъ. Вскорѣ послѣ крутой перемѣны обстоятельствъ и Пражскаго погрома, Огинскій вынужденъ былъ бѣжать въ Галицію, а оттуда въ Вѣну и Венецію, гдѣ въ то время находилось значительное число поляковъ, массами эмигрировавшихъ въ Италію и Францію. Ставши здѣсь во главѣ польскихъ эмигрантовъ, Огинскій тотчасъ же открылъ сношенія съ

польскимъ комитетомъ, находившимся в
Парижѣ, съ Варшавой, а также съ нѣко
торыми враждебными Россіи кабинетам
Результатами этихъ сношеній явилось п
становленіе объ учрежденіи въ нѣкоторых
столицахъ Европы тайныхъ польских
агентовъ, и графъ Огинскій былъ коман
дированъ въ качествѣ такого агента в
Константинополь, откуда велъ свои сн
шенія съ Парижскимъ комитетомъ и
адъютантомъ перваго консула князем
Сулковскимъ, обращался къ самому Бон
парту, велъ переговоры съ турецким
властями; но въ концѣ концовъ,
видя надежды на успѣхъ, а съ друг
стороны обезпокоенный разногласіемъ
образѣ дѣйствій своихъ соотечествен
ковъ, изъ которыхъ многіе укрывались
Молдавіи и Валахіи и затѣвали несво
временное покушеніе противъ Галиці
рѣшилъ отправиться туда черезъ Дуна
скія княжества. Въ Молдавіи онъ встр
тилъ русскаго курьера, везшаго въ Ко
стантинополь извѣстіе о смерти Импер
трицы Екатерины II и о помилован
Императоромъ Павломъ I польскихъ эм
грантовъ изъ русскихъ подданныхъ. Н
онъ не пожелалъ воспользоваться эт
льготой и возвратиться въ Россію, и
началѣ 1797 г., послѣ неудачныхъ попы
токъ пробраться въ Галицію, былъ уже
Парижѣ. Но и въ Парижѣ его полити
скіе планы потерпѣли крушеніе, и он
побывавъ въ Гамбургѣ и Берлинѣ, рѣши
просить русскаго императора о разрѣшен
вернуться ему на родину. Императоръ П
велъ I дважды ему отказывалъ и лиш
при Александрѣ I, обласкавшемъ Оги
скаго, послѣднему разрѣшено было
1802 г. вернуться въ Россію, и гр. Оги
скій поселился въ одномъ изъ своихъ л
товскихъ помѣстій вблизи г. Вильно, г
и прожилъ до 1807 г. Въ этомъ году,
болѣзни жены, Огинскій отправился
заграничное путешествіе и, побывавъ
Италіи и Парижѣ, въ іюнѣ 1810 г. пр
былъ въ Петербургъ и добился аудіенц
у Государя, какъ ходатай предъ Его В
личествомъ о дарованіи нѣкоторыхъ льго
Литовскому краю. Государь принялъ
ласково и даже пожаловалъ его чино
тайнаго совѣтника и званіемъ сенато
Вскорѣ Огинскій отправился опять
Парижъ, гдѣ въ то время уже громко
ворили о военныхъ приготовленіяхъ Фра
ціи противъ Россіи. Огинскій, познакоми

шись съ политическимъ настроеніемъ поляковъ во Франціи, отправился обратно въ Россію. Въ Варшавѣ онъ былъ свидѣтелемъ чисто дѣтскаго патріотическаго увлеченія своихъ соотечественниковъ, чаявшихъ всѣхъ благъ земныхъ отъ Наполеона. Но Огинскій не раздѣлялъ симпатій своихъ соотечественниковъ къ Наполеону и считалъ меньшимъ изъ золъ возстановленіе Польши, (не могущей, по его воззрѣніямъ, существовать самостоятельно) подъ покровительствомъ Императора Александра I. Разрѣшеніе этой задачи графъ взялъ на себя, и съ этой цѣлью прибылъ вскорѣ въ Петербургъ и 13 апрѣля (1811 г.) имѣлъ продолжительную аудіенцію у Государя. Послѣ общаго разговора о политическихъ дѣлахъ и въ частности о Наполеонѣ Государь перешелъ къ Польшѣ. На вопросъ его, не повредитъ ли Польшѣ, если она сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій, Огинскій отвѣчалъ, что это было бы даже желательно, такъ какъ, по его мнѣнію, если бы русскія войска двинулись черезъ герцогство Варшавское въ Пруссію, то прусская армія вмѣсто того, чтобы подкрѣпить Наполеона, примкнула бы къ русскимъ. Затѣмъ графъ Огинскій прибавилъ, что еслибы Императоръ Александръ въ то же время объявилъ себя королемъ польскимъ и обнадежилъ жителей герцогства Варшавскаго въ соединеніи ихъ съ Литвой, то онъ пріобрѣлъ бы 12 милліоновъ вѣрныхъ подданныхъ, готовыхъ на всякія жертвы, ради возстановленія своего отечества. Но тутъ графъ вспомнилъ о нежеланіи Императора начинать войну и сказалъ, что онъ долженъ умолкнуть и отказаться отъ осуществленія своей прекрасной мечты. Тогда Императоръ замѣтилъ, что эта мысль, на его взглядъ, совсѣмъ не является мечтою. Послѣ этого, Императоръ сталъ говорить о полякахъ и наконецъ высказалъ, что въ настоящее время они до того наэлектризованы обѣщаніями Наполеона, что онъ не считаетъ умѣстнымъ возвращать ихъ теперь же на путь истины, а сдѣлаетъ это нѣсколько позднѣе, не начиная войны первымъ. «Тогда, прибавилъ Императоръ, поляки убѣдятся, какъ я высоко цѣню ихъ и какое участіе принимаю въ ихъ судьбѣ». Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, графъ Огинскій предложилъ Императору проэктъ образованія изъ Литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній великаго княжества Литовскаго, съ великой княгиней Екатериной Павловной во главѣ. Выполненіе этого проэкта, по мнѣнію графа Огинскаго, осуществило бы часть надежды, окончательнымъ завершеніемъ которой было бы присоединеніе къ Россіи въ предстоявшую войну великаго герцогства Варшавскаго. Государь, ограничившись по этому поводу нѣсколькими замѣчаніями, поручилъ Огинскому изложить свой проэктъ письменно. 14 мая Огинскій уже читалъ Государю свою записку о политическомъ значеніи Польши въ виду Россіи и Франціи. Послѣ цѣлаго ряда разсужденій, замѣчаній и доказательствъ графъ Огинскій приводилъ 6 основныхъ положеній, на которыхъ, по его мнѣнію, должно было основаться благоденствіе его отечества. Въ этихъ шести пунктахъ говорилось о тѣхъ административныхъ перемѣнахъ, которыя, по мнѣнію графа Огинскаго, были очень желательны для Литвы; кромѣ того съ цѣлію оградить себя отъ упрека въ заботливости только о полякахъ, Огинскій постарался выяснить и тѣ существенныя выгоды для Россійской имперіи, которыя должны возникнуть, какъ результатъ дарованія литовцамъ проэктируемой организаціи. Императоръ Александръ I-й, слушая внимательно чтеніе этой записки, нѣсколько разъ перебивалъ читавшаго графа исключительно съ тѣмъ только, чтобы одобрить читанное. Но когда гр. Огинскій упомянулъ, между прочимъ, относительно обѣщаній Наполеона о расширеніи предѣловъ Польши до самой Волги, Императоръ улыбнулся и сказалъ: «c'était vouloir vendre le peau de l'ours avant de l'avoir tué». По окончаніи чтенія, государь выразилъ графу свое удовольствіе по поводу этой записки и прощаясь съ нимъ, сказалъ, что еще неоднократно будетъ имѣть случай разговаривать съ нимъ на эту тему. Но такого случая скоро не представилось, и Огинскій взялъ отпускъ въ Литву. Во время пребыванія въ Литвѣ гр. Огинскій, согласно желанію Императора, посылалъ ему всѣ свои замѣтки о Литвѣ черезъ оберъ-гофмаршала гр. Толстого. Въ началѣ октября 1811 года гр. Огинскій заболѣлъ и въ это время послалъ государю въ формѣ проэкта пробный планъ организаціи Великаго Герцогства Литовскаго. Проэктъ этотъ представлялъ собою прежнюю записку, но несравненно болѣе обработанную и содержавшую 11 основныхъ положеній, на которыхъ, по мнѣнію графа

должна была прочно покоиться судьба Великаго Герцогства Литовскаго. Въ ноябрѣ 1811 г. виленскіе губернскій и уѣздные предводители дворянства прислали на имя графа Огинскаго благодарственный адресъ Императору съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности за оказанныя имъ льготы и финансовыя облегченія. Письмо это, написанное на польскомъ языкѣ и покрытое массою подписей, графъ Огинскій представилъ вмѣстѣ съ переводомъ Императору черезъ графа Толстого, и 8-го декабря получилъ отъ государя милостивый отвѣтъ. На слѣдующій день 9-го декабря Императоръ прислалъ графу Огинскому подписанный польскій рескриптъ на имя виленскаго дворянства. Относительно этого документа Огинскій говоритъ, что указанный рескриптъ былъ первымъ и единственнымъ документомъ на польскомъ языкѣ, подписаннымъ русскимъ Императоромъ. Какъ ни лестно было для всѣхъ поляковъ подобное вниманіе Императора, но для графа Огинскаго оно не могло уже служить утѣшеніемъ. Къ этому времени натянутыя отношенія между Россіей и Франціей выяснились настолько, что даже въ Петербургѣ никто не сомнѣвался въ неизбѣжности войны, и Императоръ однажды далъ понять Огинскому, что у него не будетъ времени для приведенія въ исполненіе плана относительно новой организаціи Литвы. Впрочемъ, Государь попросилъ графа выяснить ему виды относительно военныхъ средствъ, которыми располагаетъ Литва. «При этомъ, — пишетъ Огинскій — всѣ надежды мои рушились, но я счелъ необходимымъ еще съ большею настойчивостью добиваться осуществленія моего плана». — 1 декабря 1811 года графъ Огинскій снова представилъ Императору записку, содержавшую подробный отвѣтъ на вопросъ Императора относительно количества военныхъ силъ, которыми располагаетъ Литва и организаціи Литовской арміи въ виду предстоявшей войны съ Наполеономъ. Въ ней графъ Огинскій доказывалъ Императору, что образованіе Литовской арміи и призывъ къ дѣйствію всѣхъ вспомогательныхъ средствъ изъ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областей не оправдаетъ надеждъ Императора, такъ какъ при этомъ можно было, по его словамъ, ожидать очень многихъ затрудненій и осложненій. Далѣе, Огинскій увѣрялъ Императора въ вѣрноподданнических чувствахъ своихъ соотечественни-ковъ и указывалъ, что поляки всегда был вѣрны своимъ монархамъ, но несмотря н это, все же считалъ возможнымъ воздѣй-ствіе на Литву чужеземнаго вліянія и знаая увлекающуюся натуру своихъ со-отечественниковъ, предвидѣлъ массу не-желательныхъ для Россіи осложненій. Че-резъ двѣ недѣли послѣ подачи этой за-писки (15 декабря 1811 года) Огинскі имѣлъ опять аудіенцію у Государя п поводу записки. Въ общемъ Государь со-глашался съ графомъ, и противорѣчія воз никали у нихъ только въ обсужденіи деталеі Что-же касается титула Польскаго корол принять который Огинскій совѣтовалъ Имп-ратору, послѣдній сказалъ, что можетъ е принять, если это ужъ такъ пріятно поля-камъ. Въ результатѣ Императоръ предл-жилъ графу Огинскому указать изъ числ его соотечественниковъ нѣсколькихъ заслу-живающихъ полнаго довѣрія лицъ, необх-димыхъ для изготовленія детальнаго плал Литовской организаціи. Тогда графъ Огн-скій, согласно желанію Императора, на-валъ восемь лицъ, т. е. по одному представ-телю отъ каждой заинтересованной губе ніи. При этомъ, Императоръ напомнил гр. Огинскому, чтобы онъ позаботил также о земледѣльческомъ классѣ, «так какъ — замѣтилъ Государь — съ кресть нами у васъ обращаются, какъ съ ил тами». Въ слѣдующемъ году 24 апрѣл Государь отправился въ Вильно и нак-нунѣ отъѣзда пожелалъ увидѣть гр. Огин скаго, но тотъ въ то время былъ болен и Государь приказалъ ему представить немедленно послѣ выздоровленія въ Вильн Графъ Огинскій явился туда только 9-і іюня и въ этотъ же день Императо сообщилъ Огинскому, что тотъ ему нуже для редактированія французско-польск газеты, цѣль которой должна была сост ять въ опроверженіи ложныхъ слухов распространявшихся агентами Наполеон для возмущенія Литвы. На слѣдующій де Императоръ внезапно оставилъ Вильно передъ отъѣздомъ разрѣшилъ графу отпр виться на короткое время въ свои бѣл русскія помѣстья, съ приказаніемъ н медленно по возвращеніи явиться въ гла ную квартиру и состоять при немъ. Нах дясь при Императорѣ почти все врем Отечественной войны, графъ Огинскій бы однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нем людей. Ему, между прочимъ, было поруче

государемъ составленіе воззванія къ полякамъ, и онъ еще болѣе ревностно сталъ продолжать свою роль посредника между Императоромъ Александромъ и польскимъ народомъ. Осенью 1814 года графъ Огинскій возвратился въ Петербургъ, и 1 ноября приглашенный къ Императору услышалъ отъ него отвѣтъ на новыя предложенія по дѣлу Польши. 6 декабря Императоръ снова подтвердилъ Огинскому свое обѣщаніе относительно возстановленія Польши, требуя при этомъ отъ поляковъ только терпѣнія и довѣрія. Въ 1815 году графъ Огинскій получилъ приказаніе отъ Императора явиться въ Варшаву, гдѣ удостоился отъ него продолжительной аудіенціи, во время которой государь объявилъ ему о судьбѣ Царства Польскаго, рѣшенной на Вѣнскомъ конгресѣ. Вскорѣ послѣ этого свиданія (25 мая 1815 г.) графъ Огинскій уволился въ отпускъ на 1 годъ; 31 августа 1816 г. отпускъ этотъ былъ продолженъ до 1 декабря того же года, а затѣмъ еще на одинъ годъ. Наконецъ, 7 ноября 1817 года Высочайшимъ указомъ было повелѣно отпускъ, данный сенатору Огинскому, продолжить до совершеннаго выздоровленія, по уваженію къ болѣзненному состоянію его. Съ тѣхъ поръ графъ Огинскій не пріѣзжалъ болѣе въ Россію. Умеръ онъ 26 апрѣля 1831 г. во Флоренціи.—Графъ Огинскій былъ женатъ дважды: въ первый бракъ онъ вступилъ съ Изабеллой Лясоцкою, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей—Ксаверія и Өаддея,—во второй—съ Маріею де-Нери. Отъ нея у него было три сына, старшій изъ которыхъ Иреней былъ впослѣдствіи дѣйств. ст. совѣтникомъ и камергеромъ.

Графъ М. А. Огинскій извѣстенъ и какъ писатель, оставившій послѣ себя нѣсколько довольно крупныхъ сочиненій, пользовавшихся большою извѣстностью не только среди его соотечественниковъ, но и въ Западной Европѣ. Изъ произведеній его болѣе извѣстны слѣдующія: 1) Mémoires sur la Pologne et les Polonnais, 4 тома изд. въ Парижѣ 1833 г. 2) Observations sur la Pologne et les Polonnais pour servir introduction. Paris. -Кромѣ того, Огинскій былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и недурнымъ композиторомъ, написавшимъ довольно много изящныхъ произведеній. Начало его композиторской дѣятельности восходитъ еще къ 1793 году. Наибольшей популярностью и по настоящее время пользуются его 14 полонезовъ, въ особенности полонезъ «Les adieux à la patrie». 1-е изданіе ихъ вышло въ Вильнѣ въ 1820 году, затѣмъ они печатались во всѣхъ крупныхъ заграничныхъ городахъ, но наиболѣе часто въ Варшавѣ и Лейпцигѣ.

Mémoires sur la Pologne et les Polonnais. 4 тома Парижъ 1833 г. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Т. I стр. 38. Т. III 68—69; 253—254; 352. 354—355; 357. Русскій Архивъ за 1876 г. книга III стр. 638. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, Paris 1874 an. p. 973—4. Ho efer Nouvelle biographie générale. Костомаровъ: Послѣдніе дни рѣчи Посполитой. С.-Петерб. 1874 г.; Encyklopedya powszechna. Варшава 1900 г.; La Grande Encyclopedie. Slòvnik naučny Prage 18. Leonard Sowiński: „Rys dziejów literatury polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza“. Wilno 1878. Н. В. Гогель: „Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа“. Изд. II, Вильна 1867. „Русская Старина“ тт. 93, 94, 95, 103, 104. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тома касающіеся царствов. Импер. Алекс. I; Wybicki: „Wspomnienia o Polsce i Polakach“ 1840; L. Mierosławski: „Histoire de la révolution 1831 en Pologne“. Paris 1836; Lawisse et Rambaud: „Histoire Générale“. Vol. 10; M. N. Bouillet: „Dictionnaire d'histoire et de géographie“; С. М. Соловьевъ: „Исторія паденія Польши“. F. J. Fétis: „Biographie universelle des musiciens“ etc. Paris, t. VI, p. 355—356. Полный послужной списокъ.

А. Петровъ.

Оглоблинъ, *Александръ Евсигніевичъ*, сынъ священника, протоіерей г. Перми, непремѣнный членъ Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, писатель. Род. 16-го сентября 1828 г. въ Уткинской слободѣ Екатеринбургскаго уѣзда, ум. 14-го іюля 1887 г., въ Перми, похороненъ на Старомъ кладбищѣ близъ Успенской церкви. А. Е. Оглоблинъ получилъ образованіе въ Екатеринбургскомъ духовномъ училищѣ и Пермской духовной семинаріи, которую окончилъ въ 1850 г., со званіемъ студента, и 14-го сентября того же года былъ рукоположенъ во священники къ Преображенской церкви Невьянскаго завода Екатеринбургскаго уѣзда. Ревностно отдаваясь своимъ пастырскимъ обязанностямъ, о. Оглоблинъ вскорѣ устроилъ при церкви, на свои средства, приходское училище для мальчиковъ, и былъ тамъ наставникомъ до перемѣщенія въ Пермь. Немало и съ успѣхомъ потрудился Оглоблинъ на Невьянскомъ заводѣ и на пользу православія, ведя упорную борьбу съ тамош-

ними раскольниками. Служа здѣсь, о. Оглоблинъ несъ и другія обязанности, а также находилъ время и для литературной дѣятельности. Онъ былъ депутатомъ по гражданскимъ и межевымъ дѣламъ по второму благочинническому округу Екатеринбургскаго уѣзда; написалъ статью «О рукодѣльяхъ Невьянскаго горно-заводскаго округа», которая была удостоена въ 1885 г. Вольно-экономическимъ обществомъ золотой медали; кромѣ того, былъ членомъ-корреспондентомъ Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1866 г. Пермскій архіепископъ Неофитъ, цѣня заслуги о. Оглоблина, предложилъ ему перейти въ Пермь къ Больничной Александро-Невской церкви, каковое предложеніе и было имъ принято. 31 января 1867 г. о. Оглоблинъ былъ избранъ непремѣннымъ членомъ губернскаго статистическаго комитета; 10 января слѣдующаго года назначенъ дѣйствительнымъ членомъ консисторіи, въ каковой должности состоялъ до 16 сентября 1869 г., когда консисторіи были преобразованы и штаты сокращены. 24 августа 1874 г. онъ былъ назначенъ членомъ Училищнаго губернскаго совѣта. Въ 1870 г., на первомъ епархіальномъ съѣздѣ, о. Оглоблинъ былъ избранъ въ члены правленія семинаріи, каковымъ состоялъ до 6 ноября 1884 г., до измѣненія устава духовныхъ семинарій; тогда же ему поручено было съѣздомъ составить капиталъ для устройства въ Перми епархіальнаго женскаго училища, каковое порученіе онъ исполнялъ до конца дней своихъ. 24 мая 1881 г. онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, 13 апрѣля 1886 г. причисленъ къ ордену св. Анны 2 степ. О. Оглоблинъ былъ также членомъ училищнаго епархіальнаго совѣта, а въ 1885 г. былъ избранъ въ члены Духовнаго училищнаго правленія. — Кромѣ вышеназванной статьи, о. Оглоблину принадлежатъ: «Матеріалы для исторіи Камышловскаго уѣзда («Пермскія Губернскія Вѣдомости», 1860 г., № 22); «Аятская слобода» (ibid., 1864 г., №№ 29, 30 и 32).

Д. Языковъ: Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. 7-й, 1893 г., стр. 63; „Пермскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1887 г., № 19, стр. 314—320, некрологъ прот. П. Ярушина; „Пермскія Губернскія Вѣдомости“, 1887 г., № 57.

П. Ефимовичъ.

Огневъ, *Иванъ Дмитріевичъ,* дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, потомъ предсѣдатель Казанской Казенной Палаты. Родился въ 1776 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Окончивъ свое образованіе со степенью магистра, онъ въ 1802 году началъ службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія и уже черезъ четыре года былъ назначенъ директоромъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи; въ этой должности онъ прослужилъ 25 лѣтъ. При немъ въ Полтавской губерніи была открыта полтавская гимназія, 12 уѣздныхъ училищъ и нѣсколько десятковъ приходскихъ училищъ и школъ. Въ 1831 году Огневъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ назначенъ симбирскимъ вице-губернаторомъ. Четыре года спустя, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а еще черезъ годъ назначенъ предсѣдателемъ Казанской Казенной Палаты, въ которой прослужилъ семь лѣтъ. Въ 1843 году, въ виду своего разстроеннаго здоровья, Огневъ вышелъ въ отставку и поселился въ г. Ромны. За свою 40-лѣтнюю службу, онъ былъ награжденъ орденами до ордена св. Станислава 1-й степени. И. Д. Огневъ скончался въ Ромнахъ 13 января 1852 года на 76 году отъ рожденія. Воспоминанія отмѣчаютъ чрезвычайную доброту Огнева и мягкость характера.

Архивъ Департамента Народн. Просвѣщенія.—„Полтавскія Губернскія Вѣдомости“ за 1852 г., неофиц. часть, № 5, стр. 33—34, некрологъ, ст. К. В. К—ва. „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ за 1870 г. № 33, ст. И. Б.: „Воспоминанія о полтавской гимназіи и харьковскомъ университетѣ за полстолѣтія назадъ“. „Сынъ Отечества“ 1852 г., кн. 4, стр. 68—69.

Е. Ястребцевъ.

Огородниковъ, *Евлампій Кирилловичъ,* дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, редакторъ «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» (съ № 246 1855 г. до № 1 1862 г.), старшій редакторъ Центральнаго Статистическаго Комитета, писатель-изслѣдователь Сибири. Огородниковъ происходилъ изъ купеческаго сословія; род. 3 октября 1816 г., въ Тюмени, ум. 13 марта 1884 г. въ Петербургѣ. Первые свои годы Огородниковъ провелъ въ Тобольскѣ; образованіе получилъ въ Вятскомъ уѣздномъ училищѣ, Вятской гимназіи (съ 1829 по 1833 г.г.) и Казанскомъ университетѣ (съ 1833 по 1841 г.г.) на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ онъ прошелъ три курса, и

и на филологическомъ, куда перешелъ съ медицинскаго по слабости своей нервной системы, не позволявшей ему заниматься оперативной хирургіей. Филологическій факультетъ онъ окончилъ съ серебряной медалью, по разряду китайской словесности. Въ университетѣ Огородниковъ, между прочимъ, познакомился и близко сошелся съ П. Мельниковымъ (Печерскимъ), тогда еще студентомъ и А. Артемьевымъ, съ которымъ ему пришлось вмѣстѣ служить и работать надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ болѣе 20 лѣтъ. По окончаніи университета, намѣреваясь заняться педагогической дѣятельностью и вмѣстѣ съ тѣмъ желая практически изучить восточные языки, Огородниковъ отправился въ Иркутскъ и тамъ, въ ожиданіи мѣста учителя гимназіи, принялъ на себя обязанности библіотекаря въ мѣстной публичной библіотекѣ, но вскорѣ, для изученія якутскаго и тунгузскаго нарѣчій, предпринялъ поѣздку по Якутской области, плодомъ которой была статья: «Замѣчанія о Якутской области» (напечатанная впослѣдствіи въ «Современникѣ» 1847 г., т. IV) и «Якутскій словарь», удостоенный одобренія Академіи Наукъ. Немного спустя, не дождавшись должности учителя, Огородниковъ въ 1842 г. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ 1843 г. на службу въ Министерство Финансовъ, откуда въ 1848 г., (въ этомъ году онъ, между прочимъ былъ избранъ въ члены Императорскаго Географическаго общества), перешелъ на службу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь онъ первоначально занимался въ существовавшемъ тогда Комитетѣ объ устройствѣ земскихъ повинностей въ государствѣ, а затѣмъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Хозяйственномъ департаментѣ министерства. Въ 1852 и 1853 гг. Огородниковъ, вмѣстѣ съ Мельниковымъ, былъ въ командировкѣ въ Нижегородскую губернію, въ качествѣ члена статистической экспедиціи, оффиціальной цѣлью которой было производство мѣстныхъ изслѣдованій о состояніи и движеніи народонаселенія, а неоффиціальной—изслѣдованіе быта старообрядцевъ. Результатомъ этой командировки былъ поданный тогдашнему Нижегородскому военному губернатору князю М. Урусову «Проектъ устройства въ Нижегородской губерніи канцеляріи статистическаго комитета» (напечатанъ А. Гацисскимъ въ «Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г.» Н.-Новгородъ 1875 г., вып. 2, стр. 645—647). Проектъ этотъ, несмотря на свои достоинства, дальше бумажнаго движенія не пошелъ и былъ сданъ въ архивъ нижегородскаго статистическаго комитета, какъ не требующій исполненія. Кромѣ проекта, Огородниковъ составилъ историческій очеркъ Нижегородской губерніи, напечатанный въ «Городскихъ поселеніяхъ въ Россійской Имперіи», и «Нижегородская губернія» («Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи», вып. XXV, Спб. 1863 г., стр. 185). Въ 1855 г. Огородниковъ былъ назначенъ младшимъ производителемъ работъ статистическаго комитета Министерства внутреннихъ дѣлъ, въ каковой должности пробылъ до 1858 г., когда этотъ комитетъ былъ преобразованъ въ Центральный Статистическій и Огородниковъ былъ назначенъ младшимъ редакторомъ этого комитета. Въ 1859 г. Огородниковъ былъ назначенъ на должность старшаго редактора, которымъ состоялъ до отставки, т. е. до 1 апрѣля 1883 г.

Кромѣ службы въ статистическомъ комитетѣ, Огородниковъ съ 1855 до 1862 гг. состоялъ редакторомъ «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи», каковое изданіе онъ значительно улучшилъ, введя нѣсколько новыхъ отдѣловъ; Огородниковъ былъ также управляющимъ полицейской типографіей; въ то же время онъ сотрудничалъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и Энциклопедическомъ Словарѣ, издававшемся въ 50-хъ и 60-хъ г.; между статьями, помѣщенными въ этихъ изданіяхъ, былъ помѣщенъ въ «Ж. М. В. Д.» (1859 г., ч. XXXVI и XXXVII, кн. 5 и 8) «Указатель къ русскимъ періодическимъ изданіямъ съ 1703 по 1769 г.г.». Въ этотъ указатель вошли статьи по географіи, этнографіи, статистикѣ, физикѣ, механикѣ, минералогіи, геологіи, палеонтологіи, ботаникѣ, зоологіи, медицинѣ и исторіи. Какъ опытному въ дѣлѣ административной статистики, правительство поручало Огородникову многія важныя работы, производившіяся въ центральномъ статистическомъ комитетѣ; такъ, онъ участвовалъ въ разработкѣ проектовъ преобразованія губернскихъ и центрально-статистическихъ комитетовъ, въ результатѣ чего были утверждены 26 декабря 1860 г. и 30 апрѣля 1863 г. Положенія объ этихъ комитетахъ; участвовалъ въ однодневной первой пере-

писи Петербурга — 10 декабря 1869 г.; ему же принадлежатъ отдѣлы статистики относительно городскихъ поселеній въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета, и редакція «Общаго обзора статистическихъ записей по вѣдомствамъ и главнымъ управленіямъ Имперіи» — изданія, предпринятаго съ цѣлію обобщенія и улучшенія способовъ собиранія и разработки разными вѣдомствами первоначальныхъ статистическихъ свѣдѣній; имъ же, по порученію хозяйственнаго департамента, обработана значительная часть департаментскаго изданія «Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи», а именно, губерніи — архангельская, вологодская, вятская, костромская, олонецкая, орловская, псковская, петербургская и тамбовская. Огородниковъ принималъ также участіе въ работахъ Н. Милютина по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ качествѣ члена Огородниковъ состоялъ: въ организаціонной коммиссіи по устройству международнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ въ 1872 г.; въ коммиссіи по участію Россіи въ гигіенической выставкѣ и конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1876 г.; состоялъ членомъ Общества народнаго здравія и былъ первымъ предсѣдателемъ статистической секціи этого общества; въ 1876 г. былъ назначенъ членомъ статистическаго совѣта при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, продолжая службу въ должности редактора Центральнаго статистическаго комитета.

Со статистическими работами Огородниковъ соединялъ и историко-географическія изслѣдованія: въ началѣ 60-хъ годовъ онъ принималъ участіе въ изданіи Министерства внутреннихъ дѣлъ: «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи», гдѣ помѣщены его историческіе очерки городовъ по 28 губерніямъ и областямъ, въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ», участіе въ которомъ было главной работой Огородникова въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Подъ его редакціей здѣсь были обработаны матеріалы по губерніямъ: архангельской, вологодской, вятской, московской, нижегородской, олонецкой и тульской. Каждой губерніи предпосланъ составленный Огородниковымъ обстоятельный очеркъ экономической и бытовой жизни губерніи и краткая исторія. Но главная заслуга Огородникова въ этой области—его труды по разработкѣ весьма важнаго памятника географическихъ трудовъ нашихъ предковъ, такъ называемой «Книги Большого Чертежа». 23 февраля 1852 г. Русскимъ Географическимъ Обществомъ былъ объявленъ конкурсъ по вопросу объ изслѣдованіи «Книги Большого Чертежа», задачей котораго было возстановить по «Большому Чертежу» утраченную древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта въ свое время служила текстомъ. Представленія работъ къ назначенному сроку на объявленный конкурсъ не послѣдовало. Срокъ два раза былъ измѣняемъ, и уже на закрытіи конкурса въ 1868 году Огородниковъ представилъ Обществу довольно полный географическій очеркъ Лопской земли — часть обширнаго критико-историческаго изслѣдованія о «Книгѣ Большого Чертежа», согласно указанной Обществомъ программѣ. Въ этомъ очеркѣ, путемъ техническаго и историческаго анализа разныхъ списковъ «Книги», Огородниковъ старается установить относительно Лапландскаго полуострова періоды возобновленія «Чертежа» и опредѣлить первоначальный текстъ этого памятника. Время составленія первоначальнаго текста Огородниковъ относитъ приблизительно къ концу XV и началу XVI столѣтія, первоначальную редакцію опредѣляетъ періодомъ съ 1496 по 1532 г.г.; вторую—по 1590 г., —третью—въ теченіе XVII вѣка, приблизительно до 1675 г. и четвертую — около конца того же вѣка. Этотъ трудъ Огородникова отличается полнотой, отчетливостью свода разсѣянныхъ въ лѣтописныхъ и древнихъ актахъ географическихъ названій въ Россіи, и разъясняетъ исторію составленія «Большого Чертежа» и исторію заселенія русской земли и вообще распространенія территоріи русскаго государства, и является всестороннимъ историко-географическимъ изслѣдованіемъ. Трудъ былъ награжденъ Обществомъ малою золотою медалью и напечатанъ въ 1869 г. во II томѣ «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленію Этнографіи», подъ заглавіемъ: «Мурманскій и Терскій берега по «Книгѣ Большого Чертежа». Въ 1874 г. Огородниковъ приготовилъ дальнѣйшую часть своего изслѣдованія о «Прибрежьяхъ Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками», представляющую очеркъ мѣстности и народовъ, обзоръ историческихъ свѣдѣній о каждомъ племени и

изслѣдованіе и провѣрку данныхъ «Книги Большого Чертежа». Эта часть напечатана въ 1877 г. въ VII томѣ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи». Въ 1878 г. Огородникову была присуждена за его труды Академіей Наукъ, на основаніи рецензіи проф. Н. Барсова, половинная Уваровская премія. Въ 1877 г. Огородниковымъ было представлено Географическому обществу описаніе Волжскаго бассейна между Камой и Вяткой. Составленіе «Чертежа» этой мѣстности Огородниковъ относитъ къ XVI и частію къ XVII вѣку. Напечатана эта часть въ IX томѣ «Записокъ» за 1882 г. Слѣдующая часть должна была, согласно плану Огородникова, касаться района верхней Волги; онъ подготовилъ массу матеріаловъ, но смерть помѣшала осуществленію намѣренія.

Кромѣ перечисленныхъ работъ, Огородниковъ участвовалъ въ «Народномъ Законовѣдѣ», выходившемъ въ началѣ 70-хъ годовъ, гдѣ помѣстилъ много обстоятельныхъ статей. Помимо названныхъ трудовъ, Огородникову принадлежатъ: Изъ записокъ о Якутской области («Отечественныя Записки», 1848 г., кн. 9); Нѣсколько словъ о Кяхтинской торговлѣ («Сѣверная Пчела» 1856 г., №№ 199 и 200. Отдѣльный оттискъ: Спб. 1856 г.); Настоящее устройство мѣстныхъ, административно-статистическихъ учрежденій въ Россіи («Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1861 г., ч. LI, кн. 12); По поводу опытовъ въ судебно-гражданской статистикѣ Россіи («Сѣверная Почта», 1862 г., №№ 164 и 165 и «Вологодскія Губернскія Вѣдомости», 1862 г., №№ 31 и 32); О средствахъ мѣстной разработки статистическихъ свѣдѣній («Сѣверная Почта» 1862 г., №№ 168 и 169).

Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 4, Спб. 1888 г., стр. 66—67; вып. 5, Спб. 1889 г., стр. 13—14; „Историческій Вѣстникъ", 1887 г., ч. XXX, декабрь; 1888 г., ч. XXXIV, ноябрь-декабрь; А. Гацисскій: „Люди Нижегородскаго Поволжья." Н.-Новгородъ. 1887 г., стр. 157—191; П. Усовъ: „Этнографъ-беллетристъ" (П. Мельниковъ) („Историческій Вѣстникъ", 1884 г., ч. 10, стр. 51); А. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи", т. II, Спб. 1891, стр. 309.

П. Давидовичъ.

Огородниковъ, *Павелъ Ивановичъ*, писатель, род. 24 сентября 1837 г., ум. 20 декабря 1884 г., въ Москвѣ. Образованіе Огородниковъ получилъ въ кадетскихъ корпусахъ — Новгородскомъ графа Аракчеева и въ Константиновскомъ; по окончаніи послѣдняго въ 1857 г., съ чиномъ прапорщика, онъ былъ опредѣленъ въ 6 стрѣлковый батальонъ. Въ 1860 г. Огородниковъ поступилъ въ Военную Академію, но въ 1862 г., по обвиненію въ прикосновенности къ политической смутѣ на западной окраинѣ Россіи, былъ исключенъ со службы и заключенъ въ Модлинскую крѣпость, а затѣмъ отданъ подъ продолжительный полицейскій надзоръ. Въ концѣ 60 годовъ Огородниковъ служилъ желѣзнодорожнымъ техникомъ на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а потомъ, успѣвъ сберечь нѣкоторую сумму денегъ, предпринялъ путешествіе по Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Сѣверной Америкѣ. Послѣ этого путешествія онъ заявилъ себя способнымъ и даровитымъ корреспондентомъ, былъ избранъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ сотрудники и командированъ въ сѣверо-восточную Персію. По возвращеніи оттуда, Огородниковъ, всецѣло отдался литературнымъ трудамъ. Около 1882 г. онъ занимался у князя П. Демидова Санъ-Донато разработкою документовъ обширныхъ архивовъ по заводской дѣятельности его предковъ, и собралъ какъ въ архивахъ кн. Демидова, такъ и въ другихъ архивахъ, много драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Съ тою же цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Москву, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Огородникову принадлежатъ: «Отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію» («Заря», 1870 г., кн. 4—6, 8, 9, 11, 12. Отдѣльно: Спб. 1872 г.); «Четыре дня въ Нью-Іоркѣ» («Заря,» 1870 г., кн. 6); «Изъ юго-восточнаго побережья Каспійскаго моря» («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1874 г., т. X); «На пути въ Персію и прикаспійскія ея провинціи» («Дѣло», 1875 г., кн. 7, 9, 11, 12. Отдѣльно: Спб. 1878 г.,); «Поѣздка въ Сѣверо-восточную Персію» («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1878 г., т. XI); «Тревожныя мѣста» («Дѣло», 1876 г., кн. 6—8); «По Персіи.—Путевыя наблюденія и замѣтки» («Вѣстникъ Европы», 1876 г., кн. 11—12); «Очерки Персіи», Спб. 1877 г.,—изд. журн. «Всемірный Путешественникъ»). «Съ русскимъ караваномъ въ Сябзавирѣ» («Историческая Библіотека», 1879 г., кн. 6—7); «Въ горахъ и деревнѣ.—Изъ поѣздокъ по Персіи» («Мысль», 1880 г., кн. 2); «Страна солнца», Спб. 1881 г., съ картою; «Днев-

никъ заключеннаго» («Историческій Вѣстникъ», 1882 г., кн. 2, 6, 7, 8, 9); «Въ странѣ свободы», Спб. 1882 г., два тома.—Эта книга—второе, значительно дополненное и передѣланное изданіе сочиненія: «Отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію».

Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 4, Спб. 1888 г. стр. 67—68, вып. 5 Спб. 1889 г. стр. 14, вып. 6, Спб. 1889 г., стр. 6, вып. 7, М. 1893 г., стр. VI; „Новости", 1885 г., № 1; „Библіографъ", 1885 г., № 2; „Новь" 1885 г. т. II, № 6, стр. 394. Отчеты Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1873 и 1874 гг.; Воспоминанія Теобальда: Изъ послѣдней Польской смуты 1861 г. („Русская Старина" 1889 г., кн. 10, стр. 86); „Историческій Вѣстникъ" 1887 г., ч. XXX, декабрь; 1888 г., XXXIV, ноябрь, декабрь; 1889 г. XXXVIII, декабрь.

Давидовичъ.

Ограновичъ *Николай Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ. Родился 6 декабря 1809 года происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Поступивъ 23 декабря 1823 года юнкеромъ въ артиллерійское училище, онъ 2 февраля 1827 года былъ произведенъ въ прапорщики и началъ службу по артиллеріи. Наступившая кампанія 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ дала Ограновичу случай отличиться, и за храбрость, выказанную въ сраженіяхъ 4, 5 и 8 мая при с. Плетицы, Соколахъ и Старомъ Якацемъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а за штурмъ Варшавы орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Къ 6 декабря 1851 года Ограновичъ постепенно былъ произведенъ въ генералъ маіоры. Назначенный 13 апрѣля 1854 года временно командующимъ артиллеріей гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, съ оставленіемъ командиромъ лейбъ-гвардіи 1 артиллерійской бригады, онъ въ 1856 году временно командовалъ артиллеріею Западной арміи и въ томъ же году 26 августа былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а чезъ два года назначенъ состоять по гвардейской пѣшей артиллеріи съ прикомандированіемъ къ штабу генералъ-фельдцейхмейстера. 25 іюня 1860 года Ограновичъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й артиллерійской дивизіи и 30 августа того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. За участіе въ подавленіи польскаго мятежа 1863 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами и вскорѣ послѣ того, 1 апрѣля 1864 года, зачисленъ въ запасныя войска; впрочемъ, въ ноябрѣ того же года онъ былъ назначенъ въ Главное артиллерійское управленіе, а 27 марта 1866 года награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла; 17 мая 1867 года онъ снова былъ зачисленъ въ запасныя войска и больше уже не служилъ. Н. С. Ограновичъ умеръ въ Петербургѣ 30 октября 1873 г. на 64 году отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Послужные списки генераловъ 1870 г.

Е. Ястребцевъ.

Огрызко, *Іосафатъ Петровичъ* (Iózefat Ohryzko), ревизоръ при Департаментѣ неокладныхъ сборовъ Министерства финансовъ, коллежскій совѣтникъ, издатель польской газеты «Słowo», польскій дѣятель конца 50 и начала 60 годовъ XIX столѣтія. Родился въ 1826 году въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи, въ небогатой бѣлорусской дворянской семьѣ, католич. вѣроисповѣд. Первоначальное образованіе Огрызко получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ Лепельское уѣздное училище Витебской губерніи, по окончаніи котораго перешелъ въ пятый классъ Минской гимназіи. Гимназію онъ окончилъ въ 1844 г. и при выпускѣ за успѣхи въ русскомъ языкѣ былъ удостоенъ права на чинъ 14 класса. Въ слѣдующемъ году Огрызко поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Среди студентовъ Петербургскаго университета въ это время существовало нѣсколько либеральныхъ кружковъ, возникшихъ подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, поднявшагося въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Огрызко сталъ членомъ одного изъ польскихъ кружковъ, преслѣдовавшаго, главнымъ образомъ, самообразовательныя цѣли, но въ то же время стремившагося къ распространенію и развитію идеи самостоятельнаго польскаго государства. Стараясь усиленнымъ чтеніемъ книгъ пополнить свое недостаточное національное образованіе, Огрызко усердно изучалъ польскую исторію и литературу и въ особенности тогдашнихъ замѣчательныхъ польскихъ поэтовъ, проповѣдывавшихъ и возвѣщавшихъ воскресеніе Польши и національное и государственное. Кружокъ, къ которому принадлежалъ Огрызко, вѣрилъ въ возможность этого воскресенія, и понималъ, что паденіе польскаго государства произошло отъ внутреннихъ

его неурядицъ, прежде всего, отъ ненормальной постановки крестьянскаго вопроса, и думалъ, что освобожденіемъ польскихъ крестьянъ можно будетъ подготовить почву для освобожденія польскаго государства. Въ этомъ направленіи должны были работать и всѣ члены кружка. Несомнѣнно, что Огрызко вполнѣ сочувствовалъ задачамъ кружка, но ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить объ его революціонной «дѣятельности» до 1863 года.

Въ 1847 году Огрызко кончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата правъ и въ мартѣ 1852 года по Высочайшему соизволенію онъ «въ видѣ особеннаго изъятія изъ общихъ правилъ» былъ опредѣленъ чиновникомъ канцеляріи коммиссіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго (кодификаціонной) съ зачисленіемъ ему въ дѣйствительную службу и времени занятій по этой коммиссіи, которое (съ 1850 года) онъ пробылъ на испытаніи. 11 мая 1857 года онъ былъ переведенъ младшимъ столоначальникомъ въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ прослужилъ до 9-го ноября 1861 года.

Переведенный затѣмъ въ Департаментъ разныхъ податей и сборовъ Огрызко сразу зарекомендовалъ себя, какъ дѣльный и строго-исполнительный чиновникъ и уже вскорѣ по вступленіи въ этотъ департаментъ ему была выдана за отлично-усердную службу денежная награда въ 500 рублей. 4 февраля 1863 года съ разрѣшенія министра финансовъ ему поручено было завѣдываніе II, III и V отдѣленіями департамента «на правахъ вице-директора». Къ 1863 году можно отнести и начало революціонной дѣятельности Огрызко. Въ 59—60-хъ годахъ въ С.-Петербургѣ возникли уже многіе революціонные кружки, и отсюда, какъ изъ центра, они стали распространяться по всей Россіи. Нужно было лицо, которое сумѣло бы, не навлекая на себя подозрѣній, наблюдать за дѣйствіями предсѣдателей этихъ кружковъ, и варшавскій революціонный комитетъ поручилъ Огрызко должность главнаго революціоннаго агента въ Петербургѣ, которую онъ наконецъ и принялъ въ мартѣ 1863 г. На это его рѣшеніе, безъ сомнѣнія, повліяли двѣ его поѣздки за границу, его командировки по дѣламъ службы и пребываніе проѣздомъ въ Вильнѣ и Варшавѣ. Во время этихъ путешествій ему удалось присутствовать въ мартѣ 1862 года на совѣщаніи двигателей польскаго «дѣла» въ Познани и въ іюлѣ 1861 г. на съѣздѣ польскихъ помѣщиковъ въ Вильнѣ. Къ концу 1864 года имя Огрызки стало появляться все чаще и чаще въ разныхъ видахъ при раскрытіи дѣлъ о возстаніи. Въ Петербургѣ были обнаружены нѣкоторые пособники возстанія, и М. Н. Муравьевъ энергично принялся за отысканіе остальныхъ. Сильныя связи Огрызко, молчаніе арестованныхъ его пріятелей, удавшееся бѣгство одного изъ нихъ, ближе всего ознакомленнаго съ ролью Огрызко въ возстаніи, внушили ему надежду на благополучный исходъ дѣла. Но вдругъ, 13 ноября 1864 года Муравьевъ телеграммой потребовалъ отъ 3 отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи немедленнаго производства у Огрызко строжайшаго обыска, ареста и доставленія его въ Вильну. При обыскѣ не было найдено ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе Огрызко былъ арестованъ и препровожденъ къ Муравьеву. Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ обратился 14 декабря 64 г. къ шефу жандармовъ князю Долгорукову съ просьбой указать, въ чемъ обвиняется Огрызко и слѣдуетъ ли его оставить на службѣ, на что получилъ увѣдомленіе, что Огрызко обвиняется «въ участіи въ революціонномъ движеніи и что обвиненіе это, основанное на показаніяхъ двухъ политическихъ преступниковъ, представляется вѣроятнымъ по собственнымъ письмамъ Огрызко, содержанія весьма подозрительнаго». Вслѣдъ за тѣмъ дознаніемъ была выяснена прикосновенность Огрызки къ возстанію и онъ былъ признанъ виновнымъ «въ нарушеніи довѣрія, оказаннаго ему законнымъ правительствомъ, чрезъ вступленіе въ сношеніе съ польскими и литовскими заговорщиками и революціонерами», а также и въ принятіи отъ польскаго революціоннаго правительства номинаціи и печати на высшую революціонную должность въ С.-Петербургѣ, состоявшую въ надзорѣ за мѣстными революціонными властями, передачѣ имъ распоряженій Варшавскаго центральнаго комитета, личномъ исполненіи его приказаній и ближайшемъ сношеніи съ революціонными комитетами въ Вильнѣ и Варшавѣ. Смертная казнь, къ которой былъ приговоренъ Огрызко, была замѣнена ссылкой въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Отбывъ сокращенный по разнымъ манифестамъ срокъ каторжныхъ работъ, Огрызко

поселился въ Иркутскѣ, гдѣ занялся адвокатурой. Умеръ Огрызко въ 1890 году.

Кромѣ революціонной дѣятельности, Огрызко снискалъ себѣ почетную извѣстность своей литературной и издательской дѣятельностью. Такъ, въ концѣ 1858 года ему было разрѣшено издавать въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газету «Слово» и учредить собственную типографію. Самая мысль издавать газету на польскомъ языкѣ принадлежала не столько Огрызко, сколько К. Д. Кавелину. Вѣра въ необходимость и возможность совмѣстнаго дружнаго житья и сближенія поляковъ съ русскими, на условіяхъ гражданской равноправности, подъ кровомъ русскаго правительства, обусловило то, что Огрызко присоединился къ Кавелинской теоріи единенія и дѣятельно принялся за изданіе газеты въ примирительномъ духѣ. Между сотрудниками «Слова» встрѣчаются такія имена, какъ Бѣлёвскаго, Карла Шайнохи, Юліана Бартошевича, д-ра Малецкаго, проф. Владиміра Спасовича и другихъ профессоровъ Петербургскаго университета. «Слово» просуществовало всего лишь мѣсяцъ: изданіе его было пріостановлено и самъ Огрызко арестованъ. Впрочемъ, онъ скоро былъ освобожденъ изъ подъ ареста и для удовлетворенія своихъ подписчиковъ предпринялъ новое изданіе, именно задумалъ переиздать «Volumina legum», собраніе правъ, конституцій и привиллегій королевства Польскаго, великаго княжества Литовскаго и всѣхъ соединенныхъ провинцій,—установленныхъ на генеральныхъ коронныхъ польскихъ сеймахъ, начиная съ вислицкаго 1347 г. до сейма 1780 года. Просьба Огрызко, объ изданіи поступившая въ Главное Цензурное управленіе, была поддержана графомъ Блудовымъ, видѣвшимъ въ Volumina драгоцѣнный памятникъ, прекрасный матеріалъ для исторіи не только славянской, но и всего европейскаго законодательства. Изданіе это было выполнено очень старательно и заслужило много прекрасныхъ отзывовъ въ печати. Кромѣ того, Огрызко издалъ въ С.-Петербургѣ «Pismō zbiorowe»,—образцовый литературный сборникъ, составленный изъ весьма дѣльныхъ и основательныхъ статей научнаго характера, выказывающихъ огромную начитанность и глубокія познанія авторовъ, и отличающихся популярностью изложенія.

Полный послужной списокъ. Orgelbrand: Encyklopedja powszechna; Bartoszewicz: Historja literatury polskiej; Estreicher: Bibliografja XIX wieku; Энциклопедическіе словари Брокгауза, Павленкова и др.; К. Д. Кавелинъ: „Сочиненія“; В. Д Спасовичъ: „Сочиненія“, т. IX Спб. 1900; Гогель: „Н. В· Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа“, Вильна 1866, (2-е изд. 1867 г.); „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. IV; „Volumina legum“ Спб., 1860; „Słowo“ 1859. „Pismo zbiorowe“ Спб., 1859; „Вѣстникъ Западной Россіи“ т. VIII, кн. 8; „Колоколъ“ 1859; „Вѣстникъ Европы“; 1898 г., февраль; „Иллюстрація“ 1860 г. № 32; „Истор. Вѣстникъ“ 1882; 1890 гг. т. XL, май; „Нѣчто объ Огрызкѣ“ („Голосъ“, 1866 № 150); „Къ Виленской корреспонденціи М. В. объ Огрызкѣ“ („Голосъ“, 1866 г. № 20). „Іосафатъ Огрызко и его польская газета „Слово“. Воспоминанія О. А. Пржеславскаго („Русскій Архивъ“ 1870 и 1872 гг.); Бергъ: „Записки о польскомъ возстаніи“ („Русскій Архивъ“ 1870 и 1874 гг.); „Русскій Архивъ“ 1893 г. кн. 1; 1894 г. кн. 1; 1901 г. кн. 3; 1902 кн. 1; „Русская Старина“ 1884 г. кн. 1, тт. 60, 68, 70, 97; „Московскія Вѣд.“ 1860 г. № 32, 1865 г. № 145, 1866 г. №№ 181 и 286; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1860 г. № 48. „Сѣверная пчела“ 1860 г. № 307. Рядъ статей въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1866 г. Сообщенія: управляющаго главной конторой Демидовыхъ, князей Санъ-Донато; Вл. Дан. Спасовича и г. Черневскаго.

А. А. Петровъ.

Огюстъ, *Августъ Леонтьевичъ*, (Пуаро),—балетмейстеръ и режиссеръ Императорской балетной труппы первой четверти XIX столѣтія, авторъ многихъ балетовъ. Огюстъ былъ братъ артистки Шевалье, черезъ посредство которой, вѣроятно, и былъ принятъ на русскую сцену 1 апрѣля 1798 года. Огюстъ былъ не только хорошимъ танцоромъ, но и отличнымъ балетмейстеромъ. Балетъ Огюста «Мельникъ» впервые у насъ былъ поставленъ задолго до пріѣзда его автора въ Россію. Какъ о танцовщикѣ же о немъ можно судить, хотя бы потому, что императоръ Павелъ I, не любившій танцовщиковъ и даже требовавшій, чтобы ихъ замѣняли танцовщицы, въ то же время всегда былъ очень доволенъ, когда на сценѣ появлялся Огюстъ. Вообще по свидѣтельству современниковъ— С. П. Жихарева, Р. Зотова, А. П. Глушковскаго и многихъ другихъ—онъ въ танцахъ, особенно въ исполненіи русской пляски, былъ неподражаемъ. Только одинъ Вигель въ своихъ «Запискахъ» не раздѣляетъ общаго восторга талантомъ Огюста.—Послѣдній, какъ одинъ, такъ вмѣстѣ съ Вальбергомъ, а потомъ съ Дидло, поставилъ цѣлый рядъ балетовъ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли «Торжество Россіи, или Русскіе

въ Парижѣ», «Рауль—Синяя борода, или таинственный кабинетъ», «Возвращеніе Пожарскаго въ свое отечество», «Дидона или истребленіе Кароагена», цѣлый рядъ дивертиссементовъ изъ молдавскихъ и турецкихъ плясокъ, а также и изъ чисто національныхъ танцевъ, какъ напримѣръ «Праздникъ въ лагерѣ» и другіе. Кромѣ того, Огюстъ славился какъ прекрасный танцовальный учитель. Одно время онъ былъ и придворнымъ учителемъ танцевъ. Онъ же, по смерти Вальберга, былъ и режиссеромъ и учителемъ русской балетной труппы. Дѣятельность его для русской сцены продолжалась болѣе 30-ти лѣтъ. Огюстъ умеръ въ Петербургѣ въ 1832 году.

„Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ“ Спб. 1892 г. Отд. I, стр. 299 (46, 95), отд. II, стр. 225(486), отд. III, стр. 86 (86) 227 (48) и 282 (20); А. А. Плещеевъ: „Нашъ балетъ“ Спб. 1899 г. стр. 53—55, 66, 69, 71, 78; „Репертуаръ Русскаго театра“ 1840 г. ч. 2, кн. VII, ст. Р. Зотова „И мои воспоминанія о театрѣ“, стр. 35; „Репертуаръ Русскаго театра и Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ“ 1851 г. т. 4, кн. VIII, ст. А. П. Глушковскаго: „О балетномъ искусствѣ“, стр. 10 и 14; „Сѣверная Пчела“ 1826 г. № 103, стр. 1 „Театръ“ 1828 г. № 78, стр. 3, № 81, стр. 2, № 83, стр. 4, № 90, стр 4, 1829 г. № 23, стр. 4, П. Араповъ: „Лѣтопись Русскаго Театра“, Спб. 1861 г., стр. 196, 204, 222, 226, 245, 259, 268 280; „Русская Старина“ 1880 г., т. XXIX, октябрь, ст. А. В. Каратыгина: „Русскій театръ въ царствованіе Александра Павловича въ 1803—1825 гг.“, стр. 262, 265 и 269.

Е. Ястребцевъ.

Одаръ, *Михаилъ* (Michel Odar), — участникъ переворота 28 іюня 1762 г. Одаръ родился въ Піемонтѣ; при Елизаветѣ Петровнѣ прибылъ въ Россію и былъ опредѣленъ канцлеромъ Воронцовымъ въ чинѣ надворнаго совѣтника на службу въ коммерцъ-коллегію, но, по незнанію русскаго языка, оттуда скоро ушелъ, и тогда Е. Р. Дашкова, племянница канцлера, рекомендовала его для секретарскихъ занятій императрицѣ. Однако это ходатайство не было удовлетворено, такъ какъ императрица не хотѣла имѣть секретаремъ у себя чужеземца, да къ тому же и иностранная переписка ея была не велика, и Одаръ былъ назначенъ лишь управляющимъ одного небольшого собственнаго имѣнія вел. кн. Екатерины Алексѣевны... По словамъ самого Одара, а также по свидѣтельству канцлера Воронцова и иностранныхъ писателей объ іюньскихъ событіяхъ 1762 года, Одаръ принималъ участіе въ переворотѣ, «какъ весьма разумный человѣкъ, и поведеніе свое осторожно имѣющій», въ качествѣ, по всей вѣроятности, посредника въ сношеніяхъ императрицы съ преданными ей лицами, или—по выраженію тогдашняго австрійскаго посланника Мерси д'Аржанто—въ роли какъ бы «секретаря заговора». (Впрочемъ, Дашкова умаляетъ размѣры участія Одара въ переворотѣ). Затѣмъ, Одаръ поступилъ на службу въ Кабинетъ императрицы въ качествѣ библіотекаря; въ это время (въ концѣ 1762 г.) Одаръ, между прочимъ, по порученію императрицы, участвовалъ въ письменныхъ переговорахъ съ Даламберомъ относительно приглашенія послѣдняго въ качествѣ воспитателя цесаревича; въ 1763 и 1764 годахъ Одаръ былъ назначенъ членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія коммерціи россійскаго государства и особаго при ней собранія для разсмотрѣнія проектовъ, касающихся до торговли и былъ употребляемъ для составленія соображеній по предполагавшемуся торговому трактату съ Англіей Въ 1764 г. Одаръ оставилъ Россію и умеръ въ Ниццѣ около 1773 года.

Въ Государственномъ Архивѣ хранятся двѣ записки Одара: 1) „Mémoire sur le commerce de Russie, à M. le procureur général le 26 juin 1761 и письмо его къ княгинѣ Дашковой, при которомъ послана была ей эта записка и 2) Sentiment du conseillier de la cour Odar sur le Réglément qu'on prétent établir, relativement à la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour l'étranger, le 2 décembre 1761. Первая изъ этихъ записокъ напечатана, безъ имени автора, Бюшингомъ въ „Magazin für die Historie und Geographie“, Halle, 1777, XI, 439—464.—Статья Д. Ф. Кобеки: въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1883, № 6, стр. 56—59, „Историч. Вѣстн.“, 1884, № 4, стр. 109—111 (откуда главнымъ образомъ и заимствуемъ сообщаемыя свѣдѣнія).—С. Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. тов. „Обществ. Польза“, кн. V, стр. 1328, 1329, 1350, 1351, кн. VI, стр. 94; Д. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“. Спб. 1887 г., стр. 11; Филаретъ, митроп. Московскій. Собраніе мнѣній и отзывовъ по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, т. III; Спб. 1885 г. стр. 387, прим. 2; Mèmoires de la princesse Dashkow („Архивъ кн. Воронцова“; кн. XXI, М. 1881 г., стр. 51, 52, 112).

И. Давидовичъ.

Оде-де-Сіонъ (Audé-de-Sion), *Карлъ Іосифовичъ,* генералъ-маіоръ, инспекторъ классовъ Пажескаго Е. И. В. корпуса при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, масонъ. Родился въ 1753 году, происходилъ изъ Савойскихъ дворянъ и въ домѣ родителей получилъ прекрасное воспитаніе и

образованіе. Поступивъ въ прусскую военную службу, Оде-де-Сіонъ оставался въ ней до 1791 года, когда былъ приглашенъ Суворовымъ въ воспитатели его сына и вывезенъ имъ изъ Швейцаріи въ Россію. По принятіи русскаго подданства, онъ былъ опредѣленъ на русскую военную службу и за нимъ былъ оставленъ полученный имъ въ Пруссіи чинъ капитана.

Способности Оде-де-Сіона, какъ преподавателя и воспитателя, обратили на себя вниманіе лицъ, завѣдывавшихъ военно-учебнымъ дѣломъ, и въ 1799 году онъ былъ назначенъ учителемъ 1-го кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, несмотря на то, что не зналъ ни одного слова по-русски, а въ 1802 году Императоръ Александръ I приказомъ отъ 28 октября назначилъ его инспекторомъ классовъ вновь преобразованнаго Пажескаго корпуса. Въ должности инспектора классовъ Пажескаго корпуса Оде-де-Сіонъ прослужилъ 25 лѣтъ — т. е. по 18 сентября 1827 года и, вступивъ въ корпусъ въ чинѣ маіора, оставилъ его генералъ-маіоромъ.

По мысли завѣдывавшихъ военно-учебнымъ дѣломъ, назначаемыя въ Пажескій корпусъ на службу лица должны были совмѣщать въ себѣ педагогическія способности съ боевымъ прошлымъ, и Оде-де-Сіонъ удовлетворялъ этому требованію. Подобно своему начальнику Гогелю и сослуживцу Свиньину, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ непріятелей, и въ дни польскаго мятежа даже лишился имѣнья, но ни начальникъ, ни сослуживецъ не обладали его познаніями въ педагогикѣ. Оде-де-Сіонъ вступилъ въ отправленіе должности, будучи совершенно не знакомъ съ русскимъ языкомъ, и даже рапорты начальству писалъ на французскомъ языкѣ. Между тѣмъ, это обстоятельство въ значительной степени способствовало тому, что дѣло образованія пажей, ввѣренное отчасти попеченію и Оде-де-Сіона, шло далеко не такъ успѣшно, какъ оно могло бы идти даже и въ то время. Оде-де-Сіонъ не подумалъ придать ему хоть какую-либо организацію. Слѣдовъ ея, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ корпуса, не осталось никакихъ. Единственнымъ памятникомъ его дѣятельности служатъ ежемѣсячные списки des negligents et des diligents, на французскомъ языкѣ, подаваемые имъ директору, списки экзаменныхъ балловъ пажей, представляемыхъ въ камеръ-пажи, камеръ-пажей, представляемыхъ къ выпуску и обязательныя представленія учителей к[ъ] наградамъ, пенсіямъ и т. д. Въ выбор[ѣ] преподавателей Оде-де-Сіонъ не полагался на свою оцѣнку. Онъ не удалилъ никого из[ъ] тѣхъ лицъ, которыхъ засталъ въ Корпусѣ; хотя изрѣдка съ ними и ссорился, но за то скоро мирился; затѣмъ онъ всегда прислушивался къ чужимъ отзывамъ и выбиралъ тѣхъ лицъ на службу въ Корпусъ, за которыми устанавливалась прочная репутація. Составъ преподавателей, поэтому, получался чрезвычайно пестрый, хотя вс[ѣ] они, по тогдашнему, были люди образованные. Однако, приписывать всю вин[у] за неудовлетворительную постановку дѣл[а] въ корпусѣ Оде-де-Сіону было бы несправедливо: главная причина бѣды заключалас[ь] въ той сословной розни, которая существ[о]вала между учителями и учениками. Тѣ[мъ] не менѣе, нѣкоторые бывшіе пажи, как[ъ] напр П. Дараганъ винятъ, главнымъ обр[а]зомъ, де-Сіона, говоря, что онъ любилъ б[о]лѣе хорошее вино, хорошій обѣдъ и сво[ю] масонскую ложу, въ которой онъ занима[лъ] мѣсто великаго мастера», чѣмъ свои инспе[к]торскія занятія и что его дѣятельност[ь] заключалась въ томъ, что «иногда, в[ъ] послѣобѣденные часы, передъ тѣмъ, чтоб[ы] отправляться въ ложу, онъ приходилъ в[ъ] классъ, гдѣ не было учителя, чтобы подр[е]мать на каѳедрѣ». Во всякомъ случаѣ Оде-д[е]-Сіонъ былъ добрый и мягкій воспитатель, н[е] задѣвавшій самолюбія пажей, но въ случа[ѣ] необходимости умѣвшій, впрочемъ, проявл[ять] большую рѣшительность и твердость.

Оде-де-Сіонъ былъ мастеромъ сту[ла] (maître en chaise) въ масонской ложѣ Соеди[]ненныхъ друзей (La loge-Les amis Réuni[s]) въ Петербургѣ, слѣдовавшей шведской си[]стемѣ и работавшей на французскомъ и ру[с]скомъ языкахъ. Онъ пользовался большим[ъ] уваженіемъ среди масоновъ, состоялъ п[о]четнымъ членомъ (membre honoraire) въ л[о]жахъ Александра къ Коронованному П[е]ликану и Пламенѣющей Звѣзды. Онъ имѣ[лъ] высшую степень въ орденѣ и состоя[лъ] представителемъ отъ ложи Соединенных[ъ] друзей въ Великой ложѣ Астреи (La gran[de] loge Astrée) въ Петербургѣ.—2-го апрѣ[ля] 1811 года Оде-де-Сіонъ былъ произведен[ъ] въ полковники, а 18-го сентября 1827 г. въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ о[тъ] должности инспектора классовъ Пажеска[го] корпуса, съ мундиромъ и пенсіею. Умеръ он[ъ] 5-го января 1837 года 84-хъ лѣтъ отъ ро[ду].

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Списо[къ]

полковниковъ за 1818—1835 годъ, стр. 18. Tableau général de la grande Loge Astrée à l'Or. de St.-Pétersbourg et des douze loges de sa dépendance pour l'an maçonique 58¹⁷/₁₈. A l'Or. de St.-Pétersbourg 58²⁴/IV 17. „Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ за сто лѣтъ", составилъ Д. М. Левшинъ. тт. I и II; Фрейманъ: „Пажи за 185 лѣтъ", „Фридрихсгамъ, 1895 г."; Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса", Собралъ и издалъ графъ Милорадовичъ. Спб. 1876 г.; Пыпинъ: „Списокъ масонскихъ ложъ въ Россіи со времени возникновенія и до запрещенія". Спб. 1873 г. „Записки" Ф. Ф. Вигеля. T. V. Москва. 1864—1866 г.; „Русская Старина", т. XII. 1875 г.; „Русскій Архивъ", 1869 г; „Вѣстникъ Европы", 1872 г., стр. 556 и 567. *Александръ Петровъ.*

Одинцовъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, 2-й С.-Петербургскій комендантъ, а потомъ нижегородскій военный губернаторъ. Родился 12 мая 1803 года въ Кронштадтѣ и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. На одиннадцатомъ году онъ былъ отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, по окончаніи котораго въ февралѣ 1823 года былъ произведенъ въ прапорщики и началъ свою службу въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку, въ которомъ прослужилъ около двадцати лѣтъ; находясь въ составѣ этого полка Одинцовъ, между прочимъ, принималъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа 1831 года, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени. Быстро подвигаясь по службѣ, Одинцовъ въ 1835 году былъ уже въ чинѣ капитана, а въ маѣ 1842 года былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку на должность младшаго штабъ-офицера. Прослуживъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку восемь лѣтъ, Одинцовъ въ мартѣ 1850 года былъ назначенъ с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ, а спустя три съ половиной года вторымъ с.-петербургскимъ комендантомъ. Зная прекрасно устройство, бытъ и нужды крестьянскаго населенія, онъ, со времени вступленія на престолъ императора Александра II, принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ. Въ 1858 году Одинцовъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства с.-петербургскаго губернскаго комитета объ устройствѣ быта крестьянъ. Въ слѣдующемъ же году былъ назначенъ предсѣдателемъ Высочайше утвержденной особой коммиссіи, цѣль которой была выработать необходимыя мѣры для предотвращенія увѣчій рабочихъ, часто повторяющихся на фабрикахъ и заводахъ и опредѣлить положительныя правила о малолѣтнихъ рабочихъ. Передъ обнародованіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года Одинцовъ былъ назначенъ членомъ временной коммиссіи изъ помѣщиковъ петербургской губерніи для выработки предварительныхъ мѣръ по приведенію въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ. Вскорѣ затѣмъ, въ сентябрѣ того же года, онъ былъ назначенъ нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданской частью губерніи. Вступивъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей, Одинцовъ принялся дѣятельно работать надъ проведеніемъ въ жизнь крестьянскихъ и другихъ реформъ 1860 г. О его весьма полезной дѣятельности въ качествѣ нижегородскаго губернатора можно судить уже потому, что помимо служебныхъ отличій, онъ снискалъ глубокое уваженіе и признательность нижегородцевъ. Признательность эта выразилась въ томъ, что впослѣдствіи Одинцовъ былъ избранъ въ почетные граждане г. Нижняго Новгорода и кромѣ того городская дума учредила стипендію его имени въ нижегородскомъ ремесленномъ училищѣ, другая стипендія въ нижегородской мужской гимназіи была учреждена въ 1878 году по постановленію общаго собранія дѣйствительныхъ членовъ нижегородскаго соединеннаго всѣхъ сословій клуба. За время своего почти двѣнадцатилѣтняго управленія Нижегородской губерніей, Одинцовъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (въ 1872 году) и получилъ ордена св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла. Въ мартѣ 1873 года Одинцовъ былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, гдѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ, продолжалъ попрежнему энергично работать. Особенно дѣятельное участіе принималъ онъ въ трудахъ комитета, учрежденнаго для разработки мѣръ по призрѣнію семействъ военныхъ чиновъ убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ. Наградою за эти труды былъ орденъ Александра Невскаго и чинъ генерала-отъ-инфантеріи, въ который Одинцовъ былъ произведенъ 30 августа 1881 г. Не теряя бодрости и энергіи до послѣднихъ дней своихъ, А. А. Одинцовъ скон-

чался въ Петербургѣ 17 апрѣля 1886 года, имѣя отъ роду почти 83 года. Тѣло его погребено въ Старой Деревнѣ (близъ Петербурга) при церкви Благовѣщенія. Воспоминанія отзываются объ Одинцовѣ весьма сочувственно: хвалятъ его за умъ, добродушіе и мягкость характера. Послѣ Одинцова остались обширныя и интересныя «Записки», отчасти напечатанныя въ «Русской Старинѣ» (1889 г. 64, стр. 289—322) и 1890 (т. 65, стр. 21—34).

„Русскій Инвалидъ“ 1886 г., №№ 85 и 87, некрологъ; „Всеобщій Календарь“ на 1887 г. стр. 500, некрологъ; „Русскій Календарь“ на 1887 г. стр. 242, некрологъ; „Новости и Биржевая Газета“ 1886 г. № 103, некрологъ, „Новое Время“ 1886 г. №№ 3640 и 3641; некрологъ. „Истор. Вѣстн. 1900, т. 82, стр. 872—7; „Рус. Стар.“, 1886, т. 50, стр. 725—728; 1892, т. 76, стр. 109—110; 1886, стр. 50 и 53. А. С. Гацискій: „Люди нижегородскаго Поволжья“, Н.-Новгородъ, 1887.

Е. Ястребцевъ.

Одинцовъ, *Димитрій Петровичъ,* надворный совѣтникъ, штабъ-лекарь, писатель. Одинцовъ получилъ образованіе въ Московской Медико-хирургической Академіи, въ качествѣ вольнослушателя. По окончаніи ея въ 1832 г. съ званіемъ лекаря II-го отдѣленія, онъ былъ назначенъ во 2-й учебный Карабинерный полкъ, но черезъ годъ оттуда выбылъ и въ слѣдующемъ, 1834 году, при названной Академіи получилъ званіе акушера. Съ 1836 по 1838 г.г. онъ состоялъ Черниговскимъ уѣзднымъ врачемъ; съ 1839 по 1843 г.— врачемъ при Корецкомъ частномъ заводѣ; въ 1844 г. былъ назначенъ сверхштатнымъ ординаторомъ Московской Преображенской больницы, въ томъ же 1844 г. удостоенъ званія штабъ-лекаря и поступилъ въ Торжокъ Новгородской губ. городовымъ врачемъ, а въ 1845 г. онъ былъ назначенъ акушеромъ Тверской врачебной управы.—Одинцову принадлежитъ: «О кровавомъ поносѣ»,—разсужденіе на штабъ-лекаря въ Московскомъ университетѣ, 1844 г.

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи писатели“. Тетрадь 2, Спб. 1880 г., стр. 39. *П. Давидовичъ.*

Одинцовъ, *Евстафій Степановичъ,*— контръ-адмиралъ. Родился около 1740 г. Записанный недорослемъ во флотъ, онъ не явился на службу ни въ первый, ни во второй назначенный ему срокъ, за что въ 1757 году былъ записанъ въ матросы «вѣчно». Однако, спустя два года, онъ былъ не только Всемилостивѣйше помилованъ, но и зачисленъ кадетомъ въ Морской кадетскій корпусъ, гдѣ 18 февраля слѣдую-
щаго года былъ произведенъ въ гардем-
рины, а еще черезъ годъ въ кадетск
подпрапорщики. Въ началѣ 1762 года «
отмѣнные предъ прочими отвѣты» на экза-
менахъ въ Морскомъ кадетскомъ корпус
былъ произведенъ въ мичмана. Въ пер-
вые годы своей службы Одинцовъ пл-
валъ на разныхъ судахъ преимуще-
венно въ Балтійскомъ морѣ и участв
валъ въ Кольбергской экспедиціи, при-
чемъ сдѣлалъ одинъ переходъ изъ Арха-
гельска въ Кронштадтъ. Какъ одинъ и
лучшихъ молодыхъ морскихъ офицеров
Одинцовъ былъ командированъ въ 1763
въ Англію для изученія морской служб
а въ слѣдующемъ году отправился и
Англіи волонтеромъ въ Сѣверную Америк
По возвращеніи въ Россію, Одинцовъ
апрѣлѣ 1766 былъ произведенъ въ лейт-
нанты «за бытность на англійскихъ
рабляхъ въ разныхъ частяхъ свѣта». З
тѣмъ, онъ сдѣлалъ переходъ изъ Кр
штадта въ Архангельскъ, а съ 1769
1775 годъ на фрегатѣ «Надежда Благ
получія» плавалъ въ Средиземномъ мо
и Архипелагѣ, причемъ участвовалъ
Морейской экспедиціи и въ атакѣ Мет
лина. 31 декабря 1772 года Одинцо
былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенант
а въ 1775 году на кораблѣ «Чесма» в
вратился изъ Архипелага въ Ревель. За
тѣмъ командовалъ три года фрегатом
«Григорій», причемъ въ ноябрѣ 1778
уже въ чинѣ капитана 2 ранга, былъ н
гражденъ орденомъ св. Георгія 4 степен
за 18 морскихъ кампаній. Командуя сна
чала кораблемъ «Спиридонъ», а потом
«Саратовъ», онъ нѣкоторое время плава
въ Средиземномъ морѣ и въ 1781 го
былъ произведенъ въ капитаны 1 ран
послѣ чего командовалъ кораблемъ «Хра
рый», въ 1876 г. кораблемъ «Ярославль
а черезъ годъ, 22 сентября 1787
былъ произведенъ въ капитаны генерал
маіорскаго ранга и назначенъ коман
ромъ корабля «Св. Іаннуарій». Команд
сто-пушечнымъ кораблемъ «Ростиславъ
Одинцовъ участвовалъ въ Гогландско
сраженіи (1788 г.) и за выказанную
этомъ дѣлѣ храбрость былъ награжде
золотою шпагою. Произведенный тогда
въ контръ-адмиралы, онъ черезъ четы
года по болѣзни былъ уволенъ въ отстав
и вскорѣ послѣ того умеръ.

„Общій Морской Списокъ“ ч. II, С

1885 г. 301—303, т. V, Спб. 1890 г. стр. 440, „Матеріалы для исторіи русскаго флота“ т. VI, Спб. 1877 г. стр. 508; т. XI, Спб. 1886 г. стр. 8 и 256; т. XII, Спб. 1888 г. стр.: 353. 364, 367, 448, 455, 504, 602, 624; т. XIII, Спб, 1890 г. стр.: 44. 74—75, 78, 96, 98, 102, 107, 114—115, 141, 194, 241, 287, 290, 298, 311, 404. 405, 407, 424, 401, 490—492, 494, 507—508 и 623; т. XIV, Спб. 1893 г. стр. 79, 90, 91, 115, 119, 123—125, 132, 140, 173, 188, 189, 190, 196, 198, 203, 209, 210, 212, 294, 307—308 и 412; „Морской Сборникъ“ за 1871 г. №№ 7, 8, 9 и 10; за 1872 г. № 9; за 1873 г. №№ 9, 10, 11 и 12; В. Головачевъ: „Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами въ 1788—1799 гг.“; Спб. 1873 г. *Е. Александровъ.*

Одинцовъ, *Иванъ Ивановичъ,* колл. совѣтникъ, переводчикъ съ французскаго. Родился въ пятидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, происходилъ изъ старинпаго дворянскаго рода. — Образованіе Одинцовъ получилъ въ гимназіи при Академіи Наукъ, почему и называетъ себя воспитанникомъ Академіи. По окончаніи образованія (весною 1769 года) Одинцовъ поступилъ въ военную службу и въ то же время сталъ заниматься переводами. Первымъ его опытомъ былъ переводъ полученной имъ въ награду на выпускномъ экзаменѣ книги на французскомъ языкѣ, содержащей лѣтописныя свѣдѣнія по польской исторіи за время съ 964 по 1764 годъ. Взяться за это дѣло его побудило то обстоятельство, что въ польской лѣтописи сплошь и рядомъ упоминаются событія сосѣдней съ польскимъ государствомъ Руси и, кромѣ того, онъ надѣялся ознакомленіемъ общества съ «Польскимъ лѣтописцемъ» (такъ онъ назвалъ свой переводъ) способствовать составленію такого же лѣтописца «Русскаго», чѣмъ составитель, по словамъ Одинцова, могъ бы «какъ обществу пользу принести, такъ равно и самому себѣ похвалу пріобрѣсть». Трудъ свой онъ закончилъ въ 1782 году, будучи уже капитаномъ, и посвятилъ его своему главному начальнику—князю Г. А. Потемкину. За то же время онъ успѣлъ перевести съ французскаго и выпустить въ свѣтъ въ 1773 году «Путешествіе Клесманово изъ Вѣны въ Бѣлградъ и новую Килію, а также въ земли Буджакскихъ и Ногайскихъ татаръ и во весь Крымъ». Въ 1781 году Одинцовъ былъ выбранъ на должность ярославскаго губернскаго предводителя дворянства и вскорѣ произведенъ въ премьеръ-маіоры. Годъ смерти И. И. Одинцова въ точности неизвѣстенъ.

Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина, Спб. 1828; Сопиковъ: „Опытъ россійской библіографіи“, тт. 3 и 4, Спб., 1815; Сборникъ Имп. Русск. Историческаго Общества т. 4; „Польскій лѣтописецъ съ 964 по 1764 годъ или хронологическое изображеніе происшествій королевства польскаго“ и т. д. Спб., 1782 г. *А. А. Петровъ.*

Одинцовъ, *Иванъ Максимовичъ,* — вице-адмиралъ, управляющій штурманской ротой Морского кадетскаго корпуса. Родился около 1740 года. Зачисленный въ октябрѣ 1759 г. въ Морской кадетскій корпусъ Одинцовъ въ слѣдующемъ же году былъ произведенъ въ гардемарины, и въ 1762 году былъ уже мичманомъ. До 1767 г. Одинцовъ плавалъ на разныхъ судахъ въ Балтійскомъ морѣ. Затѣмъ ему поручено было произвести наборъ рекрутовъ въ Великоустюжской провинціи. По выполненіи этого порученія, онъ былъ командированъ въ Архангельскъ и тамъ 1-го мая 1768 года произведенъ въ лейтенанты. Назначенный командиромъ бота «Лебедь» онъ ѣздилъ въ Ковру и Кумбу, гдѣ поручено было ему поставить временныя обсерваторіи. Въ слѣдующемъ году Одинцовъ снова ѣздилъ въ Кумбу и забралъ оттуда обсерватора Пиктета, а затѣмъ съ тою же цѣлью отправился въ Колу за профессоромъ Румовскимъ. Вернувшись въ Петербургъ, Одинцовъ въ теченіе двухъ навигацій плавалъ на разныхъ судахъ въ Балтійскомъ морѣ, а съ 1772 года по 1775 годъ на кораблѣ «Побѣда» былъ въ Архипелагѣ. Въ 1776 году онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и вскорѣ послѣ того назначенъ на Днѣпровскій лиманъ въ помощь генералъ-контролеру С. Шубину для устройства гавани и верфи. Въ 1781 году, командуя двумя фрегатами, прибылъ изъ Херсона въ Ахтіарскую гавань и произвелъ промѣръ и опись этой гавани. Въ 1785 г. Одинцовъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Три Святителя», а затѣмъ, уже въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга, въ теченіе трехъ лѣтъ командовалъ 100-пушечнымъ кораблемъ «Чесма», причемъ 14 апрѣля 1789 года былъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга. Въ августѣ того же года былъ назначенъ командующимъ стоявшей въ Копенгагенѣ нашей эскадрой. Въ слѣдующемъ году, во время сраженія у Красной Горки, командуя кораблемъ «Св. Іоаннъ Богословъ», Одинцовъ выказалъ себя

храбрымъ и распорядительнымъ начальникомъ. Но вслѣдъ затѣмъ, за неисполненіе нѣкоторыхъ приказаній эскадреннаго командира, былъ преданъ суду, тянувшемуся почти пять лѣтъ. Лишь 17 марта 1795 г. состоялся Высочайшій Указъ о помилованіи его, «во уваженіе прежней его безпорочной и засвидѣтельствованной храбрости», каковую оказалъ онъ во время бывшаго 23 мая 1790 года со шведскимъ флотомъ сраженія. Годъ спустя послѣ своего помилованія, Одинцовъ былъ назначенъ управляющимъ штурманскою ротою Морского кадетскаго корпуса, въ коей должности оставался до самой своей смерти, причемъ 14 марта 1801 года былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Н. М. Одинцовъ скончался въ 1802 году, 60 лѣтъ отъ роду.

„Общій Морской Списокъ", ч. II, Спб. 1885 г. стр. 303—304; „Матеріалы для исторіи русскаго флота" т. VI, Спб. 1877 г. стр. 699; т. XI, Спб. 1886 г. стр. 8, 313, 498, 505, 735 и 744; т. XII, Спб. 1888 г. стр. 510, 518, 573, 659 и 684; т. XIII, Спб. 1890 г. стр. 194, 408, 509 и 564 и т. XIV, Спб. 1893 г. стр. 78, 236, 296, 507 и 526. „Записки" А. А. Одинцова („Р. Стар.", 1889, ноябрь, стр. 294) „Записки", М. Гарновскаго („Рус. Стар.", т. XVI, стр. 432—433).

Н. Артамоновъ.

Одляницкій, *Мартынъ Кузьмичъ (Почобутъ)*,—докторъ философіи и богословія, прелатъ, смоленскій деканъ, ректоръ Виленскаго университета, королевскій астрономъ (польскаго короля Станислава Августа), членъ-корреспондентъ Парижской Академіи Наукъ, а потомъ Французскаго Народнаго Института, членъ Лондонскаго Королевскаго, Варшавскаго и другихъ ученыхъ обществъ. Родился 30 октября 1728 года въ мѣстечкѣ Сломянцахъ Гродненскаго уѣзда и происходилъ изъ стариннаго польскаго дворянскаго рода Одляницкихъ-Почобуть. Въ то время воспитаніе и образованіе въ католическихъ государствахъ находилось главнымъ образомъ въ рукахъ іезуитовъ, поэтому и Одляницкій, лишь только ему исполнилось десять лѣтъ, поступилъ въ гродненское іезуитское училище. Здѣсь богатый и родовитый юноша скоро обратилъ на себя вниманіе воспитателей своими выдающимися способностями, и іезуиты занялись имъ съ особеннымъ стараніемъ, рѣшивъ во чтобы-то ни-стало склонить его къ вступленію въ ихъ орденъ. Старанія ихъ въ этомъ направленіи были вполнѣ успѣшны, и 13 сентября 1745 года, не имѣя еще полныхъ семнадцати лѣтъ, Одляницкій поступилъ въ іезуитскій орденъ. Совершенно не ин-тересуясь политическими интригами сво-ихъ собратій, онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь на служеніе наукѣ и съ юноше-скимъ жаромъ отдался изученію философі и краснорѣчія. Въ 1749 году онъ принял на себя преподаваніе этихъ наукъ въ П-лоцкомъ іезуитскомъ училищѣ, а два год спустя занялъ тѣ же каѳедры въ Виленском іезуитскомъ училищѣ, гдѣ оставался д 1754 года, когда былъ командированъ в Прагу для изученія греческаго языка математики. Въ Прагѣ Одляницкій про-жилъ два года, дальнѣйшимъ же его науч-нымъ занятіямъ помѣшали событія Сем лѣтней войны. Возвратившись въ Вильн онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ преподавал греческій языкъ, продолжая въ то же врем заниматься и изученіемъ богословских наукъ. Въ 1761 году онъ снова поѣхал за границу на средства кн. Михаила Ча-торыжскаго и за три года успѣлъ побыват въ Германіи, Италіи и Франціи. Сначал онъ увлекся было поэзіей, но, посѣтивъ нѣ которыя лучшія итальянскія научно-мат матическія учрежденія, заинтересовалс астрономіей и рѣшилъ посвятить себ изученію этой науки. Познакомившись с директоромъ Марсельской астрономическ обсерваторіи Пезанасомъ, онъ подъ рук водствомъ послѣдняго принялся за работ Однако, благодаря сильно обострившемус во Франціи движенію противъ іезуитов Пезанасъ принужденъ былъ въ 1763 год покинуть Марсель и поселится въ Авин онѣ. Туда же перебрался за нимъ и О-ляницкій и занимался тамъ еще восе мѣсяцевъ. Результатомъ этихъ заняті явилось напечатанное въ томъ же 1763 сочиненіе «Traité de Paix entre Descart et Newton». Проведя зиму 1763—1764 г. въ Римѣ, онъ весною 1764 года вернул въ Неаполь и здѣсь при помощи англі скихъ астрономическихъ инструменто наблюдалъ большое солнечное затмені Впослѣдствіи его наблюденія были нап чатаны въ изданныхъ вѣнскимъ астрон момъ Геллемъ «Ефемеридахъ на 1765 г. Возвратившись въ концѣ 1765 года Вильно, Одляницкій началъ чтеніе лекці по чистой математикѣ и астрономіи. В то же время онъ дѣятельно принялся з устройство астрономической обсерваторі Труды Одляницкаго возбудили общее вни маніе и польскій король Станиславъ-А густъ пожаловалъ ему титулъ королевска

астронома. Кромѣ того, ему удалось привлечь къ своимъ работамъ вниманіе извѣстной княгини Елисаветы Огинской-Пузиной, которая вновь пожертвовала большую сумму на покупку лучшихъ англійскихъ астрономическихъ инструментовъ и сверхъ того 6000 червонцевъ, на проценты съ которыхъ должна была содержаться обсерваторія. Чтобы поскорѣе устроить обсерваторію, Одляницкій самъ съѣздилъ въ Лондонъ за нужными инструментами. Возвратившись въ срединѣ 1769 года въ Вильно, онъ однако до конца 1772 года не могъ заняться астрономическими наблюденіями, такъ какъ для этого надо было перестроить сначала обсерваторію; на досугѣ онъ занялся переводомъ на польскій языкъ Клеротовой геометріи, которую вскорѣ и напечаталъ, снабдивъ собственными примѣчаніями. Между тѣмъ, паденіе іезуитскаго ордена становилось все болѣе очевиднымъ и Одляницкій успѣлъ уговорить виленскихъ іезуитовъ, въ виду предстоявшаго уничтоженія ордена, уступить свою типографію королю Станиславу-Августу, отъ котораго, нѣсколько времени спустя, какъ частное лицо, Одляницкій получилъ эту типографію въ даръ. Въ этой типографіи онъ напечаталъ многія сдѣланныя ранѣе имъ самимъ и его сотрудниками наблюденія, за что въ 1775 году былъ награжденъ отъ имени польскаго короля выбитою въ честь его золотою медалью. По уничтоженіи іезуитскаго ордена, въ рукахъ котораго, какъ упомянуто было выше, почти всецѣло находилось дѣло народнаго образованія и воспитанія, учреждена была Едукаціонная (о воспитаніи) коммиссія. Одляницкій, назначенный въ 1780 году ректоромъ виленской академіи, принялъ самое дѣятельное участіе въ выработкѣ устава этой коммиссіи и вообще въ разработкѣ плана постановки всего учебнаго дѣла. Въ тоже время онъ не забывалъ и своей астрономической обсерваторіи, для которой выхлопоталъ у коммиссіи 2000 червонцевъ на покупку новыхъ большихъ инструментовъ. Назначенный ректоромъ академіи, Одляницкій въ 1782 году снова былъ вызванъ въ Варшаву для участія въ работахъ Едукаціонной коммиссіи, а по возвращеніи оттуда принялся за расширеніе своей обсерваторіи, которое окончилъ лишь въ 1788 году; въ томъ же году онъ опять былъ вызванъ въ Варшаву на сеймъ по тому же училищному вопросу и пробылъ въ Варшавѣ около двухъ лѣтъ. Здѣсь онъ познакомился и снискалъ къ себѣ расположеніе русскаго посла гр. Сиверса, который съ того времени постоянно поддерживалъ Одляницкаго въ его ходатайствахъ объ утвержденіи выработаннаго имъ училищнаго устава и о разныхъ льготахъ ученому сословію. Вызванный въ 1793 г. въ Гродно, для участія въ извѣстномъ гродненскомъ сеймѣ, онъ провелъ тамъ около трехъ лѣтъ. По присоединеніи Польши къ Россіи, Одляницкій, пользуясь покровительствомъ кн. Репнина, всегда добивался или новыхъ льготъ для находящагося въ его вѣдѣніи ученаго сословія, или новыхъ ассигнованій на свою обсерваторію. Дѣятельность его была настолько полезна, что и императоръ Павелъ I, при своемъ посѣщеніи виленской академіи и обсерваторіи, выразилъ ея ректору и начальнику свою совершенную признательность и благоволеніе. Между тѣмъ, бѣлорусскіе іезуиты, притихшіе было во время гоненія, начали проявлять усиленную дѣятельность при императорѣ Павлѣ I и даже дѣлали попытки ходатайствовать о возвращеніи принадлежавшихъ имъ домовъ и заведеній, чтобы этимъ путемъ снова получить въ свои руки дѣло народнаго образованія. Особенная же опасность въ этомъ посягательствѣ іезуитовъ грозила, конечно, виленскому университету, который, попавъ въ руки іезуитовъ, не замедлилъ бы, какъ и всѣ іезуитскія академіи и коллегіи, изъ ученаго центра превратиться въ центръ іезуитскихъ политическихъ козней. Прекрасно зная своихъ собратій-іезуитовъ, Одляницкій сразу понялъ всю величину опасности, грозившей виленскому университету и вступилъ съ ними въ самую энергичную борьбу. Благодаря своему положенію, авторитету и крупнымъ связямъ, ему удалось отстоять, какъ университетъ, такъ и вообще учебное дѣло отъ нападеній іезуитовъ. Въ 1797 году Одляницкій передалъ завѣдываніе обсерваторіей Снядецкому, а въ 1799 году отказался и отъ должности ректора академіи. Въ 1804 г. Одляницкій сложилъ съ себя и обязанности ректора Виленскаго университета. Вскорѣ послѣ того, имѣя уже болѣе 80 лѣтъ, онъ отказался отъ всѣхъ почестей и даже отъ сана епископа (для чего ему нужно было бы поѣхать въ Римъ) и до 1808 г. занимался лишь астрономическими наблюденіями въ обсерваторіи, пока различныя непріятности

и болѣзни не заставили его покинуть и обсерваторію. Одляницкій оставилъ и Вильно и переѣхалъ на постоянное жительство въ іезуитскій Динабургскій монастырь, гдѣ и жилъ до самой своей смерти. Одляницкій скончался 8 (20) февраля 1810 года. Громадное большинство наблюденій Одляницкаго осталось неизвѣстнымъ для астрономовъ. Между тѣмъ, за время его дѣятельности въ Виленской обсерваторіи составилось 34 тома журналовъ (рукописныхъ) этихъ наблюденій, въ печати же имѣются, какъ кажется лишь результаты наблюденій за 1773 годъ «Cahiers des observations astronomiques, faites à l'Observatoire Royal de Vilna en 1773 a.»). Кромѣ того, немногія изъ этихъ наблюденій были обнародованы имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и преимущественно въ «Astronomisches Jahrbuch». Нѣкоторыя наблюденія Одляницкаго упоминаются у Цаха въ «Monatliche Corresp.» за 1802, 1804 и др. годы. Наблюденія надъ Меркуріемъ напечатаны Лаландомъ Въ «Mémoires de l'Académie» (1786). Изъ отдѣльно изданныхъ трудовъ, кромѣ отмѣченныхъ выше наиболѣе извѣстны: «O dawnosci zodiaqa Egipskego w Denderach» (1803); «Recherches sur le zodiaque de Denderah» (1805); «Sur l'antiquité du zodiaque de Denderah» (1805); «Obserwationes ad positionem stellarum» (1785). Кромѣ того, иногда Одляницкій брался за перо и въ качествѣ стихотворца; такъ, въ 1803 г. онъ написалъ латинскими стихами: «Ad Augustum Imperatorem Alexandrum I, carmen lectum in publico consessu Imp. Universitatis Vilnensis» (Стихотвореніе это въ русскомъ переводѣ было напечатано въ «Періодическомъ изданіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1803 г., № 3).

„Улей" 1812 г. ч. III, январь, стр. 11—25. ст. Спядецкаго, біографія; „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 г.; „Roczniki warszawskiego towarzystwa przyjaciół nauk" т. IX, „Tygodnik Illustrowany" на 1864, н. 267, „Encyklopedyja Powszechna" т. XX стр. 878—879. Kalendarz Astranomiczny 1861; Lalande: „Bibliographie astronomique"... Paris 1808; М. Гусевъ: „Столѣтіе существованія Виленской Обсерваторіи", Вильна 1853. *М. Корсавинъ.*

Ододуровъ, *Иванъ (Иванисъ) Григорьевичъ,* былъ постельничимъ при царѣ Шуйскомъ. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Семеномъ въ смутную эпоху междуцарствія Ододуровъ началъ службу въ числѣ воеводъ, вѣрныхъ отечеству. Въ 1609 году онъ былъ посланъ княземъ Михаиломъ Васильевиче[м] Скопинымъ-Шуйскимъ встрѣтить на гр[а]ницѣ шведовъ, которые шли на помощь ру[с]скимъ. Во время похода шведы взбун[то]вались и стали требовать. чтобы ихъ ве[ли] назадъ въ Швецію, князь Скопинъ-Шуйск[ій] послалъ увѣщевать ихъ Ододурова и послѣ[д]ній ихъ уговорилъ. Вскорѣ затѣмъ Одод[у]ровъ вмѣстѣ съ Головинымъ былъ посланъ [на] выручку Торжка, осажденнаго Зборовским[ъ] и Шаховскимъ; послѣ битвы 17 іюня и[мъ] удалось прогнать осаждавшихъ. Въ декаб[рѣ] 1614 года Государь указалъ изъ Моск[вы] послать на Донъ воеводу Иваниса Одод[у]рова навстрѣчу государевымъ послам[ъ] которые возвращались изъ Царьграда; [въ] томъ же году онъ былъ воеводою въ Пере[я]славѣ Рязанскомъ. Въ 1615 году Одод[у]ровъ былъ посланъ на Донъ противъ Т[у]рецкаго посла. Въ августѣ 1616 г. Одод[у]ровъ былъ назначенъ воеводой на Труб[ч...] а въ маѣ слѣдующаго—временно воевод[ой] же въ Дорогобужѣ. Когда въ концѣ с[ен]тябрѣ 1817 г. Владиславъ оставилъ См[о]ленскъ и соединился съ Ходкевичемъ, к[о]торый уже осаждалъ Дорогобужъ, Иван[исъ] Ододуровъ сдалъ городъ королевичу Вл[а]диславу, какъ царю Московскому, а сам[ъ] съ дворянами и дѣтьми боярскими пр[и]соединился къ его войску. Вяземскіе во[е]воды узнавъ о сдачѣ Дорогобужа разб[ѣ]жались. Владиславъ въ концѣ октября тор[]жественно вступилъ въ Вязьму; а Одод[у]ровъ и Зубовъ съ грамотой отъ корол[е]вича, какъ отъ царя и велик. кн. Вла[ди]слава Жигимонтовича, были посланы в[оз]мущать жителей. Но грамота не прои[з]вела желаннаго впечатлѣнія и Ододуро[въ] былъ схваченъ и вскорѣ сосланъ въ Ве[р]хотурье, откуда лишь послѣ усиленных[ъ] просьбъ, спустя нѣкоторое время, бы[лъ] перевезенъ въ Казань.

Временникъ, кн. II, стр. 82, кн. III, ст[р.] 82—84, 118. Дворцовые разряды, т. I, ст[р.] 145, 167; 222, 230, 287; II, 239. Приложеніе [ко] II тому Дворцов. разр., стр. 829. Стр[о]жевъ; „Тверское дворянство XVII вѣка", вы[п.] I, стр. 19. Соловьевъ: „Исторія Россіи" (из[д.] „Обществ. Польза") т. IX, 1138, 1139. Р[аз]рядныя книги, Спб., 1855, т. I, стр. 175, 2[...] 334, 335, 337, 387. Акты историческіе, Сп[б.] 1841, т. III, 73, 88, 89; т. II, 305. Акты архе[о]графическ. экспед., т. стр. 225. Барсуков[ъ] „Списки городов. воеводъ XVII ст.", Сп[б.] 1902, стр. 68, 173. *Конопасевичъ.*

Ододуровъ, *Лазарь Петровичъ.* [Въ] 1627 г. былъ въ Москвѣ объѣзжимъ г[о]ловою «для сбереженія отъ огня и во[...]

каго воровства»; въ 1633 г.—воеводой въ Мценскѣ; въ 1647 г. былъ посланъ встрѣтить персидскаго посла, который шелъ черезъ Московское государство въ Голштинію.

„Разрядныя книги", II, стр. 803; I, 1259, 1261. „Боярскія книги" I, стр. 277; II, стр. 244; III, стр. 161; IV, стр. 232. „Дворцовые разряды", Приложенія ко II т., стр. 952, 829.

Ододуровъ, *Семенъ Григорьевичъ,* въ качествѣ «ближняго дворянина» при царѣ Іоаннѣ IV (какъ сказано въ грамотѣ) былъ посланъ къ королю польскому Стефану, по поводу нарушенія пограничной межи Витебскимъ воеводою Станиславомъ Паца (послѣдній построилъ городъ «въ нашей Велижской волости»); въ томъ же году онъ еще разъ ходилъ къ королю польскому договариваться объ обмѣнѣ и выкупѣ плѣнныхъ. Ододуровъ принималъ также дѣятельное участіе въ войнѣ съ литовцами, какъ это видно изъ письма къ Ярославскимъ воеводамъ царя Василія Ивановича: онъ со смоленскою ратью, будучи воеводою въ Дорогобужѣ (1608—1609) очистилъ вмѣстѣ съ Я. Барятинскимъ Дорогобужъ и Вязьму и «во многихъ мѣстахъ многихъ воровъ и литовскихъ людей побили и живыхъ многихъ поймали». Когда въ 1609 году пришли шведы и нѣмецкія войска на помощь русскимъ, князь Михаилъ Шуйскій приказалъ Ододурову, который стоялъ со смоленскими людьми на Смоленскомъ рубежѣ, сойтись съ нимъ въ Твери.

„Древняя Россійская Вивліоѳика", ч. XIII, стр. 124; ч. XII, 137, 152. Н. П. Лихачевъ: „Разрядные дьяки", XVI в., стр. 488. Акты археографической экспедиц., т. II, стр. 238, стр. 226. Акты историческіе, II, 161, 173, 177, 273, 289. Барсуковъ: «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.", стр. 68.

Одоевскіе— русскій княжескій родъ, происходящій отъ удѣльныхъ князей Черниговскихъ. Третій сынъ св. князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго — князь *Семенъ Михайловичъ,* по смерти отца (1246 г.), получилъ въ удѣлъ Глуховъ и Новосиль и жилъ въ Новосилѣ; сынъ его, князь *Романъ Семеновичъ,* первый князь Одоевскій, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній татаръ, перенесъ свою столицу изъ Новосиля въ Одоевъ, который по его смерти и получили въ удѣлъ его два младшіе сына—князья *Левъ и Юрій Романовичи.* О потомствѣ князя Льва Романовича до насъ не дошло свѣдѣній, а у князя Юрія Романовича было три сына, изъ которыхъ двое, князья *Иванъ* и *Семенъ Юрьевичи* по владѣнію Одоевымъ также назывались Одоевскими. Сыновья князя Ивана Юрьевича, князья *Михаилъ* и *Ѳедоръ Ивановичи,* умерли бездѣтными, но дѣти князя Семена, князя *Иванъ, Василій* и *Петръ Семеновичи* (см. ниже) явились продолжателями рода князей Одоевскихъ.—Одоевскіе князья рано подпали литовскому вліянію: еще въ началѣ XV вѣка мы видимъ ихъ въ подчиненіи у великаго князя литовскаго Витовта. Въ половинѣ XV вѣка также встрѣчаются договорныя грамоты ихъ съ великими князьями литовскими, но уже въ концѣ XV вѣка часть Одоевскихъ князей, именно сыновья князя Семена Юрьевича, признали надъ собою власть великихъ князей московскихъ, участвовали во всѣхъ ихъ походахъ и даже вели войны со своими же родственниками, князьями Одоевскими, державшимися Литвы. По миру 1494 года уже всѣ князья Одоевскіе были оставлены за Москвою и съ этого времени мы постоянно находимъ ихъ на московской службѣ, гдѣ они, благодаря своей родовитости, быстро пріобрѣтали первыя мѣста, отодвигая на задній планъ старыхъ московскихъ бояръ; между прочимъ, они постоянно занимали нѣсколько мѣстъ въ боярской думѣ. Кровавая и тяжелая борьба Грознаго съ боярствомъ мало коснулась Одоевскихъ, которые отчасти вошли въ составъ опричнины, отчасти же вовсе избѣгали службы въ это трудное время. Тяжелымъ слѣдствіемъ этой эпохи для нихъ было ихъ обѣднѣніе, вслѣдствіе конфискаціи ихъ вотчинъ; а было время, когда они—по словамъ Курбскаго,—могли на свой счетъ выставлять и содержать по нѣсколько тысячъ ратниковъ. Въ смутное время нѣкоторые представители рода Одоевскихъ играли очень видную роль, которую сумѣли сохранить и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича они въ числѣ немногихъ старинныхъ княжескихъ родовъ удержали за собой мѣста въ боярской думѣ, и въ исходѣ XVII вѣка, четверо князей Одоевскихъ еще владѣли населенными имѣніями. Въ XVIII вѣкѣ, когда старинныя родовыя преимущества должны были уступить мѣсто личнымъ заслугамъ, мы находимъ еще нѣсколькихъ Одоевскихъ на замѣтныхъ административныхъ и военныхъ постахъ, а въ

XIX вѣкѣ среди нихъ появились видные представители науки и искусства. Угасъ родъ князей Одоевскихъ въ 1869 году со смертью князя *Владиміра Ѳедоровича* Одоевскаго, не оставившаго послѣ себя потомства. Въ 1878 году княжескій титулъ и фамилія рода были переданы Николаю Николаевичу Маслову, нынѣ генералъ-маіору.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, *Александръ Ивановичъ*— поэтъ-декабристъ, происходилъ изъ древней княжеской фамиліи. Родился онъ въ 1802 году, и благодаря отцу своему— Ивану Александровичу, горячо его любившему, получилъ прекрасное домашнее образованіе. 1 октября 1821 года Одоевскій поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, 1 мая 1822 года произведенъ былъ въ эстандартъ-юнкера, а 23 февраля 1823 года въ корнеты. Служа въ Петербургѣ, Одоевскій сблизился съ кружками тогдашней передовой молодежи, съ которыми его соединяли литературные, философскіе и общественные интересы. Тогда же, вѣроятно, Одоевскій ознакомился съ воззрѣніями Канта и Фихте. Увлекался онъ также нѣмецкой литературой, въ которой передъ другими отдавалъ предпочтеніе Шиллеру. Красивый, умный отъ природы и прекрасно образованный, благородный, кроткій и добрый въ душѣ, но энтузіастъ и съ пылкимъ воображеніемъ,— Одоевскій производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Онъ имѣлъ много друзей, какъ среди своихъ сослуживцевъ, такъ и въ литературномъ кругу, но тѣснѣе всего былъ привязанъ къ Грибоѣдову, которому приходился дальнимъ родственникомъ. Дружба Грибоѣдова и Одоевскаго сыграла большую роль въ жизни того и другого и была порою трогательна. Одоевскій не разъ удерживалъ пылкаго Грибоѣдова отъ легкихъ романовъ съ представительницами тогдашняго балета и предостерегалъ его, рѣзкаго и невоздержнаго на языкъ, отъ излишней откровенности передъ людьми, не отличавшимися ни скромностью, ни стойкостью убѣжденій. Во время извѣстнаго наводненія въ Петербургѣ въ 1824 году Одоевскій съ опасностью жизни старался добраться до дома, гдѣ проживалъ Грибоѣдовъ, чтобы его спасти. Съ своей стороны Грибоѣдовъ понималъ и умѣлъ цѣнить глубоко преданнаго ему Одоевскаго. Переживая одно время тяжелое настроеніе, онъ скрывалъ его отъ своего друга, боясь опечалить его, ибо былъ твердо увѣренъ, что тотъ отнесется къ нему съ горячимъ сочувствіемъ. Когда же Одоевскій попалъ въ Сибирь, Грибоѣдовъ глубоко страдалъ, онъ хлопоталъ передъ Паскевичемъ объ облегченіи его участи, старался утѣшить его нѣжными письмами и посылалъ ему книги, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить тѣ тяжелыя условія, въ какихъ находился близкій ему человѣкъ. Кромѣ Грибоѣдова, изъ представителей литературнаго міра Одоевскій ближе всего былъ къ Александру Бестужеву и Рылѣеву, при содѣйствіи котораго и сдѣлался въ началѣ 1824 года членомъ Тайнаго Сѣвернаго Общества. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе въ сходкахъ декабристовъ 12 и 13 декабря и на одной изъ нихъ въ восторгѣ воскликнулъ: «Умремъ! Ахъ, какъ славно умремъ»! Въ самый же роковой день, 14 декабря, какъ говоритъ оффиціальное донесеніе, онъ удерживалъ конногвардейцевъ, когда графъ Милорадовичъ по приказанію императора Николая, явился въ казармы съ тѣмъ, чтобы вести полкъ противъ возмутившихся войскъ. Съ Сенатской площади Одоевскій, по свидѣтельству однихъ, скрылся было въ квартирѣ своей тетки Ланской, но мужемъ ея отведенъ былъ во дворецъ, а, по разсказамъ другихъ, нашелъ пріютъ у А. А. Жандра, сначала его укрывшаго отъ преслѣдованія полиціи, а потомъ убѣдившаго его явиться самому съ повинною. Верховнымъ уголовнымъ судомъ онъ признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что участвовалъ въ умыслѣ бунта, принялъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ во время мятежа съ пистолетомъ въ рукахъ. При разборѣ дѣла, Одоевскаго зачислили въ четвертый разрядъ и присудили къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а по окончаніи ихъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. 10 іюня 1826 года приговоръ былъ формированъ Николаемъ I; 1. его объявили осужденному; 22 августа, когда, по случаю коронаціи, декабристамъ срокъ каторжныхъ работъ сбавили, Одоевскому его уменьшили до 8 лѣтъ. 1 февраля 1827 года Одоевскаго, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и братьями Бѣляевыми, отправили въ Сибирь — въ Читу. Тамъ на первое время помѣстили его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими декабристами въ старом.

казематѣ. Заключенныхъ ежедневно водили на работы: сначала копать ямы для вновь сооружавшагося зданія, а когда настало лѣто, зарывать оврагъ, находившійся въ концѣ села. Зимой перевели ихъ въ только что отстроенную тюрьму. Сюда же водворены были и ихъ товарищи, отбывавшіе до того времени срокъ въ Благодатскихъ рудникахъ. Пока съ родными, оставленными дома, не заведены были постоянныя сношенія, декабристы должны были довольствоваться ничтожнымъ казеннымъ содержаніемъ, что поставило бы ихъ въ бѣдственное положеніе, если бы жены нѣкоторыхъ изъ нихъ, явившіяся въ Сибирь, не поспѣшили на собственныя средства создать не только для своихъ мужей, но и для ихъ друзей болѣе или менѣе сносную обстановку. Вскорѣ отъ родныхъ и друзей стали получаться книги и газеты на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. За стѣнами каземата началось усердное чтеніе и совмѣстное обсужденіе прочитаннаго. Для развлеченія составился хоръ любителей пѣнія. Нашлись собственные музыканты, къ числу которыхъ принадлежалъ между прочимъ и Одоевскій. Принималъ Одоевскій также живое участіе и въ небольшомъ религіозномъ обществѣ вѣрующихъ, отыскавшемъ себѣ пріютъ въ одномъ изъ уголковъ каземата. Прозвано было это общество «конгрегаціей». На собраніяхъ его читались обыкновенно: Дѣянія апостоловъ, евангеліе, какая-нибудь проповѣдь и глава изъ «**Stunden der Andacht**» (въ русскомъ переводѣ А. Е. Розена); иногда участники его вели религіозно-философскіе споры. Въ концѣ 1828 года съ декабристовъ сняли оковы, а осенью 1830 года заключенныхъ въ Читѣ перевели въ Петровскій желѣзный заводъ (близъ Верхнеудинска), гдѣ была построена для нихъ особая тюрьма. Путешествіе изъ Читы въ Петровскій заводъ, хотя и подъ конвоемъ, произвело на декабристовъ, истомившихся за стѣнами острога, освѣжающее впечатлѣніе.

Въ новомъ помѣщеніи внутренній порядокъ ихъ жизни не перемѣнился. Попрежнему ихъ не обременяли работой, а они, какъ и раньше, все свободное время посвящали самообразованію. Съ этою цѣлью они устроили кружокъ, прозванный «академіей». Каждый изъ членовъ его обязанъ былъ прочитать нѣсколько лекцій по той отрасли знанія, въ которой онъ чувствовалъ себя наиболѣе компетентнымъ. На долю Одоевскаго выпало ознакомить товарищей съ исторіей русской словесности. Началъ онъ ее со «Слова о полку Игоревѣ» и довелъ до 1825 года. Излагалъ онъ свой предметъ наизусть, хотя въ рукахъ у него во время чтеній находилась тетрадка, оказавшаяся впослѣдствіи совершенно чистой. Изъ тюрьмы Одоевскій переписывался со своимъ отцемъ. Заключеніе, видимо, его не измѣняло. Онъ большею частью былъ такимъ же свѣжимъ, добрымъ, веселымъ и безпечнымъ, какимъ его знали до ссылки. Въ 1832 году, по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича, декабристамъ убавили срокъ работъ. Одоевскій, какъ зачисленный въ 1-й разрядъ, освобождался теперь совершенно отъ каторги и переходилъ на поселеніе. Въ началѣ 1833 года онъ оставилъ Петровскій острогъ и переведенъ былъ въ село Еланское, Иркутской губерніи. Отецъ Одоевскаго въ виду суроваго климата въ Иркутской губерніи ходатайствовалъ о дозволеніи сыну перейти въ Тобольскую, но прошло около двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ эта просьба была, наконецъ, удовлетворена. Лѣтомъ 1836 года Одоевскаго перевели въ Ишимъ, хотя самъ онъ мечталъ о Курганѣ, гдѣ находились его друзья: Розенъ и Назимовъ. Въ Ишимѣ онъ оказался было на первыхъ порахъ одинокимъ, совершенно изолированнымъ отъ товарищей, но вскорѣ сблизился съ А. М. Янушкевичемъ, очень умнымъ и образованнымъ полякомъ, отбывавшимъ въ то время наказаніе за участіе въ польскомъ возстаніи. Въ 1837 году, по ходатайству наслѣдника Александра Николаевича, участь декабристовъ, какъ извѣстно, была смягчена. Одоевскій попалъ въ число тѣхъ, которые переводились изъ Сибири на Кавказъ рядовыми. Говорятъ, что въ облегченіи судьбы поэта сыграло не малую роль и посланіе его къ отцу, сдѣлавшееся извѣстнымъ императору Николаю I и тронувшее его глубокимъ чувствомъ сыновней любви. Выѣзжая на югъ, Одоевскій въ Тобольскѣ послѣ четырехлѣтней разлуки радостно встрѣтилъ многихъ своихъ товарищей. Отсюда онъ отправился на Кавказъ вмѣстѣ съ Назимовымъ. На пути, въ Казани, произошло трогательное свиданіе Одоевскаго съ семидесятилѣтнимъ старикомъ отцемъ его, который много разъ пытался выхлопотать себѣ право посѣтить сына въ Сибири, но

не могъ добиться осуществленія своего пламеннаго желанія. Старикъ проводилъ сына до Симбирска и разстался съ нимъ, на этотъ разъ навсегда. Прощаясь, онъ просилъ Назимова беречь дорогого для нихъ обоихъ Александра Ивановича. Впослѣдствіи въ письмахъ Назимову на Кавказъ онъ именемъ Христа умолялъ его о томъ же самомъ. Одоевскій зачисленъ былъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, находившійся въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ царскихъ колодцевъ, въ ста верстахъ отъ Тифлиса. Сослуживцами Одоевскаго по этому полку оказались Л. С. Пушкинъ и Лермонтовъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ нашелъ пріятнаго собесѣдника, интересующагося вопросами литературы; во второмъ—близкаго друга, «дѣлившаго съ нимъ тоску изгнанія», а впослѣдствіи посвятившаго памяти его одно изъ самыхъ задушевныхъ своихъ произведеній. На Кавказѣ же Одоевскому пришлось познакомиться съ двумя «идеалистами» 30 годовъ: Н. М. Сатинымъ и Н. П. Огаревымъ. На Сатина онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Разстались они друзьями. Огаревъ передъ Одоевскимъ благоговѣлъ. Къ этому побуждало его не только прошлое поэта—декабриста, но весь складъ его нравственной физіономіи, и его тогдашнее настроеніе. Въ статьѣ «Кавказскія воды», характеризуя Одоевскаго, Огаревъ называлъ его «христоподобною» личностью, жаждущей человѣческой чистоты; не знающей, что такое личное счастье, и стремящейся исключительно къ самоотреченію. Кромѣ Пятигорска, Желѣзноводска и Ставрополя, гдѣ Одоевскій встрѣтился съ только что упомянутыми лицами, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Тифлисъ, въ которомъ имѣлъ возможность исполнить свое давнишнее желаніе—помолиться на могилѣ своего друга Грибоѣдова. Въ 1839 году предпринята была подъ начальствомъ генерала Н. Н. Раевскаго экспедиція на берегъ Чернаго моря, съ цѣлью укрѣпленія Лазаревскаго форта между Субаши и Сочи. Въ ней приняли участіе почти всѣ декабристы, отбывавшіе наказаніе на Кавказѣ, а съ ними и Одоевскій, прикомандированный къ полку линейныхъ казаковъ. Видя удальство послѣднихъ, Одоевскій сталъ имъ подражать и нѣкоторое время самъ увлекался военными подвигами.— Лѣтомъ того же года пришло извѣстіе о смерти старика-отца Одоевскаго. Какъ громомъ, оно поразило сына. Быстро онъ измѣнился физически и духовно, обратившись изъ веселаго, дѣтски-безпечнаго въ грустнаго и задумчиваго. Раньше онъ любилъ общество, теперь по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ палатки; говорилъ, что у него порвалась послѣдняя связь съ жизнью; просился въ «дѣло», увѣряя, что перстъ Божій указываетъ ему развязку съ постылымъ существованіемъ. Онъ не разъ подвергался опасности быть убитымъ, но сраженъ былъ не оружіемъ, а мѣстною жестокою лихорадкою. Умеръ онъ или, какъ выразился одинъ изъ его друзей, «отдалъ Богу послѣдній вздохъ безпредѣльной любви» въ Псезуапе 15 августа 1839 года, въ присутствіи своихъ читинскихъ товарищей: Н. А. Загорѣцкаго и К. Е. Игельстрома, на рукахъ «олицетворенной» доброты и честности—поручика-финляндца Сальстета, котораго покойный любилъ за его дѣтскую доброту и искренность. Смерть Одоевскаго одинаково оплакивали какъ его товарищи декабристы, такъ и офицеры и простые солдаты. Похоронили его у самаго моря. На могилѣ поставили простой деревянный крестъ, окрашенный въ красную краску. Вскорѣ укрѣпленіе перешло къ горцамъ. Когда же оно стало опять нашимъ, и одинъ изъ друзей поэта вздумалъ посѣтить могилу его, онъ увидѣлъ, что она была разрыта. Такъ, безъ слѣда исчезло мѣсто погребенія Одоевскаго.

Быть можетъ, и поэзія Одоевскаго безъ слѣда исчезла бы для потомства, если бы друзья безпечнаго или излишне-скромнаго поэта не записывали его произведеній, чего онъ самъ почти никогда не дѣлалъ. При жизни Одоевскаго напечатано было лишь одно его стихотвореніе («Сенъ-Бернаръ»), да и то безъ его вѣдома, потомъ стихотворенія Одоевскаго время отъ времени появлялись то за границей, то у насъ, въ Россіи, преимущественно въ историческихъ журналахъ. Только въ 1883 году вышелъ небольшой сборникъ ихъ, изданный однимъ изъ оставшихся въ живыхъ друзей поэта—декабристомъ Розеномъ. Въ немъ болѣе половины занято было стихотвореніями, до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстными.

Изъ произведеній Одоевскаго, сохранившихся до насъ, самыя раннія — двѣ его критическія статьи, впервые напечатанныя въ 1825 году, въ «Сынѣ Отече-

ства». Двадцатые годы были временемъ, когда въ нашей журналистикѣ велась ожесточенная борьба между классицизмомъ и романтизмомъ. Одоевскій, какъ критикъ, принадлежалъ къ молодой литературной партіи. Позже и какъ поэтъ онъ отдалъ дань романтизму, создавъ въ духѣ его историческую поэму «Василько». Но не въ поэмѣ и не въ патріотическихъ стихотвореніяхъ (были и такія у Одоевскаго) главнымъ образомъ надо искать характерныя особенности его поэзіи, а въ его лирикѣ, созданной подъ впечатлѣніями жизненныхъ обстоятельствъ, близко его касавшихся. Въ исторіи русской литературы среди поэтовъ-современниковъ Пушкина Одоевскій долженъ занять не послѣднее мѣсто. Правда, его произведенія не свидѣтельствуютъ о богатой творческой фантазіи автора, но зато отличаются всегда глубиной чувства, искренностью и удивительной задушевностью. Такъ какъ жизнь рѣдко дарила поэта радостью, то и характеръ ихъ почти всегда меланхолическій. Одоевскій «пѣлъ», какъ онъ выражался, «изъ гроба», пѣлъ о томъ, какъ тяжело томиться въ этомъ гробу, когда такъ мучительно хочется жить,— вдали отъ дорогихъ сердцу людей, безъ надежды на счастье, безъ общественной дѣятельности, безъ всего, что согрѣваетъ насъ своимъ привѣтомъ и осмысливаетъ наше существованіе. Но пѣсни его чужды отчаянія, и въ нихъ не слышно проклятій людямъ. Напротивъ, они проникнуты «гордою вѣрой въ жизнь иную», и не только *тамъ*, на небесахъ, но и *здѣсь*, среди людей, къ которымъ лишь изрѣдка онъ обращался съ легкимъ упрекомъ за ихъ излишнюю холодность и недостатокъ въ нихъ сердечности. Рисуя картины неволи, поэтъ не забывалъ, что за стѣнами острога существуетъ другой міръ, сіяющій красотой, и жизнь, полная великаго смысла. Объ этомъ мірѣ напоминали ему мечты о прожитомъ, его друзья и ихъ героини-жены. Мечты онъ любилъ, какъ друзей; друзьямъ отдавалъ всю свою нѣжную душу, а передъ подвигами героинь благоговѣлъ, какъ передъ святыней. Лермонтовъ сказалъ, что Одоевскій былъ рожденъ для поэзіи и счастья. Поэзія ему никогда не измѣняла: она была постояннымъ и вѣрнымъ спутникомъ въ его нерадостной жизни. Онъ черпалъ въ ней «всѣ радости, усладу скорбныхъ дней, когда въ снѣгахъ пустынныхъ», а потомъ въ странѣ изгнанья онъ «славилъ міръ, его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ, Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли». Счастья же онъ, повидимому, не зналъ, и глубоко воспріимчивое сердце его осталось, кажется, безъ отвѣта. Воспоминаніе о какомъ то образѣ «свѣтлоокомъ» «тревожило покой его души»; поэтъ носился за нимъ мыслью, «какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ», но нѣжно о немъ вспоминая, онъ все таки «тосковалъ» одиноко, «усталой душой сиротѣя». Зато онъ зналъ счастье горячей отцовской любви, за которую — съ своей стороны—платилъ глубокимъ сыновнимъ чувствомъ. Въ этомъ чувствѣ онъ «слилъ всю» свою «жизнь», всѣ силы, какія пощадила въ немъ его судьба.

Одоевскій во многихъ отношеніяхъ является сыномъ своего времени. Религіозный идеализмъ, который служилъ основнымъ началомъ всей его жизни и которымъ проникнута его поэзія, не былъ чуждъ большинству его сверстниковъ, но въ Одоевскомъ онъ выразился съ особенной силой, благодаря его индивидуальнымъ особенностямъ: удивительно нѣжной организаціи сердца, способнаго отдаваться любви до самозабвенія. Въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведеній, относящихся къ кн. М. Н. Волконской, поэтъ изображаетъ женъ декабристовъ въ образахъ ангеловъ-утѣшителей, «низлетѣвшихъ съ лазури въ суровый край, посвященный слезамъ и скорби». Такимъ ангеломъ - утѣшителемъ представляется и самъ Одóевскій. Въ «жестокій» вѣкъ, когда чувствительность не особенно жаловалась, онъ приносилъ «любовь и миръ душевный» каждому, съ кѣмъ встрѣчался. Недаромъ всѣ, знавшіе его, такъ очаровывались имъ. Въ поэзіи Одоевскаго отразилась кристально-чистая душа его, глубоко любившая жизнь и пламенно стремившаяся къ идеалу.

Полное собраніе стихотвореній А. И. Одоевскаго. Собралъ А. Е. Розенъ. Спб. 1883; Сочиненія А. И. Одоевскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями, составл. М. Н. Мазаевымъ. Изд. Е. Евдокимова. Спб. 1893 г. Отвѣтъ на посланіе Пушкина („Голоса изъ Россіи“, ч. IV. Лондонъ. 1858 г. и „Русск. Архивъ“, 1881 г., т. I). При извѣстіи о польской революціи („Русская потаенная литература 19 стол.“, Отд. I. Стих. Часть I. Съ пред. Н. Огарева. Лейпцигъ, 1861 г.). Библіотека русскихъ авторовъ. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II. Лейпцигъ. 1862 г.— „Русская старина“: 1870 г., т. I (письма А. И. и его отца). Записки М. А. Бестужева); 1874 г., т. X и XI; 1875, т. XIII; 1878, т. XXI;

1881 и 1882 (Воспоминанія А. П. Бѣляевъ); 1882, т. XXXIII и XXXIV; 1883, т. XXXIX; 1887, т. LIII, 1888, т. LVIII; 1890, т. LXVIII; 1897, т. LXXXIX. „Русскій Архивъ“, 1869 г.; 1874, т. I; 1874, т. I и II (Записки Н. Ив. Лорера); 1881, т. II; 1883, т. III (Воспоминанія Г. И. Филипсона); 1885, т. III; 1899, т. II. „Историческій Вѣстникъ“: 1883, № 2 и 5 (біографическій очеркъ, сост. А. Сироткинымъ); 1884, № 11 и 12; 1896, № 5 (В. А. Тимирязевъ. Піонеры просвѣщенія въ западной Сибири). 1900 г., № 6 (Н. Даниловъ. Забытая писательница). „Литературный Вѣстникъ“ 1901 г., т. I (кн. 4) и т. II (кн. 5 и 7). „Девятнадцатый вѣкъ“, 1872, т. I (Записки Н. В. Басаргина), „Древняя и новая Россія“, 1878, т. II и 1879, кн. 4 (Д. Завалишинъ: Воспоминанія о Грибоѣдовѣ), „Новое Время“, 1883 г., № 2496; „Русская Мысль“ 1893 г., № 4. „Дѣло“ 1883, № 2. „Отечественныя Записки“, 1883, № 2. „Библіографическія Записки“, 1861 г., № 18. „Русское Богатство“; 1901 г., № 9 (Н. А. Котляревскій. Литературная дѣятельность декабристовъ). „Полярная Звѣзда“: на 1861 г. № 6 („Кавказскія воды“ Н. Огарева); на 1862 г., кн. 7, вып. 2. Записки декабристовъ. Лондонъ. 1863, вып. 2 и 3-й. Записки П. А. Каратыгина. Спб. 1880 г. Пыпинъ А. „Общественное движеніе при Александрѣ I“. Спб. 1885 (также и его „Исторія русской литературы“). Веселовскій А. Этюды и характеристики (его же статья о Грибоѣдовѣ въ сборникѣ „Почипъ“ на 1895 г.). Изъ воспоминаній Н. М. Сатина („Почипъ“ на 1895 г.) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. М. 1896. С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Записки С. Г. Волконскаго. Спб. 1901. Прот. Т. Д. Буткевичъ. Религіозныя убѣжденія декабристовъ. Харьковъ. 1900. Записки А. Е. Розена (заграничныя и русскія изданія). Сочиненія Лермонтова: Изд. 1873, подъ ред. П. А Ефремова и 1891 г., т. 6 (біографія Лермонтова— П. А. Висковатова). Сочиненія Грибоѣдова, изд. 1889 г.

С. Переселенковъ.

Одоевскій, князь *Алексѣй Никитичъ*, сынъ боярина князя Никиты Ивановича. Упоминается съ 1648 года, когда 5 апрѣля былъ пожалованъ въ стольники; въ этомъ званіи онъ и прошелъ всю свою недолголѣтнюю службу при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, участвуя въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ и пріемахъ иностранныхъ пословъ. Въ 1654 году онъ, въ качествѣ рынды, сопровождалъ царя въ его походѣ на Польшу; въ 1655 году онъ былъ при царѣ въ Польшѣ уже въ званіи головы сотни стольниковъ, отличился въ этомъ походѣ, по возвращеніи въ Москву получилъ въ награду придачу къ своему окладу, но 15 декабря того-же года умеръ и былъ похороненъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукопись Имп. Публ. Библ.) IV, 509—510; Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 254 Дворцовые разряды III, 415, 418, 462—465 Русская Историч. Библіотека X, 443, 444.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Василій Семенович[...]* по прозванію Швихъ, сынъ князя Семен[...] Юрьевича Одоевскаго, вмѣстѣ съ своими братьями перешелъ на службу къ Москвѣ, пользовался расположеніемъ великаго князя Іоанна III и въ 1497 г. былъ намѣстникомъ въ Муромѣ.

Съ его именемъ и именемъ его брата князя Ивана Семеновича, постоянно связаны ссоры и несогласія съ литовскими великимъ княземъ и съ удѣльными князьями, служилыми Литвѣ. Въ 1485 году м[...] встрѣчаемъ жалобу литовскихъ пословъ н[...] то, что Одоевскіе князья—«князь Иванъ [...] братьею»—притѣсняютъ служилыхъ Литв[...] князей Мезецкихъ; а въ 1492 году он[...] принималъ участіе въ борьбѣ за старшинство своего брата, князя Ивана, с[...] своимъ же двоюроднымъ братомъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, тянувшимъ сторону Литвы. Князь Василій Семенович[...] принялъ сторону своего родного брата [...] помогалъ ему въ борьбѣ съ княземъ Ѳедоромъ. Съ 1499 года въ качествѣ служилаго московскаго князя, кн. Одоевскій участвовалъ почти во всѣхъ походахъ в[...] князя Іоанна III-го: въ 1499 году он[...] вмѣстѣ съ князьями Перемышльскими, разбилъ татаръ, явившихся подъ Козельск[...] въ декабрѣ 1502 года участвовалъ въ п[...]ходѣ на Литву и Лифляндію воевод[...] правой руки подъ начальствомъ князя Семена Ивановича Стародубскаго, въ 1506 [...] онъ получилъ санъ боярина и связанн[...] съ нимъ участіе въ боярской думѣ. В[...] 1507 году князь Василій Семеновичъ был[...] воеводой въ Ржевцѣ у Бѣлева, откуд[...] ходилъ на Стародубъ, потомъ мы его снов[...] видимъ воеводой въ Бѣлевѣ. Въ август[...] этого же года, когда явились подъ Бѣлев[...] и Одоевъ татары, князь Василій Семеновичъ вмѣстѣ съ другими воеводами выступилъ противъ нихъ, нагналъ ихъ у Ок[...] здѣсь разбилъ и гналъ до рѣчки Рыбниц[...] Въ 1513 году Одоевскій участвовалъ в[...] походѣ великаго князя Василія III по[...] Смоленскъ, въ 1514 году былъ воевод[...] на восточной границѣ Московскаго Государства, для храненія на случай нашествія казанскихъ татаръ, потомъ был[...] воеводой на югѣ и, услышавъ о нашеств[...]

крымцевъ, сначала посылалъ противъ нихъ отдѣльные отряды, а потомъ и самъ явился и выгналъ ихъ изъ московскихъ предѣловъ. Въ 1516 и 1517 годахъ мы находимъ князя Василія Семеновича воеводой на Вошанѣ, въ 1520 году онъ былъ въ Серпуховѣ и на Угрѣ, въ 1521 году на Упѣ, въ 1522 — снова въ Серпуховѣ; въ 1527 и 1528 годахъ онъ былъ первымъ воеводой на Украйнѣ у Рославля и не разъ отражалъ татаръ, пытавшихся дѣлать набѣги на московскую территорію. Въ 1529 году Одоевскій былъ воеводой войскъ, расположенныхъ на Окѣ, отражалъ нападеніе крымскихъ татаръ на эти области и выгонялъ крымцевъ изъ Россіи, отбивая плѣнныхъ, которыхъ татары успѣли взять въ южныхъ поселеніяхъ Московскаго государства. Въ 1533 году Одоевскій былъ воеводой сперва въ Одоевѣ, а потомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ; въ 1534 году онъ былъ воеводой въ Боровскѣ и здѣсь въ этомъ же году и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ". (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 489—490; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VI, 246, 259, 265, VII, 247, 261, 272; Разрядная книга — изд. Милюкова (Чтенія Московск. общ. Исторіи и Древностей 1902, I) 32, 48, 58, 60, 62, 63, 68, 70, 72, 75, 76, 77, 89, 92; Сборн. Русск. Истор. Общ. XXXV, 3, 4, 7, 17; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, пр. 544. *Е. Лихачъ.*

Одоевскій, князь *Василій Юрьевичъ*,— сынъ боярина кн. Юрія Михайловича, завѣдывавшій Московской Оружейной Палатой. Родился въ 1672 году, ум. 16 окт. 1752 г. 18-го января 1722 года, будучи въ чинѣ полковника, кн. Одоевскій былъ представленъ въ числѣ кандидатовъ на должность президента штатсъ - конторы, однако назначеніе это не состоялось и онъ оставленъ былъ при дѣлахъ Адмиралтействъ - коллегіи. Произведенный 5 - го апрѣля 1726 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ въ томъ же году 23-го декабря былъ уволенъ отъ дѣлъ Адмиралтействъ-коллегіи и назначенъ въ Москву къ дѣламъ Мастерской Палаты, при чемъ ему въ завѣдываніе поручена была Оружейная Палата и Конюшенная казна. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ со стольникомъ Аѳанасіемъ Савеловымъ, кн. Одоевскому поручено было произвести опись всего имѣющагося въ Московской Оружейной Палатѣ, на конюшенныхъ и казенныхъ дворахъ и въ Мастерской палатѣ, а вслѣдъ затѣмъ, послѣ коронованія императора Петра II ему же сданы были на храненіе императорская корона, регаліи и проч., послѣ чего онъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалъ завѣдывать Московской Оружейной Палатой. Кн. В. Ю. Одоевскій былъ женатъ на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Лыковой.

П. Барановъ: „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ Спб. Сенатскомъ Архивѣ" т. I, Спб. 1872 г. стр. 83 (950), т. II, Спб. 1875 г. стр. 47 (1999), 106 (2598), 138 (2918), 175 (3307), 188 (3435), 230 (3852); „Сенатскій Архивъ" т. VII, Спб. 1895 г., стр. 650; кн. Петръ Долгорукій: „Россійская родословная книга" ч. I, Спб. 1854 г., стр. 55. *Е. В.*

Одоевскій, князь *Василій Ѳедоровичъ*, сынъ князя Ѳедора Никитича, бояринъ. Упоминается впервые въ 1675 году въ званіи стольника въ свитѣ царя Алексѣя Михаиловича; 9 мая 1676 года князю Василію Ѳедоровичу былъ пожалованъ чинъ крайчаго съ путемъ и данъ довольно большой по тому времени окладъ— 350 рублей, а въ боярскихъ книгахъ и спискахъ приказано было писать его выше окольничихъ, такъ какъ крайчество онъ получилъ «съ путемъ». Послѣ этого мы его видимъ при дворѣ царя Ѳедора Алексѣевича, гдѣ онъ занималъ довольно видные посты: съ 1678 года вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ, бояриномъ княземъ Никитой Ивановичемъ, засѣдалъ въ Аптекарскомъ приказѣ; 9 марта 1680 года былъ пожалованъ въ бояре и получилъ высокій санъ дворецкаго, причемъ былъ поставленъ во главѣ управленія приказами Большого дворца, денежнаго сбора, хлѣбнаго и судно-дворцоваго, къ которому были присоединены оружейная, золотая и серебряная палаты. Всѣми этими палатами и приказами Одоевскій управлялъ до самой своей смерти, причемъ не переставалъ управлять и Аптекарскимъ приказомъ, въ которомъ производилъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ то время западникомъ и приверженцемъ всего иноземнаго дьякомъ Андреемъ Виніусомъ, цѣлый рядъ улучшеній, вызывалъ новыхъ врачей изъ-за границы и постоянно поддерживалъ съ иноземцами близкія сношенія. Въ 1682 году князь Василій Ѳедоровичъ участвовалъ въ соборѣ объ уничтоженіи мѣстничества и подписался подъ дѣяніемъ этого собора. По смерти царя Ѳедора Алексѣевича, Одоевскій подвергся большой опасности погибнуть во время стрѣлецкаго бунта, такъ какъ на него до-

носили толпѣ, будто онъ говорилъ, «что стрѣльцовъ вѣшать и казнить и рубить». Однако онъ сохранилъ свое положеніе и въ правленіе царевны Софьи и былъ въ свитѣ царя Іоанна Алексѣевича, котораго сопровождалъ во всѣхъ поѣздкахъ по монастырямъ и пустынямъ. Умеръ князь Василій Өедоровичъ Одоевскій 20 декабря 1686 года и похороненъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ". (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 515—516; Древняя Россійская Вивліоѳика (2-е изд.) IX, 257—259; Русская Истор. Библіотека V, 871, XI, 369, 370, XII 584, 589; Разрядныя книги II, 1114, 1116; Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ IV, 319, 407; Дополненіе къ Актамъ историческ. VII, 102, 318, VIII, 20, 21, 23, IX, 105, 154, 202, X, 31, 173, 175, 178, 180—181, 183, 186, 394.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Владиміръ Өедоровичъ*,—сенаторъ, гофмейстеръ Двора Его Величества, писатель, энциклопедистъ, музыкантъ, послѣдній представитель княжескаго рода Одоевскихъ, угасшаго съ его смертью. Родился въ Москвѣ 30-го іюля 1803 года, ум. 27 февраля 1869 г., тамъ же. Онъ былъ единственнымъ сыномъ кн. Өедора Сергѣевича Одоевскаго (род. въ 1771 г., ум. 6 іюня 1808 г.), въ молодости служившаго въ военной службѣ, затѣмъ перешедшаго на статскую; съ 1797 г. по день смерти онъ занималъ должность директора Московскаго Отдѣленія Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка. Матерью кн. В. Ө. Одоевскаго была простолюдинка, каковое обстоятельство, быть можетъ, имѣло свою долю значенія въ позднѣйшей горячей дѣятельности князя на пользу народа.—Внѣшняя біографія кн. В. Ө. Одоевскаго немногосложна. Рано потерявъ родителей, онъ остался на попеченіи своихъ родственниковъ и между прочимъ дяди—извѣстнаго благотворителя кн. П. И. Одоевскаго. Образованіе получилъ въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1822 году съ золотою медалью и 5 іюля 1826 года поступилъ въ Московское дворянское депутатское собраніе; впрочемъ, кн. Одоевскій скоро переселился въ Петербургъ и уже въ октябрѣ того же 1826 года опредѣлился на службу въ Цензурный комитетъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и менѣе, чѣмъ черезъ годъ былъ назначенъ секретаремъ Общаго собранія комитета; въ этой должности ему, между прочимъ, пришлось принять серьезное участіе въ пересмотрѣ стараго цензурнаго устава («чугуннаго») и выработкѣ новаго, вступившаго въ силу съ 22 апр. 1828 года. Въ цензурномъ комитетѣ, въ качествѣ библіотекаря, кн. Одоевскій продолжалъ службу и по переходѣ комитета въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. Помимо этого, кн. Одоевскій въ іюнѣ 1828 г. опредѣлился въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій — столоначальникомъ, каковую должность занималъ до января 1838 года, пока не получилъ назначенія состоять членомъ-сотрудникомъ комитета редакціи Журнала Минист. внутрен. дѣлъ. Въ качествѣ чиновника при названномъ министерствѣ, кн. Одоевскій въ 1830 годахъ исполнялъ множество особыхъ порученій, не имѣвшихъ ничего общаго съ его ученой и литературной дѣятельностью, которая къ тому времени приняла уже такіе размѣры, что сдѣлала имя князя небезъизвѣстнымъ въ учено-литературной средѣ. Между прочимъ, ему приходилось присутствовать при производствѣ новоизобрѣтеннаго способа очистки сомовьяго клея, разсматривать усовершенствованныя печи, механическіе кухонные очаги; затѣмъ князь былъ назначаемъ въ составъ такого рода коммиссій, какъ коммиссія для составленія правилъ о производствѣ слѣдствій, коммиссія для усовершенствованія пожарной части С.-Петербурга, наконецъ, коммиссія о приведеніи въ единообразіе россійскихъ мѣръ и вѣсовъ и т. п. Подобныя порученія и занятія нерѣдко тяготили князя, но не умаляли его необычайной энергіи и послужили для него, какъ онъ самъ впослѣдствіи признавался,—немалой и полезной школой.—Кромѣ службы въ Министерствѣ внутр. дѣлъ, кн. Одоевскій съ 11 февраля 1838 года несъ обязанности члена Ученаго комитета Минист. государствен. имуществъ, въ каковомъ вѣдомствѣ князь началъ службу еще съ мая 1833 г., въ качествѣ члена Общаго присутствія департамента. Затѣмъ, 3 мая 1840 года кн. Одоевскій поступилъ старшимъ чиновникомъ во 2-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, въ которой прослужилъ около шести лѣтъ (до 20 іюня 1846 г.); 16 апрѣля 1841 г. князь былъ пожалованъ въ статскіе, а 25 января 1845 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1846 году кн. Одоевскій назначается помощникомъ ди-

ректора Императорской публичной библіотеки и завѣдующимъ Румянцевскимъ музеемъ, (который тогда находился еще въ Петербургѣ). Въ бытность свою помощникомъ директора библіотеки онъ не разъ исполнялъ обязанности директора, а въ 1859 г., между прочимъ, ѣздилъ депутатомъ отъ библіотеки въ Веймаръ на юбилей Шиллера. (Въ первый разъ кн. Одоевскій ѣздилъ за границу, для поправленія здоровья, въ 1856 г. и посѣтилъ Францію, Германію и Швейцарію). Въ 1861 г., когда Музей рѣшено было (не безъ вліянія самого князя) перевести въ Москву, кн. Одоевскій былъ уволенъ отъ должности завѣдующаго музеемъ, а въ ноябрѣ того же года ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Сначала онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ 1 отдѣленіи 6 департамента, а съ 26 декабря 1861 года въ 8 департаментѣ, въ которомъ съ 23 дек. 1864 г. онъ былъ первоприсутствующимъ. Состоя въ званіи сенатора, кн. Одоевскій и скончался въ Москвѣ, 27 февраля 1869 г., отъ воспаленія мозга. На докладѣ о его смерти Императоръ Александръ II написалъ: «Искренно о немъ сожалѣю».—Согласно завѣщанію, кн. Одоевскій былъ похороненъ безъ всякой торжественности на кладбищѣ Московскаго Донского монастыря, близъ такъ называемой больничной церкви во имя Архангела Михаила.—Кн. В. Ѳ. Одоевскій былъ женатъ (съ 1826 г.) на Ольгѣ Степановнѣ рожд. Ланской (род. 11 янв. 1797 г., ум. 18 мая 1872 г.); дѣтей не имѣлъ.

Въ своей автобіографической замѣткѣ, составленной по просьбѣ Полторацкаго, кн. В. Ѳ. Одоевскій, между прочимъ, сказалъ о себѣ: «Къ числу убѣжденій кн. В. Одоевскаго принадлежитъ и слѣдующее: человѣкъ не долженъ ни создавать для себя самъ произвольно какой-либо дѣятельности, ни отказываться отъ той, къ которой призываетъ его сопряженіе обстоятельствъ его жизни». Кн. Владиміръ Ѳедоровичъ прослужилъ въ качествѣ чиновника слишкомъ 40 лѣтъ и ни разу во всей своей служебной дѣятельности не измѣнялъ этому своему убѣжденію. Значенье государственной службы онъ ставилъ высоко, и въ одномъ изъ своихъ «Петербургскихъ писемъ» доказывалъ, что служить необходимо каждому, кто желаетъ принести пользу отечеству. Его основными качествами, какъ чиновника, были—необычайное трудолюбіе, энергія, не покидавшая его до 60-лѣтняго возраста, до послѣдняго часа, безусловная честность и, по истинѣ, рѣдкая добросовѣстность. Князю Одоевскому, какъ человѣку, привыкшему къ теоретическимъ выкладкамъ приходилось нерѣдко ошибаться, въ особенности тамъ, гдѣ теорія не мирилась съ практикой,—но онъ всегда былъ готовъ сознаться въ своей ошибкѣ. Впрочемъ, отъ грубыхъ ошибокъ князя спасала его добросовѣстность, богатыя разностороннія способности и основательная энциклопедичность его образованья. Послѣдними качествами не трудно отчасти объяснить и вѣрность кн. Одоевскаго одному изъ только что высказанныхъ убѣжденій: — не отказываться отъ той (дѣятельности), къ которой призываетъ человѣка сопряженіе обстоятельствъ его жизни». Являясь всюду во всеоружіи своихъ отмѣнныхъ дарованій и глубокой эрудиціи и прилагая вездѣ свое образцовое трудолюбіе, кн. Одоевскій всегда чувствовалъ себя на мѣстѣ: рѣшалъ ли онъ вопросы цензурные, осматривалъ ли усовершенствованные кухонные очаги, рылся ли въ книжныхъ шкафахъ въ качествѣ библіотекаря, работалъ-ли для благоустройства Петербурга, какъ гласный Думы, вершилъ-ли дѣла юридическаго характера въ званіи сенатора, дѣлалъ ли химическія изслѣдованія въ своей домашней лабораторіи, писалъ ли философскіе трактаты и беллетристическія статьи въ качествѣ философа, писателя - публициста, принималъ ли участіе въ разрѣшеніи нуждъ и вопросовъ педагогическихъ, занимался-ли разработкой вопросовъ искусства, въ особенности музыки, какъ музыкантъ-теоретикъ и археологъ, наконецъ, изыскивалъ-ли средства для облегченія участи бѣдныхъ и страждующихъ и т. д. и т. д. Короче, говоря словами самого князя, онъ «исполнялъ свое дѣло жизни по мѣрѣ силъ своихъ», всю жизнь свою «старался кое-что дѣлать и учился искусству кое-что дѣлать», не считая унизительной никакую работу, въ полезность которой вѣрилъ. Онъ вѣрилъ въ несовершенство существующаго въ мірѣ, но вѣрилъ и въ то, что «изъ суммы отдѣльныхъ усилій каждаго человѣка въ сферѣ образуемой общею дѣятельностью всего человѣчества, произошло бы нѣчто болѣе стройное, нежели то, что существуетъ донынѣ въ мірѣ». Эта-то вѣра въ воз-

можность побѣды надъ зломъ, при условіи «усилій», энергіи, эта-то энергія и вѣра въ жизнь окрыляла всѣ дѣйствія и цѣли Одоевскаго и въ трудныя минуты поддерживала въ немъ интересъ къ жизни и дѣятельности, какъ необходимому элементу счастья. Жить—это значитъ дѣйствовать — говорилъ и писалъ кн. Одоевскій. Все же зло въ мірѣ происходитъ, по его мнѣнію, отъ лжи, на борьбу съ которой князю также пришлось израсходовать не мало силъ. «Ложь въ искусствѣ, ложь въ наукѣ и ложь въ жизни—писалъ онъ однажды — были всегда и моими врагами и моими мучителями: всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду онѣ меня преслѣдовали». Одна изъ главъ его неоконченнаго сочиненія: «Житейскій бытъ» носитъ названіе: «О лжи и лѣни, ихъ неестественности, а потому вредѣ для общества». — На надгробномъ камнѣ, закрывающемъ могилу кн. Одоевскаго, выбито: «блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ». Говоря по человѣческому разумѣнію, кн. Одоевскій былъ чистъ сердцемъ, чисты были помыслы его, были чисты всѣ движенія его сердца, направленныя по преимуществу ко благу своего ближняго. Какимъ былъ кн. Одоевскій въ качествѣ чиновника, такимъ былъ онъ и во всей своей широкой общественной и частной жизни. Всегда правдивый и искренній, врагъ предразсудковъ и честолюбія, вѣчно чѣмъ-нибудь занятый, Одоевскій, не покладая рукъ, дѣлалъ свое дѣло,—дѣло служенія ближнему, отечеству, и всего менѣе для себя лично. Въ его руки приходили и черезъ его руки проходили десятки, сотни тысячъ рублей и онъ умеръ, можно сказать, бѣднякомъ; потомокъ Рюриковичей, славный представитель славнаго рода Одоевскихъ, князь не только не кичился своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, но всегда старался показать, какъ мало оно значитъ и какъ много недостатковъ въ нашемъ дворянствѣ; онъ сливался съ разночинцами (его дѣятельность въ роли гласнаго С.-Петербургской Думы), работалъ для народа, и между прочимъ писалъ Государю: «Я убѣжденъ, что единственное привиллегированное сословіе у насъ есть царское семейство, и никто болѣе, да и члены сего семейства суть подданные»; наконецъ, вліятельный сановникъ, имѣвшій отмѣнныя связи, покровительствуемый и ласкае-

мый высочайшими особами, украшенны
гофмейстерскимъ званіемъ, кн. Одоевскі
чуждался чиновъ и почестей и искрен
просилъ не награждать его чиномъ та
наго совѣтника, къ которому его хотѣли пре
ставить за доброе, безпорочное служе
и «совершенное самоотверженіе» (и
докладной записки барона Корфа).
всѣ стороны общественной дѣятельнос
кн. Одоевскаго замыкаются рамками фо
муляра. Кромѣ службы отечеству, вы
отмѣченной, кн. Одоевскій оказалъ гр
мадныя услуги своей родинѣ и на
прищѣ общественнаго призрѣнія. На это
поприщѣ онъ явился не столько дѣльны
продолжателемъ немногаго начатаго, ско
ко блестящимъ инициаторомъ и организа
ромъ новаго и на широкихъ началахъ
ставленнаго дѣла общественной филантр
піи. Его сострадательное око и доброе се
це, еще съ молодыхъ лѣтъ, останавливала
себѣ судьба безпомощныхъ членовъ наше
общества: младенцы, дѣти, старцы, бол
ные, бѣдные и обездоленные—вотъ то
ужасный легіонъ, къ которому спѣши
на помощь кн. Одоевскій, вооруживши
«человѣчностью» въ самомъ лучшемъ зн
ченіи этого слова. «Отличительнымъ сво
ствомъ князя Одоевскаго — говоритъ
немъ А. И. Кошелевъ — было, что о
прежде всего и болѣе всего былъ чел
вѣкъ, братъ всякаго человѣка. Узнава
все до человѣчества относящееся и мо
щее быть для него пригоднымъ, дѣйств
вать на пользу своихъ собратій и пом
гать ближнему и совѣтомъ, и дѣломъ,
своими небольшими достатками—было д
ломъ всей его жизни». Совсѣмъ не фраза
замѣчаніе одного воспоминанія, что «
одно благотворительное предпріятіе не о
ходилось безъ участія князя». Онъ бы
искреннѣйшій филантропъ, о какихъ-ли
своекорыстныхъ разсчетахъ котораго и
фарисействѣ, было бы нелѣпо и подумат
Творить добро было потребностью к
Одоевскаго; онъ былъ убѣжденъ, что п
мощь ближнему—первая и святая обяза
ность каждаго, и онъ оказывалъ ее н
стинѣ «самоотверженно», — всѣмъ, к
только въ ней могъ нуждаться. Озабоч
ный судьбою «малыхъ сихъ», онъ выр
батываетъ уставъ Елизаветинской клин
ки для новорожденныхъ, которой бы
учредителемъ, и еще въ 1838 году наз
чается правителемъ дѣлъ комитета гла
наго попечительства дѣтскихъ пріютов

для первоначальной редакціи проекта положенія этихъ заведеній. Ему же, собственно, принадлежитъ и идея и организація у насъ многочисленныхъ дѣтскихъ пріютовъ, возможности которыхъ въ то время, по словамъ самого князя, никто не хотѣлъ вѣрить Не мало потрудился кн. Одоевскій для подростающаго поколѣнія и какъ педагогъ: его увлеченіе теоретической стороной педагогіи сказалось въ длинномъ рядѣ набросковъ и статей по важнѣйшимъ вопросамъ воспитанія; между прочимъ онъ началъ обширный педагогическій трудъ: «Наука до науки», изъ котораго въ печати имѣется лишь одна глава: «Опытъ о педагогическихъ способахъ при первоначальномъ образованіи дѣтей» («Отеч. Записки» 1835, т. 143). Въ дѣлѣ воспитанія кн. Одоевскій признавалъ, что одной теоріи недостаточно, что путь воспитанія можно изучить лишь «шествуя по немъ»; князь былъ врагомъ рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни школы, ибо, при своей дальновидности, понималъ, что предшествующія поколѣнія образуютъ съ послѣдующимъ «живое органическое цѣлое». Какъ и слѣдовало ожидать, кн. Одоевскій стоялъ и за самое тѣсное единеніе науки съ дѣйствительной жизнью и за самое широкое и, по возможности, энциклопедичное образованье. Въ практическомъ отношеніи князь не мало сдѣлалъ добраго въ педагогическихъ начинаніяхъ в. кн. Елены Павловны и для заведеній, находившихся подъ ея покровительствомъ, въ особенности для Маріинскаго Института; наконецъ, его сказки и повѣсти для дѣтей, изданныя имъ подъ псевдонимомъ дѣдушки Иринея, и до сихъ поръ читаются подростающимъ поколѣніемъ съ удовольствіемъ. — «Съ полнымъ сердечнымъ участіемъ и истинной душевной теплотой» (изъ рескрипта великой княгини Елены Павловны кн. В. Ѳ. Одоевскому отъ 6 апр. 1862 г.) принималъ участіе кн. Одоевскій и въ управленіи Максимиліановской лѣчебницей, Елизаветинской дѣтской больницей и Крестовоздвиженской общиной сестеръ милосердія. Всѣ онѣ были много обязаны князю не только своимъ образованіемъ и учрежденіемъ, но и самымъ существованіемъ.— Но самой широкой волной филантропическая дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго прошла въ исторіи «Общества посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ». Правда, не ему лично принадлежитъ первая идея этого общества, но онъ былъ и его организаторомъ, и его душою; ему, говоря словами самого князя, онъ отдалъ «все, что могъ принести: трудъ и любовь» и даже отчасти свои средства, несмотря на ихъ ограниченность. Результатами дѣятельности Общества въ прошломъ была умѣлая и удивительно здраво организованная помощь десяткамъ тысячъ нуждающихся, учрежденіе дешевыхъ и безплатныхъ квартиръ, домовъ рукодѣлія, училищъ, лѣчебницъ, «дѣтскихъ ночлеговъ» и пр.; памятникомъ этой дѣятельности въ настоящемъ служатъ отчеты общества. Это, по словамъ историка общества — В. Ѳ. Боцяновскаго — «элегіи въ прозѣ, написанныя добрымъ гуманнымъ человѣкомъ, какъ говорятъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Изложенные изящнымъ, но простымъ языкомъ, отчеты эти, за исключеніемъ, конечно, фактической, цифровой своей стороны, заключаютъ въ себѣ искреннія впечатлѣнія, вынесенныя Обществомъ изъ борьбы съ нищетой и наблюденій надъ этой нищетой». Не входя въ обозрѣніе исторіи Общества, уже прекрасно разсказанной современниками—Н. В. Путятой и В. А. Инсарскимъ, а не такъ давно В. Ѳ. Боцяновскимъ, достаточно замѣтить, что девятилѣтнее (съ 1846 по 1855 г.) существованіе его неразрывно связано съ именемъ кн. Одоевскаго. Онъ въ теченіе девяти лѣтъ единогласно былъ избираемъ въ предсѣдатели его, и эти девять лѣтъ, по словамъ самого князя, «поглотили всю его литературную дѣятельность, всю безъ остатка»; по воспоминаніямъ Инсарскаго, «для кн. Одоевскаго Общество составляло семью, которой онъ предался всей душой, всѣми матеріальными и моральными силами. Одна чистая любовь къ добру и людямъ руководила его отношеніями къ Обществу»; по словамъ Путяты, князь «посвятилъ Обществу все свое время и средства... Имъ держалась внутренняя связь Общества, онъ соглашалъ мнѣнія и смягчалъ столкновенія». Ему и именно ему Общество обязано было своимъ существованіемъ и въ то трудное время, когда на него открыто было гоненіе и Общество было осуждено на закрытіе, и когда, наконецъ, Высочайше повелѣно было присоединить его къ Человѣколюбивому Обществу. «Кн. Одоевскій — говоритъ Н. В. Путята—былъ назначенъ однимъ изъ членовъ Комитета для опредѣленія отношеній Общества посѣщенія

бѣдныхъ къ Совѣту Человѣколюбиваго Общества и долженъ былъ сперва разрѣшить эту сложную задачу, а потомъ испытывать и всю трудность примѣненія на практикѣ. До какой степени Общество было связано въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ и встрѣчало неожиданныя препятствія на каждомъ шагу, какъ трудно было отстаивать права Общества и ограждать его отъ наплыва формальностей и бюрократизма, всего этого надобно искать въ кипахъ бумагъ, исписанныхъ тогда кн. Одоевскимъ. Борьба эта стоила ему многихъ горькихъ часовъ и безсонныхъ ночей, но онъ выдерживалъ ее неутомимо до конца». Лишь благодаря усиліямъ и энергіи кн. Одоевскаго, Обществу удалось такъ блестяще и ликвидировать свои дѣла. Но и съ закрытіемъ Общества не прекратилась благотворительная дѣятельность кн. Одоевскаго: до послѣднихъ дней своихъ онъ съ любовью и готовностью протягивалъ руку всякому нуждавшемуся. При этомъ, важно отмѣтить стремленіе князя оказать помощь не только своевременно, но и, такъ сказать, осторожно, дабы не нанести излишнихъ страданій самолюбію забитаго нуждой, но порою скромнаго просителя. Не имѣя зачастую въ своемъ распоряженіи собственныхъ свободныхъ суммъ или вакансій, князь, по свойственнымъ ему добротѣ и простодушію начиналъ осаждать просьбами о ссудѣ денегъ или о покровительствѣ его кліенту богатыхъ или вліятельныхъ лицъ изъ обширнаго круга своихъ знакомыхъ и пріятелей.—Да и не только люди, заботы о житейскомъ благополучіи ихъ вызывали участіе въ сострадательномъ князѣ: онъ не разъ брался за перо для призыва къ гуманному обращенію и съ безсловесными животными.—Впрочемъ, филантропическое служеніе князя Одоевскаго на пользу общества было лишь одной стороной богатой своимъ идейнымъ содержаніемъ и своими результатами дѣятельности князя-человѣколюбца. Его Богомъ былъ Богъ любви, заповѣдавшій любить ближняго, какъ самого себя, и міръ, какъ твореніе Его. Человѣкъ, все его окружающее, всѣ человѣческія права, всѣ завоеванія его въ области наукъ и искусствъ, всѣ движенія его впередъ въ сферѣ мысли и дѣла—все привлекало къ себѣ вниманіе этого пытливаго, безпокойнаго, въ добромъ смыслѣ, человѣка. «Ты знаешь—говоритъ Одоевскій устами одного

изъ своихъ героевъ (повѣсть «Сильфида»)-
любознательность, или просто сказать, лю
бопытство есть основная моя стихія, к
торая мѣшается во всѣ мои дѣла, их
перемѣшиваетъ и мнѣ жить мѣшаетъ; мн
отъ нея въ вѣкъ не отдѣлаться: все что
то манитъ, все что-то ждетъ вдали, душ
рвется, страждетъ»... Могъ ли такой ч
ловѣкъ, какъ Одоевскій, остановиться
какомъ-либо одномъ строго опредѣленном
поприщѣ общественнаго служенія и мо
ли остановиться и спеціализироваться
одной какой-либо области въ сферѣ чел
вѣческаго творчества? Конечно, нѣтъ. Ч
ловѣкъ трехъ поколѣній, онъ, однако, н
когда не придерживался какой-либо па
тіи, не остался только представител
своего поколѣнія, но—по выраженію А.
Пыпина—«сохранилъ живое сочувствіе
лучшимъ движеніямъ дальнѣйшихъ эпох
нашего литературнаго и общественна
развитія»; въ частности, какъ чиновни
онъ «служилъ» въ многоразличныхъ в
домствахъ, и вообще, какъ граждани
своего отечества, былъ на стражѣ его ра
нообразнѣйшихъ общественныхъ, поли
ческихъ, научныхъ и эстетическихъ ин
ресовъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ энц
клопедистъ, правда, съ оттѣнкомъ дил
тантизма; но кн. Одоевскій былъ одни
изъ тѣхъ диллетантовъ, которые, не вн
ничего новаго или выдающагося въ облас
наукъ и искусствъ, все же умѣли ока
вать имъ услуги въ смыслѣ популяриз
ціи, распространенія и практическаго пр
мѣненія ихъ къ житейскому обиходу.
этомъ, главнымъ образомъ, заключается
значеніе энциклопедизма кн. В. Ѳ. Одо
скаго.

Кн. Одоевскій — энциклопедистъ. «
меня нападаютъ за мой энциклопедизм
смѣются даже надъ нимъ — записа
однажды кн. Одоевскій. — Но не п
ходилось еще ни разу сожалѣть о
комъ-либо пріобрѣтенномъ познаніи. М
совѣтуютъ удариться въ какую-либо с
ціальность, но это противно моей приро
каждый разъ, когда я принимался за
кую-нибудь спеціальность, предо мною в
ставали цѣлыя горы разныхъ вопросо
которымъ отвѣтъ я могъ найти лишь
другой спеціальности. Это движеніе
разнымъ путямъ, невозможное для тѣ
весьма возможно для духа. Нѣтъ! нико
не жалѣлъ я о томъ... Сколько разъ
нятныя мнѣ явленія природы служили

нитью для разрѣшенія метафизическихъ, административныхъ и житейскихъ задачъ». Дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣятельности кн. Одоевскаго покажетъ, что пріобрѣтенія его, сдѣланныя имъ въ сферѣ наукъ и искусствъ, дѣйствительно, помогали князю не разъ въ разрѣшеніи многихъ житейскихъ задачъ. Кн. Одоевскій былъ противъ спеціализаціи, онъ высказывалъ это и въ теоретическихъ разсужденіяхъ и въ беллетристическихъ своихъ произведеніяхъ. «Кто изучалъ только одну науку, тотъ — по убѣжденію Одоевскаго — ея не знаетъ. Раздѣленіе наукъ есть дѣло искусственное, даже случайное... Дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки произвольно и даже ложно... Никакое отдѣльное знаніе, — говоритъ онъ, — ни химія, ни физика, ни психологія (въ отдѣльности) не даютъ понятія о предметѣ, ибо каждый предметъ для разумѣнія его требуетъ всѣхъ наукъ, и сверхъ того, ихъ разумнаго сопряженія... Въ каждомъ предметѣ природы являются всѣ науки вмѣстѣ». Между прочимъ, кн. Одоевскій однажды писалъ: «Фурье очень удачно раздѣлилъ людей на solitones и omnitones: это — роды людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особенность, не переходящую въ другой родъ: солитонисты необходимы въ мірѣ, но они лишь приготовляютъ кормъ для омнитонистовъ, какъ рабочая пчела для матки, которая одна оплодотворяетъ. Les hommes d'action doivent être omnitones!» Кн. Одоевскій былъ l'homme d'action и, понятно, онъ долженъ былъ быть «омнитонистомъ». Особое вниманіе кн. Одоевскій удѣлялъ философіи и литературѣ, но онъ увлекался и всѣми гуманитарными науками и отраслями человѣческаго познанія; ему не чужды были и юриспруденція и др. «общественныя науки»; вопросы педагогическіе, религіозные, отчасти филологическіе, этнографическіе, историческіе, интересы искусствъ, въ особенности музыки, наконецъ, математика, физика, химія, естественныя науки, медицина, физіологія, гигіена... все, даже алхимія, было для кн. Одоевскаго источникомъ познанія и наслажденія. «Конечно,—писалъ онъ,— такое разнообразіе направленій осложняетъ жизнь, но доставляетъ и много не всѣмъ доступныхъ наслажденій». Собственно, самъ кн. Одоевскій никогда не считалъ себя энциклопедистомъ. Однажды онъ замѣтилъ: «Меня вообще обвиняютъ въ какомъ-то энциклопедизмѣ, хотя я никогда еще не могъ хорошенько выразумѣть, что это за звѣрь»; затѣмъ, разсказавъ, какъ слагался фундаментъ его образованія, онъ высказалъ убѣжденіе, что всѣ его разнообразныя занятія отнюдь не были безотчетнымъ энциклопедизмомъ, но стройно примыкали ко всѣмъ предыдущимъ работамъ. Въ справедливости признанія Одоевскаго убѣдиться не трудно: стоитъ только присмотрѣться, въ чемъ и какъ выразилась его энциклопедичность. Тотъ обширный кругъ познаній князя, которымъ онъ удивлялъ современниковъ, не былъ случайнымъ сцѣпленіемъ различныхъ дисциплинъ, въ разное время подхваченныхъ на лету, онъ не былъ и результатомъ мимолетныхъ увлеченій, не оставлявшихъ слѣда на всѣхъ прочихъ занятіяхъ и интересахъ князя, нѣтъ, — каждая новая отрасль знанія, за которую брался князь, пускала прочные корни въ его жизнедѣятельность, быстро сплеталась съ другими его интересами и всегда приносила плоды... Можно утвердительно сказать, что сѣмена многосторонняго образованія кн. Одоевскаго были заложены въ эту эластичную и даровитую натуру пансіонскимъ курсомъ, отличавшимся, какъ извѣстно, многопредметностью и что энциклопедизмъ князя выросъ на почвѣ его юношескихъ увлеченій философіей. Ученикъ М. Г. Павлова и И. И. Давыдова, онъ легко поддался предмету ихъ увлеченія,—философіи Шеллинга и Окена. Пусть—какъ свидѣтельствуютъ современники—мало чему положительному можно было научиться на ихъ лекціяхъ, но Благородный Пансіонъ, имѣвшій въ составѣ своемъ такихъ профессоровъ и такого начальника какъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, выпускалъ своихъ питомцевъ съ вѣрой въ науку и любовью къ наукѣ. Выходя изъ пансіона, Одоевскій обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами въ честь науки: «Науки полезны, необходимы, спасительны для каждаго гражданскаго общества... Онѣ столь же безпредѣльны, какъ самая природа: онѣ—ея искусственное начертаніе и объясненіе тайныхъ средствъ ея; ихъ предѣлы—предѣлы вселенной; ихъ послѣдняя цѣль—при подножіи престола Всевышняго». А наука всѣмъ наукамъ—философія. «Она наука всеобщая, имѣющая вліяніе на всѣ другія,—говорилъ въ своей «Рѣчи» Одоевскій.—Науки заимствуютъ отъ нея свои

силы, какъ планеты отъ источника свѣта - солнца... Философія—мѣрило, которое мы можемъ примѣнять ко всѣмъ нашимъ познаніямъ; оно только можетъ опредѣлить вѣрность или невѣрность нашихъ мнѣній... Философія, столь необходимая въ жизни политической, равно полезна и въ жизни частной, семейной». Эта рѣчь была составлена не подъ чужую диктовку: ея положенія были убѣжденіями молодаго философа. Въ усиленныхъ занятіяхъ философіей прошли и юные годы Одоевскаго; членъ кружка Раича, другъ Веневитинова, издатель «Мнемозины», глава «общества любомудрія», онъ остался, по выраженію Грибоѣдова, «милымъ мудрецомъ» и на много лѣтъ по окончаніи курса въ Пансіонѣ, на много лѣтъ, посвященныхъ ревностному самообразованію, отправною точкой котораго была философія Шеллинга. «Моя юность — вспоминалъ Одоевскій — протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить (мы говорили — конструировать) всѣ явленія природы... Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи*. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любомудра — анатомія, какъ наука человѣка, и въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера, у котораго многіе изъ насъ были любимыми учениками. Не одинъ *кадаверъ* мы искрошили; но анатомія естественно натолкнула насъ на физіологію, науку тогда только что начинавшуюся и которой первый плодотворный зародышъ появился, должно признаться, у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ физіологіи естественно встрѣтились намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи; да и многія мѣста въ Шеллингѣ (особенно въ его «Weltseele») были темны безъ естественныхъ знаній. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики, даже для того, чтобы остаться вѣрными своему званію, мы были приведены къ необходимости завестись колбами, реціпіентами и тому

подобными снадобьями, нужными для гр
бой матеріи. — Въ собственномъ смы
именно Шеллингъ, можетъ быть неож
данно для него самого, былъ истинны
творцомъ положительнаго направленія
нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Ге
маніи и въ Россіи. Въ этихъ земля
лишь по милости Шеллинга и Гете с
лались поснисходительнѣй къ франц
ской и англійской наукѣ, о которой преж
какъ о грубомъ эмпиризмѣ, мы и слыша
не хотѣли». Итакъ, отправляясь отъ Ш
линга, Одоевскій и ему подобные «лю
мудры» попали въ сѣть обширнаго кру
наукъ, отъ которыхъ прежде они да
сторонились. Идя далѣе въ томъ же
правленіи, они должны были немину
придти въ соприкосновеніе и съ цѣлы
рядомъ другихъ наукъ, окунуться въ
тературу, стать эстетами, т. е. въ кон
концовъ сдѣлаться энциклопедистами,
и случилось. Наибольшее впечатлѣніе
философовъ оказалъ на кн. Одоевска
какъ сказано, Шеллингъ. Для кн. Од
скаго и для лучшей части нашей моло
интеллигенціи 1820—30-хъ годовъ фил
фія Шеллинга была неисчерпаемымъ
никомъ новыхъ воззрѣній на міръ во вс
его цѣломъ. Молодежь увлекали
турфилософскія идеи Шеллинга,
объясненія законовъ природы, разсу
нія о тождествѣ природы и духа, и те
эстетическія, и вся его постановка к
турныхъ вопросовъ всеміpно-историческ
значенія, постановка, отъ которой вѣ
новизной, которая приводила къ син
наукъ. Правда, шеллингистовъ у н
было не такъ-то много, да и тѣ (не иск
чая и кн. Одоевскаго) со временемъ о
шились отъ тѣхъ или другихъ его п
женій, но фактъ увлеченія философ
Шеллинга имѣетъ весьма важное знач
не только въ смыслѣ знакомства наш
общества съ доктринами философа. Ш
лингизмъ былъ силой, которую не м
сразить никакія усилія Магницкаго,
явившаго Шеллинга врагомъ Божі
шеллингизму суждено было сыграть
малую роль въ пробужденіи у насъ фи
софской мысли, въ попыткахъ установ
опредѣленные и прочно обоснова
взгляды на все, относящееся къ обл
эстетики; шеллингизмъ еще болѣе убѣ
въ необходимости критическаго отнош
къ прежнимъ авторитетамъ, въ несос
тельности классицизма; наконецъ.

былъ естественнымъ союзникомъ и зарождавшагося у насъ романтизма; не столь ничтожное значеніе, какъ принято думать, имѣлъ шеллингизмъ и въ исторіи распрей славянофиловъ и западниковъ. Все это слѣдуетъ имѣть въ виду, говоря о кн. Одоевскомъ, ибо на всемъ его міровоззрѣніи лежалъ отпечатокъ шеллингизма, результаты увлеченія Шеллингомъ сказались во всей его дѣятельности и всего ярче, какъ увидимъ, въ литературной. Кромѣ Шеллинга, кн. Одоевскій хорошо былъ знакомъ вообще съ философами и древняго, и новаго времени и въ особенности съ Океномъ, Гегелемъ, Спинозой, Платономъ и др. Должно замѣтить, что какъ философъ, кн. Одоевскій не остался навсегда приверженцемъ тѣхъ философскихъ идей, которыми увлекался въ юности. Достаточно сказать, что начавъ съ Шеллинга и выступивъ врагомъ опытной философіи и сторонникомъ ученія о невидимой «субстанціи» и «абсолютовъ», онъ съ теченіемъ времени перешелъ на сторону почти полнаго признанія опыта. «Не будемъ—говорилъ онъ, между прочимъ, впослѣдствіи—залетать въ область фантазій, не имѣя подъ руками надежныхъ наблюденій, но не будемъ и малодушно ссылаться на ограниченность человѣческаго разума, чтобы имѣть право сложить руки».—Но онъ не сдѣлался философомъ. Дальше бесѣдъ съ друзьями въ своемъ салонѣ, переписки съ собратьями по наукѣ, небольшихъ разсужденій и афоризмовъ, сохранившихся въ его бумагахъ, кн. Одоевскій въ области философіи, какъ науки, не пошелъ. Но свои теоретическіе философскіе интересы и познанія онъ умѣло соединялъ съ практической дѣятельностью: онъ проводилъ ихъ въ своей литературной дѣятельности и общественной, всюду являясь носителемъ высокой гуманности, проникнутой рѣдкимъ воодушевленіемъ, чистотой и задушевностью. Здѣсь кстати отмѣтить, что его философскіе интересы нерѣдко сливались вообще съ эстетическими и въ особенности съ религіозными. Между прочимъ, въ бумагахъ Одоевскаго сохранился набросокъ статьи, трактующей о взаимной связи между собой музыки, поэзіи, живописи, философіи и религіи. Религіозное чувство было сильно развито въ Одоевскомъ и получило болѣе или менѣе прочное теоретическое обоснованіе за время пребыванія князя въ Благородномъ пансіонѣ; въ зрѣлые годы онъ держался убѣжденія, что «религіозная потребность души растетъ вмѣстѣ съ ея развитіемъ», ergo—«религія разумна». Увлекаясь чтеніемъ Св. Писанія и сочиненіями св. отцовъ, онъ не разъ подумывалъ взяться за перо и для сочиненія теологическаго содержанія. «Хорошо бы написать исторію божества, т. е. всѣ тѣ вещи, въ которыхъ человѣкъ представлялъ себѣ Провидѣніе и его сношенія съ нимъ», —занесъ однажды кн. Одоевскій въ свою записную книжку. Религіозные взгляды Одоевскаго были по преимуществу въ духѣ православной церкви.—Занимаясь философіей и смежными съ ней дисциплинами, кн. Одоевскій не былъ профаномъ или бездѣятельнымъ дилетантомъ и въ другихъ гуманитарныхъ наукахъ; такъ, интересуясь филологіей и этнографіей, онъ собиралъ и записывалъ (между прочимъ для Академіи Наукъ) слова, особенности русской и иноплеменной рѣчи, пѣсни, сказанія, живо интересовался словаремъ славянскихъ нарѣчій; составлялъ грамматику русскаго языка, дѣлалъ замѣтки о финскомъ языкѣ и т. п.

Вопросы юриспруденціи всегда довольно сильно волновали князя и онъ откликался на нихъ цѣлымъ рядомъ статей, впрочемъ, почти не видавшихъ свѣта. Большинство набросковъ юридическаго характера, сохранившихся въ бумагахъ кн. Одоевскаго, сдѣлано княземъ за время дѣятельности его въ качествѣ сенатора. По свидѣтельству К. П. Побѣдоносцева, кн. Одоевскій принялся за эту дѣятельность съ юношескимъ жаромъ. «Каждое утро—говоритъ онъ—князь ранѣе всѣхъ являлся въ Сенатъ и вслѣдъ за нимъ являлся огромный портфель его, вродѣ ларца или чемодана, съ дѣлами и съ записными книгами, которыя онъ велъ съ безпримѣрной акуратностью и терпѣніемъ, отмѣчая въ нихъ ходъ каждаго производства и всѣ его особенности». Сознавая всю важность возложеннаго на него званія сенатора, онъ не только ревностно слѣдилъ за текущими дѣлами въ Сенатѣ, но считалъ своею обязанностью въ свободное время пополнять и пробѣлы своихъ юридическихъ познаній. Изучая дѣла и ходъ ихъ, онъ ревностно принялся и за изученіе свода законовъ, попутно заносилъ и свои соображенія по поводу тѣхъ или другихъ законовъ и цѣлыхъ отдѣловъ: въ бумагахъ князя сохранилось множество

подобныхъ замѣтокъ и проектовъ. Кромѣ того, какъ увидимъ, кн. Одоевскій съ живѣйшимъ интересомъ относился ко всякой новой реформѣ въ области юридическихъ отношеній, и его особенныя симпатіи привлекали реформы, клонившіяся къ сближенію сословій и уравненію ихъ правъ передъ закономъ.

Изъ прочихъ гуманитарныхъ наукъ не пользовалась особыми симпатіями кн. Одоевскаго лишь исторія. По его мнѣнію, исторія только тогда станетъ наукой, когда будетъ руководствоваться методомъ положительныхъ наукъ, и онъ устами одного изъ своихъ героевъ «Русскихъ ночей» (Фауста) предлагалъ, въ цѣляхъ «возстановленія исторіи», образовать «аналитическую этнографію». Но несомнѣнно, что онъ интересовался и исторіей и признавалъ, что «исторія — судъ народный». Между прочимъ онъ началъ переводъ Тацита, много читалъ книгъ по исторіи, напримѣръ, Франціи эпохи Наполеона, а незадолго до смерти задумалъ, въ видахъ публицистическихъ, написать (и даже началъ) историческое изслѣдованіе о царствованіи Александра II-го, подъ заглавіемъ: «О Россіи во второй половинѣ XIX вѣка».—Также не была чужда князю Одоевскому, хотя и не была предметомъ его увлеченія, и политическая экономія: онъ отлично зналъ Адама Смита (см. «Городъ безъ имени») и въ его бумагахъ найдется не мало замѣтокъ по финансовымъ и вообще политико-экономическимъ вопросамъ. Какъ на практическія результаты занятій князя въ этой сферѣ можно указать на его проекты высшаго финансоваго учрежденія, участіе въ выработкѣ Общаго положенія о компаніяхъ на акціяхъ, учрежденіе Общества застрахованія жизни, надъ идеей о которомъ у насъ раньше всѣ смѣялись, и т. п.

Но кн. Одоевскій, какъ сказано, увлекался не только науками гуманитарными. Въ его кабинетѣ-музеѣ, рядомъ съ полками книгъ по всевозможнымъ отраслямъ знаній, рядомъ съ грудой различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, посѣтители видѣли черепа и скелеты, физическіе приборы, реторты и разнообразныя стклянки для химическихъ анализовъ. Науки математическія, естественныя и въ особенности физика и химія всегда привлекали вниманіе князя. Внѣшнимъ образомъ его интересы въ этихъ областяхъ выра-
зились въ массѣ замѣтокъ и наброско
сохранившихся въ рукописи, напр.:
свойствахъ кубическихъ чиселъ, о живо
номъ магнетизмѣ, замѣтки о ботані
источники тепла, дѣтскій минералоги
скій кабинетъ, письма и записки о хиі
нѣсколько набросковъ руководствъ по
зикѣ, химіи и т. п. Занятія кн. Одое
скаго въ этомъ направленіи, пожал
ничего не давшія для науки, какъ у
димъ, имѣли своимъ важнымъ слѣдствіе
увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки кн.
провести элементарныя и необходим
знанія изъ области естественныхъ на
въ массы народныя, путемъ издававши
имъ книжекъ для народа. Другимъ
менѣе важнымъ слѣдствіемъ было от
ченное выше постоянное стремленіе
Одоевскаго приложить свои научныя
нія къ разнообразнѣйшимъ нуждамъ
тейскаго обихода. Для примѣра укаж
на результаты его занятій хотя бы хиі
кн. Одоевскій указывалъ на необходимо
свѣдѣній изъ химіи для свѣчного про
водства, примѣнялъ химію въ новомъ пр
ложенномъ имъ способѣ литографіи.
прилагалъ ее и въ кулинарномъ искусст
коего былъ отмѣннымъ знатокомъ,
однажды рекомендовалъ методы хиі
для историческихъ изслѣдованій. Столь
широко стремился кн. Одоевскій при
нѣть и свои познанія изъ сферы искусст

Не касаясь пока работъ кн. Одоевск
въ послѣдней области, ограничивае
этимъ перечнемъ научныхъ интересов
занятій князя, перечнемъ краткимъ
бѣглымъ, но который и при непол
своей достаточно говоритъ о широт
глубинѣ интересовъ и познаній кн
особенно если вспомнить, что кн. Од
скій не любилъ и не признавалъ зна
отрывочныхъ, такъ называемыхъ
щихъ», но имѣлъ, какъ онъ говорі
привычку «mettre la main à la pâ
Могли-ли однако удовлетворить кн. Одо
скаго его познанія, не смотря на
глубину и разнообразіе? Нѣтъ, этотъ
ливый умъ, въ своемъ критическомъ от
шеніи къ изучаемой наукѣ, приходилъ
одной стороны къ пріятному убѣжде
въ силѣ и полезности человѣческаго тв
чества, съ другой—къ довольно печальн
выводу, что всѣ науки, какъ все созд
ное человѣкомъ, какъ весь міръ, несов
шенны. «Каждый шагъ науки—говор
кн. Одоевскій — есть новый дѣятель

центръ, новое солнце, отъ котораго и свѣтъ, и тепло, и радуга... Съ каждымъ открытіемъ науки однимъ изъ страданій человѣческихъ дѣлается меньше»... Но въ то же время, наталкиваясь сплошь и рядомъ на вопросы неразрѣшенные и неразрѣшимые точными науками или нерѣдко убѣждаясь на практикѣ, какъ, въ сущности, безсильны завоеванія ума передъ общественными бѣдствіями, надъ устраненіемъ которыхъ такъ много потрудился человѣкъ, кн. Одоевскій, правда, не терялся, но или дѣлалъ попытки найти желанное разрѣшеніе мучившихъ его задачъ тамъ, гдѣ найти его было невозможно, или предавался скептическимъ размышленіямъ. Въ одной изъ главъ его «Русскихъ ночей» есть между прочимъ такія строки: «Ты говоришь мнѣ о законѣ природы; но какъ угадалъ ты его, пророкъ не признанный? Гдѣ твое знаменіе? Ты говоришь мнѣ о пользѣ просвѣщенія! Но твои руки окровавлены»! Да и весь циклъ разсказовъ, составляющихъ «Русскія Ночи», представляетъ въ сущности, опытъ кн. Одоевскаго изобразить неудачныя попытки европейской мысли разрѣшить важнѣйшіе вопросы жизни. Впрочемъ, къ скептицизму вообще кн. Одоевскій былъ мало склоненъ: онъ, по его мнѣнію, «замедлялъ дѣятельность». Не желая все же оставаться на полдорогѣ въ разрѣшеніи задачъ, на которыя не даетъ отвѣта обыкновенный способъ познанія, Одоевскій не прочь былъ окунуться съ самыми серьезными намѣреніями даже... въ дебри алхиміи, исторію которой онъ, повидимому, изучилъ весьма основательно и собралъ вообще по части различныхъ «таинственныхъ наукъ» значительную библіотеку (См. его «Письма графинѣ Е. П. Р. о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи» и т. д. Занятіями алхиміей кн. Одоевскій не брезговалъ, между прочимъ и по тому соображенію, что—по его мнѣнію—теорія алхимиковъ, хотя и ложная, «навела на гораздо большее число важнѣйшихъ открытій, нежели всѣ осторожныя и благоразумныя изысканія нынѣшнихъ химиковъ»). Такимъ образомъ существованіе задачъ, разрѣшеніе которыхъ «скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную», рано привело кн. Одоевскаго, независимо отъ увлеченія теоріями Шеллинга, къ признанію иного міра, недоступнаго эмпирическому воспріятію, къ вѣрованію въ тайный, невѣдомый на землѣ міръ. Отсюда былъ уже одинъ шагъ къ мистическому, далѣе... къ фантастическому. Элементы и того, и другого мы, дѣйствительно, находимъ въ литературныхъ произведеніяхъ кн. Одоевскаго, съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности совершенно естественно подпавшаго подъ вліяніе нѣмецкаго романтизма, который онъ понималъ едва ли не лучше всѣхъ своихъ современниковъ.

Литературная дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго началась еще во время пребыванія его въ Благородномъ пансіонѣ: въ 1820 г. въ пансіонскомъ сборникѣ «Калліопа» (ч. IV) былъ напечатанъ его прозаическій переводъ «Отрывокъ изъ Лабрюэра». Раннему пробужденію въ князѣ литературныхъ интересовъ значительно способствовала та литературная атмосфера, которая царила въ пансіонѣ. «Русскій языкъ, по свидѣтельству Погодина, былъ главнымъ и любимымъ предметомъ въ пансіонѣ, и русская литература была главной сокровищницей, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго...» Въ данномъ случаѣ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ должно признать и то, что въ стѣнахъ пансіона происходили засѣданія Общества Любителей россійской словесности, имѣвшаго въ числѣ своихъ членовъ такихъ знаменитостей какъ Карамзинъ, Жуковскій; на засѣданія эти допускались и воспитанники пансіона. Наконецъ, литературныя занятія воспитанниковъ весьма поощрялись и начальствомъ пансіона, нерѣдко печатавшимъ произведенія своихъ питомцевъ. Такъ, въ 1821 г. въ «Вѣстникѣ Европы» (ч. 117) было напечатано два перевода кн. Одоевскаго: «Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ» (съ франц.) и «Премудрость и благость Божія въ отношеніи человѣка» (съ греч., изъ Іоанна Златоуста). Если при этомъ вспомнить учителей Одоевскаго—Павлова, Давыдова, его друзей Веневитинова и весь кружокъ Раича, съ которымъ князь сблизился тотчасъ по выходѣ изъ пансіона, можно заранѣе предрѣшить скорое выступленіе Одоевскаго на поприще литературной дѣятельности и даже характеръ ея. Въ противность общепринятому обычаю, кн. Одоевскій не началъ

своего литературнаго поприща стихами. Его и его друзей, въ обществѣ которыхъ онъ дебютировалъ переводомъ главы изъ Окена: «О значеніи нуля, въ которомъ успокаиваются плюсъ и минусъ», влекло, главнымъ образомъ, къ философіи. Именно философіи, философскаго мышленія, по ихъ взгляду, не доставало нашей литературѣ, и кн. Одоевскій задумываетъ періодическое изданіе, въ которомъ интересы философскіе должны имѣть первое мѣсто. Пока же онъ помѣстилъ въ 1822—1823 г. въ «Вѣстникѣ Европы», между прочимъ, нѣсколько Писемъ къ Лужницкому старцу», въ которыхъ онъ говорилъ о различныхъ недостаткахъ современнаго ему общества и особенно о невѣжествѣ «большого свѣта»; одно изъ этихъ писемъ подъ заглавіемъ: Дни досадъ», какъ извѣстно, обратило на себя вниманіе Грибоѣдова, который счелъ своимъ долгомъ лично познакомиться съ княземъ и между ними скоро завязались прочныя дружескія отношенія. Въ исходѣ 1823 г. кн. Одоевскій объявилъ объ изданіи имъ «Мнемозины». 4 книжки которой и вышло въ 1824 г. (впрочемъ, послѣдняя увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1825 г.). По мысли кн. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера, съ которымъ сошелся кн. Владиміръ Ѳедоровичъ для изданія этого альманаха, «Мнемозина» должна была, главнымъ образомъ, ознакомить русскую публику съ плодами нѣмецкой цивилизаціи, въ противовѣсъ увлеченію французскими теоретиками. «Съ сожалѣніемъ должны признаться—говорилъ кн. Одоевскій—что мы, русскіе, еще не богаты философическими сочиненіями... Нѣтъ ни одного—уже не говорю—полнаго курса философіи, нѣтъ даже ни одного журнала, котораго бы хотя нѣсколько страницъ были посвящены философіи, который бы знакомилъ насъ съ усиліями геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣетъ никакого существеннаго значенія, точно также какъ всякое тѣло безцвѣтно, когда оно не подвержено дѣйствію свѣта». «Главнѣйшая цѣль изданія нашего—говорится въ признаніи издателей, помѣщенномъ въ послѣдней книжкѣ «Мнемозины»—была распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи, обратить вниманіе нашихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ,

заставить говорить о нихъ; положить п
дѣлы нашему пристрастію къ французски
теоретикамъ; наконецъ, показать, что
не всѣ предметы исчерпаны, что мы, о
скивая въ чужихъ странахъ бездѣлки
своихъ занятій, забываемъ о сокровища
вблизи насъ находящихся». Помимо и
телей, въ «Мнемозинѣ» приняли уча
наши лучшіе писатели: Пушкинъ, кн. В
земскій, Боратынскій, Грибоѣдовъ, Н.
Полевой, кн. А. А. Шаховской, С. П. Ш
выревъ, М. Г. Павловъ... Но съ выхо
послѣдней (4-й) книжки «Мнемозины»,
Одоевскій долженъ былъ прекратить изда
Главными причинами прекращенія «Мн
зины» были—съ одной стороны, неподго
ленность русскаго общества къ инте
столь солидными изданіями,—съ друг
то обстоятельство, что «Мнемозина», яв
ясь органомъ меньшинства и до нѣк
рой степени изданіемъ, такъ сказать, а
стократическимъ, представила свои
правленія и убѣжденія, дотолѣ неслы
ныя, «недостаточно» (по вѣрному замѣ
нію А. Н. Пыпина), хотя и съ юно
скимъ задоромъ. Этимъ обстоятельств
не трудно объяснить и тѣ ожесточен
нападки на «Мнемозину», которымъ п
вергся альманахъ со стороны журна
стики (особенно петербургской), ту не
стойную литературную брань, о кото
какъ о позорномъ явленіи нашей крит
вспоминалъ въ 30-хъ годахъ кн. Од
скій. Въ одномъ изъ его беллетрист
скихъ произведеній — «Запискахъ
нивца», съ несомнѣннымъ автобіогра
ческимъ элементомъ, находятся, между п
чимъ, такія строки: «Въ эту позорную э
нашей критики литературная брань вы
дила изъ границъ всякой благопристо
сти, литература въ критическихъ стать
была дѣломъ совершенно посторонн
онѣ были просто ругательство, площа
битва площадныхъ шутокъ, двусмыс
ностей, самой злонамѣренной клеве
обидныхъ примѣненій, которыя часто
стирались даже до домашнихъ обс
тельствъ сочинителя; разумѣется, въ
безславной битвѣ выигрывали только
которымъ нечего было терять въ отнош
къ честному имени. Я и мои товар
были въ совершенномъ заблужденіи:
воображали себя на тонкихъ философск
диспутахъ портика или академіи, или
крайней мѣрѣ въ гостиной; въ самом
дѣлѣ мы были въ райкѣ; вокругъ нас

саломъ и дегтемъ, говорятъ о цѣнахъ на севрюгу, бранятся, поглаживаютъ нечистую бороду и засучиваютъ рукава,—а мы выдумываемъ вѣжливыя насмѣшки, остроумные намеки, діалектическія тонкости, ищемъ въ Гомерѣ или Виргиліи самую жестокую эпиграмму противъ враговъ нашихъ, боимся расшевелить ихъ деликатность... Легко было угадать слѣдствіе такого неравнаго боя». Итакъ, «Мнемозина» пала. Но ея историко-литературное значеніе велико. Правда, значительная доля содержанія «Мнемозины» представляетъ обычное содержаніе тогдашнихъ альманаховъ, но въ ней промелькнули мысли и труды, заслуживающіе серьезнаго отношенія: мы имѣемъ въ виду въ особенности статьи Кюхельбекера, съ его объясненіями романтизма, Павлова, и здѣсь выступившаго ярымъ шеллингистомъ (его статья «О способахъ изслѣдованія природы») и самого кн. Одоевскаго. Перу послѣдняго принадлежитъ до 20-ти статей, отчасти теоретическаго философскаго содержанія, отчасти беллетристическаго. Оставляя въ сторонѣ первыя, въ которыхъ онъ, между прочимъ, не преминулъ заявить себя послѣдователемъ «германскаго любомудрія», замѣтимъ, что изъ беллетристическихъ статей особаго вниманія заслуживаютъ его повѣсть «Элладій» и «Апологи» — родъ поэтическихъ аллегорій. Статьи эти, несмотря на нѣкоторые недостатки, въ силу которыхъ авторъ не включилъ ихъ даже въ Собраніе своихъ сочиненій, производили сильное впечатлѣніе на современниковъ. По замѣчанію Бѣлинскаго, между прочимъ, «Элладій»—была первая повѣсть изъ русской дѣйствительности, первая попытка изобразить общество не идеальное и нигдѣ несуществующее, но такое, какимъ авторъ видѣлъ его въ дѣйствительности. Со стороны искусства и вообще манеры разсказывать, она была произведеніемъ оригинальнымъ и дотолѣ невиданнымъ; было что-то свѣжее въ ея мысли, во взглядѣ автора на предметы и въ чувствахъ, которыя старался онъ ею возбудить въ обществѣ». Говоря объ апологахъ критикъ припоминаетъ, что «юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противоположности пошлой прозѣ жизни,—это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія...» Еще въ этихъ, можно сказать, первыхъ литературныхъ опытахъ кн. Одоевскаго чувствуется вліяніе нѣмецкаго романтизма; съ теченіемъ времени кн. Одоевскій еще болѣе утвердился въ этомъ направленіи. Онъ выступилъ на литературное поприще въ ту знаменательную эпоху нашей литературы, которая отмѣчена борьбой такъ-называемаго классицизма съ романтизмомъ. Строго говоря, какъ основательно замѣтилъ еще нашъ великій критикъ, тутъ не было «ни романтизма, ни классицизма, а была только борьба умственнаго движенія съ умственнымъ застоемъ». И понятно, что приверженцы перваго восторжествовали, романтизмъ широкой полосой охватилъ литературу. Но немногіе поняли его какъ должно и успѣли воспринять существенныя и важныя его стороны: для этого нужна была извѣстная эрудиція, образованность, та подготовка, съ которой, напримѣръ, выступилъ кн. Одоевскій. Повторяемъ, онъ едва ли не вѣрнѣе всѣхъ изъ современниковъ понялъ и оцѣнилъ романтизмъ и умѣлъ извлечь изъ него болѣе, чѣмъ, напримѣръ, Бестужевъ-Марлинскій, Н. Полевой, что всего ярче сказалось въ различіи ихъ пониманій идеи народности.

Шеллингъ съ его взглядами на искусство вообще и на поэзію въ частности, Гете, Ж. П. Рихтеръ, Гофманъ... вотъ, главнымъ образомъ, тѣ представители нѣмецкой науки и литературы, вліяніе которыхъ наиболѣе обозначилось на литературной дѣятельности кн. Одоевскаго. Подъ вліяніемъ Шеллинга кн. Одоевскій пришелъ къ признанію искусства, какъ проявленія высшей степени духовнаго организма, къ признанію эстетической способности, какъ высшей человѣческой способности, и однажды записалъ: «собственно лишь эстетическій элементъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ; человѣкъ, не понимающій ни музыки, ни живописи, скотится нечувствительно». Идя по стопамъ Шеллинга, кн. Одоевскій скоро усвоилъ и его высокое представленіе о значеніи эстетическаго образованія для самобытной дѣятельности духа и о значеніи творчества вообще. «Человѣку — говорилъ онъ—дана привиллегія творить особый міръ, гдѣ онъ можетъ соединять основные элементы въ какой хочетъ пропорціи, даже въ ихъ настоящемъ естественномъ равновѣсіи; этотъ міръ называется искусствомъ, поэзіей». Отсюда недалеко было притти къ убѣжденію въ высокой миссіи поэта, въ его величіи.

что и было: кн. Одоевскій называетъ поэта «первымъ судьей человѣчества». Но, при всемъ превосходствѣ своей натуры и природныхъ дарованіяхъ, поэту, однако,—по глубокому убѣжденію кн. Одоевскаго, выраженному устами его Фауста («Русск. Ночи»)—нужны обширныя знанія, даже... физическихъ наукъ. Кромѣ того, поэту необходимо также имѣть и прочныя убѣжденія. Этому основному требованію отъ поэта и вообще отъ литературнаго дѣятеля, требованію знаній и убѣжденій кн. Одоевскій остался вѣренъ навсегда. Онъ признавалъ возможность такого требованія, ибо видѣлъ передъ собой примѣръ Гете; такимъ же примѣромъ могла служить и его собственная литературная дѣятельность. Внося въ литературу свои философскіе интересы и познанія, кн. Одоевскій дѣлился съ читателемъ своими свѣдѣніями и изъ другихъ дисциплинъ. При этомъ, и въ болѣе позднемъ своемъ произведеніи, напр. «Русскія ночи», какъ и въ раннихъ («Афоризмы», помѣщенные въ «Мнемозинѣ») кн. Одоевскій проводилъ мысль о необходимости присутствія въ научныхъ занятіяхъ (въ какой бы то ни было области) одной высшей, обобщающей философской идеи. Помимо общихъ вопросовъ изъ области той или другой науки, кн. Одоевскій нерѣдко касался въ беллетристической формѣ и вопросовъ спеціальныхъ (напр. закона Мальтуса, теоріи Бентама, А. Смита и т. п.). Замѣчаніе это въ особенности слѣдуетъ отнести къ «Русскимъ ночамъ» кн. Одоевскаго. «Читая ихъ — говоритъ одинъ изъ критиковъ нашего времени — васъ невольно поражаетъ универсальность и обстоятельность знаній этого человѣка по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что до него и послѣ него вы немного найдете въ Россіи людей, которые обладали бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ. Но кн. Одоевскій, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Сумцовъ, любилъ дѣлиться своими познаніями не въ готовыхъ уже формулахъ и выводахъ, но заставляя читателей своихъ беллетристическихъ произведеній анализировать вмѣстѣ съ нимъ каждое явленіе, предлагаемое разсмотрѣнію, и доходить до выводовъ какъ-бы обоюднымъ трудомъ. Послѣднее обстоятельство еще болѣе способствовало тому поэтическому дидактизму, который Одоевскимъ былъ усвоенъ между прочимъ изъ знакомства съ Ж. П. Рихтеромъ. Пристрастіе къ дидактизму сказалось въ произведеніяхъ кн. Одоевскаго и не заключающихъ въ себѣ элемента какой-либо учености. Но его дидактизмъ не сухое поученье, мертвящее поэзію въ самомъ ея зародышѣ. По мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго, кн. Одоевскій, «оставаясь дидактическимъ, въ то же время умѣлъ возвыситься до того поэтическаго краснорѣчія, которое составляетъ собою звено, связывающее оба эти искусства—краснорѣчіе и поэзію». Описывалъ ли кн. Одоевскій пошлость современнаго ему общества, особенно великосвѣтскаго, его пристрастіе къ дурному иностранному, къ модамъ, картамъ, осуждалъ ли недостатки и поверхностность нашего воспитанія, особенно женскаго, нападалъ ли на матеріализмъ, утилитаризмъ и т. п.; доказывалъ ли безплодность схваченныхъ на лету познаній,—кн. Одоевскій не переставалъ быть цѣльнымъ, занимательнымъ разсказчикомъ, несмотря на явно дидактическій тонъ. Всѣхъ лучше эту особенность творчества кн. Одоевскаго оцѣнилъ Бѣлинскій: «Несмотря на дидактическую цѣль его произведеній говоритъ критикъ—въ нихъ все говоритъ и блещетъ яркими цвѣтами фантазіи, въ нихъ слышится одушевленный языкъ живого страстнаго убѣжденія, они проникнуты пафосомъ истины, они — не холодныя поученія, не резонерскія нападки на пороки людей, не риторическія похвалы добродѣтели: они — пламенныя филиппики, исполненныя то грознаго пророческаго негодованія противъ ничтожности и мелочности положительной жизни, валяющейся въ грязи эгоистическихъ расчетовъ, — то молніеносныхъ образовъ надзвѣздной страны идеала, гдѣ живутъ высокія чувствованія, свѣтлыя мысли, благородныя стремленія, доблестные помыслы. Ихъ цѣль— пробудить въ спящей душѣ отвращеніе къ мертвой дѣйствительности, къ пошлой прозѣ жизни, и святую тоску по той высокой дѣйствительности, идеалъ которой заключается въ смѣломъ, исполненномъ жизни сознаніи человѣческаго достоинства. Не кромѣ того, важное преимущество этихъ пьесъ составляетъ ихъ близкое, живое отношеніе къ обществу. Съ этой стороны, онѣ — не выдумки, не игрушки праздной фантазіи, не риторическія олицетворенія отвлеченныхъ мыслей, общихъ добродѣтелей и пороковъ, но уроки высокой мудрости, тѣмъ болѣе плодотворные, что ихъ

корни скрываются глубоко въ почвѣ русской дѣйствительности». Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что «чистая мораль», бичуя и клеймя порокъ, кн. Одоевскій при своей высокой гуманности, не бросалъ камнемъ въ порочнаго, даже въ падшаго человѣка: въ его сердцѣ было слишкомъ много состраданья.

Повѣсти Одоевскаго производили, какъ сказано, на современниковъ, особенно на молодежь огромное впечатлѣніе. Бѣлинскій свидѣтельствуетъ: «Мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти піесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія».

Что касается вліянія на Одоевскаго сочиненій Гофмана, съ которымъ князь сходился во взглядахъ не только на литературу, но и на музыку, то въ этомъ вліяніи можно лишь усматривать дальнѣйшую и крайнюю стадію увлеченія кн. Одоевскаго романтизмомъ, въ свою очередь не только не шедшимъ въ противорѣчіе съ шеллингизмомъ, но и сопутствовавшимъ ему. Вѣра въ таинственныя стихіи, «образующія и связующія жизнь духовную и жизнь вещественную», символы, мистицизмъ, стремленіе къ идеализму, наконецъ, фантастическое, — все это стройно примыкало ко всему міровоззрѣнію Одоевскаго, было дальнѣйшимъ развитіемъ идей, воспринятыхъ имъ еще въ юности. Наклонность къ мистическому и увлеченіе Гофманомъ, рѣзко выразившееся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ кн. Одоевскаго, обыкновенно осуждались серьезными критиками (тѣмъ же Бѣлинскимъ, В. Н. Майковымъ), но констатируя лишь фактъ, должно признать за кн. Одоевскимъ несомнѣнное значеніе сочиненій его съ фантастическимъ элементомъ: «Русскія Ночи» остались донынѣ единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ, и гр. Растопчина не безъ оснований называла кн. Одоевскаго Hoffman II. Онѣ производили громадное впечатлѣніе, между прочимъ, вызвали у насъ значительный интересъ къ Гофману, подражанія ему; наконецъ, нѣкоторыя мысли кн. Одоевскаго имѣли несомнѣнное вліяніе напр. на Герцена. Особенно замѣтно вліяніе Гофмана на слѣдующихъ произведеніяхъ кн. Одоевскаго: «Сильфида», «Саламандра», «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Giambatista Piranesi» и наконецъ «Себастіанъ Бахъ», этой трогательно, изящно и съ увлеченіемъ разсказанной біографіи музыканта, восторженномъ диорамбѣ въ честь музыки. — Но увлеченіе Шеллингомъ и романтизмомъ имѣло еще одну весьма важную сторону въ исторіи нашей культуры и въ частности литературы. Говоря кратко, сторонники шеллингизма и романтизма, выдвигавшихъ значеніе искусства, поэзіи въ дѣлѣ развитія націи, пришли скоро до признанія необходимости для націи самобытной поэзіи, а отсюда естественно и до идеи народности. Чтобы убѣдиться въ этомъ на дѣятельности кружка кн. Одоевскаго, достаточно вспомнить хотя бы напр. статью Кюхельбекера, помѣщенную въ «Мнемозинѣ»: «О направленіи въ нашей поэзіи» и присмотрѣться къ литературной дѣятельности самого кн. Одоевскаго. Кюхельбекеръ, указывая на лучшія стороны нѣмецкаго романтизма, какъ на предметъ достойный заимствованія, не забылъ предостеречь, однако, соотечественниковъ и о вредѣ «германскихъ цѣпей», и рекомендовалъ «всего лучше имѣть поэзію народную», къ ней обращаться, какъ къ вѣрнѣйшему и чистѣйшему источнику для нашей словесности». Говоря о кн. Одоевскомъ, прежде всего должно отмѣтить несомнѣнное сходство его литературныхъ взглядовъ съ взглядами Кюхельбекера, а также признать, вмѣстѣ съ Е. Н. Некрасовой, что проповѣдь князя въ пользу народности, его труды для народа, его роль перваго народнаго учителя изъ интеллигенціи для 1830-хъ годовъ по истинѣ едва ли не феноменальное явленіе. Правда, онъ былъ не одинъ въ полѣ воинъ, голоса за національность громко стали раздаваться въ ту эпоху, неопровержимымъ доказательствомъ чему служитъ направленіе дѣятельности Пушкина, коего геній сдѣлалъ его поэтомъ національнымъ. Но, говоря о кн. Одоевскомъ, важно отмѣтить, что въ то время какъ Пушкину новый путь подсказалъ его геній, кн. Одоевскій оказался на томъ же пути, выйдя изъ философскаго портика. Но Пушкинъ былъ «любезенъ народу» своими поэтическими созданіями, кн. Одоевскій своей просвѣтительной для него дѣятельностью. Народность—говорилъ Одоевскій великое слово! Но народность, по его же выраженію—«есть одна изъ тѣхъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновитъ своей крови духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ

другими народами». И кн. Одоевскій искренно и горячо взялся за духовное сближеніе русскаго народа съ тѣмъ, что получилъ самъ отъ другихъ народовъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что «нѣтъ способнѣе русскаго человѣка во всей Европѣ», онъ «первый въ Европѣ»; но князь въ то же время сознавалъ и все невѣжество русскаго человѣка, особенно простолюдина. Невѣжествомъ незнаніемъ и «рукавоспустіемъ» кн. Одоевскій былъ склоненъ объяснять и всѣ наши неудачи. Единственное средство бороться съ ними, по мнѣнію князя—просвѣщеніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Возмущенный однажды обскурантными взглядами нѣкоторыхъ своихъ соотечественниковъ, полагавшихъ широкую постановку народнаго просвѣщенія вреднымъ и называвшихъ затѣи кн. Одоевскаго не иначе, какъ чудачествомъ, кн. Одоевскій записалъ: «А наши умники: кто вовсе считаетъ и грамоту дѣломъ безполезнымъ, кто хочетъ держать нашихъ умныхъ, но вполнѣ невѣжественныхъ поселянъ на Часовникѣ! Какой нехристь будетъ отвергать и религіозную и нравственную пользу Часослова и Псалтири? Но какой неучъ будетъ считать ихъ достаточными не только для геологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ, вообще для физическихъ свѣдѣній, но даже для содѣйствія ихъ къ наблюденію природы, къ уразумѣнію промышленныхъ выгодъ, къ предметамъ, отъ коихъ зависитъ благосостояніе, даже безопасность страны». И по другой важной причинѣ стоялъ кн. Одоевскій за широкое просвѣщенье, такъ какъ только оно—по глубокому его убѣжденію—вырабатываетъ достоинство человѣка, ибо невѣжество идетъ рука объ руку съ безнравственностью. И вотъ этотъ «чудакъ» посвящаетъ цѣлый рядъ своихъ лучшихъ годовъ служенію народу, издаетъ для него книжки, въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ ушедшія въ народную массу. Просвѣтительное служеніе князя народу началось еще въ ту пору, когда онъ, въ качествѣ чиновника Министерства внутрен. дѣлъ, редактировалъ «Сельское Обозрѣніе», издававшееся этимъ министерствомъ; сближеніе съ М. А. Максимовичемъ, восхитившимъ князя своей «Книгой Наума о великомъ Божьемъ дѣлѣ», еще болѣе подогрѣло въ кн. Одоевскомъ желаніе работать для народа, и онъ, не покидая мечты о собственномъ народномъ изданіи, съ отмѣннымъ рвеніемъ принималъ участіе въ дѣлахъ Ученаго коми тета Министерства Государствен. Им ществъ. Интересы этого комитета, н обязанности котораго, между прочимъ, ле жала забота объ учрежденіи въ дерев няхъ школъ, оказались слишкомъ бли кими сердцу князя, и онъ съ усердіем принялся за составленіе книгъ и учебни ковъ для народа по всевозможнымъ отра слямъ знанія (между прочимъ, попутн отмѣтимъ, что въ 1838 г. въ «Журнал общеполезныхъ свѣдѣній» князь напеча талъ статью: «Краткое понятіе о химіи для свѣчныхъ мастеровъ»). Но еще пл дотворнѣе была его дѣятельность въ рол издателя, вмѣстѣ съ другомъ его А. П Заблоцкимъ-Десятовскимъ, «Сельскаго Чт нія». Въ этомъ отношеніи кн. Одоевскі былъ дѣйствительно иниціаторомъ народн просвѣтительной литературы.

Всѣхъ книгъ «Сельскаго Чтенія» выш четыре: первая въ 1843 г., послѣдняя в 1818 г. Изданіе это въ высшей степен оригинально, начиная даже съ внѣшне постановки дѣла: издатели пренебрег обычными принадлежностями журнала какъ-то: опредѣленнымъ числомъ кни въ году, періодичностью ихъ выпуска подписной платой и т. п., но они сооб щили изданію извѣстную выдержанну послѣдовательность въ выборѣ темъ трактованіи затрагиваемыхъ вопросовъ дали въ рядѣ статей массу разнообразнѣ шихъ свѣдѣній по всевозможнымъ отр слямъ практическаго и теоретическа знанія, свѣдѣній, преподанныхъ въ бол шинствѣ случаевъ не только простым понятнымъ и чуждымъ прописной мора языкомъ, но и талантливо. Изданіе имѣ выдающійся успѣхъ. Каждая книжка ил отдѣльно, или въ соединеніи съ какой либо другой переиздавалась по нѣсколь разъ, 1-я же книжка вышла въ 1864 г. въ одиннадцатый разъ. Не входя въ по робную оцѣнку этого замѣчательнаго изд нія, уже по достоинству оцѣненнаго и пу ликой и критикой современной и позд шей, ограничимся указаніемъ на до участія въ немъ самого князя Одоевска Являясь передъ читателями то въ обра умнаго, бывалаго, охочаго до наставлені крестьянина Наума, то словоохотлива простодушнаго себѣ-на-умѣ дяди Прин то, наконецъ, подписываясь и свои настоящимъ именемъ, кн. Одоевскій длинномъ рядѣ статей осторожно вв

дитъ русскаго простолюдина въ обширный кругъ познаній, самонужнѣйшихъ для его моральнаго и физическаго существованія, любовно дѣлится съ нимъ тѣмъ богатымъ запасомъ полезныхъ свѣдѣній, что далъ ему его энциклопедизмъ. «Трудно представить—говоритъ изслѣдовательница «Сельскаго Чтенія» (Е. Некрасова), какихъ только вопросовъ не касался въ своихъ народныхъ книжкахъ кн. Одоевскій!» Не выходя изъ сферы предметовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ жизни народа и важное для него практическое значеніе, онъ старался укрѣпить въ своемъ читателѣ религіозное чувство, онъ объяснялъ ему должныя отношенія къ Богу, людямъ, къ самому себѣ, всему окружающему, онъ объяснялъ все окружающее его; вопросы гигіены, медицины, убѣжденіе во вредѣ пьянства, грубаго обращенія, дурного воспитанія, суевѣрій, лѣни, нелюбознательности; далѣе—цѣлый рядъ совѣтовъ сельско-хозяйственныхъ, выясненіе значенія сельско-хозяйственныхъ выставокъ, практическія наставленія, какъ уберечься отъ пожаровъ и объясненіе причинъ ихъ, наконецъ, ознакомленіе съ барометромъ, газовымъ освѣщеніемъ, пароходомъ, локомотивомъ, множество элементарныхъ научныхъ свѣдѣній по физикѣ, астрономіи, географіи, даже по литературѣ (о Крыловѣ)—вотъ содержаніе статей кн. Одоевскаго, вошедшихъ въ составъ «Сельскаго Чтенія». Нужно ли прибавлять, что только энциклопедичность кн. Одоевскаго дала ему возможность затрагивать такое множество разнородныхъ вопросовъ и только талантливость и удивительное мастерство говорить простымъ народнымъ языкомъ, которымъ восхищался Даль, спасла князя отъ напускного дидактизма и не сдѣлала его скучнымъ... Поразительный успѣхъ «Сельскаго Чтенія», какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей народной литературы (П. Н. Столпянскій) объясняется еще слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ: въ то время какъ предшествовавшіе кн. Одоевскому писатели для народа видѣли въ крестьянинѣ не человѣка вообще, а «низкую породу» людей, кн. Одоевскій обращался къ своему читателю вообще какъ къ человѣку и не смотрѣлъ на крестьянство, какъ на что-то особенное, отличающееся отъ другихъ сословій Россійской Имперіи. Съ выходомъ 4-й книги «Сельскаго Чтенія» не прекратилась, однако, просвѣтительная дѣятельность кн. Одоевскаго на пользу народа. Въ бумагахъ князя сохранились наброски статей и для слѣдующей книжки изданія. Такъ, между прочимъ, слѣдуетъ указать на замѣчательную по своей ясности и простотѣ изложенія его статью: «Наши права и обязанности», могущая пригодиться даже и нынѣ. Кн. Одоевскій не покидалъ заботъ о нуждахъ народа можно сказать до послѣдняго своего часа. Глубоко убѣжденный въ необходимости пробудить и усилить эстетическія потребности народа, онъ въ послѣдніе годы жизни усиленно хлопоталъ, между прочимъ, о введеніи въ народныя училища обязательныхъ уроковъ пѣнія, особенно церковнаго. Но его пожеланьямъ, которыя князь по этому поводу высказывалъ и въ статьяхъ, и въ проектахъ, подаваемыхъ въ надлежащія инстанціи, суждено было осуществиться лишь послѣ его смерти.—Да и вообще задачи просвѣтительныя и въ частности педагогическія живо интересовали князя въ продолженіе всей его жизни. Упомянувъ уже раньше о педагогической дѣятельности его и сочиненіяхъ, здѣсь слѣдовало бы остановиться на беллетристическихъ произведеніяхъ кн. Одоевскаго для дѣтей. Но въ виду общеизвѣстности и распространенности «Сказокъ дѣдушки Иринея» достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что авторъ ихъ былъ чуждъ дѣланной наивности и сентиментальности и не боялся испугать дѣтскаго ума, показавъ ему разнообразіе житейскаго горя и людскихъ страданій... Сказки и разсказы наставительнаго, но любящаго и добросердечнаго дѣдушки Иринея—рядъ коротенькихъ бесѣдъ, изящныхъ по изложенію, подкупающихъ своей задушевностью и простотой. Совершенно доступныя для дѣтскаго пониманія, эти сказки и разсказы полны глубокаго содержанія, и заставляютъ призадумываться надъ самыми обыденными явленіями, о которыхъ повѣствуетъ авторъ, вникать въ ихъ смыслъ. Въ «Шарманщикѣ», »Бѣдномъ Гнѣдкѣ», «Сиротинкѣ»—кн. Одоевскій задѣваетъ лучшія струны юной души: милосердіе, состраданіе, любовь къ труду, вниманіе, отзывчивость; въ «Столярѣ», этой назидательно разсказанной біографіи архитектора А. Рубо, въ «Червячкѣ»—философской сказкѣ о безсмертіи души и жизни послѣ смерти, въ сказкѣ «О четырехъ глухихъ», «Городкѣ въ табакеркѣ» и т. д.

онъ будитъ любознательность и интересными темами, и богатствомъ и разнообразіемъ преподаваемыхъ свѣдѣній. Не мало поучительнаго можетъ извлечь юная читательница и изъ «Отрывковъ изъ дневника Маши», нѣкогда написанныхъ авторомъ для воспитанницъ Маріинскаго Института.

Такъ широка, многообразна и плодотворна была литературная дѣятельность кн. Одоевскаго, обозрѣвая которую Бѣлинскій еще въ 1844 г. съ горечью замѣтилъ: «Имя его (т.-е. кн. Одоевскаго) гораздо извѣстнѣе, нежели его сочиненія». Прошедшіе полвѣка не измѣнили справедливаго замѣчанія критика. Какъ кажется, критикъ правъ и въ объясненіи причинъ такого факта: Бѣлинскій приводитъ ихъ двѣ: одну чисто внѣшнюю — отсутствіе своевременнаго изданія сочиненій князя, другую—внутреннюю—наличность въ произведеніяхъ кн. Одоевскаго такого рода взглядовъ и мыслей (порою парадоксальныхъ), которыхъ не могло раздѣлять современное ему общество. Дѣйствительно, мы имѣемъ лишь одно и то далеко не полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, выпущенное авторомъ еще въ 1844 году. А между тѣмъ, несомнѣнно, что ихъ читали усердно. Не говоря о томъ, что въ настоящее время указанное изданіе составляетъ большую библіографическую рѣдкость, объ интересѣ къ сочиненіямъ князя, кромѣ вышеприведенныхъ показаній Бѣлинскаго, свидѣтельствуетъ и тотъ знаменательный фактъ, что еще при жизни кн. Одоевскаго его произведенія неоднократно были предметомъ контрафакцій и подѣлокъ; наконецъ, критика не разъ уже отмѣчала вліяніе, совпаденіе и дальнѣйшее развитіе кое-какихъ мыслей кн. Одоевскаго у Герцена, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова, Тургенева, Достоевскаго, гр. Л. Н. Толстого, хотя иные изъ перечисленныхъ писателей (напр. К. Аксаковъ) порою какъ будто и возставали на князя. Это несправедливое отношеніе, это какъ бы замалчиванье его литературной дѣятельности, какъ увидимъ, чувствовалъ и самъ кн. Одоевскій, но многочисленные и разнообразные интересы, хлопоты и дѣла князя помѣшали ему заняться переизданіемъ или изданіемъ всѣхъ своихъ сочиненій (хотя, какъ видно изъ бумагъ его, онъ готовилъ второе изданіе), а слишкомъ большая скромность его и мягкость характера не допустили князя до настойчиваго распространенія и отстаиванія своихъ идей, какъ бы мимоходомъ брошенныхъ въ свои литературныя произведенія. А между тѣмъ кн. Одоевскій не только обладалъ большимъ талантомъ, но успѣлъ высказать въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ много ума, мыслей смѣлыхъ и оригинальныхъ, познаній столь же глубокихъ, сколь и разнообразныхъ. Это признавали за кн. Одоевскимъ и здравомыслящіе и безпартійные критики. Бѣлинскій, между прочимъ, писалъ: «Нѣкоторыя изъ произведеній князя Одоевскаго можно находить менѣе другихъ удачными, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя не признать замѣчательнаго таланта, самобытнаго взгляда на вещи, оригинальнаго слога. Что же касается до его лучшихъ произведеній,—они обнаруживаютъ въ немъ не только писателя съ большимъ талантомъ, но и человѣка съ глубокимъ, страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, съ горячимъ и задушевнымъ убѣжденіемъ, — человѣка, котораго волнуютъ вопросы времени, котораго вся жизнь принадлежитъ мысли». Однимъ изъ горячихъ и задушевныхъ убѣжденій кн. Одоевскаго было убѣжденіе въ великомъ назначеніи печати, литературы. «Честная литература—говорилъ онъ—точно брандвахта, аванпостная служба среди общественнаго коварства». Вотъ почему его такъ возмущали столь часто повторявшіеся въ нашей печати неблаговидные поступки, ронявшіе ея общественное значеніе первой важности; вотъ почему онъ ратовалъ за возможно широкую свободу печати и ограниченіе стѣснительныхъ мѣръ цензуры. Онъ былъ беззавѣтно преданъ интересамъ печати, образованія и не что иное, какъ эта преданность и горячее желанье принести посильную помощь своему отечеству въ дѣлѣ народнаго образованія подвигнула его однажды на рѣшеніе просить мѣста Министра Народнаго Просвѣщенія.—Истинный другъ литературы и просвѣщенія вообще, кн. Одоевскій былъ другомъ и честныхъ работниковъ на этихъ поприщахъ, способнымъ на самопожертвованіе. Его салонъ-кабинетъ былъ открытъ для всѣхъ этихъ честныхъ тружениковъ и въ толпѣ лицъ разныхъ званій, положеній, чиновъ, сословій, собиравшихся на субботы князя, можно было замѣтить и малыхъ, и великихъ, уже знаменитыхъ и только что начинающихъ работниковъ на

почвѣ науки, искусства, не говоря уже о представителяхъ литературы (послѣдняя— по выраженію Шевырева — была вся на диванѣ кн. Одоевскаго); здѣсь не было мѣста, конечно, лишь такимъ господамъ, какъ Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій и т. п. Въ біографіяхъ длиннаго ряда представителей нашей образованности и искусства: Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Грибоѣдова, Кольцова, Фета, Сахарова, Безсонова, Максимовича, Кошелева, Кирѣевскаго, Погодина, Плетнева, Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, Каратыгина, Самойлова и обширной и пестрой галлереи менѣе крупныхъ величинъ имя князя В. Ѳ. Одоевскаго не разъ упомянется съ уваженьемъ, какъ безкорыстнаго помощника, ходатая, покровителя, заступника, добраго совѣтчика или просто какъ вѣрнаго друга и пріятеля. Но въ той же галлереѣ лицъ, съ которыми находился князь въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, мы замѣчаемъ дѣятелей столь различныхъ направленій, взглядовъ и убѣжденій, что невольно напрашивается вопросъ: какихъ же принциповъ держался самъ князь въ своей литературной и общественной дѣятельности и былъ ли онъ сторонникомъ какого-нибудь одного опредѣленнаго направленія, которому не измѣнилъ на протяженіи всего многоразличнаго служенія своего отечеству? Отвѣтъ на это можетъ дать разсмотрѣніе общественныхъ взглядовъ кн. Одоевскаго, которое вмѣстѣ съ тѣмъ доскажетъ и уяснитъ многое изъ сказаннаго выше.

Оспаривая однажды мнѣніе Кювье о «прирожденныхъ фантомахъ» у животныхъ и людей, кн. Одоевскій замѣтилъ, что разница между тѣми и другими та, что у человѣка, независимо отъ чисто-животныхъ побужденій, есть побужденіе высшее, недоступное животнымъ—«совершенствовать свой трудъ жизни». Но не упорное ли совершенствованіе своего «труда жизни» представляетъ все существованіе кн. Одоевскаго? Мало того, оно являетъ высокій примѣръ совершенствованія этого труда исключительно на пользу своего ближняго, своего народа, поучительный образецъ общественнаго служенія на разнообразнѣйшихъ поприщахъ. Работать для общества, не покладая рукъ, было девизомъ кн. Одоевскаго до послѣднихъ дней его. Уже шестидесятилѣтній старецъ, за четыре года до смерти, онъ въ своемъ отвѣтѣ на пессимистическое «Довольно!» разочарованнаго Тургенева, не нашедшаго ничего лучше, какъ «скрестить на пустой груди ненужныя руки», въ этомъ гимнѣ въ честь труда, творчества, поэзіи, между прочимъ писалъ: «Я сегодня ужъ слишкомъ заработался» — говорилъ Питтъ,—дайте мнѣ другой портфель». Такія слова можетъ, даже обязанъ привести каждый свыше одаренный человѣкъ,—будь онъ художникъ, ученый, служака, промышленникъ. Даровитая организація эластична; она не имѣетъ права вкопать свой талантъ въ землю; она должна пустить его въ куплю, гдѣ бы не привелось. А работы на землѣ много, да и работа неотложная, многосторонняя; всѣхъ зоветъ она—и юнаго, и стараго; на всѣхъ ее хватитъ!»... И далѣе: «Не бѣда, что мы старѣемся, и въ послѣднія минуты мы не скажемъ Россіи, какъ гладіаторы римскому кесарю: «умирая, мы съ тобой раскланиваемся», но припомнимъ: go a head, never mind, help yourself! что по-русски переводится: брось прохладушки—недѣланнаго дѣла много». И этого недѣланнаго дѣла, при отсутствіи дѣлателей, по убѣжденію кн. Одоевскаго, въ Россіи было слишкомъ много. Еще въ 1830-хъ годахъ онъ жаловался на безлюдье у насъ, при массѣ дѣла (его статья: «О враждѣ къ просвѣщенію»...) ту же жалобу повторилъ онъ четверть вѣка спустя. «Въ Россіи—писалъ онъ Каншереву—еще нѣтъ ни отдѣльнаго пространства, ни отдѣльнаго времени для искусства. Мы находимся еще почти въ положеніи первыхъ плантаторовъ въ Америкѣ, гдѣ каждый долженъ былъ быть и хлѣбникомъ, и сапожникомъ и дровосѣкомъ; въ такія эпохи отказываться отъ скучнаго сухого дѣла для труда болѣе привлекательнаго было бы, при извѣстной личной обстановкѣ, до нѣкоторой степени эгоизмомъ, особливо теперь, когда Россія зажила новой жизнью, когда кипитъ въ ней сильное благодѣтельное движеніе, когда всѣ отрасли общественной жизни, словно раскрытые рты, требуютъ здоровой разумной пищи, а между тѣмъ безлюдье большое!» Кн. Одоевскій—имѣлъ полное основаніе сѣтовать на безлюдье и въ началѣ, и въ концѣ своей дѣятельности: его всегда поражало необычайное «рукавоспустіе», «дѣльное бездѣлье», халатность, «спячка» и лѣнь соотечественниковъ; онъ даже пришелъ къ убѣжденію, что лѣнь ума—наше кровное славянское качество,

наше общенародное явленье. «...Что меня бѣситъ,— писалъ онъ однажды гр. Соллогубу, это наша страстная лѣнь, которая мѣшаетъ думать о вещахъ, которыя сами на думанье напрашиваются. Если бы Фурье пожилъ у насъ, то не написалъ бы своей системы гармонизаціи страстей, зане въ страсти лѣни, въ страсти ничегонедѣланія онъ бы нашелъ такой элементъ, который уничтожаетъ всѣ другіе». И кн. Одоевскій всѣми своими физическими и душевными силами всю жизнь свою боролся съ этимъ страшнымъ зломъ. О любви къ труду самого князя, работоспособности этого—по выраженію Писарскаго — трудолюбиваго выше всякой мѣры человѣка, говорить, пожалуй, излишне послѣ всего сказаннаго, а для иллюстраціи можно привести хотя бы такой примѣръ изъ сотни подобныхъ. Въ 1856—7 г, здоровье князя отъ непрерывной напряженной дѣятельности и многихъ огорченій (особенно связанныхъ съ исторіей закрытія Общества Посѣщенія бѣдныхъ) настолько разстроилось, что онъ по настоянію врачей уѣхалъ для лѣченія за границу. Но и за границей его ни на минуту не покидала жажда дѣятельности. Останавливаясь въ крупныхъ городахъ Запада, онъ посѣщалъ училища, библіотеки, архивы и успѣлъ собрать и пріобрѣсти значительную коллекцію книгъ и документовъ, касающихся Россіи, чтобы принести все это въ даръ Публичной Библіотекѣ; кромѣ того, онъ основательно изучалъ музыку (знакомство съ Шеве); находясь въ Ниццѣ, напечаталъ въ заграничныхъ изданіяхъ рядъ статей, въ опроверженіе ложныхъ свѣдѣній о Россіи, сообщавшихся въ то время въ заграничной печати.— Другой основной чертой въ характерѣ кн. Одоевскаго было уже отмѣченное выше его стремленіе къ правдѣ и ненависть ко лжи, въ чемъ бы и какъ бы она не проявлялась. Схоластики и іезуиты, фарисеи и акробаты благотворительности, Булгарины, Магницкіе и Руничи въ дѣлѣ нашего просвѣщенія и развитія и ничѣмъ не брезгавшіе карьеристы и взяточники на поприщѣ государственной жизни и т. п. лица—были злѣйшими врагами князя.

Нѣтъ дѣятельности безъ самозакланія»— говорилъ кн. Одоевскій, и эта дѣятельность прежде всего должна быть честной. Требованіе абсолютной справедливости, честности, вообще нравственности вотъ первое требованіе, какое предъявлялъ кн. Одоевскій къ каждому желавшему вступить на общественное поприще, ибо для прохожденія послѣдняго—по мнѣнію князя—однихъ знаній и способностей мало. Во лжи и вытекающихъ изъ нея безчестныхъ мысляхъ и поступкахъ кн. Одоевскій видѣлъ корень всѣхъ нашихъ общественныхъ бѣдъ. «Ложь, многословіе и взятки—вотъ тѣ три піявицы, которыя сосутъ Россію—говорилъ онъ,—взятки и воровство покрываются этою ложью, а ложь многословіемъ.» Ненавидя ложь, мошенничество, князь возмущался и равнодушіемъ русскихъ къ такому злу и по слѣдующей важной причинѣ: «насъ губитъ равнодушіе къ мошенничеству — писалъ онъ—и отсюда происходящая неистовая злоба къ гласности». Другъ правды прежде всего, кн. Одоевскій всегда стоялъ за гласность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и даже рекомендовалъ ее правительству, какъ мѣру, не заключающую въ себѣ опасности ни для нашего общественнаго мнѣнія, ни для мнѣнія о насъ иностранцевъ. «Это неполитично: что скажутъ о насъ иностранцы?—писалъ онъ между прочимъ.—Какъ будто иностранцы не знаютъ всю суть лучше нашего! Напротивъ, признать опасность своего положенія есть дѣло ума и силы. Кто знаетъ свою рану, тотъ ее залѣчитъ, если можно, а бѣлилами ее не замажешь». Онъ былъ убѣжденъ, что «сокрытіе истины не только не можетъ быть полезно, но наоборотъ, оно всегда задерживаетъ исправленіе зла, дѣйствительно существующаго». Вотъ почему, между прочимъ, кн. Одоевскій такъ горячо протестовалъ противъ цензурныхъ стѣсненій,— вотъ почему этотъ умный патріотъ, всегда защищавшій Россію отъ нападокъ иностранной печати, въ то же время ратовалъ за свободное допущеніе къ намъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, и вотъ почему, наконецъ, онъ такъ близко принималъ къ сердцу вопросы судопроизводства и такъ восторженно привѣтствовалъ гласный судъ, судъ присяжныхъ. Въ судѣ присяжныхъ кн. Одоевскій видѣлъ институтъ, воспитывающій чувство правосудія, въ немъ видѣлъ онъ залогъ «общественной правдивости». Князь признавалъ, что «судьи могутъ погрѣшать, но они творятъ свое дѣло открыто». Къ убѣжденію въ необходимости правды и гласности (на которую, кстати отмѣтимъ, князь не смотрѣлъ, однако, какъ на всеизлѣчивающую панацею) тѣсно

примыкало и убѣжденіе кн. Одоевскаго въ насущной необходимости для народа просвѣщенія вообще. Послѣднее, въ его глазахъ, было великой созидающей и исправляющей силой. «Поклоняясь просвѣщенію какъ святынѣ», онъ всю жизнь посвятилъ на выясненіе его значенія для нашего общественнаго и народнаго благополучія и, какъ видно изъ предъидущаго, отдалъ всего себя дѣлу просвѣщенія. Просвѣщенье народныхъ массъ и притомъ просвѣщенье разумное, осторожное, князь Одоевскій считалъ дѣломъ «кровнымъ» и отвѣтственнымъ въ высшей степени. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ 1843 г. Загоскину, по поводу 1-й книжки «Сельскаго Чтенія»: «Это дѣло не литературное, не блестящее, но, можетъ быть, болѣе дѣло *кровное*; бѣда если разрастется нашъ народъ съ первой минуты чтенія, подъ вліяніемъ нелѣпой блудни, демократизма, безвѣрія и прочихъ гадостей, переходящихъ къ намъ изъ-за моря посредствомъ переводовъ или домашнихъ издѣлій Выжигиныхъ, и упрекъ въ томъ останется на всѣхъ тѣхъ, кто въ наше время держалъ любовь и совѣтъ въ сердцѣ и перо въ рукѣ; ибо наша минута—важная минута: теперь нашему простому народу, кажется, не болѣе лѣтъ тринадцати; бѣда, если къ нему попадется Фоблазъ или Выжигинъ: испортится и физически и нравственно, и послѣ не поправишь никакимъ лѣкарствомъ: а чѣмъ кормить его теперь—о томъ не худо подумать и раздумать». Придавая огромное значенье наукѣ и образованности, онъ въ школѣ, въ научныхъ занятіяхъ видѣлъ горнило, очищающее человѣка отъ дурныхъ наклонностей, вырабатывающее «человѣческое достоинство». «Чѣмъ больше людей въ школахъ, тѣмъ меньше въ тюрьмахъ»—записалъ онъ однажды. «Изъ науки — говорилъ онъ — должно наконецъ развиться примиреніе не только человѣка съ природой, но и людей съ людьми, природы съ природой... Всѣ мы дѣти одной матери—науки: она ведетъ насъ по пути жизни и спасаетъ насъ отъ пропастей и обрывовъ. Какъ добрая мать, она даетъ всякому—сколько кто можетъ снести. Не все она знаетъ, но что знаетъ, о томъ не лжетъ». Въ широкихъ и серьезныхъ занятіяхъ наукой онъ видѣлъ, наконецъ, средство, успокаивающее и вредное броженіе молодыхъ умовъ, происходящее нерѣдко отъ келейнаго знакомства съ запретными плодами какого-нибудь односторонняго направленія тѣхъ или другихъ научныхъ теорій. Это достойно замѣчанія тѣмъ болѣе, что кн. Одоевскій выступилъ съ своею проповѣдью въ пользу науки въ такое время, когда—по словамъ самого князя—у насъ находились люди, которые были «недовольны тѣмъ, что университеты снова открыты. Впрочемъ,—ядовито замѣчаетъ князь,—эти люди принадлежатъ къ тому заговору, который хотѣлъ бы распространить тьму и держать правительство въ страхѣ, поселяя между нимъ и народомъ недовѣрчивость для того, что въ потемкахъ легче и воровать, и лѣпиться». И кн. Одоевскій всегда привѣтствовалъ всякое благое начинаніе правительства; онъ нерѣдко выступалъ и апологетомъ его, какъ на родинѣ, такъ и заграницей. Напр., еще въ 1830-хъ годахъ онъ высказывалъ мысль, что только правительство (и оно одно) поддерживало всегда наше просвѣщенье, «это юное растенье, посаженное доброй десницей Петра», а за годъ до смерти онъ увѣрялъ, что ничто иное, какъ крѣпостная барщина лежала «чурбаномъ» между благими намѣреніями власти и дѣйствительностью. Въ своихъ политическихъ взглядахъ онъ былъ искренній и честный монархистъ. Его преданность престолу была беззавѣтна, любовь къ царю-Освободителю, можно сказать, трогательна. «Преданный Вамъ писалъ онъ государю—какъ русскій преданъ своему царю, я—простите за слово—я люблю Васъ издавна какъ человѣка, всею полнотою души, такъ горячо, какъ только могу любить». Кн. Одоевскій проникся любовію къ императору, когда послѣдній былъ еще наслѣдникомъ престола и ученикомъ Жуковскаго; этому царскому наставнику князь нерѣдко помогалъ при составленіи лекцій и въ выработкѣ программъ для августѣйшаго ученика. Любовь къ государю и къ незабвеннымъ дѣламъ его царствованія, подвигнула князя на рѣшеніе написать исторію царствованія Александра II. «Я старѣю — писалъ онъ государю — и боюсь умереть прежде, нежели исполню предпринятое; боюсь чтобы Ваша прекрасная жизнь не была впервые изображена или рукою черствою, безжизненною, или подъ угломъ зрѣнія какой бы то ни было партіи. Я бы желалъ, чтобы Ваша исторія была вполнѣ историческою; для такой исторіи нуженъ матеріалъ, добросовѣстно

выработанный. Пугаютъ меня великость дѣла и слабость силъ моихъ. Но когда я читаю клеветы чужеземцевъ, изъ-за гроба Жуковскій упрекаетъ меня за бездѣйствіе и ободряетъ на дѣланіе; онъ любилъ во мнѣ то, что онъ называлъ «опредѣленностью мысли и слова, искренностью убѣжденій и умѣньемъ писать по-русски». Восторгъ кн. Одоевскаго всѣми великими реформами царствованія, историкомъ котораго хотѣлъ онъ быть, уже достаточно засвидѣтельствованъ въ нашей литературѣ: онъ былъ настолько великъ, что вылился у князя даже въ стихахъ, хотя Одоевскій вообще стиховъ не писалъ (первый неудачный опытъ князя въ этомъ родѣ—«Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ дѣдушки Иринея» (Спб. 1847) заставилъ его навсегда отказаться отъ мысли быть стихотворцемъ); уничтоженіе крѣпостного права, по мнѣнію князя, было событіемъ, затмевавшимъ собою всѣ другія великія событія русской исторіи, даже эпоху Петра; 19-е февраля 1861 г. это—«великій первый день свободнаго труда»; 19-мъ февраля—писалъ кн. Одоевскій—заканчивается древняя исторія Россіи, и начинается новая. Здѣсь свѣтлая точка, которою освѣщается и прошедшее и будущее нашего отечества, здѣсь тотъ центръ тяжести, точка упора, безъ котораго движеніе русскаго народа было бы немыслимымъ». 19-е февраля каждаго года кн. Одоевскій торжественно праздновалъ въ кругу созываемыхъ у себя друзей и вообще лицъ, особенно сочувствовавшихъ паденію крѣпостного права. Отъ лицъ, не сочувствовавшихъ этому событію, враждебныхъ ему, отъ хитросплетеній ретроградной печати и вообще отъ тѣхъ, кто—по выраженію кн. Одоевскаго—«мечталъ о возможности тайною крамолою поколебать дѣло 19 февраля, во всѣхъ благодатныхъ преобразованіяхъ оставить слова и украсть смыслъ, подпилить понемногу всѣ благія послѣдствія великаго дня», отъ подобныхъ реакціонеровъ князю пришлось перенести не мало непріятностей. Самъ русскій родовитый дворянинъ, кн. Одоевскій до глубины души возмущался попытками нѣкоторой части русскаго дворянства, «не забывшей о сладостяхъ крѣпостничества», вознаградить себя особыми политическими привилегіями. Онъ, напр., безбоязненно подалъ свой протестующій голосъ, и въ горячемъ возраженіи на статьи «Вѣсти», и въ запискѣ, предназначенной для государя, безпристрастно указавъ на дѣйствительныя задачи дворянства. Протесты князя, какъ извѣстно, подняли цѣлую бурю противъ него, особенно въ нѣкоторыхъ кругахъ московскаго дворянства: его обвиняли въ клеветѣ, иные—въ предательствѣ дворянскихъ интересовъ и т. п. Однако, князь не хотѣлъ «бить лежачаго» и на публичную самозащиту не выступалъ. Но вотъ какія замѣчательныя строки, между прочимъ, сохранились въ одномъ изъ его частныхъ писемъ по этому поводу: «Мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ — насколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ; изустною рѣчью — не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ оффиціальныхъ комитетахъ; вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на гибельное вліяніе *олигархіи* въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій... Учившись съ молоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнять моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи. Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ моихъ убѣжденій, но зато выговаривалъ ихъ всегда во *всеуслышанье*, весьма опредѣлительно и рѣчисто, а теперь уже поздно мнѣ переучиваться... Званіе русскаго дворянина, моя долгая честная чернорабочая жизнь, не запятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконецъ, если угодно, и мое историческое имя—не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ рабскомъ безмолвіи, которое могло бы быть принято за знакъ согласія въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности, а именно: безусловное равенство передъ судомъ и закономъ, безъ различія званій и состояній».

Кн. Одоевскому за длинный промежутокъ его дѣятельности выпало на долю пережить не одну эпоху нашего общественнаго и въ частности литературнаго развитія. На его глазахъ шла борьба, порой ожесточенная, одного за другимъ смѣнявшихся направленій; одна партія побѣж-

дала другую, одни принципы брали верхъ надъ другими; на его глазахъ происходило свerженіе старыхъ авторитетовъ и созиданіе новыхъ устоевъ; наконецъ, на его глазахъ подготовлялось медленными шагами великое событіе 19 февраля, въ которомъ и у него была своя роль, и послѣ котораго князь лаконически замѣтилъ: «состояніе русскихъ умовъ улучшилось». На сторонѣ какихъ же принциповъ стоялъ этотъ «человѣкъ трехъ поколѣній», въ теченіе полувѣка столь много поработавшій надъ этимъ «улучшеніемъ русскихъ умовъ». Кн. Одоевскій совершенно справедливо заявилъ о себѣ: «Учившись съ молоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнять моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи. Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ моихъ мнѣній»... Ни въ смутную пору нашего литературнаго развитія, пору распрей и раздоровъ враждующихъ лагерей всевозможныхъ оттѣнковъ свѣта и мрака, ни въ періодъ броженія идей общественныхъ, отразившихся, между прочимъ, у насъ опять-таки въ образованіи враждующихъ партій славянофиловъ и западниковъ и т. д. кн. Одоевскій не былъ ни созидателемъ, ни приверженцемъ какой-либо партіи, да и не могъ имъ быть онъ, поборникъ только правды и просвѣщенья. Кн. Одоевскій былъ внѣ всякихъ партій. Стремленіе только къ правдѣ и безконечное желаніе «дѣланія», окрыленное любовью, которую князь называлъ нашимъ ангеломъ-хранителемъ, любовью «всеобъемлющей, всечующей, всепрощающей, ищущей дѣланія, ищущей всезнанія, какъ подготовки къ своему дѣланію»... вотъ что было силой, направлявшей честную «чернорабочую» его дѣятельность. Человѣкъ такихъ взглядовъ не могъ принадлежать партіи,- онъ принадлежалъ общему дѣлу. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ всего вышесказаннаго о кн. Одоевскомъ, въ этомъ, наконецъ, убѣждаетъ и его роль въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками, о чемъ много уже говорили въ нашей литературѣ и при жизни князя и еще болѣе по смерти его. Не входя въ подробности, ставшіе общеизвѣстными, достаточно замѣтить, что многіе современники князя и позднѣйшіе изслѣдователи пришли къ слѣдующему заключенію, съ которымъ нельзя не согласиться: кн. В. Θ. Одоевскій никогда не былъ ни славянофиломъ ни западникомъ. Но въ сочиненіяхъ князя и тѣ и другіе находили достаточно взглядовъ, имъ симпатичныхъ. Вотъ почему и тѣ и другіе считали князя «своимъ», почему въ салонѣ кн. Одоевскаго можно было встрѣтить лицъ изъ обоихъ лагерей и вотъ почему также въ письмахъ и тѣхъ, и другихъ найдемъ то хвалебныя строки въ честь князя, то колкіе по его адресу намеки. Правда, въ первые годы своей дѣятельности кн. Одоевскій по своимъ взглядамъ какъ будто болѣе примыкалъ къ славянофиламъ, чему свидѣтельствомъ могутъ служить хотя бы его «Русскія Ночи»: мысли подобныя такимъ, какъ: «Западъ гніетъ», «XIX-ый вѣкъ принадлежитъ Россіи» и т. д., дѣйствительно находятся въ этомъ его произведеніи. Но въ то же время кн. Одоевскій не разъ предостерегалъ своихъ читателей отъ обвиненія его въ «квасномъ» патріотизмѣ: «кто понимаетъ цѣну западнаго просвѣщенія, тому понятны и его злоупотребленія» —говорилъ онъ въ оправданіе своихъ мыслей, родственныхъ идеямъ славянофильства. Становясь въ спорѣ славянофиловъ съ западниками на точку зрѣнія истинно просвѣщеннаго человѣка и только, кн. Одоевскій до конца дней своихъ признавалъ русскаго человѣка по способностямъ «первымъ въ Европѣ», но едва-ли не таковымъ и по косности его ума и духовной лѣни. Единственное спасеніе отъ этихъ золъ онъ полагалъ въ просвѣщеніи, и просвѣщеніи обширномъ и общечеловѣческомъ. «Идеализмъ въ народѣ- говорилъ онъ—является большею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ, пониманія ихъ... Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣческое вообще, полупросвѣщеніемъ—лишь національность, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ»... Кн. Одоевскій вѣрилъ въ исконную мощь русскаго народа, но онъ преклонялся и передъ геніемъ Петра, именно потому, что онъ привилъ своему народу, «этому чудному міру, тѣ западныя стихіи, которыхъ ему не доставало», онъ далъ ему науку». И вотъ за эту-то науку, за ея широкое распространеніе, за «подновленіе крови русской народности духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ другими народами», безъ котораго «народность умираетъ», и ратовалъ всю свою жизнь кн. Одоевскій. А на сколько онъ расходился

въ своихъ взглядахъ съ ультра-славянофилами, тому неопровержимымъ доказательствомъ служатъ, напр., слѣдующія его строки: «А что толкуютъ гг. славянофилы о какомъ-то допотопномъ славяно-татарскомъ просвѣщеніи, то оно пусть при нихъ и останется, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры — въ допетровское время; а какъ по ихъ мнѣнію вся эта допотопная суть сохранилась лишь у крестьянъ, т. е. крестьянъ, неиспорченныхъ, такъ назыв. балуй-городами, какъ напр. Петербургъ, Москва, Ярославль и пр. т. п., то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенья въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю, на его едва взбороненной нивѣ, въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣніи содержать скотъ, на который, изволите-ли видѣть, ни съ того, ни съ сего находитъ чума, такъ—съ потолка, а не отъ дурнаго ухода: въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свёкровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и наконецъ безграмотности. Довольно! Допотопное просвѣщеніе во всей красѣ своей». — Да и вообще кн. Одоевскаго не могли допустить до увлеченія славянофильствомъ его философскія просвѣтительныя убѣжденія шеллингиста, врага предвзятой догматики и сторонника самаго широкаго индивидуализма.

Кн. Одоевскій былъ горячій просвѣщенный патріотъ, но чуждый какихъ бы то ни было партійныхъ взглядовъ. Радуясь успѣхамъ западной цивилизаціи, онъ еще болѣе радовался успѣшнымъ попыткамъ привить чужеземную культуру, «западныя стихіи» къ стихіямъ русскимъ, въ наличность, самобытность и силу которыхъ онъ вѣрилъ на столько, что считалъ русскій народъ способнымъ къ развитію въ себѣ и эстетическихъ элементовъ, каковые у него были лишь въ зародышѣ. Эстетическое развитіе кн. Одоевскій считалъ необходимымъ для народа. Это понятно, если вспомнить, какое значеніе обязывало его придавать ,вообще искусству его философское міровоззрѣніе и его пламенная страсть къ искусству, въ особенности къ музыкѣ. Въ этой области кн. Одоевскій сдѣлалъ очень много и его дѣятельность на пользу музыки, и именно русской музыки,—его крупная общественная заслуга.

Какъ въ сферѣ наукъ кн. Одоевскій не сдѣлался узкимъ спеціалистомъ, но всегда высказывался за гармоничное единеніе всѣхъ человѣческихъ знаній и самъ былъ энциклопедистомъ, такъ и въ области искусствъ его эстетическому пониманію и наслажденію были доступны разнообразные и разнородные шедевры красоты. Живопись, ваяніе, театръ будили въ немъ эстетическія чувства и онъ изливалъ ихъ въ дружеской бесѣдѣ, въ перепискѣ, въ газетной статьѣ. Но какъ натура, въ которой было заложено не мало страсти, кн. Одоевскій, конечно, не избѣжалъ предпочтительнаго увлеченія одной научной дисциплиной, одною отраслью искусствъ. Философія была для него солнцемъ всѣхъ наукъ, музыка — «величайшимъ изъ искуствъ», способнымъ не только возбуждать лучшія чувства, но даже исправлять порочныя наклонности. Кн. Одоевскій отлично зналъ теорію и исторію музыки, и былъ поклонникомъ композиторовъ, ставшихъ классическими. Въ особенности онъ любилъ Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона. Изъ русскихъ композиторовъ предпочтительной симпатіей князя пользовался Глинка, котораго онъ вѣрно оцѣнилъ едва-ли не первѣе всѣхъ современниковъ. Увлеченіе музыкой звучнымъ красивымъ аккордомъ отозвалось въ беллетрическихъ произведеніяхъ князя («Послѣдній квартетъ Бетховена», «Себастіанъ Бахъ») и выразилось въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ статей, обличающихъ въ князѣ то тонкаго эстета, то опытнаго ученаго теоретика, то, наконецъ, кропотливаго внимательнаго археолога. Эстетическую сторону музыкальныхъ интересовъ князя обойдемъ лишь небольшимъ замѣчаніемъ: музыкальныя способности князя, артистически умѣвшаго играть на различныхъ инструментахъ и подарившаго музыкальному міру усовершенствованный имъ органъ; его покровительство начинающимъ артистамъ; его музыкальные вечера, на которыхъ услаждалъ слушателей своей игрою Листъ, на которыхъ авторъ «Руслана и Людмилы» знакомилъ друзей кн. Одоевскаго, друзей искусства, съ своей оперой, еще до появленія ея въ свѣтъ, на которыхъ, короче говоря, бывали выдающіеся артисты, музыканты и композиторы русскаго, а иногда и иностраннаго міра,—все это достаточно извѣстно. Важнѣе обратить вниманіе на болѣе серьезную

сторону дѣла, на тѣ памятники музыкальныхъ интересовъ князя, которые сдѣлали имя его почетнымъ въ исторіи русской музыки. Занятія музыкой какъ наукой, кн. Одоевскій самъ ставилъ едва-ли не выше эстетическаго увлеченія ею. По крайней мѣрѣ, въ рѣчи, сказанной въ 1866 г. при торжественномъ открытіи Московской Консерваторіи, (кстати отмѣтимъ, много ему обязанной своимъ возникновеніемъ) князь выразилъ надежду, что Консерваторія послужитъ къ преуспѣянію русской музыки не только какъ искусства, но и какъ науки. И всю свою жизнь кн. Одоевскій, не разлучный съ увлеченіемъ музыкой, не столько писалъ и говорилъ о музыкѣ, какъ объ источникѣ эстетическихъ наслажденій, сколько работалъ надъ музыкой, какъ надъ научной дисциплиной: изучая ея теорію и исторію, онъ наблюдалъ музыкальныя волны и съ точки зрѣнія физика, математика. Музыку полюбилъ кн. Одоевскій будучи мальчикомъ, пребываніе въ Благородномъ Пансіонѣ, въ которомъ онъ еще шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ заявилъ себя и виртуозомъ и композиторомъ, еще болѣе привязало къ ней князя, а дальнѣйшее общеніе его съ музыкальнымъ міромъ обратило музыку въ предметъ его увлеченія и изученія. Уже въ 1833 году кн. Одоевскій издалъ брошюру: «Опытъ о музыкальномъ языкѣ или телеграфѣ» и т. д. Изъ предисловія къ этой брошюрѣ видно, что авторъ ея—давнишній другъ музыки, но съ особымъ усердіемъ онъ предался занятіямъ музыкой и именно русской музыкой въ послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ, куда онъ, вмѣстѣ съ богатымъ собраніемъ матеріаловъ по исторіи русской музыки, привезъ и результаты своихъ двадцатилѣтнихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ же, при его содѣйствіи, былъ открытъ въ 1861 г. первый въ Россіи безплатный классъ хорового пѣнія по цифирной методѣ Шеве; кромѣ того, князь устраивалъ и у себя на дому чтенія о музыкѣ, часть которыхъ впослѣдствіи была напечатана въ его «Музыкальной грамотѣ». Какъ сказано, князя въ особенности интересовалъ вопросъ о русской, народной музыкѣ, въ то время, можно сказать, еще не затронутый наукой. Для всесторонняго разсмотрѣнія его онъ приглашалъ этнографовъ, филологовъ, археологовъ, настаивалъ на необходимости собирать и точно записывать народные напѣвы предостерегалъ отъ искаженій ихъ и «поправленій» современными композиторами, да и самъ не оставался бездѣятельнымъ и напечаталъ не одинъ десятокъ статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Полагая, что окончательное разрѣшеніе этого вопроса можетъ быть дѣломъ лишь «общаго, дружнаго содѣйствія» и не столь близкаго будущаго, котораго ему не дождаться, онъ сосредоточилъ свои личныя занятія въ этой области надъ собираніемъ матеріаловъ и надъ изысканіями и наблюденіями нашей народной, въ тѣсномъ смыслѣ, музыки и древней церковной. О результатахъ дѣятельности кн. Одоевскаго въ этомъ направленіи можно сказать, въ немногихъ словахъ, слѣдующее: 1) кн. Одоевскій признавалъ существованіе русской самобытной музыки, «самобытный характеръ которой способенъ къ развитію въ чисто художественной сферѣ;» 2) считалъ, что въ нашей народной музыкѣ слѣдуетъ отличать двѣ эпохи: первую — допетровскую, старинные напѣвы которой, собственно, и должно считать первообразомъ нашей народной музыки, вторую—остальной періодъ, «въ который мы ближе столкнулись съ Европой» и не остались безъ вліянія: 3) въ древне-русскихъ мелодіяхъ несомнѣнно преобладаніе діатонизма и несимметричнаго тона. Что же касается его изученій древне-русскаго церковнаго пѣнія, то оно привело князя къ слѣдующимъ основнымъ выводамъ: «общую музыку» нельзя смѣшивать съ русскимъ церковнымъ пѣніемъ; «нельзя вводить въ него такіе мелодическіе или гармоническіе ходы, которые музыкально болѣе или менѣе законны, но коими могутъ вполнѣ не только исказиться наши церковные напѣвы, но даже потерять свою самобытность, и въ особенности свое назначеніе»; «древніе напѣвы русской церкви, восходящіе къ XII в., сохранились только, и единственно, въ пяти нотныхъ книгахъ изданія Святѣйшаго Синода: двухъ Обиходахъ, Ирмологіи, Октоихѣ, «Праздникахъ». Ему же собственно, при содѣйствіи Разумовскаго и Потулова, удалось открыть и ключъ къ болѣе правильному пониманію старинныхъ русскихъ крюковыхъ нотъ (коихъ у него было богатое собранье) и такимъ образомъ возстановить болѣе или менѣе точно древніе церковные напѣвы. Заботы князя въ этомъ направ-

ленія были оцѣнены не только у насъ, но и за границей; такъ, между прочимъ, Константинопольское Музыкальное общество почтило князя избраніемъ его въ свои члены. Не входя въ подробное изложеніе анализовъ древней народной музыки и церковнаго пѣснопѣнія, сдѣланныхъ княземъ, отмѣтимъ, что его авторитетность въ данныхъ областяхъ признавали многіе спеціалисты, которые не разъ обращались къ кн. Одоевскому за совѣтомъ и поддержкой. Не осталось безъ поддержки князя изданіе Безсонова: «Калики перехожія», гармонизаціи Потулова, не обошлась безъ указаній и совѣтовъ кн. Одоевскаго Коммиссія о введеніи въ народныя училища обученія церковному пѣнію, много было обязано князю «Общество древне-русскаго искусства», коего онъ былъ членомъ учредителемъ, важнымъ вкладомъ въ Труды 1-го Археологическаго Съѣзда были его статьи о древней русской музыкѣ... Можно сердечно пожалѣть, что внезапная смерть застала кн. Одоевскаго въ самый разгаръ его усиленныхъ музыкальныхъ занятій: древнее церковное пѣніе, раздававшееся на его похоронахъ, рано потеряло въ лицѣ князя своего распространителя и друга; лишь послѣ смерти его были осуществлены намѣренія только что названной Коммиссіи, и чужія уста произнесли его доклады 1-му Археологическому Съѣзду въ Москвѣ, объ устройствѣ котораго князь не мало хлопоталъ...

На седьмомъ десяткѣ лѣтъ кн. В. Ѳ. Одоевскій закончилъ свое почти полувѣковое служеніе отечеству. Онъ скончался неожиданно; жизнь его пресѣклась тихо и мирно, она точно оборвалась на полусловѣ; кн. Одоевскій какъ будто чего-то не договорилъ. Дѣйствительно, если припомнить все сдѣланное имъ, всю его жизнь, и сравнить его заслуги и значеніе, а также и все величіе его обаятельной личности съ тѣмъ, какъ отнеслись къ нему современники, если, наконецъ, обратить вниманіе на настоящую судьбу его имени, нельзя не придти къ заключенію, какъ обидны были для самолюбія князя результаты его невѣдѣнія «искусства разсказывать о томъ, что онъ дѣлалъ», равно какъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что о немъ сказано слишкомъ мало и по сію пору. «Его смерть — писалъ Самаринъ — была для многихъ, даже для самыхъ близкихъ друзей его, какъ бы запоздалымъ разоблаченіемъ всего значенія и заслугъ его. Къ сожалѣніямъ о немъ примѣшивается чувство угрызенія совѣсти... Вообще къ нему не относились такъ серьезно, какъ онъ заслуживалъ бы во многихъ отношеніяхъ; напротивъ того, наивная искренность, съ какою эта вполнѣ безоружная натура давала поводъ посмѣяться надъ собой, вызывала только сарказмы»... Поводомъ къ насмѣшкамъ служила нерѣдко даже внѣшность князя, его домашній костюмъ, въ которомъ князь походилъ на какого-то средневѣковаго алхимика или астролога и въ которомъ онъ нерѣдко принималъ посѣтителей. Незаслуженные упреки своей дѣятельности, порой замалчиваніе благихъ ея результатовъ или равнодушное отношеніе къ нимъ, злоупотребленіе его скромностью князь глубоко чувствовалъ, но та же скромность, повторяемъ, не позволяла ему, этому труженику ради самого дѣла, выдвигать себя, свою личность впереди того или другого дѣла, хотя бы онъ былъ и его иниціаторомъ. Лишь въ скорбныя минуты слишкомъ сильно и грубо задѣтаго самолюбія князь повѣрялъ свои обиды своей записной книжкѣ, дневнику, на одной изъ страницъ котораго сохранилась такая многозначительная запись: «Съ лѣтами я замѣчаю, что сдѣлалъ въ жизни большую глупость: я старался на семъ свѣтѣ кое-что дѣлать, и учился искусству кое-что дѣлать; но забылъ искусство разсказывать о томъ, что я дѣлаю. Обращаясь на жизнь протекшую, вижу, что довольно-таки дѣлъ пошло съ моей легкой руки, не считая неудавшихся. Я первый наложилъ руку на схоластицизмъ и классицизмъ; выговорилъ значеніе Россіи въ мірѣ, чѣмъ теперь пробавляются многіе; много изданій пошло съ моей подпоркой; не одно мое сочиненіе бродитъ подъ именемъ другихъ, и смѣшнѣе всего то, что ими иногда мнѣ же глаза колятъ, какъ бы говоря: «вотъ бы тебѣ что сдѣлать»; въ мірѣ чиновническомъ замѣчаю мой цензурный уставъ 1828 года и права авторской собственности, о которой до меня никто и не думалъ; Положеніе о дворянскихъ выборахъ; Общее Положеніе о компаніяхъ на акціяхъ; Общество застрахованія жизни, надъ которымъ всѣ смѣялись; Пріюты, которыхъ возможности никто не хотѣлъ вѣрить; наконецъ, намѣтилъ разныя вещи, которыя пошли въ ходъ: Общество Посѣщенія бѣ-

ныхъ. Маріинскій институтъ, педагогическія сухія работы, книги для народа, о чемъ никто и не думалъ и проч., и проч., что и самъ забылъ. Право-таки, 20 лѣтъ жизни прошли не даромъ, прежней дѣятельности не считаю. Однако же, гдѣ тотъ добрый человѣкъ, который сказалъ бы мнѣ спасибо? Не изъ того я хлопоталъ,—хлопоталъ я, чтобы заморить червяка, который сидитъ у меня въ груди; но все-таки глупо и тѣмъ болѣе глупо, что многіе развѣ нитку въ иголку вдѣли въ продолженіе жизни!... Все что выстрадано было тобою, все, что взято съ боя, съ другими и съ самимъ собой, все это не пролило ни капли утѣхи въ твою труженическую жизнь! Жить бы тебѣ на фуфу. Не приходилось бы тебѣ зачастую слышать толки о томъ, что ты сотворилъ, передъ тобою же, какъ о дѣлѣ, въ которомъ ты нисколько не грѣшенъ. Неужели ни искры самолюбія мнѣ не позволено въ этомъ мірѣ? Вѣдь есть же нѣкоторая связь между матерью и ребенкомъ, и связь на всю жизнь»! Несмотря на нѣкоторыя, впрочемъ, психологически вполнѣ объяснимыя преувеличенія князя въ оцѣнкѣ результатовъ своей дѣятельности, въ этихъ задушевныхъ строкахъ много правды. Непосильной для одного человѣка представляется біографу кн. Одоевскаго та ноша, которую выносилъ на своихъ плечахъ за свою жизнь этотъ «человѣкъ благоволенія» всему прекрасному и полезному, и изумительной для него кажется энергія, духовная мощь и настойчивость князя въ его общественной дѣятельности и въ закулисной сторонѣ этой въ лучшемъ смыслѣ «чернорабочей» жизни!—Чуткость ко всевозможнымъ потребностямъ своего ближняго, неутолимая жажда дѣятельности и неуклонное и постоянное стремленіе къ правдѣ, вотъ его главныя отличительныя свойства. «Центральный пунктъ и ума, и нравственности, какъ и искусства —писалъ кн. Одоевскій въ 1861 г. С. И. Лапшину—одинъ—истина, quand même. Я знаю, обо мнѣ ходятъ самые противорѣчащіе слухи: одни говорятъ, что я чрезмѣрно податливъ на убѣжденія, другіе,—что я несносно упрямъ; говорятъ, что я только въ комитетахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ могу говорить во всеуслышанье, нападаю на формализмъ, но что на дѣлѣ, въ моемъ служебномъ кругу, я отъявленный формалистъ и педантъ. И все это правда, но объясняется очень просто. Мое убѣжденіе: всѣ мы въ жизни люди законтрактованные; контрактъ, можетъ быть, прескверный, пренелѣпый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая въ службу и т. д., слѣдственно, должны исполнять его, что не мѣшаетъ стараться о его измѣненіи и о томъ, чтобы впредь таковыхъ контрактовъ не было». Однимъ изъ «контрактовъ» кн. Одоевскаго, ни разу имъ не нарушеннымъ, было его честное служеніе обществу въ теченіе почти полувѣка на всевозможныхъ поприщахъ. Правда, не всегда была благопріятна и почва для его дѣятельности, и тѣ или другія обстоятельства, не всегда даже онъ вѣрилъ въ разумность или дѣйствительную полезность совершавшагося вокругъ него, но что значили преходящія ошибки для человѣка, который зналъ, что не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Кн. Одоевскаго, принципомъ котораго было «жить = дѣйствовать», радовала самая наличность дѣятельности. Кн. Одоевскому пришлось испытать на своемъ вѣку много огорченій и разочарованій, но они безсильны были заглушить въ немъ страсть къ дѣятельности, стремленіе къ правдѣ и красотѣ, увлеченіе наукой и искусствомъ. Наука и искусство—въ его глазахъ—были силами, несокрушимыми всеразрушающимъ временемъ, обезпечивающими человѣчеству «дальнѣйшее подвиженіе, т. е. прогрессъ». Повторяемъ, кн. Одоевскій не много сдѣлалъ для науки и искусства какъ ученый и художникъ, но изъ исторіи русскаго просвѣщенія не могутъ быть изъяты огромныя заслуги князя, какъ писателя-энциклопедиста и умнаго многосторонне образованнаго диллетанта, всего себя принесшаго дѣлу насажденія и самаго широкаго распространенія у насъ истинной образованности. Не даромъ кн. Одоевскій былъ центромъ, къ которому такъ настойчиво влекло нашихъ лучшихъ представителей науки, искусства и литературы, коихъ кн. Одоевскій былъ искреннимъ другомъ, цѣнителемъ и покровителемъ. Понятенъ и восторгъ Бѣлинскаго благими начинаніями кн. Одоевскаго: обозрѣвая одно изъ изданій князя («Сельское Чтеніе»), критикъ заключилъ свою замѣтку слѣдующими словами: «И будутъ честны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ людей, подъ просвѣщеннымъ покровомъ которыхъ каждый можетъ возложить свою

посильную лепту на алтарь общаго дѣла». Но выше всего,—по мѣткому отзыву гр. Соллогуба—кн. Одоевскій стоялъ «какъ человѣкъ, и прочія его заслуги были только послѣдствіемъ его исключительной благородной, любящей, кроткой и неутомимо-дѣятельной натуры».

Полнаго собранія сочиненій кн. В. Ѳ. Одоевскаго нѣтъ. „Сочиненія“ его, изданныя А. И. Ивановымъ въ трехъ томахъ въ 1844 г. (Спб.), не переиздавались, хотя авторъ и имѣлъ въ виду сдѣлать второе изданіе; впрочемъ и въ эти три тома вошло далеко не все напечатанное княземъ до 1844 г. Произведенія кн. Одоевскаго встрѣчаются въ слѣдующихъ изданіяхъ, помимо хрестоматій: „Калліопа 1820 г. (ч. IV), „Вѣстн. Евр.“ 1821—1824; „Мнемозина“ 1824; „Сынъ Отеч.“ 1824—1839; „Московск. Телегр.“ 1825; „Сѣв. Пчела“ 1825, -1829; „Атеней“ 1830, „Журналъ общеполезн. свѣдѣній“ 1834; „Библіотека для чтенія“ 1831 — 1836; 1863; „Литерат. Прпб. къ Русск. Инвалиду“ 1834 — 1837; „Московск. Наблюдатель“ 1835 — 1836, „Современникъ“ 1836, 1837, 1839, 1843; „Сборникъ на 1838 г.“; „Сынъ Отеч.“ 1839; „Отечествен. Записки“ 1839 — 1850; „Литерат. Газета“ 1841 — 1845; „Сельское Чтеніе“ 1843—1867, (во всѣхъ четырехъ кн.), „Журналъ для чтенія воспит. военно-уч. зав.“ 1844 — 1846; „Сѣв. Цвѣты“ на 1831 г.; „Денница“ на 1834 г.; „Альманахъ“ на 1838 г.; „Новоселье“ 1845; „Петербургск. Сборникъ“ 1846; „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1858—1861, „Русск. Арх.“ 1863, 1864, 1869; „День“ 1864; „Моск. Вѣдом.“ 1865 г.; „Голосъ“ 1866; „Русскій“ 1867; „Бесѣды Общ. Любит. Русск. Словесн.“ 1868.

Въ отдѣльныхъ оттискахъ и изданіяхъ, кромѣ „Сочиненій“, изд. въ 1844 г., есть слѣдующія произведенія кн. Одоевскаго: „Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ“ М. 1821; „Рѣчь“.. (о знаніяхъ и наукахъ) М. 1822; „Четыре аполога“ М. 1824; „Городокъ въ табакеркѣ“ Спб. 1834, 1895; „Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою“, Спб. 1883; „Отрывокъ изъ записокъ Иринея Мод. Гомозейки“ Спб. 1855; „Сказки (и разсказы) для дѣтей дѣдушки Иринея“ М. 1871. 1879, 1885, 1834; Спб. 1889, 1891, 1895; (что касается изданія сказокъ 1838 1848 гг. (изд. Овсянникова), то эти изданія сдѣланы безъ вѣдома автора, о чемъ тотъ въ свое время заявилъ печатно, см. „Вѣдомости Спб. Полиціи“ 1849, № 1; „Сынъ Отеч.“ 1849, № 1, стр. 12. смѣсь); „Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ дѣдушки Иринея“, Спб. 1847; „Прошедшее въ настоящемъ.. (отрывокъ изъ „Русскихъ Ночей“) Спб. 1848; „Воспоминаніе о 28 іюля 1856 г.. Спб. 1856; „Воспоминанія помощника директора Имп. Публ. Библіотеки“, (unicum). Спб. 1867; „Недовольно“! (Посв. И. С. Тургеневу), М. 1866; „Публичн. лекціи проф. Любимова“, М. 1868; „Повѣсти“ (изд. Суворина „Деш. Библ.“) Спб. 1890. 1892 и мн. мелк. газетн. статей и замѣтокъ. Кромѣ того въ бытность заграницей кн. Одоевскій напечаталъ въ нѣкотор. заграничн. изданіяхъ нѣсколько статей въ защиту Россіи, изъ которыхъ „Lettre-plaidoyer (en faveur de la nati on russe contre M. Alfonse Karr)“ была напечат. и отд.—Nice 1827.—Кое-что изъ произведеній кн. Одоевскаго было переведено на франц. и нѣмецк. языки см.: Douhaire: „Le Decameron russe, Paris 1855“; Сборники: „Russische Hunderd und Eins“; „Russische histor und romantische Erzählungen. Begebenheiten und Skizzen“. Berlin 1838 (Тица); журн „Freihafen“ 1839 (переводы Варнгагена фон Энзе.—Кн. Одоевскій выступалъ и въ качестве соиздателя: въ 1824 г. вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ онъ издалъ 4 кн. альманаха „Мнемозина“ (4-я вышла въ 1825 г.), съ 1843—1867 вмѣстѣ съ А. П. Заблоцкимъ издалъ 4 книжки „Сельскаго Чтенія“, много разъ повторенныя за этотъ 14 лѣтній промежутокъ; кромѣ того, онъ (вмѣстѣ съ Жуковскимъ и друг.) доиздалъ Пушкинскій „Современникъ“, его же поддержкѣ много были обязаны „Отеч. Записки“ и др.

Изъ статей кн. Одоевскаго, посвященныхъ музыкѣ, отдѣльно изданы слѣдующія: „Опытъ о музыкальномъ языкѣ, или телеграфѣ, могущемъ посредствомъ музыкальныхъ звуковъ выражать все то, что выражается словами, и служить пособіемъ для различныхъ сигналовъ, употребляемыхъ на морѣ и на сухомъ пути“, Спб. 1833; „Русская и такъ называемая общая музыка“, М. 1867; „Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи“, М. 1861; „Мнѣніе по вопросамъ, возбужденнымъ Министерствомъ Нар. Просв. по дѣлу о церковномъ пѣньи“, М. 1866; „Замѣтка о пѣніи въ приходскихъ церквахъ“, М. 1864; „Хоровое пѣніе въ Исаакіевскомъ Соборѣ“, Спб. 1858; „Музыкальная грамота или основанія музыки для не музыкантовъ“, М. 1868; кромѣ того важно отмѣтить его статьи, напечатанныя уже по смерти автора въ „Трудахъ 1-го Археологическаго Съѣзда, въ Москвѣ“ (М. 1871): „Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнья“. „Различіе между ладами и гласами“, „Мірская пѣсня написанная на восемь гласовъ крюками съ киноварными помѣтками“, а также „Старинная пѣсня“ (напечат. въ „Рус. Арх.“ 1863 стр. 125 — 129); затѣмъ въ 5 вып. изданія П. А. Безсонова: „Калики перехожія“ (М. 1863), кн. Одоевскій напечаталъ „Письмо къ издателю объ исконной великорусской музыкѣ“. Перу же князя принадлежитъ и нѣсколько статей о музыкѣ въ энциклоп. словарѣ Плюшара; кромѣ того онъ же дополнилъ Карманный музыкальн. словарь Гарраса (М. 1882).

Весьма значительное количество произведеній князя осталось въ рукописи: изъ огромнаго собранія бумагъ его, описаннаго И. А. Бычковымъ (См. Отчетъ Импер. Публичн. Библіот.“ за 1881 г., приложеніе стр. 1—65 кое-что напечатано въ разные годы въ „Русскомъ Архивѣ“ и отчасти въ „Рус. Старинѣ“. Кн. В. Ѳ. Одоевскій не всегда (даже рѣдко подписывался полной фамиліей подъ своими произведеніями. болѣе часто встрѣчающіяся подписи: К. В. О.; В. Ѳ. О.; Одвскій; Одвск.; В. О-й; а также: ъ ь. й; С. Ѳ; Безгласный; Московскій Обыватель: Тихонычъ;

душка Ириней: Иринархъ Модестовичъ Гомозейко.

Отзывы печати о сочиненіяхъ кн. Одоевскаго: (главн. обр.) Бѣлинскій: „Сочиненія", т. I. III, IX: XII: В. Н. Майковъ: „Критич. опыты", Спб. 1891, стр. 297—312: „Телескопъ" 1834, ч. 20. 21, 24: 1835, ч. 26; „Моск. Наблюдат." 1835, т. II: 1836. ч. VII, 1839, т. II; „Лит. Газ." 1844, № 36: „Отеч. Зап." (въ кажд. годѣ за все время существ.): „Современ... 1841, т. 36; „Москвитянинъ" 1842, ч. II; 1846; ч. I: „Маякъ" 1844. т. XVII, 1845. т. XX: „Библіот. для Чт." 1844—1849: „Финск. Вѣстн." 1845, т. I: 1847, т. XVI: „Сынъ Отеч." 1840, т. I и мн. др.;—рец. на „Мнемозину": „Сынъ Отеч." 1824, № 15: 1825, № 21: „Дамск. Журн." 1824, ч. 6, 7. 8: „Моск. Телегр." 1825, ч. I, № 3; „Нов. Лит." 1824, ч. 14; „Литер. Листки" 1824. №№ 5, 15, 21 — 22: „Благонамѣрен." 1824, ч. 8: (см. также „Рус. Стар." 1888, № 12);—рец. на „Сельск. Чт.": „Современ." 1844, т. 34: „Москвитян." 1844, ч. II.

Прочіе матеріалы для біографіи и характеристики литерат. и обществен. дѣятельности кн. Одоевскаго. — „Дѣла" о кн. Одоевскомъ, хранящіяся въ архивахъ: Сенатскомъ, Департамента Герольдіи, Департамента Народнаго Просвѣщенія и др.—Письма кн. Одоевскаго въ рукописи: разнымъ лицамъ—въ бумагахъ князя, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ и Румянц. Музеѣ; къ Е. П. Ковалевскому—въ Имп. Публ. Библіот.; въ печати: „Вѣстникъ Европы" 1823, № 6: „Отеч. Записки" 1848, т. 56, отд. 8; „Литерат. Газ." 1845, № 10; „Сѣв. Пч." 1829, № 55, „Русск. Старина" 1875, т. 13; т. 28: 1883, т. 37 и 38; 1886, т. 50: 1880, т. 28; 1888, т. 60, 1892, т. 74; т. 83; 94; 1901, т. 106; т. 107; 111; „Рус. Архивъ" 1864, с. 994—1041; 1878, № 5; 1869, № 2; 1879, № 4; 1881, № 2; 1890 № 2, „Кіевск. Стар." 1883, № 4; „Русск. Обозрѣніе" 1894, № 3; „Сборникъ 2 Отд. Акад. Наукъ", т. V, вып. 2: И. А. Шляпкинъ: „Изъ неизд. бумагъ Пушкина", Спб. 1903, стр. 240—241: „Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго" М. 1865 (оттискъ изъ „Р. Арх."); „Ист. Вѣстн." 1902, т. 89; „Два письма кн. В. Ѳ. Одоевскаго къ е. и. в. вел. кн. Еленѣ Павловнѣ" (Спб. 1898; оттискъ изъ „Вѣстн. Благотворительности"); В. Боцяновскій: „Кн. В. Ѳ. Одоевскій и Общ. Посѣщенія Бѣдныхъ".

Некрологи: „Правительств. Вѣстн." 1869, № 50; „Всемірная Иллюстрація" 1869, № 12: „Иллюстриров. Газета" 1869, № 12; „Голосъ" 1869, №№ 67, 72. 113, 171; „Дѣятельность" 1869, № 171: „Москов. Вѣд." 1869, №№ 50, 61; „Рус. Вѣд." 1869, № 48: „Воскресный досугъ" 1869, № 320; „Сынъ Отеч." 1869, № 56; „Современ. Извѣстія" 1870, № 54; „Всемірный Трудъ" 1870, № 3: „Донъ" 1869, № 27, 28; „Народн. Школа" 1869, № 5; „Русск. Архивъ" 1869, № 6, 1870. №№ 1—5, 1874, № 2, „Illüstrirte Zeitung" 1869; № 1346: „Засѣданіе Общества Люб. рос. слов." М. 1869 (сборникъ статей 7 авторовъ); въ Воспоминаніяхъ и Запискахъ: И. И. Панаева (ч. I и II; см. также „Соврем." 1861, I); А. Я. Головачевой - Панаевой: В. А. Панаева („Рус. Стар.", т. 107); М. А. Паткуль („Ист. Вѣстн." 1902, т. 87): С. С. Порошиной („Рус. Стар.", т. 71): Смирновой, ч. I, Сабининой („Рус. Арх." 1901, № 6, стр. 270): Писарскаго („Р. Стар." 1895, №№ 1, 2: „Р. Арх." 1869; Жихарева; Фета (т. I.) Кс. Полевого: М. И. Глинки: гр. Соллогуба („Рус. Міръ 1874, № 12); Сахарова („Рус. Арх." 1873, № 6): И. С. Тургенева („Сочиненія" т. XII,): Д. В. Григоровича („Литерат. Прилож. къ Нивѣ" за 1901 г.); Сѣрякова („Рус. Стар." 1875, т. 14): А. Н. Струговщикова (ibid., т. 9): А. С. Даргомыжскаго (ibid., 12); Г. Я. Ломакина (ibid., т. 49); Сѣрова (ibid., т. 20): Г. К. Градовскаго (ibid, 33): А. П. Бѣляева (ibid., т. 42): Е. Скайлера (ibid., т. 67): А. А. Харитонова (ibid., т. 81): К. Веселовскаго (ibid., т. 100); Греча: Никитенки: М. Дмитріева („Мелочи изъ запаса моей памяти"): „Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ. — Засѣданіе Общ. Любит. рос. слов." М. 1869 (сборникъ воспоминаній о князѣ Кошелева, Путяты, Разумовскаго, Погодина, Темпрязева, Побѣдоносцева, гр. В. А. Соллогуба); въ разн. другихъ статьяхъ и книгахъ: „Переписка Грота съ Плетневымъ" (т. I—IV); „Переписка Плетнева съ Жуковскимъ" (письма № 2, 8, 10, 34, 37); „Переписка Плетнева съ кн. Вяземскимъ" (письмо № 6); „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ" (т. I—IV): „Кольцовъ въ Воронежѣ" (статья Пятковскаго въ „Сѣв. Пчелѣ" 1862. № 39, письма Кольцова къ кн. Одоевскому): „Изъ переписки гр. А. К. Толстого" („Вѣстн. Евр." 1897, № 4); „Старина и Новизна" (кн. II, IV): „Письма И. И. Срезневскаго изъ славянскихъ земель" (Спб. 1895); „Анненковъ и его друзья": А. Н. Пыпинъ: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", (т. I и II); „Сочиненія": Пушкина (тт. I, II, IV, V, VII), Гоголя (тт. II, III, V, VI), его же „Письма" (тт. I, II, III); Грибоѣдова (т. I); Хомякова (т. I); Самарина, кн. Вяземскаго, Плетнева; И. С. Тургенева (т. XII); „Дневники Жуковскаго"; Дневн. гр. П. А. Валуева („Рус. Стар.", т. 71); Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина" (указат.): Колюпановъ: Біографія А. И. Кошелева (т. I и II); много свѣдѣній объ Одоевскомъ разсѣяно въ нашихъ историч. журналахъ: „Рус. Арх." 1864, стр, 804—849; 1869, с. 341 — 348, 1005 1039; 1866; 1869; 1870: 1871, с. 501—504: 1872: 1873: 1874; 1878: 1879, 1881—1885; 1893: 1895: „Рус. Старина" т. 15; 17, 19, 20, 23, 27, 28, 30, 41, 42, 45, 58—60; 1895, 1896, 1899. 1902: „Истор. Вѣстникъ", 1880, № 4: 1882. № 8: 1887, т. 27, 30; 1890 т. 40.—О могилѣ кн. см. „Рус. Вѣд." 1895, № 176.

Н. Ѳ. Сумцовъ: „Кн. В. Ѳ. Одоевскій", Харьковъ 1884 (см. также „Газета Гатцуга" 1879. № 8): А. П. Пятковскій: „Кн. В. Ѳ. Одоевскій, — Литер.-біограф. очеркъ", Спб. 1880; (см. также его „Изъ ист. наш. лит. и общ. развитія", ч. II); А. М. Скабичевскій: „Очерки умств. разв. нашего общества" („Отечеств. Записки" 1870, т. 193, см. его же: „Сочиненія" т. I.); А. М. Вѣтринскій: „Въ сороковыхъ годахъ", Спб. 1899, стр. 293—330 (см. также „Рус. Жизнь" 1894, № 61); А. Ѳ. Кони: „За послѣдніе годы". Спб. 1898, стр. XI XXI (книга посвящена памяти князя; см. также его статью въ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона: см. также „Новости" 1893. № 328; „Рус. Вѣд." 1898, № 100); Боцяновскій: „Кн. В. Ѳ. Одоевскій и Общ. Посѣщ.

Бѣдн.“, Спб. 1899 (оттискъ изъ журн. „Трудов. Помощь“); С. Шевыревъ: Исторія Моск. Университета“, „Моск. Универс. Благородн. Пансіонъ“; Вѣстн. Евр.“ 1819, ч. 108. стр. 301 — 302; Е. Некрасова: „Писатели для народа изъ интеллигенціи“ (Сѣв. Вѣстн.“ 1892, № 2); ея же: „Журналы для народа“ („Рус. Мысль“ 1891, № 2; „Сѣв. Вѣсти“ 1899, №№ 5, 6, 7); Е. Н. Столпянскій: „Должности и обязанности крестьянъ“ („Вѣстн. Всеміри. Ист.“ 1901, № 3); Соловскій: „Кн. Одоевскій и его сочин.“ Черниговъ 1894 (оттискъ изъ „Черниг. Губ. Вѣд.“); В. Ермилинъ: „Памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго“ Спб. 1899 (изъ журн. „Юный Читатель“); „Нива“ 1894, № 9; „Одеск. Новости“ 1900, № 5018; А. Н.—въ „Пед. Сборн.“ 1901, № 6; Н. С. Карцовъ: „Маріинскій Институтъ 1797—1897“, Спб. 1898; Ив. Ивановъ, въ „Мірѣ Бож.“ 1897 № 10; 1898, № 1; (см. его же: „Исторія русск. критики“ т. I); Милюковъ: „Главн. теч. рус. истор. мысли“ („Рус. Мысль“ 1895 № 4); М. Филипповъ: „Судьбы русск. философіи“ („Рус. Богатство“ 1894, № 3). П. Боборыкинъ: „Судьбы русск. романа“ (въ сборникѣ „Починъ“); „Пушкинск. Сборникъ“, М. 1900; А. И. Кирпичниковъ: „Очерки по ист. нов. рус. литер. „И. Замотинъ: „Раннія романтическія вѣянія въ рус. лит.“, Варш. 1900; А. Н. Веселовскій: „Западн. вліяніе въ русск. лит.“ М. 1896; А. Н. Пыпинъ: „Исторія русск. лит.“ (т. I и друг. его сочин.); В. С. Иконниковъ: „Опытъ рус исторіографіи“, т. I и II; Н. Энгельгардтъ („Ист. русск. лит. XIX ст.“ т. II), сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, и мн. др.

Для характеристики музыкальной дѣятельности князя слѣдуетъ отмѣтить ст .Д. В. Разумовскаго въ „Трудахъ 1-го археолог. съѣзда“. ч. II, стр. 436—439 (см. также „Голосъ“; 1869, № 67, и „Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ“ М. 1869) и ст. Н. В. Маклакова, — тамъ же, стр. 439 — 444; А. А.: Память по кн. В. Ѳ. Од-мъ“, („Современ. Извѣстія“ 1870, № 54); „Вѣстн. Общ. древне-русск. иск.“ 1874, IV—V, 36—39. См. также Б. В. Березовскій: „Руcская музыка“ Спб. 1898; Статьи въ „Русск. Арх.“ 1869; „Рус. Стар.“ т. 9, 13, 20, 49, 75. О „Себастьянонѣ“ князя см. „Отеч. Зап.“ 1849, т. 66, отд. VIII, стр. 310—342.

Ив. Кубасовъ.

Одоевскій, князь *Даніилъ Семеновичъ*, сынъ князя Семена Васильевича. Упоминается съ 1550 года, когда былъ первымъ воеводой въ Мценскѣ, въ 1552 году былъ воеводой въ Козельскѣ, въ 1553 и 1554 годахъ былъ снова воеводой въ Мценскѣ, въ 1555 году мы находимъ его воеводой на Угрѣ противъ татаръ, въ 1556 году онъ снова участвовалъ въ походѣ царя Іоанна Васильевича подъ Серпуховъ противъ татаръ, съ 16 іюля 1557 года былъ воеводой въ Болховѣ, въ 1558 году былъ воеводой въ Калугѣ, участвовалъ въ отраженіи крымцевъ отъ границъ Московскаго Государства и въ погонѣ за ними въ качествѣ второго воеводы большого полка въ 1559 году онъ былъ сперва въ Болховѣ, а потомъ въ Одоевѣ, въ 1560 году по вѣстямъ о нашествіи крымскихъ татаръ былъ воеводой въ Тулѣ противъ «Дивья мурзы» и «воеводы Дивья дошли а дѣла съ нимъ не поставили». По роспуску воеводъ Одоевскій былъ снова назначенъ въ Болховъ. Въ 1562 году онъ былъ отправленъ противъ татаръ въ Серпуховъ и оставленъ въ этомъ городѣ первымъ воеводой, когда другіе воеводы отправились дальше къ Мценску. Послѣ этого, извѣстія объ Одоевскомъ прекращаются и годъ смерти его неизвѣстенъ. Князь Даніилъ Семеновичъ Одоевскій извѣстенъ какъ основатель въ Лихвинѣ Аѳанасьевскаго дѣвичьяго монастыря, существовавшаго еще въ началѣ XVIII вѣка. Въ этомъ монастырѣ было двѣ настоятельницы изъ рода князей Одоевскихъ: въ 1625 г. старица Аполлинарія и въ 1685 году игуменья Матрона.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородныхъ родовъ“, (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV 495—496; Разрядная книга (Сибирскій Сборникъ, М. 1845) 2, 3; Долгоруковъ: „Россійская Родословная книга“. т. I.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Иванъ Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ Вотчинной коллегіи, сынъ князя Василія Юрьевича Одоевскаго и княжны Маріи Алексѣевны, рожд. Лыковой (род. въ 1672 г., ум. 10 окт. 1752 года). Кн. И. В. Одоевскій родился въ 1710 году. 25-го декабря 1740 года былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники съ назначеніемъ въ Московскую дворцовую канцелярію а въ январѣ слѣдующаго года уже въ дѣйствительные статскіе и назначенъ президентомъ Вотчинной коллегіи (1741 1744). 25 іюля 1744 года произведенъ въ тайные совѣтники и въ томъ же году назначенъ въ присутствіе въ Московскую сенатскую контору. 19 сентября 1746 года назначенъ въ присутствіе въ Сенатъ. Въ 1757 году Одоевскій былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Скончался онъ 26 марта 1758 г.

Барановъ: „Опись высочайшихъ указовъ и постановленій за XVIII вѣкъ“, стр. 8092, 8176, 9469, 9288, 9359, 10276, 10107, 10783, 10903. „Сенатскій Архивъ“ т. 2 и 9; Долгорукій, „Россійская родословная книга“, ч. I, 55, 56; „Энциклопедія военныхъ и межевыхъ наукъ“, т. V, 440.

А. Артамонова.

Одоевскій, князь *Иванъ Ивановичъ*, по прозванію Меньшой, сынъ князя Ивана Никитича Меньшого, упоминается съ 1608 года, когда былъ рындой при представленіи царю Василію Шуйскому польскихъ пословъ. Въ 1612 году былъ посланъ Пожарскимъ и земскимъ ополченіемъ, въ которомъ принималъ участіе, воеводой въ Вологду, гдѣ пробылъ и 1613 годъ. Въ 1617 году мы находимъ его при дворѣ, участвующимъ въ пріемахъ иностранныхъ пословъ; 18 ноября этого года онъ былъ назначенъ приставомъ при пріѣхавшихъ въ Москву персидскихъ послахъ Кай-Салтанѣ и Булатъ-Бекѣ. Въ 1618 году, когда наступалъ на Россію польскій королевичъ Владиславъ, Одоевскій былъ посланъ во Псковъ разбирать дѣтей боярскихъ, дворянъ и иноземцевъ и приготовлять ихъ къ службѣ, въ 1620 и 1621 годахъ онъ былъ воеводой во Псковѣ: въ 1622 году мы находимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ въ этомъ году былъ пожалованъ въ бояре. Послѣ этого до 1626 года мы видимъ Одоевскаго при царскомъ дворѣ въ Москвѣ, гдѣ онъ участвуетъ въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Въ 1626 году князь Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ первымъ воеводой въ Новгородъ, гдѣ на воеводствѣ же онъ въ 1629 году и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукопись Импер. Публ. Библ.) IV, 506—507; Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 252: Дворцовые разряды I, 228, 253, 385, 493, 633, 750, 762; Русская Историческая Библіотека II, 485—489, Книги разрядныя I, 548, 716, 762, 781, 1239, 1347, II, 78, 184; Акты Московскаго Государства, I, 139; Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, 233, 283, Акты историческіе, III, 237; Дополненія къ актамъ историческимъ, I, 303; Акты Археографической Экспед. II, 351, III, 18.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Иванъ Михайловичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, президентъ Вотчинной коллегіи. Въ концѣ 1725 года онъ былъ гофъ-юнкеромъ. Пожалованный нѣсколько лѣтъ спустя въ камеръ-юнкеры, кн. Одоевскій 8 сентября 1732 года былъ назначенъ совѣтникомъ вотчинной коллегіи и въ этой должности оставался почти шесть лѣтъ, причемъ 17 декабря 1733 года былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. 17 іюля 1738 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ Дворцовой конторы, а черезъ два года президентомъ Вотчинной коллегіи. Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ его не сохранилось. Извѣстно лишь, что 21 января 1741 года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

П. Барановъ „Опись Высочайшимъ Указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Сенатскомъ Архивѣ" т. II, Спб. 1875 г. стр. 10 (1626), 282 (4353), 328 (4796), 551 (6687), 660 (7584) и 698 (7903); „Сенатскій Архивъ" т. II, Спб. 1880 г., стр. 305. 306 и 447, т. IV, Спб. 1891 г., стр. 193 и 362; кн. Петръ Долгорукій „Россійская родословная книга", ч. I, Спб. 1854 г., стр. 56. *Е. В.*

Одоевскій, князь *Иванъ Никитичъ* Большой, бояринъ и воевода, сынъ боярина князя Никиты Романовича Одоевскаго. Упоминается съ 26 октября, 1588 года, когда во время торжественнаго царскаго обѣда онъ, въ чинѣ стольника, «смотрѣлъ въ большой государевъ столъ», въ 1590 году, когда началась война съ Швеціей сопровождалъ царя Ѳеодора Іоанновича въ походѣ въ Финляндію въ званіи рынды при государевомъ саадакѣ. Въ томъ же году князь Иванъ Никитичъ былъ посланъ къ Окѣ смотрѣть боярскихъ дѣтей въ расположенныхъ тамъ войскахъ. Въ 1591 году онъ участвовалъ въ отраженіи отъ Москвы крымскихъ татаръ, отличился въ этомъ походѣ и получилъ въ награду золотой, затѣмъ все остальное время царствованія Ѳедора Іоанновича находился при дворѣ, исправляя обязанности рынды при пріемахъ пословъ или, по званію стольника, участвуя въ церемоніяхъ торжественныхъ царскихъ обѣдовъ. Въ 1598 году Одоевскій былъ на соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова, подписался подъ соборной грамотой и въ этомъ же году участвовалъ въ походѣ новаго царя противъ крымскихъ татаръ, сдѣлавшихъ въ этомъ году набѣгъ подъ самую Москву: потомъ въ 1601 году онъ былъ посланъ осматривать войска, расположенныя на южной окраинѣ Московскаго Государства въ защиту отъ внезапнаго нападенія крымцевъ: въ Тулѣ осматривалъ большой полкъ, въ Крапивнѣ — правую руку, а въ Дѣдиловѣ передовой полкъ. Послѣ этого у насъ не имѣется извѣстій объ Одоевскомъ до 1606 года, когда мы находимъ его въ чинѣ свадьбы Лжедимитрія Въ этомъ же году онъ былъ пожалованъ самозванцемъ въ бояре. Въ 1608 году Одоевскій участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Василія Шуйскаго на княжнѣ Буйносовой; въ 1609 году, когда тушинскія шайки подступили къ Москвѣ

принимать участіе въ ея защитѣ и былъ осаднымъ воеводой для вылазокъ у Арбатскихъ воротъ. Въ 1610 году князь Иванъ Никитичъ былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ, гдѣ ему и пришось играть видную роль во всей дальнѣйшей исторіи смутнаго времени.

Въ 1610 году былъ низверженъ царь Василій Шуйскій и Москва присягнула королевичу Владиславу. Въ Москвѣ образовалось новое правительство которое начало приводить къ присягѣ королевичу и другіе города Московскаго государства. Въ Новгородъ былъ посланъ для приведенія къ присягѣ и для обереганія отъ шведовъ, явившихся въ это время на сѣверѣ и отъ воровскихъ шаекъ, которыя начали уже грабить русскую землю, И. М. Салтыковъ. Новгородцы и, вѣроятно, во главѣ ихъ и князь Одоевскій, бывшій постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, имѣвшимъ большое вліяніе на новгородцевъ, да, повидимому, и самъ пользовавшійся среди новгородцевъ уваженіемъ и любовью, согласились не раньше впустить Салтыкова и присягнуть королевичу, чѣмъ получать изъ Москвы списокъ съ утвержденной крестоцѣловальной грамоты: но и получивъ грамоту присягнули только послѣ того, какъ взяли съ Салтыкова обѣщаніе, что онъ не введетъ съ собою въ городъ поляковъ. Впрочемъ, быть подданными польскаго королевича Новгороду пришлось не долго Скоро въ Москвѣ и во всей Россіи возникло сильное движеніе, противъ поляковъ; во главѣ ополченія, поставившаго своей задачей изгнать поляковъ изъ Россіи, сталъ Ляпуновъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами составившій временное правительство, которое вступивъ въ управленіе страной начало разсылать и воеводъ по городамъ. Въ Новгородъ этимъ правительствомъ былъ также посланъ воевода Василій Ивановичъ Бутурлинъ. Бутурлинъ немедленно же по прибытіи въ Новгородъ, началъ переговоры съ шведами, задумавшими воспользоваться въ это смутное время удобнымъ случаемъ и овладѣть прибалтійскими областями, принадлежавшими Москвѣ. Уже въ мартѣ 1611 года шведскій генералъ Делагарди не ожидая серьезнаго сопротивленія подошелъ къ Новгороду и спрашивалъ воеводъ, враги они шведамъ, или друзья и хотятъ ли соблюдать Выборгскій договоръ, заключенный съ Швеціей еще при царѣ Василіи Шуйскомъ. Разумѣется, воеводы могли отвѣтить только, что это зависитъ отъ будущаго царя и что они на этотъ вопросъ отвѣтить не имѣютъ права. Бутурлинъ прибывъ въ Новгородъ, началъ вести себя иначе: немедленно вступилъ въ сношенія съ Делагарди, предлагая русскую корону одному изъ сыновей короля Карла IX. Начались переговоры, которые затянулись, а между тѣмъ у Бутурлина съ Одоевскимъ возникли распри: Бутурлинъ не позволялъ осторожному Одоевскому принимать мѣры къ охранѣ города, допустилъ Делагарди, подъ предлогомъ переговоровъ, перейти Волховъ и подступить къ самому пригородному Колмовскому монастырю, и даже разрѣшилъ новгородскимъ торговымъ людямъ поставлять шведамъ разные припасы. Шведы, разумѣется, поняли что имъ представляется очень удобный случай овладѣть Новгородомъ и 8 іюля повели приступъ, который былъ отраженъ только благодаря тому, что новгородцы во время успѣли сжечь окружавшіе Новгородъ посады. Однако новгородцы продержались въ осадѣ недолго: въ ночь на 16-е іюля шведамъ удалось ворваться въ Новгородъ. Сопротивленіе имъ было оказано слабое, такъ какъ всѣ ратные люди были подъ начальствомъ Бутурлина, который послѣ непродолжительнаго боя удалился изъ города, пограбивъ новгородскихъ купцовъ; Одоевскій и митрополитъ Исидоръ заперлись въ Кремлѣ, но, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни боевыхъ запасовъ, ни ратныхъ людей, должны были вступить въ переговоры съ Делагарди. Былъ заключенъ договоръ, разумѣется, на тѣхъ условіяхъ, какія были выгодны шведамъ и Делагарди былъ впущенъ въ Кремль. Условія этого договора заключались въ томъ, что новгородцы обязывались прервать всякія сношенія съ Польшей, должны были принять въ покровители и заступники короля шведскаго, его преемниковъ мужского пола и королевство шведское, не имѣли права безъ вѣдома Швеціи заключать съ кѣмъ бы то ни было миръ или союзъ, обязывались выбрать и просить въ цари одного изъ сыновей шведскаго короля, присягнуть ему и склонять къ тому же все московское государство. До прибытія королевича Новгородъ долженъ былъ поступить подъ управленіе Делагарди и воеводы новгородскіе вмѣстѣ съ нимъ должны были стараться о приведеніи

къ присягѣ королевичу всѣхъ окрестныхъ городовъ; кромѣ того новгородцы должны были не сноситься съ Москвой. Делагарди въ свою очередь обязался не разорять Новгорода, не присоединять къ Швеціи русскихъ областей, кромѣ присоединеннаго уже Корельскаго уѣзда, не дѣлать притѣсненій православной вѣрѣ и не нарушать ея основныхъ правъ. Новгородцы обязались исполнять эти условія даже и въ томъ случаѣ, если остальныя части московскаго государства не согласятся принять ихъ. Такимъ образомъ по этому договору Новгородъ былъ совершенно обособленъ отъ всего остального государства и въ то же время поставленъ въ очень тяжелое положеніе по отношенію къ Швеціи: новгородцы даже не могли выговорить условія, чтобы королевичъ для принятія престола принялъ православіе. Одоевскій скоро почуствовалъ свое тяжелое зависимое положеніе отъ Делагарди, несмотря на то, что шведскій король старался задобрить его, и въ сентябрѣ 1611 года пожаловалъ ему въ помѣстье большой и богатый Святорусскій Славятинскій погостъ. Всѣ дѣла по управленію Новгородомъ и его областью вѣдалъ самъ Делагарди, Одоевскій постоянно чувствовалъ на себѣ его контроль, всѣ грамоты и челобитья писались на имя «боярина Якова Пунтосовича» (Делагарди) и потомъ уже въ нихъ помѣщалось имя князя Ивана Никитича, иногда же оно и вовсе пропускалось. Въ декабрѣ 1611 года Одоевскій долженъ былъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ послать въ Стокгольмъ уполномоченныхъ съ предложеніемъ русскаго престола одному изъ шведскихъ королевичей. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ Одоевскій, да и всѣ новгородцы во главѣ съ своимъ митрополитомъ Исидоромъ, повидимому, сохранявшимъ самыя лучшія отношенія съ Одоевскимъ, старались найти гдѣ-либо поддержку противъ шведовъ и естественно, прежде всего обращались къ Москвѣ, съ цѣлью возстановить нарушенное единство, склонить и остальное государство къ выбору шведскаго королевича и такимъ образомъ не чувствовать себя такими одинокими и безпомощными. Какъ разъ въ это время, въ половинѣ 1612 года, въ Московскомъ Государствѣ появилась новая могучая сила. Стремившаяся возстановить нарушенный смутой порядокъ земское ополченіе съ княземъ Пожарскимъ во главѣ. Пожарскому выгодно было начать сношенія съ Новгородомъ, такъ какъ ведя борьбу съ поляками онъ долженъ былъ обезопасить себя отъ шведовъ. Между Ярославлемъ, гдѣ тогда находилось земское ополченіе, и Новгородомъ начались оживленныя пересылки. Первый началъ ихъ князь Пожарскій, пославъ въ Новгородъ Степана Татищева съ грамотами къ Одоевскому и митрополиту Исидору и съ просьбой сообщить ему о томъ, какъ у нихъ положено съ шведами. Одоевскій и Исидоръ также отправили въ Ярославль своихъ пословъ, князя Ѳедора Оболенскаго съ выборными изъ Новгородцевъ. Оболенскій долженъ былъ уговаривать начальниковъ ополченія признать царемъ шведскаго королевича: Пожарскій соглашался, но съ условіемъ, что королевичъ приметъ православіе и послѣ довольно продолжительныхъ споровъ Оболенскій отъ имени Новгорода обѣщалъ, что въ случаѣ отказа королевича принять православіе Новгородъ присоединится къ Москвѣ. Такимъ образомъ, Одоевскій достигъ своей цѣли и не только не порвалъ сношеній съ Москвой, но даже успѣлъ заинтересовать новгородскимъ дѣломъ всю Россію. Впрочемъ, лѣтописи говорятъ, что Пожарскій велъ всѣ эти переговоры только съ тою цѣлью, чтобы поддержать добрыя сношенія съ шведами и такимъ образомъ во время своихъ дѣйствій подъ Москвой обезопасить себя съ сѣвера. Это подтвердилось позже, когда послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, Одоевскій снова послалъ пословъ къ Пожарскому съ напоминаніемъ о договорѣ, заключенномъ въ Ярославлѣ и объ обѣщаніи избрать на царство шведськаго королевича. Послы получили отвѣтъ, что «такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обославшись и не учиня совѣта съ Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ и Нижегородскимъ государствомъ и со всѣми городами Россійскаго царства, со всякими людьми отъ мала до велика, одним учинить нельзя». Извѣстно, что на соборѣ 1613 года былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Одоевскій съ Новгородцами оказался въ безвыходномъ положеніи: присоединиться къ Москвѣ не было возможности, такъ какъ Новгородъ былъ въ рукахъ Делагарди и новгородцы были связаны прежнимъ догово

ромъ, но и разорвать съ Москвой было тяжело, ибо это значило отдѣлиться отъ того фундамента, изъ котораго Новгородъ получалъ всѣ жизненныя начала. Къ этимъ затрудненіямъ присоединилось еще и то, что въ самомъ Новгородѣ положеніе сдѣлалось невыносимымъ. Король шведскій Карлъ IX умеръ и его преемникъ Густавъ Адольфъ въ іюнѣ 1613 года прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой извѣщалъ, что [illegible] брата Карла-Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться [illegible] Новгорода и отъ всей Россіи для окончанія дѣла избранія его на царство. Одоевскій и Новгородцы должны были повиноваться и въ Выборгъ было отправлено посольство во главѣ съ Хутынскимъ архимандритомъ Кипріаномъ бить челомъ королевичу, чтобъ онъ немедленно шелъ въ Новгородъ. Карлъ-Филиппъ однако ѣхалъ въ Выборгъ вовсе не для того, чтобы царствовать въ Новгородѣ: онъ расчитывалъ занять престолъ въ Москвѣ и началъ предъявлять претензіи на всероссійскій престолъ. Разумѣется, новгородцы не могли доставить ему Московскаго престола и Карлъ-Филиппъ уѣхалъ въ Стокгольмъ. Въ Новгородѣ между тѣмъ на смѣну Делагарди явился шведскій фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ, человѣкъ очень рѣзкій, обращавшійся съ новгородцами еще хуже, чѣмъ Делагарди и видѣвшій въ Новгородѣ не государство, съ которымъ нужно вести сношенія согласно заключенному договору, а покоренную территорію. Въ январѣ 1614 года онъ объявилъ Одоевскому и выборнымъ новгородцамъ, что Густавъ Адольфъ самъ хочетъ быть королемъ въ Новгородѣ и предлагаетъ Новгороду соединиться съ Швеціей, но на извѣстныхъ правахъ, такъ, какъ соединились Литва и Польша, угрожая въ случаѣ непокорности окончательнымъ присоединеніемъ Новгорода къ Швеціи, но уже на правахъ покоренной области. Положеніе, въ которое былъ поставленъ Одоевскій этимъ запросомъ, было критическое, но онъ нашелъ возможнымъ извернуться, сказавъ Горну, что такое великое дѣло не можетъ быть рѣшено безъ опроса всѣхъ жителей Новгорода. Новгородцы немедленно были опрошены, но вопросъ былъ поставленъ очень хитро: «хотятъ ли цѣловать крестъ Густаву Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ королевичу Карлу-Филиппу». Разумѣется, всѣ новгородцы выразили желаніе остаться при прежней присягѣ и Одоевскій билъ челомъ королю, что новгородцы помнятъ свою прежнюю присягу королевичу Карлу-Филиппу и «за его пресвѣтлѣйшество вездѣ рады головы свои положить». Эвертъ Горнъ все-таки настаивалъ на присягѣ самому королю, утверждая, что королевичъ Филиппъ отказался отъ Новгородскаго престола. Но новгородцы уже возмутились, не будучи болѣе въ состояніи выносить владычества шведовъ и тѣхъ насилій, которыя Горнъ допускалъ надъ жителями. Стали раздаваться голоса за присоединеніе къ Москвѣ, началось броженіе; наконецъ князь Никифоръ Мещерскій съ нѣкоторыми другими новгородцами прямо заявилъ шведскому фельдмаршалу: «Вы хотите души наши погубить, а намъ отъ московскаго государства не отлучаться». Одоевскій также, повидимому, сочувствовалъ движенію къ Москвѣ, но онъ понималъ, что для этого необходима борьба съ шведами и сознавалъ невозможность бороться одними собственными силами безъ ратныхъ людей и безъ запасовъ, и рѣшилъ обратиться къ Москвѣ, прося у новаго царя помощи противъ шведовъ. Онъ притворился, что согласенъ присягнуть шведскому королю, но заявилъ Горну, что прежде присяги онъ долженъ напомнить московскимъ боярамъ ихъ прежнее обѣщаніе—признать королевича своимъ царемъ и подъ этимъ предлогомъ послалъ въ Москву своихъ пословъ, архимандрита Кипріана и нѣсколькихъ выборныхъ. Послы явились къ боярамъ и били челомъ, что неволей цѣловали крестъ королевичу, а теперь хотятъ просить царя, чтобы онъ вступился за новгородское государство и не далъ бы ему окончательно погибнуть отъ шведскаго произвола. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ принялъ пословъ очень милостиво и велѣлъ дать имъ двѣ грамоты: одну оффиціальную, въ которой всѣ новгородцы назывались измѣнниками, а другую тайную, въ которой царь писалъ, что онъ прощаетъ новгородцамъ всѣ ихъ вины. Послы возвратились съ двумя такими грамотами въ Новгородъ, оффиціально показывали только одну грамоту, но тайно распространяли среди народа другую. Между тѣмъ, въ продолженіе всѣхъ этихъ событій велась оживленная война Швеціи съ Россіей, затѣмъ начались переговоры, окончившіеся 27 февраля 1617 года Столбовскимъ миромъ.

по которому Новгородъ снова отошелъ къ Москвѣ. Но Одоевскій не дожилъ до этого: онъ умеръ въ 1616 году, находясь въ шведскомъ подданствѣ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ“, (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV; 497—498; Древняя Россійская Вивліоѳика, IX, 247; Разрядная книга, (Синбирскій Сборникъ М. 1845) 103, 110, 121, 123, 125; Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, 637, II. 209, 453, 455, 456, 461, 553—563, 588—591, 592, 596, 598, 599, 601—603; Русская Историч. Библіотека II, 328—334, 335, 706; V 11. Акты историческіе II, 398, III, 227; Дополненіе къ Актамъ историческимъ I, 278—288, 294, 299, 308, 309, II, 2, 4—8, 24, 26, 28, 33, 34, 38, 40—45, 47, 48, 57, 71—73, 75; Акты Археограф. Экспедиціи II, 43, 294, 315—318, 354—360, III, 125; С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ 456; Полное Собр. Русск. Лѣтоп. III, 264—265, 266. Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) X, пр. 359, XII, 190, 192 пр. 810; Соловьевъ (изд. т-ва „Обществ. Польза“) II, 998, 999, 1019, 1021, 1022, 1023, 1107; Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, IV. 143. 144, 146. 147.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Иванъ Никитичъ* Меньшой, младшій сынъ боярина князя Никиты Романовича. Упоминается съ 1586 года, когда еще молодымъ человѣкомъ былъ въ свитѣ царя; въ 1590 году въ званіи рынды при большомъ государевомъ саадакѣ онъ участвовалъ въ свитѣ царя Ѳеодора Іоанновича въ походѣ противъ шведовъ, въ 1591 году онъ участвовалъ въ отраженіи отъ Москвы крымскихъ татаръ и за отличіе въ этомъ походѣ былъ награжденъ золотымъ, потомъ до самой смерти царя Ѳеодора Іоанновича Одоевскій находился при дворѣ, участвуя въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ, въ пріемахъ иноземныхъ пословъ или присутствуя при торжественныхъ царскихъ обѣдахъ. Въ 1598 году, по смерти царя Ѳеодора, Одоевскій участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова и подписался подъ соборною грамотой, а затѣмъ, въ томъ же году, участвовалъ подъ личнымъ начальствомъ новаго царя въ походѣ къ Серпухову противъ крымскихъ татаръ. Послѣ этого, мы не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій до 1611 года, когда находимъ его воеводой въ Вологдѣ, гдѣ онъ былъ и въ 1612 году. Въ этомъ году одна изъ бродившихъ въ то смутное время по всей Руси шаекъ малороссійскихъ казаковъ, отдѣлившись отъ войска гетмана Ходкѣвича, подступила къ Вологдѣ: городъ былъ плохо защищенъ: по свидѣтельству очевидцевъ, Одоевскій и другіе воеводы были пьяны, войско и боевой нарядъ находились въ безпорядкѣ, и казаки безъ труда ворвались въ городъ, разграбили его и убили воеводъ и начальныхъ людей. Одоевскій едва успѣлъ бѣжать изъ города и явился въ станъ земскаго ополченія въ Ярославль. Здѣсь онъ скоро занялъ довольно видное положеніе, пользовался уваженіемъ и подписывался подъ увѣщательными грамотами, разсылавшимися изъ Ярославля въ разные русскіе города, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ ополченіемъ Одоевскій, повидимому, былъ и подъ Москвой, принималъ участіе въ выборѣ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и 13 апрѣля того же года получилъ приказаніе идти противъ Заруцкаго, опустошавшаго съ своими шайками области вокругъ Москвы. 19 апрѣля Одоевскій выступилъ изъ Москвы по направленію къ Епифани, гдѣ, по слухамъ, находился тогда съ своими шайками Заруцкій, успѣвшій присоединить къ себѣ по дорогѣ воеводъ и ратныхъ людей изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра и Суздаля. Заруцкій оставался въ Епифани очень недолго: онъ вскорѣ ушелъ оттуда, явился къ Дѣдилову, ограбилъ его, сжегъ Крапивну и направился къ Тулѣ, стремясь соединиться съ литовскими отрядами. Одоевскому нужно было во что бы то ни стало не допустить этого соединенія и онъ быстро двинулся къ Тулѣ. Но уже въ маѣ дали знать въ Москву, что Заруцкій изъ-подъ Тулы ушелъ, приступалъ къ Ливнамъ, а оттуда пошелъ къ Лебедяни, и Одоевскій получилъ приказаніе немедленно оставить Тулу и идти со всѣми войсками къ Данкову и Лебедяни. Нагналъ Одоевскій Заруцкаго только у Воронежа, гдѣ и вступилъ съ нимъ въ бой. Относительно исхода боя до насъ дошло два извѣстія: самъ Одоевскій въ своемъ донесеніи писалъ, что онъ разбилъ Заруцкаго на-голову, взялъ въ плѣнъ многихъ его людей и заставилъ его бѣжать въ степь за Донъ къ Медвѣдицѣ. Лѣтопись же говоритъ, что московскіе воеводы Заруцкому ничего не могли сдѣлать, что Заруцкій самъ побилъ множество воронежцевъ и ушелъ къ Астрахани. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить истинности того или другого извѣстія, но Заруцкій дѣйствительно, бѣжалъ отъ Воронежа къ Астра-

хани и быстро занялъ этотъ городъ. Здѣсь онъ, повидимому, началъ выдавать себя за царевича Димитрія, сталъ сноситься съ волжскими, донскими и яицкими казаками и возмущать ихъ противъ московскаго правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался возбудить противъ Москвы и ногайскихъ князей. Одоевскій всѣми силами старался воспротивиться возмущенію казаковъ, посылалъ къ нимъ грамоты съ увѣщаніемъ не соединяться съ Заруцкимъ, посылалъ на Волгу деньги, запасы, вина, сукна и всякое жалованье, старался успокоить донскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ поссорить Заруцкаго съ ногаями и возмутить противъ него жителей Астрахани. Но во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ, очень разумныхъ самихъ по себѣ, главной помѣхой, являлось то обстоятельство, что для этихъ посылокъ у московскаго выводы не было достаточнаго количества ни денегъ, ни запасовъ, а между тѣмъ и то и другое требовалось въ громадномъ количествѣ; слѣдствіемъ этого было то, что Заруцкій началъ явно усиливаться: къ нему стали стекаться разныя воровскія казацкія шайки изъ сѣверныхъ и замосковныхъ уѣздовъ, ногайскій князь Иштерекъ-бей также открыто принялъ его сторону, присоединилась къ Заруцкому часть волжскихъ казаковъ, объявилъ себя за Заруцкаго и Терской городокъ. Словомъ, Заруцкій усилился и уже подумывалъ двинуться вверхъ по Волгѣ къ Самарѣ, чтобы потомъ пробиться внутрь Россіи, но не съумѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, вызвалъ своими насиліями и грабежами сильное возстаніе противъ себя въ Астрахани, возбудилъ противъ себя и Терской городъ, гдѣ его посланные хотѣли убить любимаго народомъ воеводу Головина. Между тѣмъ противъ Заруцкаго былъ отправленъ съ Терека съ небольшимъ отрядомъ, стрѣлецкій голова Василій Хохловъ, который, подойдя къ Астрахани соединился съ возставшими жителями ея, осадилъ въ Кремлѣ Заруцкаго и заставилъ его бѣжать изъ Астрахани. Заруцкій бѣжалъ на Яикъ, и Одоевскій воспользовался трудами Хохлова, въѣхалъ съ торжествомъ въ Астрахань и видимо старался присвоить себѣ славу побѣды надъ Заруцкимъ. На Яикъ были посланы стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ, которые 23 іюня осадили Заруцкаго въ городкѣ яицкихъ казаковъ, у которыхъ самозванецъ нашелъ убѣжище, и послѣ продолжительнаго и упорнаго боя заставили казаковъ 25 іюня 1614 года выдать Заруцкаго, находившуюся съ нимъ Марину и ея сына. Плѣнники были отправлены въ Астрахань къ Одоевскому, который немедленно же отправилъ ихъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Казань, а оттуда въ Москву. «Въ Астрахани», писалъ онъ царю, «мы держать ихъ не смѣли для смуты и шатости». Такимъ образомъ, Заруцкій послѣ годовой борьбы былъ уничтоженъ; но необходимо было успокоить страну, привести къ повиновенію казаковъ и ногайцевъ и уничтожить воровскія шайки, разгуливавшія по всему юго-востоку Россіи. Одоевскому, въ декабрѣ 1613 года пожалованному въ бояре и назначенному послѣ изгнанія Заруцкаго воеводой въ Астрахань и пришлось заняться замиреніемъ края. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи выразилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ казаками, которымъ онъ посылалъ жалованье, въ постоянныхъ посылкахъ воеводъ для усмиренія и уничтоженія шаекъ, въ возстановленіи разрушенныхъ мятежниками городовъ и остроговъ, въ возстановленіи прекратившихся вслѣдствіе грабежей воровскихъ людей торговыхъ сношеній съ персидскими и армянскими купцами. В 1615 году онъ былъ еще въ Астрахани, но послѣ этого года извѣстій о немъ не имѣется до 1618 года, когда мы находимъ его въ Москвѣ, участникомъ собора о защитѣ Москвы отъ войскъ королевича Владислава; во все время осады Москвы поляками князь Иванъ Никитичъ былъ въ городѣ и принималъ участіе въ защитѣ столицы. Въ томъ же 1618 году Одоевскій былъ назначенъ судьей въ Судно-Владимірскій приказъ. Въ 1620 году князь И. Н. Одоевскій былъ отправленъ воеводой въ Казань и пробылъ тамъ до 1624 года, когда былъ отозванъ въ Москву и снова поставленъ во главѣ Судно-Владимірскаго приказа, гдѣ находился до самой своей смерти, не прекращая въ то же время своей очень почетной придворной службы. При дворѣ мы часто находимъ его имя въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ: онъ присутствовалъ на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, принималъ участіе въ чинѣ обѣихъ свадебъ царя Михаила Ѳеодоровича. Умеръ князь И. Н. Одоевскій въ 1629 году и

былъ похороненъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

Спиридовъ; „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукопись Имп. Публ. Библ.) IV, 498—500; „Древняя Россійская Вивліоѳика“ (2 изд.) IX, 247; „Разрядная книга“ (Синбирскій Сборникъ, М. 1845), 110, 124; „Дворцовые Разряды“ I, 445; „Книги разрядныя“ I, 564, 871, 926, 1034, 1154, 1262, 1368; „Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ“ III, 92, 94, 95, 99, 104, 170, 180, 279, 281, 282, 283; „Русск. Историч. Библіотека“, II, 331; „Акты Московск. Государства“, I, 40, 138; „Акты историч.“, III, 12—30, 32—37, 414—429, 430—448; „Акты Археограф. Экспедиціи“ II, 43, 347, III, 21—28, 53; С. Ѳ. Платоновъ: „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ“, 559; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) X, 315, 456; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“) II, 1018, 1031, 1035, 1054, 1055, 1058, 1061.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Иванъ Семеновичъ*, по прозванію Сухорукъ, сынъ князя Семена Юрьевича Одоевскаго, вмѣстѣ съ братьями перешелъ отъ Литвы на московскую службу; благодаря поддержкѣ великаго князя Іоанна III онъ постоянно и успѣшно велъ борьбу съ мелкими удѣльными князьями, служилыми Литвѣ. Въ 1485 году литовскіе послы жаловались Іоанну III, что Одоевскіе князья, «князь Иванъ зъ братьею» притѣсняютъ служилыхъ Литвѣ князей Мезецкихъ. Іоаннъ III отвѣчалъ, что Мезецкіе князья сами нападали и чинили обиды Одоевскимъ князьямъ и что послѣдніе только оборонялись, Одоевскіе князья даже будто бы жаловались въ Москву на эти притѣсненія Мезецкихъ князей. Въ 1492 году князь Иванъ Семеновичъ владѣвшій половиной Одоевскаго удѣла началъ борьбу изъ-за старшинства въ родѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, владѣвшимъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ княземъ Михаиломъ, другой половиной Одоевскаго удѣла и державшимъ сторону Литвы. Князь Иванъ напалъ на удѣлъ Ѳедора въ его отсутствіе, захватилъ въ плѣнъ его мать, пожегъ и пограбилъ его волости, нѣкоторыя волости привелъ къ присягѣ себѣ и забралъ всю казну князя Ѳедора. Князь Ѳедоръ Ивановичъ жаловался литовскому великому князю, который и прислалъ посла въ Москву съ жалобой Іоанну III на своеволіе его слуги. Но Іоаннъ III снова заступился за своего служилаго князя: онъ заявилъ, что въ Одоевѣ происходятъ споры изъ-за старшинства и предлагалъ дать Одоевскимъ князьямъ возможность сговориться, а если не сговорятся, то послать уполномоченныхъ отъ Москвы и Литвы, которые бы и разобрались во всемъ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, князь Иванъ Семеновичъ снова остался безнаказаннымъ и даже получилъ возможность продолжать свои набѣги на область соперника. До насъ не дошло извѣстій, чѣмъ закончилась эта борьба двухъ линій княжескаго рода Одоевскихъ, но, повидимому, она была въ пользу князя Ивана и его братьевъ и весь удѣлъ перешелъ въ ихъ руки, такъ какъ мы знаемъ, что по миру 1494 года весь Одоевскій удѣлъ отошелъ къ Москвѣ, и такъ какъ по родословнымъ видно, что князь Ѳеодоръ Ивановичъ и его братъ князь Михаилъ Ивановичъ умерли бездѣтными. Не менѣе ревностно, чѣмъ боролся съ Литвой, князь Иванъ Семеновичъ служилъ и великому князю Іоанну III: въ 1495 году онъ былъ воеводой въ Мценскѣ, въ 1497 году мы находимъ его первымъ воеводой передового полку во Владимірѣ, въ 1499 году онъ вмѣстѣ съ Перемышльскими князьями и нѣкоторыми другими воеводами разбилъ и прогналъ изъ-подъ Козельска сдѣлавшихъ нападеніе на него татаръ, въ декабрѣ 1501 года онъ участвовалъ въ качествѣ перваго воеводы передового полка въ походѣ на Литву и Лифляндію подъ начальствомъ князя Семена Стародубскаго, въ 1507 году онъ снова участвовалъ въ походѣ на Литву изъ Сѣверской земли вторымъ воеводой большого полка и, наконецъ, въ 1508 году былъ посланъ навстрѣчу князьямъ Глинскимъ, которые въ это время явились въ Москву изъ Литвы. Послѣ этого дальнѣйшихъ извѣстій о князѣ Иванѣ Семеновичѣ до насъ не дошло, и годъ его смерти въ точности не извѣстенъ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ“, (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 488—489; Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси (Спб. 1889) I, 252; Сборникъ Русск. Историч. Общ. XXXV, 1, 3, 4, 7, 16, 59, 65; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VI, пр. 544; Разрядная книга — изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I) 32, 37, 38.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Иванъ Сергѣевичъ*, генералъ-поручикъ, шефъ Ингерманландскаго драгунскаго полка. 2-го февраля 1776 года онъ вступилъ на службу въ лейбъ-гвард. Преображенскій полкъ фурьеромъ и 1-го января 1779 года былъ пе-

реведенъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ. 10-го февраля 1789 года онъ былъ выпущенъ въ капитаны и назначенъ флигель-адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому. Подъ его командой кн. Одоевскій принималъ участіе въ турецкой войнѣ во время занятія города Киліи и Измаила. Въ февралѣ 1792 года Одоевскій былъ произведенъ въ подполковники и опредѣленъ въ украинскій легко-конный полкъ. Въ этомъ чинѣ онъ принималъ участіе во всей польской кампаніи 1792 года, подъ предводительствомъ генералъ-поручика барона Ферзена и бывалъ въ частыхъ сраженіяхъ. Въ 1793 году кн. Одоевскій перевелся въ Софійскій карабинерный полкъ, и въ слѣдующемъ году участвовалъ въ кампаніи при занятіи и сраженіи у Кобрина и Брестъ-Литовска, подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала графа Суворова, причемъ за храбрость былъ награжденъ золотою шпагою. Произведенный въ полковники, а затѣмъ въ генералъ-маіоры, Одоевскій въ 1800 году вышелъ въ отставку, но уже въ сентябрѣ слѣдующаго года былъ принятъ на службу; въ февралѣ 1803 года былъ назначенъ шефомъ Ингерманландскаго драгунскаго полка. 23 апрѣля 1806 года князь Одоевскій оставилъ службу.

Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба въ Москвѣ. *И. Артамонова.*

Одоевскій, князь *Михаилъ Никитичъ*, сынъ боярина князя Никиты Романовича. Упоминается съ 1580 года, когда былъ назначенъ воеводой сторожевого полку въ Коломнѣ; здѣсь онъ пробылъ 1581 годъ и въ сентябрѣ 1582 года былъ переведенъ въ Каширу первымъ воеводой лѣвой руки. Въ 1584 году Одоевскій былъ сперва въ Коломнѣ, а потомъ въ Тулѣ; въ 1585 году на случай нападенія татаръ онъ стоялъ на берегу Оки до сентября, когда былъ отпущенъ со службы, но уже лѣтомъ слѣдующаго 1586 года Одоевскій снова былъ назначенъ былъ воеводой къ Окѣ въ Коломну, участвовалъ въ пораженіи крымцевъ у Оки и за отличіе въ этомъ сраженіи получилъ золотой. Въ маѣ 1587 года Одоевскій снова былъ на берегу Оки у Серпухова подъ начальствомъ князя Ивана Михайловича Глинскаго для охраны московскихъ окраинъ отъ нападенія татаръ; въ 1588 году онъ былъ однимъ изъ воеводъ въ Тарусѣ, въ 1589 году былъ сперва воеводой въ Серпуховѣ, а потомъ въ Алексинѣ. Въ 1590 году князь М. Н. Одоевскій былъ воеводой въ Псковѣ, гдѣ въ этомъ году и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ", (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 496; „Разрядная книга" (Синбирскій Сборникъ, М. 1845) 72, 74; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), X пр. 99; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 642, 644.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Михаилъ Никитичъ*, сынъ боярина, князя Никиты Ивановича. Впервые упоминается въ 1640 году въ спискѣ стольниковъ: всю свою службу онъ провелъ при дворѣ, сопровождая часто царя Алексѣя Михаиловича въ его поѣздкахъ по монастырямъ и примосковнымъ селамъ, и только одинъ разъ, въ 1646 году онъ былъ на службѣ въ Ливнахъ при отцѣ, бывшемъ въ то время тамъ главнымъ воеводой. Въ 1648 году онъ былъ пожалованъ въ спальники, но уже въ 1652 году прекратилась его недолголѣтняя служба: онъ умеръ отъ «огненной» болѣзни и былъ похороненъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. До насъ дошло письмо царя Алексѣя Михаиловича къ отцу князя Михаила Никитича князю Никитѣ Ивановичу, написанное вскорѣ по его смерти. Изъ этого письма видно, что князь М. Н. Одоевскій былъ очень близокъ къ царю, который любилъ съ нимъ бесѣдовать, часто бывалъ у него въ домѣ, постоянно видѣлся съ нимъ и былъ очень къ нему расположенъ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 507; „Древняя Россійская Вивліоѳика" (2 изд.) IX, 252: „Дворцовые Разряды" III, 82, 84, 85, 154; „Акты Археограф. Экспедиціи", IV, 83; „Русск. Историч. Библіотека", X, 443, 444; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") III, 610, 611. *Е. Лихачъ.*

Одоевскій, князь *Никита Ивановичъ*, ближній бояринъ и воевода, сынъ боярина князя Ивана Никитича Большого. Рано лишившись отца, онъ съ самаго ранняго возраста былъ уже на службѣ: въ 1618 году во время осады Москвы войсками королевича Владислава, онъ былъ въ свитѣ царя въ званіи стольника и, хотя по своей молодости еще не былъ записанъ въ дѣйствующее войско, но по природному молодечеству являлся во время тревогъ и принималъ участіе въ стычкахъ съ поляками, за что и было ему пожаловано его помѣстье въ вотчину. Послѣ этого, онъ при-

долждлъ придворную службу: по своему званію стольника «смотрѣлъ въ столы» во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ, ѣздилъ въ качествѣ рынды съ царемъ по окрестнымъ монастырямъ, участвовалъ въ чинѣ обѣихъ свадебъ царя Михаила Ѳеодоровича. Осенью 1633 года, когда началась новая война съ Польшей, князь Никита Ивановичъ былъ назначенъ воеводой въ Ржевъ и получилъ приказаніе «збираться съ ратными людьми» изъ всѣхъ сосѣднихъ уѣздовъ, раздать имъ жалованье, и итти подъ Смоленскъ и «надъ польскими и литовскими людьми государевымъ дѣломъ промышляти, сколько милосердный Богъ помочи подастъ». Однако, ратные люди собирались очень туго; время, между тѣмъ, проходило, положеніе дѣлъ подъ Смоленскомъ дѣлалось все хуже, и вскорѣ Одоевскій получилъ новое приказаніе — итти въ сходъ къ боярину князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому, отправленному на помощь стѣсненному подъ Смоленскомъ боярину Шеину. Впрочемъ, подъ Смоленскъ Одоевскому и на этотъ разъ не удалось попасть, такъ какъ Черкасскій дальше Можайска не пошелъ, а между тѣмъ война закончилась и войско было распущено. Одоевскій также былъ отозванъ въ Москву, гдѣ продолжалъ свою придворную службу, пожалованный, между прочимъ, въ 1635 году въ большіе стольники. Окладъ его въ это время достигалъ 150 руб., суммы очень большой по тому времени. 12 января 1640 года, въ день именинъ царевны Татьяны Михайловны, князь Н. И. Одоевскій былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ бояре, съ денежнымъ окладомъ въ 500 руб. и вскорѣ за пожалованіемъ былъ отправленъ воеводой въ Астрахань, гдѣ пробылъ до 1643 года, заботясь о благоустройствѣ города и заслуживъ своей дѣятельностью расположеніе царя. Въ 1643 году князь Н. И. Одоевскій былъ отозванъ въ Москву и получилъ здѣсь 6 декабря награду за свое управленіе Астраханью: ему была пожалована атласная соболья шуба цѣною въ 200 руб., придача къ окладу и кубокъ вѣсомъ въ 3 фунта. Въ Москвѣ Одоевскій занялъ постъ перваго судьи въ Казанскомъ и Сибирскомъ приказахъ; въ это же время начинается и его дипломатическая дѣятельность: въ 1644 году, когда пріѣхалъ въ Москву датскій королевичъ Вольдемаръ и начались переговоры о бракѣ его съ царевной Ириной Михайловной, Одоевскій, вмѣстѣ съ княземъ Ю. А. Сицкимъ, былъ назначенъ къ «отвѣту» съ датскими послами относительно подробностей свадебнаго договора и дальнѣйшей жизни королевича въ Россіи. Извѣстно, что эти переговоры были безрезультатны, такъ какъ королевичъ Вольдемаръ отказался принять православіе, что было необходимо для брака съ русской царевной. Между тѣмъ, въ 1645 году умеръ царь Михаилъ Ѳедоровичъ и на престолъ вступилъ «тишайшій царь» Алексѣй Михайловичъ. Одоевскій занялъ сразу видное положеніе въ составѣ новаго правительства; онъ находился, повидимому, въ близкихъ отношеніяхъ къ Морозову, былъ женатъ на родственницѣ царя Евдокіи Ѳедоровнѣ Шереметевой, стоялъ близко и къ самому царю, съ которымъ былъ даже въ перепискѣ; словомъ, считался однимъ изъ виднѣйшихъ вельможъ этого времени. Тотчасъ же по смерти царя Михаила Ѳеодоровича онъ получилъ приказаніе привести къ присягѣ новому царю всю боярскую думу, весь дворъ и всѣхъ жителей Москвы, а въ день вѣнчанія царя на царство былъ пожалованъ въ ближніе бояре. Зиму этого года онъ провелъ въ Москвѣ, а 1 февраля 1646 года получилъ почетное назначеніе на постъ главнаго воеводы въ Ливны—руководить защитой южныхъ границъ Московскаго государства отъ возможнаго нападенія крымцевъ. На этомъ посту Одоевскій оставался до 1647 года, пока не былъ отозванъ въ Москву. Дѣятельность Одоевскаго въ Ливнахъ выразилась въ укрѣпленіи южныхъ границъ Московскаго государства, для чего онъ насыпалъ валы, выкапывалъ рвы, устраивалъ засѣки. По прибытіи въ Москву, Одоевскій занялъ свое прежнее почетное положеніе при дворѣ и въ январѣ 1648 года, въ почетномъ званіи перваго дружки, участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя на Милославской. Майскіе безпорядки 1648 года показали, что Одоевскій за свою близость къ Морозову не пользовался любовью народа, но это не помѣшало сохранить ему доброе расположеніе царя и послѣ удаленія Морозова. Расположеніе это и значеніе, которое придавали его уму, сказалось скоро въ томъ, что князь Никита Ивановичъ былъ призванъ къ очень важному дѣлу—составленію Уложенія. 16 іюня 1648 года былъ изданъ царемъ указъ, которымъ назначалась коммиссія для составленія проекта Уложенія въ

составѣ трехъ представителей боярской думы и двухъ дьяковъ. Во главѣ комиссіи былъ поставленъ Одоевскій, а съ нимъ приказано было засѣдать въ ней боярину князю С. И. Прозоровскому и окольничему князю Ѳ. Ѳ. Волконскому. Задачи комиссіи опредѣлялись особымъ царскимъ наказомъ, которымъ приказывалось членамъ: «которыя статьи написаны въ правилахъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей, пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать и чтобы прежнихъ великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ и отца его государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси указы и боярскіе приговоры съ старыми судебниками справити, а на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ бы статьи потому же написати и изложити по его государеву указу общимъ совѣтомъ, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшого чина судъ и росправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно». Такимъ образомъ, на комиссію возлагались двѣ задачи: во-первыхъ, кодифицировать весь имѣвшійся въ тогдашней судебной и приказной практикѣ законодательный матерьялъ, въ видѣ ли «градскихъ законовъ греческихъ царей», или «правилъ св. апостолъ», или указовъ прежнихъ царей, во-вторыхъ, проявить и самостоятельную законодательную дѣятельность составленіемъ новыхъ статей. До насъ не дошло извѣстій, какъ выполнялась эта программа, какъ шли занятія въ комиссіи и насколько въ составленіи «Уложенія» принималъ участіе тотъ или другой членъ ея, но тѣмъ не менѣе мы можемъ выяснить себѣ нѣкоторые факты изъ ея дѣятельности: такъ, мы имѣемъ извѣстія, что въ приказахъ шла спѣшная переписка царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ для комиссіи. Вѣроятно, всѣ эти документы группировались въ комиссіи по отдѣламъ, а потомъ разсматривались и записывались дьяками въ Уложенный докладной столбецъ. Относительно источниковъ Уложенія новѣйшія изслѣдованія указали, что, кромѣ указанныхъ въ царскомъ наказѣ источниковъ, комиссія пользовалась и Литовскимъ Статутомъ, изъ котораго было сдѣлано масса выписокъ, впрочемъ, очень продуманныхъ, съ большой оцѣнкой и коренной переработкой. Члены комиссіи должны были обладать солидной подготовкой, большими знаніями въ польскомъ правѣ, должны были быть хорошо знакомы и съ приказной практикой и съ священнымъ писаніемъ. Занятія комиссіи велись очень спѣшно, такъ что трудно представить, какъ можно было приготовить такой обширный законодательный памятникъ, какъ Уложеніе, за такое небольшое время: 16 іюля была назначена комиссія, а 3 октября того же года уже приступилъ къ разсмотрѣнію Уложенія земскій соборъ, собранный для этого въ Москвѣ. Изслѣдованія проф. Загоскина и Сергѣевича показали, что въ составленіи Уложенія принимали не малое участіе и члены этого собора. Очень многія статьи Уложенія написаны въ отвѣтъ на челобитья выборныхъ или даже ихъ избирателей. Закончены были работы Уложенной комиссіи 29 января 1649 года, когда и было приступлено къ печатанію Уложенія. Уложеніе, по сравненію съ прежними законодательными русскими памятниками, представляетъ значительный шагъ впередъ. Оно значительно систематичнѣе всѣхъ прежнихъ законодательныхъ памятниковъ; содержаніе его было гораздо полнѣе прежнихъ судебниковъ: въ немъ мы находимъ цѣлый рядъ отвѣтовъ на вопросы права гражданскаго и государственнаго. Подробнѣе другихъ отдѣловъ изложено въ Уложеніи уголовное законодательство. Такимъ образомъ, Одоевскій съ своими помощниками очень удачно справился съ своей задачей и Уложеніе, изданное подъ его руководствомъ, осталось единственнымъ актомъ гражданскаго законодательства еще и въ послѣ-петровскую эпоху. Послѣ этого, служба Одоевскаго, прерванная на время усиленной дѣятельностью въ комиссіи, пошла своимъ обычнымъ порядкомъ; онъ попрежнему присутствовалъ при дворѣ, часто бывалъ приглашаемъ къ торжественнымъ царскимъ обѣдамъ, участвовалъ въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ и въ то же время поддерживалъ самыя лучшія отношенія съ царемъ: во время частыхъ поѣздокъ царя по монастырямъ и окрестнымъ примосковнымъ селамъ, управленіе въ Москвѣ поручалось всегда Одоевскому

Къ этому же времени относится еще одинъ случай дипломатической дѣятельности Одоевскаго: въ концѣ 1650 года пріѣхалъ въ Москву польскій посланникъ Альбрехтъ Пражмовскій съ тайной цѣлью поссорить московское правительство съ малороссійскимъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, какъ разъ въ это время просившимъ у Москвы помощи и заступничества противъ поляковъ. Одоевскому, назначенному для переговоровъ съ нимъ, удалось раскрыть эту тайную цѣль польскаго посла и когда поляки, съ цѣлью запугать московское правительство и настроить его противъ Хмельницкаго, объявили, что Хмельницкій соединился съ крымскимъ ханомъ, чтобы идти на Москву, князь Никита Ивановичъ отвѣчалъ, что «гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ учинился у королевскаго величества въ подданствѣ и королевскому величеству, слыша отъ казаковъ такое злое умышленіе, можно ихъ отъ самовольства унять». Относительно же крымцевъ, нашествіемъ которыхъ угрожали поляки, Одоевскій говорилъ: «крымскія рати царскому величеству не страшны, а на украйнѣ противъ нихъ у царскаго величества люди готовы». Въ 1651 году Одоевскій получилъ новое назначеніе—первымъ воеводой въ Казань, гдѣ и пробылъ до 1653 года. Осенью 1653 года мы снова его видимъ въ Москвѣ при царскомъ дворѣ. 15 мая 1654 года онъ отправился въ польскій походъ вмѣстѣ съ царемъ, участвовалъ вмѣстѣ съ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ во взятіи Орши, Дубровны, Копыся и Шклова и осенью возвратился вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Москву; зиму этого года провелъ въ Москвѣ, а весною 1655 года онъ снова сопровождалъ царя въ походъ подъ Смоленскъ и возвратился осенью вмѣстѣ съ царемъ въ Москву, гдѣ въ награду за свою службу получилъ почетное званіе астраханскаго намѣстника. Зимой 1655—1656 года Одоевскій снова выступилъ на дипломатическомъ поприщѣ, съ котораго потомъ уже не сходилъ до конца царствованія Алексѣя Михайловича. 23 декабря 1655 и 13 января 1656 года онъ велъ переговоры съ пріѣхавшими въ Москву для подтвержденія Столбовскаго мира шведскими послами и подъ тѣмъ предлогомъ, что шведскіе послы неправильно пишутъ царскій титулъ, отказался отъ подтвержденія этого невыгоднаго для Россіи договора. Въ маѣ 1656 года Одоевскій снова отправился съ царемъ въ Литву и здѣсь 13 іюля былъ отправленъ изъ Полоцка въ Вильну, для переговоровъ о мирѣ съ польскими комиссарами. Положеніе Польши въ это время было въ высшей степени тяжелое: король Янъ-Казимиръ едва держался и царю Алексѣю Михайловичу представлялся очень удобный случай выполнить свою завѣтную мечту—занять польскій престолъ и объединить подъ своей властью Польшу и Россію. Въ этомъ направленіи былъ данъ наказъ и Одоевскому. Въ Вильно же прибыли въ качествѣ посредниковъ при переговорахъ и австрійскіе послы, пріѣхали и выборные изъ польскихъ и бѣлорусскихъ городовъ и шляхты свидѣтельствовать, что въ русскомъ подданствѣ ихъ не притѣсняютъ, и этимъ склонять поляковъ къ избранію Алексѣя Михайловича. Одоевскій началъ говорить объ избраніи не сразу, сперва онъ предъявилъ очень тяжелыя требованія для заключенія мира: онъ потребовалъ уступки всей Литвы и уплаты до $1^1/_2$ милліона военныхъ издержекъ. Разумѣется, польскіе комиссары на это согласиться не могли и въ свою очередь требовали уступки всего завоеваннаго царемъ и уплаты военныхъ издержекъ. Начались споры и только тогда на одномъ изъ съѣздовъ Одоевскій предложилъ полякамъ по смерти Яна-Казиміра избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича. Поляки отнеслись къ этому предложенію сочувственно, но за то теперь австрійцы начали открыто протестовать противъ такого поворота въ переговорахъ, не желая, чтобы возросло могущество московскаго царя. Несмотря на эти протесты, переговоры продолжались, но теперь уже самъ царь рѣшилъ пока не добиваться польскаго престола, но, прекративъ хотя на время войну съ Польшей, двинуться общими силами на шведовъ. Задача Одоевскаго значительно упростилась и послѣ нѣсколькихъ съѣздовъ ему удалось придти къ временному соглашенію, по которому дѣло объ избраніи царя было рѣшено отложить до сейма, куда должны были явиться и московскіе послы; въ то же время обѣ стороны обязались задержать войска и прекратить военныя дѣйствія до новыхъ съѣздовъ; съ шведами же какъ поляки, такъ и русскіе

не имѣли права заключать мира безъ обоюднаго согласія. Разъѣхались послы въ половинѣ октября 1656 года и Одоевскій прямо изъ Вильны поѣхалъ въ Москву, гдѣ и пробылъ весь 1657 годъ, неся свою почетную придворную службу. Въ маѣ 1658 года Одоевскій былъ снова отправленъ на съѣздъ съ польскими послами въ Вильно; выѣхавъ изъ Москвы, онъ скоро былъ уже въ Бѣлоруссіи и собирался отправиться дальше, но былъ задержанъ въ Минскѣ и Гроднѣ, гдѣ ему пришлось разбирать жалобы мѣстнаго населенія на русскія войска. Жители жаловались, что ратные люди чинятъ имъ насилія и грабежи, воеводы своевольничаютъ и производятъ насилія не менѣе солдатъ. Одоевскій, какъ могъ, разобралъ всѣ эти жалобы, смирилъ воеводъ, ввелъ нѣкоторый порядокъ и затѣмъ уже отправился въ Вильно, пославъ раньше къ гетману литовскому Павлу Сапѣгѣ дворянина Данилу Астафьева узнать о настроеніи литовской знати и поручивъ ему попытаться отдалить ее отъ короля и Польши и привлечь на сторону Москвы. Астафьевъ, однако, доносилъ, что въ Литвѣ довольно враждебно настроены къ Россіи, что литовцы, хотя и не довольны королемъ, но довольно крѣпко держатся единенія съ Польшей, и Одоевскій т. е. ѣхалъ на съѣздъ съ польскими комиссарами (изъ которыхъ главнымъ былъ тотъ же Павелъ Сапѣга), уже сознавая, что этотъ съѣздъ будетъ безрезультатенъ. Дѣйствительно, когда Одоевскій явился въ Вильно, комиссаровъ тамъ еще не было; онъ ждалъ ихъ до 6 августа и принужденъ былъ выѣхать, не добившись переговоровъ. Но въ день выѣзда явились въ Вильно гонцы съ извѣстіемъ, что польскіе комиссары ѣдутъ. Возмущенный Одоевскій отказался возвратиться и комиссары принуждены были уѣхать изъ Вильно не свидѣвшись съ Одоевскимъ. Не успѣлъ, однако, Одоевскій съ своей свитой выѣхать изъ Минска, какъ получилъ царскій указъ—вернуться обратно въ Вильно и попытаться снова устроить съѣздъ. Между тѣмъ, отовсюду приходили извѣстія, что литовскій гетманъ подступаетъ подъ царскіе города, а литовскіе люди, вопреки договору 1656 года, открыто начинаютъ войну съ Москвой. Одоевскій рѣшилъ выяснить все это на съѣздахъ, которые и начались 16 сентября. Большая часть ихъ проходила во взаимныхъ упрекахъ: царскіе послы упрекали поляковъ въ нарушеніи договора, а тѣ упрекали русскихъ въ томъ, что русскіе хотятъ мириться съ Швеціей безъ вѣдома Польши, что было несогласно съ договоромъ 1656 года. Весь сентябрь прошелъ въ такихъ спорахъ. Поляки не хотѣли и слышать объ уступкѣ Литвы, безъ чего Одоевскій не имѣлъ права заключать мира. Къ этимъ несогласіямъ присоединилось и то, что поляки начали открыто нападать и брать въ плѣнъ русскихъ ратныхъ людей и даже цѣлые отряды ихъ. Все это привело къ тому, что Одоевскій принужденъ былъ 9 октября прервать переговоры и дать знать стоявшему въ боевой готовности князю Ю. А. Долгорукову, чтобы онъ начиналъ военныя дѣйствія. Послы выѣхали изъ Вильны 19 октября и въ концѣ года были уже въ Москвѣ, гдѣ Одоевскій провелъ весь 1659 годъ, неся придворную службу и наблюдая за нѣкоторыми постройками въ укрѣпленіяхъ столицы. Въ началѣ 1660 года князь Н. И. Одоевскій былъ снова отправленъ на съѣздъ съ польскими комиссарами, но на этотъ разъ въ Борисовъ. Съ нимъ были отправлены и малороссійскіе послы, которые должны были защищать на съѣздѣ свои интересы. Одоевскій получилъ наказъ: не уступать Волыни и Подоліи, требовать уничтоженія уніи въ Литвѣ, возвращенія русскихъ плѣнниковъ и свободной торговли между Польшей и Малороссіей. Но когда Одоевскій прибылъ съ своей свитой въ Борисовъ, то оказалось, что Польша и не думаетъ мириться съ Россіей, комиссары не явились совсѣмъ и Одоевскій, просидѣвъ безъ дѣла въ Борисовѣ до 19 іюня, получилъ, наконецъ, изъ Москвы приказаніе уйти въ Шкловъ. Сдѣлать это было необходимо тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, поляки явно старались подговорить крымцевъ напасть на Борисовъ, а съ другой и русскій воевода князь Хованскій вмѣсто того, чтобы защищать пословъ и поддерживать ихъ представленія силою оружія, проигралъ большую битву. Еще до наступленія осени Одоевскій былъ въ Москвѣ, гдѣ занимался обычными своими дѣлами и службой, оставаясь очень часто, во время отлучекъ изъ Москвы царя, во главѣ управленія, или исполняя разныя мелкія царскія порученія. Но не долго онъ жилъ спокойно: въ 1662 году его снова ждала по-

сольская служба: 18 февраля онъ былъ посланъ на съѣздъ въ Смоленскъ. Но и на этотъ разъ съѣздъ не состоялся: поляки опять не явились и московскіе послы, проживъ въ Смоленскѣ болѣе году и не дождавшись поляковъ, 3 марта 1663 года выѣхали обратно въ Москву, почти ничего не сдѣлавъ и успѣвъ за это время только размѣняться плѣнными.

На этотъ разъ Одоевскаго ждало въ Москвѣ новое въ высшей степени щекотливое дѣло. Въ 1663 году особенно обострились отношенія между царемъ и патріархомъ Никономъ. Никонъ началъ позволять себѣ разныя дерзкія выходки по отношенію къ царю и его приближеннымъ, а однажды позволилъ себѣ даже предать проклятію одного изъ царскихъ стольниковъ Романа Бобарыкина, тягавшагося изъ-за земли съ любимымъ Никономъ Воскресенскимъ монастыремъ. Бобарыкинъ донесъ царю, что Никонъ проклялъ самого царя. На «тишайшаго» царя это подѣйствовало очень тяжело. По совѣщаніи съ боярами, было рѣшено послать въ Воскресенскій монастырь особую слѣдственную коммиссію и во главѣ ея поставили князя Н. И. Одоевскаго. Одоевскій уже раньше находился въ крайне натянутыхъ отношеніяхъ къ патріарху. Непріязненныя отношенія между ними начались еще съ 1648 года. Одоевскій, будучи предсѣдателемъ коммиссіи для составленія проекта Уложенія, ввелъ въ него двѣ мѣры, направленныя къ ограниченію привилегій духовенства. Во-первыхъ, Уложеніе запретило духовенству пріобрѣтать вотчины, а во-вторыхъ, по Уложенію былъ учрежденъ Монастырскій приказъ, которымъ ограничивались судебныя привилегіи духовенства и которому духовное сословіе становилось подсуднымъ наравнѣ съ свѣтскими людьми. Монастырскій приказъ ограничивалъ и власть патріарха, что, конечно, не могло нравиться властолюбивому Никону, который, естественно, смотрѣлъ съ недоброжелательствомъ и на видимаго виновника этого непріятнаго для него нововведенія. «Князь Никита Ивановичъ Одоевскій»,—писалъ о немъ однажды патріархъ—«человѣкъ прегордый; страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ; правилъ апостольскихъ и отеческихъ никогда не читаетъ и не разумѣетъ, и врагъ всякой истины». Назначенный въ слѣдственную коммиссію князь Никита Ивановичъ, разумѣется, не могъ очень снисходительно отнестись къ патріарху и велъ слѣдствіе далеко не въ его пользу, допрашивалъ свидѣтелей слишкомъ строго, подъ угрозой цытокъ, старался запутать Никона, заставить его сказать что-либо, что могло бы быть истолковано въ смыслѣ недоброжелательства къ царю и успѣлъ заставить неосторожнаго патріарха сказать нѣсколько словъ, на основаніи которыхъ Одоевскій донесъ въ Москву, что Никонъ ожидаетъ только собора и вселенскихъ патріарховъ, чтобы «отчесть отъ христіанства великаго государя». И въ дальнѣйшей своей дѣятельности Одоевскій выказалъ такія же враждебныя отношенія къ Никону: въ декабрѣ 1664 года, когда Никонъ внезапно явился въ Москву, Одоевскій былъ посланъ къ нему для переговоровъ и настоятельно требовалъ, чтобы онъ снова удалился въ Воскресенскій монастырь. Въ 1666 году на соборѣ, собранномъ для суда надъ Никономъ, Одоевскій явился его обвинителемъ и требовалъ его низложенія, а во время самой церемоніи лишенія сана онъ, единственный изъ свѣтскихъ лицъ, присутствовалъ при этомъ обрядѣ.—Между тѣмъ, въ маѣ 1664 года снова былъ назначенъ съѣздъ съ польскими коммиссарами около Смоленска и Одоевскій былъ снова поставленъ во главѣ русскаго посольства. Посламъ былъ данъ подробный наказъ, на основаніи котораго они имѣли право заключить миръ лишь при условіи уступки Польшей Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра, Смоленска съ нѣкоторыми другими, близъ лежащими городами и сохраненія за царемъ титула «всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи». Но въ Москвѣ не знали, что такія условія мира были невозможны, такъ какъ поляки совсѣмъ не были настроены къ невыгодному для себя миру, тѣмъ болѣе, что воевода князь Хованскій снова проигралъ сраженіе подъ Витебскомъ. Коммиссары потребовали возвращенія Польшѣ всего завоеваннаго и уплаты Москвой военнаго вознагражденія въ размѣрѣ 10.000,000 польскихъ злотыхъ. Можно было добиться какихъ-либо результатовъ лишь при томъ условіи, что представленія пословъ найдутъ поддержку въ успѣхахъ воеводъ; но способныхъ воеводъ на театрѣ войны не было: русскіе терпѣли пораженія. Ко всему этому присоединились распри между самими послами. Съ Одоевскимъ на съѣздъ

были отправлены князья Юрій и Димитрій Алексѣевичи Долгорукіе и извѣстный впослѣдствіи Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Ординъ-Нащокинъ получилъ отъ царя особую секретную инструкцію, которой былъ выдѣленъ изъ среды другихъ пословъ; князь Юрій Долгорукій тоже находился въ особыхъ сношеніяхъ съ царемъ; кромѣ того, Одоевскій и Долгорукій, старые бояре, враждовали съ Ординымъ-Нащокинымъ, человѣкомъ, сравнительно, неродовитымъ, появленіе котораго въ своей средѣ они считали для себя оскорбленіемъ. Переговоры были безрезультатны, и въ сентябрѣ послы разъѣхались, ничего не сдѣлавъ. Впрочемъ, роль Одоевскаго въ этихъ переговорахъ была ничтожна. Онъ только оффиціально находился во главѣ посольства, всѣ же дѣла вѣдали безъ него его товарищи, которые переписывались съ царемъ помимо него и даже вели самостоятельно переговоры съ польскими комиссарами.

Вообще, въ это время мы замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему царя Алексѣя Михайловича. Царь, повидимому, разочаровался въ способностяхъ своего ближняго боярина и уже въ 1658 году писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Ю. А. Долгорукову: «а чаю, что князь Никита Ивановичъ тебя подбилъ, и его дѣло, и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ,—послушаешь какъ про него поютъ въ Москвѣ». Это равнодушіе и разочарованіе царя въ одномъ изъ прежнихъ своихъ фаворитовъ и сотрудниковъ отразилось и на всей послѣдующей служебной карьерѣ князя Никиты Ивановича. По пріѣздѣ въ Москву онъ, правда, сохранилъ свое почетное положеніе, но ему уже не давалось важныхъ отвѣтственныхъ порученій. Правда, въ 1664 году ему пришлось въ Москвѣ вести переговоры съ англійскимъ посломъ графомъ Карлейлемъ, напрасно старавшимся выхлопотать привиллегіи для англійскихъ купцовъ; въ 1665 году ему было поручено вести переговоры съ пріѣхавшимъ въ Москву гетманомъ Брюховецкимъ, но всѣ эти порученія не имѣли такого важнаго характера, какимъ отличались прежніе труды Одоевскаго.

Въ 1668 году князь Н. И. Одоевскій былъ поставленъ во главѣ приказовъ: Большой казны, земскаго и рейтарскаго; въ 1671 году во вторую свадьбу царя онъ получилъ весьма почетное назначеніе—быть посаженымъ отцемъ у царя; въ 1674 году былъ отправленъ на съѣздъ съ польскими комиссарами въ Андрусово. Въ это время польскій король Янъ Собѣсскій велъ борьбу съ Турціей и просилъ царя Алексѣя Михайловича о помощи. Одоевскій долженъ былъ отклонить это ходатайство и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ заключенія вѣчнаго мира, даже отъ увеличенія числа лѣтъ перемирія. Все это Одоевскому удалось и въ декабрѣ 1674 года онъ возвратился въ Москву.

Со смертью царя Алексѣя Михайловича положеніе Одоевскаго, повидимому, не измѣнилось. Онъ пользовался уваженіемъ молодого Ѳедора Алексѣевича, но былъ уже слишкомъ старъ, чтобы оказывать значительное вліяніе на дѣла. Впрочемъ, въ 1677 году ему былъ порученъ Аптекарскій приказъ, и въ этомъ же году онъ получилъ званіе намѣстника Владимирскаго. Въ 1681 году мы находимъ его въ Московскомъ Судномъ приказѣ и около того же времени онъ начинаетъ занимать предсѣдательское мѣсто въ возникшемъ около этого времени новомъ учрежденіи, носившемъ названіе Расправной Золотой или Разрядной Палаты. Это учрежденіе создалось вслѣдствіе переполненія дѣлами Боярской Думы; сановники, засѣдавшіе въ немъ, занимались дѣлами текущаго управленія и предсѣдательство въ немъ было въ высшей степени почетнымъ. На соборѣ 1682 года, собранномъ по поводу уничтоженія мѣстничества, Одоевскій занималъ первое мѣсто.

По смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, въ правленіе царевны Софьи, Одоевскій сохранилъ свое почетное положеніе при дворѣ вмѣстѣ съ предсѣдательствомъ въ Расправной Палатѣ, хотя въ дѣлахъ приказовъ онъ уже не упоминается. Вообще, старость и утомленіе сказываются въ его дѣятельности въ это время, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ грамотахъ и документахъ того времени мы все рѣже и рѣже встрѣчаемъ его имя. Лишь изрѣдка, въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ церемоніяхъ, появляется престарѣлый бояринъ и занимаетъ первое мѣсто въ главномъ составѣ правительства, въ которомъ къ тому времени, въ званіи бояръ, засѣдали уже его внуки. Умеръ князь Никита Ивановичъ 12 февраля 1689 года

и былъ похороненъ въ семейной усыпальницѣ рода князей Одоевскихъ, въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Отъ брака съ Евдокіей Ѳедоровной Шереметьевой у князя Н. И. Одоевскаго было четыре сына: князья Михаилъ, Ѳедоръ, Алексѣй и Яковъ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 500—506; Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 252; Соловьевъ (изд, т-ва „Общ. Польза“) II, 1273, 1274, 1501, 1515, 1519, 1663, 1670, 1698—1704, III, 26—42, 79—81, 119, 123, 161—169, 184, 231—235, 245—247, 260, 266—268, 511, 531, 532, 610, 611, 616, 816; Книги разрядныя II, 520, 545, 547, 548, 549, 554, 555, 558, 562, 564, 565, 568—571; 578—581, 628, 630, 631, 1114, 1116; Дворцовые разряды I, 317, 460, 514, 525, 526, 622, 629, 634, 724, 733, II, 27, 34, 35, 38, 43, III, 27, 78, 111, 117, 150, 179, 403, 404, 411, 419, 422, 432, 433, 450, 474; Русская Истор. Библіотека, V, 428, X, 328, 329, 343, 352, 413, 416, 418, 419, 421, 423, 426, 427, XI, 17, 368, 370, XII, 1189; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, I, 637, II, 209, 453, 455, 456, 461, 553, 562, ь89, 592, 596, 598, 599, 603, III, 92, 94, 95, 99, 104, 170, 180, 279, 280, 282, 283; Акты Московск. Государства, I, 542, 551, 554, 556, 567; 570, II. 16, 34, 63, 167, 170, 175, 176, 179, 234—236, 239, 240, 244, 245, 259, 267, 284, 391, 433, 505, 509, 516, 526, 532, 534, 515, 554, 555, 562, 572, 578, 613, III, 29, 39, 46, 47, 66, 73, 78, 82, 83, 90, 91, 100, 104, 108, 109, 111, 114, 126, 132, 134, 279, 325, 451, 507, 515, 553, 567; Акты историческіе, III, 389, 394—395, 397, 403, 408, IV, 20, 22, 32, 35, 37, 45, 67, 78, 266, 322, V; 39, 479; Дополненія къ актамъ историч., II, 270, 278, III, 40, 46, 92, 95, 510, V, 99, 220, VI, 32, 189, 190, VIII, 21, 23, 184, 343, IX, 105, X, 31, 39, 44, 180, 181; Акты Археогр. Экспедиціи, III, 344, 355, 371, IV, 28, 40, 122, 128, 197—198, 491; Сборникъ Муханова, 483, 495, 497, 498, 506, 508, 510, 521, 524, 527, 536, 537, 538, 540; Бантышъ-Каменскій: „Собраніе дипломатическихъ сношеній Россіи“ I, 23, III, 7, 130, 133, 134, 136, 138, 147, 152, 314, 315; Строевъ: „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія“ (Спб. 1833) 14—15, 18—20, 118—119, 122—123; Загоскинъ: „Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича и земскій соборъ 1648—49 г. (Казань 1879) 16, 28—52, 61—63; „Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей“ 1887, кн. III, отд. IV, 4—7, 9, 13—14, 59—61; Сергѣевичъ: „Земскіе соборы въ Московскомъ Государствѣ“ (Сборн. Государств. знаній, т. II, стр. 42—43); Гиббенетъ: „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“ (Спб. 1882) II, 57—80, 609—636; Субботинъ: „Дѣло патріара Никона“ (М. 1862) 59—67; „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“ (М. 1856) 217—237; „Москвитянинъ“ 1851 г., № 2, стр. 202—204, № 14, стр. 146—151; Малиновскій: „Историч. доказательство о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи“ (Труды и Лѣтописи Московск. Общ. Исторіи и Древн. VI) 63—70, 245—253; Берхъ: „Исторія царствованія Алексѣя Михайловича“ I, 36, 40, 45, 257; „Сѣверный Архивъ“ 1825 г., ч. XVII, 296—297. Долгорукій „Русская родословная книга“ т. I. „Н. И. Одоевскій и его переписка съ Галицкой вотчиной“. М. 1903.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Никита Романовичъ*, бояринъ и воевода, сынъ боярина князя Романа Ивановича. Въ 1565 году былъ въ числѣ воеводъ, защищавшихъ южныя границы московскаго государства отъ нашествія крымцевъ; въ 1566 году мы находимъ его воеводой сперва въ Дѣдиловѣ, а потомъ въ Михайловѣ, въ 1567 году онъ былъ воеводой въ Почепѣ, въ 1568 году первымъ воеводой на берегу Оки, для обереганія украинныхъ городовъ отъ нашествія крымскихъ татаръ, въ 1569 году былъ воеводой въ Данковѣ, въ 1570 году—въ Одоевѣ, а когда получены были извѣстія о нашествіи татаръ, то былъ переведенъ въ Серпуховъ. Почти всѣ эти походы онъ совершалъ «изъ опричнины», т. е. будучи включенъ въ число опричниковъ. «Изъ опричнины» же въ 1571 году Одоевскій ходилъ и въ походъ противъ татаръ, когда крымскій ханъ Девлетъ-Гирей сдѣлалъ нашествіе на московскія границы. Въ этомъ же году пожалованный въ бояре, князь Н. Р. Одоевскій сопровождалъ царя въ его извѣстномъ походѣ въ Новгородъ. Въ 1572 году, когда ханъ Девлетъ-Гирей снова сдѣлалъ нападеніе на Московскую украйну, Одоевскій сперва былъ оставленъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ въ Москвѣ, для защиты ея отъ нападенія татаръ, а потомъ ходилъ противъ нихъ къ Серпухову и участвовалъ въ битвѣ съ ними у Воскресенья на Молодяхъ. Осенью того же года Одоевскій былъ посланъ въ Казань противъ возмутившихся тамъ черемисъ, затѣмъ весною 1573 года былъ назначенъ воеводой на Оку, но поѣхать на службу ему не пришлось, такъ какъ онъ до отъѣзда былъ казненъ въ Москвѣ. Причиной этой внезапной казни было, повидимому, близкое родство Одоевскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ, который былъ женатъ на сестрѣ князя Никиты Романовича, княжнѣ Евдокіи Романовнѣ. Курбскій такъ описываетъ смерть Одоевскаго: «Такожде и Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ, ово срачицу его пронзинувши въ перси его тамо и овамо торгати; той же въ таковыхъ абіе мученіяхъ скончался».

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ

русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 494—495; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 182; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, 112, 118, 157 пр. 268, 321, 365, 370, 388, 478, 481; Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей 1902, I) 254, 265; Разрядная книга (Сибирскій Сборникъ, М. 1845) 15, 18, 22, 28, 31, 35, 39; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ I, 537, 538, 540, 543, 544, 550, 565, 566, 579, 582.
Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Петръ Ивановичъ*, полковникъ, извѣстный московскій благотворитель. Родился въ 1740 году. Получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ много путешествовалъ за границей, а по возвращеніи въ Россію поступилъ въ военную службу, которую началъ въ конной гвардіи. Дослужившись до чина полковника, онъ вышелъ въ отставку и остальную часть жизни проводилъ то за границей, то въ Москвѣ, то въ своемъ подмосковномъ имѣніи. По смерти жены своей, (рожденной Полтевой), а вскорѣ затѣмъ и послѣдней дочери, кн. П. И. основалъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Большевѣ (въ 22 верстахъ отъ Москвы) «Убѣжище бѣднымъ», на содержаніе котораго пожертвовалъ изъ своего родового имѣнія 1180 душъ. Кромѣ того, въ память своей дочери князь въ самой Москвѣ основалъ Даріинскій пріютъ. Вообще кн. Одоевскій въ послѣдніе годы своей жизни охотно и много помогалъ бѣднымъ. У него въ домѣ, подъ надзоромъ пожилой дамы, всегда жили 2—3 воспитанницы, бѣдныя сироты, которымъ онъ давалъ образованіе, а потомъ, обезпечивъ, выдавалъ замужъ, причемъ на ихъ мѣсто всегда поступали новыя. Кн. П. И. Одоевскій скончался въ Москвѣ 10-го апрѣля 1826 года на 86 году отъ рожденія.

„Московскій Телеграфъ" 1826 г. ч. VIII, № 7, стр. 271 некрологъ; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1820 г. № 10, стр. 104; „Записки Ф. Ф. Вигеля" т. I, стр. 104—107; „Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 485; 1875, кн. III, стр. 237—240; 1886, кн. II, стр. 138.
Е. Ястребцевъ.

Одоевскій, князь *Петръ Семеновичъ*, сынъ князя Семена Юрьевича Одоевскаго. Вмѣстѣ съ братьями отдѣлился отъ Литвы, перешелъ на московскую службу и, состоя въ московскихъ войскахъ, совершилъ рядъ походовъ противъ Литвы и татаръ; въ 1492 году онъ былъ посланъ къ Смоленску воеводой правой руки, въ 1499 году, вмѣстѣ съ перемышльскими князьями и другими воеводами, ходилъ противъ татаръ, явившихся въ Козельскъ и участвовалъ въ битвѣ съ ними. Въ 1507 году онъ снова участвовалъ въ походѣ къ Смоленску, въ 1508 году участвовалъ въ опустошеніи Литвы подъ начальствомъ воеводы князя Холмскаго, въ 1509 году первымъ воеводой правой руки ходилъ на помощь къ Дорогобужу, осажденному литовцами. Въ 1522 и 1523 годахъ Одоевскій былъ воеводой сторожевого полку за Окою. Послѣ этого, извѣстія о немъ прекращаются и годъ его смерти въ точности неизвѣстенъ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 490—491; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VII, пр. 36; Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей 1902, I) 38, 39, 42.
Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Романъ Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Семеновича. Упоминается съ 1512 года, когда участвовалъ въ походѣ противъ татаръ, сдѣлавшихъ подъ начальствомъ Ширинскихъ князей набѣгъ подъ Козельскъ; въ 1524 году онъ снова участвовалъ въ походѣ противъ крымскихъ татаръ; въ 1527 году былъ воеводой въ Путивлѣ; въ 1528 году мы видимъ его на намѣстничествѣ въ Рязани; въ 1530 году былъ на южныхъ границахъ Московскаго государства, въ 1531 году, для обереганія отъ крымцевъ, былъ сперва въ Козельскѣ, а потомъ въ Одоевѣ; въ 1532 году воеводствовалъ въ Тулѣ, въ 1533 году былъ пожалованъ въ бояре и отправленъ первымъ воеводой въ Бѣлевъ; въ 1534 году былъ въ Коломнѣ, въ 1535 году—переведенъ изъ Коломны въ Брянскъ, въ 1536 году участвовалъ въ походѣ князя И. Ѳ. Оболенскаго-Телепнева противъ князя Андрея Васильевича Старицкаго и находился въ войскахъ Оболенскаго во время переговоровъ въ Тухолѣ. Въ 1537 году Одоевскій былъ сперва во Владимірѣ, откуда въ томъ же году былъ переведенъ въ Муромъ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ не долго и былъ отправленъ по вѣстямъ о нашествіи крымскихъ татаръ къ Серпухову. Въ 1538 году Одоевскій стоялъ «на берегу» у Колычевскаго острога, въ 1539 году былъ воеводой въ Одоевѣ, въ 1541 году—въ Калугѣ и въ Бѣлевѣ, а въ 1549 году принималъ участіе въ шведскомъ походѣ. Умеръ князь Р. И. Одоевскій въ 1552 году. Въ 1555 году на дочери его княжнѣ Евдокіи Романовнѣ женился троюр-

родный братъ царя Іоанна IV, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 492—493; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 6, пр. 2, 16, 107, 587; Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей 1902, I) 8, 76, 78, 80, 83, 84, 85, 89, 91, 92, 96, 97, 98, 100, 102, 103, 105, 109, 113, 120. *Е. Лихачъ.*

Одоевскій, князь *Юрій Михайловичъ*, сынъ князя Михаила Никитича. Упоминается съ 1660 года, когда онъ въ чинѣ стольника, участвовалъ въ церемоніи одного торжественнаго обѣда при дворѣ; въ 1668 году былъ пожалованъ въ комнатные стольники и до 1673 года былъ при дворѣ; по своему чину онъ былъ очѣнь близокъ къ царю и почти все время проводилъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1673 году князь Ю. М. Одоевскій былъ назначенъ судьей въ Судно-Владимірскій приказъ; въ мартѣ 1674 года былъ отправленъ, вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ, княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, на съѣздъ съ польскими комиссарами въ Андрусово. По смерти царя Алексѣя Михайловича, 8 іюня 1676 года князь Юрій Михайловичъ былъ пожалованъ въ бояре и въ 1678 году отправленъ первымъ воеводой въ Новгородъ, гдѣ воеводствовалъ до 1680 года. Послѣ этого, до самой его смерти мы имѣемъ о немъ лишь одно извѣстіе, относящееся къ 1682 году, когда онъ участвовалъ въ соборѣ, собранномъ для обсужденія вопроса объ уничтоженіи мѣстничества. Умеръ князь Ю. М. Одоевскій 6 декабря 1685 года и похороненъ былъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 513—514; Древн. Росс. Вивліоѳика (2 изд.) IX, 256—257; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") III, 511, 611; Акты историч. V, 52, 54, 59—60, 62, 75; Дополненіе къ Актамъ историч. VIII, 253, IX, 59, 65, 68, 134, 167, 303; Акты Москов. Государства II, 386, 387, III, 565; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ IV, 407; Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи" III, 147. *Е. Лихачъ.*

Одоевскій, князь *Яковъ Никитичъ*, сынъ боярина князя Никиты Ивановича. Упоминается въ разрядныхъ книгахъ съ 1 октября 1653 года въ званіи комнатнаго стольника; въ 1654 году сопровождалъ царя въ походѣ на Литву; по возвращеніи въ Москву служилъ при дворѣ и 7 мая 1656 года въ награду за службу получилъ кубокъ и придачу къ окладу; 15 мая 1658 года снова отправился съ царемъ въ походъ на Литву и 13 іюля изъ Полоцка былъ отправленъ для съѣздовъ въ Вильну въ свитѣ своего отца, назначеннаго великимъ полномочнымъ посломъ. Осенью, по возвращеніи въ Москву, Одоевскій продолжалъ свою придворную службу, часто бывалъ рындой при пріемахъ иностранныхъ пословъ и во время поѣздокъ царя въ монастыри, часто «смотрѣлъ въ столы» во время торжественныхъ обѣдовъ. Въ 1663 году князь Яковъ Никитичъ былъ уже пожалованъ въ бояре и 27 августа посланъ воеводой въ Астрахань, гдѣ пробылъ до 1666 года. По возвращеніи въ Москву, Одоевскій продолжалъ придворную службу, а въ 1670 году, кромѣ того, былъ назначенъ судьей въ приказъ Казанскаго Дворца. Въ 1672 году, послѣ Разинскаго бунта, Одоевскій получилъ снова назначеніе на воеводство въ Астрахань, съ порученіемъ произвести слѣдствіе надъ разинцами, которые, для успокоенія народа, до этихъ поръ не задерживались и не наказывались. Князь Яковъ Никитичъ выполнилъ это порученіе, схвативъ вождей возмущенія Ѳедьку Шелудяка, Алешку Грузинскаго, Колокольникова, Красулина и многихъ другихъ и, послѣ расспроса подъ пыткой, однихъ изъ нихъ казнилъ, другихъ отправилъ на службу въ верховые города. Въ 1673 году ему пришлось уговаривать калмыцкихъ тайшей и нагайскихъ мурзъ, отказывавшихся идти на турокъ вмѣстѣ съ донскими и запорожскими казаками. Во время своего управленія Астраханью князь Я. Н. Одоевскій долженъ былъ заботиться о приведеніи въ порядокъ города, о возобновленіи торговыхъ сношеній съ армянскими и персидскими купцами, которыя прервались во время бунта; онъ устроилъ въ Астрахани новый гостиный дворъ на мѣсто стараго, сожженнаго мятежниками, заботился о развитіи промысловъ. Въ 1676 году мы снова находимъ Одоевскаго въ Москвѣ, гдѣ онъ описывалъ казну и имущество, оставшееся по смерти царя Алексѣя Михайловича. Въ 1677 году Одоевскій былъ назначенъ судьей въ приказъ сыскныхъ дѣлъ, часто въ отсутствіе царя оставался во главѣ управленія, въ 1682 году былъ назначенъ судьей въ приказѣ Казанскаго Дворца. По смерти царя Ѳеодора Алексѣевича Одоевскій сохранилъ свое влія-

ніе на дѣла и мало-по-малу замѣнилъ своего уже престарѣлаго отца; даже предсѣдательство въ Расправной Палатѣ начало переходить къ нему, хотя оффиціально онъ не былъ во главѣ ея до самой смерти Никиты Ивановича Одоевскаго, дѣйствительнаго главы ея. Осенью 1684 года князь Яковъ Никитичъ былъ отправленъ на съѣздъ съ польскими комиссарами въ Андрусово, для заключенія вѣчнаго мира. Въ 1686 году князь Я. Н. Одоевскій былъ назначенъ первымъ судьей въ Аптекарскій приказъ, въ 1690 году—въ Пушкарскій приказъ. Умеръ князь Я. Н. Одоевскій уже въ царствованіе Петра Великаго, въ августѣ 1697 года.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 510—513; Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 254—256; Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза") III, 331, 816, 903; Акты историч. IV, 342, 394—402, 406, 408, 410—411, 413, 424, 426, 483, 493—495, 499, 504, 510, V, 135, 173; Дополненія къ Актамъ историч. V, 77, VI, 256, 257, 259—261, 268, 272, 275, 282—283, 285—289, 301, 312—313, 339, 340, IX, 112, X, 31, 32, 39, 167, 168, 178, 360, 442; Акты Археограф. Экспедиціи IV, 409; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ IV, 220, 344, 372, 407; Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи" III, 154.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Ѳедоръ Ивановичъ* Меньшой, бояринъ и воевода, сынъ князя Ивана Семеновича Сухорука. Упоминается съ 1512 года, когда принималъ участіе въ отраженіи крымцевъ, явившихся въ этомъ году подъ Козельскъ подъ начальствомъ Ширинскихъ князей; въ 1520 и 1521 годахъ онъ былъ головой въ войскахъ на Угрѣ, въ 1527 году былъ первымъ воеводой въ Тулѣ и въ 1528 году пожалованъ въ бояре. Въ 1529 году Одоевскій снова былъ воеводой въ Тулѣ, въ 1531 году—воеводой въ Козельскѣ, а послѣ полученія извѣстій, что крымскіе татары собираются сдѣлать нападеніе на Московскую Украйну былъ отправленъ воеводой къ Окѣ, къ Сенкину броду. Въ 1532 году князь Ѳ. И. Одоевскій былъ сперва въ Тулѣ, а потомъ въ Коломнѣ, въ 1533 году былъ снова первымъ воеводой въ Тулѣ, въ 1535 году—снова въ Коломнѣ и въ 1537 году былъ назначенъ на намѣстничество въ Муромъ. Однако, въ 1539 и 1540 годахъ мы находимъ его воеводой на Угрѣ, въ 1541 году—первымъ воеводой въ Серпуховѣ, въ 1544 году—однимъ изъ воеводъ въ походѣ на Казань и, наконецъ, въ 1547 году воеводой въ Коломнѣ, для храненія отъ нашествія крымцевъ, откуда онъ былъ переведенъ въ Каширу, гдѣ въ этомъ году на воеводствѣ и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV. 491—492; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 6, пр. 2; Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей 1902, I), 70, 76, 79, 82, 84, 85, 87, 89, 91, 96, 101, 102, 103, 107, 109, 118, 120.

Е. Лихачъ.

Одоевскій, князь *Ѳедоръ Никитичъ*, бояринъ и воевода, сынъ боярина князя Никиты Ивановича. Упоминается въ спискѣ стольниковъ съ 1640 года; по обычаю того времени, служилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при дворѣ, исполняя обязанности рынды при пріемахъ иноземныхъ пословъ или во время поѣздокъ царя по монастырямъ. Въ 1654 году Одоевскій участвовалъ въ польскомъ походѣ въ званіи головы сотни стрѣльцовъ; въ 1655 году снова былъ въ польскомъ походѣ головой сотни стрѣльцовъ; 15 апрѣля 1655 года, во время стоянки царя въ Смоленскѣ, былъ пожалованъ въ бояре и черезъ нѣсколько дней посланъ въ Астрахань, съ приказаніемъ собирать тамъ ратныхъ людей, присоединить къ себѣ калмыковъ и со всѣмъ ополченіемъ идти противъ крымскихъ татаръ; мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ былъ выполненъ этотъ походъ и каковъ былъ его исходъ. Весною 1656 года Одоевскій снова былъ съ царемъ въ походѣ на Литву, 19 мая въ Можайскѣ былъ пожалованъ намѣстникомъ псковскимъ и 13 іюля былъ назначенъ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, на съѣздъ съ польскими комиссарами въ Вильну, но внезапно заболѣлъ и, послѣ непродолжительной болѣзни, въ Полоцкѣ умеръ. Тѣло его было перевезено въ Москву и погребено въ Троице-Сергіевской лаврѣ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IV, 508—509; Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 263; Акты Московск. Государства, II, 509; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 1555, III, 610, 611.

Е. Лихачъ.

Одынецъ, *Антонъ-Эдуардъ Ѳаддеевичъ* (Antoni Edward Odyniec), редакторъ «Виленскаго Вѣстника», польскій писатель, поэтъ и близкій другъ поэта Адама Мицкевича. Родился 25 января 1804 года въ родовомъ помѣстьи своего отца—деревнѣ Гейстунахъ (Giejstuny), Ошмянскаго

уѣзда, Виленской губерніи, гдѣ и протекли его дѣтскіе годы. Отецъ его—Ѳаддей Одынецъ занималъ почетную должность товарища ошмянскаго предводителя дворянства (wice-marszałka szlachty) и пользовался большой популярностью среди всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія, какъ весьма справедливый человѣкъ; мать (изъ рода дворянъ Гнотовскихъ) была весьма религіозной и доброй женщиной и имѣла большое вліяніе на выработку характера сына. Впечатлѣнія дѣтства оставили въ душѣ Одынца неизгладимый слѣдъ. Его жизнь въ деревнѣ, среди природы, чуждая треволненій и заботъ, сообщила его характеру ту самобытность и оригинальность, которыми онъ такъ сильно выдѣлялся впослѣдствіи среди своихъ соотечественниковъ, а религіозность окружавшихъ его лицъ, ихъ нѣжное, ласковое обращеніе съ нимъ, развили въ немъ доброту и сердечность, которыя онъ сохранилъ до конца жизни. Въ 1814 году мальчикъ былъ помѣщенъ въ школу при базиліанскомъ монастырѣ въ мѣстечкѣ Борунахъ, гдѣ оставался въ теченіе шести лѣтъ. Ко времени пребыванія Одынца въ этой школѣ относятся и его первые литературные опыты: онъ переложилъ стихами поэму Флоріана «Гонзальвъ изъ Кордовы» (Gonzalw z Korduby). Кромѣ того, будучи хорошо знакомъ съ новыми языками, Одынецъ попробовалъ переводить, и первымъ плодомъ этихъ попытокъ былъ поэтическій переводъ «Ифигеніи» Расина. Въ 1820 году Одынецъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ базиліанской школы и въ слѣдующемъ 1821 году поступилъ въ Виленскій университетъ на факультетъ «словесности и свободныхъ наукъ» (историко-филологическій), гдѣ также не покидалъ литературныхъ упражненій, занимаясь переводами произведеній преимущественно романтическаго характера («Леноры» Бюргера и др.). Къ тому же времени начинается и самостоятельная творческая дѣятельность Одынца. Въ 1822 году онъ впервые выступилъ съ самостоятельной рифмованной повѣстью «Страхи» и въ то же время редактировалъ (впрочемъ, недолго) повременникъ «Дѣянія благотворительности» (Dzieje dobroczynności). Ко времени пребыванія Одынца въ университетѣ относится и его вступленіе въ общество «филаретовъ» (ревнителей добродѣтели), разрѣшеннаго университетскимъ начальствомъ и преслѣдовавшаго цѣли умственнаго и нравственнаго совершенствованія своихъ членовъ. Когда же союзъ филаретовъ, по политическимъ соображеніямъ, былъ закрытъ, Одынецъ, между прочимъ, былъ арестованъ и водворенъ въ Кармелитскій монастырь, откуда, впрочемъ, его скоро выпустили, какъ одного изъ молодыхъ филаретовъ. Выпущенный изъ-подъ ареста, Одынецъ въ томъ же 1823 году получилъ степень студента по юридическому факультету. Отдыхъ послѣ окончанія университетскаго курса продолжался для Одынца цѣлый годъ, который поэтомъ былъ проведенъ въ деревнѣ. Это была эпоха неопредѣленныхъ мечтаній и грусти и творчества массы мелкихъ поэмъ и стихотвореній, въ которыхъ замѣтно отразилось вліяніе пробуждавшагося тогда романтизма. Въ этихъ произведеніяхъ Одынецъ былъ выразителемъ того духа филаретизма, того поэтическаго восторженнаго настроенія, которое владѣло сердцами виленской молодежи двадцатыхъ годовъ. Но вскорѣ жизнь въ деревнѣ надоѣла поэту. Въ 1825 году Одынецъ снова появился въ Вильнѣ, гдѣ въ томъ же году издалъ два тома своихъ произведеній, посвященные его отцу—Ѳаддею Одынцу, къ которому поэтъ въ теченіе всей своей долголѣтней жизни питалъ глубокую и сердечную привязанность. Среди этихъ произведеній находится довольно много балладъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Тамъ же находится описательная поэма «Гора», написанная въ классическомъ духѣ, нѣсколько другихъ мелкихъ поэмъ и много отрывковъ различнаго содержанія. Всѣ эти произведенія, относящіяся къ первому юношескому періоду литературной дѣятельности Одынца уже носятъ на себѣ печать таланта. Кромѣ того, въ 1825 году онъ напечаталъ драму «Изора», которая, впрочемъ, успѣха не имѣла, но за то его переводы, которыми впослѣдствіи онъ снискалъ себѣ извѣстность, сразу обратили на себя вниманіе. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Одынца съ 1826-го по 1829-й годъ имѣла мѣсто въ Варшавѣ, гдѣ онъ занимался составленіемъ статей для научнаго журнала задуманнаго графомъ Станиславомъ Замойскимъ. Но когда обстоятельства помѣшали изданію этого журнала, у Одынца явилась мысль издавать ежегодные литературные сборники, въ которыхъ молодые таланты

могли бы помѣщать свои литературные труды. Первый сборникъ такого рода, озаглавленный «Мэлитэле», вышелъ въ Варшавѣ въ 1829 году, а второй въ 1830 году. Въ апрѣлѣ 1829 года Одынецъ отправился въ Петербургъ, гдѣ, благодаря Мицкевичу, познакомился и сошелся со многими выдающимися представителями литературы. Тамъ же вмѣстѣ съ Мицкевичемъ Одынецъ составилъ планъ совмѣстнаго путешествія за границу, который скоро былъ приведенъ въ исполненіе. Сначала вдвоемъ съ Мицкевичемъ, а затѣмъ и съ Красинскимъ, поэты посѣтили Германію, Швейцарію и Италію. Кромѣ того, Одынецъ побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и въ началѣ 1831 года вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ и поселился съ Мицкевичемъ. Въ 1832 году Одынецъ женился на Софіи Мицкевичъ, о которой столь часто упоминаетъ въ своей переопискѣ авторъ «Пана Тадеуша». Едва-ли не самой плодотворной и блестящей эпохой въ жизни Одынца было время, проведенное имъ въ эти годы (1830—1836) за границей. Вѣроятно, тогда же поэтъ накоплялъ и собиралъ въ памяти, а, можетъ быть и въ замѣткахъ, тѣ воспоминанья и наблюденья, которыми онъ впослѣдствіи, на склонѣ своихъ дней, обогатилъ польскую литературу, издавъ ихъ подъ заглавіемъ «Путевыхъ писемъ» (Listy z podróży) и «Воспоминаній» (Wspomnienia z przeszłości, opowiadane Deotymie). Въ тоже время изъ-подъ пера его вышли и прекрасные переводы съ нѣмецкаго (Шиллера) и съ англійскаго (Байрона, Вальтеръ-Скотта и др.). «Орлеанская дѣва», «Корсаръ», «Огнепоклонники», «Абидосская невѣста», «Мазепа» — его лучшіе переводы.

Поэтическая дѣятельность Одынца постоянно шла рука объ руку или же чередовалась съ его дѣятельностью редакторской. Во время пребыванія въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ онъ помогалъ Бобровичу въ изданіи «Карманной библіотеки польскихъ классиковъ» (Biblioteka kieszonkowa klassyków polskich), дѣлалъ выборъ лицъ, жизнеописанія которыхъ должны были войти въ это изданіе, и самъ написалъ нѣсколько біографій (Зиморовича, Шимоновича, Дружбацкой и др.). По его же замыслу и плану возникло въ Дрезденѣ одно изъ лучшихъ въ то время иллюстрированныхъ изданій «Другъ народа» (Przyjaciel ludu), въ которомъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Въ то же время онъ собиралъ матеріалы для своего сборника «Мэлите», третій выпускъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1836 году въ Лейпцигѣ.

Вернувшись въ 1837 году въ отечество и поселившись въ Вильнѣ, Одынецъ взялъ на себя трудъ редактированія «Всеобщей Энциклопедіи» (Encyklopedya powszechna). Съ 1840 года Одынецъ сталъ редакторомъ оффиціальнаго «Виленскаго Вѣстника» (Kurjer Wileński) и велъ въ немъ политическій отдѣлъ. Параллельно съ обязательнымъ трудомъ Одынецъ не разставался и съ поэзіей. Въ выходившихъ въ то время повременныхъ изданіяхъ онъ помѣщалъ обыкновенно за подписью Иннокентія Старушкевича множество небольшихъ по размѣрамъ произведеній (въ «Pamiętnikach Podbereskiego», «Варшавскомъ Курьерѣ», изданіи «Teka Wileńska» и, позднѣе, въ «Albumie Wileńskim» и «Kronice Rodzinnej»). По формѣ и содержанію это были преимущественно небольшіе остроумные отрывки сатирическаго характера. Въ 1849 году Одынецъ напечаталъ въ Вильнѣ вторую свою драму, уже не классическаго характера. Это была «Фелицита, или кароагенскіе мученики», сюжетъ которой относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. Нѣсколько лѣтъ спустя, вышла его третья драма «Варвара Радзивиллъ». Впрочемъ, и эти драматическія произведенія Одынца нельзя признать удачными, что сознавалъ и самъ авторъ.—Въ концѣ 50-хъ годовъ Одынецъ имѣлъ случай навлечь на себя неудовольствіе значительной части польскаго общества, хотя и несправедливо. Чуждый какихъ бы то ни было фанатическихъ предубѣжденій, способный относиться къ Россіи и русскимъ не только безъ недовѣрія, которымъ были заражены его родичи, но и съ несомнѣннымъ уваженіемъ и любовью, Одынецъ въ стихотвореніи своемъ «Да пріидетъ царствіе Твое», написанномъ въ честь императора Александра II-го, восторженно привѣтствовалъ освободительную реформу. Стихотвореніе это вызвало цѣлую бурю: Одынца стали упрекать въ заискиваніи у правительства и даже пренебрегали имъ, пока, наконецъ, время не уничтожило остроты перваго впечатлѣнія. По самому складу своего ума, Одынецъ былъ поборникомъ мира, спокойствія, врагомъ всякаго насилія, а революцію ненавидѣлъ

всѣми силами своей души. Польское возстаніе 1830 года не возбуждало его симпатій и, по словамъ А. О. Россетъ, онъ считалъ его полезнымъ лишь съ той точки зрѣнія, что неудачная попытка должна отнять у поляковъ охоту повторять ее и заставить ихъ искать сближенія съ русскими. Такимъ образомъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія со стороны Одынца раздался призывъ къ дружбѣ и единенію этихъ двухъ славянскихъ націй и къ прекращенію розни между ними.

Въ 1859 году Одынецъ оставилъ редакцію «Виленскаго Вѣстника» и въ теченіе шести лѣтъ жилъ то въ Вильнѣ, то въ деревнѣ и приводилъ въ порядокъ свои воспоминанія. Въ 1865 году онъ переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ редактировалъ «Варшавскій Курьеръ» (Kurjer Warszawski), а затѣмъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Семейной хроники» (Kronika Rodzinna). Въ послѣднемъ изданіи онъ началъ печатать свои «Путевыя письма» (Listy z podróży, выпущенныя отдѣльно въ 1875 году въ 4-хъ томахъ), передающія самыя мельчайшія подробности его общенія съ Мицкевичемъ за все время своего съ нимъ знакомства. Для характеристики Мицкевича письма эти драгоцѣнны. (Часть ихъ, писанная изъ Веймара и посвященная Гете, была переведена краковскимъ профессоромъ Братранекомъ на нѣмецкій языкъ и выпущена въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ «Zwei Polen in Weimar»).

Въ 1884 году Одынецъ напечаталъ свои «Воспоминанія», снискавшія себѣ большія симпатіи, благодаря тому, что дѣйствующія въ нихъ лица и описываемыя событія изображены съ чрезвычайною полнотою жизни и ясностью. Воспоминанія эти, давая цѣнный біографическій матеріалъ и прекрасно изображая важную эпоху, отличаются чрезвычайною живостью разсказа, вѣрностью рисунка и поэтическимъ чувствомъ. — Одынецъ скончался 3 января 1885 года въ Варшавѣ отъ болѣзни сердца. Смерть его была оплакана всей Польшей и не прошла незамѣченной и у насъ. Похороненъ Одынецъ въ Вильнѣ на Повонзковскомъ кладбищѣ.

Одынецъ не былъ великимъ поэтомъ, но всякому поляку его имя напоминало о той великой прекрасной эпохѣ, когда на горизонтѣ польскойлитературы свѣтились такія звѣзды первой величины, какъ Мицкевичъ, Словацкій и Красинскій. Вѣнцомъ литературной дѣятельности Одынца, по отзывамъ критики, всегда будутъ его «Путевыя письма» и прекрасные переводы Вальтеръ-Скотта.

Одной изъ выдающихся чертъ въ характерѣ Одынца была любовь къ свободѣ, сердечность и веселость въ товарищескомъ кругу и чрезвычайная подвижность въ умственной дѣятельности. Какъ въ молодости онъ побуждалъ своихъ сверстниковъ къ творческой дѣятельности, такъ и въ концѣ жизни онъ поощрялъ молодые таланты къ занятію литературой. Свободный отъ зависти, искренно любящій искусство, Одынецъ-старикъ любилъ окружать себя молодыми талантами и не только помогалъ имъ добрыми совѣтами, но и выводилъ многихъ на широкое поприще литературной дѣятельности. Любовь къ Богу и человѣку всегда была его мощнымъ двигателемъ на его жизненномъ поприщѣ. Любовь къ свѣтлымъ образамъ въ литературѣ и природѣ, столь замѣтная во всѣхъ оригинальныхъ произведеніяхъ Одынца, отразилась и на выборѣ имъ произведеній иностранной литературы для перевода на родной языкъ. Романтикъ и лирикъ, Одынецъ ищетъ, подобно Жуковскому, пѣвцовъ, родственныхъ ему по духу, или выбираетъ, по крайней мѣрѣ, изъ ихъ произведеній только то, чему наиболѣе симпатизируютъ его умъ и сердце. Что касается достоинства его переводовъ, то они, по отзывамъ какъ польской, такъ и иностранной печати, являются шедевромъ литературнаго искусства, и въ польской литературѣ, по словамъ извѣстныхъ знатоковъ ея, нѣтъ еще автора, который могъ бы сравняться съ Одынцемъ въ этомъ отношеніи. Въ теченіе 60 лѣтъ поэтической дѣятельности Одынца не одно поколѣніе черпало въ его произведеніяхъ высокія мысли и благородныя чувства. Когда же новыя теченія въ духовной жизни польскаго общества охладили горячіе порывы не въ одномъ сердцѣ, и романтическую школу стали обвинять, какъ виновницу самыхъ тяжкихъ ошибокъ поляковъ, Одынецъ своими «Путевыми письмами» и «Воспоминаніями» не только защитилъ ее, но и создалъ цѣлое новое движеніе впередъ, пробудилъ въ польскомъ обществѣ любовь къ тѣмъ своимъ юношескимъ идеаламъ, которымъ самъ оставался вѣренъ до конца жизни. Благодаря своей непоколебимой вѣрѣ въ возможность осущест-

вленія своихъ идеаловъ, въ возможность «здоровья земли», подъ которымъ онъ разумѣлъ царство на ней любви и мира, правды и справедливости, добродѣтели и разума, Одынецъ всегда былъ молодъ духомъ, полонъ стремленія къ правдѣ, юношескаго пыла, способности увлекаться истинно-благороднымъ. Добрый сердечный, готовый всегда помочь, онъ какъ бы постоянно помнилъ свои собственныя слова, высказанныя имъ въ легендѣ «Милостыня»: «Воистину, всѣ добродѣтели прекрасны, но состраданіе душа ихъ всѣхъ!»

Полный послужной списокъ. Пыпинъ и Спасовичъ: „Исторія славянскихъ литературъ", т. II, Спб. 1881; Bartoszewicz: „Historja literatury polskiej"; Warszawa, 1861; Sowiński: Rys dziejów literatury polskiej podług notat A. Zdanowicz, Wilno, 1876 r.; Historja literatury powszechnej d-ra Henryka Lewestama; A. E. Odyniec: Listy z podróży. Warszawa, 1875; его-же: Felicyta, dramat w 5 aktach. Wilno, 1849; Troje rymów Imci pana Innocentego Staruszkiewicza. Wilno, 1849; Кутейниковъ: „Виленскіе филареты" „Истор. Вѣст." 1884 года, декабрь; Неслуховскій: Мицкевичъ въ Россіи, „Историч. Вѣст." 1880, II; Korespondecja Adama Mickiewicza t. I; J. Tretiak: Mickiewicz w Wilnie i Kownie, Lwów, 1884; J. Th. Bratranek: Zwei Polen in Weimar, Wien 1870; Ateneum 1885 roku, 15 stycznia; Kronika Rodzinna 1885 r. № 3; Slovansky sbornik v Praze 1885; „Историч. Вѣстникъ", 1885 года т.т. XIX и XXI, 1891 г. № 6; „Русскій Архивъ" 1896 г. I; „Tygodnik Illustrowany" 1872, № 233—235; 1885 r. t V №№ 108 i 109; 1884 № 72; „Kurjer Warszawski", 1885 r. № 166; „Виленскій Вѣстникъ" 1885 года № 5; „Encyklopedja powszechna"; Estreicher: „Bibliografja XIX stulecia"; De-Gubernatis: „Dizionario biografico degli scrittori contemporanei", Larousse: „Grand dictionnaire universel du XIX siécle; „La grande encyclopédie"; „Slòvnik nauçny", v Praze 1865. Adam Mickiewicz podczas podróży w roku 1830—1831, napisał Teofil dr. Liemba (Biblioteka Warszawska 1886 roku, Ks. 1.; Biblioteka Warszawska 1885 roku, Tom. 1, (str. 326—329). Adam Mickiewicz. zarys biograficzno-literacki. Skreślił Piotr Chmielowski. Kraków i Warszawa 1886. Mickiewicz w studjum P. Chmielowskiego przez J. Tretiaka, Kraj, 1885 roku, № 2. Niwa, 1885 r.; „Biesiada Literacka" 1885, № 4 и 5. В. Д. Спасовичъ: „Сочиненія", Томъ IX. Спб. 1900; Городецкій: „Русскія симпатіи въ польской поэзіи", „Историческій Вѣстникъ" 1891 года, № 4 (съ портретомъ Одынца); январьскіе №№ 1885 года: „Свѣта", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", „Новаго Времени", „Новостей", „Варшавскаго Дневника" и др.

Александръ Петровъ.

Одынецъ, *Кипріанъ* (Cypryan Odyniec), епископъ Итомійскій, суффраганъ Полоцкій конца XVIII и начала XIX вѣка. Происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, особенно распространеннаго въ Виленской, Могилевской и Минской губерніяхъ. 15 февраля 1798 года указомъ Императора Павла I Одынецъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было повелѣно присутствовать въ департаментѣ юстицъ-коллегіи, для разбора дѣлъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Въ этой должности онъ обратилъ на себя вниманіе начальства, и императоръ Александръ I въ 1803 году назначилъ его управляющимъ римско-католической Могилевской епархіей. Умеръ Одынецъ въ 1811 году. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности имѣются въ дѣлахъ Архива С.-Петербургской Духовной Римско-Католической коллегіи).

Толстой, гр. Д. А.—Римскій католицизмъ въ Россіи. Спб., 1876 г. Т. II. Сообщеніе секретаря Спб. Римско-католической духовной коллегіи. Сенатскій архивъ. Т. I. Спб. 1888.

А. Александровъ.

Одынецъ - Добровольскій, *Николай Антоновичъ,* генералъ-маіоръ, помощникъ С.-Петербургскаго градоначальника. Родился 28 марта 1834 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 12 ноября 1882 г. Происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи; образованіе получилъ въ Псковской губернской гимназіи, въ службу вступилъ 25 января 1852 года унтеръ-офицеромъ въ карабинерный полкъ, состоя въ которомъ, черезъ два года былъ постепенно произведенъ въ прапорщики; затѣмъ, въ 1855 году былъ назначенъ на должность батальоннаго, а черезъ годъ полкового адъютанта. Съ 1859 по 1866 г. исполнялъ обязанности адъютанта штаба, пока не былъ прикомандированъ къ корпусу жандармовъ; до 1870 года состоялъ начальникомъ жандармскаго управленія люблинскаго и яновскаго уѣздовъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ штатъ С.-Петербургской полиціи, на каковой службѣ постепенно исполнялъ должности пристава. затѣмъ полицеймейстера и, наконецъ, помощника градоначальника, въ каковой должности былъ утвержденъ въ маѣ 1881 года. Въ слѣдующемъ году, за болѣзнью, былъ отставленъ отъ службы, уже въ чинѣ генералъ-маіора и 12 ноября того же 1882 г. скончался.

Полный послужной списокъ, хранящійся въ архивѣ Спб. градоначальства.

М. И.

Одынецъ, *Францъ Викентьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, Совѣщательный членъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія. Род. 26 сентября 1803 года, ум. 19 марта 1874 года. Одынецъ происходилъ изъ дворянской семьи Могилевской губерніи, католическаго вѣроисповѣданія; воспитаніе получилъ въ С.-Петербургскомъ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1821 году произведенъ былъ въ прапорщики съ назначеніемъ въ легкую № 2 роту 4-й артиллерійской бригады, а въ слѣдующемъ—въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ въ батарейную № 1-й роту; 22 октября 1823 г. Одынецъ былъ назначенъ на горные уральскіе заводы для пріема артиллерійскихъ металловъ, гдѣ сначала исполнялъ должность главнаго пріемщика металловъ, а затѣмъ и инспектора артиллерійскихъ пріемовъ до 1871 года, пока, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, не былъ назначенъ Совѣщательнымъ членомъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія. 19 марта 1874 года Одынецъ умеръ, состоя на службѣ.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Книга послужныхъ списковъ генерал., штабъ и оберъ-офицер. Главнаго Артиллерійскаго Управленія 1871 г. Полный послужной списокъ Ф. В. Одынца. „Русская Старина", 1876 года т. XVII, стр. 107, 1898 г., т. XCIV. „Артиллерійскій журналъ" 1874 г., Іюнь. *А. П.*

Ожаровскій, графъ *Адамъ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго и сенаторъ Варшавскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Род. въ Варшавѣ въ 1776 году. Происходилъ изъ стариннаго рода Ожаровскихъ (z Ożarowa Ożarowski), извѣстнаго въ Польшѣ уже въ XV вѣкѣ. Отецъ Адама Петровича графъ Петръ Юрьевичъ Ожаровскій, извѣстный польскій великій коронный гетманъ, былъ повѣшенъ своими соотечественниками во время Варшавскихъ событій 1794 года за приверженность къ русскимъ. Послѣ его смерти императоръ Павелъ I пожаловалъ его женѣ и дѣтямъ 1000 душъ крестьянъ въ Гродненской губерніи и обратилъ свое вниманіе на графа Адама Петровича. Это обстоятельство значительно помогло молодому графу поступить на службу, и 5 іюня 1796 года онъ былъ зачисленъ корнетомъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ. Дальнѣйшая служба графа Ожаровскаго, какъ и большинства лицъ въ царствованіе императора Павла, протекала весьма неровно. Такъ, произведенный въ мартѣ 1798 года въ подпоручики, графъ Адамъ Петровичъ былъ 26 октября того же года исключенъ по Высочайшему повелѣнію вовсе изъ службы, а 10 ноября прощенъ и вновь опредѣленъ въ Конногвардейскій полкъ тѣмъ же чиномъ. Очевидно, графъ уже тогда обнаруживалъ свой горячій и безпокойный характеръ, такъ какъ въ декабрѣ того же 1798 года состоялся Высочайшій указъ, которымъ «подпоручикъ Конной Гвардіи графъ Ожаровскій за вторичныя продерзости и забвеніе всѣхъ должностей исключался изъ службы съ лишеніемъ чиновъ и посаженіемъ въ крѣпость». Правда, на слѣдующій же день послѣ этого указа, состоялся новый, которымъ Императоръ Павелъ I прощалъ графа и возвращалъ его обратно въ полкъ.

Съ этихъ поръ замѣчается сильная перемѣна въ характерѣ графа Адама Петровича. Возвращенный въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, онъ сталъ значительно серьезнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, сталъ сдержанѣе въ отношеніи къ начальству, что замѣтно отразилось и на его движеніи по службѣ. Въ 1800 году онъ былъ произведенъ въ поручики, въ 1801—въ штабъ-ротмистры и ротмистры, а въ 1802—въ полковники. Съ 1805 года начинается боевая дѣятельность графа. Въ этомъ году онъ находился въ походѣ противъ французовъ и принималъ участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ за отличіе и взятіе французскаго знамени, былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1807 году онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ съ французами подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ и получилъ за отличіе орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Въ Отечественную войну 1812 года графъ Ожаровскій находился все время въ дѣйствующей арміи, и въ сраженіи при Бородинѣ за отличіе былъ пожалованъ золотою шпагою, украшенною алмазами, съ надписью «за храбрость». Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ и Краснымъ и до самаго изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи командо-

валъ отдѣльнымъ корпусомъ. За боевыя отличія и прекрасное состояніе ввѣренной ему части, графъ Адамъ Петровичъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Съ перенесеніемъ театра военныхъ дѣйствій въ 1813 году въ Германію, графъ Ожаровскій продолжалъ находиться въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ сраженіяхъ съ французами при Дрезденѣ, Кульмѣ, Люценѣ, Бауценѣ и Лейпцигѣ и за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1814 году, по вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, графъ Адамъ Петровичъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ во многихъ сраженіяхъ, между прочимъ, при Бріеннѣ, и за отличіе и взятіе 20-ти французскихъ пушекъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Феръ-Шампенуазомъ и Парижемъ и во второй кампаніи 1815 года.—По прекращеніи военныхъ дѣйствій графъ Ожаровскій несъ генералъ-адъютантскую службу при императорѣ Александрѣ Павловичѣ и сопровождалъ Государя въ его путешествіяхъ. 22 августа 1826 года графъ Ожаровскій былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ декабрѣ того же года ему было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ февралѣ слѣдующаго 1827 года онъ былъ назначенъ Командиромъ Отдѣльнаго Литовскаго корпуса и въ скоромъ времени привелъ этотъ корпусъ въ такое блестящее состояніе, что уже 1 августа 1827 года, по представленію вел. кн. Константина Павловича ему, было объявлено Высочайшее благоволеніе за «отличный порядокъ, устройство, чистоту и исправность во всѣхъ отношеніяхъ войскъ Литовскаго отдѣльнаго корпуса».

Домашнія обстоятельства побудили графа Ожаровскаго покинуть въ концѣ 1827 года военную службу. Онъ пробылъ въ отставкѣ до 12 сентября 1833 года, пока не состоялся Высочайшій указъ о назначеніи его членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго.—Эту должность онъ занималъ до 6 сентября 1841 года, когда былъ назначенъ къ присутствованію въ Варшавскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената. 25 декабря 1845 года, въ воздаяніе отлично-усердной службы, графу Ожаровскому были пожалованы алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго. Умеръ графъ Ожаровскій въ ноябрѣ 1855 г. въ Варшавѣ.

Лица, знавшія графа Ожаровскаго и оставившія послѣ себя записки, весьма согласно обрисовываютъ его характеръ. Крайне заносчивый и вспыльчивый, графъ Адамъ Петровичъ часто навлекалъ на себя неудовольствіе товарищей, начальства и даже самого императора Александра I, и только доброта и снисходительность Государя спасали его отъ бѣды. Несмотря, однако, на отрицательныя черты въ характерѣ графа Ожаровскаго, императоръ Александръ Павловичъ любилъ его и давалъ ему часто отвѣтственныя порученія. Во время кампаніи 1812 года ему было поручено размѣщеніе войскъ въ Дрисскомъ лагерѣ, которое, впрочемъ, онъ выполнилъ весьма неудачно, такъ какъ никогда не отличался стратегическими способностями; при посредствѣ графа состоялось въ 1814 году и объясненіе между императоромъ Александромъ и Меттернихомъ, котораго Государь имѣлъ въ виду вызвать на дуэль. Дѣло уладилось, хотя, впрочемъ, не благодаря дипломатическимъ способностямъ графа. Кромѣ того, онъ постоянно сопровождалъ Государя во всѣхъ его путешествіяхъ.—Не отличаясь способностями полководца и командира, графъ Адамъ Петровичъ умѣлъ, однако, дѣйствовать на солдатъ своею замѣчательною храбростью, и часто съ небольшими отрядами одерживалъ побѣды.

Изъ братьевъ Ожаровскаго, болѣе замѣчательны: графъ Козьма Петровичъ Ожаровскій 2-й—полковникъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, отличившійся въ сраженіи при Аустерлицѣ и убитый 2 іюня 1807 года въ сраженіи при Фридландѣ, графъ Христофоръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, умершій въ 1809 году и графъ Францъ Петровичъ, бывшій управляющимъ Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ (1812—1816). Ф. П. Ожаровскій былъ женатъ на Елизаветѣ Ивановнѣ рожд. Муравьевой-Апостолъ, отличавшейся своей красотой, умомъ и образованіемъ.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Формулярные списки 1818 года, формуляръ № 102. Дѣло Инспекторскаго Департамента 1827 года, св. 593, № 1122, 1847 года, св. 1517, № 54. Сенатскій Архивъ. Анненковъ: Исторія Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка, Спб. 1847; Шильдеръ: Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Т.т. II, 229; III, 245, 269, 285; IV, 48, 110, 434, 487. Долгоруковъ. Русская родословная книга, ч. 3; Бобринскій гр. А. А.: Русскіе дворянскіе роды, ч. II. Записки князя Сергѣя Григорьевича Волкон-

скаго (декабриста) Спб. 1902; Императоръ Александръ I-й въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье („Русская Старина“, 1877 г., кн. 3). Өедоръ Карловичъ Затлеръ („Рус. Стар.“ 1877 кн. 3). Письма князя М. С. Воронцова („Русск. Арх.“ 1895 года кн. 3). Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго („Русская Стар.“ 1896 г.). „Русская Старина“ 1874 г. т. 9, т. 10, т. 13; 1876 г. т. 16, т. 17, т. 18, т. 20 и т. 42. „Русскій Архивъ“ 1871 г., 1875 г.. кн. 3. 1884 года, кн. II, 1855 г., кн. III. Справочный энциклопедическій словарь Брокгауза; Dictionnaire universel du XIX siècle par Larousse; Lavisse et Rambaud: Histoire général du XIX siècle. „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I и II; Н. Ө. Дубровинъ: „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Александра I“, Спб. 1883; „Старина и Новизна“, кн. I. „Сочиненія“ Д. В. Давыдова, т. II, Спб. 1893. *А. Петровъ.*

Ожаровскій. *Өедоръ Глѣбовичъ*, генералъ-маіоръ, преподаватель математики во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, составитель разныхъ руководствъ по ариөметикѣ, преимущественно для дѣтскаго возраста. Род. въ 1813 г.; происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи; воспитаніе получилъ во 2-мъ С.-Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго, произведенъ былъ въ прапорщики артиллеріи 24 ноября 1831 г. 1 февраля слѣдующаго года Ожаровскій былъ назначенъ въ 9-ю артиллерійскую бригаду, въ іюлѣ 1834 года произведенъ въ подпоручики и въ слѣдующемъ году 18-го октября прикомандированъ ко 2-му С.-Петербургскому кадетскому корпусу. 6 апрѣля 1839 года, уже въ чинѣ поручика, былъ утвержденъ учителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ по математикѣ, въ таковой должности состоялъ до конца 1863 года. За время службы въ корпусѣ имъ были написаны всѣ его руководства и пособія по ариөметикѣ. 6 ноября 1863 года, уже въ чинѣ полковника, онъ былъ отчисленъ отъ корпуса и зачисленъ по полевой артиллеріи на два года, но по истеченіи этого срока на службу въ корпусъ не вернулся. 26 ноября 1865 годъ онъ былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Какъ авторъ учебниковъ, Ожаровскій не снискалъ себѣ хорошей репутаціи. Его руководство: «Бесѣды съ маленькими дѣтьми о первыхъ началахъ ариөметики» (Спб. 1853) большинствомъ рецензій было признано не только неудачнымъ, но даже обнаруживающимъ въ авторѣ отсутствіе педагогическихъ способностей. Нѣсколько иначе критика встрѣтила другой трудъ Ожаровскаго: «Собраніе ариөметическихъ примѣровъ и задачъ». Хотя это Собраніе и не отличалось особенно удачнымъ выборомъ матеріала, но имѣло свои достоинства, и нѣкоторое время употреблялось въ училищахъ; по крайней мѣрѣ, оно выдержало четыре изданія (1851, 1853, 1857 и 1864 гг.).

Кромѣ двухъ означенныхъ книгъ, Ожаровскій выпустилъ еще «Картонныя геометрическія модели» (Спб., 1850) и «Проволочныя стереометрическія модели» (Спб., 1869). Перу Ожаровскаго принадлежатъ еще два стихотворенія, посвященныя воспоминаніямъ о 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (Спб. 1882 и 1886).

Умеръ Ожаровскій въ преклонномъ возрастѣ 13 іюля 1887 года въ Пензѣ и погребенъ на кладбищѣ Пензенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, дѣло 1865 г., № 2060 и 1887 г., № 932. „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 8, т. 89 отд. 5; „Современникъ“ 1853 г., т. 40, отд. 4; „Учитель“ 1863 г. №№ 21 и 22; „Москвитянинъ“ 1852 г., ч. 2, № 7, кн. 1; „Сынъ Отечества“ 1853 г., т. 2, кн. 3; „Сѣверная Пчела“ 1852 г. № 8. „Пензенск. Губ. Вѣд.“ 1887, № 150
Александръ Петровъ.

Ожогинъ, *Александръ*, актеръ московской драматической сцены второй половины XVIII вѣка. Родился около 1750 года. Впервые выступилъ въ Москвѣ на сценѣ Петровскаго театра въ 1766 году и вскорѣ пріобрѣлъ широкія симпатіи московской публики, какъ талантливый комикъ и удержалъ ихъ въ теченіе всей своей болѣе чѣмъ сорокалѣтней артистической дѣятельности. Наиболѣе выдающимися ролями Ожогина были роли: Еремѣевны въ «Недорослѣ», свахи въ «Лебедянской ярмаркѣ» (Копьева) мельника въ «Мельникѣ» (Аблесимова), бабы-яги въ «Бабѣ-ягѣ» (кн. Горчакова). Кромѣ того, онъ пользовался весьма крупнымъ успѣхомъ и въ слѣдующихъ пьесахъ: «Крестьянинъ-маркизъ», «Несчастіе отъ кареты», «Сбитеньщикъ», «Севильскій цирульникъ» и др.—Ожогинъ оставилъ сцену въ началѣ 1800-хъ годовъ.

П. Араповъ: „Лѣтопись Русскаго Театра“ Спб. 1861 г., стр. 111 и 112; „Репертуаръ и Пантеонъ“ 1846 г., т. 15, стр. 431—437, ст. М. Н. Макарова; Лонгиновъ: „Русск. театръ въ Петербургѣ и Москвѣ“, Спб. 1873, стр. 22.
Е. Ястребцевъ.

Озаннъ, *Готтфридъ Вильгельмъ* (Gottfried-Wilhelm Osann), профессоръ химіи и фармаціи въ Дерптскомъ университетѣ,

членъ-корреспондентъ Королевской Баварской Академіи Наукъ въ Мюнхенѣ. Род. въ Веймарѣ 26 октябрѣ 1797 года, скончался въ Вюрцбургѣ 9 сентября 1866 г. Озаннъ былъ сыномъ члена Веймарскаго Совѣта Управленія — Фридриха-Генриха Озанна; мать его, по смерти мужа вышла вторично за веймарскаго министра — Христіана - Готтлиба фонъ-Фойгта. Обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе какъ для молодого Готтфрида Озанна, такъ и для двухъ его братьевъ—Эмиля (впослѣдствіи медика) и Фридриха (впослѣдствіи извѣстнаго филолога и археолога). Многочисленныя знакомства фонъ-Фойгта въ лучшемъ веймарскомъ обществѣ, постоянныя посѣщенія его дома писателями и учеными— членами того блестящаго научно-литературнаго кружка, который въ то время группировался вокругъ Гете, оказывали самое лучшее вліяніе на способныхъ молодыхъ людей и помогли имъ рано опредѣлить свое призваніе. Готтфриду-Вильгельму Озанну въ этомъ помогъ самъ Гете. Онъ очень часто посѣщалъ семью Фойгта, Озаннъ также часто бывалъ у него, и творецъ «Фауста», увлекавшійся какъ разъ въ то время естественными науками, постоянно дѣлился съ понятливымъ и интересующимся юношей результатами своихъ изысканій, и такъ заинтересовалъ молодого Озанна, что послѣдній, по его собственному признанію, уже не могъ разстаться съ естествознаніемъ. Съ 1816 года онъ слушалъ университетскія лекціи послѣдовательно въ Берлинѣ, Іенѣ, Эрфуртѣ и Эрлангенѣ, и уже въ іюнѣ 1819 года защитилъ въ Іенѣ диссертацію на степень доктора философіи. Въ томъ же году онъ былъ допущенъ совѣтомъ Эрлангенскаго университета къ чтенію лекцій по физикѣ и химіи въ качествѣ приватъ-доцента. Съ началомъ 1821/2 года Озаннъ переѣхалъ въ Іену и по представленіи диссертаціи (Dissertatio philosophica de natura affinitatis chemicae, Iena, 1822) въ теченіе двухъ полугодій читалъ въ мѣстномъ университетѣ лекціи по химіи, послѣ чего вернулся въ Эрлангенъ.

Въ началѣ 1823 года Совѣтъ Дерптскаго университета пригласилъ Озанна ординарнымъ профессоромъ на каѳедру теоретической и практической химіи и фармацевтики, и 28 февраля этого года онъ началъ чтеніе лекцій въ Дерптѣ. Занявшись почти исключительно химіей Озаннъ за время своего пребыванія въ Дерптѣ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, изъ которыхъ его разсужденіе: «Messkunst der Chemischen Elemente» въ короткое время выдержало два изданія и привлекло къ себѣ всеобщій интересъ. Кромѣ того, въ Дерптѣ же Озаннъ опубликовалъ свои изслѣдованія надъ платиновыми рудами («Untersuchungen des Russischen Platinerzes», «Poggendorffs Annalen» VIII, 1826; IX, XIII und XIV 1828) и надъ явленіями фосфоресценціи.

30 іюня 1828 года Озаннъ, получивъ приглашеніе въ Вюрцбургъ на каѳедру физики и химіи, покинулъ Дерптскій университетъ, оставивъ по себѣ добрую память, какъ профессоръ и человѣкъ.

Съ переходомъ въ Вюрцбургскій университетъ Озаннъ посвятилъ себя исключительно физическимъ работамъ, изъ которыхъ громадное большинство, касающееся электричества и гальванопластики, имѣетъ самую тѣсную связь съ химіей. Только незначительное число работъ Озанна относится къ иной области физики, именно къ оптикѣ. Будучи по призванію химикомъ и работая, главнымъ образомъ, въ области химіи и физико-химіи, Озаннъ, тѣмъ не менѣе, писалъ много и по другимъ вопросамъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ касался вопроса то о платиновыхъ рудахъ, то о четвертомъ измѣреніи, причемъ доказывалъ возможность такового, то, наконецъ, отвлекался въ области оптики, всегда сообщая что-либо новое и оригинальное. Ученые труды Озанна доставили ему почетную извѣстность, и многія ученыя общества избрали его своимъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ.

Труды Озанна перечислены въ статьѣ Karsten'а въ „Allgemeine Deutsche Biographie", томъ 24, стр. 461, гдѣ помѣщена и довольно полная біографія Озанна. Кромѣ того, см. о немъ: Recke und Napiersky: „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der provinzen Livland, Estland und Kurland" Mitau 1827. Band III, S. 352—353; „Das gelehrte Teutschland oder Lexicon der jetzt lebenden Teutschen Schriftsteller" von Meusel. „Annales Academiae Ienensis ed. H. C. A. Eichstaldt. Vol. I (1823): „Nachträge und Fortsetzungen" von Dr. Theodor Beise, 1 Band; „Conversation's Lexicon", „Allgemeine Deutsche Real-Encyklopädie", B. 11; Lavisse

„Dictionnaire universel du XIX siècle“, Vol. 25; „Slovnik naucny“, v Praze 1866; Poggendorff: „Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften“; Dr. Rinecker: „Gedachtnissrede auf G. W. Osann, gehalten am 1 December 1866“. („Würzburger Naturwissenschaft—Zeitschrift“ Band VI);—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго б. Дерптскаго Университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902) томъ I. (Статья профессора Таммана). *А. А. Петровъ.*

Озембловскій, *Болеславъ Осиповичъ*, врачъ, статскій совѣтникъ, помощникъ врачебнаго инспектора Псковской губерніи и авторъ нѣсколькихъ сочиненій объ эпидимическихъ болѣзняхъ. Род. въ 1837 г. въ Ковенской губерніи. По происхожденію, Озембловскій принадлежалъ къ небогатому, но старинному дворянскому роду. Отецъ его, оказавшій большое вліяніе на избраніе имъ медицинской дѣятельности, жилъ преимущественно въ Вильнѣ, гдѣ издалъ нѣсколько небольшихъ книжекъ для дѣтей по естественной исторіи и духовнаго содержанія. По окончаніи средняго образованія, Озембловскій въ 1855 году поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ работалъ, главнымъ образомъ, надъ вопросомъ о мѣрахъ борьбы съ инфекціонными и эпидемическими болѣзнями. Въ 1860 году Озембловскій окончилъ курсъ въ Академіи со степенью лѣкаря и поступилъ на службу. Сначала онъ былъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Невелѣ, Витебской губерніи, затѣмъ перевелся на такую же должность въ Хвалынскъ, Саратовской губерніи и наконецъ, былъ желѣзнодорожнымъ врачемъ на С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ. Въ 1870 году Озембловскій былъ назначенъ на должность помощника инспектора Псковской врачебной управы и въ этой должности оставался до смерти. Кромѣ того, Озембловскій состоялъ членомъ и секретаремъ Общества псковскихъ врачей.—Литературная дѣятельность Оземблевскаго выразилась въ рядѣ рефератовъ, которые онъ читалъ въ Обществѣ псковскихъ врачей и печаталъ съ 1871 по 1874 годъ въ протоколахъ Общества и въ „Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“. Изъ нихъ лучшими слѣдуетъ признать рефераты: «Два случая дифтерійнаго зѣва, лѣченные по способу Моровскаго», (напечатанъ въ Протоколахъ Общества псковскихъ врачей 1870 года, № 209) и «О колтунѣ» (тамъ же, 1872 г., № 31). Кромѣ того, перу Озембловскаго принадлежатъ слѣдующія статьи: «О лѣченіи чесотки карболовой кислотой и о гидратахъ бромала» (тамъ же 1871 г. 29 мая № 32), «Краткій очеркъ холерной эпидеміи въ городѣ Псковѣ за 1870—1871 годы, съ указаніемъ принятыхъ противъ нея мѣръ» (Псков. Губ. Вѣдом. 1871 года № 41, № 51 и Журналъ Псковскаго Губерн. Комит. Обществ. здравія отъ 8 октября 1871 года, № 40), «Натуральная оспа въ Псковской губерніи въ 1872 году» (тамъ же отъ 1 мая 1873 г., № 28), «О случаяхъ повѣшенія и удавленія въ Псковской губерніи за послѣднія восемь лѣтъ» (Псков. Губ. Вѣд. 1871 г., № 2) и «Наставленія противъ натуральной оспы» (тамъ же, 1873, № 21, и отдѣльно).—Умеръ Оземблoвскій въ Псковѣ въ 1877 году.

Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1889; „Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ Спб. Медико-Хирургической Академіи въ 1860 году“, Спб. 1885; „Псковскія Губернскія Вѣдомости“ 1871 г. №№ 40, 41, 51 и 38; 1873 г. №№ 13 и 21.

А. Александровъ.

Озенбрюггенъ, *Эдуардъ* (Eduard Osenbrüggen), — профессоръ Юрьевскаго (Дерптскаго) университета, а затѣмъ профессоръ и ректоръ Цюрихскаго ун., докторъ философіи. Родился 12-го (24-го) декабря 1809 года въ Ютерзенѣ (м. въ Голштинскомъ герцогствѣ) и былъ сыномъ сельскаго учителя; по окончаніи гимназіи въ Гильдесгеймѣ, поступилъ въ 1830 году въ университетъ въ Килѣ и занялся изученіемъ филологіи, а затѣмъ перешелъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, кромѣ филологіи, усердно занимался еще римской исторіей, римскими древностями и римскимъ правомъ. Вернувшись въ 1834 году въ Киль, онъ получилъ тамъ награду за сочиненіе «Jus feciale» и, удостоенный въ слѣдующемъ году степени доктора философіи, былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ Кильскомъ университетѣ онъ прослужилъ восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ читалъ философію и римское право и былъ удостоенъ почетнымъ дипломомъ доктора правъ. Въ іюнѣ 1843 г. Озенбрюггенъ Совѣтомъ Дерптскаго Университета былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ на каѳедру уголовнаго права, уголовнаго судопроизводства, исторіи правъ и юридической словесности и въ концѣ

этого же года уже читалъ лекціи. Умный, галантливый, энциклопедически образованный, увлекательно читавшій свои лекціи, онъ естественно быстро пріобрѣлъ симпатіи студентовъ, а чтобы побудить ихъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, онъ въ 1849 году издалъ лучшія сочиненія своихъ учениковъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Dorpater juristische Studien». Въ теченіе своего восьмилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ Озенбрюггенъ читалъ между прочимъ слѣдующіе предметы: исторію римскаго права, герменевтику и экзегетику, рѣчь Цицерона за Милона, сравнительное правовѣдѣніе, исторію юридической литературы, энциклопедію правовѣдѣнія, европейское международное право, общее уголовное право и др. Одновременно Озенбрюггенъ читалъ иногда по три и четыре предмета и сверхъ того въ теченіе шести полугодій велъ практическія занятія по уголовному праву. По этимъ не исчерпывается его дѣятельность въ Дерптскомъ университетѣ. Помимо обязанностей профессора, онъ въ тѣ же восемь лѣтъ, исполнялъ въ теченіе пяти лѣтъ обязанности декана юридическаго факультета, одинъ годъ былъ засѣдателемъ и два года предсѣдателемъ дерптскаго университетскаго апелляціоннаго и ревизіоннаго суда. Однако многосторонняя и въ научномъ смыслѣ весьма полезная дѣятельность Озенбрюггена въ Дерптскомъ университетѣ должна была скоро прекратиться. Онъ былъ заподозрѣнъ въ прикосновенности къ политическимъ агитаторамъ и 14-го августа 1851 года былъ уволенъ отъ должности профессора Дерптскаго университета. Онъ оставилъ Россію и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ въ концѣ того же 1851 года занялъ въ тамошнемъ университетѣ каѳедру уголовнаго права. Эту каѳедру онъ занималъ 28 лѣтъ, по день смерти и три раза былъ ректоромъ Цюрихскаго университета. Въ теченіе своей сорока-пятилѣтней научной дѣятельности онъ написалъ и напечаталъ много сочиненій и статей, посвященныхъ догмѣ уголовнаго права и главнымъ образомъ исторіи средневѣковаго нѣмецкаго права. Э. Озенбрюггенъ умеръ въ Цюрихѣ 29-го мая (9-го іюня) 1879 года.

Изъ научныхъ сочиненій и статей Озенбрюггена въ Дерптѣ напечатаны имъ слѣдующія: «Der Rechtsunterricht auf den Universitäten mit nächster Beziehung auf die Forderung einer practischen Richtung derselben». (1844); «Theorie und Praxis des liv,—esth-und curländischen Criminalrechts (1846); «Bericht über ein Practicum criminale». (1848). Изъ другихъ научныхъ сочиненій Озенбрюггена назовемъ: «Deutsche Rechtsalterthümer aus der Schweiz», Zürich 1858 und 1859. «Das Strafrecht der Langobarden», Schaffhausen 1863. (2-е изд.)—Basel. 1881. «Die Ehre im Spiegel der Zeit» Berlin. 1872. Полный перечень какъ научныхъ, такъ и литературныхъ сочиненій Озенбрюггена приведенъ въ статьѣ о немъ проф. Пустороcлева, напечатанной въ «Біографическомъ словарѣ» профессоровъ Юрьевскаго Университета; но кромѣ нихъ много работъ Озенбрюггена разбросано по разнымъ нѣмецкимъ, какъ спеціальнымъ такъ и литературнымъ журналамъ.—Озенбрюггенъ замѣчателенъ и какъ авторъ сочиненій о Швейцаріи, которую онъ хорошо изучилъ во время своихъ частыхъ путешествій по ней, какъ внимательный и любознательный ученый туристъ. Нѣкоторыя его сочиненія о Швейцаріи, талантливо написанныя и не разъ роскошно изданныя, какъ напр. «Die Urschweiz» (Basel 1870), переведены на нѣсколько языковъ. Отмѣтимъ также: «Wanderstudien aus der Schweiz» (5 выпусковъ); «Culturhistorische Bilder aus der Schweiz»; «Das Hochgebirge der Schweiz»; «Die Schweizer

„Allgemeine Deutsche Biographie" т 24, стр. 463—468; „Bund" 1879; „Neue Zürchen-Zeitung", 1879, 12 іюня; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 21, стр. 766; „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго университета", стр. 524—527; Сообщеніе сына Э. Озенбрюггена—И. Э. Озенбрюггена.

Ив. Андреевъ.

Озерецковскій, *Козьма Яковлевичъ* (братъ слѣдующаго),—священникъ, переводчикъ. Образованіе получилъ въ Троицкой Семинаріи; по окончаніи курса въ которой (въ маѣ 1773 года) поступилъ въ священники къ Московской церкви Іоанна Предтечи. Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ его не имѣется.—Въ 1774 году онъ перевелъ съ греч. «Иродіанова исторія о римскихъ государяхъ, бывшихъ послѣ Марка Аврелія Антонина до избранія въ императоры Гордіана Младшаго, въ осьми книгахъ состоящая». (Спб. 1774).

Смирновъ: „Исторія Троицко-Лаврской семинаріи", М. 1867, стр. 531—532; П. Прозоровъ, „Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи" Спб. 1898. *Ив. К.*

Озерецковскій, *Николай Яковлевичъ*, дѣйств. ст. совѣтникъ, докторъ медицины, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, членъ Главнаго Правленія Училищъ, писатель. Родился въ 1750 году въ селѣ Озерецкомъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Принятый 17-го января 1758 года въ семинарію Троицко-Сергіевой лавры, онъ провелъ въ ней почти десять лѣтъ. 17-го декабря 1767 года Озерецковскій, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ (по классу философіи), былъ отправленъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими семинаристами, для научныхъ нуждъ нашей Академіи, предпринимавшей въ то время рядъ ученыхъ экспедицій по Россіи. Молодые люди должны были сопровождать академиковъ въ ихъ путешествіяхъ для того, чтобы подъ руководствомъ академиковъ они могли изучать естественныя науки и знакомиться съ произведеніями русской природы. На долю Озерецковскаго выпало сопровождать академика Лепехина, подъ руководствомъ котораго онъ и началъ свои занятія естественной исторіей, продолжавшіяся какъ во все время путешествія (съ 8-го іюня 1768 года по 15-е декабря 1773 года), такъ и по возвращеніи въ Петербургъ. Результатомъ этихъ работъ былъ рядъ статей, напечатанныхъ впослѣдствіи въ «Дневныхъ запискахъ путешествія Лепехина». Лепехинъ, часто поручавшій Озерецковскому работы самостоятельныя и посылавшій его въ тѣ или другія мѣстности для собиранія и описанія естественныхъ произведеній, а иногда и историческихъ памятниковъ древности и старины, всегда отзывался о немъ съ большой похвалой и представлялъ его Академіи для награды и одобренія. По возвращеніи изъ упомянутаго путешествія, Озерецковскій былъ подвергнутъ испытанію въ присутствіи всей ученой конференціи Академіи Наукъ. Испытаніе это онъ выдержалъ блестяще, такъ что академики Лепехинъ и Лаксманъ предложили произвести его въ адъюнкты. Однако конференція не рѣшалась на такое повышеніе «студента», даже отнеслась къ нему неблагосклонно и только, благодаря настоянію Лепехина и Лаксмана, признала, наконецъ, лучшей и болѣе полезной для даровитаго молодого человѣка наградой—отправить его на счетъ академіи за границу для дальнѣйшаго занятія естественными науками.

По плану конференціи Озерецковскій сначала (весною 1774 года) отправился въ Лейденъ, но уже въ слѣдующемъ году заявилъ Академіи Наукъ о безполезности своего пребыванія въ Лейденскомъ университетѣ и переѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ съ особеннымъ прилежаніемъ занимался химіей, анатоміей, ботаникой и, какъ результатъ первыхъ своихъ работъ, прислалъ въ сентябрѣ 1776 года свое сочиненіе «De muscis», которое признано было академиками вполнѣ серьезной научной работой. Два года спустя, Озерецковскій представилъ въ Страсбургскій университетъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «De spiritu ardente ex lacte bubulo» и удостоенъ былъ степени доктора медицины. По возвращеніи въ маѣ 1779 года въ Петербургъ, онъ снова былъ подвергнутъ испытанію, на которомъ представилъ свое сочиненіе: «De plantis parasiticis». Результатомъ испытанія было единогласное избраніе Озерецковскаго въ собраніи Академіи Наукъ 23-го сентября 1779 года адъюнктомъ по естественной исторіи, и опредѣленіе его помощникомъ академика Гильденштедта. Однако, два мѣсяца спустя, въ виду возникшихъ непріятностей съ нѣкоторыми академиками, Озерецковскій рѣшилъ было оставить Академію и даже заявилъ объ этомъ въ собраніи Академіи. Впрочемъ, вскорѣ все уладилось. Между тѣмъ, Озерецковскій обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины II, и послѣдняя рѣшила ввѣрить его надзору и руководству юношу Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (впослѣдствіи графа). 13-го мая 1782 года Озерецковскій, по волѣ императрицы, возведенъ былъ въ званіе академика и ему повелѣно было вмѣстѣ съ А. Г. Бобринскимъ отправиться въ путешествіе, какъ по Россіи, такъ и за границу. Но Бобринскій не оправдалъ заботливости о немъ императрицы: за рубежемъ отечества онъ началъ вести разгульную жизнь, которой не могъ обуздать его ученый приставникъ; есть извѣстіе, что Озерецковскій, не поладивши съ своимъ питомцемъ, пѣшкомъ возвратился изъ Парижа въ Россію.

Вернувшись въ отечество, Озерецковскій снова и уже навсегда вступилъ въ академическую среду и отдался всецѣло научнымъ путешествіямъ и изслѣдованіямъ.—

Въ 1785 году онъ по порученію Академіи совершилъ путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ для физическихъ наблюденій; результатомъ этого путешествія было изданное имъ въ 1786 г. ученое «Описаніе путешествія по озерамъ Ладожскому и Онежскому»; въ 1805 году Озерецковскій путешествовалъ къ верховьямъ Волги и на озеро Селигеръ. О результатахъ и значеніи путешествій Озерецковскаго его біографъ академикъ Сухомлиновъ выражается такъ: «Путешествіемъ началось научное образованіе Озерецковскаго; путешествія, предпринимаемыя имъ впослѣдствіи, доставили богатые матеріалы для трудовъ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ. «Я путешествовалъ много лѣтъ по разнымъ странамъ и государствамъ, чтобы чему нибудь научиться»,—говоритъ Озерецковскій. Описанія путешествій Озерецковскаго замѣчательны по разнообразію своего содержанія и обилію свѣдѣній, любопытныхъ и важныхъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ сообщаетъ извѣстія о предметахъ, относящихся къ области естествознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ особенностями народной жизни, съ нравами и обычаями, съ памятниками минувшаго быта и съ современнымъ его состояніемъ. Вслѣдствіе этого путевыя замѣтки Озерецковскаго представляютъ много весьма цѣнныхъ данныхъ для исторіи и статистики посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Не задаваясь какою-либо исключительною цѣлью, путешественникъ нашъ описывалъ все достопримѣчательное, заслуживающее вниманіе человѣка просвѣщеннаго и мыслящаго. Пріемы натуралиста обнаруживаются въ описаніи предметовъ природы съ точнымъ опредѣленіемъ признаковъ и указаніемъ мѣста, занимаемаго тѣмъ или другимъ видомъ въ системѣ животнаго или растительнаго царства. Складъ ума и образъ мыслей автора проявляются въ тонѣ изложенія и въ замѣчаніяхъ, которыми сопровождаются нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ извѣстій. Въ путешествіяхъ своихъ Озерецковскій постоянно обращалъ вниманіе какъ на то, что представляетъ интересъ въ чисто научномъ отношеніи, такъ и на то, отъ чего можно ожидать существенно полезнаго примѣненія къ нуждамъ и потребностямъ народной жизни».—

Не мало потрудился Озерецковскій и въ качествѣ лектора публичныхъ лекцій преимущественно по зоологіи, амфибіологіи и энтомологіи. Лекціи эти, по словамъ Н. И. Греча и другихъ современниковъ, Озерецковскій читалъ умно, ясно и увлекательно. — Кромѣ естественныхъ наукъ, вниманіе Озерецковскаго привлекала и литература, хотя, впрочемъ, онъ не раздѣлялъ общихъ симпатій къ корифею отечественной словесности того времени — Карамзину. Озерецковскій писалъ стихотворенія, прозаическія статьи, принималъ на себя составленіе руководства по словесности, былъ послѣ смерти Княжнина преподавателемъ словесности въ старшихъ классахъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса и между прочимъ преподавалъ русскій языкъ и словесность великой княжнѣ Маріи Павловнѣ.—Весьма интересуясь дѣломъ народнаго образованія въ Россіи, Озерецковскій во время своихъ частыхъ путешествій по родинѣ всегда посѣщалъ школы и другія учебныя заведенія, встрѣчавшіяся ему по пути, собиралъ о нихъ по возможности самыя полныя и точныя свѣдѣнія и много писалъ о нихъ. Какъ только началось движеніе въ пользу оживленія и реформы какъ народнаго, такъ средняго и высшаго образованія, онъ тотчасъ же принялъ въ этомъ движеніи самое дѣятельное участіе. Онъ былъ искреннимъ разумнымъ и неутомимымъ поборникомъ свободы изслѣдованія и преподаванія и употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободить науку и ея представителей отъ нежелательнаго посторонняго вмѣшательства. Между тѣмъ, въ концѣ XVIII столѣтія одно изъ самыхъ важныхъ въ Россіи научныхъ учрежденій—Академія Наукъ—приходила въ упадокъ. Н. Я. Озерецковскій, всегда съ особенною любовью относившійся къ этому учрежденію, вмѣстѣ съ двумя другими своими сочленами Гурьевымъ и Севастьяновымъ, представилъ 15-го декабря 1801 года императору Александру I письмо, въ которомъ наглядно было обрисовано печальное состояніе Академіи и указывались средства къ ея возрожденію. Назначенный 8-го сентября 1802 года членомъ коммиссіи объ училищахъ, Озерецковскій дѣятельно принялся за работу, и при его участіи были выработаны слѣдующіе уставы: Академіи Наукъ, университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и проектъ цензурнаго устава. Между прочимъ, письмо Озерец-

ковскаго къ императору Александру I легло въ основу академическаго устава; въ университетскомъ уставѣ Озерецковскому принадлежитъ обработка главы «о управленіи внутреннемъ университета и о всемъ томъ, что до его благоустройства принадлежитъ», о проектѣ цензурнаго устава, составленномъ Озерецковскимъ въ соучастіи академика Н. И. Фусса можно судить хотя бы по слѣдующему данному ими опредѣленію значенія и направленія дѣятельности цензурныхъ комитетовъ: «Цензурные комитеты, составляя часть первыхъ ученыхъ сословій имперіи, имѣющихъ цѣлью скромное, но неустрашимое изслѣдованіе полезныхъ истинъ, конечно уважатъ сочиненія, стремящіяся къ сему предмету». По этому уставу «скромное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до закона, человѣческаго, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не можетъ подвергнуться осужденію цензуры, но можетъ пользоваться всею свободою тисненія, которая совмѣстна съ безопасностью и спокойствіемъ государства, и безъ которой нельзя ожидать успѣховъ въ просвѣщеніи».

Литературная дѣятельность Озерецковскаго, начавшаяся еще во время его перваго путешествія по Россіи съ академикомъ Лепехинымъ, продолжалась почти до послѣднихъ дней его жизни. Онъ участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ Академіи Наукъ: въ мѣсяцесловахъ, какъ историческихъ, такъ и географическихъ, въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», въ «Технологическомъ журналѣ» въ «Прибавленіи къ техническому журналу», въ «Умозрительныхъ изслѣдованіяхъ», въ «Трудахъ Академіи наукъ» и писалъ на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Статьи, помѣщаемыя имъ въ этихъ изданіяхъ были самаго разнообразнаго характера. Здѣсь мы находимъ статьи его: «О жизни и свойствахъ животныхъ», «О породахъ болотныхъ птицъ», «Описаніе моржеваго промысла», «Объ употребленіи птичьихъ шкурокъ и пуха», «Объ употребленіи дикой бальзамины въ сибирской язвѣ», «О показателѣ сухости и влажности воздуха», «О вершинѣ рѣки Волги», «Успѣхи прививанія коровьей оспы», «О посѣвѣ гречи», «О снѣ», «Какъ достигнуть можно глубокой, здоровой и веселой старости», описаніе многихъ его путешествій и т. п. Помимо своего сотрудничества въ академическихъ изданіяхъ, Озерецковскій помѣстилъ еще много статей въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» и былъ редакторомъ нѣкоторыхъ академическихъ изданій. Такъ, онъ былъ однимъ изъ редакторовъ «Академическихъ извѣстій», академическаго сборника «Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы» (вышло 10 частей въ 1785 — 1793 гг.) и, наконецъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ Озерецковскій редактировалъ первый литературный органъ Министерства народнаго просвѣщенія — «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія».

Изъ оригинальныхъ сочиненій Озерецковскаго, имѣющихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ отмѣтимъ: «Путешествія по озерамъ Ладожскому и Онежскому» (изд. 1-е Спб. 1792 г. изд. 2-е, Спб. 1812 г.), «Описаніе Колы и Астрахани», 1804 г.; «Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы», 1808 г.; «Путешествіе на озеро Селигеръ», 1817 г.; вмѣстѣ съ Севергинымъ онъ составилъ: «Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царство животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство животныхъ», Спб. 1792 г. (двѣ книги).—Сверхъ того, Озерецковскій не мало работалъ и въ качествѣ переводчика съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и латинскаго языковъ. Онъ, вмѣстѣ съ академикомъ П. Иноходцевымъ, перевелъ съ французскаго языка сочиненіе Бюффона «Всеобщая и частная естественная исторія» (1809 г.), Ноэля: «Всеобщая исторія о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ, древнихъ и новѣйшихъ, въ моряхъ и рѣкахъ обоихъ материковъ» (1817 г.); и много статей, помѣщенныхъ въ разныхъ академическихъ изданіяхъ. Обширный и полный перечень сочиненій Н. Я. Озерецковскаго, помѣщенъ М. И. Сухомлиновымъ въ его «Исторіи Россійской Академіи» (Ч. 2, Спб. 1875 г. стр. 534 — 542). О томъ, какимъ уваженіемъ пользовался Озерецковскій среди современнаго ему ученаго міра, можно судить хотя бы по тому, что 14 ученыхъ обществъ и учрежденій избрали его своимъ членомъ. Онъ былъ членомъ Бернскаго экономическаго общества, Россійской Академіи, Вольнаго Экономическаго Общества, Медицинской Коллегіи, Великобританскаго Общества Земле-

дѣлія, Королевской Стокгольмской Академіи Наукъ, Физико-медицинскаго Общества Московскаго университета, Московскаго Общества Испытателей природы, Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ, Харьковскаго и Московскаго университетовъ, Ветеравскаго Общества испытателей природы, Медико-Хирургической Академіи, и Фармацевтическаго Общества. Н. Я. Озерецковскому за его крупныя заслуги предъ Россійской Академіей въ 1800 году была присуждена золотая медаль Академіи. Вообще Академія всегда отзывалась о немъ съ самой лучшей стороны, да и трудно пожалуй было бы найти члена болѣе дѣятельнаго. Бывали годы, когда Озерецковскій не пропускалъ ни одного засѣданія и въ теченіе 43 лѣтъ былъ на 1230 засѣданіяхъ. Ревностно посѣщая академическія собранія, Озерецковскій, по словамъ акад. Сухомлинова, не былъ, да и не могъ быть по своей природѣ равнодушнымъ свидѣтелемъ того, что происходило въ его присутствіи, и нерѣдко вступалъ въ пренія съ своими сочленами, оставаясь иногда однимъ въ полѣ воиномъ, но всегда дѣйствуя открыто и честно. Незадолго передъ смертью онъ хлопоталъ о позволеніи ему жить въ Старой Руссѣ, куда влекла его, какъ онъ самъ говорилъ, страсть къ ботаникѣ; но встрѣтившіяся со стороны Академіи Наукъ препятствія помѣшали этому. Н. Я. Озерецковскій скончался въ Петербургѣ 28-го февраля 1827 года (на 77 году отъ рожденія) и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

М. И. Сухомлиновъ: „Исторія Россійской Академіи“ ч. II, Спб. 1875 г. стр. 299—388; 525—542; А. Н. Пыпинъ: „Исторія русск. этнографіи“, Спб. 1890, т. I; Н. Гречъ: „Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы“, Спб. 1822 г., стр. 142—143; Его-же: „Записки“, Спб. 1886, стр. 143—148; С Смирновъ: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“ М. 1867 г., стр. 530—531 и 550—551; Л. Ѳ. Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели“ вып. I, тетрадь 2, Спб. 1886 г. стр. 40—41; Я. Чистовичъ: „Очерки первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“ Спб. 1883 г., приложеніе X; П. М. Майковъ: „И И. Бецкой“, Спб. 1904; П. Бартеневъ: „Осьмнадцатый вѣкъ“ кн. I, записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго, стр. 393, 401—402; „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 2, „Изъ записокъ С. Н. Глинки“ стр. 669-670; 1875 г. № 5, ст. М. Ѳ. Де-Пуле: „Отецъ и Сынъ“ стр. 161; „Русскій Инвалидъ“ 1827 г. № 60, некрологія, стр. 240; „Московскій Телеграфъ“ 1827 г. ч. 14, № 6, некрологія стр. 164—165; „Сѣверная Пчела“ 1827 г. № 28; „Русскій Архивъ“ 1873 г. № 5, 1876 г № 9 (письмо Н. Я. Озерецковскаго); „Новый Магазинъ“ 1827 г., стр. 210; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона т. 21; Г. С. Державинъ: „Сочиненія“.

Е. Ястребцевъ.

Озерецковскій, *Павелъ Яковлевичъ* (братъ предъидущаго), — протоіерей, первый по времени оберъ-священникъ арміи и флота, сынъ священника (впослѣдствіи игумена Лукіановской пустыни Суздальской епархіи — Макарія, умершаго 3-го іюня 1798 г.). Род. въ 1758 г., въ с. Озерецкомъ, Дмитровскаго у., Московской губ., ум. 12-го мая 1807 г. въ Петербургѣ, похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Образованіе Озерецковскій получилъ въ духовной семинаріи Троицко-Сергіевской лавры. По блестящемъ окончаніи курса, онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи и префектомъ въ Переяславскую семинарію, по упраздненіи которой (въ 1788 г.), былъ переведенъ на туже должность въ Коломенскую духовную семинарію. Въ Коломнѣ Озерецковскій вскорѣ былъ рукоположенъ во священники и опредѣленъ присутствующимъ въ Коломенской консисторіи, въ каковой должности состоялъ до 1795 г., когда, возведенный въ санъ протоіерея, онъ былъ назначенъ настоятелемъ Троицкаго собора въ г. Серпуховѣ. Около этого времени открылась вакансія священника при церкви св. митрополита Петра въ Академіи Наукъ и Озерецковскій, при содѣйствіи своего брата, тогда уже академика, былъ опредѣленъ къ означенной церкви 16-го января 1797 г., а черезъ два мѣсяца и присутствующимъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи. Въ томъ же 1797 году онъ былъ назначенъ полевымъ оберъ-священникомъ и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе императора, который приблизилъ его къ себѣ, и Озерецковскій, во все время царствованія Павла, пользовался исключительнымъ положеніемъ при Дворѣ. В день представленія избранныхъ полевыхъ оберъ-священниковъ и подчиненныхъ имъ полковыхъ священниковъ императору Павлу, послѣдній посвятилъ Озерецковскаго въ свои планы объ устройствѣ особаго самостоятельнаго управленія военнымъ духовенствомъ, подъ непосредственнымъ Высочайшимъ наблюденіемъ, ввѣрилъ ему это дѣло, наградилъ званіемъ оберъ-священника арміи и флота, камилавкой, крестомъ мальтійскаго ордена и предоставилъ ему право доступа къ государю во всякое время дня и ночи. Потомъ

6-го апр. 1799 г. Озерецковскій, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ присутствующимъ въ Синодѣ, 4-го декабря того же года награжденъ митрою и крестомъ, а 9-го апрѣля 1800 г. былъ назначенъ главнымъ и единственнымъ оберъ-священникомъ всей арміи, чѣмъ управленіе всѣмъ духовенствомъ военнаго вѣдомства было сосредоточено въ рукахъ его одного полевого оберъ-священника.

Такимъ образомъ, состоялось отдѣленіе въ управленіи военнаго духовенства отъ епархіальнаго, постепенно слагавшееся подъ вліяніемъ условій военно-походной жизни. Озерецковскій далъ этому духовенству прочную организацію и довольно значительную самостоятельность даже въ ущербъ значенію Синода. Обладая выдающимся умомъ, энергіей въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей и практическимъ тактомъ, онъ составлялъ одинъ за другимъ проэкты по различнымъ вопросамъ, безъ посредства Синода представлялъ ихъ къ одобренію государя, и уже въ первый годъ сдѣлалъ много для улучшенія условій жизни подчиненнаго ему духовенства, въ особенности матеріальнаго его положенія. Съ именемъ Озерецковскаго связывается также учрежденіе армейской духовной семинаріи и судьбы ея на первыхъ порахъ. Въ цѣляхъ приготовленія достойныхъ кандидатовъ на мѣста военныхъ священниковъ и во избѣжаніе сношеній по этому вопросу съ епархіями, что сопровождалось неизбѣжной волокитой, а также желая, чтобы дѣти военнаго духовенства не поступали въ другія вѣдомства, Озерецковскій задумалъ учредить армейскую семинарію, въ которой бы воспитывались, подъ его ближайшимъ наблюденіемъ, кандидаты на священническія мѣста, по окончаніи курса поступавшіе въ его непосредственное распоряженіе и подчиненіе. Озерецковскій составилъ проэктъ учрежденія семинаріи, который императоромъ Павломъ былъ утвержденъ и даже удостоенъ похвальнаго отзыва. Для семинаріи было назначено зданіе Тверского подворья (на Васильевскомъ островѣ); на содержаніе семинаристовъ были назначены суммы; дѣти духовенства, неспособныя къ занятіямъ въ семинаріи, должны быть опредѣляемы на причетническія мѣста въ епархіи или отдаваемы въ военную службу; былъ опредѣленъ кругъ предметовъ преподаванія въ семинаріи, избраны преподаватели. 4-го іюля 1801 г. Семинарія была открыта. Озерецковскій очень внимательно и заботливо относился къ своему дѣтищу. Онъ непосредственно наблюдалъ какъ за учебною, такъ и за воспитательною частью. Учителя каждый мѣсяцъ представляли ему конспекты пройденнаго и свѣдѣнія объ успѣхахъ семинаристовъ.

Многое и другое было сдѣлано Озерецковскимъ въ отношеніи самостоятельности военнаго духовенства и независимости его отъ начальства епархіальнаго. Онъ съ возможною полнотою воспользовался расположеніемъ къ нему Государя и предоставленными ему правами. Но такое положеніе Озерецковскаго продолжалось до тѣхъ поръ, пока былъ живъ императоръ Павелъ, и съ его смертью измѣнилось. Лица, стоявшія во главѣ высшаго церковнаго управленія, сознавали ненормальность расширенія власти оберъ-священника и позаботились о сокращеніи этой власти. Многія послѣдующія ходатайства Озерецковскаго оставались безъ удовлетворенія: компетенція оберъ-священника была въ скоромъ времени строго опредѣлена Синодомъ. Но паденіе Озерецковскаго не сломило его энергіи и онъ все-таки много еще сдѣлалъ и потомъ въ интересахъ военнаго духовенства. 18-го ноября 1806 г. Озерецковскій былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степ., 24-го декабря того же года шитою жемчугомъ митрою 12 мая 1807 г. П. Я. Озерецковскій скончался.

А. Боголюбовъ: „Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ, въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его, за время съ 1800 по 1901 г.“, Спб. 1901 г., стр. 5—27; Н. Горемыкинъ: „Павелъ Озерецковскій, первый по времени оберъ-свящ. Изъ дней Павла 1-го („Русская Старина“ 1887 г., т. LVI, стр. 843—846); „Изъ бумагъ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Гавріила“ („Русскій Архивъ“, 1869 г., стр. 1644); „Выдержки изъ дружескихъ писемъ Евгенія, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго, къ воронежскому пріятелю его В. И. Макодонцу“ (ibid, 1870 г., стр. 773); К. Лавровъ: „Изъ временъ давно минувшихъ“ (ibid, 1899 г., № 11, стр. 409); „Русская Старина“, т. XLI, стр. 619; т. LXXXI, февр., стр. 223; т. XCVI, окт., стр. 133. *П. Давидовичъ.*

Озерецковскій, *Яковъ Николаевичъ*, дѣйств. ст. сов., управляющій Крымскимъ Солянымъ Правленіемъ; писатель. — Род. 10 іюня 1804 г. въ Петербургѣ, ум. въ ночь съ 14 по 15 окт. 1864 г. въ Евпаторіи. — Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ своего отца-академика

П. Я. Озерецковскаго, Я. П. рано поступилъ на службу въ Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ и уже въ 1824 году былъ произведенъ въ поручики. Скоро началась и его боевая дѣятельность: съ 1826 по 1828 годъ Озерецковскій въ составѣ Своднаго Гвардейскаго полка принималъ участіе въ дѣлахъ на Кавказѣ и Персіи. Подъ знаменами Ермолова онъ былъ у Тифлиса, Эчміадзина, участвовалъ въ бою при Адживанъ-Булагѣ, Эривани, въ блокадѣ и взятіи крѣпости Глассиса и плѣненіи Гасана-Хана; причемъ за выказанное геройство былъ награжденъ, между прочимъ, золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Въ концѣ 1828 года, сопровождая трофеи похода, онъ вернулся въ Петербургъ. Вскорѣ по возвращеніи Озерецковскій, за болѣзнью, оставилъ военную службу, уволился для опредѣленія «къ статскимъ дѣламъ» и поступилъ въ число чиновниковъ Инспекторскаго Департамента Главнаго Штаба; но вскорѣ былъ переведенъ въ Корпусъ Жандармовъ, съ переименованіемъ опять въ подполковники. Здѣсь онъ пріобрѣлъ къ себѣ расположеніе шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, который давалъ ему нерѣдко отвѣтственныя порученія: такъ, въ 1835 году Озерецковскій былъ командированъ для ревизіи Соловецкихъ тюрьмъ; въ слѣдующемъ году былъ отправленъ съ «особыми порученіями» въ Вѣну, оттуда въ Черногорію, а затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ (въ мартѣ 1838 г.)—снова въ Вѣну. Въ ноябрѣ 1839 г. Озерецковскій вернулся въ Петербургъ и вскорѣ отправился для леченія за границу.—Въ 1830-хъ годахъ онъ выступилъ и на литературное поприще. Онъ написалъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто, главнымъ образомъ, впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его путешествій и нѣкоторые эпизоды изъ его странствованій. Такъ, въ 1836 году онъ напечаталъ отдѣльной брошюрой: «Плаваніе по Бѣлому морю и въ Соловецкій Монастырь», въ томъ же году во время пребыванія въ Финляндіи, написалъ повѣсть: «Беатс»; разсказъ «Лотерейный билетъ»,—эпизодъ изъ жизни Озерецковскаго въ Вѣнѣ и др. Впрочемъ, литературная дѣятельность его была не продолжительна.—Въ 1841 году, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Озерецковскій былъ назначенъ управляющимъ Крымскимъ Солянымъ Правленіемъ, каковую должность занималъ болѣе 20 лѣтъ, проживая главнымъ образомъ въ Перекопѣ, для благоустройства котораго онъ много потрудился. Открывъ источники съ цѣлебной минеральной водой, онъ устроилъ души, ванны и пр.; заботился о правильномъ и широкомъ древонасажденіи, наблюдалъ за постройкой зданій для присутственныхъ мѣстъ, церквей и проч. общественныхъ зданій. По его мысли былъ построенъ черезъ Сивашъ Чонгарскій мостъ близъ соляныхъ озеръ. Этотъ мостъ, облегчивъ сообщеніе, между прочимъ, помогъ русскимъ во время Севастопольской войны помѣшать непріятелю завладѣть Сивашемъ.—Въ 1856 г. Озерецковскій составилъ проектъ передачи всѣхъ соляныхъ промысловъ въ руки частныхъ предпринимателей, съ цѣлью, путемъ конкурренціи, удешевить стоимость соли. Вскорѣ его проектъ былъ осуществленъ и далъ хорошіе результаты. Въ 1852 г. Озерецковскій былъ вызванъ въ Петербургъ для засѣданія въ коммиссіи объ устройствѣ всѣхъ вообще соляныхъ промысловъ на новыхъ основаніяхъ. Но здоровье Озерецковскаго заставило его, не дождавшись конца засѣданій, уѣхать въ Перекопъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку. 14 окт. 1864 г. Озерецковскій умеръ и былъ похороненъ на счетъ города, для котораго такъ много поработалъ.—Послѣ Озерецковскаго остались обширныя записки. Литературное же наслѣдіе его въ печати не велико. Говорятъ, что онъ много писалъ и стиховъ, но въ печати, кромѣ упомянутыхъ его повѣстей, извѣстно лишь очень немного прозаическихъ произведеній, которыя онъ печаталъ въ «Сынѣ Отечества» въ 1838 г.

Полный послужной списокъ.—„Повѣсть и быль“ Спб. 1840; „Однокашникъ“—русск. быль („Сын. Отеч.“ 1838. ч. 6). „Физіогномика“ (ibid.), „Современникъ“ 1840, т. 19; „Одесскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 274; „Книжн. Вѣстн.“ 1865, № 1; Словарь Березина, т. 3, стр. 18[illegible]; Энциклопедич. Словарь, т. 21, стр. 770; „Русскій Архивъ“, 1866 г. стр. 574; „Биржевыя Вѣдомости“, 1864 г. № 294; „Иллюстрированная Газета“, т. XIV, № 45; „Русск. Стар.“, т. 57, стр. 51—57; т. 40, стр. 116.

Ив. Кубасовъ.

Озеровы—дворяне. Съ фамиліей Озеровыхъ существуетъ нѣсколько дворянскихъ родовъ, вписанныхъ въ дворянскія книги разныхъ губерній. По преданію, находящемуся во всѣхъ старинныхъ родословіяхъ и вошедшему въ Общій Гербовникъ, Озеровы происходятъ изъ Польши, откуда ихъ предки выѣхали въ Москву на службу

при великомъ князѣ Іоаннѣ III. Извѣстными Озеровы становятся въ исторіи лишь съ половины XVI вѣка. *Филимонъ Борисовичъ Озеровъ* въ 1610 году держалъ сторону царя Василія Шуйскаго и за Московское осадное сидѣнье былъ пожалованъ вотчиною. Представители этого рода въ XVII вѣкѣ бывали воеводами въ городахъ, но до думныхъ чиновъ не доходили. Въ XVIII и XIX вѣкахъ Озеровы быстро выдвигаются и становятся въ ряды крупныхъ государственныхъ дѣятелей, на поприщѣ военной и государственной службы. Къ этому же роду принадлежитъ и извѣстный писатель *Владиславъ Александровичъ Озеровъ* (см. ниже). (Отъ этого болѣе древняго рода надо отличать два другіе рода Озеровыхъ, менѣе значительныхъ, ведущихъ свое начало съ половины XVII столѣтія).

Е. Лихачъ.

Озеровъ, *Андрей Андреевичъ*, дьякъ. Въ 1686 году былъ въ Ямскомъ приказѣ, потомъ 17 февраля 1695 года былъ назначенъ при воеводѣ на Двину и пробылъ тамъ до 20 февраля 1698 года, когда снова былъ отозванъ въ Москву, гдѣ, впрочемъ, пробылъ очень недолго и уже въ 1699 году былъ въ Новгородѣ, при воеводѣ П. В. Апраксинѣ. Послѣ этого, извѣстій объ А. А. Озеровѣ мы не имѣемъ и годъ его смерти неизвѣстенъ.

А. А. Потаповъ: „Лѣтопись Двинская" (изд. Фокина), стр. 73, 100; Барсуковъ: „Списки городовыхъ воеводъ", стр. 533; Дворц. Разряды IV, 1095. *Е. Л.*

Озеровъ, *Владиславъ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, драматическій писатель. В. А. Озеровъ родился 30-го сентября 1769 года въ селѣ Боркахъ, Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, и, какъ кажется, рано лишился матери. Отецъ его, Александръ Ириарховичъ, вторично женившійся, отдалъ сына въ маѣ 1780 г. въ Сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ пробылъ семь лѣтъ. Образованіе, полученное Озеровымъ въ корпусѣ, было недостаточно, хотя и считалось по тогдашнимъ понятіямъ хорошимъ. Все вниманіе устремлено было на изученіе французскаго языка и литературы, и въ этомъ отношеніи Озеровъ оказалъ большія успѣхи. С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ говоритъ, что «въ памяти Озерова вмѣщался весь театръ Корнеля, Расина, Вольтера. Превосходно зналъ онъ французскій языкъ, игралъ французскія трагедіи въ нѣкоторыхъ домахъ вельможъ и съ блескомъ высказывалъ свои рѣчи». Ближайшее знакомство Озерова съ русской литературой относится уже къ болѣе позднему времени, когда онъ принялся за изученіе Державина, Дмитріева и Карамзина. Сперанскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, произнося рѣзкій приговоръ таланту Озерова, замѣчаетъ: «Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по французски и весьма поздно принялся за русскій».

16-го ноября 1787 г. Озеровъ окончилъ курсъ ученія въ корпусѣ, съ награжденіемъ первою золотою медалью, и выпущенъ поручикомъ. Онъ отправился въ Южную армію, былъ адъютантомъ у графа А. Б. де-Бальмена, прежняго директора Сухопутнаго кадетскаго корпуса, и участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789 г.). Потомъ Озеровъ состоялъ адъютантомъ при главномъ директорѣ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, графѣ Ѳ. Е. Ангальтѣ. Къ этому времени относятся написанные имъ по-французски стихи на кончину Ангальта, послѣдовавшую 24-го мая 1794 г.

Одаренный отъ природы нѣжною душой и пылкимъ темпераментомъ, Озеровъ, по свидѣтельству его біографа, кн. П. А. Вяземскаго, во дни своей юности страстно влюбился въ одну замужнюю женщину. Эта платоническая привязанность, продолжавшаяся до самой смерти любимой особы, не осталась безъ вліянія на характеръ Владислава Александровича. Онъ сдѣлался раздражителенъ и получилъ наклонность къ ипохондріи.

Послѣ службы при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ Озеровъ перешелъ въ Лѣсной департаментъ, гдѣ и пользовался, впрочемъ не долго, особеннымъ покровительствомъ своего начальника, адмирала О. М. Рибаса, который умеръ въ 1800 году. Служа здѣсь, Озеровъ, по словамъ своего двоюроднаго брата, Д. Н. Блудова, терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника Ѳ. А. Голубцова, который управлялъ въ то время министерствомъ финансовъ. Въ іюлѣ 1808 г. Озеровъ подалъ въ отставку и уѣхалъ къ отцу, въ село Казанское, откуда велъ переписку съ другомъ своимъ А. Н. Оленинымъ. Вотъ что писалъ онъ послѣднему по поводу выхода своего въ отставку: «Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ, находясь въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ и служивъ оберъ-офицеромъ болѣе двадцати лѣтъ.

Если не могу быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По лѣсному же департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ въ продолженіе семи лѣтъ болѣе 1.300.000 руб. дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тыс. руб. Но вмѣсто поощреній и награжденій я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Послѣднее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ не могли меня исключить изъ-подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти».

Въ концѣ ноября 1808 г. Озеровъ отправился въ Красный Яръ, единственное свое имѣніе, находившееся въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Изъ письма къ Оленину отъ 23-го ноября 1808 г. видно, что онъ ѣхалъ туда неохотно, подчиняясь только крайней необходимости. Въ апрѣлѣ 1809 г. Озеровъ получилъ предписаніе отъ Голубцова съ объявленіемъ высочайшей воли о томъ, что онъ можетъ быть уволенъ отъ службы, но безъ просимой прибавки къ пенсіону, который былъ ему пожалованъ еще въ 1801 году. Письма по этому поводу къ Оленину отъ 25-го іюня 1809 г., и въ особенности къ Голубцову отъ 8-го апрѣля того-же года, показываютъ, что Озеровъ глубоко оскорбился такимъ рѣшеніемъ и считалъ его несправедливымъ. Кромѣ того, отказъ въ пенсіонѣ обрекалъ его на постоянную жизнь въ глуши. Матеріальныя средства Озерова были такъ незначительны, что о возвращеніи въ столицу нельзя было и думать. Такимъ образомъ, служба не принесла Озерову ничего, кромѣ огорченій.

Литературная дѣятельность его началась сравнительно поздно, но скоро увѣнчалась блистательными успѣхами. Но это торжество Озерова было тоже непродолжительно и кончилось полнѣйшимъ разочарованіемъ.

Первымъ литературнымъ опытомъ Озерова на русскомъ языкѣ былъ вольный переводъ съ французскаго героидыКолардо: «Элоиза къ Абелярду», напечатанный въ 1794 году, съ посвященіемъ «прелестному полу». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «Читая г. Коларда, я былъ восхищенъ, мнѣ открылся путь парнасскій, и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ». За этимъ переводомъ послѣдовала трагедія «Ярополкъ и Олегъ», представленная въ первый разъ въ 1798 году. Пьеса эта, написанная подъ вліяніемъ трагедій Сумарокова и Княжнина, не имѣла успѣха. Но въ 1804 году Озеровъ представилъ на разсмотрѣніе театральной дирекціи новую трагедію «Эдипъ въ Аѳинахъ», сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ трагедій Дюси: «Oedipe chez Admète» и «Oedipe à Colon» и, какъ говоритъ Зотовъ, изъ оперы Саккини: «Oedipe à Colon». Князь А. А. Шаховской, бывшій въ то время членомъ репертуарной части, пришелъ въ восторгъ отъ произведенія Озерова и настоялъ на немедленномъ прочтеніи его на литературномъ собраніи у А. Н. Оленина. 23-го ноября «Эдипъ» былъ представленъ въ первый разъ на театрѣ. Успѣхъ былъ блестящій. Весь городъ говорилъ о новой трагедіи 15-го декабря пьесу играли на Эрмитажномъ театрѣ, при чемъ государь говорилъ съ авторомъ и пожаловалъ ему подарокъ. Черезъ годъ Озеровъ явился съ новымъ произведеніемъ, также имѣвшимъ большой успѣхъ: 8-го декабря 1805 г. въ первый разъ былъ представленъ «Фингалъ», трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и пантомимными балетами. А. Н. Оленинъ, вызвавшій Озерова написать эту трагедію въ Оссіановскомъ родѣ, самъ занимался составленіемъ рисунковъ всѣхъ костюмовъ и аксессуарныхъ вещей. «Фингалъ» былъ переведенъ на французскій языкъ актеромъ Далмасовымъ, и этотъ переводъ былъ напечатанъ съ полной музыкой и рисунками всѣхъ принадлежностей въ 1808 году. На нѣмецкій языкъ трагедія была переведена Р. М. Зотовымъ. Послѣднимъ и полнѣйшимъ торжествомъ Озерова была трагедія «Дмитрій Донской», въ первый разъ представленная 14-го января 1807 г. Необычайный успѣхъ пьесы объясняется главнымъ образомъ патріотическимъ содержаніемъ ея, приноровленнымъ къ современнымъ событіямъ. Воспоминаніе объ этомъ торжествѣ Озерова сохранили два очевидца—А. С. Стурдза и С. П. Жихаревъ.

присутствовавшіе на первомъ представленіи «Димитрія».

Послѣ «Дмитрія Донскаго» Озеровъ написалъ еще трагедію «Поликсену». Живя въ отцовской деревнѣ, онъ въ октябрѣ 1808 г. переслалъ рукопись ея къ Оленину и просилъ его, вмѣстѣ съ О. Е. Энгелемъ, княземъ А. А. Шаховскимъ и И. А. Крыловымъ, подвергнуть трагедію строжайшему разсмотрѣнію и послѣ того предложить ее театральной дирекціи за 3.000 р. 11-го мая 1809 г. «Поликсена» была въ первый разъ представлена и хотя не имѣла такого блестящаго успѣха, какъ предшествовавшія трагедіи Озерова, все же была принята публикою довольно хорошо. Но послѣ второго представленія дирекція рѣшила снять ее съ репертуара, признавъ представленіе ея невыгоднымъ для себя; автору же было отказано въ уплатѣ условленной суммы. Неудача, постигшая «Поликсену», которую Озеровъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, глубоко поразила самолюбиваго автора. Онъ впалъ въ совершенное уныніе. «Тысячи непріятностей», писалъ онъ Оленину 2-го іюня 1809 г., — «навлеченныхъ мнѣ званіемъ автора и обиды, которыя, можетъ быть, оное навело мнѣ по службѣ, заставляютъ меня отстать отъ стихотворства, бросить перо, приняться за заступъ и, обрабатывая свой огородъ, возвратиться опять въ толпу обыкновенныхъ людей». Въ концѣ 1809 г. книгопродавецъ Заикинъ предложилъ Озерову выпустить вторымъ изданіемъ «Дмитрія Донского», но авторъ рѣшительно отказался, равно какъ не захотѣлъ печатать и свою послѣднюю трагедію. Убитый нравственно, Озеровъ, наконецъ, заболѣлъ. Престарѣлый отецъ перевезъ его въ свое тверское имѣніе, гдѣ Владиславъ Александровичъ и умеръ 5-го сентября 1816 г., задолго передъ смертью лишившись не только разсудка, но даже и языка.

Какъ литературная величина, Озеровъ далеко не заслуживаетъ того большого вниманія, которое удѣляли оцѣнкѣ его произведеній наши лучшіе писатели, критики и историки литературы. Въ этомъ отношеніи судьба Озерова весьма любопытна. Какъ писатель, Озеровъ былъ по преимуществу писатель драматическій, представитель псевдо-классической школы, писатель не плодовитый (онъ написалъ всего пять пьесъ) и съ дарованіями, о признаніи которыхъ было не мало разнорѣчивыхъ толковъ и при жизни драматурга и — еще болѣе — по смерти его. Быстро завоеванный блестящій успѣхъ автора «Эдипа», «Фингала» и «Дмитрія Донского», вскорѣ послѣдовавшее крушеніе его славы и, наконецъ, печальная и ранняя смерть Озерова, возбудили рано къ нему вниманіе. Литературные успѣхи Озерова скоро ввели его въ кругъ отличныхъ тогдашнихъ писателей, вызвали рядъ хвалебныхъ отзывовъ и снискали ему толпу восторженныхъ друзей, не преминувшихъ поставить Озерова въ число «безсмертныхъ пѣвцовъ», но тѣ же успѣхи породили скоро и ожесточенныя противъ него интриги, которыя усиливались отчасти подъ вліяніемъ зависти къ ярко заблиставшей славѣ драматурга, отчасти и вслѣдствіе литературныхъ пристрастій. Успѣхъ Озерова смутилъ даже Державина, и пѣвецъ Фелицы вступилъ въ состязаніе съ Озеровымъ на поприщѣ драматургіи. На завистниковъ таланта Озерова есть немало указаній въ литературѣ того времени. Такъ, Капнистъ въ своемъ посланіи къ Озерову упоминаетъ о «зоилахъ» послѣдняго; то же говоритъ Батюшковъ въ баснѣ «Пастухъ и Соловей»; В. Л. Пушкинъ въ посланіи къ кн. Вяземскому; Жуковскій въ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину; Даиковъ въ «Письмѣ къ новѣйшему Аристофану», Вигель въ своихъ запискахъ и др. Такимъ образомъ, въ литературныхъ сферахъ укоренилось мнѣніе о какихъ-то недоброжелателяхъ Озерова, которые были причиною его гибели. Указывали даже главнаго виновника — кн. А. А. Шаховскаго. Но едва-ли не справедливѣе считать, что въ литературной судьбѣ Озерова отразилась борьба двухъ направленій, господствовавшихъ тогда въ литературѣ: Шишковъ и его сторонники высказались противъ Озерова, а Шаховской, примыкавшій къ этой партіи, явился ихъ орудіемъ. Благожелатели и друзья Озерова, вступавшіеся за драматурга при жизни его, пожалѣли о немъ еще болѣе по смерти его, которая примирила съ несчастнымъ писателемъ даже лицъ и не раздѣлявшихъ симпатій къ автору «Дмитрія Донского». Высокаго мнѣнія о талантѣ и заслугахъ Озерова былъ Бестужевъ, Гречъ, отчасти Плетневъ. Болѣе тепло отнесся къ Озерову кн. П. А. Вяземскій. Онъ рѣшилъ составить его біографію: «грѣшно забвеніе, въ которое ввергли мы его», писалъ онъ А. И. Тур-

геневу, прося у друга «всего, что онъ можетъ отыскать печатнаго или письменнаго Озерова». По какою бы обстоятельностью (разумѣется, для того времени) не отличалась эта біографія, трижды перепечатанная, и какъ бы не упорствовалъ (до извѣстной степени) въ своихъ взглядахъ на литературныя заслуги Озерова кн. Вяземскій, провозгласившій Озерова преобразователемъ русской трагедіи, все же составленная имъ біографія болѣе цѣнна не какъ таковая, а какъ «первыя движенія чувствительности» ея автора, какъ «свѣжіе цвѣты, принесенные имъ на гробницу поэта» (изъ примѣч. къ 3-й перепечаткѣ этой біографіи въ 1828 г.). Симпатій кн. Вяземскаго къ Озерову не раздѣляли многіе, напр., Пушкинъ, который, внимательно просмотрѣвъ біографію, составленную княземъ, далъ слѣдующій о ней отзывъ: «Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба... Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ передавать печати это сбивчивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти..., но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаешь, что слогъ его не хорошъ, а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ». Но и десяти лѣтъ не прошло, какъ слова великаго поэта оправдались: еще въ 1834 г. Бѣлинскій писалъ: «Теперь никто не станетъ отрицать поэтическаго таланта Озерова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва-ли кто станетъ читать его, а тѣмъ болѣе восхищаться имъ»; еще болѣе строгій отзывъ далъ Бѣлинскій два года спустя, а въ 1846 году тотъ же критикъ свидѣтельствовалъ: «теперь онъ (Озеровъ) забытъ театромъ совершенно, и его не играютъ, и не читаютъ». Но такое суровое забвеніе Озерова публикой и отрицаніе самимъ Бѣлинскимъ высокаго драматическаго таланта въ авторѣ «Дмитрія» не помѣшали чуткому критику по достоинству и справедливости оцѣнить историко-литературное значеніе забытаго драматурга. Бѣлинскій утверждалъ, что для людей, «исторически изучающихъ литературу, Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ», и что въ исторіи русской литературы онъ никогда не будетъ забытъ. Критикъ не соглашался съ мнѣніемъ о крупномъ значеніи Озерова, какъ «преобразователя» и «творца» *русскаго* театра. Вслѣдъ за Пушкинымъ онъ отрицалъ и какое-либо національное значеніе трагедій Озерова; какъ и Пушкинъ, онъ склоненъ былъ къ отрицанію въ Озеровѣ истиннаго драматическаго таланта. Озеровъ,—писалъ Бѣлинскій,—«не былъ драматикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ не зналъ человѣка». Въ тоже время, Озеровъ, по словамъ критика, «одаренный душою нѣжною, но не глубокою, раздражительною, но не энергическою, не былъ способенъ къ живописи сильныхъ страстей. Вотъ отчего его женщины интереснѣе мужчинъ; вотъ отчего его злодѣи ни больше, ни меньше, какъ олицетвореніе общихъ родовыхъ пороковъ; вотъ отчего онъ изъ «Фингала» сдѣлалъ аркадскаго пастушка». Но при всемъ томъ Озеровъ «выше Сумарокова и Княжнина... Неспособный рисовать страсти и характеры онъ, — по отзыву Бѣлинскаго, — увлекалъ изображеніемъ чувствъ», или правильнѣе—«чувствительности», какъ нѣсколько ранѣе выразился критикъ. Итакъ, въ этомъ уже высказалась принадлежность Озерова къ Карамзинской школѣ: «онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы—и расплывающуюся слезливую раздражительность чувствительности, и искусственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще риторическую восторженность, занятую имъ у французскихъ образцовъ». Съ основными отзывами Бѣлинскаго согласна и позднѣйшая критика; ихъ подтверждаютъ и историко-литературныя изслѣдованія. Правда, ни біографія Озерова, ни его произведенія не изучены по настоящее время детально, но точка зрѣнія на него и на его историко-литературное значеніе установлена довольно прочно и едва-ли ее существенно измѣнятъ послѣдующія изслѣдованія. Не вдаваясь въ подробный анализъ произведеній Озерова, въ подробности, которыя варіируются и въ общихъ курсахъ, достаточно отмѣтить, что наши компетентные историки литературы (Галаховъ, Тихонравовъ, Буличъ, Веселовскій, Пыпинъ) сходясь во мнѣніи о недостаткахъ Озерова (отсутствіе истиннаго поэтическаго таланта и оригинальности, пристрастіе къ риторикѣ и пр.) склонны, однако, признавать за нимъ и литературныя заслуги: отступивъ отъ нѣкоторыхъ мертвящихъ поэзію правилъ псевдоклассической теоріи драмы, внеся въ трагедію элементы сентиментальнаго и романтическаго, Озеровъ

значительно оживилъ тотъ родъ поэзіи, къ которому чувствовалъ призваніе; не малый шагъ впередъ сдѣлалъ онъ и въ области версификаціи: его стихи болѣе гладки и звучны, чѣмъ стихи его предшественниковъ-драматурговъ.—Проф. Н. Н. Буличъ такъ характеризуетъ литературное значеніе Озерова: «въ свое время трагедіи Озерова были дѣйствительно шагомъ впередъ, потому что онѣ вносили новыя понятія и новыя представленія на сцену и расширяли сферу ея содержанія, трактуя о томъ чувствѣ, котораго не было въ прежнихъ трагедіяхъ, и выражая его прекраснымъ для того времени языкомъ... Въ Озеровѣ не было ничего самобытнаго, ничего оригинальнаго; онъ былъ созданіемъ французской теоріи и французскихъ образцовъ, и только совершенно случайныя, временныя обстоятельства придали ему чрезвычайное значеніе и увеличили восторгъ современниковъ, подкупаемыхъ, кромѣ того, и изяществомъ стиха Озерова и романтическимъ выраженіемъ».—Говоря объ источникахъ, къ которымъ обращался Озеровъ, должно прежде всего отмѣтить, что авторъ «Эдипа» не зналъ греческихъ подлинниковъ, а былъ съ ними знакомъ во франц. переводахъ и передѣлкахъ; далѣе, слѣдуетъ указать на Дюси и Оссіана (вліяніе Саккини еще не доказано), обращаясь къ которымъ Озеровъ шелъ уже по новому пути въ области трагедіи и освобождалъ ее отъ «мертвенной декламаціи» Сумарокова и ему подобныхъ. Именно эта-то сторона и гармонировала,—по выраженію Тихонравова,—съ направленіемъ Карамзинскаго періода и съ личнымъ характеромъ Озерова. Но хотя Озеровъ, дѣйствительно, оживилъ старую трагедію элементомъ чувствительности, которая затрогивала особенно въ хорошемъ сценическомъ исполненіи, но онъ все-таки,—по справедливому замѣчанію Пыпина,—ближе Карамзина къ старому преданію. Заимствованіе же Озеровымъ темъ изъ родной исторіи не прибавило автору литературнаго значенія: еще Пушкинъ замѣтилъ: «Озеровъ попытался дать намъ трагедію *народную* и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ». Дѣйствительно, даже необычайный успѣхъ «Дмитрія Донского» объясняется не больше, не меньше, какъ тѣмъ патріотическимъ воодушевленіемъ, которое переживало наше общество въ дни представленія этой пьесы—дни борьбы съ Наполеономъ. Любопытна общая характеристика Озерова, сдѣланная Сперанскимъ, характеристика строгая, но справедливая: «Озеровъ,—писалъ онъ дочери,—никогда и ни въ чемъ не имѣлъ истиннаго таланта. Это—трудолюбивая посредственность. Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по-французски и весьма поздно принялся за русскій. Но, еслибъ онъ и ранѣе началъ, то не болѣе бы сдѣлалъ. Меня раздражаетъ не то, что онъ могъ ошибаться въ своемъ родѣ, но то, что вкусъ нашей публики такъ еще мало образованъ, въ такомъ ребячествѣ, что всякая мишура его веселитъ и восхищаетъ».

Сочиненія Озерова въ отдѣльныхъ изданіяхъ: «Элоиза къ Абеляру». Ироида, соч. Колардо, пер. съ франц. В. Озеровъ, Спб. 1794; «Эдипъ въ Аѳинахъ», траг. въ 5 д. (1804, 1805, 1816, 1823, 1828, 1887, 1890 гг.); «Фингалъ», траг. въ 3 д. (1807, 1808, 1816, 1824, 1827 гг.); «Дмитрій Донской», траг. въ 5 д. (1807, 1816, 1824, 1827 гг.); «Поликсена», траг. въ 5 д. (1819, 1824, 1827, 1891 гг.); «Сочиненія» (1816—1817, 1819, 1824, 1827, 1828, 1846, 1847, 1856 гг.); «Разныя стихотворенія», 1819 г. Всѣ изданія вышли въ Петербургѣ. (Кромѣ перечисленныхъ изданій, у Сопикова (№ 13212) значится: «Собраніе стихотвореній Владислава Озерова». Спб. 1792 г., но этого Собранія въ петербургскихъ библіотекахъ не имѣется и оно намъ незнакомо).

(Вся біографическая часть статьи заимствована, съ согласія автора, изъ статьи объ Озеровѣ, написанной В. И. Саитовымъ и напечатанной въ примѣч. ко II тому „Сочиненій“ К. Н. Батюшкова, Спб. 1885, стр. 468—472). Кн. П. А. Вяземскій: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова“, Спб. 1817 (статья эта прилож. къ перв. изд. Сочиненій Озерова и находится также въ I и VII т. „Сочиненій“ кн. Вяземскаго); А. Висковатовъ: „Краткая исторія 1-го Кадетскаго корпуса“; Шевыревъ: „Исторія Московскаго Университета“; „Спб. Вѣдомости“, 1800, № 99; „Рус. Архивъ“, 1869; 1877, кн. III; Я. К. Гротъ: „Замѣтка о могилѣ Озерова“ („Рус. Вѣстн.“, 1888, № 6; см. также „Труды“ Грота, т. III, Спб. 1901, стр. 419—420); „Сынъ Отеч.“, 1816, ч. 33, № 41; 1820, ч. 63 (статья Катенина); „Сочиненія“ Державина, т. II (Акад. изд.); „Записки“ Свербеева

(т. I); П. А. Каратыгина; С. Глинки („Рус. Вѣстн.", 1863, № 4; 1866, № 2 и отд. изд.); Вигеля (ч. 3); С. П. Жихарева („Дневникъ чиновника", въ „Отеч. Зап.", 1855, № 5); А. С. Стурдзы („Москвитянинъ", 1851, кн. 1, № 21; „Журн. для чтенія воспит. военно-учебныхъ завед.", 1852, т. 99); И. И. Дмитріева.—Карабановъ: „Основаніе 1750 русскаго театра", Спб. 1849; П. Араповъ: „Лѣтопись русскаго театра", Спб. 1861; „Репертуаръ рус. и Пантеонъ всѣхъ европ. театровъ", 1842, т. I; стихи, написанные по поводу смерти Озерова: А. Крылова („Соревнователь", 1818, ч. III), Савинскаго (ibid., ч. II); Ежова („Сѣв. Минерва", 1832, ч. III, Б. Ѳедорова („Славянинъ", 1827, ч. I). Главн. рецензіи и отзывы: „Сѣв. Вѣстн.", 1804, ч. 4; 1805, ч. 7; „Журн. рос. словесн.", 1805, ч. I; „Любит. Слов.", 1806, ч. I; „Цвѣтникъ", 1809, № 5; „Труды Общ. Любит. Рос. Словесн.", 1812, ч. I (статья Мерзлякова); „Вѣстн. Евр.", 1815, № 23; 1817, №№ 8 и 9; „Сынъ Отеч." 1816, №№ 21, 41, 42, 45; 1817, №№ 2, 11, 41; 1820, №№ 21 и 26; 1823, ч. 90; 1824, ч. 93; 1847, № 5; „Сѣв. Набл.", 1817, № 5; „Благонамѣр.", 1821, ч. 16, 20; 1822, ч. 17; 1824, № 26; „Литер. Листки", 1824, № 8; „Сѣв. Пчела", 1827, № 93, 97; 1828, № 142; „Отеч. Зап.", 1828, № 96; 1846, № 11; 1847, № 44; „Финскій Вѣстн.", 1846, т. 12; „Современ.", 1847, № 1; 1856 и 1857 гг.; „Библіографич. Зап." 1861, № 5, 6; 1859, № 14; „Учен. Записки Моск. универс.", 1836, ч. 11—12 (ст. Зеленецкаго: „Объ Озеровѣ и его произведен."); „Кіев. унив. Извѣстія", 1870, ч. 10 (ст. Селина: „Значеніе Озерова въ исторіи рус. литер."); Гречъ: „Чтенія о русск. яз.", Спб. 1840; Общіе курсы: Караулова, Полевого, Незеленова, Гаршина, Галахова, Порфирьева, Пыпина, Н. Булича, Энгельгардта и др. „Сочиненія": Бѣлинскаго, В. Майкова, Тихонравова, Я. Грота, кн. П. А. Вяземскаго, С. Т. Аксакова (т. III); Державина (Акад. изд.), Жуковскаго (изд. 8-е, т. 5), Батюшкова (подъ ред. Л. Майкова и В. Саитова; во 2-мъ томѣ статья объ Озеровѣ, въ которой даны и нѣкоторыя библіографич. указанія); Пушкина (изд. Литерат. фонда и Академіи, т. I); „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ"; Л. Н. Майковъ: „Пушкинъ", Спб., 1899 (статья: „Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ"); Н. К. Козминъ: „Очерки изъ исторіи русск. романтизма", Спб. 1903; Н. И. Замотинъ: „Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX ст.", Варшава, 1903; И. А. Кубасовъ: „А. Е. Измайловъ", Спб. 1901; П. М. Майковъ: „И. И. Бецкой", Спб. 1904. Словарь Брокгауза и др.

Ив. Кубасовъ.

Озеровъ, *Дмитрій Ивановичъ*, артистъ С.-Петербургскаго Императорскаго Александринскаго театра. Получивъ воспитаніе въ московскомъ театральномъ училищѣ, Озеровъ, по окончаніи послѣдняго, началъ свою сценическую дѣятельность въ московскомъ балетѣ, откуда вскорѣ перешелъ въ провинцію и игралъ преимущественно въ Казани, занимая амплуа драматическаго артиста на роли jeune comique. Пріобрѣтя довольно широкую извѣстность въ провинціи, онъ въ началѣ 1860-хъ годовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ въ составъ драматической труппы Александринскаго театра, гдѣ скоро пріобрѣлъ симпатіи, какъ хорошій водевильный любовникъ. Большимъ успѣхомъ пользовался Озеровъ въ комическихъ роляхъ въ оперткѣ. Не обладая крупнымъ талантомъ, онъ, однако, горячо любилъ драматическое искусство, которому послужилъ въ качествѣ артиста и драматурга. Написанная имъ драма «Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку» была поставлена на Александринской сценѣ и имѣла замѣтный успѣхъ. Кромѣ того, Озерову принадлежитъ водевиль: «Имѣю честь быть».—Озеровъ скончался 29-го декабря 1880 года въ Петербургѣ, не достигнувъ и пятидесятилѣтняго возраста.

„Суфлеръ", 1881, № 1, стр. 1; „Новое Время", 1880, № 1739; „Новости и Биржева Газета", 1880, № 348. *Е. Ястребцовъ.*

Озеровъ, *Иванъ Григорьевичъ*, стрѣлецкій полковникъ. Въ 1682 году принималъ дѣятельное участіе въ большомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, придерживаясь партіи царевны Софіи и Милославскихъ. Въ это время онъ былъ стрѣлецкимъ подполковникомъ и былъ призванъ Милославскимъ къ возбужденію недовольства противъ Нарышкиныхъ. Не разъ бывалъ онъ на тайныхъ совѣщаніяхъ у И. М. Милославскаго, женился на приверженной къ Софіи вдовѣ постельника Ѳеодорѣ Семеновнѣ Радимицкой и энергично возмущалъ стрѣльцовъ вмѣстѣ съ полковникомъ Цыклеромъ противъ Нарышкиныхъ и ихъ партіи, не стѣсняясь распространять ложные слухи и подкупать нужныхъ людей. Намъ неизвѣстно, въ чемъ именно выразилось участіе Озерова въ самомъ бунтѣ, но извѣстно, что послѣ бунта Озеровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Цыклеромъ, былъ главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ столба, поставленнаго «по заводу» Алексѣя Юдина, съ надписью на немъ именъ убитыхъ, ихъ мнимыхъ измѣнъ и заслугъ стрѣльцовъ передъ царскимъ домомъ. Неизвѣстно также достовѣрно, участвовалъ ли Озеровъ въ стрѣлецкомъ движеніи 1689 г., но послѣ этого движенія онъ не поплатился за свою приверженность къ Милославскимъ и въ 1690 году упоминается, уже въ званіи стрѣлецкаго полковника, въ чинѣ поставленія на патріаршество патріарха Адріана. Въ 1696 году Озеровъ

участвовалъ въ Азовскомъ походѣ и въ 1697 году, по взятіи Азова, возвратился съ своимъ полкомъ въ Москву. Не пострадалъ Озеровъ и послѣ стрѣлецкаго бунта 1699 года, и еще въ 1703 году мы имѣемъ о немъ свѣдѣнія. Но послѣ этого, извѣстія о немъ прекращаются и годъ его смерти съ точностью не опредѣленъ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русскихъ благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) XI, 20; „Дворцовые Разряды", IV, 586, 912; „Собраніе разн. грамотъ и сочиненій о жизни и дѣяніяхъ Петра Вел.", изд. Туманскаго (Спб. 1787). I, 129, 132, 170, 276; IV, 256, 257; VI, 18, 22, 52; VII, 117, 127; Голиковъ: „Дѣянія Петра Вел.", т. I; Погодинъ: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ царствованіи Петра Вел." (М. 1875), 33, 62, прил. 16; Устряловъ: „Исторія царствованія Петра Вел." (Спб. 1858), I, 29; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза"), III, 891, 899, 901.

Е. Лихачъ.

Озеровъ, *Петръ Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, первоприсутствующій сенаторъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, почетный опекунъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Родился въ 1778; службу началъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку и въ 1796 году былъ произведенъ въ прапорщики. Два года спустя, уже въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу, а въ слѣдующемъ году, въ составѣ войскъ подъ начальствомъ Суворова, принялъ участіе въ итальянскомъ походѣ и за отличія, выказанныя въ битвахъ при р. Требіи, мѣстечкѣ Бассіано награжденъ орденами св. Анны 3-й и 2-й степени, а за переходъ изъ Италіи въ Швейцарію командорскимъ крестомъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Кромѣ того, подъ знаменами Суворова Озеровъ участвовалъ въ осадѣ крѣпостей Александріи, Серовалло, въ сраженіяхъ при городахъ Адорфѣ, Кларисѣ и др. Въ 1800 г. за отличные подвиги, храбрость и неустрашимость въ дѣлахъ при освобожденіи Сардиніи и Пьемонта отъ французовъ Озеровъ былъ награжденъ сардинскимъ орденомъ св. Маврикія, а затѣмъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ съ чиномъ штабъ-ротмистра, и черезъ годъ произведенъ въ полковники. Въ этомъ чинѣ онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ въ 1805—1807 гг., причемъ за отличіе въ сраженіи подъ Аустерлицемъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1807 г. Озеровъ былъ пожалованъ званіемъ дѣйствительнаго камергера и назначенъ гофмейстеромъ двора вел. кн. Константина Павловича. Въ этой должности онъ состоялъ до 1813 года, пока не былъ назначенъ тверскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Спустя четыре года, Озеровъ вернулся въ Петербургъ. Назначенный въ 1817 году шталмейстеромъ, директоромъ дворцовыхъ конскихъ заводовъ и членомъ комитета о казенныхъ конскихъ заводахъ, онъ въ томъ же году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а въ 1823 пожалованъ сенаторомъ, а затѣмъ черезъ два года былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта и членомъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго. Въ 1828 году, помимо всѣхъ занимаемыхъ должностей, Озеровъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Павловской московской больницы. Въ этомъ званіи ему пришлось особенно много поработать въ 1830—1831 гг., во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Кромѣ того, во время этой же эпидеміи онъ энергично боролся съ ней и въ качествѣ начальствующаго Срѣтенскою частью. Произведенный въ 1834 году въ дѣйствительные тайные совѣтники, Озеровъ въ 1837 году былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и членомъ по хозяйственной части въ коммиссіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя. Два года спустя, за отличія по службѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ 1840 году, въ виду разстроеннаго здоровья, по прошенію, былъ уволенъ отъ присутствованія въ 7-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената съ оставленіемъ, однако, первоприсутствующимъ въ Общемъ Собраніи московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Озеровъ скончался въ Москвѣ 1 мая 1843 г. и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

„На кончину П. И. Озерова", „Маякъ", 1843, т. XI; „Некрологія д. т. с. Петра Ивановича Озерова". М. 1843; „Энциклопедическій Словарь", изд. Брокгауза и Ефрона, т. 22; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ", т. I; Сенатскій Архивъ; Мѣсяцесловъ на 1844 г.; „Русск. Арх." 1881, т. III; 1889, II; 1890, I; 1897, II, III; 1901 (въ перепискѣ А. Я. Бул-

гакова); „Русск. Стар." 1895, XII; 1896, I; 1899, II, стр. 296. *Н. Мурзановъ.*

Озеровъ, *Семенъ Николаевичъ*, сенаторъ. Родился въ 1775; службу началъ съ мая 1797 при государственномъ казначеѣ и продолжалъ исполнять при немъ различныя порученія до 1802 г., пока не былъ опредѣленъ секретаремъ при министрѣ финансовъ. Произведенный въ статскіе совѣтники, Озеровъ въ 1807 г былъ отправленъ по дѣламъ министерства въ заграничную командировку, по возвращеніи изъ которой исполнялъ должность экспедитора Департамента Министерства Финансовъ до января 1811 г., пока не былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 7-го Департамента Правительствующаго Сената; въ этой должности онъ пробылъ 8 лѣтъ и затѣмъ, по болѣзни, былъ уволенъ и пробылъ въ отставкѣ до 1832 года, когда вновь былъ опредѣленъ на должность оберъ-прокурора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Прав. Сената; въ декабрѣ того же года онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствованію въ Правительствующій Сенатъ. Въ званіи сенатора Озеровъ, между прочимъ, въ маѣ 1835 г. былъ Высочайше назначенъ предсѣдательствующимъ учрежденнаго въ Москвѣ комитета, для составленія устава Межевого Управленія и другихъ проэктовъ по межевой части. Въ декабрѣ 1840 года Озерову Высочайше повелѣно было состоять первоприсутствующимъ въ 8-мъ Департ. Правит. Сената; черезъ годъ Озеровъ былъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла.—Скончался Озеровъ въ 1844 г., состоя на службѣ. Ф. Ф. Вигель, хорошо его знавшій, отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ «честномъ, съ познаніями и усердіемъ».

Архивъ Правительствующаго Сената, Ф. Ф. Вигель: „Записки", ч. III, М. 1892, стр. 77—104. *Н. Мурзановъ.*

Озеровъ, *Семенъ Петровичъ*, генералъ-поручикъ. Родился въ 1725 году; по окончаніи домашняго образованія поступилъ на военную службу, и къ 1755 году, т. е. къ началу своей боевой дѣятельности былъ произведенъ въ капитаны. Въ 1757 году онъ принялъ участіе въ битвѣ при Гросъ-Эгерсдорфѣ, въ слѣдующемъ—подъ городомъ Кистриномъ и д. Цондорфѣ; въ 1859 г., уже въ качествѣ дежурнаго майора при гр. Румянцовѣ, продолжалъ кампанію и былъ въ бою подъ г. Кольбергомъ. Въ 1767—68 гг., въ чинѣ полковника, Озеровъ участвовалъ въ Польской кампаніи, а затѣмъ въ Турецкой войнѣ; во время послѣдней Озеровъ въ особенности отличился при взятіи Тульчи, и за отличія, выказанныя въ дѣлахъ съ турками, былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1773 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика, но разстроенное ранами здоровье принудило Озерова выйти въ отставку, каковую онъ получилъ 18 января 1777 г. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни Озерова не имѣется; извѣстно лишь, что умеръ онъ, имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Архивъ Главнаго Штаба въ Москвѣ. Соловьевъ: „Исторія Россіи", т. VI, стр. 773. Петровъ: „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами", т. III, стр. 98—103. „Матеріалы для жизнеописанія гр. Панина", Спб. 1892, т. VII, стр. 95, 102.

Н. Артамонова.

Озеровъ, *Сергѣй Петровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, почетный опекунъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта вѣдомства учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны. Родился 3-го февраля 1809 года и происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Получивъ воспитаніе въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, онъ по окончаніи лицея рѣшилъ посвятить себя военной службѣ и 24-го ноября 1826 г. былъ произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, въ которомъ и прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. Во время польской кампаніи 1831 года онъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ и, между прочимъ, въ сраженіяхъ при Гроховѣ и Остроленкѣ. Назначенный 15-го іюля 1837 года, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу, Озеровъ постепенно былъ произведенъ въ полковники и въ 1847 г. назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, въ каковой должности оставался до января 1849 года, пока не былъ назначенъ на должность директора 2-го московскаго корпуса; вскорѣ онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Е. И. В., съ оставленіемъ исправляющимъ должность директора 2-го московскаго корпуса. Произведенный 6-го декабря 1851 г. въ генералъ-майоры, Озеровъ былъ зачисленъ въ свиту Е. И. В.—Директоромъ 2-го московскаго кадетскаго корпуса онъ пробылъ около 12-ти лѣтъ. 23-го апрѣля 1861

года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ томъ же году (30-го августа) былъ назначенъ директоромъ Пажескаго Е. И. В. корпуса, каковую должность занималъ около $3^1/_2$ лѣтъ. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, сначала директора 2-го московскаго корпуса, а потомъ директора Пажескаго Е. И. В. корпуса, Озеровъ постоянно принималъ участіе въ работахъ разныхъ коммисій, какъ по пересмотру программъ кадетскихъ корпусовъ, такъ и по другимъ вопросамъ. 19-го апрѣля 1864 года Озерову былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени съ императорскою короною, а въ слѣдующемъ году 16-го февраля онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ для присутствованія въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ отчисленіемъ отъ должности директора Пажескаго Е. И. В. корпуса и съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Назначенный въ началѣ 1866 года управляющимъ С.-Петербургскимъ училищемъ глухонѣмыхъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ завѣдывалъ этимъ училищемъ. Затѣмъ Озеровъ $3^1/_2$ года находился при С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, не имѣя въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи никакого учрежденія, и лишь 18-го октября 1871 года былъ назначенъ управлять больницею Всѣхъ Скорбящихъ и въ этой должности оставался до самой смерти, 2-го октября 1884 года. За годъ передъ смертью онъ получилъ чинъ генералъ-отъ-инфантеріи, а немного ранѣе орденъ Александра Невскаго. С. П. Озеровъ былъ женатъ на Наталіи Андреевнѣ, рожд. кн. Оболенской.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Дѣло 1884 г. 6-го отдѣленія, 3-го стола, № 877; „Всеобщій Календарь" на 1886 г., некрологъ, стр. 498; „Русскій Инвалидъ", 1884 г.; „Новое Время", 1884 г. *Е. Ястребцевъ.*

Озерскій, *Александръ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, горный инженеръ, членъ Горнаго Ученаго Комитета, бывшій гражданскій губернаторъ Томской губерніи и главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ. Родился въ 1831 году. Воспитаніе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Горный Институтъ), по окончаніи котораго въ 1831 году былъ оставленъ при корпусѣ и занялъ мѣсто репетитора химіи при академикѣ Гессѣ, а затѣмъ ему поручено было читать лекціи по русской и иностранной горной статистикѣ и минералогіи. По свидѣтельству А. Лоранскаго, А. Д. Озерскій, владѣя многими иностранными языками, даромъ слова и рѣдкою памятью, умѣлъ дѣлать свои лекціи особенно занимательными и даже увлекать слушателей. Тотъ же А. Лоранскій утверждаетъ, что горная статистика Россіи и иностранныхъ государствъ «никѣмъ не была читана такъ подробно, какъ Озерскимъ, что составленныя имъ (съ 1840 по 1855 гг.) обширныя записки этого курса представляютъ совершенную энциклопедію и, заключая массу данныхъ о положеніи горнаго дѣла въ Россіи, являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія его». Вскорѣ же по окончаніи Горнаго корпуса и занятій должности репетитора химіи, Озерскій занялся и переводами научныхъ сочиненій. Прежде всего онъ перевелъ сочиненіе Барцеліуса «Аналитическая химія», а затѣмъ, начавъ читать лекціи по минералогіи и статистикѣ, онъ перевелъ много сочиненій, касающихся этихъ предметовъ; въ числѣ этихъ переводовъ, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ переводъ сочиненія Мурчисона: «Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго». Научно-литературныя работы и практическія занятія сдѣлали имя Озерскаго настолько извѣстнымъ въ ученыхъ кружкахъ, что, когда въ 1844 году освободилась въ Петербургскомъ университетѣ каѳедра по минералогіи (послѣ горнаго инженера ген.-маіора Соколова), то совѣтъ университета выбралъ и представилъ его къ занятію должности профессора; когда же министръ народнаго просвѣщенія не утвердилъ того представленія (въ виду того, что Озерскій не имѣлъ ученой степени), то факультетъ снова выбралъ его, только не въ профессора, а въ преподаватели, но и это избраніе не было утверждено по той же причинѣ. Назначенный въ 1848 году инспекторомъ только что реформированнаго тогда Горнаго Института, Озерскій занималъ эту должность до 1851 года, а затѣмъ продолжалъ оставаться при институтѣ въ качествѣ профессора минералогіи и статистики. Въ теченіе своей слишкомъ 25-ти-лѣтней службы при институтѣ Озерскій принималъ дѣятельное участіе въ двухъ весьма важныхъ въ жизни этого заведенія событіяхъ: въ выработкѣ устава Горнаго Института (1848 года) и въ работахъ коммиссіи по пересмотру этого устава. Сверхъ того, онъ

принималъ участіе и при образованіи штаба корпуса горныхъ инженеровъ. Въ 1857 году Озерскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ главнымъ начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ и гражданскимъ губернаторомъ Томской губерніи, каковую должность занималъ въ теченіе семи лѣтъ. При немъ, между прочимъ, введено было употребленіе каменнаго угля для плавки самарскихъ серебряныхъ рудъ. Въ качествѣ главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ, Озерскій ревностно поощрялъ открытія новыхъ золотыхъ пріисковъ и мѣсторожденій руды и всячески заботился объ успѣхахъ нашего горнаго дѣла. При немъ же было открыто нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ. Въ 1861 году, чутко отозвался Озерскій на вѣсть объ освобожденіи крестьянъ и немедленно приступилъ къ выработкѣ, сообразно реформамъ, новыхъ условій въ жизни рабочихъ на Алтайскихъ заводахъ. Подъ его руководствомъ были выработаны положенія, принятыя въ основу устройствъ тамошняго рабочаго населенія.—Въ 1864 г. Озерскій былъ назначенъ членомъ Горнаго Ученаго Комитета, и въ этомъ званіи оставался до день смерти. Онъ скончался въ Петербургѣ 19-го сентября 1880 года, на 68 году отъ рожденія.—Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, Озерскій помѣстилъ еще рядъ статей научнаго характера въ «Горномъ Журналѣ» и «Запискахъ Минералогическаго Общества», изъ которыхъ назовемъ слѣдующія: «Извѣстія о Ленскихъ пріискахъ серебристосвинцовыхъ рудъ» («Горный Журналъ», 1844 г., ч. 2, № 4), «Обзоръ горнаго производства Австро-Венгерской имперіи» (ibidem 1872 г., № 3), «О рукописи М. Д. Хмырова, содержащей исторію горнаго дѣла въ Россіи» (ibid. 1873, т. 4, № 12) и др. Затѣмъ Озерскій помѣстилъ нѣсколько статей въ «Сѣверной Пчелѣ» «Минералогическія извѣстія о Сибири» (1853 г., № 65) и др. и сверхъ того написалъ сочиненіе: «Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горныхъ промысловъ Забайкалья,—изданное въ 1867 году Минералогическимъ Обществомъ, за каковое сочиненіе Общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ того въ отдѣльномъ изданіи находятся слѣдующіе труды Озерскаго: «Геогностическій очеркъ сѣв.-зап. Эстляндіи» (1844 г.); «Обзоръ горной производительности Россіи» (1851 г.); «Обозрѣніе современнаго состоянія горнозаводской промышленности Прусской монархіи» (1843).

А. Лоранскій: „Историческій Очеркъ Горнаго Института", Спб., 1873 г., стр. 119, 120 127—128. 130 и 131; „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", т. II, Спб., 1896 г., стр. 368, 369, 372 и 376; „Южно-Русскій Горный листокъ", 1880 г., № 8, стр. 131—132 „Берегъ", 1880 г., № 183; „Новое Время" 1880 г., № 1645; „Голосъ", 1880 г., № 263; Бар. Розенъ: „Записки декабриста", М. 1900 стр. 167; А. И. Ходневъ: „Исторія Импер. Вольно-Экон. Общ.", Спб. 1865, стр. 485—6.

Е. Ястребцевъ.

Озерскій *Аникита Дмитріевичъ*, дѣйствит. ст. совѣтникъ, директоръ Фарфороваго завода; предсѣдатель разн. казенныхъ палатъ; писатель. Родился въ 1816 г.; образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1830 году былъ произведенъ въ гардемарины, черезъ 2 года въ мичманы, а въ 1836 г. въ лейтенанты и какъ «первый въ выпускѣ былъ записанъ на мраморную доску». Въ 1839 г. Озерскій оставилъ военную службу и поступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія, откуда перешелъ въ министерство финансовъ, которое командировало его въ 1841 г. за границу «для усовершенствованія въ технологіи»; по возвращеніи на родину (въ 1845 г.) Озерскій былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій къ управляющему кабинетомъ Е. В. и вскорѣ назначенъ директоромъ стекляннаго и выборгскаго зеркальнаго заводовъ, а въ 1848 г. директоромъ фарфороваго завода; въ 1850 году Озерскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1853 г. Озерскій уволился отъ занимаемыхъ должностей, а черезъ 2 года получилъ назначеніе предсѣдателемъ Томской, затѣмъ Тобольской и наконецъ (въ 1858 г.) Орловской казенной палаты. Въ ноябрѣ 1861 года Озерскій былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ его не имѣется и годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ.

Озерскій не былъ чуждъ литературы: такъ, въ 1839 г. онъ написалъ «индійскую легенду Элоа», въ 1850—60-хъ годахъ нѣсколько статей по финансовымъ вопросамъ.

Полный послужный списокъ; Дневникъ Никитенко, т. III, стр. 318; Роспись Ольхина № 6732; „Указатель Политико-эконом." 1859, № 148, вып. 44, стр. 1002—1003 (Замѣчаніе Озерскаго на статью Ламанскаго); тамъ же 1860, № 191, вып. 35 (Замѣчаніе Озерскаго по устройству поземельныхъ банковъ).

Ознобишинъ, *Дмитрій Петровичъ*, поэтъ, писатель и переводчикъ; происходилъ изъ дворянскаго рода, восходящаго къ XIV вѣку, и былъ сыномъ коллежскаго ассесора Петра Никаноровича О. отъ брака его съ Александрой Ивановной Варваци, дочерью извѣстнаго богача и благотворителя И. А. Варваци (ум. въ 1825 г.); родился онъ въ 1804 г.; первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ французскаго эмигранта барона Боде, а затѣмъ, въ теченіе пяти лѣтъ, воспитывался въ Петербургѣ, въ семьѣ сенатора А. В. Казадаева, гдѣ въ числѣ учителей его были, между прочимъ, К. И. Арсеньевъ и И. И. Сосницкій (актеръ). Поступивъ, затѣмъ, въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, Ознобишинъ вскорѣ проникся тою литературною атмосферою, которая царила въ этомъ учебномъ заведеніи, и которая такъ соотвѣтствовала его вкусамъ и интересамъ: онъ сблизился въ это время съ С. П. Шевыревымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ В. П. Титовымъ, С. Е. Раичемъ, въ литературномъ кружкѣ котораго былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, принималъ участіе въ литературныхъ собраніяхъ воспитанниковъ пансіона, гдѣ былъ аускультантомъ высшаго собранія, учрежденнаго Жуковскимъ, и считался при этомъ всегда въ числѣ отличнѣйшихъ учениковъ. Уже въ 1820 г., въ IV части пансіонскаго альманаха «Калліопа», Ознобишинъ помѣстилъ одно изъ первыхъ своихъ литературныхъ произведеній—стихотвореніе «Трубадуръ» (съ французскаго); кромѣ того, на пансіонскихъ актахъ: 2-го апрѣля 1821 г. онъ читалъ свое стихотвореніе «Утренній гимнъ» (напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1821 г., ч. 117, № 7 — 8 и изданъ отдѣльно въ 1821 г.), а 25-го марта 1822 г. стихотвореніе «Всемогущество Божіе въ природѣ и человѣкѣ» и Хоръ: «Се день наукамъ вождѣленный» (изданы отдѣльными оттисками въ 1822 г.). Въ пансіонѣ на О. обратили вниманіе проф. Давыдовъ и Каченовскій, который въ своемъ «Вѣстникѣ Европы» за 1821 г. напечаталъ стихотворенія молодого поэта: «Старецъ» (ч. 116, № 4) и «Посланіе къ Т..у» (ч. 118, № 10). Окончивъ курсъ пансіона и награжденный, на одномъ изъ публичныхъ актовъ, серебряною медалью, Ознобишинъ 21-го августа 1824 г. поступилъ на службу въ Московскій почтамтъ, гдѣ занимался цензурою французскихъ повременныхъ изданій; въ 1825 г., «за литературные труды», онъ получилъ благоволеніе отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны и въ 1827 г.— отъ императрицы Александры Ѳеодоровны, а въ 1828 г. (24-го октября) вышелъ въ отставку съ чиномъ титулярнаго совѣтника, послѣ неосуществившагося намѣренія, при содѣйствіи дяди своего, сенатора Гр. Ап. Хомутова, опредѣлиться въ составъ посольства въ Персію А. С. Грибоѣдова; чувствуя влеченіе къ занятіямъ литературою восточныхъ народовъ, Ознобишинъ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ, подъ руководствомъ ученаго муллы, арабскій и персидскій языки и слушалъ лекціи арабскаго языка у проф. Болдырева въ Московскомъ университетѣ. Плодомъ этихъ занятій явились, между прочимъ, обширныя статьи Ознобишина по вопросамъ восточнаго искусства и восточной поэзіи и переводы съ арабскаго изъ Гафиза (нѣкоторые были напечатаны имъ, подъ псевдонимомъ «Делибюрадеръ», въ «Сынѣ Отечества» 1826 и 1827 г. и «Сѣверной Лирѣ» на 1827 г., изъ «Макаматъ или Бесѣдъ Гарири» и др.; переводъ съ англійскаго языка Персидской грамматики Лумсдена и его же персидскаго словаря и др.

Въ 1833 г. (9-го іюня), Ознобишинъ, по предложенію Карсунскаго уѣзднаго предводителя дворянства А. И. Бекетова, принялъ на себя званіе почетнаго смотрителя Карсунскаго уѣзднаго училища, съ апрѣля 1838 г. по апрѣль 1841 г. и съ 21-го мая 1844 по 4-е іюня 1847 г. былъ почетнымъ попечителемъ Симбирской гимназіи. Получивъ въ 1864 г. чинъ статскаго совѣтника, Ознобишинъ былъ въ 1860-хъ годахъ членомъ Симбирскаго Губернскаго Статистическаго комитета, членомъ Симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (4 года), членомъ Симбирскаго губернскаго училищнаго совѣта (въ этомъ званіи онъ обозрѣвалъ училища Симбирской губерніи), почетнымъ мировымъ судьею по Карсунскому уѣзду и гласнымъ Симбирскаго губернскаго собранія отъ того-же уѣзда и въ 1875 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. — Ознобишинъ много путешествовалъ по Россіи и заграницей (Англія, Франція, Италія, Швейцарія, Греція и Турція), иногда пріѣзжалъ въ Москву и Петербургъ, но большую часть своей жизни провелъ въ своемъ имѣніи с. Троицкомъ, Карсунскаго уѣзда. Поѣхавъ лѣчиться Кавказ-

скими минеральными водами, Ознобишинъ умеръ въ Кисловодскѣ 2-го августа 1877 г.

Человѣкъ широкаго образованія, основательно знавшій, кромѣ французскаго, нѣмецкаго, шведскаго, англійскаго и итальянскаго, языки латинскій, греческій, персидскій и арабскій, Ознобишинъ искренно любилъ литературныя занятія и въ молодости съ увлеченіемъ принималъ живое участіе въ дѣятельности московскихъ литературныхъ кружковъ (Раичъ, Погодинъ, Максимовичъ, Н. М. Языковъ (см. посланіе его къ Ознобишину, 1825 г.), Д Веневитиновъ, бр. Кирѣевскіе, Боратынскій, Тютчевъ, Н. В. Путята, Шевыревъ, В. П. Титовъ, В. Ѳ. Одоевскій, А. Н. Муравьевъ, кн. П. А. Вяземскій, Н. Ф. Павловъ); онъ написалъ весьма значительное число стихотвореній, но изъ нихъ, однако, лишь небольшая, сравнительно, часть попала въ журналы и альманахи 1820—1870-хъ г., большинство же осталось въ рукописяхъ, находящихся нынѣ у его внука, Дм. Ив. Ознобишина. Въ стихотвореніяхъ Ознобишина замѣтно несомнѣнное поэтическое дарованіе; онъ легко пользовался стихотворною формою для выраженія своихъ чувствъ и мыслей. Большинство пьесъ Ознобишина—лирическаго характера, но есть также стихотворенія дидактическія, духовныя, обличительныя и сатирическія (напр., изданныя имъ, анонимно, «Шуточныя реляціи въ стихахъ о французско-прусской войнѣ 1870 и 1871 годовъ. Литературныя импровизаціи». Спб. 1875). Не перечисляя всѣхъ напечатанныхъ стихотвореній и статей Ознобишина, укажемъ лишь изданія, въ которыхъ онѣ находятся: «Вѣстникъ Европы» 1821 г., «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» 1823 г.; «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ», изд. 1824 г., т. 5.; «Сѣверные цвѣты» на 1826 г.; «Уранія» 1826 г.; «Невскій альманахъ» на 1827 г.; «Сѣверные цвѣты» на 1827 г.; «Московскій Вѣстникъ» 1827, 1829 и 1830 г.; «Сынъ Отечества» 1826, 1827, 1829 и 1830 г.; «Альбомъ сѣверныхъ музъ» 1828 г.; «Русскій зритель» 1828 г.; «Русская стихотворная христоматія» изд. В. Золотовымъ, М. 1829; «Галатея» 1829 и 1830 г.,; «Денница», 1830 г.; «Роза грацій» 1831 г.; «Венера» 1831 г.; «Сиротка» 1831 г.; «Евтерпа» 1831 г. (альманахи); «Телескопъ» 1831 и 1831 г.; «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1832 и 1834 г.; «Молва» 1832—1834 гг.; «Весенніе цвѣты» 1835 г.; «Московскій Наблюдатель» 1835, 1836 и 1837 г.; «Современникъ» 1839 и 1847 г. «Отечественныя Записки» 1839—1842 г.; «Галатея 1839—1840 г.; «Москвитянинъ» 1841, 184[illegible] 1846, 1854 и 1855 г.; «Утреняя заря 1843 г.; «Сынъ Отечества» 1850, 1851 и 1852 г.; «Сѣверная Пчела» 1855 г. (№ 9[illegible] и 284) и 1856 (№ 4); «Сборникъ статей въ память Смирдина», Спб. 1858 г.; «Русская Бесѣда» 1859 г., т. III (ошибочно приписанное Пушкину стихотвореніе Ознобишина «Страдалецъ произвольной муки»); «Литературная Библіотека 1867 г.; «Русскій» 1867 г. (о Д. В. Веневитиновѣ); «Журн. Мин. Народнаг Просв.». 1868 г. (ч. 140: «Народныя училища въ Симб. г. Изъ доклада Симбирскому земству Д. П. Ознобишина); «Сборникъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Симбирской губерніи», изд. Симб. губ. статист. комитета, 1868 г.; «Симбирскій Сборникъ» 1870 г.; «Русск. Архивъ» 1877 г., кн. III, 1878, кн. III; «Русск. Старина» 1883, т. XXXIX, 1887, т. LV и 189[illegible] сент.: «Складчина 1870 г.; «Симбирскія» и «Смоленскія» Губернскія Вѣдомости; «Памятная книжка Смоленской губерніи» на 1856 и 1859 г.; «Нива» 1875 и 1877 г. и др.

Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія Ознобишина (кромѣ указанныхъ выше): «На прибытіе въ Москву тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I», М. 1825; «Сѣверная Лира на 1827 г. Посвящается любительницамъ и любителямъ отечественной словесности», М. 1827 г., издана вмѣстѣ съ С. Е. Раичемъ (здѣсь есть и пьесы самого О.), двѣ части предпринятаго К. Ѳ. Калайдовичемъ «Русскаго Зрителя» 1828 г.; «Селамъ, или языкъ цвѣтовъ», Спб. 1830 г.; «Гинекіонъ», Спб. 1830 г. (переводы изъ греческой антологіи, съ текстомъ en-regard); «Аксель. Повѣсть Исаіи Тегнéра», перев., Спб. 1861; «Руководство къ изученію Высочайше утвержденныхъ Е. И. Вел. 19 февраля 1861 г. положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», 2 ч., Спб. 1861 г.; «Стихи, произнесенные на столѣтнемъ юбилеѣ Росс. Историографа Н. М. Карамзина, въ Симбирскѣ, 1-го декабря 1866 г.»; «На память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ», Спб. 1870 г. (стихотв.); «Сизифъ и смерть. Милетская сказка», Спб. 1871 г. (въ стих.). Нѣкоторыя стихотворенія О. напечатаны въ

книгахъ Н. В. Гербеля «Русскіе поэты», «Англійскіе поэты» и въ «Біографіи Д. П. Ознобишина», С.-Пб. 1878 г. Кромѣ того, Ознобишинъ сообщилъ Д. А. Валуеву, для его «Симбирскаго Сборника» нѣкоторыя древнія рукописи, собиралъ матеріалы для областного словаря (Торопецк. у.), свадебныя пѣсни Псковской губерніи (которыя сообщилъ П. В. Кирѣевскому) и народныя пѣсни Симбирской губерніи. Переведенная имъ комедія «Семейныя тайны» была играна въ Петербургѣ, въ 1865 г.

Ознобишинъ былъ членомъ Московскаго (съ 18-го іюнѣ 1828 г.) и Казанскаго Обществъ любителей россійской словесности и (съ 1835 г.)—Датскаго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ (Det Kongelige Nordiske Oldskrift Selskab), а также членомъ (съ 14-го сентября 1876 г.) Дѣтскаго Пріюта Принца П. Г. Ольденбургскаго.

Бумаги Д. П. Ознобишина, полученныя составителемъ отъ Дм. Ив. Ознобишина; архивъ Департамента Герольдіи; „Біографія Д. П. Ознобишина", Спб. 1878; Н. В. Гербель, Русскіе поэты, Спб. 1888, стр. 292—295; некрологи: „Соврем. Извѣстія", „Голосъ" и „Новое Время" 1877 г.; „Всеобщ. календарь" на 1878 г., прил., стр. 24; Н. В. Сушковъ, Моск. унив Благор. Пансіонъ, М. 1848 г., стр. 85 и прил. стр. 76 и 77; А. А. Фуксъ, „Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары", Каз. 1834, стр. 15 и сл., 69, 75; С. П. Шевыревъ. Исторія Импер Моск. университета, М. 1855, стр. 463; Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. I, II, III, IV, VII, VIII и X; „Русск. Стар." 1883, т. XXXVIII, стр. 235; т. XXXIX, стр. 43, 44, 62—61. и 629 (въ письмѣ В. В. Кирѣевскаго); 1895, сент., стр. 216—217; «Русск. Архивъ» 1867, 1868, 1870 (о пожертвованіи О. Импер. Академіи Художествъ мраморной статуи Екатерины II), 1874, II, 1882, III; И. Г. Безгинъ, Симбирская губ. гимназія, С.-Пб. 1888, стр. 86—87, 233, 244, 331; А. И. Вольфъ, Хроника Петербургскихъ театровъ; П. А. Скачковъ: Краткій Историческій очеркъ Дѣтскаго Пріюта Принца Ольденбургскаго, Спб. 1883, стр. 138, приложенія. *Б. Модзалевскій.*

Ознобишинъ, *Илья Ивановичъ*, — Тамбовскій вицегубернаторъ; родился въ 1757 году. 19 августа 1769 г. былъ опредѣленъ въ кадеты морского кадетскаго корпуса, въ 1774 г. произведенъ въ гардемарины и съ того времени по 1798 г. находился въ походахъ: на разныхъ корабляхъ принялъ участіе въ 19 морскихъ кампаніяхъ и во многихъ сраженіяхъ противъ турецкаго флота. Въ 1798 г. Ознобишинъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ оберъ-форштмейстеромъ въ Воронежскую губернію. 16 ноября 1804 повелѣно ему быть тамбовскимъ вицегубернаторомъ; 12 дек. 1807 г. Ознобишинъ былъ произведенъ въ дѣйст. ст. совѣтники.

Сенатскій архивъ; „Русск. архивъ" 1869. стр. 1013. *Н. Мурзановъ.*

Ознобишинъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*. Упоминается съ 1638 года, когда будучи еще въ спискѣ жильцовъ ѣздилъ въ Валуйки съ княземъ В. П. Ахамашуковымъ-Черкасскимъ для «посольскія размѣны»; въ 1641 году Ознобишинъ былъ посланъ въ Веневъ, Крапивну и Одоевъ съ наказами таможнимъ воеводамъ; въ 1658 году мы находимъ его въ Москвѣ, при Дворѣ, гдѣ онъ участвуетъ въ чинѣ пріема грузинскаго царевича Тельмураза. Въ 1670 и 1671 годахъ Ознобишинъ былъ воеводой въ Коротоякѣ и здѣсь, когда водъ Коротоякъ подступили разинцы, отбивался отъ нихъ и съ трудомъ былъ освобожденъ изъ осады княземъ Г. Г. Ромодановскимъ. Въ 1672 году Ознобишинъ былъ воеводой въ Острогожскѣ, потомъ въ 1677 г. въ Саратовѣ. Въ 1682 году, во время стрѣлецкаго бунта, мы находимъ Ознобишина стрѣлецкимъ полковникомъ. Впрочемъ, онъ, повидимому, не принималъ участія въ звѣрствахъ стрѣльцовъ, удалился вмѣстѣ съ царями въ Троице-Сергіевскій монастырь и былъ оттуда посланъ къ стрѣльцамъ съ приказомъ смириться. Послѣ этого, извѣстія объ Ознобишинѣ прекращаются и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Акты археогр. экспедиціи IV, 378; Дополн. къ актамъ историч. VI, 60, X, 207; Русская историч. библіотека X, 128, 286; Барсуковъ: „Списки городовыхъ воеводъ", 533; Воронежскіе акты I, 29. *Е. Лихачъ.*

Ознобишинъ, *Николай Ильичъ*, д. ст. совѣтникъ, полтавскій гражданскій губернаторъ. Родился въ 1798 году. Въ 1816 г. Ознобишинъ началъ свою службу въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, въ которомъ прослужилъ около 20-ти лѣтъ и въ составѣ котораго совершилъ турецкую кампанію 1828—1829 г. За отличія, выказанныя въ дѣлахъ противъ турокъ въ этой кампаніи, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени и св. Владиміра 4-й степени. 6-го декабря 1834 года Ознобишинъ былъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, но въ этомъ полку оставался недолго, такъ какъ получилъ въ командованіе Рязанскій, а потомъ Казанскій пѣхотный полкъ. Въ 1838 г. оставилъ военную службу и опредѣлился въ министерство финансовъ, съ

переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Въ 1844 г., уже въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника, Ознобишинъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и ему поручено было обревизовать всѣ учрежденія того вѣдомства въ Пензенской губерніи. 8 марта 1845 года Ознобишинъ былъ назначенъ полтавскимъ гражданскимъ губернаторомъ и въ этой должности оставался до самой смерти, послѣдовавшей 13-го августа 1853 г. въ г. Переяславлѣ Полтавской губерніи отъ холеры.

„Русск. Стар.", т. 52 и 54; „Краткая исторія л.-гвардіи Финляндскаго полка", ч. 2-я. „Полтавскія Губернскія Вѣдомости" 1853 г; № 33. стр. 257—258, „Сѣв. Пчела" 1853, № 211.

Окель, *Петръ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, писатель, род. 4 (15) мая 1780 г., въ Курляндіи. Образованіе Окель получилъ въ Кенигсбергѣ, С.-Петербургской медико-хирургической академіи, затѣмъ въ (1798—1801), Галле, Іенѣ и Вѣнѣ. Въ 1806 г. онъ получилъ дипломъ доктора медицины отъ Кенигсберскаго университета за диссертацію: De tumoribus in cornea et Sclerotica prominentibus, а въ 1810 г. докторскій дипломъ и отъ С.-Пб. медико-хирургической академіи. Затѣмъ О. былъ акушеромъ и медицинскимъ инспекторомъ Курляндской врачебной управы въ Митавѣ. а съ февраля 1825 г. снова врачемъ въ Петербургѣ, сначала практикующимъ, а потомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ Окель 18 марта 1858 г. въ Петербургѣ.

„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte", 4-er Baud., Leipzig. 1886, pug. 401; Recke und K. Napiersky: „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland", 3-er Band, Mitau. 1831, s. 338—339; Nachträge und Fortsetzungen. 2-er Band. Mitau 1861, s. 81; „Русскій архивъ" 1869 г., стр. 1044.

И. Давидовичъ.

Окель, *Федоръ Петровичъ*, почетный гофъ-медикъ, докторъ медицины, писатель, сынъ предыдущаго; род. 1-го мая 1811 г. въ Митавѣ. ум. 28-го іюня 1879 г., въ собственномъ имѣніи близъ Лигово. Окель получилъ образованіе въ Дерптскомъ Университетѣ (съ 1832-го по 1836-й гг.), а ученой степени удостоенъ С.-Петербургской медико-хирургической академіей, послѣ чего состоялъ врачемъ въ Калинкинской больницѣ и Петербургской тюрьмѣ, былъ ординаторомъ 2-го военнаго госпиталя, а съ 1850 г. директоромъ и консультантомъ по ушнымъ болѣзнямъ въ Максимиліановской лечебницѣ. Съ 1850-х годовъ Окель принималъ участіе въ трудахъ Общества посѣщенія бѣдныхъ своими консультаціями при лечебницѣ и пользованіемъ бѣдныхъ въ заведеніяхъ этого Общества и на домахъ. — Окелю принадлежитъ нѣсколько журнальныхъ статей по его спеціальности-отологіи, помѣщенныхъ большею частію въ «St.-Petersb. Med Leitoschrift».

„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte", 4-er Band. Leipzig, 1886, 401—402; A. Hasselblatt und L. Otto: „Album Academicum der Kaiserliehen Universit St.-Petersb. med. Wochenschr. 1879, стр. 2.. Dorpat", Dorpat 1889; 219; „Русскій Архивъ", 1869 г., стр. 1046. *И. Давидовичъ.*

Окель, *Эрнестъ Фридрихъ*, докторъ богословія, Курляндскій пасторъ, писатель. Род. 16-го ноября 1742 г., въ Менгерингхаузѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ и директоромъ мѣстной школы; ум. 22-го марта 1816 г., въ Митавѣ. Высшее образованіе Окель получилъ въ Галле, Іенѣ и Геттингенѣ, откуда въ 1762 г. возвратился въ отечество. Здѣсь онъ занялся частной педагогической дѣятельностью, пока въ 1773 г. не былъ назначенъ пасторомъ въ въ Нерфтѣ; въ 1775 г. — въ Затенѣ, въ 1780 г. — пробстомъ въ Кандаускомъ діоцезѣ. а въ 1785 г. былъ повышенъ пасторомъ въ Митаву и Курляндскимъ суперинтендентомъ. 1792 г. онъ получилъ дипломъ доктора богословія отъ Грейфсвальдскаго Университета, и съ 1806 г. состоялъ членомъ Митавской консисторіи. Ему принадлежитъ масса небольшихъ по размѣрамъ работъ по богословскимъ и религіозно-нравственнымъ вопросамъ, а также рѣчей и проповѣдей. Подробный перечень напечатанныхъ имъ сочиненій приведенъ въ Словарѣ Recke Napiersky'aго.

Recke und Napiersky: Allgemeines Schriftsteller-und Selehrxen Lexicon der Provinsen Livland, Esthland und Kurland, 3-er Band Mitau. 1831, S. 335—338; Nachträge nud Fortsetzungeu, 2-er Band, Mitau. 1861, S. 81.

И. Давидовичъ.

Окинъ (по другой фамиліи —Красноцѣвковъ), *Митрофанъ Ивановичъ*, протоіерей Морскаго Богоявленскаго Николаевскаго собора въ Петербургѣ, сынъ псаломщика (впослѣдствіи священникъ), род. 28-го іюня 1742 г., въ селѣ Тюшиловѣ, Каширскаго уѣзда, Коломенской губ.; ум. 15-го августа 1805 г., въ Петербургѣ. Окинъ получилъ образованіе въ С.-Петербургской духовной семинаріи, по окон-

чанія которой (въ 1764 г.), былъ рукоположенъ въ діаконы къ церкви св. Троицы на Большой Охтѣ, откуда былъ переведенъ сначала въ Новодѣвичій Воскресенскій монастырь, а затѣмъ—въ сентябрѣ 1766 г.—въ Петропавловскій соборъ, гдѣ 22-го декабря того же года былъ возведенъ въ протодіаконы; въ 1770 г. рукоположенъ въ священники въ Морской соборъ, и черезъ 10 лѣтъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея.

„Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи", Изданіе СПБ. епархіальнаго историко-статистическаго Комитета, вып. 2, Спб. 1871 г., стр. 250—251.— Надгробная надпись на могилѣ Окина на Волковомъ кладбищѣ. *И. Ефимовичъ.*

Оклобжіо, *Иванъ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 4-ой пѣхотной дивизіи, командовавшій войсками въ при-Ріонскомъ краѣ. Родился въ 1821 году. Отданный въ лицей въ Зарѣ онъ воспитывался тамъ по философскому факультету, потомъ поступилъ въ Падуанскій Университетъ на юридическій факультетъ. Окончивъ университетъ, Оклобжіо рѣшилъ посвятить себя военной службѣ. Начавъ послѣднюю въ австрійскихъ войскахъ, онъ однако скоро пожелалъ перейти на русскую службу и съ этою цѣлью подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Просьба его была уважена, и Высочайшимъ Указомъ 14-го декабря 1846 года онъ былъ опредѣленъ подпоручикомъ въ Егерскій генералъ-адъютанта кн. Воронцова полкъ. Тотчасъ по прибытіи къ мѣсту служенія, онъ принялъ участіе въ дѣлахъ противъ чеченцевъ и въ мартѣ 1847 года за выказанныя отличія и храбрость былъ произведенъ въ поручики. Военныя отличія быстро двигали Оклобжіо по ступенямъ службы. Четыре года спустя, въ 1851 году, онъ былъ уже произведенъ въ маіоры, а въ слѣдующемъ году въ подполковники и въ томъ же году за геройскіе подвиги былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-ой ст. Находясь при началѣ Восточной кампаніи 1853—1856 гг. въ составѣ войскъ, расположенныхъ на кавказско-турецкой границѣ, онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ этой кампаніи. За отличія, выказанныя въ баядурскомъ сраженіи, Оклобжіо былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Вслѣдъ затѣмъ Оклобжіо былъ назначенъ въ распоряженіе командующаго Дунайскою арміей кн. Горчакова. Прибывъ къ мѣсту новаго своего служенія, онъ принялъ дѣятельное участіе въ осадѣ Силистріи. 25-го февраля 1855 года Оклобжіо былъ назначенъ командиромъ Смоленскаго резервнаго полка. Получивъ за боевыя отличія, выказанныя въ Севастополѣ, орденъ св. Анны 2-ой степени съ мечами и императорскою короною, онъ, при переходѣ войскъ съ Южной на Сѣверную сторону, былъ назначенъ командующимъ 1-ою бригадою 7-ой резервной дивизіи и начальникомъ авангарднаго отряда войскъ, расположенныхъ по рр. Бельбекъ и Качъ. Въ ноябрѣ 1856 года Оклобжіо былъ назначенъ командиромъ Камчатскаго Егерскаго (теперь 44 пѣхотный) полка, три года спустя получилъ въ командованіе Бѣлостокскій пѣхотный полкъ, а въ февралѣ 1860 года былъ назначенъ инспекторомъ линейныхъ баталіоновъ въ Закавказскомъ краѣ. Произведенный въ 1862 году въ генералъ-маіоры, онъ въ слѣдующемъ году исполнялъ нѣкоторое время обязанности начальника войскъ въ Алазанской долинѣ, затѣмъ былъ военнымъ начальникомъ верхняго Дагестана и наконецъ 6-го августа 1863 года былъ назначенъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ Закавказскаго края и Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Эту должность онъ исполнялъ до 1874 года, причемъ, за свои заслуги по управленію этимъ краемъ, былъ произведенъ 30-го августа 1870 года въ генералъ-лейтенанты и, между прочимъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой ст. съ мечами. Въ сентябрѣ 1874 г. Оклобжіо былъ назначенъ начальникомъ 41-й пѣхотной дивизіи и вскорѣ послѣ того былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. съ императорскою короною. Вскорѣ послѣ того начались приготовленія къ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Оклобжіо въ октябрѣ 1876 года былъ назначенъ начальникомъ войскъ Кутаисской губерніи, а два мѣсяца спустя командующимъ войсками при-Ріонскаго края. Здѣсь положеніе его было очень трудное, такъ какъ, помимо войны съ турками, нужно было еще слѣдить и за мѣстнымъ населеніемъ, которое, подъ вліяніемъ магометанскихъ проповѣдниковъ, готово было перейти при первомъ удобномъ случаѣ на сторону Турціи. Однако тридцатилѣтняя служба на Кавказѣ дала Оклобжіо такой большой запасъ опытности и умѣнья обращаться съ туземцами, что

онъ безъ большого труда не только удержалъ населеніе въ повиновеніи, но и побудилъ его выставить довольно значительную милицію, для защиты границъ въ случаѣ нападенія турокъ. Вскорѣ Оклобжіо пришлось открыть и военныя дѣйствія противъ турокъ, у которыхъ ему удалось отнять нѣсколько важныхъ пунктовъ. По окончаніи кампаніи Оклобжіо по прежнему остался командующимъ войсками въ При-Ріонскомъ краѣ. Его полезная дѣятельность на этомъ поприщѣ была награждена между прочимъ орденомъ Бѣлаго Орла. И. Д. Оклобжіо скончался въ Тифлисѣ 9-го декабря 1880 года, на 60 году отъ рожденія.

„Русскій Инвалидъ" 1880 г. № 283; „Кавказъ" 1880 г., „Московскія Вѣдомости" 1880 г. № 352; „Русскій Календарь" на 1882 г. стр. 265. *Е. Ястребцевъ.*

Окольничій, *Николай Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, военный губернаторъ и командующій войсками Акмолинской области и Наказный атаманъ 1-го и 2-го отдѣловъ Сибирскаго казачьяго войска. Родился 8-го сентября 1827 года и происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Отданный въ 1-ый Московскій кадетскій корпусъ, Окольничій по окончаніи его, въ 1845 г. былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ легкую № 3 батарею 3-ей гвардейской и гренадерской бригады, а вслѣдъ затѣмъ переведенъ на службу въ 6-ой пѣхотный корпусъ, въ которомъ прослужилъ около двухъ лѣтъ и въ сентябрѣ 1847 года опять перешелъ на службу въ артиллерію съ назначеніемъ въ легкую № 3 батарею 3-ей гвардейской артиллерійской бригады. Въ 1850 г. онъ поступилъ въ Императорскую Военную Академію, по окончаніи которой былъ отправленъ въ штабъ Е. И. Высочества главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами, для поступленія въ образцовыя войска, а 2-го декабря того же года зачисленъ по Генеральному Штабу. Вскорѣ онъ перевелся на службу въ Кавказскую армію, въ составѣ которой принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. Назначенный 29-го іюля 1858 года старшимъ адъютантомъ въ штабъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, Окольничій, два года спустя, за отличія, выказанныя въ дѣлахъ противъ горцевъ, былъ произведенъ въ капитаны, а въ слѣдующемъ 1858 году 12-го іюля былъ назначенъ для особыхъ порученій въ штабъ войскъ Прикаспійскаго края. Въ 1859 г. произведенный въ подполковники Окольничій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ Прикаспійскаго края, а въ томъ же году, за отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ, ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2-ой степени съ мечами. Чинъ полковника, данный ему 3-го марта 1860 года, вскорѣ послѣ чего Окольничій былъ назначенъ управляющимъ канцеляріею по управленію кавказскихъ горцами. Въ этой должности онъ по прежнему продолжалъ принимать участіе въ разныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и за выказанныя отличія былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Назначенный 30-го августа 1863 года командиромъ Кременчугскаго полка, Окольничій этимъ полкомъ командовалъ впрочемъ недолго, такъ какъ въ томъ же году былъ переведенъ въ Петербургъ и назначенъ состоять при департаментѣ Генеральнаго Штаба, а въ началѣ слѣдующаго года былъ назначенъ въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба для особыхъ порученій. Въ этой должности онъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ учебныхъ и ученыхъ коммисіяхъ, но уже въ слѣдующемъ 1865 году былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Московскаго военнаго округа, а 27-го марта 1866 года произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками области Сибирскихъ киргизовъ, въ каковой должности оставался до 2-го января 1869 года. Назначенный въ 1869 году военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Акмолинской области и наказнымъ атаманомъ 1-го и 2-го отдѣловъ Сибирскаго казачьяго войска, Окольничій въ этой должности оставался до самой своей смерти, т. е. до 5 дек. 1871 года

Заслуги Окольничаго не исчерпываются только военной и административной областями: послѣ него осталось нѣсколько цѣнныхъ работъ по исторіи Кавказа. Изъ нихъ укажемъ на «Описаніе Кутаисскаго края» («Русскій Вѣстникъ» 1857 г. №№ 4 и 5), «Перечень военныхъ событій въ Дагестанѣ» («Военный Сборникъ» 1859 г. №№ 1, 2, 3, 4 и 5) и на «Исторію Кавказа», оставшуюся, впрочемъ, неоконченною. Н. А. Окольничій скончался въ Омскѣ 4-го декабря 1871 года.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Дѣл

1872 года; 6-го отдѣленія, 3-го стола, № 14; „Сынъ Отеч." 1871 г. № 287; „Московскія Вѣдомости" 1872 г. № 23.

Е. Ястребцевъ.

Окулова, *Анна Алексѣевна*, камеръ-фрейлина Высочайшаго Двора, по происхожденію своему принадлежала къ старинной дворянской фамиліи. Она родилась 3-го сентября 1794-го года и была дочерью Алексѣя Матвѣевича и Прасковіи Семеновны Окуловыхъ. Ея родители—коренные москвичи—были въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшимъ московскимъ обществомъ; въ домѣ ихъ часто бывалъ князь П. А. Вяземскій, воспѣвшій въ своихъ стихахъ жену и одну изъ дочерей Окулова. А. А. Окулова получила воспитаніе въ Смольномъ Институтѣ въ Петербургѣ. Далеко уже не въ молодомъ возрастѣ, 6-го декабря 1836-го года, она была опредѣлена фрейлиной и воспитательницей къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Женщина недюжиннаго ума съ французскимъ воспитаніемъ, но съ чисто русской душой, Окулова на первыхъ же порахъ заявила себя при Дворѣ ярой поборницей всего національнаго, русскаго и своей Августѣйшей питомицѣ старалась внушить любовь ко всему родному. Эту черту въ характерѣ Окуловой очень мѣтко охарактеризовалъ П. А. Плетневъ въ письмѣ къ Я. К. Гроту въ 1841-мъ году: «Окулова — писалъ онъ—старая русская барышня, да еще и московка. Слѣдовательно, она защищаетъ на французскомъ діалектѣ все русское, особенно языкъ, на которомъ не можетъ сказать фразы безъ грамматической ошибки». Почти никогда не разставаясь съ великой княжной Окулова ѣздила съ ней нѣсколько разъ заграницу неусыпно наблюдая за развитіемъ и образованіемъ своей питомицы. Окулова дружила съ учителями, преимущественно профессорами, дававшими уроки великой княжнѣ,—Плетневымъ, Шевыревымъ, а также и съ поэтами Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ. Въ 1845-мъ году Анна Алексѣевна сопровождала великую княжну Ольгу Николаевну заграницу въ Геную, а затѣмъ въ Палермо. Закончивъ дѣло воспитанія великой княжны, Окулова осталась при Дворѣ въ качествѣ фрейлины Государыни. 26-го августа 1856-го года Окулова была пожалована въ камеръ-фрейлины. Живя на покоѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, она не переставала интересоваться всѣмъ окружающимъ и писала записки. Назначительная часть ихъ напечатана въ «Русскомъ Архивѣ»; записки эти болѣе касаются ея воспитанницы и тогдашней придворной жизни, чѣмъ самой Окуловой, которая была вполнѣ поглощена порученнымъ ей дѣломъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и ея мемуары. Окулова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Она скончалась 13 го февраля 1861 г. и была погребена на кладбищѣ Донскаго монастыря въ Москвѣ.

Мѣсяцесловъ 1862-ой годъ, стр. 138. — „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ" Томъ II стр, 523; „Переписка Я К. Грота съ П. А. Плетневымъ, СПБ. 1896 г. Томъ I и II; „Русскій Архивъ" 1882 г. Т. V стр. 74; 1887 г. Т. II, стр. 333; 1889 г. Т. I, стр. 45, 459; 1896 г. стр. 607—613; 1900 г. Т. I, стр. 207; 1901 г. Т. I стр. 312, 520, 521; „Русская Старина" 1871 г. Т. III сстр. 465; 1880 г. Т. XXIX стр. 211; 1890 г. Т. LXVI стр. 647; 1901 г. Т. CVIII Октябрь стр. 87; Ноябрь стр. 287; 1902 г. Т. CXII. Октябрь стр. 203.

Б. Алексѣевскій.

Окуловъ, *Алексѣй Матвѣевичъ*, дѣйствит. ст. совѣтникъ, сынъ премьеръ-маіора и дворянскаго депутата Богородскаго округа Матвѣя Герасимовича Окулова. По окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ Окуловъ поступилъ, по обычаю того времени, въ военную службу въ Преображенскій полкъ. Дослужившись до генералъ-маіорскаго чина, Окуловъ перешелъ на гражданскую службу, и, переименованный въ дѣйствит. ст. совѣтники, былъ назначенъ Олонецкимъ, а въ 1804 году Херсонскимъ губернаторомъ. Выйдя въ отставку, онъ переселился въ Москву, гдѣ прожилъ еще довольно долго.—Алексѣй Матвѣевичъ Окуловъ былъ причастенъ къ литературѣ. Ему принадлежатъ: разсужденіе «О свойствѣ и силѣ воздуха» (Москва 1783 г.). Онъ скончался въ Москвѣ 16-го декабря 1821 г. почти совершенно неожиданно.

„Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ", Томъ II стр. 233, 523.—„Русскій Архивъ" 1901 г. Т. I, стр. 92, 308, 310, 312; Т. III, стр. 284; „Исторія Моск. Университета", стр. 251, 252, 267, 580.

Б. Алексѣевскій.

Окуловъ, *Григорій*,—учитель С.-Петербургской Духовной Семинаріи, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ Александро-Невской Академіи опредѣлился на службу въ С.-Петербургскую Палату Гражданскаго Суда, откуда въ октябрѣ 1828 г. перешелъ на службу въ С.-Петербургскую Духовную Семинарію учителемъ финскаго языка;

кромѣ того, съ апрѣля слѣдующаго года, по порученію Ком. дух. учил., занимался корректурой, а затѣмъ и переводомъ издаваемыхъ на финскомъ языкѣ книгъ духовнаго содержанія; въ 1833 г. ѣздилъ для усовершенствованія въ финской филологіи въ Гельсингфорскій университетъ и вскорѣ издалъ финскую азбуку, а затѣмъ и грамматику. Въ 1837 г. былъ признанъ начальствомъ «неблагонадежнымъ по болѣзненнымъ припадкамъ и неисправности по классу» и уволенъ отъ службы.—Окуловъ писалъ и прозой, и стихами. Въ 1813 г. издалъ «Встрѣча Суворова съ Кутузовымъ или вѣсти, принесенныя въ царство мертвыхъ кн. Смоленскимъ» (2-е изд. 1814 г.); въ 1817 г. вышло отдѣльной брошюрой его «Разсмотрѣніе разсужденія изданнаго г. Измайловымъ въ журналѣ Сынъ Отечества о баснѣ и самыхъ его басенъ», это «разсмотрѣніе», въ которомъ авторъ подвергъ строгой критикѣ произведенія извѣстнаго въ то время баснописца, вызвало въ тогдашней нашей журналистикѣ не мало толковъ за и противъ; въ 1836 г. Окуловъ издалъ «Грамматику финскаго языка, сочиненную для преподаванія въ Спб. Дух. Семинаріи». Стихотворные опыты Окулова не заслуживаютъ серьезнаго вниманія; Окуловъ былъ посредственный стихотворецъ-одописецъ, находившійся подъ покровительствомъ извѣстнаго метромана гр. Д. И. Хвостова. Окулову принадлежитъ: «Посланіе гр. Д. И. Хвостову» (1812 г.); «На бракъ моего благотворителя С. И. Голенищева-Кутузова»; «Ироническая пѣснь на побѣды, одержанныя надъ французами при Двинѣ»; «На побѣды, одержанныя надъ французами гр. Витгенштейномъ»; «Ода на взятіе Парижа» (1814 г.); «Чувства русскаго въ день священнаго коронованія Государя Императора Николая Павловича» (1826 г.).

А. Надеждинъ: „Исторія Спб. Православной Духовной Семинаріи“, Спб. 1885, „Сборникъ отдѣл. русск. яз. и словесн. Императ. Академіи Наукъ“, т. V, вып. I; „Сынъ Отеч.“ 1817, № IX; „Украинск. Вѣстн.“ 1817, ч. VIII; „Благонамѣренный“, 1823, ч. 24.

Ив. Андреевъ.

Окуловъ, *Матвѣй Алексѣевичъ*, дѣйствит. ст. совѣтникъ, директоръ училищъ Московской губ., камергеръ. Родился въ 1792 г.; по окончаніи Пажескаго корпуса (въ 1812), въ чинѣ прапорщика былъ назначенъ въ лейбъ-гвардію артиллерійскую бригаду и вскорѣ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, причемъ побывалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ: при Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Шампенуазѣ и др. Въ 1820 г., въ чинѣ поручика, былъ назначенъ адъютантомъ къ военному министру; въ 1824 г. командовалъ Арзамасскимъ егерскимъ полкомъ, въ 1929 г. вышелъ въ отставку и въ слѣдующемъ же году былъ назначенъ директоромъ училищъ Московской губ.; состоя на этой должности Окуловъ умеръ 3 іюля 1853 г., въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника и погребенъ въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Архивъ Минист. Народн. Просвѣщенія; Фрейманъ: Пажи за 185 лѣтъ; Н. П. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“.

Ив. Андреевъ.

Окуневъ, *Андрей Ивановичъ*, протоіерей Исаакіевскаго собора, род. 7-го августа 1794 г. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи, въ 1817 г., со степенью магистра, О. въ томъ же году, 18-го іюля былъ баккалавромъ С.-Петербургской же академіи. Служа здѣсь, онъ преподавалъ ученіе о св. писаніи; былъ членомъ съ 1841 по 1851 гг. конференціи академіи, съ 1842 по 1851 гг. членомъ комитетовъ: для духовныхъ книгъ, въ 1825 г. для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ, въ 1850 г. для разсмотрѣнія программъ логики, психологіи и богословскаго курса, предположенныхъ къ преподаванію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; по окончательному составленію полнаго историко-статистическаго описанія церквей Петербургской епархіи; былъ ректоромъ сперва Александровскаго потомъ Петропавловскаго духовныхъ училищъ; исполнялъ и другія ученыя порученія, не разъ производилъ ревизію духовныхъ заведеній и вообще былъ однимъ изъ ревностныхъ дѣятелей по учебному С.-Петербургскому вѣдомству.

Въ 1819 г. Окуневъ былъ посвященъ въ священники и въ этомъ санѣ по 1829 г. состоялъ законоучителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Дворянскомъ полку, Кавалерійскомъ эскадронѣ и Пажескомъ корпусѣ (съ 19 января 1826 г. по 1 іюля 1829 г.). Въ 1829 г. онъ былъ переведенъ къ Скорбященской церкви, въ 1837 г. къ Смоленско-кладбищенской, въ 1839 г. къ Казанскому собору, гдѣ былъ ключаремъ. Состоя при Казанскомъ со-

борѣ, Окуневъ былъ избранъ членомъ консисторіи, произведенъ въ протоіереи и временно исполнялъ должность настоятеля. Въ 1848 г. Окуневъ былъ перемѣщенъ настоятелемъ къ Спасосѣнновской церкви, въ 1853 г. назначенъ благочиннымъ. Въ слѣдующемъ году О. былъ перемѣщенъ настоятелемъ и благочиннымъ къ Воскресенскому всѣхъ учебныхъ заведеній собору; въ 1857 г. опредѣленъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Петропавловскій соборъ и назначенъ старшимъ членомъ С.-Петербургскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, въ томъ же году состоялъ въ коммиссіи по устроенію Исаакіевскаго собора, а въ 1858 г., при его открытіи, былъ переведенъ въ него настоятелемъ. Окуневъ умеръ 22 дек. 1860 г. въ Петербургѣ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи", (Изданіе Спб. епархіальнаго историко-статистическаго комитета), вып. I, Спб. 1866 г., стр. 51 — 52, вып. 5, Спб. 1876 г., стр. 284 — 285; Г. Геннади: „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ къ 1860 г." („Русскій архивъ", 1864 г., ст. 1077); Филаретъ, митр. Московск.: „Собраніе мнѣній и отзывы по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ", т. I, Спб. 1885, стр. 78, 366. т. II, Спб. 1885, стр. 219 и примѣч. 4; И. Чистовичъ: „Исторія Спб. духовной академіи" Спб. 1857 г., стр. 340, 376, 393, 408, 412, 419, 421, 428 и 442; А. Левшинъ: „Пажескій Е. И. В. корпусъ за 100 лѣтъ", т. II, Спб. 1902 годъ, стр. 428; „Русская Старина" т. VIII. стр. 199, т. XXVI, стр. 120, т. CV, мартъ, 541, т. CVII, авг., стр. 257; „Русскій архивъ" 1864, стр. 1077: 1896. I, стр. 538, 547, 553.

И. Ефимовичъ

Окуневъ, *Гавріилъ Аѳанасьевичъ*, — оберъ-сарваеръ флота генералъ-маіорскаго ранга, изъ корабельныхъ мастеровъ Петра Великаго. Родился въ 1699 года и въ 1715 году былъ принятъ на службу корабельнымъ ученикомъ. Спустя девять лѣтъ, Петръ Великій послалъ его во Францію для усовершенствованія въ дѣлѣ кораблестроенія. Вернувшись въ Россію въ 1731 году, Окуневъ въ сентябрѣ того-же года получилъ предложеніе отъ Адмиралтействъ-коллегіи построить на пробу, по французской системѣ, вмѣстѣ съ И. С. Рамбургомъ, 32-хъ пушечный фрегатъ названный впослѣдствіи «Митау», за успѣшное окончаніе котораго Окуневъ получилъ въ 1733 г. 300 рублей награды. Въ концѣ того же года ему поручено было устроить уже одному самостоятельно 54-хъ пушечный корабль «Астрахань». Между тѣмъ, по испытаніи морскихъ качествъ фрегата «Митау», которыя, по отзыву экспертовъ, «не могли сдѣлать оскорбленія этому фрегату предъ другими», Окуневъ 23-го іюня 1735 года былъ признанъ «дѣйствительнымъ корабельнымъ мастеромъ» маіорскаго ранга. По окончаніи постройки корабля «Астрахань» онъ занимался составленіемъ штата строенія кораблей по французскому способу. Вскорѣ Окуневъ былъ назначенъ совѣтникомъ Интендантской Экспедиціи, а въ 1741 году произведенъ въ полковники. Затѣмъ, по порученію Адмиралтействъ-коллегіи, вмѣстѣ съ другими корабельными мастерами — Щербатовымъ и Лимановъ, Окуневъ строилъ Кронштадтскій эллингъ. Спустя четыре года, въ мартѣ 1746 г. Окуневъ былъ назначенъ присутствующимъ въ экспедиціи надъ верфями и строеніями, а въ слѣдующемъ году 5-го сентября пожалованъ въ сарваеры флота. Въ томъ же году онъ началъ строить въ Петербургѣ 66-ти пушечный корабль «Александръ Невскій», оконченный въ 1749 году. Послѣ того, съ 1752 по 1754 годъ онъ строилъ тоже въ Петербургѣ 80-ти пушечный корабль «Св. Николай» и за успѣшное окончаніе этой работы былъ пожалованъ 13-го сентября 1754 года бригадирскимъ рангомъ. Послѣ этого, за старостью, онъ уже не занимался постройкой кораблей, однако еще почти въ теченіе семи семи лѣтъ засѣдалъ въ разныхъ коммиссіяхъ и экспедиціяхъ. 20-го февраля 1761 года онъ былъ «за старостью уволенъ въ домъ до указу», а въ августѣ 1763 года совсѣмъ былъ уволенъ въ отставку, съ пожалованіемъ въ генералъ-маіорскій рангъ. Въ отставкѣ онъ прожилъ еще около десяти лѣтъ и скончался въ 1781 году.

Сынъ его *Александръ Гавріиловичъ*, (род. въ 1730 г., ум. 9 февраля 1806 г.) былъ въ царствованіе Екатерины II-й и Павла I-го (до 1798 г.) архитекторомъ и смотрителемъ петергофскихъ дворцовъ и садовъ.

„Общій морской списокъ„, в. I, Спб. 1885 г. стр. 287—288; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота", т. VII, Спб· 1879 г.; т. IX, Спб. 1882 г.; т. X, Спб. 1883; П. Барановъ: „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Спб. Сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ", т. III, Спб. 1878 г. стр. 49 (8414) и 199 (9696).—Сантовъ: „Петербургскій некрополь", М. 1883, стр. 96.

Е. Ястребцевъ.

Окуневъ, *Гавріилъ Семеновичъ*, генералъ-маіоръ. Родился 11-го мар. 1785 г. Зачисленный пажемъ Е. И. В., онъ закончилъ свое образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1805 году былъ выпущенъ въ лейбъ гвардіи Семеновскій полкъ съ производствомъ въ прапорщики. Принявъ участіе въ первой войнѣ съ Наполеономъ, онъ, за оказанныя въ сраженіяхъ съ французами отличія, былъ произведенъ въ подпоручики. Произведенный въ 1811 году въ штабсъ-капитаны, Окуневъ въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ Отечественной войнѣ, и по изгнаніи французовъ изъ Россіи, участвовалъ и въ походѣ русскихъ войскъ за границу, причемъ, за выказанныя въ дѣлахъ съ непріятелемъ отличія былъ произведенъ въ капитаны. По возвращеніи русскихъ войскъ изъ-за границы, онъ въ 1814 году былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, съ чиномъ подполковника. Съ того времени дальнѣйшее движеніе его по службѣ пошло очень медленно и 26 лѣтъ спустя, 4-го сентября 1840 года, будучи лишь въ чинѣ генералъ-маіора, онъ вышелъ въ отставку. Г. С. Окуневъ скончался въ Петербургѣ 22-го іюня 1843 года и былъ погребенъ на кладбищѣ Большой Охты.

Дѣло архива Капитула россійск. орденовъ. О. Р. фонъ-Фрейманъ: «Пажи за 185 лѣтъ», стр. 139. *Е. В.*

Окуневъ, *Григорій Николаевичъ*, — тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Шведско-Норвежскомъ Дворѣ; родился въ 1823 г. и былъ сыномъ генералъ-лейтенанта Николая Александровича Окунева. Получивъ образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ по окончаніи въ немъ курса (1844-мъ году) со степенью кандидата, поступилъ 25-го февраля 1846 г. на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1847 г. былъ откомандированъ по дѣламъ службы въ Канцелярію того же министерства. Въ 1849 году Окуневъ покинулъ Россію, будучи назначенъ младшимъ секретаремъ при Русскомъ посольствѣ въ Римѣ. Въ періодъ съ 1849 по 1856 г. Окуневъ неоднократно исправлялъ должность повѣреннаго при Римскомъ и Тосканскомъ дворѣ. Въ мартѣ 1856 года Окуневъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ русской миссіи въ Римѣ и въ томъ же году переведенъ на ту же должность въ Парижъ, гдѣ оставался при посольствѣ довольно долго и успѣлъ снискать себѣ прочныя симпатіи со стороны многихъ лицъ французскаго общества и крупныхъ политическихъ дѣятелей. Этихъ симпатій онъ не утратилъ и въ 1870 году, когда, занимая должность повѣреннаго въ дѣлахъ, находился, благодаря тогдашнимъ политическимъ событіямъ, въ очень щекотливомъ положеніи. Объ его дипломатической дѣятельности за это время много говорится въ письмахъ Герцога де Грамона и князя де ля Туръ д'Оверпь къ генералу Флери. Назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Шведско-Норвежскомъ дворѣ онъ много поработалъ тамъ, продолжая дѣло, начатое его предшественниками, стремившимися упрочить сердечныя отношенія двухъ сосѣднихъ государствъ на почвѣ ихъ обоюдныхъ интересовъ. Въ Швеціи онъ также пріобрѣлъ широкія симпатіи. На этой должности Окуневъ и скончался въ Стокгольмѣ 19-го декабря 1883 г.

Полный послужной списокъ. „Русская Старина" 1899 г. Т. XCII августъ. Стр. 4: „Новое время" 22-го декабря 1883 г.; „Journal de St.-Pétersbourg» 22 décembre. *В. Алексѣевскій.*

Окуневъ, *Михаилъ Михайловичъ*, генералъ-маіоръ корпуса корабельныхъ инженеровъ, членъ кораблестроительнаго морскаго техническаго отдѣленія; писатель. Родился въ 1810 году; 22-го января 1823 года поступилъ ученикомъ въ училище корабельной архитектуры. Два года спустя перевелся въ Учебный Морской рабочій экипажъ. Здѣсь пробылъ онъ три года и 30-го апрѣля 1830 года былъ произведенъ въ прапорщики Корпуса корабельныхъ инженеровъ и прикомандированъ къ Учебному Морскому рабочему экипажу. Произведенный въ офицеры, Окуневъ дѣятельно принялся за пополненіе своего спеціальнаго образованія и началъ изучать англійскій и нѣмецкій языки. Вскорѣ онъ перевелъ съ англійскаго: «Описаніе разныхъ предположеній по кораблестроенію, Блака», напечатанное отдѣльнымъ изданіемъ въ 1836 году. Въ томъ же году онъ напечаталъ и оригинальный свой трудъ: «Опытъ сочиненія чертежей военнымъ судамъ» (Спб. 1836 г.). Въ слѣдующемъ году Окуневъ напечаталъ въ «Запискахъ Морского Ученаго Коми-

тета» свою переводную статью: «Временные рули» и составилъ разрѣзную модель 84-хъ пушечнаго корабля для Е. И. В. генералъ-адмирала, за каковую модель пожалована была ему золотая табакерка. Произведенный «за отличіе» въ февралѣ 1834 года въ подпоручики, онъ черезъ четыре года былъ произведенъ въ поручики, а 30-го марта 1841 года въ штабсъ-капитаны. Въ это время онъ плавалъ на фрегатахъ «Паллада» и «Нева» по портамъ Финскаго залива и Балтійскаго моря. Окуневъ былъ отчисленъ отъ учебнаго морскаго рабочаго экипажа, и ему поручено было исправленіе транспортныхъ и ластовыхъ судовъ на Галерномъ островкѣ въ С.-Петербургѣ. 25-го октября 1842 года Окуневъ былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ строилъ пароходъ въ 10 силъ «Страшный», лоцъ-шхуну «Астралябія» и два судна для плавучихъ маяковъ. Въ 1844 году онъ былъ командированъ въ Англію, а по возвращеніи оттуда въ слѣдующемъ году, былъ командированъ на уральскіе заводы для указанія новаго способа выплавки якорей. Въ слѣдующемъ году, за успѣшное выполненіе всѣхъ возлагавшихся на него порученій, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, а еще черезъ годъ, 23-го марта 1847 года, былъ произведенъ въ капитаны. Съ 1849 года вновь начинается его дѣятельность по постройкѣ судовъ и въ теченіе двухъ лѣтъ имъ были выстроены при Николаевскомъ портѣ транспорты: «Прутъ», «Килія», «Арагва», «Рени» и пароходъ «Ординарецъ». Кромѣ того, при томъ же портѣ онъ первый завелъ желѣзное судостроеніе и построилъ желѣзный ботъ, а затѣмъ собралъ присланныя изъ Англіи баржу и землечерпательную машину. Причисленный въ 1851 году къ Главному Правленію компаніи нижегородской фабрики волжскаго пароходства, Окуневъ въ теченіе двухъ лѣтъ построилъ 8 желѣзныхъ и 4 деревянныхъ парохода для плаванія по р. Волгѣ, послѣ чего былъ зачисленъ въ Корпусъ корабельныхъ инженеровъ Балтійскаго моря. Въ 1854 году, по порученію генералъ-адмирала, Окуневъ осматривалъ порты Каспійскаго моря. Принимая дѣятельное участіе по устройству Каспійской флотиліи, онъ въ 1756 году заложилъ въ Астрахани желѣзный винтовой транспортъ «Калмыкъ», а въ слѣдующемъ году работалъ надъ устройствомъ плавучаго дока. Назначенный 4-го января 1858 года старшимъ корабельнымъ инженеромъ астраханскаго порта, Окуневъ въ теченіе двухъ лѣтъ построилъ рядъ пароходовъ и шхунъ, въ 1861 году былъ назначенъ состоять при петербургскомъ портѣ, а шесть мѣсяцевъ спустя былъ назначенъ старшимъ судостроителемъ при Кронштадтскомъ портѣ, гдѣ работалъ главнымъ образомъ по исправленію старыхъ судовъ. 30-го іюля 1862 года М. М. Окуневъ былъ уволенъ по прошенію въ отставку съ производствомъ въ полковники, но въ февралѣ 1868 года вновь поступилъ на службу и былъ опредѣленъ старшимъ судостроителемъ петербургскаго порта; въ слѣдующемъ же году былъ назначенъ членомъ кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета. Начавъ еще въ 1865 году свое сочиненіе: «Теорія и практика кораблестроенія», Окуневъ въ 1869 году поднесъ императору Александру II первыя три части этой работы (все сочиненіе въ 5-ти частяхъ было закончено въ 1873 году). Въ томъ же году онъ былъ командированъ въ Англію, для осмотра новѣйшихъ броненосныхъ судовъ. По возвращеніи изъ Англіи, въ 1871 году Окуневъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и въ теченіе слѣдующаго года былъ занятъ постройкой броненоснаго двухъ-башеннаго монитора «Крейсеръ», названнаго потомъ «Петръ Великій». Вскорѣ онъ былъ командированъ въ Англію, по возвращеніи откуда Окуневъ прожилъ недолго: 24-го февраля 1873 года онъ умеръ.

Кромѣ упомянутыхъ работъ, М. М. Окуневъ напечаталъ въ 1844 г.: «Краткое руководство теоріи кораблестроенія»; въ 1862 году «О желѣзномъ судостроеніи» Грентама (переводъ съ англійскаго) и въ 1867 году переводъ съ англійскаго соч. Рида: «О броненосныхъ судахъ». Сверхъ того, въ «Морскомъ Сборникѣ» были напечатаны слѣдующія его статьи: «О нижегородской машинной фабрикѣ», «О новѣйшихъ способахъ производства стали и желѣза», «О сбереженіи топлива на броненосныхъ судахъ», «Обзоръ послѣднихъ усовершенствованій по разнымъ отраслямъ морского искусства», «Замѣчаніе о желѣзной бронѣ», «Публичныя лекціи о корабельной архитектурѣ, читанныя

въ Кронштадтѣ въ февралѣ и мартѣ 1866 г.», «Обозрѣніе новѣйшихъ способовъ постройки желѣзныхъ судовъ», «О средствахъ для развитія русской морской торговли и торговаго мореплаванія», «О морскихъ паровыхъ машинахъ г. Дюпюи-ди-Лома» и др. Въ томъ же журналѣ Окуневъ напечаталъ рядъ своихъ переводныхъ статей и рецензій на многія иностранныя сочиненія по кораблестроенію.

„Общій морской списокъ" г. XI, Спб. 1899 г. стр. 90—95; „Иллюстрированная газета" 1873 г. № 9. „Русскій Архивъ", 1875 г. № 12, ст. Геннади; „Голосъ" 1873 г. № 56; „Кронштадтскій Вѣстникъ" 1873 г. № 26.

Е. Ястребцевъ.

Окуневъ, *Николай Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный писатель; родился въ 1788-мъ году и былъ сынъ Александра Гавриловича Окунева (см. выше). Началъ службу 21-го сентября 1803-го г. актуаріусомъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ январѣ 1810-го г. перешелъ въ военную службу портупей-юнкеромъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ. Произведенный постепенно въ поручики, Окуневъ въ 1812 г. принялъ участіе въ Отечественной войнѣ и въ цѣломъ рядѣ сраженій проявилъ большую храбрость и энергію. Онъ участвовалъ въ сраженіи при мѣстечкѣ Клястицахъ, при деревнѣ Пожарище на рѣкѣ Свольнѣ, при городѣ Полоцкѣ. Въ чинѣ штабъ-капитана командуя седьмой ротой, онъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, затѣмъ въ сраженіи при мѣстечкѣ Чашникахъ, въ схваткѣ подъ городомъ Борисовомъ. Въ началѣ 1813 г. Окуневъ перешелъ съ русскими войсками границу и, вступивъ въ Пруссію, участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля до города Берлина. Здѣсь вскорѣ онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ адъютанта къ Прусскому генералу отъ инфантеріи графу Тауенцину и, находясь при немъ, продолжалъ съ союзными войсками преслѣдованіе французовъ. Въ августѣ этого года онъ находился въ сраженіи при деревняхъ Юнгедорфъ и Блакенфельдъ, и въ сраженіи при деревнѣ Деневицы былъ раненъ пулею въ ногу. Рана, впрочемъ не помѣшала ему продолжать службу и 19-го сентября онъ уже находился въ сраженіи при деревнѣ Коздорфъ, гдѣ были разбиты три французскихъ конно-егерскихъ полка. Дѣятельное участіе принималъ Окуневъ во многихъ другихъ сраженіяхъ и въ битвѣ подъ Лейпцигомъ и въ дѣлахъ кампаніи 1814 года.

11-го февраля 1815 г. Окуневъ былъ произведенъ въ маіоры. Въ этомъ году онъ былъ въ походѣ съ 13-го іюля по 1-е августа, слѣдуя черезъ царство Польское до границъ Пруссіи. Вернувшись въ Россію, онъ занялся изученіемъ военной исторіи, подготовляя себя къ ученымъ трудамъ въ этой области. Произведенный 15-го сентября 1819 г. въ подполковники онъ былъ 25-го апрѣля 1821 г. назначенъ командиромъ Перваго Егерскаго полка и 19-го марта 1826 г. за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ полковники. Выйдя въ февралѣ 1828 г. по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку онъ однако недолго оставался не у дѣлъ: въ слѣдующемъ же году онъ вновь поступилъ на военную службу и былъ откомандированъ на театръ военныхъ дѣйствій во Вторую армію. Прибывъ въ іюнѣ мѣсяцѣ къ мѣсту своего назначенія, Окуневъ былъ назначенъ состоять при Главной кватирѣ. Онъ принялъ участіе въ переходѣ арміи черезъ Балканы, находился при занятіи г. Сливны, а 1-го августа былъ назначенъ исп. долж. оберъ-квартирмейстера въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Будберга; отличился въ схваткѣ близъ Кирклисса и въ другихъ сраженіяхъ. Наконецъ, болѣзненное состояніе заставило его вернуться въ Россію. Прибывъ въ Петербургъ, онъ въ ноябрѣ 1830 г. удостоился получить брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Государя за поднесенный Его Величеству экземпляръ замѣчаній о стратегіи. Польскій мятежъ привлекъ снова Окунева на театръ военныхъ дѣйствій. 14-го і... 1831 г. онъ прибылъ въ городъ Пултускъ, гдѣ находилась главная квартира дѣйствующей арміи и получилъ назначеніе состоять при Главнокомандующемъ. Окуневъ принималъ участіе въ многихъ серьезныхъ сраженіяхъ этой кампаніи и между прочимъ участвовалъ и при взятіи Варшавы. Подвиги и геройство Окунева были отмѣчены рядомъ наградъ и отличій. Между прочимъ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., маіоратъ и 5-го сен... 1831 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а 18-го октября произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ сентябрѣ 1833 г. Окуневъ получилъ назначеніе состоять ...

свитѣ Его Величества, а черезъ годъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-й ст. Въ томъ же году 18-го декабря Окуневъ былъ назначенъ попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ, и въ апрѣлѣ 1843 г., за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Окуневъ умеръ 21 ноября 1850 года на о. Мадерѣ.

Окуневъ извѣстенъ и своими сочиненіями военнаго и историческаго характера, которыя онъ писалъ исключительно на франц. языкѣ. Въ отд. изд. находятся слѣдующіе его труды: «Réflexions sur le système de guerre moderne» Paris, 1823; «Histoire de la campagne de 1800 en Italie, augmentée des considérations sur les mouvements de deux armées belligérantes». Ptrsb. 1826; «Considérations sur les grandes opérations, les batailles et les combats de la campagne de 1812 en Russie», Paris 1829 (2-ое изд.— Bruxelles, 1841): «Mémoires sur les principes de la stratégie» etc. Ptrsb. 1830 (2-е изд. Paris 1831); «Examen raisonné des propriétés des trois armes» etc. Paris 1832; «Histoire militaire de la seconde époque de la campagne de l'année 1831 en Pologne». Ptrsb. 1834; «Mémoires sur le changement que l'artillerie bien instruite peut produire dans le système de la grande tactique moderne», Paris 1836. Одно изъ перечисленныхъ сочиненій Окунева, именно «Considérations sur les grandes opérations» etc... было переведено на русск. яз. подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 г.» и выдержало два изданія (1833 и 1841 гг.).

Полный послужной списокъ; „Сѣв. Пчела" 1811. № 169. „Историческій Вѣстникъ" 1888 г. февраль Т. XXXI, стр. 302. „Русская Старина" 1877 г., стр. 38, 438. 440, 193. 199; 1879 г. стр. 105; 1881 г. стр. 781; 1883 г. Т. XXXVII. стр. 411, 412; Т. XXXIX, стр. 427; Т. XXXVIII, стр. 321. 322; 1893 г. Т. LXXVIII, стр. 155; Словарь Брокгауза и Ефрона; „Revue Encyclopedique" Т. 28: Ghennady: „Les ecrivains franco-russes", Dresde 1874; Recke et Napiersky. t. IV.

В. Алексѣевскій

Олеарій, *Адамъ*, — секретарь и совѣтникъ голштинскаго посольства въ Московію и Персію, ученый, авторъ описанія путешествія. Род. въ 1600 г. (или 1599 г.), ум. 22 февр. 1671 г. Олеарій происходилъ изъ Саксоніи. Отецъ его Маркъ Oelschleger былъ портной изъ города Ашерлебена въ Ангальтскомъ княжествѣ и умеръ въ крайней бѣдности, когда Адамъ былъ еще мальчикомъ. Несмотря на тяжелыя матеріальныя условія жизни, Адамъ не только ревностно учился, но и пристрастился къ наукѣ и наконецъ достигъ того, что смогъ поступить слушателемъ въ Лейпцигскій университетъ. Въ немъ онъ изучалъ литературу, философію, математику, астрономію и географію и вскорѣ по окончаніи курса получилъ степень магистра философіи, затѣмъ былъ ассесоромъ философскаго факультета Лейпцигскаго университета и за свои научные труды былъ избранъ въ ученое общество «Klein Fürsten-Kollegium». По обычаю ученыхъ того времени, онъ передѣлалъ свою нѣмецкую фамилію Oelschleger на латинскій ладъ въ Olearius и подъ этимъ именемъ сталъ извѣстенъ въ наукѣ, хотя писалъ и подъ другими псевдонимами. Жизнь Олеарія до 33—34 лѣтъ прошла въ научныхъ трудахъ, и есть основаніе предполагать, что онъ еще до поѣздки въ Россію изучалъ русскій языкъ и сочиненія, касающіяся Россіи. Бѣдствія тридцатилѣтней войны нарушили его научную дѣятельность: ему пришлось, какъ и другимъ ученымъ, покинуть Лейпцигъ. Убѣжище и второе отечество Олеарій нашелъ во владѣніяхъ Фридриха Герцога Шлезвигъ - Гольштинскаго, извѣстнаго своимъ покровительствомъ наукѣ и искусству, образованіемъ и любознательностью. Въ 1633 г. герцогъ рѣшилъ снарядить посольство въ Московію и Персію, для установленія торговыхъ сношеній съ этими странами и точнаго, подробнаго научнаго ихъ описанія. Эта вторая цѣль посольства требовала присутствія въ немъ человѣка ученаго, обладающаго лингвистическими способностями, и какъ таковаго герцогу рекомендовали Олеарія. Во главѣ посольства между прочими были — дипломатъ и законовѣдъ Филиппъ Крузіусъ и опытный по дѣламъ торговли Отто Бругманъ гамбургскій купецъ: секретаремъ посольства состоялъ Олеарій. 22 октября 1633 г. посольство это съ 34 чел. сопровождающихъ двинулось изъ Готторпа чрезъ Гамбургъ и Любекъ къ Травемюнде, откуда моремъ плыло до Риги; затѣмъ снова сухопутьемъ направилось черезъ Вольмаръ и Дерптъ (Юрьевъ) въ Парву. Въ ней посольство прожило до лѣта, и лишь съ наступле

ніемъ его чрезъ Нотебургъ (Орѣшекъ) Ладогу, Новгородъ, Торжокъ, Тверь къ осени достигло Москвы. 14 авг. 1634 г. посольству былъ устроенъ торжественный въѣздъ въ столицу. Описаніе встрѣчи и пріема показываетъ, что московское правительство было радо посольству: Царь удостоилъ его аудіенціи (при которой присутствовалъ и Олеарій) и послалъ ему кушаніе отъ своего стола. 3 сент. было тайное слушаніе дѣла посольства и послѣ пяти такихъ слушаній 19-го ноября посламъ было объявлено разрѣшеніе поѣздки чрезъ Россію въ Персію и обратно подъ условіемъ возвращенія пословъ въ Голштинію и подтвержденія герцогомъ договора, заключеннаго ими въ Москвѣ. 24 декабря посольство покинуло Москву; 1-го января 1635 г. оно выѣхало изъ Новгорода и 14 апрѣля 1635 г. прибыло въ Готторпъ. Въ октябрѣ 1635 г. было снаряжено второе посольство, болѣе многочисленное. Олеарій въ немъ былъ уже не только секретаремъ, но и совѣтникомъ. Посольство направилось изъ Любека моремъ, но по пути въ Ревель у острова Гохланда потерпѣло кораблекрушеніе. Все имущество погибло, но люди спаслись и послѣ почти мѣсячнаго странствованія по Балтійскому морю добрались до Ревеля, въ которомъ прожили до марта 1636 г. Въ началѣ этого мѣсяца посольство двинулось къ Москвѣ и вступило въ нее 29 марта того же года. Ему снова былъ устроенъ торжественный въѣздъ и пріемъ. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ Россіи, посольство по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ достигло Нижняго Новгорода, гдѣ, ожидая снаряженія корабля, простояло 3 недѣли. 30 іюля оно двинулось по Волгѣ и къ 15 сент. дошло до Астрахани. Въ ней посольство стояло 25 дней и лишь 10 октября по Касп. морю пошло къ персидскимъ берегамъ. Черезъ Дербентъ посольство къ 22 декабря добралось до Шемахи и въ ней, ожидая разрѣшенія шаха на дальнѣйшій путь, простояло 4 мѣс. Лишь 3 августа 1637 г. достигло оно Испагани, въ которой оставалось до 20 октября 1638 г. Торговыя цѣли посольства не удались. Во первыхъ, голштинцы лично убѣдились въ трудности и дальности пути изъ ихъ страны въ Персію, во вторыхъ, дерзкое и даже преступное поведеніе Отто Бругмана вызвало негодованіе шаха и недовольство его отразилось на успѣхѣ всего дѣла. Прежнимъ путемъ посольство возвратилось въ Москву и пробыло въ ней два мѣсяца. Царь, и ранѣе уже слыхавшій объ Олеаріи, что онъ «гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небесного бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ», предложилъ ему перейти на русскую службу, такъ какъ «намъ, Великому Государю, таковъ мастеръ годенъ». Для передачи Олеарію, за 4 дня до его отъѣзда, бояриму Ѳ. И. Шереметеву вручена была «опасная грамота», которой Олеарію разрѣшался въѣздъ и свободный выѣздъ изъ Россіи. Повидимому, Олеарій не прочь былъ поступить на службу Царя; однако, замѣтивъ, что въ Москвѣ его считаютъ чернокнижникомъ; рѣшилъ отклонить отъ себя предложеніе царя. 15 марта посольство, а съ нимъ и Олеарій покинули Москву; въ Ревелѣ онъ женился на дочери члена Ревельскаго магистрата Екатеринѣ Миллеръ. Прибывъ въ Готторпъ 1 августа 1639 г., Олеарій представилъ герцогу точный отчетъ о путешествіи. Научная цѣль экспедиціи удалась вполнѣ, и герцогъ, довольный Олеаріемъ, предложилъ ему остаться при дворѣ совѣтникомъ, библіотекаремъ и математикомъ.—Въ 1643 г. Олеарій еще разъ посѣтилъ при посольствѣ Россію и снова Московское правительство предложило ему перейти на русскую службу, но онъ рѣшительно отказался. Возвратившись въ Германію, онъ предался самой разнообразной научной дѣятельности. Есть даже извѣстіе, что Олеарій изобрѣлъ и руководилъ устройствомъ знаменитаго мѣднаго Готторпскаго глобуса, подареннаго въ 1713 г. герцогомъ Христіаномъ Августомъ Петру Великому и хранимаго въ Петерб. академіи наукъ. Олеарій написалъ множество статей по разнымъ областямъ знанія, составилъ персидскій словарь (остался по смерти его въ рукописи), перевелъ съ персидскаго Саади и т. д. Умный, словоохотливый и занимательный собесѣдникъ, хорошій музыкантъ, Олеарій пользовался любовью и общимъ уваженіемъ до самой смерти. — Описаніе путешествія Олеарія, составившее его славу, впервые было издано въ 1647 г. въ Шлезвигѣ. Въ немъ простымъ, сжатымъ и живымъ слогомъ излагаются событія путешествія день за днемъ, впечатлѣнія и размышленія Олеарія. Второе изданіе, значительно исправленное и до-

полненное, съ измѣненнымъ заглавіемъ, вышло въ 1656 г. Оно раздѣлено на 6 книгъ: первая описываетъ первое посольство въ Москву и возвращеніе его, вторая вторичное посольство и пребываніе его въ столицѣ Россіи, третья—бытъ государства и народа Московскаго, четвертая—путь отъ Москвы до Персіи и жизнь посольства въ ней, пятая—бытъ государства и народа персидскаго, шестая—обратное путешествіе въ Голштинію. 3-е изданіе, 1663 г., вышедшее при жизни Олеарія, отличается отъ второго лишь приложеніями. Книга была роскошно издана, снабжена многими иллюстраціями, дополняющими и изъясняющими текстъ; всѣ иллюстраціи были сдѣланы по рисункамъ Олеарія съ натуры и воспроизведены подъ его надзоромъ. Сочиненіе Олеарія произвело въ Европѣ огромное впечатлѣніе и скоро послѣ выхода въ свѣтъ было переведено на нѣсколько европейскихъ языковъ. Въ Россіи, по словамъ Пекарского, первый переводъ былъ сдѣланъ въ XVII или началѣ XVIII вѣка, но остался неизданнымъ. Сочиненіе Олеарія было впервые издано на русскомъ языкѣ цѣликомъ въ «Чтеніяхъ Имп. М. Общ.» за 1868—1870 гг. (и отдѣльно 1870 г.). Переводъ сдѣланъ съ 3-го нѣмецкаго изданія 1663 года, т. е. съ послѣдняго вышедшаго при жизни Олеарія.

Путешествіе Олеарія — первоклассный источникъ для пониманія быта русскихъ въ XVII ст. Какъ видно изъ предыдущаго, авторъ его неоднократно и подолгу живалъ въ Россіи, изучилъ все, что было писано о ней на Западѣ, и умѣлъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ. Извѣстій Герберштейна, Павла Іовія, Гваньини онъ не принимаетъ на вѣру, а критикуетъ, ошибки ихъ исправляетъ. Олеарій обладалъ просвѣщеннымъ широкимъ міровоззрѣніемъ, добросовѣстно и умно описывалъ что видѣлъ; онъ былъ проницателенъ и умѣлъ достаточно понимать сущность и смыслъ тѣхъ явленій, которыя предъ нимъ происходили; отъ наблюдательности его не скрывалось ничто дѣйствительно важное изъ видѣннаго имъ, и онъ представлялъ явленія чуждой ему жизни въ ихъ дѣйствительной связи. Русскіе изслѣдователи находятъ въ сочиненіи Олеарія довольно много ошибокъ, но большинство изъ нихъ произошли не по небрежности автора и во всякомъ случаѣ не производятъ такого впечатлѣнія, будто онъ желалъ очернить нашъ народъ, чего нельзя сказать о другихъ писателяхъ-иностранцахъ о Россіи. Уже ближайшіе за Олеаріемъ путешественники въ Москву пользовались его трудомъ для своихъ компиляцій и дѣлали изъ него обильныя выписки.

Recke und Napiersky: „Schriftsteller-Lexicon“, III: Словарь Брокгауза и Ефрона; „Архивъ истор. и практ. свѣд., относящихся до Россіи“ Калачева, 1859 г., книга III: „Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и древн. Россійскихъ при М. Университ.“, М. 1868 г.. Кн. I янв.—мартъ (См. предисловіе переводчика. П. Барсова). И. В. Лашнюковъ: „Пособіе къ изученію Русской исторіи критическимъ методомъ“, Кіевъ, вып. 2, 1874 г.: В. Ключевскій: „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Московское государство по описанію иностранцевъ XV—XVI в.“ М. 1866 г.

Русскіе переводы Олеарія. Неиздан. переводъ конца XVII—XVIII в. хранится въ рукописяхъ Импер. Публ. Библіотеки. О немъ: Пекарскій: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, Т. I. Отрывки изъ Олеарія: „Русскій Зритель“ 1829 г. ч. 4, №№ 15. 16. „Заволжскій муравей“ 1834 №№ 4, 9, 12; „Нижегородскія губ. Вѣдомости“ 1845 г. №№ 1, 2, 3 и т. д. Большой отрывокъ изъ Олеарія переведенный г. Михайловымъ напечатанъ въ „Архивѣ Истор. и Практ. свѣд.“ Калачева, Т. III, 1859 г. (О немъ см. Бестужевъ-Рюминъ I). „День“ 1864, № 23 (ст. Медвѣдева). Полный переводъ, сдѣланный Барсовымъ, напечатанъ въ „Чтеніяхъ М. О. И. и др. Росс. 1868—1870 и отдѣльно М. 1870 г. подъ заглавіемъ: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства А. Олеаріемъ“. Fr. Adelung: „Uebersicht der Reisenden in Russland“ (II); Grosse: „Ad. Olearius“, Ангерслебенъ 1867; „Allgemeine Deutsche Biographie“, t. XXIV (указ. и литература).

Фурсенко.

Олегъ Вѣщій. Первый великій князь Кіевскій. Годы княженія приблизительно: 869—912. Лѣтописное преданіе связываетъ появленія Олега въ Россіи съ призваніемъ Варяговъ, называетъ его княземъ Урманскимъ (т. е. Норманскимъ), шуриномъ князя Игоря, а иногда племянникомъ Рюрика. «Регенство» Олега (869 г.) лѣтопись объясняетъ его родствомъ съ Рюрикомъ, который умирая вручилъ свое княжество за малолѣтствомъ сына Игоря Олегу. Впрочемъ, есть случаи, гдѣ Олегъ называется воеводой Игоря. Княженіе свое Олегъ началъ въ Новгородѣ и скоро прославился «устройствомъ земли», завоевательной и дипломатической дѣятель-

ностью: онъ строилъ города и устанавливалъ подати, покорялъ сосѣдніе народы и облагалъ ихъ данью, пытался заводить дипломатическія сношенія съ Византіей, вполнѣ понимая важность ихъ для народа, жившаго по великому пути «изъ Варягъ въ Греки». Этотъ періодъ его княженія Новгородскій лѣтописецъ называетъ «тѣ времена и лѣта Ольговы». Въ Новгородѣ Олегъ княжилъ три года (до 872 г.), а затѣмъ началъ свое движеніе на югъ, стремясь распространить и закрѣпить на немъ свою княжескую власть. Прежде всего онъ овладѣлъ городомъ днѣпровскихъ кривичей — Смоленскомъ, затѣмъ Любечемъ въ землѣ сѣверянъ. Оба города онъ закрѣпилъ за собою, посадивъ въ нихъ намѣстниковъ съ достаточнымъ гарнизономъ. Двигаясь на югъ внизъ по Днѣпру, Олегъ дошелъ до Кіева, въ которомъ, по лѣтописному преданію, княжили отдѣлившіеся отъ дружины Рюрика мужи его — Аскольдъ и Диръ. Олегъ выманилъ ихъ хитростью изъ города и убивъ завладѣлъ Кіевомъ. Послѣдній онъ сдѣлалъ своимъ стольнымъ городомъ и назвалъ «матерью городовъ русскихъ». Съ присоединеніемъ земель, подвластныхъ кіевскимъ князьямъ Олегъ завладѣлъ всѣмъ великимъ воднымъ путемъ, а чтобы обезопасить его отъ набѣговъ кочевниковъ, рѣшилъ утвердить свое могущество въ степяхъ. Съ этой цѣлью имъ былъ построенъ рядъ городковъ и острожковъ. Укрѣпивъ ими свои юго-восточныя границы, Олегъ распространилъ свое завоевательное движеніе къ востоку и западу отъ Днѣпра. Такъ, въ 883 году онъ заставилъ древлянъ платить ему дань по черной куницѣ съ дыма. Въ 885 г. Олегъ пошелъ на сѣверянъ, платившихъ дань козарамъ и покоривъ обложилъ ихъ легкой данью, имѣя въ виду показать преимущества русской власти предъ козарскимъ игомъ. Повидимому, благодаря такому образу дѣйствій Олега, радимичи въ 885 г. согласились давать ему дань, которую они платили прежде козарамъ. Послѣ многолѣтней борьбы (по лѣтописи 20 лѣтъ) Олегъ покорилъ дулебовъ, хорватовъ и тиверцевъ. Уличей ему совсѣмъ не удалось подчинить своей власти. Упорное сопротивленіе ихъ объясняется тѣмъ, что племена эти съ малочисленнымъ и слабымъ торговымъ классомъ не видѣли смысла въ соединеніи съ Русью. Въ 907 году Олегъ, собравши многочисленное войско изъ варяговъ, новгородскихъ славянъ, полянъ, чуди, кривичей, мери сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулебовъ и тиверцевъ, сушей и моремъ двинулся въ походъ на Царь-Градъ. Подобнаго рода предпріятія пользовались сочувствіемъ окрестныхъ племенъ, связанныхъ торговыми интересами съ Русью и Византіей. Этотъ походъ Олега, имѣвшій важное значеніе для дальнѣйшаго развитія Кіевскаго княжества, врѣзался въ народную память. Преданія украшаютъ его баснословными подробностями, указывающими на то, что народъ считалъ его крупнымъ военнымъ предпріятіемъ, отличнымъ отъ случайныхъ хищническихъ набѣговъ. Лѣтописный разсказъ объ осадѣ и взятіи Царь-Града расцвѣченъ вымысломъ, возвышающимъ храбрость, а главное—хитрость князя, превзошедшаго его грековъ. Испуганные Олегомъ императоры греческіе, не допуская русскаго князя штурмовать ихъ столицу, предложили ему путемъ переговоровъ придти къ мирному соглашенію. Олегъ принялъ это предложеніе и послы его заключили съ греками условія, по которымъ греки должны были дать по 12 гривенъ на корабль и уклады на тѣ русскіе города, гдѣ сидѣли Олеговы мужи. На основаніи этихъ условій былъ заключенъ миръ, подтвержденный клятвой обѣихъ сторонъ. Русскіе выговорили себѣ право въ теченіе шести мѣсяцевъ брать у грековъ съѣстные припасы (мѣсячину) и мыться въ баняхъ сколько угодно. Торговать имъ разрѣшалось повсюду безпошлинно. При отправленіи русскихъ въ обратный путь греки обязывались снабдить ихъ провизіей и корабельными снастями. Византійскіе императоры внесли въ договоръ статьи, согласно которымъ русскіе могли входить въ городъ лишь въ сопровожденіи греческихъ чиновниковъ, чрезъ заранѣе указанныя ворота, безъ оружія и не болѣе 50 человѣкъ сразу, и селиться въ мѣстѣ, указанномъ правительствомъ. Этотъ первый договоръ Олега сохранился не въ полномъ своемъ составѣ, а лишь въ лѣтописномъ пересказѣ.

Олегъ возвратился на родину съ богатой добычей и слава о его удачномъ походѣ разнеслась повсюду. Народъ назвалъ князя, побѣдившаго хитрыхъ грековъ, Вѣщимъ. Въ 911 году Олегъ, отъ имени своего и «иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ», послалъ — «отъ рода ру-

скаго», въ Царь-Градъ пословъ, которые и заключили извѣстный договоръ русскихъ съ греками 911 г. Заключенъ онъ въ сентябрѣ 911 г. при императорахъ Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Изъ текста видно, что въ Россіи того времени было много князей, частью туземныхъ, славянскаго происхожденія, частью иноземныхъ пришлецовъ, управлявшихъ цѣлою «волостью».

Содержаніе договора опредѣляетъ основанія для обвиненія русскаго или грека въ преступленіи. Затѣмъ, въ договорѣ русскіе и греки обязывались помогать взаимно торговымъ кораблямъ тѣхъ и другихъ, попавшимъ въ несчастье. Договоръ обязывалъ также выкупать русскихъ и греческихъ невольниковъ и военноплѣнныхъ тѣхъ странъ, куда будутъ ѣздить купцы договаривающихся сторонъ. Согласно договору, русскимъ разрѣшалось, между прочимъ, служить у греческихъ императоровъ. По заключеніи договора императоры богато одарили пословъ и дали приказъ водить ихъ по церквамъ и знакомить съ христіанской вѣрой.

Въ 912 году послы возвратились въ Кіевъ. Есть преданіе, что осенью того же года Олегъ ходилъ на сѣверъ въ Новгородъ и Ладогу, гдѣ и скончался. О смерти его существуетъ поэтическое сказаніе, извѣстное въ стихотворной обработкѣ Пушкина. Личность и дѣятельность Олега вообще многократно служили предметами литературной обработки.

„Полное собр. Русск. лѣтописей". (Подъ 6367, 6387, 6390—92, 6411, 6412, 6420 гг. Томы I, II, IV, V, VII); Сочиненія: Соловьева, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго. „Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царь-Градъ—сказка". (Вопросъ Д. Иловайскому Н. Ламбина. „Журн. М. Н. Просв." 1873 г., № 7). Д. Мейчикъ: „Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега, Игоря и Правды Ярославовой". („Юридич. Вѣстникъ" 1875 г. № 1—3). Сергѣевичъ: „Договоры Русскихъ съ Греками" (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1882 г. январь). М. Владимірскій Будановъ; „Христоматія по исторіи Русскаго права", вып. 1, изданіе 3, Кіевъ 1893 г.; (Здѣсь помѣщенъ критическій текстъ договора 981 г., въ примѣчаніяхъ договоръ 907 г.). Сравнительная таблица статей договора Олега и Игоря и литература, касающаяся договоровъ Олега. — Обзоръ сказаній объ Олегѣ сдѣланъ въ статьѣ: „Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ". („Журн. М. Нар. Пр" 1902, августъ; 1903—ноябрь).

В. Фурсенко.

Олегъ *Святославовичъ*, князь древлянскій, сынъ великаго князя Святослава Игоревича. Въ 968 году, во время похода Святослава въ Болгарію, оставался вмѣстѣ съ своей бабкой Ольгой въ Кіевѣ и вмѣстѣ съ нею выдерживалъ осаду явившихся въ этомъ году, въ отсутствіе Святослава, подъ Кіевъ печенѣговъ. Въ 970 году, когда новгородцы пришли просить къ себѣ на княженіе одного изъ сыновей Святослава, Олегъ отказался отъ новгородскаго стола, но въ этомъ же году, однако, получилъ самостоятельное княжество: Святославъ, уѣзжая въ новый походъ на Болгарію, раздѣлилъ свое княжество между сыновьями: старшему — Ярополку отдалъ Кіевъ, а Олегу—область древлянскую. По мнѣнію С. М. Соловьева, Олегу въ это время было не болѣе 8 лѣтъ, слѣдовательно, въ это время онъ, конечно, управлялъ не самостоятельно. Въ 973 году Святославъ умеръ и Олегъ, повидимому, все еще подъ руководствомъ старыхъ отцовскихъ бояръ спокойно правилъ въ древлянской области до 975 года. Но въ этомъ году произошло событіе, вызвавшее ссору между Олегомъ и его старшимъ братомъ; однажды на охотѣ Олегъ встрѣтилъ въ лѣсахъ своей области охотившагося Люта сына Свѣнельда, одного изъ приближенныхъ бояръ Ярополка, спросилъ, кто онъ, и узнавъ, что онъ сынъ Свѣнельда, убилъ его, повидимому, не безъ вліянія своихъ приближенныхъ, враждебно настроенныхъ къ любимцу Ярополка. Свѣнельдъ не могъ оставить смерти сына неотомщенной: онъ началъ подговаривать Ярополка («пойди на братъ твой и прими волость его») и въ 977 году Ярополкъ дѣйствительно выступилъ противъ Олега съ большой ратью, разбилъ ополченіе брата и заставилъ самого Олега вмѣстѣ съ остатками войска бѣжать въ «градъ рекомый Вручій» (Овручъ). У самыхъ воротъ города, когда побѣжденный князь переѣзжалъ по мосту черезъ ровъ, окружавшій городъ, въ суматохѣ, Олега «спехнуша съ мосту въ дебрь», на него «падаху людье мнози и удавиша кони человѣци» и Олегъ умеръ подъ грудой труповъ. Ярополкъ, войдя въ городъ и узнавъ о смерти брата, началъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ, приказалъ вытащить изъ рва тѣло Олега и съ честью похоронилъ его. «И есть могила его и до сего дне у Вручею» прибавляетъ лѣтописецъ, заканчивая повѣствованіе о смерти Олега. Въ 1044 году, великій князь Ярославъ Мудрый выкопалъ кости своего дяди, перекрестилъ ихъ,

какъ бы не желая оставлять уже умершаго родственника язычникомъ, и положилъ ихъ во Владимірѣ, въ церкви Пресвятой Богородицы.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 27, 29, 31—32, 67, 251, II, 215, 246, 248—249, 268, IV, 174, VII, 223. 222. 231, 287, 289, 292, 331—332; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) I, 108, 117, пр. 236, 396, 418, II, 23, пр. 53: Соловьевъ (изд. т-ва Общ. Польза) I, 144, 145, 152—154.

Е. Лихачъ.

Олендзскій, *Іосифъ Θадеевичъ,* статскій совѣтникъ, профессоръ фармацевтики въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, главный докторъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ; род. въ 1809 г., ум. 20-го февраля 1856 г. Высшее образованіе Олендзскій получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, которую окончилъ въ 1834 г., со степенью лѣкаря. Въ 1835 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора фармакологіи въ Петербургской академіи и опредѣленъ въ С.-Петербургскій военно-сухопутный госпиталь; въ 1837 г. удостоенъ званія магистра хирургіи и въ томъ же году командированъ на два года за границу, возвратясь откуда, былъ назначенъ въ 1840 г. экстра-ординарнымъ профессоромъ академіи и врачемъ во 2-й военно сухопутный госпиталь; въ 1844 г. удостоенъ степени доктора медицины, а въ 1846 г. назначенъ помощникомъ главнаго доктора того же госпиталя, гдѣ находился до смерти. Ему принадлежатъ: «De uteri hydatitibus, propriam observationem et pathologici producta effigiem exhibens» (докторская диссертація), Спб. 1844 г.; Прижиганія простыхъ изъязвленій маточной шейки («Зап. Дуб.», 1844 г., 3, 1, 35); Нынѣшнее состояніе фармаціи («Военно-Медицинскій Журналъ», 1845 г., ч. 45, кн. I, II, III); Разборъ Горянинова Фармакодинамики на Демидовскую премію («22-е присужденіе Демидовскихъ наградъ», 1853 г., стр. 107—132); Разборъ Вальтера Анатоміи на премію Загорскаго («Medicinische Zeitung in Russland», 1853 г. стр. 254).

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели", тетр. 2, Спб. 1886 г., стр. 41; „Исторія Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) Академіи за сто лѣтъ", 1798—1898. Спб. 1898 г.: Приложенія, стр. 229 и 283.

П. Давидовичъ.

Оленинъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ. А. А. Оленинъ род. 30 мая 1798 г. и былъ младшимъ сыномъ А. Н. Оленина (см. ниже). Въ домѣ отца, — извѣстнаго мецената, онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, которое закончилъ въ Пажескомъ корпусѣ, и въ апрѣлѣ 1817 г. былъ опредѣленъ въ чинѣ прапорщика на службу въ Гвардейскій Генеральный Штабъ и прикомандированъ къ военно-топографическому Депо, состоя въ которомъ онъ сдѣлалъ планъ г. Павловска, за каковой былъ награжденъ бриліантовымъ перстнемъ. Таковую же награду Оленинъ получилъ и въ февралѣ 1823 г. за труды при составленіи описанія кампаніи 1813 г. и при съемкѣ рѣки Березины. Въ томъ же году (съ марта по октябрь) Оленинъ, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ начальникомъ военнаго обозрѣнія Тверской губерніи, за каковую службу былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ январѣ 1827 г. Оленинъ, въ чинѣ капитана, по болѣзни, перемѣнилъ военную службу на статскую и поступилъ переводчикомъ въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и вскорѣ былъ откомандированъ въ Департаментъ Удѣловъ. Въ маѣ 1828 г. Оленинъ за поднесенный Государю свой трудъ: «Историко-статистическія замѣчанія о Константинополѣ» удостоился Монаршаго благоволенія. Въ февралѣ 1830 г. онъ былъ назначенъ для занятій въ Министерство Юстиціи, въ коемъ вѣдомствѣ состоялъ до 1836 г., причемъ въ 1831 г. находился въ составѣ коммиссіи для разбора дѣлъ архивовъ Государственнаго и Сенатскаго; въ 1832 г. Оленину былъ порученъ разборъ и приведеніе въ порядокъ дѣлъ и бумагъ Департамента Министерства Юстиціи и контроль движенія дѣлъ Судныхъ Отдѣленій того же департамента; въ 1833 г. Оленинъ былъ опредѣленъ за оберъ прокурорскій столъ въ 4-мъ Департаментѣ Сената. Затѣмъ, послѣ кратковременной отставки, Оленинъ вновь опредѣлился на службу въ Министерство Финансовъ; между прочимъ, въ 1843 г., уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Оленинъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій Департамента Государственнаго Казначейства а въ апрѣлѣ 1849 г. Оленинъ вновь былъ принятъ на службу въ вѣдомство Министерства Юстиціи и опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ 5-го, затѣмъ 3-го департамента Се-

ната. 25 декабря 1855 г. А. А. Оленинъ умеръ и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Оленинъ былъ женатъ на Александрѣ Андреевнѣ, рожд. кн. Долгоруковой.

Архивъ Правительствующаго Сената: Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III; В. И. Саитовъ: „Петербургскій Некрополь“ М. 1883 г.

Оленинъ, *Алексѣй Николаевичъ*, — дѣйствит. тайный совѣтникъ; статсъ-секретарь; первый товарищъ министра Удѣловъ; членъ Государственнаго Совѣта; директоръ Императорской Публичной Библіотеки; президентъ Императорской Академіи Художествъ: художникъ, археологъ, писатель. — А. Н. Оленинъ, по происхожденію дворянинъ, родился въ Москвѣ, 28 ноября 1763 г., и былъ сыномъ ст. сов. Николая Яковлевича Оленина и Анны Семеновны, рожден. кн. Волконской; ум. 17 апр. 1843 г. въ Петербургѣ. — До десятилѣтняго возраста А. Н. жилъ при родителяхъ, а въ 1774 г. былъ отвезенъ въ Петербургъ къ родственницѣ—княгинѣ Е. Р. Дашковой. Здѣсь вскорѣ на него имѣла случай обратить вниманіе императрица Екатерина II и по ея повелѣнію мальчикъ-Оленинъ былъ записанъ въ Пажескій Корпусъ. Въ 1780 г. А. Н., по волѣ императрицы, отправился въ Дрезденъ для обученія въ Дрезденской артиллерійской школѣ воинскимъ и словеснымъ наукамъ. Здѣсь онъ провелъ пять лѣтъ (до 1785 г.) въ усердныхъ занятіяхъ по предметамъ своей спеціальности и общеобразовательнымъ. Между прочимъ, его особое вниманіе привлекли исторія, древности и искусства, а Королевская библіотека, музеи и общество художниковъ помогли ему не только въ цѣляхъ самообразованія, но развили вкусъ и природныя наклонности и способности. Въ Дрезденѣ онъ скоро пристрастился и къ пластическимъ искусствамъ и вернулся въ Россію знатокомъ произведеній лучшихъ художниковъ древности и періода возрожденія, и недурнымъ рисовальщикомъ, развившимъ свои художественные вкусы подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Винкельмана и Лессинга. Вскорѣ по возвращеніи на родину, Оленинъ былъ опредѣленъ (въ сентябрѣ 1785 г.) въ артиллерію квартермистеромъ, а въ маѣ 1786 г. произведенъ въ капитаны. Тогда же (2-го мая) А. Н. былъ избранъ, по предложенію княгини Дашковой, въ члены Россійской Академіи за представленное имъ «толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій», и, такимъ образомъ, впервые осязательно проявилась его симпатія къ археологическимъ занятіямъ, которой онъ не покидалъ до послѣднихъ своихъ дней. Избраніе Оленина въ члены Академіи ввело его въ еще болѣе обширный кругъ литературныхъ знакомствъ, который, впрочемъ, и до сего момента былъ у него не малъ: извѣстно, что Оленинъ былъ весьма близокъ къ кружку Державина, друженъ съ Хемницеромъ и др. крупными писателями конца XVIII вѣка. Къ этому же времени относятся и первые дошедшіе до насъ опыты Оленина въ области художествъ: въ 1789 г. Оленинъ награвировалъ по способу Лепренса «скачущаго курьера», въ 1794 г.—заглавный эстампъ къ сочин. гр. А. И. Мусина-Пушкина о Тьмотараканскомъ камнѣ и въ 1799 г. рисунки ко 2-му изданію басенъ Хемницера. Между тѣмъ, въ 1788 г., за болѣзнью, Оленинъ, въ чинѣ маіора, вышелъ въ отставку, но уже въ январѣ слѣдующаго года вновь опредѣлился на военную службу и былъ назначенъ въ Псковской драгунскій полкъ подполковникомъ, для устроенія при этомъ полку конной артиллеріи. Находясь въ составѣ Псковскаго полка, Оленинъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ Шведской кампаніи, какъ боецъ, командиръ и инженеръ. Дѣятельное участіе принималъ Оленинъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Польши: въ 1792 г. онъ находился въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ составѣ передовыхъ войскъ, подъ начальствомъ гр. Кречетникова; въ 1794 г. усмирялъ польскихъ конфедератовъ Лидскаго повѣта. Военныя дѣйствія не отвлекли однако Оленина отъ упражненій художественныхъ и до насъ дошли вещественные памятники его пребыванія въ Польшѣ, это—18 рисунковъ, изображающихъ типы польскихъ конфедератовъ (сохранились въ рукописи). Вскорѣ по возвращеніи изъ похода, Оленинъ 14 марта 1795 г., по прошенію, вновь былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника. Немного спустя. Оленинъ имѣлъ случай и публично выказать свои художественныя способности: 6 ноября 1795 г. Державинъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II собраніе своихъ стихотвореній (рукопись), украшенное 92 виньетками, сдѣланными Оленинымъ сепіей, тушью и акварелью; мотивы ихъ были

умѣло заимствованы молодымъ художникомъ изъ классической миѳологіи и древностей; такимъ образомъ, Оленинъ, уже здѣсь успѣлъ выразить свои симпатіи къ міру классическому, которыя впослѣдствіи онъ выразилъ въ цѣломъ рядѣ археологическихъ трудовъ и которыхъ держался до конца своей жизни. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ того же 1795 г. Оленинъ началъ гражданскую службу, поступивъ въ Экспедицію Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка, именовавшуюся Конторой о покупкѣ металловъ: 5 августа слѣдующаго года онъ назначается совѣтникомъ Правленія Ассигнаціоннаго Банка, а 24 янв. 1797 г. управляющимъ упомянутой Конторой, съ пожалованіемъ въ статскіе совѣтники; въ октябрѣ того же года Оленинъ былъ назначенъ управляющимъ Монетнымъ Дворомъ, завѣдуя которымъ, онъ, между прочимъ, познакомился съ медальернымъ искусствомъ, а впослѣдствіи и основательно изучилъ его и составилъ въ 1817 г. «Опытъ о правилахъ медальернаго искусства». 4 дек. 1798 г. Оленинъ былъ произведенъ въ дѣйствит. ст. совѣтники и скорое и блестящее повышеніе его по ступенямъ службы, отчасти благодаря расположенію къ нему гр. А. С. Строганова и др. вліятельныхъ лицъ, пошло еще быстрѣе. Ровно черезъ годъ (3 дек. 1799 г.) онъ назначается оберъ-прокуроромъ 3-го Департамента Правительствующаго Сената, а затѣмъ и управляющимъ юнкерской школой при Сенатѣ (послѣ О. П. Козодавлева), которой, впрочемъ, онъ мало интересовался: въ апрѣлѣ 1801 г. Оленинъ былъ пожалованъ званіемъ статсъ-секретаря. Въ сентябрѣ слѣдующаго года А. Н., вмѣстѣ съ Сперанскимъ, былъ приглашенъ къ составленію Канцеляріи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а 19 февраля 1803 г. опредѣленъ товарищемъ министра Удѣловъ.—Значительныя служебныя обязанности, особенно въ то знаменательное время, не были, однако, помѣхой Оленину въ его научныхъ и художественныхъ занятіяхъ. Изъ его переписки того времени видно, что онъ продолжалъ ревностно заниматься археологіей, собиралъ памятники древности, особенно отечественной, основательнымъ знатокомъ которой уже слылъ въ ту пору; Академія Художествъ, цѣня его «отмѣнную привязанность къ изящнымъ художествамъ и знаніе, сопровождающее оную», 1 сент. 1804 г. избрала Оленина своимъ почетнымъ членомъ; 28 дек. 1807 г. Оленинъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Оружейной палаты, и наконецъ 27 апр. 1808 г. назначенъ на должность помощника главнаго директора Императорскихъ библіотекъ. Впрочемъ, загоравшаяся война съ Наполеономъ оторвала Оленина отъ обычныхъ занятій. Въ ноябрѣ 1806 г. послѣдовалъ манифестъ о составленіи и образованіи милицій, и Оленинъ вновь почти на 2 года становится въ ряды ратныхъ слугъ отечества. 21 дек. 1806 г. онъ принялъ на себя хлопотливую должность правителя канцеляріи Главнокомандующаго земскимъ войскомъ 1-й области (Н. А. Татищева), и съ 23 марта 1807 г. по 1 апр. 1808 г. исправлялъ должность дежурнаго генерала. Когда же милиціи были распущены, Оленинъ, награжденный золотой медалью и правомъ на ношеніе милиціоннаго мундира, и призванный на упомянутую службу по части управленія Императ. библіот., сверхъ того, состоялъ попрежнему на службѣ въ Департаментѣ Удѣловъ. 1 янв. 1810 г. Оленинъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и въ то же время, при преобразованіи Государственнаго Совѣта, назначенъ статсъ-секретаремъ по Департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ; 3 апр. 1812 г. ему, какъ старшему статсъ-секретарю, Высочайше повелѣно было «править» (за А. С. Шишкова) должность государственнаго секретаря; въ званіи «правящаго» Оленинъ пробылъ до 22 Іюля 1826 г., пока не былъ утвержденъ въ означенной должности.

По словамъ историка Государственнаго Совѣта, имя Оленина тѣсно связано съ Государственной Канцеляріей въ первую половину XIX вѣка. Еще при самомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта, въ 1801 г., Оленинъ въ званіи статсъ-секретаря былъ экспедиторомъ по части государственнаго хозяйства и, между прочимъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Сперанскаго; паденіе послѣдняго, а затѣмъ вскорѣ объявленный Высочайшій указъ, повелѣвавшій преемнику Сперанскаго А. С. Шишкову «быть при особѣ Его Величества», вызвали временное «исправленіе» Оленинымъ обязанностей Государственнаго секретаря, а затѣмъ (уже въ новое царствованіе) и утвержденіе Алексѣя Николаевича въ этой должности. Между прочимъ,

времени Оленина, какъ Государственнаго секретаря, выпало на долю быть связаннымъ съ столь извѣстнымъ засѣданіемъ Государственнаго Совѣта 27 ноября 1825 г., въ которомъ онъ читалъ манифестъ императора Александра I отъ 16 авг. 1823 г. и актъ отреченія великаго князя Константина Павловича. Въ тотъ же день онъ читалъ Николаю Павловичу журналъ засѣданія и сдѣлалъ указанныя ему великимъ княземъ перемѣны въ редакціи журнала. Кромѣ того, Оленинъ же читалъ и рескриптъ цесаревича Константина Павловича въ секретномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 13—14 декабря того же года. Кромѣ прямыхъ обязанностей по службѣ, Оленинъ, въ званіи статсъ-секретаря, былъ неоднократно Высочайше назначаемъ въ составъ различныхъ комитетовъ, и коммисій: такъ въ 1821 г. онъ былъ предсѣдательствующимъ въ Комитетѣ для разсмотрѣнія замѣчаній на строительныя работы Исаакіевскаго собора, а съ 17 апрѣля 1822 г. членомъ коммисіи по постройкѣ того же собора; въ февралѣ слѣдующаго года—членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ; въ августѣ 1827 г. уже въ званіи члена Государственнаго Совѣта (съ 29 апр. 1827 г.)—членомъ комитета о сооруженіи тріумфальныхъ воротъ въ честь Гвардейскаго Корпуса; съ 6 сентября 1828 г.—членомъ Главнаго Управленія Цензуры.

Долговременное служеніе Оленина на поприщѣ государственной дѣятельности было неоднократно отмѣчаемо знаками Монаршаго благоволенія и высокими наградами: Оленинъ умеръ въ чинѣ дѣйствит. тайнаго совѣтника, получивъ послѣдней наградой орденъ св. Владиміра I степени и знакъ отличія безпорочной службы за LV лѣтъ.—Всегда корректно относившійся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, Оленинъ съ особой любовью и рвеніемъ отправлялъ свою должность директора Библіотеки и президента Академіи Художествъ. 13 октября 1811 г. Оленинъ былъ назначенъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. При немъ Библіотека была окончательно преобразована и 2 янв. 1814 г., какъ говорится въ его формулярѣ, «по приведеніи хозяйственной и ученой части библіотеки въ надлежащее устройство и порядокъ, Оленинъ открылъ это учрежденіе на общую пользу». На торжественномъ собраніи по этому поводу, были произнесены рѣчи: Красовскимъ «О пользѣ знаній», Гнѣдичемъ—«О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности», тогда же была прочитана Крыловымъ и басня его «Водолазы». Перечисленные писатели были библіотекарями Публичной Библіотеки и въ тоже время, особенно два послѣдніе, близкими людьми къ Оленину и тому кружку лицъ, который вращался въ извѣстномъ «салонѣ» Оленина. Алексѣй Николаевичъ, какъ человѣкъ европейски и разносторонне образованный, общительный и любезный, горячо любившій науки и искусства, старался окружать себя представителями послѣднихъ и въ своей частной жизни и на поприщѣ служебномъ. Достигнувъ высокаго общественнаго положенія, обезпечившаго ему безбѣдное существованье, дойдя, наконецъ, до тѣхъ ступеней служебной іерархіи, съ высоты которыхъ его голосъ и вліяніе имѣли значительную силу, Оленинъ сталъ меценатомъ въ обширномъ значеніи этого слова. Всегда радушный пріемъ, который оказывалъ Оленинъ въ своемъ салонѣ труженикамъ въ области наукъ и искусствъ, участіе въ ихъ всякихъ нуждахъ, ходатайство и заступничество за нихъ въ ихъ трудныя минуты, помощь имъ словомъ, дѣломъ и совѣтомъ, наконецъ, искренія и горячія заботы о вящемъ преуспѣяніи отечественныхъ наукъ и искусствъ,—вотъ качества Оленина, какъ мецената.—17 апрѣля 1817 г. Оленинъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ. Эта новая должность, въ связи съ управленіемъ Публичной Библіотекой, еще тѣснѣе сблизила Оленина съ литературной и художественной сферами и онъ до конца дней своихъ, на протяженіи не одного десятка лѣтъ, былъ ихъ средоточіемъ; его салонъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ собраній писателей и художниковъ, былъ пунктомъ, на которомъ вырабатывались и составлялись мнѣнія по тѣмъ или другимъ вопросамъ и явленіямъ текущей литературы и художествъ, мнѣнія, правда, не всегда имѣвшія вполнѣ авторитетную силу, но къ которымъ прислушивался весь интеллигентный міръ столицы и съ которыми, во всякомъ случаѣ, считались.

Направленіе вкусовъ и взглядовъ кружка Оленина и самого Алексѣя Николаевича, достаточно опредѣленное, не могло не вызывать критики, а порой и недоброже-

лательныхъ отношеній со стороны представителей нашей литературы первой четверти XIX столѣтія, разбившихся на враждовавшіе между собою лагери: имя Оленина подвергалось нерѣдко осужденію. Обильную пищу нареканіямъ давало постоянное выше отмѣченное стремленіе Оленина окружать себя лицами своего «салона»; наконецъ, вызывали глухой ропотъ и тайныя интриги при жизни Оленина и разнорѣчивыя сужденія о немъ, какъ о человѣкѣ и общественномъ дѣятелѣ по смерти его, высокое общественное положеніе Алексѣя Николаевича и первенствующая роль во многихъ сферахъ. Многіе современники (если не большинство), единогласно свидѣтельствуя о широкомъ образованіи Оленина, его глубокихъ познаніяхъ и трудолюбіи, не умалчиваютъ и о слѣдующихъ чертахъ въ характерѣ Оленина—его «ласкательствѣ», «заискиваніи у сильныхъ», дипломатичныхъ уловкахъ, скрытности и чрезвычайной осторожности въ сужденіяхъ и обращеніи съ людьми. Утверждаютъ, что Оленинъ весьма тактично пользовался расположеніемъ къ нему гр. А. С. Строганова и «умѣлъ въ тоже время ладить съ тѣми людьми, которые возвысились въ царствованіе молодого государя (Александра I); благодаря чему, говорятъ, онъ чрезвычайно быстро и подвигался на служебномъ поприщѣ, «однако никогда не измѣняя чести», какъ замѣтилъ о немъ Вигель. Нѣкоторые современники доходили до крайностей: считали Оленина способнымъ на доносъ (дѣло Лабзина); обвиняли въ привычкѣ выдавать чужое за свое; утверждали, что напр. для Академіи Художествъ онъ сдѣлалъ больше вреда, чѣмъ пользы—(Ѳ. П. Толстой) и т. п.; наконецъ, даже въ пристрастіи Оленина къ милиціонному мундиру, который онъ всегда носилъ до самой смерти, видѣли тонкую преднамѣренность... Лѣтъ 30 тому назадъ М. И. Семевскій писалъ: «разнорѣчивые толки о его личности составляютъ камень преткновенія для будущаго біографа; пріязненные или враждебные отзывы о немъ до того односторонни, что изъ нихъ трудно выработать вѣрную характеристику этого государственнаго дѣятеля». Бумаги Оленина, лишь въ послѣднее время дождавшіяся обнародованія (впрочемъ далеко не во всемъ объемѣ), а также и матеріалы, опубликованные за послѣдніе годы, даютъ возможность вѣрнѣе оцѣнить эту выдающуюся личность. Безъ сомнѣнія, есть доля справедливости въ отзывахъ современниковъ, но въ нихъ больше пристрастія. Оленинъ быстро возвысился не только благодаря связямъ, умѣнью пользоваться расположеніемъ высокихъ особъ и удобными моментами, но и благодаря своему выдающемуся по тому времени европейскому образованію, рано сложившемуся уравновѣшенному характеру и многимъ рѣдкимъ качествамъ души и ума: «его чрезмѣрно сокращенная особа»—говоритъ объ Оленинѣ Вигель, намекая на его весьма малый ростъ—«была отмѣнно мила: въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце». «Знающій и дѣловитый—говоритъ о немъ академикъ Майковъ — Алексѣй Николаевичъ всѣмъ умѣлъ сдѣлаться нужнымъ; самъ императоръ Александръ прозвалъ его Tausendkünstler, тысячеискусникомъ». Еще съ юношескихъ лѣтъ имѣвшій случай быть замѣченнымъ людьми высокаго общественнаго положенія, осторожный Оленинъ долговременнымъ опытомъ убѣдился въ важности держаться aurеam mediocritatem и преслѣдуя неуклонно и всегда въ своихъ общественныхъ и литературныхъ взглядахъ умѣренность, сумѣлъ удержать за собой быстро завоеванное положеніе, на которомъ успѣлъ оказать весьма существенныя заслуги отечеству. Разсмотрѣніе послѣднихъ и выяснитъ по справедливости огромное значеніе этого примѣчательнаго русскаго человѣка.—Въ исторіи Публичной Библіотеки съ именемъ Оленина связаны важные моменты; начать хотя бы съ того, что онъ былъ первымъ ея директоромъ, и приведеніи въ порядокъ этого драгоцѣннаго книгохранилища. Мысль основать въ столицѣ для общей пользы книгохранилище и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ, какъ извѣстно, принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II, по повелѣнію которой было начато постройкой и зданіе Библіотеки. Разборка и размѣщеніе книгъ, начатыя еще въ 1795 г., ко времени вступленія Оленина въ должность помощника директора, были далеко еще незакончены и велись неумѣло. Вспоминая то время, Оленинъ писалъ: «я нашелъ сіе книгохранилище въ такомъ положеніи, которое непремѣнно требовало совсѣмъ иного устройства, какъ по хозяйственной — такъ и по ученой части». Главнѣйшіе недостатки были: «невыгодное и тѣсное помѣщеніе

книгъ и недостатокъ положительной системы для приведенія ихъ въ порядокъ»; книги размѣщались въ шкафахъ по нѣсколько рядовъ и каждымъ библіотекаремъ по своему усмотрѣнію; сырость и недостатокъ свѣта еще болѣе ухудшали положеніе книгохранилища. Благодаря стараніямъ Оленина помѣщеніе Библіотеки было подвергнуто значительнымъ передѣлкамъ: книги приводились въ порядокъ и размѣщались по опредѣленной системѣ: руководствомъ для послѣдняго, между прочимъ, служилъ составленный имъ въ 1809 г. «Опытъ новаго библіографическаго порядка для Спб. Императорской Библіотеки»: въ основу этого опыта Оленинъ положилъ системы, которыя примѣнялись въ библіотекахъ западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ. 2 января 1812 г. императоръ Александръ удостоилъ вновь созданную Библіотеку своимъ посѣщеніемъ, 23 февраля того же года были утверждены «Начертанія подробныхъ правилъ для управленія Императорской Публичной Библіотекой». Но военныя событія отсрочили самое открытіе библіотеки: вскорѣ пришлось думать о спасеніи ея драгоцѣнностей, которыя на время были даже отвезены въ Олонецкую губернію, и только 2 янв. 1814 г. состоялось ея торжественное открытіе.

Памятникомъ управленія Оленинымъ Библіотекой могутъ служить нѣкоторые его печатные труды, имѣющіе отношеніе къ Библіотекѣ: упомянутый выше «Опытъ новаго библіографическаго порядка», а также его брошюра: «Публичныя библіотеки въ Парижѣ и Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ» (1832 г.) и въ особенности его отчеты, изъ которыхъ видно, сколько энергіи и любви постоянно прилагалось къ Государственному книгохранилищу и заботъ о приращеніи и процвѣтаніи его директоромъ. При Оленинѣ въ Публичной Библіотекѣ образовался богатый отдѣлъ русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ путемъ пріобрѣтенія коллекціи Фролова и, главнымъ образомъ, драгоцѣннаго собранія церк.-слав. и русскихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ гр. Толстого, а также собраній гр. Вязмитинова, Лобанова-Ростовскаго, Шалинскаго, гр. Сухтелена. Въ 1829 г. въ Библіотеку поступило большое собраніе восточныхъ рукописей, въ 1831 г. всѣ драгоцѣнныя изданія бывшей Полоцкой іезуитской академіи; въ 1832—1834 были богатыя поступленія изъ многихъ варшавскихъ библіотекъ и др. Наконецъ, обильный притокъ книгъ потребовалъ въ 1834 г. новыхъ пристроекъ къ зданію Библіотеки. Изъ дѣйствій Оленина по управленію нашимъ книгохранилищемъ важно отмѣтить привлеченіе имъ въ составъ администраціи библіотеки лицъ, имѣвшихъ болѣе близкое отношеніе къ наукамъ и искусствамъ; эти лица, какъ сказано, были въ то же время и членами его кружка; назовемъ И. А. Крылова, Н. И. Гнѣдича, К. Н. Батюшкова, А. Х. Востокова, А. И. Ермолаева и др. Друзья наукъ, литературы и искусствъ, эти люди, во главѣ съ Оленинымъ, были и друзьями книгъ и добрыми посредниками между послѣдними и лицами, къ нимъ обращавшимися. Впрочемъ, нѣкоторые современники нелестно отзываются объ Оленинѣ и его сотрудникахъ, какъ о библіотекаряхъ; но, какъ кажется, эти упреки не имѣютъ достаточныхъ основаній. — Несправедливыми кажутся и тѣ нареканія, которымъ подвергалась дѣятельность Оленина въ особенности въ бытность его президентомъ Академіи Художествъ. Въ пользу Оленина говоритъ не только безпристрастно составленное имъ «Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Императорской Академіи Художествъ съ 1764 по 1829 г.», но и позднѣйшіе опубликованные матеріалы.

Какъ при вступленіи въ должность помощника директора Библіотеки, такъ и въ званіи президента Академіи Художествъ, Оленину пришлось начать свою дѣятельность съ широкихъ преобразованій и исправленій недостатковъ, существовавшихъ до него въ этихъ учрежденіяхъ. Дѣло въ томъ, что по смерти президента Академіи гр. А. С. Строганова (1811 г.) Академія скоро пришла въ упадокъ; и неблагопріятные слухи о ней вынудили тогдашняго министра кн. А. Н. Голицына, съ Высочайшаго соизволенія, учредить при ней въ августѣ 1816 г. особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Оленина, для разсмотрѣнія «причинъ разстройства Академіи во всѣхъ ея частяхъ». И въ качествѣ предсѣдателя этого комитета, а затѣмъ (съ 17 апр. 1817 г.) въ званіи президента Академіи Оленинъ оказалъ этому учрежденію серьезныя услуги, начавъ съ приведенія въ порядокъ ея денежныхъ суммъ, хозяйственной части, кончая стороной чисто художественной. Были упла-

чены долги Академіи, исходатайствованы крупныя пособія, увеличенъ бюджетъ; произведены крупныя передѣлки въ зданіяхъ, принадлежащихъ Академіи и новыя пристройки и улучшенія; значительно увеличенъ и обогащенъ учебный и художественный инвентарь Академіи; собственными приношеніями Оленинъ положилъ начало «кунстъ-камеры» при Академіи; наконецъ, имъ было обращено вниманіе и на Академическое Воспитательное Училище, подвергнутое затѣмъ большимъ преобразованіямъ и улучшеніямъ, которыми, впрочемъ, не удалось поставить Училище на желательную высоту (тотчасъ по смерти Оленина оно было закрыто); наконецъ, Оленинымъ былъ составленъ и проведенъ проэктъ новаго образованія и штата Академіи. Его же стараніями было улучшено и положеніе нашихъ молодыхъ художниковъ-пенсіонеровъ Академіи Художествъ, отправляемыхъ за границу, и установленъ болѣе строгій надзоръ и наблюденіе за ними. Вещественнымъ памятникомъ дѣятельности Оленина, кромѣ перечисленныхъ его трудовъ могутъ служить и его частыя обширныя инструкціи находившимся въ его вѣдѣньи художникамъ, преподавателямъ и профессорамъ, программы курсовъ, наконецъ, упомянутое его «Краткое историческое свѣдѣніе объ Академіи». Но заслуги Оленина по отношенію къ Библіотекѣ и Академіи Художествъ не исчерпываются его административной дѣятельностью на пользу этихъ учрежденій: въ исторіи нашего просвѣщенія и искусствъ, насколько, конечно, тѣ и другія имѣли касаніе къ Оленину, нравственное вліяніе Оленина, пожалуй, даже превышало оффиціальную сторону его дѣятельности. Въ значительной степени одаренный любовью къ наукамъ и искусствамъ, эстетическимъ чувствомъ и умѣньемъ угадывать талантъ въ зародышѣ, Оленинъ,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей—«былъ истиннымъ меценатомъ, другомъ и покровителемъ отечественныхъ писателей и художниковъ Александрова вѣка... Онъ дѣлалъ для нихъ все, что только было въ его силахъ, чтобы дать имъ ходъ и очистить имъ путь къ извѣстности... Нѣтъ біографіи отечественнаго писателя отъ Державина до Пушкина, въ которой не было бы страницы, посвященной памяти Оленина; не было художника и артиста, котораго Оленинъ обошелъ бы своимъ вниманіемъ или не принялъ радушно въ своей гостиной, въ которую стекались представители отечественной словесности и изящныхъ искусствъ... Оленинъ былъ другомъ художниковъ трехъ поколѣній: домъ его посѣщали: Боровиковскій, Брюлловы, Венеціановъ, Варнекъ, Гальбергъ, Егоровъ, Зауервейдъ, Іорданъ, Кипренскій, Лосенко, Мартосъ, Орловскій, Пименовъ, Теребеневъ, Толстой, Щедринъ....

Но если Оленинъ много дѣлалъ для развитія нашихъ художественныхъ талантовъ то, по вѣрному замѣчанію С. Т. Аксакова, имя его не должно быть забыто также и въ исторіи русской литературы: «всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга». Изъ писателей—Озеровъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, нашли въ Оленинѣ горячаго цѣнителя своихъ дарованій, который усердно поддерживалъ ихъ литературную дѣятельность; И. М. Муравьевъ-Апостолъ и С. С. Уваровъ встрѣтили въ немъ живое сочувствіе своимъ занятіямъ, въ особенности по классической древности; А. И. Ермолаева и А. Х. Востокова (а также и археолога Ѳ. Г. Солнцева) онъ направлялъ и укрѣплялъ въ ихъ изысканіяхъ по древностямъ русскимъ»; частыми посѣтителями салона Оленина были также Батюшковъ, Блудовъ, Дашковъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Козловъ, Плетневъ, Пушкинъ, кн. Шаховской и мн. др. По свидѣтельству одного изъ современниковъ «въ городскомъ домѣ Олениныхъ или въ подгородной дачѣ Пріютинѣ почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоръ... «Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, словомъ—все, что могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совершавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора, она всегда уступала мѣсто литературѣ». Лучшая характеристика кружка Оленина принадлежитъ перу Л. Н. Майкова. «Не станемъ утверждать,- писалъ покойный академикъ,—чтобы тотъ кружокъ, который собирался въ оленинскомъ салонѣ, далеко опередилъ свое время въ пониманіи вопросовъ искусства и литературы. Уро-

вень господствовавшихъ тамъ художественныхъ и литературныхъ понятій все-таки опредѣлялся псевдоклассицизмомъ, который стѣснялъ свободу и непосредственность творчества и удалялъ его отъ вѣрнаго, неподкрашеннаго воспроизведенія дѣйствительности. По вкусъ Оленина, воспитанный на классической красотѣ и воссозданіи ея Рафаэлемъ, уже не дозволялъ ему удовлетворяться изысканными и вычурными формами искусства XVIII вѣка и стремился къ большей строгости и простотѣ... Лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстныя иллюстраціи къ стихотвореніямъ Державина, исполненныя по мысли и большею частью трудами Оленина. Точно также и въ отношеніи къ литературѣ. Въ оленинскомъ кружкѣ не было упрямыхъ поклонниковъ нашей искусственной литературы прошлаго вѣка: очевидно, содержаніе ея находили тамъ слишкомъ фальшивымъ и напыщеннымъ, а формы—слишкомъ грубыми. За то, въ кружкѣ этомъ съ сочувствіемъ встрѣчались новыя произведенія, хотя и написанныя по старымъ литературнымъ правиламъ, но представлявшія большее разнообразіе и большую естественность въ изображеніи чувства и отличавшіяся большею стройностью, большимъ изяществомъ стихотворной формы; въ этомъ видѣли столь желанное приближеніе нашей поэзіи къ классическимъ образцамъ древности. Но кромѣ того, въ кружкѣ Оленина замѣтно было стремленіе сдѣлать самую русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметомъ поэтическаго творчества: героическое, возвышающее душу, присуще не одному классическому, греческому и римскому міру; оно должно быть извлечено и изъ преданій русской древности и возведено искусствомъ въ классическій идеалъ. Присутствіе такихъ требованій ясно чувствуется въ литературныхъ симпатіяхъ Оленина и его друзей. Въ этомъ сказалась и его любовь къ археологіи, и его горячее патріотическое чувство». Послѣднее едва-ли не ярче всего выразилось въ его чуткой отзывчивости на всякое проявленіе русской даровитости, первая—въ его многочисленныхъ археологическихъ трудахъ. Наклонность къ археологическимъ занятіямъ и къ собиранію памятниковъ древности сказалась у Оленина, какъ уже было упомянуто, довольно рано. Изъ собирателя и любителя онъ скоро сталъ и знатокомъ и археологомъ-писателемъ. Его первый печатный трудъ по археологіи отечественной относится къ 1806 г., то было «Письмо къ гр. А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тьмутораканскомъ»... Покровительственно относясь вообще къ представителямъ науки и искусства, Оленинъ въ особенности ревниво относился къ археологамъ и, насколько могъ, будилъ и поощрялъ молодыхъ ученыхъ къ археологическимъ изысканіямъ. Конечно, археологіи, какъ науки, у насъ въ то время еще не было, и на первыхъ порахъ предстояло хоть сколько нибудь привести въ извѣстность имѣющіеся памятники древности, сдѣлать хотя бы поверхностное ихъ описаніе. Оленинъ прекрасно это понималъ, и если немного успѣлъ сдѣлать самъ, за то усердно способствовалъ желавшимъ работать въ этомъ направленіи. Такъ, еще въ 1809 г. по его настоянію были отправлены К. М. Бороздинъ и А. И. Ермолаевъ «въ путешествіе по Россіи для открытія и описанія древнихъ достопамятностей, подъ главнымъ начальствомъ П. С. Валуева», позднѣе подъ его же руководствомъ и постояннымъ наблюденіемъ производилъ свои археологическія экскурсіи Ѳ. Г. Солнцевъ и др. Многосложныя и многочисленныя занятія по службѣ лишали Оленина возможности пристальнѣе сосредоточиться на интересахъ археологическихъ, но онъ никогда не покидалъ мысли о нихъ, ибо изученію памятниковъ древности придавалъ значеніе особо-важное. Развивая проэкты «Древностей Россійскихъ», Оленинъ между прочимъ высказалъ мысль, что если «Исторія Россійская доселѣ составляетъ токмо самое скучное лѣтосчисленіе», то это происходитъ главнымъ образомъ по той причинѣ, что у насъ не только не обработанъ, но даже не приведенъ въ извѣстность богатый археологическій матеріалъ, какъ-то: лѣтописи и вообще вещественные памятники древности. Вотъ почему Оленинъ такъ настойчиво убѣждалъ, напр., въ необходимости возможно полнаго и критическаго изданія свода русскихъ лѣтописей (его статья: «Краткое разсужденіе о изданіи полнаго собранія русскихъ дѣеписателей»), и вотъ почему онъ съ такимъ рвеніемъ и любовью слѣдилъ за подготовительными работами Ѳ. Г. Солнцева надъ «Древностями Россійскаго Государства». Оленинъ не

только «слѣдилъ за ходомъ работъ этого археолога, давалъ совѣты и устранялъ препятствія къ полученію доступа къ предметамъ занятій, но и самъ работалъ надъ составленіемъ объяснительнаго текста къ рисункамъ. Этого текста онъ приготовилъ 31 листа»; въ декабрѣ 1841 г. онъ составилъ и «Планъ изданія Древностей, вступленіе и проэктъ заглавія», но самое изданіе начало выходить въ свѣтъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Оленина.

Самъ Оленинъ, повторяемъ, успѣлъ сдѣлать сравнительно немного, но все же его труды—замѣтный вкладъ въ нашу небогатую въ то время археологическую литературу. Оленинъ работалъ въ различныхъ областяхъ археологіи. Такъ, онъ изучалъ наши лѣтописи, и плодомъ этого изученія, между прочимъ, былъ составленный имъ «Алфавитъ достопамятнымъ дѣламъ, собственнымъ именамъ, также лицамъ, славяно-русскимъ стариннымъ реченіямъ, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ: по кенигсбергскому списку, по никонову списку, по новгородскому попа Іоанна и по новгородскому пономаря Тимофея» (до 1811 г. Россійской Академіей было отпечатано лишь 32 листа). Затѣмъ Оленинъ написалъ нѣсколько небольшихъ статей о нѣкоторыхъ памятникахъ отечественной археологіи, напр.: «Рязанскія русскія древности», «Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ», изслѣдованіе о шишакѣ в. к. Ярослава-Всеволодовича и шлемахъ св. Александра-Невскаго и др. Здѣсь нелишне отмѣтить, что при составленіи названныхъ работъ Оленинъ нерѣдко пользовался въ широкихъ размѣрахъ содѣйствіемъ близкихъ къ нему археологовъ и художниковъ (напр. Ѳ. Г. Солнцева). Наконецъ, Оленину принадлежитъ нѣсколько работъ и по классическимъ древностямъ.

Выше уже было отмѣчено, что Оленинъ еще въ Дрезденѣ успѣлъ пристраститься къ произведеніямъ античнаго искусства; съ годами это пристрастіе перешло въ сознательную любовь и выразилось не только въ вышеуказанныхъ художественныхъ опытахъ, но и въ ревностномъ изученіи предметовъ классической археологіи. Такъ, въ 1815 г. Оленинъ напечаталъ «Опытъ о придѣлкахъ къ древней статуѣ Купидона», затѣмъ написалъ замѣчанія на книгу: «Peintures de vases antiques» (1818), въ 1835 г. составилъ: «Опытъ о костюмѣ и оруженіи гладіаторовъ»; занимался изслѣдованіемъ керченскихъ древностей и т. п.; наконецъ, интересъ Оленина къ античному міру особенно проявился въ изученіи Иліады; между прочимъ, плодомъ этого изученія было обширное изложенное имъ въ формѣ писемъ «Изслѣдованіе техническихъ реченій, встрѣчающихся въ Иліадѣ», вызванное переводомъ Гнѣдича.

Литературное наслѣдіе А. Н. Оленина невелико, но отличается разнообразіемъ. Его можно раздѣлить на двѣ группы: 1) труды, составленные Оленинымъ по должности директора Библіотеки и президента Академіи Художествъ и 2) сочиненія по различнымъ вопросамъ наукъ и главн. обр. археологіи. Къ первой группѣ относятся: его Отчеты по управленію Публичной Библіотекой съ 1808 по 1817 (всего 5 книгъ); «Опытъ новаго библіографическаго порядка для С.-Петербургской Императ. Публичн. Библіотеки» (1809); «Публичн. библіотеки въ Парижѣ и Публичная Библіот. въ С.-Петербургѣ» (1832); «Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Императорской Академіи Художествъ» (1829); «Программа полнаго курса теоріи зодчества и строительнаго искусства для учениковъ Импер. Акад. Художествъ» (1831); «Изложеніе средствъ къ исполненію главныхъ предначертаній новаго образованія Императ. Акад. Художествъ» (1831). Изъ трудовъ, относящихся ко второй группѣ, слѣдуетъ отмѣтить его труды по археологіи. Значительная часть ихъ осталась въ рукописи. Нѣкоторыя его сочиненія отчасти перепечатаны, отчасти напечатаны впервые Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ подъ общимъ заглавіемъ: «Археологическіе труды А. Н. Оленина»; вышло 2 тома,—т. I вып. 1: «Переписка съ разн. лицами по поводу предпринятаго Н. И. Гнѣдичемъ перевода Гомеровой Иліады» (1877), вып. 2: «Замѣтки на примѣчанія въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Изображеніе на древнихъ вазахъ» (1881); т. II: «Опытъ о костюмѣ и оружіи гладіаторовъ» (1882).

Изъ археологическихъ сочиненій Оленина, вышедшихъ въ отд. изд. и не вошедшихъ въ только что упомянутое, отмѣтимъ: «Опытъ о придѣлкахъ къ древней статуѣ Купидона, встягивающаго тетиву на лукъ» (1815); «Рязанскія русскія древности, или Извѣстіе о старинныхъ и

богатыхъ великокняжескихъ или царскихъ убранствахъ, найденныхъ въ 1822 г. близъ с. Старой Рязани» (1831); «Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ отъ временъ Трояна и русскихъ до нашествія татаръ» (1832). Значительное количество статей Оленина разсѣяно по журналамъ того времени, напр.: «Обликъ, или портретъ вел. кн. Святослава Игоревича, писанный современникомъ его, византійскимъ историкомъ Львомъ Діакономъ, по словамъ очевидца («Сынъ Отеч.» 1814 г., ч. XI): «Краткое разсужденіе о изданіи полнаго собранія русскихъ дѣеписателей» (ibid. 1814, ч. XII); «Краткое описаніе египетской купчей крѣпости»... (ibid. 1822, ч. 78); «О черниговской медали и пр., помѣщ. въ «Журналѣ Минист. Народн. Просв.» (ч. X, XIII, XV). Какъ на любопытную чисто-внѣшнюю черту его статей слѣдуетъ указать на форму ихъ, въ которую Оленинъ любилъ облекать свои мысли, именно форму писемъ, которыя нерѣдко подъ его перомъ обращались въ обширные трактаты; изъ послѣднихъ отмѣтимъ (кромѣ упомянутыхъ выше): «Письмо къ гр. А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тьмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Тамани въ 1792 г.» (1806); «Письмо къ безъимянному любителю о сочиненіи подъ названіемъ: Real Museo Borbonico» (1835); «письма» къ Спасскому («Соревнователь» 1821, ч. XV), къ издат. «Сибирск. Вѣстника» («Спб. Вѣстн.» 1821, ч. XIV); къ В. И. Григоровичу и кн. Д. М. Голицыну («Журналъ изящн. искусствъ» 1825 г.), къ Н. В. Кукольнику («Художествен. Газета» 1837 г., № 19 и 20). Отличаясь вообще разнообразіемъ научныхъ интересовъ и вращаясь постоянно въ сферѣ литературной и художественной, Оленинъ велъ обширную и содержательную переписку со многими учеными, писателями и художниками по предметамъ, составляющимъ ихъ спеціальность; но въ печати до сихъ поръ изъ этой переписки находится лишь незначительная часть. Немногое изъ ученой переписки Оленина обнародовалъ въ 1888 г. В. В. Латышевъ, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи археологическихъ изслѣдованій въ южной Россіи». Изъ сочиненій Оленина, не имѣющихъ отношенія къ его археологическимъ занятіямъ, отмѣтимъ: «Опытъ о правилахъ медальернаго искусства» (1817); «Краткое разсужденіе о бухгалтеріи и въ особенности о бухгалтеріи казенныхъ мѣстъ» (1810; см. также въ «Сынѣ Отеч.» 1824 г., ч. 91); «Историческое воспоминаніе о нашествіи на Россію» (1816); «Записка о засѣданіи Госуд. Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ импер. Александра I-го», Спб. 1877 (оттискъ изъ XX-го т. Сборника Имп. Русск. Ист. Общ.).

А. Н. Оленинъ былъ женатъ на Елизаветѣ Марковнѣ рожд. Полторацкой (род. 2 мая 1768 г., ум. 3 іюля 1838 г.): она всегда раздѣляла его научные и художественные интересы и умѣла поддерживать оживленіе и непринужденность собиравшагося въ салонѣ ея мужа общества; это общество — друзья А. Н. Оленина были друзьями и всей семьи Олениныхъ. Со смертью Елизаветы Марковны, тяжело отразившеюся на престарѣломъ Алексѣѣ Николаевичѣ, въ домѣ Олениныхъ прекратились и обычныя многолюдныя собранія представителей тогдашнихъ литературы и искусствъ. Въ воспоминаніяхъ современниковъ Е. М. обыкновенно изображается въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. Такъ, по словамъ гр. Уварова, она была «образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ». — Оленины имѣли трехъ сыновей и двухъ дочерей. Сыновья: Николай (убитъ въ Бородинскомъ сраженіи), Петръ (род. въ 1793 г., ум. въ 1868 г., въ чинѣ генер.-маіора въ отставкѣ) и Алексѣй (род. 30 мая 1798 г., ум. 25 декабря 1855 г. въ чинѣ дѣйств. ст. сов.); дочери: Варвара (род. 3 февраля 1802 г., ум. 15 сентября 1877 г., была въ замужествѣ за дѣйств. ст. сов. Г. Н. Оленинымъ), Анна (род. 11 августа 1808 г., ум. 15 декабря 1888 г.; она отличалась умомъ и красотой и была предметомъ поклоненія многихъ поэтовъ, посѣщавшихъ домъ ея отца; между прочими ей писали и ея образъ запечатлѣли въ своихъ стихахъ Пушкинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Веневитиновъ, Козловъ; въ 1840 г. она вышла замужъ за Ѳ. А. Андро-де-Ланжерона, впослѣдствіи сенатора).

Бумаги А. Н. Оленина хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Археологическомъ Обществѣ, въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ (портфели Оленина). — Полный послужной списокъ. — „Дѣла“ Оленина въ архивахъ: Публичной Библіотеки; Минист. Народн. Просвѣщ.; Академіи

Художествъ, Правительствующ. Сената. — Некрологъ въ „Московск. Вѣдом.“ 1843 г., № 49; біограф. замѣтки И. И. Стояновскаго: „Очеркъ жизни А. Н. Оленина“, Спб. 1881 (изъ „Извѣстій Русск. Археолог. Общ.“), М. И. Семевскаго въ „Рус. Стар.“ 1875 г., т. XIV; П. Н. Петровъ: „Матеріалы для исторіи Акад. Худож.“, Спб. 1864; Н. А. Рамазановъ: „Матеріалы для исторіи худож. въ Россіи“, М. 1863; „Описаніе Исаакіевскаго собора“, состав. В. Серафимовъ и М. Фоминъ. Спб. 1865; „Архивъ Брюлловыхъ“, Спб. 1900; В. С. Иконниковъ: „Опытъ русской исторіографіи“; Геннади: „Литература русской библіографіи“; его же: „Русскія книжн. рѣдкости“, Спб. 1872; стр. 77, 78, 99, 104; В. Кеневичъ: „Библіогр. и ист. примѣч. къ баснямъ Крылова“, Спб. 1868; С. П. Шевыревъ: „Исторія Моск. Унив.“, М. 1855, стр. 403, 441; М. И. Сухомлиновъ: „Исторія Россійск. Академіи“; А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи“, его же: „Исторія русской литературы“; Сочиненія К. Н. Батюшкова, Спб. 1887 г., т. I–III; А. С. Пушкина (изд. Литерат. фонда); Г. Р. Державина (Академич. изд.); С. Т. Аксакова, т. III; Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, т. III; М. Корфъ: „Жизнь гр. Сперанскаго“, М. 1861; „Въ память гр. Сперанскаго“, Спб. 1872; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“; Н. П. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“; „Переписка Грота съ Плетневымъ“; „Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ“; Н. Ѳ. Дубровинъ: „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе импер. Александра I“; П. Н. Араповъ: „Лѣтопись русск. театра“; Колюпановъ: „Біографія А. И. Кошелева“; Ѳ. И. Буслаевъ: „Мои досуги“, М. 1886, II. Записки: Ф. Ф. Вигеля, Г. Геракова, Н. И. Греча, И. И. Дмитріева, П. А. Каратыгина, Свербеева, гр. С. С. Уварова („Современникъ“ 1851, т. 27: „Литератур. воспоминанія“, А. В.), Стурдзы („Журн. для чт. восп. в.-уч. завед.“ 1852, т. XCIX); „Сборникъ Отдѣл. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ“, т. II, V, вып. 1 и 2; т. VII, X, XXVII; „Рус. Арх.“ 1865 (воспом. гр. В. А. Соллогуба); 1867 (переп. Жуковскаго съ Тургеневымъ); 1869 и 1870, 1880 (изъ переписки Оленина); 1889 (письма Евгенія Болховитинова), 1892. 1896 (о нѣкот. изд. Оленина): „Новгородск. Сборникъ“, вып. I и II, 1865 (переписка Оленина съ гр. Аракчеевымъ); „Рус. Стар.“ (главн. образ.) т. 7, 14, 25, 37—39; 1890, кн. 8 (статья П. М. Устимовича: „А. А. Андро“); „Истор. Вѣстн.“ 1884 г., „Вѣст. Европы“ 1810, ч. 52; „Чтенія Бесѣды Люб. рус. слова“, кн. 13; „Журн. для пользы и удовольствія“ 1805, ч. II; „Моск. Вѣдом.“ 1829, № 13; 1833, № 29; „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1838, ч. XVII; „Сѣв. Пч.“ 1829, № 107; 1832, № 85, 87; 252; 1845, № 203, 208; 1846, № 63, 64; 1857, № 137; „Литерат. Газета“ 1830, № 69; „Моск. Вѣд.“ 1831, № 41 (о П. Телушкинѣ); „Воен. Журн.“, 1831, № 4; „Москвитянинъ“ 1851, т. XII; „Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ.“, т. XX; „Труды Черниговск. Губ. Арх. Ком.“, вып. 2; „Записки Одесск. Общ. Ист. и Др.“, т. XV; Д. А. Ровинскій: „Подробный словарь русскихъ граверовъ“, Спб 1895; его-же: „Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ“, Спб. 1889, т. I; Гиппіусъ: „Современники“, 1824, тетр. 2; В. И. Саитовъ: „Петербургскій Некрополь“, М. 1883.

Ив. Кубасовъ.

Оленинъ, *Петръ Алексѣевичъ,* (сынъ предъидущаго) генералъ-маіоръ, художникъ, почетный членъ Императорской Академіи Художествъ. П. А. Оленинъ родился въ 1793 г., въ 1807 г. поступилъ на военную службу и въ составѣ Семеновскаго полка принималъ участіе въ Отечественной войнѣ и бывалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ; между прочимъ, въ 1813 г. въ чинѣ подпоручика Оленинъ былъ адъютантомъ гр. Строганова, въ 1819 г. въ чинѣ штабсъ-капитана адъютантомъ Голенищева-Кутузова... Въ 1821 г. въ чинѣ подполковника находился въ Корпусѣ инженеровъ Путей Сообщенія въ качествѣ адъютанта Главноуправляющаго, а въ 1830 г. былъ командующимъ бригадой военно-рабочихъ батальона Путей Сообщенія; въ 1833 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора. Остальную часть жизни провелъ главнымъ образомъ въ своемъ имѣньи въ тверской губерніи и скончался 1868 г. въ с. Прутнѣ. П. А. Оленинъ былъ между прочимъ недурнымъ художникомъ-портретистомъ; изъ его работъ наибольшей извѣстностью пользуется портретъ баснописца Крылова.

Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. „Архивъ Брюлловыхъ“, Спб. 1900, стр. 187.

Оленичъ-Гнененко — *Кириллъ Іакимовичъ,* генералъ-маіоръ, херсонскій гражданскій губернаторъ. Началъ службу въ 1801 г. чиновникомъ полтавскаго губернскаго правленія; въ 1812 г. поступилъ на военную службу и былъ зачисленъ корнетомъ во 2-й Полтавскій казачій полкъ, въ составѣ коего и принималъ участіе въ войнахъ съ Наполеономъ и бывалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ. Въ 1817 г., уже въ чинѣ поручика, Оленичъ былъ переведенъ въ Нѣжинскій конно-егерскій полкъ, а черезъ 2 года, въ чинѣ штабсъ-капитана былъ старшимъ адъютантомъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; въ 1833 г. въ чинѣ полковника былъ переведенъ въ новороссійскій Драгунскій полкъ и назначенъ военнымъ начальникомъ крѣпости Силистріи. Въ 1836 г. Оленичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ въ командованіе Сибирскій линейный казачій полкъ. Въ сентябрѣ 1837 г. Оленичъ, по Высочайшему повелѣнію

былъ переименованъ въ дѣйств. ст. совѣтники и причисленъ къ Минист. Государствен. Имуществъ, а въ 1842 г. назначенъ управляющимъ Астраханской Палатой Государств. Имущ. и главнымъ попечителемъ калмыцкаго народа. Въ 1847 г. Оленичъ вновь былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и въ іюлѣ слѣдующаго года назначенъ на должность херсонскаго гражданскаго губернатора, которую занималъ до выхода въ отставку, т. е. до 1851 г. Въ 1853 г. Оленичъ-Гнененко умеръ.

Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. „Русск. Стар." т. 29, стр. 633.

И. Андреевъ.

Олешевъ *Алексѣй Васильевичъ*, — дѣйств. ст. совѣтникъ, предводитель Вологодскаго дворянства, писатель. Родился 25 сент. 1724 г. въ родовомъ имѣньи въ с. Ермоловѣ (Вологодск. губ.), гдѣ и протекли его дѣтскіе годы. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, Олешевъ побывалъ для пополненія его за границей, между прочимъ, въ Германіи и Франціи. Въ 1741 г. Олешевъ поступилъ на военную службу, а затѣмъ перешелъ на статскую. Въ 1752 г. Олешевъ женился на Марьѣ Васильевнѣ рожд. Суворовой, младшей сестрѣ А. В. Суворова, впослѣдствіи фельдмаршала. Въ 1780 г. Олешевъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ избранъ предводителемъ дворянства Вологодскаго намѣстничества. По истеченіи трехлѣтія онъ снова былъ избранъ на ту же должность и по окончаніи выборовъ 17-го сентября 1783 года отправился во главѣ дворянской депутаціи въ С.-Петербургъ для представленія Императрицѣ Екатеринѣ II. Во время пріема онъ, какъ представитель депутаціи, обратился къ Императрицѣ съ рѣчью, въ которой благодарилъ ее какъ за милостивое отношеніе ея къ дворянству, такъ и за нѣкоторыя финансовыя облегченія, дарованныя дворянамъ. Вскорѣ послѣ этого Олешевъ возвратился въ свое родовое помѣстье, гдѣ продолжалъ вести прежній образъ жизни, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Вологду по дѣламъ службы. Несмотря на то, что Олешевъ состоялъ въ должности губернскаго предводителя дворянства, онъ велъ довольно замкнутую жизнь. «Философъ безъ своенравія и угрюмости, — говоритъ про него М. Н. Муравьевъ—онъ окружилъ себя избраннѣйшими увеселеніями посреди сельской жизни. Любимъ, уважаемъ въ цѣломъ уѣздѣ, съ непритворнымъ усердіемъ раздавалъ онъ совѣты дворянину, наставленія земледѣльцу».—Во время путешествія по Германіи Олешевъ сильно заинтересовался философіей, и владѣя нѣмецкимъ языкомъ, познакомился въ оригиналѣ съ большинствомъ произведеній извѣстныхъ нѣмецкихъ философовъ. Между прочимъ, плодомъ этого знакомства былъ сводъ сдѣланныхъ имъ изъ разныхъ авторовъ выдержекъ подъ заглавіемъ: «Начертаніе благоденственной жизни, состоящее изъ трехъ частей: 1) размышленіе Шпальдинга объ опредѣленіи человѣка, 2) мысли дю-Мулена о спокойствіи духа и удовольствіяхъ сердца и 3) 50 статей нравоучительнаго характера». Спб. 1774; «Вождь къ истинному благоразумію и къ совершенному счастію человѣческому, или отборнѣйшія о сихъ матеріяхъ мысли славнѣйшихъ въ свѣтѣ писателей: Шпальдинга, дю-Мулена и Юнга». Спб. 1780, «Брилліантовая книжка, содержащая: 1) размышленія Шпальдинга объ опредѣленіи человѣковъ съ дополненіемъ новыхъ изданій, 2) мысли дю-Мулена о спокойствіи духа и удовольствіи сердца, 3) 50 статей нравоучительныхъ разсужденій и другихъ полезныхъ упражненій въ стихахъ и прозѣ». Спб. 1780; «Надежный, пристойный и спасительный путь къ снисканію благополучія или брилліантовая книжка» Спб. 1780 г. (По Сопикову всѣ эти четыре книги есть одинъ и тотъ же трудъ Олешева, представляющій отчасти переводъ, отчасти оригинальное сочиненье). «Цвѣты любомудрія, или философическія разсужденія: 1) о томъ, что нѣтъ спокойствія злымъ, 2) о томъ каковъ есть человѣкъ въ его естественномъ состояніи и 3) «О жизни и безсмертіи человѣковъ» (переводъ съ франц.) Спб. 1783. Одновременно съ переводами иностранныхъ сочиненій философскаго характера Олешевъ занимался естественными науками и приложеніемъ ихъ къ сельскому хозяйству. Съ 1766 года онъ состоялъ членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и неоднократно помѣщалъ въ «Трудахъ Общества» свои оригинальныя статьи, касавшіяся вопросовъ сельскаго хозяйства. Нѣкоторыя изъ этихъ статей представляютъ собою разсужденія, основанныя на опытахъ, которые Олешевъ

производилъ въ своемъ имѣніи. Въ 1766 году онъ напечаталъ въ «Трудахъ» Общества свои статьи относительно неурожая ржи въ Вологодской губерніи; въ слѣдующемъ году о насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбамъ и травамъ; затѣмъ—о культурѣ льна и производствѣ пряжи, «о дѣланіи вологодскихъ свѣчъ» и т. п. Олешевъ скончался 7 іюня 1788 года и похороненъ на кладбищѣ Ал.-Невской Лавры. Современники сохранили о немъ весьма лестные отзывы; поэтъ Рубанъ, между прочимъ, въ эпитафіи Олешева говоритъ о немъ, что онъ «былъ воинъ, судія, мудрецъ и экономъ, снискавшій честь сохой и шпагой и перомъ».

В. И. Саитовъ: „Петербургскій Некрополь“ М. 1883 г.; „Русск. Стар.“ 1870, т. I; „Русск. Архивъ“ 1865, т. I; М. Н. Муравьевъ: „Сочиненія“, т. II, с. 296; „Труды Вольноэкономич. общества“, 1766, т. 2, 3; 1767 г., т. 6; 1773 г., т. 25; Сопиковъ: „Опытъ россійской библіографіи“; Варадиновъ: „Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ“, ч. II, Спб. 1859, стр. 558—9; „Спб. Вѣдом.“ 1825, с. 923, 964; А. И. Ходневъ: „Исторія Импер. Вольно-Экономич. Общества“, Спб. 1865, с. 26, 181.

А. Петровъ.

Олешкевичъ, *Александръ Павловичъ*, докторъ медицины, писатель; ум. въ 1873 г., въ Петербургѣ, похороненъ на кладбищѣ Воскресенскаго монастыря. Въ 1843 г., по окончаніи Медико-хирургической академіи, былъ назначенъ въ Кременчугскій егерскій полкъ. Въ 1854 г. былъ избранъ инспекторомъ С.-Петербургской врачебной управы, удостоенъ степени доктора медицины и назначенъ старшимъ врачемъ лейбъ-гвардіи Павловскаго резервнаго полка. Ему принадлежитъ: «De oleo jecoris Aselli, ejusque variis in morbis efficatia» (докторская диссертація), Спб. 1854 г.

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели“, тетр. 2, Спб. 1886 г., стр. 41; „Исторія Императорской военно-медицинской (бывшей медикохирургической) академіи за сто лѣтъ“. Спб. 1898 г.; приложенія, стр. 223 и 481.

И. Давидовичъ.

Олешкевичъ, *Іосифъ Ивановичъ* (Iózef Oleszkiewicz), академикъ исторической живописи Императорской Академіи Художествъ; предсѣдатель масонской ложи Бѣлаго Орла въ С.-Петербургѣ. Олешкевичъ родился въ 1777 году въ мѣстечкѣ Радошковицахъ, Минской губерніи; отецъ его, бѣдный жмудскій дворянинъ, былъ по профессіи музыкантъ. Начальное образованіе Олешкевичъ получилъ благодаря поддержкѣ графа Александра Ходкевича, принявшаго въ немъ участіе. Въ 1800 году Олешкевичъ былъ помѣщенъ въ Виленскую главную школу и былъ ученикомъ профессора живописи Фр. Смуглевича; въ 1803 году, онъ поѣхалъ за границу, побывалъ въ Дрезденѣ и Парижѣ, гдѣ совершенствовался въ избранномъ имъ искусствѣ подъ руководствомъ извѣстнаго David'a d'Angers. По возвращеніи изъ-за границы Олешкевичъ нѣкоторое время жилъ на Волыни и готовился къ занятію въ Виленскомъ университетѣ каѳедры живописи; но въ 1810 году отказался отъ этой мысли и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ заниматься, главнымъ образомъ, портретной живописью. Въ 1812 году Олешкевичъ написалъ картину: «Призрѣніе и попеченіе императрицы Маріи Ѳеодоровны о бѣдныхъ» (Opieka sierot). Картина, несмотря на нѣкоторую искусственность въ композиціи, обратила на Олешкевича вниманіе. Государыня выразила ему свое благоволеніе, а Императорской Академіей Художествъ онъ былъ произведенъ въ академики исторической живописи. Впрочемъ, Олешкевичъ пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ не столько своими картинами, сколько благодаря своимъ громаднымъ почти энциклопедичнымъ познаніямъ, оригинальному образу жизни и, главнымъ образомъ, благодаря тому положенію, которое онъ занималъ въ кругу Петербургскихъ масоновъ. Въ 1822 году Олешкевичъ былъ избранъ начальникомъ (maître en chaise) ложи Бѣлаго Орла (послѣ сенатора гр. Адама Ржевускаго). Онъ имѣлъ самую высокую степень въ орденѣ, и петербургскія ложи признавали его ложу первенствующей. Глубокій мистикъ, Олешкевичъ своими мистическими наклонностями давалъ направленіе своей ложѣ. Говорятъ, что его доктрина имѣла много общаго съ ученіями Сенъ-Мартена, но отличалась и многими своеобразностями.—Являясь всегда проповѣдникомъ гуманности и воздержанія, онъ имѣлъ доброе сердце, что доказывалъ и на дѣлѣ. Человѣкъ въ высшей степени религіозный, щедрый благотворитель и до удивленія скромный въ своихъ потребностяхъ, Олешкевичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и образцомъ милосердія. «У насъ еще не было обществъ покровительства животнымъ—гово-

ритъ одинъ современникъ,—а Олешкевичъ и словомъ, и дѣломъ распространялъ правила этихъ ассоціацій». Рѣдкія качества его души и ума привлекали къ нему вниманіе и симпатіи лицъ различныхъ слоевъ общества и профессій, въ особенности художниковъ и писателей. Между прочимъ, съ нимъ былъ знакомъ и Мицкевичъ, посвятившій его памяти стихотвореніе. Олешкевичъ и самъ былъ писателемъ. Впрочемъ, онъ печаталъ немного. Нѣкоторой извѣстностью пользовалось его сочиненіе (на франц. яз.): «L'automne du monde de l'humanité», въ которомъ онъ старался доказать, что «человѣчество прожило весну и лѣто, что наступаетъ для него осень и оно должно озаботиться приготовленіемъ всего, что можетъ спасти его отъ преждевременной гибели». Олешкевичъ скончался 5 окт. 1830 г. и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Художественныя произведенія Олешкевича разсѣяны въ большомъ количествѣ по храмамъ Царства Польскаго и Западнаго Края, а также есть и у частныхъ лицъ. Лучшими его картинами, кромѣ указанной («Попеченіе о бѣдныхъ») слѣдуетъ признать: 1) Копію Преображенія Господня Рафаэля, 2) копію David'a—Ахиллъ, оплакивающій смерть Патрокла и 3) Прощаніе гетмана Ходкевича съ молодой супругой передъ отправленіемъ подъ Хотимъ. Кромѣ того, слѣдуетъ назвать картины, находящіяся въ Спб. костелѣ піаровъ: 1) Пресвятая Дѣва съ младенцемъ Іисусомъ и 2) Христосъ на крестѣ. Изъ портретовъ его работы лучшіе — Адама и Юрія князей Чарторыжскихъ, Маріи Шимановской, генерала Ольховскаго и Генриха Ржевускаго.

А. Сомовъ: Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ. Оригинальныя произведенія русской живописи. Спб., 1872; Słównik malarzów polskich tudzież obcych, w Polsce osiadłych lub czasowo w niej przebywających przez Edwarda Rastawieckiego, tom II. Warszawa 1851; Encyklopedja powszechna S. Orgelbranda. L. Golębiowski. Opis Warszawy. 1827 roku: Wizerunki i roztrząśnienia naukowe. Wilno 1838 roku. I. Pisma Adama Mickiewicza, nie objęte czterotomowem wydaniem Wàrszawskiem w 2 tomach. Tom I, Lwów, 1901 r.; Tygodnik Petersburgski 1830 roku, str. 341; Powszechny Dziennik Krajowy 1830 roku № 309; О. А. Прежцлавскій: „Іосифъ Олешкевичъ" („Русская Старина" 1876 г., т. XVI); Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. Leipzig 1863—1867. Band III; Ф. К. Неслуховскій: „Мицкевичъ въ Россіи". („Ист. Вѣстникъ" 1880, № 5). Калейдоскопъ воспоминаній Циприуса, въ „Русск. Архивѣ" 1872 года; В. А. Спасовичъ: „Адамъ Мицкевичъ и его поэтическое творчество" (Сочиненія, томъ IX); Пыпинъ: „Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его (1731—1822)" Спб., 1873.

Олещинскій, *Антонъ Яковлевичъ* (Antoni Oleszczyński), академикъ гравированія на мѣди и стали Императорской Академіи Художествъ. Родился въ 1794 году въ Люблинскомъ воеводствѣ. Отецъ его былъ докторомъ правъ Краковской академіи наукъ. Среди бывшихъ въ концѣ XVIII вѣка въ Польшѣ военныхъ неурядицъ мать Олещинскаго вынуждена была искать спасенія въ бѣгствѣ и сына Антона родила въ лѣсу. Въ 1810 году, пройдя курсъ піитики и реторики въ польской гимназіи ксендзовъ-піаровъ, Олещинскій былъ вызванъ гр. Ст. Грабовскимъ, директоромъ канцеляріи статсъ-секретаріата Варшавскаго герцогства, въ Варшаву и назначенъ помощникомъ секретаря канцеляріи. Каллиграфическія способности Олещинскаго и его рисунки перомъ обратили на него вниманіе важныхъ сановниковъ, которые поднесли образцы его работъ Императору Александру I-му во время пребыванія послѣдняго въ Варшавѣ въ 1816 году. Государю очень понравились работы Олещинскаго и онъ приказалъ принять Олещинскаго въ Академію Художествъ на казенный счетъ. Въ Академіи Олещинскій проходилъ курсъ подъ руководствомъ Н. И. Уткина, который сразу оцѣнилъ его талантъ. Въ 1819 и 1820 годахъ Олещинскій получилъ 2-ую и 1-ую серебряныя медали за конкурсные рисунки, а годъ спустя, въ августѣ 1821 года, Академія на запросъ объ Олещинскомъ со стороны предсѣдателя коллегіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ дала о немъ отзывъ, какъ о художникѣ, «талантъ котораго можетъ быть славой его родины, если получитъ правильное развитіе». За все время пребыванія въ Академіи Олещинскій получилъ шесть медалей. Въ 1824 году, окончивъ курсъ Академіи, онъ по своему собственному рисунку выгравировалъ портретъ академика А. Кокоринова, за который получилъ большую золотую медаль. По возвращеніи Олещинскаго въ 1825 году въ Варшаву, онъ былъ командированъ въ Парижъ въ качествѣ пансіонера къ извѣстному граверу Рипому, для окончательнаго усовершенствованія въ гравер-

номъ искусствѣ. Здѣсь онъ сразу обратилъ на себя вниманіе отмѣннымъ натурнымъ этюдомъ пильщика и другими мелкими работами. Среди его трудовъ большихъ размѣровъ замѣчательны, кромѣ указанныхъ: портретъ Косцюшки, Мадонна и двѣ большія гравюры въ честь Коперника и Яна Замойскаго. Его же рѣзцу принадлежитъ бюстъ Красицкаго, приложенный къ одногомному изданію 1830 года (въ Парижѣ), произведеній поэта; много гравюръ Олещинскаго и въ изданіи Вильчинскаго: Album Wileńskie; въ изданіи Ходзько и Грабовскаго: «Pologne illustrée»; много красиваго въ его воспоминаніяхъ «Wspomnienia o polakach», Paris 1843 и «Разныхъ разностяхъ» (Rozmaitości polskie—Variétés polonaises. Paris 1833). По блеску и красотѣ рѣзца, по оригинальности и плодовитости своихъ произведеній Олещинскій, какъ говоритъ Д. А. Ровинскій, былъ выше своего знаменитаго учителя—Н. И. Уткина. Особеннымъ изяществомъ отличаются его виньетки и мелкія картинки съ заставками изъ польскихъ рукописей, рамками разнаго стиля и фантастическими фонами. Въ орнаментномъ отношеніи положительно невозможно подыскать ему равнаго.—Послѣ возстанія 1831 года Олещинскій не могъ вернуться въ Россію, но въ 1832 году послѣдовало повелѣніе императора Николая Павловича о вызовѣ его изъ-за границы и опредѣленіи на службу въ Академію Художествъ. Но Олещинскій не вернулся въ Петербургъ, былъ исключенъ изъ службы и до конца жизни оставался въ Парижѣ. Въ Парижѣ Олещинскій жилъ постоянно въ скромной обстановкѣ и послѣдніе дни своей жизни проводилъ въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Граверное дѣло не доставляло ему необходимыхъ для существованія средствъ, а чтобы добыть ихъ, онъ вынужденъ былъ заниматься расписываніемъ тарелокъ, которыя выходили у него верхомъ совершенства. Онъ часто жалѣлъ о Россіи и С.-Петербургской Академіи. «Я вѣдь всегда былъ другомъ русскихъ», говаривалъ онъ. Дѣйствительно, по словамъ Д. Ровинскаго, онъ на самомъ дѣлѣ старался дѣлать все, что могъ, для поддержки нашихъ молодыхъ граверовъ, попадавшихъ за границу. Умеръ Олещинскій въ 1879 году.

Дѣло Императорской Академіи Художествъ объ Антонѣ Олещинскомъ. 1832 года; Отчетъ Имп. Акад. Худож. за 1862—1863 годъ; „Pologne historique, littéraire, monumentale et pittoresque, redigée par une société de litterateurs sous la direction de Léonard Chodżko, publiée par I. S. Grabowski", Paris 1835—1842; Fayot, „Histoire de Pologne depuis son origine jusqu'en 1831"; Paris 1831—1832 и другія сочиненія того же автора. Oleszczyński: O wpływie sztuk pięknych na rękodzieła i przemysł, Kraków 1858; его же „Wspomnienia o polakach", Paryż 1843; его же „Rozmaitości polskie" (Variétés Polonaises Paris 1833; „Biblioteka Warszawska" 1872 roku Estreicher: „Bibliografija XIX stulecia"; Д. Ровинскій: „Полный словарь русскихъ граверовъ", Словарь Брокгауза. „Encyklopedja powszechna" tom XIX; Larousse: Dictionnaire univers." vol. 11; La grande encyclopédie v. 25.

Александръ Петровъ.

Олещинскій, *Владиславъ Яковлевичъ* (младшій братъ предъидущаго) граверъ, скульпторъ. Олещинскій родился въ дер. Конская Воля, Люблинской губ. въ 1808 г. Свои упражненія въ художествахъ онъ началъ тотчасъ по окончаніи училища ксендзовъ-піаровъ въ Варшавѣ. Въ 1825 г. онъ обратилъ на себя вниманіе министра финансовъ Царства Польскаго кн. Любецкаго и тотъ исходатайствовалъ ему заграничную командировку для подготовки къ должности медальера и гравера Варшавскаго монетнаго двора. Въ Парижѣ онъ работалъ подъ руководствомъ Дантона d'Angers'a и скоро сдѣлалъ крупные успѣхи какъ по части гравированія, такъ и скульптуры. Въ 1830 г. онъ вернулся въ Варшаву и работалъ на монетномъ дворѣ, и послѣ возстанія 1831 г. уѣхалъ опять въ Парижъ, гдѣ всецѣло посвятилъ себя скульптурѣ. Изъ лучшихъ его раннихъ скульптурныхъ работъ считаютъ Le Genie du printemps, находящуюся въ Луврскомъ Музеѣ; его же рѣзцу принадлежитъ и памятникъ Мицкевича, находящійся на кладбищѣ въ Познани. Въ 1859 г. Олещинскій вернулся въ Варшаву, гдѣ скоро получилъ множество частныхъ заказовъ. Задумавъ выполнить медальенную галлерею польскихъ писателей, онъ успѣлъ приготовить, между прочимъ, изображенія Ю. Бартошевича, Крашевскаго, Войцицкаго и др., которыя считаются одними изъ лучшихъ его работъ. Въ 1863 г. онъ получилъ заказъ — сдѣлать памятникъ генералу Скржинецкому, началъ его въ Варшавѣ, но закончилъ въ Италіи и это была его послѣдняя работа. Олещинскій умеръ въ Римѣ 11 августа 1866 года.

Encyclopedja powszechna 1865 г., t. XIX; Larousse: „Dictionnaire univers.", vol. II.

Олещинскій, *Северинъ Яковлевичъ* (Sewerin Oleszczyński, братъ предыдущихъ), заслуженный каллиграфъ и литографъ, родился въ 1801 году въ Царствѣ Польскомъ, образованіе получилъ въ Опольской гимназіи. Не окончивъ гимназическаго курса, Олещинскій поступилъ на службу въ мировой судъ Казимирскаго уѣзда, откуда въ 1815 г. перебрался въ Варшаву, гдѣ занималъ небольшія казенныя должности и посѣщалъ курсы рисованія при университетѣ, пока въ 1825 г. не былъ командированъ на 2 года во Францію и Германію для усовершенствованія въ литографскомъ искусствѣ. По возвращеніи изъ за границы, онъ между прочимъ въ 1833 г. поступилъ на службу въ Польскій банкъ, гдѣ будучи съ 1837 по 1862 годъ директоромъ литографіи, значительно ее усовершенствовалъ и сталъ извѣстенъ многими своими изобрѣтеніями въ области литографіи. Умеръ Олещинскій въ 1874 году. Печатные труды Олещинскаго: «Польская, русск., франц. и нѣмецкая каллиграфія». 3 части (21 изд.) 1843 г.; «Прописи русск., франц., нѣм. и итальянскія» (Wzory pism rosyjskich, francuzkich, niemieckich i włoskich). Wybór ozdób kalligrajicznych (1848). Mapa instytutów religijnych i naukowych w Królewstwie. Mapa Rosji Europejskiej 1835 и др.

S. Orgelbrand: „Encyklopedja Powszechna", tom. II. Estreicher: „Bibliografja XIX stulecia". *А. Петровъ.*

Олинъ, *Валерьянъ Николаевичъ*, писатель и издатель начала XIX-го столѣтія; родился приблизительно въ 1788-мъ году и происходилъ изъ дворянъ. Получивъ домашнее образованіе, Олинъ 20-го декабря 1803-го г. былъ зачисленъ на службу концеляристомъ въ Канцелярію Государственнаго Казначея, откуда въ 1810 г. перешелъ на службу въ Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка; затѣмъ въ слѣдующемъ году переводчикомъ въ Контору Театральной Дирекціи; а въ 1812 г. перевелся въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, и въ томъ же году въ Особую канцелярію Министра Полиціи. Впрочемъ, и здѣсь онъ прослужилъ недолго и во всей послѣдующей жизни довольно часто мѣнялъ родъ службы; такъ, въ 1819 г. Олинъ служилъ въ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ; въ 1820-мъ г. былъ преподавателемъ словесности въ Университетскомъ Пансіонѣ, наконецъ, въ 1829-мъ году служилъ въ I Отдѣленіи Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли Министерства Финансовъ. Въ точности годъ смерти Олина неизвѣстенъ; вѣроятнѣе предположить, что онъ умеръ въ 1840-хъ годахъ.

Имя В. Н. Олина, какъ литератора, и при жизни его не пользовалось большой извѣстностью, не смотря на обиліе изданныхъ имъ сочиненій, послѣ же его смерти оно было забыто и большинство знаетъ его лишь по Пушкинскому «Собранію насѣкомыхъ», гдѣ онъ фигурируетъ подъ видомъ «черной мурашки» (или «тощей піявки»).

По выраженію В. К. Кюхельбекера, Олинъ—«горе-богатырь въ русской поэзіи». И дѣйствительно, чтобы составить себѣ литературное положеніе, Олинъ очень много работалъ въ литературѣ въ качествѣ автора, переводчика и издателя и использовалъ не мало средствъ, начиная съ пера, кончая раболѣпствомъ. Не обладая истиннымъ литературнымъ талантомъ и не имѣя положительныхъ литературныхъ убѣжденій, Олинъ не стѣснялся въ своей писательской дѣятельности ни формой, ни направленіемъ, и его страсть къ сочинительству выражалась тѣмъ, что онъ послѣдовательно усваивалъ себѣ тѣ различныя направленія, которыя возникали и развивались на его глазахъ въ литературѣ. Онъ переводилъ одновременно и Горація, и Оссіана и Байрона; писалъ фантастическіе разсказы въ духѣ Гофмана и Вашингтона Ирвинга, печаталъ, правда, плохія, критическія статьи, издавалъ журналы самого разнообразнаго содержанія и перевелъ не мало книгъ также разнообразнаго содержанія. Олинъ началъ свою писательскую дѣятельность съ поклоненія Державину, которому въ 1809 г. написалъ панегирикъ, и смерть котораго оплакалъ въ дурныхъ стихахъ; въ дальнѣйшей своей дѣятельности Олинъ хватался за все: писалъ и переводилъ и прозой и стихами, но, какъ сказано, ни въ чемъ не проявилъ даровитости, хотя, впрочемъ, нерѣдко старался откликаться на новыя вѣянія. Въ 1818 и 1819-мъ году Олинъ издавалъ «Журналъ древней и новой словесности», гдѣ помѣщали свои произведенія Н. И. Гнѣдичъ, В. В. Капнистъ и И. А. Крыловъ. Здѣсь между прочимъ онъ напечаталъ найденное имъ письмо Ломоносова къ Ивану Ивановичу Шувалову «о размно-

женіи и сохраненіи русскаго народа», навлекшее на Олина цензурныя кары; въ 1821 году онъ издавалъ газету «Рецензентъ», въ которомъ напечатана, между прочимъ, его критическая статья о «Русланѣ и Людмилѣ». Въ 1826-мъ году Олинъ одновременно съ П. А. Катенинымъ перевелъ изъ Расина «Баязетъ», но потерпѣлъ неудачу, такъ какъ всѣ предпочли работу Катенина. Въ 1831-мъ году онъ издавалъ журналъ «Колокольчикъ», расходившійся очень плохо; денежную помощь оказывалъ ему купеческій сынъ В. Я. Никоноровъ, самъ сочинявшій бездарные разсказы, которые Олину по необходимости приходилось печатать въ своемъ журналѣ.

Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Олинъ не прочь былъ иногда спуститься и до пріемовъ льстиваго и раболѣпнаго одописца. Такъ, напр., въ 1832 г. онъ перевелъ съ англійскаго «Записки о Россіи» Вильямса, посвятивъ ихъ графу А. А. Аракчееву «изъ благоговѣнія передъ его гражданскими доблестями и прямою любовью къ отечеству» и сочинивъ при этомъ къ портрету графа самые подобострастные стихи.—Литературное наслѣдіе Олина довольно обширно. Кромѣ указаныхъ выше журналовъ онъ издалъ: «Сокращенный памятникъ Росс. законодательства» 1829 г., «Карманная книжка для любителей русск. старины и словесности на 1829 г.»; «Панегирикъ Державину», 1809 г.; «Сраженіе при Лорѣ, эпическая поэма изъ Оссіана», 1813 г.; «Римская Исторія», соч. Мильтона, 1821; «Урокъ въ ботаникѣ, или наказанная недовѣрчивость, въ 1 д., съ аріями», 1822; «Двѣ элегіи, посвященныя памяти незабвенной супруги», 1822; «Оскаръ и Альтосъ», 1823; «Кальѳонъ», 1824; «Возвращеніе славянской царицы Доброславы, въ 2 д.», 1826; «Баязетъ», трагедія въ 5 д. (переводъ); Обманутый алхимикъ, ком. 1827 (переводъ); «Корсеръ», траг. въ 3 д. съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: Турецкою и Аравійскою, заимств. изъ англ. поэмы Лорда Байрона, 1827; «Кумова постеля, пов. заимств. изъ суевѣрныхъ народныхъ разсказовъ», 1829; «Картина восьмилѣтія Россіи съ 1825—1834 г.», 1835; «Записки о Петрѣ Великомъ». Соч. Вилліамса. Часть 1-ая. (Пер. съ англ.), 1835; «О рожденіи Петра Великаго. Преданіе. Съ присовокупл. стиховъ на единодержавіе» и проч., 1835; «Странный балъ, повѣсть изъ Разсказовъ на станціи и восемь стихотвореній, 1838; «Разсказы на станціи», двѣ части, 1839.—Кромѣ того Олинъ помѣщалъ свои произведенія въ альманахахъ; «Амфіонъ» 1815 г., № 6, 7, 9; «Новыя Аониды» 1823 г.; «Полярная звѣзда» 1824 г.; «Невскій альманахъ»: 1826 г.; «Альбомъ сѣверныхъ музъ» 1828 г.; «Эвтерпа» 1831 г.; «Венера» 1831 г.; «Весеннія цвѣты» 1835 г. и въ журналахъ: «Чтенія въ Бесѣдѣ любителей россійскаго слова» 1813, 1815; «Сынъ Отечества» съ 1816 по 1824 г.; «Нов. лит.» 1823 г., 1824; «Соревнователь» 1823 г.; «Литературные Листки» 1824 г., «Московскій Телеграфъ» 1825 г.; «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1833 г.

„Дневникъ А. В. Никитенко". Т. I, стр. 315; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ". Спб. 1899. Т. I, стр. 52, 56, 429, 430. 434, 602. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова. Т. IV 1901 г., стр. 513—519. — Сочиненія А. С. Пушкина. (Изд. Литер. фонда). Т. II-ой, III и V-ый; „Древняя и новая Россія" 1880 г., № 1 „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Томъ второй. Спб. 1885 г., стр. 243—244; Записки К. А. Полевого, стр. 189; Сочиненія К. Н. Батюшкова, Т. II Спб. 1886 г., стр. 390, 730; „Русскій Арх." 1873 г., стр. 0472; 1880 г. Т. II, стр. 426, 1881 г. Т. I, стр. 150, 152. „Переписка Грота съ Плетневымъ". Т. II. стр. 887; Н. П. Барсуковъ: „Жизнь и Труды Погодина". Т. V и VII; Сочиненія Г. Р. Державина. (Акад. изд.). Т. VI, стр. 334, 490; „Историческій вѣстникъ" 1887 г; „Русская Старина" 1874 г., стр. 619, 638. Т. VIII и Т. IX, стр. 639; Томъ XXIII, стр. 255—256; Т. LX, стр. 115; LXI, стр. 329; Т. LXIII, стр. 273; 1903 г. февраль, стр. 316—317. „Сынъ Отечества" 1821 г., 1823 г., 1825 г., 1827 г., 1839 г.—„Славянинъ" 1828 г.: „Вольфъ: Хроника Петерб. Театровъ"; „Записки о моей жизни Н. И. Греча", стр. 495; Бурцевъ: „Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ". Часть IV-ая. № 794. — „П. А. Анненковъ и его друзья" Спб. 1892, стр. 167. — А. Я. Головачева-Панаева „Русскіе писатели и артисты"; Сухомлиновъ: Изслѣдованія. Т. I, стр. 449, 459, 460; „Благонамѣренный" 1823 г.; Московскій Телеграфъ" 1828 г., № 6, 1830 г. № 9; „Сѣверная Пчела" 1835 г., № 170.—„Молва" 1835 г., № 45. „Библіотека для чтенія" 1838 г. Т. XXVIII; „Московскій Наблюдатель" 1839 г. Т. I; „Отечественныя записки" 1839 г. Т. IV; „Московскія вѣдомости" 1829 г. № 10; Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената; Архивъ Министерства Народнаго просвѣщенія.

Б. Алексѣевскій.

Олицъ, *Петръ Ивановичъ*,—генералъ-аншефъ, корпусный командиръ и андреевскій кавалеръ. Нѣмецъ по происхожденію

Олицъ въ 1730 г. поступилъ на военную службу и, дослужившись до офицерскаго чина, принялъ православіе. Скоро онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы, которая приказала въ 1750 г. произвести его въ полковники и онъ былъ назначенъ командиромъ Рижскаго полка. Два года спустя, посланный для подавленія безпорядковъ, возникшихъ въ калужской вотчинѣ Демидова, онъ былъ вмѣстѣ со всей своей командой драгунъ захваченъ взбунтовавшимися крестьянами въ плѣнъ и пробылъ у нихъ довольно долго. За такую оплошность Олицъ былъ лишенъ командованія полкомъ и даже отданъ подъ судъ. Впрочемъ, уже въ декабрѣ 1755 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Наступившая вслѣдъ затѣмъ семилѣтняя война дала ему возможность отличиться, и за храбрость, выказанную въ сраженіи при Цорндорфѣ, во время котораго Олицъ былъ раненъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, а за отличія въ дѣлахъ при Кунерсдорфѣ и подъ Франкфуртомъ, ему былъ пожалованъ 14-го августа 1759 года орденомъ св. Александра Невскаго. Однако со смертью императрицы Елизаветы Петровны положеніе Олица ухудшилось. Говорятъ, что Петръ III не только не согласился на его производство въ генералъ-аншефы, но даже уволилъ его въ отставку. Обиженный Олицъ сдѣлался приверженцемъ Екатерины и содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ; въ 1763 году онъ снова былъ принятъ на службу и пожалованъ въ генералъ-аншефы. Съ началомъ первой турецкой войны въ царствованіе императрицы Екатерины II Олицъ отправился въ армію и былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ. Со своимъ корпусомъ онъ занялъ Валахію, за что былъ награжденъ въ іюнѣ 1770 года орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ въ началѣ 1771 года онъ взялъ крѣпость Журжу, за что былъ представленъ къ наградѣ орденомъ св. Георгія 2-ой степени; но Олицъ не дожилъ до полученія этой награды: онъ умеръ въ Валахіи 7-го апрѣля 1771 года.

„Сенатскій Архивъ" Спб. 1897 г., т. 8; Н. Барановъ: „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Спб. архивѣ Правительствующаго Сената" т. III, Спб. 1878, стр. 314, 400, 428. „Сынъ Отечества" 1847 г., іюль, ст.: „Сподвижники Императрицы Екатерины II", стр. 7; „Русскій Архивъ" 1865 г., 2-ое изд., ст.: „Случайные люди въ Россіи", стр. 100—102; Словари: Старческаго и Брокгауза и Ефрона. „Истор. Вѣстн." 1899.
Е. Ястребцевъ.

Олоховъ, *Платонъ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, помощникъ начальника артиллеріи Кіевскаго военнаго округа. Родился 28-го іюня 1814 года и происходилъ изъ дворянъ. Получивъ воспитаніе въ петербургскомъ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, Олоховъ по окончаніи курса былъ произведенъ въ 1832 г. въ прапорщики и назначенъ въ 8-ую артиллерійскую бригаду, а два съ половиной года спустя былъ переведенъ въ гренадерскія батареи 3-ей гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, въ которой прослужилъ болѣе 25-ти лѣтъ, и послѣдовательно былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ октябрѣ 1861 года Олоховъ былъ назначенъ начальникомъ 3-ей артиллерійской дивизіи, а черезъ два года помощникомъ начальника артиллеріи Кіевскаго военнаго округа, которую и занималъ до самой своей смерти, причемъ въ 1864 году 30-го августа былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. П. А. Олоховъ умеръ отъ холеры на станціи Самострѣлы, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи 31-го іюля 1866 года. Въ тотъ же день умеръ и братъ его Аполлонъ Алексѣевичъ (род. въ 1815 г.) — генералъ-маіоръ, помощникъ начальника артиллеріи Одесскаго военнаго округа.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Дѣло 1866 года 6-го отдѣленія, 3-го стола, № 202; „Военный Ежегодникъ" на 1868 г., стр. 307—308. *Е. Ястребцевъ.*

Олоховъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, братъ предъидущаго — генералъ-лейтенантъ, начальникъ артиллеріи Казанскаго военнаго округа. Родился 14 мая 1812 г. и по окончаніи С.-Петербургскаго 1-го кадетскаго корпуса въ 1830 г. былъ произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ легкую № 2 роту 8-й артиллерійской бригады. Наступившая вслѣдъ затѣмъ польская кампанія 1831 г. дала ему возможность отличиться и за выказанную храбрость онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. Послѣ сего, въ теченіе болѣе, чѣмъ 30 лѣтъ Олоховъ служилъ въ различныхъ артиллерійскихъ бригадахъ, сначала въ качествѣ офицера, затѣмъ командира, пока въ 1865 г. не былъ назначенъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, помощникомъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи. 31 января 1868 г. онъ былъ назначенъ одесскимъ комендантомъ, а 30 августа

1869 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Переведенный въ сентябрѣ 1874 г. комендантомъ въ Керчь, Олоховъ прослужилъ тамъ около трехъ лѣтъ, и 3 февраля 1877 г. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи Казанскаго военнаго округа. Ѳ. А. Олоховъ скончался въ Саратовѣ 11 іюня 1877 г.

Общій архивъ Главнаго Штаба. Дѣло 1877 г. 6 отдѣленія, 3 стола, № 698.

Е. Ястребцевъ.

Олсуфьевъ, графъ, ***Адамъ Васильевичъ***, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II-й. Олсуфьевъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVII-го столѣтія. Олсуфьевы не принадлежали къ старой Московской знати и выдвинулись только при Петрѣ Великомъ. Адамъ Васильевичъ былъ сыномъ оберъ-гофмейстера Василія Дмитріевича и жены его Евы Ивановны, рожденной Голендеръ, по происхожденію шведки; родился онъ 16-го января 1721-го г. и получилъ при крещеніи, по волѣ крестившаго его императора Петра I-го, имя Адама, хотя родители предполагали назвать его Василіемъ. Семи лѣтъ Адамъ Васильевичъ лишился отца и остался на рукахъ матери, которая вскорѣ послѣ смерти мужа вышла вторично замужъ за полковника Венцеля. Принявъ близко къ сердцу воспитаніе своего пасынка, Венцель занялся его образованіемъ и 17-го февраля 1732 г. опредѣлилъ его въ только что тогда открытый Шляхетный Кадетскій Корпусъ. Здѣсь Адамъ Васильевичъ пробылъ семь лѣтъ, и успѣлъ обратить на себя вниманіе своими недюжинными дарованіями и способностью къ языкамъ; вотъ почему, когда въ 1739-мъ году открылась война съ Турціей и фельдмаршалъ гр. Минихъ обратился въ Корпусъ съ просьбой дать ему молодого человѣка, знающаго языки, выборъ начальства сразу палъ на молодого Олсуфьева. Онъ былъ выпущенъ изъ Корпуса съ производствомъ изъ капраловъ въ поручики въ армейскій карабинерный полкъ и назначенъ состоять при Минихѣ для веденія его иностранной корреспонденціи. Любопытный дипломъ, выданный Олсуфьеву изъ Корпуса, въ такихъ выраженіяхъ описываетъ учебные успѣхи Адама Васильевича: «сочиняетъ латинскія, французскія и нѣмецкія письма весьма изрядно, и переводитъ съ нѣмецкаго языка на французскій языкъ экстемпре хорошо; универсальную исторію окончилъ, и отвѣтствовалъ изрядно, а притомъ знаетъ нѣкоторыя и специальныя исторіи; въ географіи прошелъ всѣ карты и знаетъ преизрядно; рисуетъ миніатюрою, также и нахштики красками очень хорошо; въ логикѣ дошелъ до силогизмовъ, и отвѣтствовалъ изрядно; въ юсъ-натурѣ отвѣтствовалъ твердо; ариѳметику окончилъ; танцуетъ минуетъ; въ фехтованіи въ началѣ». По окончаніи военныхъ дѣйствій, во время которыхъ онъ неотлучно находился при фельдмаршалѣ, А. В. Олсуфьевъ перешелъ на дипломатическое поприще и былъ назначенъ секретаремъ русскаго посольства въ Копенгагенѣ при посланникѣ баронѣ І. А. Корфѣ. Это заграничное пребываніе Олсуфьева было очень продолжительно; А. В. настолько обжился въ Даніи, что женился на датчанкѣ, которая однако скоро умерла, не оставивъ ему потомства. Вернувшись въ Россію и женившись вскорѣ на Маріи Васильевнѣ Салтыковой, Олсуфьевъ отчислился отъ Копенгагенской миссіи и поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ къ канцлеру Бестужеву. Въ С.-Петербургѣ открылось широкое поприще для его служебной карьеры. Черезъ родственниковъ своей жены, въ особенности черезъ брата ея—Сергѣя Васильевича Салтыкова, который пользовался большимъ расположеніемъ вел. кн. Екатерины Алексѣевны, Адамъ Васильевичъ сдѣлался извѣстенъ молодой великой княгинѣ и скоро сталъ въ рѣдкіе еще тогда ряды ея приверженцовъ; онъ помогалъ великой княгинѣ переписываться съ ея матерью, сношенія съ которой ей были строжайше запрещены, и снискалъ ея расположеніе своимъ веселымъ уживчивымъ характеромъ, остроуміемъ и широкой образованностью. Въ ноябрѣ 1756-го г. Олсуфьевъ былъ произведенъ въ дѣйствит. ст. совѣтники и сдѣланъ затѣмъ членомъ преобразованной имъ и Пуговишниковымъ въ 1758-мъ году, по порученію канцлера Воронцова, Иностранной Коллегіи, а также личнымъ секретаремъ императрицы Елизаветы Петровны. Съ этого времени онъ сталъ быстро подвигаться по службѣ, и, по рекомендаціи кабинетъ-министра барона Черкасова, который по старости лѣтъ просилъ Императрицу объ увольненіи отъ дѣлъ, сталъ исполнять его

обязанности, завѣдуя личными доходами Императрицы и Сибирскими золотыми и серебряными пріисками, а послѣ смерти барона занялъ его мѣсто, сдѣлавшись кабинетъ-министромъ. Когда канцлеръ Бестужевъ подвергся опалѣ, Адамъ Васильевичъ по должности кабинетъ-министра составилъ манифестъ объ его увольненіи и, находясь въ числѣ личныхъ его враговъ, тѣмъ не менѣе, сохранилъ дружескія отношенія съ супругой Наслѣдника Престола. Положеніе Олсуфьева, какъ близкаго къ императрицѣ лица, было въ то время очень щекотливо среди трехъ враждовавшихъ лагерей т. е. самой императрицы, наслѣдника Престола и молодой великой княгини. Надо было имѣть много такту и ловкости, чтобы не раздражить той или другой стороны и это ему удавалось вполнѣ. Онъ не потерялъ довѣрія императрицы до послѣднихъ дней ея жизни и, находясь у постели умирающей государыни, имѣлъ случай еще лишній разъ убѣдиться въ ея большомъ къ нему расположеніи; императрица одного его оставила у своей постели, дѣлая предсмертныя распоряженія наслѣднику и въ его присутствіи высказала великому князю свою послѣднюю волю. Въ то время Адамъ Васильевичъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Александра Невскаго.

Новое царствованіе не отозвалось неблагопріятно на судьбѣ Олсуфьева. Онъ остался во всѣхъ своихъ должностяхъ и званіяхъ (хотя и собирался въ январѣ 1762-го года удалиться отъ дѣлъ) и неизмѣнно сохранилъ милостивое отношеніе къ себѣ императора Петра III-го. По воцареніи же Екатерины II-й Олсуфьевъ получилъ въ управленіе частную канцелярію императрицы. Назначенный 8-го іюля 1762-го г. вмѣстѣ съ Тепловымъ и Елагинымъ статсъ-секретаремъ къ императрицѣ, онъ былъ введенъ въ кругъ дѣлъ самаго разнообразнаго характера. Денежныя дѣла императрицы, секретныя инструкціи губернаторамъ и участіе въ рядѣ крупныхъ государственныхъ и частныхъ дѣлъ императрицы — вотъ кругъ дѣятельности Олсуфьева въ качествѣ статсъ-секретаря. Весьма довольная его распорядительностью, императрица цѣнила труды Олсуфьева, и въ январѣ 1763-го года назначила его сенаторомъ въ 1-й департаментъ Сената. Въ томъ же году онъ былъ привлеченъ къ дѣятельному участію въ переговорахъ по поводу торговаго договора съ Англіей, и успѣлъ своимъ отношеніемъ къ дѣлу, знаніями и опытностью снискать весьма лестную характеристику англійскаго посла, который въ донесеніяхъ своему двору заявлялъ, что «считаетъ Олсуфьева по способностямъ и образованію выше всѣхъ русскихъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло».

Около этого времени императрица была занята мыслью объ учрежденіи Высшаго Совѣта, для разсмотрѣнія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; планъ этотъ не былъ однако приведенъ ею въ исполненіе, но изъ имѣющихся документовъ видно, что въ числѣ шести намѣченнымъ Екатериною избранниковъ находился и Олсуфьевъ. 20-го марта 1764-го г. Олсуфьевъ уволился отъ обязанностей по принятію подаваемыхъ на Высочайшее имя челобитенъ, но сохранилъ за собою всѣ другія свои должности и продолжалъ находиться въ числѣ самыхъ близкихъ лицъ къ императрицѣ.

Составленіе и обнародованіе знаменитаго Наказа, вызвавшаго представителей всѣхъ сословій государства со всѣхъ сторонъ Россіи въ Москву, не прошли безслѣдно и для Олсуфьева. Избранный депутатомъ въ Коммиссію о городахъ, онъ выступилъ горячимъ защитникомъ дворянскихъ интересовъ, дѣйствуя въ этомъ отношеніи заодно съ историкомъ княземъ М. М. Щербатовымъ. 8-го января 1769-го г. въ 202-мъ засѣданіи Коммиссіи, въ званіи опекуна отъ разныхъ иновѣрцевъ, Олсуфьевъ былъ избранъ въ числѣ девяти человѣкъ въ Дирекціонную Коммиссію. Впрочемъ, занятый служебной работой, онъ не могъ посвящать много времени своимъ депутатскимъ обязанностямъ и потому его участіе въ дѣлахъ Коммиссіи не могло быть значительнымъ.

Въ званіи сенатора Олсуфьевъ нерѣдко принималъ участіе во многихъ крупныхъ дѣлахъ. Начавъ свою сенатскую практику въ 1765-мъ году первымъ докладомъ о необходимости отпуска ненужныхъ при соляренныхъ заводахъ рабочихъ, Олсуфьевъ въ слѣдующемъ 1766-мъ году выступилъ съ проектомъ о взиманіи съ 1767-го г. со всѣхъ живущихъ въ Слободско-Украинской и другихъ губерніяхъ цыганъ подати въ размѣрѣ семи гривенъ. Отвлеченный другими занятіями отъ сенаторскихъ обязанностей, Олсуфьевъ, назначенный 6-го

декабря 1767-го г. присутствовать въ 1-мъ департаментѣ, хотя и продолжалъ участвовахъ въ засѣданіяхъ Сената, но не выступалъ съ крупными докладами, и только въ 1776-мъ году, послѣ продолжительнаго перерыва, въ обстоятельномъ рапортѣ Сенату изложилъ противозаконныя дѣйствія Тобольской Губернской канцеляріи, которая размѣщала по Казеннымъ заводамъ ясачныхъ татаръ, остяковъ и другихъ инородцевъ, не имѣя на то никакого права и производила другія беззаконія. Изслѣдовавъ на мѣстѣ этотъ вопросъ, Олсуфьевъ 16-го февраля 1782-го г. въ подробномъ докладѣ Сенату раскрылъ злоупотребленія по взиманію податей съ приписанныхъ къ Колывано - Воскресенскимъ солеваренными заводамъ и Барнаульскимъ рудникамъ крестьянъ, указавъ при этомъ на отсутствіе свободныхъ наемныхъ рабочихъ, благодаря чему многіе рудники закрылись. Кромѣ того, Олсуфьевъ нѣсколько разъ выступалъ въ Сенатѣ съ докладами о безпорядкахъ и небрежномъ веденіи дѣлъ въ Юстицъ-Коллегіи. Впрочемъ, несогласія и даже столкновенія съ нѣкоторыми высшими административными лицами (между прочимъ съ генералъ - прокуроромъ кн. Вяземскимъ) принудили неуступчиваго Олсуфьева просить императрицу объ увольненіи его отъ присутствія въ Сенатѣ.—Въ 1782-мъ году обнаружились безпорядки и злоупотребленія въ дѣлахъ Императорскихъ Театровъ; театры эти хронически стали давать дефицитъ правительству, которое и рѣшило наконецъ учредить Комитетъ для урегулированія административной и финансовой стороны театральнаго управленія, обративъ при этомъ вниманіе и на положеніе артистовъ. Во главѣ этого Комитета императрица поставила Адама Васильевича, назначивъ его 12-го іюля 1783-го г. предсѣдателемъ. Его обязанности и компетенція были тщательно изложены въ 44 пунктахъ, находящихся въ рескриптѣ императрицы Олсуфьеву. Смерть однако помѣшала Олсуфьеву довести до конца порученное ему дѣло; онъ умеръ 27 іюня 1784 г., отъ водянки.

Посвятивъ всю свою жизнь службѣ, достигнувъ крупныхъ чиновъ и почетныхъ званій, проведя болѣе половины жизни при дворѣ, Олсуфьевъ избѣжалъ однако участи большинства близкихъ ко двору лицъ XVIII-го вѣка, не попавъ ни разу въ опалу, несмотря на то, что интрига и зависть кругомъ его постоянно уносили ту или другую жертву. Особенность характера Олсуфьева и его тактъ спасли Адама Васильевича отъ общей участи людей, желавшихъ тогда играть роль при дворѣ. Современники сходятся въ характеристикѣ Адама Васильевича, изображая его человѣкомъ очень умнымъ, общительнымъ, не принимавшимъ активнаго участія въ борьбѣ временщиковъ и не внушавшимъ потому къ себѣ враждебнаго отношенія.—Любя спокойную привольную жизнь, при веселомъ характерѣ и большомъ остроуміи Олсуфьевъ посвящалъ свои досуги музыкѣ, театру, литературѣ, но иногда не прочь былъ принимать участіе и въ шумной жизни Екатерининскихъ вельможъ. Прекрасно владѣя языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ, шведскимъ и датскимъ, Олсуфьевъ былъ хорошо знакомъ съ иностранной литературой и самъ писалъ сатирическія и оригинальныя произведенія, а также много переводилъ иностранныхъ авторовъ, впрочемъ, очень мало печатая. Переведенныя имъ итальянскія оперы игрались при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, а нѣмецкая комедія «Шесть блюдъ», очень понравившаяся императрицѣ Екатеринѣ, по ея просьбѣ была передѣлана Олсуфьевымъ для русской сцены и сыграна при Дворѣ. Эта пьеса была тогда же напечатана. Изъ его переводовъ извѣстны итальянскія оперы: «Евдокія вѣнчанная или Θеодосій II-й» 1751 г., «Селевкъ» 1744 г., «Митридатъ» 1747 г., «Беллерофонтъ», напечатанныя въ Петербургѣ. Кромѣ того онъ перевелъ большинство комедій стихотворца Бонекки. Литературная дѣятельность Адама Васильевича, не нося на себѣ печати крупнаго таланта, была, конечно, скоро забыта, но его широкая образованность, знакомство съ литературой, языками, любовь къ искусствамъ и собственные труды въ связи съ его высокимъ общественнымъ положеніемъ доставили Олсуфьеву почетныя мѣста въ Вольно - Экономическомъ Обществѣ, Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Первые шаги дѣятельности Вольно - Экономическаго Общества неразрывно связаны съ именемъ Олсуфьева: онъ былъ выбранъ въ первые президенты Общества еще до утвержденія устава и

оставался имъ до 1-го января 1766 г.; кромѣ того, онъ былъ избираемъ въ это званіе еще два раза: въ 1769-го и 1773 г.

21-го октября 1783-го г. въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ Олсуфьевъ былъ избранъ въ почетные члены; почтенный Академіей, Олсуфьевъ выразилъ готовность участвовать въ Академическихъ трудахъ и обѣщалъ сообщить Академіи разныя коренныя словасъ иностраныхъ языковъ.

Кромѣ того, Адамъ Васильевичъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Искусствъ. Это новое въ то время учрежденіе въ Россіи избрало Олсуфьева въ свои члены, благодаря его большимъ познаніямъ по исторіи искусства и знакомству съ произведеніями знаменитыхъ художниковъ. Послѣ него осталось богатое собраніе картинъ и гравюръ, которое, къ сожалѣнію, погибло въ Московсій пожаръ 1812 г.; только коллекція русскихъ портретовъ и русскихъ народныхъ картинокъ — единственное въ своемъ родѣ собраніе, которое Олсуфьевъ составлялъ съ 1766-го г., уцѣлѣло. Оно подробно описано у Ровинскаго.

Жена Адама Васильевича — Марія Васильевна, рожд. Салтыкова, статсъ-дама Императрицы Екатерины II-й (род. 1728 г. † 14-го ноября 1792 г.), происходила изъ старинной и очень вліятельной семьи. Ея отецъ Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ оказалъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ большую услугу своимъ содѣйствіемъ ея восшествію на престолъ. Марія Васильевна съ юныхъ лѣтъ была зачислена фрейлиной къ императрицѣ Елизаветѣ. Сынъ А. В. Олсуфьева — *Сергѣй Адамовичъ*, род. 29 января 1755 г., умеръ въ чинѣ генералъ-маіора 6 іюля 1818 г.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXI, стр. 908; — „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи", сочиненіе Митрополита Евгенія. Томъ I, стр. 106; — „Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ" Спб. 1892 г. Отд. I и II; — „Опытъ Историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ". Собралъ Николай Новиковъ. Спб. 1772 г., стр. 157—158; — „Матеріалы для исторіи русской литературы". Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867 г., стр. 79; — „Исторія Россійской Академіи", М. И. Сухомлинова. Спб. 1888 г. Т. I, стр. 16; Т VII, стр. 99, 100, 497, 498; — „День" 1862 г. № 17; — „Историческій Вѣстникъ" 1885 г. Т. XXI; — 1887 г. Т. XXIX, стр. 396—398, 403; — „Русскій Архивъ" 1863 г., стр. 391—480; 1870 г. стр. 1341—1348; 1874 г. Т. II; 1877 г. Т. III, стр. 112—129; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества". Т. 7, 10, 12, 13, 18, 23, 26, 27, 33, 36, 42, 43, 46—48. — Д. Ровинскій. „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ". Томъ I; Спб. 1889 г.: — „Историческое собраніе списковъ кавалеровъ орденовъ", Бантышъ-Каменскій, стр. 210; — Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи", Томы: XVII—XXI; — „Русское Обозрѣніе" 1896 г. № 9, стр. 337; П. Бартеневъ: „XVIII вѣкъ". Изд. 1869. Т. I, стр. 79; Т. II, стр. 358, 359, 590—567; „Архивъ князя Воронцова", I, III—VI; XIII—XV; XXVI; XXXI; XXXIII; „Ярославскія епархіальныя вѣдомости" 1872 г. № 7; — А. И. Ходневъ: „Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества", Спб. 1865 г., стр. 612—657; — „Именной списокъ кадетамъ". Спб. 1761 г., стр. 16—17; — „Русская Старина" 1870 г. Т. II, стр. 113—125; 1872 г. Т. V В. И. Саитовъ: „Петербургскій Некрополь". М. 1883.

В. Алексѣевскій.

Олсуфьевъ, *Александръ Дмитріевичъ*, — тайный совѣтникъ, почетный опекунъ московскаго опекунскаго совѣта. А. Д. Олсуфьевъ родился въ 1790 г. и, получивъ хорошее домашнее образованіе, въ 1806 г. опредѣлился въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Въ 1812 г. Олсуфьевъ былъ откомандированъ въ качествѣ дипломатическаго чиновника въ дѣйствующую армію къ кн. Багратіону. Подъ Смоленскомъ и Бородинымъ Олсуфьеву пришлось принять участіе въ сраженіяхъ; въ апрѣлѣ слѣдующаго же года Олсуфьевъ былъ зачисленъ штабсъ-ротмистромъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, въ составѣ котораго участвовалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ: подъ Лейпцигомъ, Бріенъ-Лошато, Ларотьерѣ, Монмиралѣ, С.-Кроанѣ, Феръ-Шампенауэѣ и др. Раны и тягости походовъ заставили Олсуфьева оставить военную службу и онъ, уволенный въ январѣ 1817 г. съ чиномъ штабсъ-капитана, черезъ годъ опредѣлился снова въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, впрочемъ, на дѣйствительной службѣ состоялъ недолго. Въ ноябрѣ 1833 г. Олсуфьевъ былъ утвержденъ судьею Московскаго Совѣстнаго Суда и предсѣдателемъ коммисіи для ревизіи дѣйствій Московскаго дворянскаго депутатскаго собранія. 13 января 1839 г. Олсуфьевъ былъ назначенъ членомъ Московскаго попечительнаго совѣта заведеній общества призрѣнія, а въ октябрѣ 1841 г. былъ утвержденъ въ должности директора московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета. 29 іюля 1848 г. Олсуфьевъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго собранія. 27 декабря 1852 г. Олсуфьевъ, въ чинѣ тайнаго со-

вѣтника, вышелъ въ отставку и 31 марта слѣдующаго года скончался.

Архивъ Правительствующаго Сената. *Н. Мурзановъ.*

Олсуфьевъ, *Василій Дмитріевичъ*, оберъ-гофмейстеръ Двора императрицы Екатерины I, отецъ статсъ-секретаря Екатерины II Адама Васильевича Олсуфьева. Годъ рожденія В. Д. Олсуфьева неизвѣстенъ; службу началъ при Дворѣ въ 1701 году, а съ 1708 года управлялъ уже «дворцовыми императорскими дѣлами» (дворцовой канцеляріей) и съ тѣхъ поръ почти неотлучно находился при императрицѣ Екатеринѣ I, сопровождалъ ее во всѣхъ ея поѣздкахъ. Въ званіе оберъ-гофмейстера, по словамъ камеръ-юнкера Берхгольца, Олсуфьевъ былъ пожалованъ 3-го февраля 1723 года. Олсуфьевъ скончался въ Петербургѣ въ концѣ 1723 года.

Кн. Долгорукій: „Русская родословная книга" ч. IV, С.-Пб. 1857 г. стр. 440; Барановъ: „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ" т. I, и II; „Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца" т. II, стр. 351 и т. III, стр. 262; „Русскій Архивъ" 1883 г. кн. III, стр. 1—64; И. И. Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго" изд. II, т. VI, и IX. *Е. Я.*

Олсуфьевъ, *Василій Дмитріевичъ*,— генералъ-маіоръ. Родился въ 1766 г. и, по обычаю того времени,—семилѣтнимъ мальчикомъ былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ капраломъ; дѣйствительную же службу началъ съ 1783 г., въ чинѣ прапорщика. Въ 1789 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ противъ шведовъ, за что въ январѣ 1790 г. былъ произведенъ въ капитаны гвардіи, затѣмъ въ войну 1795—1796 гг. онъ отправился въ Англію волонтеромъ и по возвращеніи оттуда 15 ноября 1796 г. былъ произведенъ въ полковники, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ командиромъ 3 гренадерскаго полка. Произведенный 10 марта 1801 г. въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять по арміи, онъ болѣе уже не занималъ никакой должности до самой смерти, послѣдовавшей 30 марта 1819 г.

Общій архивъ Главнаго Штаба. „Книга формулярныхъ списковъ генералъ-маіоровъ 1818 г.". *Е. Ястребцевъ.*

Олсуфьевъ, графъ *Василій Дмитріевичъ*, оберъ-гофмейстеръ. Родился въ Москвѣ 21 іюня 1796 г.—15 сентября 1813 г., по окончаніи курса Пажескаго корпуса, былъ произведенъ въ корнеты и назначенъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Въ составѣ этого полка онъ принялъ участіе въ походѣ во Францію и за оказанныя въ нѣсколькихъ сраженіяхъ отличія былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. По возвращеніи въ Россію, Олсуфьевъ вскорѣ (въ январѣ 1820 г.) оставилъ военную службу и въ теченіе 20 лѣтъ служилъ въ разныхъ выборныхъ должностяхъ въ Московской губерніи, и между прочимъ въ 1828 г. былъ избранъ Звенигородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1830 г. Олсуфьевъ былъ пожалованъ въ камергеры, а въ 1836 г. въ церемоніймейстеры. Назначенный 13 февраля 1838 г. московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Олсуфьевъ черезъ два года былъ переведенъ на должность гофмаршала Двора Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и съ этихъ поръ до конца жизни состоялъ въ придворной службѣ и постепенно былъ пожалованъ званіемъ оберъ-гофмейстера и награжденъ всѣми орденами до ордена св. Александра Невскаго включительно. Кромѣ того, 26 августа 1856 г. В. Д. Олсуфьевъ былъ возведенъ въ графское достоинство.—По свидѣтельству современниковъ, гр. В. Д. Олсуфьевъ отличался мягкимъ добрымъ сердцемъ и религіозностью. Между прочимъ, состоя гофмейстеромъ сначала цесаревны, а потомъ императрицы Маріи Александровны, онъ, по ея собственному признанію, укрѣпилъ ее въ истинѣ святого православія. Онъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ со многими свѣтскими и духовными писателями, поддерживавшими съ нимъ оживленную переписку, отчасти проникшую и въ печать. Олсуфьевъ скончался скоропостижно въ Римѣ 11 февраля 1858 г., погребенъ въ Москвѣ на кладбищѣ Данилова монастыря. — Гр. В. Д. Олсуфьевъ былъ женатъ на Маріи Алексѣевнѣ рожд. Спиридовой.

Ѳ. Р. фонъ-Фрейманъ: „Пажи за 185 лѣтъ" стр. 179, 180 и 818; „Сѣверная Пчела" 1858 г. № 51 и 57, стр. 272, некрологъ; „Мѣсяцесловъ" на 1859 г. некрологъ, стр. 345; „Архивъ Брюлловыхъ", С.-Пб. 1900; „Христіанск. Чтеніе" 1898, № IX, с. 350—359: „Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту Филарету": „Рус. Архивъ" 1881, II; 1883, I. 1896; „Старина и Новизна", Спб. 1900, кн. I (письма В. А. Жуковскаго Олсуфьеву). Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", т. X; С. С. Татищевъ: „Императоръ Александръ II", т. I., Спб. 1903. *Е. Я.*

Олсуфьевъ, *Захаръ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ. Родился въ 1773 году въ Тверской губерніи. По обычаю того времени, Олсуфьевъ въ дѣтскіе годы былъ записанъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; дѣйствительную службу началъ съ 1-го января 1786 года въ чинѣ прапорщика; за участіе въ Финляндской войнѣ былъ произведенъ въ капитанъ-поручики, а въ 1795 г. въ капитаны. Въ томъ же 1795 году Олсуфьевъ принялъ участіе въ качествѣ волонтера въ экспедиціи, снаряженной въ помощь Англіи. Въ 1798 г. Олсуфьевъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора былъ назначенъ императоромъ Павломъ I шефомъ Брянскаго мушкетерскаго полка. Но этимъ не ограничились къ нему милости императора, по приказанію котораго даже Брянскій мушкетерскій полкъ былъ переименованъ въ «Мушкетерскій Олсуфьева полкъ». Однако Олсуфьеву не удалось сохранить милость императора до конца. Уже 22-го сентября 1800 года онъ подвергся опалѣ и былъ уволенъ въ отставку. Впрочемъ, по смерти императора Павла I, Олсуфьевъ попрежнему состоялъ шефомъ различныхъ полковъ, сначала Выборгскаго мушкетерскаго, затѣмъ Шлиссельбургскаго мушкетерскаго и наконецъ снова Выборгскаго полка. Съ началомъ войны съ Наполеономъ возобновилась и боевая дѣятельность Олсуфьева, длившаяся болѣе 9-ти лѣтъ почти непрерывно. Состоя въ корпусѣ гр. Буксгевдена, онъ участвовалъ въ Аустерлицкой битвѣ 20-го ноября 1805 года. Во время этого сраженія онъ отряженъ былъ въ колонну гр. Ланжерона, дѣйствовавшую на лѣвомъ крылѣ русской арміи, и при началѣ сраженія, когда русскія войска переходили Гольдбахскій ручей, онъ овладѣлъ селеніемъ Сокольницемъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св Анны 2-ой степени. Далѣе, Олсуфьевъ участвовалъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, командуя отдѣльнымъ отрядомъ; затѣмъ въ 1807 г. въ дѣлахъ 24-го и 25-го мая передъ Гейльсбергскимъ сраженіемъ, причемъ командуя 14-ой пѣхотною дивизіей, онъ взялъ въ плѣнъ цѣлый непріятельскій отрядъ съ генераломъ въ главѣ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой степени; во время же Гейльсбергскаго сраженія, когда французы стремительно атаковали главный редутъ, Олсуфьевъ, несмотря на только что полученную сильную контузію, ударилъ со всей дивизіей въ штыки и опрокинулъ французовъ, чѣмъ рѣшилъ исходъ боя. За это дѣло онъ былъ награжденъ золотою шпагою, осыпанною алмазами, съ надписью: «За храбрость». Послѣ заключенія мира Олсуфьевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 30-го августа 1807 года назначенъ начальникомъ 22-ой пѣхотной дивизіи, входившей въ составъ Молдавской арміи кн. Прозоровскаго. Въ 1809 году снова началась война съ Турціей и 22-я пѣхотная дивизія была назначена въ составъ войскъ, осаждавшихъ Брановъ; при штурмѣ послѣдняго Олсуфьевъ былъ серьезно раненъ; впрочемъ скоро оправился и вновь вступилъ въ ряды арміи; въ апрѣлѣ 1810 г. Олсуфьевъ былъ назначенъ командиромъ резервнаго корпуса, расположеннаго въ Молдавіи и Валахіи, и съ этимъ корпусомъ принялъ участіе въ осадѣ и штурмѣ въ ночь на 22-ое іюля крѣпости Рущука. Во время этого штурма Олсуфьевъ, командовавшій 2-ой колонною, снова былъ раненъ; разстроенное въ непрерывныхъ бояхъ здоровье заставило Олсуфьева выйти въ отставку; но уже въ самомъ началѣ Отечественной войны онъ, какъ испытанный боевой генералъ, былъ снова призванъ на службу и назначенъ 28-го августа 1811 года начальникомъ 17-ой пѣхотной дивизіи, вошедшей въ составъ корпуса Багговута. Въ бою подъ Смоленскомъ Олсуфьевъ съ 30 и 48 егерскимъ полками подкрѣплялъ Дохтурова и много способствовалъ отраженію французовъ. Затѣмъ въ бою подъ Лубинымъ онъ удачными дѣйствіями своей дивизіи заставилъ французовъ отступить за р. Страгань; затѣмъ въ Бородинскомъ сраженіи Олсуфьевъ со своей дивизіей помогалъ Тучкову 1-му выбить Понятовскаго изъ Утицкаго кургана и послѣ того, какъ Тучковъ 1-й былъ смертельно раненъ, Олсуфьевъ принялъ на себя начальство, вытѣснилъ французовъ съ кургана и удержался на позиціи до самаго вечера. Въ Тарутинскомъ сраженіи Олсуфьеву пришлось принять командованіе корпусомъ Багговута, послѣ того, какъ тотъ былъ убитъ. За отличія, выказанныя въ этомъ дѣлѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ой степени. Далѣе Олсуфьевъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, при

Вязьмѣ, при Дорогобужѣ, подъ Краснымъ и въ другихъ. Въ кампаніи 1813 года Олсуфьевъ участвовалъ въ сраженіяхъ: люценскомъ, бауценскомъ, причемъ за послѣднее былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, алмазами украшеннымъ. Назначенный въ августѣ того же года командиромъ 9-го корпуса, бывшаго въ арміи Блюхера, онъ принималъ участіе во многихъ крупныхъ сраженіяхъ и между прочимъ отличился въ битвѣ подъ Лейпцигомъ и въ блокадѣ Майнца. Въ кампанію 1814 года Олсуфьевъ участвовалъ въ Бріенскомъ дѣлѣ, во время котораго находился въ самомъ жаркомъ огнѣ, причемъ, несмотря на то, что подъ нимъ была убита лошадь и почти всѣ его адъютанты и ординарцы были перебиты или ранены, онъ не оставлялъ поля сраженія и удержалъ городъ за нами. Однако послѣ этого дѣла въ его отрядѣ, носившемъ громкое названіе корпуса, осталось всего лишь 3700 человѣкъ пѣхоты при 24 орудіяхъ. Съ ними-то онъ въ теченіе цѣлаго дня выдерживалъ 29-го января упорный неравный бой съ громадной арміей Наполеона, который воспользовался ошибкой Блюхера, разбросавшаго свою армію (въ составѣ которой находился и корпусъ Олсуфьева) на значительномъ пространствѣ. Бой загорѣлся у деревни Байе и длился съ перерывами съ утра и до вечера. Чуть не половина людей изъ корпуса Олсуфьева выбыло изъ строя и французы успѣли обойти его почти со всѣхъ сторонъ и отрѣзать отъ арміи Блюхера. Видя это, Олсуфьевъ рѣшилъ наконецъ отступить. Оставивъ генералъ-маіора Полторацкаго съ аррiергадомъ въ Шампоберѣ для прикрытія отступленія, онъ съ остальными войсками началъ отступленіе, но вскорѣ былъ встрѣченъ французами. Намѣреніе пробиться въ штыки окончилось неудачею, и во время одной изъ атакъ, когда Олсуфьевъ съ шашкой въ рукѣ отбивался отъ французовъ, онъ былъ выхваченъ изъ рядовъ и взятъ въ плѣнъ, но все-таки значительная часть его отряда спаслась и на другой день присоединилась къ Блюхеру. Наполеонъ, которому былъ представленъ Олсуфьевъ, предложилъ послѣднему просить императора Александра I-го объ обмѣнѣ его—Олсуфьева на французскаго генерала Вандама, но Олсуфьевъ отказался, заявивъ, что плѣнъ дѣлаетъ его виновнымъ предъ императоромъ. Послѣ этого, Олсуфьевъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ находился до самаго взятія этого города союзными войсками, причемъ въ тотъ же день былъ представленъ императору Александру I, встрѣтившему его словами: «Захаръ Дмитріевичъ! мнѣ не надобно требовать отъ тебя отчета о томъ, какъ попалъ ты въ плѣнъ. Знаю всѣ подробности: ты дрался, какъ русскій генералъ и вѣрный сынъ Отечества!»

Назначенный по возвращеніи войскъ въ Россію въ сентябрѣ 1814 года временно-командующимъ четвертымъ корпусомъ, Олсуфьевъ весной слѣдующаго года со своимъ корпусомъ снова двинулся за границу, причемъ на смотрѣ подъ Вертю командовалъ 17-ой пѣхотной дивизіей въ корпусѣ Раевскаго. Возвратясь въ Россію, онъ оставался въ той же должности до 1820 года, когда былъ назначенъ сенаторомъ. Въ слѣдующемъ году его разбилъ параличъ, и послѣ 14-лѣтнихъ страданій З. Д. Олсуфьевъ скончался 20-го марта 1835 года, на 62 году отъ рожденія.

А. И. Михайловскій-Данилевскій: „Военная Галлерея Зимняго Дворца“ т. I, Спб. 1845 г., біографія съ портретомъ; его же: „Отечественная Война“, „Описаніе похода во Францію 1813 и 1814 гг.“, стр. 97—103; „Отечественная война“ (описаніе войны 1812—1815 гг. по сочиненію А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Приложеніе къ журналу „Родина“ за 1899 г. сентябрь № 9), стр. 641—644 и др. Кн. П. Долгорукій: „Россійская родословская книга т. IV, Спб. 1857 г., стр. 441; А. Карцевъ: „Военно-историческій обзоръ войны 1812 г.“ Спб. 1858 г., стр. 48; Словари: Брокгауза, Старчевскаго, Толя.

Е. Ястребцевъ.

Олсуфьевъ, *Матвѣй Дмитріевичъ*,— оберъ-гофмейстеръ Двора Петра Великаго. Годъ рожденія его въ точности неизвѣстенъ; образованіе, по нѣкоторымъ даннымъ, М. Д. Олсуфьевъ получилъ за границей; службу при Дворѣ Петра Великаго началъ около 1700 года, и съ тѣхъ поръ почти безотлучно находился при царѣ, сопровождая его во всѣхъ путешествіяхъ, какъ по Россіи, такъ и за границей. Повидимому, Олсуфьевъ пользовался большимъ довѣріемъ Государя, такъ какъ получалъ иногда отъ Царя довольно важныя порученія; между прочимъ, въ 1714 году ему было поручено розыскивать въ Лифляндіи родственниковъ Екатерины I; впослѣдствіи на него же было возложено управленіе только что возникшимъ Государственнымъ коннозаводствомъ. Въ оберъ-

гофмейстеры Олсуфьевъ былъ пожалованъ въ 1722 году. По смерти своего брата—Василія Дмитріевича (въ декабрѣ 1723 г.), бывшаго оберъ-гофмейстеромъ при императрицѣ Екатеринѣ I, Олсуфьевъ вступилъ въ управленіе собственными дѣлами Императрицы, продолжая въ то же время завѣдывать и общими дѣлами дворцовой канцеляріи. Со смертью Петра Великаго значеніе Олсуфьева стало падать; скоро перешло отъ него въ другія руки и управленіе дѣлами дворцовой канцеляріи. Награжденный орденомъ св. Александра Невскаго, М. Д. Олсуфьевъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и поселился на покоѣ, хотя и продолжалъ числиться оберъ-гофмейстеромъ Высочайшаго двора до 17 ноября 1730 года, когда по прошенію былъ уволенъ въ отставку. М. Д. Олсуфьевъ скончался до 1750 года. Онъ былъ женатъ три раза: 1) на Вельяминовой-Зерновой, 2) Донненстернъ и 3) на Аннѣ Ивановнѣ Сенявиной (дочери контръ-адмирала) фрейлинѣ императрицы Екатерины I, бывшей впослѣдствіи статсъ-дамой (ум. 26-го апрѣля 1743 года). Отъ брака съ послѣдней Олсуфьевъ имѣлъ сына Павла Матвѣевича, скончавшагося 2 іюля 1783 г. въ чинѣ генералъ-поручика.

„Письма и Бумаги Императора Петра Великаго" т. IV, С.-Пб. 1900 г. стр. 185 и 782; кн. Долгорукій: „Русская родословная книга" т. IV, стр. 440; кн. Лобановъ-Ростовскій: „Родословный Сборникъ" кн. 2, стр. 212; „Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца" ч. I, М. 1857 г. стр. 56, 143, 144 и 148 и ч. I, М. 1858 г. стр. 351; Барановъ: „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ" т. I, и II; И. И. Голиковъ; „Дѣянія Петра Великаго", изд. 2-е, т. VI—XV; „Русск. Архивъ" 1883, кн. 3, (переписка М. Д. Олсуфьева съ кн. А. Д. Меньшиковымъ). Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. 27. *Е. Я.*

Олсуфьевъ, *Николай Дмитріевичъ* генералъ-маіоръ, состоявшій при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Родился въ 1775 году и шестилѣтнимъ мальчикомъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; 16-го апрѣля 1797 года въ чинѣ подпоручика началъ дѣйствительную службу въ томъ же полку. Въ маѣ 1800 года вел. кн. Константинъ Павловичъ—шефъ полка—назначилъ Олсуфьева своимъ адъютантомъ и вслѣдъ затѣмъ Олсуфьевъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Въ чинѣ полковника Олсуфьевъ сопровождалъ великаго князя въ походахъ во время начавшейся войны съ Наполеономъ и принималъ дѣятельное участіе въ Аустерлицкой битвѣ, за каковое былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и золотой шпагой съ надписью: «за храбрость». Въ кампаніи 1807 года Олсуфьевъ также участвовалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ: подъ Гейльсбергомъ, Фридландомъ и др. По возвращеніи въ Россію Олсуфьевъ продолжалъ состоять при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, и въ 1812 году участвовалъ только въ сраженіи подъ Витебскомъ. 6-го декабря 1812 года Олсуфьевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и состоя въ этомъ чинѣ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ и бывалъ во многихъ крупныхъ сраженіяхъ: при Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ, Феръ-Шампенуазѣ и при взятіи Парижа. Высшей наградой Олсуфьеву за его боевую дѣятельность были алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степени. По заключеніи мира съ Франціей Олсуфьевъ, сопровождая вел. кн. Константина Павловича, возвратился въ Россію, а въ слѣдующемъ 1815 году снова принялъ участіе въ походѣ во Францію и по возвращеніи оттуда находился въ Варшавѣ при великомъ князѣ. Послѣднею его наградою былъ орденъ св Владиміра 2-й степени, полученный имъ незадолго до смерти, послѣдовавшей въ Варшавѣ 25-го іюля 1817 года. (Погребенъ въ Стрѣльнѣ).

А. И. Михайловскій-Данилевскій: „Военная Галлерея Зимняго Дворца" т. II, С.-Пб. 1845 г. біографія съ портретомъ; „Русскій Архивъ" 1867 г. стр. 541 и 558. *Е. Ястребцевъ.*

Олферьевъ, *Иванъ Васильевичъ*, окольничій и воевода. Упоминается съ 1624 года, когда былъ въ чинѣ свадьбы царя на княжнѣ Долгорукой; въ 1636 году былъ назначенъ на воеводство въ Рыльскъ и пробылъ въ немъ до 11 августа 1639 года, когда былъ отозванъ въ Москву; затѣмъ 30 марта 1645 года Олферьевъ былъ отправленъ на воеводство въ Вологду и пробылъ въ немъ до декабря 1646 года, когда былъ снова отозванъ въ Москву. Въ 1648 году Олферьевъ былъ назначенъ судьею въ Судно-Владимірскій приказъ, въ 1650 году былъ посланъ на воеводство въ Козловъ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ очень недолго и уже въ 1651 году былъ на воеводствѣ въ Яблоновѣ, откуда въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ епископомъ Рафаиломъ былъ отправленъ

умиротворять возмутившихся псковичей и производить судъ надъ виновными въ мятежѣ. Въ октябрѣ 1653 года Олферьевъ былъ пожалованъ въ окольничіе, затѣмъ 9 октября получилъ званіе муромскаго намѣстника и посланъ съ бояриномъ В. В. Бутурлинымъ принимать въ подданство гетмана Хмельницкаго и приводить къ присягѣ Малороссію, за успѣшное выполненіе этого порученія былъ щедро награжденъ царемъ. Весною 1654 года Олферьеву пришлось сопровождать царя въ походѣ на Литву, по возвращеніи царя въ Москву онъ былъ оставленъ подъ Дубровной, но 15 сентября былъ переведенъ изъ Дубровны въ Могилевъ, жители котораго, тѣснимые казаками, стоявшими у Могилева, давно уже просили управы противъ грабителей и защиты противъ угрожавшихъ городу поляковъ. Олферьевъ, пріѣхавъ въ Могилевъ съ сильнымъ отрядомъ войска, началъ водворять порядокъ, усмирять казаковъ, посылалъ жалобы на казацкихъ начальниковъ въ Москву, но не успѣлъ до конца довести дѣло и въ декабрѣ 1654 года въ Могилевѣ же и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VIII, 232—233; Дворцовые разряды, I, 637, II, 518, 585, 614, III, 33, 110, 152, 372, 374—375, 405—406, 407, 408, 409, 412; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 1633, 1639, 1672; Доп. къ Актамъ историч. III, 268, 270; „Русск. Историч. Библіотека" X, 69, 189, 303, 344, 424, 472, 89, 109; Книги разрядныя I, 916. *Е. Лихачъ.*

Олферьевъ, *Иванъ Васильевичъ,* дѣйствительный статскій совѣтникъ, пензенскій вице-губернаторъ. Родился въ 1780 году и происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи, образованіе получилъ въ Юнкерской при Правительствующемъ Сенатѣ школѣ; началъ службу при одномъ изъ департаментовъ Сената въ 1797 году, которую оставилъ въ 1806 году. Съ началомъ Отечественной войны, вступилъ въ ряды пензенскаго ополченія и былъ избранъ дворянствомъ въ интендантскіе чиновники и вскорѣ на должность штабъ-офицера корпуса. Во время похода нашихъ войскъ за границу онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ: при блокадѣ г. Дрездена, Магдебурга и Гамбурга. На обратномъ пути нашихъ войскъ Олферьевъ исполнялъ должность коменданта корпусной квартиры. Въ 1818 году былъ назначенъ управляющимъ пензенскими казенными винокуренными заводами, а съ 1830 года состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при пензенскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Въ 1838 году Олферьевъ былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ и эту должность занималъ до самой своей смерти, т. е. до сентября 1852 года.

„Сѣверная Пчела" 1852 г. № 248; „Пензенскія Губернскія Вѣдомости" 1852 г. № 35; „Русск. Мысль" 1897 г., № 8, с. 1—2. *Е. Я.*

Олферьевъ (Алферьевъ), *Романъ Васильевичъ,* печатникъ, думный дворянинъ и воевода, происходилъ изъ фамиліи Нащокиныхъ и часто носилъ прибавку къ фамиліи Безнинъ; прибавка эта была утрачена его потомками уже въ XVII вѣкѣ. Романъ Васильевичъ Олферьевъ упоминается съ 1554 года, когда въ званіи стрѣлецкаго головы принималъ участіе въ походѣ подъ Казань для усмиренія взбунтовавшихся черемисовъ, отличился въ этомъ походѣ и въ награду получилъ золотой; въ 1558 году онъ былъ посланъ съ грамотой въ Польшу съ предложеніемъ союза противъ крымскаго хана. Въ Польшѣ Олферьевъ былъ принятъ очень хорошо, но не успѣлъ сдѣлать того, чего хотѣлось московскому правительству: польскій король боялся довѣриться Москвѣ, боялся и турецкаго султана, верховнаго покровителя Крыма. Впрочемъ, и въ Москвѣ къ этому союзу не относились серьезно, но Олферьевъ выказалъ свой дипломатическій тактъ и свою дѣловитость и быстро началъ выдвигаться, несмотря на свое сравнительно незнатное происхожденіе. Въ этомъ же 1558 и въ слѣдующемъ 1559 годахъ онъ участвовалъ въ походахъ на Лифляндію, подъ Ригу и Нарву, въ званіи головы служилыхъ татаръ, въ 1560 году Олферьевъ ходилъ подъ Феллинъ (Вильянъ) при воеводѣ князѣ Мстиславскомъ; по взятіи этого города былъ оставленъ въ немъ однимъ изъ воеводъ, но скоро былъ переведенъ оттуда въ Юрьевъ Ливонскій, гдѣ, впрочемъ, также пробылъ не долго и уже въ 1562 году мы находимъ его на воеводствѣ въ Невелѣ. Послѣ этого извѣстія о немъ имѣются уже только въ 1564 году, когда онъ принималъ участіе въ пріемѣ польскихъ пословъ, затѣмъ въ 1565 году онъ былъ на Окѣ по вѣстямъ о нашествіи крымскихъ татаръ, въ 1566 году былъ приставомъ у польскихъ пословъ. Въ 1567 году Олферьевъ участвовалъ въ царскомъ походѣ изъ Новгорода противъ поляковъ, по-

номъ, въ 1568 году былъ посланъ на воеводство въ Одоевъ, откуда долженъ былъ итти противъ татаръ вторымъ воеводой передоваго полку. Въ этомъ же 1568 году Олферьевъ упоминается впервые въ числѣ опричниковъ, изъ среды которыхъ не выходилъ потомъ до самаго уничтоженія опричнины. Около этого же времени Олферьевъ пріобрѣтаетъ вліяніе на дѣла, дѣлается приближеннымъ къ царю, однимъ изъ виднѣйшихъ дѣльцовъ того времени, въ противовѣсъ представителямъ старинныхъ родовитыхъ фамилій, выдвигавшимся не благодаря личной заслугѣ, какъ Олферьевъ, а лишь по своей родовитости. Въ 1571 году Олферьевъ сопровождалъ царя въ его поѣздкѣ въ Новгородъ, въ 1572 году участвуетъ въ шведскомъ походѣ царя и въ этомъ же году жалуется въ думные дворяне и печатники. Въ 1572 же году Олферьевъ получаетъ назначеніе второго судьи на Казенномъ дворѣ, обязанность котораго и исполнялъ до самой своей смерти. Въ 1573 году Олферьевъ участвовалъ въ походѣ на Пайду (Вейсенштейнъ) и во взятіи этого города, въ 1574 году мы находимъ его на воеводствѣ въ Василь-городѣ, въ 1577 году онъ былъ воеводой въ походѣ на Лифляндію, въ 1578 году сопровождалъ царя въ его шведскомъ походѣ, въ 1581 году упоминается въ чинѣ свадьбы царя на Маріи Нагой; въ этомъ же году Олферьевъ получилъ званіе Козельскаго намѣстника; во время пріѣзда извѣстнаго папскаго посла іезуита Поссевина былъ назначенъ въ отвѣтъ съ нимъ и въ концѣ этого же года былъ отправленъ въ Запольскій Ямъ для заключенія мирнаго договора съ Польшей. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ судя по донесеніямъ московскихъ пословъ, Олферьевъ принималъ очень большое и даже, можетъ быть, преимущественное участіе, 6 января 1582 года миръ былъ заключенъ. 11 февраля того же года Олферьевъ былъ отправленъ воеводой сторожевого полку на Окѣ противъ крымскихъ татаръ. Въ 1583 году Олферьевъ упоминается при пріемѣ польскихъ пословъ въ Москвѣ, въ 1584 году участвовалъ въ церемоніи пріема англійскаго посла и въ томъ же году былъ посланъ воеводой въ Ладогу, пробылъ тамъ и 1585 годъ, «дѣлалъ городъ» въ немъ и только въ 1586 году былъ отозванъ въ Москву, гдѣ снова занялъ и при новомъ правительствѣ почетное положеніе, опираясь на авторитетъ Годунова, который, не отличаясь и самъ большой родовитостью, покровительствовалъ людямъ мало родословнымъ. Однако въ 1589 году Р. В. Олферьевъ попалъ въ опалу: онъ началъ мѣстничаться съ княземъ Григоріемъ Засѣкинымъ, но не былъ оправданъ по боярскому суду, подвергся опалѣ и, хотя и былъ прощенъ царемъ, но долженъ былъ уѣхать вмѣстѣ съ Засѣкинымъ на воеводство въ Царицынъ, гдѣ въ 1590 году и умеръ.

Спиридовъ: „Записки о старин. службахъ русскихъ благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VIII, 229—231; Разрядная книга (Сипбирскій Сборникъ № 1845) 3, 22, 31, 32, 37, 85, 89, 91, 105, 106, 111—112; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“) II, 128, 129, 287, 288, 643; Лихачевъ: „Разрядные дьяки XVI вѣка“ (С.-Пб. 1888) 222, 232. 332. 351, 464—465, 467, 501, 509, прил. 48, 49; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, пр. 478, IX, 112, 202, 204, 205, пр. 412, 594, 595, 598, 601; Дополн. къ Актамъ историч. I, 212.

Е. Лихачъ.

Олферьевъ (Алферьевъ) *Семенъ Романовичъ.* Упоминается съ 1581 года, когда участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя на М. Ѳ. Нагой; въ 1590 году былъ приставленъ у персидскихъ пословъ, въ 1592 году участвовалъ въ шведскомъ походѣ подъ начальствомъ князя Хилкова и въ осадѣ Выборга подъ начальствомъ князя Хворостинина; въ 1598 году былъ воеводой въ Ново-Монастырскомъ Острогѣ, въ 1599 году строилъ Борисовъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Богданомъ Бѣльскимъ и послѣ паденія Бѣльскаго былъ воеводой въ Борисовѣ. Послѣ этого, извѣстій о С. Р. Олферьевѣ до насъ не дошло и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русскихъ благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VIII, 231—232; Разрядная книга (Сипбирскій Сборникъ М. 1845) 111 112; 137, 141; Соловьевъ (изд. т ва „Общ. Польза“) II, 732; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) X. ор. 182.

Е. Лихачъ.

Ольга святая, въ крещеніи Елена; жена кн. Игоря; великая княгиня русская. Годы правленія приблизительно 945—955. Род. между 890—894 г., ум. въ 969 г. Лѣтописныя и другія свѣдѣнія настолько украшены легендой, что порою трудно указать границу, гдѣ кончается вымыселъ и начинается историческая правда. Самое имя ея читается различно: Ольга, Вольга, Волга:.... По Іоакимовской лѣтописи славянское имя ея было Прекраса и, лишь

послѣ брака Ольги съ Игоремъ, Олегъ назвалъ ее «Вольгой». Есть основанія думать, что и лѣтопись путаетъ имена Олега и Ольги

Христіанское преданіе называетъ Ольгу поселянкой изъ села Выбутина (Лыбутина), дочерью (а чаще правнучкой) Гостомысла, дочерью князя Тьмуторокана и даже Торокана, князя Половецкаго, «нѣціи же глаголютъ яко Ольгова дщи бѣ Ольга». Происхожденіе Ольги было предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій; лѣтопись называетъ ея родиной Плесковъ и это повело даже къ маловѣроятному предположенію, что городъ этотъ Болгарская Плескувія. Но обычно въ наукѣ подъ Плесковомъ подразумѣваютъ—Псковъ. Ольгу считаютъ псковитянкой изъ знатной варяжской намѣстнической или боярской семьи. Еще дѣвочкой лѣтъ 10—11 она была привезена Олегомъ въ Кіевъ въ качествѣ будущей жены князя Игоря. Преданіе говоритъ о ея необыкновенной красотѣ и умѣ. Обрученіе или бракосочетаніе ея отнесено къ 903 году, а рожденіе Святослава къ 942 году,—т. е. къ 39 году супружества.

Замужемъ Ольга была 43 года, до 946, когда Игорь былъ умерщвленъ древлянами. Ольга въ представленіи древнихъ повѣствователей является «честной вдовой», на обязанности которой лежала прежде всего месть за мужа. Подробности мести общеизвѣстны. Онѣ роднятъ сказанія объ Ольгѣ съ норвежскими сагами, и въ этомъ отношеніи особенно интересно сожженіе Искоростеля. Сжегши городъ древлянъ и перебивъ большую часть населенія, Ольга обложила остальныхъ тяжелою данью, $^2/_3$ которой шли Кіеву, $^1/_3$ Вышгороду, «къ Ользѣ, бѣ бо Вышгородъ градъ Вользинъ». Отсюда замѣчаютъ, что у Ольги былъ собственный городъ Вышгородъ, доходы котораго шли въ ея личную казну.

Затѣмъ, объѣхавъ Деревскую землю и установивши по ней уставы и уроки, Ольга отправилась къ Новгороду и по пути на Метѣ и Лузѣ также опредѣлила «погосты», «оброки» и «дани». Лѣтописецъ при этомъ, желая оттѣнить значительность внутренней государственной дѣятельности Ольги, говоритъ, что «Ловища ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и повосты..... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ.....»

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій жизни Ольги надо считать принятіе ею христіанства, къ которому она пришла по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ проповѣди Кіевскихъ христіанъ, быть можетъ еще до смерти Игоря, послѣ которой она уже открыто исповѣдывала православіе. Мѣсто крещенія Ольги въ точности неизвѣстно. Лѣтопись говоритъ, что въ 955 году Ольга въ Константинополѣ была крещена патріархомъ; воспріемникомъ ея названъ императоръ. Обыкновенно исправляютъ годъ лѣтописи на 957, когда Ольга дѣйствительно была въ Константинополѣ, и къ этому году относятъ ея крещеніе; но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что Константинъ Багрянородный, описавшій пріемъ Ольги въ Царьградѣ, ни слова не говоритъ о ея крещеніи, но, упоминая о первомъ пріемѣ, говоритъ и о сопровождавшемъ ее священникѣ. Вѣроятнѣе предположить, что Ольга крестилась ранѣе въ Кіевѣ или, быть можетъ, при первомъ посѣщеніи Византіи въ 955 г. Преданіе изукрасило пребываніе Ольги въ Царьградѣ и крещеніе ея тамъ (выдаваемое имъ за фактъ) баснословными подробностями, вродѣ той, какъ она «переклюкала» царя Цимисхія. Въ дѣйствительности пріемъ Ольги въ столицѣ Восточной Имперіи не отличался пышностью и почетомъ, а подарки, поднесенные ей, были незначительны, хотя лѣтопись и говоритъ о «богатыхъ дарахъ». Повидимому и сама Ольга не была довольна встрѣчей оказанной ей въ Константинополѣ, потому что въ лѣтописи есть извѣстіе о томъ, что въ 959 г. царь просилъ у нея даровъ и вспомогательнаго войска и Ольга будто бы отвѣчала: «аще ты такоже постоишь у меня въ Почайнѣ якоже азъ въ Суду, то тогда ти дамъ». Въ 959 году Ольга посылала къ королю (позднѣе императору) Оттону I Великому посольство, цѣль котораго достовѣрно неизвѣстна. Западные лѣтописцы разсказываютъ, что посольство явилось пригласить епископовъ и священниковъ въ Русь, но оно оказалось лживымъ и посланные императоромъ священнослужители возвратились изъ Руси назадъ ни съ чѣмъ, подвергнувъ къ тому же свою жизнь опасности. Христіанскія «житійныя» преданія объ Ольгѣ смягчаютъ черты ея характера. Въ нихъ она изображается цѣломудренной дѣвой, готовой для удержанія князя отъ несправедливаго поступка пожертвовать жизнью, любящей, кроткой, разумной матерью и женой, ревностной христіанкой;

строительницей церквей и «пречестной вдовой». Она дѣйствуетъ въ народномъ духѣ, склоняетъ Святослава къ принятію христіанства, обуздываетъ его порывы. Святославъ чтилъ ее высоко и совѣщался съ нею въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Можно предполагать, что кромѣ регенства во время малолѣтства Святослава, на ней лежало бремя правленія Кіевскимъ княжествомъ во время пребыванія князя въ Переяславѣ Болгарскомъ. Осажденная въ Кіевѣ печенѣгами, Ольга вызвала въ него Святослава и просила не покидать ее до смерти. Вскорѣ престарѣлая Ольга умерла, успѣвъ передъ смертью уговорить сына не совершать надъ нею тризны, а похоронить по христіанскому обряду.

Мѣсто погребенія Ольги неизвѣстно. При Владимірѣ Святомъ ея мощи были перенесены въ Десятинную церковь и положены въ каменную раку. Во время нашествія монголовъ, мощи были сокрыты подъ спудомъ церкви. Время канонизаціи Ольги также неизвѣстно, чтить же ее святой начали очень рано, быть можетъ еще въ періодъ домонгольскій.—Лѣтописецъ восторженно отзывается объ Ольгѣ, называетъ ее мудрѣйшей изъ людей, «русское познаніе къ Богу, начатокъ примиренію быхомъ, си первое вниди въ царствіе небесное отъ Руси.....»

Память св. Ольги чтится 11-го іюля.

Макарій: „Исторія Русск. Церкви“, Томъ I, Спб. 1868 г. Изд. 2-е. Прилож. № 5; „Христіанское чтеніе“ 1849 г. Кн. II; Полное собраніе лѣтописей. Томы I, II, IV, V, VI и VII; Константинъ Багрянородный: „Объ обрядѣ (или церемоніяхъ) Византійскаго двора“ (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως“).

Житія Ольги кромѣ Макарія: Степен. книга, Четьи Минеи, Русскіе святые (Митр. Филарета), Проложное житіе, изд. А. И. Соболевскимъ.—„Чтеніе въ Обществѣ лѣтописца Нестора“. Е. Голубинскій: „Исторія Русской Церкви“. Томъ I (изд. 2-е), М. 1901 г.; Изслѣдованіе о времени крещенія вел. княгини Ольги: „Опыты упражненія восп. Кіевск. Дух. Академіи“. Томъ I, 1832 б.; Евгенія Булгара, архіепископа Словенскаго и Херсонскаго: Историческое разъисканіе о времени крещенія Росс. Велик. Княгини Ольги. Спб. 1792; И Забѣлинъ: „Домашній бытъ Русскихъ Царицъ, М. 1869 г.; В. Т. Васильевскій: „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1875 г. CLXXVII февр.). Арх. Леонидъ: „Откуда родомъ была св. княгиня Ольга“ (Русск. стар. 1888 г., кн. 7). Арх. Леонидъ: „Древняя рукопись“, изслѣдованіе объ изборникѣ Болгарскаго пресвитера мниха Григорія. („Русск. Вѣстн.“ 1889, Апр. и отдѣльно). И. И. Малышевскій: „По поводу ст. арх. Леонида. „Происхожденіе р. кн. Ольги“ („Кіевская старина“ 1889 г., кн. 7—8). Н. Сухомлиновъ: „О сказаніяхъ въ древней русской лѣтописи“ („Основа“ 1861 г. Томъ II, іюнь). И. Худяковъ: „Народныя историческія сказки“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1864 т., часть CXXI, отд. IV, мартъ). А. Кирпичниковъ: „Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній“. („Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ. 1897 г. Томъ II, кн. 1). М. Халанскій: „Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1902 г., августъ. 1903—ноябрь. Глава III § I. Отношеніе сказаній о в. кн. Ольги къ сказаніямъ объ Олегѣ Вѣщемъ).

В. Ф—ко.

Ольгинъ, *Григорій Степановичъ*,— артистъ московскихъ Императорскихъ театровъ. Родился около 1820 года; въ 1837 г., по окончаніи курса въ Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ началъ свое сценическое поприще на петербургской сценѣ, гдѣ игралъ подъ фамиліей Ахалина около шести лѣтъ; въ 1843 году перешелъ на Московскую сцену, гдѣ игралъ въ теченіе 20-ти лѣтъ; въ 1863 году оставилъ Императорскую сцену и отправился играть въ провинцію—въ Орелъ, гдѣ вскорѣ заболѣлъ и покинулъ сцену окончательно. Г. С. Ольгинъ скончался въ Москвѣ 6-го января 1867 года.

„Антрактъ“ 1867 г. № 5, стр. 6—7.

Е. Я.

Ольдекопъ, *Густавъ-Адольфъ*; пасторъ въ Пельвэ (Pölwe) въ Лифляндіи, писатель на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Родился въ Гапсалѣ 21 ноября 1755 года; начальное образованіе получилъ въ ревельскомъ дворянскомъ и духовномъ училищѣ; университетскій курсъ прослушалъ въ Галлэ (Halle). Въ 1781 году Ольдекопъ поступилъ на должность пастора въ Пельвэ, въ 1805 году былъ назначенъ помощникомъ настоятеля тамъ же. Въ 1819 году Г. А. Ольдекопъ переселился въ Дерптъ, гдѣ жилъ частнымъ человѣкомъ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ, преимущественно сочиненію пѣсней духовнаго содержанія. Умеръ Ольдекопъ въ Дерптѣ 25 апрѣля 1835 года.

Литературная дѣятельность Ольдекопа ограничивалась составленіемъ упомянутыхъ духовныхъ пѣсней и нѣсколькими филологическими трудами. Статьи свои онъ помѣщалъ въ Rosenplänters Beiträge zur gen. Kenntniss d. estl. Sprache и въ Generalbericht der Dorpatichen Abtheilung der

russischen Bibel-Gesellschaft; писалъ, главнымъ образомъ, на латышскомъ языкѣ. Кромѣ того, Г.-А. Ольдекопъ издавалъ съ И. Ф. фонъ-Ротомъ «Tarto-maarachira Náddali-leht», еженедѣльный эстонскій журналъ, гдѣ помѣщалъ много пѣсней, и выпустилъ пять номеровъ in-quarto эстонскаго народнаго указателя, подъ заглавіемъ Kulutamise Leht.

Allgemeine Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, gearbeitet von T. F. Recke und E. Napierski. III Band. ss. 345—346. *А. П.*

Ольдекопъ, *Евстафій Ивановичъ* (Христіанъ, Вильгельмъ, Августъ),—надворный совѣтникъ; цензоръ и переводчикъ, издатель «St. - Petersburgische Zeitschrift» и редакторъ «St - Petersburgische Zeitung». Е. И. Ольдекопъ родился 1 сентября 1786 г. въ городѣ Ригѣ, гдѣ отецъ его былъ секретаремъ Городскаго Совѣта. Родители его—нѣмцы—принадлежали къ кореннымъ жителямъ города Риги; они успѣли развить въ своемъ болѣзненномъ и слабомъ физически сынѣ музыкальныя способности и пріохотить къ научнымъ занятіямъ. Образованіе, начатое дома и продолженное въ одномъ нѣмецкомъ рижскомъ училищѣ, Е. И. Ольдекопъ закончилъ въ Московскомъ университетѣ. Въ университетѣ онъ на первыхъ порахъ заинтересовался медициной и естественными науками, но вскорѣ перешелъ на филологическій факультетъ и избралъ спеціальностью новые языки. По окончаніи курса въ университетѣ (въ 1811 г.) Ольдекопъ тотчасъ получилъ мѣсто учителя лютеранскаго церковнаго училища въ г. Архангельскѣ. Попавъ на далекую окраину Россіи, Ольдекопъ, чуть ли не съ первыхъ дней своего пріѣзда туда, сталъ помышлять о переѣздѣ въ Петербургъ, что ему однако долго не удавалось сдѣлать; къ тому же, женившись на Архангельской уроженкѣ въ 1812 году, Ольдекопъ еще болѣе связалъ себя съ Архангельскомъ. Однако въ 1815 году онъ оставилъ Архангельскъ и переселился въ Петербургъ, въ надеждѣ найти тамъ работу и занятіе, болѣе подходящее къ его планамъ и намѣреніямъ. На первыхъ порахъ Ольдекопъ открылъ здѣсь частное учебное заведеніе, которое, впрочемъ, скоро передалъ другому лицу, а самъ поступилъ въ канцелярію министра полиціи по цензурѣ. Въ 1826 году цензурныя учрежденія перешли въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и Ольдекопъ продолжалъ еще нѣкоторое время исполнять обязанности секретаря иностранной цензуры.

Назначенный въ 1828 году цензоромъ драматическихъ произведеній при III отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи, онъ занималъ эту должность до 1840 г. Въ 1843 году Ольдекопъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по ревизіи статистическаго отдѣла мин. внутр. дѣлъ; состоя въ этой должности, онъ и скончался въ Петербургѣ 10-го февраля 1845 г. и былъ погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Литературная дѣятельность Ольдекопа начавшаяся съ 1805 года, заключалась главнымъ образомъ въ переводахъ на нѣмецкій языкъ русскихъ литературныхъ и научныхъ произведеній. Большинство своихъ переводовъ онъ издавалъ въ Лейпцигѣ, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣли матеріальныя; послѣднимъ обстоятельствомъ и можно объяснить неразборчивость Ольдекопа въ выборѣ произведеній для перевода: на ряду съ сочиненіями авторовъ талантливыхъ, Ольдекопъ переводилъ и писанія сочинителей бездарныхъ, но пользовавшихся популярностью. Къ послѣднему сорту можно отнести произведенія Ѳаддея Булгарина, переводомъ которыхъ Ольдекопъ усердно занимался. Переведя нѣсколько сочиненій А. С. Пушкина, Ольдекопъ въ 1824 году, пользуясь, вѣроятно, съ одной стороны, своимъ служебнымъ положеніемъ, а съ другой безвыходнымъ положеніемъ поэта, находившагося въ ссылкѣ, напечаталъ одновременно съ нѣмецкимъ переводомъ «Кавказскаго плѣнника» русскій текстъ его и выпустилъ это сочиненіе въ продажу. Пушкинъ, обиженный такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ его собственностью, протестовалъ и даже обращался съ жалобой въ надлежащія вѣдомства, даже писалъ о томъ шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу, но успѣха не имѣлъ: Пушкину было категорически заявлено, что «перепечатка его сочиненія была сдѣлана съ разрѣшеніемъ цензуры».

Кромѣ переводныхъ работъ, Ольдекопъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ составленную имъ «Русскую грамматику», напечаталъ также написанную имъ «Географію Россіи» (на нѣм. яз.) и выпустилъ нѣсколько Словарей для пользованія русскими кни-

гами; кромѣ того, перу Ольдекопа принадлежитъ рядъ стихотвореній на нѣм. яз.

Ольдекопъ выступалъ также и въ качествѣ редактора-издателя. Такъ, съ 1822 г. по 1825 г. онъ издавалъ періодическую газету подъ названіемъ «St.-Petersburgische Zeitschrift». Она выходила еженедѣльно по субботамъ, въ три или въ два листа. Въ журналѣ печатались оригинальныя и переводныя статьи по изящной словесности, исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ. Кромѣ того, были отдѣлы: критики, біографіи, смѣси, научныхъ, художественныхъ, коммерческихъ и благотворительныхъ извѣстій. 25-го ноября 1838 г. Ольдекопъ былъ приглашенъ въ редакторы большой нѣмецкой газеты, издававшейся въ Петербургѣ подъ названіемъ: «St.-Petersburger Zeitung», редакторомъ которой Ольдекопъ оставался до своей смерти. Какъ редакторъ очень опытный, онъ много содѣйствовалъ процвѣтанію газеты и кромѣ того въ своихъ сотрудникахъ и ближайшихъ помощникахъ по газетѣ оставилъ по себѣ добрую память своимъ къ нимъ отношеніемъ.

Въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ того времени къ Ольдекопу относились холодно, чему виною была отчасти его роль цензора и незабытая продѣлка его съ «Кавказскимъ плѣнникомъ» Пушкина. Характеристики его, оставленныя современниками, всѣ довольно сдержанны и мало говорятъ въ пользу Ольдекопа. Обыкновенно его изображаютъ веселымъ человѣкомъ и большой руки шутникомъ, имѣвшимъ обширный кругъ знакомства, въ особенности въ театральномъ и коммерческомъ мірѣ; нѣкоторые намекаютъ на какія то его сношенія съ биржей, таможней и представителями торговаго купечества, а Ксенофонтъ Полевой въ своихъ запискахъ, говоритъ объ Ольдекопѣ, что «онъ былъ человѣкъ двусмысленный, какъ гражданинъ, но великій оригиналъ».

Вотъ болѣе или менѣе точный списокъ трудовъ и переводныхъ работъ Е. И. Ольдекопа: въ 1821 г. «Cacographie ou Exercises sur les principales difficultés de la langue française» Спб.; въ 1830 г. «Nouveau Dictionnaire de Poche français-russe et russe-français». Спб.; въ 1824 г. «Russisch-Deutsches und Deutsch-Russisches Taschenwörterbuch in 4 Theilen»; въ 1833 г. «Russische Grammatik für Deutsche» Спб.; въ 1834 г. 4-я часть «Deutsch-Russisches Wörterbuch» Спб.; «Большой ручной словарь франц.-русскій» въ 2 т., 1844; «Грамматическія бесѣды», 1843; «Карманный словарь россійско-нѣмецкій и нѣм.-рос.», въ 4 ч., 1824; «Карманный словарь франц.-рос. и рос.-франц. съ краткими грамматикой обоихъ», 1830; «Новый карманный словарь франц.-рус. и рус.-фр.» (4-е изд. 1854 г.) «Начальныя правила для обученія франц. языку» (7-е изд. 1856 г.); «Разговоры французско-русско-нѣмецкіе, составленные по грамматическому порядку» (7-е изд. 1858 г.) въ 1842 г. «Geographie des Russischen Reiches, nach den neuesten Quellen».

Karl Eichhorn, „Geschibte St-Petersburger Zeitung“ 1727—1902. Спб. 1902 г., стр. 143, 147, 169, 177, 190, 195, 200, 201, 205, 208.— „Переписка Грота съ Плетневымъ“ т. I, стр. 77, 111; т. II, стр. 400; „Остафьевскій архивъ“ т. II; „Русскій архивъ“ 1874 г., стр. 137, 141, 143; 1879 г. Т. II „Русская Старина“; т. X, стр. 699; т. 29, стр. 329; т. 75, стр. 11, 13; 1902 г., сентябрь, стр. 627—628; „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г.; 1892 г. т. 49, стр. 511—513;—„Записки Ксенофонта Полевого“. Спб. 1888 г., стр. 403; „Журналъ Мин. Нар. Просв“ 1845, г. 45; „Моск. Вѣд.“ 1845, № 22, „Сѣв. Пчела“ 1845, № 35; П. Прозоровъ: „Систематич. указатель книгъ и статей по греч. филологіи“, Спб. 1898. Сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова“, Спб. 1902. *Б. Алексѣевскій.*

Ольдекопъ, *Карлъ Ѳедоровичъ,*—генералъ-лейтенантъ, дежурный генералъ 3-й Западной арміи въ 1812 году. К. Ѳ. Ольдекопъ родился въ 1775 году и происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. Съ дѣтства записанный въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ онъ началъ дѣйствительную службу лишь съ 1795 года въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку. Постепенно произведенный въ подполковники, онъ ко времени первой войны съ Наполеономъ состоялъ адъютантомъ начальника резервнаго корпуса генералъ-лейтенанта И. Н. Эссена. Въ слѣдующемъ году Ольдекопъ былъ переведенъ въ Днѣпровскую армію Михельсона и въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ Крымскаго мушкетерскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ обложеніи и взятіи крѣпости Хотина; тогда же за отличіе Ольдекопъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества. Въ 1807 году, во время новой войны съ Наполеономъ, корпусу Эссена приказано было идти отъ Днѣстра къ Бресту и дѣйствовать отдѣльно отъ главной арміи. Ольдекопъ состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ этого кор-

пуса во всю войну до Тильзитскаго мира, причемъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и за отличія, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Но въ мартѣ 1808 года онъ имѣлъ неосторожность навлечь на себя неудовольствіе императора Александра I, былъ лишенъ званія флигель-адъютанта и назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ резервныхъ войскъ дѣйствовавшей противъ турокъ арміи, а годъ спустя былъ назначенъ бригадъ-маіоромъ къ главнокомандующему Молдавской арміей князю Багратіону. Здѣсь ему дана была возможность отличіями въ дѣлахъ съ турками загладить свою вину, и за храбрость, выказанную при переправѣ черезъ Дунай, при покореніи крѣпости Кюстенджи и пораженіи турковъ подъ Рассеватомъ ему было возвращено званіе флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, а за осаду Силистріи и Татарицкое сраженіе 10-го октября 1809 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Назначенный въ январѣ 1810 года шефомъ Александропольскаго мушкетерскаго полка, Ольдекопъ въ маѣ того же года снова перешелъ Дунай и участвовалъ въ осадѣ Силистріи, а затѣмъ въ дѣлахъ съ турками подъ Шумлою. Въ іюлѣ этого же года, командуя Колыванскимъ полкомъ, онъ храбро дѣйствовалъ подъ Рущукомъ и Батинымъ и близъ Слободзеи. Въ 1812 году Ольдекопъ въ чинѣ полковника несъ обязанности дежурнаго генерала третьей резервной и обсерваціонной арміи (Тормасова) и за отличія былъ вскорѣ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ должности дежурнаго генерала Ольдекопъ остался и при соединеніи 3-й резервной арміи съ Дунайской въ одну—третью Западную, въ составѣ которой принялъ участіе во многихъ крупныхъ дѣлахъ. По заключенію Пойшвицкаго перемирія, будучи уже въ должности дежурнаго генерала Главной арміи, находившейся подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, Ольдекопъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ послѣдняго при укомплектованіи и переформированіи войскъ, сражавшихся почти непрерывно болѣе года. По возобновленіи военныхъ дѣйствій Ольдекопъ принималъ участіе во всѣхъ крупнѣйшихъ дѣлахъ новой кампаніи. Онъ сражался подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ, Бріенномъ, Фершампенуазомъ и Парижемъ, причемъ за храбрость и отличія, выказанныя въ сраженіи подъ Кульмомъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а за сраженіе подъ Лейпцигомъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Въ 1815 году Ольдекопъ принялъ участіе въ дѣйствіяхъ первой арміи, дежурнымъ генераломъ коей состоялъ и по возвращеніи нашихъ войскъ въ Россію, причемъ въ 1821 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1829 году Ольдекопъ вышелъ въ отставку и 13 іюня 1831 года умеръ въ м. Дубровнѣ.

А. М. Михайловскій-Данилевскій: „Военная Галлерея Зимняго Дворца", т. 3, С.-Пб. 1847 г.; „Рус. Арх." 1900, т. I, с. 162. Краткій Историческій Обзоръ Императорской Главной Квартиры.

Ольденбургскіе. Извѣстный въ Россіи родъ принцевъ Ольденбургскихъ принадлежитъ къ младшей вѣтви Гольштейнъ-Готторпской линіи Ольденбургскаго дома, который ведетъ начало отъ имперскихъ графовъ Ольденбургскихъ. Родоначальникомъ Ольденбургскихъ считается по женской линіи Витекиндъ, знаменитый вождь саксовъ при Карлѣ Великомъ, и по мужской—графъ Элимаръ I, жившій въ XII ст.—Ольденбургскіе возвысились со времени Дитриха Счастливаго Ольденбургскаго, который скоро пріобрѣлъ блестящее положеніе среди коронованныхъ особъ того времени. Старшій сынъ его Христіанъ былъ избранъ въ 1448 г. королемъ Даніи и правителемъ Шлезвигъ-Гольштиніи и положилъ начало королевской датской линіи Ольденбургскаго дома. Потомки Христіана были королями Даніи до половины XIX в. Первымъ представителемъ Ольденбургскаго дома Гольштейнъ-Готторпской линіи былъ внукъ Христіана Адольфъ. Его потомки были Гольштейнъ-Готторпскими герцогами. Отъ него произошли и Ольденбургскіе, извѣстные у насъ подъ именемъ принцевъ Гольштинскихъ въ XVIII вѣкѣ. Одинъ изъ принцевъ Гольштинскихъ былъ на русской службѣ при Петрѣ Великомъ, а дочь послѣдняго Анна была выдана замужъ за герцога Гольштейнъ-Готторпскаго Карла-Фридриха: отъ этого брака родился Карлъ-Петръ-Ульрихъ, который по смерти отца наслѣдовалъ Гольштинское герцогство, а по смерти Елисаветы Петровны вступилъ на русскій престолъ, подъ именемъ Петра III. Такимъ образомъ, герцогство Гольштинское перешло во владѣніе россійскаго импера-

торскаго дома, который назначалъ туда особыхъ штатгалтеровъ; изъ нихъ первымъ былъ назначенъ Екатериной II двоюродный дядя императора Петра III — Георгъ-Людвигъ. Его сыновья были воспитаны подъ руководствомъ Екатерины II; одинъ изъ нихъ утонулъ, а другой Петръ-Фридрихъ-Людвигъ былъ герцогомъ Ольденбургскимъ. Сыновья его Петръ-Фридрихъ-Георгъ и Августъ-Павелъ-Фридрихъ служили въ русской службѣ при Александрѣ I: первый былъ женатъ на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, сестрѣ императора, и умеръ въ Россіи, а второй умеръ герцогомъ Ольденбургскимъ. У Петра-Фридриха-Георга было также два сына—Александръ и Константинъ-Фридрихъ-Петръ. Первый скончался въ юности за границей, а второй служилъ и умеръ въ Россіи.

Ольденбургская, принцесса *Терезія-Вильгельмина-Фредерика-Изабелла-Шарлота,* рожден. принцесса Нассауская, дочь герцога Вильгельма, супруга принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Род. 5 апрѣля 1815 г., ум. 26 ноября 1871 г. Лишившись рано матери, принцесса получила воспитаніе подъ руководствомъ отца и второй его супруги, принцессы Виртембергской. Принцесса была научно образована, занималась живописью и скульптурой. Въ 1837 г. (11 апрѣля) она вступила въ супружество съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ, который нашелъ въ ней добраго друга и сподвижницу его благотворительныхъ трудовъ. Особенно энергично работала принцесса въ качествѣ покровительницы нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ ея мужемъ, а также вызванныхъ къ жизни ею лично. Въ апрѣлѣ 1841 г. принцъ П. Г. Ольденбургскій передалъ въ вѣдѣніе своей супруги только что учрежденную имъ «школу для бѣдныхъ дѣвушекъ» (на Петербургской Сторонѣ). Первоначально на иждивеніи принцессы было 10 дѣвочекъ изъ унтеръ-офицерскихъ дочерей, но къ 21 мая 1841 г. ихъ было уже 50. Принцесса написала сама инструкцію для служащаго персонала и приняла на себя всѣ заботы по высшему надзору за школой. Въ 1855 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго всѣ окончившія это заведеніе дѣвицы получили права домашнихъ учительницъ. Такимъ образомъ создался теперешній Институтъ Принцессы Терезіи Ольденбургской. Въ 1843 г. принцесса взяла подъ свое покровительство два ночныхъ пріюта и занялась ихъ переустройствомъ. Въ 1844 г. по мысли принцессы въ Петербургѣ на Пескахъ была открыта первая въ Россіи община сестеръ милосердія, подъ названіемъ Свято-Троицкой и принцесса стала ея попечительницей. Постоянные труды и петербургскій климатъ скоро разстроили здоровье принцессы: обнаружившіеся признаки горловой чахотки въ февралѣ 1845 г. заставили принцессу отправиться за границу для лѣченія; оправившись и вернувшись въ Россію принцесса снова принялась за прежнюю дѣятельность, которую не покидала до конца дней своихъ. Принцесса Т. Ольденбургская скончалась 26-го ноября 1871 года въ Прагѣ. Воспоминанія отзываются о ней чрезвычайно симпатично. Такъ, напр., Плетневъ, ожидая рокового исхода ея болѣзни, писалъ: «она была добродѣтель олицетворенная».

„Переписка Грота съ Плетневымъ", т. I, стр. XIII, 83, 93, 197, 277, 286, 302, 350, 360, 689. т. II, стр. 113, 138, 394; т. III, стр. 3, 166 и др.; „Всемірная Иллюстрація" 1872 г., № 174. стр. 283. Шрейеръ: „50 лѣтній юбилей принца П. Г. Ольденбургскаго"; Папковъ: „Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго".

Б. Гласко.

Ольденбургскій, герцогъ *Августъ-Павелъ-Фридрихъ,* генералъ-лейтенантъ, братъ принца Георгія Петровича и сынъ герцога Петра-Людвига Ольденбургскаго, двоюродный братъ императора Александра I (съ материнской стороны); родился въ 1783 г. ум. въ 1853 г. По окончаніи курса Лейпцигскаго университета принцъ поступилъ на службу въ Россію и занималъ съ 1811 по 1817 г. въ Ревелѣ постъ военнаго губернатора. Здѣсь онъ участвовалъ въ рѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи. Подъ его предсѣдательствомъ была собрана комиссія для разсмотрѣнія этого вопроса и въ 1815 г. проектъ былъ принятъ въ ланцъ-тагѣ. Во время Отечественной войны принцъ Ольденбургскій былъ прикомандированъ къ арміи и участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ и Тарутинѣ. Передъ первымъ сраженіемъ онъ уговаривалъ Кутузова не оставлять Москвы и, кромѣ того убѣждалъ Ростопчина отправиться къ Кутузову, чтобы убѣдить его не отдавать Москвы безъ боя. Впослѣдствіи принцъ удалился въ герцогство Ольденбургское, которымъ послѣ смерти

отца (1820 г.) и управлялъ до своей кончины.

Словарь Брокгауза и Ефрона т. XXI; Папковъ: „Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго", стр. 11—18; „Русскій Архивъ" 1901 г., т. II, стр. 462, Бартеневъ: „XIX вѣкъ".
Б. Гласко.

Ольденбургскій,—принцъ *Георгъ-Людвигъ,* дядя императрицы Екатерины II и двоюродный дядя императора Петра III, генералъ-фельдмаршалъ, шефъ конно-гвардейскаго полка. Род. въ 1719 г., ум. въ 1763 г. Георгъ-Людвигъ былъ младшій изъ трехъ сыновей герцога Гольштейнъ-Готторпскаго Христіана-Августа. Послѣдній былъ двоюроднымъ братомъ герцога Голштинскаго Карла-Фридриха, отца императора Петра III. Сестра Христіана-Августа вышла за князя Ангальтъ-Цербстскаго и была матерью императрицы Екатерины II. Такимъ образомъ Георга-Людвига связывали тѣсныя родственныя узы съ русскимъ императорскимъ домомъ. Ко времени смерти императрицы Елизаветы принцъ Георгъ-Людвигъ служилъ въ прусской военной службѣ и былъ уже въ чинѣ генералъ-маіора. Съ восшествіемъ же на русскій престолъ Петра III, принцъ, по волѣ императора, былъ вызванъ въ Россію, гдѣ вскорѣ занялъ при русскомъ Дворѣ одно изъ первыхъ мѣстъ и былъ окруженъ почетомъ. 6 февраля 1762 г. принцъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Голштинскихъ земель съ жалованіемъ въ 20000 р. и черезъ нѣсколько дней пожалованъ фельдмаршальскимъ званіемъ и назначенъ шефомъ конногвардейскаго полка. Намѣреваясь начать войну съ Шлезвигомъ, Петръ III имѣлъ въ виду назначить принца главнокомандующимъ въ этой войнѣ. Наконецъ, 7 мая 1762 г. въ честь принца былъ названъ новый военный корабль именемъ: «Принцъ Георгій». Цѣня доброту государя, принцъ однако относился вполнѣ безпристрастно къ его мѣропріятіямъ. Такъ, онъ старался отклонить его отъ войны съ Даніей, что было даже причиной нѣкоторой размолвки между императоромъ и принцемъ, не одобрялъ онъ и проекта перемѣны военныхъ мундировъ на прусскій образецъ и проч. Несмотря на это русскіе однако не любили принца. Причиной такого отношенія было то, что императоръ слишкомъ выказывалъ свое предпочтеніе къ «голштинцамъ» передъ русскими и требовалъ къ нимъ особливаго почета. Принцъ былъ одним изъ немногихъ приверженцевъ Петра III, оставшихся ему вѣрнымъ во время государственнаго переворота. Одними изъ первыхъ явились для присяги Екатерины конногвардейцы. Принцъ пытался остановить въ своемъ полку движеніе въ пользу императрицы, но неудачно; тогда онъ попытался бѣжать изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ во время переворота. Конно-гвардейцы, увидѣвъ его, бросились на него и принцъ чуть спасся отъ смерти. Екатерина прислала стражу, чтобы арестовать принца и охранять его отъ насилій со стороны солдатъ. Вскорѣ принцъ былъ освобожденъ отъ ареста. Императрица Екатерина II щедро наградила принца за убытки, понесенные въ этотъ день, и назначила его администраторомъ Голштиніи. 30 іюля 1762 г. принцъ уѣхалъ въ Голштинію, гдѣ черезъ 6 мѣсяцевъ овдовѣлъ, а въ концѣ 1763 г. скончался, оставивъ двухъ сыновей: Вильгельма-Августа и Петра-Фридриха-Людвига.

Шумигорскій: „Императрица Марія Өеодоровна" 1892 г.; Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ"; Бантышъ-Каменскій: „Историческое собраніе списковъ кавалеровъ 4 россійскихъ орденовъ", стр. 98, 196, изд. 1814 г.; „Русская Старина" 1870 г. т. I, № 1, 2 и 3; „Записки Болотова", ч. IX, стр. 379 и 110. Бартеневъ: „XVIII вѣкъ", т. I, стр. 406 и т. III, стр. 352; „Сборн. Имп. Ист. Общ." т. VII, XII, XVII, XVIII, XXIII, XLVI, XLVII, XLVIII.
Б. Гласко.

Ольденбургскій,—принцъ *Георгій Петровичъ (Петръ-Фридрихъ-Георгъ),* первый супругъ великой княжны Екатерины Павловны, генералъ-губернаторъ Эстляндіи, затѣмъ—генералъ-губернаторъ тверской, ярославскій и новгородскій и главный директоръ путей сообщенія. Род. 9 мая 1784 г., ум. 15 декабря 1812 г. въ Твери. Георгій Петровичъ былъ второй сынъ герцога Ольденбургскаго Петра-Фридриха-Людвига и принцессы Вюртембергской Фридерики - Елизаветы - Амаліи - Августы, сестры императрицы Маріи Өеодоровны. Первоначальное образованіе принцъ получилъ подъ руководствомъ извѣстнаго педагога и ученаго Христіана Крузе, который находился при принцѣ и во время прохожденія послѣднимъ курса наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. По окончаніи образованія, принцъ Г. П. вмѣстѣ съ братомъ совершилъ путешествіе въ Англію; въ 1808 г. прибылъ въ Россію, и началъ государственную службу, сначала

въ качествѣ эстляндскаго генералъ-губернатора. Въ этой должности принцъ энергично запялся приведеніемъ въ порядокъ управленія Эстляндіей, причемъ предметомъ особенной заботливости принца былъ неуклонный надзоръ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ о крестьянахъ и огражденіе юридическихъ правъ послѣднихъ. Въ концѣ же 1808 г. принцъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ 18 апрѣля 1809 г. сочетался бракомъ съ великой княжной Екатериной Павловной. Въ тотъ же день принцъ Георгій Петровичъ получилъ титулъ Его Императорскаго Высочества и вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ 3-хъ губерній: тверской, ярославской и новгородской, — съ цѣлію объединенія этого края — и главнымъ директоромъ путей сообщенія, въ особенности съ цѣлію усилить въ Россіи судоходство. Молодые водннымъ путемъ уѣхали во второй половинѣ августа того же года въ Тверь, которая была избрана главной резиденціей принца. По прибытіи въ Тверь принцъ немедленно и энергично вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Еще 16 іюля 1809 г. во время пребыванія въ Петербургѣ имъ была учреждена «экспедиція водяныхъ сообщеній» на мѣсто прежняго «департамента водяныхъ коммуникацій» съ его медлительнымъ производствомъ и слабымъ контролемъ дѣйствій»; департаментъ былъ закрытъ, по окончаніи множества накопившихся въ немъ за прежніе годы дѣлъ. 20 августа 1809 г. принцу было предоставлено право назначать по своему выбору и согласію чиновниковъ на мѣста во ввѣренныхъ его надзору губерніяхъ. Какъ центральное учрежденіе для 3-хъ губерній принцемъ была учреждена «канцелярія генералъ-губернатора», подраздѣлявшаяся на три отдѣленія: уголовное, гражданское и полицейское. 30 августа 1809 г., по ходатайству принца къ управленію водяными путями сообщенія была присоединена «экспедиція объ устройствѣ дорогъ въ государствѣ», находившаяся до того времени въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи принца стали находиться и сухопутные пути сообщенія. Между тѣмъ, работа съ водными сообщеніями шла быстро впередъ. 19 октября 1809 г. на рѣкѣ Тверцѣ было окончено устройство бечевника, и начато углубленіе Ладожскаго канала. По внутреннему управленію губерній также было сдѣлано принцемъ не мало улучшеній. Въ 1809 г. былъ учрежденъ въ Твери «комитетъ для подробнаго разсмотрѣнія и соображенія способовъ къ благоустройству въ Твери», подобные же комитеты были открыты принцемъ въ Ярославлѣ и Новгородѣ. Изслѣдуя дѣла, поступавшія въ его канцелярію, принцъ обратилъ вниманіе на большой безпорядокъ въ судопроизводствѣ и на запущенное состояніе прежнихъ дѣлъ, и для пресѣченія зла 2 ноября 1809 г. подалъ государю проэктъ: «о мѣрахъ къ успѣшному окончанію дѣлъ въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ», въ которомъ онъ указывалъ на то, что число нерѣшенныхъ дѣлъ въ судахъ возрастаетъ изъ году въ годъ и что это слѣдуетъ приписать безотвѣтственности судей, служащихъ по дворянскимъ выборамъ; для приведенія же въ порядокъ и окончаніе дѣлъ слѣдуетъ, по замѣщеніи на новыхъ условіяхъ этихъ мѣстъ новыми судьями, прежнихъ чиновниковъ оставить на мѣстахъ до окончанія прежнихъ дѣлъ, предоставивъ дворянамъ вопросъ о платѣ имъ жалованья. Такимъ образомъ, составились «временные нижніе земскіе суды». Заботы по наблюденію за окончаніемъ старыхъ дѣлъ во всѣхъ уѣздныхъ судахъ губерній принцъ взялъ на себя. 14 ноября 1809 г. государь высказалъ полное одобреніе по поводу этихъ мѣръ, причемъ въ рескриптѣ собственноручно написалъ: «полагаемыя вами мѣры для окончанія дѣлъ нахожу я весьма основательными и справедливыми»... «Я предполагаю распорядокъ сей обратить даже въ общее для всѣхъ губерній правило на подобные сему случаи». 20 ноября 1809 г. принцъ учредилъ при «экспедиціи водяныхъ сообщеній особый совѣтъ». Все управленіе было имъ раздѣлено на 10 округовъ, охватившихъ сѣтью всю Россію. Для службы въ нихъ былъ учрежденъ «корпусъ инженеровъ» на военномъ положеніи, и для земляныхъ и иныхъ работъ при прорытіи каналовъ и проч. была составлена «мастеровая бригада». Для упорядоченія судоходства и для надзора за этимъ была предназначена особая «Полицейская команда». Чтобы мѣста въ корпусѣ инженеровъ замѣщались образованными и свѣдущими чиновниками, принцъ учредилъ въ Петербургѣ Институтъ Корпуса Инженеровъ (Институтъ Путей Сообщенія). О всѣхъ этихъ нововведеніяхъ было предложено обсудить Государственному Совѣту, и государь съ большимъ одобреніемъ утвер-

дилъ проэктъ и программы принца. Въ концѣ ноября 1809 г. Тверь посѣтилъ государь императоръ, да и вообще въ резиденцію Ольденбургскихъ нерѣдко съѣзжались члены царской фамиліи и нашего лучшаго общества обѣихъ столицъ; во дворцѣ принца находили радушный пріемъ и художники, и писатели (напр. Карамзинъ), къ которымъ Ольденбургскіе относились весьма покровительственно, тѣмъ болѣе, что принцъ и самъ былъ не чуждъ искусства и литературы. Между прочимъ, нерѣдко источникомъ вдохновенія служила принцу его нѣжная привязанность къ супругѣ. Сборникъ стихотвореній принца, подъ названіемъ: «Поэтическія попытки», украшенный рисунками и арабесками работы великой княгини Екатерины Павловны былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1810 г. Зная прекрасно древніе языки принцъ увлекался произведеніями классической литературы и между прочимъ перевелъ на русскій языкъ «Оды» Горація. Впрочемъ, на литературныя упражненія принцъ могъ посвящать лишь немногочисленные часы своего досуга. Энергичный и пунктуальный, любившій входить лично даже въ детали дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію его канцелярій, принцъ всегда былъ заваленъ работой. Дѣятельность принца по управленію путями сообщенія продолжалась и въ 1810 г. 12 февраля были установлены принцемъ правила о пагрузкѣ судовъ и о ихъ размѣрѣ. 29 октября 1810 г. было открыто судоходство по рѣкѣ Волгѣ черезъ Вышневолоцкій каналъ до С.-Петербурга и выработаны точныя правила судоходства. Въ то же время принцъ не оставлялъ безъ вниманія и внутренее управленіе губерніями. Особенно онъ занялся опять дѣлами юридическаго характера; между прочимъ, стараясь смягчить неизбѣжное при нѣкоторыхъ преступленіяхъ тѣлесное наказаніе, принцъ рекомендовалъ судьямъ возможную гуманность по отношенію къ преступникамъ. 14 мая 1810 г. принцъ обратилъ вниманіе государя на чрезмѣрную строгость наказанія крестьянъ за порубки, и на то, какой вредъ деревнямъ приноситъ ссылка крестьянъ на поселеніе. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ принца, по этому дѣлу рѣшилъ замѣнить ссылку въ Сибирь штрафомъ. Въ іюлѣ 1811 г. принцъ съ отцомъ и супругой посѣтилъ Маріинскій и Тихвинскій каналы, чтобы осмотрѣть совершаемыя тамъ колоссальныя работы, а въ концѣ 1811 г. онъ совершилъ путешествіе по Березинскому каналу. 23 декабря 1811 г. принцъ представилъ государю отчетъ о соединеніи Себежскаго озера съ рѣкою Дриссой. Въ отвѣтъ на этотъ отчетъ государь въ особомъ приказѣ говорилъ: «сіе пріемлю я новымъ опытомъ дѣятельной вашей попечительности и поспѣшаю изъявить вамъ совершенную Мою признательность»; къ 26 февраля 1812 г. была приведена въ судоходное положеніе рѣка Горынь Волынской губерніи. Волны политическихъ событій того знаменательнаго года не могли, конечно, не задѣть принца Ольденбургскаго: онѣ на время оторвали его отъ исполненія обычныхъ его служебныхъ обязанностей. Въ мартѣ 1812 г. принцъ по Высочайшему повелѣнію отправился въ городъ Вильно, служившій въ то время центральнымъ пунктомъ расположенія русскихъ войскъ. Въ концѣ того же года, по отступленіи русскихъ войскъ отъ границы, принцъ покинулъ армію. Ему было поручено собрать народное ополченіе въ губерніяхъ Тверской, Новгородской и Ярославской. Для этого въ августѣ 1812 г. принцъ переѣхалъ въ Ярославль, гдѣ и оставался до конца ноября. Изъ Ярославля принцъ принималъ мѣры къ охраненію всѣхъ трехъ губерній и тракта между Петербургомъ и Ярославлемъ, формировалъ народное ополченіе (уже въ августѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ сформированъ корпусъ въ 35000 чел.), устраивалъ лазареты, снабжалъ продовольствіемъ проходившіе черезъ губерніи полки и распредѣлялъ по городамъ военно-плѣнныхъ. Но эта дѣятельность все-таки не удовлетворяла принца, онъ спѣшилъ покончить съ порученіями административнаго характера, чтобы вернуться къ арміи на войну, «куда,—какъ онъ писалъ императору,—честь моя меня призываетъ». Вообще въ перепискѣ принца, сохранившейся отъ того времени, найдется немало свидѣтельства его горячаго патріотизма: «если когда-нибудь», писалъ онъ въ то время, — «я былъ счастливъ, что принадлежу къ русскимъ, то это именно теперь». Супруга принца, великая княгиня Екатерина Павловна, также приняла близкое участіе въ общемъ патріотическомъ движеніи: она на собственный счетъ сформировала батальонъ, принявшій вскорѣ участіе во многихъ славныхъ сраженіяхъ. Во второй половинѣ ноября 1812 г. принцъ

и его супруга возвратились изъ Ярославля въ Тверь, и принцъ тотчасъ же принялся за прежнюю свою дѣятельность, не оставляя однако мысли вернуться къ арміи. Въ началѣ декабря, онъ, осматривая одинъ госпиталь, заболѣлъ; болѣзнь быстро пошла впередъ, и въ ночь съ 14 на 15 декабря принцъ скончался отъ нервной горячки; въ январѣ слѣдующаго года тѣло принца было погребено въ Петербургѣ, а впослѣдствіи (въ 1826 г.) было перевезено въ Ольденбургъ.

А. Папковъ: „Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго". С.-Пб., 1885, стр. 17—32; Шрейеръ: „50 лѣтній юбилей принца П. Г. Ольденбургскаго", С.-Пб., 1881; Геттунъ: „Записки" („Историческ. Вѣстникъ", 1880, кн. 3); Ѳ. П. Лубяновскій: „Воспоминанія", М. 1872, стр. 247—270; „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина", С.-Пб., 1862; „Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву", С.-Пб., 1866; Ф. Ф. Вигель: „Записки", М. 1893; „Хроника недавней старины". Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Пб., 1876; А. П. Языковъ: „Батальонъ ея имп. выс. вел. кн. Екатерины Павловны", С.-Пб., 1868; Михайловскій-Данилевскій: „Описаніе Отечественной войны въ 1812 г.", С.-Пб., 1839; Schubert: „Pr. P. Fr. von Oldenburg"; „Allgemeine Deutsche Biographie", t. 8: „Lebens-Abriss der Königin Catharina von. Würtenberg", Stuttgart, 1819; Словарь Брокгауза; „Полное Собраніе Законовъ", т. XXX—XXXIX; Бартеневъ: „XIX вѣкъ".

Б. Гласко.

Ольденбургскій, принцъ *Николай Петровичъ,* генералъ-лейтенантъ, Род. 27 апрѣля 1840 г., ум. 8 января 1886 г. въ Женевѣ. Принцъ Н. П. Ольденбургскій былъ старшій сынъ принца Петра Георгіевича. При крещеніи онъ былъ записанъ прапорщикомъ въ л. гв. Преображенскій полкъ; дѣйствительную службу началъ 25 января 1856 г. въ чинѣ поручика въ л. гв. Конно-піонерномъ эскадронѣ; этотъ же эскадронъ 12 февраля 1861 г. принцъ получилъ въ командованіе, а въ августѣ слѣдующаго года, уже въ чинѣ полковника, принцъ былъ назначенъ его командиромъ. Затѣмъ послѣ непродолжительнаго увольненія за болѣзнью принцъ снова былъ опредѣленъ полковникомъ въ 5-й гусарскій Александрійскій полкъ и съ 30 января 1867 г. командовалъ 1 дивизіономъ этого полка. 11 февраля 1868 г. принцъ былъ назначенъ командиромъ 13 уланскаго Владимірскаго полка и съ 21 августа 1870 г. состоялъ для порученій при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-инспекторѣ кавалеріи. 16 апрѣля 1872 г.—принцъ получилъ чинъ генералъ-маіора, а 15 мая 1883 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Кромѣ того, 19 мая 1876 г. принцъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Опекунскаго Совѣта, и 2 ноября членомъ Попечительнаго Совѣта заведеній Общественнаго Призрѣнія и попечителемъ Петропавловской больницы и, такимъ образомъ, сталъ помощникомъ въ дѣлахъ благотворительности своего отца, принца П. Г. Ольденбургскаго. Онъ управлялъ больницами Маріинской и Александровской для бѣдныхъ; въ 1879 г., по порученію отца, онъ предпринялъ путешествіе за границу для осмотра тамошнихъ извѣстныхъ больницъ, чтобы измѣнить къ лучшему порядокъ въ русскихъ подвѣдомственныхъ принцу больницахъ. 12 января 1878 г. принцъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Павловскаго института.

Послѣдніе годы жизни принцъ проводилъ главнымъ образомъ на островѣ Мадерѣ, гдѣ лѣчился отъ чахотки; скончался принцъ Н. П. Ольденбургскій въ Женевѣ 8 января 1886 г.

Папковъ: „Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго"; „Правительственный Вѣстникъ" 1886 г. № 7; Всеобщій Календарь на 1887 г. стр. 114; „Нива" 1878 г. № 1. и 1886 г. стр. 149; „Всемірная Иллюстрація" 1872 г.

Б. Гласко.

Ольденбургскій, принцъ *Петръ Георгіевичъ* (*Константинъ - Фридрихъ-Петръ*), генералъ отъ инфантеріи, шефъ Стародубскаго кирасирскаго его имени полка, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, главноуправляющій IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, почетный опекунъ и предсѣдатель С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, главный начальникъ женскихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи, попечитель Императорскаго Училища Правовѣдѣнія С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, Императорскаго Александровскаго Лицея, почетный членъ различныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, предсѣдатель Россійскаго Общества международнаго права, попечитель Кіевскаго дома призрѣнія бѣдныхъ, покровитель Глазной лечебницы. Принцъ П. Г. Ольденбургскій род. 14 августа 1812 г. въ Ярославлѣ, ум. 2 мая 1881 г. въ Петербургѣ.

За нѣсколько дней до Бородинской битвы у

принца Георгія Петровича Ольденбургскаго и супруги его великой княгини Екатерины Павловны въ Ярославлѣ родился сынъ, названный при крещеніи Константинъ-Фридрихъ-Петръ, извѣстный впослѣдствіи въ Россіи подъ именемъ принца Петра Георгіевича. Четырехъ мѣсяцевъ отъ рожденія принцъ лишился отца и былъ перевезенъ къ бабкѣ своей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, супругѣ императора Павла I, а затѣмъ, когда Екатерина Павловна вступила въ новый бракъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, онъ послѣдовалъ за своей матерью въ Штутгардтъ. На восьмомъ году отъ роду онъ лишился матери и былъ по ея желанію, высказанному принцессой передъ кончиной, отвезенъ въ Ольденбургъ къ дѣду своему, герцогу Ольденбургскому Петру-Фридриху-Людвигу, гдѣ и получилъ дальнѣйшее воспитаніе вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ принцемъ Фридрихомъ-Павломъ-Александромъ. Въ кругъ наукъ, которыя долженъ былъ проходить принцъ, были между прочимъ включены древніе и новые языки, геометрія, географія, а также и русскій языкъ. Въ послѣднее время пребыванія своего въ Ольденбургѣ принцъ съ особенною любовью занимался юридическими науками и логикой подъ руководствомъ Христіана Рунде.

Въ 1829 г. по Адріанопольскому миру Греція получила политическую самостоятельность и кандидатомъ на греческій престолъ нѣкоторые дипломаты того времени называли принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ концѣ 1830 г. императоръ Николай I вызвалъ принца на русскую службу. 1 декабря 1830 г. принцъ прибылъ въ Петербургъ, былъ встрѣченъ очень радушно императоромъ и зачисленъ на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. За время пятилѣтней службы своей въ полку принцъ сначала командовалъ 2-мъ батальономъ, а затѣмъ (временно) и полкомъ, и за отличіе по службѣ 6 августа 1832 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 6 декабря 1834 г. въ генералъ-лейтенанты. Съ раннихъ лѣтъ отличавшійся высоко развитымъ чувствомъ гуманности, принцъ Ольденбургскій высказалъ свое доброе сердце и въ качествѣ офицера полка: онъ обратилъ вниманіе на горькую участь солдатскихъ дѣтей, въ большинствѣ случаевъ оставшихся безъ всякого образованія. По его почину въ Преображенскомъ полку была устроена школа и онъ принялъ ее подъ свой ближайшій надзоръ; на ряду съ обученіемъ грамотѣ въ этой школѣ было обращено также вниманіе и на нравственную сторону обучаемыхъ. Это былъ первый опытъ, который впослѣдствіи успѣшно былъ примѣненъ и въ другихъ полкахъ. Не мало приложилъ стараній принцъ и для улучшенія солдатскаго быта въ гигіеническомъ отношеніи.—12 марта 1835 г. принцъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, а въ маѣ слѣдующаго года временно исправлялъ обязанности и начальника военно-учебныхъ заведеній.—6 декабря того же 1835 г. принцъ былъ назначенъ шефомъ Стародубскаго кирасирскаго полка.—Между тѣмъ, принцъ не покидалъ заботъ и объ образованіи и продолжалъ заниматься литературой (между прочимъ принцъ перевелъ въ 1834 г. на французскій языкъ «Пиковую даму» Пушкина), исторіей, естественными науками и въ особенности науками юридическими (подъ руководствомъ К. И. Арсеньева). Въ 1834 г. принцъ оставилъ военную службу. Поводомъ къ переходу принца Петра Георгіевича изъ военной службы въ гражданскую былъ слѣдующій случай, обстоятельно разсказанный имъ статсъ-секретарю Половцову, со словъ коего онъ нами здѣсь и помѣщается. Во время службы его въ Преображенскомъ полку принцу пришлось, по служебной обязанности, присутствовать при томъ, какъ женщина была подвергнута тѣлесному наказанію и прогнана сквозь строй, при чемъ на обнаженныя ея плечи были наносимы солдатами палочные удары. Возмущенный такой картиной принцъ П. Г. съ мѣста экзекуціи поѣхалъ къ тогдашнему министру вн. д. графу Блудову и заявилъ ему, что онъ никогда болѣе не приметъ участія въ распоряженіяхъ по приведенію въ исполненіе подобнаго наказанія, не существовавшаго ни у какого сколько-нибудь просвѣщеннаго народа, а потому просилъ гр. Блудова доложить Государю Императору его просьбу объ увольненіи отъ военной службы. Согласно такому ходатайству принцъ назначенъ былъ членомъ консультаціи при министрѣ юстиціи, а вслѣдъ затѣмъ (23 апр. 1834 г.) сенаторомъ присутствующимъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената. Это новое назначеніе принца, доставивъ ему возможность—какъ онъ самъ выразился—вник-

нуть ближайшимъ образомъ въ порядокъ и ходъ гражданскаго дѣлопроизводства, скоро привело принца къ убѣжденію въ недостаточно удовлетворительной постановкѣ у насъ дѣла юридическаго образованія и въ необходимости высшаго учебнаго заведенія спеціально юридическаго Принцъ былъ убѣжденъ, что существовавшія высшія учебныя заведенія не удовлетворяли насущной потребности правительства — имѣть въ судебномъ вѣдомствѣ чиновниковъ съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ и спеціально подготовленныхъ къ практической юридической дѣятельности. Идя навстрѣчу этой давно назрѣвшей потребности, принцъ подробно разработалъ проектъ новаго «Училища Правовѣдѣнія» и поднесъ его на благоусмотрѣніе государя, съ присовокупленіемъ обѣщанія пожертвовать сумму, необходимую на пріобрѣтеніе дома и первоначальное обзаведеніе училища. Письмо принца, отъ 26 октября 1834 г. заключавшее упомянутый проектъ, было передано государемъ Сперанскому, съ надписью: «благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить, какъ ваши замѣчанія, такъ и то, что вами съ принцемъ условлено будетъ». 29 мая 1835 г. въ Государственномъ Совѣтѣ были уже разсмотрѣны и утверждены выработанные принцемъ, совмѣстно съ Сперанскимъ, проектъ и штаты училища Правовѣдѣнія и на третій день послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, коимъ принцу ввѣрялось устройство училища. Къ концу ноября того же 1835 г. купленное на средства принца зданіе (на углу Фонтанки и Сергіевской ул.) было передѣлано и приспособлено для открытія въ немъ училища (при этомъ пріобрѣтеніе зданія и его приспособленіе и обзаведеніе обошлись принцу болѣе, чѣмъ въ 1 милліонъ рублей). 5 декабря 1835 г. послѣдовало торжественное, въ присутствіи государя-императора, открытіе училища. Въ тотъ же день Высочайшимъ рескриптомъ принцъ былъ утвержденъ въ званіи попечителя училища и пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 2 степени. Съ момента учрежденія училища до самой смерти своей, въ теченіе почти полувѣка, принцъ не покидалъ самыхъ сердечныхъ заботъ объ этомъ учрежденіи. Не говоря о томъ, что онъ въ значительной степени руководилъ общимъ ходомъ дѣлъ училища, онъ вникалъ нерѣдко въ мелкія детали, зорко слѣдилъ за воспитанниками училища, спѣшилъ къ нимъ на помощь и по окончаніи ими курса; словомъ, училище и его питомцы всегда находили въ принцѣ щедрую и нравственную, и матеріальную поддержку.

6 декабря 1836 г. принцу повелѣно было присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, съ правомъ занимать должность предсѣдателя, въ его отсутствіе. 25 февраля 1842 г. принцу Высочайше было повелѣно быть предсѣдателемъ упомянутаго департамента, и въ этомъ званіи принцъ принималъ дѣятельное участіе въ реформахъ 1860-хъ годовъ, именно въ реформѣ крестьянской и судебной.

Въ апрѣлѣ 1837 года принцъ вступилъ въ бракъ съ дочерью герцога Нассаускаго, Вильгельма, принцессой Терезіей-Вильгельминой Шарлоттой. Въ слѣдующемъ году принцъ, за многочисленными личными и служебными занятіями, просилъ объ увольненіи его отъ присутствованія въ Сенатѣ, и просьба эта 17 февраля 1838 г. была уважена. 30 сентября 1839 г. принцъ былъ Высочайше назначенъ почетнымъ опекуномъ въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ и членомъ Совѣтовъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена св. Екатерины.— 14 октября того же года ему было поручено управленіе С.-Петербургскою Маріинскою больницею для бѣдныхъ.—Это новое назначеніе, введя принца въ управленіе Вѣдомства Императрицы Маріи, было не только началомъ новой эры въ жизни принца, но и въ исторіи этого вѣдомства. На этомъ поприщѣ принцъ выказалъ столько энергіи, трудолюбія и чувствъ высокаго человѣколюбія, что имя его останется неизгладимымъ въ исторіи помянутаго вѣдомства и въ особенности въ дѣлѣ насажденія и развитія у насъ женскихъ учебныхъ заведеній. Дѣятельность принца приняла болѣе широкіе размѣры съ 1844 г., когда ему было поручено исполнять должность Предсѣдательствующаго въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Въ виду значительныхъ размѣровъ, коихъ достигло къ тому времени постепенное увеличеніе у насъ числа женскихъ уч. заведеній, существовавшій доселѣ надзоръ за развитіемъ ихъ оказывался недостаточнымъ, какъ недостаточно удовлетворительной оказалась и сторона админи-

стративная; къ тому же, вслѣдствіе измѣнившихся общественныхъ условій, самые уставы женскихъ уч. заведеній нуждались въ пересмотрѣ. Для удовлетворенія этихъ нуждъ въ 1844 г. былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго комитетъ, который къ маю того же года окончилъ свои занятія, выработавъ разряды, штаты и программы. По предложенію этого же комитета при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи былъ учрежденъ тогда же (30 дек. 1844 г.). Учебный Комитетъ, какъ центральное управленіе по учебной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а съ 1 января 1845 г. былъ учрежденъ, въ цѣляхъ болѣе единообразнаго направленія всего строя управленія женскими училищами, особый Главный Совѣтъ, открывшій свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго и долгое время игравшій роль какъ бы особаго министерства женскаго образованія въ Россіи; въ 1851 г. принцъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Учебнаго Комитета, и такимъ образомъ постепенно сталъ во главѣ женскаго воспитанія и образованія. Въ своей дѣятельности принцъ не ограничивался улучшеніями административной стороны въ управленіи ввѣреннаго ему вѣдомства, но заботился и о дальнѣйшемъ и болѣе широкомъ развитіи учебнаго дѣла и шелъ всегда на встрѣчу нуждамъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній. Изъ трудовъ и записокъ принца слѣдуетъ упомянуть составленную имъ въ 1851 г. и вскорѣ осуществленную записку о преподаваніи гимнастики; затѣмъ «Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній» (1852 г.); наставленіе это было Высочайше утверждено, причемъ Государь на подлинномъ написалъ: «прекрасно, и душевно благодарю за полезный трудъ». Въ 1855 г. Главный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ принца, выработалъ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній, который и былъ 30 авг. 1855 г. Высочайше утвержденъ. 19 апрѣля 1858 г. по мысли и указаніямъ императрицы Маріи Александровны и при дѣятельномъ содѣйствіи принца Ольденбургскаго было открыто въ Россіи первое семиклассное для приходящихъ дѣвицъ женское училище, наименованное Маріинскимъ, попечителемъ котораго былъ назначенъ принцъ. Въ виду горячаго сочувствія новому училищу со стороны общества, принцъ въ томъ же году, съ Высочайшаго разрѣшенія, открылъ въ Петербургѣ еще нѣсколько народныхъ училищъ. 26 февраля 1859 г. принцемъ были утверждены «Правила внутренняго порядка Маріинскаго женскаго училища», въ которыхъ вполнѣ отразились тѣ гуманныя идеи, коихъ всегдашнимъ носителемъ былъ принцъ. Вслѣдъ за открытіемъ въ Петербургѣ женскихъ гимназій по образцу Маріинскаго училища были вскорѣ открыты народныя же учебныя заведенія и въ провинціи; къ 1883 г. ихъ насчитывалось уже до тридцати. Между тѣмъ 12 августа 1860 г. былъ Высочайше утвержденъ проэктъ Положенія о главномъ управленіи учрежденій Императрицы Маріи; согласно Положенію, главное управленіе этими учрежденіями сосредоточивалось въ IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи; отдѣленіе это ввѣрялось главноуправляющему, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть и предсѣдателемъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта. Государь назначилъ главноуправляющимъ принца П. Г. Ольденбургскаго и изволилъ утвердить проэктъ, съ тѣмъ, чтобы на положеніи и указѣ выставлено было: «Тверь. 14 августа, т. е. день рожденія принца Ольденбургскаго». Особое благоволеніе Государя къ трудамъ принца, выразившееся въ данномъ случаѣ, сопровождало и дальнѣйшіе шаги принца въ его управленіи вѣдомствомъ Императрицы Маріи; такъ 5 мая 1864 г. по случаю столѣтняго юбилея воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя принца было, между прочимъ сказано: «званіе главноуправляющаго было лишь справедливымъ признаніемъ двадцатилѣтнихъ вашихъ заслугъ ко благу заведеній, состоящихъ подъ непосредственнымъ Вашимъ покровительствомъ».

Одновременно съ устройствомъ первыхъ открытыхъ женскихъ училищъ (гимназій) принцъ озаботился о широкихъ преобразованіяхъ по учебной и воспитательной частямъ въ закрытыхъ женскихъ институтахъ; въ цѣляхъ преобразованій принцъ провелъ два важныхъ мѣропріятія: одно касалось измѣненій въ учебномъ планѣ, другое было направлено къ ослабленію затворническаго характера закрытыхъ учебныхъ заведеній. Введеніе преобразованій и правильно-организованнаго семи-

лѣтняго образовательнаго курса обезпечило дальнѣйшее свободное развитіе общаго женскаго образованія въ Россіи.

Впрочемъ, вниманіе принца привлекала къ себѣ не только участь среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній: онъ прилагалъ не мало стараній и на развитіе высшаго спеціальнаго, художественнаго и профессіональнаго женскаго образованія въ Россіи. Такъ, еще въ 1844 г. подъ предсѣдательствомъ принца были разработаны правила и уставъ для двухлѣтнихъ педагогическихъ курсовъ при Александровскихъ женскихъ училищахъ въ Петербургѣ и Москвѣ; кромѣ того, были преобразованы теоретическій и практическій курсы кандидатокъ при обоихъ столичныхъ сиротскихъ институтахъ. Наконецъ, въ виду быстраго распространенія женскихъ гимназій и недостатка въ хорошо подготовленныхъ учительницахъ въ 1863 г. были основаны педагогическіе курсы, а въ 1871 г. для подготовки учительницъ французскаго языка, по мысли принца и его почину, былъ учрежденъ при Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ французскій классъ съ двухгодичнымъ курсомъ для воспитанницъ института, окончившихъ курсъ съ первыми наградами.—Большое вниманіе обратилъ принцъ и на улучшеніе музыкальнаго образованія воспитанницъ, устроивъ при нѣкоторыхъ институтахъ спеціальные музыкальные курсы.—Въ дѣлѣ «профессіональнаго» женскагоо бразованія было сдѣлано принцемъ также немало. При немъ были отчасти преобразованы, отчасти вновь учреждены спеціальные школы и курсы при многихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, рукодѣльни, ремесленныя школы; его же иниціативѣ принадлежитъ открытіе при контрольной экспедиціи IV Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи практическаго курса счетоводства для дѣвицъ, уже получившихъ среднее образованіе. — Не упускалъ изъ виду принцъ и нуждъ начальнаго образованія: имъ было произведено не мало улучшеній въ учебномъ курсѣ дѣтскихъ пріютовъ, а въ 1864 г. была учреждена учительская семинарія, при С.-Петербургскомъ воспитательномъ домѣ и открыты 20 начальныхъ школъ въ округахъ его; число школъ, равно какъ и число пріютовъ постепенно увеличивалось. (Между прочимъ 10 марта 1867 г. принцъ Ольденбургскій съ Высочайшаго разрѣшенія открылъ въ Петербургѣ на собственныя средства дѣтскій пріютъ на 100 дѣтей подъ наименованіемъ «Пріютъ въ память Екатерины и Маріи» съ 1871 г. переименованный въ «Дѣтскій пріютъ Екатерины, Маріи и Георгія). Кромѣ того, многими улучшеніями и преобразованіями обязано принцу и ремесленное училище при Московскомъ воспитательномъ домѣ, уставъ и штаты коего въ 1868 г. были вновь разработаны и самое училище было переименовано въ Императорское Московское техническое училище. Результаты реформъ не замедлили скоро сказаться: экспонаты училища привлекали общее вниманіе на русскихъ и иностранныхъ выставкахъ и самая система преподаванія не осталась безъ заимствованія со стороны иноземныхъ школъ, напр. американскихъ. Вообще должно замѣтить, что постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ вѣдомствѣ, ввѣренномъ принцу, многими сторонами превосходила постановку того же дѣла за границей, и иностранцы не разъ не только давали самые лестные отзывы о принятыхъ у насъ методахъ, но и примѣняли ихъ у себя.—Успѣшное развитіе и процвѣтаніе школьнаго дѣла въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ принцу, объясняется не только выдающимися административными способностями его высочества, его тактомъ, умѣньемъ выбирать лицъ и неослабной энергіей, но и той горячей любовью къ юношеству, которой было согрѣто его сердечное попеченіе о судьбѣ и преуспѣяніи учебныхъ заведеній, ему ввѣренныхъ, и объ ихъ питомцахъ. Дѣятельность принца по женскому воспитанію и образованію такъ охарактеризована въ исторической запискѣ, составленной въ 1883 г. по случаю исполнившагося въ томъ году двадцатипятилѣтія С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій: «Душею и вершителемъ всѣхъ царственныхъ начинаній относительно нашихъ учебныхъ заведеній былъ принцъ П. Г. Ольденбургскій. Его Высочество всецѣло посвятилъ себя заботамъ о благѣ ввѣренныхъ его управленію и ближайшему наблюденію благотворительныхъ и воспитательно - учебныхъ учрежденій императрицы Маріи. Многолѣтняя и неутомимая дѣятельность его по созданію новыхъ и преобразованію прежнихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ воспитательно-учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, дѣятельность твердо и спокойно

совершавшаяся въ стройной и последовательной системѣ, внѣ всякихъ стороннихъ, временныхъ вліяній, но всегда въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными требованіями и нуждами новой общественной и государственной жизни, созданной великими дѣлами Царя-Освободителя, подлежитъ оцѣнкѣ исторіи... Покойный принцъ своей неутомимой дѣятельностью, неусыпной заботливостью и особенно своей личной добротой принесъ громадную пользу ввѣреннымъ его попеченіямъ уч. заведеніямъ и особенно женскимъ гимназіямъ, только что начавшимъ свое самостоятельное существованіе. Десятки поколѣній, прошли черезъ нихъ, унося въ своемъ сердцѣ искреннюю любовь и привязанность къ своему Августѣйшему Покровителю». Любовь принца къ дѣтямъ выражалась порою въ трогательныхъ формахъ; принцъ не разъ устраивалъ дѣтямъ въ своемъ дворцѣ вечера; большой любитель музыки и литературы, принцъ нерѣдко сочинялъ кантаты и пѣсенки, которыя распѣвали дѣти на своихъ школьныхъ праздникахъ; съ отеческимъ попеченіемъ относился принцъ къ нуждамъ питомицъ, кончившихъ курсъ какого-либо подвѣдомственнаго ему уч. заведенія.

Многообразная и широкая дѣятельность принца не исчерпывается его трудами на пользу женскаго образованія въ Россіи: принцу были дороги вообще успѣхи нашего средняго и высшаго образованія. Выше было отмѣчено основаніе принцемъ Училища Правовѣдѣнія; вотъ какъ отзывается объ участіи принца къ этому своему дѣтищу одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Училища: «Принцъ считалъ училище чѣмъ то своимъ, роднымъ и близкимъ себѣ; все свое време, всѣ заботы и помышленія отдавалъ ему. Въ Училище онъ пріѣзжалъ почти всякій день, иногда по нѣсколько разъ въ день, присутствовалъ при лекціяхъ въ классахъ, бывалъ во время рекреацій... иногда пріѣзжалъ даже ночью... Вообще говоря, наврядъ-ли была такая потребность училищной жизни, которой бы онъ не видалъ собственными глазами... Все это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія: Училище стало на такую ногу, на какой ни стояло ни одно изъ тогдашнихъ русскихъ училищъ, и во многомъ получило особенный характеръ. Въ немъ несравненно менѣе было казеннаго, формальнаго, рутиннаго а за то было что-то напоминавшее семейство и домашнее житье», и такимъ по отношенію къ училищу — говоритъ біографъ Его Высочества — принцъ оставался до конца своей жизни.

Въ 1840 г. принцъ былъ назначенъ оберъ-директоромъ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища, которое подверглось кореннымъ реформамъ. 28 іюня 1841 г. былъ Высочайше утвержденъ новый уставъ училища и съ тѣхъ поръ принцъ состоялъ уже попечителемъ послѣдняго. Въ томъ же году принцъ принялъ на себя званіе президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, а съ 1860 г. былъ его почетнымъ членомъ; между прочимъ за время предсѣдательства принца былъ выработанъ и новый уставъ общества.—Въ 1843 г. былъ причисленъ къ вѣдомству учрежденій императрицы Маріи и Императорскій Александровскій Лицей и съ 6 ноября того же года принцу было ввѣрено главное начальство надъ Лицеемъ, на улучшеніе котораго принцемъ также было положено не мало труда.

Цѣня русское просвѣщеніе и съ особымъ уваженіемъ относясь къ юриспруденціи принцъ въ 1880 г. создалъ «Русское общество международнаго права», открытіе котораго подъ его предсѣдательствомъ послѣдовало 31 мая того года. Въ основаніи его была положена высокогуманная идея—содѣйствовать развитію международнаго права, какъ залога культурнаго процвѣтанія и благоденствія общества. — Да и вообще вся обширная дѣятельность принца Ольденбургскаго на пользу русскаго общества есть блестящее выраженіе и практическое осуществленіе тѣхъ высокихъ гуманныхъ идей, неизмѣннымъ носителемъ коихъ былъ Его Высочество; выполненію ихъ способствовала, конечно, и рѣдкая сердечная доброта, которой отличался принцъ и которая двигала имъ на поприщѣ благотворительности. Принцъ Ольденбургскій былъ одинъ изъ крупныхъ благотворителей; его средствамъ и активному попеченію было обязано своимъ возникновеніемъ и развитіемъ не одно благотворительное учрежденіе. Отмѣтимъ женскій институтъ принцессы Терезіи Ольденбургской; Пріютъ Его Высочества принца П. Г. Ольденбургскаго. Дѣтская больница принца Петра Ольденбургскаго; упомянутый выше пріютъ въ память Екатерины, Маріи и Георгія; Свято-Троицкая

община сестеръ милосердія; больницы Обуховская, Маріинская, Петропавловская и др.; Воспитательный Домъ и пр. Не говоря о серьезныхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, введенныхъ принцемъ въ рядъ названныхъ учрежденій, Его Высочество жертвовалъ на преуспѣяніе ихъ значительныя суммы изъ собственныхъ средствъ.

Энергія принца не покидала его до послѣднихъ дней. Уже маститый старецъ, справившій пятидесятилѣтній юбилей своей государственной службы, удрученный недугами и не могшій уже безъ посторонней помощи подниматься по лѣстницамъ, принцъ продолжалъ посѣщать ввѣренныя ему учрежденія, заниматься текущими дѣлами и живо интересоваться всѣмъ, что подлежало его вѣдѣнію.—Вечеромъ 2 мая 1881 года принцъ П. Г. Ольденбургскій скончался отъ скоротечнаго воспаленія легкихъ. 8 мая состоялось торжественное погребеніе его на кладбищѣ Сергіевой пустыни. Въ 1889 г. на Литейномъ проспектѣ передъ зданіемъ Маріинской больницы былъ воздвигнутъ въ честь принца Ольденбургскаго памятникъ съ надписью: «Просвѣщенному благотворителю».

А. Папковъ: „Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургскаго", Спб. 1885; Ю. Шрейръ: „Пятидесятилѣтній юбилей принца П. Г. Ольденбургскаго", Спб. 1881; „Юбилей е. и. в. пр. П. Г. Ольденбургскаго" („Сѣв. Почта" 1868, № 245); И Селезневъ: „Пятидесятилѣтіе IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи", Спб. 1878; „Пятидесятилѣтній юбилей Императ. Училища Правовѣдѣнія", Спб. 1886; И. Селезневъ: „Историч. очеркъ Императ. бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея", Спб. 1861; „Юбилей 25-тилѣтняго попечительства надъ И. Александр. Лицеемъ е. и. в. пр. П. Г. Ольденбургскаго" („Русск. Инвалидъ", 1868, № 310); „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Коммерческаго училища", Спб. 1889, 3 тома; А. Г. Тимофеевъ: „Исторія Спб. Коммерческаго училища", Спб. 1901: „С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ", Спб. 1903; В. Тимофеевъ: „50-лѣтіе Спб. Николаевскаго Сиротскаго Института", Спб. 1887; Скачковъ И. А.: „Краткій истор. очеркъ дѣтскаго пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго", Спб. 1883 и 1896; С. Масловъ: „Историч. Обзоръ Импер. Моск. Общ. сельск. хоз." М. 1846; „Двадцатипятилѣтіе Спб. женскихъ гимназій, Спб. 1883; С. С. Татищевъ: „Императоръ Александръ II", Спб. 1903; Корфъ: „Жизнь гр. Сперанскаго", Спб. 1861; „Переписка Грота съ Плетневымъ", т. I, II, III; Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина" (указат.); „Изъ педагогич. автобіографіи Л. Н. Модзалевскаго", Спб. 1899, стр. 23; „Новости" 1881. № 115, „Голосъ" 1880 № 337, 1881, №№ 121—127 и др. газеты того же года; „Русск. Архивъ" 1891; „Русск. Старина" тт. 29, 30, 31, 37, 43, 77, и др. Энциклопедическіе Словари.—Стихи принца: „Баллада-—Евтерпе и Терпсихора" (1863), Воспоминаніе о 30-мъ сент. 1864 г. (1864)".

Б. Гласко.

Ольстинъ-*Алексичъ*, — бояринъ черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича. Въ 1184 году, когда явились на Русь половцы съ просьбою о мирѣ, Ольстинъ былъ посланъ княземъ Ярославомъ для переговоровъ и заключилъ мирный договоръ. Это однако не помѣшало Ярославу послать Ольстина въ слѣдующемъ же 1185 г. во время извѣстнаго несчастнаго похода на половцевъ Игоря Святославича Новгородъ-Сѣверскаго, на помощь Игорю «съ Коуи Черниговьскими». По мнѣнію Карамзина, эти «Коуи», или по другому чтенію «Ковуи», были не русскіе, а вѣроятно какіе-либо инородцы. Ольстинъ упоминается въ нѣкоторыхъ битвахъ съ половцами, но дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, и неизвѣстно, вернулся ли онъ обратно въ Черниговъ изъ этого неудачнаго похода.

Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. II, 129, 130, 319; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) III пр. 68, 69; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") I, 632—634. *Е. Л.*

Ольхинъ, *Александръ Александровичъ*,—генералъ-лейтенантъ, совѣщательный членъ оружейнаго отдѣла артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія. Родился 20 іюня 1812 года и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. По окончаніи курса въ Артиллерійскомъ училищѣ Ольхинъ былъ произведенъ 22 января 1833 года въ прапорщики съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи и съ оставленіемъ при училищѣ для прохожденія курса высшихъ наукъ. Пробывъ при училищѣ еще около года, Ольхинъ былъ переведенъ въ 15 артиллерійскую бригаду, а спустя еще два года въ 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерійскую бригаду. Назначенный 3-го января 1840 года адъютантомъ къ начальнику штаба по управленію генералъ-фельдцейхмейстера, онъ пробылъ въ этой должности 3½ года. Произведенный постепенно въ полковники, Ольхинъ съ 1852 г. сталъ принимать участіе въ разныхъ коммиссіяхъ по перевооруженію войскъ, пока не былъ переведенъ на службу въ Финляндію, гдѣ, между прочимъ съ 1855 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора былъ завѣдующимъ полевою артиллеріей. 23 августа 1860 года

былъ переведенъ въ Петербургъ и назначенъ совѣщательнымъ членомъ оружейной коммиссіи временного артиллерійскаго комитета, а также членомъ нѣсколькихъ другихъ подобныхъ коммиссій, а по упраздненіи временнаго артиллерійскаго комитета, былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ оружейнаго отдѣла артиллерійскаго комитета Главнаго артиллерійскаго управленія; въ этой должности Ольхинъ оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей 7 сентября 1873 г. въ Петербургѣ.

Общій Архивъ Главнаго Штаба; „Голосъ" 1873 г. № 278.

Е. Ястребцевъ.

Ольхинъ, *Константинъ Павловичъ*,— оперный артистъ, баритонъ. Род. въ Петербургѣ въ 1861 году, артистическое образованіе получилъ въ петербургской консерваторіи, по окончаніи курса которой отправился въ провинцію. Благодаря красивому и довольно сильному голосу, а также и недюжиннымъ сценическимъ способностямъ, онъ вскорѣ сталъ пользоваться значительнымъ успѣхомъ у публики; затѣмъ онъ сформировалъ оперную труппу на началахъ товарищества и подвизался съ нею въ Саратовѣ, гдѣ и скончался 28-го января 1891 года отъ оспы.

„Новости", 1891 г., № 30; „Новое Время", 1891 г., № 5360; „Саратовскія Губернскія Вѣдомости", 1891 г., № 10; Календари: Русскій и Всеобщій на 1892 г.

Е. Я.

Ольхинъ, *Матвѣй Дмитріевичъ*— основатель издательской книгопродавческой фирмы въ С.-Петербургѣ «Ольхинъ и К°»; еврей по происхожденію, род. въ 1806 году и службу началъ курьеромъ въ Департаментѣ Государственнаго Казначейства. Скопивъ себѣ небольшую сумму денегъ на занимаемой имъ должности, онъ рѣшилъ попытать счастіе въ книжной торговлѣ и открылъ въ началѣ 1840-хъ годовъ книжный магазинъ на Невскомъ просп., противъ Аничкова Дворца. Дѣла его пошли успѣшно и онъ бойко торговалъ, пользуясь между прочимъ покровительствомъ Ѳ. В. Булгарина, который широко рекомендовалъ его публикѣ въ своей газетѣ, а потомъ и Н. В. Кукольника. Въ 1842 году въ его руки перешелъ отъ Смирдина журналъ «Библіотека для Чтенія». Кромѣ того, онъ образовалъ издательскую фирму и повелъ крупное дѣло, начавъ издавать сочиненія различныхъ русскихъ писателей. Имѣя магазинъ и издательское дѣло, онъ открылъ общественную библіотеку. Человѣкъ безъ образованія, Ольхинъ въ своей дѣятельности не преслѣдовалъ какихъ-либо просвѣтительныхъ цѣлей и на книжное дѣло смотрѣлъ какъ на доходную статью; этимъ объясняется и его издательская неразборчивость и безцеремонность въ обращеніи съ писателями. Погоня за быстрой и легкой наживой и страсть къ мотовству скоро разорили Ольхина; онъ скончался въ февралѣ 1853 года.—Между прочимъ, Ольхинъ издалъ, «Роспись русскихъ книгъ», составленную по образцу Смирдинской (1846 г.).

„Историческій Вѣстникъ", 1888 г., Т. XXXI, стр. 379—381; Т. XXXII, стр. 175, 182, 183; „Русская Старина", Т. VII, стр. 121; Т. XXXI, стр. 45;—„Русскій Архивъ", 1869 г., стр. 924—932; 1878 г. Т. II, стр. 65; 1882 г., стр. 287, 296, 297;—„Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ Т. I, стр. 635; Т. II и III;—Записки Ксен. А. Полеваго стр. 572, 574, 577.

Б. Алексѣевскій.

Ольховичъ, *Трофимъ*, — коллежскій ассесоръ, protochirurgus, писатель, сынъ мѣщанина, род. въ 1748 г., ум. 23-го октября 1807 г. По окончаніи курса Кіевской Духовн. академіи, Ольховичъ въ 1769 г. поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь и черезъ годъ былъ произведенъ въ подлекаря и зачисленъ въ инженерный шляхетскій кадетскій корпусъ; но скоро былъ переведенъ лекаремъ въ Тамбовскій пѣхотный полкъ. Въ 1779 г. Ольховичъ былъ опредѣленъ Ахтырскимъ городскимъ врачемъ, 1782 г. получилъ званіе медика-хирурга, въ 1797 г. назначенъ операторомъ Курской врачебной управы, и въ томъ же году уволенъ въ отставку. Ему принадлежитъ: «О камнѣ, прикрѣпленномъ къ мочевому пузырю у семилѣтняго мальчика и вышедшемъ самопроизвольно чрезъ язву въ промежности («Observatio medico-chirurgica», 1805 г., стр. 68—73).

Л. Змѣевъ, „Русскіе врачи - писатели", тетр. 2-я, Спб. 1886, стр. 41. *П. Д.*

Ольховскій, *Николай Ивановичъ*,— горный инженеръ, генералъ-маіоръ, начальникъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора, писатель по горному дѣлу и драматургъ. Ольховскій род. 29 апрѣля 1819 г.; по окончаніи курса въ Корпусѣ горныхъ инженеровъ (нынѣ Горный Институтъ) въ 1835 году былъ при немъ оставленъ. Сначала онъ занималъ должность смотрителя магнитной и метеорологиче-

ской обсерваторіи, а потомъ казначея, секретаря учебнаго комитета и преподавателя начертательной геометріи. Служба его при институтѣ продолжалась около 20-ти лѣтъ—до 1855 года, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Состоя въ этой должности, Ольховскій въ 1861 году былъ командированъ за границу для наблюденія за производствомъ порученной русскимъ правительствомъ парижскому и страсбургскому монетнымъ дворамъ чеканки русской серебряной монеты. Этой командировкой Ольховскій воспользовался, чтобы изучить монетное дѣло за границей, и по возвращеніи въ Россію представилъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ записку о необходимыхъ улучшеніяхъ въ дѣлѣ чеканки монеты на нашемъ Монетномъ Дворѣ. Назначенный 1-го апрѣля 1863 года начальникомъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора, онъ тотчасъ же дѣятельно принялся за реформу монетнаго дѣла. Въ его сравнительно непродолжительное управленіе Монетнымъ Дворомъ, кромѣ преобразованій чисто административнаго характера, заключавшихся въ измѣненіи штатовъ, были введены новые образцы серебряной размѣнной (48°) и мѣдной монетъ, образцы дѣйствующіе и въ настоящее время, и началась чеканка мѣдной монеты, производившаяся ранѣе лишь на Екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ. При немъ же введены были первыя штемпелерѣзныя машины, что составило извѣстную эпоху въ монетномъ дѣлѣ, значительно упростивъ и удешевивъ его производство. Дальнѣйшая преобразовательная дѣятельность Н. И. Ольховскаго была прервана его смертью. Онъ скончался въ Петербургѣ 30-го октября 1868 года на 50-мъ году отъ рожденія.

Помимо своей дѣятельности въ качествѣ преподавателя горнаго института, начальника отдѣленія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и начальника с.-петербургскаго монетнаго двора, Ольховскій многократно принималъ участіе въ разныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, учреждавшихся при департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и при Министерствѣ Финансовъ и сверхъ того, по особому Высочайшему повелѣнію, на него временно былъ возложенъ надзоръ за металлическими балками и стропилами Зимняго Дворца.

Кромѣ того, Ольховскій не чуждъ былъ и литературы, работая по временамъ въ «Горномъ Журналѣ», гдѣ помѣстилъ много своихъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Изъ нихъ можно назвать: «Описаніе желѣзныхъ балокъ и стропилъ, устроенныхъ въ Зимнемъ Дворцѣ при возобновленіи его», Спб. 1839 г., «Докладъ Общему Собранію коммиссіи по пересмотру Горнаго Устава касательно законоположеній и правилъ для руководства при дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора», Спб. 1861 г. и др. Наконецъ, Н. И. Ольховскій не мало времени посвящалъ и театральному дѣлу, которое горячо любилъ. Особенно увлекался онъ театромъ во второй половинѣ 40-хъ и 50-хъ гг., и подъ псевдонимомъ «Ониксъ» написалъ рядъ водевилей преимущественно одноактныхъ, рисующихъ бытъ мелкаго петербургскаго люда. Пьесы эти пользовались въ свое время успѣхомъ. Изъ водевилей, написанныхъ Ольховскимъ, отмѣтимъ: «Ай-да французскій языкъ» (поставленъ на императорской сценѣ въ Спб. въ первый разъ въ 1848 г.), «Отъ желанья служить» (поставленъ въ 1848 г.). «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ» (поставленъ въ 1848 г.), «Первое декабря или я имянинница» (поставленъ въ 1848 г.), «Аллегри» (поставленъ въ 1849 г.), «Лоскутница» (поставленъ въ 1849 г.), «Любовь и кошка» (поставленъ въ 1850 г.), «Курьерская свадьба» (поставленъ въ 1851 г.), «Неудача за неудачей» (постав. въ 1852 г.), «Жидъ за печатью» (переводный съ французскаго водевиль, поставленъ въ 1853 г.) и «Незнакомые знакомцы» (поставленъ въ 1855 г.).

Сообщеніе сына Н. И. Ольховскаго—И. Н. Ольховскаго; А. Лоранскій, „Историческій Очеркъ Горнаго Института", Спб., 1873 г. стр. 132; А. Н. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ Театровъ", ч. I—III.

Е. Ястребцовъ.

Ольшанская, *княжна Іуліанія Георгіевна*,—дочь князя Юрія Домбровицкаго-Ольшанскаго, признаваемая Православною Церковью — блаженной; до начала XVIII вѣка считалась святою. Время жизни ея относятъ къ первой половинѣ XVI столѣтія. Она скончалась въ ранней молодости и была погребена въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ началѣ XVII вѣка были открыты ея мощи и вскорѣ по повелѣнію митрополита Петра Могилы были перене-

сены въ особую раку; память ея было положено праздновать 6-го іюля. Почитаніе мощей святой Іуліаніи продолжалось до 1718 г.; въ этомъ году въ Лаврѣ произошелъ большой пожаръ, уничтожившій и мощи Іуліаніи.

Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ, составленныя архимандритомъ Игнатіемъ. Спб. 1785; Максимовичъ: „О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ“ („Кіевлянинъ“, 1840 года); Кальнофойскій: Teraturgima (XVII вѣкъ); Евгеній, митрополитъ, „Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской іерархіи“. Патерикъ Печерскій (стр. 206 — 208, 209 и 210). Сказаніе объ обрѣтеніи св. мощей княжны Іуліаніи Ольшанской (Четьи-Минеи, 6 іюля). А. Хойнацкій: „Историческое сказаніе о св. Іуліаніи, дѣвѣ изъ Домбровицы, княжнѣ Ольшанской“ („Волынскія Епархіальныя вѣдомости“, 1870 года № 8) и мн. др.

Ольшевскій - Кроидко, *Іосафатъ Серафимовичъ*,—докторъ медицины, писатель, род. въ 1824 г., ум. 17-го сентября 1860 г., въ Ялтѣ. Образованіе Ольшевскій-Кроидко получилъ въ уѣздномъ училищѣ с. Махновки Кіевской губ., въ Винницкой Подольской губернской гимназіи и въ Кіевскомъ университетѣ, откуда въ 1850 г. онъ поступилъ лекаремъ въ Эстляндскій егерскій полкъ. Въ слѣдующемъ 1851 г. онъ перешелъ въ Финляндскій линейный № 5 баталіонъ и въ томъ же году получилъ степень доктора медицины въ Дерптскомъ университетѣ. Въ 1858 г. Ольшевскій былъ назначенъ въ 1-й военно-сухопутный госпиталь и въ Максимиліановскую лечебницу, откуда черезъ 2 года былъ опредѣленъ въ Бобруйскій военный госпиталь.— Ему принадлежатъ: «De morborum pulmonalium objectivae diagnoseos progressu a tempore Zenecii usque ad nostram aetatem simul hujus doctrine ad theropiam vi exhibitu», Dorp. Ziv. 1851; «Случай водобоязни въ Финляндскомъ № 3 баталіонѣ» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1854 г., ч. 63, I); «Водобоязнь, развившаяся безъ укушенія бѣшенымъ животнымъ» («Другъ Здравія», 1854 г., № 20); «Случай излеченія однопредметнаго помѣшательства» (ibid., № 37); «О глазномъ зеркалѣ» («Военно-Мед. Журн.», 1858 г., ч. 72, III и IV, ч. 73, III); «Практическія замѣчанія изъ окулистики» (ibid., 1860 г., ч. 78, III); «Анатомія и физіологія органовъ зрѣнія», Спб., 1861 г., ч. II, IV, III.

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи - писатели“, тетр. 2, Спб., 1886 г., стр. 41—42.

Н. Давидовичъ.

Ольшевскій, *Марціалъ Матвѣевичъ*, — генералъ - лейтенантъ, бендерскій комендантъ. Род. 26-го апрѣля 1796 года происходилъ изъ дворянъ Каменецъ-Подольской губерніи. По окончаніи курса въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское артиллерійское училище) въ 1817 г. въ чинѣ прапорщика былъ назначенъ въ 48-й егерскій полкъ, въ которомъ прослужилъ 11 лѣтъ; въ 1828 году Ольшевскій былъ переведенъ съ чиномъ штабс-капитана въ лейбъ - гвардіи Волынскій полкъ и затѣмъ состоялъ сначала адъютантомъ при начальникѣ 19-ой пѣхотной дивизіи, а потомъ старшимъ адъютантомъ при начальникѣ 14-ой пѣхотной дивизіи. Въ этой должности ему пришлось принять горячее участіе въ покореніи Кавказа; за рядъ отличій онъ получилъ нѣсколько наградъ, а въ 1835 г. произведенъ былъ въ полковники съ назначеніемъ для особыхъ порученій при генералъ-лейтенантѣ Вельяминовѣ, а черезъ три года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. 12-го апрѣля 1839 года Ольшевскій былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, а черезъ годъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи. Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ Ольшевскій командовалъ 2-й бригадой 20-й пѣхотной дивизіи и въ это время получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени и св. Георгія 4-й степени. 9-го октября 1843 года Ольшевскій былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ Кавказа; впрочемъ черезъ три года онъ уволился отъ этой должности. 30-го января 1848 г. Ольшевскій былъ назначенъ комендантомъ въ Бендеры и въ этой должности оставался до самой своей смерти, причемъ 7-го апрѣля 1855 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. М. М. Ольшевскій скончался въ Бендерахъ 4 декабря 1866 года.

Общій Архивъ Главнаго Штаба; Военный Ежегодникъ на 1868 г., стр. 308.

Е. Ястребцевъ.

Омельяненко, *Никита Кузьмичъ*,—тайный совѣтникъ, калужскій гражданскій губернаторъ; происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи; род. въ 1779 году, въ службу вступилъ въ 1792 г. канцеляристомъ Конотопскаго нижняго земскаго суда, затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Черниговской и Полтавской Казен. палатахъ. Въ 1807 г. былъ опредѣленъ на

службу въ Канцелярію командовавшаго земскимъ войскомъ Полтавской губ., а затѣмъ секретаремъ въ канцелярію генералъ-фельдмаршала кн. Прозоровскаго; въ 1810 г. былъ помощникомъ правителя канцеляріи кн. Багратіона, затѣмъ гр. Каменскаго, кн. Голенищева-Кутузова; наконецъ въ 1812 г. былъ директоромъ канцеляріи адмирала Чичагова и въ слѣдующемъ году—канцеляріи Барклая де Толли. Въ 1814 г. Омельяненко былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и 15 сентября слѣдующаго года назначенъ Калужскимъ гражданскимъ губернаторомъ, коимъ состоялъ до февраля 1825 г.; между прочимъ, въ бытность свою губернаторомъ, Омельяненко открылъ въ Калугѣ въ январѣ 1820 г. отдѣленіе Библейскаго общества и былъ его вице-президентомъ. Въ 1831 г. Омельяненко состоялъ генералъ кригсъ-коммисаромъ дѣйствующей арміи, а 17 іюня слѣдующаго года вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ томъ же году онъ былъ избранъ Перемышльскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1836 г. калужскимъ губернскимъ. Годъ смерти Омельяненки въ точности неизвѣстенъ.

Архивъ Департамента Герольдіи; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ", т. II; Н. И. Гречъ: „Записки о моей жизни", Спб., 1866; „Русскій Архивъ", 1873, стр. 297—8; „Дневники Жуковскаго", Спб., 1902, стр. 340; „Петербургск. Вѣдом.", 1820, № 7, стр. 66.

К. И.

Онаповъ, *Яковъ Наумовичъ*, врачъ-писатель, докторъ медицины Парижскаго университета и ассистентъ клиники извѣстнаго ученаго, профессора Charcot. Родился въ 1859 году въ Таганрогѣ, въ достаточной армянской семьѣ. По окончаніи курса въ Таганрогской гимназіи Онаповъ въ концѣ 70-хъ годовъ поступилъ на естественный факультетъ С.-Петербургскаго университета. Выдержавъ полукурсовое испытаніе, Онаповъ покинулъ Петербургскій университетъ, уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и записался въ число студентовъ медицинскаго факультета. Съ самаго начала курса въ Парижскомъ университетѣ, Я. Н. Онаповъ заявилъ себя очень способнымъ трудолюбивымъ работникомъ и обратилъ на себя вниманіе профессоровъ. По окончаніи курса онъ продолжалъ заниматься въ клиникѣ профессора Шарко, избравъ спеціальностью нервныя болѣзни. Въ этой области онъ работалъ съ большою любовью и рѣдкимъ знаніемъ дѣла. Этимъ, а также личными своими качествами, какъ честный, самоотверженный человѣкъ, онъ быстро снискалъ себѣ любовь самого Шарко и всей его клиники. Нѣсколько статей его по нервнымъ болѣзнямъ, помѣщенныхъ въ парижскихъ медицинскихъ журналахъ, еще болѣе упрочили его положеніе, но Онаповъ не захотѣлъ оставаться въ Парижѣ: его тянуло на родину. Лѣтомъ 1892 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы осенью сдать экзаменъ на званіе русскаго врача. Въ это время начались частыя заболѣванія холерой въ Люблинской губерніи, и Онаповъ изъявилъ желаніе принять участіе въ борьбѣ съ эпидеміей. Ему пришлось работать въ посадѣ Ленчно (Łęczno), среди ужасной обстановки; онъ успѣлъ уже обратить вниманіе администраціи своей самоотверженностью и умѣньемъ обращаться съ больными, какъ вдругъ заболѣлъ самъ холерой же и несмотря на тщательный уходъ скончался на 14-й день.

Я. Н. Онаповъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые не ищутъ славы и широкой популярности, но которые высоко цѣнятся въ ученыхъ кругахъ. Его труды, писанные исключительно на французскомъ языкѣ, заслужили много хорошихъ отзывовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ: «Sur la myopathie progressive»; Du réflexe bulbo-caverneux»; «Sur la nature des faisceaux neuro-musculaires»; Руководство къ распознаванію нервныхъ болѣзней, составленное имъ вмѣстѣ съ профессоромъ Blocq'омъ (тоже на французскомъ языкѣ) и многіе другіе.

„Сынъ Отечества" 1892 г., № 271; Nouveau Dictionnaire de médecine et de chirurgie и другія французскія изданія по медицинѣ.

А. Петровъ.

Онацевичъ, *Антонъ Антоновичъ*, статск. совѣтн., помощникъ окружного военно-медицинскаго инспектора Западно-Сибирскаго Военнаго Округа, докторъ медицины, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія; род. въ 1811 г., ум. въ февралѣ 1869 г. Образованіе Онацевичъ получилъ въ Виленской гимназіи и Виленской Медико-Хирургической академіи, которую окончилъ въ 1833 г. съ золотою медалью, и тогда же былъ назначенъ въ Невскій пѣхотный полкъ. Въ 1837 онъ былъ переведенъ въ госпиталь 3-го кавалерійскаго округа Украинскихъ воен-

ныхъ поселеній; въ томъ же году, 12-го декабря, получилъ степень доктора медицины отъ Виленской медико-хирургической академіи, и въ 1839 г. назначенъ старшимъ лекаремъ въ Чугуевскій уланскій полкъ. Въ 1841 г. Онацевичъ перешелъ врачемъ въ с.-петербургскую полицію; въ 1842 г. назначенъ ординаторомъ больницы для чернорабочихъ въ Петербургѣ, въ каковой должности состоялъ до 1845 г. Въ 1847 г. онъ былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Ѳеодосійскаго военнаго госпиталя; въ 1848 г. опредѣленъ на ту-же должность въ 1-й военно-сухопутный госпиталь, а въ 1850 г. назначенъ столоначальникомъ военно-медицинскаго департамента. Въ 1853 г. Онацевичъ былъ опредѣленъ главнымъ докторомъ Виленскаго военнаго госпиталя, въ 1859 г.— главнымъ лекаремъ Смоленскаго военнаго госпиталя, въ 1861 г. былъ переведенъ на ту-же должность въ Казанскій военный госпиталь; въ 1863 г. получилъ званіе инспектора врачебной управы, а въ 1865 г. былъ назначенъ помощникомъ окружного военно-медицинскаго инспектора Западно-Сибирскаго военнаго округа.

Онацевичу принадлежатъ: «Транспортировка раненыхъ въ Алжирской арміи» («Военно-Медицинскій журналъ», 1847 г., ч. 49, II); «Врожденная грыжа грудобрюшной преграды», пер. съ нѣм. (ibid., 1849 г., ч. 55, I) Броссіусъ: «Новое гемостатическое средство-Бевернгерская земля» пер. съ нѣм. (ibid., 1850 г. ч. 56, I); «Шанкръ и укушеніе бѣшеной собакой» («Библіотека Хирургическая», 1860 г., стр. 573).

Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи писатели", тетр. 2, 1886 г., стр. 32; тетр. 5, 1889 г. стр. 42; „Медицинскій Вѣстникъ" 1869 г. № 7.

И. Давидовичъ.

Онацевичъ, *Игнатій* (Ignacy Żegota Onacewicz), профессоръ Виленскаго университета, историкъ; родился въ 1780 году, умеръ въ Петербургѣ въ 1845 году. Отецъ Онацевича былъ уніатскимъ священникомъ недалеко отъ Волковысска, въ нынѣшней Гродненской губерніи. Первоначальное образованіе Онацевичъ получилъ сперва въ Волковысскихъ, а потомъ въ Гродненскихъ школахъ и въ Бѣлостокской гимназіи, по окончаніи курса которой въ 1797 году занимался «гувернерствомъ» въ Августовскомъ воеводствѣ и принялъ католицизмъ. По совѣту нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей онъ поступилъ въ учительскій институтъ въ Лыкѣ (въ Пруссіи), окончилъ его съ похвальнымъ отзывомъ и думалъ поступить въ военную службу, но король прусскій, благодаря самымъ лестнымъ отзывамъ своего министра Шреттера, знавшаго хорошо молодого Онацевича, въ 1802 году опредѣлилъ его на казенный счетъ въ Кенигсбергскій университетъ. По окончаніи курса въ 1804 году Онацевичъ, по приглашенію университета, остался при немъ преподавателемъ русскаго и польскаго языковъ и около этого же времени занялся впервые изученіемъ польско-литовскаго края. Когда начались наполеоновскія войны и французы заняли Кенигсбергъ, Онацевичъ, за отсутствіемъ русскаго консула въ Кенигсбергѣ, принималъ большое участіе въ русскихъ, оставшихся въ Пруссіи, безвозмездно ходатайствовалъ за нихъ передъ французами и передъ самимъ Наполеономъ, нерѣдко освобождалъ русскіе товары отъ конфискаціи. Это послужило поводомъ къ знакомству его съ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, извѣстнымъ меценатомъ, особенно интересовавшимся русской и славянской исторіей и археологіей. Проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ Румянцевъ имѣлъ случай бесѣдовать съ Онацевичемъ, и убѣдившись въ его дарованіяхъ и познаніяхъ, пригласилъ молодого ученаго въ Россію, въ свое имѣніе подлѣ Гомеля. Здѣсь къ услугамъ Онацевича была громадная библіотека и единственное въ своемъ родѣ собраніе рукописей графа, которыми онъ не замедлилъ воспользоваться. Годъ, проведенный въ Гомелѣ, Онацевичъ посвятилъ детальному изученію русской и литовской исторіи и русскаго языка, дѣлалъ выписки, изучалъ памятники и грамоты. Въ 180[illegible] году онъ поступилъ въ Виленскій университетъ, на отдѣлы физическій и правственныхъ наукъ, въ 1811 году получилъ степень магистра и по приглашенію Университета началъ читать лекціи всеобщей исторіи для лицъ, «находящихся на государственной службѣ». Нашествіе Наполеона заставило Онацевича прекратить лекціи и удалиться изъ Вильны, а послѣ 1813 года онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Бѣлостокскую гимназію, гдѣ въ 1817 году былъ сдѣланъ директорскимъ помощникомъ. Въ 1818 году совѣтъ Виленскаго университета избралъ Онацевича адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи

статистики. Въ 1821 году по конкурсу эту каѳедру занялъ извѣстный Іоахимъ Лелевель и Онацевичъ, оставивъ университетъ, просилъ себѣ мѣста директора Виленской гимназіи, но тогдашній министръ народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ предложилъ ему занять въ томъ же Виленскомъ университетѣ каѳедру русской статистики и дипломатіи съ званіемъ адъюнкта и съ сохраненіемъ прежняго содержанія. Онацевичъ согласился и прослужилъ въ Вильнѣ еще до 1828 года, причемъ съ 1827 года въ качествѣ профессора. Въ 1828 году Онацевичъ вслѣдствіе несогласій съ ректоромъ и нѣкоторыми профессорами, которыхъ онъ обвинялъ въ злоупотребленіяхъ и казнокрадствѣ и которые въ свою очередь обвинили его въ полонофильствѣ, вольномысліи и революціонной пропагандѣ, былъ отстраненъ отъ преподаванія и отправленъ на мѣсто родины, въ одну изъ деревень Волковыскаго уѣзда. Вскорѣ, однако, благодаря заступничеству графа Румянцова и нѣкоторыхъ изъ своихъ петербургскихъ друзей, онъ былъ освобожденъ отъ подозрѣнія, но въ университетъ болѣе не возвращался, поселился въ Петербургѣ и занялся исключительно научными работами, занявъ въ то же время мѣсто помощника библіотекаря Румянцовскаго музея и будучи въ 1837—39 годахъ дѣйствительнымъ членомъ археографической коммиссіи, для которой извлекалъ матеріалы изъ Публичной Библіотеки и Румянцовскаго музея. Ученыхъ трудовъ его въ печати появилось очень мало и значеніе его въ русской и польской исторіографіи зиждется не на нихъ. Изъ оригинальныхъ работъ его напечатано лишь двѣ статьи: «Rzut oka na pierwotne dzieje Litwy» (Nowo rocznik literacki, 1846) и «Uwagi nad historyją powszechną» (Magazyn powszechny 1840, №№ 11—12). Кромѣ того, Онацевичъ издалъ нѣсколько сочиненій польскаго историка Альбертранди, большимъ почитателемъ котораго онъ былъ. Въ 1823 году вышло въ свѣтъ «Panowanie Henryka Walezyjusza i Stefana Batorego Królów Polskich. 2 tt. (Warszawa 1823), къ которому Онацевичъ приложилъ свое вступленіе, содержащее краткую исторію Литвы и біографію Альбертранди и цѣлый рядъ очень цѣнныхъ примѣчаній и объясненій. Нѣсколько позже вышла книга того же Альбертранди «Panowanie Kazimierza, Jana-Alberta i Alexandra Jagiellonczyków» 2 t.t. (Warszawa 1827) съ составленной Онацевичемъ родословной росписью Ягеллоновъ и близкихъ къ нимъ родовъ. Въ 1831 году онъ издалъ съ своими примѣчаніями и дополненіями статью Лелевеля: «Nowosilców w Wilnie w roku szkolnym 1823—24» (Warszawa 1831). Впрочемъ, главная работа Онацевича, надъ которой онъ трудился въ продолженіе почти всей своей жизни—исторія Литвы, осталась ненапечатанной. Нѣсколько томовъ этой исторіи въ рукописи, по завѣщанію Онацевича, были переданы І. Крашевскому. Количество матеріаловъ, собранныхъ Онацевичемъ для этой работы, было громадно: находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Румянцова и его школы, онъ особенное вниманіе обращалъ на отыскиваніе и изслѣдованіе матеріаловъ; ни одной библіотеки, ни одного архива, въ которыхъ онъ могъ найти матеріалы для своей работы, онъ не оставилъ безъ вниманія. Сверхъ того, каждое лѣто онъ совершалъ особыя спеціально археографическія поѣздки по польско-литовскому и западно-русскому краю, осматривалъ всѣ встрѣчавшіеся ему правительственные и частные архивы и библіотеки, описывалъ ихъ, дѣлалъ выписки, извлекалъ матеріалы, провѣрялъ ихъ, не упускалъ изъ виду и мѣстныхъ древностей, которыя также описывалъ и разсматривалъ; словомъ Онацевичъ однимъ изъ первыхъ занялся описаніемъ интересовавшаго его края съ исторической и археологической точекъ зрѣнія. Между прочимъ, отрывки изъ описанія экскурсій Онацевича печатались и въ русскихъ журналахъ: «Сѣверной Пчелѣ», «Сѣверномъ Архивѣ», «Вѣстникѣ Европы», и проч. Пріобрѣтенная имъ извѣстность, какъ выдающагося археографа и архивиста привлекла къ нему вниманіе русскихъ и славянскихъ ученыхъ, искавшихъ у него свѣдѣній, документовъ, данныхъ. Онацевичъ переписывался съ Румянцовымъ, Чацкими, Дмоховскимъ, сообщалъ матерьялы Кеппену, Балинскому, Лелевелю, Пеликану и другимъ русскимъ и европейскимъ писателямъ и ученымъ. Громадная коллекція рукописей и рѣдкихъ книгъ, собранныхъ Онацевичемъ, по смерти его, перешла къ коллекціонеру К. Свидзинскому.

„Encyklopedyja powszechna" t. XIX; Lelewel: „Nowosilcow w Vilnie w rokn szkolnym 1823—24" (Varszawa 1831) Zmigrodski:

„Historyja Vilen. uniwersitetu“ (Przewod. nauk 1888); Иконниковъ: „Опытъ русской исторiографiи“ I, 205, 255, 955, 1238, 1336; С. Шолковичъ: „Эпизодъ изъ хроники бывшаго Виленскаго университета“ („Виленскій Вѣстникъ“ 1869, № 53–54); „Русская Старина“, XXII, 643–655; XXIII, 84; „Русскій Архивъ“ 1874 г., стр. 1234; Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“ VII стр. 325. „Русск. Міръ“ 1860, № 67; „Сѣв. Пчела“ 1860, № 161; „Спб. Вѣд.“ 1860, № 209.

Е. Лихач.

Онацевичъ, *Михаилъ Люціановичъ*— лейтенантъ, гидрографъ. М. Л. Онацевичъ родился въ 1847 году въ Псковской губ., гдѣ отецъ его пользовался извѣстностью опытнаго врача. По окончаніи курса 1 С.-Петербургской гимназіи, Онацевичъ поступилъ въ Морское училище, гдѣ за успѣхи въ географіи былъ удостоенъ Нахимовской преміи, и въ 1869 году, еще будучи гардемариномъ, былъ командированъ въ гидрографическую экспедицію въ Восточный океанъ, гдѣ, плавая на клиперѣ «Всадникъ», произвелъ съемку береговой черты внутренняго рейда Хакодате. Въ слѣдующемъ году, плавая на томъ же клиперѣ, онъ произвелъ мензульную съемку береговой черты постовъ Корсаковскаго и Муравьевскаго (на Сахалинѣ), и другихъ важныхъ пунктовъ; кромѣ того, Онацевичъ принималъ дѣятельное участіе и въ астрономическихъ наблюденіяхъ экспедиціи. Богатые результаты экспедиціи, совершавшей свое плаваніе въ теченіе трехъ лѣтъ, были приведены Онацевичемъ въ систему, тщательно разработаны и изложены въ особомъ трудѣ подъ заглавіемъ: «Астрономическія наблюденія въ морѣ, произведенныя во время плаванія клипера «Всадникъ» 1869 — 1871 г. (напечатано въ № 1 «Морского сборника» за 1872 г.). Кромѣ того, въ 1872 г. въ №№ 3 и 7 «Морского Сборника» Онацевичъ напечаталъ еще двѣ статьи: «Звѣздныя наблюденія, произведенныя на клиперѣ «Всадникъ» въ 1869 — 1871 гг. и «Еще нѣсколько словъ о наблюденіяхъ на морѣ». Эти работы завоевали Онацевичу почетную извѣстность опытнаго астронома, и въ 1874 году онъ былъ командированъ Пулковской обсерваторіей во Владивостокъ, для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца. Результатомъ этой командировки была статья: «Наблюденія во Владивостокѣ надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца» («Морской Сборникъ» 1875 г. № 5). Въ 1875 году находясь въ Восточномъ океанѣ, Онацевичъ, кромѣ разныхъ промѣровъ, описей, астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ имъ въ заливѣ Петра Великаго, на японскихъ островахъ и въ Китаѣ, составилъ планы якорныхъ стоянокъ въ Тауйской губѣ и другихъ мѣстахъ по сѣверному побережью Охотскаго моря. Подробныя свѣдѣнія объ этой экспедиціи можно найти въ его-же статьѣ «Краткій гидрографическій обзоръ плаванія шкуны «Востокъ» («Морской сборникъ» 1876 г. № 9 1877 г. № 5), Въ слѣдующемъ 1876 г. Онацевичъ, плавая на клиперѣ «Всадникъ», производилъ промѣры, описи и астрономическія наблюденія въ губѣ Архангела Гавріила, въ заливѣ св. Креста, въ заливѣ св. Провидѣнія и въ заливѣ св. Лаврентія, а затѣмъ перешелъ въ Ледовитый океанъ, и производя метеорологическія и гидрологическія изслѣдованія, дошелъ до 70° сѣверной широты и 180° долготы. По возвращеніи изъ этого плаванія, Онацевичъ, въ видѣ отчета о плаваніи, представилъ въ Морскую Академію сочиненіе—«Собраніе наблюденій, произведенныхъ во время гидрографической командировки въ Восточный океанъ 1874–1877 гг.», изданное въ 1878 г. морскимъ ученымъ комитетомъ и одобренное конференціей академіи, что дало ему возможность совершить въ 1879 году заграничную поѣздку. Наконецъ, въ концѣ 1879 г. Онацевичъ былъ назначенъ начальникомъ съемки для описи нашихъ береговъ Восточнаго океана, но внезапно заболѣвъ тифомъ, Онацевичъ 25 дек. того же года скончался.—Кромѣ упомянутыхъ работъ, Онацевичъ напечаталъ еще рядъ статей въ «Морскомъ Сборникѣ», въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» (членомъ котораго онъ состоялъ), въ «Сборникѣ морскихъ статей» издававшихся при газетѣ «Яхта» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, послѣ смерти Онацевича, въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1882 г. напечатаны результаты его послѣдней заграничной командировки, при посѣщеніи имъ Америки, Англіи и Франціи.

„Кронштадскій Вѣстникъ“ 1880 г. № 1; „Морской Сборникъ“ 1873 г. № 1, ст. Старицкаго „Гидрографическая командировка въ Восточный океанъ“; „Морской Сборникъ“ 1872 г. №№ 1, 3 8 7; 1875 г. № 5; 1876 г. № 9; 1877 г. № 5, 7 и др.

Е. Ястребцевъ.

Онисимова, *Домна*,—слѣпая поэтесса. Родилась въ 1808 году въ с. Дегтяномъ, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, гдѣ отецъ ея былъ пономаремъ при сельской церкви. Заболѣвъ на пятомъ году жизни оспою, Онисимова ослѣпла навсегда. Съ самаго ранняго возраста она очень любила слушать чтеніе, но до 1835 года не имѣла случая слышать другихъ сочиненій, кромѣ церковныхъ книгъ, проповѣдей, старинныхъ повѣстей и сказокъ. Но когда въ 1836 году въ с. Дегтяное былъ назначенъ новый молодой священникъ С. Ивановъ, который, познакомившись съ Онисимовой, сталъ читать ей нѣкоторыя новѣйшія произведенія, особенно стихотворенія современныхъ поэтовъ, то Онисимова вскорѣ начала сама сочинять стихи, которыя диктовала своему брату. Молва объ ея сочинительствѣ распространилась по всему Спасскому уѣзду, дошла до губернатора, который донесъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Д. М. Блудову, послѣдній же препроводилъ стихи Онисимовой тогдашнему президенту Россійской Академіи адмиралу А. С. Шишкову. Академія, заслушавъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій присланныя стихотворенія постановила, въ поощреніе таланта Онисимовой выдать ей сто рублей денегъ, послать ей изъ книгъ: «Часы Благоговѣнія», «Исторію государства Россійскаго» Карамзина и нѣкоторыя другія книги, а также напечатать ея стихотворенія въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ. Въ изданный академіей сборникъ стихотвореній Онисимовой подъ заглавіемъ: «Стихи дѣвицы Онисимовой, слѣпой дочери деревенскаго пономаря» Спб. 1838 г., вошли слѣдущія стихотворенія: «Ночь при шумѣ вѣтра», «На смерть друга», «Къ колыбельному младенцу», «На рожденіе малютки», «Къ увядшему цвѣтку», «Привѣтствіе» и «Описаніе жатвы». Кромѣ того, въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1838 г. въ № 39 напечатано еще нѣсколько стихотвореній Онисимовой. Лучшимъ изъ ея стихотвореній можно признать стихотвореніе «Ночь при шумѣ вѣтра», полное тихой грусти. О дальнѣйшей жизни и дѣятельности слѣпой поэтессы не сохранилось свѣдѣній.

„Стихи дѣвицы Онисимовой, слѣпой дочери деревенскаго пономаря“, Спб. 1848 г. (въ началѣ сборника приложены письма Д. Блудова и А. С. Шишкова); „Сѣверная Пчела“ 1838 г. № 59, ст. Ор. Лялпкова: „Необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ“. *Е. Ястребцевъ.*

Онисифоръ, въ мірѣ—Онисимъ Боровикъ, — архіепископъ Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій; изъ духовнаго званія; род. въ Могилевской губ., умеръ 20 апрѣля 1828 г., въ Екатеринославѣ, похороненъ въ Екатеринославскомъ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. По окончаніи образованія, въ 1788 г. Боровикъ былъ посвященъ во священники, въ слѣдующемъ, 1789 г. поступилъ въ армейское духовенство, въ Апшеронскій полкъ, гдѣ въ 1796 г. былъ возведенъ въ протоіерея. Съ 1800 г. по 1808 г. Онисимъ былъ благочиннымъ, а съ 1808 по 1813 гг. — старшимъ благочиннымъ въ арміи. Съ 1792 г. по 1813 же онъ въ разныхъ походахъ и участвовалъ сраженіяхъ. Между прочимъ, онъ находился при Аустерлицкомъ сраженіи, а въ 1813 г., состоя при Молдавской арміи, былъ духовникомъ въ послѣднія минуты жизни Кутузова. Это обстоятельство было причиной личной и близкой извѣстности о. Онисима императору Александру I, котораго благосклонностію онъ пользовался до конца жизни этого монарха. Утомленный 25-лѣтней службою въ арміи, большая часть которой прошла въ лишеніяхъ, Боровикъ въ 1813 году обратился съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ объ опредѣленіи «по вдовству» его въ монашество, и императоръ 25 августа 1813 г., при разрѣшеніи вступить ему въ монашество, указомъ св. Синоду повелѣлъ представить его кандидатомъ на первую архіерейскую вакансію, уважая отличную и долговременную его службу. 13 октября того же года онъ назначенъ, а 22 февраля 1814 г. хиротонисанъ во епископа Вологодскаго и Устюжскаго, съ переименованіемъ въ Онисифора. 28 ноября 1827 г. онъ переведенъ на Екатеринославскую каѳедру, а 24 декабря того же года возведенъ въ санъ архіепископа.

По отзывамъ современниковъ, хорошо знавшихъ архіепископа, онъ былъ необыкновенно духовной, высоко благочестивой и строго подвижнической жизни, отличался добротою, доступностью и благотворительностью.

Н. Суворовъ: „Историческія свѣдѣнія объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи“ (Прибавленіе къ „Вологодскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ“, 1868 г., № 8, стр. 211—217); „Замѣтки и дополненія Вологжанина объ А. Мельгуновѣ“ („Русскій Архивъ“ 1865 г., изд. 2, ст. 941); „Бумаги Они-

сифора и воспоминанія о немъ“, П. И. Савваитова (ibid, 1873 г., стр. 956, 957 — 959); Ю. Толстой: „Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархій всероссійскихъ 1721—1871“, Спб. 1872 г., стр. 28, № 210; Н. Д.: „Іерархія Всероссійской церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени“ ч. I, М. 1892 г., стр. 114; ч. II. М. 1894 г., стр. XL; Н. Дубровинъ: „Наши мистики - сектанты“ („Русская Старина“ т. LXXXII, стр. 119); А. Боголюбовъ: „Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его за время съ 1800 по 1901 гг.“, Спб. 1901 г., стр. 28—29.

Онисифоръ (Онцыфоръ) *Лукичъ*, изъ фамиліи Жабиныхъ, новгородскій посадникъ, извѣстный своимъ участіемъ въ борьбѣ лучшихъ и худшихъ людей въ Новгородѣ. Онисифоръ являлся представителемъ интересовъ худшихъ, «чръныхъ» людей, демократической партіи въ Новгородѣ и ревностно боролся съ представителями аристократическихъ стремленій въ лицѣ другого посадническаго рода. По смерти дѣда Онисифора, посадника Варѳоломея Юрьевича, въ 1342 году, когда отецъ Онисифора, Лука отправился съ новгородскимъ ополченіемъ на Заволочье, и самъ Онисифоръ Лукичъ съ новгородцами отправился на Вагу водворять тамъ новгородское вліяніе. Въ Заволочьѣ въ это время былъ убитъ Лука Варѳоломеевичъ, какъ говорили въ Новгородѣ, по наущенію представителя аристократической партіи посадника Ѳедора Даниловича и Онисифоръ Лукичъ немедленно же по возвращеніи въ Новгородъ началъ обвинять посадника Ѳедора въ убіеніи отца. Посадникъ отрекся, но за Онисифора «въсташа чръныи люди» и ему удалось собрать вѣче у св. Софіи; Ѳедоръ собралъ другое вѣче изъ своихъ приверженцевъ на Ярославовомъ дворѣ и между двумя партіями началась драка. Онисифоръ и его партія были разбиты, но въ тотъ же день весь Новгородъ раздѣлился на двѣ партіи и только стараніями архіепископа Василія была предотвращена кровавая рознь: архіепископъ заставилъ примириться обѣ стороны: «възвеличенъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть», говоритъ объ этомъ лѣтописецъ. Въ 1347 году Онисифоръ Лукичъ снова упоминается въ лѣтописи: въ этомъ году началъ походъ противъ Новгорода шведскій король Магнусъ Эрихсонъ и противъ него выступилъ съ небольшой ратью Онисифоръ Лукичъ. «На Жабчѣ полѣ» произошелъ бой, новгородцы разбили шведовъ, убили 500 человѣкъ, многихъ взяли въ плѣнъ и потеряли лишь 3 человѣка изъ своей рати. Въ 135… году снова возобновилась борьба, повидимому, впрочемъ, и не прекращавшаяся между партіей Онисифора и партіей посадника Ѳедора Даниловича. На этотъ разъ побѣда оказалась на сторонѣ Онисифора. Посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ былъ свергнутъ и изгнанъ изъ Новгорода, а посадничество получилъ Онисифоръ Лукичъ. Впрочемъ, посадникомъ онъ былъ недолго, и въ 1354 году мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Онисифоръ «иступися посадничьства по своей волѣ». Послѣ этого онъ жилъ въ Новгородѣ до самой своей смерти и умеръ въ 1367 г. Между прочимъ, Онисифоръ Лукичъ явился однимъ изъ украшателей Новгорода и подъ 1345 г. мы встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ заложилъ каменную церковь во имя св. Спаса на Ковалевѣ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 82, 84, 85, 86. 132, 225, 226; IV, 55, 57, 58, 60; V, 225; VII, 211; Никон. III, 175, 194; IV, 18; Карамзинъ, (изд. Эйнерлинга) IV, пр. 337, 342, 372, 390; V, пр. 137; Соловьевъ: (изд. т-ва „Общ. Польза“) I, 939, 940, 948; Григоровичъ: „Опытъ о посадникахъ новгородскихъ“ (М. 1821) 182—183.

Е. Лихачъ.

Онисифоръ (Петровичъ Дѣвоча, Дѣвочка),—митрополитъ Кіевскій, нареченъ былъ въ 1579 году, а хиротонисанъ 27 февраля 1583 года. Достовѣрныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ до его вступленія въ управленіе митрополіей не имѣется. Извѣстно только, что происходилъ онъ изъ галицкихъ дворянъ и до возведенія въ санъ митрополита, повидимому, не былъ лицомъ духовнымъ. Впрочемъ, еще по грамотѣ короля Сигизмунда-Августа онъ управлялъ Лаврашевскимъ монастыремъ, который потомъ удержалъ за собою и въ бытность митрополитомъ. Въ его управленіе кіевской митрополіей началась особенно сильная борьба католицизма съ православіемъ, горячая пропаганда католиковъ среди православнаго населенія Западной Россіи. Іезуиты, уже стремившіеся въ то время къ уніи, проявляли особенную дѣятельность: захватывали православныя церкви и монастыри, устраивали школы для воспитанія западнорусскаго юношества въ духѣ католицизма, печатали книги, произносили проповѣди въ антиправославномъ католическомъ духѣ

Православные также выступали на борьбу съ іезуитами, организовывали братства, открывали православныя школы, славянскія типографіи, гдѣ печатали книги для защиты православія, но не находили себѣ поддержки у митрополита Онисифора, который, не будучи подготовленъ къ той дѣятельности, какая отъ него требовалась по условіямъ времени, кромѣ того явно тормозилъ дѣятельность православныхъ братствъ и приходовъ стремился лишь къ упроченію вліянія, и власти высшаго духовенства на счетъ православныхъ приходовъ и братствъ, пріобрѣвшихъ давно уже нѣкоторыя права въ управленіи западно-русскою церковью и выбиравшихъ себѣ на основаніи стараго обычая епископовъ, которые лишь утверждались кіевскимъ митрополитомъ. До насъ дошло нѣсколько жалобъ братствъ и прихожанъ на митрополита. Въ 1585 г. галицко-русскіе дворяне писали митрополиту: «А что еще горшаго, ваша милость рачишь поставляти самъ одинъ епископы безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своп, чего вашей милости и правила заборонятъ; и за такимъ зквапнымъ вашей милости совершеніемъ негодные ся въ такій великій санъ епископскій совер шаютъ и поруганью закону святого на столици епископлей съ жонами своими кромѣ всякаго встыду живутъ и дѣтки плодятъ». Члены Львовскаго братства въ своемъ объявленіи 1600 годы говорили: «въ духовномъ сословіи умножились безпорядки при худомъ пастырствѣ кіевскаго и галицкаго митрополита Онисифора Дѣвочки, двоежонца и человѣка вѣры сомнительной. Онъ дозволилъ епископами быть двоежонцамъ, а инымъ епископамъ жить съ женами, не смотря на монашескіе обѣты и намножилъ нѣсколько тысячъ поповъ двоежонцевъ и троеженцевъ, подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ». Онисифоръ даже вступалъ въ открытыя тяжбы съ прихожанами. Такъ, когда въ 1579 году ему былъ пожалованъ королемъ виленскій Троицкій монастырь и Онисифоръ воспрепятствовалъ исконному праву горожанъ виленскихъ провѣрять монастырское имущество, горожане жаловались королю и король рѣшилъ дѣло принципіально въ пользу горожанъ. За то митрополиту удалось добиться подтвержденія королемъ правъ и преимуществъ высшаго русскаго духовенства, и въ 1585 году король Стефанъ Баторій подтвердилъ права митрополита и епископовъ отправлять духовныя требы и суды безъ всякихъ вмѣшательствъ дворянъ, горожанъ и др. свѣтскихъ лицъ. Впрочемъ, въ важномъ вопросѣ о введеніи Григоріанскаго календаря въ употребленіе среди русскаго духовенства и русскаго православнаго населенія, чего особенно добивались іезуиты въ интересахъ пропаганды католицизма, Онисифору удалось удержаться при православной пасхаліи и онъ въ 1586 году выхлопоталъ отъ короля грамоту на право свободнаго пользованія греческимъ календаремъ. Въ 1588—1589 годахъ объѣзжалъ западно-русскія области константинопольскій патріархъ Іеремія, который нашелъ много неурядицъ въ православной западно-русской церкви и между прочимъ воспретилъ отправленія богослуженія священникамъ-двоеженцамъ. Митрополитъ Онисифоръ былъ также женатъ два раза и возведенъ былъ на митрополію противно канонамъ. Теперь и ему нельзя было оставаться на митрополіи и онъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ низложенъ патріаршимъ декретомъ, подъ которымъ подписались и западно-русскіе владыки. Впрочемъ, въ одной изъ королевскихъ грамотъ говорится, что Онисифоръ оставилъ митрополію «по своей доброй волѣ, въ облегченіе своей старости и болѣзни». Послѣ прекращенія архипастырской дѣятельности Онисифора свѣдѣній о немъ сохранилось немного. Извѣстно, что жилъ онъ въ Троицкомъ виленскомъ монастырѣ и до 1592 года управлялъ Лаврашескимъ монастыремъ. Годъ смерти митрополита Онисифора въ точности неизвѣстенъ.

Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 453, 1417, 1418; Строевъ: „Списки іерарховъ", стр. 4; Акты Западной Россіи III, №№ 144, 146, прим. 66, IV, №№ 17. 149, прим. 17; Акты Зап. и Юго-Зап. Россіи I, № 200: „Матерьялы для исторіи православной церкви въ Западной Руси" („Вѣстникъ Западной Россіи", т. I, № 3, стр. 84—92); Малышевскій: „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви" (Кіевъ, 1872), Прилож. 3-е, стр. 98; Макарій: „Исторія русской церкви", IX, 403—462.

Е. Лихачъ.

Онуфрій, старецъ, раскольникъ, основатель существовавшей нѣкоторое время секты «аввакумовщины» или «онуфріевщины». Подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ Онуфріи не имѣется. Извѣстно лишь, что онъ былъ инокомъ въ Соловец-

комъ монастырѣ, вмѣстѣ съ другими монахами монастыря остался упорнымъ послѣдователемъ старопечатныхъ книгъ, а послѣ осады монастыря и изгнанія оттуда старообрядцевъ удалился въ Нижегородскую область, на рѣку Керженецъ, гдѣ, неподалеку отъ г. Семенова, у деревни Хворостиной, основалъ въ 1677 году новый скитъ. Скитъ быстро пріобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ старообрядцевъ, благодаря тому, что Онуфрій сумѣлъ устроить такъ, что вся милостыня, на которую обыкновенно и существовали скитскіе старцы, направлялась въ скитъ Онуфрія, а уже отсюда распредѣлялась между другими скитами. Скиты чувствовали свою зависимость отъ Онуфрія и вліяніе его на Керженцѣ, а отсюда и въ остальномъ старообрядческомъ мірѣ было очень велико. Въ 1690 годахъ скитъ Онуфрія сдѣлался мѣстомъ большихъ разногласій и раздоровъ между старообрядцами вслѣдствіе разнаго отношенія ихъ къ извѣстнымъ тогда въ расколѣ письмамъ знаменитаго протопопа Аввакума. Письма эти, въ которыхъ Аввакумъ велъ полемику съ другимъ раскольничьимъ учителемъ діакономъ Ѳедоромъ, проникли на Керженецъ и въ скитѣ Онуфрія нашли много послѣдователей, которые восприняли еретическіе взгляды Аввакума и стали ихъ распространять среди старообрядческаго населенія Керженскихъ скитовъ. Главныя уклоненія отъ основныхъ догматовъ православія, проповѣдывавшіяся Аввакумомъ и воспринятыя Онуфріемъ и его послѣдователями, заключались прежде всего въ ученіи о пресвятой Троицѣ, будто она трисущна, разсѣкается на три равныя естества и всѣ три лица имѣютъ особое сѣданіе, а Іисусъ Христосъ «сидитъ на престолѣ, соцарствуя св. Троицѣ», какъ особый Богъ. Кромѣ того, Онуфріане учили неправильно и о воплощеніи. Письма Аввакума, въ которыхъ высказывались подобныя мнѣнія, подверглись особенному «почитанію»; въ нихъ видѣли источникъ особенной благодати, ввели ихъ чтеніе за богослуженіемъ, почитали и самого Аввакума, написали его изображеніе и поклонялись ему. Все это вызвало протестъ со стороны другихъ старообрядцевъ и въ 1693 году собрался первый соборъ противъ Онуфрія и его послѣдователей; ихъ долго убѣждали, но безуспѣшно. Въ 1706 году собрался второй соборъ въ присутствіи извѣстнаго старообрядческаго начетчика и писателя—инока Евфросина, но и этотъ соборъ былъ безрезультатенъ. Между тѣмъ, все старообрядчество заинтересовалось этимъ споромъ, противъ Онуфрія появились письменныя обличенія, наконецъ, въ 1708 году собрался новый соборъ съ цѣлью предать Онуфрія и его послѣдователей анаѳемѣ, въ случаѣ упорства. Онуфрій согласился отречься отъ писемъ, но условно: «аще въ нихъ (письмахъ Аввакума) обрящется противность церкви, то и мы оные не пріемлемъ». Такое условное отреченіе не было однако собственно отреченіемъ и уже въ слѣдующемъ 1709 году былъ созванъ четвертый соборъ противъ Онуфрія. Онуфрій и его послѣдователи на этотъ разъ сдались и рѣшили письма «отложить», отреклись отъ нихъ и написали объ этомъ особое соборное опредѣленіе. Впрочемъ, онуфріевщина актомъ отреченія самого Онуфрія далеко не прекратилась: она успѣла распространиться въ Брынскихъ лѣсахъ и во многихъ мѣстахъ ростовской епархіи, и послѣ смерти Онуфрія понадобилось въ 1717 году новое отреченіе его послѣдователей отъ еретическихъ мнѣній Аввакума. Въ остальномъ онуфріевщина мало отличалась отъ другихъ раскольничьихъ безпоповщинскихъ толковъ: послѣдователи Онуфрія принимали поповъ только до-никоновскаго поставленія и въ волновавшемъ тогда старообрядство вопросѣ о самоистребленіи держались довольно уклончиво, хотя, повидимому, сочувствовали «самоубійственнымъ смертямъ». Умеръ Онуфрій въ своемъ Керженскомъ скитѣ въ 1716 году.

Субботинъ: „Матеріалы для исторіи раскола“ (Спб., 1888), VIII, 238—353; Есиповъ: „Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія“ (Спб., 1863), II, 228—259; „Христіанское чтеніе“, 1897, вып. VII, стр. 93—94; „Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1865 г., № 16, стр. 26, 32, № 20, стр. 22, 31—32; Андрей Іоанновъ (Журавлевъ): „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ (4 изд., Спб., 1831) 176—180; Макарій: „Исторія русскаго раскола“ (Спб., 1855) 288—291; Смирновъ: „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“ (Спб., 1898), (по указателю); „Истор. Вѣстн.“ 1884, т. XVIII.

Е. Лихачъ.

Онуфрій, преподобный Вологодскій. жилъ въ концѣ XV вѣка. Вмѣстѣ съ преподобнымъ Авксентіемъ Онуфрій основалъ въ 1499 г. пустынь и церковь во имя св. Троицы, въ 35 верстахъ отъ Вологды, въ

уѣздѣ Грязовецкомъ, поселившись въ здѣшнемъ, тогда крайне безлюдномъ и лѣсномъ мѣстѣ. Съ терпѣніемъ нуждъ и лишеній всякаго рода они совершали подвиги иночества. Пустынь называлась Персова, и по другимъ грамотамъ Перцова. Она еще въ 1588 г. была приписана къ Корнилієву монастырю, а въ 1764 г. совсѣмъ закрыта и обращена въ приходскую церковь, въ которой подъ спудомъ и почиваютъ мощи основателей. Память Онуфрія чтится 12-го іюня.

Леонидъ, архим.: „Святая Русь", Спб., 1891 г., стр. 80; Кн. Эристовъ: „Словарь историческій о святыхъ", Спб., 1862 г., стр. 190; Амвросій: „Исторія россійской іерархіи". кн. V, М. 1813 г.. стр. 47; Филаретъ, архіеп. Черниговъ., „Житія святыхъ", Спб., 1892 г. (іюнь), стр. 121; І. Вѣрюжскій: „Историческое сказаніе о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи", Вологда, 1880 г., стр. 365.

Н. Ефимовичъ.

Онуфрій, преподобный Катромскій, жилъ въ XVI вѣкѣ. Онъ основалъ въ 1532 г. Николаевскій монастырь на Катромѣ озерѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., который былъ упраздненъ въ 1764 г.

Амвросій: „Исторія Русской іерархіи", ч. IV, стр. 352; П. Строевъ: „Списки архіереевъ и настоятелей монастырей россійской церкви", Спб., 1877 г., отр. 760; Леонидъ: „Святая Русь", Спб., 1891 г, стр. 82; І. Вѣрюжскій: „Историческое сказаніе о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи", Вологда, 1880 г., стр. 575—583; „Вологодскія епархіальныя вѣдомости", 1864 г., № 1.

Н. Ефимовичъ.

Онуфрій, епископъ Черниговскій, XII столѣтія. Онуфрій былъ посвященъ въ епископы въ 1143 г. митрополитомъ Михаиломъ, когда Черниговскимъ княжествомъ владѣли Владиміръ и Изяславъ Давидовичи. Съ 1145 г. Онуфрій управлялъ дѣлами митрополіи, такъ какъ Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей, удалился отъ дѣлъ. Онуфрій отличался твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ. 27-го іюля 1147 г, когда на митрополичью каѳедру былъ посвященъ, по настоянію великаго князя Изяслава, затворникъ Климентъ, Онуфрій сложилъ съ себя обязанности по управленію митрополіей. Онъ же былъ въ числѣ шести русскихъ епископовъ, посвятившихъ Климента, первенствуя между ними.

Филаретъ: „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи", кн. 1, Черниговъ, 1873 г., стр. 16—18; Н. Д.: „Іерархія Всероссійской церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени", ч. I, М. 1892 г., стр. 90, ч. II, М. 1894 г., стр. XL.

Н. Ефимовичъ.

Оомъ, *Анна Федоровна*, главная надзирательница С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома, впослѣдствіи Сиротскаго Института. А. Ф. Оомъ, рожден. Фурманъ, родилась 22 февр. 1791 г. въ с. Назарьевѣ, близъ Москвы. Подъ руководствомъ родителей, затѣмъ (по смерти матери) бабки Е. К. Энгель и наконецъ въ домѣ извѣстнаго мецената А. Н. Оленина Оомъ получила прекрасное воспитаніе и образованіе и между прочимъ въ совершенствѣ изучила нѣсколько иностранныхъ языковъ. Пребыванію въ семьѣ Олениныхъ А. Ф. была обязана не только своимъ образованіемъ, но и вообще лучшими днями своей жизни. У Олениныхъ она имѣла случай познакомиться съ лучшими нашими писателями; еще ребенкомъ она была любимицей Державина, Крылова. Гнѣдичъ былъ, между прочимъ, ея учителемъ. Красота и прекрасныя качества ея ума и сердца снискали ей не мало поклонниковъ; между прочимъ въ нее былъ влюбленъ Батюшковъ и даже сдѣлалъ ей предложеніе, но бракъ не состоялся; къ ней не разъ обращался поэтъ въ своихъ стихотвореніяхъ (Ср. «Воспоминанія»... Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ») и письмахъ; не было принято ею и предложеніе Н. И. Гнѣдича. На 25 году жизни ей пришлось покинуть домъ Олениныхъ и по волѣ отца ѣхать съ нимъ въ Дерптъ, гдѣ нѣкоторымъ напоминаніемъ литературной атмосферы салона Олениныхъ служило ей общество Жуковскаго; изъ Дерпта Фурманы скоро переѣхали въ Ревель, гдѣ въ 1821 г. А. Ф. вышла замужъ за богатаго коммерсанта Оома, который впрочемъ, скоро разорился и семейство Оомъ переѣхало въ Петербургъ. Здѣсь, благодаря содѣйствію Олениныхъ, А. Ф. Оомъ получила мѣсто преподавательницы въ пансіонѣ Гельмерсенъ. Въ 1827 г. мужъ А. Ф. умеръ, оставивъ на ея попеченіи четверыхъ дѣтей; въ тотъ же годъ Оленины выхлопотали ей мѣсто Главной Надзирательницы С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома (съ 30 апр. 1827 г.); въ этой должности она оставалась и послѣ переименованія Воспитат. Дома въ Сиротскій Институтъ; скончалась

А. Ф. Оомъ 7-го октября 1850 г., прослуживъ, такимъ образомъ въ Институтѣ около 25 лѣтъ. Воспоминанія отзываются о ней въ самыхъ теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ.

„Сѣв. Пчела“ 1850 г., № 227, 223, 275, 276; „Русск. Архивъ“ 1896 г., № 6: „Воспоминанія Ө. А. Оомъ“; „Дневники В. А Жуковскаго“, Спб. 1901; Сочиненія К. Н. Батюшкова, Спб. 1887, т. I и III.

И. Андреевъ.

Опатовичъ, *Стефанъ Ивановичъ*, протоіерей, писатель. Родился въ 1832 году въ Волынской губерніи. Отданный въ Кременецкую духовную семинарію, онъ окончилъ ее однимъ изъ первыхъ и поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, которую окончилъ со степенью кандидата богословія. Посвященный въ 1858 году во священники онъ былъ назначенъ на кладбищенскую церковь Петербургскаго Смоленскаго кладбища. Вскорѣ послѣ этого онъ принялъ участіе въ собираніи и разработкѣ статистическихъ и историческихъ свѣдѣній по С.-Петербургской епархіи и кромѣ участія въ этомъ обширномъ трудѣ, издалъ «Исторію Смоленскаго кладбища». Ему же принадлежатъ и учебники по Ветхому и Новому завѣтамъ, написанные на малороссійскомъ языкѣ. Наконецъ, послѣдніе годы своей жизни протоіерей Опатовичъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ духовнаго журнала «Странникъ», гдѣ помѣстилъ нѣсколько своихъ статей историческаго и духовно-назидательнаго характера и не мало рецензій на новыя книги. С. И. Опатовичъ скончался въ Петербургѣ 12-го апрѣля 1892 года и былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Новое Время“ 1892 г. 15 апрѣля № 5792, „Русскій Календарь“ на 1893 г.; „Всеобщій Календарь“ на 1893 г.; „Историко-Статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи“ выпускъ 4, Спб., 1875 г.; „Русск. Стар.“ т. 23, 46.

Е. Ястребцевъ.

Опицъ, ***Христіанъ-Вильгельмъ***, извѣстный нѣмецкій актеръ второй половины XVIII вѣка. Родился въ 1751 году въ Берлинѣ и, будучи студентомъ университета, въ 1775 году впервые выступилъ на сценѣ въ Лейпцигѣ. Въ ноябрѣ 1784 года онъ былъ приглашенъ изъ Дрездена на службу въ Дирекцію Императорскихъ театровъ и сразу завоевалъ симпатіи петербургской публики. Репертуаръ его состоялъ главнымъ образомъ изъ пьесъ Коцебу и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ былъ неподражаемъ. Покинувъ Петербургъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, Опицъ снова возвратился въ Германію и служилъ на театрахъ многихъ большихъ городовъ, преимущественно же въ Дрезденѣ, гдѣ и скончался въ 1810 году.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, Спб. 1892 г., вып. I, отд. I, II, III Арановъ: „Лѣтопись Русскаго Театра“ Спб 1861 г. стр. 102; Allgemeine Deutsche Biographie, т. 24, стр. 368; „Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ“ 1840 г. т. I стр. 80.

Е. Я.

Опочининъ, *Алексѣй Петровичъ*, — генералъ-отъ-артиллеріи, тифлисскій комендантъ, директоръ тифлисскаго тюремнаго комитета; род. 12-го августа 1807 года и происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи. По окончаніи курса во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (1826 г.) Опочининъ, въ чинѣ прапорщика, былъ назначенъ на Кавказъ, гдѣ и провелъ всю свою жизнь. Прикомандированный къ Кавказской Гренадерской артиллерійской бригадѣ, онъ, немедленно по прибытіи къ мѣсту служенія, принялъ участіе въ походѣ противъ персовъ. Во время этого похода, за отличія, оказанныя при осадѣ крѣпости Аббасъ-Абада, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени «за храбрость». Затѣмъ Опочининъ участвовалъ въ возвращеніи жителей Нахичеванской области, уведенныхъ персами, въ осадѣ и взятіи крѣпостей Сардаръ-Абада и Эривани и за боевыя отличія, оказанныя въ этихъ дѣлахъ, 1-го января 1828 г. былъ произведенъ въ подпоручики. Наступившая вслѣдъ затѣмъ турецкая война 1829—1830 гг. тоже дала возможность отличиться Опочинину, и за храбрость и распорядительность при отбитіи штурма 20-го іюня 1829 года отъ кр. Баязета онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ участіе въ экспедиціи противъ джаро-бѣлоканцевъ, во время которой, въ перестрѣлкѣ съ горцами при Закаталахъ онъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ. Въ 1840 году за отличіе при отбитіи аттакъ Шамиля отъ кр. Назрана былъ произведенъ въ капитаны. Назначенный вскорѣ послѣ того командиромъ артиллеріи въ отрядѣ полковника Нестерова, Опочининъ въ 1842—1854 гг. сдѣлалъ рядъ экспедицій про-

тивъ карабулаковъ и чеченцевъ. За рядъ дальнѣйшихъ отличій Опочининъ постепенно былъ произведенъ въ 1850 г. въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады. Съ началомъ Восточной войны Опочининъ былъ назначенъ командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ и совершилъ всю кампанію. Въ августѣ 1856 года Опочининъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и два года спустя былъ назначенъ тифлисскимъ комендантомъ, каковую должность занималъ до самой своей смерти, причемъ въ августѣ 1864 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 26-го іюня 1876 года въ генералъ отъ-артиллеріи. Кромѣ того, съ 1866 года онъ состоялъ еще и директоромъ тифлисскаго губернскаго тюремнаго комитета. За свою почти 30-тилѣтнюю служебную дѣятельность Опочининъ былъ награжденъ всѣми высшими орденами до ордена св. Александра Невскаго включительно. А. П. Опочининъ скончался въ Тифлисѣ 15 мая 1885 г.

„Акты Кавказск. Археографич. Коммисіи“, т XI; „Кавказъ“, 1876 г., № 75; „Русск. Стар.“, 1881 г., т. 48. „Русск. Инвалидъ“ 1885, № 111; „Всеобщ. календ.“ на 1886 г.

Е. Я.

Опочининъ, *Владиміръ Петровичъ*, контръ-адмиралъ, вице-директоръ Коммисаріатскаго департамента и командиръ ластовой бригады балтійскаго флота. Е. Я воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ 25-го сентября 1826 года мичманомъ и спустя восемь лѣтъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику 2-й флотской дивизіи, а 29-го марта 1839 года исправляющимъ должность старшаго адъютанта при дежурномъ генералѣ Главнаго Морского Штаба и въ слѣдующемъ году 14-го апрѣля былъ переведенъ въ гвардейскій экипажъ. Произведенный 6-го декабря 1842 года въ капитанъ-лейтенанты, Опочининъ былъ утвержденъ въ должности старшаго адъютанта при дежурномъ генералѣ Главнаго Морского Штаба и занималъ ее болѣе десяти лѣтъ, причемъ постепенно былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Назначенный 24-го ноября 1855 года начальникомъ штаба ластовыхъ командъ и рабочихъ экипажей Балтійскаго флота, Опочининъ занималъ эту должность до ея упраздненія, т. е. до 19-го декабря 1857 года, когда былъ зачисленъ по Морскому Министерству, а съ начала слѣдующаго года сталъ исполнять должность вице-директора Коммиссаріатскаго Департамента. Назначенный 17-го марта 1860 года командиромъ 1-го ластоваго экипажа, а съ 7-го ноября сверхъ того и исправляющимъ должность командира ластовой бригады балтійскаго флота, Опочининъ занималъ обѣ эти должности до 3-го января 1863 года, когда былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ въ отставку.—Будучи большимъ любителемъ музыки и пѣнія, Опочининъ имѣлъ широкія знакомства въ петербургскихъ музыкальныхъ кружкахъ и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими композиторами и пѣвцами: Даргомыжскимъ, А. Л. Львовымъ, барономъ Фитингофъ-Шелемъ и др. Однажды Даргомыжскій, плѣненный его чуднымъ голосомъ, убѣдилъ его учиться пѣнію и самъ сталъ съ нимъ заниматься. Располагая свободнымъ временемъ, Опочининъ нерѣдко участвовалъ въ концертахъ и дѣлилъ партіи съ первоклассными итальянскими пѣвцами. Лучшими партіями въ его репертуарѣ были партіи Сусанина, Руслана и мельника въ «Русалкѣ». В. П. Опочининъ скончался въ Петербургѣ 18 апр. 1889 г.

„Общій Морской Списокъ“, т. II, Спб., 1900 г., стр. 98—100; баронъ Б. А. Фитингофъ-Шель: „Міровыя знаменитости“, Спб., 1899 г., стр. 31, 32—34; „Кронштадскій Вѣстникъ“, 1889, № 45; „Сынъ Отеч.“ 1889, № 100.

Е. Я.

Опочининъ, *Николай Петровичъ*, — контръ-адмиралъ. По окончаніи курса Морского кадетскаго корпуса (1826), въ чинѣ мичмана, сначала на кораблѣ «Сысой Великій», а потомъ на корветѣ «Гремящій» Опочининъ плавалъ въ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Средиземномъ моряхъ, причемъ принималъ участіе и въ знаменитомъ Наваринскомъ бою; съ 1833 по 1835 гг. производилъ опись и промѣры въ финляндскихъ и аландскихъ шхерахъ. Произведенный 6-го декабря въ капитанъ-лейтенанты, онъ два года спустя получилъ въ командованіе бригъ «Аяксъ», а затѣмъ, командуя послѣдовательно фрегатомъ «Цесаревна» и кораблями «Полтава» и «Императрица Анна», плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, причемъ постепенно былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Назначенный въ 1885 году начальникомъ отряда винтовыхъ лодокъ, онъ до 1853 года

плавалъ въ финляндскихъ шхерахъ и между Петербургомъ и Свеаборгомъ, послѣ чего еще около двухъ лѣтъ состоялъ членомъ коммиссіи по составленію морского уголовнаго устава на новыхъ современныхъ началахъ и членомъ различныхъ коммисій при Управленіи Петербургскаго военнаго генералъ-губернаторства. 8-го сентября Опочининъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Н. П. Опочининъ умеръ 21 апрѣля 1886 г.

„Общій Морской Списокъ“, т. XI, Спб. 1900 г., стр. 100—102.

Е. Я.

Опочининъ, *Ѳедоръ Константиновичъ*, камеръ-юнкеръ, археографъ и библіофилъ; родился 26 сентября 1846 года, умеръ въ Петербургѣ 14 іюня 1881 года. Служебная карьера его была немногосложна: пожалованный въ камеръ юнкеры, Ѳедоръ Константиновичъ большую часть своей жизни посвятилъ службѣ по выборамъ въ должности Мышкинскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ярославской губерніи, всегда выдѣляясь своимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, стремленіемъ къ расширенію народнаго образованія и улучшенію быта крестьянъ. Въ городѣ Мышкинѣ, главнымъ образомъ по его иниціативѣ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, была основана публичная библіотека, названная впослѣдствіи въ честь него «Опочининской». Въ эту библіотеку, о которой онъ продолжалъ заботиться и послѣ того, какъ въ 1880 году, вслѣдствіе развившейся чахотки, долженъ былъ выйти въ отставку, Опочининъ пожертвовалъ и свою очень цѣнную коллекцію книгъ, надъ собираніемъ которыхъ трудился въ теченіе всей своей жизни. Библіотека эта была между прочимъ особенно цѣнна потому, что въ нее входили книги, собранныя еще предками Опочинина, особенно извѣстнымъ вольнодумцемъ XVIII столѣтія, Иваномъ Михайловичемъ Опочининымъ. По его смерти часть этой библіотеки досталась, какъ сказано, Опочининской публичной библіотекѣ, отчасти она попала въ руки его старшей племянницы, графини Богарне, а рукописи и богатое собраніе автографовъ поступили въ Императорскую Публичную Библіотеку.—Кромѣ сотрудничества въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», гдѣ Ѳ. К. Опочининъ помѣщалъ корреспонденціи изъ Ярославской губерніи и небольшія самостоятельныя статьи по общественнымъ вопросамъ, имъ было сообщено не мало матерьяловъ изъ своего собранія «Русской Старинѣ», гдѣ между прочимъ было напечатано: «Архивъ кн. Голенищева Кутузова Смоленскаго (1745 — 1813) (Русская Старина 1870, №№ 3, 4, 11; 1871, №№ 1 и 2; 1872, №. и 5); «Письмо св. Димитрія Ростовскаго» (Русская Старина 1872. № 6); «Письма гр. Ф. В. Ростопчина къ кн. Голенищеву-Кутузову» (Русск. Стар. 1870. № 9) «Записки гр. Григорія Петровича Чернышева» (Русск. Стар. 1872, № 6). Кромѣ того въ 1873 году вмѣстѣ съ Семевскимъ онъ издалъ «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.» (Спб. 1873).

Каталогъ книгамъ Опочининской Публичной Библіотеки при Мышкинскомъ земствѣ (Мышкинъ 1903), „Историческій Вѣстникъ“ 1883, I стр. 226; Иконниковъ: „Опытъ русской исторіографіи“, Спб. 1892.

Опочининъ. *Ѳедоръ Петровичъ*, дѣйствит. ст. совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта, председатель Попечительнаго совѣта заведеній Общественнаго Призрѣнія въ Петербургѣ. Ѳ. П. Опочининъ родился въ 1779 году и—по обычаю дворянъ того времени—трехлѣтнимъ мальчикомъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; дѣйствительную же службу началъ въ 1800 году, въ чинѣ поручика и въ званіи адъютанта вел. кн. Константина Павловича, который скоро приблизилъ его къ себѣ, оцѣнивъ его умъ и честность; въ маѣ того же года Опочининъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Въ 1805 году, уже въ чинѣ ротмистра, Опочининъ участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ, за что и получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени; въ 1807 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, послѣ которыхъ былъ произведенъ въ полковники. Но этимъ и ограничилась военная дѣятельность Опочинина: въ августѣ слѣдующаго года онъ вышелъ въ отставку и въ маѣ 1809 г. поступилъ на гражданскую службу совѣтникомъ въ Экспедицію государственныхъ доходовъ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники. Уже въ февралѣ слѣдующаго года Опочининъ получилъ въ награду чинъ статскаго совѣтника и вскорѣ (16 апр.) былъ назначенъ на должность С.-Петербургскаго вице-губернатора. Въ декабрѣ 1811 г. Опочининъ

былъ произведенъ въ дѣйствит. ст. совѣтники, и черезъ два года назначенъ директоромъ Департамента разныхъ податей и сборовъ, каковую должность занималъ до февраля 1819 г. Съ января 1826 г. начинается придворная служба Опочинина: пожалованный въ шталмейстеры онъ неоднократно исполнялъ различныя Высочайшія порученія, между прочимъ въ 1827 г. былъ командированъ въ Дрезденъ, въ 1828 г. находился при вел. кн. Еленѣ Павловнѣ во время ея заграничнаго путешествія. 25 февр. 1833 г. Опочининъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора и въ апрѣлѣ того же года членомъ Попечительнаго Совѣта и попечителемъ больницы св. Маріи Магдалины. Въ 1838 года Опочининъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и вскорѣ (23 апр.) назначенъ оберъ-гофмейстеромъ Высочайшаго Двора, и ровно черезъ два года—президентомъ гофъ-интендантской конторы; въ маѣ того же 1840 г. Опочининъ былъ назначенъ членомъ комитета для устройства финансовой части С.-Петербургской театральной дирекціи; въ 1843 г. (съ авг. по окт.) временно исполнялъ обязанности предсѣдателя Попечительнаго Совѣта заведеній Общественнаго Призрѣнія въ С.-Петербургѣ; не разъ Опочининъ исправлялъ и обязанности оберъ-камергера. 1-го іюля 1846 г. Опочининъ былъ Высочайше назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ апрѣлѣ слѣдующаго года предсѣдателемъ Попечительн. Совѣта заведеній Общ. Призрѣнія. Въ апрѣлѣ 1851 г. Опочининъ временно управлялъ Придворной Конторой. 20 дек. 1852 г. Ѳ. П. Опочининъ умеръ.—Въ числѣ многочисленныхъ наградъ и знаковъ отличій Ѳ. П. Опочининъ имѣлъ и орденъ св. Андрея Первозваннаго, полученный имъ 21 ноября 1850. Быстрое и блестящее повышеніе Опочинина по службѣ современники объясняютъ рѣдкими качествами его души и ума, благодаря которымъ онъ неизмѣнно пользовался благорасположеніемъ Августѣйшихъ особъ и въ частности вел. кн. Константина Павловича. Ѳ. П. Опочининъ былъ женатъ на Дарьѣ Михайловнѣ рожден. кн. Голенищевой-Кутузовой (род. въ 1788 г., ум. въ 1854 г. въ званіи статсъ-дамы).

Русскій Архивъ 1875, 1877, 1881 года; Русская Старина тт. I, II, III, V—VIII, X, XIX, XX, XXI, 1900 г.; Ходневъ: Исторія Императорскаго Вольно-экономическаго общества. ст. 649; „Сѣв. Пчела" 1852 г. № 287. Е. П. Карповичъ, „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ" Спб. 1899.

А. С.

Оппель *Христофоръ Ѳедоровичъ*, дѣйствит. ст. совѣтникъ, докторъ медицины, главный врачъ для бѣдныхъ Московскаго Воспитательнаго Дома, писатель; род. въ Виртембергѣ, ум. 19-го октября 1835 г., въ Москвѣ. Медицинское образованіе Оппель получилъ на родинѣ, откуда прибылъ въ Россію, и по экзамену въ медицинской коллегіи былъ произведенъ въ 1790 г. лекаремъ, съ опредѣленіемъ въ Касимовъ, сначала на лекарскую, а потомъ на докторскую вакансію. Въ 1803 г. онъ былъ приглашенъ на должность главнаго доктора въ учрежденную тогда въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оппель составилъ правила для управленія этой больницей, которыя были одобрены государыней. Въ 1812 г., предъ вступленіемъ въ Москву Наполеона, Оппелю поручена была въ управленіе Маріинская больница. Благодаря его энергіи, были спасены отъ разоренія больница для бѣдныхъ, Екатерининское и Александровское училища, а также церковь св. Іоанна Воина на Божедомкѣ. Съ 1813 по 1814 г. Оппель участвовалъ во врачебномъ временномъ комитетѣ по выработкѣ мѣръ къ прекращенію повальныхъ болѣзней, открывшихся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губ.; 26-го декабря 1822 г. Оппель былъ произведенъ Московской медико-хирургической академіей въ доктора медицины, въ 1826 г. пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1830 г. Оппель участвовалъ въ медицинскомъ совѣтѣ, созванномъ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ по случаю холеры. Оппель состоялъ членомъ обществъ при московскомъ университетѣ: Физико-Медицинскаго и Испытателей природы.—Ему принадлежатъ: Всеподданѣйшее донесеніе Московской больницы для бѣдныхъ отъ главнаго лекаря Хр. Оппеля (Сообщ. М. Полуденскаго въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 185—192); «Руководство и правила, какъ ходить за больными, въ пользу каждаго, симъ дѣломъ занимающагося, а наипаче для сердобольныхъ

вдовъ, званію сему особенно себя посвятившихъ», М. 1822 г.

„Московскія Вѣдомости", 1835 г., № 93; „Русскій Архивъ", 1870 г., стр. 1482, 1893 г., № 9, стр. 101, 1902 г.; Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", т. III.

П. Давидовичъ.

Оппerманъ, *графъ Карлъ Ивановичъ*, инженеръ-генералъ, членъ Государственнаго Совѣта, директоръ Инженернаго и Строительнаго Департаментовъ, завѣдующій Инженернымъ и Артиллерійскимъ (нынѣ Михайловскимъ артиллерійскимъ) училищами и школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), почетный членъ Императорской Академіи Наукъ. К. И. Оппerманъ родился въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ въ 1765 году. Отецъ его былъ тайнымъ совѣтникомъ и крупнымъ сановникомъ при дворѣ великаго герцога; благодаря отцу К. И. Оппerманъ, поступивъ на службу въ 1779 году, 14-ти-лѣтнимъ юношей, сталъ быстро повышаться и въ 1783 г. былъ уже инженеръ-капитаномъ. Задумавъ перейти въ русскую службу, онъ пріѣхалъ въ Россію и въ томъ же 1783 году 12-го октября былъ принятъ въ Инженерный Корпусъ съ чиномъ поручика. Въ Россіи Оппerманъ прежде всего усердно принялся за изученіе русскаго языка, которымъ впослѣдствіи владѣлъ въ совершенствѣ. Съ началомъ шведской кампаніи 1788 года, онъ принялъ въ ней участіе и за отличія, выказанныя въ сраженіяхъ со шведскимъ флотомъ, былъ произведенъ въ инженеръ-капитаны. Въ кампанію слѣдующаго года онъ находился при высадкѣ нашихъ войскъ на непріятельскій берегъ 4-го, 13-го и 21-го августа и за выказанную храбрость во время сраженія съ галернымъ флотомъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ кампанію 1790 года Оппerманъ участвовалъ въ сраженіи 21-го іюня при Біорке, а затѣмъ состоялъ въ качествѣ инженера и оберъ-квартирмейстера при принцѣ Нассау-Зигенѣ, причемъ въ сраженіи со шведскимъ флотомъ 28-го того же іюня при Свенкзундѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, на канонерской лодкѣ врѣзался въ непріятельскую линію, причемъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. По заключеніи со Швеціей мира, въ слѣдующемъ 1791 году Оппerманъ вернулся въ Россію и былъ отправленъ въ польскую армію генерала Кречетникова, съ которой принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ польскими конфедератами, причемъ особенно отличился въ дѣлѣ при Гранкѣ. Произведенный 19-го октября 1795 года въ инженеръ-маіоры, Оппerманъ, по восшествіи на престолъ императора Павла I, высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ состоять при собственномъ Е. И. В. Депо картъ, и сталъ быстро повышаться по службѣ. Впрочемъ, въ концѣ 1799 года онъ впалъ въ немилость и 3-го октября былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Это вынужденное бездѣйствіе продолжалось, впрочемъ, недолго; 5-го декабря 1800 года императоръ Павелъ снова принялъ его на службу, причемъ въ знакъ особой милости оставилъ его въ чинѣ генералъ-маіора и назначилъ состоять по инженерному корпусу съ опредѣленіемъ въ департаментъ водяныхъ коммуникацій. По восшествіи на престолъ императора Александра I, Оппerманъ 15-го апрѣля 1801 года былъ назначенъ въ собственный Е. И. В. Департаментъ, съ зачисленіемъ въ свиту; императоръ Александръ I ближе познакомился съ Оппerманомъ, вполнѣ оцѣнилъ его глубокія познанія и опытность, и съ этого времени на Оппермана возлагается рядъ трудныхъ и весьма отвѣтственныхъ порученій. Такъ, въ мартѣ 1803 года онъ былъ командированъ въ Финляндію для приведенія тамошнихъ пограничныхъ крѣпостей въ оборонительное положеніе; затѣмъ онъ усердно работалъ надъ составленіемъ подробной карты Россіи. Наконецъ 6-го января 1805 года онъ по высочайшему повелѣнію отправился въ Италію съ секретнымъ порученіемъ осмотрѣть французскія крѣпости, въ виду предполагавшейся войны съ Наполеономъ I. Возвратившись въ ноябрѣ 1806 года въ Россію, Оппerманъ тотчасъ же былъ командированъ въ корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го и съ нимъ участвовалъ въ сраженіяхъ 1807 года противъ французскихъ войскъ 22-го января при Островѣ и 3-го и 4-го февраля подъ Остроленкой, причемъ за выказанныя въ этихъ дѣлахъ отличія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Вызванный затѣмъ снова въ Россію, онъ спѣшно принялся по высочайшему повелѣнію за приведеніе Кронштадта въ оборонительное положеніе. Назначе-

ный въ 1809 году инспекторомъ инженернаго корпуса, Оппepманъ съ обычной энергіей принялся за осмотръ и исправленіе крѣпостей, особенно расположенныхъ по нашей западной границѣ, причемъ имъ была въ 1810 году построена новая крѣпость Бобруйскъ. За весьма полезную дѣятельность въ этомъ направленіи онъ былъ 31-го декабря 1810 года награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени большого креста, а въ слѣдующемъ году 30-го августа произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Назначенный 28-го февраля 1812 года директоромъ Инженернаго Департамента, Оппермань съ октября того же года по мартъ слѣдующаго находился при главной квартирѣ и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Вязьмою и подъ Краснымъ, причемъ за отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ въ мартѣ 1813 года онъ управлялъ осадою крѣпости Торна, за взятіе которой ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени; послѣ этого Оппepманъ состоялъ начальникомъ штаба такъ называемой польской арміи, причемъ командовалъ войсками при блокадѣ крѣпости Модлина. Назначенный въ іюлѣ 1813 года начальникомъ главнаго штаба полевой арміи, Оппермань въ томъ же году принималъ участіе въ сраженіяхъ при Дрезденѣ, подъ Лейпцигомъ, Магдебургомъ, а въ слѣдующемъ году въ сраженіяхъ подъ Гамбургомъ, за что былъ награжденъ бриліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго и нѣсколькими иностранными орденами. По окончаніи войны, Оппермань возвратился въ Петербургъ и занялся устройствомъ Инженернаго Департамента, формированіемъ саперныхъ и піонерныхъ войскъ и управленіемъ строительною частью по всѣмъ крѣпостямъ Россіи. Произведенный 12-го декабря 1823 года въ инженеръ-генералы, онъ помимо исполненія должностей по инженерной части, послѣдовательно былъ назначаемъ: членомъ Государственнаго Совѣта, начальствующимъ надъ департаментомъ по морской строительной части, которая была имъ преобразована, завѣдующимъ Артиллерійскимъ Училищемъ и впослѣдствіи школой гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; кромѣ того, Оппермань предсѣдательствовалъ въ комитетахъ: для преобразованія военно-учебныхъ заведеній, для построенія постоянныхъ полковыхъ штабовъ и для усовершенствованія разныхъ предметовъ артиллерійской части; былъ членомъ комитета образованія строительной части въ государствѣ и членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ коммиссіи построенія Исаакіевскаго собора; въ 1827 году Оппepманъ былъ назначенъ главнымъ попечителемъ евангелической Петропавловской церкви въ С.-Петербургѣ. Въ этомъ званіи онъ преобразовалъ находящееся при церкви училище св. Петра, для преподавателей котораго исходатайствовалъ уравненіе въ правахъ съ преподавателями гимназій. Въ 1829 году Императорская Академія Наукъ избрала Оппермана своимъ почетнымъ членомъ. Въ томъ же году Императоръ Николай I, желая вознаградить весьма полезную сорокалѣтнюю его службу, Высочайшимъ указомъ, даннымъ 1-го іюля въ основанной имъ крѣпости Бобруйскѣ, пожаловалъ его въ графское Россійской имперіи достоинство. Слѣдующей наградой, полученной гр. Оппepманомъ, былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, возложенный на него 25-го іюня 1830 года. Это была послѣдняя полученная имъ награда. Гр. Оппермань скончался 2-го іюля 1831 года на 67 году отъ рожденія.

Общій Архивъ Главнаго Штаба; „Историческій очеркъ корпуса военныхъ топографовъ 1822—1872 гг.", стр. 27, 28 и слѣд.; „Сенатскій Архивъ" т. I, Спб. 1888 г. стр. 18, 165, 244 и 245; „Архивъ гр. Мордвиновыхъ", т. VIII; „Адресъ-Календарь на 1808 г. ч. I; „Сынъ Отечества" 1831 г. ч. 144 № 35, стр. 164 — 181, № 36, стр. 207 — 227; и № 37, стр. 272 — 279; „Сѣверная Пчела" 1831 г. №№ 185 и 186; „Вѣсть" 1865 г. № 6; „Русская Старина" 1875 г. т. XII; 1876 г. т. XVII; 1885 г. т. XLV; 1896 г. т. LXXXVI, т. LXXXVIII, стр. 89; 1897 г. т. LXXXIX, стр. 482. Словари: Толя, Старчевскаго, Брокгауза; Записки Грибовскаго, М. 1899, стр. 126—127; *Е. Ястребцевъ.*

Оппepманъ, *графъ Леонтій Карловичъ* (сынъ предъидущаго),—генералъ-лейтенантъ; радомскій губернаторъ, сенаторъ; родился 17 февраля 1810 г. въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ Михайловскаго Артиллерійскаго училища (1828 г.) и офицерскихъ при немъ классовъ (1831 г.), гр. Оппepманъ, въ чинѣ подпоручика, былъ прикомандированъ къ образцовой конно-артиллерійской батареѣ; откуда вскорѣ былъ назначенъ въ Кавалергардскій Ея И. В. полкъ, съ переименованіемъ въ корнеты, и въ теченіе семи лѣтъ отправлялъ долж-

ность адъютанта командира гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, затѣмъ (съ 1838) корпуснаго адъютанта, а съ 1841 г. адъютанта генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, причемъ къ 1847 г. гр. Оппермань былъ произведенъ въ полковники. Съ конца 1847 г. гр. Оппермань принялъ горячее участіе въ Венгерской кампаніи, и за выказанныя отличія и храбрость былъ награжденъ золотымъ оружіемъ, а по возвращеніи изъ кампаніи орденомъ св. Анны 2 ст. съ Императ. короной. Въ 1854 г. гр. Оппермань принималъ участіе въ Крымской кампаніи, которую, впрочемъ, не окончилъ, такъ какъ былъ тяжело контуженъ въ голову и принужденъ былъ выйти изъ строя. Награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст. гр. Оппермань былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ исправляющимъ должность полевого генералъ-провіантмейстера дѣйствующей арміи, каковую должность исполнялъ до окончанія кампаніи. 29 марта 1856 г. гр. Оппермань былъ назначенъ Радомскимъ гражданскимъ губернаторомъ, и въ этой должности пробылъ шесть лѣтъ: въ 1861 г. независимо отъ исправленія должности губернатора былъ назначенъ и военнымъ начальникомъ Радомской губерніи. Въ слѣдующемъ году гр. Оппермань получилъ назначеніе состоять при главнокомандующемъ войсками Варшавскаго Военнаго округа; въ 1863 г. былъ произведенъ въ генаралъ-лейтенанты и назначенъ сенаторомъ въ Варшавскіе департаменты Правительствующаго Сената, въ каковой должности оставался до конца жизни. Гр. Л. К. Оппермань скончался 29 марта 1870 г. въ Варшавѣ.

„Русск. Инвалидъ" 1870, № 85; „С.-Петерб. Вѣдомости" 1870. № 86; „Ежегодникъ Русской Арміи" на 1871 г., ч. II.

Орановскій. *Алоизій Казиміровичъ*, генералъ-лейтенантъ, писатель, начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи; родился 22-го апрѣля 1828 г. По окончаніи курса въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Павловское военное пѣхотное училище), Орановскій былъ произведенъ въ августѣ 1846 года въ прапорщики и назначенъ въ конно-артиллерійскую легкую № 3 батарею съ причисленіемъ къ Генеральному Штабу. Два года спустя, онъ былъ прикомандированъ къ Императорской Военной Академіи (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба) и по окончаніи ея курса въ 1851 г. снова причисленъ къ генеральному штабу съ прикомандированіемъ къ образцовымъ войскамъ на одинъ годъ. Переведенный затѣмъ на службу въ бывшій 2-й армейскій корпусъ, Орановскій 15-го іюня 1852 года былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта главнаго штаба въ дѣйствующую армію; въ томъ же году былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ генеральный штабъ; черезъ 2 года онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 3-й пѣхотной дивизіи, каковую должность исполнялъ около шести лѣтъ. послѣдовательно былъ произведенъ въ полковники. Въ мартѣ 1862 года Орановскій былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й пѣхотной дивизіи. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ Орановскій послѣдовательно занималъ слѣдующія должности: помощника военнаго начальника Калишскаго отдѣла, начальника штаба 15-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ — 6-й пѣхотной дивизіи. Во время польскаго мятежа 1863 го. состоя помощникомъ начальника Калишскаго отдѣла, Орановскій принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи возстанія и особенно отличился въ сраженіи 10-го апрѣля 1863 года при деревнѣ Кмоски-Пустковъ. Въ 1865 г. Орановскій получилъ въ командованіе 23-й пѣхотный Низовскій полкъ; въ 1873 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи, и затѣмъ послѣдовательно командовалъ разными бригадами; 30-го августа 1881 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ въ должности начальника 12-й пѣхотной дивизіи, въ каковой и состоялъ до самой своей смерти. Помимо исполненія обязанностей начальника дивизіи онъ съ января 1880 года по май 1883 года состоялъ еще членомъ, а потомъ помощникомъ предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Какъ начальникъ дивизіи, Орановскій обращалъ особенное вниманіе на тщательное обученіе стрѣльбѣ ввѣренныхъ ему войскъ и достигъ отличныхъ успѣховъ. Какъ знатокъ стрѣлковаго дѣла, Орановскій напечаталъ въ военныхъ журналахъ рядъ статей по этому вопросу; послѣдней изъ нихъ была статья «О постановкѣ стрѣлковаго дѣла въ 12-й пѣхотной дивизіи» («Военный Сборникъ». 1884 г.). Кромѣ того, въ

1861 году онъ выпустилъ въ свѣтъ составленное по Высочайшему повелѣнію «Статистическое описаніе Курляндской губерніи», за что ему было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Орановскій скончался въ мѣстечкѣ Медвибатскѣ 24-го іюля 1886 года.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. „Русскій Инвалидъ" 1886 г. № 172; „Новое Время" 1886 г., 7-го августа № 3749; „Всеобщій Календарь" на 1888 г., стр. 521.

Е. Я.

Орбеліани, князь *Григорій Дмитріевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, бывшій тифлисскій генералъ-губернаторъ, герой Кавказа, кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. Г. Д. Орбеліани родился въ 1800 году въ Кахетіи; въ ноябрѣ 1816 года поступилъ юнкеромъ въ 21-ю артиллерійскую бригаду и въ ней прослужилъ до сентября 1820 года, когда по собственному желанію былъ переведенъ въ грузинскій гренадерскій полкъ. Произведенный въ іюнѣ 1821 года въ прапорщики, онъ вскорѣ долженъ былъ выступить на защиту родной ему Кахетіи и сосѣдней съ ней Джаро-Бѣлоканской области, находясь со своимъ полкомъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Эристова. За храбрость и распорядительность, выказанныя въ нѣсколькихъ стычкахъ съ лезгинами, особенно при разбитіи послѣднихъ на рѣкѣ Алазани, кн. Орбеліани былъ произведенъ въ подпоручики. Еще болѣе онъ отличился въ персидской кампаніи; онъ участвовалъ во многихъ крупныхъ дѣлахъ съ персами; награды за храбрость и продство въ поручики получилъ за участіе въ пораженіи персовъ при Шамхорѣ, и при взятіи крѣпостей Аббасъ-Абада и Эривани. Въ 1827 г. находясь въ составѣ грузинскаго полка, кн. Орбеліани принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей. Онъ участвовалъ въ обложеніи и штурмѣ крѣпости Карса, затѣмъ, поступивъ въ отрядъ генерала Муравьева, участвовалъ во взятіи штурмомъ крѣпости Ахалкалакъ, въ обложеніи крѣпости Хертвиса, въ пораженіи непріятельскаго 30,000 корпуса Махметапаши, въ осадѣ крѣпости Ахалцыха и взятіи ея штурмомъ, а также и во многихъ другихъ дѣлахъ; за выказанныя храбрость и распорядительность былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ началѣ 1830 года кн. Орбеліани былъ командированъ въ Образцовый пѣхотный полкъ, въ которомъ прослужилъ болѣе трехъ лѣтъ. Переведенный въ ноябрѣ 1833 года въ Невскій Морской полкъ, онъ въ 1836 году былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а еще черезъ полтора года, въ апрѣлѣ 1838 года, по собственному желанію, перевелся снова въ Грузинскій гренадерскій полкъ, и такимъ образомъ снова возвратился на Кавказъ, гдѣ тотчасъ же принялъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Участвуя во многихъ экспедиціяхъ, кн. Орбеліани, благодаря своимъ боевымъ отличіямъ, быстро повышался по службѣ; за участіе въ дѣлахъ въ Бумскомъ ущельѣ, въ Слатавіи, при взятіи Табы, Дженгутоя и др. послѣдовательно былъ произведенъ въ полковники. Получивъ въ 1845 году отдѣльный отрядъ съ предписаніемъ оберегать Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія, онъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу, а затѣмъ, находясь въ отрядѣ генералъ-маіора кн. Кудашева, совершилъ экспедицію въ Акушу, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами. Въ слѣдующемъ году кн. Орбеліани съ своимъ отрядомъ принималъ участіе въ штурмѣ селенія Айляки и селеніе Хутнии. Послѣднее было занято Шамилемъ съ 6000 горцевъ. Штурмъ этотъ увѣнчался успѣхомъ, и за разбитіе и окончательное разсѣяніе горцевъ Орбеліани былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Назначенный въ іюлѣ 1847 года командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка кн. Орбеліани съ этимъ полкомъ принималъ участіе въ штурмѣ Гергебиля, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ императорскою короною. Состоя со своимъ Апшеронскимъ полкомъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ въ отрядѣ генералъ-адъютанта кн. Аргутинскаго-Долгорукова, онъ все время находился во многихъ экспедиціяхъ въ Дагестанѣ, участвовалъ въ окончательномъ покореніи этой области и за выказанныя боевыя отличія былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Назначенный въ мартѣ 1850 года командиромъ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, кн. Орбеліани съ декабря того же года оберегалъ Грузію, въ качествѣ начальника Джаро-Бѣлоканскаго военнаго округа и лезгинской кордонной линіи. Здѣсь ему пришлось энергично и упорно

защищать Грузію отъ набѣговъ наиболѣе предпріимчивыхъ смѣлыхъ и ловкихъ горцевъ-лезгинъ. Дѣятельность кн. Орбеліани обратила на себя вниманіе высшихъ военныхъ сферъ, и въ 1852 году онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Пожалованный въ 1857 году въ генералъ-адъютанты, онъ въ томъ же году былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта намѣстника кавказскаго, и такимъ образомъ закончилась его боевая дѣятельность, продолжавшаяся около тридцати лѣтъ. Три года спустя, кн. Орбеліани былъ назначенъ тифлисскимъ генералъ - губернаторомъ и еще черезъ годъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Когда же должность тифлисскаго генералъ-губернатора была упразднена, то кн. Орбеліани былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, хотя, впрочемъ, онъ продолжалъ жить по преимуществу въ Тифлисѣ.

За свою свыше тридцатилѣтнюю службу въ генеральскихъ чинахъ онъ былъ награжденъ всѣми высшими орденами до орденовъ св. Андрея Первозваннаго, пожалованнаго ему въ 1871 году въ день 50-тилѣтняго юбилея его службы въ офицерскихъ чинахъ. Кн. Г. Д. Орбеліани скончался въ Тифлисѣ 21-го марта 1883 года. Тѣло его погребено тамъ же въ Кашветской св. Георгія церкви.

„Русскій Инвалидъ“, 1883 г., № 75; „Новое Время“, 1883 г., № 2545; Календари: Гатцука и Всеобщій на 1884 г.; „Кавказъ“, 1853 г., № 93; 1879 г., № 7; 1883 г., № 66—68; „Акты Кавказск. Археографич. Коммиссіи“ т. X и XI; „Рус. Архивъ“ 1888, 1889. Отчетъ по Государствен. Совѣту за 1889 г.; прилож., стр. 28—30.

Е. Ястребцевъ.

Орбеліани (Джамбакуріанъ), князь *Димитрій Фомичъ*, генералъ-лейтенантъ, состоявшій для особыхъ порученій при командирѣ бывшаго отдѣльнаго кавказскаго корпуса; родился 29-го іюня 1797 года. Зачисленный въ свиту вдовствующей имеретинской царицы Анны, Орбеліани 17-го января 1811 года былъ произведенъ въ титулярные совѣтники. Продолжая оставаться въ свитѣ царицы Анны, кн. Орбеліани неоднократно принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ и за отличія, выказанныя въ одномъ изъ такихъ сраженій 1820 года у с. Хозрекъ, былъ переименованъ въ поручики съ зачисленіемъ по кавалеріи. 25-го іюня того же года за храбрость и распорядительность при покореніи Казыкумыкскаго ханства былъ произведенъ въ капитаны, а спустя шесть лѣтъ, 26-го іюня 1826 года былъ назначенъ главнымъ приставомъ Борчалинской дистанціи. Съ началомъ турецкой войны 1828 года кн. Орбеліани принялъ въ ней дѣятельное участіе и за отличія, оказанныя во многихъ сраженіяхъ, 3-го декабря 1828 года былъ произведенъ въ маіоры; въ октябрѣ слѣдующаго года онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ былъ избранъ предводителемъ дворянства Тифлисскаго уѣзда, а девять лѣтъ спустя, 2-го января 1839 года, дворянство Грузіи избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Вскорѣ кн. Орбеліани вновь поступилъ на военную службу съ чиномъ подполковника и въ 1842 году не разъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ и за выказанныя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ томъ же году 6-го іюля онъ былъ произведенъ въ генералъ - маіоры, а 22-го апрѣля 1848 года былъ избранъ тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и эту должность занималъ около десяти лѣтъ; 26-го августа 1856 года кн. Орбеліани былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и въ слѣдующемъ году назначенъ состоять для особыхъ порученій при бывшемъ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, въ коемъ званіи оставался до самой смерти, т. е. до 24-го октября 1868 года. Кн. Д. Ѳ. Орбеліани имѣлъ всѣ ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно.

Общій Архивъ Главнаго Штаба; „Русская Старина“, 1886 г., т. 51; „Русскій Архивъ“. 1868 г., 1870 г., 1889 г., кн. 4; 1890 г. кн. 3; „Акты Кавказск. Археограф. Коммиссіи“; т. X.

Е. Ястребцевъ.

Орбеліани, князь *Илья Джамбакуріановичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ Гренадерскаго полка, кавказскій герой; родился въ 1818 году. Произведенный въ 1838 году въ офицеры, Орбеліани тогда же принялъ участіе въ боевой жизни кавказской арміи. Четыре года спустя, будучи уже поручикомъ, онъ находился въ Казы-Кумыкѣ въ то время, когда послѣдній подвергся нападенію Шамиля. Испуганное населеніе подчинилось имаму, и кн. Орбеліани попалъ въ плѣнъ къ горцамъ. По возвращеніи изъ плѣна, своею храбростью

и распорядительностью, выказанными во многихъ дѣлахъ съ горцами, кн. Орбеліани быстро выдвинулся по службѣ. За сраженіе при Андіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и вскорѣ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ Гренадерскаго полка. Въ 1853 г., въ войнѣ съ турками, командуя одной изъ штурмовыхъ колоннъ во время Кадьеклярскаго сраженія, кн. Орбеліани, при занятіи одной сильно укрѣпленной турками высоты былъ дважды тяжело раненъ. Перевезенный въ Александрополь, онъ, несмотря на всѣ усилія врачей, скончался тамъ 8-го декабря того же 1853 г. не успѣвъ получить и пожалованнаго ему за послѣднее сраженіе ордена св. Станислава 1-й степени съ мечами. Тѣло кн. Орбеліани перевезено въ Тифлисъ и погребено въ Кашветской св. Георгія церкви.

„Кавказъ", 1853 г., № 92 и 93; Акты Кавказской Археографич. Коммиссіи, т. X.

Е. Я.

Орбеліани, князь *Іосифъ Константиновичъ*, генералъ-маіоръ, состоявшій при кавказской арміи, бывшій командующій войсками Алазанской долины; родился въ 1825 году. Произведенный въ 1845 году въ офицеры, Орбеліани въ теченіе всей своей жизни на Кавказѣ принималъ самое дѣятельное участіе въ покореніи этого края и управленіи имъ. Благодаря своимъ военнымъ отличіямъ, онъ быстро повышался въ чинахъ и въ 1853 году былъ уже маіоромъ. Въ этомъ году онъ въ сраженіи съ турками 19-го ноября подъ Кадыкизляромъ былъ серьезно раненъ. Три года спустя, за отличія, выказанныя въ дѣлахъ съ горцами, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и вскорѣ послѣ того произведенъ въ полковники. Будучи во время русско-турецкой войны 1877—1878 года генералъ-маіоромъ, онъ занималъ постъ командующаго войсками Алазанской долины (послѣ генералъ адъютанта кн. Андронникова), а по окончаніи войны, состоялъ при Кавказской арміи. За отличія, выказанныя во время этой войны, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами. Кн. І. К. Орбеліани скончался 6-го января 1879 года въ Тифлисѣ. Тѣло его погребено въ селеніи Кумиси.

„Русскій Инвалидъ", 1879 г., № 14; „Кавказъ", 1853 г., № 93; 1879 г., № 6.

Е. Ястребцевъ

Орбинскій, *Робертъ Васильевичъ*,— дѣйств. ст. совѣтникъ, профессоръ Одесскаго Ришельевскаго лицея, а потомъ Новороссійскаго университета по каѳедрамъ педагогики и исторіи философіи; директоръ Одесскаго Коммерческаго Училища; секретарь Одесскаго биржевого комитета и Комитета торговли и мануфактуры; писатель; членъ многихъ ученыхъ обществъ. Р. В. Орбинскій родился въ 1828 году въ Финляндіи, воспитывался въ Петербургѣ. По блестящемъ окончаніи курса въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, Орбинскій въ 1851 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ педагогики; въ слѣдующемъ году сталъ преподавать еще и въ лицейской гимназіи русскую словесность, а затѣмъ и географію. Кромѣ того, въ то же время онъ состоялъ въ качествѣ переводчика при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ, причемъ во время Крымской войны Орбинскому пришлось много поработать при переговорахъ съ непріятелемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Орбинскій былъ назначенъ инспекторомъ лицейской гимназіи и въ этой должности состоялъ до 1862 года, когда былъ назначенъ (8-го іюня) директоромъ учреждавшагося тогда одесскимъ купечествомъ Одесскаго коммерческаго училища. Выдающіяся административныя способности и талантливость Орбинскаго обезпечили Одесскому коммерческому училищу почетное мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній, и ученики этого училища цѣнились высоко торговыми домами и пользовались успѣхомъ при поступленіи въ высшія учебныя заведенія. Директоромъ Одесскаго комерческаго училища Орбинскій оставался до 1879 года, все время пользуясь самымъ глубокимъ уваженіемъ и авторитетомъ, какъ среди педагогическаго персонала училища, такъ и среди учениковъ. Но служа въ Коммерческомъ Училищѣ, Орбинскій не оставлялъ и лицея, а когда послѣдній въ 1865 году былъ преобразованъ въ Новороссійскій университетъ, то Орбинскій занялъ въ немъ каѳедру исторіи философіи. Лекціи Орбинскаго, какъ талантливаго чтеца и разносторонне образованнаго ученаго, пользовались значительнымъ успѣхомъ. Не ограничиваясь учено-педагогической дѣятельностью, Орбинскій въ

то же время былъ еще предсѣдателемъ попечительнаго совѣта одесскихъ городскихъ женскихъ гимназій, секретаремъ Одесскаго биржевого комитета и комитета торговли и мануфактуръ, гласнымъ одесской городской думы и членомъ многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Когда въ 1876 году исполнилось 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности, Орбинскій оставилъ университетъ и всецѣло посвятилъ себя Коммерческому училищу, но и здѣсь онъ прослужилъ уже недолго. Въ 1879 году Орбинскій, по приглашенію министра финансовъ, поступилъ на службу въ это министерство и въ томъ же году былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Америку, для изученія хлѣбнаго производства и хлѣбной торговли въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Будучи къ этому хорошо подготовленъ своей предыдущей продолжительной службой, въ качествѣ секретаря одесскаго комитета торговли и мануфактуръ и биржевого комитета, Орбинскій прекрасно справился съ возложенной на него задачей, и результатомъ этой командировки явилось весьма обстоятельное изслѣдованіе по вопросу о хлѣбномъ производствѣ и хлѣбной торговлѣ съ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Вернувшись изъ Америки, Орбинскій нѣкоторое время оставался въ Петербургѣ, гдѣ служилъ по департаменту торговли и мануфактуръ и директоромъ Либаво-Роменской желѣзной дороги. Впрочемъ, вскорѣ онъ совершенно оставилъ государственную службу и снова поселился въ Одессѣ, гдѣ въ послѣдніе годы своей жизни состоялъ директоромъ Бессарабско-Таврическаго банка, не переставая работать надъ разными экономическими вопросами. Такъ, по порученію бывшаго тогда министромъ финансовъ, своего товарища по Педагогическому Институту—И. А. Вышнеградскаго, онъ составилъ нѣсколько записокъ о хлѣбной торговлѣ въ русскихъ и иностранныхъ портахъ и элеваторахъ; по просьбѣ тогдашняго Новороссійскаго генералъ-губернатора, городскихъ думъ Одессы и Николаева и одесскаго биржевого комитета онъ составилъ нѣсколько записокъ по вопросамъ, касающимся торговли и промышленности Новороссійскаго края. Поселившись въ началѣ 1892 года въ Таганрогѣ, Орбинскій вскорѣ—въ ночь съ 20-го на 21-е декабря того же 1892 года тамъ умеръ.

Будучи энциклопедически образованнымъ и весьма талантливымъ ученымъ, Орбинскій, благодаря своей обширной и разнообразной дѣятельности, не дававшей ему возможности сосредочиться, хотя и напечаталъ много статей, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ и газетамъ 1850 и 1860 годовъ, но не далъ ничего капитальнаго даже по своей спеціальности—классической филологіи. Изъ его печатныхъ работъ болѣе извѣстны слѣдующія: «О значеніи филологіи и естественныхъ наукъ въ гимназическомъ образованіи» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 75, кн. II); «Еврипидъ и его значеніе въ исторіи греческой трагедіи» (тамъ же, ч. 79, кн. II). «О слѣдахъ славянства въ языкѣ новогрековъ» (тамъ же ч. 83; «О преподаваніи иностранныхъ языковъ» (тамъ-же 1868 г., ч. 137, № 3, отд. II); «Византійскія женщины» (Максимовъ, «Южный Сборникъ»); «О народности нынѣшнихъ обитателей Греціи» («Русское Слово», 1859 г.) и другія.

„Новое Время“, 1892 г., № 6407; „Историческій Вѣстникъ“, 1893 г., т. 51, февраль; „Таганрогскій Вѣстникъ“, 1892 г., №№ 152, 153, 154; „Одесскій Вѣстникъ“, 1892 г., № 329 и 334 (воспоминанія объ Р. В. Орбинскомъ); „Сынъ Отечества“, 1892 г., № 335; „Русское Слово“, 1859, кн. 12: 1860, кн. 7. Календарь Русскій и Всеобщій на 1894 г.

Е. Ястребцевъ.

Ординъ, *Кесарь Филипповичъ*—гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ, состоявшій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, попечитель больницы св. Николая Чудотворца и ремесленнаго училища Цесаревича Николая Александровича; писатель. Родился около 1835 года и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. По окончаніи съ серебряной медалью курса въ С.-Петербургской 3-й гимназіи, а затѣмъ Петербургскаго университета (по физико-математическому факультету) Ординъ 25-го января 1857 года поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ С.-Петербургскій Надворный Судъ, откуда вскорѣ перешелъ въ Канцелярію Петербургскаго военнаго губернатора. Быстро повышаясь по службѣ, онъ въ 1861 году былъ уже начальникомъ отдѣленія канцеляріи военнаго генералъ-губернатора; въ 1865 году былъ назначенъ членомъ особаго комитета по устройству временныхъ больницъ по случаю свирѣпствовав-

шаго тогда въ Петербургѣ тифа; осматривая, по должности, одну изъ больницъ, Ординъ заразился тифомъ, но, впрочемъ, скоро поправился и продолжалъ службу съ прежнимъ усердіемъ. За понесенные труды по устройству временныхъ больницъ Ординъ получилъ орденъ св. Станислава 4-й степени и вскорѣ послѣ того былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Годъ спустя, Россіи снова стала грозить эпидемія, еще болѣе опасная — холера. По Высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ особый комитетъ для изысканія мѣръ противъ этой ужасной болѣзни. Однимъ изъ членовъ этого комитета и дѣлопроизводителемъ его былъ назначенъ Ординъ, какъ человѣкъ, пріобрѣвшій въ предыдущую тифозную эпидемію репутацію самоотверженнаго, энергичнаго и опытнаго дѣятеля. Въ слѣдующемъ 1867 году Ординъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Попечительнаго Совѣта учрежденій общественнаго призрѣнія и затѣмъ, съ введеніемъ городового положенія, былъ избранъ въ члены городской санитарной коммиссіи. Еще черезъ годъ Россію постигло новое бѣдствіе — голодъ, и для доставленія пособія пострадавшимъ отъ неурожая былъ учрежденъ комитетъ, членомъ - дѣлопроизводителемъ котораго былъ назначенъ Ординъ. Въ томъ же году Ордину, помимо этой обязанности, пришлось вести дѣлопроизводство въ комитетѣ для изысканія средствъ къ устройству въ С.-Петербургѣ гражданской госпитальной части. Наконецъ, въ 1870 году Ординъ былъ назначенъ членомъ распорядительнаго комитета по устройству дома призрѣнія душевно-больныхъ. Пожалованный въ 1871 году въ камергеры Высочайшаго двора и произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Ординъ съ 1872 года состоялъ попечителемъ больницы св. Николая Чудотворца, а затѣмъ состоялъ попечителемъ ремесленнаго училища Цесаревича Николая, постоянно принимая въ то же время участіе въ разныхъ коммиссіяхъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Купивъ въ концѣ 1870 годовъ имѣніе въ Финляндіи (въ Выборгской губерніи), онъ не могъ не обратить вниманія на то тяжелое положеніе, въ которомъ были русскіе, вынужденные по тѣмъ или другимъ причинамъ жить въ Финляндіи. Это побудило его приняться за изученіе исторіи края. Ознакомившись съ финскимъ и шведскимъ языками, а также и съ литературою на этихъ языкахъ, касающеюся государственнаго устройства края, Ординъ сталъ работать въ правительственныхъ архивахъ, провѣряя по подлиннымъ документамъ правдивость сообщаемыхъ финляндскими историками свѣдѣній. Вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что весьма часто тотъ или другой приводимый у финляндскихъ историковъ государственный актъ не вполнѣ, а иногда и совершенно не соотвѣтствовалъ подлинному документу. Къ этому времени относятся его первыя статьи о Финляндіи, которыя онъ помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ, въ послѣдніе же годы своей жизни онъ помѣщалъ свои статьи преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ изданный редакціей этой газеты сборникъ «Финляндская окраина Россіи». Помимо этихъ статей Ординъ въ 1889 году издалъ большое двухтомное изслѣдованіе «Покореніе Финляндіи», въ которомъ на основаніи отысканныхъ имъ, большею частью ранѣе нигдѣ ненапечатанныхъ источниковъ, изложилъ исторію покоренія Финляндіи русскими и утвержденія въ ней русской власти. Это изслѣдованіе было удостоено Императорской Академіей Наукъ преміи имени митрополита Макарія. Другой крупной научно-литературной работой Ордина былъ изданный имъ русскій переводъ сочиненія сенатора финляндскаго сената Мехелина «Конституція Финляндіи». Въ примѣчаніяхъ къ этому сочиненію Ординъ подробно разобралъ всю работу Мехелина и доказалъ неосновательность большей половины приводимыхъ Мехелиномъ положеній о Финляндской конституціи.

К. Ф. Ординъ скончался 5-го іюня 1892 года въ своемъ имѣніи въ Финляндіи.

„Сынъ Отечества 1892 г. № 53; „Московскія Вѣдомости“ 1892 г. №№ 157 и 160; С-Петербургскія Вѣдомости“ 1892 г. № 151; „Новое Время“ 1892 г. № 5814; „Правительственный Вѣстникъ“ 1852 г. № 122; „Историческій Вѣстникъ“ 1892 г. августъ; „Рус. Архивъ“ 1890; „Русскія Вѣдомости“ 1892 г. № 157; Календари: Русскій, Всеобщій и др. на 1893 г. *А. В.*

Ордины-Нащокины,—русскій дворянскій родъ, ведшій свое происхожденіе изъ Италіи; отрасль дворянскаго рода Нащокиныхъ. Родоначальникъ ихъ вы-

ѣхалъ изъ Италіи къ великому князю тверскому Александру Михайловичу, въ крещеніи получилъ имя *Дмитрій* съ прозваніемъ *Красный*; сынъ Дмитрія Краснаго, *Дмитрій Дмитріевичъ*, бояринъ великаго князя тверского Александра, участвовалъ въ 1327 году въ возстаніи тверитянъ противъ ханскаго посла Шевкала и былъ въ сраженіи съ татарами раненъ въ щеку, отчего получилъ прозваніе Нащока. Изъ Твери онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и служилъ великому князю московскому Симеону Іоанновичу Гордому. Отъ него получила прозваніе и фамилія *Нащокиныхъ*. Одинъ изъ потомковъ Димитрія Димитріевича, *Андрей Филипповичъ*, убитый 8 сентября 1514 года въ сраженіи при Оршѣ, имѣлъ прозвище Орда, а его потомки начали прозываться *Ордиными-Нащокиными*. Ордины - Нащокины продолжали службу великимъ князьямъ и царямъ московскимъ, но не выдвигались и скоро затерялись среди массы мелкаго городового дворянства. Единственнымъ болѣе виднымъ представителемъ рода былъ *Иванъ Ивановичъ* Ординъ-Нащокинъ, бывшій въ 1584 и 1585 годахъ намѣстникомъ Бѣлаго города. Выдвигаются впередъ Ордины-Нащокины лишь въ XVII вѣкѣ, когда въ лицѣ извѣстнаго московскаго дипломата и государственнаго дѣятеля *Аѳанасія Лаврентьевича* (см. ниже) попадаютъ въ ряды высшей московской аристократіи. Съ этого времени они начинаютъ помѣщаться въ московскомъ спискѣ и получаютъ придворныя должности стольниковъ и стряпчихъ. *Богданъ Ивановичъ* Ординъ-Нащокинъ (см. ниже) двоюродный братъ Аѳанасія Лаврентьевича достигаетъ даже званія думнаго дворянина. Но послѣ смерти Аѳанасія Лаврентьевича, личными заслугами и свойствами котораго родъ только и держался, Ордины-Нащокины худаютъ, о дѣятельности ихъ свѣдѣній почти не имѣется и скоро они теряются изъ виду. Послѣднія свѣдѣнія объ Ординыхъ-Нащокиныхъ мы встрѣчаемъ въ концѣ XVIII вѣка, когда, повидимому, этотъ родъ и угасъ.

Ординъ-Нащокинъ, *Аѳанасій Лаврентьевичъ*,—ближній бояринъ и воевода, извѣстный московскій дипломатъ царствованія Алексѣя Михайловича. Годъ рожденія А. Л. Ордина-Нащокина точно неизвѣстенъ, но есть основаніе предполагать, что онъ родился въ первой четверти XVII вѣка. Родился Аѳанасій Лаврентьевичъ во Псковѣ и происходилъ изъ захудалой псковской дворянской семьи; отецъ его былъ небогатый псковскій помѣщикъ, но не смотря на это Аѳанасій Лаврентьевичъ получилъ въ своемъ родномъ Псковѣ очень тщательное по тому времени образованіе. Онъ изучилъ латинскій и нѣмецкій языки, математику, а съ теченіемъ времени, уже въ періодъ своихъ постоянныхъ сношеній съ поляками изучилъ и польскій языкъ. Во Псковѣ онъ, повидимому, находился подъ вліяніемъ извѣстной культурной среды, настроенной на западно - европейскій ладъ, которая издавна свила себѣ здѣсь, вблизи границы, прочное гнѣздо; и подъ вліяніемъ этой-то среды Ординъ-Нащокинъ «зналъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе нравы», какъ говорилъ о немъ царь Алексѣй Михайловичъ. Такое «знаніе», разумѣется, обратило скоро на него вниманіе московскаго правительства, всегда нуждавшагося въ людяхъ, знакомыхъ съ Западомъ, и уже въ 1642 г. Ординъ-Нащокинъ былъ отправленъ на шведскую границу для осмотра и исправленія пограничной линіи по рѣкамъ Меузицѣ и Пижвѣ и для принятія въ русское подданство земель, неправильно захваченныхъ шведами послѣ заключенія Столбовскаго мира. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Ординъ-Нащокинъ, забытый было, скоро вновь выдвигается: въ 1650 году во Псковѣ, гдѣ жилъ и Ординъ-Нащокинъ, поднялся бунтъ, направленный между прочимъ и противъ нѣмцевъ и противъ сочувствовавшей нѣмцамъ среды, самымъ замѣтнымъ представителемъ которой былъ псковскій гость Ѳедоръ Емельяновъ. Западникамъ угрожала смерть, и Ордину-Нащокину, принадлежавшему къ той же средѣ, вмѣстѣ съ Емельяновымъ пришлось бѣжать изъ Пскова; Аѳанасій Лаврентьевичъ явился въ Москву и доставилъ тамъ подробныя свѣдѣнія о бунтѣ. Прикомандированный послѣ этого къ отряду князя И. Н. Хованскаго, отправленнаго для усмиренія бунта съ вооруженною силою, Ординъ явился дѣятельнымъ совѣтникомъ Хованскаго, старался о замиреніи Псковской области, по порученію князя уговаривалъ крестьянъ окрестныхъ селъ выходить изъ лѣсовъ, куда они укрывались отъ грабежей псковскихъ мятежниковъ, заставлялъ ихъ обратиться къ прежнему образу жизни и приниматься за обычныя рабо-

ты, и Хованскій съ похвалою писалъ царю о радѣніи, службѣ и трудахъ своего помощника и совѣтника. Послѣ этого мы не имѣемъ свѣдѣній объ Ординѣ-Нащокинѣ до 1654 года, когда онъ значится уже воеводой въ западно-русскомъ городѣ Друѣ, недавно взятомъ отъ поляковъ. Здѣсь, во время похода царя Алексѣя Михайловича противъ шведовъ подъ Ригу, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе царя и вскорѣ, когда у шведовъ былъ отнятъ Кокенгаузенъ, переименованный тогда же въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ, былъ переведенъ сюда изъ Друи на воеводство. Послѣ удаленія царя изъ Ливоніи Ординъ-Нащокинъ сдѣлался распорядителемъ въ томъ краѣ. Впрочемъ, положеніе его здѣсь было очень затруднительное. Недавно завоеванный край находился въ постоянной опасности съ двухъ сторонъ: съ одной стороны находились шведы съ довольно-слабымъ войскомъ, но съ очень талантливымъ полководцемъ Делагарди непримиримымъ врагомъ Россіи, съ другой стороны отношенія къ Польшѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись; мѣстное населеніе было раздражено противъ русскихъ постоянными насиліями и грабежами московскихъ ратныхъ людей, бѣжало изъ насиженныхъ мѣстъ и становилось въ ряды шведскаго войска. У самого Ордина-Нащокина войска было мало, подкрѣпленія и запасы изъ русскихъ городовъ не приходили, а мѣстными средствами войска содержать было нельзя, такъ какъ страна была опустошена постоянными войнами до крайности. Между тѣмъ, цѣли и стремленія Ордина-Нащокина простирались очень далеко и требовали для ихъ осуществленія очень благопріятныхъ условій. Ординъ-Нащокинъ имѣлъ строго и разъ навсегда опредѣленные дипломатическіе планы, которымъ и слѣдовалъ въ продолженіи всей своей дѣятельности. Ему пришлось выступить на дипломатическое поприще въ то время, когда Московское государство оказалось въ очень затруднительномъ положеніи. Въ половинѣ XVII вѣка Москвѣ пришлось разрѣшать два исконныхъ вопроса своей внѣшней политики: съ одной стороны, благодаря малороссійскому движенію и ожесточенной культурной борьбѣ между православными и католиками въ Рѣчи Посполитой представлялся наиболѣе удобный случай отобрать у Польши русскія земли, сдѣлать рѣшительный шагъ къ завершенію традиціонной политики, объединенія Руси, политики, которой слѣдовали московскіе государи еще съ XIV вѣка, съ другой стороны назрѣвалъ поставленный на очередь уже въ XVI вѣкѣ вопросъ о присоединеніи береговъ Балтійскаго моря, во имя торговыхъ и культурныхъ интересовъ Московскаго государства. Для преслѣдованія каждой изъ этихъ цѣлей необходимо было отложить другую цѣль, такъ какъ бороться съ сильной тогда Швеціей можно было лишь въ союзѣ съ Польшей, исконнымъ ея врагомъ, а бороться съ Польшей можно было лишь упустивъ берега Балтійскаго моря, утвердиться на которыхъ, сдѣлать Балтійское море шведскимъ озеромъ, было основной цѣлью всей шведской политики того времени. Ординъ-Нащокинъ явился ревностнымъ поборникомъ стремленій къ Балтійскому морю и сторонникомъ прочнаго союза съ Польшей ради достиженія этой цѣли. Удобнымъ моментомъ для осуществленія этой цѣли было какъ разъ то время, когда онъ находился въ Ливоніи, такъ какъ именно тогда противъ Швеціи образовалась цѣлая коалиція державъ, недовольныхъ ея Балтійской политикой. Данія, Польша, Бранденбургъ начали войну съ ней изъ за Балтійскихъ береговъ, Голландія изъ торговыхъ интересовъ желая ослабить Швецію, присоединилась къ коалиціи, Австрія послала свою армію противъ протестантской Швеціи въ интересахъ католической реакціи и ослабленія своего исконнаго соперника— Франціи, союзникомъ которой была Швеція. Ординъ-Нащокинъ понималъ, что это время является наиболѣе благопріятнымъ, чтобы добиться отъ Швеціи уступокъ и началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и въ управляемой имъ Ливоніи: онъ старался поддерживать дружескія отношенія съ Польшей, чтобы обезопасить Россію съ этой стороны; мѣстное населеніе Ординъ-Нащокинъ также усиленно привлекалъ на русскую сторону. Онъ старался прекратить грабежи ратныхъ людей, жаловался на нихъ въ Москву. «Лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли; лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь, и не видѣть надъ людьми такихъ бѣдъ» писалъ онъ царю Алексѣю въ одномъ изъ своихъ до-

несеній о насиліяхъ московскихъ рейтаръ и донскихъ казаковъ надъ мѣстными жителями и принималъ очень дѣйствительныя мѣры для устраненія бѣдствія: посылалъ отряды ратныхъ людей на грабителей, каралъ ихъ со всей строгостью, бѣжавшихъ отъ насилій обывателей водворялъ на свои мѣста, привлекалъ ихъ къ московскому правительству и склонялъ къ русскому подданству; старался дать спокойствіе опустошенной рядомъ войнъ странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ведя съ своими небольшими средствами борьбу съ Швеціей, онъ старался вооружить и мѣстныхъ жителей противъ шведовъ; старался Ординъ-Нащокинъ привлечь на русскую сторону и герцога Курляндскаго Іакова, что было важно для русскаго правительства, такъ какъ давало увѣренность въ безопасности со стороны Курляндіи. Послѣ долгихъ переговоровъ ему удалось заключить съ герцогомъ договоръ, которымъ Іаковъ признавалъ надъ собою покровительство Россіи. Договоръ этотъ въ 10-ти статьяхъ былъ доставленъ 30 января 1658 года въ Москву и сразу доставилъ русскимъ очень выгодное положеніе въ завоеванномъ краѣ. Благопріятствовали русскому воеводѣ и тѣ бѣдствія, которыя постигли шведское войско: въ немъ открылась моровая язва; злѣйшій врагъ русскихъ и единственный способный шведскій полководецъ Магнусъ Делагарди сдѣлался ея жертвой. Желая воспользоваться удобнымъ моментомъ, Ординъ-Нащокинъ предполагалъ уже начать рѣшительныя дѣйствія, завелъ даже флотъ на Западной Двинѣ, чтобы хотя отчасти быть въ состояніи противостать шведскому флоту; но теперь само московское правительство, обративъ свое исключительное вниманіе на малороссійскія и польскія дѣла, перестало интересоваться шведскими дѣлами и стремилось только возможно скорѣе заключить миръ съ Швеціей, чтобы со всѣми силами обратиться на Польшу. Выборъ уполномоченнаго для заключенія этого мира былъ, разумѣется, ясенъ: никто не былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ лучше Аѳанасія Лаврентьевича, никто не зналъ лучше его и противника, съ которымъ нужно было вести переговоры. Въ концѣ апрѣля 1658 года Ординъ-Нащокинъ получилъ приказаніе отправиться съ бояриномъ княземъ П. С. Прозоровскимъ, стольникомъ Прончищевымъ и дьяками Дохтуровымъ и Юрьевымъ на посольскій съѣздъ съ шведскими уполномоченными. Впрочемъ четырехлѣтняя дѣятельность Ординъ-Нащокина въ Ливоніи не осталась неоцѣненной: 28 апрѣля 1658 года онъ былъ пожалованъ въ думные дворяне — званіе открывавшее ему доступъ въ ряды высшей московской аристократіи и получилъ титулъ намѣстника шацкаго. Царь Алексѣй въ своей грамотѣ по этому поводу очень хорошо оцѣнилъ заслуги Аѳанасія Лаврентьевича въ дѣлѣ замиренія и успокоенія недавно завоеваннаго края: «Пожаловали мы великій государь, тебя Аѳанасія за твои къ намъ многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жаждущихъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро и до ратныхъ людей ласковъ, и ворамъ не спускаешь и противъ свейскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ».

Посольскій съѣздъ 1658 года долженъ былъ происходить на рѣкѣ Наровѣ. Оффиціально первое мѣсто среди русскихъ уполномоченныхъ занималъ родовитый бояринъ князь Прозоровскій, но на самомъ дѣлѣ веденіе переговоровъ было возложено на Ордина-Нащокина, который помимо Прозоровскаго сносился непосредственно и съ царемъ черезъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Ордина-Нащокина же нельзя было поставить во главѣ посольства, ибо этимъ можно было раздражить московскую знать, достоинство которой было бы оскорблено такимъ быстрымъ возвышеніемъ мало родовитаго псковскаго дворянина. Прежде всего начались долгіе переговоры о мѣстѣ съѣздовъ. Ординъ-Нащокинъ настаивалъ на томъ, чтобы съѣзды происходили ближе къ Ливоніи, желая своимъ присутствіемъ въ управляемой имъ области предупредить возможное нарушеніе порядка, но шведы требовали съѣзда у Нарвы. Послѣ долгихъ переговоровъ мѣстомъ съѣзда была назначена деревня Валіесаръ между Нарвою и Нейшлотомъ, куда и собрались уполномоченные обѣихъ сторонъ. Царь Алексѣй желалъ во что бы то ни стало удержать за Россіей морскія пристани: Ніеншанцъ и Нарву, проѣздъ отъ нихъ къ Орѣшку, Кукейносъ и нѣкоторыя другія города Ливо-

ній: за это царь разрѣшалъ обѣщать шведскимъ уполномоченнымъ до двадцати тысячъ рублей соболями и ефимками. Шведы, стѣсненные со стороны Польши, Даніи и Бранденбурга, нуждались въ мирѣ не менѣе русскихъ, но, разумѣется, не склонны были дѣлать такихъ уступокъ. Для поддержанія требованій русскихъ пословъ необходима была сильная армія и Ординъ-Нащокинъ настоялъ на томъ, что боярину князю И. А. Хованскому, командовавшему русскимъ войскомъ, стоявшимъ у Пскова, было приказано двинуть часть своей арміи къ Нарвѣ. Но тутъ возникло препятствіе: князь Хованскій отказался исполнить приказаніе. Дѣло въ томъ, что исключительное положеніе Ордина-Нащокина въ посольствѣ не смотря на его кажущуюся второстепенность не могло нравиться родовитому боярству, рюриковичамъ и гедиминовичамъ, въ среду которыхъ вдругъ выдвинулся скромный дворянинъ даже не московскаго списка. Хованскій явился представителемъ боярства и ненавидѣлъ Ордина-Нащокина, какъ представителя низшаго класса. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо сравниваетъ фаворъ Ордина-Нащокина съ фаворомъ представителей низшаго сословія при Іоаннѣ Грозномъ: «въ прежнія времена и хуже Афанасья при государевой милости былъ Малюта Скуратовъ». Хованскій отказался двинуть нужный отрядъ къ Нарвѣ, но Ординъ-Нащокинъ успѣлъ склонить на свою сторону слабохарактернаго и мягкаго Прозоровскаго и жаловался на Хованскаго царю, и царь Алексѣй Михайловичъ принялъ сторону Нащокина. Хованскому была послана грозная грамота, въ которой предписывалось «великаго государя указъ исполнить съ Афанасіемъ помириться»: Хованскій, скрѣпя сердце, долженъ былъ смириться и въ рѣшительную минуту требованія русскихъ пословъ были поддержаны сорокотысячнымъ войскомъ, появившимся подъ Гдовомъ. Шведы должны были согласиться на русскія предложенія, но тѣмъ не менѣе прочнаго мира русскимъ посламъ заключить не удалось. 1 декабря 1658 года въ Валіесарѣ было заключено перемиріе на три года съ сохраненіемъ за Россіей всѣхъ завоеваній въ Ливоніи. Морской гавани русскимъ посламъ не удалось выговорить, но теперь и самъ Ординъ-Нащокинъ понималъ безполезность одной гавани для русской торговли. «Въ торговлѣ русскіе люди слабы другъ передъ другомъ, туда поѣдутъ, куда ихъ поманятъ, а на своихъ мѣстахъ не держатся», писалъ онъ въ своемъ донесеніи въ Москву. Впрочемъ, несмотря на успѣшность Валіесарскихъ переговоровъ и крайне затруднительное положеніе Швеціи, Ливонія и на этотъ разъ не осталась за Россіей. Скоро послѣ Валіесарскаго перемирія въ Швеціи умеръ воинственный король Карлъ X, а новый король Карлъ XI при посредничествѣ Франціи посиѣшилъ заключить съ Австріей, Бранденбургомъ и Польшей миръ въ Оливѣ (3 мая 1660 г.), а черезъ три недѣли послѣ сего и съ Даніей (27 мая 1660 г.). Эти два мирныхъ договора развязывали Швеціи руки относительно Россіи, которая въ это время была поставлена въ очень затруднительное положеніе цѣлымъ рядомъ неудачъ въ Польшѣ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что московское правительство, которое не могло бороться одновременно съ двумя такими сильными, хотя и враждебными другъ другу государствами, какъ Польша и Швеція, принуждено было согласиться на миръ въ Кардисѣ (21 іюня 1661 года), который возвращалъ Швеціи всѣ ея владѣнія въ Ливоніи, удержанныя было за Россіей по Валіесарскому перемирію. Дипломатическіе планы Ордина-Нащокина были такимъ образомъ разрушены, но онъ все еще надѣялся, что послѣ заключенія мира съ Польшею, послѣ заключенія прочнаго союза съ ней, можно будетъ снова даже съ большимъ успѣхомъ обратиться противъ Швеціи, и усердно склонялъ къ своимъ планамъ царя Алексѣя, стараясь доказать, что для Московскаго государства обладаніе Ливоніей важнѣе завоеванія западной Россіи. Онъ предлагалъ помириться съ Польшею, на условіяхъ пріобрѣтенія Полоцка и Витебска, въ случаѣ же если поляки заупрямятся, то полагалъ возможнымъ отказаться и отъ этихъ городовъ: «прибыли отъ нихъ нѣтъ никакой, а убытки большіе, надобно будетъ безпрестанно помогать всякою казною, да держать въ нихъ войско. Другое дѣло Лифляндская земля: отъ нея русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ, а изъ Полоцка и Витебска Двиною станутъ ходить нѣкоторые товары, а съ нихъ будетъ взиматься большая пошлина: въ Лифляндскихъ городахъ не будутъ отго-

вариваться жалованными грамотами и льготами. А если съ польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ обидный, то онъ не будетъ крѣпокъ, потому что Литва и Польша не за моремъ, причина къ войнѣ скоро найдется». На помощь планамъ Нащокина явились неудачи, которыя начали преслѣдовать русскихъ въ войнѣ съ Польшей. Неспособный московскій воевода князь Хованскій проигрывалъ битву за битвой, запасовъ не было, войско утомилось, народу надоѣла война: приходилось подумать о мирѣ. Уже въ 1661 году царь пытался завязать мирные переговоры; въ 1662 году было послано посольство, во главѣ котораго были поставлены бояре князья Н. И. Одоевскій и П. С. Прозоровскій; къ этому же посольству былъ прикомандированъ и Ординъ-Нащокинъ, уже значительно выдвинувшійся на дипломатическомъ поприщѣ послѣ Валіесарскаго перемирія. Съѣздъ этотъ однако не состоялся вслѣдствіе того, что польскіе коммисары не явились въ Смоленскъ, гдѣ ожидали ихъ русскіе уполномоченные и русское посольство раздѣлилось: Одоевскій остался въ Смоленскѣ для размѣна плѣнныхъ, а Ординъ-Нащокинъ отправился въ Польшу съ предложеніемъ не только мира, но и тѣснаго союза, подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверской области въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это было до Смутнаго времени, уплаты московскимъ правительствомъ денегъ недовольному польскому войску, съ уступкой за это Россіи южной Ливоніи. Однако и эта попытка завязать мирныя сношенія окончились неудачей: польскій король, ободренный неудачами русскихъ, совсѣмъ не хотѣлъ мира и даже имѣлъ въ виду перейти въ наступленіе и готовился перенести войну на восточный берегъ Днѣпра. Кампанія 1663 года, которую велъ лично король Янъ-Казимиръ на лѣвомъ берегу Днѣпра, кончилась однако неудачно для поляковъ и вопросъ о мирѣ снова былъ поднятъ, на этотъ разъ и съ польской стороны. Въ началѣ 1664 г. явился въ Москву изъ Польши королевскій посланникъ Самуилъ Венславскій и послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ Ординымъ-Нащокинымъ, назначеннымъ «въ отвѣтъ» съ польскимъ посланникомъ, уполномоченные обѣихъ сторонъ постановили, что посольскіе съѣзды состоятся весною же 1664 года подъ Смоленскомъ. Съ русской стороны были назначены бояре князь Н. И. Одоевскій и Ю. А. Долгорукій, окольничій князь Д. А. Долгорукій и думные дворяне Г. Б. Нащокинъ и А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Передъ отъѣздомъ Ординъ-Нащокинъ снова подалъ государю докладную записку, гдѣ снова настаивалъ на тѣснѣйшемъ союзѣ съ Польшей и на обращеніи союзныхъ силъ обоихъ государствъ противъ Швеціи; Ординъ-Нащокинъ находилъ заключеніе простого мира съ Польшею недостаточнымъ для Россіи уже по одному тому, что въ такомъ случаѣ придется вернуть Польшѣ всѣхъ плѣнныхъ поляковъ, обжившихся и осѣвшихъ въ Россіи, а это было бы довольно затруднительно какъ вслѣдствіе того, что вызвало бы большія недоразумѣнія и затрудненія, такъ и по тому соображенію, что поляки эти нужны и въ самой Россіи, гдѣ они приносятъ большую пользу, обучая русскихъ людей разнымъ усовершенствованіямъ и ремесламъ; наконецъ, Ординъ-Нащокинъ старался склонить царя къ союзу съ Польшей и перспективой возможности покровительствовать православнымъ въ чужихъ земляхъ, прельщалъ даже заманчивой мечтой о возможности объединенія всѣхъ православныхъ подъ властью русскаго царя. Союзъ съ Польшей, писалъ онъ въ своей запискѣ, необходимъ потому, что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православію въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные молдаване и волохи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, послышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ турка. Такимъ образомъ, соединится такой многочисленный христіанскій народъ одной матери, восточной церкви, дѣти: отъ самаго Дуная всѣ волохи и, черезъ Днѣстръ, Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россія, уже пріобщенная къ Великой... «А по близости вѣдомый намъ непріятель шведъ: какъ прежде, такъ и теперь по съѣздамъ посольскимъ извѣстно какія разрушительныя шведскія неправды! И всѣ ихъ насилія отъ того, что съ польскимъ государствомъ продлилась война и внутреннія ссоры повстали въ Великой Россіи...» Все это очень нравилось благочестивому «тишайшему» царю, особенно внимательному къ дѣламъ православной церкви и чуткому къ интересамъ православныхъ, жившихъ внѣ Россіи и тер-

дѣвшихъ гоненіе отъ иновѣрцевъ, но была одна статья въ запискѣ Нащокина, вызвавшая негодованіе царя: «А черкасъ малороссійскихъ», писалъ Ординъ-Нащокинъ, «какъ отступиться безъ заключенія тѣснаго союза съ Польшею: они не взирая на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и шведомъ, начнутъ злую войну на Великую Россію». Мысль, высказанная здѣсь впервые и крайне неопредѣленно о возможности отступиться отъ Малороссіи, вызвала слѣдующій отвѣтъ царя: «Статьи прочтены и зѣло благополучны и угодны Богу на небесахъ и отъ созданія руку его и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53-й... эту статью отложили и велѣли вернуть, потому что непристойна, и для того, что обрѣли въ ней полтора ума: единаго—твердаго разума, а второго половина, колеблющагося вѣтромъ... А о черкасскомъ дѣлѣ, о здѣшней сторонѣ мысль свою царскую прилагать непристойно... Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго, только это не отъ насъ будетъ,—за грѣхи учинится. Если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе приметъ отдавшій святой хлѣбъ собакѣ: будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердныя муки, отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостію своею и не выдастъ своего хлѣба собакамъ, Человѣче! Иди съ миромъ царскимъ путемъ среднимъ и какъ началъ, такъ и свершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шую; Господь съ тобою!». Такимъ образомъ съ перваго уже раза, когда Ординъ-Нащокинъ, не могшій идти «путемъ среднимъ», заявилъ о томъ, что двѣ цѣли внѣшней политики, поставленныя московскимъ правительствомъ не могутъ быть осуществлены одновременно, его заявленіе вызвало неудовольствіе царя Алексѣя, мягкаго и податливаго въ другихъ случаяхъ, но непреклоннаго, когда дѣло касалось вопросовъ религіозныхъ. Разумѣется послѣдующая дѣятельность Ордина-Нащокина, когда знаменитому московскому дипломату пришлось проводить въ жизнь тѣ идеи, отъ которыхъ онъ, при удивительной прямотѣ своего характера, не въ силахъ былъ отказаться, не могла не увеличить это разногласіе между царемъ и его «промышленникомъ». Но теперь пока разногласіе этимъ и ограничилось, и въ маѣ Ординъ-Нащокинъ съ другими уполномоченными отправился на съѣздъ съ польскими комиссарами въ Смоленскъ. 1 іюня 1664 года начались посольскіе съѣзды въ Дуровичахъ, между Краснымъ и Звѣровичами. Царскимъ посламъ былъ данъ наказъ: крѣпко стоять за Малороссію и за границу по Днѣпръ, только въ крайнемъ случаѣ уступить лѣвый берегъ Днѣпра, но непремѣнно сохранить за Россіей Смоленскъ. Поляки, разумѣется, не хотѣли и слышать о такихъ уступкахъ; къ тому же царскій воевода чванливый князь И. А. Хованскій снова проигралъ битву подъ Витебскомъ, царское войско, стоявшее подъ Смоленскомъ подъ начальствомъ князя Я. К. Черкасскаго бездѣйствовало, несмотря на постоянныя настоянія Ордина-Нащокина, въ каждомъ письмѣ писавшаго царю о необходимости «промысла» надъ поляками; ко всему этому присоединялись несогласія между самыми послами. Ординъ-Нащокинъ попрежнему находился въ секретной перепискѣ съ царемъ; отдѣльно отъ него и отъ другихъ пословъ переписывался съ царемъ и князь Ю. А. Долгорукій; глава посольства князь Н. И. Одоевскій въ это время уже не пользовался расположеніемъ царя; старшіе послы, князья Долгорукіе и Одоевскій относились враждебно къ своему младшему товарищу Ордину-Нащокину, видѣли въ немъ выскочку, оскорблявшаго ихъ боярское и княжеское достоинство своимъ равнымъ положеніемъ съ ними; имъ не нравилось особенное благоволеніе къ нему царя. Ординъ-Нащокинъ жаловался: «Я отъ твоихъ ближнихъ бояръ, князя Никиты Ивановича и Юрія Алексѣевича, до сихъ поръ никакого обнадеживанія въ тайныхъ дѣлахъ не слыхалъ, они службишкѣ нашей мало довѣряютъ и въ дѣло не ставятъ; у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ». Царю для успѣшности дѣла пришлось мирить пословъ, но время было упущено, и съѣзды въ сентябрѣ 1664 года кончились безрезультатно. Ординъ-Нащокинъ, пожалованный въ 1665 году въ окольничіе, былъ назначенъ на воеводство въ Псковъ, но пробылъ въ немъ недолго: уже въ началѣ 1666 года его снова призвали на посольскую службу, на этотъ разъ «великимъ и полномочнымъ посломъ», для новыхъ съѣздовъ подъ Смоленскомъ съ польскими комиссарами. Теперь вести

дѣло было гораздо легче: мѣсто неспособныхъ московскихъ воеводъ занялъ одинъ изъ лучшихъ полководцевъ царя Алексѣя Михаиловича,—князь Ю. А. Долгорукій, быстро поправившій дѣла русскихъ на театрѣ войны, въ самой Польшѣ началось возстаніе Любомирскаго, который искалъ помощи и покровительства противъ короля у русскихъ, крымскій ханъ, грозный для Москвы въ союзѣ съ Польшей, нарушилъ этотъ союзъ и началъ войну съ своей бывшей союзницей, и польскіе послы рады были заключить миръ съ Россіей на тяжкихъ для себя условіяхъ. 30-го апрѣля 1666 года начались съѣзды уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ въ Андрусовѣ, недалеко отъ Смоленска. Польскіе коммиссары соглашались уступить Смоленскъ, Сѣверскія города и Динабургъ, но ни за что не отдавали Украйны, безъ чего русскіе послы не смѣли заключать мира. Ординъ-Нащокинъ соглашался уступить Полоцкъ и Витебскъ, но упорно настаивалъ на уступкѣ Южной Ливоніи и Украйны съ Кіевомъ. Переговоры затянулись, польскіе уполномоченные, несмотря на попытки Нащокина подкупить ихъ, не шли на дальнѣйшія уступки, готовы были прервать переговоры и возобновить прекратившіяся было военныя дѣйствія, но нападеніе крымскихъ татаръ съ гетманомъ правобережной Малороссіи Дорошенкой на польскіе города и появленіе сильной московской рати, воеводы князя Велико-Гагина подъ Вязьмой заставило ихъ быть сговорчивѣе и идти на новыя уступки. Они согласились уступить Россіи навсегда лѣвобережную Малороссію и на два года Кіевъ; въ свою очередь и Ордину-Нащокину было разрѣшено поступиться южной Ливоніей и, наконецъ, 13 января 1667 года послѣ восьмимѣсячныхъ переговоровъ, былъ подписанъ договоръ; заключено было перемиріе на $13^{1}/_{2}$ лѣтъ, до іюня 1680 года. По Андрусовскому перемирію Россія пріобрѣтала воеводство Смоленское, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и всю Украйну съ Путивльской стороны по Днѣпръ. Кіевъ оставался во власти царя на два года, а Запорожье отдавалось подъ покровительство обоихъ государствъ, должно было быть готово на службу противъ враговъ Польши и Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировалась полная свобода исповѣданія православнымъ въ Польшѣ и католикамъ въ Россіи и открывался свободный доступъ торговымъ людямъ какъ Польши, такъ и Россіи въ оба договаривающіяся государства.

Это перемиріе, казавшееся съ перваго взгляда очень непрочнымъ, однако имѣло громадное историческое значеніе. Андрусовскій договоръ представляетъ собою рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ двухъ сосѣднихъ державъ, Москвы и Польши, окончательно рѣшаетъ вѣковой вопросъ о Западной Россіи въ пользу Москвы, предрѣшаетъ вопросъ о политическомъ преобладаніи Россіи на сѣверѣ Европы, дѣлаетъ Польшу безопасной и безвредной для Москвы и даетъ ей возможность отдохнуть отъ многовѣковой борьбы и направить свои силы на разрѣшеніе другихъ, новыхъ задачъ, поставленныхъ на ея пути ходомъ историческаго процесса. Этотъ же договоръ является какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Польши: онъ рѣшаетъ кардинальный вопросъ въ ея исторической жизни. Польша, какъ государственное тѣло, не однородное по своему этнографическому составу, состоявшее изъ двухъ почти равносильныхъ по своей численности народностей, разнящихся къ тому же по своей культурѣ, могла существовать лишь при равновѣсіи между этими элементами, при полной равноправности между этими народностями и, пока равноправность эта существовала, Польша чувствовала себя сильной, но когда, во второй половинѣ XVI вѣка, появились въ Польшѣ іезуиты, призванные туда для борьбы съ протестантизмомъ, и, поборовъ протестантизмъ, съ согласія и подъ покровительствомъ польскаго реакціоннаго правительства, обратились противъ православія, равновѣсіе нарушилось и началась борьба, не ограничившаяся духовной сферой, такъ какъ гонимая православная культура нашла поддержку въ казачествѣ, которое какъ разъ въ это время начало борьбу съ польскимъ правительствомъ за свободу вольной казачьей жизни и охотно придало своему движенію характеръ борьбы за религіозную самостоятельность противъ «ксензовъ и жидовъ», но въ свою очередь не будучи въ состояніи вынести на себѣ всей тяжести этой борьбы, обратилось къ единоплеменной и единовѣрной Москвѣ. Разумѣется, московское государство охотно взялось за защиту православныхъ интересовъ въ Западной Руси, видя въ этомъ очень удобный случай

завершить свою многовѣковую западно-русскую политику, а возникшая отсюда борьба между польскимъ и московскимъ государствами и закончилась полной побѣдой послѣдняго, знаменующей однако, и полную невозможность дальнѣйшаго спокойнаго существованія Польши при условіи религіознаго гнета одной части населенія надъ другой. Тѣ статьи Андрусовскаго договора, которыя предоставляли права свободнаго исповѣдыванія православной вѣры жителямъ Польши выказывали силу русскихъ, православныхъ элементовъ въ польскомъ государствѣ и, явившись первой побѣдой этихъ элементовъ надъ элементами чисто польскими, западной католической культуры, положили начало къ политическому разложенію Польши. Лучше всего понимало критическое положеніе Польши само польское правительство; король Янъ-Казимиръ незадолго до своего отреченія отъ престола прямо предсказалъ паденіе Польши: «Москва попановитъ себѣ Великое Княжество Литовское; Бранденбургскому дому отворено будетъ порубежье Велико-Польское; Австрія не выпуститъ изъ рукъ своихъ Кракова, и каждый изъ сосѣдей захочетъ овладѣть ближайшею частью Польши по праву завоеванія». Понимали и современники, чего достигъ Ординъ-Нащокинъ этимъ договоромъ: «Гремѣвшая въ Европѣ слава тринадцатилѣтняго перемирія, котораго желали всѣ христіанскія державы, воздвигаетъ Нащокину благороднѣйшій памятникъ въ сердцахъ потомковъ», говоритъ о немъ современникъ - полякъ Павелъ Потоцкій. Понималъ и самъ Ординъ-Нащокинъ, что послѣ этого мира надо приниматься за разрѣшеніе другихъ задачъ, стоявшихъ на очереди у Московскаго государства. Такой задачей, по его мнѣнію, былъ прежде всего уже назрѣвшій въ это время вопросъ о необходимости преобразованія русской жизни на новый ладъ. Старые какъ государственные и общественные порядки, такъ и строй частной жизни явно не удовлетворяли ни народъ, ни правительство, чувствовалась необходимость чего-то новаго, и Ординъ-Нащокинъ видѣлъ даже пути для пріобрѣтенія этого новаго. Въ «сторонихъ чужихъ земляхъ» уже существовали порядки, съ которыми приходилось сталкиваться и Россіи въ ея многовѣковой борьбѣ съ Польшей и Швеціей, и преимущество этихъ порядковъ, въ видѣ плодовъ его—западно-европейскаго вооруженія и боевыхъ снарядовъ,—ей часто приходилось испытывать на себѣ очень ощутительно. Невольно появлялась мысль о необходимости, для успѣшнаго соперничества съ этими «чужими землями» съ этимъ западомъ, доселѣ страшнымъ, еретическимъ, этой «вавилонской блудницей», пріобрѣсти по крайней мѣрѣ тѣ же хотя бы сперва и чисто внѣшнія орудія, какими пользуется и самъ онъ. Вырабатывать ихъ самостоятельно было уже поздно и началось заимствованіе, сперва только внѣшней культуры, орудій ея, а потомъ и тѣхъ идей, тѣхъ началъ, которыя лежали въ корнѣ этой внѣшней культуры. Ординъ-Нащокинъ явился ревностнымъ поборникомъ этой западно-европейской культуры. «Доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ», было его правиломъ. Но для того, чтобы заимствовать «со стороны», съ запада, нужны были пути, нужно было направленіе, а Ординъ-Нащокинъ вовсе не хотѣлъ получать западную культуру сквозь призму, стоявшую на ея пути въ лицѣ Польши, онъ хотѣлъ получать ее въ чистомъ видѣ и думалъ открыть для нея путь черезъ Балтійское море. Отсюда вытекала вторая не менѣе важная, по его мнѣнію, задача: овладѣть берегами Балтійскаго моря, прорубить то «окно» въ Европу, которое, впрочемъ, было прорублено только черезъ 50 лѣтъ послѣ него. Балтійское море въ глазахъ Ордина было важно и съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ Московскаго государства: здѣсь онъ видѣлъ возможность создать торговое и экономическое могущество Россіи, дать ей новыя средства къ славному продолженію исторической жизни. Около этихъ то двухъ задачъ и сосредоточивается дальнѣйшая дѣятельность Ордина-Нащокина. Къ тому же теперь онъ былъ поставленъ и въ лучшія условія для дальнѣйшей работы. Андрусовскій договоръ сразу выдвинулъ его, сдѣлалъ однимъ изъ передовыхъ дѣятелей при дворѣ царя Алексѣя Михаиловича. Вскорѣ же по возвращеніи съ посольскаго съѣзда Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ пожалованъ въ бояре, а затѣмъ 15 іюня 1667 года получилъ въ управленіе посольскій приказъ съ пышнымъ титуломъ «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ обере-

гателя». Въ вѣдѣніе Ордина - Нащокина было передано и еще нѣсколько приказовъ: Смоленскій разрядъ, малороссійскій приказъ, новгородская, галицкая и владимірская чети; въ его же вѣдѣніи состояло и нѣсколько отдѣльныхъ вѣдомствъ: вяземская таможня, кружечный дворъ, завѣдываніе желѣзными заводами. Для того, чтобы поднять личное благосостояніе новаго боярина, не имѣвшаго ни помѣстій, ни вотчинъ, ему была пожалована въ потомственное владѣніе богатая Порѣцкая волость, 500 дворовъ около Костромы и прибавка къ обыкновенному боярскому окладу въ 500 рублей.

Поставленные въ такія благопріятныя условія дипломатическіе и государственные таланты Ордина-Нащокина развились особенно сильно. Не было ни одной стороны государственной жизни, которая бы не привлекала его вниманія. Дѣла внутренняго управленія, внѣшнія сношенія, войско, финансы, торговля, самый бытъ московскихъ людей того времени, все занимало его, вездѣ онъ видѣлъ необходимость реформъ и преобразованій и вездѣ онъ дѣлалъ попытки, болѣе или менѣе удачныя, реформировать, а кое-гдѣ и созидать свое, новое. «Теперь онъ» (Ординъ-Нащокинъ), пишетъ англичанинъ Коллинсъ, «занимается преобразованіемъ русскихъ законовъ и новымъ образованіе всего государства... Нащокинъ человѣкъ неподкупный, строго воздержный, неутомимый въ дѣлахъ и обожатель государей». Административныя способности Ордина-Нащокина выказались еще тогда, когда онъ былъ на воеводствѣ въ Ливоніи, потомъ послѣ продолжительнаго перерыва, заполненнаго дипломатической дѣятельностью, въ 1665 году въ промежуткѣ между двумя посольствами Нащокинъ получилъ въ управленіе Псковъ, гдѣ и началъ проводить реформу мѣстнаго управленія «по примѣру стороннихъ чужихъ земель»: къ сожалѣнію документы и грамоты, дошедшія до насъ отъ этого времени и характеризующая дѣятельность Ордина-Нащокина въ Псковѣ, крайне разрознены и непровѣрены, и полной картины его реформъ и преобразованій во Псковѣ мы возсоздать не можемъ, а поэтому не можемъ и отыскать тѣхъ «стороннихъ чужихъ земель», по «примѣру» которыхъ преобразовалъ Нащокинъ мѣстное управленіе во Псковѣ. Мы можемъ только предполагать, что заимствовалъ онъ начала мѣстнаго управленія изъ Польши, можетъ быть изъ Германіи, гдѣ къ этому времени развилось и вылилось въ опредѣленныя формы такъ называемое «Магдебургское право», съ которымъ, повидимому, былъ хорошо знакомъ и Нащокинъ, По пріѣздѣ въ Псковъ Ординъ-Нащокинъ нашелъ городъ въ крайне печальномъ видѣ: постоянныя войны съ Польшей и Швеціей подорвали его торговлю; въ самомъ городѣ происходила постоянная вражда между «лучшими» людьми и небогатыми гражданами, «мелкими людишками»; «лучшіе» люди, богатые купцы, всѣ дѣла городскія рѣшали по своей волѣ, даже безъ вѣдома прочихъ посадскихъ людей; произволъ воеводы и приказныя неправды разоряли и тѣхъ и другихъ; мелкіе люди подрывали торговлю богатымъ купцамъ тѣмъ, что брали тайно деньги отъ нѣмецкихъ купцовъ, скупали по дешевой цѣнѣ русскіе товары и передавали ихъ нѣмцамъ за небольшую коммиссіонную плату понижая такимъ образомъ цѣны па Псковскомъ рынкѣ; товары изъ Пскова и въ Псковъ провозилась безпошлинно. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ неурядицъ было то, что и казна не получала со Пскова положенныхъ сборовъ, и сами посадскіе люди псковскіе разорялись. Нащокинъ вскорѣ же по пріѣздѣ выработалъ рядъ мѣръ для улучшенія положенія дѣлъ, собралъ представителей отъ посадскихъ людей и обсудилъ съ ними выработанныя имъ «статьи о градскомъ устроеніи», которыя по утвержденіи ихъ царемъ и были введены въ Псковѣ. Прежде всего Ординъ-Нащокинъ преобразовалъ самый строй посадскаго общественнаго управленія въ духѣ децентрализаціи и ограниченія воеводскаго произвола. Посадское общество Пскова выбирало изъ своей среды 15 человѣкъ, которые въ теченіе трехъ лѣтъ, по пяти человѣкъ ежегодно, вели городскія дѣла. Въ вѣдѣніи ихъ находилось городское хозяйственное управленіе, надзоръ за продажей питей, таможеннымъ сборомъ и торговлей съ иностранцами, а также и судъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Воевода судилъ только въ случаѣ государственныхъ и важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій. Въ важныхъ случаяхъ допускались къ рѣшенію дѣлъ въ коммиссію выборныхъ и лучшіе люди изъ посадскаго общества. Нащокинъ сдѣлал

попытку провести новыя начала и въ торговлю псковскихъ посадскихъ людей. Главный недостатокъ русской торговли того времени заключался по его мнѣнію въ томъ, что «русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ», въ отсутствіи единенія между ними, вслѣдствіе чего они легко попадали въ зависимость отъ иностранцевъ. Главными причинами этого были недостатокъ капиталовъ и совершенное отсутствіе кредита. Для устраненія этихъ недостатковъ Ординъ-Нащокинъ, вообще покровительствовавшій торгово-промышленному классу и видѣвшій въ его благосостояніи залогъ благосостоянія самаго государства, провелъ цѣлый рядъ новыхъ статей, регулировавшихъ торговлю псковичей съ иностранцами. Чтобы устранить недостатокъ капиталовъ онъ ввелъ особыя торговыя компаніи собиравшія въ однихъ рукахъ значительныя капиталы: мелкіе торговцы распредѣлялись между крупными капиталистами, которые являлись какъ бы ихъ патронами и наблюдали за ихъ промыслами. Земская изба выдавала имъ ссуды для покупки товаровъ, которые и закупались ими къ двумъ двухнедѣльнымъ ярмаркамъ, учрежденнымъ Ординымъ-Нащокинымъ отъ 6 января и отъ 9 мая во время которыхъ для поощренія торговыхъ сдѣлокъ допускался безпошлинный торгъ. Товары эти записывались въ земской избѣ и передавались патронамъ, которые уплачивали ихъ покупную стоимость съ нѣкоторой придачей «для прокормленія», а продавъ иноземцамъ этотъ товаръ по установленнымъ ими самими цѣнамъ, выдавали своимъ кліентамъ полученную на ихъ товаръ прибыль. Такое устройство должно было служить интересамъ какъ «лучшихъ», такъ и «худшихъ» людей. «Худшіе» люди, которые не были бы въ состояніи вести самостоятельную торговлю, теперь при помощи своихъ богатыхъ компаніоновъ — патроновъ получали хорошую прибыль; въ свою очередь «лучшіе» люди, которымъ теперь не портили цѣнъ ихъ бѣдные компаніоны-кліенты, могли поддерживать высокія цѣны для мѣстныхъ товаровъ. Земская изба являлась кредитнымъ учрежденіемъ для бѣдныхъ людей и контролирующимъ органомъ для богатыхъ «компанейщиковъ». Такимъ образомъ Ординъ-Нащокинъ думалъ поднять благосостояніе псковскихъ посадныхъ людей и примирить тѣ два враждебныя лагеря, которыя онъ нашелъ при своемъ прибытіи въ Псковъ; но расчетъ оказался не совсѣмъ вѣрный: самая непривычность и сложность устройства и сложность интересовъ мѣшала успѣху дѣла, мѣшали и богатые псковскіе купцы во главѣ съ извѣстнымъ капиталистомъ Сергѣемъ Поганкинымъ, особенно недовольные реформами мѣстнаго управленія, вырывавшаго изъ ихъ рукъ преимущественную власть въ городскихъ дѣлахъ, которую они пріобрѣтали благодаря своему капиталу и благодаря подкупамъ дьяковъ воеводской избы. Самъ Ординъ-Нащокинъ не имѣлъ времени укрѣпить реформу, онъ былъ на воеводствѣ между двумя посольскими съѣздами не болѣе 8 мѣсяцевъ, а послѣ него воеводой былъ назначенъ старинный врагъ его князь И. А. Хованскій. Хованскій представилъ царю дѣло реформъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ и реформы были отмѣнены. Въ Москвѣ рѣшили, что «такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть», а на остальныя города распространить этотъ уставъ, какъ объ этомъ мечталъ Ординъ-Нащокинъ, было прямо противоположно всей внутренней политикѣ московскаго правительства, стремившагося къ централизаціи мѣстнаго управленія съ помощью установленія воеводъ и воеводскихъ избъ во всѣхъ городахъ московскаго государства. Такимъ образомъ попытка реформы мѣстнаго управленія въ пользу большаго развитія мѣстной самодѣятельности окончилась неудачей, но мысли его о реформѣ торговаго дѣла нашли себѣ мѣсто и были развиты законодательнымъ порядкомъ въ проведенномъ имъ въ 1667 году «Новоторговомъ Уставѣ». Этотъ Уставъ проводилъ ту же идею купеческихъ компаній, какую проводилъ Ординъ-Нащокинъ и въ своихъ псковскихъ реформахъ; для торговыхъ людей долженъ былъ быть созданъ удобный кредитъ, выдачей имъ ссудъ изъ московской таможни и городовыхъ земскихъ избъ. Этотъ же уставъ проводитъ и еще одну мысль Ордина-Нащокина, долженствующую поставить еще въ лучшее положеніе торговый классъ: для того чтобы торговые люди не должны были волочиться по разнымъ московскимъ учрежденіямъ и приказамъ, гдѣ они при тогдашней приказной «волокитѣ» и взяточничествѣ дьяковъ терпѣли много обидъ и убытковъ, для нихъ былъ учрежденъ осо-

бый «приказъ купецкихъ дѣлъ», прообразъ Бурмистерской палаты Петра Великаго. Въ этомъ приказѣ купецкихъ дѣлъ вѣдались всѣ дѣла о торговыхъ людяхъ; приказъ являлся для нихъ въ пограничныхъ городахъ обороной отъ другихъ государствъ, а во всѣхъ городахъ защитой отъ воеводскихъ притѣсненій и злоупотребленій. Кромѣ статей, регулировавшихъ положеніе торгово-промышленнаго класса и поднимавшихъ его благосостояніе, въ новоторговомъ уставѣ проводилось нѣсколько мыслей и общегосударственнаго характера, направлявшихъ всю государственную экономическую политику по новому направленію. Ординъ-Нащокинъ, знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Западной Европѣ, сравнивая съ этимъ положеніемъ положеніе дѣлъ въ Россіи, замѣтилъ, что главный недостатокъ московскаго управленія заключается въ томъ, что вся финансовая политика московскаго правительства была направлена исключительно на эксплоатацію народнаго труда въ интересахъ фиска, «государевой казны», что интересы народа приносились въ жертву фискальнымъ интересамъ. Слѣдствіемъ такого положенія должно было быть паденіе народнаго благосостоянія, скорое истощеніе народныхъ средствъ, а отсюда и постепенное прекращеніе средствъ для дальнѣйшей исторической жизни. Вслѣдствіе этого у Ордина-Нащокина и появились идеи о необходимости поднятія благосостоянія народныхъ массъ въ интересахъ государства: онъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ въ Московскомъ государствѣ. Уже въ своихъ псковскихъ мѣропріятіяхъ Ординъ-Нащокинъ старался о поднятіи благосостоянія торгово-промышленныхъ классовъ. Теперь въ Новоторговомъ уставѣ политико-экономическія взгляды Ордина-Нащокина нашли дальнѣйшее выраженіе. Нащокинъ находился подъ вліяніемъ господствующей тогда на Западѣ меркантильной системы и, согласно требованіямъ ея, покровительствовалъ ввозу въ Россію и сосредоточенію въ ней возможно большого количества иностранной монеты. Для этого онъ завелъ такой порядокъ внѣшней торговли, что западно-европейскіе купцы, дорожившіе русской торговлей не столько изъ за самаго русскаго рынка, сколько изъ-за важнаго положенія Россіи, какъ удобнаго пункта для транзита восточныхъ товаровъ въ Западную Европу и оживленно торговавшіе здѣсь съ персидскими и бухарскими купцами, не могли продолжать эту торговлю. Для нихъ было установлено нѣсколько городовъ на сѣверѣ и западѣ, въ которыхъ они и могли останавливаться и торговать съ русскими купцами, при чемъ розничная торговля имъ была воспрещена: они могли продавать только оптомъ свои товары русскимъ купцамъ, которые уже сами продавали ихъ въ розницу и получали соотвѣтственную прибыль. Восточные купцы (персіяне, индійцы, бухарцы, армяне, кумыки, черкесы) имѣли право торговать только въ Астрахани, а во внутреннихъ городахъ лишь съ уплатой большой пошлины. Точно также греки, молдаване, и валахи торговали въ Путивлѣ. Такимъ образомъ посредниками между востокомъ и западомъ являлись русскіе купцы, получавшіе разумѣется, отсюда довольно значительную прибыль и скоплявшіе въ Россіи значительные запасы звонкой монеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ для облегченія торговли отмѣняетъ цѣлый рядъ мелкихъ пошлинъ (подужное, мыто, десятое, свальное, и пр.) замѣнивъ ихъ опредѣленной платой съ рубля. Для облегченія торговыхъ сношеній съ западной Европой былъ введенъ и переводъ векселей и тогда то и установился впервые заграничный денежный курсъ на Россію.

Таковы были мѣропріятія Ордина-Нащокина для улучшенія матеріальнаго положенія торгово промышленнаго класса и поднятія русской торговли и таковы, по его мнѣнію, были пути для обогащенія народа. Но Ординъ-Нащокинъ работалъ въ преобразовательномъ направленіи и въ другихъ областяхъ государственной жизни. Еще въ 1666 году во время войны по иниціативѣ Ордина-Нащокина была учреждена почта въ двухъ направленіяхъ: въ Курляндію и въ Польшу; по Андрусовскому миру для поддержанія постоянныхъ дипломатическихъ сношеній и для удобства торговли была устроена еженедѣльная почта отъ резиденціи польскаго короля черезъ Мстиславское воеводство и Смоленскъ на Москву. «Это великое государственное соединительное дѣло впредь къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ», писалъ по поводу учрежденія почтъ Нащокинъ царю. Устройство и завѣдываніе почтами Ординъ-На-

щокинъ поручилъ извѣстному въ то время иноземцу Леонтію Марселису. Дипломатическія бумаги перевозились безпошлинно, торговые же люди за пересылку писемъ должны были вносить установленную плату. Но особенно усердно старался Ординъ-Нащокинъ реформировать то дѣло, во главѣ котораго былъ поставленъ. Посольское дѣло было предметомъ особенныхъ его попеченій и на задачи его онъ смотрѣлъ глубоко. «Посольскій приказъ», писалъ онъ царю Алексѣю Михайловичу, есть око всей великой Россіи, какъ для государственной превы сокой чести, вкупѣ и здоровья, такъ промыселъ имѣя со всѣхъ сторонъ и неотступное съ боязнію Божіей попеченіе, разсуждая и всечасно вашему государственному указу предлагая о народѣхъ, въ крѣпости содержати нелестно, а не выжидая только прибылей себѣ. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дѣла устремляти безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства ото всѣхъ краевъ, и то, государь, дѣло одного Посольскаго приказа. Тѣмъ и честь и милость во всѣхъ земляхъ. И иныхъ приказовъ къ посольскому не примѣняютъ. И думные дьяки великихъ и государствен ныхъ дѣлъ съ кружечными дѣлами не мѣшали бы и непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы...». «Надобно, великій государь», писалъ онъ въ другой разъ, «въ царствующемъ градѣ Москвѣ безпорочнымъ людямъ посольскій приказъ, яко зеницу ока, хранить». Русской же дипломатіей въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала при немъ, Ординъ-Нащокинъ не былъ доволенъ: онъ видѣлъ въ ней тѣ же недостатки, какъ и въ прочихъ областяхъ государственнаго управленія: чрезмѣрную опеку центральныхъ учрежденій, не дававшихъ никакой свободы«промышленникамъ» и отучившихъ ихъ отъ всякой самостоятельной дѣятельности, и взяточничество приказныхъ служащихъ. Первый изъ этихъ недостатковъ особенно сказывался на русской дипломатіи; русскіе дипломаты не могли выполнить никакого болѣе или менѣе сложнаго порученія, лишены были самаго необходимаго простора, и Ординъ-Нащокинъ требовалъ такого простора для «промышленниковъ»: «не во всемъ дождидаться государева указа,—вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе», «гдѣ глазъ видитъ и ухо слышитъ, тутъ и надо промыселъ держать неотложно», писалъ онъ въ другой разъ. Настаивалъ Нащокинъ и на выдѣленіи посольскаго дѣла изъ массы мелочныхъ внутреннихъ дѣлъ, какія вѣдались тогда въ Посольскомъ приказѣ: питейныхъ, и таможенныхъ сборовъ, управленія желѣзными заводами и пр. А его стремленіе къ ограниченію взяточничества въ управляемомъ имъ приказѣ привело къ открытому разрыву между нимъ и дьяками посольскаго приказа Голосовымъ, Дохтуровымъ и Юрьевымъ, принесшими своему начальнику много непріятностей: они тормозили тѣ дѣла, которыя онъ велъ, и даже дѣлали попытки дискредитировать его въ глазахъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, «плодя непригожія рѣчи», какъ говорилъ объ этомъ Ординъ-Нащокинъ. Для того чтобы посольскій приказъ былъ въ курсѣ общеевропейской политики, Ординъ-Нащокинъ ввелъ такъ называемые «куранты», которые составлялись переводчиками и толмачами посольскаго приказа на основаніи иностранныхъ газетъ и вѣдомостей, присылавшихся изъ за границы. Посольскій приказъ, благодаря этому, всегда зналъ положеніе дѣлъ въ Западной Европѣ и сообразно тамошнимъ обстоятельствамъ проводилъ и свои дипломатическіе планы. Не оставилъ безъ вниманія Ординъ-Нащокинъ и войско и здѣсь онъ выражалъ свое недовольство современными ему порядками. Главнымъ недостаткомъ здѣсь, какъ и въ посольскомъ дѣлѣ, была слишкомъ малая самостоятельность воеводъ, которые ничего не рѣшались предпринимать безъ указа изъ Москвы, и здѣсь Нащокинъ требовалъ большей свободы дѣйствій, указывалъ на примѣръ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководцемъ, который самъ разсылаетъ приказанія отдѣльнымъ частямъ, а не боится сдѣлать самый незначительный шагъ безъ указа свыше, «нельзя во всемъ дожидаться государева указа», писалъ онъ неоднократно царю. Но за то онъ требовалъ назначенія на отвѣтственные посты въ войскѣ людей опытныхъ и способныхъ, такихъ, которые могли бы чинить «промыслъ», какъ называлась самостоятельная дѣятельность на тогдашнемъ служебномъ языкѣ. «Лучше всякой силы промыслъ; дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ что людей много. И много людей,

да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ. Вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ: у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленника; половину рати продать, да промышленника купить, и то будетъ выгоднѣе». Для того, чтобы сдѣлать войско болѣе подготовленнымъ и подвижнымъ, Ординъ-Нащокинъ предложилъ замѣну прежней дворянской конницы, мало подготовленной къ войнѣ, которую, въ случаѣ опасности, нужно было еще мобилизовать, новыми пѣшими и конными полками изъ «даточныхъ людей», устроить регулярную армію, которая бы составлялась и пополнялась рекрутскими наборами. Ордину-же Нащокину принадлежитъ и первая мысль объ учрежденіи флота въ Россіи. Уже въ бытность свою воеводой въ Ливоніи онъ завелъ флотилію на Западной Двинѣ, но послѣ мира въ Кардисѣ, эта флотилія вмѣстѣ съ Ливоніей была потеряна для русскихъ. Послѣ мира въ Андрусовѣ, мысль о созданіи флота снова ожила и однимъ изъ дѣятельныхъ исполнителей ея явился Ординъ-Нащокинъ. На этотъ разъ рѣшили открыть судоходство на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ; цѣлью устройства здѣсь флота было обезпечить и обезопасить торговыя сношенія съ Востокомъ, для которыхъ русскіе купцы пользовались водными путями бассейна Волги, но которые находились постоянно въ опасности отъ грабежой шаекъ бѣглыхъ людей, донскихъ казаковъ и всякой голытьбы. Постройка кораблей велась на Окѣ въ селѣ Дѣдиновѣ, Коломенскаго уѣзда, а завѣдываніе корабельнымъ дѣломъ было возложено на Ордина-Нащокина. Въ сентябрѣ 1668 года были готовы: корабль, названный «Орломъ», двѣ шлюпы и ботъ, которые въ маѣ 1669 года и были спущены въ Нижнемъ Новгородѣ. Къ сожалѣнію и эта попытка окончилась неудачей: въ 1670 году Стенька Разинъ, появившись подъ Астраханью, гдѣ тогда стоялъ «Орелъ», приказалъ сжечь корабль. Кораблестроительной дѣятельности Алексѣя Михайловича, несмотря на ея скромные размѣры, придавалось однако очень большое значеніе и въ эпоху Петра Великаго, который съ большой похвалой отзывался о начинаніяхъ своего отца на этомъ поприщѣ. Такова была преобразовательная дѣятельность Ордина-Нащокина. Многое изъ того, что онъ начиналъ погибло, и заглохло, многое осталось въ проэктахъ, но всѣ его начинанія и проэкты были жизненны и необходимы: черезъ 50 лѣтъ въ эпоху Петра Великаго эти начинанія и мысли получили надлежащую оцѣнку и великій преобразователь, какъ бы слѣдуя планамъ своего предшественника, выполнилъ всѣ его предначертанія и всѣ его проэкты.

Дипломатическая дѣятельность Ордина-Нащокина продолжалась и послѣ 1667 г. въ томъ же направленіи какъ и до Андрусовскаго договора. Онъ попрежнему стремился къ заключенію прочнаго мира и союза съ Польшей, чтобы потомъ направить общія усилія Польши и Россіи противъ шведовъ для завоеванія, необходимыхъ по его мнѣнію Россіи Балтійскихъ береговъ. Но теперь на немъ, какъ на начальникѣ посольскаго приказа, лежала уже вся внѣшняя политика Московскаго государства, не только сношенія съ Польшей и Швеціей но и пересылки съ другими западно-европейскими державами и съ цѣлымъ рядомъ восточныхъ народовъ и государствъ. Здѣсь, впрочемъ, дипломатическія сношенія обусловливались главнымъ образомъ соблюденіемъ торговыхъ интересовъ Россіи. Учреждая по Новоторговому Уставу новый порядокъ торговли съ иностранцами на болѣе выгодныхъ для русскихъ купцовъ условіяхъ, Ординъ-Нащокинъ въ то же время старался развить эти торговыя сношенія, распространить свою торговую политику на новые, еще не участвовавшіе въ торговлѣ съ Россіей народы. На западъ съ этой цѣлью отправлялось нѣсколько посольствъ: въ 1667 г. отправился въ Испанію и Францію одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ и помощниковъ Ордина-Нащокина—стольникъ П. И. Потемкинъ, извѣстный, какъ носитель западническихъ идей въ русской жизни, въ 1668 году въ Венецію ѣздилъ торговый иноземецъ Кельдерманъ съ грамотами; но главныя торговыя сношенія происходили съ Голандіей и съ Англіей. Поддерживая сношенія съ обоими этими государствами Ординъ-Нащокинъ тѣмъ не менѣе преимущественно покровительствовалъ англичанамъ, давалъ имъ нѣкоторыя льготы и преимущества. Англичанинъ Коллинсъ объясняетъ это тѣмъ, что Нащокинъ — «обожатель государей», но вѣроятно, у «посольскихъ дѣлъ оберегателя» были и другіе мотивы, которыми

онъ руководился, покровительствуя англійскимъ купцамъ. Повидимому, онъ сознавалъ преимущество англичанъ въ торговомъ отношеніи, предугадывалъ, что соперничество ихъ съ голландцами кончится не въ пользу послѣднихъ. Впрочемъ, его симпатіи къ англичанамъ въ значительной мѣрѣ, можетъ быть, и чуждыя всякимъ расчетамъ, не увлекали его очень далеко и когда англичане начали ходатайствовать о возвращеніи имъ тѣхъ привилегій, которыми они пользовались въ царствованіе Іоанна Грозного, Ординъ-Нащокинъ, однимъ изъ первыхъ возсталъ противъ такого нарушенія русскихъ государственныхъ интересовъ. Въ 1668 году самъ Ординъ-Нащокинъ ѣздилъ въ Митаву заключать торговые договоры съ Пруссіей и Швеціей. Въ тѣхъ же интересахъ расширенія русской торговли развивались сношенія и съ восточными торговыми народами. Въ маѣ 1667 года Ординъ-Нащокинъ заключилъ торговый договоръ съ армянской персидской компаніей, ведшей обширную торговлю шелкомъ, Договоръ кромѣ громадныхъ таможенныхъ доходовъ (по 5 коп. съ рубля въ Астрахани, а во внутреннихъ городахъ еще больше) долженъ былъ значительно усилить наплывъ иностранныхъ купцовъ и иностранныхъ капиталовъ въ Россію. Впрочемъ волненія на Волгѣ вслѣдствіе бунта Разина сразу же повредили дѣламъ компаніи и казна не получила ожидаемыхъ выгодъ. Старался Ординъ-Нащокинъ и обезопасить и укрѣпить торговыя сношенія съ бухарскими, хивинскими и балхинскими купцами, приготовилъ съ тѣми же цѣлями посольство къ отправленію въ Индію и задумывалъ завести торговыя сношенія съ Китаемъ. Однако всѣ эти заботы были дѣломъ второстепеннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что тогда болѣе всего занимало Ордина-Нащокина: съ сношеніями съ Польшею и съ малороссійскимъ вопросомъ, при разрѣшеніи котораго у Ордина-Нащокина возникли и разногласія съ царемъ, кончившіяся отставкой знаменитаго московскаго дипломата. Уже въ 1667 году, по возвращеніи въ Москву, послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія Ординъ-Нащокинъ выслушалъ замѣчаніе царя Алексѣя о необходимости удержать за Москвой Кіевъ и послѣ двухлѣтняго назначеннаго договоромъ срока, и понялъ, что удержаніе Кіева—единственное средство удовлетворить желаніе царя Алексѣя, относившагося къ этому городу съ особымъ благоговѣніемъ, послѣ чего только и можно приступить къ дѣлу созданія коалиціи противъ Шведовъ, что было его главной цѣлью. И въ концѣ 1667 года, когда для подтвержденія Андрусовскаго договора явились въ Москву польскіе коммисары, онъ сдѣлалъ уже попытку удержать Кіевъ. Польскіе послы съ Ординымъ-Нащокинымъ разрѣшали тогда два вопроса: о вознагражденіи польской шляхты пострадавшей отъ перехода лѣвобережной Малороссіи къ Москвѣ, и о союзѣ между Россіей и Польшей противъ Турціи и Крыма. Первый вопросъ былъ легко разрѣшенъ тѣмъ, что царь пожаловалъ шляхтѣ 1.000,000 польскихъ злотыхъ, при обсужденіи же второго вопроса, послѣ того, какъ постановили, что царь будетъ посылать опредѣленные отряды на помощь полякамъ, Ординъ-Нащокинъ и предложилъ помѣстить это войско въ Кіевѣ подъ предлогомъ близости этого города нъ Крыму и такимъ образомъ удержать Кіевъ за Москвой. Польскіе коммиссары однако отказались даже разсуждать объ этомъ. Между тѣмъ узнали объ условіяхъ Андрусовскаго договора и въ Малороссіи и здѣсь остались крайне недовольны возможностью возвращенія Кіева полякамъ. Къ этому недовольству присоединилось еще и неудовольствіе по поводу назначенія Ордина-Нащокина, извѣстнаго еще ранѣе, какъ врага казаковъ и противника ихъ принятія въ русское подданство, начальникомъ Малороссійскаго приказа, который Нащокинъ получилъ въ управленіе вмѣстѣ съ Посольскимъ. Но уже настоящее волненіе вызвали въ Малороссіи дальнѣйшія мѣропріятія новаго начальника Малороссійскаго приказа, которыми онъ думалъ въ угоду царю удержать за Россіей Кіевъ. Ординъ-Нащокинъ задумалъ устроить въ западной Малороссіи смуту, которая бы не дала возможности Польшѣ принять во время Кіева, и Кіевъ такимъ образомъ и остался бы въ рукахъ русскаго правительства. Для этого онъ послалъ въ Малороссію одного изъ своихъ сотрудниковъ В. М. Тяпкина, который долженъ былъ подговаривать гетмана правобережной Малороссіи Дорошенку отдѣлиться отъ Польши и подчиниться Москвѣ; но Дорошенко совсѣмъ не думалъ о подчиненіи кому-либо, а имѣлъ въ виду, не подчиняясь Россіи объ-

единить подъ своей властью обѣ половины Малороссіи и для этого началъ волновать и лѣвобережную Малороссію, въ которой и безъ того возникло неудовольствіе политикой Ордина-Нащокина. Гетманъ лѣвобережной Малороссіи Брюховецкій, узнавшій о сношеніяхъ «посольскихъ дѣлъ оберегателя» съ Дорошенкой и взволнованный правобережнымъ гетманомъ, увѣрившимъ его, что Нащокинъ предлагалъ ему, Дорошенкѣ, гетманство и на лѣвомъ берегу Днѣпра, былъ къ тому же очень смущенъ навѣтами епископа Мстиславскаго Меѳодія, бывшаго ранѣе московскимъ правительственнымъ агентомъ въ Малороссіи и недовольнаго на Нащокина за холодное отношеніе и удаленіе отъ дѣлъ. Къ этому присоединились слухи, будто царь, собиравшійся въ это время ѣхать въ Кіевъ на богомолье, идетъ съ войскомъ противъ Малороссіи и собирается истребить всѣхъ казаковъ, а впереди себя посылаетъ Нащокина съ ратными людьми. Какъ и полагалъ Ординъ-Нащокинъ, возникли волненія въ правобережной Малороссіи, предлогъ для продолженія оккупаціи Кіева московскими войсками былъ найденъ, и Кіевъ дѣйствительно удалось удержать за Россіей на неопредѣленное время, но поднялся и на лѣвобережной Малороссіи сперва ропотъ, а потомъ и бунтъ, во главѣ котораго сталъ Брюховецкій. Бунтъ этотъ, впрочемъ, былъ скоро усмиренъ московскими войсками, въ Москву было послано посольство съ просьбой о прощеніи, сама Малороссія умиротворена на Глуховской радѣ, но теперь Московское правительство ясно увидѣло, какъ непопуляренъ былъ въ Малороссіи начальникъ Малороссійскаго приказа и въ началѣ 1669 года Ординъ-Нащокинъ былъ устраненъ отъ управленія этимъ приказомъ, гдѣ теперь былъ «посаженъ» недавно выдвинувшійся дѣлецъ, А. С. Матвѣевъ, державшійся совершенно иной политики и видѣвшій въ Малороссійскомъ вопросѣ не помѣху для иныхъ цѣлей, которую нужно устранить, какъ это было у Ордина-Нащокина, а главную цѣль всей русской политики. Съ этимъ взглядомъ, все болѣе и болѣе приходившимся по вкусу и царю Алексѣю Михайловичу, которому къ тому же надоѣла опека требовательнаго и часто строптиваго Ордина-Нащокина, приходилось считаться и «посольскихъ дѣлъ оберегателю», который все же завѣдуя всей внѣшней политикой Московскаго государства, не могъ не касаться и такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о Кіевѣ поставленный на первую очередь царемъ Алексѣемъ. Приходилось вести объ этомъ переговоры съ Польшей, что было очень трудно, въ виду еще недавно заключеннаго Андрусовскаго перемирія, съ статьями котораго шло прямо въ разрѣзъ требованіе о сохраненіи Кіева за Москвой на вѣчныя времена, какъ этого хотѣлъ царь Алексѣй. Къ тому же и самое веденіе дѣла по вопросу о Малороссіи, безъ права дѣлать нужныя распоряженія въ ней было весьма затруднительно. Въ 1668 году должны были происходить посольскіе съѣзды въ Курляндіи, куда должны были явиться и шведскіе послы для разрѣшенія нѣкоторыхъ жалобъ и спорныхъ вопросовъ. Но Ординъ-Нащокинъ напрасно прожилъ въ Курляндіи цѣлое лѣто: туда не явились ни польскіе, ни шведскіе уполномоченные. Швеція письменно выяснила свои неудовольствія прямо передъ царемъ, а въ Польшѣ въ это время отрекся отъ престола Янъ-Казиміръ и начались выборы новаго короля. Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ былъ выставленъ и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Его выбора очень хотѣлось и самому царю. Ордину-Нащокину было предписано ѣхать на избирательный сеймъ въ качествѣ представителя царевича, но Нащокинъ понималъ, какъ много бы проиграла Россія, если-бы даже царевичъ и былъ избранъ. Кромѣ того онъ очень хорошо зналъ избирателей, продажную польскую шляхту, у которой можно было лишь купить корону золотомъ и, несмотря на троекратныя приказанія изъ Москвы, не поѣхалъ на сеймъ. «Нѣтъ никакой нужды ѣхать на сеймъ; вѣчнаго мира тамъ не заключить, царевича въ короли не выберутъ, а только прежнему договору порухи будетъ. Вдаваться въ избраніе страшно и мыслить: сколько изъ Великой Россіи королевству Польскому надобно будетъ дать! Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Корону польскую перекупять, какъ товаръ, drugie».

Для съѣзда же съ польскими коммиссарами было назначено опять Андрусово, куда 13 марта 1669 года и былъ отправленъ Ординъ - Нащокинъ, назначенный русскимъ уполномоченнымъ на этомъ съѣздѣ. Удержаніе Кіева было главной

задачей «посольскихъ дѣлъ оберегателя» на этихъ съѣздахъ и «оберегатель» нашелъ уже и путь къ «одержанію» Кіева. По его мнѣнію, для этого было необходимо чтобы малороссійское духовенство возбудило бы ходатайство о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, благодаря чему Ординъ-Нащокинъ могъ бы на предстоящемъ посольскомъ съѣздѣ говорить о нежеланіи уже не Москвы, но самихъ жителей Малороссіи возвратить Кіевъ полякамъ. Въ этомъ смыслѣ и былъ имъ составленъ докладъ еще передъ отъѣздомъ его изъ Москвы; царь Алексѣй Михайловичъ отнесся къ нему съ полнымъ вниманіемъ, но сношенія, которыя были завязаны по этому поводу московскимъ правительствомъ съ малороссійскимъ духовенствомъ показали полное нежеланіе духовенства подчиниться московскому патріарху и дѣло было оставлено, но Ординъ - Нащокинъ, бывшій уже въ Андрусовѣ, не былъ извѣщенъ о неудачѣ этихъ переговоровъ и, недоумѣвая о причинахъ неисполненія своихъ предначертаній, послалъ въ Москву нѣсколько докладовъ, въ которыхъ просилъ дать ходъ его проэкту. Въ то же время онъ уже самостоятельно завязалъ сношенія съ Малороссійскимъ духовенствомъ, склоняя его на подчиненіе московскому патріарху, и кіевское духовенство, высказавшееся отрицательно по этому вопросу передъ московскимъ правительствомъ, отвѣчало Ордину-Нащокину въ очень благопріятномъ смыслѣ. Особенно старался поддержать хорошія отношенія съ Ординымъ-Нащокинымъ непризнанный московскимъ правительствомъ митрополитъ Іосифъ Тукальскій, жившій при гетманѣ Дорошенкѣ и надѣявшійся при помощи Нащокина возвратиться въ Кіевъ и быть признаннымъ на митрополіи и московскимъ правительствомъ. Въ Москвѣ между тѣмъ въ это время, уже окончательно убѣдились въ неисполнимости плана Ордина-Нащокина, и, не обращая вниманія на Андрусовскій договоръ, подняли, благодаря вліянію новаго начальника малороссійскаго приказа Матвѣева, вопросъ о подчиненіи Москвѣ и западной половины Малороссіи, гетманъ которой Дорошенко просилъ о принятіи его «подъ высокую государскую руку». Такимъ образомъ въ то время какъ въ Андрусовѣ Ординъ - Нащокинъ хлопоталъ еще о подчиненіи кіевской митрополіи, въ Москвѣ начаты были совсѣмъ другія предпріятія, а самаго Нащокина даже не извѣщали объ этомъ. Это объясняется цѣлымъ рядомъ интригъ, которыя были направлены противъ него со стороны его московскихъ враговъ, которыхъ у него было очень много. Къ числу этихъ враговъ принадлежали прежде всего дьяки посольскаго приказа, ненавидѣвшіе своего начальника, въ высшей степени требовательнаго и взыскательнаго, старавшагося прекратить ихъ злоупотребленія и ограничивавшаго ихъ самоволіе, къ которому они привыкли когда во главѣ его, какъ это было до Нащокина, не стояло лица боярскаго званія, облеченнаго довѣріемъ государя. Дьяки очень усердно тормозили всѣ начинанія и проэкты своего начальника, старались представить его дѣйствія въ худомъ свѣтѣ передъ царемъ и были поддержаны въ своихъ стремленіяхъ другими, болѣе значительными недоброжелателями Нащокина. Съ одной стороны не остались безъ вліянія здѣсь шведы, видѣвшіе въ Ординѣ-Нащокинѣ своего злѣйшаго врага и старавшіеся вредить ему при дворѣ черезъ своего резидента въ Москвѣ, съ другой стороны представители боярскаго сословія не любили Ордина-Нащокина, старались уменьшить его вліяніе на царя, если возможно, даже удалить его отъ управленія, гдѣ онъ слишкомъ мѣшалъ имъ, часто раскрывая передъ царемъ ихъ злоупотребленія и недостатки. Ординъ-Нащокинъ зналъ это и писалъ царю: «Думнымъ людямъ никому ненадобенъ я, ненадобны такія великія государственныя дѣла! откинуть меня, чтобы не разорилось мною государственное дѣло! Какъ въ Московскомъ царствѣ искони, такъ и во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди ближней думы, во всемъ освидѣтельствованные разумомъ и правдою. А я холопъ твой, всего пустъ и вся дни службы своей плачусь о своемъ недостоинствѣ. У такого дѣла пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыслъ имѣютъ и жить умѣютъ и посольскій приказъ ни отъ кого обруганъ не будетъ»... Были у Ордина-Нащокина и личные враги, боявшіеся суроваго «оберегателя» и тайно строившіе ему козни. Такими были между прочимъ близкіе къ царю бояре Б. М. Хитрово и И. Д. Милославскій. А. С. Мат-

вѣевъ также являлся врагомъ Ордина-Нащокина, тѣмъ болѣе сильнымъ, что его вражда была чисто принципіальная и что его взгляды на внѣшнюю политику, не сходившіеся съ взглядами Ордина-Нащокина, раздѣлялись и царемъ Алексѣемъ, съ которымъ къ тому же его скоро стали связывать и родственныя узы. Всѣ эти враги во время частыхъ отлучекъ Ордина-Нащокина, проводившаго большую часть своей жизни на посольскихъ съѣздахъ, старались чернить «посольскихъ дѣлъ оберегателя» въ глазахъ мягкаго и податливаго всякому вліянію царя, которому къ тому же и надоѣла опека Аѳанасія Лаврентьевича, навязывавшаго и заставлявшаго выполнять свои идеи, часто несогласные съ идеями царя. Все это привело къ охлажденію царя. Алексѣй Михайловичъ уже не сталъ такъ «оборонять» Нащокина, какъ это онъ дѣлалъ раньше и началъ убѣждаться даже въ томъ, что его служба и «радѣніе» часто бываютъ излишни и вредны. Это нерасположеніе къ Нащокину въ Москвѣ сказалось и во время переговоровъ объ удержаніи Кіева. Ордина-Нащокина никто не извѣщалъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ въ Москвѣ и вслѣдствіе этого дѣло, которое велъ «посольскихъ дѣлъ оберегатель» прямо противорѣчило съ тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Вмѣсто всякихъ извѣстій о дѣлахъ къ нему вдругъ пришелъ запросъ, противно ли будетъ Андрусовскому договору подчиненіе правобережной малоросіи Москвѣ. Ординъ-Нащокинъ, крайне дорожившій договоромъ, достигнутымъ съ такимъ трудомъ, отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ, но въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, что вызвало новое неудовольствіе въ Москвѣ. Между тѣмъ, 23 сентября прибыли на мѣсто съѣзда запоздавшіе польскіе послы; подчинять Кіевскую митрополію московскому патріарху черезъ посредство московскихъ приказовъ было поздно, и Ординъ-Нащокинъ задумалъ устроить это присоединеніе черезъ самихъ же польскихъ пословъ. На начавшихся 25 сентября въ Мигновичахъ близъ Андрусова съѣздахъ онъ предложилъ пригласить на съѣзды депутацію отъ Малороссіи, которая бы выяснила, какъ можно усмирить шатость среди малороссійскихъ людей и отвратить ихъ отъ подчиненія турецкому султану, которому недавно еще подчинился гетманъ Дорошенко. Ординъ-Нащокинъ расчитывалъ, что его сношенія съ малороссійскимъ духовенствомъ принесли свою пользу и что малороссы, призванные на съѣздъ, заявятъ о своемъ желаніи подчинить кіевскую митрополію московскому патріарху. Польскіе коммиссары согласились на это, и было рѣшено послать воззванія отъ русскихъ и отъ польскихъ пословъ. При этомъ поляки написали въ своемъ воззваніи, что король «всѣмъ казакамъ, по обѣ стороны Днѣпра будучимъ всѣ вины процастъ» и разрѣшаетъ прислать депутацію съ «послушенствомъ и всѣ ихъ челобитья исполнить». Такое воззванье, распространенное при томъ крайне неумѣло и неправильно истолкованное посланнымъ для этого, состоявшимъ при русскомъ посольствѣ Ѳаддеемъ Крыжевскимъ вызвало недоумѣнье въ русской Малороссіи, жители которой заключили изъ этого воззванія, что восточная Молороссія уступается обратно Польшѣ. Начались новыя волненія, которыя едва удалось успокоить милостивыми царскими грамотами изъ Москвы. Это послужило новой причиной неудовольствія противъ Нащокина и ему было предписано не сноситься больше съ Малороссіей и не заключать новыхъ договоровъ, а ограничиться подтвержденіемъ Андрусовскихъ статей. Это было не такъ трудно, и 7-го марта 1670 года переговоры закончились. Было постановлено, чтобы Андрусовскій договоръ былъ подтвержденъ во всѣхъ статьяхъ, запятыхъ и точкахъ, также какъ и постановленіе о союзѣ противъ бусурманъ. Въ концѣ года должны были отправиться русскіе послы въ Польшу, а польскіе въ Москву для подтвержденія договора и для исполненія еще неисполненныхъ статей его. Достигъ Ординъ-Нащокинъ и крупнаго успѣха: отдача Кіева была отсрочена польскими коммиссарами на неопредѣленное время и «посольскихъ дѣлъ оберегатель» совершенно справедливо, какъ оказалось впослѣдствіи, полагалъ, что этимъ «Кіевъ с Украйною прикрѣплены къ Московскому государству вѣчно». Въ Москвѣ, однако въ это время, думали уже о подданствѣ западной Малороссіи, и государю, повидимому, доложили, что московскому государству новый договоръ «ненадобенъ». Ординъ-Нащокинъ едва не подвергся опалѣ, но благодаря своей настойчивости успѣлъ убѣдить государя въ своей невинности, службѣ и радѣніи. Царь примирился с

бывшимъ своимъ любимцемъ и даже смѣнилъ его враговъ, ненавистныхъ ему дьяковъ посольскаго приказа, но тѣмъ не менѣе положеніе Ордина-Нащокина уже пошатнулось, и паденіе его было лишь вопросомъ времени. Впрочемъ, ему удалось заключить еще одинъ очень важный договоръ: 27 апрѣля онъ заключилъ съ послами крымскаго хана Адиль-Гирея мирный и союзный трактатъ, обусловливавшій прекращеніе крымскихъ набѣговъ на русскія украйны и возвращеніе плѣнниковъ, въ числѣ ихъ особенно дорогого царю Алексѣю Михайловичу В. Б. Шереметева.

Между тѣмъ, приближалось время исполненія договора 7-го марта: нужно было послать русское посольство въ Варшаву для подтвержденія новымъ польскимъ королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ Андрусовскаго договора, и польскій посланникъ спрашивалъ, кто изъ Москвы будетъ назначенъ великимъ и полномочнымъ посломъ въ Варшаву. Царь Алексѣй и на этотъ разъ назначилъ Ордина-Нащокина, но вмѣстѣ съ тѣмъ Нащокинъ былъ уволенъ отъ управленія посольскимъ приказомъ, причемъ былъ лишенъ и почетнаго званія «царскіе большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», что ясно показывало немилость къ нему царя. Мѣсто его 22 февраля 1671 года занялъ его политическій соперникъ А. С. Матвѣевъ, которому и было поручено изготовленіе наказа для Нащокина; самъ же Нащокинъ при этомъ какъ бы для того, чтобы загладить обиду, нанесенную ему, былъ пожалованъ въ ближніе бояре. Новый ближній бояринъ подалъ государю обширный докладъ о цѣляхъ посольства и о средствахъ къ ихъ осуществленію. Цѣлью было, конечно, «одержаніе Кіева» и Нащокинъ требовалъ для этого цѣлаго ряда полномочій: права брать изъ посольскаго приказа всѣ нужныя «государственныя дѣла», права сноситься «безъ обсылки» съ Москвой, съ императоромъ и турецкимъ султаномъ, права въ случаѣ надобности устроить съѣздъ и въ Малороссіи. Въ докладѣ снова заключался намекъ на возможность отдачи полякамъ Кіева, подъ условіемъ предоставленія Московскому государю права заботиться о неприкосновенности православія въ Польшѣ. Въ этомъ правѣ онъ видѣлъ право постоянно вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой, а благодаря этому послѣднему праву, по его мнѣнію, со временемъ можно было пріобрѣсти не только Кіевъ, но и всю западную Малороссію; докладъ этотъ еще разъ выказалъ удивительную политическую прозорливость Ордина - Нащокина; но въ то время онъ не могъ нравиться царю и его новому вліятельному совѣтнику. Скоро новый начальникъ посольскаго приказа А. С. Матвѣевъ составилъ наказъ для Ордина-Нащокина: посольству были даны очень большія средства, свита великому послу была дана пышная, но свободы для «промысла» ему не давалось. Въ наказѣ подчеркивалось запрещеніе всего того, о чемъ писалъ Ординъ-Нащокинъ въ своемъ докладѣ. Его политическіе взгляды, вся его политика подверглась рѣзкому осужденію, онъ ставился въ узкія рамки наказа, изъ которыхъ не имѣлъ права выходить, ставился именно въ то положеніе «промышленника», который не могъ «промыслъ чинить», не «дожидаясь государева указа» противъ котораго самъ такъ ратовалъ впродолженіе всей своей прежней дѣятельности. Разумѣется, Ордину - Нащокину оставалось только заявить, что ему «въ той посольской службѣ быть невозможно» и онъ былъ по болѣзни отставленъ отъ посольства. Московская политика совершенно разошлась съ взглядами Нащокина, стала явно противорѣчить статьямъ Андрусовскаго договора, который Аѳанасій Лаврентьевичъ ставилъ въ основу своей польской и малороссійской политики. Ордину-Нащокину оставалось только уйти отъ государственныхъ дѣлъ и 2-го декабря 1671 года великаго московскаго дипломата и «промышленника» «царь Помазанникъ Божій отъ руки своея государскія при всемъ своемъ сигклитѣ милостиво отпустилъ и отъ всея мірскія суеты свободилъ явно». Ординъ-Нащокинъ ушелъ въ «пустынь Крыпецкую Св. Евангелиста и Богослова Іоанна и преподобнаго Саввы», монастырь, находившійся около родного ему Пскова, и 21 февраля 1672 года «той святой обители игуменъ Тарасій» постригъ его въ монахи подъ именемъ Антонія. Новый инокъ Антоній, удалившись отъ дѣлъ мірскихъ занялся дѣлами благотворенія: устроилъ въ Псковѣ богадѣльню, на которую и тратилъ доходы съ своей Порѣцкой волости, призиралъ сирыхъ и убогихъ, кормилъ и поилъ бѣдныхъ со всего округа. Царь Алексѣй Михай-

ловичъ и Θедоръ Алексѣевичъ и послѣ пострнженія поддерживали съ нимъ сношенія по дѣламъ политическимъ. Въ 1679 г. онъ даже былъ вызванъ въ Москву, гдѣ въ послѣдній разъ выступилъ въ посольскомъ съѣздѣ съ польскими послами: дѣло шло о продленіи срока Андрусовскаго перемирія, которое было продолжено еще на 13 лѣтъ, но теперь инокъ Антоній былъ уже далекъ отъ мірской суеты: послѣ переговоровъ онъ снова вернулся въ свой монастырь, гдѣ въ 1680 году и умеръ. Бумаги его были взяты специально посланными чиновниками и отвезены въ Москву, въ посольскій приказъ. Впослѣдствіи его бюстъ былъ поставленъ на фронтонѣ Московской оружейной палаты. До насъ дошелъ и портретъ его, написанный рукою неизвѣстнаго художника. Онъ находится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, куда былъ пожертвованъ П. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.

Ординъ-Нащокинъ представлялъ собою замѣчательно рѣдкое явленіе въ русской исторіи: это былъ въ полномъ смыслѣ слова государственный человѣкъ со всѣми тѣми свойствами, какія мы привыкли придавать этому выраженію, съ развитымъ, чрезвычайно острымъ умомъ, съ умѣньемъ наблюдать, понимать и направлять общественныя движенія съ совершенно самостоятельнымъ взглядомъ на вопросы времени, съ строго выработанной программой дѣятельности. Ему недоставало только одного: простора для дѣятельности, и онъ впродолженіе всей своей жизни боролся съ этимъ и, не осиливъ, не добившись этого простора, долженъ былъ уйти. Чрезвычайно умный, съ хорошей теоретической и практической подготовкой, онъ могъ сдѣлать и дѣлалъ очень много; внимательно наблюдая за западомъ и сравнивая его порядки съ родной дѣйствительностью, онъ увидѣлъ несовершенства этой дѣйствительности и сталъ старательно работать надъ ихъ исправленіемъ. Хорошій ораторъ, съ большимъ умѣніемъ «слагательно», хотя иногда и нѣсколько темно писать, умѣвшій ловко пользоваться обстоятельствами и выводить изъ нихъ очень своеобразныя и неожиданныя политическія комбинаціи, но въ то же время очень вдумчивый и осторожный, онъ былъ идеальнымъ дипломатомъ. Дипломатія не мѣшала ему быть и человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ. Онъ не останавливался передъ возможностью нажить опаснаго врага, если видѣлъ не добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, готовъ былъ стоять за правду, какъ передъ царемъ, такъ и передъ каждымъ изъ его подданныхъ. Прямой до рѣзкости, онъ нажилъ себѣ много непріятелей, задѣлъ много самолюбій и долженъ былъ держаться за царя, который являлся его единственнымъ заступникомъ. Онъ выработалъ себѣ даже извѣстный modus vivendi съ царемъ: постоянно прикрывался передъ царемъ, не любившимъ заносчивости, скромностью и самоуничиженіемъ, хулилъ свою «службишку», называлъ себя «облихованнымъ и ненавидимымъ человѣченкомъ, не имѣющимъ, гдѣ преклонить свою грѣшную голову», жаловался на обиды сильныхъ людей, на свою несчастную судьбу. Этимъ онъ находилъ путь къ кроткому сердцу «тишайшаго» царя, который начиналъ въ такихъ случаяхъ «обнадеживать своего вѣрнаго слугу», говорилъ ему, что «служба его забвена николи не будетъ», и дѣйствительно не давалъ его въ обиду многочисленнымъ врагамъ. Но въ нужныхъ случаяхъ Ординъ-Нащокинъ умѣлъ быть и твердымъ и непреклоннымъ, и здѣсь онъ таки очень искусно дѣйствовалъ на мягкую натуру царя. Къ подчиненнымъ и малымъ людямъ Ординъ-Нащокинъ, самъ вышедшій изъ маленькихъ людей былъ очень ласковъ и всегда старался покровительствовать имъ. Доброта его была засвидѣтельствована самимъ царемъ, который лучше чѣмъ кто-нибудь другой способенъ былъ оцѣнить ее въ своемъ сотрудникѣ. Въ грамотѣ на думное дворянство царь «похваляетъ» его за то, что онъ «алчныхъ кормитъ, жадныхъ поитъ, нагихъ одѣваетъ, странныхъ въ кровы вводитъ, больныхъ посѣщаетъ».

Какъ культурная личность, Ординъ-Нащокинъ выросъ подъ вліяніемъ Пскова. Въ Псковѣ, недалеко отъ границы, уже давно создалась культурная среда, находившаяся подъ вліяніемъ Запада. Отсюда шли въ Россію всякія культурныя новшества, отсюда шли новыя идеи, новые взгляды. Отсюда шла когда-то ересь жидовствующихъ, здѣсь появлялись такія личности, какъ гость Θедоръ Емельяновъ, отсюда шли новыя вѣянія въ искусствѣ, «фряжское» письмо въ живописи, отсюда же шли и «демественные» напѣвы московской церковной музыки. Въ Псковѣ мы

раньше чѣмъ въ другихъ городахъ встрѣчаемъ мѣры противъ бритья бородъ, въ Псковѣ, наконецъ, возможно было бѣдному дворянину выучиться разнымъ европейскимъ наукамъ, узнать «нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе нравы». Разумѣется, Псковъ не былъ самостоятеленъ, какъ культурный центръ: культура его была заимствованной изъ другого, болѣе самостоятельнаго источника шла повидимому, непосредственно съ запада прямо «отъ нѣмцевъ», по преимуществу же изъ протестанской Германіи, и здѣсь Псковъ оказался прямо противоположнымъ Кіеву, гдѣ вся культура явилась черезъ посредство Польши съ ея католическо-реакціоннымъ направленіемъ, ея іезуитами, и іезуитскими коллегіями и схоластикой. Ординъ-Нащокинъ, какъ вышедшій изъ этой псковской среды, разумѣется, сразу же занялъ совершенно обособленное положеніе среди кружковъ московскаго общества. Въ это время въ московскомъ обществѣ мы замѣчаемъ нѣсколько культурныхъ теченій. Съ одной стороны сильна была партія тѣхъ русскихъ людей, которые послѣ паденія Византіи и Флорентійской уніи восприняли теоріи о третьемъ Римѣ, о непогрѣшимости русской церкви, о духовномъ главенствѣ русскаго народа надъ всѣми другими народами, нашедшая себѣ вожаковъ сперва въ лицѣ Іосифа Волоцкаго и іерарховъ церкви, вышедшихъ изъ Волоколамскаго монастыря, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ лицѣ кружка московскихъ духовныхъ лицъ подъ главенствомъ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, эта партія національзировала русскую церковь, сдѣлала ея взгляды, ея мнѣнія, даже ея обряды непогрѣшимыми, не подлежащими сомнѣнію. Внѣ ея спастись по мнѣнію ея приверженцевъ было нельзя. Но эта партія, консервативная по преимуществу, во время дѣятельности Ордина-Нащокина была осуждена на соборѣ 1666 года. Была однако и другая партія, видѣвшая крупные недостатки въ томъ духовномъ сокровищѣ, которое такъ берегли приверженцы старины, видѣвшая необходимость реформировать русскую какъ духовную, такъ и общественную жизнь. И одни изъ нихъ пошли назадъ, на востокъ, туда, откуда мы получили первоначально свою культуру; другія же обернулись на западъ и начали здѣсь искать новыхъ устоевъ жизни, которыми можно было бы замѣнить старые, гнилые. Но и западники раздѣлились: одни пошли въ Кіевъ и Польшу и отсюда стали черпать начало польско-латинской культуры черезъ посредство Кіева и Малорусскихъ ученыхъ, другіе же проникли прямо на западъ «къ нѣмцамъ» и стали знакомиться съ западной культурой непосредственно. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Ординъ-Нащокинъ. Въ Москвѣ, повидимому, вокругъ него создался кружокъ его направленія, занявшій самостоятельное положеніе между кружками другихъ направленій. Сынъ Ордина-Нащокина, Воинъ (см. ниже) былъ крайнимъ выраженіемъ взглядовъ этого кружка.

Вліяніе той среды, которую создалъ Ординъ-Нащокинъ, начало сказываться въ разныхъ слояхъ общества. Появляются книги, переведенныя съ западно-европейскихъ языковъ о предметахъ, переносившихъ русскихъ людей въ область совершенно чуждыхъ имъ доселѣ понятій и идей, появляются предметы роскоши, органы, зеркала, мебель, наконецъ измѣняется даже отчасти бытъ русскихъ людей, сказалось оно, и при дворѣ: здѣсь начались перемѣны на западно-европейскій ладъ — царевичъ Алексѣй учится по латыни и по нѣмецки, и польскіе послы прямо приписываютъ это вліянію Ордина-Нащокина. Исполняются тѣмъ же Ординымъ-Нащокинымъ разныя царскія порученія о покупкѣ съ запада разныхъ предметовъ дворцоваго обихода на новый, западно-европейскій ладъ. Дѣлаются, какъ указано ранѣе, попытки и реорганизаціи государственнаго и общественнаго строя. Ординъ-Нащокинъ при своемъ громадномъ вліяніи на царя успѣшно указывалъ ему на множество отдѣльныхъ случаевъ крупныхъ неурядицъ и безпорядковъ, доказывавшихъ необходимость болѣе рѣшительныхъ и важныхъ реформъ. Царь Алексѣй, долженъ былъ получить понятіе о негодности существующаго строя, и, будь онъ рѣшительнѣе, долженъ былъ начать коренную переработку существующаго. Но мягкій нерѣшительный царь не могъ отважиться на ломку, дѣлалъ частичныя реформы, подготовлялъ почву. Тѣмъ не менѣе въ широкихъ слояхъ общества выяснялась необходимость реформъ; востокъ болѣе не удовлетворялъ русскихъ и взоры ихъ обращались на западъ. Возникалъ только вопросъ, какимъ путемъ итти къ реформамъ, къ сближенію съ западомъ, черезъ Кіевъ или прямо, безъ посредниковъ. Этотъ вопросъ вызвалъ

довольно продолжительный споръ, который закончился только тогда, когда пришелъ великій преобразователь, который заговорилъ прямо на нѣмецкомъ языкѣ, пошелъ въ нѣмецкую слободу, по тому самому пути, по какому шелъ за 50 лѣтъ до него Ординъ-Нащокинъ. Петръ Великій вспомнилъ всѣ проекты Ордина-Нащокина, всѣ его начинанія, достигъ тѣхъ самыхъ Балтійскихъ береговъ, къ которымъ такъ страстно стремился и его предшественникъ. Правда, у Ордина-Нащокина это были только проекты, а у Петра Великаго—дѣла, но нужно принять во вниманіе, при какихъ условіяхъ пришлось работать Нащокину, нужно вспомнить, что и при этихъ тяжелыхъ условіяхъ онъ все же оставилъ Преобразователю уже хорошо проторенную дорожку къ западу и тогда невольно придется признать, что все же знаменитый московскій «промышленникъ» сдѣлалъ очень много на пользу Россіи.

Вас. Берхъ: „Ординъ-Нащокинъ" (Новоселье 1845 г. ч. I, стр. 395—402). А. Ѳ. Малиновскій: „Біографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ бояринѣ Аѳанасіи Лаврентьевичѣ Ординѣ-Нащокинѣ" (Труды и лѣтописи Московск. Общ. Исторіи и Древн. т. VI); В. С. Иконниковъ: „Ближній бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ" („Русская Старина", 1883, X—XI): В. О. Ключевскій: „Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка" („Научное Слово", 1904, III;) В. О. Эйнгорнъ: „Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношеніе къ малороссійскому вопросу („Журналъ Мин, Нар. Просв.", 1897, XI); И. А. Матвѣевъ: „Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокина малороссійскимъ приказомъ" („Русскій Архивъ", 1901, II); П. А. Матвѣевъ: „Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого края" („Русская Мысль", 1901, VIII—IX); Г. В. Форстенъ: „Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка" („Журналъ Мин. Народн. Просв.", 1898, кн. IV, 350—354, кн. V, 48—57, 64—67, 68, 77, 78, 98—99; кн. VI, 313—323, 326, 331—332, 333; 1899 г. кн. VI, 277—285, 288); С. М. Соловьевъ: „А. Л. Ординъ-Нащокинъ" („С.-Петербургскія Вѣдомости", 1850 г., № 70); А. Терещенко: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи", ч. I (Спб., 1837) стр. 31—68, 225—237; Соловьевъ: „Исторія Россіи" (изд. т-ва „Общ. Польза") II, 1707. 1708, 1709; III, 42, 43, 48, 58—65, 66—72, 115, 116, 119, 123, 160—169, 171—184, 249—252, 351, 354—356, 385—398, 561—562, 678, 681, 682, 698, 716—722, 724, 725, 727, 768; Барсуковъ: „Родъ Шереметевыхъ т. VI (Спб.) 1892), 150, 161, 162, 233, 288, 300, 301, 450, 452, 475., 523, 526—532, 536, 538; В. О. Ключевскій: „Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка („Вопросы философіи и психологіи", 1897, I, III, IV); В. О. Эйнгорнъ: „Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ", т. I (М. 1899) стр. 341—888 passim; Коллинсъ: „Нынѣшнее состояніе Россіи" (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. годъ I, ч. I, стр. 33—34; Мейербергъ: „Путешествіе въ Московію" (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1863 III, IV, 1874, I) стр. 35—37, 39, 185, 210; М. Капустинъ: „Дипломатическія сношенія Россіи съ Западной Европой во второй половинѣ XVII вѣка" (М., 1852) стр. 9—31, 42—44, 118—122; П. Медовиковъ: „Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича" (М. 1854), 90-91, 122, 123, 126—129, 145—159, 173—179, 186—187, 214; Н. И. Костомаровъ: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" (Спб., 1874), IV, 132—133, 136-140, 141—143, 147; V, 302—303; А. Ѳ. Малиновскій: „Историческія доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи" („Труды и Лѣтописи Моск. Общ. Исторіи и Древн.", т, VI, стр. 77—84); Берхъ „Царствованіе царя Алексѣя Михайловича" (Спб., 1831) I, 104, 124—125, 161—162, 180, 196—198, 232—233, 237—239, 265, 270, 272, II, 25, 73; Гурляндъ: „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ" (Ярославль 1902) 56—62, 109, 114 135, 138; Костомаровъ: „Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ" (Спб., 1862) 61—63, 93—98, 133, 153—154; Б. Н. Чичеринъ: „Областныя учрежденія XVII вѣка", стр. 560—562; А. Висковатовъ: „Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ" („Морской Сборникъ", 1856 г., № 1, стр. 100—131; Поповъ: „О построеніи корабля Орла въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича („Русская Бесѣда" 1885 г. ч IV) Бантышъ-Каменскій: „Собраніе дипломатическихъ сношеній Россіи" (М. 1894—1902 I, 229; II, 164, 195; III, 3—6, 8, 9, 136—142, 311, 315; IV, 10, 12, 81, 103, 167, 172—174, 177, 182, 186, 189, 190: „Вѣстникъ Европы", 1897 г., кн. II, стр. 883—887; „Сѣверный Архивъ", 1825 г., ч. XVII, стр. 311—312; „Русскій Архивъ", 188[illegible] г., т. IV, стр. 521—523; Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древн. 1885 г. кн. II стр. 2—3; А. Ѳ. Бычковъ: „Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки" (Спб., 1878, стр. 126—130; „Москвитянинъ", 1853 г., т. I, 3—16; III, 81—82; Акты историческіе IV, 262, 371; V 479; Дополненія къ актамъ историческимъ V, 3, 4, 14, 15, 17, 21, 22, 26—30, 37, 90, 91, 102, 112, 127, 163, 174, 201, 203, 208, 210, 247, 311, 318, 379, 388, 390, 391, 398, 411—415, 433, 436; VI, 31, 33; Акты Археографической Экспедиціи IV, 197, 203; Акты Московскаго Государства, II, 403, 412, 485—488, 520, 541—544, 547, 553, 558, 562, 563, 567, 571, 594, 595, 597, III, 52, 55, 367, 368, 400, 401, 414, 441 453, 458, 517, 560, 567; Акты Южной и Западной Россіи VII, 4—8, 15, 23—26, 53, 57, 59, 63, 71, 78—81, 85, 96—101, 105, 146, 165, 347, 355, 369, 371: VIII, 22, 23, 28, 34, 35, 47, 51, 66, 114, 147, 192, 194, 197, 226, 234; IX, 7, 20, 50, 88, 92, 95, 98, 102, 104, 112, 119, 142, 178, 364, 383—385, 398, 399. 482, 485; Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, IV, 186, 20[illegible]

213, 629; Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи т. I, №№ 228, 229, 230, 240, 259, 267, 330, 385, 387, 398, 408, 409, 410, 411, 420, 465, 471, 511, 514, 518, 539; Русская Историческая Библіотека V, 364; VIII, 11; IX, 162, 180, 208, 209, 217, 226, 228, 244, 261, 262, 284, 285, 290, 294, 295, 300, 307, 326; Бутурлинъ: „Бумаги Флорентинскаго центральнаго архива“, стр. 120—127; Сборникъ кн. Хилкова (Спб., 1879) 417, 515; Записки Отдѣл. Русской и Славянской Археологіи Импер. Археолог. Общ., т. II, стр. 764—770; кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“ (Спб., 1895) II, 52.

Е. Лихачъ.

Ординъ-Нащокинъ, *Богданъ Ивановичъ*, думный дворянинъ и воевода, московскій дипломатъ, двоюродный братъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Упоминается съ 1659 года, когда, будучи еще дворяниномъ въ званіи намѣстника Кадомскаго былъ посланъ вмѣстѣ съ А. Л. Ординымъ-Нащокинымъ на съѣздъ съ шведскими уполномоченными въ Томсдорфѣ у Двины, для ратификаціи заключеннаго въ 1658 году Валіесарскаго договора. Въ 1660 году Б. И. Ординъ-Нащокинъ былъ воеводой въ Юрьевѣ Ливонскомъ, а когда въ 1661 году по условіямъ Кардисскаго мира вся Ливонія была возвращена Швеціи, очищалъ этотъ городъ и выводилъ, на основаніи договорныхъ статей этого мира, всѣ военные и продовольственные запасы и городовую казну какъ изъ Юрьева, такъ и изъ другихъ лифляндскихъ городовъ во Псковъ. Въ 1662 году Ординъ-Нащокинъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Г. И. Нащокинымъ вторымъ посломъ въ Данію, а затѣмъ уже съ самостоятельнымъ порученіемъ въ Голландію; по дорогѣ Ординъ заѣзжалъ съ какимъ то тайнымъ наказомъ къ графу Ольденбургскому и въ началѣ 1663 года прибылъ въ Гаагу. Здѣсь онъ долженъ былъ предложить Голландскимъ штатамъ оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ, сдѣлать представленія относительно необходимости полностью писать титулъ царя и увѣдомить голландскихъ купцовъ, имѣвшихъ большіе торговые обороты въ Россіи, что для всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ въ русскіе города, установлены пошлины. Исполнивъ эти порученія и оставивъ въ Гаагѣ списокъ царскаго титула для руководства при дальнѣйшихъ сношеніяхъ, Ординъ-Нащокинъ въ концѣ 1663 года возвратился въ Москву. Въ 1664 году онъ былъ назначенъ на воеводство въ недавно завоеванный у Польши городъ Полоцкъ и пробылъ тамъ до начала 1655 года. Въ 1666 году снова вмѣстѣ съ А. Л. Ординымъ-Нащокинымъ былъ отправленъ для переговоровъ съ польскими коммиссарами подъ Смоленскъ, участвовалъ въ Андрусовскихъ переговорахъ и при заключеніи Андрусовскаго перемирія, и по возвращеніи въ Москву былъ награжденъ чиномъ думнаго дворянина. Въ 1667 году Ординъ-Нащокинъ былъ посланъ въ Варшаву для ратификаціи договора и возвратился въ томъ-же году обратно. Въ 1668 году онъ былъ на воеводствѣ въ Вяткѣ. Въ 1673 году Ординъ-Нащокинъ былъ назначенъ въ Олонецъ, гдѣ пробылъ до 1677 г. Дѣятельность его здѣсь выразилась въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ по мѣстному управленію и прекращеніи злоупотребленій, допускавшихся ранѣе при взиманіи таможенныхъ сборовъ. Кромѣ того, онъ помогалъ изысканіямъ новгородскаго гостя Семена Гаврилова, посланнаго въ Толвуйскую волость для отысканія тамъ мѣдной руды. Въ 1679 году Богданъ Ивановичъ былъ посланъ воеводой на Двину, переписывалъ тамъ ратныхъ людей «пѣхотнаго строю», занимался укрѣпленіемъ Архангельска и снабженіемъ его въ нужномъ количествѣ боевыми запасами. Въ 1681 году онъ былъ отозванъ съ Двины въ Москву, и послѣ этого извѣстій о немъ мы не имѣемъ.

Спиридовъ: „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ“ (Рукопись Имп. Публ. Библ.) VIII, 246—247; Акты Археогр. Экспед., IV, 218; Акты историческіе, IV, 311; V, 23; Дополненія къ актамъ историческимъ, V, 74; VI, 219 — 232; VIII, 291; IX, 148, 153—155; „Русская Истор. Библіотека“ XI, XV; Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ I, 186. 230; II, 77; III, 139, 140; IV, 177, 182; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“) III, 171-179, 525, 526.

Е. Лихачъ.

Ординъ-Нащокинъ, *Воинъ Аѳанасьевичъ*, стольникъ, сынъ ближняго боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. В. А. Ординъ-Нащокинъ воспитывался подъ вліяніемъ отца и подъ руководствомъ поляковъ, плѣненныхъ во время предшествовавшей войны; изучилъ латинскій, нѣмецкій и польскій языки, много читалъ и изучалъ то, что не читалось и не

изучалось обыкновенно русскими молодыми людьми той эпохи; свою служебную дѣятельность Ординъ началъ подъ руководствомъ отца на дипломатическомъ поприщѣ. Находясь при отцѣ въ то время, когда тотъ былъ на воеводствѣ въ Царевичевѣ—Дмитріевѣ, городѣ въ Ливоніи, молодой Нащокинъ завѣдывалъ его секретной перепиской и иностранной корреспонденціей, переписывался съ царемъ и пользовался его милостью и покровительствомъ. Частыя сношенія съ польскими выдающимися людьми и поѣздки въ Варшаву по порученіямъ отца оказали на него сильное вліяніе: здѣсь онъ ознакомился съ укладомъ западно-европейской частной и общественной жизни, состояніемъ культуры на Западѣ, и, способный и воспріимчивый по природѣ, онъ, сравнивая западную жизнь съ родной дѣйствительностью, пришелъ къ заключеніямъ, очень неблагопріятнымъ для послѣдней. Но въ то же время сильно увлекающійся, не видѣвшій возможности измѣнить строя русской жизни на свой ладъ, исправить ея недочеты и недостатки, какъ это хотѣлъ и умѣлъ сдѣлать его не менѣе образованный, но болѣе осторожный и умный отецъ, Воинъ Аѳанасьевичъ возненавидѣлъ русскую дѣйствительность и при первомъ же болѣе сильномъ столкновеніи съ нею не выдержалъ ея гнета и бѣжалъ отъ него. Посланный однажды отцомъ въ Москву съ донесеніемъ къ царю, онъ былъ особенно сильно пораженъ несоотвѣтствіемъ порядковъ московской жизни и московскихъ понятій съ тѣми понятіями и взглядами, съ которыми успѣлъ свыкнуться за время долговременнаго пребыванія въ Ливоніи на границѣ съ Польшей, гдѣ онъ пользовался плодами западно-европейской науки и культуры. Молодого Воина, по выраженію С. М. Соловьева, «стошнило» отъ московскихъ порядковъ и когда его отпустили обратно къ отцу съ нѣкоторыми секретными документами и значительной суммой денегъ, онъ въ 1660 году бѣжалъ заграницу, къ польскому королю. Король Янъ-Казиміръ, находившійся въ это время въ крайне непріязненныхъ отношеніяхъ къ московскому правительству, охотно принялъ молодого Нащокина, отчасти надѣясь на то, что изъ ненависти къ Москвѣ онъ окажетъ Польшѣ большія услуги въ борьбѣ съ ней. Увлекающійся въ своей ненависти къ московскимъ порядкамъ Ординъ-Нащокинъ, кажется, дѣйствительно, былъ склоненъ поступить на службу польскаго короля и дѣйствовать противъ своей родины. Одинъ изъ захваченныхъ московскими воеводами «языковъ» говорилъ: «видѣлъ онъ у короля въ Гданску Воина Нащокина, живетъ де при королѣ, а даетъ ему король на мѣсяцъ по 500 ефимковъ, а ходитъ де онъ въ нѣмецкомъ платьѣ; онъ же де, Воинъ, похваляется, хочетъ услугу свою показать королю, а итти подъ городъ великаго государя въ Лифлянты и, отца своего взявъ, хочетъ привезти къ королю и многіе де поносныя слова на государство московское говоритъ». Впрочемъ, благодушный царь Алексѣй, сильно благоволившій въ то время къ отцу Воина, отнесся къ поступку молодого человѣка довольно снисходительно: «онъ человѣкъ молодой», писалъ онъ, утѣшая опечаленнаго отца, «хочетъ созданія Владыки и творенія рукъ его видѣть на этомъ свѣтѣ, какъ и птица, которая летаетъ туда и сюда, и, полетавъ довольно, опять къ своему гнѣзду возвращается». Предсказаніе царя сбылось: когда первый пылъ бѣгства прошелъ, Воинъ, повидимому, не былъ въ состояніи воевать противъ родной страны; изъ Польши онъ вскорѣ переѣхалъ въ Вѣну, оттуда попалъ во Францію и Голландію и, наконецъ, въ 1663 году, соскучившись по родинѣ, явился въ Копенгагенъ къ русскому послу Нащокину съ просьбой исхлопотать ему разрѣшеніе вернуться домой. Разрѣшеніе это было дано, въ 1665 году Ординъ-Нащокинъ вернулся въ Россію и поселился въ одной изъ отцовскихъ деревень. Но долговременное отсутствіе изъ Россіи не только не ослабило непріязни Воина Аѳанасьевича къ московскимъ порядкамъ, но даже усилило ее. Кажется, въ деревнѣ образъ жизни и привычки Ордина-Нащокина были слишкомъ необыкновенны для московскихъ людей того времени и его поведеніе рѣзко разнилось отъ обычнаго тогда строя жизни. Вскорѣ по возвращеніи онъ былъ сосланъ «подъ началъ» въ извѣстный строгостью своихъ порядковъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, властямъ котораго было особенно наказано «береженье къ нему держать, чтобъ онъ изъ монастыря никуды не ушелъ и дурна какова надъ собою не учинилъ». Но подъ «началомъ» Ординъ-Нащокинъ былъ недолго. Въ началѣ 1667

года вернулся въ Москву съ посольскаго съѣзда отецъ его, только что съ успѣхомъ заключившій Андрусовскій миръ съ Польшей и въ видѣ особой милости къ знаменитому московскому дипломату «великій государь указалъ Воина Нащокина изъ подъ начала свободить и отпустить къ Москвѣ». Однако всѣ старанія отца вернуть сыну положенье, которое онъ могъ бы занять по своимъ способностямъ и выдающемуся для того времени образованію, окончились неудачей. Рейтенфельсъ, знавшій лично молодого Нащокина пишетъ о немъ: «онъ говоритъ свободно по французски, по нѣмецки и на другихъ языкахъ, по познанія скорѣе служили ему препятствіемъ, нежели рекомендаціей при повышеніяхъ». Воинъ Аѳанасьевичъ, пожалованный въ 1668 году въ стольники, не пошелъ далѣе. Въ 1678 году онъ былъ воеводой въ Галичѣ, въ одномъ изъ захолустныхъ провинціальныхъ городковъ, и другихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этой интересной личности мы не имѣемъ. Годъ смерти его намъ также неизвѣстенъ.

Совершенно необыкновенная для современниковъ личность Воина Ордина-Нащокина не осталась безъ впечатлѣнія и на болѣе широкіе круги тогдашняго московскаго общества. До насъ дошла старинная повѣсть XVII вѣка «О россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Ордина-Нащокина Аннушкѣ»; въ повѣсти этой съ именемъ стольника Нащокина, въ которомъ нельзя не видѣть Воина Аѳанасьевича и его семьи, соединяется идея о болѣе свободныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Иконниковъ: „Сынъ ближняго боярина А. Л. Ордина-Нащокина“ („Русскій Архивъ“ 1886 г., № 12, стр. 521—523); Эйнгорнъ: „Страница изъ біографіи Воина Ордина-Нащокина“ („Вѣстникъ Европы“, 1897 г., № 2); Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Археологическаго общества, т. II; Ключевскій: „Боярская дума древней Руси“ (М. 1882), 487—488; Дополненія къ Актамъ Историческимъ IX, № 229; Акты Московскаго Государства II, 601, 605, 606; III, 80, 81; „Русская Старина“, 1883, X, 41—42; „Чтенія Московск. Общ. Исторіи и Древностей“, 1885, II, 2—3; „Москвитянинъ“, 1853, I, 3—16; III, 81—82.

Е. Лихачъ.

Ордынскій, *Борисъ Ивановичъ*, профессоръ греческой и римской словесности сначала въ Казанскомъ, потомъ въ Харьковскомъ университетахъ; писатель и переводчикъ съ греческаго.—Б. И. Ордынскій родился 22 августа 1823 г. въ Волынской губ. и былъ сыномъ военнаго врача; первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ въ Ярославской и Тульской гимназіяхъ; по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ былъ назначенъ (въ 1845 г.) преподавателемъ греческаго языка въ Ярославскую гимназію. Не имѣя въ Ярославлѣ возможности продолжать занятій по своей спеціальности, Б. И. Ордынскій хлопоталъ о переводѣ и вскорѣ былъ перемѣщенъ въ III Московскую гимназію, гдѣ состоялъ преподавателемъ, пока не было сокращено число уроковъ греч. яз., т. е. до января 1852 г., когда Ордынскому пришлось остаться за штатомъ. Онъ началъ хлопотать о службѣ при университетѣ и о пріобрѣтеніи ученой степени; при содѣйствіи М. П. Погодина, ему удалось устроиться при Казанскомъ университетѣ въ званіи и. д. адъюнкта по латинской словесности (въ дек. 1853 г.); вскорѣ за диссертацію: «О поэзіи Аристотеля» Ордынскій былъ удостоенъ степени магистра; въ мартѣ 1857 года ему было поручено чтеніе лекцій и по греческой словесности. Въ концѣ 1860 года Б. И. Ордынскій оставилъ службу въ Казанскомъ университетѣ, но уже весною слѣдующаго 1861 года былъ избранъ совѣтомъ университета экстраординарнымъ профессоромъ на каѳедру римской словесности. Получивъ приглашеніе на ту же каѳедру и отъ харьковскаго университета, Ордынскій предпочелъ службу въ послѣднемъ, но вскорѣ скончался въ Москвѣ 30 мая 1861 года, имѣя всего 38 лѣтъ отъ роду.

Убѣжденный классикъ, увлекавшійся красотами античнаго міра и глубоко вѣровавшій, что интересъ къ жизни древнихъ, а съ нимъ и изученіе классическихъ писателей будетъ рости въ русскомъ обществѣ параллельно съ его духовнымъ развитіемъ, Ордынскій сосредоточилъ всю свою дѣятельность на выясненіи широкой публикѣ важности ознакомленія съ древнимъ міромъ. Лучшіе журналы конца 40-хъ и 50-хъ годовъ давали мѣсто его статьямъ, въ которыхъ, далекій отъ затрагиванія сюжетовъ, интересныхъ лишь для спеціалистовъ, Ордынскій рисовалъ картины древней жизни, способныя привлечь къ себѣ общее вниманіе. Ордынскій выступилъ въ печати въ 1845 г. съ учебникомъ по этимологіи греч. яз.; затѣмъ,

онъ началъ писать рецензіи на учебныя книги и ученыя сочиненія, касавшіяся классическаго міра и, наконецъ, изслѣдованія и небольшія замѣтки по предмету своей спеціальности. Въ 1849 году онъ помѣстилъ въ 52 т. «Отечествен. Записокъ» статью объ Аристофанѣ, затѣмъ вскорѣ статью «Греческія женщины»; «Внѣшняя обстановка домашней жизни древняго грека» и вновь двѣ статьи объ Аристофанѣ, въ которыхъ сдѣлалъ подробный разборъ «Всадниковъ», «Осъ», «Облаковъ» и другихъ важнѣйшихъ комедій Аристофана. Изъ другихъ статей Ордынскаго слѣдуетъ отмѣтить его: «Характеры» Ѳеофраста («Современникъ», 1850 г., т. 23). «О занятіяхъ молодого аѳинянина» (въ «Пропилеяхъ, М. 1851 г., т. I), «Обѣды древнихъ грековъ» («Отечеств. Записки», 1851 г., томъ 75, отд. IV), «Наемные друзья богатыхъ римлянъ II вѣка по Р. Х.» («Москвитянинъ», 1851 г., ч. V); «О древнемъ греческомъ театрѣ» («Современникъ 1851 г., т. 25), «Одиссея Жуковскаго и журнальные толки о ней» («Современ.» 1850, т. 20), «Лукіанъ» («Современ.» т. 30 и 32), «Отпаденіе Греціи отъ Турціи» («Русск. Бесѣда» 1860, № 1). Ордынскій печатался обыкновенно въ «Отеч. Зап.», «Современникѣ», «Москвитянинѣ», затѣмъ въ «Пропилеяхъ», «Русск. Бесѣдѣ», «Моск. Вѣстн.», «Журн. Мин. Нар. Просв.» и «Учен. Зап. Казанск. Университета».

Изъ отдѣльно напечатанныхъ трудовъ Ордынскаго по исторіи греческой словесности отмѣтимъ: переводъ сочиненія Аристотеля: «О поэзіи» и переводъ Иліады (пѣснь I—XII), вызвавшій въ свое время оживленную журнальную полемику, главнымъ образомъ по поводу языка, которымъ былъ сдѣланъ переводъ. Научные филологическіе труды Ордынскаго немногочисленны. Онъ издалъ лишь «Первоначальное руководство къ этимологіи греческаго языка» (М. 1845 и 1853) и напечаталъ двѣ статьи: «Объ отношеніи ново-греческаго языка къ древне-греческому» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1857 года, ч. 95, отд. II, стр. 93—155) и «Сличеніе грамматики простонароднаго ново-греческаго языка съ грамматикой языка древне-греческаго» (Ученыя Записки Импер. Казанск. Унив., 1858 года, томъ III, стр. 3—126). Кромѣ того, онъ издалъ комментированные переводы: рѣчи Демосѳена о вѣнкѣ и «Персовъ» Эсхила («Москвитянинъ», 1856 г., №№ 13—16 и отдѣльн. М. 1857). Изъ довольно многочисленныхъ рецензій Ордынскаго, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ его замѣчанія на переводъ Жуковскимъ «Одиссеи». («Отечеств. Записки», 1849 г., № 8, и 1850, № 7

Проф. Е. Бобровъ: „Б. И. Ордынскій". Варшава 1904 (здѣсь же и полный перечень трудовъ Ордынскаго); А. И. Михайловскій, „Преподаватели, учившіеся и служившіе въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ (1804—1904 (часть I, стр. 404 и 417; Проф. Загоскинъ, „Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета", Казань, 1900. „Русскій Архивъ", 1864 г.: 1874 г., кн. II. Тихонравовъ, „Сочиненія", томъ I. Б. Ордынскій, „Изъ провинціальныхъ воспоминаній" (Свѣдѣнія, касающіяся бывшихъ профессоровъ Казанск. Универ. Фатера, Берви и др.) „Московскій Вѣстникъ", 1860, № 31, стр. 494—6; Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина". Тт. I, XI, XIII; В. А. Воскресенскій, „Поэтика", Спб. 1885; „Пропилеи". Сборникъ статей по классической древности. М. 1851, тоже, 1854, стр. 551 — 552, томъ IV (Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ); Ордынскій: „Одиссея Жуковскаго и журнальные толки о ней" („Современникъ", 1850 г., томъ XX, № 3 и 4, стр. 1—16; 27—44); А. Филоновъ: „Русская хрестоматія", чч. III и IV; „Журналъ Мин. Народн. Просв.", 1852 г., ч. 74; 1854 г., № 12, 1857 г., ч. 95, прибавленіе къ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1845 и 1853 гг.; „Современникъ", тт. 25, 27, 30, 32, 45; „Москвитянинъ", 1851 г., кн. V и VI; 1853 г., №№ 3 и 5; 1855 г., кн. II и IX; 1856 г., IV; „Московскій Вѣстникъ", 1860 г., ст. 145—148; 194—196; 427—429; 512—514; „Московскія Вѣдомости", 1860, №№ 27 и 32; „Отечественныя Записки", т. 42, 52, 54, 65, 68, 70, 73, 75, 86, 88, 90, 91, 96, 99; „Русская Бесѣда", 1857. III, 1860, I; „Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета", 1858 года, томъ III. стр. 3—126; „Извѣстія Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ", 1854, стр. 135—136. „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 181. Перечень трудовъ по греческой филологіи см. у Прозорова, Указатель статей по гр. фил. съ XVII вѣка по 1892 годъ. Спб., 1898; Словари: Толл., Брокгауза и Ефрона; Г. Геннади: „Краткія свѣдѣнія о русск писат. и ученыхъ, умершихъ въ 1860—1862 гг.", Спб., 1864.

А. Петровъ.

Ордынскій, *Иванъ Михайловичъ*, коллежскій совѣтникъ, докторъ медицины московской Медико-Хирургической академіи, штабъ-докторъ 3-го резервнаго Кавалерійскаго корпуса; родился въ 179. году и происходилъ изъ духовнаго званія. Спеціальное образованіе получилъ въ московской медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1820 году с

званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и тотчасъ былъ назначенъ въ Троицкій пѣхотный полкъ, три года спустя получилъ степень штабъ-лѣкаря, а въ 1837 г. за диссертацію: «De dysenteria»—степень доктора медицины. Назначенный въ 1840 году штабъ-докторомъ 3-го резервнаго корпуса, онъ, четыре года спустя, вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. Ордынскій умеръ въ 1852 году. Кромѣ упомянутой диссертаціи Ордынскому принадлежитъ статья: «О народныхъ болѣзняхъ» («Терапевтическій Журналъ», 1841 г. XIII, XIV, XV; «Журн. Минист. Народ. Просв.», ч. 36, VI, 25).

Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", вып. 1, стр. 2, Спб. 1886, стр. 42.

Ореусъ, *Густавъ*, статскій совѣтникъ, первый въ Россіи врачъ, получившій степень доктора медицины по экзамену, не выѣзжавши за границу; непремѣнный членъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, членъ Медицинскаго Совѣта, Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и др. Финляндецъ по происхожденію, Г. Ореусъ родился близъ Вильманстранда 20-го августа 1738 года. Отецъ его въ то время служилъ проповѣдникомъ при церкви въ селеніи Тайпальсарскомъ, гдѣ Г. Ореусъ и провелъ свои дѣтскіе годы. Получивъ подъ руководствомъ отца тщательное первоначальное образованіе, онъ на шестнадцатомъ году отправился въ Або, гдѣ и началъ посѣщать университетскія лекціи. Однако въ Абосскомъ университетѣ Ореусъ оставался не долго и уже 26-го мая 1755 года поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, намѣреваясь для дальнѣйшаго своего образованія отправиться за границу. Уже 30-го сентября того же года онъ былъ по экзамену произведенъ въ подлѣкари, а спустя полтора года (27-го февраля 1757 года) въ лѣкари. Вслѣдъ затѣмъ Ореусу пришлось отправиться за границу, но не для дальнѣйшаго своего медицинскаго образованія, а уже для примѣненія на практикѣ полученныхъ имъ въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ свѣдѣній по медицинѣ. Въ маѣ того же года онъ былъ командированъ въ 5-й Мушкетерскій полкъ обсерваціоннаго корпуса, въ которомъ пробылъ два года. По расформированіи обсерваціоннаго корпуса его перевели въ Бутырскій полкъ, въ которомъ онъ оставался до окончанія войны съ Пруссіей. 21-го іюня 1762 года Ореусъ былъ причисленъ къ петербургскому физикату, «въ помощь физическимъ дѣламъ»; спустя нѣсколько мѣсяцевъ, (13 го марта 1763 г.) былъ назначенъ операторомъ въ с.-петербургскомъ генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Должность его собственно заключалась въ преподаваніи хирургіи и практической анатоміи при госпитальной школѣ; кромѣ того онъ обязанъ былъ еще учить подлекарей и учениковъ госпиталя «распознаванію травъ и кореньевъ». Воспользовавшись Высочайшимъ указомъ, 9-го іюня 1764 года даннымъ Медицинской Коллегіи, въ силу котораго послѣдняя имѣла право выдавать по экзамену докторскій дипломъ, Ореусъ въ 1765 году сдалъ докторскій экзаменъ, но дипломъ ему былъ выданъ лишь 2-го августа 1768 года. Въ 1769 году онъ былъ назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ во вторую армію, и 25-го декабря того-же года медикомъ въ свиту фельдмаршала графа П. А. Румянцева; въ этой должности ему пришлось принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ моровой язвой, свирѣпствовавшей тогда въ Молдавіи. Гр. Румянцевъ, далъ отличный отзывъ о самоотверженныхъ трудахъ Ореуса и его искусствѣ. По окончаніи войны, онъ былъ командированъ въ Москву для борьбы съ моровой язвой, потомъ въ Фокшаны въ распоряженіе фельдмаршала, затѣмъ 31-го марта 1772 года онъ былъ опредѣленъ докторомъ въ штатъ с.-петербургской полиціи, а 15-го октября того же года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Ореуса московскимъ штадтъ-физикомъ. 10-го іюля 1775 года онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, чинъ, который въ ту пору рѣдко давался врачамъ, не состоявшимъ членами Медицинской Коллегіи. Разстроенное здоровье заставило его въ слѣдующемъ году выйти въ отставку; онъ занялся частной практикой, живя то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Въ 1806 году Ореусъ былъ избранъ членомъ Медицинскаго Совѣта. Въ 1808 году уставъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи былъ измѣненъ, и Ореусъ былъ избранъ однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ Академіи и, несмотря на свой преклонный возрастъ, еще около двухъ лѣтъ исполнялъ эту должность. Ореусъ скончался 1-го сентября 1811 года,

на 74 году отъ рожденія. Литературное наслѣдіе его состоитъ изъ ряда статей по вопросамъ сельскаго хозяйства, напечатанныхъ имъ въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества и работъ научно-медицинскаго характера. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить описаніе моровой язвы въ Москвѣ въ 1771 году, напечатанное въ Петербургѣ въ 1774 году («Descriptio pestis, quae anno MDCCLXX in Jassia, MDCCLXXI in Moscua grassata est.» Petropoli MDCCLXXIV) и сочиненіе о катаральныхъ горячкахъ, изданное въ 1807 году.

Я. Чистовичъ, „Очерки по исторіи первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи", Спб., 1883 г., приложеніе, стр. CCXLIII—CCXLVII; „Всеобщій Журналъ Врачебной Науки", 1811 г., № 4, стр. 112—115; „Адресъ-Календари". *Е. Ястребцевъ.*

Ореусъ, *Иванъ Максимовичъ*,—дѣйствительный тайный совѣтникъ, товарищъ министра финансовъ, сенаторъ. И. М. Ореусъ род. въ 1787 г. и былъ сыномъ выборгскаго губернатора М. М. Ореуса. По окончаніи курса въ Выборгскомъ народномъ училищѣ, Ореусъ опредѣлился на службу въ Выборгскую казенную палату, откуда скоро перешелъ въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, а въ февралѣ 1812 г. перевелся въ Департаментъ Государственныхъ имуществъ; 4 мая 1815 г. Ореусъ былъ опредѣленъ въ Интендантскій штатъ и по дѣламъ службы отправленъ въ командировку въ Германію. По возвращеніи въ Россію, поступилъ въ сент. 1817 г. старшимъ бухгалтеромъ въ канцелярію генералъ-интенданта 1-ой арміи, откуда въ январѣ 1820 г. перешелъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ и въ іюнѣ 1823 г. былъ перемѣщенъ начальникомъ 2-го отдѣленія канцеляріи министра финансовъ. Черезъ четыре года Ореусъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли и въ мартѣ 1829 г. произведенъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники; 18 ноября 1832 г. былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, а въ 1836 г. управляющимъ государственнымъ заемнымъ банкомъ, въ каковой должности оставался до 25 окт. 1846 г.. 16 апрѣля 1841 г. Ореусъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, 2 марта 1845 г. назначенъ товарищемъ министра финансовъ, а 25 января слѣдующаго года ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ сенатѣ. Въ 1819 г. Ореусъ оставилъ должность товарища министра финансовъ и продолжалъ службу лишь въ званіи сенатора. 28 декабря 1860 г. Ореусъ былъ пожалованъ въ дѣйствит. тайные совѣтники. И. М. Ореусъ имѣлъ всѣ ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно.

„Минист. финансовъ" 1802—1902, Спб. 1902; Архивъ Правительствующаго Сената; „Русск. Стар." 1886. *Е. А.*

Ореусъ, *Максимъ Максимовичъ* (отецъ предъидущаго), дѣйств. ст сов., выборгскій а затѣмъ финляндскій губернаторъ. М. М. Ореусъ род. въ 1739 г. и былъ сыномъ пастора; по окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Финляндіи, въ 1757 г. поступилъ на службу въ Выборгскій магистратъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, а затѣмъ во 2-й департаментъ Сената въ секретари; въ октябрѣ 1783 г. Ореусъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Выборгской Гражданской Палаты, а въ 1797 г. Выборгскимъ вице-губернаторомъ; въ декабрѣ 1799 г. Ореусъ былъ произведенъ въ дѣйствит. ст. сов. и назначенъ сначала Выборгскимъ, а затѣмъ Финляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ каковой должности и скончался въ началѣ 1800-хъ гг.

Послужной списокъ. Адресъ-Календари. *А. П.*

Оржевскій, *Василій Владиміровичъ*, тайный совѣтникъ, директоръ Департамента Полиціи; родился 26-го февраля 1797 г. въ с. Оржевѣ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ; умеръ 13 окт. 1867 г. въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи, Оржевскій поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію, гдѣ былъ произведенъ въ магистры богословія и назначенъ 9 авг. 1819 г. баккалавромъ гражданской исторіи. Уволившись въ іюлѣ 1821 г. отъ должности баккалавра, Оржевскій опредѣлился въ Министерство Внутр. Дѣлъ для особыхъ порученій; въ маѣ 1823 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ Хозяйственнаго Департамента, черезъ два года секретаремъ Предсѣдателя Департамента Законовъ; въ декабрѣ 1829 г. Оржевскій былъ опредѣленъ начальникомъ II отдѣленія Медицинскаго Департамента; въ слѣдующемъ году ему было поручено дѣлопроизводство по Совѣту Министровъ

Внутреннихъ Дѣлъ; въ августѣ 1831 г. Оржевскій былъ сдѣланъ начальникомъ III Отдѣленія Департамента полиціи Исполнительной, а въ маѣ 1836 г. Директоромъ Канцеляріи Министра Внутр. Дѣлъ; въ слѣдующемъ году Оржевскій былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и назначенъ Директоромъ Департамента Полиціи Исполнительной, въ каковой должности находился очень долго и покинулъ департаментъ только осенью 1855 г. при новомъ министрѣ Ланскомъ. Сдѣланный членомъ Совѣта Министра Внутр. Дѣлъ, Оржевскій провелъ остатокъ своихъ дней не у дѣлъ и скончался въ Петербургѣ 13-го октября 1867 г. В. В. Оржевскій былъ типичнымъ представителемъ чиновничества прежняго времени, строгій исполнитель приказаній начальства, трудолюбивый, аккуратный, терпѣливый, въ совершенствѣ знавшій всѣ тонкости канцелярскаго дѣлопроизводства.

Полный послужной списокъ. „Голосъ" 1867, № 284; „Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ", стб. 1862; „Русск. Арх." 1876. т. II; И. М. Дубасовъ, „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края", вып. 2, стр. 124; „Извѣстія Тамбовской Ученой Арх. Коммиссіи", вып. 47.

Б. Алексѣевскій.

Оркишъ, *Іосифъ* (Iózef Orkisz), докторъ медицины, главный врачъ Лазенковскаго госпиталя, прозекторъ анатоміи въ Варшавскомъ университетѣ, писатель. Оркишъ родился 5 мая 1794 года во Львовѣ; по окончаніи курса во Львовской гимназіи, поступилъ на медицинскій факультетъ Львовскаго университета, по хирургическому отдѣленію, записавшись одновременно практикантомъ въ главный львовскій госпиталь; въ 1816 году Оркишъ окончилъ съ отличіемъ курсъ университета и былъ удостоенъ степеней магистра хирургіи и магистра акушерства. Назначенный ассистентомъ главнаго госпиталя, онъ полтора года исправлялъ эту должность, посѣщая въ то же время лекціи философскаго факультета, по которому и прослушалъ полный курсъ въ 1819 году. Въ 1820 года Оркишъ переселился въ Варшаву, гдѣ записался вновь въ число студентовъ медицинскаго факультета, и въ 1823 году получилъ степень магистра медицины. По предложенію профессора анатоміи Ролинскаго, Оркишъ былъ приглашенъ прозекторомъ каѳедры анатоміи и въ теченіе года велъ занятія со студентами. Въ 1824 году онъ отправился за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, и въ продолженіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи въ Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Іенѣ, Галле и Боннѣ и работалъ въ извѣстнѣйшихъ въ то время клиникахъ. Вернувшись въ 1826 году на родину, Оркишъ поступилъ въ военную службу и въ 1828 году былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ 6-го полка. Въ 1831 году ему было поручено устроить госпиталь на 800 человѣкъ въ Лазенкахъ, и онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ этого госпиталя. Въ 1833 году Оркишъ вышелъ въ отставку и переселился въ Раву (уѣздный городъ Петроковской губ.), гдѣ жилъ безвыѣздно до самой смерти, занимаясь преимущественно литературной дѣятельностью. Умеръ Оркишъ 2 января 1879 г. Помимо ряда статей, помѣщенныхъ Оркишемъ въ разныхъ медицинскихъ періодическихъ изданіяхъ, имъ написано нѣсколько солидныхъ трудовъ, подробный перечень которыхъ помѣщенъ у Косьминскаго (Słownik lekarzów polskich, Warszawa, 1883). Важнѣйшіе изъ нихъ: «Nowy poradnik lekarski dla osób wszelkiego stanu, zawierający przepisy rospoznawania i leczenia chorób ludzkich małą liczbą lekarstw prostych etc» (Warszawa, 1833—1835), «Dławiec czyli tak zwany krup» (Ibid. 1842), затѣмъ изслѣдованія о тифѣ, коклюшѣ, бѣшенствѣ etc. Часть трудовъ Оркиша и, между прочимъ, его диссертація «de timpanite», за которую онъ былъ въ 1842 году удостоенъ степени доктора медицины (Encykl. Powszechna 1865 года, томъ XX), не напечатана.

Encyklopedja Powszechna S. Orgelbranda 1901 года; Słównik lekarzów polskich, ułozył Stanisław Kośmiński, Warszawa. 1883; Pamiętniki Towarzysztwa lekarskiego Warszawskiego, т.т. 2, 7, 41 и 53; Tygodnik Lekarski 1857, № 1; 1858, №№ 10 и 11; 1860. № 35; 1862, №№ 48 и 49; 1863, № 14—18 и 21. Rocznik wydziału lekarskiego, томъ VI; Gazeta Lekarska, т.т. 11, 13, 17, 21. Estreicher, Bibliografja polska XIX stulecia (дополненія).

А. Петровъ.

Орлай, *Иванъ Семеновичъ* (Orlay de Carva),—дѣйствит. ст. совѣтн., докторъ медицины; гофъ-медикъ; директоръ Нѣжинскаго Лицея кн. Безбородко, а затѣмъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея; писатель. — И. С. Орлай, по происхожденію карпатороссъ, родился въ 1771 г. въ Венгріи, въ г. Густѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Мункагскомъ и Унгварскомъ народныхъ училищахъ и въ Унгварской архи-гимназіи. Отсюда Орлай перешелъ въ Велико-Карловскую выс-

нихъ наукъ гимназію, а въ 1787 г. въ Велико-Варадскую академію, въ которой изучалъ чистую математику, логику и исторію. Въ 1788 г. Орлай поступилъ во Львовскій университетъ, гдѣ слушалъ курсы математики, физики, технологіи, естеств. исторіи, всеобщей исторіи, философіи и нѣмецкой словесности. Въ слѣдующемъ году возвратившись въ Венгрію и выдержавъ испытаніе «по философскимъ наукамъ» въ Эрлавской консисторіи, Орлай поступилъ на казенномъ содержаніи въ Генеральную Іозефинскую семинарію, (богословскій факультетъ Пештскаго университета); здѣсь, Орлай между прочимъ изучалъ еврейскій и греческій языки. Въ февралѣ 1790 г. Орлай былъ удостоенъ званія профессора низшихъ классовъ въ Велико-Карловской высшихъ наукъ гимназіи, гдѣ и преподавалъ древніе языки, географію, исторію и ариѳметику; впрочемъ, онъ скоро оставилъ педагогическую дѣятельность и уже въ самомъ началѣ 1791 г. отправился въ Вѣну, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ 8-го мая того-же года поступилъ въ Медико-Хирургическое Училище; здѣсь, прослушавъ курсы медицинскихъ наукъ, въ февралѣ 1793 г. Орлай былъ удостоенъ по экзамену званія лѣкаря и оставленъ при Генеральномъ Сухопутномъ Госпиталѣ; въ сентябрѣ того же года онъ былъ назначенъ помощникомъ ученаго секретаря Медицинской Коллегіи, по порученію которой, между прочимъ, привелъ въ порядокъ библіотеку Коллегіи и анатомико-физіологическій кабинетъ. Лѣтомъ слѣдующаго 1794 г. Орлай былъ командированъ Коллегіей для усовершенствованія въ Вѣну, гдѣ пробылъ три года. По возвращеніи въ Петербургъ, Орлай въ іюлѣ 1797 г. вступилъ въ прежнюю должность помощника ученаго секретаря Медиц. Коллегіи; въ февралѣ 1798 г. былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари и въ октябрѣ того же года поступилъ лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, откуда черезъ годъ перевелся лѣкаремъ же въ С.-Петербургскій Почтамтъ, въ каковой должности пробылъ до марта 1805 г., успѣвъ снискать уваженіе не только какъ опытный врачъ, но и какъ сердечный безкорыстный человѣкъ. 9-го марта 1800 г. И. С. Орлай, будучи назначенъ гофъ-хирургомъ Его Императорскаго Величества, уволился отъ должности помощника ученаго секретаря Коллегіи, состоя въ которой, онъ, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, принималъ самое близкое участіе въ изданныхъ Коллегіей «Observationes Medico-Chirurgorum Ruthenici Imperii», переводя на латинск. яз. и обрабатывая присылаемые русскими врачами матеріалы для этого изданія. Къ 1803 г. относится любопытный проэктъ Орлая «о вызовѣ въ Россію иноземныхъ ученыхъ людей изъ славянскаго племени, а наипаче изъ карпато-россовъ, получившихъ званіе профессоровъ въ Австріи и способныхъ преподавать на русскомъ языкѣ». Этотъ проэктъ, представленный авторомъ Н. Н. Новосильцову, былъ одобренъ, и на Орлая тотчасъ было возложено и самое приглашеніе профессоров, причемъ выборъ послѣднихъ предоставлялся усмотрѣнію Орлая; тогда же были приглашены такія лица, какъ М. А. Балугьянскій, В. Г. Кукольникъ, И. Д. Лоди, А. И. Стойковичъ, Г. И. Терлаичъ и др. Между тѣмъ, извѣстность Орлая росла все болѣе, и различныя ученыя общества охотно заносили его имя въ списки своихъ членовъ; къ тому же обширныя познанія Орлая пріобрѣтали ему симпатіи не только въ ограниченномъ кругу спеціалистовъ; между прочимъ, въ 1804 г. имя Орлая появилось въ одномъ русскомъ журналѣ («Сѣв. Вѣстникъ» ч. I и III) подъ весьма солидной исторической справкой: «Исторія о Карпато-россахъ». Въ мартѣ 1805 г. лейбъ-хирургъ Виллье избралъ Орлая своимъ помощникомъ и пользовался его услугами и сотрудничествомъ въ теченіе 15 лѣтъ. Лѣтомъ 1806 г. Орлай, по порученію начальства, побывавъ за границей, успѣлъ получить въ Кенигсбергскомъ университетѣ званіе доктора философіи, а при возвращеніи въ Россію, въ Дерптѣ защитилъ на званіе доктора медицины диссертацію, озаглавленную: «Dissertatio sistens doctrina de viribus naturae medicatricibus, historiam brevem, expositionem, vindicias etc». Въ іюлѣ 1808 г. Орлай былъ уволенъ отъ должности гофъ-хирурга и назначенъ ученымъ секретаремъ Медико-хирургической Академіи. Въ этомъ званіи, Орлай, помимо прямыхъ своихъ обязаностей, касающихся административной и ученой стороны дѣла, усердно помогалъ Виллье при изданіи Полевой Фармакопеи для арміи (Pharmacopea castrensis Ruthenica); дѣятельное участіе Орлай принималъ и въ составленіи Устава Медико Хирургич. Академіи и вообще въ трудахъ, направленныхъ къ обезпеченію

болѣе успѣшнаго развитія новаго и обширнаго учрежденія, какимъ являлась Академія. Между прочимъ, Орлаю, какъ энергичному и широко образованному человѣку, въ 1811 г. было поручено Академіей редактированіе «Всеобщаго Журнала врачебной науки»; впрочемъ, событія Отечественной войны отвлекли Орлая отъ обычныхъ занятій: 5 апрѣля 1812 года онъ былъ назначенъ ординаторомъ С.-Петербургскаго Сухопутнаго и Генеральнаго Госпиталя, и въ этой должности пробылъ до октября слѣдующаго года, а затѣмъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ прежнихъ обязанностей. Въ 1817 г. Орлай, за болѣзнью, вынужденъ былъ отказаться отъ обязанностей ученаго секретаря Академіи, которая, въ уваженіе его заслугъ передъ нею, избрала его въ свои почетные члены; Орлай былъ оставленъ Виллье для особыхъ порученій; впрочемъ, это послѣднее назначеніе, не представлявшее опредѣленной и самостоятельной дѣятельности, не могло,—какъ говорить одинъ изъ біографовъ Орлая,—удовлетворять человѣка, полнаго силъ и стремленій и прекрасно подготовленнаго къ разнообразнымъ поприщамъ; къ тому же, начавшіяся несогласія съ Виллье и предложенія Орлаю со стороны нѣкоторыхъ учрежденій болѣе самостоятельныхъ должностей скоро склонили Орлая отказаться отъ службы при Виллье. Еще въ концѣ 1820 г. Орлаю было сдѣлано предложеніе поступить въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по медицинскому факультету; Орлай изъявилъ было согласіе, но Виллье, дорожившій его услугами, успѣлъ удержать Орлая при себѣ; но уже лѣтомъ слѣдующаго года начались переговоры гр. Кушелева-Безбородки о замѣщеніи Орлаемъ должности директора Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородки, и 3 сент. 1821 состоялось увольненіе Орлая отъ службы при Виллье и назначеніе его на упомянутую должность директора Гимназіи. Вступивъ въ должность 1-го ноября 1821 г., онъ немедленно принялся за устройство гимназіи во всѣхъ ея частяхъ и прежде всего въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Какъ на особыя заслуги Орлая передъ гимназіей, можно указать на его успѣшный выборъ преподавателей и строгое наблюденіе за изученіемъ языковъ; въ воспоминаніяхъ бывшихъ учениковъ Орлай изображается строгимъ начальникомъ, но добрымъ, снисходительнымъ и горячо преданнымъ своему дѣлу и питомцамъ Гимназіи человѣкомъ. Педагогическія и административныя способности Орлая скоро обратили на себя вниманіе, и между прочимъ, въ 1825 г. ему было поручено попечителемъ Харьковскаго учебнаго Округа осмотрѣть рядъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи этого Округа. Въ январѣ 1826 г. Орлай былъ произведенъ въ дѣйствит. ст. совѣтники, а въ августѣ того же года былъ переведенъ на должность директора Одесскаго Ришельевскаго Лицея, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ недолго: 27 февр. 1829 г. онъ умеръ, оставивъ по себѣ память, какъ энергичный и высоко-нравственный педагогъ.

Въ печати находится немного трудовъ Орлая, но имя его было хорошо извѣстно ученому міру не только у насъ, но и за границей, и многія русскія и иностранныя ученыя общества избирали его въ число своихъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членомъ. Орлай былъ членовъ Московск. Общ. Испытателей природы, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Виленскаго Медиц. Общ., почетн. членомъ Медико-Хирургич. Академіи, Виленскаго университета, Казанск Общ. Любителей Отечеств. словесности; кромѣ того онъ былъ членомъ Альтенбургск. Ботаническаго Сада Іенскаго Минералогич. Общ., Ерлангенскаго физико-медиц. общ. и др. Свое обширное собраніе книгъ, рукописей и естеств. коллекціи Орлай частями пожертвовалъ въ различныя библіотеки и общества.

И. С. Орлаю принадлежитъ: Dissertatio sistens doctrinas de viribus naturae medicatricibus etc. (Dorpat 1807); Oratio in laudes Russiae principum etc. (Petrop. 1809); Исторія о карпато-россахъ («Сѣв. Вѣстн.» 1804, ч. I и III); О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нѣчто объ обученіи языкамъ иностраннымъ («Записки, издаваемыя отъ Департ. Народн. Просвѣщ.», 1825, кн. I); Мнѣніе о преобразованіи училищъ въ Россіи (напечат. Н. А. Лавровскимъ въ его изслѣдованіи: «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко», Кіевъ 1879, стр. 145 - 158); О юго-западной Русіи («Труды и Зап. Общ. ист. и древн. Рос.» 1826, ч. III, кн. I); кромѣ того, Орлай принималъ дѣятельное участіе въ изданныхъ Медиц. Коллегіей «Observationes medicochirurgorum Ruthenici Imperii» и въ упомянут. выше «Pharmacopea castrensis Ruthenica». Зна-

чительное число трудовъ Орлая осталось въ рукописи.

Архивъ Департамента Герольдіи Правительств. Сената и Минист. Народн. Просвѣщенія. „Сѣв. Пчела“ 1829, № 33; Н. А. Лавровскій, „Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“. Кіевъ 1879: Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко, Спб. 1881 (изд. 2); Ришельевскій Лицей и Императорскій Новороссійск. Университетъ“. Одесса 1898; І. Михневичъ, Историч. обзоръ сорокалѣтія Ришельевск. Лицея“, Одесса 1857. „Русск. Стар.“ т. IV, стр. 240—251. (Воспоминанія Д. К. Тарасова); 1899, т. I; Письма Н. В. Гоголя, Спб. 1902, т. I; Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“; Словари—Брокгауза и Ефрона, Recke и Napiersky и др.

Ив. Кубасовъ.

Орлова-Чесменская, графиня *Анна Алексѣевна*, камеръ-фрейлина, единственная дочь гр. Алексѣя Григорьевича Орлова и гр. Евдокіи Николаевны, рожденной Лопухиной; родилась 2-го мая 1785 г. въ Москвѣ. Рано лишившись матери, она осталась на попеченіи отца, который далъ ей вполнѣ свѣтское воспитаніе, обративъ главное вниманіе на изученіе языковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго. На восьмомъ году отъ рожденія графиня была сдѣлана фрейлиной, а въ 1796 году была привезена своимъ отцомъ въ Петербургъ и представлена Императрицѣ. Наступившая перемѣна царствованія измѣнила на нѣсколько лѣтъ обычный образъ жизни Орловыхъ. Принужденный уѣхать за границу, гр. Алексѣй Григорьевичъ взялъ туда же никогда съ нимъ не разлучавшуюся дочь. Вернувшись со вступленіемъ на престолъ императора Александра I-го въ Россію, Орловы поселились въ Москвѣ въ собственномъ домѣ близъ Донскаго Монастыря (теперешній Александрійскій дворецъ). Въ это время Аннѣ Алексѣевнѣ было уже 16 лѣтъ, и поэтъ Державинъ привѣтствовалъ ея вступленіе въ свѣтъ стихотвореніемъ, въ которомъ восхвалялъ умъ и рѣдкія душевныя качества графини. Толпа титулованныхъ блестящихъ жениховъ стала искать ея руки и ухаживать за нею. Въ числѣ ихъ были между прочимъ кн. Куракинъ, извѣстный богачъ и вельможа, и кн. Платонъ Зубовъ; но гр. Орлова отклонила ихъ исканія. Въ 1807 году умеръ гр. А. Г. Орловъ и его дочь сдѣлалась обладательницею многомилліоннаго состоянія. Несмотря на свою молодость, она не растерялась и не стала искать покровительства и помощи опытныхъ людей; обладая достаточной силой воли, она рѣшила дѣйствовать самостоятельно. Предложеніе дяди, гр. Владиміра Григорьевича, переселиться жить къ нему, подъ тѣмъ предлогомъ, что она слишкомъ молода и неопытна и было бы неприлично жить ей одной, было ею отвергнуто, что испортило на продолжительное время ихъ родственныя отношенія. Пригласивъ управлять дѣлами своего побочнаго брата генерала А. А. Чесменскаго, Анна Алексѣевна отвергла всѣ исканія жениховъ и окончательно оставила мысль о замужествѣ. Впрочемъ, одинъ изъ искателей ея руки—гр. Н. М. Каменскій обратилъ на себя вниманіе графини и она полюбила его, думая, что онъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же, но вскорѣ разочаровалась въ немъ и стала искать утѣшенія въ религіи, которую понимала однако совершенно своеобразно, придавая главнымъ образомъ значеніе обрядности, симпатизируя монашеству, которое считала единственнымъ хранителемъ истинно православной христіанской религіи.

Нѣкоторое время спустя послѣ смерти отца, Анна Алексѣевна отправилась на богомолье сперва въ Кіевъ, а потомъ въ Ростовъ; здѣсь она встрѣтилась со старцемъ Яковлевскаго Монастыря Амфилохіемъ, избрала его своимъ духовникомъ и скоро подпала подъ сильное его вліяніе. По смерти Амфилохія, графиня, по совѣту Пензенскаго и Саранскаго епископа Иннокентія, пригласила къ себѣ въ духовные отцы мало извѣстнаго тогда монаха Александро-Невской лавры Фотія, согласившагося на это приглашеніе послѣ настойчивыхъ просьбъ графини. Переведенный въ 1822 году въ Юрьевъ монастырь въ Новогородской губерніи, Фотій, при помощи гр. Анны Алексѣевны, возобновилъ эту древнюю, но бѣдную обитель. Гр. Орлова купила близъ монастыря большой участокъ земли, выстроила усадьбу и переселилась сюда изъ Петербурга на постоянное жительство. Строго соблюдая посты, графиня вела здѣсь самую суровую монастырскую жизнь. Она рѣдко покидала свое новое убѣжище, и такъ его полюбила, что перевезла въ Юрьевъ Монастырь останки своего отца и дядей, гдѣ они и пролежали очень долго, пока не были перевезены (въ очень недавнее время) въ Отраду, подмосковное имѣніе гр. Орлова-Давыдова. Графиня мало по малу окончательно подчинилась своему духовнику, и ничего не дѣлала безъ его разрѣ-

шенія. Онъ умеръ на ея рукахъ за нѣсколько лѣтъ до смерти самой графини. Ведя отшельническую жизнь и проводя время въ постѣ и молитвѣ, Анна Алексѣевна не порывала однако связей съ обществомъ и дворомъ и пользовалась большимъ расположеніемъ всей царской фамиліи. Дворъ осыпалъ ее своими милостями. Въ 1817 году Анна Алексѣевна была пожалована въ камеръ-фрейлины, Императоръ Александръ I-й пожаловалъ ей портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, а во время коронаціи Николая I-го графиня получила знаки ордена Св. Екатерины меньшаго креста; въ 1828 г. гр. Орлова сопровождала Императрицу Александру Ѳеодоровну въ ея путешествіи по Россіи и за границей.

Являясь одной изъ самыхъ крупныхъ душевладѣлицъ имперіи, но не сочувствуя крѣпостному праву, гр. Орлова старалась различными мѣрами облегчить участь принадлежавшихъ ей крестьянъ: обративъ часть изъ нихъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ, она другихъ перевела въ удѣльное вѣдомство, считая крестьянскую администрацію этого учрежденія и весь строй управленія удѣльными крестьянами наиболѣе гуманнымъ. Въ принадлежавшихъ ей въ Самарской губерніи громадныхъ имѣніяхъ, сплошь заселенныхъ чувашами-инородцами, поголовными язычниками, графиня занялась обращеніемъ въ христіанство дикихъ инородческихъ семей и, благодаря удачной проповѣди, тамъ скоро укрѣпилось православіе; для новыхъ христіанъ графиня выстроила хорошую каменную церковь въ селѣ Нижней Ивановкѣ.

Пользуясь всю жизнь крѣпкимъ здоровіемъ, графиня Анна Алексѣевна почти никогда не болѣла и скончалась скоропостижно 5-го октября 1848 г. въ Юрьевомъ монастырѣ, находясь въ гостяхъ у архимандрита Мануила. Состояніе гр. Анны Алексѣевны было громадно,—одна ея недвижимая собственность оцѣнивалась въ 45 милліоновъ руб.; бо̀льшую часть своихъ доходовъ она жертвовала на монастыри и церкви; въ особенности же она покровительствовала Юрьеву монастырю.

„Жизнь графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской", составилъ Н. Елагинъ. („Заря" 1871 г. № 3 стр. 1—31 и 1872 г. № 1 стр. 111—154); „Русская Старина" 1875 г. Томъ XIII стр. 301—332, 459—489; „Историческій Вѣстникъ", т.т. XLI, XLVIII, LXXIV, LXXXIV; „Русскій Архивъ" 1869 г. № 6 стр., 943—958; 1870 г. стр. 891, 900;—„Архивъ Князя Воронцова" т.т. VIII, XII, XXVII, XXXII, XXXV, XXXI. „Чтенія въ Императорск. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1903 г., кн. 4; „Біографія графа Владиміра Григорьевича Орлова", составилъ его внукъ Орловъ-Давыдовъ; „Сочиненія Державина" (Академическое изданіе) т. I и II.

Б. Алексѣевскій.

Орлова, *Прасковья Ивановна*, рожд. Куликова, московская артистка первой половины XIX вѣка. П. И. Орлова получила сценическое образованіе въ Московской Театральной школѣ, гдѣ обратила на свой талантъ вниманіе директора театровъ О. Ѳ. Кокошкина и артиста Живокини. Въ 1828 г. она удачно дебютировала на Московской сценѣ въ пьесѣ «Два гусара или женихъ въ халатѣ», и съ тѣхъ поръ до 1837 г. пользовалась постояннымъ, хотя и не особенно шумнымъ успѣхомъ; она выступала главнымъ образомъ въ комедіяхъ и водевиляхъ. Въ 1837 г. Мочаловъ въ свой бенефисъ предложилъ Орловой сыграть роль Офеліи въ «Гамлетѣ», и въ этой роли она выказала крупный драматическій талантъ, привлекшій къ ней еще болѣе симпатіи публики; послѣ ухода со сцены артистки Рѣпиной всѣ ея роли перешли къ Орловой, и послѣдняя особенно хороша была въ роли Вероники въ «Уголино» и Корделіи въ «Королѣ Лирѣ». Оставивъ около 1845 года московскую Императорскую сцену, Орлова переѣхала въ Петербургъ, куда она и раньше пріѣзжала не разъ на гастроли. Въ Петербургѣ она обыкновенно выступала лишь въ любительскихъ спектакляхъ, наибольшимъ успѣхомъ пользовалась въ роли Ифигеніи, въ трагедіи того же названія и въ водевилѣ «Чего на свѣтѣ не бываетъ». Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Орлова играла преимущественно въ Одессѣ и Кіевѣ. В. Бѣлинскій отзывался о ней всегда очень благосклонно.

П. Н Араповъ, „Драматическій Альбомъ". М. 1850; „Московскій Телеграфъ" 1828; Московскія періодическія изданія 1837 и послѣдующихъ годовъ; Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, ч. 3, М. 1871, стр. 155, 157, 161, 167 и 168.

Е. Ястребцевъ.

Орловскій, *Александръ Осиповичъ*, — академикъ батальной живописи, извѣстный рисовальщикъ; род. въ 1777 г. въ Варшавѣ, ум. въ Петербургѣ 2 марта 1832 г. Родившись въ бѣдной семьѣ въ Варшавѣ, А. О. Орловскій провелъ дѣтство въ Сѣдльцахъ, гдѣ отецъ его содер-

жалъ гостинницу; страсть къ рисованію и художественныя способности проявились въ Орловскомъ еще въ дѣтскіе годы. Случай познакомилъ съ его рисунками княгиню Чарторижскую, по ходатайству и при содѣйствіи которой, Орловскій былъ отправленъ въ Варшаву и отданъ въ ученье къ живописцу Норблену (Norblin de la Gourdaine), наиболѣе извѣстному своими рисунками изъ польской жизни, въ которыхъ онъ мѣтко схватывалъ особенности польскаго типа. Норбленъ не далъ Орловскому систематическаго художественнаго образованія, предоставивъ ему вполнѣ свободный выборъ сюжетовъ для его рисунковъ и карикатуръ, склонность къ которымъ живой и наблюдательный Орловскій обнаружилъ очень рано. Въ 1794 г. охваченный патріотическимъ движеніемъ, въ мечтахъ о славѣ и подвигахъ, Орловскій бросилъ Норблена и вступилъ въ ряды польскихъ войскъ, принялъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ и, раненый при Зегржѣ, вернулся въ Варшаву, гдѣ очутился въ ужасномъ положеніи, пока Норбленъ не разыскалъ его и вновь не принялъ его къ себѣ. Но и это пребываніе у Норблена не было долговременнымъ. Дурной образъ жизни Орловскаго привелъ къ размолвкамъ между нимъ и его учителемъ, кончившимся тѣмъ, что Орловскій ушелъ отъ Норблена, и въ теченіе года велъ бродячую жизнь и даже одно время присталъ къ труппѣ какого-то фокусника. Просьба горячо его любившаго и цѣнившаго его талантъ Норблена и насмѣшки товарищей вернули наконецъ Орловскаго къ занятіямъ живописью; скоро онъ достигъ и нѣкоторой извѣстности. Занятія у Норблена развили въ Орловскомъ наблюдательность, умѣнье схватывать характерныя черты и дали ему изящную и порой блестящую технику, но отсутствіе строгой художественной школы обусловило важные пробѣлы въ послѣдней и Орловскій, напримѣръ, никогда не научился рисовать нѣкоторыхъ деталей. Для дальнѣйшаго своего образованія Орловскій рѣшилъ отправиться въ Италію и для того, чтобы добыть себѣ средства, пустился странствовать по Литвѣ, изучая въ то же время нравы дворянства и черты народнаго характера; но въ матеріальномъ отношеніи это путешествіе ему не принесло никакой пользы. Возвратясь въ Варшаву, онъ познакомился съ кн. Іосифомъ Понятовскимъ, который принялъ въ немъ участіе и назначилъ ему жалованье, обезпечившее Орловскому безбѣдное существованіе. Не довольствуясь пріобрѣтенной имъ извѣстностью и не оставляя своихъ надеждъ на поѣздку въ Италію, Орловскій въ 1802 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь сначала онъ не имѣлъ успѣха; но случай свелъ его съ меценатомъ графомъ Далицкимъ, черезъ котораго онъ попалъ въ лучшіе петербургскіе дома и пріобрѣлъ расположеніе многихъ вліятельныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Нарышкина и графа Станислава Потоцкаго. Послѣдній представилъ его великому князю Константину Павловичу, который помѣстилъ Орловскаго въ своемъ Мраморномъ дворцѣ и доставилъ ему должность придворнаго живописца. Должность эта состояла «въ исполненіи требованій великаго князя, заказывавшаго ему разные рисунки по предметамъ, относившимся до образованія и преобразованія русской арміи и до современныхъ событій, въ которыхъ она со славой участвовала». Его рисунки и карикатуры, а также и нѣкоторыя крупныя картины доставили ему большую извѣстность въ Петербургскомъ обществѣ, а знакомство съ посломъ Наполеона Коленкуромъ, по просьбѣ котораго Орловскій исполнилъ серію рисунковъ, изображающихъ бытъ сѣверныхъ народовъ, доставило ему извѣстность и за границей. Любя искусство и стремясь къ болѣе точному реальному изображенію жизни, Орловскій счелъ необходимымъ ближе ознакомиться съ новымъ своимъ отечествомъ, и въ этихъ цѣляхъ предпринялъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Послѣ долгихъ странствованій и стараній самолюбиваго и энергичнаго Орловскаго въ 1809 г. Академія Художествъ за картину «Бивуакъ казаковъ» признала его академикомъ батальной живописи. Въ 1819 г. Орловскій былъ причисленъ къ Генеральному Штабу для сочиненія рисунковъ военныхъ костюмовъ. — Значеніе Орловскаго въ исторіи русскаго искусства заключается въ томъ, что онъ въ своихъ картинахъ и еще болѣе рисункахъ является однимъ изъ первыхъ представителей въ нашемъ искусствѣ реальнаго направленія и отчасти—жанровой живописи. Предметомъ его живописи чаще всего служили сцены изъ военной жизни, казаки, башкиры, бой со звѣрями и особенно удававшіяся ему лошади. Его картины, не смо-

тря на нѣкоторые техническіе недостатки, отличаются жизненностью и живостью колорита. Значительную художественную цѣнность имѣютъ и его мелкіе рисунки и карикатуры, которымъ самъ авторъ придавалъ большое общественное значеніе. Извѣстенъ Орловскій также какъ литографъ и граверъ.—Изъ произведеній его наиболѣе извѣстны: «Бивуакъ казаковъ», «Мать, защищающая свое дитя отъ нападенія альпійскаго орла», «Обозъ въ лѣсу», «Тигръ, напавшій на всадника», «Сельская сцена», «Привалъ охотниковъ», «Кораблекрушеніе» и значительное количество мелкихъ рисунковъ, карикатуръ и портретовъ.

Дѣла Архива Имп. Акад. Художествъ; Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ; Сомовъ, Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи, Спб. 1872; А. Ивановскій, Θедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная галлерея, Спб. 1870; Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ; Колачковскій, Словарь польскихъ граверовъ, Львовъ. 1874; „Иллюстрированная Газ.," 1868 т. 22 № 46; „Воскрес. Досугъ", т. II № 35 ст. 151—156; „Нива" 1871 № 12 „Сѣверн. Пчела" 1832 № 52: Мѣсяцесловъ на 1832 г., „Русская Старина" 1873 г. т. 7 № 123—4; 1876 г. т. 16 № 7, стр. 553—558.

Л. Карсавинъ.

Орловскій, *Алексѣй Николаевичъ*,— ассистентъ и помощникъ прозектора по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи при Московскомъ университетѣ; род. 12-го февраля 1821 г. въ г. Прилукахъ Полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ въ то время священникомъ Нарвскаго гусарскаго полка; ум. 22-го ноября 1856 г., въ Москвѣ. Орловскій получилъ образованіе въ Московскомъ Перервинскомъ, въ Могилевскомъ и въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ духовныхъ училищахъ, въ Московской Заиконоспасской Семинаріи и въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1845 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія. Нѣкоторое время онъ былъ и на словесномъ факультетѣ, но потомъ снова возвратился на медицинскій. Въ 1845 г. Орловскій былъ зачисленъ ассистентомъ и помощникомъ прозектора по каѳедрѣ сравнительной анатоміи; въ 1848 г. принималъ участіе въ борьбѣ съ холерой въ Коломнѣ; въ 1849 г. былъ опредѣленъ на выше названную должность и по каѳедрѣ физіологіи. Съ 1855 г. онъ состоялъ членомъ физико-медицинскаго общества при Московскомъ университетѣ, съ 14-го іюля 1856 г. былъ ординаторомъ въ больницѣ для чернорабочихъ. Кромѣ того, съ 1853 г. Орловскій руководилъ студентами 3-го и 4-го курсовъ въ ихъ практическихъ занятіяхъ. Орловскій былъ отлично знакомъ съ экспериментальной физіологіей и прослѣдилъ чрезвычайно важные опыты, съ замѣчательнымъ знаніемъ и искусствомъ. Кабинетъ анатоміи, основанный въ Московскомъ университетѣ въ 1844 г. проф. Глѣбовымъ, обязанъ ему своимъ быстрымъ развитіемъ; въ теченіе 11 лѣтъ онъ изготовилъ болѣе 1000 препаратовъ для этого кабинета, частію совершенно новыхъ, частію для замѣны старыхъ. Изъ оригинальныхъ работъ его наиболѣе замѣчательны опыты надъ живымъ сердцемъ, надъ узловатою нервною системой и надъ ритмическими движеніями сердца. Ему принадлежитъ: «Описательная анатомія человѣческаго тѣла», (сочин. Клоке, пер. съ фр.); «Краткое начертаніе топографической анатоміи», 1845 годъ, (пер. съ нѣм.),—учебникъ принятый университетомъ въ руководство при преподаваніи практической анатоміи: «О вліяніи нервной системы на кровообращеніе». (Осталась не напечатанной).

„Московскій Врачебный Журналъ", 1856. кн. V, с. 215—240; 1857 г., кн. 5—6, стр. 21—48, Л. Змѣевъ: „Русскіе врачи писатели", тетр. 2, Спб. 1886 г., стр. 43—44; „Отечественныя Записки", 1857 г., 110, III, стр. 42; Мѣсяцесловъ на 1858 г., стр. 253. *И. Давидовичъ.*

Орловскій, *Антонъ*; скрипачъ и композиторъ; родился въ 1811 г. въ Варшавѣ, ум. 11 февр. 1861 г. въ Руанѣ. Музыкальное образованіе А. Орловскій получилъ въ Варшавской консерваторіи; въ 1827 г. написалъ музыку для балета «Мавры въ Испаніи» и вскорѣ отправился для усовершенствованія въ искусствѣ за границу. Посѣтивъ Германію, Францію и Италію, Орловскій рѣшилъ поселиться во Франціи и принялъ предложенное ему мѣсто директора театральнаго оркестра въ Руанѣ. Тамъ, на сценѣ мѣстнаго театра, онъ поставилъ въ 1836 году свою одноактную оперу «Mari de circonstance».—Орловскій написалъ очень много піесъ для фортепіано (главнымъ образомъ, полонезы и мазурки), струнныхъ инструментовъ (тріо, квартеты и квинтеты), нѣсколько романсовъ и гимнъ св. Цециліи.—Его пьесы издавались, главнымъ образомъ, въ Варшавѣ и Парижѣ.

„Pamietnik Muzyczny Sikorskiego" 1862 г., №№ 24—34. Stownik musyków polskich So-

winskiego, Paryz 1874; Encyklopedja Powszechna, Orgelbranda 1865 г., томъ 20; Тоже 1901 г, томъ II; Slovník Naučny v Praze 1865 г., томъ 5. *А. П.*

Орловскій, *Борисъ Ивановичъ* (наст. фам. Смирновъ),—академикъ и профессоръ скульптуры въ Импер. Академіи Художествъ; родился въ 1792 — 1793 г. въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губ., въ селѣ Большомъ Столобецкомъ, умеръ 16 дек. 1837 г. въ Петербургѣ. Отецъ его — дворовый человѣкъ П. М. Мацневой, былъ проданъ въ 1801 г. вмѣстѣ съ семьей, «безъ земли, на своз» тульскому помѣщику бригадиру Шатилову, который отдалъ Б. И. еще мальчикомъ въ ученье въ одну изъ московскихъ мраморныхъ мастерскихъ. Переѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, Б. И., прозванный товарищами Орловскимъ (по мѣсту происхожденія), поступилъ мраморщикомъ въ мастерскую Трескорни. Въ свободные часы онъ усердно занимался рисованіемъ и лѣпкою изъ глины. Случай свелъ его съ ректоромъ Академіи Художествъ скульпторомъ И. П. Мартосомъ который, принявъ въ немъ участіе, познакомилъ съ его работами президента Академіи А. Н. Оленина, а послѣдній самого государя. Исполненный Орловскимъ бюстъ Государя настолько понравился Его Величеству, что тотъ велѣлъ принять Орловскаго въ Академію, причемъ помѣщика Шатилова убѣдили отпустить Орловскаго на волю. Орловскій былъ причисленъ къ оставленнымъ при Академіи художникамъ съ тѣмъ, чтобы въ скоромъ времени быть отправленнымъ въ Италію для «вящаго усовершенствованія въ своемъ искусствѣ». Орловскій обучался въ Академіи только 2 мѣсяца, посѣщая рисовальные и скульптурные классы. По истеченіи этого срока, несмотря на мнѣніе академическаго начальства, считавшаго для Орловскаго необходимымъ пробыть еще годъ въ Академіи для усовершенствованія въ рисованьѣ и лѣпкѣ, по указу Государя, нашедшаго, что этому Орловскій можетъ научиться и въ Италіи, послѣдній былъ отправленъ въ 1822 г. въ Римъ къ Торвальдсену. Въ мастерской Торвальдсена, Орловскій усердно изучалъ антики, не пренебрегая, впрочемъ, и портретными работами. Изъ новыхъ скульпторовъ Орловскаго наиболѣе привлекали помимо Торвальдсена, Франсуа Фламанъ и Канова. Изъ произведеній Орловскаго ко времени пребыванія его въ Римѣ относятся колоссальный бюстъ Александра I (копія съ бюста Торвальдсена), статуи Париса съ яблокомъ, Фавна и группа—Фавнъ и Вакханка. Въ 1829 г. онъ вмѣстѣ съ Гальбергомъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ конкурсѣ на составленіе проэктовъ памятниковъ Барклаю-де-Толли и Кутузову. Въ іюлѣ этого года Орловскій прибылъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Торвальдсена. Обезпеченный ежегоднымъ содержаніемъ въ 3000 руб. впредь до назначенія профессоромъ Академіи Художествъ, Орловскій принялся за исполненіе проэктовъ, что и сдѣлалъ довольно скоро, несмотря на нѣкоторыя стѣснительныя условія конкурса. Въ томъ же 1829 году онъ былъ назначенъ академикомъ, а въ 1831 г., по исполненіи программы на тему «Янъ-Усмовичъ, усмиряющій быка»,—профессоромъ Академіи, въ каковомъ званіи и былъ утвержденъ въ 1836 г. Въ 1831 г., по окончаніи статуй Барклая-де-Толли и Кутузова, исполненіе которыхъ осталось за Орловскимъ, онъ принялся за работы по украшенію Александровской колонны, гдѣ имъ исполнены статуя генія и одинъ барельефъ. Изъ прочихъ работъ Орловскаго наиболѣе замѣчательны: фигуры 7 геніевъ для воротъ за Московской заставой, мальчикъ, играющій съ уткой — (копія съ антика, для Императрицы Елизаветы Алексѣевны), мраморная группа цвѣтовъ, мраморные бюсты проф. Мейера и Мартоса и маленькая фигура гренадера дворцовой роты. Кромѣ того, Орловскій повторилъ для кн. Волконскаго бюстъ Александра I. Въ исторіи русскаго искусства Орловскій обыкновенно разсматривается, какъ одинъ изъ представителей умѣренно-натуралистическаго направленія, наиболѣе выраженнаго произведеніями Шубина и Крылова, преемникомъ и продолжателемъ которыхъ онъ и является. Не обладая крупнымъ талантомъ, Орловскій отличался необыкновенною добросовѣстностью и трудолюбіемъ. Эти качества во время своего недолгаго профессорства онъ старался привить и своимъ немногимъ ученикамъ.

• Архивъ Императ. Академіи Художествъ; Петровъ, Сборникъ Матеріаловъ по Ист. Имп. Акад. Худ., т. II; Рамазановъ, Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи; ч. I. М. 1863 г.; „Сѣверное Сіяніе“, т. II 1863 г. стр. 739; „Отечеств. Записки“ 1822, ч. 10,

стр. 287—290; 1824, ч. 20, стр. 507—510; „Художеств. Газета“ 1847 г., № 17, 18 и № 24; 1838 г. янв., № 11 и 19. „Московск. Вѣдом.“ 1829 № 9; Альманахъ на 1838 ст. 342—343; Словари Брокгауза, Старчевскаго и Березина.

Л. Карсавинъ.

Орловскій, *Іосифъ Станиславовичъ* (Игнатьевичъ), академикъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ, варшавскій губернскій архитекторъ и управляющій строительнымъ отдѣленіемъ Варшавскаго Губернскаго Правленія; род. въ 1820 г. По окончаніи курса въ Петроковской гимназіи, Орловскій въ 1838 г. поступилъ аппликантомъ въ правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ по строительной части; спустя семь лѣтъ, сдалъ экзаменъ на вольнопрактикующаго архитектора II класса; въ 1846 г. предпринялъ путешествіе за границу и провелъ четыре года въ Италіи и Германіи, гдѣ изучалъ архитектурное искусство. Возвратившись изъ-за границы, Орловскій въ 1850 г. получилъ должность архитектора въ Петроковѣ, затѣмъ продолжалъ службу въ упомянутой строительной комиссіи, причемъ въ 1852 г. былъ снова командированъ за границу для собранія матеріаловъ для постройки зданія Варшавской Медико-Хирургической Академіи. Вскорѣ послѣ вторичнаго пріѣзда изъ-за границы Орловскій обратилъ на себя вниманіе постройкой зданія Дворянскаго института на Вейской улицѣ. Не ограничиваясь одной практической дѣятельностью, Орловскій съ 1857 г. принялъ на себя преподаваніе архитектуры въ Варшавскомъ Дворянскомъ институтѣ, но его преподавательская дѣятельность продолжалась недолго вслѣдствіе перехода его въ 1858 г. на службу въ Варшавскую строительную комиссію. Между тѣмъ, произведенныя имъ многочисленныя постройки сдѣлали его имя весьма извѣстнымъ, и С.-Петербургская Императорская Академія Художествъ удостоила его въ 1872 г. диплома на званіе академика. Назначенный 2 августа 1876 г. варшавскимъ губернскимъ архитекторомъ, Орловскій въ этой должности состоялъ по день смерти. Изъ его построекъ наиболѣе крупными и интересными считаются зданіе больницы св. Духа на Электоральной улицѣ, костелъ св. Станислава на Волѣ и зданіе Варшавской ратуши. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ зданія Варшавской Медико-Хирургической Академіи. І. С. Орловскій скончался въ Варшавѣ 4 января 1880 г.

„Варшавскія Губернскія Вѣдомости“ 1880 г. № 1; „Варшавскій Дневникъ“ 1880 г. № 12; „Kurjer Warszawski“ 1880 roku №№ 11, 12 и 14; „Нива“ 1875 г. № 33.

Александръ Петровъ.

Орловскій, *Константинъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, тифлисскій гражданскій губернаторъ. К. И. Орловскій род. въ 1810 г. и происходилъ изъ дворянъ Бессарабской губерніи; въ началѣ 1827 г. поступилъ на службу въ канцелярію Бессарабскаго губернатора. Четыре съ половиной года спустя, онъ перешелъ въ канцелярію Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора и въ 1831 г., помимо исполненія своихъ обязанностей по канцеляріи генералъ-губернатора, занимался въ Совѣтѣ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ, который оставилъ лишь въ концѣ августа 1834 г., въ виду перевода своего на службу въ Грузію. Здѣсь, въ качествѣ чиновника канцеляріи главноуправляющаго, Орловскій усердно работалъ по вопросамъ о расширеніи нашей торговли съ Персіей и о развитіи шелководства въ Закавказьѣ. Тщательно изучивъ исторію и современное положеніе обоихъ этихъ вопросовъ, онъ въ 1838 г. представилъ главноуправляющему Грузіей обширную докладную записку. Въ томъ же году онъ былъ командированъ для временнаго управленія дѣлами Высочайше утвержденнаго Закавказскаго Россійскаго Общества Шелководства и Торговли, съ оставленіемъ при канцеляріи главноуправляющаго Грузіей. Въ короткое время при его содѣйствіи были завязаны прочныя и въ довольно широкихъ размѣрахъ торговыя сношенія съ Персіей, для болѣе же успѣшнаго хода шелководства была учреждена въ Царь-Абадѣ школа шелководства, первымъ директоромъ которой и состоялъ Орловскій. Въ іюнѣ 1844 г. Орловскій былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника 2-го отдѣленія канцеляріи Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ, а въ сентябрѣ того же года на него было возложено собираніе свѣдѣній, касающихся военныхъ сословій Каспійской области; затѣмъ, съ 22 августа 1846 г. по 1 января 1850 г. Орловскій служилъ эриванскимъ уѣзднымъ судьею, послѣ чего былъ назначенъ совѣтникомъ эриванскаго губернскаго правленія. 25 апрѣля 1852 г. Орлов-

скій былъ назначенъ предсѣдателемъ Эриванскаго губернскаго суда и эту должность занималъ около восьми лѣтъ, причемъ 18 декабря 1859 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 25 марта 1860 г. онъ былъ назначенъ Тифлисскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ каковой должности оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей 8 марта 1876 г. въ Тифлисѣ. К. И. Орловскій имѣлъ всѣ ордена, до ордена Бѣлаго Орла включительно.

„Кавказъ" 1876 г. № 30; „Тифлисскій Вѣстникъ" 1876 г. №№ 54 и 56; „Русская Старина" т. 81; Полный послужной списокъ.

Е. Я.

Орловскій, *Петръ Герасимовичъ*,— генералъ-лейтенантъ, командиръ Астраханскаго порта; писатель. Въ 1774 г. Орловскій былъ опредѣленъ кадетомъ въ Морской Корпусъ, въ 1779 г. произведенъ въ гардемарины и съ слѣдующаго года началъ плаваніе послѣдовательно на разныхъ корабляхъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1785 г. на кораблѣ «Св. Петръ» участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи, а въ слѣдующемъ году въ Эландскомъ, послѣ котораго былъ назначенъ состоять флагъ офицеромъ при вице-адмиралѣ Муснѣ-Пушкинѣ; въ 1790 г. Орловскій участвовалъ въ Ревельскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ; въ слѣдующіе годы плавалъ на разныхъ судахъ, уже въ качествѣ командира, въ Балтійскомъ морѣ. Въ январѣ 1796 года Орловскій былъ командированъ въ Каспійскую флотилію флагъ-капитаномъ при контръ-адмиралѣ Федоровѣ; въ 1796—1797, во время Персидской войны, Орловскій былъ въ плаваніи у персидскихъ береговъ и производилъ рекогносцировки по рѣкѣ Курѣ, и въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ. Между прочимъ, въ 1800 г., командуя кораблемъ «Св. Іануарій» и фрегатомъ «Нарва», плавалъ съ дессантными войсками къ берегамъ Англіи и Голландіи; въ кампанію 1802 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст., а въ февралѣ слѣдующаго вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 2 ранга, но вскорѣ вновь поступилъ на службу и былъ опредѣленъ на должность управляющаго Инспекторской Экспедиціей при Адмиралтейской Коллегіи; въ декабрѣ 1811 года опредѣленъ совѣтникомъ генералъ-кригсъ-коммисара, а вскорѣ и помощникомъ генералъ-интенданта, съ назначеніемъ производить постройку судовъ на Охтенской верфи. За время съ 1813 по 1821 г. подъ его наблюденіемъ было выстроено до 40 кораблей; кромѣ того, онъ завелъ новыя слесарныя, инструментальныя и иныя мастерскія. Въ 1821 г. Орловскій, уже въ чинѣ генералъ-маіора (съ 1817 г.), былъ назначенъ на должность главнаго командира Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи, и черезъ восемь лѣтъ былъ переведенъ директоромъ департамента корабельныхъ лѣсовъ; въ декабрѣ того же 1829 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Наконецъ, въ 1836 г. Орловскій уволился отъ занимаемыхъ имъ должностей, но до самой смерти, послѣдовавшей въ 1853, продолжалъ состоять по Морскому Министерству.

П. Г. Орловскому принадлежитъ нѣсколько спеціальныхъ сочиненій: «Взглядъ на мореходство и морскія силы у всѣхъ народовъ въ мірѣ», 1836; «Славнѣйшіе флотоводцы», 1840; «Способъ заготовки корабельныхъ лѣсовъ»; «Очеркъ дѣйствій Каспійской флотиліи во время послѣднихъ войнъ Персіи и Турціи».

Общій Морской списокъ, т. IV, Спб. 1890, стр. 499—502.

Н. Артамонова.

Орловскій, *Францъ Ивановичъ*,— врачъ, писатель. Ф. И. Орловскій родился въ Варшавѣ 1 апрѣля 1835 г.; по окончаніи курса въ Варшавской гимназіи, въ 1858 г. поступилъ на фармацевтическое отдѣленіе варшавской медико-хирургической академіи; въ 1860 г. получилъ степень провизора фармаціи и записался въ число слушателей медицинскаго факультета Варшавской Главной Школы, гдѣ пробылъ до 1864 г.; въ этомъ году онъ былъ обвиненъ въ участіи въ возстаніи 1863 года и сосланъ въ Иркутскую губернію на поселеніе. Съ 1864 по 1869 годъ Орловскій исполнялъ обязанности фельдшера въ Александровской больницѣ при Нерчинскихъ рудникахъ, а съ 1869 по 1874 г.—въ городской Иркутской больницѣ. За время службы въ Сибирскихъ больницахъ онъ написалъ свой трудъ «О сифилисѣ и др. венерическихъ болѣзняхъ въ Сѣверной Азіи и въ Восточной Сибири въ частности», впослѣдствіи напечатанный. Десятилѣтняя полезная дѣятельность Орловскаго ускорила его возвращеніе изъ Сибири, и въ

1875 году онъ имѣлъ возможность поступить въ число студентовъ V курса медицинскаго факультета Казанскаго университета. Черезъ годъ Орловскій получилъ степень лѣкаря и возвратился на родину, въ Варшаву, гдѣ продолжалъ заниматься изученіемъ сифилиса. Результаты своихъ изслѣдованій, а также рецензіи и замѣтки по поводу сочиненій о сифилисѣ, Орловскій помѣщалъ въ разныхъ медицинскихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, въ Варшавской «Gazecie Lekarskiej» за 1876, 1877 и 1878 года. Его статьи были замѣчены въ ученомъ медицинскомъ мірѣ, и три медицинскихъ общества (варшавское, казанское и краковское) избрали его своимъ членомъ. Кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, Орловскій въ своихъ статьяхъ касался нерѣдко вопросовъ и общаго характера, въ особенности много писалъ по вопросамъ гигіены. Въ іюлѣ 1878 года Орловскій получилъ должность ординатора варшавской больницы Младенца Іисуса, но разстроенное здоровье прекратило его дѣятельность: онъ заболѣлъ скоротечной чахоткой и умеръ 17 марта 1879 года. Кромѣ нѣсколькихъ напечатанныхъ трудовъ послѣ Орловскаго остался въ рукописи его переводъ сочиненія Rollet: «Badania kliniczne i doświadczalne nad przymiotnicą».

Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели. Спб. 1886; Kośmiński, Słownik lekarzów polskich. Варшава 1883, стр. 369—370; Pamiętniki Towarzystwa lekarskiego Warszawskiego, томъ XXV. 1878 г., стр. 129—130, 137—140, 149—151; т. XXIV, 1878, стр. 241—247, 305—309. Некрологи: „Gazeta Lekarska", 1879 года, томъ XXVI, №№ 12 и 13. Кромѣ того, рядъ статей въ „Kurjerze Warszawskim" за 1876—1879 года и въ заграничныхъ польскихъ газетахъ за мартъ 1879 г. *А. Петровъ.*

Орловы—дворяне, графы и князья. Орловы—одна изъ самыхъ распространенныхъ фамилій въ Россіи среди всѣхъ классовъ общества; эту фамилію носили многія извѣстныя въ русской исторіи лица, въ разной степени оказавшія заслуги отечеству на различныхъ поприщахъ. Какъ это часто бываетъ, фамиліи очень распространенныя не всегда являются синонимомъ древности. Среди русскаго дворянства фамилія Орловыхъ одна изъ многочисленныхъ, но тѣмъ не менѣе къ древнему дворянству принадлежитъ только одинъ родъ Орловыхъ, ведущій со многими другими, ниже перечисляемыми, фамиліями, свое происхожденіе отъ «мужа честна Льва», выѣхавшаго изъ «нѣмецъ» въ Россію къ великому князю Василію Дмитріевичу въ 1393 году; къ старому дворянству, т. е. восходящему не далѣе конца XVI или начала XVII вѣка, можно отнести также одинъ родъ, представители котораго долгое время спустя были при императрицѣ Екатеринѣ II возведены въ графское и княжеское достоинство и сдѣлались первыми людьми въ государствѣ; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть одинъ родъ, хотя и восходящій къ XVII вѣку, но совершенно ничтожный по общественному положенію своихъ представителей, не поднимавшихся выше подъячихъ; и, наконецъ, четвертый, ведущій свое начало со временъ Петра и происходящій отъ Ивана Трофимовича Орлова, (потомки котораго—помѣщики Тверской губерніи—живутъ тамъ и въ настоящее время) видимо попалъ въ дворянство по «Табели о рангахъ». Вотъ и всѣ болѣе или менѣе достойные упоминанія роды Орловыхъ, если не считать графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ, принадлежащихъ къ казацкому дворянству, которое въ генеалогическомъ отношеніи не представляетъ ничего выдающагося, такъ какъ не восходитъ далѣе XVIII столѣтія; всѣ остальные многочисленные дворянскіе роды Орловыхъ новаго происхожденія и восходятъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ XIX вѣку.

Какъ на родахъ любопытныхъ въ историческомъ отношеніи стоитъ остановиться только на двухъ первыхъ, представляющихъ собою двѣ совершенно разныхъ фамиліи, не имѣющихъ кромѣ прозвища ничего между собою общаго. Первый изъ нихъ—самый древній родъ Орловыхъ—ведетъ свое происхожденіе отъ легендарнаго «мужа честна Льва», отъ котораго выводятъ себя также Беклемишевы, Щепотевы, Змѣевы, Щулепниковы, Козловы, Фроловы, Фроловы-Багрѣевы, Княжнины и Плюшкины, всего,—десять родовъ, изъ которыхъ Беклемишевы, Щепотевы, Змѣевы и Орловы подавали въ Разрядъ росписи, сохранившіяся до настоящаго времени. По этимъ росписямъ видно, что правнукъ «Льва» Фролъ былъ родоначальникомъ Орловыхъ; его внуки Василій Тимофѣевичъ Орелъ и Степанъ Тимофѣевичъ, или вѣрнѣе,— два правнука Иванъ и Илья Васильевичи Орловы и упомянутый выше внукъ Степанъ Тимофѣевичъ, были родоначальниками отдѣльныхъ вѣтвей этого рода Орловыхъ, изъ которыхъ каждая и

подала въ Разрядъ «сказку» о своихъ предкахъ. Къ концу XVIII столѣтія, послѣ изданія жалованной Грамоты Дворянству (1785 г.), уцѣлѣла только одна старшая вѣтвь этого рода, происходящая отъ Ивана Васильевича Орлова; въ это время записались въ родословныя книги Московской губерніи четыре брата Орловыхъ, дѣти генералъ-поручика Ивана Михайловича, происходящаго изъ этой вѣтви и коллежскій совѣтникъ Александръ (съ сыномъ секундъ-маіоромъ Николаемъ) и Гвардіи секундъ-маіоръ Левъ Ильичи Орловы— дальніе родственники генералъ-поручика Ивана Михайловича изъ той-же старшей вѣтви. Двѣ другихъ младшихъ вѣтви въ это время видимо уже угасли. Впрочемъ, объ одной изъ нихъ, происходящей отъ Ильи Васильевича Орлова, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ ввиду притязаній потомковъ Екатерининскихъ граф. Орловыхъ на происхожденіе отъ одного изъ представителей этой вѣтви —Лукьяна Ивановича Орлова. Дѣло въ томъ, что дѣйствительный родоначальникъ графовъ Орловыхъ звался Лукьяномъ Ивановичемъ и владѣлъ въ концѣ XVI вѣка селомъ Люткинымъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи и, хотя по времени и подходилъ къ Лукьяну Орлову — внуку Ильи Васильевича, родоначальника второй вѣтви, тѣмъ не менѣе это были два совершенно разныхъ лица. Однако, это не помѣшало въ XVIII столѣтіи всесильнымъ тогда графамъ Орловымъ произвести себя въ потомковъ Ильи Васильевича Орлова и добиться признанія этого происхожденія Сенатомъ. Въ заключеніе, объ этомъ родѣ надо сказать, что, несмотря на многочисленность своихъ членовъ въ концѣ XVII вѣка, его представители къ концу XVIII столѣтія уцѣлѣли только въ незначительномъ количествѣ въ потомствѣ старшей вѣтви (они записались въ родословныя книги Московской губерніи), а въ настоящее время этотъ родъ вымеръ, прекратившись въ мужскомъ поколѣніи, по всей вѣроятности, еще въ началѣ XIX столѣтія.

Второй, менѣе старый родъ Орловыхъ, выдвинулся главнымъ образомъ при Императрицѣ Екатеринѣ II и получилъ извѣстность въ исторіи. Его родоначальникъ Лукьянъ Орловъ, какъ упомянуто, владѣлъ селомъ Люткинымъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи и потомство его постоянно служило «по Бѣжецкому верху»; праправнукъ Лукьяна—Новогородскій губернаторъ Григорій Ивановичъ Орловъ былъ отцемъ графовъ и князей Орловыхъ, потомство которыхъ въ мужскомъ поколѣніи вымерло, и всѣ Орловскія богатства и графскій титулъ были переданы мужу и дѣтямъ одной изъ дочерей графа Владиміра Григорьевича, съ разрѣшеніемъ именоваться графами Орловыми-Давыдовыми.

Что касается существующихъ въ настоящее время князей Орловыхъ, то они происходятъ отъ генерала-аншефа и дѣйствительнаго камергера графа Өедора Григорьевича Орлова, который умеръ холостымъ, оставивъ семь человѣкъ побочныхъ дѣтей, изъ которыхъ два сына Владиміръ и Өедоръ, и двѣ дочери Елизавета и Анна были рождены отъ госпожи Поповой, рожденной Гусятниковой, а три другихъ сына: Алексѣй, Михаилъ и Григорій родились отъ подполковницы Ярославовой. Всѣмъ этимъ дѣтямъ 27 апрѣля 1796 года было дозволено принять фамилію Орловыхъ и дворянскій гербъ ихъ. Изъ нихъ Алексѣй Өедоровичъ извѣстный впослѣдствіи генералъ-адъютантъ шефъ жандармовъ и посолъ въ Парижѣ, въ 1856 году былъ возведенъ въ графское, а потомъ и въ княжеское достоинство.

Три росписи, поданныя Орловыми въ Разрядъ. Родословныя различныхъ дворянскихъ родовъ Орловыхъ, составленныя по дѣламъ Департамента Герольдіи и другимъ источникамъ В. В. Руммелемъ. Дѣла Московскаго Депутатскаго Дворянскаго Собранія 1785—1797 г. Книга 91, Буква О. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Томъ XXII. Стр. 169; „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи“. Составилъ графъ Александръ Бобринскій. Спб. 1890 г. Томъ II стр. 111.

Б. Е.

Орловъ (по сценѣ Засѣдателевъ), *Александръ Андреевичъ*, — артистъ и режиссеръ русской драматической труппы Петербургскихъ Императорскихъ театровъ. Родился въ 1845 году въ Петербургѣ; 10 декабря 1869 года поступилъ на службу въ дирекцію петербургскихъ императорскихъ театровъ, куда былъ принятъ актеромъ и суфлеромъ русской драматической труппы. Сценическія дарованія его были невелики, но онъ былъ хорошо образованъ и къ тому же относился къ дѣлу весьма добросовѣстно; вскорѣ онъ былъ назначенъ помощникомъ режиссера и ему поручено было исполненіе второстепенныхъ ролей

царицу. Алексѣй Григорьевичъ былъ душою этой партіи. Его энергіи, хладнокровію и распорядительности Екатерина была обязана успѣшнымъ выполненіемъ своихъ замысловъ; онъ сумѣлъ сохранить тайну готовившагося переворота до послѣднихъ дней, а когда явилось подозрѣніе и былъ арестованъ Пассекъ, Алексѣй Григорьевичъ смѣло, ранѣе назначеннаго времени, привелъ въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня, въ то время какъ въ Ораніенбаумскомъ замкѣ императоръ Петръ III находился въ обществѣ своихъ приближенныхъ, сержантъ гвардіи Алексѣй Орловъ прискакалъ въ Петергофъ и извѣстилъ государыню объ арестѣ Пассека, заявивъ при этомъ, что необходимо сейчасъ же приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; въ Петербургѣ солдаты были уже заранѣе приготовлены къ предстоящимъ событіямъ и только ждали появленія въ столицѣ опальной супруги императора. По настоянію Алексѣя Орлова, Екатерина рѣшила дѣйствовать немедля, и раннимъ утромъ 28-го іюня 1762 г., въ сопровожденіи Алексѣя Орлова и В. И. Бибикова, съ присоединившимися къ нимъ по дорогѣ Григоріемъ Орловымъ и княземъ Ѳ. С. Барятинскимъ, въ нанятой частной каретѣ, покинула Петергофскій дворецъ. Около восьми часовъ утра она неожиданно явилась въ Петербургъ и проѣхала прямо въ Измайловскій полкъ, расположенный у заставы. Восторженно встрѣченная Измайловцами, государыня прослѣдовала далѣе въ Казанскій соборъ, причемъ Орловъ, опередивъ царскій поѣздъ, первый у Казанской церкви провозгласилъ передъ собравшейся толпой молодую государыню самодержавной императрицей. Духовенство во главѣ съ архіепископомъ Дмитріемъ встрѣтило Екатерину и привѣтствовало ее, какъ Императрицу Всероссійскую. Въ тотъ же день императоръ въ запертой каретѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ сильнымъ отрядомъ подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, изъ Петергофа, гдѣ онъ подписалъ актъ отреченія отъ престола, былъ доставленъ въ Ропшу. Здѣсь онъ вскорѣ и скончался.

Орловы были осыпаны милостями новой государыни; Алексѣй Орловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и 29-го іюня 1762 г. былъ пожалованъ въ секундъ-маіоры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; въ Москвѣ, въ день коронаціи императрицы, онъ получилъ орденъ Александра Невскаго, а во время коронаціонныхъ торжествъ 800 душъ; кромѣ того ему, вмѣстѣ съ братьями Григоріемъ и Ѳедоромъ, было пожаловано въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи село Оболенское (Ильинское) съ 2929-ю душами и крупная сумма денегъ. Сверхъ этихъ наградъ всѣ пять братьевъ были возведены въ графское достоинство, причемъ, въ рескриптѣ объ этомъ пожалованіи было сказано: «они (т. е. Орловы) были первые изъ тѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ, которые сію Имперію отъ страннаго и несноснаго ига и православную греческаго исповѣданія церковь отъ разоренія и приблизившагося ей всеконечнаго паденія возведеніемъ насъ (т. е. Екатерины II) на всероссійскій императорскій престолъ свободили, которое православное дѣло и подлинно ихъ прозорливостію, разумомъ, смѣлостью и мудростью къ пользѣ и благополучію Отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ всея имперіи, къ безсмертной ихъ славѣ, дѣйствительно и благополучно къ совершенству приведено». Скоро Орловы пріобрѣли при дворѣ громадный авторитетъ. Такъ началось новое царствованіе, открывшее для Орловыхъ путь къ высокимъ почестямъ. Первенствующее мѣсто среди братьевъ безспорно принадлежало графу Алексѣю Григорьевичу; онъ открыто заявлялъ, что императрица ему одному обязана престоломъ, а братъ Григорій былъ въ его рукахъ не болѣе какъ орудіемъ выполненія его смѣлыхъ плановъ. Не имѣя, впрочемъ, возможности играть роли фаворита, онъ однако во все время фавора брата имѣлъ громадное вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ, хотя лично не участвовалъ ни въ какихъ важныхъ событіяхъ государственной жизни, и за первые годы имя его по большей части встрѣчается лишь при описаніяхъ различныхъ торжествъ и Высочайшихъ выходовъ.

Въ концѣ 1765 г. гр. А. Г. Орловъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ командированъ въ Москву съ секретнымъ порученіемъ всесторонне и строжайше разслѣдовать возникшіе безпорядки въ средней полосѣ Россіи. Безпорядки эти возникли среди донскихъ казаковъ, гетманъ которыхъ, сочувствовалъ недовольству казаковъ правительствомъ; казаки же, войдя въ сно-

шеніе съ татарами, намѣревались помочь имъ напасть на Украйну и поднять тамъ возстаніе. Множество татаръ стало собираться у границы Украйны и дѣло угрожало принять опасный оборотъ. Генералъ Мельгуновъ донесъ Императрицѣ объ опасности скораго вторженія бунтовщиковъ и о бѣгствѣ двухъ третей новосербскихъ колонистовъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Екатерина рѣшила послать въ Москву графа Алексѣя Григорьевича; ему предстояла очень трудная задача предотвратить вооруженное столкновеніе съ Турціей, которая покровительствовала татарамъ. Облеченный полнымъ довѣріемъ Государыни, Орловъ энергично взялся за дѣло и для прекращенія волненій среди татаръ ѣздилъ въ Казань и другія мѣста, собирая всюду нужныя свѣдѣнія, и наконецъ успокоилъ начавшееся броженіе.

Въ январѣ 1767 г. гр. А. Г. Орловъ былъ выбранъ членомъ въ коммиссію дедепутатовъ, хотя въ засѣданіяхъ ея онъ не принималъ сколько-нибудь серьезнаго участія.

Въ концѣ 1767 г. гр. Орловъ опасно заболѣлъ; врачи приговорили его къ смерти, но вмѣшательство въ дѣло лѣченія нѣкоего фельдшера Ерофеича, скоро ставшаго извѣстнымъ всей Россіи, какъ говорятъ, спасло графа: онъ оправился настолько, что могъ для окончательнаго выздоровленія предпринять заграничную поѣздку. Незадолго передъ отъѣздомъ (21 апрѣля 1768 г.), гр. Алексѣй Григорьевичъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго; кромѣ того, императрица, весьма участливо относившаяся къ графу Орлову за время его болѣзни, приказала выдать ему на путешествіе и на лѣченіе 200.000 рублей. Въ сопровожденіи своего брата гр. Ѳ. Г. Орлова, гр. А. Г. отправился инкогнито черезъ Берлинъ и Вѣну въ Италію, гдѣ и остался на продолжительное время, разъѣзжая повсюду и подолгу не останавливаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Орловы уѣхали за границу, въ томъ же 1768 г. Турція, подстрекаемая французскимъ правительствомъ и польскими конфедератами, заключила нашего посланника Булгакова въ Семибашенный Замокъ, порвавъ дипломатическія сношенія съ Россіей. Началась война. Русскія войска двинулись въ предѣлы Турціи. Императрица рѣшила возстановить Грецію и освободить Египетъ изъ подъ власти Порты. Эти широкіе планы внушилъ Государынѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ, который съ живымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій и, узнавъ во время своего пребыванія въ Италіи, что турецкіе славяне, а также греки недовольны своимъ правительствомъ и расположены къ Россіи, предложилъ Екатеринѣ II послать эскадру въ Архипелагъ и Левантъ. Эта эскадра, по мнѣнію Орлова, могла съ одной стороны возбудить грековъ къ возстанію противъ турокъ, а съ другой значительно подкрѣпить военныя силы нашихъ сухопутныхъ войскъ, отвлекши Турцію въ такія мѣста, на которыя она менѣе всего могла ожидать нападеній. Весь планъ военныхъ морскихъ дѣйствій противъ Турціи гр. А. Г. Орловъ составилъ самъ въ Италіи и предложилъ себя въ руководители этого предпріятія. Въ отвѣтъ на это предложеніе гр. Орловъ получилъ Высочайшій рескриптъ отъ 29 января 1769 г., въ которомъ Императрица, выражая полное довѣріе способностямъ Орлова и горячему желанію служить на пользу Россіи, охотно соглашалась поручить и отдать вполнѣ на его усмотрѣніе «приготовленія, распоряженія и руководство всего сего подвига». Вскорѣ русскія эскадры подъ начальствомъ Спиридова и Эльфинстона отправились изъ Архангельска и Кронштадта въ Средиземное море. 3 іюня 1769 г. Алексѣй Григорьевичъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и сталъ открыто руководить военными дѣйствіями русскаго флота. Кромѣ командованія флотомъ ему предстояла нелегкая задача поднять балканскихъ христіанъ противъ турецкаго ига. Въ декабрѣ 1769 г. графъ находился въ Пизѣ, откуда возбуждалъ къ возстанію грековъ и балканскихъ славянъ. Въ Черногорію для этого былъ посланъ князь Долгорукій, отправившійся въ Цетинье и приведшій тамъ черногорцевъ къ присягѣ Императрицѣ. Однако, скоро ему пришлось оттуда тайно удалиться, такъ какъ со всѣхъ сторонъ наступали турки, а русскія эскадры пришли довольно поздно. Первою прибыла эскадра адмирала Спиридова (въ ноябрѣ 1769 г.), вторая же появилась въ Средиземномъ морѣ лишь въ апрѣлѣ слѣдующаго 1770 г. Эскадра адмирала Спиридова, съ которой прибылъ и гр. Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, вступила въ турецкія владѣнія и достигла

береговъ Морей; 17 февраля 1770 г. она прибыла къ Порто-Вителло, гдѣ къ русскимъ войскамъ присоединились греческіе повстанцы, давно уже ихъ ожидавшіе, и затѣмъ весь наличный составъ греческаго войска. Вскорѣ была взята Аркадія, и возстаніе охватило всю Морею, гдѣ число возставшихъ грековъ простиралось до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ, флотъ изъ Вителло отправился къ Корону, который былъ взятъ гр. Орловымъ приступомъ. 14 апрѣля къ Корону прибылъ гр. Алексѣй Григорьевичъ; незадолго передъ тѣмъ кн. Долгорукій съ албанцами подступилъ къ крѣпости Наварину. Онъ не могъ, однако, взять ее, такъ какъ нуженъ былъ флотъ, который и былъ туда отправленъ Ѳедоромъ Орловымъ въ количествѣ двухъ кораблей и одного фрегата съ десантомъ подъ командою бригадира Ганнибала, которому Наваринъ и сдался на капитуляцію 10 апрѣля. Предстояла трудная задача удержать Наваринъ въ своихъ рукахъ; для этого находящихся тамъ силъ было недостаточно, и прибывшій къ Корону Алексѣй Орловъ двинулъ туда весь флотъ, который 18 апрѣля и подступилъ къ стѣнамъ крѣпости. Графъ Алексѣй Григорьевичъ прибылъ къ Наварину на линейномъ кораблѣ и принялъ начальство надъ сухопутными и морскими силами, тамъ находившимися, съ званіемъ генералъ-адмирала и главнокомандующаго. Вслѣдъ за тѣмъ онъ велѣлъ кн. Долгорукому, отправленному съ отрядомъ войскъ къ Модону, овладѣть этимъ городомъ, такъ какъ иначе трудно было бы удержать за собой Наваринъ. Но пришедшій туда на выручку сильный турецкій отрядъ принудилъ кн. Долгорукаго снять осаду и поспѣшно отступить къ Наварину, бросивъ всѣ орудія. Затѣмъ, подступивъ къ Наварину и сильно тѣсня его, турки заставили, наконецъ, главнокомандующаго гр. Орлова въ ночь на 23 мая подорвать крѣпость, а 26 числа корабли вышли изъ залива. Между тѣмъ, эскадра Эльфинстона по пути въ Морею встрѣтила турецкій флотъ, шедшій къ Наварину, и между ними у о. Специо и затѣмъ въ заливѣ Наполи-ди-Романія произошелъ бой, послѣ котораго турки бѣжали подъ стѣны крѣпости. Спиридовъ, извѣщенный объ этомъ, также явился съ своей эскадрой къ о. Специо, и турки, не желая принимать боя, удалились, но у о. Гидра ихъ засталъ двинувшійся изъ Наварина гр. А. Г. Орловъ, который, соединившись съ эскадрами Спиридова и Эльфинстона и принявъ на себя командованіе флотомъ, рѣшилъ дать туркамъ бой, который вскорѣ (24 іюня) и произошелъ близъ порта Чесма. Несмотря на численное превосходство непріятеля, русскій флотъ, хотя и не безъ потерь съ своей стороны, заставилъ турокъ укрыться въ гавани, что ихъ и погубило. По приказанію гр. А. Г. Орлова рѣшено было аттаковать турецкій флотъ; аттака была поручена Грейгу, который съ четырьмя кораблями и брандерами въ ночь на 26 іюня напалъ на турокъ и несмотря на сильный огонь, направленный противъ него непріятелемъ, блестяще выполнилъ порученье: турецкій флотъ запылалъ, а русская эскадра, стоявшая подъ прикрытіемъ, открывъ пальбу, не дала возможности ни тушить пожара, ни спасаться; почти весь турецкій флотъ былъ сожженъ, оставшійся въ живыхъ экипажъ и уцѣлѣвшія суда были взяты въ плѣнъ. За эту побѣду гр. Алексѣй Григорьевичъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 1-й ст., кромѣ того, Императрица разрѣшила ему оставить на всю жизнь при себѣ кейзеръ-флагъ и поднимать его на корабляхъ, а также помѣстить его въ своемъ гербѣ. Извѣстіе о Чесменской побѣдѣ произвело громадное впечатлѣніе не только въ Турціи, но и во всей Европѣ. Въ Турціи съ ужасомъ стали ожидать появленія русскаго флота въ Дарданеллахъ, такъ какъ Орловъ командировалъ адмирала Эльфинстона къ острову Тенедосу для обложенія Дарданеллъ; другая эскадра была отправлена къ Аѳинамъ. Эльфинстонъ, овладѣвъ островомъ Тенедосомъ, сталъ блокировать Дарданеллы, чѣмъ нагналъ такой страхъ на Турцію, что непріятельская эскадра опасалась выйти изъ Дарданеллъ. Остальные корабли русскаго флота стали маневрировать между Кандіею и Цирихомъ, собирая дань съ острововъ Архипелага, дань, которую они платили до того времени Оттоманской Портѣ. Кромѣ того, русскіе корабли захватывали всѣ суда, везшія туркамъ съѣстные и военные припасы и окончательно парализовали дѣятельность флота. Положеніе Турціи и ея военный престижъ сразу упали; внутреннія смуты еще болѣе ослабили ее. Въ нѣкоторыхъ городахъ, жившихъ преимущественно подвозомъ съ моря, по случаю войны, открылись болѣзни и голодъ. Ко

всему этому въ Смирнѣ обнаружилась «моровая язва», которая, быстро распространяясь, при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и постоянномъ ожиданіи нападенія со стороны русскихъ, довела жителей до крайней степени унынія и нищеты. Въ отчаяніи они, наконецъ, рѣшили послать къ гр. Алексѣю Григорьевичу христіанскихъ консуловъ, которые должны были ему передать объ ужасномъ положеніи жителей и просить пощадить ихъ городъ, не давъ умереть отъ голода людямъ; гр. Орловъ увѣрилъ ихъ въ полной безопасности отъ русскаго флота. Господствуя на морѣ, гр. Орловъ захватилъ множество египетскихъ, алжирскихъ, тунисскихъ и трипольскихъ кораблей, которые, не зная о пораженіи турецкаго флота, шли къ нему на помощь. Гр. Алексѣй Григорьевичъ овладѣлъ почти всѣмъ Архипелагомъ. Россіи подчинились Лемносъ, Митилена, Паросъ, Танъ, Порто-Кавелло и мн. др. острова. Въ виду столь неблагопріятныхъ условій и возможности появленія русскаго флота близъ Константинополя, турецкое правительство пошло на уступки и рѣшило просить мира; оно искало посредничества другихъ державъ и ему удалось достичь этого у прусскаго короля: въ Петербургъ для скорѣйшаго примиренія былъ отправленъ принцъ Генрихъ Прусскій. Между тѣмъ, Алексѣй Григорьевичъ, почувствовавъ сильное ухудшеніе своего здоровья, вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ, опасно заболѣвшимъ, уѣхалъ въ Италію на кораблѣ «Три Іерарха» 12 ноября 1770 г., сдавъ начальство надъ флотомъ адмиралу Спиридову; оставивъ брата въ Мессинѣ, А. Г. направился въ Ливорно. Здѣсь ему пришлось запастись всѣмъ необходимымъ для русскаго флота, въ ожиданіи новой кампаніи. Затѣмъ черезъ Неаполь онъ отправился въ Пруссію, гдѣ имъ очень интересовались и привѣтствовали его, какъ знаменитаго полководца. Далѣе онъ проѣхалъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 1 марта 1771 г. Торжественно принятый Императрицей, онъ былъ осыпанъ ея милостями; между прочимъ, она велѣла въ честь его выбить медаль, на которой подъ портретомъ графа была сдѣлана надпись: «Гр. А. Г. Орловъ-побѣдитель и истребитель турецкаго флота». Цѣль поѣздки Орлова заключалась въ томъ, чтобы измѣнить планъ мирныхъ условій съ Турціей, такъ какъ Алексѣй Григорьевичъ находилъ эти условія недостаточно выгодными для Россіи. Уже 24 марта того же года Алексѣй Орловъ неожиданно уѣхалъ изъ Петербурга. Проѣхавъ черезъ Австрію въ Италію, онъ вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ былъ принятъ въ Кортонской Академіи, которой онъ подарилъ много изъ драгоцѣнной добычи, доставшейся русскимъ послѣ Чесменской битвы. Прибывъ въ Ливорно, гр. Орловъ скоро принужденъ былъ отправиться въ Архипелагъ и 28 іюня уже прибылъ къ острову Паросу съ двумя кораблями и нѣсколькими мелкими судами. Дѣло въ томъ, что начавшіеся въ это время мирные переговоры съ Турціей, вслѣдствіе интригъ Франціи, были прерваны турецкимъ правительствомъ, но новые успѣхи русскаго оружія на сушѣ и удачныя дѣйствія русскаго флота подъ командой адмирала Спиридова, за время отсутствія гр. Орлова, заставили Турцію опять просить мира; начались переговоры, но не имѣли никакого успѣха и были скоро прерваны. Между тѣмъ, въ Архипелагѣ снова появился съ эскадрой гр. Алексѣй Григорьевичъ и русскій флотъ сталъ дѣйствовать еще энергичнѣе; между прочимъ, въ началѣ ноября русскими была взята Митиленская крѣпость. 6 ноября гр. А. Г. Орловъ вернулся въ Паросъ и вскорѣ уѣхалъ въ Ливорно; пробывъ здѣсь недолгое время, онъ уѣхалъ во Флоренцію и, побывавъ въ Пизѣ и Сіенѣ, пріѣхалъ въ Римъ.

По просьбѣ Турціи Императрица согласилась снова начать мирные переговоры, для чего былъ открытъ мирный конгрессъ въ Фокшанахъ. Одновременно съ этимъ было объявлено перемиріе съ Турціей. Воспользовавшись этимъ перемиріемъ, турки стали усиленно вооружаться, укрѣплять приморскіе пункты и приспособлять транспортныя суда для военныхъ дѣйствій. Гр. Орловъ, хотя и узналъ скоро о всѣхъ этихъ приготовленіяхъ, но, не желая нарушать перемирія, не предпринималъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Между тѣмъ турки, подъ предлогомъ усмиренія бунта близъ Дамаска, снарядили Тунисскую и Дульциніоцкую эскадры, сильно вооружили стоявшія въ Родосѣ военныя суда, собрали большіе отряды при Чесмѣ и по Морейскому берегу и приготовили къ военнымъ дѣйствіямъ въ Дарданелахъ большой флотъ. Все это ясно показывало

что мирные переговоры, затѣянные Турціей, были только предлогомъ во время перемирія укрѣпиться и снова начать войну. Наконецъ, гр. Орловъ, получивъ 19 сентября извѣстіе о разрывѣ мирныхъ переговоровъ въ Фокшанахъ и о прекращеніи перемирія, немедленно отправился къ флоту, рѣшивъ помѣшать Дульциніоцкой непріятельской эскадрѣ выступить въ море; для выполненія этого плана онъ отправилъ къ Адріатическимъ берегамъ нѣсколько вооруженныхъ судовъ подъ командою маіора гр. Войновича; другой небольшой эскадрѣ, подъ начальствомъ капитана фонъ-Дезена, онъ поручилъ занять островъ Самосъ; кромѣ того, нѣсколько мелкихъ судовъ отправились къ Родосу, Кипру и Египетскимъ берегамъ, для наблюденія за непріятелемъ. Вскорѣ контръ-адміралъ Грейгъ сдѣлалъ высадку близъ крѣпости Чесмы, атаковалъ ее съ моря; сжегъ предмѣстіе и увелъ всѣ найденныя въ гавани суда. Въ свою очередь гр. Войновичъ выслалъ капитана Коняева на встрѣчу Дульциніоцкой эскадрѣ, поручивъ ему помѣшать соединенію этой эскадры съ Тунисскою и не пропускать ее въ Архипелагъ. Коняевъ, узнавъ, что Дульциніоцкая эскадра, состоявшая изъ 24 фрегатовъ, находится въ Патросскомъ заливѣ, немедленно отправился туда и атаковавъ нанесъ ей сначала жестокое пораженіе и мало по-малу въ нѣсколько дней совершенно ее уничтожилъ. Одновременно съ уничтоженіемъ Дульциніоцкой эскадры турки были разбиты при Каирѣ и Байрутѣ. Турція опять принуждена была просить мира Екатерина и на этотъ разъ согласилась на мирные переговоры, которые были возобновлены въ Бухарестѣ. Конгрессъ, собранный по этому поводу, былъ также неудаченъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе интригъ иностранныхъ державъ, какъ и Фокшанскій. Военныя дѣйствія, впрочемъ, скоро возобновились, хотя большихъ столкновеній уже не было и въ продолженіе 1773 и 1774 годовъ, до заключенія (10 іюля 1774 г.) Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, русскій флотъ старался лишь безпокоить турокъ въ Архипелагѣ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ прекратилъ, наконецъ, военныя дѣйствія между Россіей и Турціей. Гр. А. Г. Орловъ остался очень недовольнымъ условіями мирнаго договора. Онъ мечталъ проложить путь въ Дарданельскій проливъ и разрушить Константинополь, но этимъ смѣлымъ планамъ не суждено было осуществиться. Русскіе военачальники были щедро награждены Императрицей. Въ концѣ 1773 г. гр. Алексѣй Григорьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, 25 декабря уѣхалъ въ Москву и только въ началѣ марта слѣдующаго года вернулся оттуда, чтобы снова отправиться къ флоту въ Архипелагъ. По заключеніи мира гр. Алексѣй Орловъ получилъ за одержанныя имъ побѣды четыре тысячи душъ крестьянъ за Чесменскую битву, а въ слѣдующемъ году, въ годовщину заключенія мира, 60.000 рублей денегъ, серебряный сервизъ, шпагу, украшенную бриллiантами; кромѣ того, ему было разрѣшено присоединить къ своей фамиліи прозваніе Чесменскаго; въ заключеніе всего, въ честь побѣдъ гр. Алексѣя Григорьевича былъ поставленъ въ Царскомъ Селѣ обелискъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора, а въ семи верстахъ отъ Петербурга была выстроена церковь, во имя Рождества Іоанна Крестителя, празднуемаго 21 іюня (день истребленія Турецкаго флота); при церкви этой было выстроено великолѣпное зданіе, названное «Чесменскимъ», въ которомъ въ настоящее время помѣщается Чесменская богадѣльня.

Въ то время, какъ военныя осложненія мало-по-малу приходили къ благопріятнымъ и выгоднымъ для Россіи результатамъ, Императрица была встревожена появленіемъ за границей опасной самозванки. Въ декабрѣ 1773 г. за границей одна авантюристка стала выдавать себя за дочь Императрицы Елизаветы Петровны отъ брака ея съ Разумовскимъ. Извѣстіе это очень встревожило Императрицу Екатерину II, которая, по окончаніи войны съ Турціей, поручила гр. Алексѣю Григорьевичу схватить во чтобы то ни стало опасную самозванку. Это порученіе гр. Орловъ получилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда значеніе Орловыхъ при дворѣ Императрицы стало падать, враждебная имъ партія начала разставлять сѣти интригъ, въ которыя хотѣла поймать и гр. Алексѣя Григорьевича. Между прочимъ, въ сентябрѣ 1774 г. онъ получилъ въ Пизѣ отъ такъ называвшей себя Принцессы Владимірской письмо съ приложеннымъ манифестомъ, помѣченнымъ 7 августа 1771 г. Письмо это вмѣстѣ съ манифестомъ гр. Орловъ тотчасъ же отправилъ Императрицѣ и та приказала графу «поймать всклепавшую на себя имя во что бы

то ни стало» и доставить ее въ Петербургъ; а такъ какъ по слухамъ самозванка находилась въ Рагузѣ, то Императрица разрѣшила Орлову подойти къ Рагузѣ съ флотомъ и потребовать выдачи авантюристки, а если сенатъ рагузской республики откажетъ въ этомъ, то бомбардировать городъ. Впрочемъ, дѣло поимки обошлось безъ особыхъ осложненій. При помощи одного изъ своихъ агентовъ, гр. Орловъ напалъ въ Римѣ на слѣдъ самозванки; здѣсь она получила отъ гр. Орлова увѣреніе, что онъ признаетъ ее за дочь Императрицы Елизаветы Петровны; вмѣстѣ съ тѣмъ ей сообщили, что гр. Орловъ будто бы предлагаетъ ей руку и обѣщаетъ, свергнувъ Императрицу Екатерину, возвести ее на русскій царскій престолъ. Поддавшись ложнымъ завѣреніямъ, самозванка пріѣхала на свиданіе съ гр. Орловымъ въ Пизу, откуда ее хитростью заманили въ Ливорно, гдѣ стояла русская эскадра; подъ предлогомъ показать маневры флота, самозванку перевезли (20 февраля 1775 г.) на адмиральскій корабль «Три іерарха», на которомъ она была арестована и доставлена въ Кронштадтъ. Гр. А. Г. Орловъ недолго оставался послѣ этого въ Италіи: хитрый образъ дѣйствій его вызвалъ неудовольствіе среди итальянцевъ, и онъ не безъ основаній опасался покушеній на его жизнь; вскорѣ онъ оставилъ командованіе флотомъ (не испросивъ на то заранѣе разрѣшенія Императрицы), покинулъ Италію и сухимъ путемъ прибылъ въ Петербургъ ко дню празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. При Дворѣ гр. Орловъ былъ принятъ холодно, такъ какъ къ тому времени Императрица вообще стала удаляться отъ Орловыхъ; она въ частности охладѣла и къ гр. А. Г. Орлову за его посредничество въ бракѣ вел. кн. Павла Петровича съ принцессой Гессенъ-Дармштадтской. Это охлажденіе Императрицы и вообще перемѣна обстоятельствъ не въ пользу гр. Алексѣя Григорьевича заставили его въ ноябрѣ 1775 г. обратиться къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи; 2 декабря того же года онъ былъ уволенъ «навсегда отъ всякой службы», причемъ ему была назначена пенсія. Орловъ уѣхалъ въ Москву и зажилъ тамъ жизнью опальнаго вельможи. Удалившись отъ службы, Алексѣй Григорьевичъ предался хозяйственнымъ занятіямъ, сосредоточивъ главное свое вниманіе на ставшій вскорѣ извѣстнымъ конный заводъ. Въ Петербургъ гр. Орловъ пріѣзжалъ рѣдко, такъ какъ появленіе его тамъ было непріятно лицамъ, окружавшимъ Императрицу и порождало нежелательные для него толки. Съ братьями своими гр. Орловъ поддерживалъ самыя дружескія отношенія и велъ съ ними обширную переписку. Лѣтомъ 1780 г., вмѣстѣ со своимъ братомъ Григоріемъ и его женой, Алексѣй Григорьевичъ отправился за границу и поселился въ Спа. Въ 1782 г. онъ задумалъ жениться на Е. Н. Лопухиной, о чемъ извѣстилъ Императрицу, которая въ собственноручномъ письмѣ отъ 28 апрѣля поздравила его съ предстоящимъ бракомъ. Свадьба была торжественно отпразднована въ подмосковной графа селѣ «Островѣ» 6 мая 1782 г. Супружеская жизнь Орлова была непродолжительна: въ 1786 г. его жена скончалась, оставивъ ему одну малолѣтнюю дочь, извѣстную впослѣдствіи графиню Анну Алексѣевну. Въ 1787 г., когда была рѣшена вторая Турецкая война, Императрица предложила гр. Алексѣю Григорьевичу принять начальство надъ флотомъ, предназначавшимся къ отправленію въ Средиземное море. Гр. Орловъ отказался отъ столь лестнаго предложенія, сославшись на свое болѣзненное состояніе, но, впрочемъ, 30 ноября пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ хорошо принятъ Императрицей и затѣмъ побывалъ въ Кронштадтѣ, осмотрѣлъ флотъ, готовый уже къ отплытію; послѣ этого, онъ сдѣлалъ Государынѣ нѣкоторыя указанія по поводу предстоящей кампаніи, къ чему, однако, Императрица отнеслась довольно холодно. Въ января 1788 г. Алексѣй Григорьевичъ уѣхалъ обратно въ Москву. Когда вѣсти объ успѣхахъ русскаго флота достигли гр. Орлова, онъ поздравилъ Императрицу съ одержанными побѣдами. Въ 1791 г. гр. Орловъ снова прибылъ въ Петербургъ и присутствовалъ на празднованіи дня восшествія на Престолъ. Въ 1796 г. Алексѣй Григорьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, собираясь отсюда ѣхать за границу. Онъ задержался здѣсь, однако, довольно долгое время по случаю болѣзни брата своего Өедора Григорьевича. Задержка эта измѣнила на нѣсколько лѣтъ строй жизни графа, такъ какъ въ то время какъ онъ былъ въ Петербургѣ, неожиданно скончалась Императрица Екатерина II. Поѣздку за границу пришлось отложить, такъ какъ вступившій на Престолъ Императоръ Па-

велъ относился къ гр. Орлову очень неблагосклонно. По приказанію Императора, гр. Алексѣю Григорьевичу пришлось при перенесеніи тѣла Императора Петра III изъ Александро-Невской лавры въ Петропавловскій соборъ, нести корону сверженнаго имъ Государя. Вскорѣ послѣ этого гр. Орлову, однако, удалось уѣхать за границу, гдѣ онъ и прожилъ все кратковременное царствованіе императора Павла. Онъ поселился въ Лейпцигѣ, откуда часто ѣздилъ въ Карлсбадъ, гдѣ и оставался иногда подолгу. Не считаясь эмигрантомъ, онъ поддерживалъ отношенія съ Россіей, распоряжаясь своими многочисленными имѣніями; его лишили, однако, пенсіи и, несмотря на настойчивыя просьбы о ней, отвѣчали на нихъ молчаніемъ. Въ 1801 г., съ наступленіемъ новаго царствованія, гр. Алексѣй Григорьевичъ вернулся въ Москву и поселился подъ Донскимъ Монастыремъ въ своемъ Нескучномъ. Онъ спокойно прожилъ остатокъ дней въ Москвѣ и въ своихъ подмосковныхъ имѣніяхъ; между прочимъ, въ годъ своей смерти онъ принялъ подъ свое начальство земское ополченіе нѣсколькихъ губерній. Онъ проявилъ много энергіи въ образованіи милиціи пятой области и получилъ благосклонный рескриптъ Императора отъ 26 октября 1807 г. Впрочемъ, ему не долго суждено было нести обязанности главнокомандующаго V Области, такъ какъ 24 декабря того же 1807 г. онъ въ страшныхъ мученіяхъ скончался въ Москвѣ. Похороненъ онъ былъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, откуда, долгое время спустя, дочь его графиня Анна Алексѣевна перевезла его прахъ въ Новогородскій Юрьевъ монастырь и только въ 1896 году, благодаря ходатайству гр. А. В. Орлова-Давыдова, его останки были перевезены въ имѣніе «Отраду», Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи.

„Жизнь гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго, почерпнутая изъ достовѣрныхъ россійскихъ и иностранныхъ источниковъ С. Ушаковымъ", Спб. 1811 г.; А. Кропотовъ: „Жизнь гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго"; „Біографич. очеркъ гр. В. Г. Орлова, составленный гр. В. П. Орловымъ-Давыдовымъ", Спб. 1871 г., т. I и II; Голомбіевскій, „Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій" („Русск. Арх." 1904, кн. 8); „Памятныя Записки А. В. Храповицкаго", М. 1864 г. (Приложеніе къ „Русскому Архиву"); Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка", Спб. 1883 г., т. IV; „Первая мысль о Морейской экспедиціи гр. А. Г. Орлова", съ предисловіемъ Л. Н. Майкова, (Приложеніе къ „Зарѣ" 1870 г. № 6, стр. 139—145); „Столѣтіе Чесменской битвы", „Голосъ" 1870 г. № 174; „Краткое описаніе Чесменскаго сраженія", Кронштадтъ 1870 г.; „Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769—1774 г.", составл. преимущественно изъ неизвѣстныхъ по сіе время рукописныхъ матеріаловъ А. Петровымъ. Спб. 1866 г., т. V; „Еще нѣкоторыя подробности о столѣтнемъ юбилеѣ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго", Москва, 1875 г.; П. Мельниковъ, „Княжна Тараканова и принцесса Владимірская", Спб. 1868 г.; „Архивъ кн. Воронцова", т. VIII, XIV, XVI, XVIII, XXII; „Архивъ села Михайловскаго", Спб. 1898 г; „Старина и Новизна", т. I; „Восемнадцатый вѣкъ", кн. 3, стр. 343—354; „Библіографич. Записки", т. II и III; „Чтенія Императ. Московск Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ", кн. IV, М. 1903; Сочиненія Г. Р. Державина (Академич. изд.); „Разсказы бабушки",—изъ воспоминаній пяти поколѣній, запис. и собранные Д. Благово"; „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, написанныя имъ самимъ", т. II и III; Е. П. Карновичъ, „Замѣчательн. богатства частныхъ лицъ въ Россіи", Спб. 1874 г.; „Московск. Вѣдомости" 1875 г., № 233, 235 и 239; В. П. Коптевъ, „Столѣтній юбилей въ честь гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго. Въ память основанной имъ породы лошадей верховыхъ и рысистыхъ", М. 1876 г.; „Журналъ Коннозаводства" 1866 г., № 4; 1875 г., № 3 и 6; „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ" Леера; „Энциклопедическіе Словари" Случевскаго, Брокгауза, Словарь Бантыша-Каменскаго и др.; „Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества". тт. 1, 2, 5—10; 12—19; 22—23; 27, 28, 37, 42, 44, 46, 47; 72, 77, 82, 89, 97, 109; Много матеріаловъ находится и въ нашихъ историч. журналахъ: „Русская Старина", „Русскій Архивъ" (въ большинствѣ томовъ) и „Историческій Вѣстникъ" (1881—1884, 1888, 1892, 1893 и 1902 гг.); В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины Второй", т.т. I, II и XII; „Камеръ-фурьерскіе журналы за время царствованія императрицы Екатерины II-ой"; Д. Ѳ. Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", Спб. 1887: Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ Первый", Спб., 1901; Е. С. Шумигорскій, „Императрица Марія Ѳеодоровна" (1759—1828), т. I, Спб., 1892; Сподвижники Екатерины II-ой („Русск. Стар., 1873 г., т. XI, № 8); Къ біографіи графа Орлова-Чесменскаго. Сообщилъ А. В. Рачинскій („Русск. Арх.", 1876, т. 2, № 7); Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе" т. I. Спб., 1898; „Біографія Павла I", написанная Е. С. Шумигорскимъ въ „Русскомъ Біографическомъ словарѣ"; Архивъ Государственнаго Совѣта. Спб., 1869; Schnitzler, Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. Paris, 1847; Cestéra, Vie de Cathérine II, Impératrice de la Russie. Paris, 1797; Cathérine II de Russie et ses favorits. Mémoires secrets, publiés par Alexeci prince de G. Wurzbourg, 1874; Histoire secrète des amours et des principaux amants de Cathérine II, Impératrice de Russie. Par un ambassadeur de l'époque Jean Chr. Laveaux. Paris, 1874;

Gelbig, Rússische Günstlinge; Tübingen, 1809; Grimblot, La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1890; Rulhière, Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797; Hachricht Wahrhaffte von der am 9 Iulii 1762 in Petersbourg vorgefallenen Revolution; Andr. Schumacher, Geschichte der Thronensetzúng únd des Todes Peter III. Hambourg, 1858; Laveaux, Histoire de Pierre III, Empereur de Russie, imprimée sur un manuscrit composé par un agent secret de Louis XV. Paris, an VII (1799); Saldern, Histoire de la vie de Pierre III, 1802; Daschkoff, princesse, Mémoirs, edited from the originals by Mrs W. Bradford. London, 1840; Masson, Mémoires secrets sur la Russie et particulièremen sur la fin du règne de Cathérine II et la commencement de celui de Paul I. Paris, 1800—1802; Cathérine II, impératrice, Mémoires écrites par elle même et précedès d'une préface par A. Herzen, Londres, 1859; Prinzessin Tarrakanoff. Historischer Roman aus der Regierungszeit Katharina's II von A. Olinda. Hambourg, 1879; Mémoires de la barone d'Oberkirch publiés par le comte L. de Montbrison. Paris, 1853; Osservazioni sopra le passate campagne militari della presente guerra tra'Russi et Ottommani, sopra il militare de'Turchi et la maniere di combatterli. A sua eccelenza il s. c. Alexis d'Orlow etc. Venezia, 1772; Nachricht von der Eröffnung des Friedencongresses bey Fockschani am 2 des Augusts 1772 nebst einem richtigen Plane von der Gegend, dem Congresshaúse únd dem Zelterstande der hohen Gesandten. Leipzlg s. a.; K. Waliszewski. Le roman d'une impératrice Cathérine II de Russie, d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inedits des archives d'état. Paris, 1893; Autour d'un trône. Cathérine II de Russie, ses collaborateurs, ses amis, ses favoris. 5-éme ed. Paris, 1894; Cathérine II, sa cour el la Russie en 1772. Par Sabatier de Cabres. Berlin, 1862; Larousse. Dictionnaire universel; La grande encyclopédie, Biographie universelle, Nouvelle biograhie, Encyklopedja Powszechna S. Orgelbranda, Slovnik Naučny и др. иностранныя энциклопедическія изданія.

Б. Алексѣевскій.

Орловъ *Алексѣй Петровичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка. А. П. Орловъ началъ службу въ 1774 году въ рядахъ Войска Донского; постепенно повышаясь въ чинахъ, 28-го февраля 1790 года былъ произведенъ въ подполковники, и въ слѣдующемъ году за отличія, оказанныя въ дѣлахъ противъ турокъ, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Далѣе А. П. Орловъ служилъ въ Бугскомъ и Вознесенскомъ казачьихъ полкахъ, а 10-го марта 1799 года, будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ командиромъ 3-го эскадрона лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, который (эскадронъ) сталъ называться его именемъ; вскорѣ Орловъ былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ, и ему было приказано съ первыми двумя эскадронами отправиться въ Лифляндію для соединенія съ отрядомъ генерала Эссена; въ 1804 г. А. П. Орловъ совершилъ со своимъ полкомъ экспедицію въ Финляндію, чѣмъ и закончилась его боевая дѣятельность; въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку; годъ его смерти въ точности неизвѣстенъ.

„Исторія Лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка“ Спб 1876; стр. 35, 45, 59—65, 541, 150; „Списокъ Воинскому Департаменту“ на 1789, 1796 г.

Орловъ князь *Алексѣй Өедоровичъ*, генералъ адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, командующій Императорскою Главною Квартирою; предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, шефъ корпуса жандармовъ и главный начальникъ III-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. А. Ө. Орловъ род. въ Москвѣ 8 октября 1786 года и былъ сыномъ генералъ-поручика графа Өедора Григорьевича Орлова и Ярославовой. Огромное значеніе для Алексѣя Өедоровича имѣло то обстоятельство, что императрица Екатерина, снисходя на просьбу графа Өедора Григорьевича, указомъ 27 апрѣля 1796 года признала за его «воспитанниками», и въ томъ числѣ за Алексѣемъ, дворянскія права, позволила имъ принять фамилію и гербъ Орловыхъ. Домашнее образованіе Орловъ продолжилъ пребываніемъ въ пансіонѣ аббата Николя, который оставилъ въ 1801 году и поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Здѣсь онъ пробылъ три года, и въ 1804 году поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, въ которомъ скоро былъ произведенъ въ корнеты, въ войнахъ 1805 — 1807 годахъ онъ принялъ боевое крещеніе. За отличіе въ сраженіи при Аустерлицѣ А. Ө. Орловъ былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». Затѣмъ онъ былъ въ Пруссіи, гдѣ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля до рѣки Пассарги и въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Въ 1809 году Орловъ, въ чинѣ штабсъ-ротмистра перешелъ на службу въ Лейбъ-гвардіи конный полкъ, въ спискахъ котораго числился впослѣдствіи до самой смерти. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ приня-

малъ участіе во многихъ важныхъ сраженіяхъ за время отечественной войны, между прочимъ, въ дѣлахъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ (гдѣ получилъ семь ранъ) и подъ Краснымъ. Назначенный 7 января 1813 года адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу, Орловъ сражался подъ Люценомъ, Бауценомъ и, наконецъ, подъ Кульмомъ и Дрезденомъ. Произведенный за отличіе въ полковники, А. Ѳ. Орловъ совершилъ походъ во Францію, участвовалъ въ битвахъ подъ Бріенномъ и Труа, затѣмъ находился въ авангардѣ у графа Палена, сражался подъ Арсисомъ, при Ферѣ Шампенуазѣ и во время осады Парижа. Въ августѣ 1814 года Орловъ вышелъ въ отставку, но уже въ слѣдующемъ году вновь былъ зачисленъ на службу по кавалеріи и принялъ участіе въ походѣ во Францію, во время котораго состоялъ въ отдѣльномъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ французскихъ партизановъ.—Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, Орловъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1817 году произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ этого времени начинается его быстрое возвышеніе. Въ 1819 году онъ былъ назначенъ командиромъ Лейбъ-гвардіи коннаго полка, въ 1820-мъ—генералъ-адъютантомъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности, въ 1821-мъ—командиромъ 1-й бригады Гвардейской Кирасирской дивизіи, съ сохраненіемъ званія командира коннаго полка.—Въ противуположность брату своему Михаилу Ѳедоровичу, А. Ѳ. Орловъ не только не раздѣлялъ либеральныхъ взглядовъ, бродившихъ въ то время въ русскомъ обществѣ, но былъ, насколько позволяли его средства, ихъ гонителемъ, въ особенности въ средѣ военной молодежи. Между прочимъ, гр. А. Х. Бенкендорфъ по этому поводу сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что «Орловъ, узнавъ, что въ его полку есть литературныя общества офицеровъ и не предвидя ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впредь». Твердость Орлова и умѣніе поддерживать въ своемъ полку строгую дисциплину особенно обнаружились въ 1820 году, во время бунта Семеновскаго полка и въ событіи 14-го декабря 1825 года. Въ этотъ день онъ своимъ примѣромъ, энергіей и храбростью оказалъ громадную помощь дѣлу быстраго усмиренія мятежниковъ. Прежде всего, когда священникъ Конногвардейскаго полка Поляковъ, которому было приказано приводить солдатъ къ присягѣ на вѣрность императору Николаю, не рѣшался сдѣлать этого, Орловъ взялъ у него изъ рукъ листъ съ текстомъ присяги и самъ громогласно прочелъ предъ солдатами форму клятвеннаго обѣщанія. Тотчасъ по окончаніи присяги, онъ поскакалъ съ донесеніемъ во дворецъ и, получивъ отъ Государя приказаніе явиться немедленно со своимъ полкомъ на Сенатскую площадь, гдѣ собрались возмутившіяся части войскъ, первый изъ полковыхъ командировъ привелъ ввѣренную ему часть, а вскорѣ и съ оружіемъ въ рукахъ двинулся въ атаку противъ мятежниковъ. Государь оцѣнилъ услуги Орлова: 25 декабря 1825 года онъ возвелъ Алексѣя Ѳедоровича въ графское Россійской Имперіи достоинство «въ воздаяніе отличнаго служенія Намъ и Отечеству», какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на его имя. Кромѣ того, Государь приблизилъ его къ себѣ и удостаивалъ всегда отмѣннымъ вниманіемъ, довѣріемъ и расположеніемъ, граничившимъ съ дружбой. Всякій разъ, когда Государь не желалъ поручать какой-либо выходившей изъ ряду дипломатической миссіи обыкновеннымъ дипломатическимъ агентамъ, онъ выбиралъ для ея выполненія графа Орлова. При всѣхъ своихъ способностяхъ и несомнѣнномъ умѣ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ не бралъ на себя иниціативы въ разрѣшеніи вопросовъ, если не зналъ мнѣнія о нихъ Государя, и предпочиталъ строго и точно исполнять Высочайшія повелѣнія. Первый случай, когда А. Ѳ. Орлову удалось выказать свои способности на дипломатическомъ поприщѣ, представился при заключеніи Адріанопольскаго мира. Когда началась война съ Турціей въ 1828 году, Орловъ сопровождалъ императора Николая въ дѣйствующую армію и находился при его Особѣ во время Сатуновской переправы чрезъ Дунай; затѣмъ, получивъ въ командованіе особый отрядъ, онъ участвовалъ во взятіи крѣпостей Мачина и Гирсова и находился въ сраженіи подъ Шумлой во главѣ 1-й Конно-егерской дивизіи. Участвуя во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ до самаго отступленія нашего отъ

Шумлы, Орловъ особенно отличился 20 сентября 1828 года, уничтоживъ попытку непріятеля отрѣзать отъ нашего лагеря бригаду генералъ-маіора Набеля. За всѣ эти дѣла 23 октября того же года графъ Орловъ былъ награжденъ украшеннымъ алмазами золотымъ оружіемъ и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Нѣкоторое время затѣмъ онъ находился вновь при Государѣ, но когда, послѣ рѣшительныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Европѣ и Азіи, двухлѣтняя кровавая борьба съ Портою стала близиться къ концу, императоръ Николай Павловичъ отправилъ графа въ дѣйствующую армію съ наставленіями графу Дибичу на случай обращенія къ нему Порты съ просьбой о мирѣ. Указывая въ своемъ письмѣ Дибичу отъ 9/21 іюня 1829 года, что Орловъ посылается для веденія переговоровъ, Государь отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ «надежномъ, умномъ и истинно русскомъ». Орловъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и немало повліялъ на принятіе турками мирнаго договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ имъ предъявленъ на первомъ совѣщаніи. Этотъ успѣхъ имѣлъ послѣдствіемъ назначеніе Орлова тотчасъ послѣ ратификаціи Адріанопольскаго договора чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, для возстановленія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей. Орловъ прибылъ въ Константинополь 13-го (25-го) ноября 1829 года и былъ встрѣченъ турками съ почетомъ и предупредительностью не только какъ чрезвычайный посолъ, но и какъ лицо, близкое къ Государю и пользовавшееся его неограниченнымъ довѣріемъ. Въ честь его были даны блестящія празднества, на одномъ изъ которыхъ присутствовалъ самъ султанъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ старался, согласно даннымъ ему инструкціямъ, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы убѣдить султана Махмуда, его министровъ и приближенныхъ въ томъ, что собственная польза побуждаетъ ихъ въ точности исполнять обязательства свои передъ Россіей и этимъ заслужить расположеніе русскаго императора. Онъ доказывалъ, что система недовѣрія и вражды, которой такъ долго держалось турецкое правительство въ отношеніи къ Россіи, привели ихъ къ цѣлому ряду несчастій и едва не причинили совершенной ихъ гибели. «Не лучше ли», говорилъ Орловъ: «отказаться отъ своихъ политическихъ преданій и испытать на дѣлѣ, что полное довѣріе къ намѣреніямъ русскаго двора болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ самой Порты, чѣмъ одушевлявшія ее доселѣ зависть и злоба?» Дѣйствуя крайне осторожно, но ловко и умно, графъ Орловъ сумѣлъ убѣдить турокъ и самого султана, особенное расположеніе котораго онъ снискалъ, что единственное средство къ спасенію для нихъ заключается въ тѣсномъ единеніи ихъ съ Россіей, и вмѣстѣ съ прибытіемъ чрезвычайнаго турецкаго посольства въ Петербургъ добился обѣщанія Порты выполнить всѣ условія Адріанопольскаго договора. — Императоръ Николай Павловичъ былъ весьма доволенъ успѣшною дѣятельностью графа Орлова въ Константинополѣ. По этому поводу онъ писалъ 17 (29) января 1830 года графу Дибичу: «Je suis extrêmement satisfait d'Orloff; il agit au délà de mes souhaits et vous pouvez vous applaudir de l'avoir designé» и 27 февраля (11 марта) того же года: «Je ne puis assez vous dire, combien je suis satisfait d'Orloff: il agit vraiment à me surprendre moi-même, malgré mon tendre pour lui».

Іюльская революція во Франціи, какъ извѣстно, встрѣтила большое неодобреніе со стороны императора Николая. Онъ не желалъ признавать Людовика-Филиппа королемъ французовъ и хотѣлъ къ тому же склонить и австрійскій дворъ. 16 (28) августа 1830 года онъ отправилъ Алексѣя Ѳедоровича Орлова въ Вѣну, для ознакомленія австрійскаго императора со своими взглядами на политическія событія во Франціи, но Орловъ не успѣлъ пріѣхать, какъ переворотъ былъ уже тамъ признанъ. Тѣмъ не менѣе, когда за французской революціей послѣдовало бельгійское возстаніе, а за нимъ волненія въ Италіи и Германіи, императоръ Николай счелъ своимъ долгомъ защищать политическое зданіе, воздвигнутое на вѣнскомъ конгрессѣ. Такъ какъ естественнымъ союзникомъ его въ этомъ дѣлѣ представлялся ему австрійскій дворъ, то онъ вновь возложилъ на графа Орлова, какъ на самое довѣренное лицо, важное дѣло возстановленія прежняго тѣснаго соглашенія между кабинетами петербургскимъ и вѣнскимъ. Орлова встрѣтили въ Вѣнѣ и Пресбургѣ привѣтливо. тѣмъ болѣе, что Меттернихъ надѣялся извлечь немалую выгоду изъ того обстоятельства, что починъ въ довѣрительныхъ

объясненіяхъ былъ сдѣланъ Николаемъ I-мъ. Съ своей стороны, Орловъ скоро сошелся съ австрійскимъ канцлеромъ и до такой степени подпалъ его вліянію, что доносилъ Государю: «Ваше Величество возложили на меня порученіе при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ. Я не имѣлъ случая его исполнить, ибо все, что съ самаго начала сказалъ мнѣ канцлеръ и подтвердилъ императоръ, и есть именно то, что Ваше Величество поручили мнѣ требовать». При отъѣздѣ Орлова изъ Вѣны Меттернихъ вручилъ ему пространный меморандумъ, въ которомъ находился проектъ соглашенія трехъ сѣверныхъ державъ противъ революціонной Франціи.

Когда вспыхнуло польское возстаніе, и послѣ дѣла подъ Остроленкой наши войска были оттѣснены отъ Варшавы, противъ нашего главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго стали раздаваться со всѣхъ сторонъ обвиненія, и императоръ Николай Павловичъ счелъ необходимымъ отправить въ армію графа Орлова, для ознакомленія на мѣстѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и причинами малой успѣшности военныхъ дѣйствій. По словамъ Лякруа, Орлову было приказано также объявить Дибичу объ его скоромъ увольненіи отъ должности главнокомандующаго.—Отъ Дибича Орловъ проѣхалъ въ Слонимъ къ цесаревичу Константину Павловичу.

Изъ дѣйствовавшей въ Польшѣ арміи графъ Орловъ проѣхалъ въ Пруссію, на границѣ которой подъ его наблюденіемъ были устроены запасные магазины для нашихъ войскъ. Въ Петербургъ онъ вернулся въ самый разгаръ холеры 1831 года и, въ виду тревожнаго настроенія умовъ въ столицѣ, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ 1-й адмиралтейской, московской и нарвской частей. Когда произошелъ бунтъ военныхъ поселеній, графъ былъ командированъ, чтобы произвести строжайшее розысканіе и принять надъ ними начальство. Твердость Орлова, его присутствіе духа и значеніе, которое давала ему командировка отъ Высочайшаго имени утвердили повиновеніе въ солдатахъ и успокоили поселенія. За труды по прекращенію безпорядковъ въ поселеніяхъ графъ Орловъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Въ 1832 году графъ Орловъ былъ отправленъ въ Пруссію, Голландію и Англію, для переговоровъ относительно бельгійско-голландскаго вопроса. Миссія эта, впрочемъ, была неудачна. Слѣдующій годъ былъ для графа Орлова гораздо счастливѣе. Въ Турціи произошло возстаніе египетскаго паши Мехмета-Али противъ султана Махмуда II-го, который обратился за помощью къ императору Николаю I. Тотчасъ же былъ отправленъ въ Босфоръ черноморскій флотъ, а также десантный отрядъ подъ начальствомъ генерала Муравьева, для защиты турецкой столицы, отъ нападенія арміи Ибрагима-паши, сына Мехмета-Али. Такъ какъ между тремя нашими представителями въ Турціи—дипломатическимъ, военнымъ и морскимъ—не было должнаго единства и согласія, что чувствительно отзывалось на нашихъ интересахъ, то императоръ Николай Павловичъ, недовольный ходомъ нашихъ дѣлъ на Востокѣ, рѣшилъ отправить въ Константинополь графа А. Ѳ. Орлова въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла при султанѣ и главнаго начальника всѣхъ нашихъ военныхъ и морскихъ силъ въ Турціи. «Я посвященъ во всѣ самыя сокровенныя мысли Государя», писалъ графъ Орловъ графу Киселеву 15 (27) марта 1833 года, извѣщая его о своемъ назначеніи: «я присутствовалъ при всѣхъ обсужденіяхъ, происходившихъ по этому предмету; министерство не скрыло отъ меня ничего изъ сношеній своихъ съ иностранными кабинетами относительно сего великаго дѣла». Орловъ полагалъ, что съ самаго начала слѣдовало приказать отряду Киселева перейти Дунай и двинуться сухимъ путемъ въ Константинополь и что отъ этого зависѣло окончаніе войны между султаномъ и Ибрагимомъ-пашею. Но когда Орловъ 6 (18) мая прибылъ въ Константинополь, миръ между воюющими сторонами былъ уже заключенъ, и уступка Аданы уже совершилась. Недовольный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, противъ котораго онъ совѣтовалъ Государю бороться силою, Орловъ тщетно старался внушить султану и его министрамъ, что подобная потачка мятежному вассалу будетъ имѣть для нихъ самыя печальныя послѣдствія. Несмотря, однако, на заключеніе мира, присутствіе графа Орлова въ Константинополѣ снова подняло наше дипломатическое значеніе въ глазахъ Порты, и Орлову удалось скрыть отъ представителей другихъ державъ (франц. и англійск. посланниковъ) переговоры о заключеніи съ Тур-

ціей оборонительнаго и наступательнаго союза; 18 іюня 1833 года онъ уже писалъ Киселеву: «Я имѣю удовольствіе извѣстить Васъ, что мы наканунѣ того, чтобы подписать оборонительный договоръ. Это—удалой отвѣтъ на французскія родомонтады и великій шагъ для будущаго». Получивъ отъ Государя приказаніе скрывать переговоры о трактатѣ съ Турціей отъ всѣхъ представителей иностранныхъ державъ и разрѣшеніе подписать союзный договоръ, редакція котораго была составлена въ Петербургѣ и одобрена императоромъ, Орловъ быстро и умѣло исполнилъ возложенное на него порученіе. «Я придерживался съ турками», говоритъ самъ Орловъ, «системы ласкать одною рукой, сжимая другую въ кулакъ, и это привело меня къ счастливому успѣху. Вчера подписанъ оборонительный договоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мнѣ былъ предписанъ изъ Петербурга. Мнѣ пришлось бороться съ глупостью турокъ и въ особенности съ иностранными интригами». Подписаніе этого договора, закрывавшаго Дарданельскій проливъ для всѣхъ иностранныхъ военныхъ кораблей, кромѣ русскихъ, состоялось 26 іюня 1833 года. По словамъ барона Бруннова, никогда ни одни переговоры не были ведены въ Константинополѣ съ большею тайною, ни окончены съ большею быстротою. Искусство графа Орлова заключалось въ особенности въ томъ, что онъ привлекъ къ нимъ главныхъ совѣтниковъ султана. Каковы бы ни были оттѣнки ихъ личныхъ мнѣній, всѣ они были вынуждены сообща принять на себя отвѣтственность за договоръ, подписанный ими вмѣстѣ. На слѣдующій же день по подписаніи договора графъ Орловъ отдалъ приказъ о посадкѣ нашихъ войскъ на суда, и 28 іюня они вышли въ Черное море; императоръ Николай Павловичъ былъ очень доволенъ заключеніемъ трактата и лично благодарилъ графа Орлова, «не только сумѣвшаго загладить ошибки, совершенныя вялою и безцвѣтною нашею дипломатіей, но и обратившаго ихъ къ вящему торжеству русскаго имени». За свои заслуги графъ Орловъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

Въ концѣ августа того же 1833 года графъ Орловъ сопровождалъ императора Николая въ его путешествіи въ Австрію и присутствовалъ при его свиданіи съ императоромъ Францемъ въ Мюнхенгрецѣ. Тамъ ему пришлось совмѣстно съ Нессельроде и Татищевымъ вести переговоры съ Меттернихомъ, въ результатѣ которыхъ была заключена 6 сентября конвенція, обязывавшая стороны, въ случаѣ распаденія Турціи, дѣйствовать не иначе, какъ сообща, и 7 сентября другая по польскимъ дѣламъ — которою Россія и Австрія обязывались оказывать другъ другу содѣйствіе, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ въ польскихъ провинціяхъ, учредить строгій надзоръ за участниками послѣднихъ возстаній и выдавать другъ другу государственныхъ преступниковъ.

Въ теченіе 1834 года гр. А. Ѳ. Орловъ не занималъ какой-либо опредѣленной должности, но пользуясь, какъ всегда, неограниченнымъ довѣріемъ Государя и принимая участіе во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ по сношенію съ иностранными дворами, онъ оказывалъ большое вліяніе на дѣла какъ внутренней, такъ и внѣшней нашей политики. Въ началѣ 1835 года, когда умеръ австрійскій императоръ Францъ, Орловъ былъ отправленъ въ Вѣну для присутствованія на его похоронахъ въ качествѣ представителя русскаго монарха, при чемъ ему было поручено явиться выразителемъ взглядовъ Государя на обязательства, взятыя имъ на себя во время Мюнхенгрецкаго свиданія. Въ 1836 году послѣдовало назначеніе графа Орлова членомъ Государственнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ 1837 году онъ ѣздилъ въ Англію для принесенія поздравленія королевѣ Викторіи по случаю ея коронованія; затѣмъ былъ постояннымъ спутникомъ Государя во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и за границей.—Въ началѣ 1839 года Орлову было поручено замѣнить умершаго попечителя цесаревича Александра Николаевича князя Ливена и сопровождать Наслѣдника въ его путешествіяхъ. «Полагаюсь на тебя и Провидѣніе», сказалъ императоръ Николай», поручая ему заботы о Наслѣдникѣ. Орловъ встрѣтился съ великимъ княземъ, когда тотъ былъ уже въ Нейштадтѣ, и скоро снискалъ полное его довѣріе. Послѣ благополучнаго пребыванія въ Англіи, Наслѣдникъ, направляясь въ Дармштадтъ, гдѣ хотѣлъ вновь увидѣть избранницу своего сердца, въ разговорахъ съ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ нерѣдко открывалъ

ему свою душу, признавался, что единственное его желаніе—найти достойную подругу, которая доставила бы ему «высшее на землѣ счастіе супруга и отца». Орловъ не замедлилъ сообщить императору Николаю о чувствахъ Наслѣдника къ дармштадтской принцессѣ Маріи, и съ тѣхъ поръ принималъ дѣятельное участіе въ доведеніи до конца задуманнаго цесаревичемъ брака. Пожалованный кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго за отличное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей руководителя цесаревича и великаго князя, А. Ѳ. Орловъ занялся дѣлами внутренней политики и, между прочимъ, былъ назначенъ членомъ 2-го секретнаго комитета для пересмотра закона объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы. Въ 1841 году, по случаю вступленія въ бракъ Наслѣдника престола, графъ получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; затѣмъ, до 1844 года продолжалъ принимать самое близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ, не занимая, впрочемъ, опредѣленныхъ должностей. Въ маѣ 1844 года Орловъ былъ поставленъ во главѣ немногочисленной свиты, которая сопровождала императора Николая въ его путешествіи въ Англію, и чрезъ него былъ возбужденъ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ предъ императоромъ вопросъ о возстановленіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Бельгіей. По возвращеніи въ Россію, графъ Орловъ былъ назначенъ командующимъ Императорскою Главною Квартирою и замѣнилъ умершаго графа Бенкендорфа въ должностяхъ шефа жандармовъ и главнаго начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Дѣятельность его по III Отдѣленію была направлена къ огражденію Россіи отъ западно-европейскихъ революціонныхъ вліяній, охватившихъ тогда всю Европу и проникавшихъ въ Россію. Въ отношеніи литературы, строго преслѣдуя все, что носило «либеральный» характеръ, онъ былъ также того мнѣнія, что литературѣ «не слѣдуетъ выносить сора изъ избы», почему внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы печатью не оглашались факты, могущіе насъ такъ или иначе компрометировать. Какъ цѣнитель литературныхъ талантовъ, графъ Орловъ не отличался чуткостью, хотя и поощрялъ многихъ представителей литературы и хлопоталъ предъ императоромъ о пособіяхъ имъ и ихъ семьямъ и объ облегченіи ихъ кары; упомянемъ его ходатайства за Полевого, И. Аксакова и др. Впрочемъ, умѣренное и даже милостивое отношеніе гр. Орлова къ представителямъ литературы не было постояннымъ: большинство изъ нихъ испытали не мало стѣсненій разнаго рода. Когда дѣло Буташевича-Петрашевскаго обнаружило, что въ Россіи обращается очень много запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, и императоръ Николай I-й поручилъ Орлову войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Л. А. Перовскимъ о принятіи мѣръ къ прекращенію этого явленія, графъ Орловъ составилъ съ этою цѣлью слѣдующія предложенія: 1) отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, неодобренныя цензурою, на томъ соображеніи, что отъ ученыхъ людей запрещенныя книги или вредныя мысли изъ этихъ книгъ могутъ переходить и къ другимъ лицамъ; 2) принять болѣе строгія мѣры относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и, между прочимъ, производить ее на границахъ, въ таможняхъ, при чемъ книги, неодобренныя къ ввозу внутрь страны, сожигать. Императоръ Николай одобрилъ эти мѣры, но приказалъ Орлову до приведенія ихъ въ исполненіе снестись съ княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи графомъ Блудовымъ, благодаря заступничеству которыхъ, изложенному въ обстоятельныхъ отвѣтахъ графу Орлову, мѣры послѣдняго не осуществились.

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда, особенное вниманіе императора Николая Павловича было обращено на учебныя заведенія, графъ Орловъ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ и главноначальствующимъ надъ московскимъ Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Дѣйствуя въ этихъ должностяхъ согласно съ общимъ направленіемъ эпохи, онъ, однако, внесъ много полезныхъ измѣненій во внутренній строй разныхъ учебныхъ заведеній. Одновременно съ исполненіемъ перечисленныхъ обязанностей Орловъ былъ предсѣдателемъ общества попечительства о тюрьмахъ и членомъ комитетовъ кавказскаго, сибирскаго и о лифляндскихъ крестьянахъ. Вообще, въ послѣдніе

годы царствованія императора Николая I почти не было особо важнаго комитета или коммиссіи, въ которыхъ бы не предсѣдательствовалъ или не состоялъ членомъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Искренно преданный государю, благоговѣвшій предъ его личностью, готовый всегда пожертвовать собою за него, Орловъ былъ самымъ точнымъ истолкователемъ и исполнителемъ желаній и велѣній государя; императоръ цѣнилъ Орлова выше всѣхъ окружавшихъ его особу приближенныхъ и облекалъ его всегда неограниченнымъ довѣріемъ; онъ посвящалъ его во всѣ свои планы особой государственной важности и удостаивалъ совмѣстнаго обсужденія. Государю всегда было пріятно имѣть подлѣ себя гр. Орлова, и тотъ сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ его величества—въ Италію, Австрію, Пруссію и по Россіи.

Въ 1852 году, во время свиданія Николая I съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ, Орловъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ дипломатическихъ переговорахъ, веденныхъ въ Берлинѣ и Ольмюцѣ. Отправленный въ 1854 году въ Вѣну съ предложеніемъ Австріи сохранить нейтралитетъ въ войнѣ Россіи съ Турціей, Франціей и Англіей, графъ Орловъ потерпѣлъ неудачу, что, впрочемъ, нисколько не измѣнило отношенія къ нему императора Николая Павловича. На смертномъ ложѣ Государь долго говорилъ съ Орловымъ и поручалъ его особенному вниманію наслѣдника. «Графа Орлова ты хорошо знаешь», сказалъ онъ Цесаревичу, «нечего рекомендовать»... Онъ отдалъ на память Орлову свою чернильницу и прибавилъ: «Изъ этой чернильницы мы много съ тобой переписали»... Императоръ Александръ II также благоволилъ къ Орлову, и въ его царствованіе графъ Орловъ пользовался не меньшимъ почетомъ, чѣмъ при императорѣ Николаѣ. Въ 1855 году на него было, по Высочайшему повелѣнію, возложено исполненіе завѣщанія скончавшагося Государя, а въ слѣдующемъ, 1856 году, веденіе переговоровъ о мирѣ, которымъ закончилась крымская кампанія. Государственный канцлеръ графъ Нессельроде писалъ по этому поводу Орлову: «Обстоятельства величайшей важности и рѣшительное ихъ значеніе для будущности Россіи, побудили Государя Императора обратиться къ вашей извѣстной преданности къ престолу, проявленной вами въ теченіе почти пятидесятилѣтняго служенія вашего тремъ императорамъ. Вполнѣ довѣряя вашей испытанной опытности, вашему таланту и просвѣщенію, Государь Императоръ соизволилъ наименовать ваше сіятельство своимъ первымъ уполномоченнымъ на предстоящихъ въ Парижѣ конференціяхъ, въ видахъ возстановленія мира. Вашему сіятельству не только извѣстенъ ходъ политики императорскаго кабинета, но даже всѣ сокровенныя мысли, ее направляющія». Въ своихъ наставленіяхъ Орлову графъ Нессельроде указывалъ, что главною его задачей должно быть устраненіе изъ мирнаго договора такихъ постановленій, редакція которыхъ была бы оскорбительна для Россіи; затѣмъ, надо было стараться избѣжать земельныхъ уступокъ въ Бессарабіи, а впрочемъ маневрировать, вести временную игру съ цѣлью ослабить враговъ и достигнуть главной цѣли—заключенія мира. Семидесятилѣтній посланникъ умѣло исполнилъ свою миссію, и добился условій мира, довольно благопріятныхъ для Россіи въ ея тогдашнемъ положеніи. 9 февраля 1856 года графъ А. Ѳ. Орловъ прибылъ въ Парижъ и былъ принятъ императоромъ Наполеономъ III сначала въ торжественной, а потомъ и въ частной аудіенціи. Послѣдняя происходила въ кабинетѣ императора безъ всякихъ свидѣтелей. Орловъ откровенно изложилъ Наполеону содержаніе полученныхъ инструкцій, сказавъ, на что можетъ согласиться при настоящихъ переговорахъ и что долженъ отвергнуть. Сообщеніе свое графъ заключилъ просьбой оказать нашимъ заявленіямъ поддержку во всей ихъ полнотѣ и тогда, сказалъ онъ, дѣло мира скоро будетъ приведено къ желанному концу. На выраженное французскимъ императоромъ сожалѣніе о Польшѣ, стѣсняемой въ своей религіи и пр., Орловъ съ живостью возразилъ, что Польша пострадала по собственной винѣ, что ей представлены были всѣ способы процвѣтанія, но она не съумѣла ими воспользоваться и пр., но что, тѣмъ не менѣе, полякамъ обезпечена полная свобода вѣроисповѣданія. Первое засѣданіе Парижскаго конгресса, происходившее 13 февраля и последующія были очень бурны. Между Орловымъ и великобританскимъ уполномоченными происходили горячіе дебаты, такъ какъ Орловъ отстаивалъ неприкосн-

ревность нашихъ владѣній въ Бессарабіи, лордъ Кларендонъ отвергалъ всякое вознагражденіе Россіи за возвращеніе Карса. Наконецъ, Орловъ воспользовался приглашеніемъ къ императорскому обѣду, чтобы вызвать къ посредничеству Наполеона III. Разсказавъ ему ходъ переговоровъ, онъ заявилъ, что настало время прибѣгнуть къ личной помощи императора французовъ въ виду постоянно возрастающихъ притязаній Англіи, которыя ведутъ къ неминуемой размолвкѣ между державами. Онъ прибавилъ, что императоръ Александръ исполнитъ всѣ данныя имъ обѣщанія, но что онъ разсчитываетъ на поддержку Наполеона. Орлову удалось склонить Наполеона на свою сторону и получить отъ него разрѣшеніе во всѣхъ важныхъ случаяхъ непосредственно обращаться къ нему. Заручившись поддержкой императора французовъ, «чувствуя», по его словамъ, «уже твердую почву подъ собою», графъ Орловъ проявилъ большую твердость при обсужденіи вопроса о пограничной чертѣ и добился того, что конгрессъ отвергнулъ пограничную черту, предложенную представителями Австріи, и принялъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, проектъ русскихъ уполномоченныхъ. Энергически протестуя затѣмъ противъ притязаній Англіи, хотѣвшей подвергнуть сомнѣнію всѣ наши права на владѣніе кавказскимъ берегомъ Чернаго моря по ту сторону Кубани, графъ рѣшительными своими отвѣтами совершенно устранилъ всякіе споры по этому поводу. Смотря на вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ, какъ на второстепенный, графъ писалъ канцлеру Нессельроде, что не будетъ изъ-за нихъ особенно оттягивать заключеніе мира. «Я не буду ими пренебрегать», говорилъ онъ, «я буду съ твердостью ихъ поддерживать, насколько то возможно; но, какъ вѣрный слуга моего Государя, я долженъ помнить, что благо Россіи, ея безопасность, честь, процвѣтаніе въ будущемъ и стараніе сберечь кровь ея храбрецовъ, составляютъ — согласно Высочайшей волѣ Государя Императора — высшій для меня законъ». Тѣмъ большее вниманіе графъ Алексѣй Ѳедоровичъ обратилъ на вопросъ о правахъ христіанъ — турецкихъ подданныхъ. На заявленіе великаго визиря, что въ виду недавняго дарованія султаномъ его христіанскимъ подданнымъ большихъ правъ, нѣтъ надобности включать въ трактатъ какія-либо новыя постановленія объ этомъ, онъ возразилъ, что, по мнѣнію императора Александра, этотъ пунктъ и составляетъ главное достоинство мирнаго соглашенія великихъ европейскихъ державъ, предметъ общихъ ихъ усилій, и предложилъ статью, подтверждающую права христіанскихъ подданныхъ Порты, поставить въ началѣ договора во вниманіе къ тому, что вопросъ этотъ равно интересуетъ всѣ христіанскія державы, обязанныя разрѣшить его по совѣсти и чести. Предложеніе Орлова, сначала встрѣтившее горячее одобреніе со стороны представителей всѣхъ европейскихъ державъ, разбилось впослѣдствіи объ упорство Турціи, страстно поддержанной англійскими уполномоченными. «Не имѣя личной опоры императора» (отказавшаго въ своей поддержкѣ русскому предложенію), писалъ графъ Орловъ въ Петербургъ, «всѣ мои самыя ревностныя усилія остались безплодными передъ конференціей, на которой уполномоченные Россіи при настоящихъ обстоятельствахъ остаются изолированными. Моя попытка послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что я не пренебрегъ ничѣмъ, что могло способствовать осуществленію намѣренія императорскаго кабинета, въ предѣлахъ возможнаго. Если бы я попытался переступить эти границы, то я рисковалъ бы успѣхомъ переговоровъ, ввѣренныхъ моимъ стараніямъ. Избѣжавъ этой опасности по вопросу о заключеніи почетнаго мира, совѣсть говоритъ мнѣ, что я вѣрно исполнилъ обязанности, возложенныя на меня Государемъ Императоромъ, и что я служилъ законнымъ и истиннымъ интересамъ Россіи». На депешу съ изложеніемъ этихъ соображеній, графъ Нессельроде отвѣчалъ Орлову: «Государь Императоръ одобряетъ все вами сказанное и сдѣланное. Теперь не будутъ уже создавать затрудненій. Кончайте и подписывайте». При первомъ же извѣстіи о подписаніи мирнаго договора императоръ Александръ поручилъ Государственному канцлеру благодарить графа Орлова за настойчивыя усилія, употребленныя имъ для скорѣйшаго заключенія мира.

Послѣ подписанія договора о мирѣ, засѣданія Парижскаго конгресса продолжались еще двѣ съ лишнимъ недѣли, и графу Орлову пришлось еще бороться противъ намѣреній французовъ и англичанъ завести разговоръ о Польшѣ. На предложенія Наполеона III

произнести «слово милосердія и великодушія» въ ея пользу, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ отвѣтилъ самымъ рѣшительнымъ отказомъ, прямо объявивъ французскому императору, что всякая мысль объ улучшеніи положенія этой страны можетъ принадлежать единственно русскому Царю, глубокое чувство долга предъ которымъ заставляетъ его громко высказаться противъ иллюзій, возникшихъ среди членовъ конгресса по вопросу, совершенно не подлежащему ихъ обсужденію. «Прекрасный отвѣтъ»—написалъ собственноручно императоръ Александръ II на донесеніи Орлова. Отвѣты въ томъ же родѣ получили графъ Валевскій и лордъ Кларендонъ, когда вздумали, въ частныхъ бесѣдахъ съ нашимъ уполномоченнымъ, затронуть тотъ же вопросъ, и графъ Орловъ могъ закончить рядъ своихъ донесеній изъ Парижа слѣдующими правдивыми словами: «я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать имя Польши, произнесеннымъ на засѣданіяхъ, въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы. Всякій признаетъ, что соглашеніе, подписанное въ Парижѣ предъ лицемъ коалиціи, является, смѣю сказать, миромъ почетнымъ для нашего государства и соотвѣтственнымъ достоинству его короны». 12-го мая 1856 года состоялась прощальная аудіенція графа А. Ѳ. Орлова въ Тюльерійскомъ дворцѣ, во время которой императоръ Наполеонъ осыпалъ его похвалами и пожаловалъ ему орденъ Почетнаго Легіона.

По возвращеніи въ Россію, графъ Орловъ занялъ постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ, а также Комитетовъ Кавказскаго и Сибирскаго. Въ день коронаціи императора Александра II-го онъ былъ возведенъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство, «въ воздаяніе достохвальнаго служенія и незабвенныхъ заслугъ Отечеству, ознаменованныхъ въ послѣднее время благотворнымъ дѣломъ примиренія съ враждовавшими противъ Россіи европейскими державами». «Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ!» гласилъ Высочайшій рескриптъ, данный на его имя по этому поводу, «пріявъ нынѣ Священное Коронованіе, я не могъ не обратиться къ воспоминанію, что тридцать лѣтъ тому назадъ Вы въ подобныя же великія минуты стояли у престола Моего Незабвеннаго Родителя, и съ чувствомъ сердечнаго умиленія Мнѣ пріятно сознать, что Вы всегда были слугою вѣрнымъ Моему Родителю, любившему Васъ, какъ друга, и считавшему Васъ ближайшимъ и ревностнѣйшимъ Своимъ сотрудникомъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ польза Государственная требовала точнаго исполненія Его благихъ видовъ и предначертаній»...

Государственная дѣятельность князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова завершилась его участіемъ въ трудахъ Правительства по освобожденію крестьянъ. Когда въ концѣ 1856 года былъ учрежденъ «негласный» комитетъ по крестьянскому вопросу, онъ былъ назначенъ его первымъ членомъ съ правомъ предсѣдательствовать въ отсутствіе Государя. Съ крестьянскимъ вопросомъ кн. Орловъ былъ знакомъ, такъ какъ еще въ концѣ 30-хъ годовъ былъ членомъ Секретнаго Комитета для пересмотра закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а затѣмъ, въ 1842 году, участвовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта по этому же вопросу; въ 1844 году онъ принималъ участіе въ трудахъ «Комитета объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей»; въ 1847 году Орловъ былъ назначенъ членомъ Комитета о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ права выкупаться изъ крѣпостного состоянія на волю при продажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ. Въ томъ же году подъ его предсѣдательствомъ былъ образованъ Особый Секретный Комитетъ по тому же вопросу, окончившій свои занятія въ одно засѣданіе, и рѣшившій, что никакихъ вспомоществованій отъ правительства выкупающимся крестьянамъ дѣлать не слѣдуетъ. Въ слѣдующемъ же году Орловъ присутствовалъ въ качествѣ члена въ 6-мъ Секретномъ комитетѣ, созванномъ для разсмотрѣнія послѣдствій указа 8 ноября 1847 года о дозволеніи крестьянамъ выкупаться въ извѣстныхъ случаяхъ на волю, и въ числѣ другихъ членовъ стоялъ за то, что власть помѣщичья должна быть сохранена, «какъ орудіе и опора самодержавной власти». — Когда князь Орловъ былъ приглашенъ въ 1856 году въ «негласный комитетъ», онъ не скрывалъ, что относится къ задуманному преобразованію недовѣрчиво и считалъ его и преждевременнымъ, и обильнымъ опасными послѣдствіями. Въ своемъ «мнѣніи о крестьянскомъ вопросѣ» князь разсматривалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ за границей и находилъ, что

подобное освобожденіе ихъ у насъ немыслимо, другое же будетъ одинаково невыгодно и для дворянъ и для крестьянъ. «Нельзя сомнѣваться», говорилъ князь Орловъ, «что крестьяне будутъ разорены первые. По степени еще свойственнаго имъ невѣжества они всѣхъ скопившихся на нихъ выкуповъ платить не станутъ; но если бы даже и захотѣли, то не могутъ, ибо потребныхъ на то громадныхъ капиталовъ само Правительство не имѣетъ: какъ же требовать отъ крестьянъ, чтобы они создали все изъ ничего? Поэтому крестьянскіе участки должны будутъ безпрестанно продаваться точно такъ же, какъ и помѣщичьи». Нарисовавъ картину постепеннаго упадка дворянскихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, князь высказалъ предположеніе, что «лѣтъ черезъ 60 образуется въ Россіи новое сословіе землевладѣльцевъ, которыхъ благосостояніе будетъ основано на нищетѣ дворянской и крестьянской»... Будучи убѣжденнымъ противникомъ немедленнаго освобожденія крестьянъ, онъ направилъ свои усилія къ тому, чтобы затормозить дѣло, а если и осуществить, то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Съ переименованіемъ въ январѣ 1858 года «Негласнаго Комитета» въ Главный Комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, князь Орловъ былъ оставленъ его предсѣдателемъ.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ у князя А. Ѳ. Орлова обнаружились припадки мозговой болѣзни, которая не позволила ему принимать прежняго участія въ дѣлахъ. Въ январѣ 1861 года онъ испросилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей и, осыпанный почестями, удалился на покой, съ сохраненіемъ званій генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта. Четыре мѣсяца спустя, 9 мая 1861 года, князь А. Ѳ. Орловъ скончался въ Петербургѣ, на 75-мъ году жизни.

Кн. А. Ѳ. Орловъ былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Александра Александровича Жеребцова — Ольгѣ Александровнѣ и имѣлъ одного сына—Николая.

Военно-Ученый Архивъ, Отд. II, № 28956; Рукописныя замѣтки В. В. Руммеля, принадлежащія Еловскому; Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I; Долгоруковъ, кн., Россійская родословная книга, ч. II; Бобринскій, гр., Русскіе дворянскіе роды, ч. II; Архивъ Государственнаго Совѣта (Царств. императоровъ Николая I и Александра II); Архивъ села Михайловскаго; Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, т. VIII; Архивъ князя Воронцова, кн. XXXVI, XXXIX, XL; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, тт. I и II; Исторіи: Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; „Историческій обзоръ дѣятельности комитета Министровъ", составилъ С. М. Середонинъ. Спб., 1902; Анненковъ, Исторія Лейбъ-Гвардіи коннаго полка. Спб., 1849 г., ч. IV; Краткіе біографическіе очерки А. Ѳ. Орлова помѣстили: Справочный Энц. Словарь, Энц. Слов. Брогкауза и Евфрона; Энциклопедія Военныхъ и Морскихъ Наукъ Леера, т. V; Dictionnaire universel Larousse'a, т XI; Nouvelle biographie générale Hoefer'a; Biographie universelle, т. XXXI, Slovnik Naučny v Praze, Encyklopedja Powszechna S. Orgelbrand'a, изд. 1865 и 1901 гг., Мѣсяцесловъ на 1862 годъ и др.; болѣе подробные: М. Д. Хмыровъ въ „Портретной Галлереѣ русскихъ дѣятелей", т. I. Спб., 1865; В. О. въ „Военномъ Сборникѣ" 1861 г., т. XIX, № 6, стр. 562, „Иллюстрированный Семейный Листокъ" 1863 г., № 56; Schnitzler, „Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Bruxelles, 1847; Шильдеръ, Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе, т. I и II; Его же, Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 гг. (Дополненіе ко II тому Жизни и царств. Ник. I); П. Бартеневъ, Девятнадцатый вѣкъ, кн. 2: Памятники Новой Русской Исторіи 1871 г., т. I; Сборникъ историческихъ матеріаловъ, издаваемый М. Михайловымъ 1873 г.; Tourgeneff. N., La Russie et les Russes. Vol. I, Paris, 1847; Paul Lacroix, Histoire de la vie et du règne de l'empereur Nicolas, Paris, 1864; Revelations of Russia, on the emperor Nicolas and his empire in 1844, Лондонъ, 1844; Les mystères de la Russie par Frédéric Lacroix; Paul Grimm, Les mystères du palais des Czars. Würzbourg, 1868; Графъ Блудовъ, Послѣдніе часы жизни Императора Николая I. Спб., 1855 г.; The Accession of Nicholas I compiled by special command of the Emperor Alexander II by baron M. Korff, London, 1857; Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, publiées par le comte de Falloux; Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, Спб., 1870, т. I; Михайловскій-Данилевскій, Исторія Отечественной Войны 1812 года. Спб., 1839; Его же, Описаніе войны 1813 года. Спб., 1814; Его же, Записки о походѣ 1813 года. Спб., 1834 и 1836; Е. Карновичъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Спб., 1899; Богдановичъ, „Исторія Отечественной войны 1812 года по достовѣрнымъ источникамъ". Спб., 1859; 3 тома Paul Grimm, Alexandra Féodorowna, Kaiserin von Russland; Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Ф. Смита. Спб. 1864; С. С. Татищевъ, Изъ прошлаго русской дипломатіи. Спб., 1890; Его же, Внѣшняя политика Императора Николая I. Спб., 1887; Его же, Императоръ Николай I и иностранные дворы. Спб., 1889; Его же, Императоръ Александръ II; Его же, Исторія войны 1813 года за независимость

Германіи. Спб., 1863 г., т. I; Capefigue, Les diplomates et hommes d'état européens, т. III: Correspondance diplomatique de M. de Bismarck, traduite par M. Funck-Brentano; А. Н. Петровъ, Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года („Историч. Вѣстникъ" 1891 г., т. XLIII); Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ, т. IV, ч. I; „Correspondance relative to the affairs of the Levant", ч. I; „Annuaire de Lesur pour 1825"; Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche, von Freiherrn Prokesch-Osten. VI Bände; The life and correspondence of Viscount Palmerston by Ashley, 2 Vol; Н. К. Шильдеръ, Переписка императора Николая I съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ („Древняя и Новая Россія" 1879 и 1880 гг.); Mémoires de Metternich, publiés par son fils. 8 vol.; Paris. 1884; Н. Устряловъ, Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая Павловича. Спб., 1847; Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, кн. IV, VIII, IX, X, XII и XIII; Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. Собралъ А. Скребицкій, т. I; Матеріалы для исторіи крѣпостного права въ Россіи, извлеченные изъ секретныхъ отчетовъ Минист. Внутр. Дѣлъ за 1836—1856 гг., Берлинъ, 1873; Первое изданіе матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія „Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости". Первый періодъ. Спб., 1859, ч. I и II. Приложеніе къ журналу № 1. „Письмо князя Орлова къ Г. А. Ростовцову отъ 17 февраля 1859 г.". Второе изд., т. I, кн. I, прил. „Отношеніе князя Орлова къ ген.-адъют. Ростовцову"; „Мнѣніе князя А. Ѳ. Орлова о крестьянскомъ вопросѣ" („Чтенія Имп. Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1872 г., № 4); Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб., 1889 г., т. II; Гр. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ, М., 1900 г.; La raison d'Etat en Russie par un patriote russe, Bruxelles, 1865 г.; На зарѣ крестьянской свободы. Матеріалы для характеристики общества („Русская Старина", 1897 г., т. XCII); А. И. Левшинъ, Достопамятныя минуты въ моей жизни. („Рус. Арх." 1885 года, № 8); Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Спб., 1882; Н. Н. Муравьевъ-Карскій, Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году. Москва, 1869; Его же, Дѣла Турціи и Египта. М., 1870; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи. Спб., 1892; И. Иванюковъ, Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882; Anatole Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. Paris, 1884; П. Милюковъ, „Крестьяне"—статья въ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVI; Его же, Очерки по исторіи русской культуры. Спб., 1899; Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. Спб., 1902; Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I. Спб., 1900; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 31, 73, 78, 98; Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate. II. Paris, 1874; Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева. Москва, 1889, 2 тт.; Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе второе; Изъ дневника П. Г. Дивова („Русская Старина" 1899 года, т. C); Старина и Новизна, т. IV; Е. М. Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ („Историческій Вѣст." 1886 г., т. XXIII); Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб., 1889 г., т. I; Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія (1809—1831). Спб., 1871; „Сочиненія": А. С. Пушкина. (Изд. Литер. фонда), тт. I, IV, V, VII; Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго. Спб., 1883, т. VIII; Сочиненія Д. В. Давыдова. Спб., 1893 г. тт. II и III; И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. Спб., 1888; Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Спб. (изд. Маркса); Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи. М., 1862 (и „Русск. Арх." 1866 г.); Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899; А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири. М., 1895; Воспоминанія Вигеля; Дневникъ барона Л. П. Николаи („Русская Стар." 1877 г., т. XX); Воспоминанія: А. П. Бѣляева („Русская Старина", т. XXIX); А. К. Гриббе („Рус. Стар.", т. XVII); графа В. А. Соллогуба („Истор. Вѣст.", т. XXIV); И. П. Липранди. Изъ дневника и воспоминаній („Русскій Арх.", 1866 г.); Я. И. Каменецкаго („Истор. Вѣст.", т. XII); гр. Орлова-Давыдова („Рус. Арх." 1880 г., III); Евгенія, принца Виртембергскаго („Рус. Арх." 1878 г., I); доктора Зейдлица о турецкомъ походѣ 1829 г. (тамъ же, III); Н. И. Шенига („Рус. Арх." 1880 г., III); Записки князя П. А. Вяземскаго: („Старая записная книжка, начатая въ 1813 г." въ XIX вѣкѣ П. Бартенева и „Изъ старой записной книжки" въ „Русскомъ Архивѣ" 1873, № 11); С. Г. Волконскаго Спб., 1902; А. Я. Львова (въ „Рус. Арх." 1884, кн. IV); гр. А. Д. Блудовой (тамъ же за 1875); бар. А. Е. Розена (Лейпцигъ, 1870); К. А. Полевого; кн. М. Н. Волконской (Mémoires de la princesse Marie Volconsky) (Спб., 1904; графа А. Х. Бенкендорфа (Приложеніе къ II тому сочиненія Н. К. Шильдера, Императоръ Николай I. Спб., 1903, стр. 648, 702); генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева-Карскаго („Рус. Арх." 1869); Н. И. Греча (Записки о моей жизни) Спб., 1886; графа П. А. Граббе („Рус. Арх." 1873); В. А. Инсарскаго (Ibid., 575); А. И. Стороженка (Ibid., 1738); барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа („Русская Старина" 1899, т. C); князя Н. С. Голицына („Русская Старина" 1880, т. XXIX); А. А. Эйлеръ („Рус. Арх." 1880, кн. II); Богуславскаго („Рус. Стар." 1879, т. XXVI); Н. И. Лорера (Изъ записокъ декабриста, въ „Рус. Богатствѣ" 1904, мартъ и Іюнь, стр. 55); Custine, La Russie en 1839. Paris. 1843; Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, 1861; vol. IV; „Русская Бесѣда" 1859 года, т. VI; 1860 года, т. II; „Библіографическія Записки", I; „Историческій Вѣстникъ" т.т. 11, 12, 23, 26, 27, 31, 43, 48; „Былое и думы" А. И. Герцена. Ли-

донъ, 1861; Кропотовъ. „Жизнь графа М. Н. Муравьева“; „Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ по случаю совершившагося его 50-ти-лѣтія“. Москва, 1865; „Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, его біографія, записанная А. Л. Зиссерманомъ („Русскій Архивъ“, 1888 г. и 1889 г.); „Записная книжка графа П. Х. Граббе“ „Рус. Арх.“: 1888 и 1889 гг.); „Наброски изъ воспоминаній князя Д. Д. Оболенскаго“ („Рус. Арх. 1895 г., кн. 1); „Дневникъ Ѳ. Я. Мирковича“ („Рус. Арх.“ 1888 и 1890 гг.): „Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева“ („Рус. Арх.“ 1888 и 1893 гг.); «Изъ записокъ Н. Н. Муравьева Карскаго“ („Русс. Арх.“ 1894 и 1895 г.); „Записки графа М. Д. Бутурлина“ („Рус. Арх.“ 1897 и 1898 гг.); „Воспоминанія Г. Д. Щербачева“ („Рус. Арх.“ 1891); А. И. Барсуковъ, „Жизнеописаніе графа Г. Г. Орлова“ („Рус. Арх.“ 1873); „Изъ дневника В. А. Муханова“ („Рус. Арх.“ 1896 и 1897); Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (Изъ воспомин. „Вѣстн. Европы“ 1871 г., № 9); „Воспоминанія А. П. Кернъ („Русск. Стар.“ 1870); „Воспоминанія Колзакова“ („Рус. Ст.“ 1873): „Записки В. И. Фелькнера“ („Рус. Стар.“ 1870): „Записки полковника Вадковскаго“ („Рус. Стар.“ 1873): „Записки сенатора Я. А. Соловьева“ („Рус. Стар.“ 1882 и 1883); „Записки Я. И. де-Санглена“ („Рус. Стар.“ 1883); „Записки Д. И. Кипіани“ („Рус. Стар.“ 1886): „Колоколъ“ 1859, №№ 6, 11, 19, 20 и др.: „Вѣстникъ Европы“ 1874 т. 4, № 7: „Два случая изъ жизни графа А. Ѳ. Орлова“ („Заря“. 1870 г., № 12, стр. 414—422): „Любопытная резолюція шефа жандармовъ графа Орлова по поводу одной статьи“ („Истор. Вѣст.“, 1881 г., т. VI); „Три письма графа А. Ѳ. Орлова къ графу А. Х. Бенкендорфу“ („Рус. Архивъ“, 1889 г., кн. II); „Письмо генералъ-адъютанта графа Орлова изъ С.-Петербурга отъ 24 декабря 1837 года“ („Русскій Архивъ“, 1865 г., кн. III); „Докладъ графа А. Ѳ. Орлова объ Украйно-Славянскомъ обществѣ“ (изъ бумагъ Д. П. Голохвастова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 года, кн. II); „Письмо графа А. Ѳ. Орлова къ графу С. Г. Строгонову“ (Ibid, 355—356); „Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. Два письма гр. А. Ѳ. Орлова къ министру народнаго просвѣщенія П. А. Ширинскому-Шихматову“ „Рус. Арх., 1894 г., кн. 1); „Письмо графа Орлова къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской“ („Русск. Арх., 1896 г., кн. II); „Записка Василія Антоновича Инсарскаго“ („Русская Стар., т. LXXXI, LAXXIII); The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. London, 1892; Н. Елагинъ, Жизнь графини А. А. Орловой. Спб., 1853 г.; Louis Blanc, Hisloire de dix ans (1830—1840). Парижъ, 1887; П. Дирикъ, „Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка“. Спб., 1853—1854; „Краткій историческій очеркъ Императорской главной квартиры“.

А. А. Петровъ.

Орловъ, *Василій Ивановичъ*, штабъ-лѣкарь, драматическій писатель; родился 6-го янв. 1792 г. въ Москвѣ и былъ сыномъ дьячка при церкви Василія Блаженнаго; ум. 5-го марта 1860 г. въ Петербургѣ. В. И. Орловъ получилъ образованіе сначала въ Московской Духовной Академіи (курса которой не окончилъ) и въ Московск. Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи; съ сентября 1818 по сентябрь 1819 г. исправлялъ должность ординатора при академической больницѣ и затѣмъ уже признанный достойнымъ степени лѣкаря былъ опредѣленъ младшимъ лѣкаремъ въ л.-гв. Конно-егерскій полкъ, откуда въ 1822 г. былъ переведенъ въ Петербургъ въ Гусарскій полкъ и вскорѣ произведенъ въ штабъ-лѣкари; въ 1828 г. Орловъ былъ перемѣщенъ ординаторомъ въ Артиллерійскій госпиталь; 24 февр. 1833 г. былъ произведенъ въ надворные совѣтники, въ томъ же мѣсяцѣ вышелъ въ отставку и поступилъ на частную службу въ качествѣ управляющаго казанскими заводами В. Д. Соломирскаго. Впрочемъ, уже въ 1835 г. онъ вернулся въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ предался вновь литературной дѣятельности, которую началъ еще въ 1820-хъ годовъ. Въ литературѣ онъ дебютировалъ стихами оригинальными и переводными: наиболѣе цѣнными изъ нихъ слѣдуетъ признать его переводы одъ Горація, которые онъ выпустилъ въ 1830 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ»; этотъ опытъ былъ встрѣченъ критикой весьма сочувственно: свои стихотворенія Орловъ обыкновенно помѣщалъ въ слѣдующихъ журналахъ: «Вѣст. Европы» (1825), «Славянинъ» (1827), «Московск. Вѣстн.» (1828), «Сынъ Отечества» (1929), «Моск. Телеграфъ» (1826—1829); перу Орлова принадлежитъ также нѣсколько прозаическихъ произведеній (напримѣръ, повѣсть «Неровня», помѣщен. въ «Сынѣ Отечества», 1839 г.). Наибольшую же извѣстность Орловъ снискалъ, какъ писатель драматическій; онъ написалъ до десяти пьесъ, изъ которыхъ большую половину составляютъ водевили; изъ послѣднихъ упомянемъ: «Подмосковныя проказы», «Гусарская стоянка», «Антикварій», какъ пользовавшіеся нѣкоторымъ успѣхомъ; заслуживаетъ упоминанія и его переводъ комедіи Мольера «Скупой». Впрочемъ, литературная дѣятельность не могла обезпечить Орлова, сильно нуждавшагося въ матеріальныхъ средствахъ, и онъ 15 мая 1843 г. вновь опредѣлился на службу во

2-ой Военно-сухопутный Петербургскій госпиталь, годъ передъ тѣмъ прослуживъ безвозмездно въ качествѣ врача въ дирекціи Императорскихъ Петербургскихъ театровъ. Въ бытность врачемъ при госпиталѣ Орлову пришлось нѣсколько разъ, по порученію начальства, съѣздить въ нѣкоторыя губерніи для борьбы съ различными эпидеміями; между прочимъ, въ 1848 г. онъ былъ въ командировкѣ для борьбы съ холерой, каковое обстоятельство вызвало его на переводъ труда Рекамье: «Наставленіе, какъ поступать при леченіи азіатской холеры»; переводъ этотъ не былъ напечатанъ, равно какъ не увидѣло свѣта и его обширное изслѣдованіе о сифилисѣ, надъ которымъ онъ производилъ многолѣтнія наблюденія; изъ трудовъ Орлова по части медицины въ печати имѣется лишь переводъ соч. Полиньера: «О кровопусканіяхъ» (Спб. 1833 г.).—Въ декабрѣ 1850 г. В. И. Орловъ былъ назначенъ инспекторомъ фельдшерской школы при Сухопутномъ госпиталѣ, въ каковой должности и умеръ 5-го марта 1860 г. и былъ погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

Слѣдующія пьесы Орлова были поставлены на сценахъ Петербургскихъ театровъ: оригинальные водевили — «Подмосковныя проказы» (1833 г.), «Гусарская стоянка» (1835 г.), «Разночинцы» (1838 г.), «Антикварій» (1849 г.), «Ночь на Пескахъ» (1839 г.); переводные водевили:—«Роковая почта» (1839 г.), «Сія дача не продается» (1847 г.); переводная ком.—«Скупой» Мольера (1843 г.); переводн. драма—«Лунатикъ» (1843 г.).

Полный послужный списокъ -„Медицинскій Вѣстникъ“ 1861, № 17, 18, 19; Мѣсяцесловъ на 1861 г., А. И. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ театровъ“, Спб. 1877—1884; ч. I — III. „Пантеонъ и Репертуаръ русск. сц.“ 1850, янв.; „Отеч. Зап.“ т. 68, „Русск. Стар.“ т. 75; „Русск. Архивъ“ 1864; „Моск. Вѣстн. 1830, № 14—16, стр. 254—294.

Ив. К.

Орловъ, *Василій Ивановичъ*, основатель русской земской статистики, глава Московской статистической школы, писатель. В. И. Орловъ происходилъ изъ духовнаго званія, род. 27-го марта 1848 г. въ с. Егорьевскомъ, Лихвинскаго у., Калужской губ.; ум. 22-го сентября 1885 г. въ Москвѣ, въ засѣданіи съѣзда земскихъ врачей Московской губ.; похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Среднее образованіе В. И. Орловъ получилъ въ Калужской духовной семинаріи, гдѣ прошелъ лишь общеобразовательные классы, а высшее — на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, съ 1868 по 1872 гг. Еще въ семинаріи, а особенно въ университетѣ, онъ съ жаромъ отдался самообразованію; впечатлѣнія дѣтства, эпоха великихъ реформъ не мало способствовали развитію въ немъ особеннаго интереса къ судьбамъ народной массы, и онъ скоро отдался изученію политической экономіи и другихъ общественныхъ наукъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ значительную часть своего времени посвящать добыванію средствъ къ существованію. При этихъ условіяхъ и выработался его энергическій, самостоятельный и трудолюбивый характеръ.

По окончаніи курса (въ 1872 г.), В. И. Орловъ былъ оставленъ при университетѣ, для подготовки къ профессурѣ по каѳедрѣ общественнаго права; тогда же онъ былъ приглашенъ преподавать статистику въ Александровское военное училище. Къ тому времени въ обществѣ уже созрѣло сознаніе, что безъ основательнаго знакомства съ экономическимъ положеніемъ страны невозможна ни правильная оцѣнка наблюдаемыхъ въ ней явленій, ни успѣшная борьба съ вредными экономическими вліяніями. По изученіе окружавшей жизни при тѣхъ мѣстныхъ статистическихъ органахъ, несовершенство которыхъ для всѣхъ было очевидно, было невозможной задачей. И вотъ, въ 1875 г. Московскимъ губернскимъ земствомъ было предположено организовать статистическое изслѣдованіе Московской губерніи, для чего при губернской земской управѣ было основано статистическое отдѣленіе, а для завѣдыванія имъ былъ приглашенъ, въ декабрѣ 1875 г., В. И. Орловъ. Знакомый съ методами, выработанными наукой, Орловъ рѣшилъ замѣнить старые пріемы новыми, обезпечивавшими достовѣрность и точность свѣдѣній, что и составляетъ выдающуюся заслугу его въ области русской статистики. Онъ предварительно выработалъ программы изслѣдованія, которыя были утверждены Московскимъ земствомъ. Программы эти охватывали народное хозяйство въ обширномъ смыслѣ этого слова, и были настолько удовлетворительны, что позднѣе были приняты почти всѣми земствами. Первое отличіе метода Орлова

состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ своей задачей общее хозяйственное описаніе цѣлой губерніи, съ особенно подробнымъ изслѣдованіемъ экономическаго быта крестьянъ, а не монографическое изученіе отдѣльныхъ мѣстностей или сторонъ жизни, что до сего времени считалось единственно доступнымъ для частныхъ лицъ и органовъ мѣстнаго самоуправленія. Программы, выработанныя Орловымъ, пріурочивались къ самымъ мелкимъ хозяйственнымъ единицамъ—помѣщичьимъ экономіямъ, фабричнымъ предпріятіямъ, а главнымъ образомъ,—къ отдѣльному крестьянскому двору, и обнимали собой всѣ факторы экономическаго быта крестьянской семьи. Къ концу 1876 г. былъ уже готовъ первый томъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи», выведшаго статистику на новый, болѣе цѣлесообразный путь. Этотъ томъ обнимаетъ собой Московскій уѣздъ.

Успѣхъ этого перваго опыта мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій укрѣпилъ положеніе земской статистики и возбудилъ общественное сочувствіе къ подобнаго рода работамъ. Московское губернское земство предоставило статистическому отдѣленію управы средства для изученія цѣлой губерніи по той же программѣ, какая была испробована на Московскомъ уѣздѣ. Получивъ возможность пригласить нѣсколькихъ сотрудниковъ, Орловъ сразу повелъ изученіе нѣсколькихъ уѣздовъ. Теперь предпринятое имъ изслѣдованіе быта населенія было на ряду съ поселеннымъ и подворнымъ: такъ изслѣдованъ былъ Подольскій уѣздъ. Уже къ началу 1878 г., вмѣстѣ съ Н. А. Каблуковымъ, Орловъ издалъ второй томъ «Сборника», заключавшій въ себѣ результатъ мѣстныхъ изслѣдованій по шести уѣздамъ Московской губерніи, а въ началѣ 1879 г. появился новый томъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній», заключавшій въ себѣ данныя и по остальнымъ шести уѣздамъ и итоги по всей губерніи. Такимъ образомъ, огромная работа экономическаго описанія цѣлой губерніи была приведена къ концу въ два съ половиной года.

Закончивъ общее изученіе хозяйственнаго быта крестьянъ, Орловъ принялся за монографическую разработку отдѣльныхъ вопросовъ крестьянскаго быта, имѣя въ виду всестороннее научное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства, направленное къ уясненію тѣхъ разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ однѣ поддерживаютъ крестьянское хозяйство и вызываютъ относительно высокій уровень благосостоянія, а другія, наоборотъ, ведутъ къ отрицательнымъ результатамъ въ хозяйствѣ и влекутъ за собой обѣдненіе населенія. Но ему удалось разработать и окончить только небольшую часть намѣченной программы.

Въ 1879 г. появился IV томъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній», содержащій въ себѣ изслѣдованіе о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ. Этотъ трудъ Орлова представляетъ собой одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ литературѣ по общинному землевладѣнію. Книга Орлова есть сводъ произведенныхъ по однообразному плану наблюденій надъ обширными распорядками въ 5,500 селеніяхъ Московской губ. Хотя симпатіи автора лежали на сторонѣ мірского землевладѣнія, но онъ не скрывалъ и темныхъ сторонъ общинныхъ распорядковъ.

Слѣдующая монографическая работа Орлова—описаніе кустарныхъ промысловъ, начатое еще въ 1875 г. А. Исаевымъ. Въ шести выпускахъ, посвященныхъ промысламъ и составляющихъ VI и VII томы «Сборника», ему принадлежитъ планъ, описаніе многихъ промысловъ и общая редакція.

Дальнѣйшее изслѣдованіе Орлова, появившееся въ 1884 г., касается взаимнаго страхованія строеній отъ огня (VIII и X томы «Сборника»).

Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Орлова была статистика народнаго образованія въ Московской губерніи, для которой собраны были свѣдѣнія о каждой школѣ. Это также былъ первый опытъ работъ подобнаго рода. Таблицы обширнаго IX тома «Сборника», посвященнаго этому вопросу, заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія объ учащемъ персоналѣ, объ учащихся, о школьныхъ помѣщеніяхъ, о классной обстановкѣ, объ училищномъ бюджетѣ. Здѣсь для каждаго уѣзда составлены историко-статистическіе очерки дѣятельности земства по народному образованію, а для цѣлой губерніи обширный интересный отдѣлъ о положеніи школьнаго дѣла въ Московской губерніи.

Однако, производствомъ переписей и разработкой собраннаго этимъ путемъ

матеріала Орловъ не считалъ дѣло экономическаго изученія края законченнымъ. Получать полную и вѣрную картину современнаго состоянія хозяйства и видѣть направленіе его въ ту или другую сторону во всякій данный моментъ возможно лишь при томъ условіи, если изъ года въ годъ слѣдить за текущими явленіями жизни, правильно отмѣчать ихъ, подводить имъ итоги и пр. Статистическое бюро приступило къ собиранію свѣдѣній о текущихъ явленіяхъ въ сельско-хозяйственной жизни черезъ постоянныхъ корреспондентовъ по программѣ въ общихъ чертахъ сходной съ тою, какая для подобной же цѣли была выработана департаментомъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности. Полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія, вмѣстѣ со статистикой фабрикъ и заводовъ, собранной при оцѣночныхъ работахъ въ 1881—1884 годахъ и разными текущими данными, составили содержаніе выпущеннаго въ началѣ 1885 г. «Статистическаго ежегодника Московскаго губернскаго земства».

Статистическая дѣятельность Орлова далеко не ограничивалась предѣлами Московской губ. Его заслуга состоитъ также въ томъ, что онъ побудилъ своимъ примѣромъ цѣлый рядъ губернскихъ земствъ къ производству мѣстныхъ изслѣдованій и содѣйствовалъ имъ совѣтами, указаніями, а часто и личнымъ трудомъ въ ихъ организаціи.

Первымъ земствомъ, обратившимся (въ 1880 г.) къ Орлову съ просьбой объ устройствѣ статистическихъ изслѣдованій, было Тамбовское. Въ «Сборникѣ» по Борисоглѣбскому уѣзду, составленному по плану и подъ редакціей Орлова, самому ему принадлежитъ отдѣлъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, въ которомъ сообщены свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи въ черноземной полосѣ, равно какъ о крестьянскихъ арендахъ и подрядахъ на земледѣльческія работы. Вслѣдъ за этимъ открытіе земскихъ статистическихъ бюро слѣдовало одно за другимъ, и для организаціи ихъ обыкновенно обращались къ руководителю Московской земской статистики. Вскорѣ Орловъ былъ приглашенъ для устройства статистики въ Курской губерніи (въ 1881 г.). Здѣсь онъ изучилъ нѣсколько волостей въ Курскомъ уѣздѣ и издалъ подъ своей редакціей «Сборникъ» по этому уѣзду. Столь же близкое участіе принималъ онъ въ устройствѣ статистики въ губерніяхъ: Самарской, Воронежской, Смоленской, Орловской. Затѣмъ, хотя и въ меньшей степени, онъ принималъ участіе въ выработкѣ плана земской статистики въ губерніяхъ: Саратовской, Рязанской, Полтавской, Таврической, Екатеринославской и Пермской. Въ перечисленныхъ губерніяхъ принятъ тотъ же планъ изслѣдованія, что и въ Москвѣ. Для большинства губерній Орловъ рекомендовалъ исполнителей и состоялъ съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ. Наконецъ, многія земства нерѣдко присылали Орлову свои труды для просмотра, съ просьбой издать ихъ въ Москвѣ.

Заслуги Орлова въ области статистики получили признаніе со стороны многихъ учрежденій. Такъ, Императорское Русское Географическое Общество присудило ему за первые томы статистическихъ изслѣдованій большую Константиновскую медаль, а Московскій университетъ за сочиненіе «О формахъ крестьянскаго землевладѣнія» удостоилъ Орлова полной преміи имени Ю. Самарина.

Около десяти лѣтъ работалъ Василій Ивановичъ Орловъ на пользу земской статистики. За это время онъ показалъ себя неутомимымъ изслѣдователемъ народной жизни, всюду вносившимъ горячую любовь и честное отношеніе къ дѣлу, будившимъ вездѣ энергію и создавшимъ цѣлую школу статистиковъ, преданныхъ дѣлу.

Кромѣ редактированія и изданія «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.», (9 томовъ, М. 1878—1884 гг.) и «Ежегодника Московскаго земства на 1884 г.», въ которыхъ Орловъ помѣстилъ нѣсколько своихъ работъ, онъ напечаталъ: «Объ организаціи земскихъ статистическихъ работъ въ Московской губерніи», М. 1881 г., и былъ сотрудникомъ «Земскаго Обзора», «Русскихъ Вѣдомостей» и нѣкоторыхъ другихъ изданій.

А. Чупровъ, „Статистическіе труды В. И. Орлова“. Докладъ, читанный 30-го сентября 1885 г. въ соединенномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества и его Статистическаго Отдѣленія, посвященномъ памяти В. И. Орлова („Юридическій Вѣстникъ“. 1885 г., кн. 11, стр. 478—487); Н. Каблуковъ. В. И. Орловъ—земскій статистикъ. Некрологъ („Русская Мысль“. 1885 г., кн. II, стр. 121—126); Брошюра: „В. И. Орловъ какъ устроитель 1-го студенческаго общежитія Московскаго университета. Рѣчь, читанная

С. Лепешкинымъ въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, посвященномъ воспоминанію о В. И. Орловѣ, 30-го сентября 1885 г.", стр. 1—32; Н. Астыревъ, В. И. Орловъ („Московскій Иллюстрированный календарь-альманахъ", издан. Пругавинымъ на 1887 г., М. 1887 г, стр. 102—107); Отчетъ о засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, посвященномъ памяти В. И. Орлова, 30-го сентября 1885 г. („Русскія Вѣдомости", 1885 г., № 272); А. Чупровъ, Некрологъ Орлова (ib., № 264): „Статистическій Ежегодникъ Московскаго губернскаго земства за 1885 г., М. 1886 г., стр. III—VIII; Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. 5, Спб. 1888 г, стр. 116—117; В. В. Некрологъ В. И. Орлова („Вѣстникъ Европы", 1885 г, кн. 11, стр. 451—457); Вл. Б—чъ. Некрологъ Орлова („Русское Богатство", 1885 г., кн. 11, стр. 208—210; Брокгаузъ, Энциклопедическій словарь, т. 22. Спб. 1897, стр. 165—166; „Экономическій указатель". 1885 г., № 9: „Юридическій Вѣстникъ". 1885 г., кн. 10, стр. 1—2: „Вѣстникъ Европы", 1885 г., кн. 11, стр. 410 и 470—471: „Библіографъ", 1885 г., № 12, стр. 93; „Церковный Вѣстникъ", 1885 г., № 40; „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости", 1885 г., № 31: „Голосъ Москвы", 1885 г., №№ 193 и 195: „Историческій Вѣстникъ". 1885 г., кн. 11, стр. 479—481: „Московскія Вѣдомости", 1885 г., № 264; „Недѣля", 1885 г., № 41, стр 1423—1425; „Новое Время", 1885 г., № 3440; „Новости", 1885 г., № 264; „Русь", 1885 г., № 13.

И. Давидовичъ.

Орловъ, *Василій Петровичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, войсковой атаманъ Войска Донского, герой Измаила. В. П. Орловъ происходилъ изъ дворянъ Войска Донского, службу началъ въ 1764 году, не имѣя 20 лѣтъ отъ роду. Благодаря своему недюжинному уму и беззавѣтной храбрости, выказать которую при непрерывныхъ войнахъ того времени было не трудно, Орловъ быстро повышался по службѣ и десять лѣтъ спустя былъ уже войсковымъ старшиной и командовалъ однимъ изъ донскихъ казачьихъ полковъ; въ мартѣ 1776 года онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, а 13-го декабря 1784 года въ подполковники. Вслѣдъ затѣмъ ему снова пришлось принять участіе въ русско-турецкой войнѣ, въ теченіе которой, за отличія, выказанныя въ дѣлахъ противъ турокъ, онъ былъ награжденъ, между прочимъ, орденомъ св. Георгія 4-й степени, а въ 1787 году произведенъ въ полковники; наконецъ, за необычайную храбрость, проявленную при штурмѣ Измаила, ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени и вслѣдъ затѣмъ, 22-го сентября 1789 года Орловъ былъ произведенъ въ бригадиры. Дальнѣйшими наградами его были: орденъ св. Владиміра 3-й степени, чинъ генералъ-маіора (2-го іюля 1792 года) и брилліантовое перо на киверъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени императрицы Екатерины II. По смерти войскового атамана Войска Донского А. И. Иловайскаго императоръ Павелъ I рѣшилъ было назначить войсковымъ атаманомъ генерала-отъ-кавалеріи Θ. П. Денисова, но послѣдній, ссылаясь на свои преклонные годы, отклонилъ это назначеніе и посовѣтовалъ императору назначить войсковымъ атаманомъ В. П. Орлова. Назначенный войсковымъ атаманомъ Войска Донского, Орловъ занималъ эту должность около четырехъ лѣтъ—до самой своей смерти. Во время его атаманства важнѣйшими событіями въ Войскѣ Донскомъ были: 1) сравненіе донскихъ чиновъ съ чинами регулярныхъ полковъ; 2) Пинскій походъ—17-го февраля 1798 г. Орловъ получилъ Высочайшее повелѣніе собрать и держать 22 полка въ исправной готовности къ выступленію по первому повелѣнію. Осенью эти полки были отведены имъ къ Пинску и тамъ шесть полковъ поступило въ армію Суворова, а остальные нѣкоторое время составляли демонстрацію; 3) причисленіе къ Войску Донскому и откочеваніе отъ послѣдняго Дурботскихъ калмыковъ.—По уходѣ въ январѣ 1771 года большой Торготской Орды въ Китай, оставшіеся въ Россіи калмыки въ числѣ 2000 кибитокъ раздѣлились на четыре орды: Большую и Малую Дурботскую, Торготскую и Хошотскую, кочевавшія по правой сторонѣ Волги до границъ Войска Донского. Въ 1785 году Большая Дурботская орда была причислена къ казенному вѣдомству и раздѣлена на четыре части, надзоръ надъ коими былъ ввѣренъ особымъ приставамъ. Притѣсненія этихъ приставовъ вынудили калмыковъ перекочевать въ 1788 году къ Дону и прожить тамъ до 1794 года, когда они стали просить дозволенія навсегда имъ остаться при Войскѣ Донскомъ, но императрица Екатерина II поручила войсковому атаману Иловайскому склонить ихъ къ переходу на лѣвую сторону Волги, куда они и перекочевали въ 1795 году. Однако по вступленіи на престолъ Павла I они снова стали просить о причисленіи

ихъ навсегда къ Войску Донскому. В. П. Орловъ, бывшій тогда уже войсковымъ атаманомъ, поддержалъ ихъ просьбу и въ 1798 году императоръ Павелъ I повелѣлъ причислить калмыковъ къ Войску Донскому. Орловъ составилъ для вновь прибывшей калмыцкой орды проэктъ суда, подъ названіемъ Сыскного Начальства. Но такъ какъ ему вскорѣ пришлось отправиться въ Пинскій походъ, то проектъ этотъ былъ представленъ императору Павлу I наказнымъ атаманомъ Д. И. Иловайскимъ I, но Павелъ I не утвердилъ этого проекта, а вмѣсто Сыскного Начальства повелѣлъ учредить особое правленіе, которому, между прочимъ, было поручено «сдѣлать поголовную перепись, въ коей означить, по кибиткамъ или по селеніямъ, всѣхъ калмыковъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ на такомъ точно основаніи, какъ производится подобная перепись по Войску Донскому. Эта перепись и вообще дѣйствія вышеупомянутаго Правленія очень не понравились калмыкамъ и въ маѣ 1800 года Большая Дурботская орда въ полномъ составѣ откочевала въ степи Астраханской губерніи. Узнавъ объ этомъ, Орловъ тотчасъ-же поѣхалъ къ калмыкамъ, догналъ ихъ и старался уговорить возвратиться на Донъ, но калмыки наотрѣзъ отказались вернуться. Побѣгъ калмыковъ изъ донскихъ степей причинилъ Войску большой матеріальный ущербъ. Между тѣмъ, императоръ Павелъ I заключилъ союзъ съ первымъ консуломъ Франціи Наполеономъ Бонапартомъ и по проекту послѣдняго рѣшилъ предпринять экспедицію въ Индію. 12-го января 1801 года Орловъ получилъ повелѣніе собрать все Войско Донское въ сборныя мѣста и готовиться идти въ Оренбургъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. 1-го марта Орловъ со всѣми 40 полками Войска Донского выступилъ къ Оренбургу, причемъ Орлову императоромъ Павломъ I были подарены всѣ богатства Индіи, какими ему удастся завладѣть въ этомъ походѣ. Однако ему удалось дойти только до рѣки Иртыша, гдѣ настигъ его указъ Военной Коллегіи, уже за подписью императора Александра I, предписывавшій казакамъ возвратиться на Донъ. По возвращеніи въ Черкаскъ Орловъ вскорѣ скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара въ своемъ загородномъ домѣ. В. П. Орловъ былъ женатъ первымъ бракомъ—на дочери гр. Ѳ. П. Денисова, вторымъ на дочери генерала-отъ-кавалеріи Д. И. Иловайскаго. Въ теченіе своей четырехъ-лѣтней службы войсковымъ атаманомъ Войска Донского онъ получилъ слѣдующія награды: чины генералъ-лейтенанта и генералъ-отъ-кавалеріи, а также орденъ св. Александра Невскаго и командорскій большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

„Списокъ Воинскому Департаменту" на 1780 г., 1788 г., на 1792 г. стр. 337, 1792 г., 1795 г. „Донскія Войсковыя Вѣдомости", 1854 г., № 22—24. „Русская Старина" 1873 г., т. VIII, сентябрь, стр. 409—410, („Письма Императора Павла I къ В. П. Орлову объ индійскомъ походѣ"); 1874 г.; т. IX, апрѣль, стр. 790, (поправки къ вышеупомянутымъ письмамъ); Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи", Спб. 1874 г., стр. 278—280. *Е. Ястребцевъ.*

Орловъ, *графъ Владиміръ Григорьевичъ*, директоръ академіи наукъ. Гр. В. Г. Орловъ род. 8-го іюля 1743 г. и былъ младшимъ сыномъ новгородскаго губернатора Григорія Ивановича Орлова; ум. 28-го февраля 1831 г. въ Москвѣ. Оставшись по смерти родителей на попеченіи братьевъ, В. Г. Орловъ провелъ свои дѣтскіе годы въ деревнѣ; въ 1762 г. въ числѣ всѣхъ сыновей Гр. Ив. Орлова былъ возведенъ императрицей Екатериной II въ графское достоинство; на 20-мъ году жизни, по совѣту братьевъ, онъ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ провелъ три года въ усердныхъ занятіяхъ въ тамошнемъ университетѣ, въ особенности интересуясь науками естественными и астрономіей. По возвращеніи въ Россію гр. Орловъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и вскорѣ, рескриптомъ отъ 6-го октября 1766 года, былъ назначенъ директоромъ академіи наукъ. Въ придворной жизни онъ не игралъ большой роли, но въ 1767 г. былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ императрицу во время ея путешествія по Волгѣ; дорогой онъ велъ подробный дневникъ и принималъ участіе въ переводѣ «Велисарія» Мармонтеля, надъ которымъ трудилась сама императрица и нѣкоторыя лица ея свиты; въ Симбирскѣ гр. Орловъ простился съ императрицей и ея свитой и по собственному желанію продолжилъ путешествіе по Волгѣ до Астрахани. По возвращеніи въ Петербургъ гр. Орловъ вновь вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей директора академіи, которыя несъ до 1774 г. Назначая 24-лѣтняго гр. Орлова на постъ директора академіи, императрица

признавала въ немъ «довольное въ наукахъ вѣдѣніе, охоту и наклонность къ опымъ», чтобы съ успѣхомъ осуществлять ея предначертанія, касающіяся академіи, которую сама императрица рѣшила взять «въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы къ лучшему и полезнѣйшему ея поправленію»; императрица убѣдилась, что академія «въ великомъ неустроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ», и въ цѣляхъ изслѣдованія вкравшихся безпорядковъ и устраненія ихъ, избрала гр. Вл. Гр. Орлова, который, по своему времени считался «ученымъ» и котораго сама императрица называла «философомъ». Кратковременное вѣдѣніе академіей, недостатокъ энергіи, а также и необходимой эрудиціи и опытности, не дали гр. Орлову возможности привести академію «въ прежнее цвѣтущее состояніе», какъ того хотѣлось императрицѣ; но въ дѣятельности гр Орлова на пользу академіи все же есть пункты, заслуживающіе вниманія. Какъ начальникъ учрежденной при академіи комиссіи, въ замѣнъ академической канцеляріи, гр. Орловъ началъ съ того, что учинилъ ревизію и учетъ иностранной книжной лавки при академіи, устранилъ изъ академіи заведенія по части художествъ и ремеслъ и добился нѣкоторыхъ улучшеній административнаго характера. Однимъ изъ первыхъ преобразовательныхъ шаговъ гр. Орлова была и его попытка замѣнить латинскій языкъ, на которомъ велись протоколы академическихъ засѣданій, русскимъ; впрочемъ, преобладающее число нѣмецкихъ ученыхъ, составлявшихъ академію, было причиной того, что протоколы велись не на русскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ. Заслуживаетъ упоминанія и энергичное содѣйствіе гр. Орлова различнымъ ученымъ экспедиціямъ, которыя снаряжала академія, и въ особенности астрономическимъ изысканіямъ; его покровительственное отношеніе къ молодымъ русскимъ студентамъ, отправлявшимся въ заграничные университеты и его заботы о нихъ; наконецъ, его корректное отношеніе къ академикамъ и подчиненнымъ. Въ іюнѣ 1771 г. гр Орловъ, отправился для лѣченія за границу, побывалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, вездѣ видѣлся и имѣлъ случай бесѣдовать со многими выдающимися людьми западной науки; къ осени 1773 г. гр. Орловъ вернулся въ Петербургъ; впрочемъ, онъ уже недолго вѣдалъ академіей: охлажденіе императрицы къ Орловымъ не могло не отразиться и на немъ. Высочайшимъ указомъ 5-го декабря 1774 г. гр. Вл. Гр. Орловъ, по прошенію, былъ уволенъ «отъ всѣхъ дѣлъ, съ чиномъ генералъ-поручика». Въ слѣдующемъ же году гр. Вл. Гр. Орловъ переѣхалъ на жительство въ Москву. Остатокъ своихъ дней гр. Орловъ провелъ безъ службы, живя въ Москвѣ и главнымъ образомъ въ своей подмосковной «Отрадѣ», окруживъ себя всѣми удобствами городской жизни, какихъ требовали привычки просвѣщеннаго вельможи того времени. Въ «Отрадѣ» гр. Орловъ занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, племянниковъ и внуковъ, вѣдалъ своимъ обширнымъ хозяйствомъ и многочисленными крестьянами, къ которымъ относился весьма гуманно; много читалъ и внимательно слѣдилъ за политическими и общественными событіями смѣнявшихся при его жизни царствованій. Гр. Вл. Гр. Орловъ умеръ въ преклонной старости, переживъ всѣхъ своихъ братьевъ, 28-го февраля 1831 г. въ Москвѣ, погребенъ въ «Отрадѣ».—Гр. В. Г. Орловъ былъ женатъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ и имѣлъ двухъ сыновей—Александра (умеръ въ молодыхъ годахъ) и Григорія (умеръ 22-го іюня 1826 г., сенаторомъ) и трехъ дочерей—Софью (была въ замужествѣ за гр. Н. П. Панинымъ), Екатерину (была въ замужествѣ за Д. А. Новосильцевымъ) и Наталью (была въ замужествѣ за П. Л. Давыдовымъ).

„Біографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова". Составленъ внукомъ его гр. В. Орловымъ-Давыдовымъ, Спб. 1878, т. I и II (обширная монографія, съ выдержками изъ переписки и дневниковъ гр. В. Г. Орлова; рец. см. въ „Русск. Вѣстн." 1878, № 9, „Вѣстн. Европы" 1879, № 1); М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Россійской Академіи", т. I—III; Пекарскій, „Исторія Импер. Академіи Наукъ", т. I и II; Записки Д. Н. Свербеева, т. II; „Литературн. Газета" 1831, № 24; „Матеріалы для біографіи гр. Н. И. Панина", т. I, II, V—VII; „Сборникъ Императ. Историч. Общ.", т. 10; „Архивъ гр. Мордвиновыхъ", т. VI; „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина", т. V и VII; „Архивъ села Михайловскаго". т. I; „Архивъ кн. Воронцова", т. 5, 14, 21, 24, 27, 32; „Старина и Новизна", кн. I. *Ив. Кубасовъ.*

Орловъ, графъ *Григорій Владиміровичъ*, — тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ, писатель, сынъ предъидущаго; родился въ 1777 году, умеръ въ Петербургѣ 22-го іюня 1826 года. Камеръ-юнкеръ и камергеръ при Екатеринѣ, Гри-

горій Владиміровичъ при императорѣ Павлѣ оставилъ службу и занялся собираніемъ картинъ, эстамповъ и другихъ художественныхъ произведеній. Въ ноябрѣ 1799 года гр. Орловъ женился на гр. Аннѣ Ивановнѣ рожд. Салтыковой. Состояніе здоровья графини потребовало серьезнаго лѣченія за границей, и гр. Орловъ ѣздилъ съ ней во Францію, въ Италію и Швейцарію. Послѣ тяжкихъ страданій графиня умерла 17 декабря 1824 года въ Парижѣ. — Въ домѣ Орловыхъ въ Парижѣ собирались извѣстнѣйшіе французскіе ученые и литераторы, и между хозяевами и гостями велись часто бесѣды о русской литературѣ. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ графиня высказала мысль о желательности новаго перевода басенъ Крылова на французскій языкъ, и почти всѣ выдающіеся французскіе литераторы изъявили готовность принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Біографъ Крылова, П. А. Плетневъ пишетъ по этому поводу, что въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. Графъ и графиня работали для нихъ усердно и старались «во французскую рѣчь внести какъ можно больше русской природы». — Наконецъ, лучшія 89 басенъ Крылова, украшенныя прекрасными гравюрами, были роскошно изданы графомъ Гр. Вл. Орловымъ вмѣстѣ съ французскими и итальянскими переводами, надъ которыми трудилось болѣе 80 писателей. Кромѣ того, гр. Орловъ извѣстенъ, какъ авторъ историческихъ, политическихъ и литературныхъ мемуаровъ о Неаполитанскомъ королевствѣ, исторіи музыки и исторіи живописи въ Италіи и описательныхъ писемъ, адресованныхъ къ графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Строгановой. Всѣ эти произведенія были писаны на французскомъ языкѣ и изданы въ Парижѣ подъ слѣдующими заглавіями: «Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples», Paris, 1825; «Essai sur l'histoire de la musique en Italie, depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours» 2 vol, Paris, 1823; «Essai sur l'histoire de la peinture en Italie, depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours» 2 vol, Paris 1823; «Voyage dans une partie de la France ou lettres desrciptives et historiques, adressées à la C-sse Sophie de Stroganoff, par Mr. le comte d'Orloff, sénateur de Russie» 3 vol Paris, 1824; «Fables russes, tirées du recueil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une introduction française de Mr. Lemontey et d'une préface italienne de Mr. Salfi, 2 vol. Paris, 1825. Послѣ смерти жены графъ вернулся въ Россію и болѣе уже не выѣзжалъ изъ нея. Съ 1812 года онъ состоялъ сенаторомъ, присутствующимъ въ 3 Департаментѣ Правительствующаго Сената. Въ послѣдніе годы жизни графъ Гр. Вл. Орловъ сталъ терять слухъ; кромѣ того съ нимъ часто случались нервные припадки, при которыхъ онъ лишался сознанія. Одинъ изъ такихъ припадковъ, послѣдовавшій 22 іюня 1826 года, когда графъ подымался на лѣстницу Сената, былъ причиной смерти его.

Лучшая характеристика графа Гр. Вл. Орлова, касающаяся, кстати, вопроса объ его литературной дѣятельности, принадлежитъ князю П. А. Вяземскому. «Въ немъ была европейская благонамѣренность въ умѣ и обращеніи», говоритъ князь. «Пожалуй, говори, что не онъ писалъ свои книги; спасибо ему и за то, что—русскій графъ и русскій баринъ нѣсколькихъ тысячъ душъ,—искалъ онъ отличія авторскаго и, слѣдовательно, признавалъ его въ душѣ».

Кн. П. П. Долгоруковъ, Россійская родословная книга. Спб., 1854: Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, составленный графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ 2 тт. Спб., 1878; Дворянскіе роды внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринской. Ч. II. Спб., 1790; Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Т. XXXIV, №: 27065; Энциклопедическіе Словари: Березина, Брокгауза и Евфрона и др.; Полное Собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IX. Спб., 1884, стр. 78—79; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. Т. I; Матеріалы для біографіи Панина, тт. III, V, VII, Спб., 1890—1892; Архивъ князя Воронцова. Тт. VIII, XVII, XIX. XXVII. XXX; Старина и Новизна. Тт. I, II, III: Полное собраніе сочиненій графа Хвостова. Спб., 1830. Т. V; Камеръ-фурьерскіе журналы съ 1795 года: „Русскій Архивъ" 1865 года, стр. 800 (Письмо графа Григорія Влад. Орлова къ В. С. Попову), 1875. III: 1901. II; 1903; Письма Карамзина къ Дмитріеву; Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу: „Сынъ Отечества" 1819, № 20; „Сѣверная Пчела" 1825, № 29; 1826, № 75; „Вѣстникъ Европы" 1825. Ч. 142, № 12, с. 315—316; „Московскій Телеграфъ", 1826. ч. 10, с. 263; „Современникъ" 1854, т. XLIII, № 1. с. 27; „Отечественныя записки" 1826, ч. XXVII, с. 124; „Литературные Листки", 1824, № 6, с. 240; „Русскій Инвалидъ" 1825, № 161: „Дамскій журналъ" 1825. ч. ч. IX, № 3, с. 121—

123; ч. X, № 12, с. 239—241; Объ его изданіи Крылова отзывъ П. А. Плетнева въ „Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова", Полное Собраніе сочиненій Ивана Крылова. Спб., 1847. т. I; Сборникъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. VI; Schnitzler, Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas, Paris. 1847, 2 vol; Biographie universelle, t. XXXI; Larusse, Dictionnaire universel; La grande Encyclopedie, vol 25, Slovnik Naučny и др. энциклопедическія иностр. изданія, Alla memorie della contessa Anna Orloff. s. l., 1825; „La Minerve française" 1819. t. VII.

А. Петровъ.

Орловъ, князь *Григорій Григорьевичъ*, генералъ аншефъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ артиллеріи; родился 6 октября 1734 года. Дѣтство его протекло въ домѣ родителей, въ дворянской семьѣ средняго круга, мало образованной. Военныя традиціи, заслуженный воинъ-отецъ, его разсказы о сраженіяхъ, въ которыхъ ему пришлось принимать участіе, съ раннихъ лѣтъ пріучали сыновей Орловыхъ смотрѣть на военную службу, какъ на занятіе самое почетное и болѣе всего къ нимъ подходящее. Въ 1749 году Гр. Гр. Орлова отвезли въ Петербургъ и опредѣлили въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, гдѣ онъ скоро обнаружилъ большія способности къ языкамъ и въ короткое время выучился говорить по-французски и по-нѣмецки; впрочемъ, впослѣдствіи Орловъ часто жаловался на скудость полученнаго имъ въ корпусѣ образованія. О первоначальной службѣ Орлова въ русской арміи, до времени участія его въ войнѣ съ Пруссіей, сохранилось мало свѣдѣній, но упомянутая война дала ему возможность отличиться храбростью и хладнокровіемъ въ самыя критическія минуты. Въ сраженіи при Цорндорфѣ онъ получилъ три раны, но продолжалъ принимать участіе въ сраженіи; это заставило говорить о немъ тогда въ войскѣ и сдѣлало имя его весьма популярнымъ въ офицерской средѣ. Осенью 1758 года русскія войска расположились на зимнія квартиры въ городѣ Кенигсбергѣ, гдѣ Орловъ былъ назначенъ состоять приставомъ при плѣнномъ адъютантѣ прусскаго короля гр. Шверинѣ; въ слѣдующемъ году гр. Шверинъ, по приказанію императрицы Елизаветы, былъ привезенъ въ сопровожденіи Орлова въ Петербургъ, гдѣ былъ вскорѣ хорошо принятъ Наслѣдникомъ престола, и сталъ часто бывать при Маломъ дворѣ; сопутствовавшій графа Гр. Гр. Орловъ былъ также представленъ великому князю и вел. кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Вскорѣ Орловъ былъ переведенъ на службу въ столицу въ одинъ изъ артиллерійскихъ полковъ. Жизнь, которую онъ повелъ, поселившись въ Петербургѣ, была рядомъ кутежей, попоекъ и самыхъ невѣроятныхъ выходокъ его необузданнаго нрава: громадную роль во всѣхъ этихъ выходкахъ играла необыкновенная физическая сила братьевъ Орловыхъ. Служба Григорія Орлова въ это время шла очень успѣшно: въ 1760 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру гр. П. И. Шувалову. Близкое знакомство и вниманіе, коими удостоила Гр. Гр. Орлова вел. кн. Екатерина Алексѣевна, скоро вывели Орлова, а за нимъ и его братьевъ на широкій путь извѣстности и почета. Молодая государыня избрала орудіемъ своихъ замысловъ братьевъ Орловыхъ и въ частности Григорія Орлова. Они взялись за приведеніе въ исполненіе ея плановъ. Скоро Григорій Орловъ, произведенный въ капитаны, былъ назначенъ цалмейстеромъ артиллерійскаго штата. Его старанія имѣли успѣхъ тѣмъ болѣе, что войско и въ особенности офицерство были сильно недовольны отношеніями къ нимъ императора Петра III. Роль Григорія Григорьевича въ событіяхъ 28 іюня 1762 года была одной изъ первыхъ,—онъ принималъ активное участіе во всѣхъ главныхъ событіяхъ этого дня; конечно, иниціаторомъ и самымъ энергичнымъ распорядителемъ этого дѣла былъ его братъ Алексѣй, а другіе, и въ томъ числѣ Григорій Орловъ, явились только исполнителями хорошо задуманнаго плана; Григорію Орлову выпала въ эти дни болѣе почетная роль—находиться всюду при Императрицѣ и быть ею при всѣхъ отличаемымъ.

Произведенный въ генералъ-маіоры и дѣйствительные камергеры, Гр. Гр. Орловъ былъ пожалованъ орденомъ Александра Невскаго и шпагой, богато украшенной брилліантами, и получилъ приказаніе быть главнымъ распорядителемъ въ Коронаціонныхъ торжествахъ; тогда же всѣ братья Орловы были возведены въ графское достоинство, а Григорій Григорьевичъ кромѣ того былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ; значеніе и вліяніе его съ того момента быстро возрастали.

Первый годъ царствованія императрица находилась подъ сильнымъ вліяніемъ

канцлера Бестужева, который сочувствовалъ ей и Орлову и которому Григорій Григорьевичъ сильно подчинился и дѣйствовалъ по его указаніямъ; но уже въ сентябрѣ 1763 года прежнее значеніе Бестужева упало, Панинъ опять вошелъ въ довѣріе, Орловъ же, не обладая спобностями государственнаго человѣка, не могъ являться совѣтникомъ государыни по многимъ важнымъ вопросамъ государственнаго правленія. Вліяніе Григорія Григорьевича однако нисколько не ослабѣвало послѣ паденія Бестужева, такъ какъ онъ пріобрѣлъ себѣ энергичнаго руководителя въ лицѣ брата Алексѣя. Онъ не отклонялся отъ дѣлъ, а наоборотъ старался во все вникнуть до мельчайшихъ подробностей, отдавая во всемъ полный отчетъ Алексѣю Григорьевичу и дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ по его совѣту.

Отношенія императрицы къ гр. Г. Г. Орлову были самыя близкія; онъ былъ другомъ ея, посвященнымъ въ ходъ государственныхъ дѣлъ; его добрый, мягкій характеръ снискалъ ему большую любовь среди окружающихъ. Сознавая ограниченность своего образованія, гр. Орловъ, ставъ близкимъ лицомъ просвѣщенной императрицы, усердно занялся пополненіемъ пробѣловъ своего ученія; между прочимъ, онъ находился въ перепискѣ съ Ж. Ж. Руссо, сочиненія котораго читалъ съ большимъ увлеченіемъ; Орловъ интересовался также естественными науками: физикой, электричествомъ и астрономіей, любилъ бесѣдовать по этимъ вопросамъ съ спеціалистами, и умѣлъ цѣнить Ломоносова. Какъ сановникъ, Орловъ занималъ въ это время должность генералъ - фельдцейхмейстера, генералъ-директора инженеровъ и кромѣ того былъ Шефомъ Кавалергардскаго Корпуса. Ни одна важная государственная мѣра не проходила безъ его вѣдома. Между прочимъ, приучастіи гр. Р. И. Воронцова и библіотекаря Императрицы, гр. Г. Г. Орловъ устроилъ «Экономическое Общество»—(впослѣдствіи Вольное Экономическое), въ первомъ засѣданіи котораго, 15 іюня 1765 года, Орловъ былъ избранъ Президентомъ; онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ общества и предлагалъ задачи на преміи; между прочимъ, слѣдуетъ упомянуть одну изъ нихъ, навѣянную тогдашними планами императрицы, касавшимися улучшенія быта крестьянъ: «полезно-ли даровать собственность крестьянамъ?» Около этого времени Екатерина была занята составленіемъ Наказа депутатамъ отъ всѣхъ сословій государства для составленія проекта Новаго Уложенія; Орловъ, ознакомившись съ Наказомъ, сталъ дѣятельно побуждать Императрицу провести въ жизнь свои благія намѣренія; онъ былъ выбранъ дворянскимъ депутатомъ Копорскаго уѣзда Петербургской губерніи и вскорѣ отправился въ Москву, гдѣ, командуя взводомъ кавалергардовъ, участвовалъ въ церемоніальномъ въѣздѣ императрицы въ Кремль для открытія засѣданій Коммиссіи. Выбранный маршаломъ гр. Г. Г. Орловъ отказался отъ этого высокаго званія, вслѣдствіе многочисленныхъ государственныхъ дѣлъ, которыя не позволили ему вообще принять дѣятельное участіе въ трудахъ Коммиссіи; имя его встрѣчается въ протоколахъ засѣданій Коммиссіи очень рѣдко. Не принялъ активнаго участія Г. Г. Орловъ и въ начавшейся войнѣ съ Турціей; онъ оставался въ Петербургѣ и присутствовалъ въ особомъ Совѣтѣ, учрежденномъ 18 апрѣля 1769 года при Дворѣ по случаю войны. Совѣтъ этотъ собирался два раза въ недѣлю, въ присутствіи императрицы. Планы гр. Г. Г. Орлова и взгляды его на восточный вопросъ были очень широки; онъ мечталъ объ освобожденіи Греціи и балканскихъ славянъ изъ-подъ власти турокъ; мечты эти онъ всѣми силами старался осуществить на дѣлѣ, подготовляя грековъ къ возстанію; въ то же время онъ добился отправки въ Средиземное море трехъ эскадръ, ввѣренныхъ начальству гр. Алексѣя Орлова. Однако, широкимъ планамъ Г. Г. Орлова не суждено было осуществиться: такъ называемый греческій проектъ не удался, и балканскіе христіане остались въ той же зависимости, въ которой были раньше.

Въ 1771 году вниманіе Совѣта было занято волненіемъ московской черни и свирѣпствовавшимъ въ древней столицѣ моровымъ повѣтріемъ. Орловъ самъ отправился въ Москву съ большими полномочіями, и 26 сентября прибылъ туда въ сопровожденіи большой свиты. Пробывъ въ Москвѣ до 16 ноября, онъ успокоилъ населеніе; болѣзнь съ наступленіемъ холодовъ стала ослабѣвать и городъ скоро принялъ свой обычный видъ. Орлову пришлось много перенести за это время, причемъ онъ выказалъ замѣчательное

..днокровіе, усердно посѣщая больницы, всюду самъ разъѣзжая и дѣлая распоряженія въ самыхъ очагахъ заразы. При возвращеніи въ Петербургъ ему была устроена торжественная встрѣча, въ Царскомъ Селѣ были поставлены тріумфальныя ворота съ соотвѣтствующими надписями; кромѣ того, была выбита золотая медаль съ портретомъ гр. Орлова. Принявъ снова участіе въ засѣданіяхъ Совѣта, Орловъ скоро убѣдился при обсужденіи военныхъ дѣлъ, что его взгляды на войну съ Турціей уже не могутъ имѣть болѣе успѣха: императрица желала мира; къ тому же и Прусскій Дворъ успѣлъ склонить Порту къ мирнымъ переговорамъ съ Россіей; впрочемъ, козни Австріи разстроили всѣ ..и планы, и враждебныя дѣйствія возобновились. Россія рѣшила еще энергичнѣе дѣйствовать противъ непріятеля и собиралась двинуть туда свѣжія силы. Обманутая въ своихъ надеждахъ Австрія постаралась тогда сама склонить Турцію къ миру, что при помощи Пруссіи ей и удалось сдѣлать. Россія согласилась на переговоры, и было рѣшено созвать мирный конгрессъ въ Фокшанахъ. Съ русской стороны полномочнымъ посломъ на этотъ конгрессъ былъ назначенъ князь Григорій Григорьевичъ. Онъ отправился туда съ пышностью, удивившую всѣхъ. Осыпанный милостями императрицы, Орловъ прибылъ въ Фокшаны въ сопровожденіи громаднаго штата чиновниковъ, придворныхъ и блестящей толпы придворной прислуги. Какъ извѣстно, конгрессъ кончился неудачно; Орловъ, выведенный изъ терпѣнія безцеремонностью турецкихъ уполномоченныхъ и ихъ требованіями, порвалъ всякіе переговоры и донесъ обо всемъ Императрицѣ, самъ же остался жить въ Яссахъ, и здѣсь-то узналъ, что мѣсто его при Дворѣ императрицы заняли другіе, а роскошные проводы въ Фокшаны были послѣдней къ нему милостью императрицы, уже согласившейся, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, партіи гр. Панина, на его отстраненіе отъ дѣлъ и даже отъ Двора. Орловъ немедленно отправился въ Петербургъ, но не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, какъ былъ остановленъ курьеромъ императрицы, которая письменно просила Орлова выдержать карантинъ и предлагала ему отправиться въ его роскошно устроенное имѣніе Гатчину. Орловъ покорно отправился въ Гатчину, надѣясь еще личнымъ свиданіемъ съ императрицей вернуть утраченное расположеніе. Черезъ посредство доктора Крузе и брата своего Ивана Григорьевича ему удалось завязать переговоры съ императрицей, которая, впрочемъ, не вернула Орлову его прежняго при Дворѣ положенія. Прежде всего его лишили права входить въ покои императрицы, жить во дворцѣ и начальствовать надъ конногвардейцами, кавалергардами и артиллерійскимъ корпусомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предлагали подать въ отставку и поселиться вдали отъ Двора и пенсію въ 150,000 рублей; но Орловъ настаивалъ на просьбѣ о допущеніи его къ императрицѣ. Наконецъ, сама императрица предложила ему рядъ уступокъ и награжденій, изложенныхъ ею собственноручно въ 14 пунктахъ, въ сохранившейся до нашихъ дней запискѣ; императрица давала обѣщаніе обратить въ пенсію получаемое Орловымъ жалованье въ размѣрѣ 150,000 рублей, выдать на обзаведеніе дома 100,000 рублей, разрѣшила жить во всѣхъ дворцахъ имперіи, кромѣ Петербурга, выбрать самому, гдѣ пожелаетъ, 10,000 душъ крестьянъ, отдать строящійся у Троицкой пристани дворецъ съ внутреннимъ убранствомъ въ вѣчное и потомственное владѣніе и пр., но при этомъ она требовала, чтобы онъ удалился на годъ въ путешествіе. Но Орловъ напомнилъ тогда императрицѣ о дипломѣ его на княжеское Римской Имперіи достоинство, подписанномъ австрійскимъ императоромъ еще 21 іюня 1763 года, и дипломъ этотъ Орлову былъ выданъ 4 октября 1772 года. Въ довершеніе всего, 24 декабря 1772 года Орловъ былъ принятъ императрицей, но уже въ началѣ января слѣдующаго года уѣхалъ изъ Петербурга въ Ревель. Впрочемъ, въ мартѣ того же года Орловъ снова неожиданно пріѣхалъ въ Петербургъ и явился ко двору; принятый милостиво императрицей, онъ сталъ всюду бывать, не обнаруживая никакого желанія мстить своимъ врагамъ и не проявляя стремленія занять прежнее положеніе. 21 мая 1773 года, въ милостивомъ рескриптѣ, императрица, выражая удовольствіе по поводу выздоровленія Орлова, поручала ему снова вступить въ отправленіе всѣхъ лежавшихъ на немъ дѣлъ и обязанностей. Кн. Орловъ снова привлекъ къ себѣ расположеніе императрицы, котораго не могли уничтожить интриги Панина и др., но это расположеніе было лишь тѣнью преж-

няго. Въ свою очередь, и кн. Орловъ не упускалъ случая выказать свою признательность императрицѣ за возвращеніе его ко Двору; такъ, 24 ноября 1773 года, въ день тезоименитства императрицы, онъ поднесъ ей чудный, большихъ размѣровъ, алмазъ, составляющій и теперь украшеніе Россійскаго Императорскаго скипетра. Впрочемъ, появленіе въ 1774 году при Дворѣ Потемкина уничтожило какое-бы то ни было значеніе кн. Орлова и было началомъ его окончательнаго паденія. Въ началѣ 1775 года онъ уѣхалъ заграницу и жилъ въ Австріи, Италіи, Англіи и др. Въ іюнѣ 1777 года кн. Орловъ женился на фрейлинѣ Е. Н. Зиновьевой (дочери петербургскаго оберъ-коменданта ген.-маіора Николая Ивановича Зиновьева); но бракъ этотъ не былъ счастливъ. На первыхъ порахъ Орловымъ предстояло вынести не мало непріятностей и даже преслѣдованій въ виду того, что бракъ этотъ нѣкоторыми представителями власти считался противузаконнымъ, такъ какъ Е. Н. Зиновьева приходилась Г. Г. Орлову близкой родственницей. Правда, императрица, возведя супругу кн. Орлова въ статсъ-дамы и наградивъ ее орденомъ св. Екатерины, положила конецъ всѣмъ происками; но все же Г. Г. Орлову не удалось пользоваться спокойно семейной жизнью: лѣтомъ 1780 года кн. Орлова отправилась для лѣченія за границу, а 16 іюня 1782 года скончалась въ Лозаннѣ отъ чахотки.

Удрученный потерей горячо любимой жены кн. Григорій Григорьевичъ сталъ страдать психическимъ разстройствомъ, приведшимъ его къ полному помѣшательству. Екатерина не забывала Г. Г. Орлова до послѣднихъ дней его жизни, и не разъ оказывала ему знаки своего уваженія и дружбы. Такъ, 22-го сентября 1782 г., празднуя двадцатилѣтіе своего коронованія, она учредила въ память этого событія новый орденъ Св. Равноапостольнаго Кн. Владиміра, и въ числѣ первыхъ кавалеровъ этого ордена сдѣлала Григорія Григорьевича; кромѣ того, изъ всѣхъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе крупную роль при Дворѣ Екатерины, только Орловъ и Потемкинъ удостоились получить для ношенія на груди портретъ императрицы.

Въ ноябрѣ 1782 г. Орловъ былъ отвезенъ своими братьями въ Москву и поселился въ Нескучномъ, въ роскошномъ дворцѣ. 13-го апрѣля 1783 г. кн. Г. Г. Орловъ скончался, пріобщенный предъ смертью московскимъ митрополитомъ Платономъ; погребеніе его состоялось въ подмосковной Орловыхъ, селѣ Отрадѣ, Серпуховскаго уѣзда.

Кн. Г. Г. Орловъ не оставилъ дѣтей отъ брака съ Е. Н. Зиновьевой, но ранѣе того у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ извѣстны: 1) Софія Григорьевна Алексѣева, вышедшая замужъ за Буксгевдена; 2) сынъ Галактіонъ, умершій въ молодости; 3) сынъ Оспенный, которому было пожаловано дворянство, послѣ того какъ отъ него была привита оспа императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу; 4) дочь Елизавета, вышедшая замужъ за Ѳ. И. Клингера.

Состояніе, полученное братьями Орловыми за время ихъ придворной службы достигало громадныхъ размѣровъ. Они получили въ сложности за это время 45.000 душъ крестьянъ и 17.000.000 наличными деньгами и различными драгоцѣнностями. Часть изъ этихъ денегъ они употребили на покупку имѣній и сдѣлались богатѣйшими землевладѣльцами въ различныхъ мѣстахъ Россіи. Изъ помѣстій, собственно пожалованныхъ Григорію Григорьевичу, извѣстны: мыза Ропша подъ Петербургомъ, гдѣ еще Петромъ Великимъ построенъ былъ дворецъ въ голландскомъ стилѣ; затѣмъ, въ 1780 г., государыня подарила ему Гатчину, которая ранѣе принадлежала императору Петру III. Здѣсь былъ простой господскій домикъ и ничтожныя постройки, когда Григорій Орловъ рѣшилъ здѣсь обосноваться. По плану знаменитаго Ринальди былъ выстроенъ роскошный дворецъ съ башнями, а пространство между дворцомъ и озеромъ было обращено въ паркъ. Григорій Григорьевичъ владѣлъ этимъ имѣніемъ до своей смерти, послѣ чего Гатчина была куплена у его наслѣдниковъ и подарена императору Павлу Петровичу въ бытность его наслѣдникомъ.

Не обладая выдающимися способностями, кн. Гр. Гр. Орловъ однако выдѣлялся среди лицъ своего положенія добрымъ и мягкимъ характеромъ, благородствомъ души и заботой о благѣ родины. Первый, и чуть-ли не въ единственномъ числѣ, выступивъ въ защиту улучшенія быта крестьянъ, онъ также принялъ подъ свое покровительство русскихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и энергично хлопо-

ль за угнетаемыхъ турками балканскихъ славянъ. Имя Г. Г. Орлова тѣсно связано со многими лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе къ важнымъ реформамъ въ государствѣ. Большинство современниковъ ень сочувственно отзываются объ Орловѣ Екатерина уже въ концѣ 80-хъ годовъ какъ характеризовала Храповицкому своего бывшего любимца: «Григорій Орловъ былъ génie, храбръ, рѣшителенъ, mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule».

„Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ.", т.т. 2, 6, 7, 10, 12, 13, 21, 24—28, 48; „Архивъ кн. Воронцова", т.т. 4, 5, 7—9, 13—16, 24—34; „Русск. Стар." 1870 г.—1879 г., т.т. 35, 41, 42, 44, 46, 51, 53—57, 62—64; „Русск. Архивъ" 1873, кн. 1,—статьи А. Барсукова), 1880—1882, 1886—1889, 1893—1896, 1899—1901; „Историч. Вѣстн." 1882, 1886, 1890, 1893, 1901; В. А. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II", т. I; Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи", Спб. 1874; „Заря", 1872, № 1. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи; Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Д. Бантышъ-Каменскимъ, часть IV, Москва, 1836; Камеръ-фурьерскіе журналы за время царствованія Екатерины II; Д. Ѳ. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Спб., 1887; Н. К. Шильдеръ, Императоръ Павелъ Первый. Спб., 1901; Графы Никита и Петръ Панины. Сочиненіе Петра Лебедева. Спб., 1863; В. А. Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй. Томъ I, Спб., 1890; т. II и XII; Сочиненія Г. Р. Державина (акад. изд.), т. IV; „Осьмнадцатый вѣкъ", изд. Бартенева, Москва, 1868; Графъ В. Орловъ-Давыдовъ. Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова. Спб., 1878. Mémoires ou souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur. Paris, 1842, Castéra, Vie de Catherine II, impératrice de Russie. Paris, 1797; Schnitzler, Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. Paris, 1847; Cathérine II de Russie et ses favorits. Mémoires secrets publiés par Alexei prince de F. Wurzbourg, 1874; Histoire secrète des amours et des principaux amants de Catherine II, Impératrice de Russie. Par un ambassadeur de l'époque Iean Laveaux Paris, 1874; La cour de la Russie il y a cent ans. Berlin, 1858; Daschkow, Mémoires, Londres, 1840; Masson. Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1800, 1 vol. Waliszewski. „Autour d'un trône". Catherine IIde Russie, ses collaborateurs, ses amis, ses favoris. 5-me éd. Paris, 1894; K. Waliszewski, Le roman d'une impératrice, Cathérine II de Russie, d'après ses mémoires, sa correspondance etc., Paris, 1893; Anekdoten zur Lebensgeschichte des Fürsten Gregorius Gregoriewitch Orlow. Frankfurt u. Leipzig, 1791; Catharina die Zweite. Darstellungen aus der Geschichte ihrer Regierung und Anekdoten von ihr und einigen Personen, die um sie waren. S. l., 1797; Memoires de la bar. d'Oberkirch, Paris 1853; Catherine II, sa cour et la Russie en 1772. Par Sabatier de Cabres. Berlin, 1862; Histoire générale du IV-e siècle à nos jours par E. Lavisse et A. Rambaud. Tome VII. Paris, 1896; Larousse, Dictionnaire universel; „Nouvelle biographie générale", „La grande encyclopédie", „Slovnik Naučny", „Encyklopedia Powszechna".

Б. Алексѣевскій.

Орловъ, *Григорій Ивановичъ*,—дѣйст. ст. сов., новгородскій губернаторъ, отецъ братьевъ Орловыхъ, сподвижниковъ императрицы Екатерины II. Гр. И. Орловъ родился въ 1685 г. въ Тверской губерніи; отецъ его Иванъ Ивановичъ Орловъ носилъ скромное придворное званіе стряпчаго и умеръ въ 1693 г. Молодые годы Григорія Ивановича совпали со временемъ энергичныхъ реформъ Петра Великаго. Правительство требовало на службу всѣхъ молодыхъ людей, способныхъ носить оружіе, и Орлову рано пришлось разстаться съ родительскимъ домомъ и поступить на военную службу. Тяжелая походная жизнь началась почти сейчасъ-же и тянулась почти безъ перерыва все царствованіе Петра Великаго. Орловъ принималъ участіе въ турецкомъ и шведскомъ походахъ и отличился во многихъ сраженіяхъ. Ставъ лично извѣстнымъ императору, онъ получилъ отъ него въ подарокъ портретъ для ношенія на золотой цѣпи. Служба Орлова шла довольно успѣшно, и въ 1722 г. онъ былъ уже полковникомъ Ингерманландскаго пѣхотнаго полка. Исполняя разныя административныя порученія, Орловъ 27-го декабря 1735 г. былъ командированъ въ Вятскую провинцію для производства слѣдствія по дѣлу воеводы Чернявскаго, обвинявшагося во взяткахъ и другихъ противозаконіяхъ. Отъ военной службы Орловъ былъ уволенъ 9-го авг. 1738 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры. 17-го февраля 1742 г., уже въ чинѣ дѣйст. стат. сов., Орловъ былъ назначенъ новгородскимъ губернаторомъ. 1-го апрѣля 1746 г. онъ умеръ и былъ погребенъ въ Москвѣ, близъ Никитской улицы, въ церкви Егорія, что на Всопольѣ.

Гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, Біографія гр. Владиміра Григорьевича Орлова; кн. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. I, стр. 214; Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общества т. II, стр. 442; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1885 г. стр. 244; Военный энциклопедическій лексиконъ т. X; Барановъ, Опись высочай-

шихъ повелѣній и указовъ за XVIII в., т. II, № 5335, 6712; т. III, № 89.

Б. Алексѣевскій.

Орловъ, *Григорій Никитичъ*, — московскій дворянинъ и воевода. Впервые Г. Н. Орловъ упоминается въ 1615 году, когда былъ воеводой въ Польшѣ; въ 1620 г. онъ былъ отозванъ изъ Польши, а въ 1626 г. мы находимъ его уже на воеводствѣ въ Саратовѣ; въ 1631 г. онъ былъ посланъ на Донъ встрѣчать турецкаго посла и оберегать его во время поѣздки въ Москву отъ казацкой вольницы и всякой «голытьбы», грабившей проѣзжихъ въ областяхъ Дона и Волги. 16-го мая 1633 года Орловъ былъ назначенъ воеводой въ Мангазею, откуда отозванъ 25-го мая 1635 г.; въ 1638 г. онъ участвовалъ въ церемоніи пріема крымскаго посла, а въ 1639 и 1640 гг. снова воеводствовалъ въ Саратовѣ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Г. Н. Орловѣ мы не имѣемъ, и годъ его смерти въ точности неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородныхъ родовъ" (Рукопись Имп. Публ. Библ.) VI, 180; Книги разрядныя, I, 81, 197, 407, 545, 1250, 1355, II, 87, 191, 192, 751, 830; Русская Историческая Библіотека X, 121. *Е. Л.*

Орловъ, *Димитрій Николаевичъ*, — магистръ богословія, педагогъ, писатель, каѳедральный протоіерей гор. Самары; род. въ 1825 г., въ гор. Болховѣ, Орловской губ., ум. 2-го ноября 1887 г. въ Самарѣ, погребенъ на кладбищѣ Самарскаго Иверскаго женскаго монастыря. По окончаніи курса, сначала въ Орловской духовной семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской академіи (1849 г.), Д. Н. Орловъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Симбирскую дух. семинарію, гдѣ съ 1849 по 1866 гг. преподавалъ словесность, св. писаніе, латинскій языкъ, исторію библейскую и церковную, всеобщую и русскую, церковное законовѣдѣніе, исторію и обличеніе раскола. Кромѣ того, онъ преподавалъ въ училищѣ для дѣвицъ дух. званія при Симбирскомъ Спасскомъ женскомъ монастырѣ, и въ Елизаветинскомъ женскомъ училищахъ.—Принявъ въ 1853 г. санъ священника, Орловъ былъ въ Симбирскѣ и настоятелемъ церкви при Елизаветинскомъ женскомъ училищѣ, съ 1853 по 1866 г., а въ 1866 г. перешелъ на службу въ Самару. Здѣсь онъ проходилъ должности священника Иверскаго женскаго монастыря преподавателя и инспектора духовной семинаріи (1866—1882); цензора проповѣдей и катехизическихъ поученій по Самарскому уѣзду: члена духовной консисторіи; редактора «Епархіальныхъ Вѣдомостей» (1867—1883); миссіонера и руководителя подготовляющихся къ миссіонерскому служенію лицъ противъ раскольниковъ и молоканъ, и каѳедральнаго протоіерея (1881—1887). Д. Н. Орловъ оставилъ не мало литературныхъ трудовъ, которые онъ обыкновенно печаталъ въ «Симбирск. Губ. Вѣдомостяхъ»; между прочими ему принадлежатъ: Село Большіе Березники (Симбирскія Губ. Вѣдомости, 1855 г. № 17—23); Добрые обычаи, существующіе въ с. Порѣцкомъ, Симбирской губ., Алатырскаго уѣзда (№ 40 — 50); Чувашскій праздникъ (№ 46); Преданіе о построеніи церкви въ с. Большой Борлѣ (№ 51); Усольскія Свѣтелки (1856 г., № 1, 3, 4); Сызранскій Христорождественскій соборъ (№ 37, 38, 43 и 44); Краткій очеркъ Вознесенскаго монастыря (№ 39, 41—43); Обычаи чувашъ (№ 19, 20, 22, 24, 26, 27, 14); О молоканствѣ («Самарскія Епарх. Вѣдомости», 1869, № 1, 3, 5, 7, 10, 18, 19 и 24); Молоканство передъ судомъ слова Божія, Самара, 1872, вып. I; 1874 г. вып. 2.

„Самарскія Еп. Вѣдомости", 1877 г., № 2, стр. 473—487; 50-лѣтній юбилей Кіевской духовной академіи, Кіевъ. 1869 г., стр. 42; Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VII, М. 1893 г. стр. 63—64; „Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 22. *Н. Е.*

Орловъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, — генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, походный атаманъ донскихъ казачьихъ полковъ, при первой арміи состоявшихъ. Родился въ 1795 году и происходилъ изъ дворянъ войска Донского. Одиннадцати лѣтъ, 20 декабря 1806 года, онъ былъ зачисленъ на службу казакомъ въ подвижную милицію, въ которой и числился до расформированія ея, воспитываясь въ то же время въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній; въ ноябрѣ 1811 года былъ произведенъ въ хорунжіе съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ. Съ наступленіемъ отечественной войны, Орловъ принялъ въ ней самое дѣятельное участіе и за отличія, оказанныя во многихъ сраженіяхъ былъ награжденъ орденами св. Анны 4 степени съ надписью «за храбрость» и 3 степени съ бантомъ; за Бородинское же сраженіе получилъ зо-

тую саблю съ надписью «за храбрость». Въ слѣдующемъ, 1813 году, Орловъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій съ французами, и за дѣло подъ Лейпцигомъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Произведенный 2 іюля 1819 года въ ротмистры, Орловъ, четыре года спустя былъ уже полковникомъ, а въ іюлѣ 1828 года былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ слѣдующемъ году, Орловъ былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ и вскорѣ принялъ участіе въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, и за отличія въ сраженіяхъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1831 году, Орловъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ январѣ 1838 года назначенъ походнымъ атаманомъ казачьихъ полковъ, состоявшихъ при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Орловъ скоро пріобрѣлъ уваженіе и симпатіи кавказскаго дворянства, и послѣднее въ 1846 году избрало его окружнымъ генераломъ перваго военнаго округа; эту почетную должность онъ занималъ болѣе двухъ лѣтъ. 6 іюля 1855 года Орловъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ казачьихъ полковъ при средней арміи, а пять лѣтъ спустя, 19 ноября 1860 года, состоялось назначеніе его походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся при первой арміи, каковую должность онъ занималъ около десяти лѣтъ, причемъ 17 іюля 1861 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Назначенный 19 февраля 1870 года генералъ-адъютантомъ съ отчисленіемъ отъ должности походнаго атамана, Орловъ въ этомъ званіи оставался до самой своей смерти, т. е. до 23 декабря 1874 года. Кромѣ орденовъ за боевыя отличія, И. А. Орловъ имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго Орла включительно.

„Исторія лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка“ стр. 557—558; „Московскія Вѣдомости“ 1874 года № 325; „Русскій Инвалидъ“ 1874 года № 281; „Иллюстрированная недѣля“ 1875 года № 2; „Всеобщій Календарь“ на 1876 года; „Ежегодникъ русской арміи“ на 1875 года, ч. II; „Русскій Архивъ“ 1872 и 1880 года; Полный послужной списокъ.

Е. Ястребцевъ.

Орловъ, *Иванъ Андреевичъ*,—магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи, писатель. По окончаніи курса въ С.-Петербургской семинаріи, а затѣмъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1885 г.), Орловъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ С.-Петербургскомъ Александровскомъ духовномъ училищѣ и учителемъ ариѳметики въ женскомъ епархіальномъ училищѣ имени митрополита Исидора; кромѣ того, Орловъ состоялъ сотрудникомъ «Церковнаго Вѣстника», гдѣ напечаталъ нѣсколько статей и замѣтокъ. Въ 1888 году онъ защитилъ диссертацію на степень магистра богословія, подъ заглавіемъ: «Труды св. Максима Исповѣдника по раскрытію догматическаго ученія о двухъ воляхъ во Христѣ». 2 апрѣля 1890 года, на 30 году отъ рожденія, И. А. Орловъ скончался.

„Петербургскій Листокъ“ 1890 года, № 91; „Церковный Вѣстникъ“ 1890 года, № 14.

Е. Я.

Орловъ, графъ *Иванъ Григорьевичъ*,—старшій изъ пяти сыновей Григорія Ивановича Орлова (см. выше); родился въ 1738 года отъ второго брака его отца съ Лукерьей Ивановной Зиновьевой; умеръ 14 ноября 1791 года. По окончаніи курса, въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ И. Г. Орловъ поступилъ въ пѣхотный гвардейскій полкъ унтеръ-офицеромъ и жилъ вмѣстѣ со своими братьями, которые впослѣдствіе оказались пособниками восшествія императрицы Екатерины II на престолъ; И. Г. Орловъ принималъ небольшое участіе въ этомъ переворотѣ. Послѣ возведенія на престолъ Екатерины II, Иванъ Григорьевичъ, не желая занимать никакой должности по военной или гражданской службѣ, вышелъ, въ чинѣ капитана гвардіи, въ отставку и вмѣстѣ съ братьями получилъ отъ императрицы графское достоинство и ежегодную пенсію въ размѣрѣ 20 тысячъ рублей. 14 октября 1764 года Иванъ Григорьевичъ уѣхалъ въ Москву и жилъ все время или тамъ, или въ низовыхъ поволжскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ имератрицей его братьямъ; иногда, впрочемъ, И. Г. бывалъ и въ Петербургѣ. Въ 1767 году онъ участвовалъ въ Коммиссіи о составленіи Новаго Уложенія, въ качествѣ депутата отъ дворянъ Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи; между прочимъ, онъ былъ избранъ въ маршалы, а послѣ отказа отъ этого званія, въ члены дирекціонной коммиссіи. Иванъ Григорьевичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Федоровнѣ Ртищевой, но дѣтей не имѣлъ.

„Русскій Архивъ“ 1863 1865 1870 и 1871 года „Сборникъ Русскаго Имп. Ист. общ.“, тт.

IV, XII, XIV; „Историческій Вѣстникъ“ 1884 года, № 2; „Русскій Вѣстникъ“ 1859 года, № 12; „Русская Старина“ 1986 года; Сборникъ 2 отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. 4, 93, 94. *А. С.*

Орловъ, *Михаилъ Θедоровичъ*,— флигель-адъютантъ Свиты генералъ-маіоръ; вице-президентъ Кіевскаго отдѣленія Библейскаго общества; директоръ Московскаго художественнаго класса; писатель. М. Θ. Орловъ родился 25 марта 1788 года въ Москвѣ, умеръ тамъ же 19 марта 1842 года. Отцомъ его былъ генералъ-поручикъ (впослѣдствіи генералъ-аншефъ) графъ Θедоръ Григорьевичъ Орловъ. Узаконенный указомъ Императрицы Екатерины II отъ 27 апрѣля 1796 года, которымъ за дѣтьми графа Θ. Г. Орлова были признаны права дворянскія и фамильныя и гербъ Орловыхъ, Михаилъ Θедоровичъ былъ отданъ въ пансіонъ аббата Николя, гдѣ воспитывались въ то время представители многихъ аристократическихъ семействъ. По выходѣ изъ пансіона Орловъ въ 1801 году былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но уже въ 1805 году оставилъ Коллегію, и поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-Гвардіи Кавалергардскій полкъ, съ которымъ и совершилъ кампанію противъ французовъ. Онъ принималъ участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ и за отличіе былъ произведенъ въ офицеры. Выдвинувшись въ нѣсколькихъ послѣдующихъ сраженіяхъ и стычкахъ, Орловъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому. Съ началомъ войны 1812 года Орловъ состоялъ при 1-ой западной арміи и скоро обратилъ на себя вниманіе Барклая-де-Толли, а затѣмъ и Кутузова; послѣдній отличилъ въ Орловѣ способнаго офицера и сталъ давать ему отвѣтственныя порученія. Въ 1812-же году Орловъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Отличившись при взятіи Верен, Орловъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія, затѣмъ принималъ участіе въ занятіи Дрездена, штурмѣ Магдебурга, и за спасеніе въ лейпцигскомъ сраженіи двухъ австрійскихъ баталіоновъ былъ пожалованъ титуломъ австрійскаго барона. Во время штурма Парижа Орловъ, по повелѣнію Императора Александра I, былъ назначенъ сопровождать взятаго въ плѣнъ французскаго капитана Пейра и предложить парижанамъ сдаться на капитуляцію. Ему были даны Государемъ полномочія «прекращать самыя рѣшительныя наши атаки и даже пріостанавливать побѣду, чтобы предупреждать и отвращать бѣдствія». Орловъ тщетно старался прекратить кровопролитіе: только послѣ того, какъ почти всѣ позиціи были потеряны французами, они согласились на переговоры, вести которые было вновь поручено Орлову совмѣстно съ графомъ Нессельроде и адъютантомъ австрійскаго главнокомандующаго—графомъ Паромъ. Орловъ составилъ условія капитуляціи Парижа; въ третьемъ часу ночи она была подписана, и Орловъ вручилъ ее Государю, который обнялъ его и сказалъ: «Поздравляю Васъ: Ваше имя связано съ великимъ событіемъ». Вскорѣ по вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, Орловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ тѣхъ поръ сталъ однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ Государя.

Въ 1814 году Орловъ, по Высочайшему повелѣнію, отправился въ Данію, для участія въ разрѣшеніи вопроса о заключеніи договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. Прибывъ на мѣсто назначенія, Орловъ убѣдился, что причины, по которымъ норвежцы возставали противъ присоединенія ихъ къ Швеціи, заслуживали полнаго уваженія, и потому Бернадоттъ встрѣтилъ въ лицѣ русскаго уполномоченнаго горячаго противника своимъ планамъ и защитника Даніи.

Въ 1815 году Орловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 7 пѣхотнаго корпуса, который во время пребыванія нашихъ войскъ за границей, былъ расположенъ въ окрестностяхъ Нанси. Здѣсь онъ сблизился съ Н. И. Тургеневымъ, вмѣстѣ съ которымъ не разъ обсуждалъ вопросъ о желательности освобожденія крестьянъ. Но Тургеневъ дальше разговоровъ по этому поводу не пошелъ, тогда какъ пылкій Орловъ, тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, составилъ адресъ императору Александру I объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, подписанный многими изъ высшихъ сановниковъ, между прочимъ, княземъ И. В. Васильчиковымъ, графомъ Воронцовымъ и Блудовымъ. Такимъ образомъ, М. Θ. Орлову принадлежитъ первая въ XIX столѣтіи гласная попытка уничтожить у насъ крѣпостное право. Какъ отнесся императоръ Александръ къ адресу Орлова, неизвѣстно; въ всякомъ случаѣ онъ попрежнему милостиво относился

молодому генералу; особенно близко стоялъ Орловъ къ Государю въ 1816 году, въ которомъ ему пришлось сопровождать Его Величество въ путешествіи по Россіи.

Въ 1817 году, когда въ русскомъ обществѣ стали распространяться упорные слухи о томъ, что императоръ, симпатизировавшій полякамъ, думаетъ присоединить къ Польшѣ Литву и другія западно-русскія области, Орловъ составилъ записку, родъ протеста, противъ конституціонныхъ польскихъ учрежденій, которую намѣренъ былъ представить Государю. Ему удалось заполучить для этого адреса подписи нѣсколькихъ генераловъ и сановниковъ, также задумавшихъ измѣнить намѣренія императора. Но Александръ I, заранѣе извѣщенный о предпріятіи Орлова, пригласилъ его къ себѣ и потребовалъ у него составленную имъ записку. Орловъ, видя, что его дѣло приняло дурной оборотъ и не желая выдавать соучастниковъ, отказался отдать эту записку, чѣмъ вызвалъ неудовольствіе императора; вскорѣ состоялось Высочайшее повелѣніе объ удаленіи Орлова въ Кіевъ, съ назначеніемъ начальникомъ штаба 4 пѣхотнаго корпуса, которымъ командовалъ въ то время генералъ Н. Н. Раевскій.

Въ бытность свою въ Петербургѣ Орловъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ членовъ «Арзамаса».—При своемъ вступленіи въ это общество Орловъ, вмѣсто обычнаго надгробнаго слова одному изъ живыхъ членовъ Академіи, произнесъ серьезную рѣчь, въ которой представилъ, какъ недостойно мыслящихъ и развитыхъ людей занятіе пустяками и безплодными литературными спорами въ то время, когда представляется возможность посвятить себя изученію важныхъ общественныхъ вопросовъ, клонящихся къ упроченію народнаго благосостоянія. Онъ заклиналъ арзамасцевъ бросить «мальчишескія забавы и, между прочимъ, предложилъ имъ заняться изданіемъ журнала, «статьи котораго новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе всей читающей Россіи». Благодаря настояніямъ Орлова, Арзамасомъ было, дѣйствительно, затѣяно изданіе журнала, который ставилъ себѣ цѣлью «распространеніе идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее». Какъ видно изъ бумагъ В. А. Жуковскаго, Орловъ, извѣстный въ Арзамасѣ подъ прозваніемъ Рейна, взялъ на себя вмѣстѣ съ Н. И. Тургеневымъ и Д. Н. Сѣвернымъ самый серьезный отдѣлъ журнала — политическій, но журналъ не былъ разрѣшенъ, и занятія арзамасцевъ не стали серьезнѣе. Не менѣе извѣстна и роль Орлова въ другихъ обществахъ. Такъ, въ бытность свою въ Москвѣ, онъ вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ и Н. И. Тургеневымъ попытался образовать тайное общество «русскихъ рыцарей» (Société des chevaliers russes), санкцію на которое думалъ испросить у императора. Общество это должно было имѣть цѣлью положить предѣлъ взяточничеству чиновниковъ и другимъ безпорядкамъ внутренняго управленія; кромѣ того, Орловъ думалъ посредствомъ своего общества парализовать дѣятельность польскихъ тайныхъ обществъ, которыя стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ предѣлахъ. Орловъ старался привлечь въ свое общество нѣсколькихъ членовъ Союза Благоденствія, но не имѣлъ въ этомъ успѣха, и предположенное имъ общество не осуществилось. Къ этому времени, по всей вѣроятности, относится вступленіе самого М. Ѳ. Орлова въ число членовъ Союза Благоденствія.

Съ 1818 года начинается дѣятельность Орлова въ Кіевѣ. У него въ домѣ сталъ собираться кружокъ самыхъ образованныхъ людей того времени, жившихъ въ Кіевѣ или случайно туда попадавшихъ. Между прочимъ, имя его тѣсно связано съ дѣятельностью Кіевскаго Отдѣленія Библейскаго Общества, (вице-президентомъ, котораго онъ сталъ вскорѣ) и съ дѣятельностью Спб. Общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія (ланкастерскихъ); онъ былъ почетнымъ членомъ этого общества и, можно сказать, его вдохновителемъ. Приглашенный въ бытность свою во Франціи въ 1816 году, въ члены Парижскаго Общества начальнаго образованія (Société d'instruction élémentaire), Орловъ, по пріѣздѣ въ Кіевъ тотчасъ возобновилъ сношенія съ обществомъ, написалъ членамъ Парижскаго Комитета письмо, въ которомъ просилъ о присылкѣ ему журнала занятій, лучшихъ трудовъ и руководствъ и пр.; вскорѣ открылъ, при кіевскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи ланкастерскую школу на 800 человѣкъ. 11 августа 1819 года въ торжественномъ собраніи Кіевскаго

отдѣленія Библейскаго общества онъ произнесъ рѣчь, въ которой разсматривалъ Библейское общество, какъ установленіе передовое, призванное распространять просвѣщеніе. Онъ выражалъ искреннюю радость, что ланкастерскія школы прививаются въ Россіи и предлагалъ Обществу взять на себя заботы и объ этихъ школахъ, испросить у правительства позволеніе учредить въ Кіевѣ приходскую школу взаимнаго обученія, преподавать въ ней безплатно по указанному методу, вести обученіе путемъ перевода Евангелія на русскій языкъ, привлечь дворянство и купечество къ поддержкѣ ея и распространять такого рода школы и въ другихъ городахъ Россіи.—Рѣчь Орлова вскорѣ разошлась во множествѣ списковъ и дошла до Петербурга Князь П. А. Вяземскій писалъ, между прочимъ, по поводу этой рѣчи А. И. Тургеневу: «...Всегда сила, всегда живопись...вездѣ отпечатокъ ума бодраго и души плотной... Чувство Орлова изливается изъ прекрасной души. Вездѣ ищетъ онъ пользы отечества, вездѣ мечтаетъ о возможномъ благѣ его. Я бы держалъ его близъ Государя, но на привязи».

Въ 1820 году Орловъ былъ назначенъ начальникомъ 16 пѣхотной дивизіи, стоявшей въ то время въ Кишиневѣ. Тотчасъ по принятіи дивизіи онъ созвалъ полковыхъ командировъ и строго запретилъ имъ употребленіе практиковавшихся тогда жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Какъ начальникъ дивизіи, Орловъ пріобрѣлъ извѣстность своимъ въ высшей степени гуманнымъ обращеніемъ съ нижними чинами, заботой объ ихъ образованіи и пропагандой методы взаимнаго обученія. Несогласныя съ господствовавшей въ то время военной дисциплиной дѣйствія Орлова вызвали не мало толковъ, которые доходили и до высшихъ властей. Изъ донесеній кишиневскихъ агентовъ за 1821 годъ правительство узнало, что въ ланкастерской школѣ, находящейся подъ вѣдѣніемъ Раевскаго, толкуютъ о «какомъ-то просвѣщеніи», что солдатъ учатъ «кромѣ грамоты», что нижніе чины называютъ Орлова—отцемъ, а 16 дивизію—орловщиной. Впрочемъ, пока Орловъ имѣлъ возможность дѣйствовать, онъ продолжалъ основывать особыя училища для населенія тѣхъ городовъ, гдѣ были расположены части его дивизіи, не жалѣлъ на нихъ собственныхъ средствъ, подтверждалъ приказы офицерамъ о гуманномъ отношеніи къ нижнимъ чинамъ и пр. «Его заботы», говоритъ Н. И. Тургеневъ, «произвели вскорѣ блестящіе результаты, но въ концѣ концовъ обратились во вредъ имъ и тѣмъ, на чью пользу были направлены эти благородныя попытки». Въ началѣ 1821 года былъ назначенъ въ Москвѣ съѣздъ депутатовъ Союза Благоденствія для болѣе точнаго опредѣленія цѣли и дѣйствій этого общества. Орловъ отправился на этотъ съѣздъ, былъ выбранъ предсѣдателемъ его, но отказался отъ этого званія и принималъ участіе въ засѣданіяхъ въ качествѣ члена. Впрочемъ, разочаровавшись въ Союзѣ, Орловъ вскорѣ отъ него отстранился, да и самый Союзъ, какъ извѣстно, въ февралѣ 1821 года былъ закрытъ. Вернувшись изъ Москвы въ Кишиневъ, М. Ѳ. Орловъ занялся еще съ большимъ рвеніемъ дѣлами своей дивизіи и въ то же время сошелся съ находившимся въ Кишиневѣ А. С. Пушкинымъ, съ которымъ былъ знакомъ уже раньше. Особенно сблизились они послѣ женитьбы Орлова на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, съ которою Пушкинъ познакомился еще во время совмѣстнаго путешествія съ Раевскими на Кавказъ. Женитьба Орлова состоялась въ маѣ 1821 года. По поводу этого событія князь П. М. Волконскій, у котораго Орловъ былъ адъютантомъ въ 1810—1812 годахъ, писалъ: «Весьма радъ, что Миша мой Орловъ женится; надѣюсь, что послѣ того остепенится. Я его очень люблю и сожалѣю, что вѣтренностью своею и легкомысліемъ онъ много дѣлаетъ себѣ вреда, тогда какъ сердце и душа у него предобрыя и чувства благородныя, но языченъ проклятый не можетъ удержать». Вскорѣ графъ А. Х. Бенкендорфъ доносилъ Александру I, что «Михайла Орловъ, кажется, послѣ женитьбы своей началъ отставать отъ того образа мыслей, которымъ восхищались въ его рѣчи въ Библейскомъ Обществѣ, перепискѣ съ Бутурлинымъ и пр.». Впрочемъ, эта перемѣна была только кажущейся: на самомъ дѣлѣ Орловъ, какъ свидѣтельствуютъ факты его дальнѣйшей жизни, держался тѣхъ же взглядовъ въ теченіе всей своей дѣятельности, что и раньше. Дальнѣйшее командованіе Орлова дивизіей было непродолжительно. Высшія власти, неблагосклонно смотрѣли на новшества, вводимыя Орловымъ въ

строй жизни ввѣренныхъ ему войскъ, и 18 апрѣля 1823 года онъ былъ отставленъ отъ командованія дивизіей и назначенъ состоять по арміи. Что происходило съ нимъ два слѣдующихъ года, трудно сказать. По донесенію генерала Дибича, въ концѣ 1825 года Орловъ будто бы «содѣйствовалъ распространенію тайнаго общества въ обѣихъ арміяхъ и старался, но тщетно, съ помощью сыновей генерала Раевскаго, заразить черноморскій флотъ». По свидѣтельству бар. А. Е. Розена, 12 декабря 1825 года былъ совѣтъ между Рылѣевымъ, кн. Оболенскимъ и др. о томъ, чтобы ввѣрить главное начальство надъ возставшими войсками кн. Трубецкому, «если не прибудетъ Орловъ». Какъ бы то ни было, но по подавленіи возмущенія 14 декабря Орловъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Впрочемъ, его постигла сравнительно легкая кара, отчасти благодаря сильнымъ заступникамъ, а также и потому, что многіе были увѣрены въ незначительности его участія въ дѣйствіяхъ заговорщиковъ. Такъ, 21 января 1826 года Александръ Раевскій, успокаивая отца, писалъ ему изъ Петербурга: «Хотя Орловъ и былъ однимъ изъ первыхъ соучастниковъ этого общества (Союза Благоденствія), но не раздѣлялъ его преступныхъ замысловъ, и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ того, что зналъ по этому поводу. Его Величество отозвался о немъ весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы облегчить его участь». Дѣло Орлова кончилось тѣмъ, что 16 іюня 1826 года состоялся Высочайшій Указъ, которымъ Орловъ, «по выдержаніи еще одного мѣсяца подъ арестомъ, отставлялся отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять», а затѣмъ былъ отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ ему было приказано жить безвыѣздно, «съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы, а мѣстному начальству имѣть за нимъ бдительный надзоръ».

Вскорѣ однако М. Ѳ. Орловъ получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Москву, гдѣ поселился и занялся разными дѣлами общественнаго характера. Онъ вступилъ въ число членовъ многихъ ученыхъ обществъ, а также въ кругъ лучшихъ тогдашнихъ писателей. Вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ, М. А. Салтыковымъ и наѣзжавшими въ Москву кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ, П. Я. Чаадаевымъ Орловъ принималъ близкое участіе въ занятіяхъ литературнаго кружка, собиравшагося у Елагиныхъ.

Въ 1833 году Орловъ выпустилъ сочиненіе «О государственномъ кредитѣ», въ которомъ обнаружилъ свои познанія по финансовымъ вопросамъ. — Будучи однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ Московскаго Художественнаго Общества, онъ былъ избранъ (въ ноябрѣ 1833 года) директоромъ Художественнаго класса (Московское Общество Живописи и Ваянія). Орловъ много содѣйствовалъ развитію этого учрежденія и, между прочимъ, пригласилъ туда К. И. Рабуса. Послѣдніе годы своей жизни М. Ѳ. Орловъ часто хворалъ и 19 марта 1842 года скончался въ Москвѣ.

Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, I, Спб. 1899; Tourgeneff, N. La Russie et les Russes, Paris, 1847; Schnitzler, Histoire intime de la Russie, Paris, 1847; Biographie universelle, vol. XXXI. Larousse, Dictionnaire universel, vol. XI; Slovnik Naučny v Praze, изд. 1901 г.; La grande encyclopédie, vol. 25; Словарь Брокгауза и Ефрона; Nouvelle biographie générale Hoefer'a, Encyklopedja Powszechna и др.; „Русск. Вѣстникъ" 1812 г., т. VI, отд. IV (некрологъ); Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1885; Бобринскій гр., Русскіе дворянскіе роды. Спб. 1890; Долгоруковъ кн., Россійская родословная книга; Михайловскій - Данилевскій, Описаніе похода во Францію въ 1814 г. Спб., 1845; Онъ же, Исторія отечественной войны 1812 г.; Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I; Пыпинъ, Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I; Онъ же, Исторія русской литературы. Т. IV; В. А. Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. Спб., 1902; Шильдеръ, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Спб., 1897. т. IV; Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи ч II. Спб., 1870; Былое и думы А. И. Герцена, Лондонъ, 1861, т. I, стр. 113. 228; т. II, стр. 210, 304, 310, 321, Д. А. Кропотовъ, Жизнь графа М. Н. Муравьева. Спб. 1874; Заблоцкій - Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. II и III; Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. I; Рамазановъ, Н. А., Матеріалы для исторіи художества въ Россіи. М. 1863; Сочиненія: А. С. Пушкина, изд. Литерат. фонда, тт. I, V, VII; князя П. П. Вяземскаго, стр. 494—495; В. А. Жуковскаго, изд. 7, т. VI; В. Л. Пушкина. изд. 1893, стр. 86; Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Спб. 1874; Гротъ, А. К. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники; Статьи и матеріалы. Спб. 1891; Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи (Русскій Архивъ 1866 г., и отдѣльно); Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди (Русск. Арх., 1866 г., стр. 1214—1283, 1394—1490);

Ланкастерскія школы въ Россіи (статья С. Д. Полторацкаго въ „Revue Encyclopédique“ 1824 г., ч. XXII, стр. 480—483); Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1896 г. письмо М. Ѳ. Орлова отъ 11 марта 1818 г. о ланкастерскихъ школахъ) стр. 192—195; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 73 (Рѣчь М. Ѳ. Орлова въ Кіевск. Отд. Библейскаго Общества 11 августа 1819 г.) т. 78, Степанъ Масловъ, Историческое обозрѣніе Императ. московскаго общества сельскаго хозяйства. М. 1846; „Утренняя Заря“ 1843 г. (Записки Орлова о взятіи Парижа); „Московскій Телеграфъ“ 1833 г., ч. 52, стр. 429—434 (мнѣніе Орлова о скачкахъ); Записки: И. Д. Якушкина, Лондонъ, 1862, А. В. Кочубея, Спб., 1890, Тучкова (въ „Русскомъ Архивѣ“), 1873, Мартоса въ „Кіевской Старинѣ“, 1897, т. 58, Н. И. Греча, Спб., 1886, И. П. Пущина въ „Атенеѣ“, 1859 г.; Д. Н. Свербеева, Спб., 1899, князя Сергія Григорьевича Волконскаго, Спб., 1902: барона А. Е. Розена, Лейпцигъ. 1870; княгини М. Н. Волконской (Mémoires de la princesse Marie Volkonsky). Спб., 1904; Воспоминанія: Ф. Ф. Вигеля, т. V, VI и VII, Т. П. Пассекъ, т II, Спб., 1879, Изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 г. (кн. Вяземскаго), Дневники Жуковскаго и бумаги его, напечатанныя въ отчетѣ Императорской публичной Библіотеки за 1887 годъ; „Московскія Вѣдомости“, 1833, № 95; „Берегъ“ 1880, № 74; (письмо М. Ѳ. Орлова къ князю Вяземскому отъ 9 ноября 1822 г. изъ Кіева); „Сынъ Отечества“ 1823, ч. 84; „Московскій Наблюдатель“ 1835 г., ч. II, май, кн. II, стр. 161—174 (Отчетъ М. Ѳ. Орлова о художественномъ классѣ); Донесеніе слѣдственной коммиссіи 30 мая 1826 года, стр. 9, 17, 23 и прим.; Шильдеръ, Н. К. Императоръ Николай I, Спб., 1903, т. I; Е. Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, Спб., 1866; Воспоминаніе Г. И. Вилламова въ „Русской Старинѣ“, 1899, т. 97; „Военный Сборникъ“, т. XXXVII (№ 6), отд. II; „Кіевская Старина“, 1898 г., № 12; „Русская Старина“, тт. 5, 7, 20, 21, 40, 55, 67, 101.

Александръ Петровъ.

Орловъ, князь *Николай Алексѣевичъ*,— генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Брюсселѣ, Парижѣ и Берлинѣ; писатель. Родился 27 апрѣля 1827 года, умеръ въ Фонтенебло 17 марта 1885 года. Н. А. Орловъ былъ сыномъ графа (впослѣдствіи князя) Алексѣя Ѳедоровича Орлова и его жены Александры Александровны, рожд. Жеребцовой. Послѣ домашней подготовки князь Орловъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, слушалъ курсъ законовѣдѣнія, читанный барономъ Корфомъ великому князю Константину Николаевичу, а 1 февраля 1843 года былъ опредѣленъ въ пажи Высочайшаго Двора. Выдержавъ въ августѣ 1845 года офицерскій экзаменъ при Пажескомъ корпусѣ, кн. Орловъ былъ произведенъ въ корнеты съ назначеніемъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, а въ іюнѣ 1846 года опредѣленъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ томъ же году, произведенный въ поручики, князь былъ назначенъ состоять при вел. князѣ Константинѣ Николаевичѣ, и сопровождалъ Его Высочество въ заграничныхъ путешествіяхъ. Въ 1848 году, во время пребыванія въ Петербургѣ эрцгерцога виртембергскаго Вильгельма, князь Орловъ, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, состоялъ при его особѣ, затѣмъ вновь сопровождалъ вел. князя Константина Николаевича въ его путешествіяхъ въ Ольмюцъ и Прагу. Въ 1849 году онъ былъ отправленъ съ депешами въ главную квартиру дѣйствующей арміи въ Форро (въ Венгріи) и затѣмъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Венгерской кампаніи. За отличіе, оказанное въ сраженіи при Дебричинѣ 21 іюля 1849 года князь Орловъ былъ произведенъ въ ротмистры и вскорѣ затѣмъ отправленъ главнокомандующимъ въ Варшаву съ донесеніями къ Государю. Награжденный орденомъ св. Владиміра 4 ст., князь вновь былъ причисленъ къ Свитѣ Государя и въ теченіе 1850—1852 гг. сопровождалъ императора въ его путешествіяхъ по Россіи и заграницей. Въ декабрѣ 1851 года онъ былъ прикомандированъ къ департаменту генеральнаго штаба, а чрезъ три мѣсяца къ канцеляріи военнаго министерства. 30 августа 1855 года князь Орловъ былъ произведенъ въ полковники и въ этомъ чинѣ въ 1854 году командированъ въ распоряженіе генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго на Дунай, для участія въ дѣйствіяхъ противъ турокъ. При штурмѣ форта Арабъ-Табіи, взятіемъ котораго онъ руководилъ, при осадѣ Силистріи, въ ночь съ 16 на 17 мая 1854 г. князь Орловъ получилъ девять тяжелыхъ ранъ и лишился глаза. За это дѣло кн. Орловъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и получилъ золотое оружіе съ надписью «за храбрость». Тяжелыя раны заставили его взять отпускъ и онъ провелъ около полутора года въ Италіи, а по возвращеніи оттуда былъ произведенъ 26 августа 1856 года въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества. Въ іюлѣ 1859 года кн. Орловъ, былъ назначенъ чрезвычай-

нымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Бельгійскомъ дворѣ, въ 1861 году зачисленъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности; 30 августа 1865 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 15 декабря 1869 года кн. Орловъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Австрію, въ маѣ 1870 года перемѣщенъ на ту же должность въ Великобританію и 11 декабря 1871 года во Францію. 16 апрѣля 1878 года кн. Орловъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и въ этомъ чинѣ шесть лѣтъ спустя перемѣщенъ на должность полномочнаго посла въ Берлинъ. Разстроенное здоровье заставило кн. Орлова въ послѣднее время его жизни жить въ Фонтенебло, гдѣ онъ и скончался въ мартѣ 1885 года.

Князь Орловъ извѣстенъ также какъ авторъ историческаго очерка франко-прусской войны 1806 года и двухъ записокъ, относящихся ко внутреннему управленію Россіи. Первую работу, озаглавленную «Очеркъ 3-недѣльнаго похода Наполеона I противъ Пруссіи въ 1806 году», онъ написалъ въ Италіи, во время лѣченія ранъ, полученныхъ при Силистріи.

Въ 1858 году князь Орловъ написалъ «Мысли о расколѣ» съ замѣткой «о евреяхъ въ Россіи»; обѣ работы проводили мысль о необходимости бо́льшей вѣротерпимости. Почетную извѣстность снискала Орлову и поданная имъ въ 1861 году Государю записка: «Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ», въ которой онъ вооружается противъ тѣлесныхъ наказаній, какъ проявлениі зла «въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ». «Приближается тысячелѣтіе Россіи», заканчивалъ записку князь Орловъ: «крѣпостное право уничтожено; остается дополнить спасительное преобразованіе отмѣной тѣлесныхъ наказаній». По Высочайшему повелѣнію, записка Орлова разсматривалась въ Комитетѣ, учрежденномъ при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, для составленія проекта новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ согласился съ основною мыслью Орлова о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ несоотвѣтствующихъ ни духу времени, ни достоинству человѣка и лишь ожесточающихъ нравы. По собраніи отзывовъ разныхъ вѣдомствъ, проектъ закона поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и 17 апрѣля 1863 года вышелъ указъ Сенату о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ системѣ наказаній, уголовныхъ и исправительныхъ.

Кромѣ отмѣченныхъ работъ, князю Н. А. Орлову принадлежитъ трудъ собранія нѣкоторыхъ бумагъ князя Григорія Григорьевича Орлова (см. выше), напечатанныхъ во II томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

Полный послужной списокъ; Кн. П. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, ч. П. Спб., 1855; Гр. А. А. Бобринскій, Русскіе дворянскіе роды, т. II. Спб., 1890; Д. Языковъ, Обзоръ жизни покойныхъ русскихъ писателей; Гр. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ; Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; Н. Иванюковъ, Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ II; Шарль Сеньобосъ, Политическая исторія современной Европы Спб., 1899; Лееръ, Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, т. V; Энциклопедическіе словари: Березина, Граната и др.; Всеобщій Календарь на 1886 г.; Газета Гатцука 1885 г., № 12; „Живописное Обозрѣніе" 1885, № 15; „Московскія Вѣдомости" 1885, № 81; „Нива" 1885, № 12; „Новь" 1885, кн. 11; „Всемірная Иллюстрація" 1885: № 14; „Историческій Вѣстникъ" 1885, к. V; „Современныя Извѣстія" 1885, № 80; „Русскій Инвалидъ" 1885, № 68; „Русская Старина" т. III, кн. IX; „Иллюстрированный Семейный Листокъ" 1863, № 57. Dr. Hoefer, Nouvelle biographie générale, vol. 38; La grande Encyclopédie, vol. XXV; Larousse, Dictionnaire universel и др. иностранныя энциклоп. изданія. *А. П.*

Орловъ, *Петръ Семеновичъ*, надворный совѣтникъ, депутатъ отъ дворянъ Клинскаго уѣзда (Московской губерніи) въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія 1767 г.; единственный изъ депутатовъ въ эту коммиссію отъ дворянъ Московской губерніи не принадлежавшій къ старинному дворянству. П. С. Орловъ былъ сыномъ колежскаго совѣтника Семена Михайловича Орлова, бывшаго подъячимъ Приказа провинціальнаго суда, а затѣмъ подъячимъ Монастырскаго приказа. О служебной дѣятельности П. С. Орлова извѣстно лишь, что въ 1753 году онъ былъ секретаремъ Государственной вотчинной коллегіи въ Москвѣ; въ 1754 году перешелъ на службу въ канцелярію конфискаціи, съ чиномъ коллежскаго асессора, черезъ десять лѣтъ вышелъ въ отставку, при чемъ былъ награжденъ чиномъ на-

дворнаго совѣтника. Въ 1767 г. Орловъ отправился въ Москву для участія въ трудахъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія, въ качествѣ депутата отъ Клинскаго уѣзда. Въ наказѣ, данномъ Орлову, онъ характеризуется какъ человѣкъ «о всѣхъ обстоятельствахъ уѣзда свѣдущій и о выгодахъ, требующихся дворянскому обществу, искущійся, паче же о всемъ томъ при сочиненіи Новаго Уложенія представленія чинить могущій». Въ седьмомъ засѣданіи Орловъ былъ выбранъ въ члены коммиссіи для разбора наказовъ. Въ качествѣ депутата, онъ, между прочимъ, принялъ горячее участіе въ обсужденіи правъ дворянства, и когда было предложено ходатайствовать, чтобы офицерскій чинъ не давалъ дворянства, а оно жаловалось-бы только Монархомъ, Орловъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ, не возражая по существу противъ принятаго рѣшенія, указывалъ лишь, что проводя эту мѣру необходимо также позаботиться и о томъ, чтобы офицеры—не дворяне, хотя бы и большіе чиномъ, не могли командовать офицерами-дворянами съ меньшимъ чиномъ, «ибо когда уже дворянское достоинство такъ много отличается своими преимуществами отъ прочихъ государственныхъ родовъ, то лицо, рожденное съ правами сего дворянства, не должно быть подъ командою человѣка, пользующагося меньшими правами, а тѣмъ менѣе сносить налагаемые отъ него штрафы. Если не дворянинъ потому только, что офицеръ станетъ командовать дворяниномъ солдатомъ или офицеромъ низшаго его класса, то черезъ сіе уничтожится различіе родовъ; при томъ же достойно будетъ сожалѣнія видѣть дворянина солдата, какъ лицо, рожденное въ высшемъ достоинствѣ, наказываемое офицеромъ не дворяниномъ». Въ засѣданіи 28-го мая 1768 года Орловъ сильно поддерживалъ предложеніе депутата Серпейскаго дворянства графа Александра Строганова объ устройствѣ училищъ для крестьянъ, указавъ вообще на пользу просвѣщенія и сославшись на собственный опытъ, полученный имъ въ деревнѣ при обученіи грамотѣ въ его имѣніи въ Клинскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ завелъ для своихъ крестьянъ школу. Послѣ закрытія коммиссіи Орловъ не выступалъ болѣе въ качествѣ общественнаго дѣятеля, и прожилъ остальную часть жизни въ клинскомъ имѣніи — сельцѣ Филатовѣ. Онъ умеръ въ 1789 году.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества". Томъ IV стр. 68, 210–211. 255–265; т. XXXII; стр 101, 113, 181; т. XXXVI. стр. 155; т. CVII, стр. 351; Москва. Актовыя книги XVIII столѣтія. Т. III стр. 173 № 352; стр. 368 № 670; т. VIII. стр. 242 № 48; 285 № 622; т. X стр. 12 № 139. Родословная книга Московской губерніи 1787—1796 г. (хранится въ архивѣ департамента Герольдіи Пр. Сената). Выпись изъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи отъ 8 января 1902 г. за № 71.

Б. Еловскій.

Орловъ, *Пименъ Никитичъ,* академикъ Императорской Академіи Художествъ. П. Н. Орловъ родился въ 1811 г. въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., въ очень бѣдномъ семействѣ; съ ранняго дѣтства онъ обнаружилъ пристрастіе къ живописи, но, такъ какъ родители не сочувствовали его склонностямъ, ушелъ изъ дому и переходилъ отъ одного маляра къ другому, пока не сталъ получать заказовъ на иконы въ церквахъ и на портреты отъ окрестныхъ помѣщиковъ, не отказываясь въ то же время и отъ малярныхъ работъ. Орловъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ въ искусствѣ, и случайно познакомившійся съ нимъ уѣздный предводитель дворянства Гладкій счелъ не безполезнымъ отправить его въ Петербургъ для опредѣленія въ Академію, куда, послѣ долгихъ усилій, онъ и поступилъ въ 1834 г. Въ бытность свою ученикомъ Академіи Орловъ продолжалъ жить на средства, который доставляло ему писаніе портретовъ. Изъ портретовъ этого времени наиболѣе замѣчательны: Олениной и полк. кн. Голицына. Въ 1836 г. онъ получилъ отъ Академіи, гдѣ учился у Брюллова, серебряную медаль 2-й степени, а въ 1837 г. окончилъ курсъ съ званіемъ свободнаго художника. При содѣйствіи общества поощренія художествъ и конференцъ-секретаря Академіи В. И. Григоровича, Орловъ получилъ возможность отправиться въ 1846 г. въ Италію. Здѣсь, находясь въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, онъ почти все свое время долженъ былъ отдавать рисованію портретовъ на заказъ, ради заработка, и только въ 1848 г. ему удалось прислать въ Петербургъ картину «Дѣвушка, моющая бѣлье», за которую ему, по ходатайству Академіи, обратившей вниманіе Государя на то, что Орловъ хочетъ себя посвятить исторической живо-

писи, была назначена на годъ пенсія въ 300 руб. Въ 1849 г. всѣмъ пенсіонерамъ, а въ томъ числѣ и Орлову, было велѣно вернуться въ Россію, но Орловъ, отговариваясь болѣзнью глазъ и желаніемъ окончить картины изъ итальянской жизни, уже начатыя имъ, сумѣлъ выхлопотать себѣ продолженіе своего пребыванія въ Италіи до самой смерти, т. е. до 1864 г. Въ это время Орловымъ были написаны слѣдующія картины: Октябрь мѣсяцъ въ Римѣ (1851 г.) (въ двухъ редакціяхъ: Итальянское Утро и Сцена изъ римскаго карнавала); Дѣвушка, прогуливающаяся по Porte d'Anzio; Обѣтъ Мадоннѣ, Возвращеніе съ жнитвы и **Ave Maria**, а также портреты великой княг. Ольги Николаевны, Третьяковой и др. Почти всѣ свои картины Орловъ выставлялъ въ Римѣ и былъ довольно извѣстенъ итальянской публикѣ. Лишь нѣсколько изъ своихъ картинъ онъ прислалъ въ Россію и на основаніи ихъ, равно, какъ и на основаніи отзывовъ изъ Рима, получилъ въ 1857 г. званіе академика портретной живописи. Картины Орлова, вызывавшія похвалы современниковъ, отличаются мягкостью и красотою колорита, наряду съ эффектностью освѣщенія и тщательностью отдѣлки.

Дѣла Архива Имп. Акад. Художествъ. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ., т. II и III; Рамазановъ, Матеріалы для Исторіи Художествъ въ Россіи ч. I. М. 1863 ст. 66—82, 291; „Художеств. Газета", 1838 г., XII ст. 656; „Giornale letterario e di belle arti" 1859 Dec. 16; Словари Березина, Старчевскаго и Брокгауза.

Л. К.

Орловъ, *Яковъ Васильевичъ*, профессоръ историческихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи; писатель. Сынъ священника Я. В. Орловъ родился въ 1779 г.; въ Переяславской епархіи; образованіе получилъ въ Троицкой духовной и въ Петербургской учительской семинаріяхъ; по окончаніи курса въ послѣдней поступилъ учителемъ гражданской исторіи и географіи въ высшихъ классахъ Нижегородскаго главнаго народнаго училища. Когда это училище было преобразовано въ гимназію, Орловъ былъ опредѣленъ въ ней старшимъ учителемъ, а въ 1809 г. вызванъ баккалавромъ въ новооткрытую Петербургскую академію, по каѳедрѣ историческихъ наукъ, гдѣ въ слѣдующемъ году получилъ званіе ординарнаго профессора. Въ февралѣ 1819 г. Я. В. Орловъ скончался. Изъ трудовъ Орлова извѣстны: «Мое отдохновеніе для отдыху другихъ», Нижн.-Новг. 1799 г.: «Историко-статистическое описаніе Нижегородской губ.», удостоенное Высочайшей награды—бриллiантоваго перстня; «Памятникъ событій въ церкви и отечествѣ»; 5 частей, М 1818 г.; «Духъ россійскихъ государей Рюрикова дома. Существенныя изображенія Россіянъ», 5 ч., СПБ. 1818 г.; «Всеобщій памятникъ достопримѣчательныхъ происшествій, повѣствуемыхъ исторіей ветхаго и новаго завѣта, церковною, естественною и гражданскою и проч.», 12 частей, М. 1820 г.

„Соревнователь Просвѣщенія", 1819 г. ч. 5, стр. 274; С. Смирновъ, Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, М. 1867 г.; Н. Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи СПБ. 1857 г.; А. Боголюбовъ, „Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его, во время съ 1800 по 1901 г. Спб. 1901 г.

Н. Давидовичъ.

Орловъ, *графъ Ѳедоръ Григорьевичъ*, — генералъ-аншефъ, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, род. 8-го февраля 1741 года, умеръ 17 мая 1796 года въ Москвѣ. Ѳ. Г. Орловъ былъ младшимъ изъ братьевъ Орловыхъ, съ именемъ которыхъ связано возведеніе на престолъ императрицы Екатерины II. Воспитывался онъ вмѣстѣ съ братьями въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ; еще юношей участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ обнаружилъ блестящую храбрость. Въ 1762 году онъ съ братьями Григоріемъ и Алексѣемъ принималъ дѣятельное участіе въ іюньскомъ событіи, былъ пожалованъ чиномъ капитана лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а въ день коронованія императрицы возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство и пожалованъ въ камергеры. Указомъ 20-го августа 1763 года Ѳ. Г. Орлову было приказано находиться «безпрерывно при текущихъ дѣлахъ» въ Правительствующемъ Сенатѣ и имѣть мѣсто за генералъ-прокурорскимъ столомъ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4-го департамента сената и получилъ орденъ св. Александра Невскаго съ сохраненіемъ чина капитана гвардіи. Въ 1767 году гр. Орловъ принималъ участіе въ трудахъ коммиссіи по составленію Новаго Уложенія въ качествѣ депутата отъ

дворянства Орловской губерніи. Состоя членомъ коммиссіи о сословіяхъ, онъ предлагалъ раздѣлить ее на секціи: первая должна была заниматься дворянствомъ, вторая—«среднимъ родомъ, или мѣщанствомъ», третья—крестьянами свободными и крѣпостными. Это предложеніе было принято и занятія упомянутой коммиссіи шли сообразно выработанному графомъ Орловымъ плану.

Съ началомъ турецкой войны, когда братъ его Алексѣй былъ назначенъ командовать флотомъ, гр. Ѳ. Г. Орловъ оставилъ гражданскую службу и въ 1770 г. поступилъ въ эскадру адмирала Спиридова. Прибывши въ Архипелагъ, онъ успѣлъ произвести возстаніе грековъ, но затѣмъ, занявшись осадой мелкихъ прибрежныхъ крѣпостей, упустилъ моментъ, далъ туркамъ возможность укрѣпиться на сушѣ и вынужденъ былъ оставить грековъ на произволъ судьбы. Взявъ крѣпость Корону, Орловъ участвовалъ въ морскомъ сраженіи близъ Чесмы на кораблѣ «св. Евстафій», съ котораго спасъ часть экипажа до взрыва; затѣмъ принималъ участіе въ сраженіи при островѣ Гидрѣ съ весемнадцатью турецкими кораблями, которые онъ частью разбилъ, частью обратилъ въ бѣгство и, наконецъ, получилъ назначеніе командовать частью флота, отряженною для разоренія турецкихъ поселеній и крѣпостей, начиная съ Родоса и вдоль короманскаго побережья. За свои подвиги графъ Орловъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени и шпагой, осыпанной брилліантами. Въ честь его была поставлена въ Царскомъ Селѣ украшенная корабельными носами колонна. Въ январѣ 1772 года гр. Ѳ. Г. Орловъ возвратился въ Петербургъ, такъ какъ здоровье не позволяло ему продолжать морской кампаніи. Въ день заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы съ увольненіемъ, согласно прошенію отъ службы. Съ усиленіемъ при дворѣ вліянія Потемкина, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ переѣхалъ въ Москву и жилъ тамъ постоянно, лишь изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ. Въ Москвѣ онъ занялся воспитаніемъ своихъ дѣтей (женатъ онъ не былъ, но имѣлъ отъ г-жи Поповой и г-жи Гусятниковой пять сыновей и двухъ дочерей), литературой и наукой.

Графъ А. А. Бобринскій, Русскіе дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ. Спб., 1890; Кн. П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга. Спб., 1851; ч. IV. 437—438; Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1-е изд., (указатель); Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I; Словарь Бантыша-Каменскаго, ч. IV, Старчевскаго, Брокгауза и Ефрона и др.; Архивъ князя Воронцова V, IX, XIV; Г. Р. Державинъ, Сочиненія, ред. Грота, т. I. VI, VIII, IX; Барсуковъ, Разсказы изъ исторіи XVIII вѣка: Сборникъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. XXI; Записки Гидрографическаго Департамента, ч. VII; Собственноручный журналъ адмирала Грейга въ Чесменскій походъ. (Морской Сборникъ, 1849, № 10, 11, 12); Петровъ, Война Россіи съ Турціей, т. II; Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. V и VI; Осмьнадцатый вѣкъ, сборникъ изд. Бартеневымъ, кн. III; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т.т. I, IV, VII, X, XXIII, XXXVII; Дневникъ Храповицкаго; Записки С. Н. Глинки; Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, т. II, В. П. Орловъ-Давыдовъ, Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, Спб., 1881; Карновичъ, Богатства частныхъ людей въ Россіи; Schnitzler, Hitsoire intime de la Russie, t. II; Biographie universelle; Larousse, Dictionnaire universel; La grande encyclopédie и др. (См. также указаніе литературы въ статьѣ Орловы—Алексѣй Григорьевичъ и Григорій Григорьевичъ).

А. Петровъ.

Орловъ, *Ѳедоръ Евпловичъ*,—магистръ чистой математики, экстраординарный профессоръ Московскаго университета и Московскаго Техническаго Училища. Ѳ. Е. Орловъ родился въ 1843 году въ с. Великомъ, Новгородской губерніи и былъ сыномъ полковаго лѣкаря. Первоначальное образованіе получилъ въ одномъ изъ городскихъ училищъ въ Москвѣ гдѣ его мать, по смерти мужа, получила мѣсто начальницы Варваринскаго училища. Затѣмъ Орловъ обучался въ Ярославской гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ число студентовъ Московскаго Университета. Въ 1863 году онъ окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата, и былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ чистой математики; въ 1869 г. защитилъ магистерскую диссертацію «О взаимности дифференціальныхъ уравненій», и по рекомендаціи профессора А. Ю. Давидова был командированъ совѣтомъ университета за границу для приготовленія къ каѳедрѣ практической механики. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Франкфуртѣ, Гейдельбергѣ и наконецъ въ Цюрихѣ, гдѣ пробылъ около году, слушая лекціи въ по-

литехникумѣ у профессоровъ Цейнера, Кульмана, Шварца, Фидлера и др. Въ началѣ 1870 г. Орловъ былъ приглашенъ на каѳедру практической механики въ Московскомъ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ. Впрочемъ, Орловъ посвятилъ еще два года занятіямъ въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ снова побывалъ въ Берлинѣ, откуда поѣхалъ въ Льежъ и наконецъ въ Парижъ. Въ 1872 году Орловъ вернулся въ Москву, гдѣ съ началомъ учебнаго года приступилъ къ чтенію лекцій въ университетѣ и Техническомъ Училищѣ. Въ первые же годы своей преподавательской дѣятельности въ университетѣ Орловъ устроилъ при университетѣ прекрасный механическій кабинетъ, завелъ классы черченія и проектированія и вообще поставилъ преподаваніе практической механики въ университетѣ на значительную высоту. Нерѣдко Орловъ получалъ командировки по Россіи и заграницу. Такъ, въ 1874 г. Совѣтъ Техническаго Училища командировалъ его въ Московскую, Нижегородскую, Владимірскую губерніи для изслѣдованія положенія мѣстной фабричной и заводской промышленности; черезъ два года былъ командированъ съ научной цѣлью па Филадельфійскую выставку, причемъ кромѣ обозрѣнія техническаго отдѣла выставки ему поручено было изучить организацію спеціальныхъ техническихъ заведеній въ Сѣверно-Американскихъ Штатахъ и нѣкоторые американскіе крупные мануфактурные центры; въ 1878 г. ѣздилъ на Парижскую всемірную выставку. Состоя много лѣтъ членомъ Политехническаго Общества, онъ въ 1880-хъ гг. былъ избранъ почетнымъ его членомъ, а въ 1886 году вице-президентомъ, каковымъ и оставался до самой своей смерти. Въ 1887 году Ѳ. Е. Орловъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора Московскаго Университета по каѳедрѣ прикладной механики; въ каковой должности состоялъ до самой смерти, т. е. до 20-го января 1892 года. Кромѣ упомянутой магистерской диссертаціи, напечатанной въ 3-мъ томѣ «Математическаго Сборника» (1868 г.), послѣ Ѳ. Е. Орлова остались еще слѣдующія сочиненія: «Доказательство теоремы Эйлера» (во 2-мъ томѣ «Матем. Сборн.» 1866 г.), «Розысканіе интегрирующаго множителя» («Матем. Сборн.» 1869 г. т. IV); «О машинахъ» («Матем. Сборн.» 1872 г. т. VI), «Изъ теоріи рулетъ» (докладъ на VIII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, напечатанный въ «Трудахъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей», 1883 г.), «О квадатурѣ рулетъ» («Матем. Сборн.» 1884 г. т. VI) и «Экономическое значеніе машинъ» («Отчетъ Моск. Имп. Техн. Учил.» 1879 г.).

„Московскія Вѣдомости" 1892 г. № 22; „Рѣчь и Отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го января 1893 г." М. 1893; „Библіографъ" 1892 г. № 1; Календари: Русскій и Всеобщій на 1893 г.

Е. Ястребцовъ.

Орловъ-Давыдовъ, графъ *Владиміръ Владиміровичъ*,—Свиты Его Величества генералъ-маіоръ. Гр. В. В. Орловъ-Давыдовъ родился въ 1837 г. и получилъ хорошее домашнее образованіе. Зачислившись въ 1855 г. въ военную службу унтеръ-офицеромъ въ 4-й дивизіонъ Кавалергардскаго полка, онъ былъ произведенъ въ слѣдующемъ году въ корнеты и вслѣдъ затѣмъ перевелся въ дѣйствующую на Кавказѣ армію, находясь въ составѣ которой, принималъ участіе въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ горцами. Въ 1859 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ для особыхъ порученій къ главнокомандующему кавказской арміей генералъ-фельдмаршалу кн. Барятинскому. Въ этомъ же году онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3 степ. съ мечами и бантомъ за особое отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ при взятіи аула Гуниба. Въ 1860 г. уже въ чинѣ капитана и командира 3-й роты 20-го стрѣлковаго батальона графъ получилъ за отличіе въ дѣлахъ съ горцами орденъ Станислава 3 ст., также съ мечами и бантомъ, и въ томъ же году 27-го сентября при взятіи штурмомъ аула Беной былъ тяжело раненъ. Въ 1861 г. онъ снова перевелся въ Кавалергардскій полкъ ротмистромъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ главнокомандующему кавказской арміей, а въ 1863 г. былъ переведенъ, съ производствомъ въ подполковники, въ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Въ слѣдующемъ 1864 г. графъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, произведенъ въ полковники, и посланъ курьеромъ въ Лондонъ. Вернувшись въ Россію онъ въ 1865 г. ѣздилъ въ Воронежскую губернію наблюдать за рекрутскимъ наборомъ и былъ нѣсколько разъ посылаемъ

на Кавказъ къ Великому Князю Памѣстнику по разнообразнымъ порученіямъ. Произведенный въ 1866 г. въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ числиться по армейской пѣхотѣ, графъ былъ назначенъ Симбирскимъ губернаторомъ. Въ октябрѣ 1868 г. онъ уволился отъ должности губернатора и былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ свитѣ. Памятникомъ его пребыванія въ Симбирскѣ являются ремесленныя школы, на устройство которыхъ онъ пожертвовалъ 100,000 рублей. Скончался графъ В. В. Орловъ-Давыдовъ на островѣ Корфу 7-го апрѣля 1870 г.

„Симбирскія Губернскія Вѣдомости“ 1870 годъ № 30. *Б. Алексѣевскій.*

Орловъ-Давыдовъ, графъ *Владиміръ Петровичъ*, тайный совѣтникъ, почетный членъ Академіи Наукъ; писатель. Гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, род. въ 1809 г. и былъ сыномъ Петра Львовича Давыдова отъ брака съ одной изъ дочерей графа Вл. Гр. Орлова. 26 марта 1856 года ему было Высочайше разрѣшено принять титулъ и имя его дѣда по матери и именоваться графомъ Орловымъ-Давыдовымъ. Дѣтство Орлова-Давыдова прошло въ Италіи, а юность въ Англіи, гдѣ онъ окончилъ курсъ университета въ Эдинбургѣ со степенью доктора правъ, послѣ чего, переселившись въ Лондонъ, былъ причисленъ тамъ къ русскому посольству. Спустя немного времени, Орловъ-Давыдовъ переѣхалъ въ Парижъ, слушалъ тамъ лекціи Гизо и Кузена и оттуда послѣ пятилѣтняго пребыванія вернулся въ Россію. На пути онъ останавливался въ Германіи и слушалъ лекціи въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Въ скоромъ времени изъ Россіи Орловъ-Давыдовъ предпринялъ путешествіе въ Италію, откуда, изъ Рима, съ живописцемъ Брюлловымъ, архитекторомъ академикомъ Ефимовымъ и археологомъ докторомъ Крамеромъ, предпринялъ путешествіе на Востокъ, памятникомъ котораго остались «Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 г.» (Спб., 1839—1840 гг.). Прекрасно ознакомленный съ классическими древностями, Орловъ-Давыдовъ внимательно изучалъ ихъ на мѣстѣ, и ему удалось собрать во время путешествія немало цѣнныхъ рукописей, большею частью, греческихъ, пріобрѣтенныхъ на Аѳонѣ. По возвращеніи въ Россію Орловъ-Давыдовъ былъ зачисленъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а съ 1848 по 1852 годъ онъ состоялъ совѣстнымъ судьею въ Петербургѣ. Въ 1862 г. онъ былъ избранъ петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Какъ человѣкъ европейски образованный и гуманный, онъ принималъ близко къ сердцу многіе вопросы современной ему общественной жизни въ Россіи и нерѣдко входилъ съ различными записками и предложеніями въ высшія инстанціи. Въ частности, въ имѣніяхъ своихъ онъ не мало сдѣлалъ для облегченія быта крестьянъ, строилъ храмы, больницы, школы.

Любитель старины, графъ Орловъ-Давыдовъ дѣлалъ крупныя пожертвованія разнымъ библіотекамъ и музеямъ, и между прочимъ, обогатилъ Отрадинскую библіотеку своего дѣда коллекціей старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ имъ у наслѣдниковъ извѣстнаго собирателя И. Н. Царскаго. Извѣстный своимъ образованіемъ, статьями по разнымъ вопросамъ и однимъ крупнымъ трудомъ («Біографическій очеркъ гр. Вл. Гр. Орлова», т. I и II, Спб. 1878) графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ; скончался въ Петербургѣ 24 апрѣля 1882 года.

„Біографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова“. Составленъ внукомъ его гр. В. Орловымъ-Давыдовымъ, Спб. 1878, т. I и II (обширная монографія, съ выдержками изъ переписки и дневниковъ гр. В. Г. Орлова; рец. см. въ „Русск. Вѣстн.“ 1878, № 9, „Вѣстн. Европы“ 1879, № 1); Фридрихъ Овербекъ и его картина „Таинство покаянія“, Москва, 1865; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей Вып. 2. Спб., 1885, стр. 38; Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-математическому и Историко-филологическому отдѣленіямъ за 1882 годъ; Графъ А. А. Бобринскій. Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Россійской Имперіи; ч. II. Спб., 1890; „Воспоминанія Совѣстнаго Судьи“ (Русскій Архивъ, 1880 г., II, 400); „Гражданинъ“, 1871 г. № 51; „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1871 г., № 13; „Русскій Инвалидъ“ № 13, 1860 года; „Голосъ“, 1882 годъ, № 111; „Московскія Вѣдомости“ 1882 года № 132; „Библіотека для Чтенія“ 1837 года, XXII, № 2, 60—61. *А. П.*

Орловъ-Денисовъ, графъ *Василій Васильевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, командиръ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и на-

альникъ Императорскаго конвоя. В. В. рловъ-Денисовъ род. 8-го сентября 1775 ода; отецъ его, Василій Петровичъ, былъ войсковымъ атаманомъ, генераломъ-отъ-кавалеріи и крупнымъ донскимъ помѣщикомъ; мать Дарья Өедоровна, рожд. графиня Денисова, была дочь генерала-отъ-кавалеріи и перваго графа изъ донскихъ казаковъ Федора Петровича Денисова, не имѣвшаго сыновей и передавшаго свой титулъ и имѣнія внуку своему Василію Васильевичу. Послѣдній, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, былъ записанъ въ ряды Донского казачьяго войска. Произведенный въ 1788 году въ сотники, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ съ отрядомъ, составлявшимъ передовую цѣпь на турецкой границѣ, находился на берегахъ Чернаго моря, затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ и въ 1791 году произведенъ въ есаулы, а вскорѣ и въ войсковые старшины. Въ Петербургѣ, благодаря положенію отца и дѣда, В. В скоро познакомился со многими представителями высшаго свѣта и, между прочимъ, съ Г. Р. Державинымъ, по совѣту котораго началъ было учебныя занятія, такъ какъ ему удалось получить лишь поверхностное образованіе. Онъ принялся за прохожденіе школьнаго курса, въ одномъ частномъ учебн. заведеніи, но польская война прекратила занятія. Орловъ былъ переведенъ въ казачій полкъ Краснова, содержавшій пограничные кордоны. Съ этого времени, въ теченіи семи лѣтъ, ему пришлось вести бивуачную жизнь, причемъ все свободное время онъ обыкновенно посвящалъ чтенію. Въ 1798 году Орловъ былъ произведенъ въ подполковники, въ слѣдующемъ году въ полковники, а въ началѣ 1801 года со своимъ полкомъ возвратился на Донъ. Вслѣдъ затѣмъ, по вступленіи на престолъ Императора Александра I, гр. Ѳ. П. Денисовъ исходатайствовалъ (26 апрѣля 1801 г.) разрѣшеніе передать графское достоинство и фамилію внуку Василію Васильевичу Орлову. Послѣдній, переведенный въ 1806 году въ лейбъ-гвардіи Казачій полкъ, въ слѣдующемъ году съ этимъ полкомъ участвовалъ въ преслѣдованіи маршала Нея отъ Гутштадта до рѣки Пассарги; а въ арріергардномъ дѣлѣ 25-го мая при Гутштатѣ онъ въ жаркой схваткѣ даже опрокинулъ конно-егерскій гвардейскій полкъ, одинъ изъ любимѣйшихъ полковъ Наполеона. Въ слѣдующемъ сраженіи, при Гейльсбергѣ, Орловъ защищалъ русскія батареи, которыя Наполеонъ упорно старался захватить, а при отступленіи Бенигсена къ Фридланду защищалъ переправу черезъ р. Алле. За отличія, въ этихъ дѣлахъ гр. Орловъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а по заключеніи Тильзитскаго мира пожалованъ въ чинъ генералъ-маіора (12-го декабря 1807 года). Назначенный въ февралѣ слѣдующаго года командиромъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, онъ тотчасъ же повелъ полкъ въ Финляндію. Первымъ подвигомъ гр. Орлова въ этомъ походѣ было взятіе г. Борго, сильно укрѣпленнаго шведами. Затѣмъ, онъ первый съ своими отрядами занялъ Гельсингфорсъ. При самомъ вступленіи въ городъ лейбъ-казакамъ пришлось выдержать нѣсколько сильныхъ залповъ изъ городскихъ пушекъ, но не смотря на это они вытѣснили изъ города шведовъ, отступившихъ къ Свеаборгской крѣпости, и въ числѣ многочисленныхъ трофеевъ захватили 19 орудій. Вслѣдъ за взятіемъ Гельсингфорса началась осада кр. Свеаборга, одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей въ Финляндіи. Гр. Орловъ со своими лейбъ-казаками находился въ осадномъ корпусѣ. Послѣ паденія Свеаборга гр. Орлову поручено было съ особымъ отрядомъ охранять берегъ Ботническаго залива отъ Христиненштадта до Вазы и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ему пришлось непрерывно бороться съ дессантными шведскими войсками и съ вооруженнымъ населеніемъ. За блестяще выполненную трудную задачу охраны побережья гр. Орловъ былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Анны 2-й степени. Съ мая по октябрь 1810 г. гр. Орловъ, въ качествѣ командующаго отрядомъ, охранялъ берега Финскаго залива, по случаю разрыва съ Англіей, а затѣмъ снова вернулся въ Петербургъ. 30-го января слѣдующаго года гр. Орловъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и вскорѣ принялъ участіе въ походахъ противъ французовъ. Между прочимъ ему поручено было наблюдать за Нѣманомъ. Узнавъ о переходѣ 12-го іюня французовъ черезъ Нѣманъ, онъ собралъ своихъ лейбъ-казаковъ и сталъ отступать. Французы бросились было за нимъ, но онъ опрокинулъ ихъ. Это былъ первый бой русскихъ съ французами въ Отечественную войну. Два дня спустя гр. Орловъ

разбилъ три эскадрона французскихъ гусаровъ, а 16-го іюня при отступленіи русскихъ войскъ изъ Вильно произвелъ двѣ удачныя атаки на французскую кавалерію и послѣднимъ оставилъ городъ, причемъ взялъ въ плѣнъ французскаго полковника гр. Сегюра. Находясь, далѣе, въ аріергардѣ 1-й арміи и сражаясь ежедневно съ французами, гр. Орловъ-Денисовъ не ограничивался только одnимъ отраженіемъ нападеній, но и самъ нерѣдко атаковывалъ французскую кавалерію. Командуя лейбъ-казаками и шестью конными полками, онъ 23-го іюня три часа упорно бился съ Мюратомъ у деревни Кочержишки, причемъ взялъ въ плѣнъ принца Гогенлоэ. За оказанныя въ этихъ дѣлахъ отличія онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Продолжая все время находиться въ арріергардѣ 1-й арміи, гр. Орловъ-Денисовъ 15-го іюля, командуя лейбъ-гвардіи Казачьимъ полкомъ и Черноморскою сотнею, атаковалъ и совершенно разбилъ подъ Витебскомъ три конныхъ французскихъ полка, за что былъ награжденъ золотой саблей, украшенной брилліантами, съ надписью «за храбрость». Три дня спустя послѣ этого дѣла, гр. Орловъ во время перестрѣлки съ французами получилъ тяжелую контузію въ шею, но все-таки продолжалъ командовать лейбъ-казаками. Вскорѣ онъ особенно отличился въ дѣлѣ 7-го августа при Заболотьѣ, гдѣ командовалъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, отражая атаки Мюрата и Жюно. Расположивъ полки въ четыре линіи, онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безпрерывно атаковывалъ французовъ и не далъ возможности Мюрату выстроить свою кавалерію. Атаки производились съ удивительною быстротой и отвагою. Гр. Орловъ-Денисовъ нѣсколько разъ самъ водилъ полки на непріятеля, и всѣ старанія Мюрата разбить нашу кавалерію и обрушиться на лѣвый флангъ оказались напрасными. Слѣдующее сраженіе, въ которомъ онъ принялъ участіе, былъ Бородинскій бой, во время котораго онъ находился въ первомъ кавалерійскомъ корпусѣ Уварова. Когда Наполеонъ, рѣшившій сломить русскую армію, двинулъ свою гвардію на нашъ центръ, уже ранѣе обезсиленный многочисленными французскими атаками, кн. Кутузовъ, чтобы хоть на короткій срокъ задержать этотъ ударъ, приказалъ Платову и Уварову переправиться черезъ Колочу и атаковать лѣвое крыло французовъ. Несмотря на крайне неудобное для дѣйствія кавалеріи мѣстоположеніе, Уваровъ перешелъ Колочу и поручилъ гр. Орлову-Денисову атаковать французовъ. Послѣдній во главѣ лейбъ-гусарскаго, лейбъ-казачьяго и Елизаветградскаго гусарскаго полковъ спустился въ расположенный впереди его ровъ, выбрался на противоположную сторону, выстроилъ подъ огнемъ непріятеля свои полки, атаковалъ близъ стоявшую французскую пѣхоту и заставилъ ее отступить причемъ Елизаветградскій гусарскій полкъ отбилъ два орудія, которыя, впрочемъ, нельзя было увезти. Затѣмъ онъ снова атаковалъ французовъ. Появленіе казаковъ и кавалеріи на лѣвомъ флангѣ заставило Наполеона остановить гвардію, а тѣмъ временемъ кн. Кутузовъ успѣлъ подкрѣпить свой центръ. Послѣ Бородинскаго боя гр. Орловъ-Денисовъ опять поступилъ въ аріергардъ. Особенно отличился онъ своими кавалерійскими атаками подъ Чириковымъ, Вороновымъ и др. Послѣ занятія русской арміей Тарутинскаго лагеря графъ командовалъ передовой цѣпью и казачьими разъѣздами. Во время одного изъ объѣздовъ передовой цѣпи онъ получилъ отъ казаковъ донесеніе, что лѣсъ, къ которому Мюратъ, стоявшій впереди русской арміи, примыкалъ своимъ лѣвымъ флангомъ, совершенно незанятъ французами. Донеся объ этомъ начальству и получивъ разрѣшеніе атаковать Мюрата, гр. Орловъ-Денисовъ съ 10-ю казачьими и др. полками и ротой донской артиллеріи, ночью на 6-е октября, зашелъ въ тылъ лѣваго фланга французовъ и атаковалъ ихъ. Атака была такъ внезапна и стремительна, что французы не успѣли даже стать въ ружье и побѣжали за Рязановскій оврагъ, оставивъ въ добычу казакамъ 38 орудій и весь лагерь на правомъ берегу р. Чернишны. Это было первое сраженіе съ наполеоновскими войсками, въ которомъ русскіе отбили у нихъ такое большое число орудій. О Тарутинскомъ сраженіи Беннигсенъ доносилъ между прочимъ кн. Кутузову слѣдующее: «Графъ Орловъ-Денисовъ велъ себя самымъ блистательнымъ образомъ. Его храбрость дѣлаетъ честь россійскому оружію. Онъ первый подалъ мысль обойти лѣвое непріятельское крыло. Основываясь на сдѣланныхъ имъ обозрѣ-

...ахъ, и по донесенію его о томъ, рѣшился я письменно предложить Вашей Свѣтлости атаковать непріятеля». Побѣда при Тарутинѣ имѣла огромное значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она сильно подняла духъ арміи, т. к. показала полную возможность одолѣвать наполеоновскія войска, во-вторыхъ, она заставила Наполеона немедленно выступить изъ Москвы. Гр. Орловъ-Денисовъ за эту побѣду былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Послѣ выступленія изъ Тарутинскаго лагеря онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Малоярославцемъ, а затѣмъ съ 6-ю казачьими полками и нѣсколькими орудіями Донской артиллеріи пошелъ на Гжатскъ, сильно тѣснилъ французовъ, забралъ у нихъ много плѣнныхъ и захватилъ тайную канцелярію Наполеона. Подойдя къ Ляхову и узнавъ отъ партизановъ, что тамъ стоитъ французская бригада Ожеро, онъ тотчасъ же соединился съ партизанскими отрядами Сеславина, Давыдова и Фигнера и пошелъ на Ляхово. Ожеро, узнавъ о приближеніи русскихъ, приготовился къ бою. Завязалась перестрѣлка. Отрядъ Ожеро былъ окруженъ и графъ Орловъ-Денисовъ потребовалъ, чтобы французы положили оружіе, но въ это время бывшій у Долгомостья французскій генералъ Бараге д'Илье послалъ кирасировъ выручать Ожеро, при нападеніи которыхъ казаки отступили. Тогда графъ собралъ всѣхъ бывшихъ у него въ резервѣ казаковъ и послалъ ихъ противъ вновь прибывшихъ. Кирасиры были опрокинуты и перебиты почти до одного, а Ожеро снова былъ окруженъ, и ему снова было предложено сдаться. Послѣ переговоровъ онъ сдался съ 60 офицерами и 2000 нижнихъ чиновъ. Это былъ первый цѣлый непріятельскій отрядъ, положившій оружіе въ войну 1812 года. О дѣлѣ подъ Ляховымъ кн. Кутузовъ въ своемъ донесеніи императору Александру I говоритъ, между прочимъ: «казаки дѣлаютъ чудеса, бьютъ и артиллерію и пѣхотныя колонны». Послѣ дѣла подъ Ляховымъ гр. Орловъ-Денисовъ продолжалъ наносить сильный вредъ французамъ, дѣйствуя на ихъ сообщенія; затѣмъ обратился противъ польскаго корпуса кн. Понятовскаго, посланнаго Наполеономъ въ Могилевъ для переформированія, заставилъ его снова вернуться въ Смоленскъ; наконецъ 2-го ноября атаковалъ и разбилъ большую французскую колонну, причемъ захватилъ много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были генералы Альмерасъ, Бюртъ и Дюфуа. Но дальнѣйшіе подвиги графа на время были прерваны его болѣзнью. Оправившись, гр. Орловъ-Денисовъ 15-го ноября снова принялъ свой отрядъ отъ генерала Бороздина и продолжалъ попрежнему тѣснить французовъ, причемъ 22-го ноября на голову разбилъ баварскую конницу генерала Вреде и выгналъ его корпусъ изъ Виленки. По отступленіи Мюрата въ Вильно гр. Орловъ, вмѣстѣ съ партизаномъ Сеславинымъ, атаковалъ этотъ городъ, взялъ его, настигъ и совершенно разбилъ арріергардъ Мюрата на Пекарской горѣ и захватилъ въ отбитомъ обозѣ много золота. Объ этомъ дѣлѣ гр. Сегюръ писалъ: «На Пекарской горѣ лишились мы денегъ, чести, остатка подчиненности и силы; словомъ, потеряли все». Продолжая далѣе энергично преслѣдовать совершенно деморализованныя толпы французовъ—остатки великой арміи,—онъ проводилъ ихъ до самаго Нѣмана, послѣ чего вернулся въ Вильно. Здѣсь онъ былъ назначенъ начальникомъ охранной стражи императора Александра I, состоявшей изъ лейбъ-казаковъ, и въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ безотлучно находился при императорѣ, причемъ во многихъ сраженіяхъ: подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ и др., по приказанію императора, во главѣ разныхъ полковъ, преимущественно казачьихъ, ходилъ въ атаку. Наградою за эти отличія были прусскій орденъ Краснаго Орла 1-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта (15-го сентября 1813 года). Но особенно гр. Орловъ-Денисовъ отличился въ сраженіи 4-го октября подъ Лейпцигомъ, когда Удино и Латуръ-Мобуръ съ наполеоновской гвардіей и 60 орудіями обрушились на нашъ центръ, сильно потѣснили его и захватили 30 русскихъ орудій. Сраженіе казалось уже проиграннымъ, но императоръ Александръ I послалъ графа къ Барклаю-де-Толли съ приказаніемъ двинуть на помощь центру тяжелую конницу. Передавъ Барклаю приказаніе императора, гр. Орловъ-Денисовъ, возвращаясь назадъ, встрѣтилъ нашу пѣхоту, отступавшую въ безпорядкѣ, а затѣмъ увидѣлъ вблизи лейбъ-казаковъ, посланныхъ прикрывать роту артиллеріи. Понимая, какъ важно было хоть на одно мгновеніе удержать французовъ, онъ по-

несся къ лейбъ-казакамъ, перевелъ полкъ (около 400 человѣкъ) въ одинъ конь черезъ узкую гать, перейдя по ней первымъ, и стремительно ударилъ на французовъ; послѣдніе остановились. Этой минутой воспользовалась отступавшая легкая гвардейская кавалерійская дивизія, снова построилась и поддержала лейбъ-казаковъ, а затѣмъ подошли два прусскихъ кавалерійскихъ полка, врѣзавшихся во флангъ французовъ, и побѣда была вырвана у Наполеона. Императоръ Александръ I за Лейпцигское сраженіе наградилъ графа Орлова-Денисова орденомъ св. Владиміра 2-й степени, а австрійскій императоръ - орденомъ Маріи-Терезіи. Во время отступленія Наполеона къ Рейну гр. Орлову-Денисову порученъ былъ отрядъ съ приказаніемъ преслѣдовать французовъ и всячески вредить имъ. Догнавъ французовъ у Эйзенаха, онъ постоянно тревожилъ ихъ, то нападая на арріергардъ, то заскакивая впередъ, портя мосты и дороги и захватывая множество плѣнныхъ, что продолжалось до самаго Рейна, причемъ онъ въ это время участвовалъ еще въ сраженіи подъ Ганау и за выказанныя въ немъ отличія былъ награжденъ баварскимъ орденомъ Максимиліана 2-й степени. Съ 1-го декабря онъ снова командовалъ конвоемъ императора Александра I. Послѣ взятія Парижа графъ находился въ свитѣ императора при торжественномъ въѣздѣ монарховъ въ столицу Франціи. Послѣ Ватерлоо и вторичнаго занятія союзниками Парижа Людовикъ XVIII пожаловалъ гр. Орлову-Денисову орденъ св. Людовика 1-й степени, а императоръ Александръ I послалъ его съ почетнымъ порученіемъ—отвезти въ Петербургъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Свой портретъ. При посѣщеніи въ 1816 году Александромъ I Москвы—въ первый разъ послѣ наполеоновскаго нашествія,—графъ сопровождалъ его туда и въ Первопрестольной былъ обрадованъ двумя милостями: супруга его была пожалована кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-й степени, а старшій 14-ти-лѣтній сынъ его, Ѳедоръ, былъ назначенъ въ лейбъ-гвардіи Казачій полкъ. По возвращеніи въ Петербургъ гр. Орловъ-Денисовъ продолжалъ исполнять обязанности генералъ-адъютанта до 25-го августа 1825 года, когда былъ назначенъ командиромъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Вскорѣ послѣ этого ему пришлось сопровождать тѣло императора Александра I. Произведенный въ день коронаціи императора Николая I въ генералы-отъ-кавалеріи, графъ 3-го октября того же 1826 года вышелъ въ отставку, но уже въ слѣдующемъ году, по объявленіи войны съ турками, снова вернулся на службу. Прибывъ къ арміи, онъ нѣкоторое время состоялъ при главной квартирѣ императора, а затѣмъ, вмѣстѣ съ императоромъ, возвратился въ Петербургъ. Вскорѣ скончалась его супруга, и гр. Орловъ-Денисовъ, чтобы имѣть возможность посвящать больше времени воспитанію оставшихся малолѣтнихъ дѣтей, снова и навсегда оставилъ службу и до 1841 года жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, а съ 1841 года до самой своей смерти въ Харьковѣ. Онъ скончался 24-го января 1843 г., на 68 году отъ рожденія, и былъ погребенъ въ соборной церкви харьковскаго Преображенскаго монастыря. Будучи человѣкомъ добрымъ и отзывчивымъ къ чужому горю, гр. Орловъ-Денисовъ много помогалъ бѣднымъ. Его значительное состояніе давало ему возможность дѣлать крупныя пожертвованія на дѣла благотворенія, и онъ всегда однимъ изъ первыхъ являлся на помощь неимущимъ. Такъ, когда во время греческаго возстанія греческіе бѣглецы въ 1823 г. явились въ Россію, ища у насъ убѣжища отъ турецкихъ звѣрствъ, гр. Орловъ-Денисовъ далъ многимъ изъ нихъ пріютъ и содержалъ ихъ на свой счетъ въ своихъ имѣніяхъ. По его почину и благодаря крупному его денежному пожертвованію, въ Харьковѣ въ 1841 году возникъ первый дѣтскій пріютъ. Кромѣ того, гр. Орловъ-Денисовъ много выдавалъ какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ пособій бѣднымъ и много пожертвовалъ на построеніе и украшеніе церквей.

Общій Архивъ Главнаго Штаба; А. И. Михайловскій-Данилевскій „Военная Галлерея Зимняго Дворца“ т. I; „Дѣяніе Россійскихъ полководцевъ и генераловъ въ войну 1812, 1813 и 1814 гг.; „Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній“ 1849 г., т. 81; „Русскій Инвалидъ“ 1843 г. №№ 155 и 156; А. И. Михайловскій-Данилевскій „Описаніе войнъ 1812, 1813 и 1814 гг.“, „Отечественная война“ по сочин. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Приложеніе къ жур. „Родина“ 1899 г., авг. и сент.; Н. Ѳ. Дубровинъ, „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, Спб. 1882; Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“, т. IV; „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, 1843 г. № 5; „Москвитянинъ“, 1843 г. ч. 3, № 5, стр. I—XII, „Слово, произнесенное

преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, при погребеніи генерала-отъ-кавалеріи гр. В. В. Орлова-Денисова"; „Исторія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка". Спб., 1876; „Рус. Инв." 1826 г., № 58, („Стихи гр. Орлову-Денисову"); „Сѣверная Пчела" 1843 г. №№ 81 и 82; „Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній" 1896 г., т. 59, № 236; 1849 г. т. 81, № 323; „Справочный Энциклопедическій словарь" изданіе А. Старчевскаго. Т. IX, стр. 93—94; Лееръ, „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ". Т. IX.

Е. Ястребцевъ.

Орловъ-Денисовъ, *графъ Петръ Михайловичъ*, флигель-адъютантъ. Графъ П. М. Орловъ-Денисовъ родился въ 1852 г., воспитывался въ Пажескомъ Е. И. В. корпусѣ и, пожалованный 21-го іюля 1870 года въ камеръ-пажи, въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ корнеты съ назначеніемъ въ Кавалергардскій полкъ. Переведенный 20-го апрѣля 1875 года, съ чиномъ поручика въ лейбъ-гвардіи Казачій полкъ, онъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ. Послѣ смерти своей жены, рожд. кн. Гагариной, гр. Орловъ-Денисовъ отправился волонтеромъ въ кавказскую армію и совершилъ съ нею походъ въ Азію (во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.), во время котораго обратилъ на себя особое вниманіе гр. Лорисъ-Меликова своей выдающейся храбростью и распорядительностью. За боевыя отличія, выказанныя въ эту кампанію, гр. Орловъ-Денисовъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», орденомъ св. Владиміра 4 й степени съ мечами и бантомъ и званіемъ флигель-адъютанта. По окончаніи войны онъ возвратился въ Петербургъ и вскорѣ былъ командированъ въ Астраханскую губернію для борьбы съ свирѣпствовавшей чумной заразой. По прекращеніи эпидеміи и по возвращеніи въ Петербургъ, гр. Орловъ, согласно его желанію, былъ зачисленъ въ дѣйствующій корпусъ, снаряжавшійся въ ахалтекинскій походъ генерала Скобелева. Съ первыхъ же стычекъ съ текинцами, онъ зарекомендовалъ себя храбростью и распорядительностью. Особенно онъ отличился при штурмѣ, 20-го декабря 1880 года, укрѣпленной деревни Янги-Кала. Смертельно раненый при штурмѣ Геокъ-Тепе, онъ 27-го января 1881 года умеръ, на 29 году отъ рожденія. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ.

„Голосъ" 1881 г. № 33, О. Р. фонъ-Фрейманъ, „Пажи за 185 лѣтъ"; „Исторія лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка". Спб., 1878.

Е. Ястребцевъ.

Орловъ-Денисовъ, *графъ Ѳедоръ Васильевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ. Гр. Ѳ. В. Орловъ-Денисовъ родился въ 1802 г. и былъ сынъ извѣстнаго героя Отечественной войны гр. В. В. Орлова-Денисова. Службу началъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Казачьемъ полку и 30-го августа 1821 года былъ произведенъ въ корнеты. Въ 1828 году принялъ участіе въ войнѣ съ турками и особенно отличился въ сраженіяхъ: при деревнѣ Габерти, за которое былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, при горѣ Куртинѣ, и въ кавалерійскихъ дѣлахъ близъ дер. Гаджи-Аланъ-Лихъ. Тотчасъ по окончаніи этой войны гр. Ѳ. В. былъ командированъ на границу Подольской и Херсонской губерній, гдѣ болѣе мѣсяца находился при содержаніи кордонной линіи, для охраненія края отъ чумной заразы, послѣ чего до половины февраля 1830 года занималъ кордоны по рѣкѣ Днѣстру. Въ 1831 г. принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія, причемъ особенно отличился въ схваткахъ у сс. Присетицы, Старый Яцакъ, при Остроленкѣ и др. Затѣмъ 5-го іюня онъ съ 2 эскадронами лейбъ гвардіи Казачьяго полка атаковалъ авангардъ отряда Гельгута, разбилъ его и взялъ много плѣнныхъ, а 16-го іюля съ своимъ эскадрономъ атаковалъ значительный отрядъ мятежниковъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ двухъ штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ и около 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ. За отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, онъ былъ произведенъ въ ротмистры и награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени. По окончаніи польской кампаніи гр. Орловъ-Денисовъ возвратился въ Петербургъ. Назначенный 23-го апрѣля 1834 года флигель-адъютантомъ, онъ былъ 25-го іюня 1837 года произведенъ въ полковники, а съ производствомъ 7-го апрѣля 1846 года въ генералъ-маіоры, назначенъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Два года спустя гр. Ѳ. В. былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба войска Донского съ оставленіемъ въ свитѣ, и въ концѣ того же 1848 года—предсѣдателемъ въ комиссіяхъ для размежеванія земель войска Донского и для постройки

соборнаго храма въ г. Новочеркасскѣ и Ольхинской дамбы, съ предоставленіемъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ присутствованія и завѣдыванія главнымъ управленіемъ войсковыхъ конскихъ заводовъ; вскорѣ состоялось и утвержденіе его въ званіи вице-президента Новочеркасскаго тюремнаго комитета. Въ 1851 года онъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, но уже 18-го іюня 1853 года былъ назначенъ исправляющимъ должность походнаго атамана казачьихъ полковъ, состоявшихъ при войскахъ 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ, а въ слѣдующемъ году (11-го апрѣля) назначенъ генералъ-адъютантомъ. Съ началомъ Крымской кампаніи гр. Орловъ-Денисовъ принялъ въ ней самое дѣятельное участіе, въ качествѣ походнаго атамана казачьихъ полковъ Южной арміи, которыми руководилъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ сраженіяхъ на рѣкѣ Черной и на Ѳедюхиныхъ высотахъ. По переходѣ русскихъ войскъ съ южной стороны Севастополя на сѣверную гр. Ѳ. В. былъ отчисленъ отъ должности походнаго атамана Южной арміи и вернулся въ Петербургъ. За отличія, выказанныя подъ Севастополемъ, ему пожалованъ былъ орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною и мечами. Произведенный 26-го августа 1856 года въ генералъ-лейтенанты, гр. Орловъ-Денисовъ послѣдніе годы своей жизни не занималъ никакихъ должностей, исполняя лишь обязанности генералъ-адъютанта. Гр. Ѳ. Орловъ-Денисовъ скончался въ Ниццѣ 3-го апрѣля 1865 года. Онъ былъ женатъ на дочери генерала отъ кавалеріи Елисаветѣ Алексеевнѣ Никитиной.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Дѣло 1865 г., № 2223; Полный послужной списокъ; „Военный Сборникъ“ 1865 г. № 5; „Донскія войсковыя вѣдомости“ 1865 г. № 22, ст. А. К. „Нѣсколько словъ въ память покойнаго гр. Ѳ. В. Орлова-Денисова“, стр. 156—157; „Исторія лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка“, стр. 567—568 и др., „Рус. Инв.“, 1865 г. № 80; „Русскій Архивъ“ 1880 г. кн. 3; 1895 г. кн. 3.

Е. Ястребцевъ.

Орловъ-Соколовскій, *Александръ Александровичъ*, артистъ московскихъ театровъ, композиторъ. Родился въ Москвѣ 25-го августа 1855 года и былъ сынъ ремесленника. Мать его впослѣдствіи вышла во второй разъ замужъ за артиста императорскихъ театровъ Н. В. Соколовскаго, который, въ 1867 году помѣстилъ пасынка въ московскую консерваторію, гдѣ тотъ избралъ своей спеціальностью кларнетъ. Окончивъ курсъ въ консерваторіи, въ 1875 году, Орловъ-Соколовскій былъ капельмейстеромъ при частной труппѣ Медвѣдева въ Астрахани, въ Казани, а затѣмъ въ Московскомъ Маломъ театрѣ, для оркестра котораго имъ были написаны увертюра и антракты къ драмѣ «Каширская Старина», увертюра и антракты къ драмѣ «Жизнь пережить не поле перейти» и антракты къ пьесѣ «Бѣдность не порокъ». Оставивъ въ 1881 году Малый театръ, Орловъ принялъ на себя обязанности капельмейстера Московскаго Кружка любителей музыки и вслѣдъ затѣмъ открылъ при Кружкѣ музыкальную школу. Затѣмъ онъ снова служилъ при частной труппѣ того же Медвѣдева въ провинціи и, между прочимъ, въ 1886 г. открылъ въ Казани музыкальное училище. Кромѣ того, благодаря главнымъ образомъ его же стараніямъ, въ Казани было открыто отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества, коего онъ и былъ первымъ директоромъ. Послѣ неудачной собственной трепризы въ Казани онъ вторично принялъ мѣсто капельмейстера Московскаго Малаго театра. 12-го сентября 1892 года, Орловъ скончался и былъ погребенъ въ Москвѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ. Кромѣ указанныхъ сочиненій имъ было написано еще много вещей для фортепіано и увертюра и два первые акта оперы «Конекъ-Горбунокъ».

„Русскія Вѣдомости“ 1892 г. № 256; „Артистъ“ 1892 г., октябрь, № 23, кн. X. *Е. Я.*

Орля-Ошменецъ, *Фердинандъ Францевичъ*,—педагогъ, писатель. Полякъ по происхожденію, Ф. Ф. Орля-Ошменецъ род. въ 1775 г.; по окончаніи курса въ Главной Полоцкой школѣ, былъ учителемъ сначала въ Динабургскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Витебскомъ и Оршанскомъ. Въ 1800 г. онъ перешелъ учителемъ въ Полоцкое училище, въ слѣдующемъ—въ Рогачевское, въ 1805 г.—въ Каменецкое, откуда въ 1808 г.—въ Курскую гимназію, а въ 1813 г.—въ Орелъ, гдѣ преподавалъ статистику, исторію, географію, древности, миѳологію и «ученость римско-латинскаго языка». Въ Орлѣ онъ составлялъ и два періодическихъ изданія, которыя печатались въ Москвѣ, именно: «Другъ Россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола или Орловскій журналъ на 1816 годъ» (вышл

6 книгъ) и «Отечественный Памятникъ, посвященный дружелюбному соединенію россійскихъ и польскихъ народовъ» (вышло три книжки въ 1817—1818 гг.). Оба изданія имѣли своею цѣлью «утвердить въ вѣчномъ союзѣ непоколебимаго дружества умы и сердца славяно-россійскихъ и польскихъ народовъ чрезъ посредство ихъ просвѣщенія и добродѣтели»; для достиженія этой цѣли издатель наполнялъ свои изданія — собственными сочиненіями (большею частью рѣчами) и «пріятно- сокращенными сочиненіями разныхъ славнѣйшихъ авторовъ». Впрочемъ, широкая программа сводилась къ тому, что оба изданія представляли по преимуществу перепечатки соотвѣтствующихъ духу журнала отрывковъ въ стихахъ и прозѣ, въ большинствѣ случаевъ малосодержательныхъ, изъ разныхъ русскихъ, польскихъ и другихъ писателей. Большинство сочиненій Орля-Ошменца, подробно перечисленныхъ въ 1-й кн. «Отечественнаго Памятника», не видѣло свѣта. Изъ Орла онъ переѣхалъ въ августѣ 1817 г. въ Могилевъ, гдѣ состоялъ недолго преподавателемъ гимназіи по предмету польской, латинской словесности, а въ 1818 г. былъ переведенъ учителемъ исторіи, права, латинскаго и русскаго яз. въ Молодечанское училище.

Сенатскій Архивъ; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ", Спб. 1899. т. I; „Сынъ Отечества" 1816, ч. XXX. *Н. Мурзановъ.*

Орнатскій, *Сергѣй Николаевичъ*, докторъ правъ, ординарный профессоръ Кіевскаго, Харьковскаго и Московскаго университетовъ. С. Н. Орнатскій родился 19-го марта 1806 года въ Городицкомъ погостѣ, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи, и былъ сынъ священника; умеръ въ 1884 г., въ Курскѣ. По окончаніи курса въ Петербургской духовной Академіи, Орнатскій въ январѣ 1828 г. поступилъ во II-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для образованія себя въ россійскомъ законовѣдѣніи, и одновременно былъ опредѣленъ для той же цѣли въ Петербургскій университетъ. Во II отдѣленіи Орнатскій слушалъ лекціи бывшихъ профессоровъ Главнаго Педагогическаго института, а въ то время старшихъ чиновниковъ означеннаго отдѣленія: Куницына, Арсеньева и др. По выдержаніи испытанія въ означенныхъ предметахъ, Орнатскій былъ отправленъ въ Берлинскій университетъ для дальнѣйшаго образованія въ юридическихъ наукахъ и продолжалъ занятія подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго Савиньи. Большую часть своего пребыванія за границей Орнатскій провелъ въ слушаніи лекцій въ Берлинскомъ университетѣ, но посѣтилъ также и другіе юридическіе факультеты, которые славились выдающимися профессорами. По возвращеніи изъ-за границы, въ сентябрѣ 1832 г., Орнатскій былъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи. Послѣ экзамена при Петербургскомъ университетѣ, Орнатскій представилъ въ юридическій факультетъ диссертацію: «De certitudine juridica ejusque mediis in processu judiciario et civili et criminali»; въ іюлѣ 1835 г. онъ былъ утвержденъ въ степени доктора правъ и опредѣленъ на должность ординарнаго профессора россійскихъ гражданскихъ законовъ въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ читалъ лекціи по исторіи русскаго гражданскаго законодательства и законовѣдѣнія и въ то же время трижды исполнялъ должность декана юридическаго факультета. Сверхъ того, онъ читалъ законы межевые въ школѣ землемѣровъ и былъ, съ 1835 г. по 1843 г., членомъ и секретаремъ «Временнаго комитета изысканія и сохраненія древностей». 20-го апрѣля 1843 г. Орнатскій по прошенію былъ уволенъ отъ обязанностей профессора и съ 20-го января 1844 г. состоялъ на службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи, гдѣ занималъ должность редактора IV отдѣленія и временно управлялъ этимъ отдѣленіемъ, а 13-го мая 1846 г., снова возвратился на поприще учебной дѣятельности, занявъ, въ званіи ординарнаго профессора, каѳедру общенароднаго правовѣдѣнія въ Харьковскомъ университѣ, откуда 15-го октября 1848 г. былъ перемѣщенъ, въ томъ же званіи, на каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ въ Московскій университетъ. 21-го сентября 1859 г. Орнатскій, по болѣзни, опять вышелъ въ отставку и поселился въ Курскѣ, гдѣ и жилъ до смерти. Кромѣ диссертаціи Орнатскому принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующіе труды: О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г. («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1836 г., ч. XII); Отчеты о дѣйствіяхъ комитета изыска-

нія древностей въ Кіевѣ (ibid., 1838 г., ч. XVIII и 1839 г., XXIII); Біографія І. Пургольда (Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго университета, М. 1855 г.); Сравнительный взглядъ на нынѣшнія понятія объ энциклопедіи и понятія о ней древнихъ грековъ и римлянъ («Въ воспоминаніе 12-го января 1855 г.», сборникъ, изданный Московскимъ университетомъ, М. 1855 г., стр. 1—59); О единствѣ всеобщаго, высшаго закона правды (Рѣчи, некрологъ и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, М. 1856 г., стр. 1—263. Отдѣльно, М. 1856 г.); О внѣшнихъ отличительныхъ знакахъ верховной власти и торжественномъ облеченіи ими государей при началѣ царствованія. Изслѣдованіе. (Рѣчи, стихи, изслѣдованія, написанныя ко дню коронаціи, М. 1856 г., стр. 1—74).

В. Иконниковъ, Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Университета св. Владиміра. 1834—1884. Кіевъ. 1884 г.; Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. 1755 1855, ч. II, М. 1855; Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Выпускъ 4-й, Спб. 1888 г.; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона; И. Чистовичъ, Исторія Спб. духовной Академіи, Спб. 1857 г., стр. 388—389; Шульгинъ, Исторія университета св. Владиміра, Спб. 1860 г., стр. 149—150; М. Владимірскій-Будановъ, Исторія университета св. Владиміра, Кіевъ. 1884 г., т. 1; Отчеты Московскаго Университета съ 1848 по 1860 гг.; А. Аѳанасьевъ, Воспоминанія. Московскій университетъ („Русская Старина", 1886 г., кн. 8, стр. 391—392); В. Григорьевъ, Императорскій Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, Спб. 1870 г., стр. 42 и XI.

И. Давидовичъ.

Ортенбергъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ Ученаго Комитета военно-учебныхъ заведеній, инспекторъ классовъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, военный писатель. И. Ѳ. Ортенбергъ род. въ 1793 году, въ офицеры былъ произведенъ передъ самой Отечественной войной, и въ составѣ полка принца Оранскаго участвовалъ въ кампаніяхъ 1813—1814 гг.; по возвращеніи въ Россію вышелъ въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра. Въ 1823 году онъ снова поступилъ на службу воспитателемъ въ Пажескій Е. И. В. корпусъ и вскорѣ сталъ преподавать тактику и военную исторію; въ 1832 году, будучи уже полковникомъ, былъ назначенъ инспекторомъ классовъ, а затѣмъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Должность инспектора онъ занималъ до 1856 года, когда былъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета военно-учебныхъ заведеній съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и въ этой должности оставался до самой смерти. Какъ военный писатель, Ортенбергъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ нанѣмецкомъ языкѣ: «Записки о войнѣ въ Германіи въ 1813 году», изданнымъ въ 1855 году въ Германіи и тогда же переведеннымъ на русскій языкъ и напечатаннымъ въ Петербургѣ. И. Ѳ. Ортенбергъ скончался въ Петербургѣ 27-го декабря 1866 года.

Гр. Милорадовичъ, «Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса» стр. 247—248; фонъ-Фрейманъ «Пажи за 185 лѣтъ», послѣдній выпускъ; «Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ за 100 лѣтъ» т. I, стр: 469—479 и др.; «Наблюдатель» 1889 г. (Воспоминанія Н. А. Боровкова). *Е. Ястребцевъ.*

Оруркъ, *графъ Іосифъ Корниловичъ*, генералъ отъ кавалеріи; род. въ 1772 г. и происходилъ изъ старинной графской ирландской фамиліи. Отецъ его въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны прибылъ въ Россію и, вступивъ въ военную службу, достигъ чина генералъ-маіора; мать его была рожд. гр. Стюартъ. Мальчикомъ записанный въ сержанты лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, гр. І. К. Орурк въ 1790 г. былъ выпущенъ въ армію ротмистромъ, и въ составѣ Псковскаго драгунскаго полка принималъ участіе въ покореніи Финляндіи, а затѣмъ до конца 1794 года участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ конфедератовъ. Переведенный въ 1797 году въ Павлоградскій гусарскій полкъ и произведенный въ слѣдующемъ году въ маіоры, графъ Орурк принялъ участіе въ Итальянскомъ походѣ Суворова и за выказанныя отличія во время этого похода былъ произведенъ въ 1800 году въ полковники. Въ кампаніи 1805 года гр. Орурк, командуя двумя эскадронами Павлоградскаго и двумя эскадронами Маріупольскаго гусарскихъ полковъ и составляя аррьергардъ отряда австрійскаго генерала Ностица, прикрывалъ отступленіе союзныхъ войскъ, нерѣдко принимая на себя натискъ французскаго авангарда. Окруженный у мѣстечка Альтъ-Эттинга, онъ однако пробился черезъ непріятельскіе ряды, нанеся французамъ значительный уронъ и въ награду за этотъ подвигъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й

степени. При занятіи позицій подъ Аустерлицемъ гр. Орурвъ съ своими отрядами выбилъ французовъ изъ занятой ими деревни. Въ дальнѣйшей кампаніи онъ особенно отличился въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, во время котораго съ тремя эскадронами врубился въ французскія колонны, опрокинулъ ихъ и гналъ до самыхъ батарей, за что получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. По возвращеніи въ Россію, въ 1808 г. онъ былъ командированъ на Волынь для сформированія Волынскаго уланскаго полка, а затѣмъ вскорѣ отправился въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію. Здѣсь въ теченіе 1809 г. командуя разными небольшими отрядами, онъ скоро пріобрѣлъ репутацію энергичнаго и храбраго начальника и уже въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командующимъ всею кавалеріею корпуса генерала Засса, съ которою, при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, блестяще ходилъ въ атаку на непріятеля. За дѣло при осадѣ крѣпости Журжи гр. Орурвъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ августѣ 1810 года Орурвъ былъ откомандированъ внутрь Сербіи съ отдѣльнымъ отрядомъ. Быстро погнавшись за отступавшими турками, онъ настигъ ихъ 21-го августа близъ Палонги. Здѣсь завязался ожесточенный бой, въ которомъ турки были разбиты на голову и бѣжали въ расположенное неподалеку укрѣпленіе Бани. Орурвъ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ и на другой день штурмовалъ Бани. Несмотря на отчаянное сопротивленіе турокъ, укрѣпленіе было взято (22-го авг.). Наградою за этотъ подвигъ былъ орденъ св. Георгія 3-й степени, причемъ въ рескриптѣ, при которомъ былъ препровожденъ орденъ, между прочимъ было сказано, что онъ (графъ) «симъ не только пріобрѣлъ новую славу войскамъ нашимъ, но и ободрилъ сербскія войска и народъ». Затѣмъ Орурку удалось нанести туркамъ рядъ серьезныхъ пораженій подъ Ясенками, на рѣкѣ Муравѣ, подъ укрѣпленіемъ Варваринъ, при взятіи крѣпости Курузовца и др. Присоединившись затѣмъ къ нашимъ главнымъ силамъ, онъ 30-го сентября 1811 г. участвовалъ въ сраженіи съ турками на лѣвомъ берегу Дуная, а 9-го октября въ сраженіи на правомъ берегу той же рѣки. Въ обоихъ этихъ сраженіяхъ рѣшительнымъ и смѣлымъ дѣйствіемъ со ввѣренными ему войсковыми отрядами Орурвъ много способствовалъ окончательному пораженію непріятеля, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, украшеннымъ алмазами, и орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Въ 1812 году Орурку поручено было дѣйствовать на границахъ Босніи, и съ этою цѣлью ему подчиненъ былъ отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ пѣхотныхъ русскихъ полковъ, 15-ти эскадроновъ русской кавалеріи и 12-ти тысячъ сербскихъ войскъ. Впрочемъ, вскорѣ военныя дѣйствія прекратились и начались переговоры, закончившіеся миромъ. Въ виду событій Отечественной войны онъ былъ вызванъ въ Россію и ему былъ ввѣренъ авангардъ Западной арміи. Прибывъ въ армію уже послѣ изгнанія Наполеона изъ Москвы, онъ принялъ участіе лишь въ его преслѣдованіи. 12-го ноября онъ получилъ предписаніе идти со своимъ кавалерійскимъ отрядомъ къ мѣстечку Березину и, если Наполеонъ вздумаетъ въ этомъ пунктѣ устроить переправу черезъ рѣку Березину, то задержать его до прихода главныхъ силъ Чичагова. Дойдя до Березина и узнавъ, что французы собираются перейти рѣку выше Борисова, Орурвъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Чичагову, а самъ, не ожидая приказаній, пошелъ на соединеніе съ главной арміей Кутузова. Назначенный вслѣдъ затѣмъ, 17-го ноября, въ авангардъ 3-й западной арміи, онъ получилъ въ командованіе 62 эскадрона кавалеріи, съ которыми преслѣдовалъ Наполеона черезъ Молодечно, Ошмяны, Вильно, Ковно и княжество Варшавское, постоянно напирая на ихъ арріергардъ, забирая у нихъ плѣнныхъ тысячами и орудія десятками (за время этого преслѣдованія онъ отнялъ у французовъ 180 орудій). Послѣ изгнанія французовъ гр. Орурвъ со своимъ отрядомъ присоединился къ главной арміи, а въ началѣ 1813 года, когда наши войска перешли границу и вступили въ Германію, ему снова былъ ввѣренъ отдѣльный сильный отрядъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ между городами Гроссеномъ на Одерѣ и Дрезденомъ. Послѣ цѣлаго ряда успѣшныхъ дѣйствій противъ французскихъ отрядовъ, гр. Орурвъ, получивъ въ подкрѣпленіе 5000 пруссаковъ, блокировалъ крѣпость Мерзенбургъ, послѣ чего присоединился къ арміи. Вслѣдъ затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и за отчаянную кавалерійскую атаку

былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Послѣ этого онъ снова нѣкоторое время оперировалъ съ отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, а въ іюлѣ былъ назначенъ въ Сѣверную армію, въ составѣ которой участвовалъ въ рядѣ крупныхъ сраженій; между прочимъ, его распоряженія и атаки въ битвѣ 5-го, 6-го и 7-го октября подъ Лейпцигомъ удостоены были неоднократныхъ одобреній со стороны Государя Императора. По окончаніи Лейпцигскаго сраженія, Орурк, командуя по прежнему всею кавалеріей, преслѣдовалъ французовъ до самаго Касселя. Назначенный въ концѣ декабря командующимъ отдѣльнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ 18-й пѣхотной дивизіи, Волынскаго уланскаго, Финляндскаго драгунскаго и четырехъ казачьихъ полковъ, онъ сначала дѣйствовалъ вблизи крѣпости Везеля, а затѣмъ блокировалъ и самую крѣпость. Въ началѣ января 1814 года гр. Орурк былъ назначенъ командующимъ кавалеріей отдѣльнаго корпуса, числившагося при Сѣверной арміи. 12-го января онъ съ ввѣренными ему полками перешелъ черезъ Рейнъ и три недѣли спустя принялъ участіе въ штурмѣ и взятіи (2-го февраля) города Серо и др. дѣлахъ. Затѣмъ находясь въ арміи фельдмаршала Блюхера, гр. Орурк участвовалъ въ генеральномъ сраженіи 25-го и 26-го февраля подъ Лаономъ, а вслѣдъ затѣмъ, соединившись съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ, нанесъ французамъ жестокое пораженіе при селеніи Амлесъ, гдѣ было захвачено 41 орудіе, 131 снарядныхъ ящиковъ и болѣе 2500 человѣкъ плѣнныхъ. Въ награду за отличіе, выказанное въ этомъ дѣлѣ, гр. Орурку былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи 14-го марта при Сентъ-Дезье, преслѣдовалъ непріятеля до Баръ-Сюръ-Оба, участвовалъ во взятіи Парижа и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, и въ августѣ 1814 года былъ назначенъ начальникомъ 2-й уланской дивизіи. По низложеніи Наполеона гр. Орурк во время Вѣнскаго конгресса находился въ свитѣ государя, а по окончаніи конгресса, снова вернулся къ командованію дивизіей. Назначенный въ 1819 году командиромъ 1-й гусарской дивизіи и командующимъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, онъ однако въ концѣ того же года оставилъ службу, и поселился въ своемъ имѣніи Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, гдѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ велъ жизнь мирнаго помѣщика. Когда въ 1830 году началось польское возстаніе и польскіе инсургенты появились въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, гр. Орурк взялъ на себя завѣдываніе частью резервовъ, разсѣянныхъ въ Новогрудковскомъ уѣздѣ Минской губерніи и скоро водворилъ полное спокойствіе въ этомъ уголкѣ Минской губерніи. За дѣло подавленія возстанія ему пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго, алмазами украшенный. Остальную часть жизни гр. Орурк провелъ въ своемъ имѣніи Вселюбѣ, Минской губерніи, гдѣ не выступалъ въ качествѣ военнаго дѣятеля, хотя и былъ 16-го апрѣля 1841 года произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ кругу помѣщиковъ Минской губерніи гр. Орурк пользовался широкой популярностью за свою честность, добродушіе, умъ, отзывчивость къ чужой бѣдѣ и вообще рѣдкія душевныя качества. Онъ скончался въ своемъ имѣніи Вселюбѣ, Новогрудскаго уѣзда, въ апрѣлѣ 1849 г.

„Русскій Инвалидъ" 1849 г. № 118, 123 и 124; А. И. Михайловскій-Данилевскій, „Отечественная Война"; „Описаніе походовъ 1813, 1814 и 1815 г.". *Е. Я.*

Орфановъ, *Иванъ Ивановичъ*, штабъ-лѣкарь, членъ медицинскаго совѣта. По окончаніи курса въ Московской медико-хирургической Академіи, Орфановъ былъ назначенъ въ 1836 г. лѣкаремъ на Кавказъ въ Ольгинскій военный временный госпиталь, а въ 1845 г.—былъ старшимъ ординаторомъ въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ. Въ 1846 г. онъ получилъ въ Харьковскомъ Университетѣ званіе штабъ-лекаря, въ 1848 г. назначенъ ученымъ секретаремъ коммиссіи при Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и въ 1860 г.—столоначальникомъ медицинскаго департамента. Изъ трудовъ Орфанова между прочимъ извѣстно: «Взглядъ на Кавказскія минеральныя воды въ настоящемъ ихъ состояніи» («Ставропольскія губ. Вѣдомости», 1852 г., № 35; «Библ. Военно-медиц. журнала». 1854 г. ч. 63).

Л. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, т. 2. Спб. 1886 г. *И. Л.*

Орфановъ *Михаилъ Ивановичъ*, писатель-беллетристъ; род. въ 1847 г., ум. 4-го сент. 1884 г., въ Москвѣ, похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Высшее образованіе Орфановъ получилъ въ С.-Петер-

бургскомъ университетѣ по юридическому факультету, и 10 лѣтъ служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Сибири. Онъ писалъ подъ псевдонимомъ «Мишла», и помѣщалъ «Разсказы изъ Сибирской жизни» въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Курьерѣ». Кромѣ того, имъ напечатаны: Отрывки изъ дневника бывалаго человѣка. («Русская Мысль», 1882 г., кн. 9); Въ Тайгѣ. («Русскій Курьеръ», 1882 г., № 234); Нѣчто о тюрьмахъ въ Сибири (ibid, №№ 129 и 130); Среди «Семейскихъ» и Бурятъ (ibid, № 208); Сибирскіе колонизаторы. («Русская Мысль», 1883 г., № 9, 10 и 11); Въ изд. Изъ прошлаго. Разсказы изъ вольной и невольной жизни, М. 1883 г.

„Современныя Извѣстія", 1884 г., № 246; А. Пыпинъ, Исторія Русской этнографіи, т. IV, Спб. 1892; Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. 4-й; „Историческій Вѣстникъ", 1887 г., № 12; М. И. Орфановъ и его пребываніе въ Сибири („Восточное Обозрѣніе", 1884 г., № 38).

П. Давидовичъ.

Оршанскій *Илья Григорьевичъ*, писатель по юридическимъ вопросамъ; род. въ Екатеринославѣ въ 1846 году, ум. тамъ же 5 сентября 1876 года. Оршанскій происходилъ изъ небогатой еврейской семьи, пользовавшейся уваженіемъ среди своихъ единоплеменниковъ и извѣстной среди нихъ по приверженности къ древнимъ еврейскимъ традиціямъ. По обычаю, распространенному среди евреевъ, Оршанскій съ четырехлѣтняго возраста началъ обучаться въ начальной еврейской школѣ (хедерѣ), гдѣ тщательно изучалъ Моисеевъ законъ и Талмудъ. Увлекшись изученіемъ послѣдняго, Оршанскій мечталъ было стать раввиномъ и серьезно занялся еврейскими филологіей и философіей. Впрочемъ, пребываніе въ качествѣ студента Харьковскаго, а затѣмъ Новороссійскаго университета (на юридическомъ факультетѣ) и др. обстоятельства вывели его на путь болѣе широкихъ интересовъ. Находясь еще подъ сильнымъ вліяніемъ Талмуда, Оршанскій-студентъ написалъ свою первую статью «Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ», напечатанную въ 1864 году въ Петербургѣ «Обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями». Въ своихъ первыхъ и послѣдующихъ трудахъ по этому вопросу онъ проводилъ мысль о необходимости сближенія евреевъ съ русскими, для чего находилъ нужнымъ ознакомленіе русскаго общества съ еврействомъ путемъ печатнаго слова, улучшеніе экономическаго положенія беднѣйшаго еврейскаго населенія и пр.

Окончивъ въ 1868 г курсъ университета со степенью кандидата юридическихъ наукъ, Оршанскій занялся исключительно литературной дѣятельностью. Первое время его дѣятельности было посвящено, какъ и раньше, спеціально еврейскому вопросу. Онъ сдѣлался сотрудникомъ одесской газеты «День», а по закрытіи ея переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь началъ сотрудничать въ газетѣ «Новое Время», продолжая свою дѣятельность, направленную къ защитѣ еврейскихъ интересовъ; но уже въ это время онъ началъ заниматься и другими, болѣе общими вопросами. Въ цѣломъ рядѣ статей, напечатаныхъ имъ въ «Судебномъ Вѣстникѣ», «Юридическомъ сборникѣ», «Недѣлѣ», «Журналѣ Гражданскаго Права», и др. Оршанскій старался освѣщать вопросы русскаго права и современнаго судопроизводства. Эти статьи Оршанскаго и составили ему извѣстность одного изъ замѣчательныхъ русскихъ цивилистовъ. Но матеріальная необезпеченность, необходимость заниматься спѣшной журнальной и газетной работой, не давала ему сосредоточиться. Его капитальная работа по философіи права—«Законъ и воля», такъ и осталась неоконченной. Въ 1872 году чахотка заставила Оршанскаго покинуть Петербургъ и переселиться за границу, Статьи Оршанскаго, разбросанныя въ разныхъ газетахъ и журналахъ, были послѣ его смерти собраны въ отдѣльные сборники: «Изслѣдованія по русскому праву» (Спб. 1892), «Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному» (Спб. 1879); «Изслѣдованія по русскому праву семейному и наслѣдственному» (Спб. 1877); «Евреи въ Россіи» (очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ) Спб. 1878. Въ послѣдній сборникъ вошли всѣ статьи Оршанскаго по еврейскому вопросу, кромѣ «Законодательства о евреяхъ», изданнаго въ 1877 г. въ Петербургѣ.

„Еврейская Библіотека" т. VI; Оршанскій, „Изслѣдованія по русскому праву" (вступительная статья, заключающая подробную біографію Оршанскаго);—„Московскія Вѣдомости" 1875 г. № 233; „Биржевыя Вѣдомости" 1875, № 28; „Одесскій Вѣстникъ", 1875, № 233; „Недѣля", 1875, № 38; „Голосъ", 1875, № 526;

„Судебный Вѣстникъ“, 1875, № 200; „Иллюстр. Недѣля“, 1875, № 38; „Разсвѣтъ“ 1880 г. № 6, 12; — „Русскій Еврей“ 1880 г. № 1; „Кн. Восхода“. 1901, № 1.

Е. Александровичъ.

Орѣховскій Orichovius, Orzechowski, Ожеховскій), *Станиславъ Станиславовичъ*, — проповѣдникъ, публицистъ и историкъ XVI вѣка, краковскій каноникъ, сочувствовавшій православію и русской народности. Орѣховскій родился 11 ноября 1513 года въ Перемышльскомъ воеводствѣ; отецъ его былъ земскимъ писаремъ, мать Ядвига, рожденная Баранецкая, была дочь православнаго священника. По словамъ Орѣховскаго, предки его по отцу были русскими и православными и только въ позднѣйшее время перешли въ латинство, себя же онъ всегда считалъ русскимъ и называлъ себя «genteRuthenus, natione Polonus». Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ указываетъ на свое русское происхожденіе, и почти всѣ они имѣютъ въ заглавіи «Stanislai Orichovii, Rutheni». Одаренный прекрасною памятью, замѣчательнымъ остроуміемъ и живымъ воображеніемъ, Орѣховскій учился сначала въ Перемышлѣ, затѣмъ, на 14-мъ году жизни, былъ отправленъ въ Вѣну, откуда, перебрался въ 1529-мъ году въ колыбель протестантизма—Виттенбергъ. Здѣсь онъ учился въ теченіе трехъ лѣтъ, познакомился за это время съ Мартиномъ Лютеромъ и Меланхтономъ, былъ свидѣтелемъ частыхъ богословскихъ споровъ, которые пришлись ему весьма по душѣ и затѣвать которые онъ очень любилъ впослѣдствіи; здѣсь же, въ обществѣ первѣйшихъ вождей протестантизма, зародилось и развилось въ немъ отрицательное отношеніе къ латинству и стремленіе къ самой широкой духовной свободѣ. Въ 1532 году Орѣховскій переѣхалъ для продолженія образованія въ Италію, гдѣ изучалъ философію и главнымъ образомъ краснорѣчіе подъ руководствомъ знаменитыхъ учителей этого искусства въ Болоньѣ, Падуѣ и Венеціи. Постоянное участіе въ ученыхъ диспутахъ скоро сдѣлало талантливаго Орѣховскаго непобѣдимымъ въ спорѣ діалетикомъ. Въ 1541 году Орѣховскій направился въ Римъ, гдѣ ознакомился съ отрицательными сторонами римской куріи и непрочностью и неустойчивостью тѣхъ основъ, на которыя опиралось политическое значеніе тогдашняго Рима. Но тутъ-то и обнаружилась неустойчивость характера Орѣховскаго, который подъ вліяніемъ минуты и внѣшнихъ воздѣйствій могъ принимать самыя противоположныя рѣшенія и мѣнять убѣжденія; эта неустойчивость осталась характерной чертой Орѣховскаго на всю его жизнь.

Въ 1543 году Орѣховскій, по требованію отца, оставилъ Римъ и послѣ семнадцатилѣтняго пребыванія за границей, вернулся на родину, гдѣ отецъ Орѣховскаго уже выхлопоталъ сыну Перемышльскую канонію; но тотъ, сочувствуя болѣе православію, сначала отъ каноніи отказался, и только послѣ усиленныхъ настояній со стороны отца сталъ въ ряды католическихъ священниковъ. Впрочемъ, вліяніе идей, почерпнутыхъ Орѣховскимъ въ Германскихъ университетахъ, впечатлѣнія, произведенныя на него отрицательными сторонами римской куріи и въ тоже время наблюденія надъ частной жизнью православныхъ священниковъ обусловили то, что Орѣховскій скоро началъ открыто проповѣдывать въ пользу православія. Не смотря на угрозы, онъ продолжалъ заступаться за русскую народность, угнетаемую и презираемую польскимъ духовенствомъ. Въ 1544 году Орѣховскій напечаталъ и распространилъ свои мысли о православіи въ книгѣ о русскомъ крещеніи (Baptismus Ruthenorum), въ которомъ доказывалъ, что въ сущности нѣтъ большого различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ католиковъ и православныхъ, даже относительно ученія объ исхожденіи св. Духа. Мысли Орѣховскаго о русской вѣрѣ были такой пріятной новостью въ польской литературѣ, что нѣкоторые православные полемисты XVI вѣка воспользовались ими, чтобы опровергнуть соблазнительное ученіе извѣстнаго польскаго іезуита Петра Скарги о соединеніи церквей подъ однимъ управленіемъ римскаго папы. Орѣховскій писалъ, что его совѣсть не позволяетъ ему соглашаться съ тѣми несправедливыми предубѣжденіями противъ Руси, послѣдствіемъ которыхъ явилось то, что два народа, живя въ одномъ государствѣ, взаимно презираютъ другъ друга. Главными виновниками разъединенія церквей Орѣховскій считалъ папъ. Такія мнѣнія Орѣховскаго не могли не озлобить католическаго духовенсгва, и на епархіальномъ перемышльскомъ совѣтѣ 1545 г., признавшемъ русскихъ отщепенцами, Орѣховскому приказано было прекратить свои проповѣди впредь до перваго провинціальнаго

‑бора, на которомъ онъ обязанъ былъ ‑ать объясненіе по дѣлу о русской вѣрѣ ‑о своихъ руссофильскихъ идеяхъ.

Но прежде чѣмъ состоялся этотъ соборъ Орѣховскій выпустилъ новое сочиненіе, написанное противъ безбрачія католиче‑ского духовенства (De lege coelibatus contra Syricium in concilio habita oratio); смѣлый тонъ этого сочиненія авторъ объяснялъ тѣмъ, что онъ—«сарматъ да еще русскій». 17 іюня 1547 года Орѣховскаго обвинили въ пренебрежительномъ и высокомѣрномъ отношеніи къ начальству, писаніи произведеній, несоотвѣтствующихъ его духовному званію, главнымъ же образомъ ‑ъ поддержкѣ и исповѣданіи русскихъ заблужденій, изданіи произведенія о ненужности целибата и пр. На эти обвиненія Орѣховскій отвѣтилъ, что сохраняетъ ‑ всей чистотѣ католическую религію, заблужденій Руси не отстаивалъ, обѣщаетъ исправиться и подтвердилъ все это клятвой на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе, епископъ наложилъ на него эпитимію, запретилъ ему говорить проповѣди и обрекъ на сожженіе его сочиненіе de coelibatu. Орѣховскій смиренно перенесъ это наказаніе; вскорѣ, впрочемъ, ему разрѣшили вновь проповѣдывать въ соборѣ и даже возвели въ званіе оффиціала. Въ 1549 году, увлеченный примѣромъ одного краковскаго священника, Орѣховскій рѣшилъ, что онъ можетъ жениться, опираясь на свѣтскую силу, на свое право дворянина, по которому онъ не можетъ быть наказанъ безъ суда на сеймѣ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1550 году Орѣховскій явился на висмицкій сеймикъ и предъ цѣлымъ собраніемъ шляхты заявилъ, что церковныя постановленія Рима въ основаніи своемъ ложны, ученіе же о безбрачіи духовенства — діавольское ученіе. Мѣстный епископъ потребовалъ Орѣховскаго къ суду, но послѣдній отправилъ оффиціальный вызовъ обратно и перенесъ дѣло о женитьбѣ на петроковскій сеймъ. Поддержанный дворянствомъ, Орѣховскій въ сенатѣ, въ присутствіи короля и высшаго духовенства, произнесъ рѣчь о нравственныхъ преимуществахъ православныхъ женатыхъ священниковъ надъ безбрачными ксендзами и вскорѣ женился. Епископъ призвалъ Орѣховскаго вновь на судъ, и 8 апрѣля 1551 г., состоялся приговоръ, по которому брачный союзъ Орѣховскаго признавался незаконнымъ, самъ же онъ предавался анаѳемѣ съ лишеніемъ чести, всего движимаго и недвижимаго имущества и изгнаніемъ изъ епархіи. Орѣховскій послалъ протестъ противъ епископскаго постановленія на провинціальный соборъ въ Петроковѣ, но соборъ на этотъ разъ утвердилъ приговоръ епископа. Въ то же время написалъ Орѣховскій и свое посланіе къ папѣ Юлію III, облетѣвшее во множествѣ экземпляровъ всю тогдашнюю Западную Европу и обнаружившее неукротимый нравъ автора; весь тонъ этого письма свидѣтельствовалъ о симпатіяхъ Орѣховскаго къ православію и ненависти къ папизму. Но уже въ 1552 г., во время Петроковскаго сейма, Орѣховскій прочелъ на чрезвычайномъ собраніи епископовъ свое исповѣданіе вѣры, которое было признано согласнымъ съ догматами католической религіи. Было рѣшено единогласно снять съ него анаѳему, и 17 февраля 1552 г. онъ получилъ отпущеніе грѣховъ и разрѣшеніе священства. Относительно его женитьбы было постановлено, чтобы въ теченіе года онъ добился утвержденія ея папой. Орѣховскій обратился въ Римъ, гдѣ, впрочемъ, дѣло было рѣшено не въ его пользу: онъ былъ преданъ новой анаѳемѣ. Отлученіе раздражило Орѣховскаго, и онъ задумалъ окончательно разстаться съ католичествомъ. Въ порывѣ негодованія Орѣховскій пишетъ свой «Разрывъ съ Римомъ» (Repudium Romae). Но рядъ послѣдовавшихъ вскорѣ обстоятельствъ, тяжело отозвавшихся на Орѣховскомъ, охладили его пылъ. Онъ сталъ заискивать у Рима, выставлять себя чрезвычайно довольнымъ смертью жены, вернувшей его въ прежнее состояніе безбрачія, винилъ себя за прекращеніе церковныхъ службъ;силы духовныя и физическія, видимо, измѣнили Орѣховскому: «Минула потребность борьбы», писалъ онъ: «сѣдой волосъ посеребрилъ голову, проходитъ пятидесятый годъ жизни, пора собираться въ путь вѣчности, время подумать о душѣ и грѣхахъ». Онъ поселился въ своемъ имѣніи Перемышльскаго округа, гдѣ и провелъ послѣдніе дни жизни въ уединеніи, мучимый припадками меланхоліи. Его неукротимый духъ не мирился съ жалкимъ положеніемъ всѣми забытаго чуть ли не презираемаго человѣка, онъ готовился еще напомнить о себѣ, хотѣлъ вступить въ полемику съ Римомъ, но эти попытки

прекратила неожиданная смерть. Орѣховскій скончался вѣроятно въ концѣ 1566 г. и не позже февраля 1567 года.

Для своего времени Орѣховскій, безспорно, личность замѣчательная. Его рыцарская отвага въ полемикѣ и замѣчательный ораторскій талантъ привлекали къ нему не мало почитателей и сторонниковъ. Преслѣдованія и неудачи не всегда угнетали его. Впрочемъ, отсутствіе стойкости характера нерѣдко заставляло его отступаться отъ своихъ принциповъ и заводило въ дебри софистики, вслѣдствіе чего его поученія принесли мало осязательныхъ результатовъ, хотя и доставили ему славу знаменитаго писателя и оратора. Его открытая полемика съ Римомъ, смѣлая защита русскихъ и православія отъ поползновенія католической церкви создали ему почетное мѣсто въ средѣ борцовъ за вѣру, незараженныхъ фанатизмомъ. Какъ оратора, нѣкоторые современники сравнивали Орѣховскаго съ Цицерономъ, другіе съ Демосѳеномъ и Перикломъ. Греческій языкъ Орѣховскій зналъ въ совершенствѣ, латинскимъ владѣлъ мастерски, зналъ прекрасно русскій и иностранные языки.

Орѣховскій оставилъ множество сочиненій риторическаго, полемическаго, философскаго и историческаго характера, разсѣянныхъ по многимъ библіотекамъ Европы. Наибольшее количество рукописей Орѣховскаго находится въ университетскихъ библіотекахъ Кракова и Львова. Изъ напечатанныхъ трудовъ многіе потеряны, многіе составляютъ библіографическую рѣдкость. Подробный перечень трудовъ Орѣховскаго можно найти въ каталогахъ Краковской Академіи и въ статьѣ объ Орѣховскомъ въ «Всеобщей Энциклопедіи» Оргельбрандта. Важнѣйшіе изъ его трудовъ: «Pro Ecclesia Christi ad Samuelem Maciejovium» (Краковъ, 1546); «Fidei Catholicae Confessio Petricoviae in Synodo pure simpliciter atque sine conditione edita A. 1552 die XVI Februarii a. d. 1551 in Synodo Varsaviensi confirmata et in lucem data (Краковъ, 1561 и Кельнъ, 1563), вмѣстѣ съ нимъ помѣщено «Pro dignitate sacerdotali»; «Listy Stanisława Orzechowskiego w ktòrych który jest prawdsiwy kòsciol od Chrystusa i od Apostołòw postanowiony dostatecznie i mądrze przeciwko nowym Ewangielikom dowodzi», 1561; «Chimera sive de Stancari funesta Regno Poloniae secta» (Краковъ, 1562 и Кельнъ 1563); «Conclusiones in Haereticos pro salute patriae»; «Baptismus Ruthenorum, Bulla de non rebaptisandis Ruthenis» (Краковъ 1544); «De lege coelibatus contra Syricium in concilio habita oratio»; «Ad Julium III Pont. Max. Supplicatio de approbando matrimonio a se inito»; 1551; «Odpowiedz rycerstwa ruskiego na sejmiku powiatowym wiszenskim na poselstwo J. Kròl. Mci uczyniona (r. 1566); De ordinanda republica»; «Repudium Romae», «De obscuro regis matrimonio» и др. Наиболѣе подробная біографія Орѣховскаго написана Максимиліаномъ Оссолинскимъ и издана въ Краковѣ въ двухъ томахъ.

Польскій лѣтописецъ съ 964 по 1764 годъ. Спб. 1782; Bohomolec. Życie Orzechowskiego. Krowicki M. Chrześcianskie, a żałobliwe napomnienie do króla Imci i do wszystkich etc. w Magdeburgu, 1554; Górnicki, Dzieje w koronie polskiej z przytoczeniem niektórych postronnych rzeczy od r. 1538 do 1572. Kraków 1637; Żywot isprawy Stanisława Orzechowskiego, napisał Iózef Maxymilian hrabia na Tęczynie Ossoliński Kraków, 1851 (2 тома); Ossoliński. Wiadomości historyczno-krytyczne. tom III; Krzyzanowski, Wyznanie wiary Stanisława Orzechowskiego 1562; Żywoty sławnych polakòw. Radom 1830; Utrapionej Rzeczypospolitej Polskiej wizerunek i skuteczna naprawa z pism St. Orzechowskiego Hieronim Bogdaszewski na świat podał. 1629; Broscius, De litterarum in Poloniae vetustate (Краковъ 1780). Michał Bogusz Szyszka, Buzeńskiego Żywoty arcybiskupów Gnieznieńskich, prymasów korony Polskiej etc. 4 tt. (1852 - 1860); Bartoszewicz, Historja literatury polskiej, Warszawa 1861; „Encyklopedja Powszechna“ Orgelbranda; Lavisse et Rambaud, Histoire générale du IV siécle a nos jours. Paris, 1894. Vol. 4. J. Lelewel, „Dzieje, opowiedziane przez stryja synowcom“, „Dzieje Litwy i Rusi“; A. Moraczewski. Dzieje rzeczypospolitej polskiej do 1669; Henryk Schmit, Dzieje narodu polskiego; M. Bobrzyński „Dzieje Polski w zarysie“; H. Goldberg. Zwanzig Jahre von der Regierung Sigismund I. (1870); Czacki, Obraz panowania Zygmunta Augusta; Zakrzewski, Powstanie i wzrost reformacji w Polsce; Kubala, Stanisław Orzechowski w obec reformacji; Szujski, Odrodzenie i reformacja w Polsce; Pawiński. Rządy sejmikowe; Bukowski, Historja reformacji w Polsce. Krakow 1883—1886; Tarnowski; Pisarze polityczni XVI wieku, Kraków 1886; Korzeniowski: Orichovina, Kraków 1891. „Кишиневскія епархіальныя вѣдомости“ 1870 г. № 11; „Могилевск. Губ. Вѣдом.“ 1846 г., № 3, 4, 5; П. Короновичъ, Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни, Спб. 1855; Завитневичъ. Палинодія Захаріи Копыстинскаго; Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ, Варшава, 1883; Н. Ѳ. Сумцовъ, „Ст. Орѣховскій“ („Кіевск. Старина“ 1888; ноябрь), Алфавитный указатель книгъ университета св. Владиміра. Болѣе подробный перечень сочиненій,

въ которыхъ встрѣчается имя Орѣховскаго, см. у Estreicher'a „Bibliografia XVI stulecio“ и въ приложеніи къ статьямъ „Polska“ w Encyklopedji Powszechnej и „Польша“ въ Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона.

А. Петровъ.

Осетровъ, *Николай Капитоновичъ,* контръ-адмиралъ, главный командиръ Свеаборгскаго порта. Н. К. Осетровъ род. въ 1828 году, и по окончаніи курса въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ (въ 1848 г.), плавалъ на различныхъ судахъ и винтовыхъ лодкахъ, пока въ чинѣ лейтенанта въ 1860 г. не былъ назначенъ завѣдующимъ катерами императорской фамиліи; въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ командовалъ попеременно яхтами «Королева Викторія» и «Никса», причемъ 23 апрѣля 1861 года былъ произведенъ въ капитанъ лейтенанты; въ 1863 году, во время польскаго возстанія былъ командированъ съ частью гвардейскаго экипажа въ Варшаву, гдѣ командовалъ флотиліей на р. Вислѣ. Назначенный въ августѣ 1875 года, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, командиромъ Свеаборгскаго порта, Осетровъ въ этой должности оставался до самой своей смерти, т. е. до 29 ноября 1884 г, незадолго передъ тѣмъ произведенный въ контръ-адмиралы.

„Общій Морской Списокъ“ т. XI; „Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1884 г. № 118.

Е. Я.

Осининъ, *Иванъ Терентьевичъ,* тайный совѣтникъ, почетный опекунъ с.-петербургскаго Опекунскаго совѣта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, предсѣдатель учебнаго комитета этого вѣдомства и попечитель женскихъ гимназій. И. Т. Осининъ родился въ 1835 году въ Копенгагенѣ, гдѣ отецъ его въ то время занималъ должность псаломщика русской посольской церкви; мать его была датчанка; И. Т. былъ еще мальчикомъ, когда отецъ его возвратился въ Россію, былъ посвященъ въ Петербургѣ во священники и получилъ приходъ въ Ставрополѣ, гдѣ вскорѣ и скончался. Въ 1847 году И. Т. Осининъ былъ принятъ въ Петербургскую духовную семинарію, по блестящемъ окончаніи курса въ которой поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію на казенный счетъ, и въ 1857 г. окончилъ курсъ академіи первымъ магистромъ; оставленный при академіи, онъ тогда же былъ назначенъ бакалавромъ по каѳедрѣ сравнительнаго богословія и, кромѣ того, занялъ должность преподавателя нѣмецкаго языка въ академіи. Въ началѣ слѣдующаго года Осининъ защитилъ диссертацію («Римскій новый догматъ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи») и вскорѣ былъ утвержденъ въ должности магистра богословія. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности. Отправившись въ 1858 году въ Англію, Осининъ женился тамъ на дочери извѣстнаго поборника единенія церквей, настоятеля посольской церкви въ Лондонѣ протоіерея Е. И. Попова. Затѣмъ Осининъ въ вакаціонное время еще нѣсколько разъ ѣздилъ за границу и посѣтилъ Данію. Германію и Францію. 14-го октября 1863 г. Осининъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Въ томъ же году онъ былъ приглашенъ преподавателемъ исторіи великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, а затѣмъ преподавалъ тотъ же предметъ великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ. Въ 1867 году Осининъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій и съ этихъ поръ въ теченіе 20-ти лѣтъ энергично работалъ на пользу женскаго образованія, не покидая въ то же время до 1883 года и своей профессорской дѣятельности въ академіи. Первая Женская Гимназія («Маріинское Женское Училище») была открыта 19-го апрѣля 1858 года, вслѣдъ затѣмъ состоялось открытіе еще нѣсколькихъ гимназій. Назначенный, по выходѣ профессора Вышнеградскаго въ отставку, начальникомъ петербургскихъ и только что открытой царкосельской гимназій, Осининъ дѣятельно принялся за расширеніе уже открытыхъ и за учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній. Онъ принялъ въ свое вѣдѣніе пять гимназій семиклассныхъ, одну трехклассную и одну только что открытую (царскосельскую), въ которыхъ насчитывалось 1200 учениць и 100 человѣкъ учебно-воспитательнаго персонала, а 12 лѣтъ спустя въ Петербургѣ было уже 11 гимназій восьмиклассныхъ, одна четырехклассная прогимназія и педагогическіе курсы, съ 4000 учащихся и 300 челов. учебно - воспитательнаго персонала. Несмотря на множество хлопотъ по организаціи новаго еще тогда дѣла женскаго гимназическаго образованія, находившаго себѣ

не мало и противниковъ, Осининъ съ прежнимъ интересомъ продолжалъ заниматься богословскими науками и успѣлъ напечатать длинный рядъ статей. Въ началѣ 1870 года Осининъ былъ командированъ отъ Святѣйшаго Синода за границу для участія въ церковномъ конгрессѣ, по возвращеніи изъ котораго явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ-основателей петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія, поставившаго себѣ задачею поддерживать начинавшееся въ иновѣрныхъ церквахъ движеніе въ пользу соединенія съ православіемъ. Въ 1874 г. Осининъ принялъ дѣятельное участіе въ богословскихъ конференціяхъ, происходившихъ въ Боннѣ, и нѣкоторыя изъ его рѣчей были потомъ напечатаны (и на англійскомъ языкѣ). Въ 1883 г. Осининъ оставилъ профессуру въ Духовной Академіи и посвятилъ всю остальную свою жизнь исключительно дѣлу женскаго образованія. Два года спустя онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ учебнаго комитета при собственной Его Величества Канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, но въ концѣ того же 1885 года уволился отъ должности съ оставленіемъ во всѣхъ остальныхъ должностяхъ и съ назначеніемъ почетнымъ опекуномъ спб. опекунскаго совѣта, а 18-го февраля слѣдующаго года сверхъ того былъ назначенъ попечителемъ с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. И. Т. Осининъ скончался въ Петербургѣ скоропостижно 24-го февраля 1887 года и былъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Изъ многочисленныхъ статей Осинина, напечатанныхъ главнымъ образомъ въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Духовной Бесѣдѣ», «Православномъ Обозрѣніи» и др. отмѣтимъ: «Взглядъ на характеръ и направленіе западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій», «Нѣсколько словъ по поводу адреса о папской непогрѣшимости», «Путевыя замѣтки о Германіи», «Попытки протестантовъ къ соединенію съ православною восточною церковью въ XVI вѣкѣ», «Новыя стремленія папы къ утвержденію власти его надъ восточною церковью», «Письма православнаго путешественника о церковномъ состояніи Запада», «Нѣсколько словъ объ отношеніи естественныхъ наукъ къ вѣрѣ», «О коренныхъ свойствахъ и истинномъ значеніи церкви Христовой», «Жизнь религіозная въ Англіи», «Англійскія понятія о прогрессѣ и его отношеніи къ христіанству», «О церковномъ состояніи Англіи», «Объ англійскомъ священствѣ», «Нѣсколько словъ о современныхъ стремленіяхъ англо-американской церкви къ сближенію съ православною», «Обзоръ тридцати девяти членовъ англиканскаго вѣроисповѣданія», «Новое заявленіе въ пользу сближенія англійской церкви съ православною», «Объ основныхъ условіяхъ соединенія церквей и о значеніи Никео-Цареградскаго символа, какъ главнаго основанія для церковнаго единенія на началахъ православія» («Годичный актъ Петербургской Духовной Академіи» Спб. 1872 г.), «Записки квакера Мобильe о пребываніи въ Россіи» 1818—1819 гг. («Русская Старина» 1874 г. т. IX), «Протоіерей Евгеній Ивановичъ Поповъ», некрологъ (тамъ же 1875 г. т. XIV), «Историческія замѣтки о положеніи и образованіи женщинъ» («Женское Образованіе» 1876 г. кн. 6), и длинный рядъ другихъ болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ. Кромѣ того, Осининъ съ 1872 года состоялъ главнымъ редакторомъ «Педагогическаго листка с.-петербургскихъ женскихъ гимназій», переименованнаго въ 1876 году въ «Женское Образованіе», гдѣ имъ было напечатано множество статей за своею подписью и безъ подписи по разнымъ вопросамъ женскаго образованія.

„Историческій Вѣстникъ" 1887 г., апрѣль: Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VII; И. Чистовичъ, С.-Петербургская духовная Академія за послѣдніе тридцать лѣтъ, Спб. 1889 г.; „Нива" 1887 г. № 13; „Русская Старина" 1888 г. № 2, 3 и 4 (біографич. очеркъ); „Русскій Паломникъ" 1887 г. № 15; „Церковный Вѣстникъ" 1887 г. № 10.

Е. Ястребцовъ.

Осинскій, *Алоизій* (Aloizy Osiński), ректоръ виленской духовной римско-католической академіи, епископъ-суффраганъ луцкій. А. Осинскій родился въ 1770 году въ Сандомирскомъ воеводствѣ; первоначальное образованіе получилъ въ Радомѣ; въ 1784 году вступилъ въ монашескій орденъ піаровъ, съ 1791 года сталъ преподавать математику, физику и логику въ училищахъ ордена; въ 1793 году былъ посвященъ въ духовный санъ. Съ 1802 по 1806 годъ Осинскій былъ префектомъ піарскихъ училищъ, а затѣмъ былъ приглашенъ въ Кременецкій лицей на должность преподавателя польской и

...ольской литературы и римскихъ древ-...стей и занималъ эту должность въ те...ніе восемнадцати лѣтъ. Преподавая ...гимназіи и читая лекціи въ лицеѣ, ...инскій все свободное время посвящалъ ...ературнымъ занятіямъ и въ это время ...алъ многія изъ своихъ сочиненій. Въ ...12 году онъ былъ разрѣшенъ отъ обѣта ...нашества, въ 1817 назначенъ канони...мъ луцкимъ и прелатомъ, въ 1818-мъ—...номъ варшавскаго общества любителей ...укъ (Towarzystwo przyjacidł nauk), а ...па Пій VII, въ награду за его за...лугъ, прислалъ ему въ 1820 году дипломъ ...званіе римскаго графа (comes) и по...ловалъ его въ кавалеры ордена Золо...й Шпоры. Въ 1824 году Осинскій пе...ѣхалъ въ Вильно. Здѣсь онъ былъ из...ранъ асессоромъ консисторіи, депута...мъ 1-го виленскаго департамента и чле...мъ пограничнаго суда. Въ 1828 году ...пріобрѣлъ степень доктора богосло...я и получилъ званіе виленскаго кано...ика; въ 1831 году назначенъ инфула...мъ ольсскимъ, въ 1833-мъ ректоромъ ...ленской духовной римско-католической ...кадеміи, въ 1889 г.—епископомъ-суффра...номъ луцкой епархіи, переѣхалъ въ ...ьски, гдѣ и умеръ 10 іюня (н. с.) 1842 ...

...Основательно знакомый съ исторіей, ...ліографіей и лексикографіей, преиму...ственно польской, одаренный отлич...ю памятью и неутомимый въ трудѣ, ...инскій былъ въ то же время большимъ ...бителемъ старины и выдающимся въ ...е время ораторомъ-проповѣдникомъ. До ...лѣднихъ минутъ жизни Осинскій не ...ускалъ пера изъ рукъ, собирая мате...алы, отыскивая съ большимъ трудомъ ...аринные источники и подготовляя къ ...ати свои многочисленныя сочиненія. ...лѣе всего онъ работалъ надъ составле...мъ «Словаря польскихъ писателей» ...łównik pisarzy polskich) и «Словаря ...ьскаго языка» (Słównik języka polskie-...; послѣдній, подъ заглавіемъ «Bogatstwa ...owy polskiej», былъ совершенно подго...вленъ къ печати, но не увидѣлъ свѣта. ...ъ напечатанныхъ сочиненій Осинскаго, ...читая множества проповѣдей, наиболѣе ...звѣстны: «Łza i nadzieja» (Wilno, 1835); ...Nauka ojca, dana synowi, jadącemu do Akademji» (Варшава, 1801); «Słównik ...ologiczny z przyłączeniem obrazopisma» ...ologja, 3 tomy, тамъ же 1806—1812), Wiadomość o biskupie Wileńskim Pawle Algimontowiczu Księciu Olszańskim», помѣщенное въ Wizerunkach Naukowych» (томъ XI). Изъ рукописей самыя замѣчательныя—«Житіе виленскихъ епископовъ» въ 26 выпускахъ и «Извѣстія о жизни и сочиненіяхъ польскихъ писателей съ разборомъ ихъ произведеній» въ 20-ти томахъ. Довольно полное собраніе сочиненій Осинскаго указано въ Encyklopedji Powszechnej Orgelbranda 1865 года, томъ 20.

Encyklopedja Kościelna ks. Michała Nowodworskiego. Томъ 17, стр. 523—524; Encyklop. Powszechna 1901 года, томъ 11; Julian Bartoszewicz, Historja Literatury Polskiej. Warszawa 1861; Wiszniewski, Historja Literatury polskiej. I; Estreicher, Bibliografja polska XIX stólecia. *А. Петровъ.*

Осинскій, *Людовикъ* (Ludwik Osiński), профессоръ польской литературы въ Императорскомъ Варшавскомъ Александровскомъ университетѣ. Л. Осинскій родился въ Познанскомъ воеводствѣ въ 1775 г., воспитывался въ училищѣ ордена піаровъ въ Радомѣ и по окончаніи курса былъ оставленъ преподавателемъ въ томъ же училищѣ. Затѣмъ Осинскій былъ секретаремъ въ кассаціонномъ судѣ и состоялъ въ числѣ членовъ Варшавскаго общества любителей наукъ. Избранный этимъ обществомъ въ коммисію объ установленіи польскаго правописанія, Осинскій много писалъ по этому предмету. Кромѣ того, онъ по должности члена кассаціоннаго суда принималъ участіе въ работахъ коммисіи по пересмотру кодекса Наполеона. Все свободное отъ служебныхъ занятій время Осинскій посвящалъ литературной работѣ и переводилъ на польскій языкъ французскія драмы и комедіи. Назначенный директоромъ народнаго театра, Осинскій всецѣло отдался литературѣ и перевелъ для сцены «Сида», «Горацiевъ» и нѣк. др. Въ 1807 и 1810 гг. онъ издавалъ въ Варшавѣ литературный сборникъ «Pamiętnik Warszawski». По открытіи въ 1818 г. Императорскаго Варшавскаго Александровскаго университета Осинскій былъ приглашенъ профессоромъ на каѳедру польской литературы и состоялъ профессоромъ университета до самаго закрытія его въ 1830 году. Осинскій перевелъ рядъ произведеній Корнеля, Фенелона, Расина и Шенье.

Leonard Sowiński, Rys dziejów literatury polsiej podług notat Aleksandra Zdanowicza Wilno, 1860, II; Iuliana Bartoszewicza Histo-

rja literatury polskiej, Warszawa, 1861; Исторія польской литературы Войцицкаго (III, 449) и Рогальскаго (II. 187—190 и passim); K. Estreicher, Bibliografia Polska XIX stólecia; Encyklopedia Powszechna, изд. 1865 и 1901 гг. и др. энциклопедическія изданія; Иллюстрированная Газета 1869 года, т. XXIV, № 41, стр. 248. *А. П.*

Осиповскій, *Дмитрій Тимоѳеевичъ*, дѣйств. ст. сов., главный докторъ Московской Маріинской больницы; писатель. Д. Т. Осиповскій род. въ 1813 г., и былъ сынъ извѣстнаго профессора Т. Ѳ. Осиповскаго; воспитывался сначала дома, а въ 1827 г., по экзамену, былъ принятъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета въ число своекоштныхъ студентовъ. Въ 1831 г. онъ окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, въ слѣдующемъ выдержалъ экзаменъ на званіе акушера, и въ мартѣ 1833 года получилъ мѣсто врача въ Московской городской больницѣ, гдѣ прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, причемъ въ 1836 году былъ утвержденъ въ званіи медико-хирурга, а три года спустя былъ командированъ больницей для усовершенствованія за границу. Въ теченіе двухъ съ небольшихъ лѣтъ онъ побывалъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ городахъ Англіи, Италіи и Германіи; по возвращеніи въ Москву продолжалъ около четырехъ лѣтъ службу въ Московской городской больницѣ, гдѣ по его указанію, согласно даннымъ, добытымъ во время заграничной поѣздки, былъ примѣненъ рядъ новыхъ способовъ лѣченія. 8-го марта 1845 года Осиповскій былъ назначенъ консультантомъ и операторомъ больницы чернорабочихъ въ Москвѣ, въ которой прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, причемъ съ 1849 года состоялъ кромѣ того старшимъ ординаторомъ Московской Маріинской больницы. Въ 1858 году онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ той же больницы и консультантомъ Московской дѣтской больницы. Около 1880 года Осиповскій вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. Онъ скончался въ Москвѣ 8-го сентября 1881 года, оставивъ по духовному завѣщанію медико-фармацевтическому обществу, членомъ котораго онъ состоялъ много лѣтъ, 3000 рублей для воспитанія на проценты съ нихъ одной дочери врача. Начавъ свою литературнуюдѣятельность еще во время пребыванія въ Парижѣ, Осиповскій помѣщалъ свои статьи преимущественно въ «Другъ Здравія» и «Московскомъ Врачебномъ журналѣ». Изъ его работъ отмѣтимъ: «Лѣченіе холодной водой въ Александробадѣ въ Баваріи» («Другъ Здравія» 1839 г. № 40), «Кровоточивая болѣзнь Верлгофа» («Московскій Врачебный журналъ» 1847 г. «Студенистая саркома» («Московскій Врачебный журналъ» 1855 г. т. I, стр. 368) Pharmacopea Mariae nosocomii Mosquensis (Mos. 1858 и 1862).

Полный послужной списокъ. Л. Ѳ. Змѣевъ «Русскіе врачи писатели». Вып. I, Спб. 1886 г. стр. 44—45; «Московская Медицинская газета» 1865 г. № 6; «Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона т. 22; «Всеобщій Календарь» на 1883 г. *Е. Ястребцевъ.*

Осиповскій, *Тимоѳей Ѳедоровичъ*, докторъ философіи, математикъ, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета. Т. Ѳ. Осиповскій родился 22 января 1766 г.; первоначальное образованіе получилъ во Владимірской духовной семинаріи, и въ 1873 году, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ посланъ въ Петербургъ для поступленія въ вновь учрежденную Учительскую гимназію. Онъ принадлежалъ при этомъ къ числу тѣхъ 150 молодыхъ людей, которые, для доставленія слушателей новому учебному заведенію, были выбраны, по требованію учрежденной въ 1782 году Коммиссіи объ учрежденіи училищъ, духовнымъ вѣдомствомъ изъ лучшихъ учениковъ духовныхъ семинарій и академій. Такъ какъ для предназначеннаго къ открытію значительнаго количества главныхъ народныхъ училищъ требовалось приготовить въ короткое время большое число преподавателей, то для первыхъ слушателей Учительской гимназіи, переименованной въ 1804 году въ Педагогическій Институтъ, курсъ ученія, начавшись въ ноябрѣ 1783 года, продолжался до августа 1786 года, когда состоялся первый выпускъ. Съ появленіемъ, такимъ образомъ въ распоряженіи правительства достаточнаго для начала количества подготовленныхъ преподавателей, сдѣлалось возможнымъ приступить къ предположеннымъ нововведеніямъ въ организаціи народнаго просвѣщенія. 5 августа 1786 года былъ утвержденъ Императрицею Екатериною II новый общій уставъ народныхъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось повелѣніе о немедленномъ открытіи главныхъ народныхъ училищъ въ Петербургѣ, Москвѣ и 24 губернскихъ городахъ. При назначеніи окончившихъ курсъ Учи-

тельской гимназіи на должности преподавателей въ учреждаемыя главныя народныя училища, Осиповскому, какъ одному изъ лучшихъ, было предоставлено избрать по собственному усмотрѣнію мѣстомъ служенія одну изъ столицъ. Онъ выбралъ Москву, какъ болѣе близкую къ его родинѣ. Съ времени открытія здѣсь 22 сентября 1786 года главнаго народнаго училища, началась продолжительная преподавательская дѣятельность Осиповскаго. Главнымъ предметомъ этой дѣятельности были физико-математическія науки, которыми Осиповскій преимущественно занимался въ теченіе всего времени своего пребыванія въ Учительской гимназіи. Кромѣ того онъ преподавалъ и русскую словесность. Своими выдающимися педагогическими способностями, солиднымъ общимъ образованіемъ и обширными свѣдѣніями въ области физико-математическихъ наукъ Осиповскій обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго образованнаго общества, спеціалистовъ и начальства. Коммиссія объ учрежденіи училищъ присылала ему для разсмотрѣнія и отзыва издаваемыя ею математическія руководства и пособія. Въ 1800-мъ году, по приглашенію той же коммиссіи Осиповскій занялъ каѳедру математики и физики въ воспитавшей его С.-Петербургской Учительской гимназіи. Такъ какъ онъ не считалъ существующія на русскомъ языкѣ математическія руководства и пособія способными удовлетворять преслѣдуемымъ имъ въ преподаваніи цѣлямъ, то ему и пришлось прежде всего приняться за передѣлку и дополненіе для своихъ новыхъ слушателей составленнаго имъ еще въ Москвѣ учебнаго курса математики. Сперва вышелъ въ 1801 году второй томъ (829 стр. и 11 таблицъ чертежей) этого «Курса математики», содержащій геометрію, прямолинейную и сферическую, тригонометрію и введеніе въ криволинейную геометрію; въ послѣднемъ отдѣлѣ разсматривались «коническія сѣченія, циссонда Діоклова, Архимедова спираль, квадратрикса Диностратова, циклоиды и «эволюты кривыхъ линѣй». Томъ первый (IV+357 стр.), «содержащій общую и частную ариѳметику», вышелъ въ 1802 г. Серьезныя научныя и педагогическія достоинства этого сочиненія, ставящія его по ясности и строгости изложенія на одномъ уровнѣ съ лучшими изъ современныхъ ему иностранныхъ учебниковъ того-же рода, доставили ему значительное распространеніе, потребовавшее, кромѣ перваго, еще два изданія, вышедшія въ 1814 и около 1820 года. Къ третьему изданію была присоединена посвященная изложенію теоріи анализа безконечно-малыхъ первая часть приготовленнаго авторомъ къ печати третьяго тома, излагающая дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія.

Въ концѣ 1802 года Осиповскій принялъ предложеніе основателя Харьковскаго университета, В. Н. Каразина, занять во вновь учреждаемомъ университетѣ каѳедру математики, 7 февраля слѣдующаго года былъ утвержденъ въ этой должности, и былъ въ числѣ первыхъ изъ назначенныхъ въ Харьковъ профессоровъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ открытію университета. Такъ, онъ вошелъ въ составъ хозяйственнаго комитета при университетскомъ правленіи и взялъ на себя, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комитета, профессоромъ Рижскимъ, завѣдываніе денежными суммами университета, устройство студенческаго института и организацію архитектурнаго, рисовальнаго и граверпаго классовъ.

Воспитавшійся на изученіи физико-математическихъ наукъ и на реализмѣ французской философской литературы XVIII в., Осиповскій, при прямотѣ и рѣзкости въ выраженіи своихъ взглядовъ, очень скоро вступилъ въ борьбу съ созданнымъ Кантомъ новымъ направленіемъ германской философской мысли. Поводы къ этому были даны, по всей вѣроятности, нѣмецкими профессорами Харьковскаго университета и въ особенности главнымъ въ ихъ средѣ представителемъ упомянутаго направленія—профессоромъ философіи Іоганномъ Шадомъ, занимавшимъ прежде каѳеру въ Іенскомъ университетѣ. Первымъ изъ проявленій этой борьбы былъ сдѣланный Осиповскимъ съ французскаго языка на русскій переводъ «Логики» Кондильяка, напечатанный въ 1805 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Логика, или умственная наука, руководствующая къ достиженію истины». Борьбу съ новой нѣмецкой философіей Осиповскій не ограничилъ областью логики, но перенесъ ее также и на тѣ отдѣлы метафизики, которые соприкасались съ физико-математическими науками, причемъ не остановился даже передъ смѣлою попыткою напасть на самого

Канта. Осуществленію этой попытки онъ посвятилъ двѣ произнесенныя имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Харьковскаго университета 30 августа 1807 и 1813 годовъ рѣчи «О пространствѣ и времени» и «Разсужденіе о динамической системѣ Канта».

Неожиданнаго союзника въ своей борьбѣ съ послѣдователями Канта Осиповскій нашелъ въ реакціи, господствовавшей во второй половинѣ царствованія Александра I. Въ 1816 году проф. Шаде, былъ выслапъ изъ Россіи, а его сочиненія подверглись истребленію. Удаленіе Шада не оказалось, однако, въ состояніи прекратить борьбу Осиповскаго съ новою нѣмецкою философіею. Перемѣнились только лица, на которыхъ ближайшимъ образомъ направлялись его нападенія. На мѣсто Шада сталъ его ученикъ Дудровичъ, а на мѣсто Канта Шеллингъ. Отрицательное отношеніе Осиповскаго къ новой нѣмецкой философіи при тѣхъ средствахъ для распространенія своихъ мнѣній, которыя находились въ его распоряженіи, не могло, конечно, оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на русское образованное общество, въ которомъ не только изученіе этой философіи, но и увлеченіе ею, все болѣе и болѣе распространялось и, наконецъ, привело къ такому результату, какъ идеализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Безусловная честность, благородство характера и чистота побужденій въ соединеніи съ независимостью, съ которою Осиповскій держалъ себя, доставили ему въ университетѣ общее уваженіе, слѣдствіемъ котораго было непрерывное занятіе имъ по избранію должности ректора съ 1813 г. до ноября 1820 г.

Тѣ же причины, которыя привели Осиповскаго къ борьбѣ съ новою нѣмецкою философіею, поставили его и во враждебныя, выразившіяся въ скрытомъ противодѣйствіи, отношенія къ мистикамъ, стоявшимъ во главѣ тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1817 г. попечителемъ Харьковскаго университета и его округа былъ назначенъ вице-президентъ Петербургскаго библейскаго Общества Корнѣевъ, который тотчасъ же, по вступленіи въ должность, издалъ циркулярное предложеніе, заявлявшее, что Священное Писаніе должно служить основою преподаванія всѣхъ наукъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ предписаній и внѣшнихъ мѣръ, направленныхъ къ установленію и распространенію какъ въ университетѣ, такъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа чтенія Библіи, твореній святыхъ отцовъ и сочиненій «просвѣщенныхъ отъ Бога людей, появившихся особенно въ прошедшемъ вѣкѣ, которые съ корнемъ ниспровергли ложное философское ученіе непобѣдимыми доказательствами, взятыми изъ слова Божія и изъ внутренняго познанія испорченной чрезъ паденіе природы человѣческой». Не имѣя средствъ для прямого противодѣйствія этимъ стремленіямъ, Осиповскій относился къ нимъ съ рѣзкою критикою и нескрываемымъ порицаніемъ, и какъ только онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора, отъ попечителя немедленно послѣдовало представленіе въ Главное правленіе училищъ объ увольненіи Осиповскаго отъ должности ректора, вслѣдствіе «небрежнаго исправленія» имъ этого званія, и отъ должности профессора, вслѣдствіе выраженнаго имъ оффиціально желанія взять на себя, вмѣсто чистой математики, преподаваніе оптики и астрономіи. 1-го ноября 1820 г. Осиповскій вышелъ въ отставку, и Харьковскій университетъ лишился лучшаго изъ своихъ профессоровъ, лекціи котораго были превосходною школою, способною приготовить такихъ выдающихся математиковъ, какъ Остроградскаго, сохранявшаго въ теченіе всей своей жизни благодарное воспоминаніе о своемъ первомъ учителѣ и руководителѣ.

Во все время своего преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ, какъ и ранѣе этого, Осиповскій излагалъ своимъ слушателямъ чистую математику, частью по указанному уже выше собственному печатному курсу, частью по дополнительнымъ запискамъ. Съ 18·1 г. на Осиповскаго было возложено чтеніе лекцій и по прикладной математикѣ. Свои лекціи по этому предмету онъ поперемѣнно посвящалъ то оптикѣ, то механикѣ, пользуясь сочиненіями Лакайля и Франкера. Съ 1813 г. онъ, впрочемъ, оставилъ преподаваніе механики, удержавъ за собою только оптику. Въ 1814—15 г. къ наукамъ, преподаваемымъ Осиповскимъ, ему пришлось еще присоединить и астрономію.

Послѣ своего увольненія отъ службы въ Харьковскомъ университетѣ Осиповскій переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, гдѣ предался исключительно ученымъ занятіямъ. Онъ началъ ихъ съ продолженія предпринятаго имъ еще въ 1802 г.

перевода «Небесной механики» Лапласа, который былъ имъ оконченъ къ половинѣ 1822 г. Въ Москвѣ же Осиповскій напечаталъ: «Разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы, когда ихъ употребить хотимъ, въ выкладкѣ требующія большой точности, надлежитъ поправлять еще по времени прихожденія отъ нихъ къ намъ свѣта; съ присовокупленіемъ объясненія нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, бывающихъ при закрытіи одного небеснаго тѣла другимъ» (1825), «Изслѣдованіе свѣтлыхъ явленій, видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи въ разсужденіи солнца или луны» (1827). Изслѣдованія круговъ и вѣнчиковъ около солнца и луны и ложныхъ солнцъ, составившія предметъ второго сочиненія, получили свое начало при чтеніи студентамъ курса оптики, когда авторъ впервые обратилъ вниманіе на отсутствіе даже упоминанія объ этихъ явленіяхъ въ курсѣ физики Лакайля, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ лекціяхъ, и на неудовлетворительность объясненія тѣхъ же явленій въ другихъ извѣстныхъ ему сочиненіяхъ. По выходѣ этого сочиненія въ свѣтъ, авторъ представилъ его Императору Николаю I вмѣстѣ съ просьбою о доставленіи ему, путемъ перевода на французскій языкъ, возможности сообщить это сочиненіе различнымъ академіямъ Европы. Императоръ поручилъ Академіи Наукъ разсмотрѣть трудъ Осиповскаго; послѣдняя, на основаніи отзыва академика Коллинса, напечатала это сочиненіе въ 1828 г. на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Recherches sur les phénomènes lumineux qu'on aperçoit quelquefois au ciel dans les positions déterminées par rapport au Soleil ou à la Lune, par Mr. le professeur émérite Ossipofsky; traduit du russe par Loustaunau, publié par ordre de S. M. l'Empereur et aux frais de l'Académie». Цѣлью Осиповскаго въ этомъ сочиненіи было показать, какъ изслѣдуемыя явленія могутъ быть объяснены законами обыкновеннаго отраженія и преломленія, при предположеніи горизонтальнаго слоя плавающихъ въ атмосферѣ водяныхъ пузырьковъ. Далекое по самой своей цѣли отъ того, чтобы исчерпать предметъ вполнѣ, это сочиненіе значительно опередило все сдѣланное и написанное до него въ той же области, будучи, по выраженію Коллинса, произведеніемъ ловкаго аналиста, трактовавшаго свой предметъ со всею требуемою имъ настойчивостью и проницательностью и сумѣвшаго сообщить своимъ вычисленіямъ вмѣстѣ съ полнотою изящество и точность. По словамъ Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе Парижской Академіи Наукъ и были бы даже помѣщены ею въ своихъ изданіяхъ, если бы не появились ранѣе въ свѣтъ на русскомъ языкѣ.

Т. Ѳ. Осиповскій умеръ 12-го іюня 1832 года.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Осиповскому принадлежатъ: «Електрическіе опыты, любопытства и удивленія достойные, съ относительными ко врачеванію параличныхъ и другихъ болѣзней наставленіями, основательнымъ расположеніемъ коихъ теорія и практика сей науки объясняются. Сочиненные механикомъ Георгомъ Адамсомъ»; пер. съ нѣмецкаго (со многими дополненіями, сдѣланными Войтяховскимъ. Москва 1793); «Торжество Московскаго главнаго народнаго училища, по случаю перемѣщенія онаго во Всемилостивѣйше пожалованный Ея Императорскимъ Величествомъ для сего училища домъ» (Москва 1795). Нѣсколько статей его напечатаны въ первомъ томѣ «Трудовъ Общества Наукъ, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ» (1817 г.), какъ то: «Теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной» (стр. 1—22) и «Объ астрономическихъ преломленіяхъ» (стр. 23—41). Изъ сочиненій Осиповскаго, не напечатанныхъ, извѣстно изслѣдованіе «о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и происходящемъ отъ того равновѣсіи».

Довольно полное собраніе имѣющихся въ печати свѣдѣній о жизни и служебной дѣятельности Осиповскаго находится въ статьѣ Чирикова „Тимоѳей Ѳедоровичъ Осиповскій. Ректоръ Харьковскаго университета" („Русская Старина" 1876 г., ноябрь, стр. 463—490). См. также ст. М. И. Сухомлинова въ „Журн. Мин. Народн. Просвѣщ." 1865 г., ч. 128, Лавровскаго—ibid. 1872 г., т. 159 (январь и февраль) и Щелкова—ibid. 1890 г., ч. 271, октябрь; Сборникъ Отд. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 18; Н. Дубровинъ, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Александра I", Спб., 1883 г.; „С.-Петерб. Вѣдом." 1858 г., № 40, стр. 221; Путешествіе Цебрикова изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813 г. (рук. Имп. Публ. Библ.); Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьк.

университ.", т. I; Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 43.

В. В. Бобынинъ.

Осиповъ, *Александръ Степановичъ,* дѣйств. ст. совѣтникъ, сибирскій почтъ-директоръ, тобольскій и астраханскій гражданскій губернаторъ. А. С. Осиповъ родился въ 1776 г. и происходилъ изъ дворянъ. Службу началъ въ Тамбовской уголовной палатѣ; съ 1796 по 1804 г. былъ секретаремъ въ Кавказскомъ намѣстническомъ правленіи, затѣмъ служилъ въ Тамбовской удѣльной экспедиціи, Тамбовскомъ, Московскомъ и Калужскомъ почтамтѣ. 11-го іюня 1809 г. Осиповъ былъ назначенъ состоять при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ И. Б. Пестелѣ, и въ теченіе семи лѣтъ участвовалъ, между прочимъ, въ трудахъ комитета, вырабатывавшаго проектъ новаго управленія Камчатской области, легшій въ основу Высочайше утвержденнаго въ 1812 году положенія по управленію Камчаткою; кромѣ того, онъ велъ и дѣла, касавшіяся генералъ-губернатора по присутствованію его въ Сенатѣ и въ комитетѣ, учрежденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ, для разсмотрѣнія изысканій губернскихъ коммиссій объ откупныхъ недоимкахъ, и «за ревностную службу и отличные на пользу ея труды» былъ произведенъ 19-го декабря 1811 года въ статскіе совѣтники. Впрочемъ, Осиповъ не въ силахъ былъ долго нести тяжелой службы при сибирскомъ генералъ-губернаторѣ, проходившей въ постоянной борьбѣ съ произволомъ и прочими непорядками въ тогдашней сибирской администраціи. Въ 1816 году онъ сталъ проситься о переводѣ его снова въ почтовое вѣдомство: 21-го августа того же года Осиповъ былъ назначенъ сибирскимъ почтъ-директоромъ и тотчасъ же энергично принялся приводить въ порядокъ и устраивать почтовое дѣло въ Сибири. Результатомъ его энергичной пятилѣтней дѣятельности было полное переустройство всего почтоваго дѣла въ Сибири. Между прочимъ, принявъ во вниманіе необезпеченность почталіоновъ и другихъ низшихъ служащихъ почтоваго вѣдомства, Осиповъ устроилъ въ Сибири пріютъ на 40 человѣкъ дѣтей. Произведенный 17-го іюня 1821 года въ дѣйств. ст. сов. Осиповъ былъ уже представленъ къ высшему назначенію по почтовому вѣдомству, но М. М. Сперанскій, цѣня въ Осиповѣ «одного изъ лучшихъ людей въ Сибири», исходатайствовалъ назначеніе его Тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, каковое состоялось 28-го іюля 1821 г. Помимо управленія губерніею, имѣя въ своемъ вѣдѣніи еще коммиссію тобольскаго провіантскаго депо со всѣми подчиненными ей коммисіонерствами тобольской и томской губерній, Осиповъ уже въ слѣдующемъ году, благодаря своей безупречной честности, при заготовленіи хлѣба для нуждъ военнаго вѣдомства, сумѣлъ сдѣлать болѣе 250.000 рублей экономіи противъ смѣтныхъ суммъ. Въ теченіе своего довольно короткаго управленія Тобольской губерніей, Осиповъ успѣлъ однако сдѣлать много полезнаго для края, особенно при введеніи новаго положенія и уставовъ по Сибирскому управленію, въ выработкѣ которыхъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ члена Совѣта главнаго управленія Западной Сибири, будучи, по выраженію Сперанскаго, «надежнымъ фундаментомъ» упомянутаго Совѣта. Наконецъ, въ качествѣ предсѣдателя тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, Осиповъ увеличилъ капиталъ этого учрежденія болѣе чѣмъ на 200.000 рублей, причемъ ввелъ порядокъ и строгую отчетность въ дѣлопроизводствѣ. Разстроенное здоровье вынудило его, однако, просить объ увольненіи отъ службы: 3-го декабря 1823 года онъ былъ уволенъ отъ должности тобольскаго гражданскаго губернатора, съ причисленіемъ къ герольдіи и съ сохраненіемъ содержанія. 12-го января 1826 г. Осиповъ былъ назначенъ Астраханскимъ гражданскимъ губернаторомъ и въ этой должности оставался до 1830 года.

Вагинъ, „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1821 годъ" т. I, Спб. 1872 г., стр. 137, „Календарь Тобольской губерніи" на 1890 г., стр. 50—51; „Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива собственной Е. И. В. Канцеляріи", вып. I, Спб. 1871 г., стр. 386—388 (любопытное письмо Осипова къ министру внутреннихъ дѣлъ о дѣятельности М. М. Сперанскаго въ Сибири); Туркестановъ, „Губернаторскіе списки", М. 1894. Послужной списокъ.

Осиповъ, *Алексѣй Агаповичъ,* граверъ. Годъ рожденія А. А. Осипова точно не установленъ (по послужному списку—1787 г., по Тромонину—около 1782 г., по Ровинскому—еще ранѣе); достовѣрно, что онъ былъ сынъ крѣпостного человѣка.

служившаго у Филипповскаго и затѣмъ отпущеннаго на волю. Рисовать Осиповъ учился у Фр. Кюнеля, который долгое время жилъ въ Москвѣ, гравированію же— у академика Н. И. Соколова. 9-го августа 1815 г., онъ былъ опредѣленъ на должность гравера при музеѣ Московскаго Университета и въ этой должности находился и въ 1834 г.; о дальнѣйшей же служебной карьерѣ его намъ ничего неизвѣстно. Онъ очень много гравировалъ для изданій П. П. Бекетова, а также руководилъ работами своихъ учениковъ изъ крѣпостныхъ людей этого издателя. Умеръ онъ въ Москвѣ, въ 1850 г. По свидѣтельству К. Я. Тромонина, всѣ портреты его работы отличаются большимъ сходствомъ. Лучшими листами его считаются портреты: Арсенія Мацѣевича, княгини Е. Р. Дашковой и П. О. Коробанова. Кромѣ упомянутыхъ листовъ, имъ награвировано: 16 досокъ въ изданіи «Судъ Шемякинъ», (М. 1794 г.); 7 картинъ въ «Исторіи Маріи Стюартъ», изд. Филипповскаго, 1801 г.; нѣсколько портретовъ «въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ», изд. Бекетова, М. 1801 г., «въ Пантеонѣ», Филипповскаго, М. 1805 — 1810 г.; 6 картинъ «въ Путешествіи въ Молдавію, Валахію и Сербію», Бантыша-Каменскаго, М. 1810 г.; 8 досокъ въ книгѣ Аделунга «Описаніе Карсунскихъ вратъ», М. 1830 г.; въ его собственное изданіе, 1839 г., «Ручныя таблички Россійской Имперіи для дѣтей, съ 64-мя маленькими портретами, отъ Рюрика до Николая I», всего 32 листа, плохо гравированные, но считающіеся большою рѣдкостью; много досокъ для прописей Классена, Беринга и Максютина и свыше сотни портретовъ, подробно исчисленныхъ у Ровинскаго, немало заглавныхъ листовъ и виньетокъ.

Дѣла Сенатскаго Архива.—Рукописи П. П. Бекетова, въ собраніи князя Барятинскаго, въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ. — Неизданная рукопись, хранящаяся у автора, А. П. Бутовскій, Словарь портретовъ-гравюръ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.—Тромонинъ К. Я., Очерки лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества. М. 1832 г.—Ровинскій Д., Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1889 г.—Остроглазовъ И. М., Библіографическія замѣтки; Русскій Художественный Архивъ. 1892 г. — Его же: Книжныя рѣдкости. М. 1892 г.—Новицкій А. П : Къ исторіи русской гравюры. П. П. Бекетовъ. Русскій Архивъ. 1893 г. — Ровинскій Д. А.: Подробный словарь русскихъ граверовъ. Спб. 1895 г. — То-

теріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ. Т. I—II, Спб. 1864–1865 г. — Ровинскій Д. А., Подробный словарь русскихъ граверовъ. Спб. 1895 г.

в. Новицкій.

Осиповъ, *Григорій Михайловичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, правитель Тобольскаго и Тверскаго намѣстничествъ, генералъ-губернаторъ Смоленскій и Псковской. Г. М. Осиповъ поступилъ въ военную службу въ 1756 г., въ 1762 г. изъ вахмистровъ Коннаго полка произведенъ въ корнеты, въ 1774 г. въ ротмистры и въ этомъ чинѣ 25-го октября 1774 года назначенъ состоять въ командѣ генералъ-аншефа Григорія Александровича Потемкина. 22-го сентября 1775 года Осиповъ пожалованъ въ оберъ-кригсъ-коммисары полковничьяго ранга и выбылъ изъ Коннаго полка. Въ 1778 году былъ командированъ императрицей въ Тобольскую губернію для разслѣдованія дѣла о тобольскомъ губернаторѣ Нѣмцевичѣ, обвиненномъ во взяткахъ и присвоеніи казеннаго имущества, и въ томъ же году назначенъ на мѣсто Нѣмцевича, а въ 1782 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1784 г. Осиповъ былъ назначенъ Тверскимъ губернаторомъ, а черезъ 10 лѣтъ, уже въ чинѣ генералъ-поручика,—Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1796 г., по вступленіи на престолъ императора Павла, Осипову Высочайшимъ повелѣніемъ было поручено управленіе Бѣлорусской губерніей. Вскорѣ послѣ того Осиповъ оставилъ военную службу, былъ переименованъ въ тайные совѣтники и 24-го января 1797 года назначенъ сенаторомъ; 28-го октября 1798 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ январѣ 1801 г. вышелъ въ отставку и 10-го марта слѣдующаго года умеръ.

Туркестановъ, Губернскій Служебникъ Спб. 1869 г.; Аненковъ, Исторія л.-гв. Коннаго полка Ч. III; „Русская Старина“ 1872 г. V, 1882 г., іюль; Календарь Тобольской губ. на 1890 г., стр. 49; В. К. Андріевичъ, „Историческій очеркъ Сибири“, т. IV и V; Сенатскій Архивъ, т. I.

И. Артамонова.

Осиповъ, *Михаилъ* (Михалко), граверъ. Въ 1617 г. М. Осиповъ состоялъ уже рѣзцомъ при Московскомъ Печатномъ Дворѣ, откуда, впрочемъ, въ 1637 г. былъ уволенъ. Гравировалъ онъ на деревѣ и на мѣди, преимущественно разныя заставки

и мелкія украшенія; такъ, напримѣръ, онъ рѣзалъ кресты къ Потребникамъ, изд. 1625 г.; онъ же рѣзалъ строки и Пасхалію ко Псалтирямъ, изд. 1634 г. Нерѣдко ему поручались и другія рѣзныя работы: въ 1625 г., онъ рѣзалъ украшенія къ печатнымъ станкамъ и расписывалъ ихъ красками, золотомъ и серебромъ; а въ 1626 г. вырѣзалъ для типографскихъ переплетовъ Московскаго Печатнаго Двора, щицу мѣдную середникъ книги натискивать, мѣдные середники и наугольники»; въ томъ же году, онъ занимался исполненіемъ рѣзныхъ украшеній на типографскихъ воротахъ.

Румянцевъ В. Е., Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Московскомъ Печатномъ Дворѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; Д. Ровинскій, Русскіе граверы и ихъ произведенія. М. 1870 г.; Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ. Спб. 1895 г.

А. Новицкій.

Осиповъ, *Николай Петровичъ,*—писатель, переводчикъ, род. въ 1751 г. и былъ сынъ приказнаго; ум. 19-го мая 1799 г. въ Петербургѣ (по митр. Евгенію). Получивъ домашнее образованіе, пополненное пребываніемъ въ разныхъ пансіонахъ, Осиповъ поступилъ на военную службу въ л.-гв. Измайловскій полкъ, гдѣ въ 1773 г. былъ произведенъ въ прапорщики; въ 1781 г., за болѣзнью, вышелъ въ отставку, награжденный чиномъ поручика. Въ декабрѣ 1790 г. Осиповъ поступилъ на службу въ Главное Почтовое Правленіе, съ 1796 г. служилъ переводчикомъ въ Секретной почтовой экспедиціи. Къ этимъ скуднымъ біографическимъ свѣдѣніямъ служебнаго характера слѣдуетъ добавить данныя допроса, снятаго съ Осипова въ 1790 г., по поводу Радищевскаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»: эти данныя обрисовываютъ Осипова, какъ бѣднаго «сочинителя», жившаго въ «худенькомъ домикѣ» и добывавшаго средства къ жизни разными переводами, печатаемыми въ кредитъ. Сочиненія и переводы Осипова многочисленны и разнообразны. Въ перечнѣ ихъ есть переводы классическихъ западныхъ произведеній, беллетристическихъ, а также сочиненій по домашнему хозяйству, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Наибольшую извѣстность, однако, Осиповъ пріобрѣлъ какъ авторъ «8 пѣсней Энеиды, вывороченной наизнанку, шутливымъ слогомъ» (1791 г.). Эта пародія въ свое время имѣла значительный успѣхъ, а въ послѣднее время послужила, вмѣстѣ съ однородной пародіей И. П. Котляревскаго (1798 г.), предметомъ особыхъ изслѣдованій спеціалистовъ (проф. Дашкевича, акад. Соболевскаго, Минскаго и др.), которые выяснили, что Энеида Осипова можетъ быть названа передѣлкою, даже вольнымъ переводомъ «Virgils Aeneis travestirt» Блюмауера, въ свою очередь подражавшаго Скарроновскому «Le Virgile travesti en vers burlesques». Осиповъ весьма близко слѣдуетъ за Блюмауеромъ, передавая послѣдовательно его строфы въ семь стиховъ своими строфами въ десять и замѣняя главнымъ образомъ подробности нѣмецкаго быта подробностями быта русскаго. Литературныя достоинства Энеиды Осипова значительно ниже пародіи Котляревскаго. Нѣсколько меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ Энеида, пользовались «Овидіевы любовныя творенія», переработанныя Осиповымъ «во вкусѣ шутливой Энеиды» (1803 г.). Изъ прочихъ трудовъ Осипова по нѣскольку изданій выдержали его переводы повѣстей и романовъ, а также книги по разнымъ отраслямъ домашняго обихода и производства.

Кромѣ указанной передѣлки Энеиды (1-я и 2-я части вышли въ 1791 г., 3-я въ 1794 г., 4-я въ 1796 г., 2-е изд.—въ 1801 г.; остальныя 2 части, написанныя Котельницкимъ – въ 1802 и 1808 гг.) и «Овидіевыхъ любовныхъ твореній», Осипову принадлежатъ: «Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь» – «сочиненіе критическое» (1790), переводы: «Англинскія письма, или приключенія г-жи Клевеландини», съ франц., въ 2 ч., 1788, 2-е изд. 1790, 3-е изд. 1791; «Бездушной говорящій», съ нѣм., въ 2 ч., 1790; «Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ», съ англ., въ 6 ч., 1791—2; «Неслыханный Чудодѣй, или необычайныя и удивительнѣйшія приключенія храбраго и знаменитаго странствующаго Рыцаря Донъ Кишота», съ фр., въ 2 ч., 1791 и 1796; «О любви», изъ соч. Мерсье, 1792; «Похожденіе задомъ напередъ», германск. пов., 1793; «Алкивіадъ Мейснеровъ», 1794, 2-е изд. 1795; «Несбыточныя путешествія въ небывалыя части свѣта», съ нѣм., 1799; «Поэма Рихардетъ, служащая продолженіемъ и окончаніемъ Роланду», съ фр., 1800; «Мѣсяцесловъ загадливый, угадливый и предсказывающій», 1796; накопецъ рядъ

такого рода сочиненій, какъ: «Старинная русская ключница и стряпуха», 1790; «Новѣйшій и совершенный русскій конный знатокъ», 1791; «Карманная книга сельскаго и домашняго хозяйства» 1791 и 2-е изд. 1793; «Новый и совершенно расчетистый картежный игрокъ», 1791; «Россійскій винокуръ, пивоваръ, медоваръ, водочной мастеръ, квасникъ, уксусникъ и погребщикъ», 1792 и 2-е изд. 1796; «Крестьянинъ-скотоводъ», 1792; «Новый и совершенный русскій садовникъ», 1793; «Лакировщикъ, или наставленіе о заготовленіи, составленіи и употребленіи лаковъ и пр.», 1798.

Въ 1798 г. Осиповъ издавалъ журналъ «Что-нибудь отъ бездѣлья и на досугѣ, еженедѣльное изданіе, частію историческаго, а частію моральнаго, критическаго и шутливаго содержанія, взятаго изъ лучшихъ иностранныхъ періодическихъ писателей, но больше состоящаго изъ самыхъ новѣйшихъ краткихъ россійскихъ сочиненій».. Журналъ выходилъ съ іюня мѣсяца, разъ въ недѣлю, и 26 №№ его состоятъ исключительно изъ прозаическихъ статей самого издателя; направленіе журнала—сатирическое. Первое изданіе журнала «Что нибудь отъ бездѣлья», имѣющее на заглавномъ листѣ инициалы издателя: Н. О. относится къ 1798 г.; перепечатка—къ 1800 (на заглавномъ листѣ выставлены полностью имя и фамилія автора: Николай Осиповъ).

С. А. Венгеровъ, „Русская Поэзія", Спб. 1893, т. 807—814; вып. VI, 322—326; митр. Евгеній, „Словарь свѣтск. писателей", т. II, 108—110; Сборникъ статей, читан. въ отдѣл. р. яз. и слов. И. А. Н., т. V, вып. I, с. 269; А. Н. Неустроевъ, „Историч. розысканія о русск. повремен. изданіяхъ и сборн.", Спб. 1875, 835—838; Сопиковъ, „Библіографія" т. III, № 3918; В. В. Сиповскій, „Изъ исторіи русск. романа и повѣсти", Спб. 1903, (указат.); М. И. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи", Спб. 1889, т. I, 582—589; Н П. Дашкевичъ, въ разборѣ труда Петрова: „Очерки исторіи украинск. литер.". (XXIX Присужд. Уваровск. наградъ); А. И. Соболевскій, „Къ юбилею И. П. Котляревскаго" („Библіографъ" 1889, № 10—11); Н. М. В(иленкинъ-Минскій) въ „Нови" 1886 г.; „Моск. Вѣд." 1856, № 41 и 16; „Московск. Журн." 1791, ч. VI, с. 205; „Письма Карамзина къ Дмитріеву", Спб. 1866; Словарь Брокгауза и Ефрона. Вопросъ о годѣ изданія журнала „Что-нибудь отъ бездѣлья" положительно рѣшенъ В. И. Сантовымъ въ статьѣ „Разъясненіе одного вопроса въ исторіи русск. журналистики XVIII в." („Древн. и Нов. Россія 1878, т. II, с. 258).

Ив. К.

Осиповъ, *Петръ Осиповичъ*, штабъ-лѣкарь, писатель; родился въ 1807 году. Въ 1828 году Осиповъ поступилъ въ число казенно-коштныхъ воспитанниковъ Московскаго университета на медицинскій факультетъ, а два года спустя былъ командированъ въ Якиманскую холерную больницу. По прекращеніи холеры онъ снова продолжалъ занятія въ университетѣ, и въ 1832 году былъ выпущенъ лѣкаремъ III отдѣленія, съ назначеніемъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, и черезъ два года былъ переведенъ въ Галицкій егерскій полкъ. Съ 1842 г. до самой смерти (1855 г.) служилъ на Кавказѣ, въ Абинскомъ, Темнолѣсскомъ, Усть-Лабинскомъ и Кизлярскомъ военныхъ госпиталяхъ. Въ 1845 г. былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ званія штабъ-лѣкаря. П. О. Осипову принадлежитъ рядъ статей, напечатанныхъ въ «Другѣ Здравія», и между прочимъ статья «Наблюденія и опыты пользованія холодною водою по методѣ Присница» («Другъ Здравія», 1853 г. №№ 16 и 17).

Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", вып. I, Спб. 1886 г., тетр. 2; „Военно-Медицинскій Журналъ", 1854 г. ч. 63; „Медицинскій списокъ", 1845 г. стр. 70. *Е. Я.*

Осиповъ, *Тимофей*,—дьякъ приказа Устюжской Чети; упоминается съ 1598 г., когда подписалъ соборное дѣяніе объ избраніи на царство Бориса Θедоровича Годунова. Въ 1606 году, по воцареніи Лжедимитрія, былъ въ числѣ недовольныхъ его образомъ жизни, несогласнымъ съ общимъ укладомъ жизни тогдашней Москвы, и, отличаясь особымъ благочестіемъ, скоро примкнулъ къ заговору противъ новаго царя. Бракъ Лжедимитрія на Маринѣ Мнишекъ окончательно возмутилъ его благочестивую душу и, когда онъ получилъ приказаніе собрать 17-го мая 1606 г. народъ для объявленія Марины царицею и привести его къ присягѣ новой царицѣ, онъ не только не исполнилъ этого приказанія, но, явившись къ Лжедимитрію, началъ упрекать его въ томъ, что онъ не царь, «а воръ и измѣнникъ». Дворцовая стража немедленно убила дьяка и выбросила его трупъ за окно. Личность Т. Осипова и его отношенія къ Самозванцу не разъ служили матеріаломъ и для писателей-художниковъ; между прочимъ, наиболѣе выпукло представленъ Осиповъ Островскимъ въ его драматической хро-

никѣ: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».

Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) XI, 147 пр. 460. Сказанія Массы и Геркмана (Спб. 1874) стр. 198, 201, 284, 286, 287. пр. 292; Акты Археогр. Экспедиціи II, 45; С. Ѳ. Платоновъ: „Очерки по исторіи смуты" стр. 292; Русск. Историч. Библіотека II, 123, 125, 137. *Е. Л.*

Ослябя (въ мірѣ *Родіонъ*),—монахъ Троице-Сергіевскаго монастыря; сперва былъ «бояриномъ Любутьскимъ», потомъ постригся у преп. Сергія Радонежскаго въ его вновь основанномъ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ. Въ 1380 году, когда великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской отправлялся въ походъ противъ татаръ и заѣхалъ въ Троице-Сергіевскій монастырь, преп. Сергій приказалъ Ослябѣ, вмѣстѣ съ другимъ инокомъ, Пересвѣтомъ, сопровождать войско великаго князя въ походѣ. Въ битвѣ на Куликовомъ полѣ Ослябя, вмѣстѣ съ Пересвѣтомъ, принялъ дѣятельное участіе, но не раздѣлилъ судьбы Пересвѣта, убитаго въ самомъ началѣ сраженія, а невредимымъ вернулся въ свою обитель. Въ 1398 году, уже въ княженіе сына Димитрія Донского, великаго князя Василія Димитріевича, Ослябя былъ посланъ великимъ княземъ въ Царьградъ къ императору съ милостынею, «оскудѣнія ихъ ради», такъ какъ незадолго передъ этимъ Царьградъ подвергся осадѣ и опустошенію отъ турецкаго султана Баязета. Императоръ и патріархъ константинопольскій приняли Ослябя съ великимъ почетомъ «и прислаша къ великому князю икону чудну, на ней же есть написанъ Спасъ въ ризницѣ бѣлой; стоитъ же та икона въ церкви его Благовѣщенія, на его дворѣ и до сего дни на лѣвой сторонѣ на поклонной». Годъ смерти инока Ослябя неизвѣстенъ; погребенъ онъ былъ близъ Московскаго Симонова монастыря.

Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. VI, 130, VIII, 71; Никон. IV, 85; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) V; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза") I, 978. *Е. Л.*

Оснеръ, *Іоганнъ-Конрадъ*, придворный скульпторъ императора Петра Великаго. Родился въ 1673 году въ Нейендорфѣ у Нюренберга и Виссяаха, въ Ульмѣ получилъ начальное образованіе и тамъ же научился лѣпить изъ глины и рѣзать по дереву. Отправившись затѣмъ, по приглашенію, въ С.-Петербургъ, Оснеръ работалъ въ императорскомъ дворцѣ и въ знатнѣйшихъ домахъ, приготовилъ много деревянныхъ и гипсовыхъ статуй, а также выполнилъ множество лѣпныхъ и рѣзныхъ по дереву украшеній. Императоръ Петръ Великій во вниманіе къ замѣчательному трудолюбію Оснера, возвелъ его въ званіе придворнаго скульптора. Умеръ Оснеръ въ 1740-хъ годахъ. Сынъ его Іоганнъ былъ также скульпторомъ и служилъ въ Россіи при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны.

G. K. Nagler, Allgemeines Künstlerlexicon. München, 1841. *А. Н.*

Основскій, *Нилъ Андреевичъ*,—писатель. Литературная дѣятельность Основскаго началась въ 1850 годахъ нѣсколькими разсказами, помѣщенными въ «Современникѣ». Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣд.», «Московск. Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ и пользовался довольно широкой извѣстностью. Наибольшій успѣхъ изъ его произведеній имѣла повѣсть «Порода Хищниковъ», напечатанная въ 7 и 9 томахъ «Русскаго Вѣстника» (за 1857 г.). Н. А. Основскій скончался въ Москвѣ скоропостижно 2 іюня 1871 года. Кромѣ упомянутой повѣсти можемъ указать еще на слѣдующія его произведенія: «Федулычъ» («Современникъ» 1854 г. т. 46), «Петровъ день» («Современникъ» 1854 г. т. 48), «Неистовый Орландъ» («Современникъ» 1855 г. т. 50). Эти разсказы, вмѣстѣ съ разсказами: «Охота на медвѣдя» и «Порода Хищниковъ», были изданы отдѣльной книгой (Москва, 1857 г.). Кромѣ того, ему принадлежитъ: «Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою» (изд. въ М. 1852 г., подъ иниціалами: Н. О...).

«Библіот. для Чтенія» 1858, янв., стр. 35—48; „Иллюстрированная Газета" 1871 г № 23; „Иллюстрированный Календарь" на 1872 г., стр. 67; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1871 г. № 155; „Русскій Архивъ" 1873 г. № 8, ст. Г. Н. Геннади, стр. 1499; „Русскія Вѣдомости" 1871 г. № 118; Мезіеръ, „Русская Словесность" ч. II, Спб. 1902 г. стр. 272; „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона т. 22. *Е. В.*

Осокинъ, *Евграфъ Григорьевичъ*, тайный совѣтникъ, докторъ политическихъ наукъ, заслуженный профессоръ и ректоръ Казанскаго университета. Е. Г. Осокинъ родился въ 1819 году въ Вологодской гу-

берніи и былъ сынъ священника; воспитывался сначала въ Вологодской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ Главный Педагогическій Институтъ. Здѣсь онъ проходилъ курсъ наукъ по философско-юридическому отдѣленію и въ 1841 году былъ выпущенъ со званіемъ студента. Уволившись изъ духовнаго званія немедленно по окончаніи курса въ институтѣ, Осокинъ осенью того же 1841 года отправился за границу. Онъ слушалъ лекціи въ университетахъ: Дрезденскомъ, Лейпцигскомъ и Гейдельбергскомъ. Возвратившись въ Россію осенью 1843 года, Осокинъ сталъ готовиться къ магистерской диссертаціи Въ началѣ 1845 года онъ получилъ разрѣшеніе прочесть пробную лекцію, послѣ которой, 13 апрѣля того же года былъ назначенъ въ Казанскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ. Каѳедра эта была только что учреждена, и Осокинъ былъ первымъ преподавателемъ финансоваго права. Кромѣ того на него было возложено преподаваніе камеральнаго права. Утвержденный 11 мая 1846 года магистромъ государственнаго права послѣ защиты диссертаціи подъ заглавіемъ: «Историко критическое изслѣдованіе пауперизма» (Казань. 1846 г.), онъ вслѣдъ затѣмъ былъ утвержденъ и въ званіи адъюнкта. Въ мартѣ 1849 года Осокинъ защитилъ диссертацію: «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи» (Казань. 1850 г.), послѣ чего былъ утвержденъ въ званіи доктора политическихъ наукъ и избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Кромѣ того за это сочиненіе ему присуждена была Демидовская премія. Далѣе, въ теченіе шести лѣтъ, онъ послѣдовательно читалъ политическую экономію и статистику, законы государственнаго благоустройства и благочинія и россійскіе государственные законы. Утвержденный 16 ноября 1855 года въ должности ординарнаго профессора по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, онъ 13 декабря того же года былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета. Эту должность Осокинъ занималъ почти восемь лѣтъ до избранія своего, 22 августа 1863 года, въ должность ректора университета. Ректорство Осокина совпало съ тяжелымъ временемъ университетской жизни. Однако, благодаря своимъ выдающимся административнымъ способностямъ, онъ успѣшно справлялся съ своими обязанностями ректора, которыя несъ въ теченіе болѣе восьми лѣтъ, и оставилъ ихъ въ мартѣ 1872 г., утвержденный за два года передъ тѣмъ въ званіи заслуженнаго профессора. 3 мая 1876 года Осокинъ снова былъ избранъ ректоромъ Казанскаго университета; въ томъ же году онъ былъ приглашенъ членомъ комиссіи по пересмотру университетскаго устава. На этотъ разъ Осокинъ оставался въ должности ректора до самой своей смерти Онъ скончался въ Казани, 17 марта 1880 года. Кромѣ указанныхъ выше диссертацій, Осокину принадлежитъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій въ области финансовыхъ наукъ: «Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ» («Ученыя Записки Казанскаго Университета» 1852 г. т. IV), «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права» («Юридическій Сборникъ», Казань 1856 г.), «О понятіи промыслового налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи» («Сборникъ ученыхъ статей въ память пятидесятилѣтія Императорскаго Казанскаго Университета», т. II, Казань 1857 г., и отдѣльно, Казань 1856 г.) и др.

Н. П. Загоскинъ, „Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета“, Казань 1900 г.; „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета (1804—1904 г.), подъ редакціей Н. П. Загоскина“, Казань 1904 г.; Приложеніе къ „Настольному Словарю“ Толя, Спб. 1866 г.; „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона т. 22; „Извѣстія Императорскаго Казанскаго Университета“ 1880 г. № 6; „Новое Время“ 1880 г. № 164, „Казанскія Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 22; „Актъ 25-тилѣтія Главнаго Педагогическаго Института“ Спб. 1853 г. стр. 66—67; „Рос. Библіографія“ 1880, № 16. *Е. Ястребцевъ.*

Осорьинъ, *Каллистратъ Георгіевичъ*, по прозвищу Дружина, сынъ муромскаго помѣщика, жилъ въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вв.; въ грамотахъ 1625—1640 гг. упоминается какъ губной староста города Мурома. Въ 1614 г. Осорьинъ написалъ житіе своей матери Іульяніи Муромской («Житіе и преставленіе святыя и преподобныя и праведныя матере нашея Іульяніи Лазоревскія»), скончавшейся въ 1604 г., отличающееся отъ прочихъ житій XVI XVII вв. какъ своею безъискусственностью, такъ и множествомъ бытовыхъ чертъ; «это собственно не житіе, а мастерская характеристика, въ которой

…орьинъ нарисовалъ идеальный образъ …вне русской женщины». Позднѣе — въ …-1651 гг.—Осорьинымъ было написано «Сказаніе о явленіи животворящаго креста въ муромскихъ предѣлахъ при рѣкѣ глаголемой Унжѣ», извѣстное въ литературѣ болѣе подъ заглавіемъ—легенда о …рфѣ и Маріи, отличающееся тѣми же …стинствами и замѣчательное еще какъ протестъ противъ мѣстничества. Кромѣ …тихъ двухъ произведеній несомнѣнно принадлежащихъ Осорьину, ему приписывается еще составленіе «Службы святой праведной Іуліаніи, еже есть въ Муромѣ въ селѣ Лазаревѣ».

Акты, собран. Археографическою экспедиціею. Спб. 1836, т. III, № 163, 210, 295, 297; Акты, относящіеся до юридическаго быта' : I, стр. 695, 696; П. Строевъ, Библіологическій словарь. Спб. 1882, стр. 220—221; Филаретъ, „Обзоры духовн. рус. литер.", изд. 3-е, Спб. 1884, стр. 223; „Памятники старин. русск. литературы", издан. подъ ред. Н. Костомарова, Спб. 1860, вып. 1, стр. 53 — 59 текстъ легенды о „Марѳѣ и Маріи"): Ibid., стр. 61 — 67 (текстъ „Житія преп. Іуліаніи Лазоревской", съ пропусками); Н. Барсуковъ, „Источн. русск. агіографіи, стр. 282 — 283 („Списки житія»); В. О. Ключевскій „Древнерусскія житія святыхъ". М. 1871, стр. 322—23, его же, „Добрые люди древней Руси". М. 1896. стр. 4 —16 (оттискъ изъ журн. „Богословскій Вѣстн." 1892 № 1); О. И. Буслаевъ, Историческіе очерки русской народн. словесности, Т. II, СПБ. 1861 г., стр. 238 -268 статья VIII: „Идеальные женскіе характеры древней Руси"- разборъ обоихъ произведеній К. Осорьина); М. Толстой, „Іуліанія Іустиновна Осорьина" („Душепол. чтеніе" 1869 г., № 1, стр. 1—17). *А. Шиловъ.*

Оссаковскій, *Иванъ*,—докторъ медицины и хирургіи, членъ Медицинскаго Совѣта Царства Польскаго, писатель. И. Оссаковскій родился въ Краковѣ около 1811 года, умеръ въ Варшавѣ въ 1859 году. По окончаніи курса въ Ягеллонскомъ Краковскомъ университетѣ, Оссаковскій за диссертацію «De impetiginibus in genere» въ 1836 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи и около 1838 года занялъ должность адъюнкта въ клиникѣ профессора Берковскаго. Переселившись затѣмъ въ Варшаву, онъ въ 1842 г. занялъ должность ординатора, а въ 1849 г. главнаго врача больницы Св. Духа, и вскорѣ былъ назначенъ членомъ Медицинскаго Совѣта Царства Польскаго. Первымъ научнымъ трудомъ Оссаковскаго, напечатаннымъ еще въ Краковѣ въ 1834 году, былъ «Синоптическій указатель вывиховъ, случающихся въ человѣческомъ организмѣ» (Synoptyczny wykaz wywichów, wydarzających się w ludzkim organizmie, wraz z rozpoznawawczemi znakami i różnicami od złamań i sposobami odprowadzenia). Затѣмъ онъ помѣстилъ длинный рядъ статей въ «Tygodniku lekarskim», «Pamiętnikach Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego» и др. изданіяхъ. Отдѣльно имъ выпущенъ: «Przewodnik do śledzenia moczu w rozmaitych chorobach». Warszawa, 1857).

Hirsch. A, Biographisches Lexicon der hervoragenden Aerzte, Wien und Leipzig, 1886. Band IV; Kośmiński, Słòwnik lekarzòw polskich, Warszawa, 1883; Encyklopedja Powszechna S. Orgelbranda 1865 года, томъ 20; Bibliografja polska XIX stólecia, K. Estreicher, Kraków, 1876, томъ 3; Pamiętniki Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego, т. 24—28, 36; Sprawozdanie lekarskie ze szpitala Sw. Ducha, Panien Marcinkanek w Warszawie w roku 1851 (Pam. Tow. Lek. Warsz., 2 изд., 1852 г.); Tygodnik Lekarski 1851 года, №№ 43, 44 и 45. *А. Петровъ.*

Оссолинскій, графъ *Войцехъ Іосифовичъ*, первый ректоръ Варшавской Духовной римско-католической Академіи, прелатъ и каноникъ полѣсскій. Оссолинскій родился 25 апрѣля 1796 года въ деревнѣ Селюцизна, родовомъ имѣніи своего отца, графа Іосифа Оссолинскаго, хоружаго Мельницкой земли; начальное образованіе получилъ въ Бѣлой, затѣмъ прослушалъ курсъ въ Яновской семинаріи и спустя пять лѣтъ былъ назначенъ туда же преподавателемъ краснорѣчія и исторіи церкви и профессоромъ философіи. Въ 1819 году поступилъ студентомъ на богословскій факультетъ Варшавскаго Александровскаго университета, въ которомъ получилъ, по окончаніи курса, степень магистра богословія, и снова отправился въ Яновъ на должность профессора мѣстной семинаріи и послѣдовательно назначенъ каѳедральнымъ каноникомъ, судьею—суффраганомъ консисторіи, настоятелемъ въ Коцкѣ и вице-администраторомъ полѣсской епархіи. Въ 1829 году онъ былъ приглашенъ на каѳедру догматическаго богословія въ Варшавскую главную семинарію и 26 октября того же года получилъ отъ краковскаго университета дипломъ на степень доктора богословія. Когда въ 1836 году была учреждена въ Варшавѣ духовная римско-католическая академія, графъ Войцехъ Оссолинскій былъ предложенъ въ ректоры ея и назначенъ

на эту должность Высочайшимъ Указомъ отъ 7 января 1837 года. Должность ректора академіи графъ Оссолинскій занималъ до смерти. Умеръ Оссолинскій въ Варшавѣ въ 1842 году и похороненъ на Повонзковскомъ кладбищѣ. Изъ трудовъ Оссолинскаго осталась въ рукописи «Teologja dogmatyczna pasterska» и много разсужденій религіознаго характера, напечатанныхъ въ разное время въ Варшавѣ.

Подробныя свѣдѣнія см. въ „Pamiętnikach religijno-moralnych“ 1842 года, томъ III, стр. 556—569, въ статьѣ ксендза Л. Топольскаго: „Wiadomość o życiu ś. p. Księdza Wojciecha hrabi Ossolińskiego, Rektora Akademji Duchownej Rzymsko-Katolickiej Warszawskiej. Encyklopedja Powszechna 1865 года, томъ XX, стр. 137. Тоже, 1901 года, томъ XI, стр. 166. Журналъ Минист. Народ. Просв. 1837 года, январь, 1838, май, и 1840.
А. Петровъ.

Оссолинскій, *Францискъ-Салезій*,—послѣдній (по счету графа Д. А. Толстого—33-й) титулованный епископъ кіевской епархіи, докторъ богословія; родился въ 1730 году; въ юности принялъ монашество въ орденѣ францисканцевъ, затѣмъ продолжалъ образованіе въ Падуанскомъ университетѣ. Возвратившись на родину, Оссолинскій былъ игуменомъ въ монастырѣ въ Варкѣ и затѣмъ съ 1763 года въ Варшавѣ. Въ 1765 году Оссолинскій былъ назначенъ епископомъ дарданскимъ, а въ 1774 епископомъ кіевскимъ и черниговскимъ Умеръ Ф. Оссолинскій въ 1784 году въ Люблинѣ.

Orgelbrand, Encyklopedja powszechna. Tom. XX. Толстой, гр. Д. А., Римскій католицизмъ въ Россіи, т. I, стр. 528. Estreicher, Polnische Bibliographie des XVIII Iahrhunderts. Krakau 1888. *А. П.*

Останя, псковскій иконописецъ, работавшій въ серединѣ XVI в. Вмѣстѣ съ другими псковскими и новгородскими иконописцами былъ вызванъ на Москву въ началѣ 1550-хъ гг. для написанія новыхъ иконъ для сгорѣвшаго въ 1547-мъ г. Московскаго Благовѣщенскаго Собора. Окончивши работу въ Москвѣ подъ наблюденіемъ свящ. Сильвестра, Останя съ четырьмя товарищами отпросился во Псковъ, чтобы тамъ написать для собора четыре большія иконы: 1) Страшный судъ, 2) Обновленіе храма Христа Бога Нашего Воскресенія, 3) Страсти Господни въ евангельскихъ притчахъ и 4) икону съ четырьмя изображеніями: а) Почи Богъ въ день седьмый... б) Единородный Сынъ Слово Божіе, в) Пріидите, людіе... и г) Во гробѣ плотски... Всѣ эти иконы, принадлежащія по письму къ т. наз. новгородскимъ второго рода, отличаются совершенно западными особенностями по композиціи, а второй и четвертый отдѣлы послѣдней иконы представляютъ копіи съ западныхъ образцовъ, снятыхъ по гравюрамъ: первый—«Единородный Сыне...»—съ картины Чимабуэ, а второй—«Во гробѣ плотски...» съ рисунка Перуджино. Эти иконы своими новшествами, несогласными съ древнимъ преданіемъ, смутили дьяка Висковатова и послужили поводомъ для знаменитаго «розыска» по дѣлу послѣдняго.

Д. Ровинскій, Исторія рус. школъ иконописанія, „Записки Имп. Рус. Археолог. Общ.“ т. VIII с. 15, 169; „Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1847 г. кн. I с. 1—23, 1858 г. кн. II с. 1—42 (Розыскъ по дѣлу Ив. Мих. Висковатова); Ѳ. Буслаевъ, Для исторіи русск. живописи XVI в. „Историч. очерки“ т. II, Спб. 1861 г.; А. Голубцовъ, Изъ исторіи русской иконописи, с. 1—19, М. 1897 г.; Н. Покровскій, Очерки памятн. христ. иконографіи, с. 331, Спб. 1900 г.;—Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, с. 183 сл., Спб. 1892 г. *А. Ш—въ.*

Остафьевъ, *Андрей*, генералъ-маіоръ, астраханскій комендантъ. Въ 1704 г. Остафьевъ, въ чинѣ полковника, участвовалъ въ шведской кампаніи при взятіи русскими Вильны. Въ 1713 году, въ чинѣ полковника Азовскаго пѣхотнаго полка, принималъ участіе въ Финляндской войнѣ, и въ сраженіи со шведами при Таврастгустѣ былъ раненъ. Въ 1725 году, въ чинѣ бригадира, исполнялъ должность Астраханскаго коменданта, а 24-го февраля 1728 года, пожалованъ въ генералъ-маіоры и уволенъ отъ службы. Скончался Остафьевъ ранѣе 1757 года.

Сенатскій Архивъ VII, 638; Барановъ, Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ за XVIII вѣкъ, т. II; Голиковъ, Дѣянія Петра, т. I, II, XIII, XIV; Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. II. *П. А.*

Остенъ-Сакенъ, баронъ, впослѣдствіи графъ *Дмитрій Ерофеевичъ*,—генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государственнаго совѣта, завѣдующій военными поселеніями на югѣ Россіи. Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ родился въ 1789 году и былъ сынъ барона генералъ-маіора Е. К. Остенъ-Сакена; въ декабрѣ 1804 г. поступилъ юнкеромъ въ Елиза-

...градскій гусарскій полкъ, съ которымъ совершилъ кампанію 1805—1807 г. За ...личія, оказанныя во многихъ сраже...іяхъ, между прочимъ подъ Аустерли...цемъ, при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, былъ ...произведенъ въ апрѣлѣ 1807 г. въ кор...неты. Затѣмъ со своимъ полкомъ онъ на...ходился въ составѣ русскихъ войскъ, дѣй...ствовавшихъ въ австрійской Галиціи; по ...возвращеніи въ Россію былъ произведенъ ...въ поручики, а съ началомъ Отечественной войны назначенъ адъютантомъ къ гене...ралъ-лейтенанту гр. Остерману-Толстому. Въ этой должности онъ совершилъ всю кам...панію, причемъ за отличія въ Бородин...скомъ сраженіи былъ произведенъ въ штабъ-ротмистры и награжденъ орденомъ ...Анны 4-й степени. Затѣмъ, послѣ бѣг...ства французовъ изъ Москвы, преслѣдо...валъ непріятеля, находясь въ отрядѣ гр Милорадовича. По изгнаніи французовъ ...изъ Россіи, Остенъ-Сакенъ былъ переве...денъ въ л.-гв. Литовскій полкъ въ на...граду за боевыя отличія въ 1812 году; ...въ кампаніи 1813 года, въ званіи адъю...танта генерала-отъ-инфантеріи гр. Мило...радовича, отличился въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Бауценомъ, Кульмомъ, Лейп...цигомъ и др. По окончаніи кампаніи ба...ронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вернулся въ Россію, въ 1816 г. былъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ сначала въ Навагинскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ ...въ Владимірскій уланскій полкъ и вскорѣ ...былъ назначенъ командиромъ Астрахан...скаго кирасирскаго полка, въ которомъ ...онъ прослужилъ шесть лѣтъ. Произведен...ный 12-го декабря 1824 года въ генералъ-...маіоры и назначенный командиромъ 1-й ...бригады, 2-й уланской дивизіи, онъ въ ...скоромъ времени былъ переведенъ на ту ...же должность во вторую бригаду той же ...дивизіи, съ которой и началъ персидскую ...войну 1826—1828 гг., сначала въ составѣ ...отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-...лейтенанта князя Эристова, а потомъ подъ ...непосредственнымъ начальствомъ главно...командующаго графа Паскевича. Нахо...дясь въ составѣ главныхъ силъ, Остенъ-...Сакенъ со своею бригадою принималъ ...участіе въ осадѣ и взятіи крѣпости Аббасъ-Абада, въ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ и въ разбитіи войскъ, быв...шихъ подъ начальствомъ наслѣднаго ...принца персидскаго Аббасъ-Мирзы. За ...послѣднее дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣльнаго отряда, которому поручено было отправиться за рѣку Араксъ къ урочищу Кизилъ-чай и возвратить назадъ захваченныхъ персіянами жителей Нахичеванской области. Выполнивъ блестяще порученіе, онъ былъ назначенъ временнымъ правителемъ Нахичеванской области и главнымъ начальникомъ всѣхъ оставшихся тамъ войскъ. Вскорѣ Остенъ-Сакенъ узналъ, что Аббасъ-Мирза рѣшилъ напасть во флангъ и тылъ русскихъ войскъ, слѣдовавшихъ къ Эривани. Быстрыми движеніями онъ предупредилъ нападеніе и въ Корульскомъ ущельѣ на голову разбилъ значительный персидскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Ибрагима-хана. Затѣмъ, поступивъ подъ начальство генералъ-лейтенанта князя Эристова, онъ нѣкоторое время наблюдалъ за дорогою черезъ Джульфинскую переправу. Двинувшись потомъ къ Тавризу, онъ за взятіе этого города, 13-го октября 1827 года, былъ награжденъ золотою, украшенною бриллiантами саблею, съ надписью «за храбрость». Съ этихъ поръ, до заключенія съ персами мира онъ состоялъ начальникомъ всего Адербейджана и предсѣдателемъ Адербейджанскаго правленія, за что въ 1828 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и персидскимъ орденомъ Льва и Солнца 1-й степени. Назначенный исполняющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, Остенъ-Сакенъ принялъ дѣятельное участіе въ открывшейся вслѣдъ затѣмъ русско-турецкой войнѣ, руководя дѣйствіями кавалеріи во время осады Карса. Въ день штурма форштадта, взявъ приступомъ башни и захвативъ восемь орудій, онъ штурмовалъ и укрѣпленную гору Карадакъ, а потомъ, командуя всѣмъ правымъ флангомъ войскъ, много способствовалъ взятію Карса. За отличія, оказанныя при взятіи Карса, Остенъ-Сакенъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Затѣмъ ему поручено было двинуться къ крѣпости Ахалкалаки. Послѣ труднаго перехода черезъ хребетъ Чалдырскихъ горъ, крѣпость, 24-го ноября того же года, была взята. Затѣмъ онъ участвовалъ во взятіи ряда другихъ крѣпостей и въ осадѣ и взятіи Ахалцыха. Въ іюнѣ 1829 г. Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ начальникомъ Ахалцихскаго пашалыка и войскъ,

въ немъ расположенныхъ; находясь въ этой должности, онъ совершилъ двѣ удачныхъ экспедиціи въ Аджарію. Назначенный по окончаніи турецкой войны командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, а потомъ—командующимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, Остенъ-Сакенъ принималъ участіе въ польской кампаніи 1831 года, и за отличіе въ сраженіяхъ подъ Венгровымъ, Вавромъ, Гроховымъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Назначенный затѣмъ начальникомъ отдѣльнаго отряда, онъ получилъ предписаніе очистить отъ мятежниковъ пространство между р. Бугомъ и Наревомъ и прусской границей, и участвовалъ во многихъ стычкахъ съ мятежниками. Между прочимъ 7-го іюня нанесъ пораженіе корпусу Гелгуда на Панарскихъ высотахъ близъ Вильны; 16-го іюля овладѣлъ Ковной, а 25-го и 26-го августа, командуя сводной кавалерійской дивизіей находился въ сраженіи подъ Варшавой. По окончаніи польской кампаніи Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ командующимъ сводпымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ 1835 году—командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, причемъ въ октябрѣ 1843 года былъ произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи. Съ началомъ венгерской кампаніи онъ былъ назначенъ командующимъ войсками, расположенными въ Галиціи и за отличія, по окончаніи войны, получилъ австрійскій орденъ Леопольда большого креста и назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ январѣ 1850 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, а въ слѣдующемъ—шефомъ Новомиргородскаго уланскаго полка. Затѣмъ, онъ командовалъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Когда началась война съ Турціей и губерніи Херсонская, Таврическая и область Бессарабская были объявлены на военномъ положеніи, то Остенъ-Сакену были подчинены, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса, область Бессарабская и та часть Херсонской губерніи, что лежитъ на правомъ берегу р. Буга. Находясь въ Одессѣ во время объявленія крымской кампаніи, баронъ Остенъ-Сакенъ принялъ энергичныя мѣры къ защитѣ города, и подъ его руководствомъ были возведены тѣ батареи, которыя 10-го апрѣля 1854 г. съ успѣхомъ отражали нападеніе союзнаго флота. За это отраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Вслѣдъ затѣмъ назначенный начальникомъ севастопольскаго гарнизона онъ въ теченіе всей осады принималъ самое дѣятельное участіе въ оборонѣ, причемъ съ 18-го февраля 1855 года, послѣ отъѣзда кн. Меньшикова изъ Севастополя, состоялъ начальникомъ севастопольскихъ войскъ до прибытія новаго главнокомандующаго кн. Горчакова. 10-го августа 1855 года, за оказанныя заслуги, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ былъ пожалованъ въ графское Россійской Имперіи достоинство; 1-го января слѣдующаго года былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а черезъ годъ, по прошенію, уволенъ въ безсрочный отпускъ. 12-го января 1874 г. въ день пятидесятилѣтія служенія Остенъ-Сакена въ генеральскихъ чинахъ, ему были пожалованы алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Гр. Остенъ-Сакенъ скончался 3-го марта 1881 года на 92 году отъ рожденія, прослуживъ 76 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. За время своей службы онъ принималъ участіе въ 15 кампаніяхъ и болѣе, чѣмъ въ 90 сраженіяхъ и стычкахъ, но, несмотря на выдающуюся храбрость, ни разу не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Графъ Дм. Ер. Остенъ-Сакенъ не былъ чуждъ и литературной дѣятельности. Онъ напечаталъ: «Начало самобытной жизни А. С. Хомякова» («Утро» 1866 г., стр. 426—429), «Мысли о драгунахъ», Спб. 1862; «Обращеніе къ гражданамъ Одессы», Одесса 1872; «Свѣдѣнія объ осмотрѣ въ Елизаветградѣ и Одессѣ нѣкоторыхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній...», Одесса 1874; «Мысли о нѣкоторыхъ предметахъ военнаго дѣла и разныя военно-историческія свѣдѣнія» (Спб. 1865 г.); «Воспоминанія о Бородинской битвѣ» («Современная Лѣтопись» 1865 г., № 37), «Отрывокъ изъ Лѣтописи Елизаветградскаго гусарскаго полка» («Военный Сборникъ» 1870 г., т. 75, № 10), «Николай Николаевичъ Муравьевъ въ 18:6—1856 гг. въ Сибири» («Русская Старина» 1874 г., т. XI), «Военный совѣтъ при оборонѣ Севастополя 29-го іюля 1855 г.» (тамъ-же).

„Русскій Инвалидъ“ 1881 г. №№ 56 и 65; „Воскресный Досугъ“ 1866, № 198; Календари—Русскій и Всеобщій на 1882 г.; „Русскій Художественный Листокъ“ 1854 г., № 1.; „Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ“, біографическій очеркъ, Спб. 1872 г.; Н. Ѳ. Дубровинъ, „Ма-

…ріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя“, вып. I, II, V; его же: Исторія Крымской войны и обороны Севастополя“, Спб. 1900 г., т. II и III; Акты Кавказск. Археограф. Коммиссіи, т. VII, XI и др.; „Историч. Вѣстн.“ 1898, № 4; „Москвитянинъ“ 1856 г., № 3, ст. М. Погодина; „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г., № 43, ст. проф. Зеленецкаго, № 67 и 73 и 1872 г., № 134; „Херсонскія Губернскія Вѣдомости“ 1872 г., № 49; „Русская Старина“, т. 6, 11—13, 17, 19, 20, 21, 30 32; 1890, 1892, 1894, 1898 гг.; Словарь Брокгауза и Ефрона, Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, Леера; „Сочиненія А. С. Грибоѣдова“, т. I, Спб. 1889 г.—Нѣсколько писемъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакена къ разнымъ лицамъ находится въ печати, преимущественно въ историческихъ журналахъ, напр.: письмо къ гр. Киселеву отъ 16-го февраля 1855 года („Русская Старина“ 1883 г., т. 40), письмо къ Д. И. Красовскому („Русскій Архивъ“ 1875 г.), письмо къ митрополиту Леонтію („Русскій Архивъ 1892 г.), письма къ митрополиту Филарету (1855—1864), въ „Христіанск. Чтеніи“ 1899 г., № 8, стр. 257—263.

Е. Ястребцевъ.

Остенъ-Сакенъ, *баронъ Ерофей Кузьмичъ* (Еронимусъ Казимиръ),—генералъ-маіоръ, отецъ Д. Е. Остенъ-Сакена. Начавъ службу въ 1771 г., Остенъ-Сакенъ въ 1788 г. былъ уже произведенъ въ подполковники, съ оставленіемъ сверхъ комплекта въ Псковскомъ драгунскомъ полку, съ которымъ совершилъ турецкую кампанію и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1802 г., будучи уже генералъ-маіоромъ, назначенъ шефомъ Елизаветградскаго гусарскаго полка, которымъ командовалъ до самой своей смерти. Съ этимъ полкомъ онъ принималъ участіе въ первой войнѣ императора Александра I съ Наполеономъ и едва не потерялъ жизни во время Аустерлицкаго сраженія. Елизаветградскій гусарскій полкъ, во главѣ съ своимъ шефомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими полками, атаковалъ французовъ, но былъ опрокинутъ. Барону Остенъ-Сакену удалось снова собрать своихъ людей и вторично повести на непріятеля. Однако французская кавалерія на этотъ разъ отступила за скрыто поставленную батарею, которая и начала осыпать убійственнымъ огнемъ нашихъ гусаръ; послѣдніе не выдержали, дрогнули, повернулись и побѣжали. Напрасно баронъ Остенъ-Сакенъ старался ихъ удержать и повернуть на непріятеля. Тогда видя, что ничѣмъ нельзя остановить бѣгущихъ гусаръ, онъ обратился къ своему адъютанту К. К. Мердеру и сказалъ: «Я болѣе срамиться не въ состояніи». Остановившись, онъ вскорѣ (вмѣстѣ съ Мердеромъ) былъ окруженъ французскими кирасирами и завязалъ съ ними отчаянную схватку. Тяжело раненый въ голову и сбитый съ лошади, онъ былъ уже взятъ въ плѣнъ, но вскорѣ подоспѣвшая выручка вырвала его изъ рукъ французовъ. Долго послѣ этого баронъ Остенъ-Сакенъ не могъ оправиться; однако, съ началомъ новой войны съ Наполеономъ, онъ опять повелъ свой Елизаветградскій гусарскій полкъ и участвовалъ съ нимъ во многихъ сраженіяхъ. Баронъ Е. К. Остенъ-Сакенъ скончался въ 1808 году.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1843 г. № 62; „Списокъ воинскому департаменту“ на 1789 г. и 1796 г.

Е. Ястребцевъ.

Остенъ-Сакенъ, *Іоганнъ-Рейнгольдъ* (Христіанъ Ивановичъ), капитанъ 2-го ранга Черноморскаго флота, погибшій геройскою смертью въ русско-австро-турецкую войну 1787—1791 г.; родился въ началѣ 50-хъ годовъ XVIII столѣтія. Тотчасъ по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1772 г., съ чиномъ мичмана, онъ на кораблѣ «Чесма», въ эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова, принималъ участіе въ сраженіи при Лепанто; затѣмъ, до 1775 года, служилъ въ Черноморскомъ флотѣ и съ 1775 по 1786 гг.—въ Балтійскомъ. Совершивъ за это время нѣсколько плаваній, Остенъ-Сакенъ въ 1787 г., уже въ чинѣ капитана 2-го ранга, былъ назначенъ совѣтникомъ интендантской экспедиціи черноморскаго адмиралтейскаго правленія и командиромъ отряда ластовыхъ судовъ на Лиманѣ, а въ августѣ того же года былъ командированъ кн. Потемкинымъ съ шестисотной командой въ Польшу, въ мѣстечки Лебединъ и Староселье, для заготовки лѣса и постройки судовъ, и уже въ слѣдующемъ году привелъ къ Херсону 18 вооруженныхъ шлюпокъ и барказовъ. Вскорѣ по прибытіи Остенъ-Сакенъ получилъ въ командованіе только что построенную 40 весельную дуббель-шлюпку и поступилъ подъ начальство принца Нассау-Зигена, командовавшаго образованной Потемкинымъ на Днѣпровскомъ лиманѣ эскадрой изъ гребныхъ судовъ. Во второй половинѣ мая 1788 года эта эскадра пришла на правый берегъ Днѣпровскаго лимана, на пристань Глубокую, и принцъ Нассау-

Зигенъ, имѣя надобность условиться съ готовящимся къ осадѣ Очакова Суворовымъ относительно военныхъ дѣйствій, приказалъ Остенъ-Сакену отправиться въ Кинбурнъ, гдѣ стоялъ Суворовъ, и получить отъ него приказанія. Остенъ-Сакенъ отправился на своей дуббель-шлюпкѣ, исполнилъ данное ему порученіе, но какъ разъ въ то время, когда онъ собирался возвращаться на пристань Глубокую, неожиданно появился въ виду Кинбурна многочисленный турецкій флотъ; нѣсколько турецкихъ кораблей, отдѣлившихся отъ эскадры, начали преслѣдовать Остенъ-Сакена и нагнали его въ устьѣ Буга. Не желая попасть въ руки врага, Остенъ-Сакенъ взорвалъ шлюпку и погибъ со всей командой. Геройскій подвигъ Остенъ-Сакена произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе и былъ отмѣченъ императрицей Екатериной рядомъ монаршихъ милостей, оказанныхъ семьѣ погибшаго героя.

Словари: Брокгауза и Ефрона, Военный Лексиконъ, томъ XI, Лееръ, Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, т. VII; Общій морской списокъ, ч. V; „Морской Сборникъ" 1855 года, т. XV; Висковатовъ, „Еще о дѣлѣ капитана 2-го ранга Сакена и о самомъ Сакенѣ" („Морской Сборникъ" 1856 г., т. XXV, № 11, стр. 159—171); Θ. Θ. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса". Спб., 1852; Матеріалы для исторіи русскаго флота. Т.т. 12 и 13; „Русская Старина" 1876, т. XVI, 1899, т. XCVII, мартъ, стр. 659; фонъ-Раанъ, Перечень изъ собственнаго моего журнала въ продолженіе прошлой войны при завоеваніи Молдавіи и Бессарабіи съ 1787 по 1791 г.; „Другъ Просвѣщенія" 1805 г., ч. I, № 2, стр. 94—96 (Русскій анекдотъ); „Московскій Вѣстникъ" 1809 года, ч. I, № 22; „Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній" 1843 г., т. 41, № 162; 1844 г., т. 48; „Сѣверная Пчела" 1830 г., № 126; 1844 г. № 13; П. Н. Бѣлавенецъ, «І. Р. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ», Спб. 1901.

Александръ Петровъ.

Остенъ-Сакенъ, *графъ Карлъ Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, посланникъ въ Даніи, воспитатель великаго князя Константина Павловича; родился 6 апрѣля 1733 года. Отецъ его баронъ Іоганнъ-Густавъ былъ президентомъ консисторіи острова Эзеля. Начавъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, баронъ К. И. Остенъ-Сакенъ въ 1761 г. состоялъ переводчикомъ и 9 іюля былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, съ назначеніемъ «въ компату великаго князя Павла Петровича», при которомъ состоялъ болѣе десяти лѣтъ. По окончаніи воспитанія цесаревича, баронъ Остенъ-Сакенъ въ 1773 г. былъ назначенъ церемоніймейстеромъ, а два года спустя—русскимъ посланникомъ въ Данію, гдѣ между прочимъ принималъ участіе въ заключеніи морской конвенціи 28 іюля 1780 г. Въ 1784 г. Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Константина Павловича, при которомъ состоялъ до половины 1797 г. Произведенный въ день коронаціи императора Павла I (5 апрѣля 1797 г.) въ дѣйствительные тайные совѣтники, Остенъ-Сакенъ 8 іюня того же года былъ уволенъ, по собственной просьбѣ, отъ службы, а на слѣдующій день возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Вслѣдъ затѣмъ ему были пожалованы богатыя имѣнія въ Бѣлоруссіи и Прибалтійскомъ краѣ, въ которыхъ съ тѣхъ поръ онъ преимущественно и жилъ до самой своей смерти. Остенъ-Сакенъ не только умѣлъ снискать съ самаго начала, но и удержать до конца за собою расположеніе императора Павла Петровича. Со смертью этого государя Остенъ-Сакенъ совершенно удалился отъ Двора, такъ какъ зналъ о нерасположеніи къ нему императрицы Маріи Θеодоровны и интригахъ противъ которой онъ, какъ увѣряютъ, принималъ при жизни императора немалое участіе. Гр. К. И. Остенъ-Сакенъ скончался 24 января 1808 г.

Письма къ барону К. И. Остенъ-Сакену императора Павла I и императрицы Маріи Θеодоровны, въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. XX, стр. 397 — 446; П. Барановъ, „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ, т. III, Спб., 1878; „Сенатскій Архивъ", т. I, Спб., 1888; Д. Θ. Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ". Спб. 1887; Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. I; его же, „Императоръ Павелъ Первый", Спб. 1901; „Архивъ кн. Воронцова", кн. 8, стр. 95; Кн. П. Долгорукій, „Россійская родословная книга", ч. II, Спб. 1865, стр. 204—205; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.)", ч. I, М. 1894; гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи", ч. I, Спб. 1890; стр. 246; рукопись Шлуна, стр. 44.

П. М.

Остенъ-Сакенъ, *баронъ Романъ Θедоровичъ*,—дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ. Р. Θ. Остенъ-Сакенъ родился 1-го августа 1791 г. въ Лиф-

ляндіи. Прослуживъ въ теченіе семи лѣтъ актуаріусомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Остенъ-Сакенъ, 6-го іюля 1820 года, былъ назначенъ секретаремъ русскаго посольства въ Лондонѣ, но вскорѣ былъ привлеченъ къ участію въ работахъ по заключенію съ Пруссіей конвенціи о торговлѣ. Назначенный затѣмъ состоять при вице-канцлерѣ, онъ неоднократно исполнялъ различныя особыя порученія и въ 1828 г. болѣе шести мѣсяцевъ находился при главной квартирѣ Его Императорскаго Величества въ походѣ противъ турокъ. Произведенный 25-го іюня 1830 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Остенъ-Сакенъ 19-го января 1835 года былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и вскорѣ вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ отправился за-границу для изученія нашихъ торговыхъ сношеній. По возвращеніи Остенъ-Сакену поручено было выработать проектъ трактата между великимъ княжествомъ Финляндскимъ и Швеціей о торговлѣ, мореплаваніи и дружбѣ. 14-го апрѣля 1840 года онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Два года спустя, Остенъ-Сакену было поручено выработать проектъ конвенціи съ Пруссіей о выдачѣ дезертировъ, за выполненіе коего ему была пожалована золотая табакерка съ брилліантами. Будучи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ графа Несельроде, баронъ Остенъ-Сакенъ много потрудился по разнымъ вопросамъ международной политики и преимущественно по вопросамъ о торговыхъ трактатахъ. Высшими наградами барона Остенъ-Сакена былъ орденъ св. Александра Невскаго, пожалованный ему въ 1856 г., и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (30-го января 1863 года). Незадолго до смерти, баронъ Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ (30-го апрѣля 1863 года) членомъ совѣта министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ скончался 25-го іюня 1864 года.

Полный послужной списокъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1864 г. № 145; „Биржевыя Вѣдомости" 1864 г. № 175; „Кіевскій Телеграфъ" 1864 г. № 77; „Мѣсяцесловъ" на 1865 г.; надгробіе на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. *Е. Я.*

Остенъ-Сакенъ, (фонъ-деръ-) князь *Фабіанъ Вильгельмовичъ*,—генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій 1-й арміею, членъ Государственнаго Совѣта, шефъ Углицкаго пѣхотнаго полка. Ф. В. Остенъ-Сакенъ родился въ Ревелѣ 20 октября 1752 года и происходилъ изъ старинной курляндской фамиліи. Отецъ его баронъ Вильгельмъ-Фердинандъ, состоя въ чинѣ капитана адъютантомъ при гр. Минихѣ, былъ переведенъ въ ревельскій гарнизонъ, гдѣ и умеръ въ 1754 г. Оставшись послѣ смерти отца двухлѣтнимъ ребенкомъ, баронъ Остенъ-Сакенъ годы своего дѣтства провелъ въ бѣдной обстановкѣ. Мать помѣстила его въ школу, находившуюся въ Дерптѣ, но онъ пробылъ въ ней недолго. 18 октября 1766 года Ф. В. Остенъ-Сакенъ поступилъ подпрапорщикомъ въ Капорскій мушкетерскій полкъ; три года спустя, будучи въ чинѣ сержанта, участвовалъ въ блокадѣ города Хотина, а затѣмъ и въ дальнѣйшихъ дѣлахъ съ турками, при чемъ за выказанныя отличія былъ произведенъ въ сентябрѣ того же 1769 г. въ прапорщики, а въ слѣдующемъ году въ подпоручики съ переводомъ въ Нашебургскій мушкетерскій полкъ, съ которымъ и находился съ 1770 по 1773 годъ въ числѣ войскъ, сражавшихся подъ начальствомъ Суворова съ польскими конфедератами. Будучи въ Варшавѣ, баронъ Остенъ Сакенъ поступилъ ординарцемъ къ русскому послу гр. Штакельбергу, пріобрѣлъ расположеніе послѣдняго и оставался при немъ довольно долго. Произведенный къ 1785 г. въ капитаны, Остенъ-Сакенъ былъ переведенъ въ Сухопутный Шляхетскій кадетскій корпусъ, а въ слѣдующемъ году, въ чинѣ подполковника, былъ назначенъ въ Московскій гренадерскій полкъ, въ которомъ прослужилъ до 19 іюля 1789 года, когда былъ переведенъ въ Ростовскій мушкетерскій полкъ, въ составѣ котораго участвовалъ въ сраженіяхъ на р. Прутѣ и при взятіи Фокшанъ, при чемъ за храбрость, выказанную при овладѣніи непріятельскими окопами и монастыремъ св. Самуила, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Далѣе онъ участвовалъ въ занятіи Бендеръ и въ штурмѣ крѣпости Измаила, при чемъ самъ Суворовъ отзывался о немъ, какъ объ одномъ изъ «наиболѣе содѣйствовавшихъ мужествомъ и благоразуміемъ своимъ къ одержанію надъ непріятелемъ совершенной побѣды». Произведенный 10 августа 1792 года въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Черниговскій мушкетерскій полкъ, и вскорѣ принялъ участіе въ кам-

паніи противъ польскихъ мятежниковъ; между прочимъ за дѣло подъ Вильно Остенъ-Сакенъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». 28 сентября 1797 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, а 11 іюля 1799 года—въ генералъ-лейтенанты. Въ томъ же году, находясь въ корпусѣ Римскаго-Корсакова, онъ въ одной изъ геройскихъ аттакъ на колонны французовъ при Цюрихѣ былъ тяжело раненъ въ голову, взятъ въ плѣнъ войсками Массены и отправленъ въ Нанси. Въ 1801 году, по возвращеніи изъ плѣна, ему былъ ввѣренъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ и поручено было съ этимъ полкомъ охранять берега Эстляндіи и вести переговоры съ адмираломъ Нельсономъ; въ 1805 г. Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ сначала командующимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Гродненской губерніи, а потомъ резервнымъ корпусомъ во Владимірской губерніи, послѣднимъ впрочемъ недолго, такъ какъ, въ виду войны съ Франціей, онъ отправился въ нашу армію за-границу и участвовалъ, между прочимъ, въ сраженіяхъ: при Пултускѣ, деревнѣ Янковой, при Прейсишъ-Эйлау, и за оказанныя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени большого креста и прусскимъ орденомъ Краснаго Орла. Послѣ этого Остенъ-Сакенъ участвовалъ еще въ сраженіяхъ при деревнѣ Лаунау и подъ Гутштадтомъ. Вскорѣ по донесенію Бенигсена, онъ былъ лишенъ команды, отданъ подъ судъ и въ теченіе пяти лѣтъ жилъ въ Петербургѣ. Съ началомъ Отечественной войны, Остенъ-Сакену былъ ввѣренъ резервный корпусъ, расположенный на Волыни, съ порученіемъ охранять наши юго-западныя губерніи отъ вторженія австрійцевъ и саксонцевъ. По соединеніи южныхъ армій, начальство надъ которыми было поручено адмиралу Чичагову, Остенъ-Сакенъ поступилъ подъ его команду и принялъ корпусъ гр. Каменскаго. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ началъ отступленіе отъ Москвы. Чичагову повелѣно было спѣшить къ рѣкѣ Березинѣ, чтобы преградить Наполеону дорогу изъ Россіи; но противъ адмирала стояли австрійцы и саксонцы, подъ командой князя Шварценберга и генерала Ренье. Чтобы выполнить повелѣніе, Чичагову нужно было во чтобы то ни стало удержать на мѣстѣ кн. Шварценберга. Съ этою цѣлью онъ усилилъ войска Остенъ-Сакена корпусомъ генерала Эссена 3-го и поручилъ ему наблюдать у Брестъ-Литовска за кн. Шварценбергомъ. У послѣдняго было 50000 человѣкъ, у Сакена-же 27000; самъ же Чичаговъ направился къ Березинѣ. Удачными маневрами Остенъ-Сакену удалось привлечь на себя непріятельскія силы, разбить соединенные отряды подъ начальствомъ Конопки, нанести серьезное пораженіе корпусу Ренье въ ночномъ дѣлѣ подъ Волковыскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выиграть время, которымъ воспользовался Чичаговъ для выполненія своей задачи. Исполнивъ порученіе, Остенъ-Сакенъ отступилъ къ Брестъ-Литовску. Затѣмъ, выдѣливъ изъ своего корпуса нѣсколько отрядовъ въ Дунайскую армію, Остенъ-Сакенъ до конца кампаніи стоялъ близъ Ковеля. При отступленіи корпуса Ренье изъ Россіи онъ энергично преслѣдовалъ его до самой границы, при чемъ нѣсколько разъ наносилъ его аррієргарду серьезныя пораженія. По отступленіи Ренье изъ предѣловъ Россіи, Остенъ Сакенъ направленъ былъ въ Варшавское герцогство, соединился тамъ съ графомъ Милорадовичемъ и занялъ вмѣстѣ съ нимъ Варшаву. Вслѣдъ затѣмъ ему приказано было дѣйствовать противъ кн. Понятовскаго. Выступивъ съ корпусомъ изъ Варшавы, онъ занялъ 10 марта 1813 года предмѣстье крѣпости Ченстохово, и тѣсной блокадой и усиленнымъ бомбардированіемъ скоро заставилъ гарнизонъ сдаться на капитуляцію. Овладѣвъ Ченстоховомъ, Остенъ-Сакенъ двинулся къ Кракову, гдѣ стоялъ кн. Понятовскій со своимъ корпусомъ, и принудилъ послѣдняго удалиться въ Галицію. За очищеніе Варшавскаго герцогства отъ непріятеля Остенъ-Сакену былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Сакена противъ французовъ обращаетъ вниманіе его участіе въ составѣ Силезской арміи, подъ общимъ командованіемъ Блюхера. При появленіи Наполеона противъ Силезской арміи, послѣдняя отступила къ Ядеру. Въ это время Наполеонъ узналъ, что главная армія союзниковъ угрожала Дрездену и тотчасъ же возвратился туда, оставивъ противъ Блюхера маршала Макдональда. Послѣдній продолжалъ наступать на Блюхера, хотя его корпусъ значительно уступалъ по численности Силезской арміи. Блюхеръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, оста-

новился на рѣкѣ Кацбахѣ и разбилъ французскаго маршала. Въ этомъ сраженіи Остенъ-Сакенъ командовалъ правымъ крыломъ Силезской арміи. Ему поручено было овладѣть ключемъ непріятельской позиціи—высотами у Эйхгольца. Быстро поведя свой корпусъ въ атаку, онъ скоро разстроилъ лѣвое крыло Макдональда, овладѣвъ высотами между Бельсгофомъ и Эйхгольцемъ, утвердилъ на нихъ 12-ти пушечную батарею, опрокинулъ стоявшихъ впереди французовъ и захватилъ 42 орудія и много плѣнныхъ. О дѣйствіяхъ его въ Кацбахскомъ сраженіи Блюхеръ писалъ императору Александру I: «Я обязанъ побѣдою подъ Кацбахомъ особенно Сакену; быстро, и безъ приказаній моихъ занялъ онъ 12-типушечной батареей высоты между Бельсгофомъ и Эйхгольцемъ, посредствомъ чего я былъ поставленъ въ возможность тотчасъ обратить нападеніе на правое крыло непріятелей». Въ награду за Кацбахское сраженіе баронъ Остенъ-Сакенъ въ тотъ же день былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи. Далѣе, во время сраженія подъ Лейпцигомъ Сакенъ занялъ 6 октября своимъ корпусомъ позицію на сѣверной сторонѣ Лейпцига противъ Галльскихъ воротъ, защищенную нѣсколькими редутами, и на другой день атаковалъ Галльское предмѣстье. Будучи дважды отбитъ, онъ однако еще съ большей отвагой бросился на приступъ въ третій разъ и овладѣлъ предмѣстьемъ. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ французскія войска отступили за Рейнъ, союзныя же арміи преслѣдовали ихъ до самаго Рейна. Честь первыми перейти эту рѣку выпала на долю корпуса барона Остенъ-Сакена, который близъ города Мангейма, въ ночь съ 19 на 20 ноября, послѣ непродолжительнаго, но упорнаго дѣла, перешелъ Рейнъ. Послѣ переправы черезъ Рейнъ Сакенъ участвовалъ въ дѣлѣ при Бріеннѣ, нѣсколько разъ переходившемъ изъ рукъ въ руки и оставшемся встатки за русскими, причемъ въ послѣднемъ бою изъ-за обладанія селеніемъ Ла-Ротьеръ—ключемъ Бріенна—Сакенъ отбилъ у французовъ 20 пушекъ, въ числѣ нихъ была батарея молодой гвардіи, захваченная на глазахъ самого Наполеона. Бріеннская побѣда имѣла огромное значеніе, и императоръ Александръ I наградилъ главнаго ея виновника орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Не менѣе удачно дѣйствовалъ Сакенъ и въ сраженіи подъ г. Мо, а затѣмъ и при Кроа, въ которомъ, за отсутствіемъ Блюхера, онъ командовалъ Силезской арміей. Долго и упорно дрался онъ съ цѣлой арміей Наполеона, но въ виду того, что предпринятое обходное движеніе (по распоряженію Блюхера) не удалось, Сакенъ отступилъ къ Лаону. Три дня спустя баронъ Остенъ-Сакенъ участвовалъ въ ночномъ нападеніи на корпусъ Мармона, во время котораго французскій маршалъ лишился 45 орудій, 100 зарядныхъ ящиковъ и нѣсколькихъ тысячъ плѣнными.

По вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, Остенъ-Сакенъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и своимъ обхожденіемъ и умѣлыми распоряженіями о сохраненіи порядка скоро привлекъ къ себѣ симпатіи населенія. Въ знакъ признательности Городовое Правленіе Парижа поднесло Остенъ-Сакену, при отъѣздѣ его въ Россію, вмѣстѣ съ другими подарками, адресъ и золотую осыпанную брилліантами шпагу, на одной сторонѣ которой было высѣчено: «Миръ 1814 года», а на другой—«Городъ Парижъ Генералу Сакену».

По возвращеніи въ Россію, баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ въ командованіе 3-й корпусъ и съ нимъ въ слѣдующемъ году, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли, совершилъ заграничный походъ во Францію. Во время смотровъ при Вертю, онъ командовалъ центромъ нашей арміи. Вернувшись въ томъ же 1815 году въ Россію, Сакенъ продолжалъ командовать 3-мъ корпусомъ до смерти генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. Назначенный 8 іюня 1818 года главнокомандующимъ 1-й арміей, баронъ Остенъ-Сакенъ занималъ этотъ постъ почти до самой своей смерти, причемъ съ 26 августа того же 1818 года состоялъ и членомъ Государственнаго Совѣта. 8 апрѣля 1821 года баронъ Остенъ-Сакенъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ императоръ Николай I пожаловалъ гр. Остенъ-Сакена шефомъ Углицкаго пѣхотнаго полка, переименованнаго въ «полкъ графа Остенъ-Сакена». Въ томъ же 1826 году, 22 августа, графу былъ пожалованъ фельдмаршальскій жезлъ, а 22 сентября 1830 года—орденъ св. Владиміра 1-й степени. Скоро нача-

лось первое польское возстаніе, волненіе стало быстро распространяться по Литвѣ. Для подавленія мятежа, губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская были подчинены гр. Остенъ-Сакену. Быстро принятыми, энергичными мѣрами онъ уничтожилъ шайки мятежниковъ и возстановилъ спокойствіе. Въ награду за это императоръ Николай I пожаловалъ ему 1 іюля 1831 года свой портретъ, украшенный алмазами для ношенія на груди, а въ слѣдующемъ году, 2 ноября, возвелъ его въ княжеское Россійской имперіи достоинство.

Въ началѣ 1835 года 1-я армія была упразднена, и князь Остенъ-Сакенъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго ею. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя князя по этому поводу, между прочимъ сказано: «благопріятныя обстоятельства представляютъ Мнѣ возможность доставить вамъ необходимое отдохновеніе и покой послѣ долголѣтняго знаменитаго служенія вашего на пользу и славу Отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласивъ васъ въ С.-Петербургъ на постоянное жительство, пользоваться личными совѣтами и опытностью вашею. На сей конецъ Я приказалъ приготовить для васъ помѣщеніе въ одномъ изъ дворцовъ моихъ и сохранить вамъ содержаніе, по званію главнокомандующаго вами получаемое» (84000 руб.). Но преклонные годы и слабость здоровья удержали кн. Остенъ-Сакена въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался 7 апрѣля 1837 года. Тѣло его погребено на крѣпостномъ бастіонѣ, вправо отъ Богородично-Рождественской церкви у дальнихъ пещеръ.

„Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ", ч. IV, стр. 81—121; А. М. Михайловскій-Данилевскій, „Описаніе Отечественной войны 1812 г.", ч. 4; „Описаніе войны 1813 г." ч. 2; „Описаніе войны 1814 г."; „Дѣянія Россійскихъ полководцевъ и генераловъ, ознаменовавшихъ себя въ достопамятную войну съ Франціей въ 1812, 1813, 1814 и 1815 гг." ч. II; „Отечественная война". Составлено по сочин. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Спб. 1899 г.; Н. Дубровинъ, „Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 г." Спб. 1882 г.; „Сѣверная Пчела" 1837 г. № 61; (Памятникъ генералъ-фельдмаршалу кн. Остенъ-Сакену въ Курляндіи), 1835 г. № 33; „Русскій Инвалидъ" 1837 г. № 111—112; „Рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала кн. Фабіана Остенъ-Сакена, сказанная профессоромъ Мих. Максимовичемъ" (см. также въ „С.-Петерб. Вѣдом." 1837 г. № 99, стр. 439—440); „Журналъ Мин. Народн. Просв.„ 1837 г. ч. 14, № 4; „Московск. Наблюдат." 1837 г. ч. XI, стр. 388, 394; „Московскія Вѣдомости" 1837 г. № 37.

Е. Ястребцевъ.

Остервальдъ, *Тимоѳей Ивановичъ* (Dietrich Osterwald), тайный совѣтникъ, сенаторъ, преподаватель и воспитатель императора Павла I-го. Родился Остервальдъ въ 1729 году, воспитаніе получилъ въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1741 г. Еще въ бытность свою въ корпусѣ, Остервальдъ получилъ нѣкоторую извѣстность при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны, благодаря своимъ артистическимъ способностямъ. Вмѣстѣ со своими товарищами—Бекетовымъ, Мелиссино, Разумовскимъ и Свистуновымъ, онъ принималъ участіе въ театральныхъ представленіяхъ и обратилъ на себя вниманіе. Произведенный 12 февраля 1760 года въ подполковники, Остервальдъ въ томъ же году былъ опредѣленъ информаторомъ къ великому князю Павлу Петровичу и въ этой должности оставался до вступленія цесаревича въ бракъ. Преподавать ему было поручено исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки; но преподаваніе его было сухое, безжизненное: цесаревичу сообщались только имена да цифры; при томъ Остервальдъ, несмотря на выданный ему отъ корпуса аттестатъ о хорошемъ знаніи русскаго языка, весьма плохо выражался по-русски. «Я не могъ утерпѣть», разсказываетъ въ своихъ запискахъ другой воспитатель вел. кн. Павла Петровича—С. А. Порошинъ, «чтобы не поправить, услыша превратный и россійскому слуху странный выговоръ». По словамъ того же Порошина, великій князь не любилъ Остервальда; впрочемъ, благодаря своей честности, онъ не утратилъ своего положенія при Дворѣ императрицы Екатерины Великой и императора Павла. Онъ умеръ въ 1790-хъ годахъ, достигнувъ званія сенатора и чина тайнаго совѣтника.

Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, томъ XIX; Камеръ-фурьерскіе журналы; „Павелъ I", статья Шумигорскаго въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ"; Д. Ѳ. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе. Спб. 1883; Записки С. А. Порошина. Спб. 1844; Именной списокъ находящимся въ сухопутномъ корпусѣ кадетамъ. Спб. 1761, стр. 269; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ X; Подлинные анекдоты императрицы Екате-

рины Великой. Москва. 1806; „Русская Старина" 1876, № 12, тт. I—III, LXX, LXXI; „Русскій Архивъ" 1889, III; Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ Первый", Спб. 1901.

А. Петровъ.

Остерманъ, *графъ Андрей Ивановичъ* (Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ), д. тайный сов.; генералъ-адмиралъ; вице-канцлеръ; президентъ коммиссіи о коммерціи; первый кабинетъ министръ. Сынъ лютеранскаго пастора, А. И. Остерманъ родился 30 мая (ст. ст.) 1686 г. въ Бохумѣ, въ графствѣ Маркъ въ Вестфаліи, скончался 20 мая 1747 г. въ Березовѣ, въ Сибири. Получилъ образованіе въ университетѣ въ Іенѣ, откуда, однако, долженъ былъ удалиться сначала въ Эйзенахъ, а затѣмъ въ Амстердамъ въ Голландію, обвиняемый, какъ есть извѣстіе, въ убійствѣ на дуэли своего товарища. Въ Голландіи въ 1703 г. былъ принятъ на русскую службу адмираломъ Крюйсомъ, съ которымъ и прибылъ въ октябрѣ 1704 г. въ Россію (старшій братъ Остермана, Іоаннъ-Христофоръ-Дитрихъ, позднѣе мекленбургскій посланникъ въ Россіи, служилъ уже въ то время при русскомъ Дворѣ въ качествѣ воспитателя дѣтей царя Іоанна Алексѣевича). Владѣя языками нѣмецкимъ, голландскимъ, латинскимъ, французскимъ и итальянскимъ и прекрасно изучивъ русскій — изъ современниковъ Петра Великаго онъ писалъ наиболѣе правильно въ стилистическомъ и грамматическомъ отношеніи — Остерманъ былъ опредѣленъ въ 1708 г. переводчикомъ посольскаго приказа. Во время Сѣверной войны находился при походной канцеляріи Петра Великаго и уже въ первые годы службы получалъ довольно серьезныя порученія. Такъ, въ 1710 г. онъ былъ посланъ къ польскому королю съ извѣщеніемъ о взятіи Риги, а также къ дворамъ прусскому и датскому, склонить которыхъ къ болѣе активному участію въ войнѣ противъ Швеціи Петръ Великій особенно старался послѣ полтавской побѣды. По возвращеніи изъ поѣздки, Остерманъ въ томъ же году получилъ званіе секретаря посольской канцеляріи. Въ 1711 г. Остерманъ находился при Шафировѣ во время переговоровъ послѣдняго съ турецкимъ визиремъ (Прутскій походъ) и получилъ, очевидно, за отъѣздомъ самого Шафирова въ Турцію, 12 іюля званіе тайнаго секретаря. Съ этого времени начинается болѣе самостоятельная и отвѣтственная служебная карьера Остермана. Въ февралѣ 1713 г. онъ былъ посланъ «съ нужными *изустными* дѣлами» въ Берлинъ. Въ іюнѣ 1715 г., когда изъ-за открытаго соперничества Россіи и Швеціи началъ уже обрисовываться будущій антагонизмъ Россіи и Англіи, наложившій опредѣленный отпечатокъ на дипломатическія отношенія Россіи къ Европейскимъ державамъ во вторую половину Сѣверной войны, Остерманъ, въ званіи канцеляріи совѣтника, ѣздилъ, якобы «для осмотрѣнія новаго въ ботаникѣ изобрѣтенія» въ Голландію, гдѣ въ то время въ рукахъ кн. Б. И. Куракина сосредоточивались нити внѣшней русской политики, и гдѣ шведскій министръ бар. Герцъ принималъ участіе въ подготовлявшемся грандіозномъ заговорѣ англійскихъ якобитовъ. Въ 1717 г. Остерманъ вмѣстѣ съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ принималъ участіе въ Аландскомъ конгресѣ (шведскіе уполномоченные—Герцъ и Гіельмборгъ), на которомъ и игралъ съ русской стороны главную роль, несмотря на то, что оффиціально являлся лишь вторымъ уполномоченнымъ. Въ 1719 г., когда Россія, подготовляясь къ миру, наносила въ то же время послѣдніе вооруженные удары своей противницѣ, Остерманъ былъ посланъ въ Швецію склонять шведское правительство къ принятію русскихъ мирныхъ условій. При образованіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ Остерманъ 13 февраля 1720 г. получилъ въ ней мѣсто тайнаго канцеляріи совѣтника. Въ 1721 г. онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Брюсомъ на конгрессъ въ Ништадтѣ (шведскіе уполномоченные — гр. Лилиенстедтъ и бар. Стремфельдъ) и за заключеніе Ништадтскаго мира (30 авг.) былъ награжденъ званіемъ барона, чиномъ тайнаго совѣтника, деньгами и деревнями. Съ 1723 г. Остерманъ исполнялъ должность вице-президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ петровское царствованіе служба Остермана вообще сосредоточивалась исключительно въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ; при преемникахъ Петра Великаго, занявъ одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ, Остерманъ въ то же время принимаетъ видное участіе и въ дѣлахъ нашей внутренней политики. Послѣ восшествія на престолъ Екатерины I Остерманъ получилъ званіе вице-канцлера и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ началѣ 1726 г. при учрежденіи Верхов-

наго Тайнаго Совѣта онъ вошелъ въ число членовъ послѣдняго; въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ надъ почтами, и тогда же ему была поручена учрежденная «коммиссія о коммерціи». 1-го января 1727 г. Остерманъ былъ пожалованъ въ кавалеры ордена св. Андрея Первозваннаго и назначенъ оберъ-гофмейстеромъ (воспитателемъ) великаго князя наслѣдника Петра Алексѣевича; послѣднее званіе онъ сохранялъ и въ продолженіе всего царствованія Петра II. Участіе Остермана въ событіяхъ 1730 г. снискало для него благоволеніе новой государыни. 28 апр. 1730 г. онъ былъ возведенъ въ графское достоинство и награжденъ землями въ Лифляндіи; его жена была сдѣлана статсъ-дамой. Въ томъ же году, при упраздненіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіи сената, Остерманъ былъ назначенъ сенаторомъ; 10 ноября 1731 г. Остерманъ въ званіи второго кабинетъ-министра вошелъ въ составъ вновь учрежденнаго Кабинета (кромѣ него, гр. Головкинъ и кн. Черкасскій). Съ 1733 г. предсѣдательствовалъ въ военно-морской коммиссіи «для раз смотрѣнія и привиденія въ добрый и надежный порядокъ флота, адмиралтействъ и всего что къ тому принадлежитъ». Въ 1734 г., послѣ смерти гр. Головкина, получилъ званіе перваго кабинетъ-министра. Послѣ смерти Анны Іоанновны положеніе Остермана нѣсколько поколебалось. Правда, 10 ноября 1740 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-адмиралы и вступилъ въ полное управленіе морскимъ вѣдомствомъ; въ то же время онъ предсѣдательствовалъ во второмъ департаментѣ Кабинета, въ которомъ сосредоточивались дѣла иностранныя и морскія, — но званіе вице-канцлера за нимъ не было сохранено: званіе великаго канцлера было оставлено за Черкасскимъ, а гр. Михаилъ Головкинъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ внутреннихъ дѣлъ. Къ концу правленія Анны Леопольдовны первенствующее вліяніе Остермана на ходъ государственныхъ дѣлъ снова начинастъ возстановляться; паденіе Брауншвейгской фамиліи прервало, однако, его служебную карьеру. Арестованный въ ночь на 25 ноября 1741 г., онъ вмѣстѣ съ другими былъ осужденъ на казнь. 18 января 1742 г. надъ нимъ, на площади передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (нынѣшнее зданіе С.-Петербургскаго университета), былъ совершенъ обрядъ казни, но самая казнь замѣнена ссылкою въ Березовъ, гдѣ Остерманъ и прожилъ послѣднія пять лѣтъ своей жизни. Въ 1721 г. Остерманъ женился на Марѳѣ Ивановнѣ Стрѣшневой (р. 1698 г. † 24 февраля 1781 г., дочь стольника Ивана Родіоновича Стрѣшнева) и имѣлъ отъ нея дѣтей: Петра (р. 21 марта 1722 † 1 мая 1723 г.), Ѳедора (р. 21 марта 1723 † 10 ноября 1804 г.), Анну (р. 22 апр. 1724 г.; замужемъ за Матв. Андр. Толстымъ; отсюда — Остерманы-Толстые) и Ивана (р. 25 апр. 1725 † 19 апр. 1811 г.).

Послѣдовательно, ровно и постепенно проходилъ свою служебную карьеру Остерманъ, рано достигнувъ исключительнаго по своему значенію положенія въ правительственныхъ сферахъ. Своими служебными успѣхами онъ былъ обязанъ столько же своему умѣнію приспособляться къ людямъ и обстоятельствамъ, сколько, если еще не болѣе, присущимъ ему недюжиннымъ способностямъ крупнаго государственнаго дѣятеля. Умъ ясный и отчетливый, Остерманъ не столько отличался творческими способностями, сколько умѣніемъ вѣрно понять положеніе даннаго момента и, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, поставить себѣ и преслѣдовать вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ достижимыя цѣли. Онъ обладалъ достаточною гибкостью, чтобы во время отступить въ деталяхъ отъ разъ выработанной программы, разъ этой программѣ противорѣчили наличныя условія живой дѣйствительности. Конечная цѣль этой программы оставалась, однако, постоянно одна и та же; это былъ государственный интересъ, понимаемый имъ въ смыслѣ процвѣтанія государства и усиленія его внѣшней мощи, при бережливомъ по возможности отношеніи къ тѣмъ народнымъ силамъ, которыя питаютъ и поддерживаютъ государственный организмъ. Чужой въ Россіи и врядъ ли вообще способный на искреннее національное чувство, Остерманъ смотрѣлъ на свою государственную дѣятельность, въ значительной степени, какъ на извѣстную взятую имъ на себя обязанность, добросовѣстно выполнить которую его заставляли прежде всего его собственные интересы. Приблизившись къ Петру Великому и втянутый въ его работу, онъ былъ, однако, повидимому, искренно увлеченъ дѣломъ этого послѣдняго, какъ европеецъ, и вѣрно стоялъ

на стражѣ этого дѣла послѣ того, какъ самъ Царь-преобразователь сошелъ уже въ могилу, а его преемники порою забывали, а порою сознательно искажали его завѣты. Это не мѣшало Остерману относиться вполнѣ самостоятельно и къ государственной программѣ самого Петра Великаго. Пройдя серьезную служебную школу въ тяжелые годы Сѣверной войны, Остерманъ составилъ себѣ ясное представленіе о тѣхъ новыхъ условіяхъ, какія создавались для Россіи, благодаря ея новому положенію въ Европѣ, и тѣхъ задачахъ, какія изъ этихъ условій вытекали. Ученикъ во многихъ отношеніяхъ Петра Великаго, онъ благодаря отчетливости и многосторонности своего ума, являлся нерѣдко его активнымъ помощникомъ, формулируя въ ясныхъ положеніяхъ то, что чувствовалось этимъ послѣднимъ, и, быть можетъ, подсказывая порою тѣ выводы, на которыхъ самъ государь еще не остановился. Петровская программа — главнымъ образомъ въ области внѣшней политики—воспринятая Остерманомъ и проводимая имъ съ 1721 г., была въ нѣкоторыхъ частяхъ его собственною программою. Эта программа въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія отличалась въ существенныхъ своихъ чертахъ агрессивнымъ характеромъ. Ближе ознакомившись послѣ смерти Петра Великаго съ внутреннимъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и наличнымъ состояніемъ его силъ, Остерманъ отступилъ отъ петровскихъ принциповъ въ сферѣ внутренней политики, проникнутой при Петрѣ Великомъ началомъ строгаго меркантилизма и послѣдовательной государственной опеки; въ сферѣ внѣшней политики, оставаясь вѣренъ петровскимъ традиціямъ, онъ по той же причинѣ постепенно переходилъ къ болѣе примирительному направленію.

Участіе Остермана въ дѣлахъ внутренней политики при жизни самого Петра Великаго было сравнительно незначительно и сказалось, главнымъ образомъ, при устройствѣ коллегіальнаго управленія. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ участвовалъ Остерманъ въ дѣлѣ самаго введенія коллегій; ему, безспорно, принадлежитъ значительная доля участія въ тѣхъ частичныхъ мѣропріятіяхъ, какими въ послѣдніе годы петровскаго царствованія старались упорядочить дѣлопроизводство во вновь введенныхъ учрежденіяхъ и прежде всего въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Свои личные взгляды на желательный характеръ устройства послѣдней Остерманъ высказалъ въ «Предложеніи къ сочиненію штата коллегіи иностранныхъ дѣлъ», представленномъ имъ въ 1724 г. «во всемилостивѣйшее разсужденіе» и являвшемся по своему содержанію настоящимъ проектомъ регламента сказанной коллегіи. Отмѣчая важность тѣхъ вопросовъ, какіе должна вѣдать коллегія иностранныхъ дѣлъ, этотъ «вѣчный государственный архивъ и всѣмъ стариннымъ и прошедшимъ въ государствѣ дѣламъ, поступкамъ, поведеніямъ и взятымъ мѣрамъ вѣчное извѣстіе», Остерманъ находитъ желательнымъ, чтобы эта коллегія пополнялась постепенно «людьми изъ знатныхъ и честныхъ домовъ», знакомыхъ съ политическими науками, что дастъ ей со временемъ возможность обходиться безъ переводчиковъ, на которыхъ трудно полагаться, какъ на иностранцевъ. Строгое сохраненіе тайны должно являться, по мнѣнію Остермана, вообще основнымъ началомъ дѣлопроизводства въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которую въ своемъ «Предложеніи» онъ и называетъ прямо «тайнымъ совѣтомъ». Для проведенія этого начала имъ рекомендовался рядъ мѣръ, которыя сводились главнымъ образомъ къ упрощенію дѣлопроизводства въ коллегіи и изъятію изъ ея вѣдѣнія дѣлъ, не относящихся непосредственно къ ея главной задачѣ, къ возможно большему сокращенію личнаго состава коллегіи, строгому контролю за служащими какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, и къ увеличенію имъ оклада. «Предложенія» Остермана не были утверждены сенатомъ. Можно, однако, предполагать, что позднѣе, когда ихъ авторъ получилъ большее значеніе въ правительственныхъ сферахъ, они фактически отчасти были осуществлены въ видѣ частичныхъ мѣропріятій и распоряженій. Поскольку можно судить на основаніи сохранившихся документовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, ея дѣлопроизводство при Остерманѣ отличалось большою отчетливостью, а ея составъ, среди котораго преобладали русскія фамиліи, постоянно оставался немноголюднымъ.

Послѣ смерти Петра Великаго, дѣятельность Остермана по вопросамъ внутренней политики значительно расширяется и принимаетъ болѣе принципіальный характеръ. Наиболѣе рельефно эта дѣятельность выра-

зилась въ предпринятыхъ согласно его указаніямъ и мнѣнію мѣропріятіяхъ, цѣлью которыхъ былъ подъемъ народнаго благосостоянія, расшатаннаго долгими годами войны и реформъ, ослабленіе податного гнета и развитіе платежныхъ силъ страны. Таково предпринятое въ 1726 г. облегченіе по взиманію подушной подати, сводившееся частью къ уменьшенію размѣра податного оклада на $^1/_3$, частью къ частичному переводу денежнаго оклада на натуральный, къ перенесенію срока уплаты съ весны, наиболѣе тяжелаго для крестьянъ времени года, на осень и къ запрещенію ставить крестьянъ за недоимки на правежъ лѣтомъ, въ періодъ полевыхъ работъ. И позднѣе, когда по тому или другому поводу поднимался вопросъ объ упорядоченіи взиманія подушной подати, Остерманъ всегда высказывался за наиболѣе равномѣрное ея распредѣленіе между отдѣльными разрядами крестьянскаго населенія. Еще болѣе, однако, чѣмъ на благосостояніе крестьянства, имъ было обращено вниманіе на развитіе русской торговли и промышленности, что выразилось, главнымъ образомъ, въ его дѣятельности, какъ председателя коммиссіи о коммерціи. Возникшая въ концѣ 1727 г. по доношенію сената «о свободной торговлѣ», эта коммиссія была, въ значительной степени, осуществленіемъ желанія самого Остермана, предлагавшаго съ своей стороны незадолго до этого разсмотрѣніе въ особой коммиссіи вопроса о купечествѣ, которое пришло въ раззореніе и «воли требуетъ». Дѣятельность коммиссіи о коммерціи приняла, повидимому, сразу боевой оттѣнокъ, и новое учрежденіе заняло оппозиціонное положеніе по отношенію къ коммерцъ-коллегіи, гдѣ держались протекціонистскія традиціи петровскаго времени и гдѣ продолжалъ работать совѣтникъ названной коллегіи Баконъ, бывшій, по мнѣнію современниковъ, дѣйствительнымъ творцомъ запретительнаго тарифа 1724 г. и оставившій русскую службу въ 1727 г., когда дѣятельность остермановской коммиссіи приняла особенно энергичный характеръ. Широко ставя свою задачу, запрашивая мнѣніе самого купечества, коммиссія о коммерціи послѣдовательно отступила отъ принципа строгаго протекціонизма, стараясь, въ то же время, другими средствами не только оказать активную поддержку русской торговлѣ, но и создать для кореннаго русскаго купечества преобладающее положеніе въ внѣшней торговлѣ Россіи. Цѣлымъ рядомъ частичныхъ мѣропріятій (понижeніе пошлины на льняную и пакольную пряжу съ $37^1/_2$% на 5%, на галантерейные товары съ 10% на 5%, на товары, привозимые изъ Персіи для вывоза за море, съ 3% на 2%, разрѣшеніе ввоза французскаго вина, разрѣшеніе безпошлинной продажи за-границу судовъ, построенныхъ въ Россіи и т. д.) коммиссіей были внесены существенныя видоизмѣненія въ тарифъ 1724 г., и былъ подготовленъ переходъ къ болѣе либеральному тарифу 1733 г., введенному также благодаря стараніямъ Остермана. Въ связи съ этимъ коммиссія постаралась придать болѣе широкое толкованіе незадолго до этого изданному указу объ открытіи Архангело-городского порта и выдвинула вопросъ объ упраздненіи ограничительныхъ распоряженій относительно портовъ Ревельскаго и Нарвскаго. Была возстановлена торговля съ Хивою и Бухарою, а торговля съ Китаемъ, составлявшая до этого времени привиллегію правительства, была объявлена свободной, что, по мнѣнію Мардефельда, должно было невыгодно отразиться на участіи въ этой торговлѣ голландцевъ. Купцы, ѣдущіе въ Сибирь, освобождались отъ оброчныхъ денегъ и получали безвозмездно паспорта. Одновременно съ этимъ, отдѣльными концессіями и разрѣшеніями коммиссіей были отданы въ частное пользованіе цѣлый рядъ казенныхъ промышленныхъ предпріятій, и явно выражалось предпочтеніе частному веденію промышленныхъ дѣлъ передъ казенною монополіею. Были приняты мѣры для развитія и упорядоченія судостроенія въ Россіи. Предложенный коммиссіей уставъ о нагрузочныхъ судахъ (лихтерахъ) былъ принятъ и обнародованъ, какъ регламентъ (апрѣль 1727 г.). Было удешевлено судебное разбирательство торговыхъ дѣлъ. Въ 1729 г. коммиссіей о коммерціи былъ проведенъ первый въ Россіи вексельный уставъ. Въ тѣсной связи съ дѣятельностью коммиссіи о коммерціи стояла, повидимому, и личная дѣятельность Остермана, какъ директора почтъ. Развивавшаяся за время его управленія почтами сѣть почтовыхъ трактовъ шла навстрѣчу болѣе свободному развитію русской внѣшней торговли, искусственно стягиваемой

до этого времени къ Петербургу. Было установлено правильное почтовое сообщеніе между Москвою и Кіевомъ черезъ Калугу, Сѣвскъ и Глуховъ. Черезъ Казань и Нижній-Новгородъ почтовые тракты протянулись до Китайской границы у Оренбурга и черезъ всю Сибирь. Было установлено прямое почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Архангельскомъ черезъ Ладогу, Лодейное поле, Вытегру, Каргополь и Холмогоры взамѣнъ стараго, кружнаго на Москву и Ярославль. Прямое возвращеніе къ петровскимъ традиціямъ усиленія государственнаго могущества Россіи можно видѣть въ участіи Остермана въ коммиссіи о флотѣ, цѣлью которой было упорядоченіе флота, нѣсколько забытаго за время Петра II. Заключая обзоръ дѣятельности Остермана по вопросамъ внутренней политики, можно прибавить еще одну черту, характеризующую, какъ кажется, довольно опредѣленно его государственную программу. Это—его видимо несочувственное отношеніе къ сохраненію областныхъ особенностей и мѣстныхъ привиллегій въ общемъ государственномъ строѣ. Прошедшій подготовительную школу въ годы трудной борьбы Россіи за господство на Балтійскомъ морѣ, онъ опредѣленно высказывался за болѣе тѣсное формальное объединеніе вновь пріобрѣтенныхъ областей съ остальнымъ государствомъ. Такъ, есть извѣстіе, что при воцареніи Анны Іоанновны онъ высказался противъ уничтоженія оговорки, сдѣланной Петромъ Великимъ при обязательствѣ сохранять лифляндскія привиллегіи, «насколько они согласны съ образомъ правленія, установленнымъ въ Россіи», уничтоженія, о которомъ хлопотали въ то время сами лифляндцы, и котораго имъ и удалось добиться черезъ Левенвольде и Ягужинскаго. Въ томъ же 1730 г., по одному частному случаю, Остерманъ предлагалъ не допускать въ остзейскихъ провинціяхъ собранія съѣздовъ и сеймовъ мѣстнаго рыцарства безъ указа сената и безъ вѣдома мѣстныхъ губернаторовъ.

Принимая значительное участіе въ дѣлахъ внутренней политики, Остерманъ оказывалъ еще болѣе сильное и притомъ непосредственное вліяніе на ходъ и направленіе нашей внѣшней политики. Входя постепенно въ курсъ дѣлъ въ теченіе Сѣверной войны, принимая все болѣе и болѣе активное участіе въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными державами въ послѣдніе годы петровскаго царствованія, Остерманъ послѣ смерти Петра Великаго становится мало-по-малу истиннымъ вдохновителемъ русской политики. Его «мнѣнія не въ указъ» получаютъ обыкновенно значеніе правительственныхъ резолюцій, а изъ его помѣтокъ на поляхъ посольскихъ реляцій—зачастую даже безъ редакціонныхъ измѣненій—составляются рескрипты и инструкціи, опредѣляющіе дальнѣйшую дѣятельность представителей Россіи при различныхъ европейскихъ дворахъ. Выдѣлить степень личнаго участія Остермана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ, тѣмъ не менѣе, обыкновенно очень не легко. Лавировавшій среди различныхъ партій, Остерманъ нерѣдко былъ вынуждаемъ прятать свою собственную программу и выжидать удобнаго момента, когда послѣ цѣлаго ряда уступокъ и компромиссовъ со своими взглядами онъ могъ наконецъ проводить ихъ открыто. Въ подаваемыхъ имъ мнѣніяхъ онъ обыкновенно не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько старается навести на него, давъ исчерпывающее и повидимому—но лишь повидимому—безпристрастное изложеніе даннаго вопроса. Той же манеры онъ держится и въ своихъ письмахъ-инструкціяхъ къ русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, предоставляя имъ больше видимой самостоятельности и незамѣтно увлекая ихъ, въ то-же самое время, въ свою собственную политическую систему. Полный очеркъ дѣятельности Остермана на дипломатическомъ поприщѣ можно дать, только написавъ исчерпывающій очеркъ исторіи внѣшней политики Россіи за вторую четверть XVIII вѣка во всемъ ея объемѣ. Мы ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ главныхъ моментовъ въ этой исторіи, которые въ той или другой степени связаны съ личною дѣятельностью Остермана, и отмѣтимъ его взгляды на различные очередные вопросы въ этой области.

Первымъ случаемъ проявленія самостоятельной дѣятельности Остермана въ дѣлахъ внѣшней политики можно считать его участіе въ засѣданіяхъ Аландскаго конгресса, участвуя на которомъ, въ качествѣ второго уполномоченнаго, онъ пользовался повидимому бо́льшимъ довѣріемъ Петра, чѣмъ первый уполномоченный, гр. Брюсъ; вступалъ зачастую въ отдѣльные переговоры съ представителями Швеціи и въ

значительной степени сумѣлъ провести въ окончательный текстъ проэкта договора всѣ тѣ условія, какія были предложены со стороны Россіи. Въ своихъ донесеніяхъ съ Аландскаго конгресса Остерманъ первый ясно формулировалъ необходимость сближенія между побѣдительницею Россіею и побѣжденною Швеціею послѣ того, какъ послѣдняя утратила свое первенствующее значеніе па Сѣверѣ Европы, но могла еще быть полезна, какъ второстепенная держава, въ виду дальнѣйшихъ очередныхъ задачъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, а также все болѣе и болѣе выяснявшагося англо-русскаго соперничества. Аландскій конгрессъ не привелъ, какъ извѣстно, къ желательнымъ результатамъ, а раздраженіе большинства европейскихъ державъ противъ Россіи въ послѣдніе годы Сѣверной войны создавали для нея нерѣдко затруднительное положеніе и ослабляли порою значеніе ея военныхъ успѣховъ. Благодаря дѣятельности Остермана въ Швеціи въ 1719 г. и его энергичному образу дѣйствій на Ништадтскомъ конгрессѣ, Россіи по Ништадтскому миру удалось удержать всѣ тѣ изъ сдѣланныхъ ею завоеваній, которыя Петръ Великій дѣйствительно имѣлъ въ виду сохранить за собою уже тотчасъ послѣ Полтавской побѣды.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго участіе Остермана въ отдѣльныхъ вопросахъ внѣшней политики представляется неравномѣрнымъ. Можно предполагать, что дѣятельность его за это время сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на европейскихъ отношеніяхъ Россіи. Требованіе отъ Даніи освобожденія русскихъ торговыхъ кораблей отъ уплаты пошлины въ Зундѣ, какъ одно изъ средствъ упроченія могущества Россіи на Балтійскомъ морѣ и созданія выгодныхъ для нея условій въ ея торговой конкуренціи съ другими странами, высказанное впервые русскимъ уполномоченнымъ въ Даніи Алексѣемъ Бестужевымъ, нашло горячую поддержку со стороны Остермана. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Бестужеву Остерманъ намѣтилъ тѣ начала, которыхъ долженъ былъ держаться послѣдній въ своихъ переговорахъ съ датскимъ правительствомъ по зундскому вопросу, и которыя легли въ основу сѣверной политики Россіи въ послѣдніе годы петровскаго царствованія. Эта политика сводидилась къ поддержанію притязаній герцога голштинскаго на отнятый у него во время Сѣверной войны Даніей Шлезвигъ, къ стремленію войти въ тѣсное соглашеніе со Швеціей, поддерживая въ то же время въ самой Швеціи рознь политическихъ партій и внутреннюю слабость, и къ возстановленію нарушенныхъ съ 1720 года правильныхъ дипломатическихъ отношеній съ Англіей, гарантировавшей вмѣстѣ съ Франціей Шлезвигъ за Даніей. Заключеніе въ 1724 году (22 февр.) оборонительнаго союза со Швеціей, къ которому былъ прибавленъ секретный артикулъ о поддержаніи шлезвигскихъ притязаній герцога голштинскаго, и начавшіеся послѣ этого болѣе усиленные переговоры въ Парижѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ и отчасти Берлинѣ о примиреніи Россіи съ Англіей были первымъ непосредственнымъ результатамъ этой политики. Близко стоялъ Остерманъ и къ прусскимъ и польскимъ отношеніямъ Петра Великаго, цѣлью котораго было съ одной стороны, поддержать по возможности доброе согласіе съ Пруссіей въ виду династическихъ замысловъ Августа Саксонскаго въ Польшѣ, что могло грозить нежелательнымъ для Россіи усиленіемъ послѣдней; съ другой стороны,— осторожно противиться упроченію, въ какомъ бы то ни было видѣ, Пруссіи въ Курляндіи. Въ восточной политикѣ Петра Великаго Остерманъ принималъ менѣе активное участіе, хотя уже тогда считалъ, повидимому, восточный вопросъ наиболѣе очереднымъ вопросомъ для Россіи и выработалъ убѣжденіе о необходимости подготавливать постепенное ослабленіе Турціи въ Европѣ и не допускать ее до усиленія въ Азіи, прежде всего на счетъ Персіи у береговъ Каспійскаго моря, въ виду интерессовъ нашей азіатской торговли. Когда задачи, преслѣдуемыя Петромъ Великимъ послѣ Ништадтскаго мира на Балтійскомъ морѣ и его аггрессивная политика на Востокѣ поставили Россію въ необходимость искать въ Европѣ союзной поддержки и выбирать между предложеніями союза, шедшими со стороны Франціи и Австріи, Остерманъ въ душѣ склонялся на сторону Австрійскаго союза, хотя и долженъ былъ временно скрывать свои собственные взгляды, считаясь съ личными симпатіями царя, продолжавшаго недовѣрчиво относиться къ Вѣнскому двору.

Союзъ съ Австріей представлялся для него необходимымъ прежде всего для совмѣстной политики на Востокѣ и лишь отчасти для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались Россіей на Сѣверѣ Европы и въ Польшѣ. Наоборотъ, Франція внушала ему недовѣріе въ виду своего исконнаго стремленія поддерживать цѣлостность и прочность Швеціи, Польши и Турціи, стремленія, которое обусловливалось прежде всего отношеніями Франціи къ монархіи Габсбурговъ, но теперь, послѣ Сѣверной войны, косвенно могло итти въ разрѣзъ и съ интересами Россіи. Являясь сторонникомъ сближенія съ Австріей, Остерманъ всегда, однако, старался придать и сохранить за Австрійскимъ союзомъ строго оборонительный характеръ и воздерживаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ особенно запутанныя въ то время итальянскія отношенія Габсбурговъ и въ ихъ торговую политику во вновь пріобрѣтенной Фландріи.

Время Екатерины I было для Остермана временемъ торжества его политической системы въ ея отдѣльныхъ пунктахъ, но въ то же время заставило его разочароваться въ пригодности и безопасности тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ онъ думалъ добиться намѣченныхъ цѣлей. Въ представленномъ имъ «Генеральномъ состояніи дѣлъ и интересовъ Всероссійскихъ со всѣми сосѣдними и другими иностранными государствами въ 1726 году» и въ «Разсужденіи о персидскихъ дѣлахъ», поданномъ имъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ мартѣ того же года, Остерманъ подробно развилъ начала своей программы. Здѣсь онъ уже вполнѣ опредѣленно высказывается за союзъ съ Австріей и противъ союза съ Франціей, сочувствуетъ примиренію съ Англіей и рекомендуетъ продолжать прежнюю энергичную политику на Балтійскомъ морѣ. По вопросамъ восточной политики онъ является сторонникомъ болѣе медленнаго темпа, чѣмъ тотъ, какой приняла …ла политика въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія; обращая вниманіе на то, что вновь завоеванныя персидскія провинціи, разъ будетъ рѣшено сохранить ихъ за Россіей, потребуютъ большого количества войска, онъ тутъ же подчеркиваетъ, что до настоящаго времени эти провинціи больше требовали расходовъ, чѣмъ приносили пользы. Въ апрѣлѣ 1726 г. Австрія приступила къ русско-шведскому союзному договору 1724 г., а 6 августа того же года съ нею былъ заключенъ самостоятельный союзный договоръ оборонительнаго характера. Вниманіе русскаго правительства было, однако, временно отвлечено отъ восточныхъ дѣлъ и сосредоточилось на Балтійскомъ морѣ, гдѣ забота о государственныхъ интересахъ уступила мѣсто династическимъ проискамъ и притязаніямъ. Участіе голштинскаго министра гр. Бассевица въ событіяхъ, сопровождавшихъ занятіе Екатериною I престола, и женитьба герцога на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ содѣйствовали тому, что голштинскія притязанія, бывшія лишь орудіемъ въ рукахъ Петра Великаго, временно сдѣлались самодовлѣющею цѣлью русской политики. Зундскій вопросъ отступилъ на задній планъ, а сознаніе невозможности добиться отъ Даніи возвращенія Шлезвига приводило къ мысли о необходимости пріискать для герцога земельное вознагражденіе гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Въ связи съ притязаніями герцога на Шведскій престолъ, съ одной стороны, и стремленіемъ примирить русскія придворныя партіи, съ другой, эта мысль, въ свою очередь, порождала фантастическіе планы выдѣленія для герцога части новыхъ Балтійскихъ завоеваній Россіи, что привело бы de facto къ возвращенію этихъ завоеваній Швеціи, планы, съ которыми носился гр. Бассевицъ. Какъ ни безпочвенны были всѣ эти планы, они придавали русской политикѣ характеръ политики приключеній. Тревожные слухи о русскихъ замыслахъ на Балтійскомъ морѣ переплетались со слухами о замыслахъ союзницы Россіи, Австріи, мечтавшей о возрожденіи своего могущества. Заключившія еще въ концѣ 1725 г. между собою оборонительный союзъ (ганноверскій), Англія и Франція заняли угрожающее положеніе по отношенію къ Австріи и Россіи. Въ 1727 г. имъ удалось привлечь на свою сторону Швецію. Такой оборотъ дѣлъ заставлялъ Остермана все осторожнѣе и осторожнѣе относиться къ голштинскимъ притязаніямъ. Открыто бороться съ ними онъ не могъ въ виду той поддержки, которую долгое время голштинская партія встрѣчала у всесильнаго Меншикова. Послѣдовавшее къ концу царствованія Екатерины I охлажденіе отношеній между герцогомъ и Меншиковымъ въ общемъ лишь

отчасти измѣнило положеніе дѣлъ къ лучшему. Вмѣсто голштинскихъ притязаній Остерману приходилось считаться теперь съ притязаніями самого Меншикова, мечтавшаго объ образованіи для себя самостоятельнаго владѣнія изъ Курляндіи, что угрожало уничтоженіемъ всего того, что было уже сдѣлано въ этомъ герцогствѣ при Петрѣ Великомъ для будущаго его соединенія съ Россіей. Только послѣ смерти Екатерины I и, главнымъ образомъ, послѣ паденія Меншикова Остерманъ могъ болѣе послѣдовательно проводить свою программу, встрѣчая въ этомъ отношеніи сравнительно слабое противодѣйствіе со стороны своихъ дворцовыхъ соперниковъ, Долгорукихъ.

Горькій опытъ послѣднихъ лѣтъ и болѣе близкое знакомство за это время съ тяжелымъ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ Россіи не остались, однако, безъ вліянія и на его дальнѣйшую политическую программу. Время Петра II и первые годы царствованія императрицы Анны—время окончательнаго перехода Остермана къ примирительному направленію во внѣшней политикѣ. Свои взгляды онъ изложилъ за это время въ письмахъ къ гр. А. Г. Головкину и кн. Б. И. Куракину, русскимъ уполномоченнымъ на Суассонскомъ конгрессѣ, цѣлью котораго и было, главнымъ образомъ, примирить интересы участниковъ ганноверскаго союза, съ одной стороны, и Австріи и ея союзниковъ, съ другой. Post-scriptum письма Остермана къ кн. Куракину отъ 1 августа 1727 г. (до настоящаго времени ненапечатаннаго) такъ формулируетъ эти взгляды: «При нынѣшнемъ случаѣ система наша . . . ни въ чемъ иномъ состоять не можетъ: 1. Чтобъ убѣжать отъ всего, еже бъ могло насъ въ какое пространство вести. 2. Но чтобъ сіе получить, держать себя въ порядочномъ и добромъ состояніи, а между тѣмъ искать: 3. Освободиться добрымъ порядкомъ отъ имѣющихъ обязанностей съ голстинскимъ дворомъ . . . 4. Получа то, возобновить прежнее согласіе съ дацкимъ. 5. Короля прусскаго искать присодержать, ибо хотя и вспоможенія великаго отъ него ожидать невозможно, однако жъ для другихъ сосѣдовъ пригодится. 6. Съ цесарскимъ остаться въ союзѣ и для нынѣшнихъ нашихъ персицкихъ дѣлъ, которымъ Богъ конецъ вѣдаетъ. 7. А съ другими державами искать дружбу и союзъ, смотря по конъюнктурамъ и по обращеніямъ тамошнихъ дѣлъ». Примирительная программа Остермана шла, въ данномъ случаѣ, навстрѣчу общему примирительному направленію, замѣчаемому въ Европѣ къ 1730 г.—затишью передъ бурей 1733—35 г.г. Эта программа даетъ свои конкретные результаты лишь послѣ восшествія на престолъ императрицы Анны. 26 мая 1732 г. былъ заключенъ трактатъ дружбы и гарантій между Россіей, Австріей и Даніей. По этому договору Данія обязалась удовлетворить герцога голштинскаго денежнымъ вознагражденіемъ послѣ того, какъ онъ отречется отъ своихъ шлезвигскихъ владѣній; Россія и Австрія обѣщали склонять герцога къ принятію подобнаго вознагражденія. 30 апр. 1733 г., по силѣ этого трактата, между Россіей и Даніей была заключена конвенція объ условіяхъ взаимной помощи. Въ теченіе 1732 и 1733 г.г. были возстановлены дипломатическія сношенія съ Англіей. Въ 1732 г. Персіи были возвращены провинціи, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ, чѣмъ было предупреждено соглашеніе между Персіей и Турціей. Россія развязывала себѣ руки наканунѣ кризиса, подготовлявшагося въ Польшѣ. Польскія и турецкія событія 1733—39 г.г. послужили испытаніемъ политической программы Остермана въ ея основномъ пунктѣ, остававшемся все время неизмѣннымъ — признаніи необходимости для Россіи Австрійскаго союза.

Когда въ 1732 г. Франція, имѣя въ виду обезпечить кандидатуру на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, стремилась заручиться обѣщаніемъ помощи со стороны Россіи, и французскіе происки нашли поддержку при русскомъ дворѣ въ лицѣ Миниха, имъ противосталъ Остерманъ, подвергнувъ детальной критикѣ французскія предложенія. Предложеніе Франціи гарантировать европейскія владѣнія Россіи онъ находилъ имѣющимъ мало значенія въ виду далекаго разстоянія между обоими государствами. Разсчитывать на ея обѣщаніе дѣйствовать согласно съ Россіей и въ Польшѣ, и въ Турціи считалъ рискованнымъ какъ въ виду собственныхъ интересовъ Франціи, заставлявшихъ ее постоянно поддерживать оба названныя государства, такъ и въ виду того, что Франція обусловливала это обѣщаніе взаимнымъ обѣщаніемъ со стороны Россіи поддержи-

гать въ Польшѣ французскаго кандидата, подъ которымъ, очевидно, подразумѣвался никто иной, какъ Станиславъ Лещинскій. Въ данномъ случаѣ Остерманъ оставался на той же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ въ 1723 г.; какъ и тогда, въ своихъ замѣчаніяхъ на французскія предложенія, онъ противопоставилъ проекту союза съ Франціей сохраненіе союза съ Австріей. Сохраненіе этого союза въ данномъ случаѣ было, однако, равносильно согласію поддерживать въ Польшѣ кандидатуру саксонскаго курфюрста. Это, съ одной стороны, противорѣчило до извѣстной степени традиціямъ Петра Великаго въ виду постоянныхъ стремленій саксонскаго дома придать своей королевской власти въ Польшѣ наслѣдственный характеръ; съ другой стороны, должно было раздражить Пруссію, еще за годъ до этого старавшуюся согласиться съ Россіей о кандидатѣ на польскій престолъ. Поступаясь въ данномъ случаѣ своею программою, Остерманъ, въ тоже время, сдерживалъ русскаго представителя въ Варшавѣ, Левенвольде, отъ черезчуръ быстраго соглашенія съ саксонскою партіею. Россія согласилась поддерживать кандидатуру курфюрста лишь послѣ того, какъ этотъ послѣдній обязался употребить всѣ старанія, чтобы Россія была удовлетворена во всѣхъ своихъ притязаніяхъ со стороны Рѣчи Посполитой, и чтобъ Курляндіи былъ гарантированъ ея существующій образъ правленія. За то старанія Остермана привлечь въ польскомъ вопросѣ на русско-австрійскую сторону Пруссію не увѣнчались успѣхомъ.

Происки Франціи, раздраженной русскою политикою въ Польшѣ, усилили въ 1734 г. охлажденіе между Россіей и Турціей, отношенія между которыми вслѣдствіе пограничныхъ недоразумѣній и безъ того были довольно натянуты. Остерманъ долгое время былъ противъ вооруженнаго образа дѣйствій противъ Порты, сознавая, очевидно, неподготовленность Россіи, не оправившейся еще отъ Сѣверной войны, къ новому крупному военному предпріятію, и сдерживалъ въ этомъ отношеніи русскихъ представителей въ Константинополѣ: Неплюева и — съ 1735 г.—Вишнякова. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ уступить, встрѣтивъ противниковъ среди представителей высшей военной администраціи, главнымъ образомъ, въ лицѣ фельдмаршала Миниха. Эту войну Россія вела, какъ извѣстно, въ союзѣ съ Австріей. Вовлеченный въ нее вразрѣзъ со своими личными взглядами, Остерманъ попытался извлечь изъ нежелательнаго для него положенія дѣлъ возможно больше выгодъ. Когда въ 1737 г. начались первые мирные переговоры между союзниками и Турціей въ Немировѣ, въ своей инструкціи отъ 14 іюня того года русскимъ уполномоченнымъ онъ подробно изложилъ свою программу по восточному вопросу. По мѣткому выраженію новѣйшаго изслѣдователя, въ инструкціи 14 іюня «была введена въ границы слишкомъ широкая программа» Петра Великаго, хотя, по существу, «здѣсь все дышало» духомъ послѣдняго.

Возсоединеніе «Степи» отъ Дона до Днѣстра лежало въ основѣ этой программы; южная граница Россіи рисовалась Остерманомъ проходящею по нижнему Дунаю, но не захватывающею Крымъ. Мечтать о присоединеніи послѣдняго онъ находилъ еще преждевременнымъ и заботился лишь о томъ, чтобы гарантировать безопасность русскихъ южныхъ предѣловъ, заставивъ Турцію перевести изъ Крыма татаръ въ другія области и заселить его турецкими подданными «другого закону». Другою аналогичною мѣрою, которая наряду съ обезвреженьемъ Крыма представлялась желательною для Остермана, являлось доставленіе возможно большей политической независимости нашимъ сосѣдямъ, христіанскимъ подданнымъ Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, будущее положеніе которыхъ рисовалось ему «хотя на такомъ основаніи, какъ Курляндія». Остерманъ самъ, повидимому, имѣлъ мало надежды на законченное выполненіе своей программы въ ближайшемъ будущемъ и смотрѣлъ на нее скорѣе лишь какъ на руководящія начала, долженствующія лечь надолго въ основу русской восточной политики. Неумѣренныя требованія, предъявленныя Австріей въ Немировѣ, повлекли за собою разрывъ конгресса; въ то же время, примирившись съ Франціей, цесарскій дворъ согласился на французское посредничество между нимъ и Турціей, и Россія, не разсчитывавшая вести войну одними своими силами, не нашла возможнымъ отступить и въ этомъ случаѣ отъ своего союзника. Посредникомъ явился французскій уполномоченный при Портѣ, Вильневъ. Во время этихъ переговоровъ (русскій уполномоченный—фельдмаршалъ Минихъ) Остерманъ выступилъ уже съ значительно болѣе умѣренными требованіями и настаивалъ лишь на уступкѣ Россіи

Азова и на срытіи укрѣпленій Кинбурна и Очакова. Незначительный результатъ кампаніи 1738 г., не возмѣщенный дорого стоившими военными подвигами Миниха въ 1739 г., заключеніе Австріей сепаратнаго мира съ Турціей лишали Россію возможности достаточно энергично настаивать на удовлетвореніи своихъ требованій и оказать противодѣйствіе явно пристрастному образу дѣйствія Вильнева. 19 декабря 1739 между Россіей и Турціей былъ заключенъ миръ въ Бѣлградѣ, причемъ Азо́въ остался за турками. Отвѣтственность за неудачу турецкой войны 1735—39 гг. должна быть, такимъ образомъ, снята съ Остермана, не хотѣвшаго этой войны и нашедшаго оправданіе своей точки зрѣнія въ послѣдовавшихъ событіяхъ. Оставаясь вѣрнымъ и въ данномъ случаѣ своему принципу солидарности Россіи и Австріи, онъ не закрывалъ глаза на не всегда корректный образъ дѣйствія русскаго союзника и, стараясь извлечь возможно большую пользу для Россіи изъ ея союза съ цесарскимъ дворомъ, не приносилъ для него въ жертву русскихъ интересовъ.

Неудачи Россіи въ Турціи были въ то же время торжествомъ французской дипломатіи, перенесшей съ 1740 г. свои антирусскіе происки въ Швецію и даже въ придворныя сферы Петербурга и подготовлявшей, такимъ образомъ, почву новому приближавшемуся столкновенію Австріи и Франціи, которое и послѣдовало тотчасъ послѣ смерти императора Карла VI, когда началась война за австрійское наслѣдство. Черезъ годъ послѣ начала этой войны послѣдовало, однако, паденіе самого Остермана. Его отношеніе къ новому европейскому кризису остается, поэтому, какъ кажется, недостаточно выясненнымъ. Попрежнему онъ оставался сторонникомъ австрійскаго союза и попрежнему въ то же время старался беречь русскія силы, ограничиваясь по возможности дипломатическимъ вмѣшательствомъ въ ходъ европейскихъ событій и сосредоточивъ все свое вниманіе противъ непосредственнаго противника Россіи, Швеціи, посягавшей на возвращеніе остзейскихъ провинцій. Новое столкновеніе со Швеціей, униженіе русскаго союзника, Австріи, являлись, однако, второстепенными фактами въ сравненіи съ подготовлявшимися, одновременно съ этимъ, измѣненіями въ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Ростъ прусскаго могущества въ Европѣ (время короля Фридриха Вильгельма I—1713 —1740 г.) совпадаетъ съ годами государственной дѣятельности Остермана. Многое въ политикѣ послѣдняго—самостоятельныя задачи Россіи, преслѣдуемыя имъ послѣ Сѣверной войны на Балтійскомъ морѣ и прежде всего въ Курляндіи, его политика въ Польшѣ и его австрійскія симпатіи—должно было возбуждать въ Пруссіи недовѣріе къ Россіи. Лично Остерманомъ формула русско-прусскихъ отношеній не была выяснена точнѣе и опредѣленнѣе того, что было имъ высказано въ письмѣ къ Куракину отъ 1 августа 1727 г.: «короля прусскаго искать придержать, ибо... для другихъ сосѣдовъ пригодится». Остерману не пришлось выдвинуть эти отношенія на первый планъ; оцѣнивая будущее общеевропейское значеніе Пруссіи, онъ, повидимому, всегда старался выдѣлить отношенія Россіи къ этой державѣ, какъ частный вопросъ, стоявшій нѣсколько особнякомъ отъ другихъ вопросовъ русской внѣшней политики. Ввести органически эти отношенія въ общую политическую систему и тѣмъ внести новое осложненіе и видоизмѣненіе въ программу Петра Великаго суждено было ближайшимъ преемникамъ Остермана и прежде всего А. П. Бестужеву-Рюмину.

Въ теченіе своей долгой служебной карьеры Остерману приходилось сталкиваться и вступать въ сношеніе со многими изъ своихъ современниковъ. До насъ дошло большое количество отзывовъ и извѣстій о немъ, не столько, впрочемъ, сообщающихъ какія либо фактическія подробности о его дѣятельности, сколько отмѣчающихъ отдѣльныя черты его характера. Большинство этихъ отзывовъ довольно согласны между собою. Всегда необходимый для дѣла, Остерманъ, повидимому, мало кѣмъ былъ искренно любимъ внѣ своего узкаго семейнаго круга. Крайняя замкнутость въ частной жизни и двуличіе въ дѣловыхъ отношеніяхъ, переходящее зачастую прямо въ лживость, были, какъ кажется, главными тому причинами. Сдѣлавъ хорошую партію своею женитьбою и будучи человѣкомъ обезпеченнымъ, Остерманъ всегда оставался чужимъ среди высшей русской знати, чему способствовала отчасти и врожденная ему скупость, черта его характера, зачастую отмѣчаемая его современниками. Перейдя на русскую службу, Остерманъ не принялъ православія, но въ то же время оставался

совершенно чуждъ и протестантской церкви, отличаясь крайнимъ индиферентизмомъ въ религіозныхъ вопросахъ. Наряду со многими несимпатичными чертами въ характерѣ Остермана отмѣчается обыкновенно и многое такое, что выгодно отличаетъ его отъ многихъ изъ его современниковъ. Будучи скупъ, онъ отличался крайнею неподкупностью. Двуличный и лживый, онъ не измѣнялъ тому, кому служилъ, и современники затруднялись обыкновенно назвать ту или другую державу, интересамъ которой Остерманъ сознательно и по корыстнымъ соображеніямъ приносилъ бы въ жертву интересы Россіи. Стараясь сдѣлать свою личную карьеру, Остерманъ велъ часто и успѣшно интригу противъ того или другого изъ своихъ соперниковъ; руководящими мотивами въ этихъ интригахъ, наряду съ соображеніями личнаго характера, являлось, однако, иногда и принципіальное разногласіе по вопросамъ внѣшней политики.

Уже отъ времени послѣднихъ лѣтъ петровскаго царствованія до насъ доходятъ извѣстія о зависти и недоброжелательномъ отношеніи къ Остерману тѣхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми ему приходится нести свою службу. Еще на Аландскомъ конгрессѣ Брюсъ былъ, повидимому, недоволенъ тою активною ролью, какую Остерманъ взялъ на себя во время переговоровъ, будучи офиціально лишь вторымъ уполномоченнымъ. Какъ слишкомъ талантливаго помощника, его недолюбливалъ Головкинъ, и также относились къ нему Шафировъ и Толстой. За это время, однако, Остерманъ не игралъ еще самостоятельной роли, и тѣ перемѣны, которыя происходили тогда въ служебномъ составѣ высшей русской администраціи, скорѣе слагались въ его пользу, чѣмъ были имъ самимъ подготовлены, какъ напр., паденіе Шафирова. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи мѣняется съ момента восшествія на престолъ Екатерины I. Какъ уже извѣстно, Остерманъ съ этого времени выступаетъ, обыкновенно, сторонникомъ союза съ Австріей, несочувственно относится къ обособленію русской политики отъ европейской, но въ то же время остерегается и какихъ бы то ни было увлеченій чуждыми для Россіи интересами, разъ эти послѣдніе перестаютъ играть роль служебнаго орудія въ рукахъ самой русской политики. Этими началами обусловливаются зачастую въ это время и его служебныя симпатіи и антипатіи. Поддерживая вначалѣ герцога голштинскаго, Остерманъ скоро началъ относиться съ большою осмотрительностью къ тѣмъ проектамъ удовлетворенія интересовъ герцога, которые выходили тогда изъ подъ пера голштинскаго министра гр. Бассевица и въ которыхъ часто плохо маскировалось стремленіе вернуть Швеціи провинціи, завоеванныя Россіей во время Сѣверной войны. Къ 1727 г. герцогъ и Бассевицъ уже недовѣряли Остерману. Съ другой стороны, находя желательнымъ расположить къ Россіи Австрію, Остерманъ рано созналъ необходимость удовлетворить интересы законнаго наслѣдника Петра Великаго, его внука, великаго князя Петра Алексѣевича, приходившагося въ то же время по матери племянникомъ германскому императору Карлу VI. На первыхъ порахъ онъ старался, однако, примирить интересы внука Петра Великаго съ интересами прямого потомства Екатерины, результатомъ чего и былъ его проектъ брака великаго князя съ цесаревною Елизаветою. Какъ ни несбыточенъ былъ самъ по себѣ этотъ проектъ, любопытно, однако, что и здѣсь Остерманъ старался гарантировать русское государство отъ черезчуръ сильнаго вліянія на его политику голштинскихъ происковъ. Вновь завоеванныя Остзейскія провинціи должны были перейти послѣ смерти Екатерины къ цесаревнѣ Елизаветѣ, не отторгаясь, однако, отъ Россіи, а въ случаѣ отсутствія у послѣдней прямыхъ наслѣдниковъ онѣ могли перейти только къ тому изъ потомства Анны Петровны, герцогини голштинской, кто не будетъ наслѣдовать шведскаго престола. Ссора герцога Голштинскаго съ Меншиковымъ, погубившая дѣло перваго изъ нихъ, была въ данномъ случаѣ на руку Остерману; самъ Меншиковъ, однако, съ своими властолюбивыми взглядами и замыслами, особенно послѣ его вмѣшательства въ курляндское дѣло, представлялся ему опаснымъ, и онъ тотчасъ же начинаетъ противъ него интригу, опираясь, главнымъ образомъ, на сестру новаго императора, великую княжну Наталью Алексѣевну, пользовавшуюся большою любовью у своего брата. Послѣ паденія Меншикова (сентябрь 1727 г.) Остерманъ, еще при жизни Екатерины назначенный воспитателемъ и оберъ-гофмейстеромъ ея внука, пытался приложить всѣ старанія, чтобы дать серьез-

ное образованіе своему воспитаннику, свидѣтельствомъ чего служитъ составленное имъ «Расположеніе ученія» великаго князя. Въ этомъ учебномъ планѣ Остерманъ выдвигалъ на первый планъ изученіе новыхъ языковъ, новой исторіи (какъ всеобщей, такъ и русской) и общей политики. Въ исторіи предполагалось обратить вниманіе на изученіе какъ важнѣйшихъ событій въ главныхъ европейскихъ странахъ, такъ и на современное экономическое и политическое состояніе послѣднихъ и на ихъ политическія программы; въ общей политикѣ— выдвинуть на первый планъ теоретическія основанія политики; въ космографіи — изученіе исторической географіи Россіи по картамъ. Благотворное вліяніе Остермана на Петра II поддерживалось упомянутою сестрою послѣдняго, но послѣ ея смерти (ноябрь 1728 г.) окончательно уступило мѣсто вліянію Долгорукихъ.

Съ этого времени положеніе Остермана сдѣлалось очень непрочнымъ, и ему удалось удержаться, въ значительной мѣрѣ, благодаря отсутствію солидарности между самими его противниками, которые при иныхъ условіяхъ могли бы найти достойнаго ему замѣстителя въ лицѣ или реабилитированнаго къ тому времени Шафирова, или самого Василія Лукича Долгорукаго. Послѣ смерти Петра II, при избраніи на престолъ Анны Іоанновны Остерманъ сумѣлъ уклониться отъ участія въ томъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, на которомъ было рѣшено предложить новой императрицѣ ограничительные пункты, и тотчасъ же началъ дѣятельно работать противъ замысловъ верховниковъ, направляя свою агитацію, главнымъ образомъ, противъ Долгорукихъ (а не Голицыныхъ), которые опредѣленнѣе другихъ вельможъ высказывались противъ политической системы Остермана: изъ нихъ, его соперникъ В. Л. Долгорукій, являлся противникомъ австрійскаго союза. Агитируя въ 1730 г. противъ Долгорукихъ, Остерманъ старался заручиться поддержкою шляхетства, доказывая, что самодержавная государыня скорѣе исполнитъ ихъ пожеланія. Съ другой стороны, онъ нашелъ поддержку въ лицѣ бывшихъ въ то время въ Россіи представителей Австріи (гр. Вратислава) и Даніи (Вестфалена), для которыхъ переходъ русскаго престола въ линію царя Іоанна былъ желателенъ опять-таки какъ противовѣсъ голштинской партіи, продолжавшей опираться на прямое потомство Петра Великаго—цесаревну Елизавету Петровну. «Учиненіе въ самодержавіи» Анны, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ крушеніе значенія Голицыныхъ и Долгорукихъ, снова упрочило положеніе Остермана; однако, и въ аннинское царствованіе ему пришлось выдерживать упорную борьбу съ своими противниками. Первымъ изъ нихъ являлся фельдмаршалъ Минихъ, на котораго давно уже указывали какъ на единственное лицо при русскомъ дворѣ, равное Остерману по своимъ способностямъ и трудолюбію, какъ на человѣка, который противопоставлялъ австрійскому союзу идею сближенія съ Франціей и который дважды пытался уронить авторитетъ Остермана— въ началѣ царствованія Анны и при Аннѣ Леопольдовнѣ, но оба раза безуспѣшно. Отношенія Остермана къ Бирону, бывшія въ началѣ сносными, также начали портиться во вторую половину аннинскаго царствованія: временщикъ пытался въ это время противопоставить Остерману А. П. Бестужева - Рюмина, носителя петровскихъ традицій во внѣшней политикѣ, не раздѣлявшаго, повидимому, стремленія Остермана перейти къ болѣе примирительной программѣ. Цесаревна Елизавета, интересы которой въ свое время старался удовлетворить самъ Остерманъ, теперь точно также являлась его противницей. Недовольная имъ, какъ обойденная дочь Петра Великаго, она возбуждала въ немъ подозрѣніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своихъ симпатій къ голштинскимъ интересамъ, которыя проявлялись у нея, и въ довольно опредѣленной формѣ, послѣ отъѣзда изъ Россіи герцога голштинскаго и его супруги. Этимъ отношеніемъ Остермана къ Елизаветѣ и объясняется прежде всего та суровая участь, которая постигла его при занятіи ею русскаго престола. Тѣ династическія стремленія, которыя позднѣе обнаруживала порою въ своей политикѣ императрица Елизавета, и съ которыми приходилось порою бороться ея ближайшимъ совѣтникамъ и изъ нихъ первому — ученику и противнику Остермана, Бестужеву-Рюмину, показали, что Остерманъ не былъ совсѣмъ неправъ, относясь къ ней съ недовѣріемъ въ годы царствованія Петра II и Анны.

Архивные документы и извѣстія (изъ архивовъ: Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, и Государственныхъ—Пру...

Берлинъ), Саксонскаго (Дрезденъ), Австрійскаго (Вѣна) и Датскаго (Копенгагенъ). „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества" тт. III, V, VI (донесенія ...сонскаго посланника Лефорта), XV (донесенія прусскихъ посланниковъ), XL, XLIX, LII, LVIII, LXIV, LXXV, LXXXI, LXXXVI, XCII (донесенія французскихъ посл.), LXI, LXVI, LXXVI, LXXX, LXXXV (донесенія англійскихъ посл.), LV, LVI, LXIII, LXIX. LXXIX, LXXXIV, XCIV, CI (протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта). „Генеральное состояніе дѣлъ и интересовъ Всероссійскихъ со ...ми сосѣдними и другими иностранными Государствами въ 1726 г." (Сѣвер. Архивъ 1828 г. кн. I); „Расположеніе ученія Е. И. В. Петра II, императора и самодержца всероссійскаго. По учрежденію Е. Прев. г. государственнаго вице-канцлера д. т. сов. бар. Остермана" 1728 г.; „Всепресвѣтлѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя, Петра Алексѣевича Второго, Императора и самодержца указы и уставы, состоявшіеся въ Верхов. Тайн. Совѣтѣ по доношеніямъ Коммиссіи о Коммерціи" 1727 г.; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г. и тт. I—IV М. 1894—1902. Бассевица „Eclaircissemens..." (Büching's Magazin" IX). Дневникъ Берхгольца. М. 1859—60. „Записка Англійскаго Резидента Рондо о нѣкоторыхъ вельможахъ Русскаго Двора въ 1730 г.". (Чтенія 1861, II); лэди Рондо „Письма о Россіи" Спб. 1874. Манштейнъ „Записки о Россіи" М. 1823 (а также приложеніе къ Рус. Стар. 1875). де-Лиріа, „Записки" Спб. 1815 (см. также Рус. Стар. 1873 г.); его-же „Донесенія". („XVIII вѣкъ" т. II и III). „Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1802—1902". Спб. 1902., Соловьевъ „Исторія Россіи" (по указателю). Д. А. Корсаковъ „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны". Кз. 1880. П. Н. Милюковъ „Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Іоанновны" (Сборникъ „Въ пользу воскресныхъ школъ" М. 1894 г.). В. И. Герье „Борьба за польскій престолъ". М. 1862 г. А. Кочубинскій „Гр. А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи". О. 1899 г. Hempel „Leben und traurige Fall gr. v. Ostermann". „Einige Nachrichten von dem varmaligen V.-Kanzl. Gr. v. Ostermann" (Büching's Magazin III). Шубинскій „Гр. А. И. Остерманъ" (Сѣв. Сіяніе 1863 г. ч. II). П. Каратыгинъ „Семейныя отношенія Остермана" (Ист. Вѣст. 1884 № 9). Ал. Ск. „Генералъ - Адмиралъ А. И. Остерманъ" (Морской Сборникъ 1857 т. XXX). Гельбигъ „Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в." (Рус. Стар. 1886 г. № 4). Н. Абрамовъ „Могила Остермана въ Березовѣ" (Чтенія 1866 г. кн. II). Б*** „Краткое описаніе жизни А. И. Остермана" (Журналъ для пользы и удовольствія 1805 г. ч. II, № 4). Шредеръ, „Гр. А. И. Остерманъ" (Геній времени 1808 г., ч. II, №№ 65, 83, 84, 85). Евдок. Тыртовъ, „Жизнь гр. А. И. Остермана, министра Петра Великаго" М. 1809 г. П. Долгоруковъ кн., „Гр. А. И. Остерманъ" (Рус. Бесѣда 1841 г. т. II).

М. А. Поліевктовъ.

Остерманъ, графъ *Иванъ Андреевичъ*, — д. тайн. совѣтн., государственный канцлеръ, сенаторъ; родился 23 апрѣля 1725 года и былъ младшій сынъ гр. Андрея Ив. Остермана; умеръ въ Москвѣ 18 апрѣля 1811 года. Службу началъ въ гвардіи и въ 1741 г. былъ капитаномъ л.-гв. Преображенскаго полка. Опала, постигшая Остермана -отца, со вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы, отразилась и на его дѣтяхъ: Иванъ Андреевичъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. Онъ отправился въ заграничное путешествіе и объѣхалъ почти всю Европу, изучилъ нѣсколько языковъ и вообще занялся пополненіемъ своего образованія. Между тѣмъ, враги Остермановъ утратили свое вліяніе при Дворѣ, и И. А. Остерману удалось вновь поступить на службу: въ 1757 году онъ былъ опредѣленъ кавалеромъ посольства въ Парижъ, гдѣ пробылъ два года; затѣмъ, произведенный въ тайные совѣтники, занялъ мѣсто графа Н. И. Панина при Стокгольмскомъ Дворѣ, со званіемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Въ Стокгольмѣ Остерману пришлось бороться главнымъ образомъ съ вліяніемъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, желавшаго склонить молодого шведскаго короля Густава III къ нарушенію конституціи и введенію въ Швеціи абсолютизма и обѣщавшаго для этого поддержку Франціи. Молодой и честолюбивый Густавъ, склоняясь на предложенія французскаго правительства, началъ поступать самовластно и уже готовилъ разрывъ между сѣверными державами. Остерману предстояла трудная задача предотвратить готовившійся конфликтъ, и онъ успѣлъ въ этомъ, сумѣвъ заслужить довѣріе и расположеніе Густава III и внушить ему, какъ опасна была бы для него война съ Россіей (конецъ 1772 года). Вообще, въ теченіе четырнадцатилѣтняго своего пребыванія въ Швеціи графъ Остерманъ имѣлъ значительное вліяніе на дѣла и не разъ помогалъ своими совѣтами королю, который самъ засвидѣтельствовалъ это въ своемъ письмѣ графу отъ 28 декабря 1774 года. «Дружбу и довѣріе, ненарушимо царствовавшія между мною и Вашимъ дворомъ» — писалъ Густавъ: «я приписываю Вашимъ благимъ намѣреніямъ. Вы можете быть увѣрены въ моемъ къ Вамъ уваженіи, равно какъ и въ томъ участіи, какое

всегда принимать буду во всемъ, что будетъ касаться до Васъ лично»... Въ августѣ 1774 года Остерманъ былъ отозванъ въ Петербургъ и, по увольненіи вице-канцлера князя А. М. Голицына (въ апрѣлѣ 1775 г.) занялъ его мѣсто. Въ іюнѣ 1781 года графъ Остерманъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожалованъ въ званіе сенатора, въ слѣдующемъ году награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст., а по смерти гр. Н. И. Панина назначенъ въ 1783 году главноначальствующимъ надъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ. (Въ послѣднее время до этого назначенія онъ былъ членомъ комитета о переселеніи ногайскихъ татаръ въ предѣлы Россіи). Въ помощники ему были назначены: А. А. Безбородко и П. В. Бакунинъ-Меньшой.

По вступленіи на престолъ императора Павла I-го графъ Остерманъ, бывшій въ теченіе 23-хъ лѣтъ вице-канцлеромъ, былъ возведенъ 9 ноября 1796 года въ званіе государственнаго канцлера, но уже въ слѣдующемъ году, не будучи вовсе въ силахъ, вслѣдствіе старости, заниматься государственными дѣлами, испросилъ себѣ увольненіе. 21 апрѣля 1797 года состоялся Высочайшій указъ объ отставкѣ Остермана, при чемъ онъ, вслѣдствіе «болѣзненныхъ припадковъ», былъ уволенъ «съ полнымъ трактаментомъ» и, кромѣ того, съ подаркомъ серебрянаго сервиза. Другой награды ему не дали, такъ какъ онъ имѣлъ уже всѣ ордена до св. Андрея Первозваннаго (съ 1784 г.) включительно. Переселившись послѣ отставки въ Москву, графъ И. А. Остерманъ прожилъ тамъ еще 14 лѣтъ и умеръ 18 апрѣля 1811 года.

За время управленія И. А. Остермана иностранными дѣлами было заключено много важныхъ договоровъ, напр.: торговый трактатъ между Россіей и Портою (1783), трактатъ между Россіей и Франціей: о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи (1786), такой же трактатъ между Россіей и Англіей, союзный и оборонительный договоръ между россійскою императрицею и англійскимъ королемъ (1795), конвенція объ окончательномъ раздѣлѣ Польши и др. Впрочемъ, по единогласному утвержденію современниковъ, въ большинствѣ случаевъ не Остерману принадлежала иниціатива, разработка и проведеніе тѣхъ или другихъ государственныхъ предпріятій. Прекрасно умѣвшій держать себя на дипломатическихъ пріемахъ, гр. И. А. Остерманъ не былъ способенъ къ самостоятельной дѣятельности: гр. Безбородко, гр. Зубовъ, Морковъ, Ростопчинъ и др. лица обыкновенно принимали ближайшее участіе въ мѣропріятіяхъ, закрѣпляемыхъ властью канцлера, и «бѣда была», говоритъ про гр. Остермана гр. Безбородко, «когда онъ за руль брался — худо правилъ». Не высокаго мнѣнія о его дипломатическихъ способностяхъ была и сама Императрица Екатерина II.

А. Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Спб., 1837; В. В. Андреевъ, Представители власти въ Россіи послѣ Петра I; Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. XV, XVI, XXII, XXIII, XXVI (князь Александръ Андреевичъ Безбородко); Бантышъ - Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей земли русской, IV. 85; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, тт. V и VI; В. А. Бильбасовъ, Исторія Екатерины II-й, т. I и II; П. Н. Петровъ, Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи, геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству. Спб., 1872; Петръ Лебедевъ, Графы Никита и Петръ Панины. Спб., 1863; Архивъ Государственнаго Совѣта, Т. I; Сенатскій Архивъ, т. I; Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, т. I, II, III, IV, VIII; Матеріалы для біографіи Н. И. Панина, тт. I, II, III, VI, VII; Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, VII; Архивъ села Михайловскаго; Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, II, 226; Союзъ князей и нѣмецкая политика (Екатерина II, Фридрихъ II, Іосифъ II), 1780 — 1790 гг., историческое изслѣдованіе А. Трачевскаго; (Спб., 1877); Г. Ѳ. Штендманъ, Отзывъ о сочиненіи А. Трачевскаго: Союзъ князей и нѣмецкая политика (Отчетъ о XXI присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб., 1880); Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, тт. XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV; А. А. Бобринскій, Русскіе дворянскіе роды, т. II; Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. II; Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, Спб., 1874; Слово при погребеніи графа И. А. Остермана, говоренное Августиномъ, епископомъ Дмитровскимъ, Москва, 1811; А. М. Грибовскій, Записки объ Екатеринѣ Великой. Москва, 1864; Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанныя ею самою. Лондонъ, 1859; Дневникъ А. В. Храповицкаго (1782—1793) Спб., 1874; Случайные люди въ Россіи (Русскій Архивъ, 1865 г., кн. III, 836—837); Сенакъ де Мельянъ (Senac de Meilhan), французскій эмигрантъ XVIII вѣка и его отношенія къ Россіи (Русск. Арх., 1866 г., 435—437, 449—его письма къ Остерману); Отзывъ сардинскаго посланника Маркиза Де-Порелло о главнѣйшихъ правительственныхъ лицахъ во вторую половину Екатерининскаго царствованія 1783 г. (Рус. Арх. 1875 г., II, 113—125); В. А. Бильбасовъ. Ека-

терина II и графъ Н. П. Румянцовъ (Русская Старина 1894 г., т. LXXXI, февр., 72—74); Письма къ Ивану Андр. Остерману императрицы Екатерины II (Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., XV, 609—613); Переписка съ княземъ Н. В. Репнинымъ (Ibid., 436—457)—«Тридцать четыре письма къ нему князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго» (Сардинія въ эпоху первой французской революціи, въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 г., кн. II, 369—402, III, 548); Письма его къ графу Румянцову «Русск. Стар.» 1884 г., LXXXII), Отношенія его къ И. П. Кутайсову (ibid. 1874 г., 579—580), Присоединеніе Курляндіи (ibid. 1894 г., LXXXIII); Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII в. (ibid., LXXXIV); В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи; Милютинъ, Война 1799 года, т. I; Историческій Вѣстникъ, 1882 г., VII, VIII; 1883 г. XI, XII; 1884, № 9; Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXII и другія справочныя изданія. Bilbassoff, Revue d'histoire diplomatique, 1888; Biographie universelle, 1888; Larousse, Dictionnaire universel, XI; Schnitzler, Histoire intime de la Russie. Bruxelles, 1844; «Русскіе портреты XVIII—XIX столѣтій». изд. велик. князя Николая Михаиловича, Спб. 1905; Георгъ ф. Гельбигъ, «Русскіе избранники», перев. В. А. Бильбасова, Берлинъ 1900.

А. Петровъ.

Остерманъ, баронъ *Иванъ Ивановичъ* (Iohann - Cristoph - Diedrich Ostermann), тайный совѣтникъ, воспитатель дочерей царя Іоанна Алексѣевича; Мекленбургскій министръ-резидентъ въ Петербургѣ. Сынъ пастора, онъ родился въ Бохумѣ, въ Вестфаліи. Младшій братъ его, впослѣдствіи графъ, Андрей Ивановичъ Остерманъ, прибывъ въ Россію раньше, сумѣлъ снискать расположеніе императора Петра I, которому и рекомендовалъ своего брата И. И. въ качествѣ воспитателя и преподавателя нѣмецкаго языка при племянницахъ Петра I, дочеряхъ царя Іоанна Алексѣевича, царевнахъ Екатеринѣ, Аннѣ (впослѣдствіи царицѣ) и Прасковьѣ. Прибывъ въ Россію, И. И. Остерманъ недолго однако оставался въ Петербургѣ, такъ какъ старшая изъ его воспитанницъ, царевна Екатерина Іоанновна, вышла замужъ за герцога мекленбургскаго Карла Леопольда, который вскорѣ пригласилъ Остермана къ себѣ на службу. Въ декабрѣ 1716 года Остерманъ вторично прибылъ въ Россію, въ качествѣ дипломатическаго агента. Не безъ содѣйствія брата, тогда уже пользовавшагося большимъ довѣріемъ Императора Петра I, Остерманъ успѣлъ оказать не малыя услуги герцогу, который вскорѣ пожаловалъ его въ тайные совѣтники, а въ 1721 году возвелъ въ баронское достоинство и назначилъ министромъ-резидентомъ. Съ восшествіемъ на престолъ, Императрицы Анны Іоанновны, Остерманъ, находясь при Дворѣ, не игралъ выдающейся роли въ политикѣ, хотя и пользовался расположеніемъ императрицы. Не измѣнилось положеніе его и послѣ смерти Анны Іоанновны; но когда на престолъ вступила Елизавета Петровна, ему пришлось оставить Россію; онъ выѣхалъ изъ Петербурга 17-го декабря 1741 года за границу и до самой смерти проживалъ въ Мекленбургскомъ герцогствѣ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. XXXIV; С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" т. IV; П. Н. Петровъ, „Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи, геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству" Спб. 1873 г.; „Русскій Архивъ" 1865 г. кн. III, стр. 30 („Записки графа Бассевича") и 1866 г., стр. 15; П. Барановъ, „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ". ч. II, Спб. 1878 г.; Д. Н. Бантышъ - Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи", ч. II, М. 1896 г., стр. 109, 111, 113, 116, 118 и 122; П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства" Спб. 1885 г.; кн. П. Долгорукій, „Русская родословная книга", ч. II, Спб. 1854 г.; гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Россійской Имперіи", ч. I.

Е. Я.

Остерманъ, графъ *Өедоръ Андреевичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ. Сынъ канцлера гр. А. И Остермана, онъ родился 31-го марта 1723 года въ Петербургѣ; вскорѣ по рожденіи, былъ записанъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, и 18-ти лѣтъ былъ уже капитаномъ гвардіи и кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Опала, которой подвергся А. И. Остерманъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, отразилась и на его дѣтяхъ, и Өедоръ Андреевичъ 16-го января 1742 года былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ капитана въ Троицкій пѣхотный полкъ, расположенный въ Башкирскихъ земляхъ. Въ этомъ полку онъ прослужилъ двадцать лѣтъ. Прусская война дала ему возможность обратить на себя вниманіе императрицы. Въ чинѣ подполковника, онъ участвовалъ почти во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ и вездѣ высказалъ себя храбрымъ и распорядительнымъ офицеромъ, при чемъ въ сраженіи 1-го августа 1759 года подъ Франкфуртомъ былъ раненъ. За боевыя отличія въ Прус-

скую войну Остерманъ былъ произведенъ въ 1758 году въ полковники, а въ 1762 году въ генералъ-маіоры, и назначенъ шефомъ Нарвскаго пѣхотнаго полка. Императрица Екатерина II-я, вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, пожаловала ему орденъ св. Анны 1-й ст. и вслѣдъ затѣмъ назначила командиромъ Московской дивизіи и присутствующимъ въ конторѣ военной коллегіи. 17-го января 1768 года Остерманъ вновь получилъ орденъ св. Александра Невскаго, котораго онъ былъ лишенъ въ 1742 г., а въ 1771 г. произведенъ въ генералъ-поручики. Въ этомъ же чинѣ, съ 1773 года, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ состоялъ губернаторомъ Москвы. Назначенный сенаторомъ, гр. Остерманъ въ этомъ званіи оставался до самой своей смерти, причемъ въ 1782 году былъ произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники и вскорѣ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Онъ скончался въ Москвѣ 10-го ноября 1804 года. Гр. Ѳ. А. Остерманъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Толстой, но дѣтей не имѣлъ и свой графскій титулъ, вмѣстѣ съ маіоратнымъ имѣніемъ, съ Высочайшаго соизволенія, передалъ своему двоюродному племяннику Александру Ивановичу Толстому. Гр. Ѳ. А. Остерману принадлежатъ любопытныя «Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи»; онѣ печатались въ «Отечест. Зап.» 1825 (ч. 21, 22, 23), 1826 (ч. 25), 1828 (ч. 35, 36) и 1829 г.г. (ч. 38, 39).

Кн. П. Долгорукій, „Русская Родословная книга“, ч. II, Спб. 1855; Д. Д. Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ 1836, ч. IV; „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1872, ч. IV; Кн. Ив. Мих. Долгорукій, „Капище моего сердца“, стр. 64; „Всемірный Трудъ“ 1868 г. декабрь (ст. С. Шубинскаго, „Русскіе чудаки и остряки“); Журналъ военныхъ дѣйствій россійской арміи въ 1759 и 1760 годахъ“ Спб. 1763; П. Барановъ, „Опись Высочайшимъ Указамъ и Повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Архивѣ Правительствующаго Сената“ ч. III; „Сенатскій Архивъ“, „Общій Гербовникъ родовъ Всероссійской Имперіи“, ч. II, Спб. 1797; Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи“, ч. I, Спб. 1890 г., стр. 462 и 464; П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“ Спб. 1885 г. стр. 301; „Московскій Курьеръ“ 1805 г. ч. I, № 1; П. Н. Петровъ, „Для немногихъ“, Спб. 1873; „Отеч. Зап.“ 1830 г., ч. 41; „Русск. Стар.“, т. XIV, стр. 404.

Остерманъ-Толстой, графъ *Александръ Ивановичъ*,—генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, шефъ Павловскаго полка, командиръ Гренадерскаго корпуса. А. И. Остерманъ-Толстой родился въ 1770 году, и былъ сынъ Ивана Матвѣевича Толстого (впослѣдствіи генералъ-поручика и директора кадетскаго корпуса); вскорѣ послѣ своего рожденія былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; дѣйствительную службу началъ въ 1784 году въ чинѣ прапорщика; спустя четыре года, былъ назначенъ въ армію генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго. Проведя 1788 годъ въ Молдавіи и Бессарабіи, онъ въ слѣдующемъ году участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и особенно отличился въ дѣлахъ: на рѣкѣ Салсѣ, при атакѣ на Измаилъ и взятіи Бендеръ, и за отличія былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1790 году онъ участвовалъ во взятіи Киліи; въ ноябрѣ того же года командированный на Черноморскій гребной флотъ участвовалъ въ нѣсколькихъ схваткахъ съ турецкимъ флотомъ подъ стѣнами Измаила; 11-го декабря въ самомъ штурмѣ и взятіи Измаильскихъ укрѣпленій; въ 1791 г., въ чинѣ поручика, въ сраженіи на Дунаѣ у мѣстечка Мачина, послѣ чего возвратился въ Петербургъ. Вскорѣ онъ побывалъ въ Москвѣ, гдѣ познакомился со своими родственниками — графами Ѳедоромъ и Иваномъ Андреевичами Остерманами, которые, съ Высочайшаго разрѣшенія, передали ему въ 1796 г. какъ свой титулъ, такъ и имущественныя права. Къ тому времени гр. Остерманъ-Толстой былъ уже полковникомъ Бугскаго егерскаго полка. Причисленный въ 1797 году къ Рижскому пѣхотному полку, онъ въ февралѣ слѣдующаго года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка. Вскорѣ онъ оставилъ военную службу и былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; но уже въ 1801 году снова былъ принятъ въ армію съ чиномъ генералъ-маіора. Въ кампанію 1805 года онъ принялъ въ команду отрядъ, составлявшій часть корпуса генералъ-лейтенанта гр. А. П. Толстого; въ 1806 г. находился подъ начальствомъ Беннигсена, командуя второй дивизіей, и за блестящее отраженіе непріятельскихъ атакъ при рѣкѣ

Царевѣ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Еще болѣе отличился онъ въ Пултусскомъ сраженіи, въ которомъ, командуя лѣвымъ крыломъ арміи Беннигсена, разбилъ корпусъ маршала Даву. Въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау гр. Остерманъ-Толстой находился съ своей дивизіей на лѣвомъ крылѣ и упорно выдерживалъ натискъ сильнѣйшаго непріятеля, не уступивъ ему ни пяди земли. Въ слѣдующемъ за тѣмъ сраженіи, при Гутштадтѣ, Остерманъ былъ тяжело раненъ въ ногу на вылетъ и принужденъ былъ оставить поле сраженія. За участіе въ перечисленныхъ сраженіяхъ гр. Остерманъ-Толстой былъ награжденъ, между прочимъ, орденомъ Георгія 3-й ст. и золотой, осыпанной алмазами шпагой съ надписью: «за храбрость». По возвращеніи въ Россію и по выздоровленіи, онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и всей 1-й гвардейской дивизіи. Три года спустя, 23-го октября 1810 года, разстроенное здоровье вынудило гр. Остермана-Толстого оставить военную службу и выйти въ отставку. Но съ началомъ Отечественной войны онъ вновь былъ уже въ арміи и первое время состоялъ при корпусѣ генерала Витгенштейна, а затѣмъ получилъ въ командованіе 4-й армейскій корпусъ, входившій въ составъ 1-й, западной арміи Барклая-де-Толли. Въ Отечественную войну гр. Остерману-Толстому выпало на долю первому дать серьезный отпоръ французамъ. Когда рѣшено было обѣимъ арміямъ соединиться подъ Витебскомъ и дать тамъ Наполеону генеральное сраженіе, послѣ длившагося уже цѣлый мѣсяцъ отступленія, гр. Остерману съ его корпусомъ, полками Нѣжинскимъ и Ингерманландскимъ драгунскими и лейбъ-гусарскимъ, велѣно было идти къ Островнѣ, куда, въ свою очередь, двигался изъ Бешенковичей Мюратъ и принцъ Евгеній Богарне со своими корпусами. Нѣжинскій и лейбъ-гусарскій полки, имѣя при себѣ шесть орудій, шли во главѣ колонны гр. Остермана и въ 7-ми верстахъ отъ Витебска неожиданно натолкнулись на конный французскій пикетъ. Бросившись на него, нѣжинцы его опрокинули вслѣдъ, а за нимъ и еще нѣсколько французскихъ разъѣздовъ и, преслѣдуя ихъ, домчались до самой Островны, гдѣ стоялъ Мюратъ съ двумя кавалерійскими корпусами и пѣхотнымъ полкомъ. Близко подпустивъ нѣжинцевъ, Мюратъ открылъ по нимъ сильную канонаду, а за тѣмъ атаковалъ ихъ съ разныхъ сторонъ нѣсколькими кавалерійскими полками. Нѣжинцы были опрокинуты. Тогда гр. Остерманъ-Толстой приказалъ пѣхотѣ спѣшить къ Островнѣ и, подойдя къ ней на пушечный выстрѣлъ, занялъ выгодную позицію. Получивъ приказаніе обязательно удержать непріятеля у Островны въ виду того, что съ часу на часъ ожидалось прибытіе 2-й арміи кн. Багратіона къ Витебску, гр. Остерманъ-Толстой до 10-ти часовъ вечера упорно держался на занятой позиціи. Губительный огонь непріятеля вырывалъ цѣлые ряды на передней линіи, но когда у него спросили, что онъ прикажетъ дѣлать, чтобы избѣжать вреда, наносимаго полкамъ картечными выстрѣлами, онъ отвѣчалъ: «ничего не дѣлать — стоять и умирать». Лишь ночью гр. Остерманъ отступилъ къ ближайшей деревнѣ. Послѣ дѣла при Островнѣ гр. Остерманъ со своимъ корпусомъ, находясь въ составѣ 1-й колонны, двинулся къ Смоленску, а оттуда къ Цареву-Займищу. Здѣсь его корпусъ, составивъ вмѣстѣ съ корпусомъ генерала Багговута отдѣльный отрядъ, поступилъ подъ начальство генерала Милорадовича. Въ Бородинскомъ сраженіи гр. Остерманъ-Толстой съ своимъ 4-мъ корпусомъ смѣнилъ Раевскаго, когда корпусъ послѣдняго былъ на-половину уничтоженъ и разстроенъ непрерывными атаками французовъ. Прибывъ на мѣсто, онъ самъ нѣсколько разъ водилъ полки отбивать атаки французовъ и до тѣхъ поръ находился въ передовыхъ линіяхъ центра, пока, сильно контуженный, не принужденъ былъ оставить поле сраженія. За отличія въ Бородинскомъ сраженіи гр. Остерманъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Когда послѣ Бородинскаго боя кн. Кутузовъ отступилъ къ Москвѣ и 1-го сентября въ деревнѣ Филяхъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ на обсужденіе вопросъ объ оставленіи Москвы, то гр. Остерманъ-Толстой присоединился къ мнѣнію Барклая-де-Толли и, между прочимъ, замѣтилъ: «Москва не составляетъ Россіи: наша цѣль не въ одномъ защищеніи столицы, но всего отечества, а для спасенія его главный предметъ есть сохраненіе арміи». По занятіи Тарутинскаго лагеря, гр. Остерманъ-Толстой с

своимъ корпусомъ былъ отряженъ въ Нѣмчино съ приказаніемъ охранять нашъ тылъ. Во время сраженія 6-го октября при Тарутинѣ корпусъ Остермана составлялъ третью колонну и искуснымъ выполненіемъ возложенной на него задачи много способствовалъ пораженію Мюрата. Далѣе, гр. Остерманъ участвовалъ со своимъ корпусомъ въ преслѣдованіи французовъ до Вильны и здѣсь, въ виду сильно разстроеннаго здоровья, принужденъ былъ на нѣкоторое время оставить армію. Поправившись, графъ тотчасъ же поѣхалъ въ армію, бывшую уже въ заграничномъ походѣ, и явился туда передъ Бауценскимъ сраженіемъ. Ему былъ ввѣренъ отрядъ, съ порученіемъ прикрывать лѣвое крыло русскихъ войскъ и занять нѣкоторыя высоты. Несмотря на упорнѣйшій натискъ французовъ, онъ все время мужественно держался на занятой позиціи, самъ находясь постоянно въ цѣпи стрѣлковъ и руководя ими. Будучи раненъ пулею въ лѣвое плечо, онъ не далъ даже перевязать, какъ слѣдуетъ, раны, и въ теченіе трехъ часовъ продолжалъ руководить сраженіемъ, пока, полумертвый, не былъ вынесенъ изъ стрѣлковой цѣпи. Полученная въ Бауценскомъ сраженіи рана заставила его снова оставить армію. Вылѣчившись и опять явившись въ армію передъ Дрезденскимъ сраженіемъ, гр. Остерманъ получилъ въ команду отдѣльный отрядъ, состоявшій изъ 1-й пѣхотной гвардейской дивизіи и еще нѣсколькихъ полковъ, съ которыми долженъ былъ наблюдать крѣпость Кенигштейнъ. Противъ него находился Вандамъ, значительно превосходившій его численностью, но не рѣшавшійся ничего предпринимать въ теченіе дрезденскаго сраженія, окончившагося для союзниковъ неудачно. Когда рѣшено было отступать, гр. Остерману предписано было слѣдовать къ Максеу на соединеніе съ арміей, если дорога изъ Пирны на Теплицъ занята французами. Приказаніе это застало графа на его позиціи у Пирны. Вникнувъ въ положеніе дѣлъ, онъ увидѣлъ, что точное выполненіе этого приказанія откроетъ французамъ путь на Теплицъ, откуда они могли двинуться навстрѣчу нашимъ колоннамъ, сходившимъ съ горъ и съ тыла преслѣдуемымъ маршалами Мюратомъ, Викторомъ, Мармономъ и Сенъ-Сиромъ. Съ другой стороны, движеніе на Теплицъ, въ случаѣ удачи, обезпечивая союзникамъ отступленіе, должно было дорого обойтись отряду. Гр. Остерманъ-Толстой рѣшилъ однако лучше принести въ жертву себя и ввѣренные ему гвардейскіе полки, чѣмъ подвергнуть всю армію опасности быть уничтоженной. Поэтому онъ приказалъ Евгенію Виртенбергскому и Ермолову съ одной частью отряда дѣлать ложныя нападенія на Вандама, а другую направилъ къ Петерсвальде. Задуманные Остерманомъ маневры удались, и онъ успѣшно достигъ Петерсвальда, откуда двинулся по направленію къ Теплицу. Вандамъ, узнавъ наконецъ о малочисленности находившагося передъ нимъ русскаго отряда, рѣшилъ дѣйствовать болѣе стремительно и произвелъ нѣсколько неожиданныхъ атакъ. Находясь самъ все время въ арріергардѣ, гр. Остерманъ-Толстой приказалъ Ермолову выбрать, не доходя Теплица, первую, какая найдется, выгодную позицію и остановить на ней войска. Послѣдній занялъ позицію за Кульмомъ. Русскихъ было всего лишь около 14.000 человѣкъ; но рѣшено было не отступать ни шагу и или устоять, или умереть. Утромъ французы спустились съ горъ, атаковали Кульмъ, а затѣмъ Пристенъ и Страденъ, особенно напирая на послѣдній, и послѣ упорнаго сопротивленія завладѣли ими, но вскорѣ должны были уступить. Въ два часа Вандамъ рѣшилъ произвести рѣшительный натискъ и приказалъ двумъ густымъ колоннамъ пробиться сквозь нашу линію между лѣвымъ крыломъ и центромъ. Колонны двинулись, овладѣли Пристеномъ и, пройдя лѣсъ, вышли на равнину къ нашему лѣвому флангу, гдѣ стояли полки лейбъ-уланскій и драгунскій и куда подходила 1-я кирассирская дивизія. Ими французы были опрокинуты и смяты. Въ четыре часа дня стало очевиднымъ, что французамъ не пробиться къ Теплицу. Въ это время гр. Остерману-Толстому оторвало ядромъ лѣвую руку. За дѣло подъ Кульмомъ, гр. Остерманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Послѣ двухъ ампутацій онъ началъ поправляться, но уже не могъ принять участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ противъ Наполеона. Послѣднею наградою за военныя отличія, полученною имъ въ 1813 году, былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени.

По возвращеніи въ Петербургъ графъ Остерманъ былъ назначенъ шефомъ Па-

ловскаго полка (17-го декабря 1815 г.), а въ слѣдующемъ году -командиромъ Гренадерскаго корпуса. Произведенный 17-го августа 1817 года въ генералы-отъ-инфантеріи, онъ вскорѣ, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ и болѣе на службу не возвращался. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ во Франціи, Италіи и Германіи, а въ 1831 году отправился въ трехлѣтнее путешествіе по Востоку. Въ 1835 году, при открытіи въ Кульмѣ памятника знаменитому сраженію, императоръ Николай I наградилъ графа орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а австрійскій императоръ Фердинандъ прислалъ ему спеціально вычеканенную по этому случаю медаль, при собственноручномъ письмѣ. Съ 1837 года гр. Остерманъ-Толстой поселился въ Женевѣ, гдѣ и скончался 14-го февраля 1857 г. и тамъ же былъ погребенъ. Со смертью гр. А. И. Остермана-Толстого, умершаго бездѣтнымъ, родъ графовъ Остермановъ прекратился.

Большинство современниковъ отзываются объ А. И. Остерманѣ-Толстомъ какъ о замѣчательной и своеобразной личности. «Нравственныя качества его, болѣе другихъ выступавшія» — говоритъ, напр., кн. П. А. Вяземскій,—«были: прямодушіе, откровенность, благородство и глубоковрѣзанное чувство народности, впрочемъ, не враждебной иноплеменнымъ народностямъ».

„Дѣянія россійскихъ полководцевъ и генераловъ, ознаменовавшихъ себя въ достопамятную войну съ Франціей въ 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.“, ч. 3; „Сынъ Отечества“ 1857 г. № 18, стр. 415—416; Лееръ, „Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ“, т. VII; А. И. Михайловскій-Данилевскій. „Описаніе войнъ 1812, 1813 и 1814 гг.“. „Отечественная Война“. Составлено по сочин. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, прилож. къ журналу „Родина“ 1899 г. за августъ и сентябрь; Н. Ө. Дубровинъ, „Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815 г.). Спб. 1882 г.; „Сѣверная Пчела“ 1857 г. № 29; „Военный Сборникъ“ 1864 г., т. XXXIX, № 9, отд. II, стр. 75—80; „Отечественные Памятники“ на 1817 г. № 1: „Памятникъ славы Остермана въ Богеміи“. „Сынъ Отечества“ 1814 г. № 2, стр. 83—85, ст. Кучковскаго „Твердость духа и благочестіе русскаго героя“, 1815 г., ч. 21, № 14, стр. 64; „Вѣстникъ Европы“ 1818 г., ч. 100, № 14, стр. 95, ст. Н. Иванчина-Писарева: „Надпись къ портрету гр. Остермана-Толстого“; Вороновъ и Бутовскій, „Исторія лейбъ-гвардіи Павловскаго полка“, стр. 36 и приложеніе, стр. 266—269: „Русскій Вѣстникъ“ 1875 г.; „Русск. Архивъ“ 1878, кн. I; 1885, III; 1886, I; 1875, I; 1877, I; „Рус. Стар.“, т. 7, 11, 18; „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I. Спб. 1899; М. П. Степановъ, „Село Ильинское“, М. 1900.

Е. Ястребцевъ.

Остермейеръ, *Григорій Богдановичъ,* горный инженеръ, маркшейдеръ Горнаго кадетскаго корпуса, начальникъ архива Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Г. Б. Остермейеръ родился въ 1790 году, образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ за отличные успѣхи былъ, между прочимъ, награжденъ золотой и двумя серебряными медалями. Выпущенный въ 1809 году изъ корпуса со званіемъ практиканта, Остермейеръ былъ однако оставленъ при корпусѣ и назначенъ дежурнымъ офицеромъ; кромѣ того, ему поручено было преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ въ младшихъ классахъ корпуса и руководительство работами воспитанниковъ въ лабораторіи. Съ наступленіемъ Отечественной войны онъ вступилъ въ Петербургское ополченіе и 4-го сентября 1812 года былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-маіору Бѣгичеву. Находясь въ корпусѣ гр. Витгенштейна, Остермейеръ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ французами, при чемъ отличился въ трехдневномъ бою подъ Полоцкомъ 5-го, 6-го и 7-го октября 1812 года, когда былъ раненъ пулею въ ногу; за отличіе въ этомъ бою былъ произведенъ въ гиттенфервальтеры, но вслѣдствіе раны былъ вынужденъ 10-го марта 1813 года выйти въ отставку Въ томъ же году онъ снова поступилъ въ Горный кадетскій корпусъ, 31-го декабря 1815 года получилъ званіе маркшейдера, а съ 28-го августа слѣдующаго года занялъ и должность маркшейдера корпуса (завѣдующаго воспитательною частью). Состоя въ этой должности почти двадцать лѣтъ, Остермейеръ въ 1818 году былъ произведенъ въ оберъ-гиттенфервальтеры 8-го класса, пять лѣтъ спустя въ оберъ-бергмейстеры 7-го класса и 17-го апрѣля 1831 года въ бергъ-гауптманы 6-го класса. Съ преобразованіемъ Горнаго Института въ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, Остермейеръ оставилъ при немъ службу и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ. О дѣятельности Остермейера въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, въ воспоминаніяхъ многихъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, находимъ лестные отзывы, сходя-

щіеся въ томъ, что Остермейеръ былъ человѣкъ очень умный, хорошо образованный, справедливый и одаренный хорошими педагогическими способностями, а историкъ корпуса (А. Лоранскій) называетъ его «душою заведенія». Оставивъ Горный корпусъ, Остермейеръ, по новой своей должности, неоднократно исполнялъ разныя особыя порученія по освидѣтельствованію и ревизіи учрежденій, подвѣдомственныхъ Департаменту, и въ 1837 году, между прочимъ, состоялъ ассесоромъ коммиссіи военнаго суда, учрежденной по дѣлу о похищеніи золота, серебра и денегъ изъ кладовой С.-Петербургскаго монетнаго двора. Три года спустя, онъ осмотрѣлъ и описалъ кавказскія соленыя озера. Назначенный 26-го марта 1843 года начальникомъ архива Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, Остермейеръ занималъ эту должность до самой своей смерти и въ концѣ 1840-хъ гг. былъ произведенъ въ оберъ-бергъ-гауптманы 5-го класса.

Послужной списокъ 1843 года. А. Лоранскій, „Историческій очеркъ Горнаго Института“, Спб. 1873 г., стр. 63; „Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горнаго Института“, изданныя ко дню столѣтняго юбилея Института. Спб. 1873 г., ст. IV, А. Иванова „Воспоминанія о Горномъ Корпусѣ“, стр. 116 - 117; „Современникъ“ 1859 г., „Воспоминанія А. Иванова“; „Русская Старина“ 1890 г. мартъ: „Воспоминанія Николая Ивановича Копкарева“, стр. 117, 119—121, 124 и 127.

Е. Ястребцевъ.

Остолоповъ, *Борисъ Ивановичъ*, — дьякъ. Въ 1672 году сидѣлъ въ Патріаршемъ Разрядѣ, въ 1674 г. назначенъ дьякомъ въ Сѣвскъ при воеводѣ Лихачевѣ, съ 1678 по 1680 г. сидѣлъ въ Ямскомъ приказѣ, откуда въ 1681 г. былъ назначенъ дьякомъ въ воеводскую избу въ Новгородѣ при воеводѣ Василіи Семеновичѣ Волынскомъ. Въ 1686 г. Остолоповъ былъ въ Разбойномъ приказѣ. Послѣ этого, точныхъ свѣдѣній о немъ не имѣется, но въ 1703 г. онъ былъ еще на службѣ.

Акты Историческіе, т. IV; Дополненіе къ Акт. Историч., т.т. VI, VII, IX, X.

Е. Л.

Остолоповъ, *Николай Өедоровичъ*,— Вологодскій вице-губернаторъ, директоръ петербургскихъ театровъ, писатель. Н. Ө. Остолоповъ родился въ Сольвычегодскѣ въ 1783 г., воспитывался въ Петербургѣ, въ Горномъ корпусѣ; службу началъ въ 1801 году «студентомъ» въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ въ департаментъ министерства юстиціи; съ іюля 1808 г. по апрѣль 1812 г. былъ Вологодскимъ губернскимъ прокуроромъ и затѣмъ снова перевелся въ департаментъ министерства юстиціи, откуда, послѣ кратковременной отставки, поступилъ въ 1813 г. въ министерство финансовъ и вскорѣ получилъ назначеніе состоять главнымъ правителемъ коммиссіи, учрежденной въ Вологодской губ. надъ питейными сборами; съ марта 1814 г. по январь 1819 г. Остолоповъ былъ вице-губернаторомъ въ Вологдѣ; уволенный, по прошенію, отъ этой должности, онъ былъ причисленъ къ департаменту герольдіи; съ 6-го ноября 1820 г. по 31 марта 1824 г. занималъ должность редактора «Журнала департамента народнаго просвѣщенія»; кромѣ того, съ ноября 1820 г. по май слѣдующаго года былъ инспекторомъ классовъ въ Петербургскомъ училищѣ св. Екатерины; въ 1824 г Остолоповъ перешелъ на службу въ вѣдомство путей сообщенія и былъ, между прочимъ, предсѣдателемъ Шоссейнаго экономическаго комитета. Въ октябрѣ 1825 г., въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ занялъ должность директора петербургскихъ театровъ (послѣ А. А. Майкова), въ которой состоялъ до времени измѣненія штатовъ, т. е. до декабря 1827 г. Изъ дальнѣйшей служебной карьеры Остолопова намъ извѣстно лишь, что въ январѣ 1829 г. онъ, въ качествѣ чиновника при министрѣ финансовъ, былъ назначенъ управляющимъ Астраханской конторой коммерческаго банка. Въ Астрахани онъ и умеръ 6-го марта 1833 года.

На литературное поприще Остолоповъ выступилъ, въ качествѣ поэта, въ 1801 г. въ московскомъ журналѣ «Иппокрена»; затѣмъ печаталъ свои литературные опыты въ стихахъ и въ прозѣ въ «Вѣстникѣ Европы» и въ изданіяхъ «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (въ «Свиткѣ Музъ» и «Періодическомъ Изданіи»); въ это общество онъ вступилъ 3-го мая 1802 года и былъ однимъ изъ ревностныхъ членовъ его до послѣднихъ дней существованія общества. Человѣкъ для своего времени достаточно образованный, хорошо знакомый съ древними, а также франц., нѣм. и итальянскимъ языками, онъ успѣлъ написать и перевести не мало произведеній, относящихся къ области изящной словесности, равно какъ и теоретическихъ разсужденій

Сочиненія Остолопова печатались, кромѣ указанныхъ изданій, въ «Моск. Меркуріи», «Сѣверн. Вѣстникѣ», «Другѣ Просвѣщенія», «Журналѣ рос. слов.», «Драм. Вѣстн.», «Цвѣтникѣ», «С.-Петерб. Вѣстн.», «Благонамѣренномъ», «Сынѣ Отечества», «Отечеств. Зап.» и нѣкоторыхъ альманахахъ («Полярн. Звѣздѣ», «Памяти. отеч. музъ»). Остолоповъ и самъ выступалъ въ качествѣ издателя журнала, — такъ, въ 1806 г. онъ издавалъ журналъ «Любитель Словесности», составъ сотрудниковъ котораго отличался большимъ разнообразіемъ; главнымъ образомъ въ немъ печатались молодые писатели, составлявшіе упомянутое общество любителей словесности, наукъ и художествъ, а также и такія лица, какъ Державинъ, митрополитъ Евгеній, Херасковъ и др. Собраніе стиховъ Остолопова было издано въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Прежніе досуги» (1816 г.), въ 1827 г. въ Петербургѣ были напечатаны его «Апологическія стихотворенія», съ присовокупленіемъ поэмы «Привидѣніе»; кромѣ того, въ 1808 г. онъ издалъ свой переводъ «Тассовыхъ ночей», повторенный въ 1819 году подъ заглавіемъ «Тассовы мечтанія» (Le veglie di Tasso); въ 1828 г. вышелъ его переводъ Вольтеровой трагедіи «Магометъ»; еще ранѣе, въ 1802 г., онъ перевелъ сочиненіе Вольтера «Опытъ на поэзію эпическую, съ описаніемъ жизни и твореній Гомера, Виргилія, Лукана, Камоэнса, Тасса, Мильтона и проч.». Изъ сочиненій Остолопова теоретическаго характера слѣдуетъ упомянуть его многолѣтній трудъ: «Словарь древней и новой поэзіи» (3 части. Спб. 1821), содержащій объясненіе поэтическихъ терминовъ, риторическихъ троповъ и фигуръ, съ примѣрами и цитатами изъ древнихъ и новыхъ писателей. (Выдержки изъ него печатались въ «Вѣстн. Европы», 1815 г., въ «Трудахъ Общ. любит. рос. слов. при Московск. университетѣ», 1817 г., въ «Санктпетерб. Вѣстникѣ» 1812 г.). Словарь этотъ былъ встрѣченъ весьма одобрительно и снискалъ автору почетную извѣстность. Между прочимъ, митрополитъ Евгеній, не смотря на компилятивнаго характера Словаря, находилъ, что онъ «достоинъ вознагражденія Академіи и весьма полезенъ для русскихъ словесниковъ-піитовъ». Не менѣе извѣстенъ Остолоповъ и какъ авторъ «Ключа къ сочиненіямъ Державина, съ краткимъ описаніемъ жизни сего знаменитаго поэта» (часть «Ключа» была напечатана сперва въ «Журналѣ Департам. нар. просвѣщ.», а потомъ въ «Сынѣ Отеч.»; въ 1822 г. «Ключъ» былъ изданъ отдѣльно). Какъ разъяснилъ академ. Гротъ, источникомъ «Ключа» послужили собственноручныя записки Державина, полученныя Остолоповымъ отъ митропол. Евгенія. Наконецъ, упомянемъ, что Остолопову принадлежитъ и оригинальная повѣсть «Евгенія, или нынѣшнее воспитаніе» (1803 г.), передѣланная имъ изъ собственной же повѣсти «Амалія».

Архивъ Вольнаго общ. любит. словесн. наукъ и художествъ, хранящ. въ С.-Петербургск. университетѣ. Послужной списокъ. Сочиненія К. Н. Батюшкова (ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова), т. III; „Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“ т. I; Сочиненія Державина (Академ. изд.), т. III, VI; Полн. собраніе сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 33—34; Мѣсяцесловъ на 1834 г.; „Сѣв. Пчела“, 1833, № 83; П. Араповъ, „Лѣтопись русск. театра“, Спб. 1861, стр. 376; А. И. Вольфъ, „Хроника русск. театровъ, Спб. 1877, стр. 14; Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Акад. наукъ, т. V, вып. I, с. 189—190; Колюпановъ, „Біографія А. И. Кошелева“, т. I; Н. А. Бѣлозерская, „Н. Т. Нарѣжный“, Спб. 1886; Кубасовъ, „А. Е. Измайловъ“, Спб. 1901; „Русск. Арх.“ 1867, стр. 1660; 1866, стр. 244—247 (стих. Остолопова „Дмитріеву“); „Библіограф. Зап.“ 1859, № 13 и 14; „Дамск. Журн.“ 1829, ч. 25, № 2 и 12 (по поводу перевода Вольтеровой траг. „Магометъ“); „Цвѣтникъ“ 1809, № 1; „Благонамѣрен.“ 1824, ч. 26, с. 18—37; „St.-Petersb. Zeitschrift“, 1822, № 28—30; Стихи Остолопову: А. Е. Измайлова (Собр. сочин., т. I), гр. Д. И. Хвостова (Стихотвор., т. III), кн. И. М. Долгорукова („Бытіе сердца моего“, изд. 1817, т. I), М. Даргомыжской („Славянинъ“, 1827, ч. III, с. 420). Словари: Крайя, Толля и Брокгауза и Ефрона.

Ив. Кубасовъ.

Островскій, *Александръ Николаевичъ*,—драматическій писатель, начальникъ репертуара Императорскаго Московскаго театра и директоръ Московскаго театральнаго училища. А. Н. Островскій родился въ Москвѣ 31-го января 1823 г. Отецъ его, Николай Ѳедоровичъ, происходилъ изъ духовнаго званія, и по окончаніи курса въ Костромской Духовной семинаріи и Московской Духовной Академіи опредѣлился на службу въ канцелярію общаго собранія московскихъ департаментовъ сената. Въ 1820 году онъ женился на дочери московской просвирни, и третьимъ сыномъ отъ этого брака и былъ будущій драматургъ. На девятомъ году Островскій лишился матери, и отецъ, обремененный

многочисленной семьей, передалъ заботы о воспитаніи дѣтей семинаристу Н. Н. Скворцову, который подготовилъ будущаго драматурга для поступленія въ число учениковъ Московской губернской (нынѣ Первой) гимназіи, откуда, по окончаніи въ ней курса, Островскій поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ товарищами его, между прочимъ, были К. Д. Ушинскій, Я. П. Полонскій, кн. В. А. Черкасскій. Въ 1843 г. Островскій изъ-за столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ, вышелъ изъ университета и 23 мая того же года былъ зачисленъ канцелярскимъ служителемъ въ Московскій Совѣстный судъ, а 19 сентября перемѣщенъ въ Московскій Коммерческій судъ; 10 января 1851 г. Островскій за болѣзнью, въ чинѣ губернскаго секретаря, былъ уволенъ, по прошенію, отъ занимаемой имъ должности.

Восьмилѣтняя служба въ судѣ не дала Островскому ни виднаго общественнаго положенія, ни матерьяльнаго обезпеченія, но за то заставляла его, по самому роду занятій, постоянно сталкиваться съ самыми разнообразными людьми и ввела въ непосредственное соприкосновеніе съ интересами московскаго купечества; съ послѣднимъ онъ могъ познакомиться и ранѣе въ домѣ своего отца, который, по выходѣ въ отставку, занимался частной юридической практикой и имѣлъ своими кліентами, по большей части, купцовъ. И впослѣдствіи связь А. Н. съ московскимъ купечествомъ никогда не прекращалась; въ средѣ купечества у Островскаго было не мало и пріятелей, изъ которыхъ, напр., И. И. Шанинъ имѣлъ на него несомнѣнное вліяніе. Ко времени службы Островскаго въ судѣ относится и начало его литературной дѣятельности. 9 января 1847 г. въ газетѣ «Московскій Городской Листокъ» (№ 7 стр. 26—27) появилась статья, подъ заглавіемъ: Сцены изъ комедіи «Несостоятельный должникъ» (Ожиданіе жениха) за подписью А. О. и Д. Г. Это были первыя два явленія знаменитой комедіи «Свои люди—сочтемся». Самъ А. Н. писалъ впослѣдствіи, что онъ началомъ своей литературной дѣятельности считалъ 14 февраля 1847 г.: «съ этого дня я уже сталъ считать себя русскимъ писателемъ и уже безъ сомнѣній и колебаній повѣрилъ въ свое призваніе». Въ этотъ день Островскій, уже имѣвшій знакомство среди писателей, былъ у профессора русской словесности Московскаго Университета С. П. Шевырева, и здѣсь, въ присутствіи А. С. Хомякова, С. П. Колошина, А. А. Григорьева и другихъ лицъ, прочелъ свои первыя драматическія сцены. Шевыревъ, обнимая его, съ глубоко искреннимъ чувствомъ восторга, вмѣстѣ съ А. С. Хомяковымъ, привѣтствовалъ автора, какъ человѣка, одареннаго громаднымъ талантомъ и призваннаго писать для отечественнаго театра.

3 декабря 1849 г. Островскій прочелъ «Банкрота»—(такъ первоначально называлась комедія «Свои люди—сочтемся») у Погодина, попеременно съ Садовскимъ, и затѣмъ всю зиму читалъ эту пьесу то у гр. Растопчиной, то у кн. Мещерскихъ, у Шереметевыхъ и др., и вездѣ производилъ необыкновенное впечатлѣніе. Читалъ онъ чуть не каждый день, и по Москвѣ быстро разнеслась его слава. 14-го марта 1847 Островскій въ томъ же «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» напечаталъ «Картину Семейнаго счастья» (за тѣмъ, въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современникъ» 1856 г. она была напечатана вторично съ незначительными поправками, подъ заглавіемъ «Семейная картина»). Третій печатный трудъ Островскаго—единственное его произведеніе въ беллетристической формѣ: «Записки Замоскворѣцкаго жителя», помѣщенныя въ «Московск. Городск. Листкѣ» 1847 г., безъ подписи. Онѣ имѣютъ форму письма къ читателямъ автора, открывшаго 1-го апрѣля рукописное описаніе путешествія въ невѣдомую страну – Замоскворѣчье; на основаніи этой рукописи, авторъ будто бы и составилъ свои очерки, изъ которыхъ первый, подъ заглавіемъ «Иванъ Ерофеевичъ», предлагался вниманію читателей. Въ легкомъ, полномъ юмора и наблюдательности разсказѣ Островскій рисуетъ особенности того самаго Замоскворѣчья, изображенію котораго онъ потомъ посвятилъ лучшія свои комедіи. Въ этой своеобразной обстановкѣ изображаетъ онъ жизнь безвольнаго мелкаго чиновника Ивана Ерофеевича и его грозной подруги Мавры Агуревны Козырной. Очевидно, пребываніе среди чиновниковъ не осталось безслѣднымъ для А. Н., и особенности ихъ быта нашли себѣ въ этомъ очеркѣ яркое изображеніе. Несмотря на явное вліяніе повѣстей Гоголя, произведеніе это представляетъ крупный интересъ, доказывая.

что уже въ то время Островскій въ совершенствѣ владѣлъ жанровыми красками, и опровергая весьма распространенное мнѣніе, будто бы онъ былъ надѣленъ лишь однимъ драматургическимъ талантомъ. Послѣ продолжительнаго перерыва, въ мартовской книжкѣ журнала «Москвитянинъ» 1850 г. появилась комедія «Свои люди — сочтемся», за подписью: А. Островскій, и въ томъ же году вышла отдѣльной книжкой. Подпись эта вызвала впослѣдствіи несправедливое обвиненіе Островскаго въ плагіатѣ; такому же обвиненію подвергали его и при выходѣ его комедіи «Семейная картина». Энергичныя отповѣди Островскаго скоро избавили его отъ подозрѣній, но ему пришлось испытать въ началѣ своей литературной дѣятельности и другого рода непріятности. Комедія «Свои люди — сочтемся» цензурой не была допущена къ постановкѣ на сценѣ, а Московскій генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій даже занесъ Островскаго въ списки неблагонадежныхъ. Нѣкоторое успокоеніе отъ этихъ непріятностей долженъ былъ доставить Островскому тотъ успѣхъ, который сопутствовалъ его первымъ шагамъ на литературномъ поприщѣ. Островскій сразу занялъ видное положеніе среди своихъ сотоварищей по литературной дѣятельности и былъ поставленъ, въ сужденіяхъ наиболѣе свѣдущихъ судей, наряду съ выдающимися нашими драматургами. Широко образованный кн. Вл. О. Одоевскій, прочитавъ «Свои люди — сочтемся», писалъ одному изъ своихъ пріятелей: «читалъ ли ты комедію или лучше трагедію Островскаго «Свои люди—сочтемся» и которой настоящее названіе «Банкротъ»? Пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный духомъ классъ людей. Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякой гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: «Недоросль», «Горе отъ ума», «Ревизоръ». На «Банкротъ» я ставлю нумеръ четвертый». Успѣхъ Островскаго особенно упрочился, когда онъ вошелъ въ составъ кружка Погодинскаго «молодого Москвитянина». Представители этого кружка, отличавшіеся большою сплоченностью и, въ виду занимаемаго ими боевого положенія, старавшіеся по мѣрѣ силъ выдвигать своихъ единомышленниковъ, значительно способствовали успѣху Островскаго, самаго талантливаго члена всего кружка. Въ составъ кружка въ разное время вошли еще А. А. Григорьевъ, актеръ П. М. Садовскій, разсказчикъ и писатель И. Ѳ. Горбуновъ, романистъ А. Ѳ. Писемскій, беллетристы С. В. Максимовъ и П. И. Мельниковъ (Печерскій), драматургъ А. А. Потѣхинъ и поэтъ Л. Мей. Отличительною чертою кружка была горячая любовь къ народному быту, съ его поэзіей и обрядами. Это увлеченіе носило по преимуществу характеръ художественнаго увлеченія избраннымъ предметомъ, на изученіе котораго и уходили силы его членовъ; увлеченіе это соотвѣтствовало вообще духу того времени, отмѣченнаго пробужденіемъ интереса къ наблюденію и изученію народной жизни. Какъ разъ въ то время выдвинулись и ученые изслѣдователи народной старины, какъ Аѳанасьевъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, Безсоновъ и др., стали расширяться этнографическія изслѣдованія, появились новые ревностные собиратели народной поэзіи, съ Павломъ Якушкинымъ во главѣ. Совершенно справедливо замѣчаніе П. Д. Боборыкина, что исключительный интересъ къ купеческому быту, который выказалъ Островскій въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, былъ только какъ бы разновидностью современнаго ему теченія. Купеческій бытъ первой половины 19 вѣка еще непосредственнѣе прикасался съ народно-крестьянскимъ и безпощадное изображеніе отрицательныхъ сторонъ его было опять-таки выраженіемъ того интереса, который возбуждалъ въ авторѣ и его ближайшихъ литературныхъ товарищахъ народный бытъ, въ его неизвращенной коренной сферѣ. Въ свою очередь представители западническаго направленія какъ разъ въ это время, въ полемикѣ съ славянофилами, дошли до такого ослѣпленія, что отрицали всякую художественность русской народной поэзіи. Эти неумѣренныя нападки имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что заставили поклонниковъ красоты народнаго быта сплотиться въ тѣсный и дружественный кружокъ и высказывать, въ свою очередь, въ защиту обожаемой народной поэзіи, взгляды проникнутые такимъ неумѣреннымъ и одностороннимъ восторгомъ, который можетъ быть объясняемъ только полемическимъ увлеченіемъ. Островскій, хотя и

выросшій въ Москвѣ, съ ея живыми остатками своеобразнаго уклада чисто народной жизни, до вступленія своего въ кружокъ увлекался западническимъ направленіемъ, но въ рѣшительную минуту полемическаго разгара, подъ вліяніемъ энтузіазма своихъ друзей, почувствовалъ пробужденіе въ себѣ теплой любви къ народной жизни, съ ея поэзіей и красотой внѣшняго быта. Подъ вліяніемъ этого новаго увлеченія Островскій совершенно отказывается отъ своихъ прежнихъ западническихъ взглядовъ и быстро впадаетъ въ противоположную крайность. Впрочемъ, проявленія этой крайности, обусловливаемыя минутными порывами впечатлительной художественной натуры, конечно, никоимъ образомъ нельзя принимать за типичное выраженіе уже сложившагося міросозерцанія и класть въ основу характеристики отличительныхъ взглядовъ и вкусовъ Островскаго. Зато, во всякомъ случаѣ, кружокъ Москвитянина проявилъ въ Островскомъ любовь къ народу и его поэзіи, которой онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Самъ Погодинъ, по природѣ лишенный способности чѣмъ-нибудь слишкомъ увлекаться, относился къ таланту Островскаго сдержаннѣе остальныхъ членовъ редакціи «Москвитянина», но это не мѣшало ему цѣнить въ А. Н. весьма полезнаго работника, почему онъ и привлекъ его къ ближайшему участію въ журналѣ, для котораго Островскій предварительно просматривалъ статьи и держалъ корректуру. Эта работа однако не давала ему никакого матеріальнаго обезпеченія, что ставило Островскаго въ крайне тяжелыя условія, и его письма того времени наполнены жалобами на тяготѣвшую надъ нимъ бѣдность. Зато Погодинъ старался по возможности помочь своему усердному сотруднику въ другомъ отношеніи. Такъ, онъ охотно исполнилъ просьбу А. Н. и обратился къ сыну директора Императорскихъ Театровъ Г. А. Гедеонову, и этимъ спасъ комедію «Не въ свои сани не садись» отъ грозившаго ей запрещенія.

Завѣтной мечтой Островскаго было увидать свои произведенія въ исполненіи на сценѣ, но этого онъ долго дожидался. Первый разъ его пьеса была поставлена въ бенефисъ извѣстной въ то время московской артистки Л. П. Косицкой, 14-го января 1853 г. Бенефиціантка выбрала для себя роль Авдотьи Максимовны въ комедіи Островскаго: «Не въ свои сани не садись». Пьеса прошла съ большимъ успѣхомъ, которому въ значительной мѣрѣ содѣйствовало прекрасное исполненіе Садовскимъ роли Русакова. Слухи о ней проникли и въ Петербургъ, породивъ тамъ самые оживленные толки, уступая которымъ, дирекція поставила ее и на сценѣ Александринскаго театра 19 февраля 1853 г. Второе ея представленіе удостоилъ своимъ присутствіемъ Императоръ Николай Павловичъ, сказавшій по окончаніи спектакля: «очень мало пьесъ, которыя мнѣ доставляли бы такое удовольствіе, какъ эта. Ce n'est pas une pièce, c'est une leçon». На слѣдующее представленіе Государь снова пріѣхалъ вмѣстѣ съ Императрицей и нѣкоторыми Высочайшими Особами. Благосклонное вниманіе окончательно упрочило сценическій успѣхъ Островскаго, но зато ему пришлось встрѣтить весьма серьезныхъ враговъ тамъ, гдѣ, повидимому, онъ менѣе всего ожидалъ ихъ найти. Драматическіе артисты, воспитанные на переводныхъ мелодрамахъ и водевиляхъ, которые въ 40-хъ годахъ почти нераздѣльно царили на сценѣ, чувствовали себя не способными справиться съ русской бытовой комедіей, и среди нихъ нашлось много крупныхъ талантовъ, которые упорно противились проникновенію пьесъ Островскаго на сцену. Во главѣ этого движенія стояли Самаринъ, Шумскій, и, что особенно важно—Щепкинъ. Будучи не въ состояніи, по самой сущности своего дарованія, достигнуть въ пьесахъ Островскаго обычнаго успѣха, и въ то же самое время не желая сознаться въ своемъ безсиліи, артисты эти оправдывали свое нежеланіе играть въ пьесахъ Островскаго несочувствіемъ славянофильскому направленію пьесъ. На ряду съ этимъ другая часть артистовъ, съ Садовскимъ въ главѣ, нашедшая въ пьесахъ Островскаго истинную пищу для своихъ исключительныхъ талантовъ, всячески старались упрочить положеніе А. Н. въ театрѣ. Они прекрасно понимали, что этимъ они способствовали своему собственному успѣху, такъ какъ на этихъ пьесахъ ихъ дарованіе росло и сами они выдвигались въ первые ряды труппы. Наконецъ, сторонники новаго бытового репертуара одержали верхъ, и самъ Щепкинъ первый призналъ себя побѣжденнымъ талантомъ Островскаго. Но эти внутреннія театраль-

ныя затрудненія нисколько не препятствовали успѣху Островскаго въ обществѣ. Онъ сразу же нашелъ себѣ публику, которая поняла и оцѣнила его. Цѣлый рядъ мелкихъ случаевъ изъ частной жизни А. Н. подтверждаетъ широкое распространеніе его славы въ самыхъ разнородныхъ слояхъ московскаго общества, которое нашло наконецъ въ Островскомъ своего вѣрнаго и умѣлаго бытописателя. А. Н. первый серьезно подошелъ къ душевнымъ запросамъ того класса общества, который предшествовавшими драматургами оставлялся въ сторонѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Островскій своими пьесами пріохотилъ къ театру и такую публику, которая раньше и не помышляла о немъ. Слѣдующія постановки только упрочили театральный успѣхъ Островскаго. Взглядъ членовъ кружка молодого «Москвитянина» на значеніе драматической дѣятельности Островскаго ярче всего выразился въ восторженныхъ статьяхъ Аполлона Григорьева, который объ Островскомъ писалъ не разъ; сужденія его о пьесахъ А. Н. сводятся къ слѣдующему: «Искусство воплощаетъ въ образы, въ идеалы сознаніе массы. Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ—организмовъ во времени, и народовъ — организмовъ въ пространствѣ». Такимъ именно народнымъ поэтомъ, глашатаемъ тайнъ русской народности, и является Островскій во всей совокупности своихъ произведеній, въ которыхъ цѣликомъ воплощались идеалы русскаго народа. «Въ первую эпоху своей дѣятельности онъ написалъ только 9 произведеній, и изъ нихъ только пять значительныхъ по объему и шесть по содержанію; только четыре изъ нихъ давались на театрѣ; но эти четыре, безъ церемоніи говоря, создали народный театръ, частью создали, частью выдвинули впередъ артистовъ и пробудили общее сочувствіе всѣхъ классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы и не подозрѣвали и которые тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, существуютъ,—съ отношеніями въ высшей степени новыми и драматическими, съ многоразличными сторонами русской души и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными сторонами, до которыхъ еще никто не касался. Право гражданства литературнаго получило множество яркихъ, опредѣленныхъ образовъ, новыхъ, живыхъ созданій въ мірѣ искусства—и все это прошло безъ урока для критики. Талантъ уже породилъ подражателей, а она продолжала глумиться надъ новымъ словомъ таланта. А между тѣмъ новое слово Островскаго было ни болѣе ни менѣе какъ народность, слово собственно уже старое, ибо стремленія къ народности начались въ литературѣ нашей не съ Островскаго, но дѣйствительно новое, потому, что въ его дѣятельности опредѣлилось оно яснѣе, точнѣе и проще, хотя безъ сомнѣнія, еще неокончательно». Болѣе сдержанно высказывались представители другихъ литературныхъ партій. Такъ И. С. Аксаковъ, по поводу пьесы «Не въ свои сани не садись», писалъ Тургеневу: «едва начнетъ стираться смѣшная купеческая домашняя физіономія, тогда поблекнетъ контрастъ между внутреннимъ достоинствомъ и внѣшнимъ его выраженіемъ, и пьеса утратитъ свое теперешнее огромное общественное значеніе». Да и самъ Погодинъ относился къ этой пьесѣ Островскаго не съ безусловной похвалой; такъ, въ его дневникѣ, подъ 6 января 1852 г. записано: «прослушалъ комедію Островскаго. Хорошіе портреты, но все нѣтъ crescendo драматическаго». Въ кружкахъ, не сочувствовавшихъ народническимъ увлеченіямъ редакціи «Москвитянина», не только не раздѣлялись эти восторги, но наоборотъ, по адресу молодого писателя высказывались сужденія, отличавшіяся въ такой же степени преувеличенной суровостью. Такъ, Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину, по поводу стихотворенія А. Григорьева «Искусство и Правда», что его поражаетъ въ этомъ стихотвореніи «непосредственный переходъ отъ Мочалова къ Островскому и Садовскому безъ упоминанія о Гоголѣ, который родилъ Островскаго». Еще строже взглянула на статью Григорьева гр. Растопчина; въ письмѣ къ тому же Погодину она писала: «Какъ устоитъ слава бѣднаго Островскаго противъ такихъ неумѣстныхъ всесожженій, похожихъ на булыжникъ Крыловскаго медвѣдя». Но эта оппозиція нисколько не сдерживала неумѣреннаго восторга Ап. Григорьева. Наоборотъ, въ пылу полеми-

ческаго азарта, онъ только повышалъ тонъ своихъ неумѣренныхъ похвалъ. Совершенно основательно усматривая въ осужденіи противниковъ много несправедливаго и партійнаго, онъ поставилъ своей цѣлью защитить Островскаго отъ этихъ несправедливостей и впалъ въ противоположную крайность; только такимъ полемическимъ задоромъ можно объяснить хотя бы то, что въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Погодину А. Григорьевъ прямо-таки назвалъ Островскаго «великой, пророческой силой». Совершенно неожиданно для самого себя, Островскій сдѣлался настоящимъ кумиромъ цѣлой литературной партіи, сила которой состояла въ томъ, что она наиболѣе ярко выражала настроеніе въ обществѣ. Въ своемъ увлеченіи, представители этой партіи дошли до того, что свои взгляды на того или другого писателя ставили въ тѣсную зависимость съ его отношеніемъ къ Островскому, считая «своимъ» только того, кто раздѣлялъ ихъ восторженное поклоненіе. Что касается самого Островскаго, онъ не только не поддавался при такихъ восторгахъ своихъ пріятелей самообольщенію, но даже тяготился тѣмъ исключительнымъ вниманіемъ, которое они ему постоянно выказывали. Это, между прочимъ отмѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Погодину и А. Григорьевъ, упоминая объ исключительной скромности самого Островскаго. Въ то же время представители враждебной партіи нерѣдко переносили на личность самого писателя тѣ свойства, которыми онъ надѣлилъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе яркихъ персонажей своихъ пьесъ. Насколько были неосновательны эти сплетни, видно, напр., изъ свидѣтельства А. В. Никитенко, который, послѣ встрѣчи съ Островскимъ на вечерѣ у Тургенева, записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 20 февр. 1856 г.: «Островскій безспорно даровитѣйшій изъ нашихъ современныхъ писателей, которые строятъ свои созданія на народномъ или, лучше сказать, простонародномъ элементѣ. Самъ Островскій совсѣмъ не то, что о немъ разгласила одна литературная партія. Онъ держитъ себя скромно, прилично, вовсе не похожъ на пьяницу, какимъ его разглашаютъ, и даже очень пріятенъ въ обращеніи». И тѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ Островскимъ и впослѣдствіи, единогласно свидѣтельствуютъ объ его доступности, скромности и привѣтливости.

Апол. Григорьевъ прекрасно понималъ, какую крупную притягательную силу составляетъ для читателей «Москвитянина» участіе въ немъ Островскаго, и поэтому не переставалъ совѣтовать Погодину, чтобы онъ принялъ всѣ мѣры къ удержанію Островскаго въ составѣ редакціи этого журнала. Между тѣмъ представлялась дѣйствительная опасность, какъ бы Островскаго не переманили другіе журналы предложеніемъ болѣе выгодныхъ условій, что было далеко не безразлично для такого нуждавшагося писателя, какимъ въ то время былъ Островскій. Тѣмъ не менѣе, онъ оставался вѣрнымъ «Москвитянину» и печаталъ свои пьесы въ немъ на условіяхъ чуть ли не вдвое худшихъ, чѣмъ тѣ, которыя ему предлагались въ другихъ редакціяхъ. Точно такъ же, когда впослѣдствіи Григоровичъ и Тургеневъ, разгадавшіе размѣры дарованія Островскаго, всячески старались перетянуть его въ близкій для нихъ «Современникъ», Островскій не поддался ихъ совѣтамъ и остался вѣренъ своимъ прежнимъ друзьямъ. Его привязывало къ «Москвитянину», по всей вѣроятности, то, что редакція этого журнала находилась въ Москвѣ, гдѣ жилъ и онъ самъ; но гораздо больше здѣсь дѣйствовало, конечно, чувство благодарности къ тому журналу, на страницахъ котораго его первые опыты нашли такую дружескую поддержку. По прекращеніи изданія «Москвитянина», Островскій въ 1856 году перешелъ въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ во 2-й книжкѣ за этотъ годъ была напечатана его комедія «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Но въ этомъ журналѣ Каткова онъ работалъ очень недолго и уже въ слѣдующемъ, 1857 г., онъ напечаталъ во 2-й книжкѣ «Современника» «Праздничный сонъ—до обѣда». Съ переходомъ Островскаго въ «Современникъ» стало ослабѣвать и то неблагопріятное предубѣжденіе, которое съ самаго начала его дѣятельности господствовало среди западниковъ, хотя крайніе изъ нихъ, какъ В. Ѳ. Коршъ и Кетчеръ, всегда признавали въ немъ великій талантъ. Критика Добролюбова («Темное царство») окончательно разрѣшила вопросъ и примирила западниковъ съ Островскимъ. Онъ сдѣлался съ этихъ поръ постояннымъ и исключительнымъ сотрудникомъ «Современника», гдѣ ему была дана и подходящая матеріальная оцѣнка, установившаяся разъ

навсегда (по 200 руб. за каждый актъ); вмѣстѣ съ тѣмъ Островскій остался вѣренъ редакціонной компаніи Некрасова, когда она, послѣ запрещенія «Современника», взяла въ свои руки «Отечественныя Записки».

20 августа 1855 г. Августѣйшій генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ отдалъ слѣдующее предписаніе управляющему Морскимъ Министерствомъ: «Желая собрать полныя и подробныя свѣдѣнія о той части населенія Россіи, которая занимается мореходствомъ, рыбными промыслами, судоходствомъ на рѣкахъ и озерахъ, и въ то же время доставить «Морскому Сборнику» рядъ любопытныхъ статей, я поручилъ князю Оболенскому пріискать нѣсколько молодыхъ и талантливыхъ писателей, которые уже доказали свои дарованія и которыхъ можно было бы съ пособіемъ отъ Морского Вѣдомства отправить на цѣлый годъ въ разныя края Россіи для упомянутыхъ изслѣдованій». Въ исполненіе этого приказа въ числѣ другихъ литераторовъ былъ приглашенъ и Островскій, которому было поручено изслѣдованіе верховья Волги. Въ апрѣлѣ 1856 г. онъ приступилъ къ этому дѣлу, начавъ съ изученія Твери. Результатомъ этого изслѣдованія была статья: «Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго-Новгорода», напечатанная въ февральской книжкѣ «Морского Сборника» 1859 г. Статья эта свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, съ которымъ отнесся Островскій къ возложенному на него порученію. Строго слѣдуя желанію великаго князя, онъ обращаетъ главнѣйшее вниманіе на бытъ и условія труда судовыхъ рабочихъ и рыболововъ, стараясь вездѣ дать наиболѣе точную картину того положенія, въ какомъ находились эти промыслы. Результаты своихъ личныхъ наблюденій онъ подкрѣпляетъ оффиціальными статистическими данными, собранными съ особенной тщательностью. Но помимо этой главнѣйшей задачи, Островскій не упускаетъ изъ виду и остальныхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ сторонъ изучаемыхъ имъ мѣстностей. Онъ знакомится съ историческими преданіями, связанными съ той или другой мѣстностью, обнаруживая при этомъ весьма основательное знакомство съ источниками отечественной исторіи; изучаетъ экономическія условія и даетъ картину промышленной жизни изучаемаго имъ края. Но кромѣ этихъ чисто оффиціальныхъ сторонъ, Островскаго интересуетъ и болѣе интимная сторона жизни, и онъ внимательно отмѣчаетъ всѣ особенности частнаго и семейнаго быта. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи описаніе города Торжка, гдѣ Островскому довелось видѣть многія такія характерныя черты быта глухой провинціи, которыя впослѣдствіи не разъ изображались имъ въ его пьесахъ. Видное мѣсто въ статьѣ Островскаго занимаютъ наблюденія надъ нашимъ областнымъ языкомъ, всѣ особенности котораго онъ старательно отмѣчалъ, исправляя неточности прежнихъ изслѣдователей, напр. С. Т. Аксакова, и стараясь дать яркую картину мѣстнаго профессіональнаго языка. Это вниманіе къ родной рѣчи, обнаружившееся въ одной изъ раннихъ работъ Островскаго, весьма для него характерно, потому что удивительная мѣткость, сила и краткость языка дѣйствующихъ лицъ его пьесъ, его историческая и бытовая точность является плодомъ его постоянныхъ наблюденій и изученій въ этой области. По свидѣтельству С. В. Максимова, позже онъ былъ занятъ составленіемъ особаго словаря, въ составъ котораго входили рѣдкія поговорки и характерныя выраженія, составляющія особенность отдѣльныхъ сословій. Такія «крылатыя» слова раскиданы чуть ли не по всѣмъ его пьесамъ и составляютъ не малое ихъ украшеніе. Недосугъ помѣшалъ Островскому закончить эту весьма важную работу, черновые наброски которой наслѣдники его передали во 2-е отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ. Несмотря на всю дѣловитость и научную точность статьи Островскаго въ «Морскомъ Сборникѣ», она написана чрезвычайно легко и непринужденно, яркимъ и живымъ языкомъ. Попутно, отвлекаясь отъ главной темы своего изслѣдованія, авторъ рисуетъ весьма любопытныя бытовыя сценки, что въ значительной степени оживляетъ изложеніе. Вообще эта статья, обладающая крупными достоинствами въ научномъ отношеніи, является также и выдающимся литературнымъ произведеніемъ. Это путешествіе имѣло весьма важныя послѣдствія для дальнѣйшей дѣятельности Островскаго. Оно поставило его лицомъ къ лицу съ такими характерными особенностями провинціальнаго быта, которыя ему весьма пригодились для пьесъ; оно значительно рас-

ширило сферу его непосредственныхъ наблюденій, прежде замыкавшихся узкими рамками купеческой и мелкой чиновнической среды. Во время путешествія онъ имѣлъ случай наблюдать такіе характеры и сцены, которые впослѣдствіи перенесъ на страницы своихъ пьесъ. Такъ, по преданію, на Волгѣ онъ познакомился съ тѣми характерами, которые изобразилъ въ комедіи «На бойкомъ мѣстѣ».

Во время этого же путешествія Островскій получилъ возможность глубже ознакомиться съ бытомъ многихъ захолустныхъ провинціальныхъ городовъ, одинъ изъ которыхъ онъ изобразилъ въ своей драмѣ «Гроза»; бытовыя краски ея такъ сильны и ярки, что несомнѣнно могли явиться результатомъ только непосредственнаго наблюденія автора. Пьеса эта появилась въ 1860 г. и была напечатана въ 1-ой книжкѣ «Библіотеки для чтенія». Ни одна предшествующая пьеса не имѣла такого широкаго успѣха у представителей почти всѣхъ литературныхъ партій. Тогда какъ всѣ предшествующія пьесы Островскаго находили сочувственные отзывы только у критиковъ того лагеря, который видѣлъ въ данной пьесѣ отраженіе своихъ боевыхъ идей, «Гроза» была встрѣчена одинаково всѣми, безъ различія направленій. Въ томъ же году пьеса эта была представлена въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи. Разборъ пьесы Академіей былъ порученъ И. А. Гончарову и А. Д. Галахову. Первый изъ нихъ въ своемъ отзывѣ писалъ, что «подобнаго произведенія, какъ драмы, въ нашей литературѣ не было. Она безспорно занимаетъ и, вѣроятно, долго будетъ занимать первое мѣсто по высокимъ классическимъ красотамъ. Съ какой бы стороны она ни была взята—со стороны ли плана созданія или драматическаго движенія, или, наконецъ, характеровъ, всюду запечатлѣна она силою творчества, тонкостью наблюдательности и изяществомъ отдѣлки». И далѣе: «всякое лицо въ драмѣ есть типическій характеръ, выхваченный прямо изъ среды народной жизни, облитый яркимъ колоритомъ поэзіи и художественной отдѣлки, начиная съ богатой вдовы Кабановой, въ которой воплощенъ слѣпой, завѣщанный преданіями деспотизмъ, уродливое пониманіе долга и отсутствіе всякой человѣчности, до ханжи Ѳеклуши. Авторъ далъ цѣлый разнообразный міръ живыхъ, существующихъ на каждомъ шагу личностей». Къ этому лестному мнѣнію цѣликомъ присоединился и другой рецензентъ Галаховъ, который, кромѣ того, указываетъ на то, что появленіе такого крупнаго драматическаго произведенія является особенно знаменательнымъ въ пору повсемѣстнаго упадка драматической литературы, замѣчаемаго не только въ Россіи, но и на Западѣ. Особенностями своего таланта Островскій тѣсно примыкаетъ къ школѣ Гоголя, достойнымъ продолжателемъ котораго онъ является. Но при этомъ, «въ его пьесахъ есть нѣчто свое особенное, что имѣетъ вѣсъ послѣ «Ревизора» и «Женитьбы». Академикъ П. А. Плетневъ, давая отзывъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ о «Грозѣ» и одновременно съ ней представленной «Горькой судьбинѣ» Писемскаго, прибавилъ, что «у Островскаго столько въ запасѣ характеровъ, ихъ странностей и поучительныхъ для наблюдателя чертъ, что сцены постоянно интересны и любопытны; драматическое движеніе нигдѣ не ослабѣваетъ, а между тѣмъ общественныя отношенія и естественный ходъ жизни никакимъ искусственнымъ усиліемъ не нарушены и не ослаблены. Самый языкъ дѣйствующихъ лицъ нигдѣ не вызываетъ сомнѣнія на счетъ вѣрности и не подлежитъ никакому спору относительно оборотовъ рѣчи и выбора выраженій». На основаніи столь лестныхъ отзывовъ Академія Наукъ признала автора достойнымъ награжденія полной Уваровской преміей. Такой же преміей была увѣнчана и его драма, «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», а впослѣдствіи за выдающіяся заслуги на поприщѣ отечественной словесности, Академія удостоила его избраніемъ въ свои члены-корреспонденты.

Такое же сочувственное отношеніе встрѣтила «Гроза» и со стороны неофиціальной критики, изъ отзывовъ которой особеннаго вниманія заслуживали статьи С. Дудышкина (въ «Отечественныхъ Запискахъ») и Н. Добролюбова (въ «Современникѣ») подъ заглавіемъ «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Статья Дудышкина примѣчательна тѣмъ, что она совершенно правильно устанавливаетъ отношеніе предшествующей критики къ Островскому. «Поборники исключительно сатирическаго направленія (западники)», — пишетъ онъ—«восхваляли «Свои люди—

хочется» и больше ничего не хвалили; поклонники патріархальнаго семейнаго начала и идеальной натуры русскаго человѣка падали ницъ передъ Русаковымъ и стариннымъ каноническимъ правомъ, господствовавшимъ въ драмѣ «Не такъ живи» и пр. Холодные наблюдатели были довольны, что Островскій въ первый разъ оказался безучастнымъ къ той и другой партіи въ своей комедіи «Въ чужомъ пиру похмѣлье», а затѣмъ всѣ теоріи были исчерпаны и оказалось возможнымъ предположить, что дальше Островскому идти некуда. Островскій въ это время пошелъ туда, куда давно хотѣли бы провести его дѣйствительные поклонники—къ истинной поэзіи русской жизни. Давно было сказано, что идеальничанье съ русской жизнью исчерпано и что пора искать другого исхода. Въ «Грозѣ» мы привѣтствуемъ такой выходъ». Знаменитая статья Добролюбова, въ значительной степени укрѣпившая литературную славу этого критика, въ сущности является шагомъ назадъ въ сравненіи хотя бы со статьей Дудышкина: ея авторъ почти совсѣмъ не разсматриваетъ «Грозу» какъ художественный памятникъ, а разсуждаетъ съ чрезвычайной страстностью объ общественныхъ вопросахъ, возникающихъ при ея чтеніи, такъ что статья его является чисто публицистическимъ трактатомъ въ духѣ того времени. Со злостью сатирика разсматриваетъ онъ тѣ общественныя язвы, которыми, на его взглядъ, болѣетъ изображенное Островскимъ общество. По его мнѣнію, почти всѣ дѣйствующія лица этой пьесы составляютъ одно замкнутое и страшное по своей силѣ «темное царство», яркому описанію котораго Добролюбовъ отводилъ не мало краснорѣчивыхъ страницъ своей статьи. Но наряду съ самыми мрачными проявленіями «самодурства и безгласности», критикъ усматриваетъ въ этой пьесѣ Островскаго «что-то такое освѣжающее и ободряющее», «что на него она производитъ впечатлѣніе менѣе тяжкое и грустное, нежели другія пьесы Островскаго». Это что-то—характеръ Катерины; онъ вѣетъ новой жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели. «Характеръ Катерины соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ, около него вертѣлись наши лучшіе писатели; они умѣли понять только его надобность, но уразумѣть и почувствовать его сущность сумѣлъ одинъ Островскій». Катерина представляется Добролюбову сильнымъ характеромъ, проникнутымъ «желаньемъ воли, простора, горячей, беззапретной свободы». Этотъ взглядъ популярнаго критика оставался въ теченіе долгаго времени господствующимъ какъ по отношенію къ характеру самой Катерины, такъ и всей пьесы, превращая чисто художественное произведеніе въ узко-тенденціозную пьесу злободневнаго характера. Но насколько вообще неправиленъ такой взглядъ въ примѣненіи къ пьесамъ такого объективнаго писателя, какимъ является Островскій, настолько же неправиленъ и взглядъ на Катерину, какъ на «свѣтлый лучъ, пробивающійся сквозь мглу темнаго царства, внося въ него протестъ противъ самодурства и безгласности». Для такой боевой роли Катерина не годится по чрезмѣрной мягкости и пассивности своей натуры, и весь образъ ея дѣйствій менѣе всего похожъ на протестъ. Ея личность своимъ свѣтомъ не разсѣеваетъ мглы темнаго царства, а гибнетъ почти что безслѣдно, не встрѣчая необходимой поддержки для своей нѣжной идеалистической души. Поэтому гораздо вѣрнѣе опредѣлилъ ея характеръ Скабичевскій въ своей статьѣ: «Женщины въ пьесахъ Островскаго». На его взглядъ «Катерина, по своему ультра-религіозному воспитанію, во многомъ напоминаетъ Лизу въ Дворянскомъ гнѣздѣ, и принадлежитъ къ категоріи женщинъ колеблющихся, нерѣшительныхъ, боящихся всякихъ каръ, когда дѣло идетъ о ихъ счастьѣ, и приходящихъ въ отчаяніе, лишь когда всѣ пути закрыты». Во всякомъ случаѣ роль эта, первой исполнительницей которой въ Москвѣ была знаменитая Л. П. Косицкая, вскорѣ заняла почетное мѣсто въ репертуарѣ русскихъ драматическихъ актрисъ, почему пьеса въ теченіе долгаго времени и не сходила съ репертуара какъ столичныхъ, такъ и частныхъ театровъ. Въ 1867 году композиторъ В. Н. Кашперовъ написалъ на ея сюжетъ оперу, причемъ текстъ драмы, превращенный изъ прозаическаго въ стихотворный, былъ подвергнутъ весьма значительнымъ искаженіямъ. Въ 1885 г. «Гроза» была переведена на французскій языкъ и вышла подъ заглавіемъ «L'orage, drame, traduit par Legrelle»; въ этомъ пере-

водѣ она и исполнялась въ Парижѣ, но крупнаго успѣха тамъ не имѣла, насколько можно судить по тому, что она недолго удержалась на сценѣ, а также и по тому отзыву, который написалъ о ней типичный выразитель вкусовъ парижской публики Жюль Леметръ, оказавшійся совершенно не въ состояніи понять ея истинныя красоты. Зависитъ это, главнымъ образомъ, конечно, отъ того, что «Гроза» слишкомъ крѣпкими узами связана съ русской почвой, безъ знанія которой она и сама становится недоступной для пониманія. Зато въ Россіи «Гроза» пользовалась крупнымъ и прочнымъ успѣхомъ. Такой же успѣхъ имѣла и большая часть остальныхъ пьесъ Островскаго.

Но успѣхъ пьесъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія, почти ничего не давалъ ихъ автору, такъ какъ вознагражденіе драматическихъ писателей было совершенно еще не организовано и даже въ казенныхъ театрахъ было весьма незначительно. Но кромѣ этихъ матеріальныхъ затрудненій, которыя особенно болѣзненно сказывались для многосемейнаго Островскаго, его еще угнетали и тѣ чрезвычайно сложныя и подчасъ весьма унизительныя хлопоты, съ которыми было связано проведеніе на казенную сцену всякой новой пьесы. Островскому приходилось изъ-за всякой новой пьесы лично ѣздить въ Петербургъ для сношеній съ дирекціей театровъ, на что постоянно уходило много времени и денегъ, и, сверхъ того, безпокоить своихъ друзей непрерывными просьбами о содѣйствіи. Въ этомъ отношеніи особенно помогалъ Островскому его неизмѣнный другъ, артистъ петербургскаго Александринскаго театра А. А. Бурдинъ. Письма къ нему Островскаго наполнены самыми настойчивыми просьбами о содѣйствіи при постановкѣ новыхъ пьесъ и лучше всего показываютъ, съ какими неимовѣрными усиліями это было сопряжено даже для Островскаго. Въ концѣ концовъ это несоотвѣтствіе личныхъ доходовъ драматурга съ тѣми богатствами, которыя приносили дирекціи театровъ его пьесы, и вѣчная борьба съ канцелярской волокитой, такъ подѣйствовали на Островскаго, что онъ призналъ себя совершенно побѣжденнымъ и сталъ подумывать о томъ, какъ бы ему оставить трудное поприще драматурга. Въ письмѣ къ Бурдину въ 1866 г. А. Н. писалъ: «объявляю тебѣ, что я совершенно оставляю театральное поприще. Причины вотъ какія: выгодъ отъ театра я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ уже пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ играть роль вѣчно кланяющагося просителя тяжело и унизительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить и высокимъ лѣстницамъ, мнѣ уже нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, котораго я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ. Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ больше писать не буду; я уже давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей, буду писать хроники, но не для театра. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму «Бориса Годунова», такимъ образомъ постепенно и незамѣтно отстану отъ театра». Къ счастью для русскаго театра, А. Н. не выполнилъ этого намѣренія и его историческія пьесы появлялись своевременно на сценѣ, внося большое разнообразіе въ текущій репертуаръ. Такимъ образомъ это письмо имѣетъ значеніе какъ выраженіе временнаго разочарованія великаго драматурга въ театрѣ. Еще до этого письма Островскій писалъ историческія пьесы: такъ, въ 1862 г. появилась его хроника «Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ», обратившая на себя вниманіе правительства, при чемъ автору, по докладу министра народнаго просвѣщенія Головнина, былъ пожалованъ Государемъ Императоромъ драгоцѣнный перстень; но на сцену пьеса эта цензурой пропущена не была, какъ «не своевременная». Въ 1865 г. появилась другая историческая пьеса Островскаго «Воевода или Сонъ на Волгѣ». Затѣмъ, въ 1867 г. А. Н. снова вернулся къ разработкѣ сюжетовъ изъ смутнаго времени, основательное знакомство съ которымъ онъ обнаружилъ уже въ первой своей исторической пьесѣ. Въ этомъ году онъ издалъ драм. хроники: «Дмитрій

Самозванецъ и Василій Шуйскій» и «Тушино». Имѣвъ крупный успѣхъ, какъ на сценѣ, такъ и въ журнальной критикѣ, онѣ, однако, были встрѣчены крайне несочувственно представителями ежедневной, газетной печати. О первой пьесѣ далъ подробный отзывъ П. Анненковъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1862 № 9). Критикъ прежде всего отмѣтилъ чрезвычайную трудность поставленной авторомъ задачи: изобразить данное историческое явленіе такимъ, какъ его народъ самъ себѣ представляетъ. Задача эта авторомъ разрѣшена, по мнѣнію критика, вполнѣ удачно, и это уже снимаетъ съ него всякую отвѣтственность за соотвѣтствіе его изображенія исторической правдѣ. Далѣе, критикъ обращаетъ вниманіе на «замѣчательную цѣльность вдохновенія, что помогло автору сразу отыскать стройную рѣчь, весьма выразительный и живописный стихъ, такъ же точно, какъ помогло выдержать произведеніе во всѣхъ его частяхъ съ одинаковой силой и убѣжденіемъ». Направляемый многими по адресу автора упрекъ въ томъ, что его Мининъ—не живое лицо, а простое олицетвореніе героическаго чувства, Анненковъ старается снять съ Островскаго, оправдывая это основнымъ характеромъ русскихъ историческихъ источниковъ, изображающихъ отдѣльныя лица именно въ такомъ освѣщеніи. И въ «Дмитріи Самозванцѣ» А. В. Никитенко усмотрѣлъ выдающееся художественное произведеніе, въ которомъ «авторъ обнаружилъ большой психологическій тактъ и вѣрность анализа». Пьеса эта, на взглядъ критика, отличающаяся ясностью и теплотой колорита, заключаетъ въ себѣ замѣчательныя художественныя красоты. Въ «Воеводѣ» тотъ же П. В. Анненковъ усмотрѣлъ яркое отраженіе старинной русской юридической литературы, на основаніи которой «Островскимъ поразительно ярко представленъ гражданскій бытъ многочисленныхъ жертвъ кормленія». «Авторъ собралъ въ «Воеводѣ» по поэтическому инстинкту и прозрѣнію все то, что смутно, въ видѣ предчувствія, могло жить въ душѣ каждаго человѣка изъ простонародья». Напротивъ, представители газетной критики не нашли въ историческихъ пьесахъ Островскаго ничего, кромѣ длиннотъ и скуки, не разглядѣли они въ нихъ и никакой поэзіи. Рецензентъ «Голоса», напр., жаловался на полное отсутствіе «дѣйствія» въ «Воеводѣ»; упрекаетъ онъ также автора и въ недостаточно умѣлой обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Что касается «Дмитрія Самозванца», то нѣкоторые рецензенты старались увѣрить публику въ томъ, что эта пьеса представляетъ не что иное, какъ переложеніе въ стихи статей Костомарова о смутномъ времени, какъ разъ появлявшихся тогда въ «Вѣстникѣ Европы». Въ опроверженіе этого неосновательнаго мнѣнія Костомаровъ напечаталъ въ «Голосѣ» (1867 № 89) письмо, въ которомъ заявлялъ, что когда его статьи о смутномъ времени еще не были напечатаны, И. Ѳ. Горбуновъ уже читалъ ему эту пьесу. Сходство, усматриваемое рецензентами, между изслѣдованіемъ Костомарова и хроникой Островскаго, Костомаровъ объясняетъ тѣмъ, что они оба пользовались одними и тѣми же источниками. Въ дѣйствительности, хроники Островскаго, страдая отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, изобилуютъ многими весьма важными достоинствами, что обезпечиваетъ имъ мѣсто даже въ современномъ репертуарѣ. Недостатки ихъ происходятъ, во-первыхъ, отъ излишней длинноты, обусловливаемой трудностью уложить подробности сложнаго событія въ тѣсныя рамки пьесы; во-вторыхъ, имъ вредитъ блѣдность и недодѣланность нѣкоторыхъ фигуръ, особенно женскихъ. Кажется, будто авторъ, связанный своими источниками, боялся прибавить отъ себя лишнюю черту и не договорилъ еще много такого, что придало бы его пьесамъ необходимую яркость и выпуклость. Но эти недостатки историческихъ пьесъ Островскаго съ лихвой искупаются ихъ крупными достоинствами. Авторъ сквозь мертвыя буквы старыхъ грамотъ и слабые отзвуки устныхъ преданій сумѣлъ разглядѣть яркіе и живые образы, и у него нашлись подъ руками необходимыя для ихъ изображенія краски. Сюда относится прежде всего удивительная фигура самого Василія Шуйскаго (Дмитрій Самозванецъ). Островскій сумѣлъ разгадать дѣйствительный характеръ, «духъ» изображаемыхъ имъ событій, выразителями котораго у него являются вездѣ чрезвычайно характерныя лица. Таковы калашникъ и дьякъ Осиповъ въ «Самозванцѣ». На фонѣ изображаемыхъ событій Островскій рисуетъ подчасъ весьма яркія жанровыя фигуры, въ которыхъ вполнѣ отражается особенность даннаго момента. Такова, напримѣръ, Настасья Дюжая въ «Воеводѣ». Подчасъ эти отдѣльныя фигуры

разростаются въ цѣлыя сцены, которыя опять таки прекрасно вводятъ зрителя въ изображаемую эпоху. Такова сцена передъ соборомъ въ «Самозванцѣ», приготовленіе къ ночлегу Шалыгина въ «Воеводѣ» и т. п. Между этими сценами разсыпанъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ поэтическихъ сценъ, проникнутыхъ характернымъ для Островскаго мягкимъ лиризмомъ. Таково, напримѣръ, появленіе Домового въ Воеводѣ. Наконецъ, не малое достоинство этихъ пьесъ составляетъ и ихъ языкъ, подчасъ удивительно яркій, мѣткій, вездѣ красивый и сильный. О «Василисѣ Мелентьевой» тоже ходили слухи, будто бы эта пьеса не цѣликомъ принадлежитъ Островскому, а написана имъ при содѣйствіи Ст. А. Гедеонова. Въ дѣйствительности, Гедеоновъ, занимавшій постъ директора Императорскихъ театровъ и написавшій въ молодости весьма популярную еще и теперь на народныхъ сценахъ пьесу «Смерть Ляпунова», заинтересовался драматической судьбой Василисы Мелентьевой, которую и рѣшилъ сдѣлать героиней исторической драмы. Не желая въ дни своего директорства выступать на сцену съ пьесой своего сочиненія, Гедеоновъ рѣшилъ прикрыться именемъ популярнаго драматурга и передалъ ему свою пьесу для исправленія и обработки. По свидѣтельству А. А. Нильскаго, Гедеоновъ не сталъ самъ разрабатывать пьесы, а набросалъ только сценарій, который и передалъ Островскому, составившему на основаніи матеріала, полученнаго отъ Гедеонова, самостоятельно всю драму. По разсказу И. Ѳ. Горбунова, «Гедеоновъ передалъ уже написанную пьесу Островскому, который, оставивши въ неприкосновенности сюжетъ, написалъ собственную пьесу, не воспользовавшись ни одною сценою, ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова». Во всякомъ случаѣ, степень участія Гедеонова въ этой пьесѣ весьма незначительна и ее можно по праву относить къ числу оригинальныхъ пьесъ Островскаго. Изъ всѣхъ историческихъ пьесъ Островскаго она, пожалуй, болѣе всего подходитъ подъ вкусы такъ называемой большой публики, и ея успѣхъ надо объяснять прежде всего чрезвычайной яркостью всѣхъ ролей, представляющихъ весьма благодарный матеріалъ для исполнителей. Много помогаетъ успѣху пьесы и самый сюжетъ, отличающійся большимъ драматизмомъ. Зато въ пьесѣ нѣтъ тѣхъ лирическихъ мѣстъ, которыя составляютъ главнѣйшее украшеніе остальныхъ историческихъ хроникъ Островскаго. Среди нихъ совершенно особенное мѣсто занимаетъ трехъактная комедія «Комикъ XVII столѣтія», появившаяся во 2-й кн. «Отечественныхъ Записокъ» 1873 года. Пьеса эта, написанная на основаніи матеріаловъ, собранныхъ проф. Н. С. Тихонравовымъ къ двухсотлѣтнему юбилею русскаго театра, представляетъ собою изложеніе въ драматической формѣ исторіи возникновенія перваго русскаго театра при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ. Островскій въ данномъ случаѣ имѣлъ предшественника въ лицѣ кн. А. А. Шаховского, комедія котораго «Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ или день рожденія русскаго театра» изображала возникновеніе русскаго театра въ половинѣ XVIII столѣтія въ Ярославлѣ, при содѣйствіи Волкова и его товарищей. Между обѣими пьесами есть немалое сходство въ построеніи и развитіи общаго плана. Эта близкая сердцу драматурга тема представляла то удобство, что давала возможность Островскому выразить многія свои завѣтныя мысли о театрѣ и его назначеніи. Изображая первые шаги театра среди непривычнаго къ такимъ зрѣлищамъ общества, Островскій долженъ былъ изобразить рядъ лицъ, проникнутыхъ грубыми предубѣжденіями противъ театра. Это заставило его вложить въ уста сторонниковъ нововведенія, напримѣръ, Артамона Матвѣева, горячія рѣчи въ защиту театра и его высокаго общественнаго значенія. Здѣсь драматургъ невольно изъ холоднаго бытописателя превратился въ страстнаго защитника дорогого его сердцу учрежденія и далъ должную отповѣдь тѣмъ нападкамъ на театръ, которыя, вѣроятно, и ему самому не разъ приходилось слышать во время своей многолѣтней дѣятельности на пользу театра. Эта личная страстность придаетъ совершенно особое значеніе «Комику XVIII столѣтія» даже и въ наши дни. Однако и при первой постановкѣ, и при возобновленіи она не имѣла особеннаго успѣха ни у театральной публики, ни у критики, отнесшейся къ ней даже съ незаслуженной суровостью. Въ томъ же 1873 г. въ «Вѣстникѣ Европы» была напечатана весенняя сказка «Снѣгурочка», появившаяся въ томъ же году съ музыкой П. И. Чайковскаго, (впослѣдствіи Римскимъ-Корсаковымъ была написана на тотъ же сюжетъ опера). Эта пьеса, пре-

ставляетъ единственную попытку Островскаго выйти изъ рамокъ реальной дѣйствительности и перенестись въ міръ фантастическаго творчества. Знакомство съ поэтическими воззрѣніями и сказками русскаго народа здѣсь пришлось автору какъ нельзя болѣе кстати. Помогъ ему также и его природный талантъ къ мягкому, теплому лиризму. Такимъ образомъ составилась пьеса, цѣлый рядъ сценъ которой полонъ чарующей прелести и истинной поэзіи. Монологи Весны, жалобы Купавы, ея разговоръ съ Берендеемъ принадлежатъ къ числу лучшихъ поэтическихъ сокровищъ нашей драматической литературы. Въ пьесу искусной рукой введенъ рядъ народныхъ игръ, праздниствъ и обычаевъ, которые придаютъ ей необходимое оживленіе; въ галлереѣ яркихъ жанровыхъ фигуръ, въ родѣ Бобыля и Бобылихи, авторъ обнаружилъ прекрасное дарованіе къ бытовымъ образамъ. Вся пьеса, изобличающая основательное знакомство автора съ русской народной поэзіей, написана чрезвычайно сочнымъ, стильнымъ языкомъ, живо переносящимъ слушателя въ атмосферу народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Написанная въ эпоху, менѣе всего способную оцѣнить такую поэтическую сказку и, быть можетъ, какъ разъ въ осужденіе ея чрезмѣрно холодной дѣловитости, «Снѣгурочка» не встрѣтила должнаго отношенія къ себѣ со стороны тогдашней критики, тѣмъ болѣе, что сцена того времени не располагала тѣми техническими усовершенствованіями, которыя необходимы для постановки такой сложной пьесы, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда наши казенные театры оказались въ состояніи надлежащимъ образомъ обставить эту пьесу, она нашла тотъ крупный успѣхъ, который заслуживала.

Всѣ остальныя пьесы Островскаго, въ зависимости отъ изображенныхъ въ нихъ классовъ общества, можно раздѣлить на 4 группы. Первую, наиболѣе значительную, составляютъ пьесы изъ купеческаго быта. Сюда относятся: «Семейная картина» (1847), «Свои люди сочтемся» (1850), «Не въ свои сани не садись» (1853), «Бѣдность не порокъ» (1854), «Въ чужомъ пиру похмѣлье» (1856), «Праздничный сонъ—до обѣда» (1857), «Гроза» (1860), «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» (1860), «Свои собаки грызутся, чужія не приставай» (1861), «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» (1861), «Грѣхъ да бѣда, на кого не живетъ» (1863), «Тяжелые дни» (1863), «Шутники» (1864), «Горячее сердце» (1869), «Не все коту масляница» (1871), «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877), «Послѣдняя жертва» (1878), «Сердце не камень» (1880). Главнѣйшее достоинство этихъ пьесъ состоитъ въ удивительно тонкомъ жанровомъ рисункѣ, благодаря которому въ нихъ для большинства читателей открылся невидимый дотолѣ міръ, поразившій ихъ своеобразіемъ формъ и внутренняго устройства. Среди критиковъ существуетъ основное разногласіе относительно того, какъ относился самъ Островскій къ изображаемому имъ въ этихъ пьесахъ міру. Въ то время какъ одни, съ Добролюбовымъ во главѣ, превозносили Островскаго за то, что онъ будто бы въ этихъ пьесахъ съ безпощадностью сатирика бичевалъ основные недостатки темнаго царства, самодурство, безправіе и отсутствіе всякаго умственнаго просвѣта, другіе совершенно основательно указывали на то, что въ средѣ купечества Островскій видитъ вовсе не одно самодурство, а наоборотъ,—находитъ весьма много положительныхъ чертъ, въ силу которыхъ его симпатіи подчасъ бываютъ какъ разъ на сторонѣ того самаго «темнаго царства», сатирикомъ котораго его такъ усердно выставлялъ Добролюбовъ съ товарищами. Первая точка зрѣнія, наиболѣе отвѣчающая духу того времени, пріобщала Островскаго къ числу модныхъ въ то время дѣятелей «обличительной» литературы, для чего, въ сущности не было никакого основанія въ виду отсутствія у Островскаго необходимаго для «обличителя» боевого темперамента По словамъ П. Д. Боборыкина, «пріемъ Добролюбова пришелся по вкусу тогдашней публики и былъ главной причиной того, что Островскій, несвязанный передъ тѣмъ никакими интимными отношеніями къ міру петербургскаго передоваго журнализма, очутился вдругъ въ глазахъ публики и, въ особенности, въ глазахъ молодежи писателемъ чуть не ультра-прогрессивнаго оттѣнка. Это въ сущности весьма забавное qui pro quo продолжалось слишкомъ десять лѣтъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ врядъ ли какой-нибудь рецензентъ и посмѣлъ указать на странность такого отношенія

къ Островскому и начать разбирать его съ иныхъ точекъ зрѣнія». Это осмѣлился сдѣлать Ап. Григорьевъ въ своихъ статьяхъ «Послѣ «Грозы» Островскаго». Письма его къ И. С. Тургеневу указали на всю фальшь пріемовъ либеральной критики, сказавшуюся въ томъ, что она усмотрѣла юморъ сатирика тамъ, гдѣ въ дѣйствительности была только одна «наивная правда народнаго поэта». По мнѣнію критика, «Свои люди—сочтемся»—прежде всего картина общества, отраженіе цѣлаго міра, въ которомъ проглядываютъ многоразличныя органическія начала, а не одно самодурство. Притомъ человѣческое сожалѣніе и сочувствіе остается по ходу драмы за самодурами, а не за протестантами». Онъ даже и не ставилъ своею цѣлью возбужденіе такого сочувствія, потому что не былъ сатирикомъ, а вполнѣ объективнымъ поэтомъ». Далѣе Ап. Григорьевъ замѣчаетъ, что въ «Утрѣ молодого человѣка» дѣло говоритъ самодуръ-дядя, а не протестантъ-племянникъ». «Любимъ Торцевъ возбуждаетъ глубокое сочувствіе не протестомъ своимъ, а могучестью натуры, соединенной съ высокимъ сознаніемъ долга и чувствомъ человѣческаго достоинства, уцѣлѣвшаго и въ грязи, глубиною своего раскаянія, искреннею жаждой жить честно, побожески». Менѣе всего поддавалась истолкованію въ духѣ критики Добролюбова и его послѣдователей, конечно, комедія «Не въ свои сани не садись», относительно которой не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сочувствіе автора цѣликомъ находится на сторонѣ какъ разъ представителей «темнаго царства»—Русакова и Вани Бородкина, тогда какъ «господа» Вихоревъ и Баранчевскій обрисованы такими красками, что никоимъ образомъ не могли пользоваться симпатіями не только автора, но даже и самаго непредубѣжденнаго зрителя; Арина Ѳедотовна, постоянно протестующая противъ того уклада, которымъ держится домъ Русакова, опять таки обрисована темными красками, что очевидно полное несочувствіе автора протесту такого рода. Приведенныхъ случаевъ достаточно, чтобы стало ясно, насколько неправиленъ и произволенъ взглядъ на Островскаго какъ на сатирика купеческаго быта и сторонника какой-либо формы протеста противъ его особенностей. Что Островскій не былъ сатирикомъ, это, во-первыхъ, чувствуется при безпристрастномъ изученіи его пьесъ, а во-вторыхъ подтверждается и его собственными словами. Въ письмѣ къ Погодину отъ 30 сент. 1853 г. онъ, между прочимъ, говоритъ: «пусть лучше русскій человѣкъ радуется, видя себя на сценѣ, чѣмъ тоскуетъ. Исправители найдутся и безъ насъ. Чтобы имѣть право исправлять народъ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за нимъ и хорошее». Итакъ, въ пьесахъ 1-й группы надо видѣть вполнѣ художественное объективное изображеніе быта того класса общества, съ которымъ Островскому приходилось сталкиваться наиболѣе часто и отъ соприкосновенія съ которымъ въ его запасѣ было наибольшее количество художественныхъ впечатлѣній.

Къ пьесамъ изъ купеческаго быта тѣсно примыкаетъ сравнительно малочисленная 2-я группа, состоящая изъ пьесъ, изображающихъ «народный бытъ». Сюда относятся «Не такъ живи, какъ хочется» (1854) и «На бойкомъ мѣстѣ» (1865). Относительная малочисленность пьесъ этой группы, а также отсутствіе въ нихъ такихъ яркихъ и типичныхъ жанровыхъ образовъ, какими полны пьесы изъ купеческаго быта, объясняется тѣмъ, что Островскому, какъ горожанину, крестьянскій бытъ былъ знакомъ гораздо менѣе купеческаго. Путешествіе не могло замѣнить ему постояннаго общенія съ народомъ, отъ котораго Островскій получилъ гораздо меньше непосредственныхъ впечатлѣній, чѣмъ отъ прекрасно знакомаго ему купечества. Относительная бѣдность впечатлѣній отразилась въ сравнительной блѣдности жанроваго рисунка. Дѣйствіе первой изъ этихъ пьесъ, содержаніе которой, по замѣчанію самого автора, «взято изъ народныхъ разсказовъ», относится къ концу XVIII столѣтія; но это не даетъ права относить эту пьесу къ числу историческихъ, потому что пріурочиваніе времени дѣйствія къ XVIII столѣтію почти ни въ чемъ не обнаружилось. Вся пьеса построена такъ, что въ ней нѣтъ рѣшительно ничего такого, что мѣшало бы пріурочивать ее къ гораздо болѣе позднему времени. XVIII вѣкъ мало сказался и на языкѣ пьесы, быть можетъ потому, что въ средѣ, изображенной въ этой пьесѣ, языкъ вообще очень медленно подвергается видоизмѣненіямъ. И въ этихъ пьесахъ изъ на-

роднаго быта Островскій остался вѣренъ своему объективизму. По замѣчанію Ап. Григорьева, «набросанный очеркъ широкой народной драмы «Не такъ живи, какъ хочется» столь мало-сатира, что въ изображеніи главнаго самодура, старика Ильи Ильича, нѣтъ и тѣни комизма. Въ Петрѣ Ильичѣ далеко не самодурство существенная сторона характера. Въ созданіи Груши и даже ея матери виденъ для всякаго народный поэтъ, а не сатирикъ. Груша въ особенности есть лицо, изображенное положительно, какъ нѣчто живое и долженствующее жить». Еще меньше намековъ на общественную сатиру можно усмотрѣть въ другой пьесѣ Островскаго изъ народнаго быта: «На бойкомъ мѣстѣ». (Первая изъ этихъ пьесъ послужила канвой для оперы А. Н. Сѣрова «Вражья сила»).

Болѣе значительную группу составляютъ пьесы изъ міра мелкихъ чиновниковъ, къ числу которыхъ Островскій самъ нѣкогда принадлежалъ, что и дало ему возможность непосредственно ознакомиться съ весьма своеобразными представителями этого нынѣ почти совсѣмъ исчезнувшаго типа. И пьесы первой группы весьма часто включаютъ стряпчаго въ число своихъ дѣйствующихъ лицъ. Стоитъ вспомнить хотя бы знаменитаго Сысоя Псоича Ризположенскаго изъ «Свои люди — сочтемся». Но тамъ они являются только въ соприкосновеніи съ своими постоянными «благодѣтелями», купцами, а здѣсь они составляютъ центръ дѣйствія. Непосредственность впечатлѣній сказалась въ томъ, что и представители этого класса обрисованы чрезвычайно жизненно и ярко, и дореформенный чиновникъ можетъ считаться съ полнымъ правомъ такимъ же оригинальнымъ возсозданіемъ Островскаго, какъ и купецъ-самодуръ. Въ составъ этой группы входятъ пьесы: «Бѣдная невѣста» (1852), «Доходное мѣсто» (1857), «Пучина» (1866), «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» (1872), «Богатая невѣста» (1876); двѣ послѣднія пьесы входятъ сюда только отчасти, потому что весьма значительное число ихъ персонажей относится къ другому бытовому классу, точно такъ же, какъ и изъ пьесъ первой группы многія представляютъ весьма яркіе типы чиновничьяго міра, напримѣръ, комедіи «Праздничный сонъ — до обѣда,» и «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь», героемъ которыхъ является Миша Бальзаминовъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей мелкаго чиновничества. Пьесы эти опять-таки дороги исключительно своимъ жанровымъ рисункомъ, и въ нихъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отразились всѣ характерныя особенности этого своеобразнаго класса. При этомъ, конечно, отразились и весьма многочисленныя его отрицательныя стороны, присутствіе которыхъ однако вовсе не даетъ права видѣть въ нихъ сатиру на тогдашнее чиновничество. Въ мягкой кисти художника даже для Юсова и Бѣлогубова («Доходное мѣсто») нашлись такія краски, благодаря которымъ ихъ недостатки становятся понятными и встрѣчаютъ, вмѣсто суроваго осужденія, извѣстное извиненіе. Почти въ каждомъ характерѣ Островскій старается найти такія положительныя свойства, которыя до извѣстной степени примиряютъ съ нимъ зрителя, почему въ этихъ пьесахъ нѣтъ и слѣда той узкой односторонности, которая почти всегда бываетъ неразлучна съ тенденціозной сатирой. Характерно, что въ многочисленномъ мірѣ изображенныхъ чиновниковъ Островскій не показалъ ни одного вполнѣ положительнаго типа, съ которымъ можно было бы соединять надежды и упованія автора. Даже Жадовъ, совершенно непохожій по своимъ взглядамъ и стремленіямъ на всѣхъ остальныхъ чиновниковъ, и тотъ въ послѣднемъ дѣйствіи, въ силу всесокрушающей «житейской необходимости», отступается отъ своихъ прежнихъ принциповъ и долженъ пойти по торной дорожкѣ тѣхъ же самыхъ служебныхъ пріемовъ, которые раньше стояли неприступной стѣной между нимъ и остальными чиновниками. Еще менѣе можно считать за представителя такого положительнаго типа — Досужева («Тяжелые дни»), адвоката, призваннаго, по его словамъ, замѣнить прежнихъ дореформенныхъ стряпчихъ. Его пріемы по существу такъ же мало заслуживаютъ сочувствія, какъ и поступки этихъ стряпчихъ, и приближаютъ его къ типу тѣхъ новомодныхъ дѣльцовъ, которые нашли себѣ яркое изображеніе въ пьесахъ 4-й группы.

Дѣйствіе въ этой группѣ произведеній Островскаго происходитъ среди представителей такъ наз. «общества». Въ составъ ея входятъ пьесы: «Неожиданный случай» (1851), «Не сошлись характерами» (1858),

«Воспитанница» (1859) «На всякаго мудреца довольно простоты» (1868), «Бѣшеныя деньги (1870), «Лѣсъ» (1871), «Трудовой хлѣбъ» (1874), «Волки и овцы» (1875), «Безприданница» (1879), «Таланты и поклонники» (1882), «Красавецъ-мужчина» (1883), «Безъ вины виноватые» (1884), «Не отъ міра сего» (1885). Какъ видно изъ сопровождающихъ этотъ списокъ датъ, въ послѣдніе годы своей дѣятельности Островскій по преимуществу интересовался этимъ классомъ, что объясняется, по всей вѣроятности, вполнѣ естественнымъ желаніемъ драматурга пойти навстрѣчу новымъ формамъ жизни; но, очевидно, его дарованіе менѣе годилось для изображенія особенностей этого быта, потому что эти пьесы въ значительной степени уступаютъ пьесамъ другихъ категорій по тонкости наблюденія и яркости бытовыхъ красокъ, хотя, конечно, и среди нихъ попадаются чрезвычайно удачныя фигуры; но и онѣ по большей части приходятся на долю не типичныхъ представителей самого «общества», а тѣхъ другихъ классовъ, которымъ приходилось такъ или иначе вступать въ сношенія съ этимъ обществомъ. Сюда относятся прежде всего многочисленныя представительницы міра приживалокъ («Лѣсъ»), странницъ («На всякаго мудреца»), и прислуги («Невольницы»). Эти фигуры обыкновенно занимаютъ второстепенное положеніе въ пьесѣ, но ихъ жанровая выпуклость весьма часто бываетъ причиной того, что именно на этихъ второстепенныхъ фигурахъ сосредоточивается художественный интересъ пьесы. Такъ, напримѣръ, обстоитъ дѣло съ «невольницами», которыя сохранили и до настоящаго времени свое значеніе только благодаря чрезвычайно удачнымъ и яркимъ фигурамъ старика-лакея и горничной, которымъ очевидно, и самъ авторъ придавалъ весьма большое значеніе. Для этихъ бытовыхъ фигуръ Островскій и въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности находилъ вѣрныя краски и надѣлялъ ихъ чрезвычайно сочнымъ и жизненнымъ языкомъ, тогда какъ языкъ представителей такъ наз. «общества» гораздо блѣднѣе. Слѣдовательно, относительная слабость пьесъ послѣдняго періода объясняется не упадкомъ творческихъ силъ драматурга, а тѣмъ, что въ эту пору онъ брался за изображеніе такихъ явленій, которыя были гораздо болѣе чужды его пониманію. Тѣ пьесы этого періода, въ которыхъ нѣтъ бытовыхъ фигуръ, встрѣчаемыхъ въ пьесахъ первыхъ группъ, представляютъ въ настоящее время мало интереса, почему и сошли почти совсѣмъ со сцены; сюда относятся пьесы: «Красавецъ мужчина» и «Не отъ міра сего». Представители «общества» въ этихъ пьесахъ по большей части обрисованы отрицательными красками; но это опять-таки не даетъ права видѣть въ нихъ сатиру на «общество». И здѣсь въ настроеніи драматурга преобладаетъ не сатирическій сарказмъ, а мягкая иронія, старающаяся и возможности во всякомъ характерѣ найти примиряющія черты. Необходимо отмѣтить также, что эти пьесы остались совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ идейныхъ и общественныхъ движеній, которыми ознаменовались у насъ семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ.

Необходимо отмѣтить небольшую группу пьесъ Островскаго, изображающихъ своеобразный бытъ актеровъ. Сюда относятся прежде всего его комедіи: «Лѣсъ», «Таланты и Поклонники», «Безъ вины виноватые» и, отчасти, «Безприданница», въ которой встрѣчаемся съ знакомымъ уже изъ «Лѣса» Аркашкой Счастливцевымъ, появляющимся здѣсь подъ именемъ Робинзона. При постоянныхъ сношеніяхъ съ театральнымъ міромъ Островскій имѣлъ случай прекрасно ознакомиться съ бытомъ актеровъ и первый въ такой полнотѣ вывелъ его на сцену. Оставаясь вѣрнымъ своимъ правиламъ, Островскій въ данномъ случаѣ явился точнымъ изобразителемъ того, что онъ видѣлъ и наблюдалъ. Его изображеніе, хотя и проникнуто теплой любовью къ актерскому міру, однако свободно отъ идеализаціи; необходимо отмѣтить, что Островскій чуть-ли не первый рѣшился указать на положительныя свойства представителей того общественнаго класса, за которымъ въ то время еще далеко не всѣми были признаны даже общечеловѣческія права. Островскій удачнымъ подборомъ фактовъ сумѣлъ показать зрителямъ причины и тѣхъ отрицательныхъ качествъ у актеровъ, на которыя закрывать глаза ему не позволяла его правдивость. Эта правдивость изображенія придаетъ пьесамъ Островскаго значеніе весьма цѣннаго и безусловно надежнаго историческаго матеріала, что особенно важно въ виду того, что многія стороны

жизни, изображенныя въ его пьесахъ, въ настоящее время уже отжили, и для ознакомленія съ ними будущему историку русскаго быта придется обращаться къ историческимъ документамъ, которые въ значительной степени могутъ быть замѣнены пьесами Островскаго.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ изученія пьесъ Островскаго, таково, что талантъ А. Н. былъ по преимуществу талантъ жанриста. Обращая громадное вниманіе на чрезвычайно детальную и яркую выписку отдѣльныхъ типовъ и характеровъ, Островскій гораздо меньше вниманія удѣлялъ разработкѣ самого сюжета, почему эта сторона его пьесъ страдаетъ весьма крупными недостатками. Для развязки пьесы Островскій иногда прибѣгаетъ къ совершенно искусственнымъ пріемамъ, обрывая дѣйствіе совершенно неожиданно. Таково, напримѣръ, появленіе унтера Грознова въ комедіи «Правда хорошо, а счастье лучше», въ которомъ можно видѣть видоизмѣненіе классическаго «deus ex machina». Нерѣдко весьма серьезно поставленный вопросъ въ концѣ пьесы разрѣшается анекдотомъ, какъ это видимъ, напримѣръ, въ комедіи «Невольницы», послѣднее дѣйствіе которыхъ совершенно не подготовлено предыдущимъ ходомъ пьесы. Вообще, въ финалахъ своихъ пьесъ Островскій удѣляетъ слишкомъ большое мѣсто случайности, что въ значительной степени вредитъ ихъ жизненности и строгой правдивости. Это свойство пьесъ Островскаго стоитъ въ тѣсной зависимости отъ его взгляда на драматическіе сюжеты. По свидѣтельству Д. В. Аверкіева, Островскій неоднократно говаривалъ: «драматургъ не изобрѣтаетъ сюжетовъ; всѣ наши сюжеты — заимствованы. Ихъ даетъ жизнь, исторія, разсказъ знакомаго, порою газетная замѣтка. У меня, по крайней мѣрѣ, всѣ сюжеты заимствованные. Что случилось, драматургъ не долженъ придумывать; его дѣло написать, какъ оно случилось или могло случиться. Тутъ вся его работа. При обращеніи вниманія въ эту сторону, у него явятся живые люди и сами заговорятъ». Пьесы Островскаго лучше всего подтверждаютъ, что въ данномъ случаѣ слову драматурга вполнѣ соотвѣтствовалъ и его собственный образъ дѣйствій. Это ставитъ на очередь весьма важный и въ то же время совершенно неизслѣдованный вопросъ объ источникахъ Островскаго и объ его отношеніяхъ къ предшествующимъ драматургамъ. Рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно важно и для выясненія особенностей техники Островскаго. Немногочисленныя попытки въ освѣщеніи этого вопроса были сдѣланы г. Ѳоминымъ, поставившимъ комедію «Бѣдность не порокъ» въ зависимость отъ комедіи Плавильщикова «Сидѣлецъ»; впрочемъ, это сопоставленіе малодоказательно; также мало сходства оказывается между «Бѣдностью не порокъ» и «Дядею Пахомомъ», который передѣланъ П. Фурманномъ изъ французской пьесы «L'oncle Baptiste» и которую Кайзеръ въ свою очередь передѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Stadt und Land, oder Onkel Sebastian aus Oesterreich». Д. Языковъ указалъ на передѣлку Фурманна какъ на источникъ пьесы Островскаго; въ дѣйствительности же все сходство исчерпывается тѣмъ, что въ обѣихъ пьесахъ выведены братья съ различными характерами, при чемъ Пахомъ своимъ вмѣшательствомъ спасаетъ счастье своей племянницы, а это еще не даетъ права сравнивать его хотя въ какомъ-нибудь отношеніи съ Любимомъ Торцовымъ. Но путь, избранный Д. Языковымъ для опредѣленія источниковъ Островскаго, несомнѣнно правильный; переписка Островскаго доказываетъ, что онъ съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми новинками иностраннаго репертуара и нѣкоторыя иностранныя пьесы, на его взглядъ, подходившія къ условіямъ русской сцены, онъ передѣлывалъ. Такъ, въ письмѣ къ Ѳ. А. Бурдину, отъ 3 февраля 1878, Островскій писалъ: «переводъ пьесы en attendant называется «пока». Если Л. хочетъ взять эту пьесу, такъ я ее передѣлаю, оставлю только сюжетъ, выйдетъ вещь очень сценичная; для меня это дѣло одной недѣли Я сегодня же примусь за передѣлку, скажи ему это и попроси поддержать въ сюжетѣ. Одноактная моя пьеса не оригинальная, и не переводъ, а «заимствованная».

Впослѣдствіи, въ бытность начальникомъ репертуара Московскихъ Императорскихъ театровъ, Островскій рѣшилъ для оживленія репертуара ввести представленія сказочныхъ феерій, которыя дали бы работу для балетныхъ и драматическихъ труппъ. Составленіе либретто для этихъ феерій А. Н. поручилъ нижегородской поэтессѣ А. Д. Мысовской, но главное наблюденіе

оставилъ за собой, обязуясь составлять сценаріумъ. Весной 1886 онъ писалъ ей между прочимъ: «Я между дѣломъ кончилъ переводъ или передѣлку феерiи «Синяя борода» и окончательную отдѣлку этого труда желалъ бы поручить Вамъ». По его же совѣту той же Мысовской была переведена французская пьеса де-Бонвиля «Socrate et sa femme», которая подъ названіемъ «Сократова жена» часто шла въ восьмидесятыхъ годахъ на сценѣ Московскаго Малаго театра. Вообще же Островскій былъ прекрасно знакомъ съ западнымъ репертуаромъ, который не могъ не отразиться на его собственныхъ пьесахъ.

Знакомство Островскаго съ образцами западной драмы выразилось между прочимъ и въ весьма многочисленныхъ переводахъ. Обходя его переводъ съ малороссійскаго языка пьесы Основьяненки «Щыра любовь, либо милый дороже счастья» подъ заглавіемъ «Искренняя любовь, или милый дороже счастья» (1862), укажемъ на его переводы комедіи Шекспира «Укрощеніе строптивой» (1865), и съ итальянскаго—пьесъ Итало Франки—«Великій банкиръ», Теобальдо Чикони — «Заблудшія овцы», Гольдони — «Кофейная» и П. Джіакометти—«La morte civile», подъ заглавіемъ «Семья преступника». Въ 1872 году появилась его передѣлка французской пьесы «Les maris sont esclaves», подъ заглавіемъ «Рабство мужей». Въ послѣдніе годы онъ перевелъ съ испанскаго восемь пьесъ Сервантеса: интермедіи «Судья по бракоразводнымъ дѣламъ», «Бдительный сынъ», «Бискаецъ-Самозванецъ», «Ревнивый старикъ», «Избраніе алькальдовъ въ Догансо», «Театръ чудесъ», «Саламанская пещера», «Два болтуна». Большинство этихъ пьесъ Сервантеса совершенно не подходятъ къ условіямъ русской сцены и поэтому появленіе ихъ надо объяснять исключительно желаніемъ Островскаго ознакомить нашу публику съ этими своеобразными пьесами, какъ это заявилъ самъ А. Н. относительно цѣли своего перевода комедіи Гольдони «Кофейная». Наконецъ передъ самой своей смертью А. Н. былъ занятъ исправленіемъ корректуры своего перевода трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра». Этотъ переводъ былъ имъ исполненъ при содѣйствіи англичанина Ватсона (по сценѣ Дубровина). Переводы эти вышли въ 1886 въ двухъ томахъ, въ изд. Мартынова. Въ письмѣ къ А. Д. Мысовской, отъ 28 іюля 1885 г., онъ высказывалъ намѣреніе вмѣстѣ съ ней перевести всего Мольера, при чемъ на себя бралъ переводъ прозаическихъ пьесъ, а Мысовской предоставлялъ переводъ стихотворныхъ; по его словамъ, «это будетъ драгоцѣннѣйшій подарокъ публикѣ, и мы вмѣстѣ съ вами поставимъ себѣ памятникъ навѣки». Но намѣренія этого Островскому осуществить не удалось. Многіе изъ переводовъ А. Н. проникли на сцену и, напримѣръ, «Семья преступника» въ теченіе долгаго времени не сходила съ репертуара, какъ казенныхъ, такъ и провинціальныхъ сценъ. Эти переводы важны между прочимъ и въ томъ отношеніи, что выборъ пьесъ опредѣляетъ вкусы самого Островскаго и его взгляды на запросы русскаго репертуара. Любопытно, между прочимъ, наблюденіе Д. В. Аверкіева, что Островскій по своему дарованію больше всего подходилъ къ Гольдони; «у обоихъ писателей много общихъ чертъ: тотъ же добродушный юморъ, то же удивительное проникновеніе бытомъ, сживчивость съ нимъ; у обоихъ то же обиліе характерныхъ чертъ, тотъ же неистощимый запасъ мѣткихъ словъ и реченій, наконецъ та же склонность къ сентиментальности».

Наряду съ оригинальными пьесами Островскаго необходимо отмѣтить и рядъ такихъ, которыя написаны имъ при содѣйствіи другихъ драматурговъ. Кромѣ «Василисы Мелентьевой», имъ написана съ П. М. Невѣжинымъ комедія «Блажь» (1881) и съ Н. Я. Соловьевымъ: «Женитьба Бѣлугина» (1878), «Дикарка» (1880) и «Свѣтитъ да не грѣетъ» (1881).

Островскій, испытывая на себѣ всѣ тягости того необезпеченнаго положенія, въ которомъ находились драматурги, принялъ дѣятельное участіе въ организаціи общества драматическихъ писателей и композиторовъ. Благодаря этому обществу, матеріальное положеніе драматурговъ значительно улучшилось и былъ положенъ конецъ злоупотребленіямъ ихъ трудомъ со стороны антрепренеровъ. Въ организаціи этого общества Островскій принималъ весьма дѣятельное участіе, неся въ теченіе долгихъ лѣтъ сложныя обязанности предсѣдателя, при чемъ и здѣсь мягкостью своего характера и предупредительностью къ чужимъ нуждамъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе.

Въ 1881 г., подъ предсѣдательствомъ директора Императорскихъ театровъ, была образована комиссія «для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго вѣдомства». Въ составъ комиссіи, по распоряженію Министра Двора, были приглашены: А. Н. Островскій, Д. В. Аверкіевъ и А. А. Потѣхинъ. Комиссія эта выработала новыя «правила для управленія русскими драматическими труппами Императорскихъ театровъ и главное положеніе о вознагражденіи авторовъ», Высочайше утвержденныя 21-го марта 1882 г.

Въ томъ же году Островскій представилъ Императору Александру III-му особую записку о необходимости основанія въ Москвѣ частнаго русскаго народнаго театра. Записка эта получила Высочайшее одобреніе, выразившееся въ слѣдующей отмѣткѣ Его Величества на докладѣ: «было бы весьма желательно осуществленіе этой мысли, которую я раздѣляю совершенно». Свою записку Островскій мотивировалъ фактомъ назрѣвшей необходимости въ частномъ національномъ театрѣ, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что существующій въ Москвѣ казенный драматическій театръ приноравливаетъ свой репертуаръ главнымъ образомъ ко вкусамъ московской интеллигенціи, давая такія зрѣлища, которыя являются отраженіемъ заграничной, преимущественно парижской моды, и совершенно не соотвѣтствуютъ вкусамъ и запросамъ большинства русской публики. При отсутствіи такого театра, художественный здоровый народный репертуаръ котораго могъ бы содѣйствовать развитію народнаго самосознанія, русскіе драматурги, которые хотѣли бы идти по пути свободнаго творчества въ національномъ духѣ, а не слѣпо подражать французскимъ образцамъ, вынуждены отказаться отъ этого и не могутъ писать для народа. Такой театръ необходимъ еще и для того, чтобы въ немъ могла, наконецъ, возникнуть русская національная школа драматическаго искусства въ дополненіе къ существующей уже русской школѣ живописи и русской музыкѣ. Такой театръ долженъ быть въ Москвѣ, ибо историческое значеніе Москвы такъ велико, что ей принадлежитъ по праву честь быть колыбелью русскаго національнаго искусства, и такой театръ долженъ быть отданъ въ руки истинно просвѣщенныхъ людей, преданныхъ интересамъ русскаго народа, русскаго искусства. Для осуществленія своего плана Островскій вошелъ въ соглашеніе съ крупнѣйшими представителями московскаго именитаго купечества (Губонинымъ, С. Третьяковымъ и др.), которые своими средствами позволили бы обезпечить существованіе этого театра. Открылась возможность и заполучить отъ города мѣсто для постройки театра, и былъ уже выработанъ проектъ товарищества для управленія будущимъ народнымъ театромъ, но планамъ Островскаго не суждено было сбыться; лишь послѣ смерти драматурга, въ Москвѣ возникъ народный театръ, правда, лишь отчасти осуществившій идею Островскаго. Зато въ настоящее время по всей Россіи раскинулся цѣлый рядъ успѣшно дѣйствующихъ театровъ попечительства о народной трезвости, проникнутаго въ значительной степени тѣми же самыми взглядами на высокое образовательное значеніе театровъ для народа, какіе развивалъ въ своей запискѣ Островскій. Такимъ образомъ ему по праву принадлежитъ почетное мѣсто среди тѣхъ лицъ, трудами которыхъ для большей массы русскаго народа сдѣлался доступнымъ художественный театръ.

Несмотря на непрерывную литературную дѣятельность, матеріальное положеніе Островскаго было крайне тягостное. Хотя журналы и платили ему обыкновенно не менѣе 300 рублей за актъ, многочисленная семья требовала такихъ расходовъ, что этихъ денегъ далеко не хватало. Это засвидѣтельствовалъ самъ А. Н. въ письмѣ отъ 27 августа 1879 г. къ редактору «Русской Старины», который просилъ у Островскаго какихъ-либо воспоминаній для его журнала. На эту просьбу А. Н. отвѣтилъ, что ему хотѣлось бы самому привести въ порядокъ и записать свои воспоминанія, но для этого нужно много времени, которое онъ, въ виду денежныхъ соображеній, не можетъ отнять отъ своей постоянной работы по изготовленію новыхъ пьесъ. «Слишкомъ 30 лѣтъ я работаю для русской сцены, написалъ болѣе 40 оригинальныхъ пьесъ, вотъ уже давно не проходитъ ни одного дня въ году, чтобы въ нѣсколькихъ театрахъ въ Россіи не шли мои пьесы; только императорскимъ театрамъ я доставилъ сборовъ болѣе 2 милліоновъ и все-таки я не обезпеченъ настолько, чтобы позволить себѣ отдохнуть мѣсяца два въ

году. Я только и дѣлаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обдѣлываю сюжеты впередъ, въ постоянномъ страхѣ остаться къ сезону безъ новыхъ средствъ, т. е. безъ хлѣба съ огромной семьей—такъ ужъ до воспоминаній-ли тутъ! Воспоминанія для меня роскошь не по средствамъ». Это письмо достаточно краснорѣчиво рисуетъ то тяжелое матеріальное положеніе въ которомъ находился Островскій даже въ послѣдніе годы своей дѣятельности. Справедливость словъ Островскаго относительно непрерывности его работы подтверждаютъ многіе изъ его друзей, по отзыву которыхъ А. Н. работалъ постоянно, не покладая рукъ; рѣдкіе часы своего досуга зимой онъ проводилъ за станкомъ для выпиливанія, а лѣтомъ у себя въ имѣніи за рыбной ловлей. Хотя Высочайше пожалованная ему пенсія въ награду за 35-лѣтніе труды въ качествѣ драматическаго писателя на благо русской сцены и явилась существенной поддержкой, всетаки увеличивавшіеся расходы на подраставшихъ дѣтей при замѣтно ослабѣвавшей, вслѣдствіе лѣтъ и болѣзней, работоспособности заставляли А. Н. усердно хлопотать о предоставленіи ему казеннаго мѣста. Въ виду предполагавшагося выдѣленія московскихъ казенныхъ театровъ въ самостоятельное учрежденіе, министръ Императорскаго Двора графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, лично благоволившій къ Островскому и высоко цѣнившій его заслуги, отнесся крайне сочувственно къ этому желанію А. Н. и счелъ возможнымъ поставить его во главѣ художественной части Московскихъ Императорскихъ театровъ. Этотъ проектъ былъ одобренъ Государемъ Александромъ III, которому Островскій имѣлъ счастье представляться 5-го марта 1889 г. для личнаго прошенія, благодарности за Высочайше назначенную ему пенсію и за пожалованную ему золотую табакерку съ бриллiантовымъ изображеніемъ имени Государя за участіе А. Н. въ «комиссіи для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго хозяйства», при чемъ Государю было угодно засвидѣтельствовать Островскому личное знакомство съ его произведеніями и удостоить весьма милостивыхъ словъ. Государь Императоръ находилъ Островскаго вполнѣ достойнымъ чести стать во главѣ Управленія Московскими театрами. Назначеніе Островскаго завѣдующимъ художественною частью и школой Императорскихъ Московскихъ театровъ состоялось въ ноябрѣ 1885 г. Печать тепло отозвалась на это назначеніе; въ особенности были довольны артисты московской драматической труппы, большая часть которыхъ была воспитана на пьесахъ Островскаго и на нихъ же составила свое артистическое имя. Вступленіе въ должность состоялось 1-го января 1886 г., при чемъ А. Н. своему новому дѣлу отдался съ чрезвычайнымъ рвеніемъ, стараясь исправить многочисленныя ошибки, допущенныя его предшественниками Такъ, онъ пересмотрѣлъ списки лицъ, уволенныхъ изъ балетной труппы, вернулъ въ ея составъ многихъ, неправильно отрѣшенныхъ отъ должности, чѣмъ и вызвалъ чувства искренней признательности со стороны артистовъ. Заботился А. Н. также и о равномѣрномъ распредѣленіи вознагражденія, ради чего еще до оффиціальнаго своего вступленія въ должность онъ уже сдѣлалъ представленіе объ увольненіи безполезныхъ актеровъ, непроизводительно отягчавшихъ бюджетъ. Для упорядоченія репертуара какъ драмы, такъ и оперы, Островскій 22 января 1886 г. сдѣлалъ представленіе г. Управляющему Императорскими театрами объ учрежденіи при нихъ репертуарнаго совѣта и опернаго комитета при немъ. Въ составъ московскаго отдѣленія имъ были приглашены Н. С. Тихонравовъ, Н. С. Стороженко, Н. А. Чаевъ, С. А. Юрьевъ и С. В. Флеровъ (Васильевъ). Впрочемъ, проектъ этотъ утвержденъ не былъ.

Для подъема интереса публики къ балету, находившемуся ко времени поступленія А. Н. на службу въ московскіе театры въ плохомъ состояніи, Островскій рѣшилъ ввести представленія феерій при участіи, кромѣ балетныхъ артистовъ, драматическихъ и оперныхъ силъ; въ этихъ цѣляхъ онъ, между прочимъ, перевелъ, при участіи Ватсона и Мысовской, англійскую феерію «Аленькій цвѣточекъ». Чрезвычайно большое вниманіе удѣлялъ Островскій также и театральной школѣ, входя въ мельчайшія подробности педагогической и хозяйственной части. По закрытіи прежнихъ драматическихъ классовъ, А. Н. проектировалъ открыть новые, по своей программѣ, съ наступленіемъ осенняго сезона 1886 г. Весь апрѣль и начало мая онъ работалъ надъ составленіемъ своего проекта, который и

ылъ представленъ имъ въ Высочайше утвержденную комиссію для пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театрaльнаго хозяйства.

Составленная Островскимъ записка выдѣляется какъ по формѣ, такъ и по содержанію изъ общей массы оффиціальныхъ бумагъ и въ сущности является чисто литературнымъ трактатомъ о причинахъ наблюдавшагося въ то время упадка театральнаго дѣла и способахъ устраненія этихъ причинъ. Здѣсь обнаружился обширный личный опытъ Островскаго и вся глубина и тонкость его эстетическихъ вкусовъ и требованій, что придаетъ этой запискѣ чрезвычайно важное значеніе для характеристики воззрѣній А. Н. на серьезность драматическаго искусства. Начавъ съ того, что отсутствіе у насъ надлежащихъ школъ для подготовленія оперныхъ и драматическихъ артистовъ ставитъ дирекцію казенныхъ театровъ, въ вопросѣ объ освѣженіи и пополненіи состава труппъ, въ зависимость отъ случайно находящихся на лицо артистическихъ силъ частныхъ театровъ, Островскій приходитъ къ мысли о созданіи спеціальныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что частныя сцены того времени вообще пришли въ сильный упадокъ и ихъ артисты не могли быть желаннымъ пріобрѣтеніемъ для Императорскихъ театровъ. Къ тому же извѣстная монополія послѣднихъ не могла благопріятствовать развитію частныхъ театральныхъ предпріятій. Отсутствіе спеціальныхъ школъ, въ силу какого-то нелѣпаго убѣжденія, что артисту учиться не надо, имѣло своимъ результатомъ то обстоятельство, что игра артиста не составляла крупнаго самостоятельнаго интереса, послѣдній возбуждался въ публикѣ лишь новизной фабулы, для чего репертуаръ долженъ былъ безпрерывно пополняться новыми пьесами. Для того, чтобы Императорскіе театры въ дѣйствительности были образцовыми и могли руководить вкусомъ публики, подчинять ее культурному вліянію искусства, Императорскіе театры должны непремѣнно имѣть подготовительныя школы для всѣхъ своихъ труппъ. По предположенію Островскаго, проектированныя имъ «театральныя школы должны представлять, такъ сказать, низшіе курсы обученія сценическому искусству; высшими курсами, по его мнѣнію, будетъ практика; хорошія сценическія преданія—самый лучшій профессоръ сценическаго искусства». Къ запискѣ Островскій приложилъ примѣрную программу «подготовительной драматической школы», въ составъ которой, кромѣ спеціальныхъ предметовъ для всесторонняго развитія жеста и произношенія, входилъ циклъ научныхъ предметовъ, связанныхъ съ драматическимъ искусствомъ; прохожденіе ихъ распредѣлялось по тремъ курсамъ, изъ которыхъ должна была по проекту состоять эта школа. Записка Островскаго вызвала полное сочувствіе комиссіи, и выработанныя въ ней начала на ряду съ программой, съ небольшими видоизмѣненіями частнаго характера, легли въ основаніе нынѣ дѣйствующихъ правилъ о драматическихъ курсахъ при Императорскихъ театрахъ.

Дѣятельность Островскаго за послѣдніе годы въ значительной степени ослаблялась его физическими недомоганіями, которыя усилились въ особенности весной 1886 г. Напряженныя занятія лѣтомъ этого года по приведенію въ порядокъ дѣлъ по управленію театрами, въ связи съ реорганизаціей оперной труппы, совсѣмъ подорвали его разстроенное здоровье, и онъ больнымъ уѣхалъ 28-го мая изъ Москвы къ себѣ въ имѣніе (Щелыково, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губ.), гдѣ 2-го іюня скончался во время припадка. (По опредѣленію доктора Остроумова, А. Н. Островскій страдалъ припадками удушья и хроническимъ пораженіемъ кровеносныхъ сосудовъ). Вечеромъ 4-го іюня тѣло Островскаго было перенесено за двѣ версты отъ Щелыкова, въ церковь Св. Николая, что въ селѣ Бережкахъ, на погостѣ которой на слѣдующій день и было предано землѣ. Государь Императоръ Александръ III, соболѣзнуя о кончинѣ Островскаго, Высочайше соизволилъ пожаловать изъ суммъ Кабинета Его Величества вдовѣ покойнаго драматурга на погребеніе его тѣла 3.000 руб. и, кромѣ того, щедрыя пенсіи и пособія на воспитаніе дѣтей (Островскій былъ женатъ на артисткѣ Маріи Васильевнѣ (по сценѣ Васильевой) и оставилъ дочерей—Марію и Любовь Александровенъ и сыновей—Михаила, Сергѣя и Николая Александровичей).

Списокъ произведеній А. Н. Островскаго, имѣющихся въ печати, въ хронологическомъ порядкѣ.

1847 г. Отрывокъ, подъ названіемъ «Несостоятельный должникъ» («Моск.

Листокъ» № 6), впослѣдствіи вошедшій въ составъ пьесы «Свои люди—сочтемся»; одноактная пьеса «Картина семейнаго счастья» («Моск. Лист.», № 61 и 62); разсказъ «Записки Замоскворѣцкаго жителя» («Моск. Лист.» № 119 и 120).

1850 г. «Свои люди — сочтемся», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ («Москвитянинъ», кн. 6); «Утро молодого человѣка», сцены («Москвитянинъ», кн. 22).

1851 г. «Неожиданный случай»,—драматическій этюдъ (Сборникъ «Комета», изд. И. М. Щепкинымъ, М., 1851 г.)

1852 г. «Бѣдная невѣста», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Москвитянинъ», кн. 4).—Отдѣльно: М., 1852 г. Въ этомъ же году, какъ указано въ «Пантеонѣ» (1852 г., т. VI, кн. 11, стр. 4), передѣлана для русской сцены драма Основьяненка: «Щыра любовь либа мылый дороже счастья», подъ названіемъ: «Искренняя любовь, или милый дороже счастья». Эта передѣлка, поставленная на Московской сценѣ, не появилась въ печати).

1853 г. «Не въ свои сани не садись»,—комедія въ трехъ дѣйствіяхъ («Москвитянинъ», кн. 5).—Названная пьеса вышла отдѣльно (М. 1853 г., Спб 1861, и кромѣ того перепечатана въ «Сборникѣ для легкаго чтенія» (1856 г., т. II).

1854 г. «Бѣдность не порокъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ («Москвитянинъ», кн. 1).—Отдѣльныя изданія: М., 1854 г., 1861, 1867, 1888, 1889, 1892, 1895, 1896, 1900, 1901 гг.

1855 г. «Не такъ живи, какъ хочется», народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ («Москвитянинъ», кн. 17—18).—Отдѣльныя изданія: М. 1855, 1888, 1894, 1896, 1899, 1900 гг.

1856 г. «Въ чужомъ пиру похмѣлье», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ («Русскій Вѣстникъ», кн. 2).

1857 г. «Доходное мѣсто,» комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Русск. Бесѣда», кн. 1).—Отдѣльно: М., 1857 г.; «Праздничный сонъ—до обѣда», картины изъ Московской жизни («Современникъ», кн. 2).

1858 г. «Не сошлись характерами», картины Московской жизни («Современникъ», кн. 1).

1859 г. «Воспитанница», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Библіотека для чтенія» кн. 1).—Отдѣльно: М., 1860 г.; «Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго-Новгорода,» («Морской Сборникъ», т. XXXIX, кн. 2, отд. III, стр. 177—208); «Сцены изъ неоконченной комедіи» («Московск. Вѣстникъ», № 29). Это—отрывокъ изъ пьесы: «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Въ этомъ же году появились два тома «Сочиненій А. Н. Островскаго» Спб., изд. гр. Г. А. Кушелевымъ-Безбородко.

1860 г. «Гроза», драма въ пяти дѣйствіяхъ («Библіотека для чтенія», кн. 1); въ этомъ же году вышла отд. изд. «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ («Современникъ», кн. 10).

1861 г. «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», картина московской жизни («Библіотека для чтенія», кн. 3); «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь», сцены («Время», кн. 10). (Эта пьеса иначе называется «Женитьба Бальзаминова»).

1862 г. «Козьма Захарьичъ Mининъ Сухорукъ», — драматическая хроника (1611—1612 гг.), въ пяти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ, въ стихахъ («Современникъ», кн. 1).—Отдѣльно: Спб., 1862 и 1898 гг.

1863 г. «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»,—драма въ четырехъ дѣйствіяхъ («Время», кн. 1). Эта пьеса награждена Уваровской преміей); «Тяжелые дни»,—сцены изъ московской жизни въ трехъ дѣйствіяхъ («Современникъ», кн. 9).

1864 г. «Шутники», картины московской жизни, въ четырехъ дѣйствіяхъ («Современникъ», кн. 9).

1865 г. «Воевода или сонъ на Волгѣ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ («Современникъ», кн. 1; отд. М. 1890); «На бойкомъ мѣстѣ»,—комедія въ трехъ дѣйствіяхъ («Современникъ», кн. 9); «Усмиреніе своенравной», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира, переводъ («Современникъ», кн. 11). Этотъ трудъ перепечатанъ въ изданіи «Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей» (Спб., 1866 г., т. II).

1866 г. «Пучина»,—сцены изъ московской жизни, въ четырехъ отдѣленіяхъ («С.-Петербургск. Вѣдомости», №№ 1, 4, 5, 6 и 8).

1867 г. «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», драматическая хроника въ двухъ частяхъ («Вѣстн. Европы», т. I, отд. I, стр. 75—223), отд. изд. Спб., 1867 г.; «Тушино», драматическая хроника, въ стихахъ («Всемірн. трудъ», кн. I). Въ этомъ же году появилось второе

тырехтомное изданіе «Сочиненій А. Н. тровскаго», сдѣланное Кожанчиковымъ.

1868 г. «Василиса Мелентьева», драма ь пяти дѣйствіяхъ («Вѣстн. Европы», I, кн. 2, отд. I стр. 431—521). «На сякаго мудреца довольно простоты», омедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», н. 11).

1869 г. «Горячее сердце»,—комедія въ яти дѣйствіяхъ («Отеч. Записки», кн. 1).

1870 г. «Бѣшеныя деньги», комедія въ яти дѣйствіяхъ («Отеч. Записки», кн. 2). ъ этомъ уже году Кожанчиковъ издалъ ятый томъ «Сочиненій А. Н. Островкаго».

1871 г. «Лѣсъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1). Литографированное изданіе этой пьесы: М., 1885 г. «Великій банкиръ», комедія въ двухъ астяхъ, Итало Франки, переводъ съ тальянскаго («Отеч. Зап.», кн. 7); «Не се коту масленица»—сцены изъ московкой жизни («Отеч. Зап.», кн. 9).

1872 г. «Не было ни гроша, да вдругъ лтынъ»,—комедія въ пяти дѣйствіяхъ Отеч. Зап.», кн. 1); «Письмо по поводу билея» («Русскій Міръ», № 74). Въ этомъ е году были изданы въ Спб. «Драматическіе ереводы А. Н. Островскаго», куда, кромѣ помянутаго «Великаго банкира», вошли лѣдующія пьесы: «Заблудшія овцы», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, заимствоанная изъ итальянскаго сочиненія Теоальдо Чикони: «Le pecorelle smarite»,—«Кофейная», комедія въ трехъ актахъ, ольдони, переводъ съ итальянскаго (La ottega del caffe),—«Рабство мужей», комедія въ трехъ картинахъ, заимствованная зъ французской пьесы: «Les maris sont sclaves», и «Семья преступника», драма ъ пяти дѣйствіяхъ, П. Джіакометти, переводъ съ итальянскаго (La morte cile). Послѣдняя пьеса, въ переводѣ Островкаго, еще была издана литографскимъ пособомъ (М., 1884 г.).

1873 г. «Комикъ XVII столѣтія», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, ъ стихахъ (Отеч. Зап.», кн. 2); «Снѣгурочка», весенняя сказка въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ («Вѣстн. Европы», н. 9).

1874 г. «Поздняя любовь», сцены изъ жизни захолустья въ четырехъ дѣйствіяхъ «Отеч. Зап.», кн. 1); «Трудовой хлѣбъ», цены изъ жизни захолустья въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 11); (отрывокъ изъ этой пьесы былъ напечатанъ въ сборникѣ «Складчина»). Въ этомъ же году вышло третье изданіе «Сочиненій А. Н. Островскаго» (Спб., 1874 г., восемь томовъ).

1875 г. «Волки и овцы»,—комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 11). Литограф. изд. Спб, 1875 г.

1876 г. «Богатыя невѣсты», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 2). Литограф. изд. Спб., 1875 г.

1877 г. «Правда — хорошо, а счастье лучше», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1).

1878 г. «Послѣдняя жертва», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1). Литогр. изд. М., 1878 г.; «Женитьба Бѣлугина», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отеч. Зап», кн. 5). Эта пьеса написана вмѣстѣ съ Н. Я. Соловьевымъ. Въ этомъ году напечатанъ 9-й томъ «Сочиненій А. Н. Островскаго».

1879 г. «Безприданница», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1). Въ этомъ же году на театральныхъ сценахъ Москвы и Петербурга появилась комедія Островскаго: «Добрый баринъ»; она не была напечатана въ журналахъ.

1880 г «Дикарка», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Вѣстн. Европы», кн. 1). Эта пьеса написана вмѣстѣ съ Н. Я. Соловьевымъ; литогр. изд. М. 1879; «Сердце не камень», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (Отеч. Зап.», кн. 1), Литограф. изд. М. 1879 г.; «Застольное слово о Пушкинѣ» («Вѣстн. Европы», кн. 7).

1881 г. «Невольницы»,— комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1). Литогр. изд. М., 1880 г.; «Блажь», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 3). Эта пьеса написана вмѣстѣ съ П. М. Невѣжинымъ и вышла отд. литогр. изд., М., 1881 г.; «Свѣтитъ, да не грѣетъ», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ («Огонекъ», №№ 6—10). Эта пьеса написана вмѣстѣ съ Н. Я. Соловьевымъ. (Литогр. изд. М., 1880 и 1888 г.). Въ этомъ году напечатаны отдѣльнымъ томомъ «Драматическія сочиненія А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева».

1882 г. «Таланты и поклонники», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1), литогр. изд М., 1882 г.; «Докладная записка объ устройствѣ въ Москвѣ частнаго народнаго театра» («Правительств. Вѣстн.», № отъ 9-го Марта).

1883 г. «Красавецъ-мужчина», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.», кн. 1); «Судья по бракоразводнымъ дѣламъ», интермедія Сервантеса, переводъ съ испанскаго («Изящн. литература», кн. 12). «Приглашеніе московскаго общества принять участіе въ осуществленіи Русскаго театра въ Москвѣ».

1884 г. «Бдительный стражъ», интермедія Сервантеса, переводъ («Изящн. литература», кн. 1); «Безъ вины виноватые», комедія въ 4 д. («Отеч. Зап.», № 1); «Театръ чудесъ», интермедія Сервантеса, перев. («Изящн. литература», кн. 4). Въ этомъ же году напечатанъ 10-й томъ «Сочиненій А. Н. Островскаго».

1885 г. «Не отъ міра сего», семейныя сцены въ трехъ дѣйствіяхъ («Русск. Мысль», кн. 2). Литогр. изд. М., 1885 г.; «Саламанкская пещера», - интермедія Сервантеса, переводъ («Изящн. литература», кн. 4). Въ этомъ же году вышло четвертое «Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго» (изданіе Н. Г. Мартынова, восемь томовъ).

1886 г. «Драматическіе переводы А. Н. Островскаго», Спб., 1886 г, изданіе Н. Г. Мартынова, два тома. «Интермедіи Мигуэля Сервантеса Сааведра», въ переводѣ съ испанскаго, Спб., 1886 г., VII+584 (изданіе Н. Г. Мартынова, съ портретомъ А. Н. Островскаго).

1888 г. «Счастливый день», сцены изъ жизни захолустья, въ 3 д.; литограф. изд. М. 1888 (написаны вмѣстѣ съ Соловьевымъ).

1889 г. «Chefs-d'oeuvres dramatiques de A. N. Ostrovsky, trad. de russe avec l'approbation de l'auteur et précédés d'une étude sur la vie et les oeuvres de A. N. Ostrovsky, par E. Durand-Greville». (Paris, 1889 г.).

1890 г. «Сочиненія А. Н. Островскаго», 9-е изд. (Думнова), въ 10 томахъ М. 1890 г.

1894 г. «Снѣгурочка», сказка, музыка П. И. Чайковскаго, Спб. 1894 г.

1896 г. «Сочиненія А. Н. Островскаго», 10-е изд. (Думнова), въ 10 томахъ. М. 1896.

1897 г. «Драматич. сочиненія А. Н. Островскаго», изд Думнова, М. 1897 г.

1904 г. «Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго», въ 10 томахъ. Критически провѣренный текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора и пр.; подъ редакціей М. И. Писарева. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе», Спб. 1904 г.

Біографическіе очерки при Собраніяхъ сочиненій Островскаго (напр. 9-мъ 1890 и 10-мъ 1896, а также П. П. Вейнберга, при полномъ Собраніи сочин. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева); И. И. Ивановъ, „А. Н. Островскій“ (Павленковск. библ., Спб. 1900), „Памяти Островскаго“ ст. М. И. Семевскаго („Рус. Стар.“ 1886, № 12), Д. В. Аверкіева („Дневн. Писателя“ 1886, № 7 и 8), С. В. Максимова („Рус. Мысль“ 1897, № 1), В. Скрипицкаго („Эпоха“ 1886, № 5), въ „Недѣлѣ“ 1886, № 24; Костямина — отд. брош., Вильна. 1896; Ѳ. А. Бурдинъ, „Воспоминанія объ Островскомъ“ („Вѣстн. Евр.“ 1886, № 12; „Костромск. Стар.“ 1892, вып. 2; А. И. Незеленовъ, „Островскій въ его произведеніяхъ“, Спб., 1888 (Собр. соч. Незеленова, т. III), О. Ѳ. Миллеръ, „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, ч. III, Спб. 1881; П. Д. Боборыкинъ, въ „Дѣлѣ“ 1871, № 11 („Русск. театръ“), въ „Словѣ“ 1878, № 8 и сл. („Островскій и его сверстники“); Де-Лазари, въ „Россіи“ 1900, № 545; Д. Языковъ, „Первые труды Островскаго“ („Рус. Вѣстн.“ 1897, № 1); Н. Языковъ, „Безсиліе творчества“ („Дѣло“ 1875, № 2 и 3); Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, „Островскій въ кружкѣ Москвитянина“ („Рус. Мысль“ 1901, № 3); „Островскій и его отношенія къ нижегородск. поэтессѣ А. Д. Мысовской“ („Рус. Мысль“ 1890, № 12); А. А. Ѳоминъ. „Артисты, публика и театръ Островскаго“ („Міръ Божій“ 1901, № 1 и 2); его-же, „Положеніе рус. женщины въ произв. Островскаго“ („Рус. Мысль“ 1899, № 1, 2 и 4); А. М. Скабичевскій, „Женщины въ пьесахъ Островскаго“ (Собр. соч. Скабичевскаго, т. II), его-же, „Сорокъ лѣтъ русск. критики“ (ibid., т. I); А. Р. Кугель, „Женскіе типы Островскаго“ („Театръ и Иск.“ 1899, № 4 и 8); М. В. Трофимовъ, „Вопросъ о воспитаніи въ произв. Островскаго“, Спб., 1902; „Значеніе Островскаго въ нашей литературѣ“, „Эпоха“ 1864 іюль; „Рус. Обозр.“ 1896, № 6; 1897, № 2; „Рус. Мысль“ 1901, № 2; Б. В. Варнеке. „Къ вопросу объ источникахъ Островскаго“ („Театръ и Иск.“ 1904, № 5 и 6); Балталонъ. „Двинулось-ли впередъ темное царство Островскаго“ („Артистъ“ №№ 36—39); Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, т. XII, XIII, XV, XVI; Сочиненія Ап. Григорьева, т. I; А. В. Дружинина, т. VII, Н. А. Добролюбова, т. III; Отзывы объ отд. пьесахъ Островскаго, см. въ книгѣ Зелинскаго „Критическій комментарій къ сочиненіямъ Островскаго“, 5 частей и въ 10-мъ томѣ Полн. Собр. соч. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева, стр. 601—609.—П. В. Безобразовъ, „Рукописи Островскаго“ („Истор. Вѣстн.“ 1890, № 2; по поводу этой статьи см. „Нов. Вр“ 1890, № 5007, а также 1901. № 9127); „Нов. Вр.“ 1896, № 7279. Письма Островскаго: „Современ.“ 1856, т. 58, отд. V. с. 221; „Колосья“, 1889, № 12 (см. также „Нов. Вр.“ 1889, № 4948); „Рос. Библіогр.“ 1880, № 61; „Щукинскій Сборн.“ 1902, т. 1. стр. 350-353; „Дневникъ Артиста“, 1892, № 2; „Отчетъ Императ. Публ. Библіот.“ 1884 г. стр. 58, 63.

Проф. Б. В. Варнеке.

Островскій, графъ *Антонъ Ѳомичъ*,— сенаторъ Царства Польскаго; писатель. Родился въ Варшавѣ въ 1782 году и происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; отецъ его, графъ Ѳома Петровичъ Островскій (род. въ 1735 г.— ум. въ 1817), былъ президентомъ сената Варшавскаго герцогства и извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. По окончаніи курса въ Лейпцигскомъ университетѣ, гр. А. Ѳ. Островскій поступилъ въ 1806 году членомъ учрежденной французами въ Варшавѣ военной административной палаты. По образованіи варшавскаго герцогства, гр. Островскій былъ избранъ въ депутаты сейма, а во время войны съ Франціей былъ членомъ временнаго правительства. Въ 1812 году онъ сопровождалъ Наполеона, принималъ участіе въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Въ 1814 году гр. Островскій вошелъ въ составъ депутаціи, отправленной въ Парижъ къ императору Александру I-му, а по возвращеніи изъ Парижа служилъ въ ликвидаціонной коммисіи. Назначенный сенаторомъ-каштеляномъ Царства Польскаго, онъ на сеймахъ неоднократно стоялъ въ оппозиціи правительству. Когда въ 1830 году началось польское возстаніе, Островскій, находившійся въ то время за границей, тотчасъ пріѣхалъ въ Варшаву и былъ назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи. Онъ сумѣлъ удержать въ порядкѣ варшавское населеніе, а затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣдующихъ событіяхъ: ему, между прочимъ, было поручено сеймомъ отнять власть у генерала Скржинецкаго. Когда возстаніе было подавлено, гр. Островскій долженъ былъ удалиться за границу, и умеръ во Франціи въ 1845 году. Основательно знакомый съ экономическими науками, гр. Островскій, въ бытность сенаторомъ, прилагалъ не мало заботъ къ расширенію отечественной промышленности; между прочимъ, въ 1822 году онъ основалъ въ своихъ имѣніяхъ въ Равскомъ уѣздѣ Петроковской губерніи мѣстечко Томашовъ, гдѣ открылъ нѣсколько суконныхъ фабрикъ, создавшихъ изъ Томашова въ непродолжительное время большой промышленный центръ. Островскій написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ: «Zywot Tomasza Ostrowskiego oraz rys wypadków krajowych od 1756—1817 r.», Paris 1836—1840, 2 t.; «Sur le panslavisme Moscovite», Versailles, 1842. «Мысли о необходимости реформы общества» (Pomysły o potrzebie reformy towarzyskiej w ogólności. Парижъ, 1834) и мн. др.

Одинъ изъ сыновей гр. Островскаго— *Христіанъ-Іосифъ* (Krystjan-Józef, род. 1810, ум. 1882)—извѣстенъ во французской и польской литературѣ, какъ авторъ многочисленныхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній и музыкальныхъ піесъ. Имъ, между прочимъ, переведены на французскій языкъ произведенія Мицкевича. Среди русскихъ читателей извѣстностью пользуются его «Nuits d'exil», изданныя въ Парижѣ въ 1835—1836 гг., «Semaines d'exil», изд. тамъ-же; «Lettres slaves» (1833—1857). «Orient Pologne-Russie». Paris, 1853» и нѣк. другія сочиненія. (См. у Эстрейхера «Bibliografja Polska XIX stólecia» и Larousse, Dictionnaire universel). Гр. Х. Островскій оставилъ значительную библіотеку, перешедшую вмѣстѣ съ его художественной коллекціей и памятниками древности въ собственность Раперсвильскаго музея.

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона и др.; Slovnik Naučný v Praze, изд. 1865 г., томъ IV; Larousse, Dictionnaire universel, vol. 11; Encyklopedja Powszechna S. Orgelbranda, изд. 1865 г., т. 20; изд. 1901 г., т. 11; Sowiński, A. Slownik muzyków polskich. (Парижъ. 1874); Chodźko, Historja domu Rawitów-Ostrowskich: Wyrok sądu Apellacyjnego z d. 2 czerwca 1818 r. (in fol.); Wyrok Trybunalu 1 instancji z d. 12 sierpnia 1818 r; Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXVII; Boniecki. Herbarz Polski, т. VII; Шильдеръ, Н. К., Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Т. III; Мелкія замѣтки объ отношеніи императора Александра I къ полякамъ, въ „Руской Старинѣ" 1903 года. томъ CXIII, февр.; „Руская Старина" 1898 года. т. XCIII, февраль.

А. Петровъ.

Островскій, *Петръ*—одинъ изъ участниковъ Сѣверной войны, полковой командиръ, извѣстный по дѣламъ отраженія десантныхъ операцій шведовъ на Котлинѣ въ 1705 году. Заложеніе Петербурга, приступъ къ работамъ по сооруженію Петропавловской крѣпости, устройство форта Кроншлота на единственномъ корабельномъ фарватерѣ у Котлина и насыпка батарей на послѣднемъ указывали шведамъ на намѣреніе Петра прочно обосноваться въ устьяхъ Невы съ обращеніемъ этого пункта въ будущую морскую военную базу.

Разрѣшить этотъ планъ для шведовъ было необходимо, а неудачныя къ тому попытки 1704 г. обусловили потребность назначенія для того большихъ силъ. Въ 1705 г. послѣдовало рѣшеніе шведскаго правительства атаковать устья Невы одновременно съ моря и съ суши. Въ началѣ же морской кампаніи этого года ихъ флотъ долженъ былъ форсировать проходъ въ Неву, а финляндская армія ударить одновременно на Петербургъ. 4 іюня на разсвѣтѣ у Котлина показалась вражеская эскадра въ 22 вымпела, подъ флагомъ адмирала Анкерштерна, и тогда же армія Майделя приблизилась къ Петербургу на 5 верстъ. Часть эскадры на всѣхъ парусахъ ринулась къ Кроншлоту, гдѣ неожиданно для себя, кромѣ форта и батарей, обнаружила боевой строй эскадры нашего флагмана Крейса, состоявшей изъ 8 фрегатовъ, 9 болѣе мелкихъ судовъ и нѣсколькихъ бригантинъ. Совокупными усиліями нашихъ судовой и береговой артиллерій шведскіе корабли были отражены. Врагу оставалось овладѣть береговыми батареями, установить на Котлинѣ артиллерію и отогнать эскадру Крейса. 5 іюня часть шведскаго флота подошла къ косѣ Котлина, на которой находились 2.200 человѣкъ пѣхоты полковъ Островскаго и Толбухина при 3-хъ полковыхъ пушкахъ. 80 гребныхъ судовъ съ десантомъ направились къ берегу со стороны южнаго фарватера. Выждавъ начало высадки, люди Островскаго и Толбухина открыли по нимъ бѣглый огонь въ упоръ и принудили спѣшно убраться на корабли. Шведскій флотъ распустилъ паруса и ушелъ къ Біоркъ-Э, близъ Выборга. Двойная неудача у Котлина Анкерштерна побудила и Майделя отступить на 25 верстъ отъ устьевъ Невы, собраться съ силами и предпринять противъ Петербурга самостоятельную операцію безъ поддержки флота. Отбитый отъ Петербурга на Каменномъ островѣ гарнизономъ Романа Брюса, Майдель, для отвлеченія силъ отъ главнаго объекта военныхъ дѣйствій, предпринялъ круговой обходъ новой крѣпости и переправился близъ Шлиссельбурга на ингерманландскую сторону Невы. Этой, ничѣмъ не окончившейся демонстраціей намѣревался воспользоваться Анкерштернъ, вновь появившійся 14 іюля съ 24 вымпелами у Котлина и обрушившійся всѣми своими силами на косу острова, которую оберегали прежде полки Островскаго и Толбухина, усиленные къ тому времени артиллеріей и небольшою командою морскихъ пушкарей. Нѣсколько часовъ громили шведы возведенный на косѣ ретраншементъ и батареи всей артиллеріей своихъ судовъ. Затѣмъ спустили шлюпки и повезли дессантъ уже со стороны сѣвернаго фарватера. Банка близъ берега заставила начать высадку на водѣ, а обнаружившееся дальнѣйшее увеличеніе глубины передъ самымъ берегомъ, гдѣ вода доходила до шеи высадившихся, явилось роковымъ обстоятельствомъ. Островскій и Толбухинъ открыли ружейный огонь, а моряки встрѣтили гостей картечью. Потерявъ около 500 человѣкъ, шведы опять были принуждены отступить, отказавшись и на будущее время отъ повторенія попытокъ завладѣть Котлиномъ.

Полкъ Островскаго, численностью въ 800 человѣкъ, значится въ спискѣ войскъ гарнизона Котлина, относящемся къ 1708 году. Островскій производилъ оборонительныя работы на томъ же островѣ и въ 1711 г. Послѣ этого, имя его въ современныхъ документахъ болѣе нами не найдено.

Государствен. Арх., Каб. Петра Великаго. отд. II; «Журн. Петра Великаго» СПБ. 1770 г.; «Матер. для истор. флота» (ред. Елагина) т. I; П. Н. Петровъ, «Исторія С.-Петербурга и т. д.». Спб. 1884 г.; Г. Тимченко-Рубанъ, «Первые годы С.-Петербурга» Спб. 1901 г. *Г. Тимченко-Рубанъ.*

Островскій *Эдуардъ*, — директоръ Варшавской ветеринарной школы; профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института; магистръ ветеринаріи; писатель. Э. Островскій родился 2-го іюня 1816 года въ деревнѣ Покорщахъ, виленской губерніи, трокскаго уѣзда; образованіе получилъ въ виленской гимназіи и виленской медико-хирургической академіи, въ которой окончилъ курсъ по отдѣленію ветеринаріи, въ 1838 году, со степенью ветеринара-лѣкаря. Въ 1839 году Островскій пріѣхалъ въ Царство Польское, гдѣ поступилъ ветеринарнымъ ассесоромъ въ Калишскую губернскую врачебную управу. Съ 1841 года онъ сталъ преподавателемъ въ Варшавской ветеринарной школѣ и исправляющимъ должность директора ея. Одновременно Островскій читалъ ветеринарію въ Маримонтскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ членомъ Медицинскаго совѣта Царства Польскаго по ветеринарной части и членомъ экзаменаціонной ветеринарной коммисіи.

Островскій оставилъ много цѣнныхъ сочиненій по своей спеціальности. Въ 1845 году онъ написалъ для полученія званія старшаго ветеринарнаго врача сочиненіе «Зараза легкихъ, или воспаленіе легкихъ, распространенное у рогатаго скота». Въ этомъ же году онъ принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ медицинскаго управленія по организаціи ветеринарной полиціи, и за свое сочиненіе «Ветеринарная полиція» (Варшава, 1844) былъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Въ слѣдующемъ году Островскій выпустилъ свой трудъ—«О практической ветеринарной хирургіи», принятый, какъ руководство при преподаваніи ветеринаріи, въ Маримонтскомъ институтѣ сельскаго хозяйства; въ 1847 г.—«Описаніе и лѣченіе лошадиной инфлуэнцы» (Opisanie i leczenie influenzy czyli zarazy kóńskiej pod róznemi postaciami i rozmaitemi powiklaniami),—въ 1853 г. за работу «О заразѣ селезенки» (O zarazie śledziony, czyli chorobie karbunkulowej), получилъ отъ Медицинскаго Совѣта Царства Польскаго степень магистра ветеринаріи. Кромѣ того, имъ помѣщено много статей и изслѣдованій въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и календаряхъ Стромбскаго, Яворскаго и Унгера. Въ августѣ 1853 г. Островскій занялъ каѳедру профессора въ Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ. Въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ качествѣ начальника научной экспедиціи въ киргизъ-кайсацкія степи, для изслѣдованія главныхъ условій жизни кочевниковъ, ихъ матеріальнаго положенія и изысканія средствъ къ его улучшенію. Научная сторона и подробности этого путешествія описаны Островскимъ въ обширномъ отчетѣ, а немного позже разсказаны въ формѣ «писемъ съ дороги», изданныхъ имъ въ 1859 г. въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: «Listy z podròzy, odbytej do stepòw kirgiz-kajsackich» (Grodno). Въ Харьковѣ Островскій написалъ два большихъ тома объ образованіи червей у животныхъ (O tworzeniu się robaków u zwierząt). Въ 1859 г. онъ началъ обширный трудъ — «Ветеринарная терапія», но вскорѣ (24-го авг.) умеръ въ имѣніи Рокитна, Курской губерніи.

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона; Slovnik Naučny изд. 1865 г., т. 5; Larousse, Dictionaire universel, T. XI; Estreicher. Bibliografja Polska XIX stòletia; Orgelbrand, Encyklopedja Powszechna, изд. 1865 г., т. 20; изд. 1901 г., т. 11; Tygodnik Illustrowany 1860 года, томъ I, № 21.

А. Петровъ.

Остроглазовъ *Иванъ Михайловичъ,*—дѣйств. ст. сов., предсѣдатель тульскаго окружнаго суда, писатель. И. М. Остроглазовъ родился въ Москвѣ 20-го мая 1838 г. и былъ сыномъ священника; первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ; въ 1854 г. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1859 г. и тогда же занялъ мѣсто преподавателя исторіи и географіи въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ и въ частномъ пансіонѣ Брока, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ на должность судебнаго слѣдователя въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Два года спустя онъ былъ переведенъ судебнымъ слѣдователемъ въ г. Бронницы, Московской губерніи и въ этой должности оставался до открытія московскаго окружнаго суда; въ 1866 году, былъ назначенъ товарищемъ прокурора. Въ слѣдующемъ году Остроглазовъ получилъ мѣсто прокурора только что открытаго тульскаго окружнаго суда, а черезъ три года снова перевелся въ Москву, гдѣ былъ назначенъ товарищемъ прокурора судебной палаты. Между прочимъ, въ Москвѣ Остроглазовъ скоро сталъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ учредителей Московскаго Юридическаго Общества и дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала общества «Юридическій Вѣстникъ», гдѣ напечаталъ рядъ своихъ работъ. Въ 1880 году состоялось назначеніе Остроглазова предсѣдателемъ херсонскаго окружнаго суда, а черезъ два года онъ перешелъ на ту же должность въ тульскій окружный судъ, гдѣ прослужилъ десять лѣтъ,—до самой своей смерти. Остроглазовъ былъ страстнымъ библіофиломъ и свѣдующимъ библіографомъ. Несмотря на довольно ограниченныя матеріальныя средства, онъ собралъ богатую коллекцію очень рѣдкихъ книгъ, описаніе которыхъ было имъ же составлено и напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», за 1892 годъ. Кромѣ «Русскаго Архива» Остроглазовъ сотрудничалъ въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ», «Библіографическихъ Запискахъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ скончался въ Москвѣ 22-го сентября 1892 года.

И. М. Остроглазову принадлежатъ, между

прочимъ, слѣдующія статьи: «Разборъ «Очерка исторіи русскаго уголовнаго права», составленнаго Н. Неклюдовымъ (напечатано въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1865 г. № 6); «По поводу нѣкоторыхъ юридическихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ московскою судебною палатою» («Юридическій Вѣстникъ» 1872 г.); «Книжныя рѣдкости» (описаніе собственной коллекціи рѣдкихъ книгъ) («Русскій Архивъ» 1891 и 1892 г.); «Исторія одной рѣдкой книги» («Библіограф. Зап.» 1892 г. №№ 3, 4, 5, 8, 9, и 10); «Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій» (тамъ-же, № 1).

«Русскій Архивъ» 1892 г. № 12, П. Б., стр. 434—437; «Библіографическія Записки» 1892 г. № 11, некрологъ и портретъ, стр. 809—811; «Библіографъ» 1892 г. №№ 10—11, некрологъ, стр. 372; «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права» 1892 г. № 10, некрологъ, стр. 154—157; «Юридическая Газета» 1892 г. № 91, некрологъ; «Тульскія Губернскія Вѣдомости» 1892 г. №№ 38 и 39, ч. неофиціальная, некрологъ; «Новое Время» 1892 г. № 5956, некрологъ, стр. 3; «Историческая записка о сооруженіи памятника Императору Александру II». Тула. 1887 г.; Гр. Джаншіевъ— Изъ эпохи великихъ реформъ», М., 1894 г., стр 680—685.

Остроградскій, *Михаилъ Васильевичъ*,—профессоръ математики, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ. М. В. Остроградскій родился 12 сентября 1801 года въ принадлежавшей его отцу деревнѣ Пашенной, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ и провелъ свои дѣтскіе годы. Девятилѣтнимъ мальчикомъ Остроградскій былъ помѣщенъ въ пансіонъ при полтавской гимназіи, официально называвшійся «Домомъ воспитанія бѣдныхъ дворянъ», и въ то-же время, по обычаямъ, существовавшимъ въ русскихъ дворянскихъ семьяхъ, былъ записанъ состоящимъ на государственной службѣ въ мѣстной губернаторской канцеляріи. Въ гимназіи онъ не отличался особеннымъ прилежаніемъ, что однако не помѣшало ему пріобрѣсти репутацію бойкаго и остроумнаго мальчика. По семейнымъ обстоятельствамъ Остроградскій былъ взятъ родителями изъ гимназіи для приготовленія къ поступленію въ харьковскій университетъ, куда онъ и былъ принятъ 21 августа 1816 года, сначала въ качествѣ вольнослушающаго лекціи. Въ 1817 году Остроградскаго внесли въ списокъ студентовъ физико-математическаго отдѣленія, а 30 сентября 1818 года, вслѣдствіе его заявленія о желаніи поступить въ военную службу, ему выдали предоставляющій званіе дѣйствительнаго студента аттестатъ объ окончаніи университетскаго курса. Впрочемъ, въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ вновь поступилъ въ университетъ въ число своекоштныхъ студентовъ, для усовершенствованія въ прикладной математикѣ. Несмотря на отличные успѣхи Остроградскаго, высшее начальство, однако, не нашло возможнымъ выдать будущему математику кандидатскій дипломъ безъ особаго экзамена. Отъ послѣдняго Остроградскій уклонился и рѣшилъ отправиться для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Парижъ, куда и прибылъ въ 1822 г.

Въ Парижѣ Остроградскій слушалъ лекціи Коши, Бине и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ въ Collège de France и Сорбоннѣ. О личныхъ отношеніяхъ Остроградскаго къ парижскимъ математикамъ въ оставшихся послѣ него бумагахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Изъ адресованнаго имъ въ 1856 году къ непремѣнному секретарю Парижской Академіи Наукъ письма съ выраженіемъ благодарности за избраніе въ члены-корреспонденты видно лишь, что Штурмъ былъ другомъ Остроградскаго, а также и «почтившій его своею благосклонною дружбою» Пуассонъ; что Фурье былъ его благодѣтелемъ и что, наконецъ, Пуансо оказался на столько любезенъ, что «изложилъ ему принципы своей прекрасной Théorie de la Rotation, прежде чѣмъ она была издана въ свѣтъ». Съ Коши, вслѣдствіе его недоступности, Остроградскій, какъ и другіе пріѣзжавшіе въ Парижъ учиться молодые иностранцы, сблизиться не могъ. Но это, однако, не мѣшало ему иногда знакомить ученаго съ результатами своихъ изслѣдованій и даже заслуживать его одобреніе. Въ своемъ знаменитомъ «Mémoire sur les intégrales définies prises entre des limites imaginaires», напечатанномъ въ 1825 году, Коши говоритъ: «наконецъ одинъ русскій молодой человѣкъ, одаренный большою проницательностью и весьма свѣдущій въ исчисленіи безконечно-малыхъ, прибѣгнувъ также къ ихъ (опредѣленныхъ интеграловъ) употребленію и къ преобразованію въ обыкновенные, далъ новое доказательство формулъ, помѣщенныхъ мною въ 19-й тетради Журнала Политехнической Школы». 6 ноября 1826 года Остроградскій представилъ Парижской Академіи Наукъ свой первый ученый трудъ: «Mémoire sur la propagation

les ondes dans un bassin cylindrique», ясно показавшій, что авторъ не только вполнѣ овладѣлъ высшимъ анализомъ, но и сталъ уже на уровнѣ современнаго развитія науки. На пятомъ году пребыванія въ Парижѣ онъ занялъ мѣсто преподавателя математики въ коллегіи Генриха IV, которое занималъ въ теченіе 1826—1827 уч. года. Въ ноябрѣ 1827 г. онъ оставилъ Парижъ и прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и представилъ свои труды Академіи Наукъ. Вскорѣ около Остроградскаго образовался кружокъ любителей математики, имѣвшій цѣлью ознакомиться, при посредствѣ читаемыхъ имъ лекцій, съ современнымъ состояніемъ высшаго анализа. Составлявшія характерную особенность этихъ лекцій—общность и изящество изложенія — очень нравились слушателямъ и сдѣлали лектора на столько извѣстнымъ въ Петербургѣ, что, несмотря на неполученіе имъ даже званія дѣйствительнаго студента и на небольшое количество ученыхъ трудовъ, онъ былъ избранъ Петербургскою Академіею Наукъ, 17 декабря 1828 года, въ адъюнкты по предмету прикладной математики. Слѣдующія академическія ступени были пройдены имъ очень быстро. 11 августа 1830 года онъ сдѣлался уже экстраординарнымъ академикомъ, а черезъ годъ ординарнымъ. 15 іюня 1855 года онъ, по смерти П. Фусса, занялъ кресло ординарнаго академика по предмету чистой математики.

Въ лицѣ Остроградскаго Петербургская Академія Наукъ пріобрѣла очень дѣятельнаго члена, помѣщавшаго свои труды почти исключительно въ ея изданіяхъ. Черезъ посредство послѣднихъ эти труды дѣлались доступными западно-европейскимъ ученымъ и доставили ихъ автору званіе члена академій Туринской, Римской и др. Но наибольшая честь при его исключительномъ преклоненіи передъ парижскими математиками была оказана ему въ 1856 году, когда онъ удостоился избранія въ члены-корреспонденты Парижской Академіи Наукъ. Въ отечествѣ Остроградскій былъ также почтенъ избраніемъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ и возведеніемъ въ степень доктора honoris causa отъ Гельсингфорскаго университета.

Остроградскій не ограничивался однѣми учеными работами и едва-ли не бо́льшую часть своего времени посвящалъ преподавательской дѣятельности, чѣмъ и объясняется сравнительная малочисленность появившихся въ печати его ученыхъ трудовъ. Вскорѣ послѣ вступленія въ члены Петербургской Академіи Наукъ, онъ занялъ должность профессора въ офицерскихъ классахъ Морского Кадетскаго Корпуса и въ институтахъ: Корпуса инженеровъ путей сообщенія и Главномъ Педагогическомъ, а нѣсколько позже еще и въ двухъ военныхъ училищахъ: въ Главномъ Инженерномъ и въ Артиллерійскомъ. Чтеніе лекцій въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлало имя Остроградскаго, при посредствѣ его многочисленныхъ слушателей, очень извѣстнымъ въ Россіи и притомъ не только въ ученыхъ кругахъ. Извѣстности Остроградскаго въ значительной степени способствовали и устраиваемые имъ не разъ публичные курсы. Замѣчательнѣйшими изъ этихъ курсовъ были публичныя лекціи по небесной механикѣ, читанныя въ залѣ Академіи Наукъ на французскомъ языкѣ съ ноября 1829 года по мартъ 1830, и публичныя лекціи по предмету алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ 1836 году на русскомъ языкѣ въ залѣ Морского Кадетскаго Корпуса. Въ первомъ изъ этихъ курсовъ, вмѣстѣ съ глубокимъ изученіемъ предмета, лекторъ проявилъ большую самостоятельность, выразившуюся главнымъ образомъ въ упрощеніи изложенія тѣхъ общихъ методовъ, которыми незадолго передъ тѣмъ обогатилась небесная механика. Лекціи закончились составленіемъ и интегрированіемъ уравненій вѣковыхъ неравенствъ и указаніемъ способа Пуассона для періодическихъ неравенствъ. Во время своего пребыванія съ ученою цѣлью въ Парижѣ, въ маѣ 1830 года, Остроградскій представилъ эти лекціи Парижской Академіи Наукъ, которая поручила ихъ разсмотрѣніе Араго и Пуассону, давшимъ о нихъ весьма лестный отзывъ. Въ слѣдующемъ, 1831, году этотъ трудъ былъ напечатанъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Cours de mécanique céleste, fait par Mr. M. V. Ostrogradski et rédigé par J. Janouschevski, capitaine du génie des voies de communication». Въ другомъ курсѣ—въ лекціяхъ алгебраическаго и трансцендентнаго анализа Остроградскій познакомилъ своихъ слушателей съ открытіями въ области теоріи алгебраическихъ уравненій, сдѣланными Лагранжемъ, Коши, Штурмомъ, Гауссомъ,

Абелемъ и другими. Этотъ курсъ также былъ напечатанъ въ 1837 г. въ Петербургѣ. Публичныя лекціи по тому же предмету Остроградскій читалъ и впослѣдствіи, напр. въ 1840 г.

Вполнѣ раздѣляя со своимъ первымъ учителемъ, Осиповскимъ, его высокое мнѣніе о французской наукѣ и заимствовавъ отъ него нерасположеніе и пренебреженіе къ германской философіи, Остроградскій былъ чуждъ тѣмъ важнымъ обобщеніямъ и тому мощному философскому теченію, которыя, подъ вліяніемъ философіи Канта, развивались въ германской математикѣ. Воспитавшись исключительно на изученіи лекцій и твореній французскихъ математиковъ, Остроградскій навсегда остался глубокимъ, но узкимъ спеціалистомъ, способнымъ сочувствовать и давать вѣрную оцѣнку успѣхамъ науки только въ разработанныхъ уже областяхъ, но никакъ не въ тѣхъ, которыя составляли ея новѣйшія пріобрѣтенія. Этимъ вполнѣ объясняются, напр., такъ жестоко осужденные дальнѣйшимъ движеніемъ науки насмѣшки и оскорбительные отзывы Остроградскаго о состояніи умственныхъ способностей Н. И. Лобачевскаго, по поводу обезсмертившихъ его имя геометрическихъ работъ.

Въ 1847-мъ году Остроградскій былъ приглашенъ начальствомъ среднихъ военно-учебныхъ заведеній на должность главнаго наблюдателя въ этихъ заведеніяхъ по математическимъ наукамъ. Подъ его предсѣдательствомъ происходили засѣданія коммисіи для обсужденія способовъ преподаванія и для составленія учебныхъ программъ математики въ кадетскихъ корпусахъ, а также и для производства экзаменовъ и слушанія пробныхъ уроковъ, сдаваемыхъ лицами, ищущими въ тѣхъ-же учебныхъ заведеніяхъ учительскаго званія. Не удовлетворяясь возможностью широкаго косвеннаго вліянія, которое онъ могъ оказывать по занимаемой имъ должности на ходъ преподаванія математики въ завѣдуемыхъ учебныхъ заведеніяхъ, Остроградскій желалъ имѣть и болѣе дѣйствительное, прямое. Но попытки его въ этомъ направленіи не были удачны. Составленное имъ «Руководство начальной геометріи», равно какъ и «Программа и конспектъ тригонометріи» оказались малопригодными для школьныхъ цѣлей. Мало замѣченной прошла и составленная имъ въ сотрудничествѣ съ А. Блюмомъ брошюра: «Considérations sur l'enseignement», въ которой авторы осуждали методъ преподаванія въ средней школѣ точныхъ наукъ.

М. В. Остроградскій умеръ 20-го декабря 1861 г. въ Полтавѣ, заболѣвъ еще лѣтомъ въ принадлежавшей ему деревнѣ Долгое, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губ.—Малороссъ по происхожденію, Остроградскій обладалъ многими изъ отличительныхъ чертъ малорусскаго характера. Имѣя вёселый нравъ, онъ любилъ нерѣдко пошутить и съ своими слушателями, перемежая свои лекціи и бесѣды общими разсужденіями о предметахъ, не относящихся къ избранной темѣ. Ученымъ занятіямъ онъ предавался порывами, нерѣдко оставляя ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Изъ раннихъ ученыхъ трудовъ Остроградскаго упомянемъ: «Note sur une intégrale qui se rencontre dans le calcul de l'attraction des sphéroides», «Note sur les integrales definies», «Note sur la théorie de la chaleur» (всѣ напечат. въ Mémoires de l'Academie, VI Série, T. I.), «Sur le facteurs égaux des polynômes entiers», «Sur l'usage de polynômes lineaires, en dynamique» (оба мемуара напечат. въ Парижск. Comptes rendus hebdomadaires de séances de l'Académie des Sciences, Tt. XLII, XLIV); кромѣ того въ Бюллетенѣ Ферюссака (т. XII и XIV) онъ напечаталъ двѣ статьи о безконечно малыхъ движеніяхъ системы матерьяльныхъ точекъ отъ дѣйствія внутреннихъ силъ.

Ученые труды Остроградскаго, напечатанные въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, могутъ быть раздѣлены по предметамъ, которымъ они посвящены, на шесть группъ. Къ первой группѣ, состоящей изъ мемуаровъ, посвященныхъ анализу безконечно-малыхъ въ его чистомъ видѣ, принадлежатъ слѣдующіе: 1) «Mémoire sur l'intégration des fractions rationelles» (Mémoires de l'Académie, VI série, t. II). Въ этомъ мемуарѣ и въ слѣдующемъ, 3-мъ, Остроградскій изложилъ найденныя имъ условія и способъ для выраженія алгебраическою функціею какъ интеграла раціональной дроби, такъ и интеграла отъ функціи, содержащей квадратный корень изъ цѣлаго многочлена. Въ этихъ открытіяхъ онъ былъ предупрежденъ, по крайней мѣрѣ, во времени ихъ обнародованія, Ліувилемъ, мемуары котораго по тому

…предмету появились въ сентябрѣ 1833 года въ XXII книжкѣ Журнала Политехнической Школы, подъ заглавіемъ «Premier et second memoires sur la détermination des intégrales dont la valeur est algébrique». 2) «Note sur la relation que peuvent avoir entr'elles les intégrales des fonctions algébriques» (тамъ же, Bulletin № 6) 3) «Suite du memoire sur l'intégration des fractions rationelles» (тамъ же, т. II, стр. 657—671). 4) «Mémoire sur le calcul des variations des intégrales multiples» (Mémoires de l'Acad., t. III. p. 35—58). Самый замѣчательный изъ трудовъ Остроградскаго по чистому анализу. Онъ былъ перепечатанъ въ Crelle's Journal (B. XV), а позднѣе появился и въ англійскомъ переводѣ въ книгѣ—A history of the progress of the calculus of variations during the nineteenth century, by J. Tobhunter, M. A. Fellow and principal Lecturerof St. John College Cambridge (1861). Въ немъ авторъ, между прочимъ, подтвердилъ несогласный съ выводами Эйлера выводъ Пуассона относительно варіаціи частной производной отъ функціи двухъ перемѣнныхъ, причемъ сумѣлъ обойтись безъ употребленія введенныхъ Пуассономъ вспомогательныхъ величинъ, какъ нѣсколько измѣняющихъ общепринятыя воззрѣнія на варіаціи. 5) «Sur la transformation des variables dans les intégrales multiples» (тамъ-же, т. III, стр. 401—407) 6) «Notes sur différents sujets de l'analyse mathèmatique: a) Sur les fonctions exponentielles. b) Sur une espèce de fonctions des coordonnées sphériques. c) Sur le calcul des variations» (Bulletin scientifique. T. III, p. 209—218). 7) «Note sur les équations différentielles linéaires» (тамъ-же, т. V, стр. 33—35). 8) «Mémoire sur les quadratures définies» (Mémoires, VI série, t. IV, p. 309—336. 9) «Sur une note relative aux intégrales définies déduites de la théorie des surfaces orthogonales» (Bullet. scientif., t. VII, p. 362—365). 10) «Note sur une question particuliére des maxima relatifs» (тамъ-же, т. VIII, p. 327—331). 11) «Sur les intégrales des fonctions algebriques». (Bulletin de la classe phys.—mathém. de l'Acad., t. I, p. 113—118). 12) «De l'intégration des fractions rationnelles» (тамъ-же, т. IV, pp. 145—167 и 286—300). 13) «Sur la courbure des surfaces» (Bulletin de l'Académie t. I, p. 545—518) 14) «Sur une intégrale définie» (тамъ-же, t. III, p. 65—68),

Ко второй группѣ, обнимающей мемуары, посвященные алгебрѣ и теоріи чиселъ относятся слѣдующіе: 1) «Note sur la méthode des approximations successives» (Mémoires etc., VI série, t. III, pp. 233—238). 2) «Tables des racines primitives pour tous les nombres premieas au dessous de 200, avec les tables pour trouver l'indice d'un nombre donné et pour trouver le nombre d'aprés l'indice» (тамъ-же, т. III, p. 359—385). 3) «Mémoire sur le calcul des fonctions génératrices» (извлеченіе въ Bullet. scientif. t. I, p. 73—75). 4) «Sur les racines égales des polynomes entiers» (Bullet. de la classe physico-mathém. t. VIII, p. 193—204). 5) «Sur les dérivées des fonctions algébriques» (тамъ-же, т. XI, стр. 337—342).

Третью группу, имѣющую дѣло съ механикою, составляютъ слѣдующіе мемуары: 1) «Note sur la variation des constantes arbitraires dans les problémes de mécanique» (Mémoires de l'Acad., VI, série. t. I, p. 109—115). 2) «Considérations générales sur les momens des forces» (тамъ-же, т. III, стр. 129—150). 3) «Sur un cas singulier de l'équilibre des fluides incompressibles» (тамъ-же, т. III, стр. 333—340). 4) «Mémoire ur les déplacements instantanés des systèmes assujettis à des conditions variables» (тамъ-же, т. III, стр. 565—600). 5) «Note sur les équations du mouvement d'un point matériel placé dans l'intérieur d'un tube rectiligne tournant autour d'un axe donné» (Bullet. scientif., t. IV, p. 209—212). 6) «Note sur quelques formules relatives à l'attraction mutuelle d'une sphère et d'un sphéroïde» (тамъ-же, т. IV, стр. 369—371). 7) «Sur le principe des vitesses virtuelles et sur la force d'inertie» (тамъ-же т. X, стр. 34—41), 8) «Sur les sphéroïdes dont tous les moments d'inertie son égaux» (Bull. de la classe phys.-math., t. I, p. 60—64). 9) «Sur le mouvement des fluides» (тамъ-же, въ извлеченіи, т. IV). 10) «Sur la variation des constantes arbitraires dans les problèmes de dynamique» (тамъ-же, т. VII, стр. 113—125). 11) «Sur les intégrales des équations générales de la dynamique» (тамъ же, т. VIII, стр. 33—43). 12) «Mèmoire sur les équations différentielles relatives au problème des isopérimètres» (Mémoires de l'Acah., VI série, t. VI, p. 385—517). Этотъ мемуаръ посвященъ изложенію результатовъ работъ, предпри-

нятыхъ авторомъ съ цѣлью распространенія открытій Лагранжа, Пуассона, Гамильтона и Якоби въ области интегрированія общихъ уравненій динамики вообще на изопериметрическіе вопросы, обнимающіе вопросы динамики, какъ частный случай. 13) «Mèmoire sur la théorie gènérale de la percussion» (тамъ-же, т. VIII, стр 267—303).

Къ четвертой группѣ, занимающейся баллистикою, принадлежатъ мемуары: 1) «Tables pour faciliter le calcul de la trajectoire que décrit un mobile dans un milieu résistant» (Mèm. de l'Acadèmie, VI série, t IV, p. 437—445). 2) «Note sur le mouvement des projectiles sphériques dans un milieu résistant» (Bullet. scientif., t. VIII. p. 65—78). 3) «Mémoire sur le mouvement des projectiles sphériques dans l'air» (тамъ-же, т. VIII, стр. 133—140).

Пятую группу, посвященную математической физикѣ, составляютъ мемуары: 1) Sur l'intégration des équations à différences partielles relatives aux petites vibrations d'un milieu élastique» (Mém. de l'Acad. VI sér., t. I, p. 455—461). 2) «Deuxiéme note sur la théorie de la chaleur» (тамъ-же, стр. 123—126). 3) «Note sur l'équilibre d'un fil élastique» (тамъ-же, т. II, Bulletin № 4). 4) «Mémoire sur l'intégration des équations à différences partielles relatives aux petites vibrations des corps élastiques» (тамъ-же, т. II, стр. 339—372). 5) «Sur l'équations relative à la propagation de la chaleur dans l'intèrieur des liquides» (тамъ-же, т. II). 6) «De l'aimantation mutuelle entre des barrs disjointes» (Bull. scient. t. V). Кромѣ изслѣдованій, изложенныхъ во всѣхъ этихъ мемуарахъ, Остроградскому принадлежитъ еще оставшееся ненапечатаннымъ рѣшеніе вопроса о распространеніи теплоты въ призмѣ, имѣющей основаніемъ равнобедренный, прямоугольный треугольникъ. (См Journal de l'Ecole politechnique, 22 cahier; также Leçons sur la théorie analytique de la chaleur, 1861).

Шестую группу работъ Остроградскаго составляютъ мемуары, посвященные теоріи вѣроятностей: 1) «Extrait d'un mémoire sur la probabilité des erreurs des tribunaux» (Mém. de l'Acad., VI, sér. t. III Bull. № 3). 2) «Sur une question des probabilités» (Bullet. d. l. classe phys.—math., t. VI, pp. 321—346), 3) «Sur la probabilité des hypotèses d'après les évènements» (тамъ-же, т. XVII).

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Остроградскій, по званію академика, написалъ еще разборы слѣдующихъ девяти сочиненій, представленныхъ въ Академію для соисканія Демидовскихъ премій: 1) проф. Брашмана, «Статика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ» (VII присужденіе). 2) А. Зеленаго, «Краткое руководство начертательной геометріи» (XIV присужд.). 3) Сомова, «Аналитическая теорія волнообразнаго движенія» эфира (XVII присужд.). 4) проф. Давидова, «Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость» (то-же присужденіе). 5) Проф. Давидова, «Теорія капиллярныхъ явленій» (XIX присужд.), 6) Проф. Сомова, «Основанія теоріи эллиптическихъ функцій» (XX присужд.), 7) Ковальскаго, «Теорія движенія Нептуна» (XXIII присужд.), 8) Миндинга, «Изысканія, относящіяся къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій перваго порядка съ двумя перемѣнными» (XXX присужд.), 9) Проф. Соколова, «Динамика (то-же присужденіе, стр. 143—150). Заключеніемъ приведеннаго списка ученыхъ трудовъ Остроградскаго могутъ служить напечатанныя Московскимъ Математическимъ Обществомъ въ издаваемомъ имъ «Математическомъ Сборникѣ» «Письма академика Остроградскаго къ профессору Брашману» (томъ I, 1866 г.; стр. XXVII—XXXVIII»). Изъ приведенныхъ здѣсь шести писемъ первыя два занимаются принципами динамики, третье—дифференціальными уравненіями, четвертое—приложеніями анализа безконечно-малыхъ къ геометріи, пятое—физическою механикою и шестое—простымъ маятникомъ. Стремленіе къ популяризаціи науки и особенно къ проведенію въ публику свѣдѣній о практическихъ приложеніяхъ математики и въ частности теоріи вѣроятностей такъ же не осталось безъ вліянія на научно-литературную дѣятельность Остроградскаго. Выраженіями ихъ являются слѣдующія его статьи, напечатанныя въ журналахъ, назначенныхъ для обширнаго круга читателей: «О страхованіи» («Финскій Вѣстникъ», 1847 г., № 1); «Игра въ кости» (тамъ-же, № 3); «Погрѣшности при вычисленіи процентовъ» («Сѣверное Обозрѣніе», 1848 г., № 1, «Журн. Мин. Народ. Просв.», ч 59-я. отд. VI, стр. 116—121).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть изданныя слушателями Остроградскаго его лекціи о «Дифференціальномъ исчисленіи», курсъ

«Аналитической механики» (1836 г., изд. на франц. и рус. яз.), а также «Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ», Спб. 1837 г., въ 2-хъ частяхъ.

Первыми по времени появленія въ свѣтъ произведеніями, посвященными біографіи Остроградскаго и обзору его ученыхъ трудовъ, были: „Списокъ сочиненій М. В. Остроградскаго (Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ I, книжка I, Спб. 1862, стр. 46-50 и портретъ); академика Сомова „Очеркъ жизни и ученой дѣятельности Михаила Васильевича Остроградскаго“ (тамъ-же, т III, кн. I, стр. 1—29, Спб. 1863); Е. Ѳ. Сабинина, „Михаилъ Васильевичъ Остроградскій“. Рѣчь, произнесенная въ 1881 году на актѣ въ Новороссійскомъ Университетѣ (Записки Новороссійскаго Университета, т. XXXIII). Толчокъ дальнѣйшему развитію литературы, посвященной Остроградскому, дало истеченіе столѣтія со дня его рожденія. Иниціативу въ дѣлѣ чествованія этого событія взялъ на себя родной городъ Остроградскаго — Полтава, въ лицѣ мѣстнаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. Устройствомъ по поводу этого событія 12 сентября 1901 года торжественнаго празднованія, къ которому были приглашены делегаты университетовъ и различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, Полтавскій кружокъ вызвалъ подобныя же празднованія, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, и во многихъ другихъ городахъ, напр.: въ Москвѣ — въ Математическомъ Обществѣ (16 октября 1901 года), въ Юрьевѣ—въ Учено-Литературномъ Обществѣ (15 декабря 1901 года). Всѣ эти чествованія памяти Остроградскаго внесли въ посвященную ему литературу слѣдующіе вклады: „Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія Полтавскимъ кружкомъ любителей физико-математическихъ наукъ“ (Полтава, 1902, съ портретомъ). Какъ на главныя по своему значенію для біографіи Остроградскаго статьи этого юбилейнаго сборника, должно указать на слѣдующія: П. И. Трипольскаго—„Очеркъ жизни и учено-педагогической дѣятельности М. В. Остроградскаго—(стр. 17—86); М. А. Тихомандрицкаго—„Очеркъ ученыхъ трудовъ М. В. Остроградскаго въ области чистой математики“ (стр. 92—115); А. И. Ляпунова—„О заслугахъ М. В. Остроградскаго въ области механики“ (стр. 115—118); В. А. Стеклова—„О работахъ М. В. Остроградскаго въ области математической физики“ (стр. 118—127); Е. Ѳ. Сабинина—„Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. (По поводу столѣтія со дня его рожденія)“. (Математическій Сборникъ, издаваемый Московскимъ Математическимъ обществомъ, т. XXII. 1902 г.; стр. 499—531 и портретъ); Н. Е. Жуковскаго—„Нѣкоторыя черты изъ жизни Остроградскаго“ (тамъ-же стр. 532—539); Л. К. Лахтина—„Работа М. В. Остроградскаго въ области анализа“ (тамъ-же, стр. 540 — 544); Н. Е. Жуковскаго — „Ученые труды М. В. Остроградскаго по механикѣ“ (тамъ-же, стр. 555—573); В. Г. Алексѣева—„Михаилъ Васильевичъ Остроградскій“ (Юрьевъ, 1902 г. Отдѣльный оттискъ изъ VI тома Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ).

Проф. Бобынинъ.

Острожскій, князь *Константинъ Ивановичъ*, гетманъ великаго княжества Литовскаго, знаменитый западно-русскій дѣятель и ревнитель православія въ Литовской Руси; родился около 1460 года, умеръ въ 1532 году. Родъ князей Острожскихъ принадлежалъ къ числу русскихъ удѣльныхъ родовъ, которые сохранились и при литовскомъ владычествѣ въ Западной Руси и члены которыхъ являлись или подручными, или чиновниками великихъ князей литовскихъ. Происхожденіе рода не установлено съ точностью, и изъ многихъ мнѣній по этому вопросу наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе правдоподобнымъ является мнѣніе М. А. Максимовича, который, на основаніи помянника Кіево-Печерскаго монастыря, считаетъ его отраслью князей Пинскихъ и Туровскихъ, происходившихъ отъ Святополка II Изяславича, правнука Владиміра Святого. Первымъ исторически извѣстнымъ княземъ былъ Даніилъ Дмитріевичъ Острожскій, жившій въ серединѣ XIV-го вѣка. Сынъ его, Ѳедоръ Даниловичъ (умеръ послѣ 1441 года), причтенный къ лику святыхъ православной церковью подъ именемъ Ѳеодосія и первый положившій прочное основаніе земельному богатству фамиліи, уже является защитникомъ родины и ея завѣтовъ противъ поляковъ и латинства: онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наносъ полякамъ цѣлый рядъ пораженій и до конца отстаивалъ самостоятельность Подоліи и Волыни. Сынъ князя Ѳедора Даниловича, князь Василій Ѳедоровичъ Красный (умеръ около 1461 года) продолжалъ болѣе успѣшно русскую политику своего отца, но главную сторону его дѣятельности составляло хозяйство и обезпеченіе своихъ владѣній отъ татарскихъ набѣговъ. О сынѣ его и отцѣ князя Константина Ивановича, князѣ Иванѣ Васильевичѣ сохранилось мало извѣстій. Извѣстно лишь, что онъ неоднократно сражался съ татарами и увеличивалъ свои владѣнія прикупкой новыхъ помѣстій.

Князь Константинъ Ивановичъ рано лишился родителей, и первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ отцовскихъ бояръ, а также старшаго своего

брата—Михаила. Сохранившіяся свидѣтельства объ этихъ годахъ жизни Константина Ивановича говорятъ преимущественно о сдѣлкахъ на продажу и покупку земель. Повидимому воспитатели молодыхъ князей выполняли только экономическіе планы умершаго отца ихъ. Въ 1486 году мы находимъ братьевъ Острожскихъ въ Вильнѣ при дворѣ великаго князя литовскаго Казимира, гдѣ они вращаются въ высшемъ кругу волынскихъ пановъ—Гойскаго, князя Четвертинскаго, Хребтовича и другихъ. Въ то-же время князья Острожскіе начали пріучаться и къ государственнымъ дѣламъ, для чего они поступили въ обычную тогда школу—въ свиту великаго князя и сопровождали его въ переѣздахъ, какъ «дворяне», т. е. придворные. Въ 1491 году князь Константинъ Ивановичъ уже получалъ довольно важныя порученія и пользовался полнымъ довѣріемъ литовскаго великаго князя. Весьма вѣроятно, что тогда уже онъ успѣлъ выдвинуться изъ среды многочисленныхъ волынскихъ князей и пановъ, чему не мало могло способствовать богатство и широкія родовыя связи. Впрочемъ, на возвышеніе князя Константина Ивановича большое вліяніе оказали, конечно, и его личныя заслуги, его военный талантъ и опытность. Послѣднія онъ пріобрѣлъ и выказалъ въ непрерывный борьбѣ съ татарами (лѣтописи упоминаютъ о 60-ти сраженіяхъ, въ которыхъ онъ остался побѣдителемъ). Но было и другое обстоятельство, способствовавшее возвышенію князя Константина Ивановича. Уже съ самаго вступленія на литовскій престолъ великаго князя Александра, на Литву обрушился цѣлый рядъ несчастій. Война съ московскимъ великимъ княземъ окончилась неудачей. Татары дѣлали набѣгъ за набѣгомъ на южныя области Литовскаго государства, опустошая южно-русскія земли. Въ это время особенно выдвинулись русскіе люди, вынесшіе на своихъ плечахъ и тяжелую борьбу съ татарами, и всѣ внутреннія и внѣшнія затрудненія, легшія на Литву послѣ неудачной ея борьбы съ Москвой. Татарскіе набѣги 1495 и 1496 годовъ были отражены исключительно русскими, во главѣ которыхъ, благодаря своимъ способностямъ, скоро сталъ князь Острожскій. Русскіе-же князья, съ тѣмъ-жъ Оострожскимъ во главѣ, спасли отъ окончательной гибели и польскаго короля, брата великаго князя Александра, во время его неудачнаго похода на Молдавію. Все это, разумѣется, выдвигало значеніе русскихъ и русскаго князя Острожскаго, на котораго уже давно смотрѣла съ надеждой вся Литовская Русь. Гетманъ Литвы Петръ Яновичъ Бѣлой, на смертномъ одрѣ, прямо указалъ Александру на Константина Острожскаго, какъ на своего преемника. И князь Константинъ Ивановичъ въ 1497 году сдѣланъ былъ гетманомъ. Кромѣ того, новый гетманъ получилъ рядъ земельныхъ пожалованій, что сразу сдѣлало его, и безъ того богатаго, самымъ крупнымъ владѣтелемъ на Волыни.

Въ 1500 году началась новая война съ Москвой. Литва не была подготовлена къ этой борьбѣ: въ распоряженіи литовскаго великаго князя не было достаточнаго количества войска. Ослабляли Литву и набѣги татаръ, которыхъ теперь уже не сдерживалъ великій князь московскій. Несмотря на то, что прибѣгнули къ найму иностранцевъ, войска, достаточно сильнаго для успѣшнаго сопротивленія московскимъ силамъ, собрать не удалось. Во главѣ литовской арміи былъ поставленъ князь Константинъ Ивановичъ. Между тѣмъ московскія войска, «воровскимъ обычаемъ», двумя отрядами, вторглись въ литовскія области. Главный полкъ направился на Сѣверскую область и, послѣдовательно занимая города, дошелъ до Новгорода-Сѣверскаго, второй-же отрядъ подъ предводительствомъ боярина Юрія Захарьина, направился къ Смоленску, занявъ по пути Дорогобужъ. Подкрѣпивъ въ Смоленскѣ свое войско мѣстнымъ гарнизономъ, съ энергичнымъ воеводой Кишкой во главѣ, князь Константинъ Ивановичъ двинулся навстрѣчу Захарьину къ Дорогобужу, рѣшивъ во что-бы то ни стало задержать наступленіе. 14 іюля непріятели сошлись у рѣки Ведроши, гдѣ и произошелъ бой. Многочисленное литовское войско было разбито на голову 40.000-ымъ московскимъ отрядомъ и между многими взятыми въ плѣнъ былъ и князь Константинъ Ивановичъ. Московскіе воеводы сразу выдѣлили Острожскаго изъ другихъ знатныхъ плѣнниковъ: онъ былъ экстренно отвезенъ въ Москву, откуда его вскорѣ сослали въ Вологду. И Герберштейнъ, и Курбскій согласно свидѣтельствуютъ о жестокомъ обращеніи съ княземъ, что объясняется желаніемъ московскаго правительства за-

ставить литовскаго гетмана перейти на московскую службу. Однако Константинъ Ивановичъ не сдавался и наконецъ, рѣшилъ уйти изъ плѣна, хотя-бы цѣной нарушенія клятвы. Въ 1506 году, через посредство вологодскаго духовенства, онъ согласился на предложеніе московскаго правительства. Тотчасъ-же ему былъ данъ санъ боярина, а 18 октября 1506 года съ него была отобрана обычная заручная запись на вѣрность Москвѣ. Давая послѣднюю Константинъ Ивановичъ твердо рѣшилъ бѣжать въ Литву, тѣмъ болѣе, что событія того времени могли заставить его сражаться противъ родины. Успѣшная борьба Острожскаго съ татарами на Московской Украйнѣ усыпила бдительность московскаго правительства, которое поручило новому боярину главное начальство надъ нѣкоторыми южными пограничными отрядами. Этимъ Константинъ Ивановичъ и воспользовался. Подъ благовиднымъ предлогомъ осмотра ввѣренныхъ ему войскъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы, приблизился къ московскому рубежу и черезъ густые лѣса въ сентябрѣ 1507 года пробрался на родину. Возвращеніе князя Константина Ивановича въ Литву совпало по времени съ извѣстнымъ процессомъ Глинскихъ, такъ что король не могъ сразу заняться устройствомъ дѣлъ своего любимца. Но въ самомъ непродолжительномъ времени ему были возвращены его прежнія старостства (Брацлавъ, Винница, Звенигородъ), дана важная въ Литвѣ должность старосты Луцкаго и маршалка волынской земли, благодаря чему Острожскій сдѣлалался главнымъ военнымъ и гражданскимъ начальникомъ всей Волыни, а 26 ноября снова былъ утвержденъ въ званіи гетмана. Кромѣ того, Острожскій получилъ рядъ земельныхъ пожалованій и отъ Сигизмунда, скупого на подарки вообще. Въ 1508 году, когда снова началась война съ Москвой, Острожскій былъ вызванъ изъ Острога, гдѣ онъ приводилъ въ порядокъ имущественныя дѣла, въ Новгородъ, гдѣ въ то время находился король Александръ, и поставленъ во главѣ войска. Отсюда онъ двинулся черезъ Минскъ къ Борисову и Оршѣ, которую неудачно осаждали московскіе воеводы. При приближеніи Острожскаго къ Оршѣ, московское войско оставило осаду и старалось задержать переправу литовско-польскаго войска черезъ Днѣпръ, но всѣ стычки окончились для московскихъ воеводъ полной неудачей, и московскіе полки, потерявъ энергію, начали отступленіе. Литовское войско по пятамъ слѣдовало за уходившимъ непріятелемъ и, наконецъ, остановилось въ Смоленскѣ, откуда сначала было рѣшено послать Острожскаго и Кишку съ отдѣльными отрядами въ московскія области, но выполненіе этого плана было на время отсрочено и благопріятный моментъ утерянъ. Только черезъ нѣкоторое время князь Константинъ Ивановичъ двинулся на городъ Бѣлый, взялъ его, занялъ Торопецъ и Дорогобужъ, и сильно опустошилъ окружающую область. Такой оборотъ дѣла склонилъ обѣ стороны къ переговорамъ о мирѣ, результатомъ которыхъ былъ «вѣчный» миръ Москвы съ Литвой 8 октября 1508 года. Князь Константинъ Ивановичъ снова получилъ нѣсколько крупныхъ наградъ. Вскорѣ по заключеніи мира съ Москвой, татары снова сдѣлали большой набѣгъ, и Острожскому пришлось выступить противъ нихъ. Татары были разбиты подъ Острогомъ. Теперь Константинъ Ивановичъ занялся устройствомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, такъ какъ во время войны съ Москвой ему очень часто приходилось снаряжать войска и на свои деньги. Къ этому-же времени относится и женитьба его на княжнѣ Татьянѣ Семеновнѣ Гольшанской. Новый набѣгъ татаръ заставилъ Острожскаго поѣхать въ Луцкъ для приготовленія обороны, но собрать онъ успѣлъ только 6 тысячъ человѣкъ, и съ этими небольшими силами ему удалось одержать блестящую побѣду надъ 40.000 татарскимъ отрядомъ при Вишневцѣ, гдѣ однихъ только русскихъ онъ освободилъ изъ татарскаго плѣна болѣе 16.000 человѣкъ. Въ награду за заслуги князя Константина Ивановича въ борьбѣ съ Москвой и татарами, король издалъ универсалъ о назначеніи его Паномъ Виленскимъ, что для кн. Острожскаго имѣло очень важное значеніе: онъ вошелъ въ кругъ высшей литовской знати, и съ этого времени былъ уже не только волынскимъ, но и литовскимъ вельможей.

Послѣ Вишневецкаго погрома татары направили свои набѣги на Московскую Украйну. Такое поведеніе своихъ прежнихъ союзниковъ московское правительство объяснило происками Литвы, и объявивъ ей снова войну, двинуло въ декабрѣ 1512 года къ Смоленску большое войско.

но послѣ неудачной осады это войско принуждено было вернуться обратно. Не имѣла успѣха и вторая осада въ слѣдующемъ году. Наконецъ, Смоленскъ былъ осажденъ въ третій разъ и взятъ, московское войско стало подвигаться вглубь Литвы, захватывая по пути города. Навстрѣчу ему пошелъ князь Острожскій съ литовскимъ войскомъ, и вблизи Березины произошла первая довольно упорная битва. Московскіе воеводы принуждены были отступить. На разсвѣтѣ 8 сентября у Орши началась новая битва. Искусными маневрами и хитростью Острожскій съумѣлъ обмануть бдительность русскихъ, и вся восьмидесятитысячная армія Москвы обратилась въ поголовное бѣгство, а преслѣдованіе бѣгущихъ превратилось въ бойню. Но Острожскій все-таки не могъ взять Смоленска, и вернулъ обратно лишь захваченные Москвой города. По возвращеніи въ Литву онъ былъ награжденъ Сигизмундомъ небывалою до того наградою: 3 декабря Константинъ Ивановичъ былъ почтенъ торжественнымъ тріумфомъ

Лѣтомъ 1516 года снова появились татары, производя большія опустошенія, но лишь только разнеслись слухи о сборѣ войска Константиномъ Острожскимъ, татары тотчасъ же ушли. Съ іюня 1517 года шли въ Москвѣ мирные переговоры, но 12 ноября были прерваны и началась новая война. Въ это же время напали и татары, въ битвѣ съ которыми Острожскій въ первый разъ потерпѣлъ пораженіе Положеніе Литвы ухудшилось еще тѣмъ, что у ней оказался, кромѣ Москвы и татаръ, еще 3-й врагъ,—великій магистръ Ливонскаго ордена. Только энергія короля Сигизмунда и талантливость Острожскаго могли остановить успѣхи Москвы. Успѣшные походы Острожскаго и напряженіе почти всѣхъ наличныхъ силъ страны, заставили московское правительство желать мира, который и былъ вскорѣ заключенъ на довольно выгодныхъ для Литвы и Польши условіяхъ.

Съ этого времени Константинъ Ивановичъ посвятилъ себя исключительно хозяйственной дѣятельности, которая вообще играла значительную роль въ его жизни. Всѣ свободныя деньги онъ употреблялъ на расширеніе своихъ владѣній путемъ прикупки. Понятно, что громадныя земельныя владѣнія Острожскаго, вмѣстѣ съ многочисленными королевскими «наданьями», требовали большого труда и хлопотъ по управленію ими. Въ отношеніяхъ Острожскаго къ своимъ подданнымъ князь является въ самомъ лучшемъ свѣтѣ: онъ освобождалъ ихъ отъ королевскихъ податей, строилъ имъ церкви, не давалъ ихъ въ обиду сосѣднимъ панамъ. Такая мягкость и миролюбіе снискали Константину Ивановичу общее расположеніе и высоко поднимали его престижъ среди православнаго русскаго населенія. Даже подданные другихъ богатыхъ вельможъ бѣжали во владѣнія Острожскаго и добровольно не соглашались возвращаться отъ него къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ 1518 году умерла бабка жены Острожскаго, Марія Равенская, и все ея состояніе, за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ перешло къ Константину Ивановичу, который около этого времени былъ назначенъ на урядъ воеводы Трокскаго и перваго свѣтскаго вельможи Литвы. Въ началѣ іюля 1522 года умерла первая жена князя Константина Ивановича, княгиня Татьяна Семеновна, рожденная Гольшанская, оставивъ ему малолѣтняго сына Илью. Въ томъ же году Острожскій вступилъ во второй бракъ, отъ котораго у него родился второй сынъ, извѣстный Василій-Константинъ Константиновичъ. На этотъ разъ выборъ его палъ на представительницу славнѣйшаго и богатѣйшаго западно-русскаго рода — Олькевичей-Слуцкихъ— княжну Александру Семеновну. Съ этого времени свою общественную дѣятельность онъ направляетъ, главнымъ образомъ, на пользу церкви и очень рѣдко выступаетъ въ качествѣ полководца.

Возвышеніе князя Острожскаго, бывшее отчасти слѣдствіемъ усиленія русской партіи, не могло не сопровождаться постепеннымъ усиленіемъ православнаго элемента и православной церкви въ Литвѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Константинъ Ивановичъ, будучи вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ своей церкви и всегда ограждая интересы православія и русской народности, имѣлъ такихъ друзей и сотрудниковъ, какъ королева польская и великая княгиня литовская Елена Ивановна, митрополитъ Іосифъ Солтанъ и Александръ Ходкевичъ. Цѣлый рядъ «наданій», ходатайствъ въ пользу церквей и монастырей, труды въ пользу внутренняго распорядка жизни церковной и внѣшне-юридическаго ея положенія сосредоточиваютъ въ личности Острожскаго всѣ интересы

того времени, всѣ симпатичныя стороны тогдашняго православнаго общества и его членовъ. Важнѣйшія перемѣны въ церкви связывались съ его именемъ, милости къ православнымъ, по заявленію самого короля, дѣлались ради Константина Ивановича, который, разсчитывая на благосклонность короля и его расположеніе къ нему, являлся ходатаемъ передъ правительствомъ за православную церковь. Благодаря его хлопотамъ, просьбамъ, ходатайствамъ было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви въ Литвѣ, до него находившейся въ весьма неопредѣленномъ положеніи. При его содѣйствіи были приняты и отчасти осуществлены мѣры къ поднятію нравственнаго и духовнаго уровня православной массы, тѣмъ болѣе, что католичество, не имѣвшее тогда рьяныхъ дѣятелей, относилось къ православію равнодушно. Благодаря ему же было опредѣлено положеніе епископовъ и соборянъ и много сдѣлано по устроенію патронатства—спорнаго вопроса между епископами и панами изъ за вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла. Дружба Константина Ивановича съ митрополитами, епископами и православными благочестивыми панами много содѣйствовала поднятію матеріальнаго благосостоянія церкви.

Но если главную долю своего вліянія Константинъ Ивановичъ употреблялъ на пользу церкви, то все-таки онъ не забывалъ и другихъ интересовъ русскаго населенія въ Литвѣ. Какъ носитель коренныхъ принциповъ и историческихъ традицій русской народности, Острожскій сдѣлался центромъ, вокругъ котораго дружно группировались всѣ лучшіе русскіе люди Бѣлоруссіи и Волыни: кн. Вишневецкіе, Сангушки, Дубровицкіе, Мстиславскій, Дашковы, Солтаны и др. Сознавая важную роль матеріальнаго благосостоянія, Константинъ Ивановичъ выхлопоталъ у короля много земель русскимъ людямъ, а подчасъ и самъ раздавалъ имъ угодья.

О личной жизни Острожскаго извѣстія очень скудны. Насколько можно судить о частной жизни Константина Ивановича по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, она отличалась удивительной скромностью; «свѣтлицы» съ деревянными и некрашенными полами, изразцовыя печи, окна, «глиняные усы», иногда «напировыя» и «полотняныя, насмоливанныя» лавки—вотъ и все внутреннее убранство дома могущественнѣйшаго и богатѣйшаго вельможи въ Литвѣ. Есть данныя предполагать, что и частная жизнь князя Острожскаго вполнѣ соотвѣтствовала обстановкѣ его дома.

И самое послѣднее дѣло Константина Ивановича было направлено на пользу родного русскаго народа: пользуясь расположеніемъ короля, онъ выпросилъ у него освобожденіе Луцка, въ виду татарскаго опустошенія, на 10 лѣтъ отъ платы господарскихъ податей и на 5 лѣтъ отъ платы старостинскихъ. Неизвѣстно точно, какое участіе князь Острожскій принималъ въ составленіи и изданіи Литовскаго Статута, но онъ радостно привѣтствовалъ это событіе. Умеръ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій уже въ преклонномъ возрастѣ и былъ погребенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и понынѣ сохранилась его гробница.

А. Ярушевичъ—„Ревнитель православія. князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и православная литовская Русь въ его время" (Смоленскъ, 1897); Документы фамильнаго архива Острожскихъ печатаются подъ заглавіемъ: „Archiwum ksiaząt Lubartowiczòw-Sanguszków w Sawucie" (Львовъ, I—III, 1887—90); Niesiecki: „Herbarz Polski (Lipsk. 1841, VII); Акты западной Россіи. т. II—IV; Акты южной и западной Россіи, т. I—II; Архивъ юго-западной Россіи, т. II—IV; Стрыйковскій, Kronika, II; Stelebski: „Dwa welkie swiatha na hòryzoncie Polskiem, 1782, t. II; Карамзинъ—(изд. Эйнерлинга), VII; Соловьевъ—(изд. Товарищества Общественная польза), т. II; Сказанія Курбскаго—(изд. 2-е Спб. 1842); Герберштейнъ—„Записки о Московіи" II; Максимовичъ—Сочиненія, томъ I; Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (рефератъ г. Романовскаго), Кіевъ, 1878; Памятники, изд. временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1859, т. IV, стр. 89—90; Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1875 №№ 15 и 18: Древняя и новая Россія, 1879, III. 366—68; Труды Кіевской Духовной Академіи, 1877, № 10; Шараневичъ—„О первыхъ князьяхъ Острожскихъ" („Галичанинъ", сборникъ 1863, стр. 226); Зубрицкій—„Исторія Галицко-русскаго княжества" Львовъ, 1852, 1; Кояловичъ—„Чтенія по исторіи Зап. Россіи (изд. IV, Спб. 1884,); Stebelski — Zywoty J. S. Eufrozyny Paraskewy z genealogią ks. O. (Вильно, 1781—83).

Е. Лихачъ.

Острожскій, князь *Константинъ* (*Василій*) *Константиновичъ*, —сынъ князя Константина Ивановича, воевода кіевскій, защитникъ православія въ Западной Руси; родился въ 1526 году, умеръ 13 февраля

1608 года. Князь Константинъ Константиновичъ, названный при крещеніи Василіемъ (Константиномъ его называли по имени отца), остался по смерти отца малолѣтнимъ и былъ воспитанъ своей матерью, второй женой князя Константина Ивановича, княгиней Александрой Семеновной, рожденной княжной Слуцкой. Дѣтство и ранніе юношескіе годы онъ провелъ въ наслѣдственномъ городѣ своей матери Туровѣ, гдѣ, подъ руководствомъ наиболѣе ученыхъ и опытныхъ учителей того времени, получилъ очень тщательное воспитаніе въ православномъ русскомъ духѣ. Достигши совершеннолѣтія, князь Константинъ Константиновичъ женился на дочери богатаго и знатнаго галицкаго магната графа Тарновскаго — Софіи, и началъ вести обычный образъ жизни богатыхъ западно-русскихъ пановъ. Общественная и государственная дѣятельность, повидимому, очень мало интересовала его въ этотъ періодъ жизни. Однако и теперь ему уже пришлось столкнуться съ іезуитскимъ вліяніемъ, съ которымъ впослѣдствіи князь Константинъ Константиновичъ энергично боролся до конца своей жизни. Іезуиты съумѣли вторгнуться въ его семейную жизнь, и старались привлечь на свою сторону представителей вліятельнаго дома князей Острожскихъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе съ ихъ помощью заняться пропагандой католицизма среди западно-русскаго православнаго населенія. Іезуиты успѣли склонить на свою сторону невѣстку князя Константина Константиновича, княгиню Беату, и съ ея помощью думали склонить къ переходу въ католицизмъ и ея дочь Елизавету. Острожскій вступился за свою любимую племянницу и успѣлъ выдать ее замужъ за православнаго князя Димитрія Сангушко. Благодаря интригамъ Беаты и іезуитовъ, Сангушко былъ осужденъ и бѣжалъ въ Чехію, но по дорогѣ былъ убитъ, а Елизавета возвращена въ Польшу и насильно выдана замужъ за поляка и ревностнаго католика графа Гурка. Острожскій силой вступился за права племянницы, вступилъ въ борьбу съ іезуитами и Гуркой, но Елизавета, не выдержавъ тяжелаго положенія и травли іезуитовъ, сошла съ ума. Острожскій взялъ ее къ себѣ въ Острогъ, гдѣ несчастная и жила до самой своей смерти. Разумѣется, этотъ случай сильно вооружилъ князя противъ іезуитовъ и навсегда сдѣлалъ его непримиримымъ врагомъ этого ордена.

Между тѣмъ, въ Западной Руси для православныхъ наступили очень трудныя времена. Русское населеніе, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ польской цивилизаціи, уже со времени соединенія Литвы и Польши все болѣе подпадало вліянію западно-европейскихъ формъ польской культуры и цивилизаціи. Вліяніе польской культуры сказалось и на вѣрованіяхъ русскаго населенія. Западно-русскіе магнаты ранѣе прочихъ начали мѣнять вѣру своихъ отцовъ и принимать католицизмъ; за ними послѣдовали многіе фамиліи изъ средняго класса и только крестьяне крѣпко держались православія, несмотря на всѣ притѣсненія и угнетенія со стороны своихъ помѣщиковъ-католиковъ. Быстрому окатоличенію русскаго населенія не мало способствовала и Люблинская унія 1569 года, еще тѣснѣе соединившая Польшу и литовско-русское государство и давшая полную возможность полякамъ съ большимъ успѣхомъ распространять католицизмъ среди православнаго русскаго населенія. Напрасно князь Острожскій съ немногими другими западно-русскими вельможами, желавшими отстоять политическую и религіозную самостоятельность западно-русскаго народа, боролись противъ введенія этой уніи: ихъ было слишкомъ мало, и они должны были примириться съ совершившимся фактомъ. Значительно помогли дѣлу окатоличенія русскихъ и іезуиты, призванные въ Польшу для борьбы съ проникавшимъ съ Запада протестантизмомъ, но обратившіеся и противъ православія. Они начали проникать въ семьи наиболѣе вліятельныхъ знатныхъ магнатовъ и склонять ихъ на свою сторону, понемногу забирали въ свои руки образованіе юношества, учреждали свои коллегіи и училища и пр., и быстро, при помощи польскаго правительства, пріобрѣтали все большее вліяніе на ходъ общественной жизни въ Польшѣ и Литвѣ. Западно-русское духовенство и православное населеніе не могло успѣшно бороться съ этимъ организованнымъ и не стѣсняющимся въ средствахъ обществомъ монаховъ. Само духовенство было необразовано, представители высшей іерархіи, происходившіе большею частью изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій нерѣдко смотрѣли на свой санъ.

ікъ на выгодное и доходное мѣсто, и завидовали той роскоши и великолѣпію, которыми окружали себя католическіе епископы. Корыстолюбіе, распущенность нравовъ господствовали среди православнаго духовенства. Масса православнаго населенія находила поддержки среди своихъ духовныхъ пастырей. Католическая пропаганда на такой благопріятной почвѣ широко развивалась среди православнаго западно-русскаго населенія, захватывая не только высшіе западно-русскіе классы, но и распространяясь среди средняго и низшаго сословія.

Выступивъ на арену общественной дѣятельности въ такое трудное для православія и русской народности время, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, съ дѣтства воспитанный на русскихъ православныхъ началахъ, не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ этихъ событій. Условія, въ которыхъ онъ находился, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали его дѣятельности. Отъ своихъ предковъ онъ получилъ кромѣ знатнаго имени, громадныя богатства: въ его владѣніи находилось 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній, доходъ съ которыхъ достигалъ колоссальной по тому времени цифры 1.200.000 злотыхъ въ годъ. Его выдающееся положеніе въ западно-русскомъ обществѣ, вліяніе при дворѣ и высокое сенаторское званіе придавали его личности большую силу и вліяніе. Равнодушный къ дѣламъ церкви и своего народа въ началѣ своей дѣятельности, Острожскій въ 70-хъ годахъ начинаетъ уже ближе интересоваться этими важными вопросами. Его замокъ дѣлается открытымъ для всѣхъ ревнителей православія, для всѣхъ тѣхъ, кто искалъ заступничества отъ польскихъ пановъ и католическихъ монаховъ. Хорошо понимая, въ чемъ заключались язвы современной ему западно-русской жизни, онъ при своемъ умѣ легко нашелъ и выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя была поставлена западно-русская православная церковь. Острожскій понималъ, что только развитіемъ просвѣщенія среди массы западно-русскаго населенія и поднятіемъ нравственнаго и образовательнаго уровня православнаго духовенства, можно достичь нѣкоторыхъ успѣховъ въ борьбѣ съ организованной пропагандой іезуитовъ и католическихъ ксендзовъ. «Мы охладѣли къ вѣрѣ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, «а наши пастыри не могутъ насъ ничему научить, не могутъ постоять за Божью церковь. Нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ Божья слова». Ближайшимъ средствомъ для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія среди западно-русскаго населенія было изданіе книгъ и учрежденіе школъ. Эти средства давно уже съ большимъ успѣхомъ примѣняли іезуиты въ цѣляхъ своей пропаганды; не отказался отъ этихъ средствъ и князь Острожскій. Самою настоятельною потребностію для православнаго западно-русскаго населенія было изданіе Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. За это дѣло прежде всего и принялся Острожскій. Нужно было начать съ устройства типографіи. Острожскій не жалѣлъ для этого ни денегъ, ни силъ. Онъ выписалъ шрифтъ и привлекъ къ себѣ изъ Львова извѣстнаго печатника, работавшаго ранѣе въ Москвѣ, Ивана Ѳедорова и всѣхъ его сотрудниковъ. Для того, чтобы изданіе библіи было болѣе исправно, Острожскій отовсюду выписывалъ рукописные списки книгъ Священнаго писанія. Главный списокъ онъ досталъ изъ Москвы, изъ библіотеки царя Ивана Васильевича Грознаго, при посредствѣ польскаго посла Гарабурды; доставалъ Острожскій списки и изъ другихъ мѣстъ: отъ константинопольскаго патріарха Іеремія, съ Крита, изъ сербскихъ, болгарскихъ, и греческихъ монастырей, завелъ даже сношенія по этому поводу съ Римомъ и досталъ «много и иныхъ библій, различныхъ письменъ и языковъ». Кромѣ того, въ его распоряженіи было и первое изданіе Библіи на русскомъ языкѣ, напечатанное въ чешской Прагѣ докторомъ Франциском Скориною. По просьбѣ Острожскаго, патріархъ Іеремія и нѣкоторые другіе видные церковные дѣятели прислали ему и людей, «наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ, эллинскихъ и словенскихъ». Пользуясь указаніями и совѣтами всѣхъ этихъ знающихъ людей, Острожскій началъ разбирать весь присланный матерьялъ. Скоро однако изслѣдователи были поставлены въ затруднительное положеніе, такъ какъ почти всѣ присланные Острожскому списки имѣли погрѣшности, неточности и разночтенія, вслѣдствіе чего нельзя было остановиться на какомъ либо спискѣ, взявъ его за основной текстъ. Острожскій рѣшилъ послѣдовать совѣту своего друга, извѣстнаго князя Андрея Курбскаго, жив-

шаго въ то время на Волыни, и печатать Библію «на церковно-славянскомъ языкѣ» не съ перепорченныхъ книгъ жидовскихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ». Послѣ долгой и трудной работы, въ 1580 году, наконецъ, появились «псалтырь и Новый Завѣтъ» съ алфавитнымъ указателемъ къ послѣднему, «скорѣйшаго ради обрѣтенія вещей нужнѣйшихъ». Изданіе это, распространившееся въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, удовлетворяло потребностямъ православныхъ церквей и частныхъ обывателей. Это изданіе Библіи послужило образцомъ и для московскаго изданія, вышедшаго значительно позднѣе.

Но дѣятельность типографіи Острожскаго на этомъ не остановилась. Нужно было бороться съ католическимъ вліяніемъ, все болѣе усиливавшимся въ Западной Руси. Острожскій для этой цѣли началъ издавать рядъ книгъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для поднятія просвѣщенія и борьбы съ латинствомъ. Изъ богослужебныхъ книгъ имъ изданы часословъ (1598 г.), требникъ и молитвословъ (1606 г.). Для борьбы съ латинствомъ и католической пропагандой имъ изданы: посланіе патріарха Іереміи въ Вильну ко всѣмъ христіанамъ, къ князю Острожскому, къ кіев скому митрополиту Онисифору (1584 г.), сочиненіе Смотрицкаго «Календарь римски новы» (1587 г.), книга свящ. Василія «о вѣрѣ единой», направленная противъ іезуита Петра Скарги, написавшаго книгу о соединеніи церквей подъ властью римскаго папы (1588 г.). «Исповѣданіе о схожденіи св. Духа», сочиненіе Максима Грека (1588 г.) посланія патріарха Мелетія (1598 г.), его же «Діалогъ противу схизматиковъ». Въ 1597 г. въ Острожской типографіи былъ изданъ «Апокризисъ», въ отвѣтъ на книгу уніатовъ, написанную въ защиту правильности дѣйствій Брестскаго собора. Кромѣ того, изъ Острога вышли слѣдующія книги: книга Василія Великаго о постничествѣ (1594 г.), «Маргаритъ» Іоанна Златоустаго (1596 г.), «Вирши» на отступниковъ, Мелетія Смотрицкаго (1598 г.). «Азбука» съ краткимъ словаремъ и православнымъ Катихизисомъ, Лаврентія Зизанія и др.. Въ концѣ своей жизни князь Острожскій выдѣлилъ часть своей типографіи и перевелъ ее въ принадлежавшій ему Дерманскій монастырь, гдѣ во главѣ печатнаго дѣла сталъ ученый и умный священникъ Демьянъ Наливайко. Здѣсь были напечатаны и изданы: Богослужебный Октоихъ (1603 г.), полемическій листъ патріарха Мелетія къ епископу Ипатію Поцѣю по поводу введенія уніи (1605 г.) и др. Дерманскія изданія отличались той особенностью, что они печатались на двухъ языкахъ: литовско-русскомъ и церковно-славянскомъ, что, разумѣется, только способствовало ихъ бóльшему распространенію среди массы западно-русскаго населенія. Уже передъ самой своей смертью Острожскій основалъ третью типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ, куда отправилъ часть шрифта и типографскихъ принадлежностей. Эта типографія, результатовъ дѣятельности которой князю Острожскому увидѣть не пришлось, послужила основаніемъ для знаменитой впослѣдствіи кіево-печерской типографіи, бывшей въ XVII вѣкѣ главной поддержкой православія въ юго-западной Руси.

Но основывая типографіи и печатая въ нихъ книги, Острожскій хорошо понималъ, что дѣло просвѣщенія народа этимъ еще далеко не исчерпывается. Онъ сознавалъ необходимость просвѣщенія духовенства, необходимость созданія духовной школы для подготовки священниковъ и духовныхъ учителей, невѣжество и неподготовленность которыхъ ему были ясны. «Не отъ чего иного размножилося между людьми так(ъ) лѣнивство и отступленіе отъ вѣры, писалъ Острожскій въ одномъ изъ своихъ посланій, яко отъ того ижъ устали учители, устали проповѣдатели слова Божого, устали науки, устали казанья, а за тымъ наступило обнищанье и уменьшенье хвалы Божое въ церкви Его, наступилъ голодъ слуханья слова Божого, наступило отступленіе отъ вѣры и закону». Уже съ самаго начала своей дѣятельности Острожскій началъ въ подчиненныхъ ему городахъ и монастыряхъ устраивать школы: такъ, отдавая въ 1572 году принадлежавшую ему землю въ Туровѣ Димитрію Митуричу, князь Константинъ Константиновичъ поставилъ условіемъ «школу тамъ держати». При матеріальной и нравственной поддержкѣ Острожскаго, основывались и другія школы въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Руси; княземъ Константиномъ Константиновичемъ поддерживались, кромѣ того, братскія школы, сыгравшія не малую роль въ борьбѣ съ католицизмомъ. Но главнымъ дѣломъ Острожскаго въ это

время было основаніе извѣстной Академіи въ городѣ Острогѣ, изъ которой вышло много замѣчательныхъ дѣятелей на нивѣ православія конца XVI и первой половины XVII вѣка. Подробныхъ свѣдѣній объ учрежденіи и характерѣ этого учебнаго заведенія мы не имѣемъ. Тѣ немногія данныя, которыя дошли до насъ, даютъ, однако, возможность нѣсколько опредѣлить, хотя и въ общихъ чертахъ, ея организацію. Эта школа, безъ сомнѣнія носившая характеръ высшей, была устроена по образцу западно-европейскихъ іезуитскихъ коллегій, и преподаваніе въ ней носило характеръ подготовки къ борьбѣ съ католичествомъ и іезуитами. Учителями въ ней были преимущественно греки, которыхъ Острожскій приглашалъ изъ Константинополя, по большей части изъ лицъ, приближенныхъ къ патріарху. «И на первый, читаемъ мы въ одной изъ современныхъ рукописей, старался у святѣйшаго патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ по размноженью наукъ вѣрѣ православной послалъ, а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и положенья ихъ на то не жалуетъ». Первымъ ректоромъ новой школы былъ ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, человѣкъ европейски образованный, бывшій впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ. Въ школѣ учили чтенію, письму, пѣнію, русскому, латинскому и греческому языкамъ, діалектикѣ, грамматикѣ и риторикѣ; наиболѣе способные изъ окончившихъ школу отправлялись для усовершенствованія, на счетъ Острожскаго, въ Константинополь, въ высшую патріаршую школу. При школѣ находилась и богатая библіотека. Несмотря на то, что основаніе школы относится лишь къ 1580 году, въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка изъ ея воспитанниковъ и учителей составился обширный ученый кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ Острога и князя Константина Константиновича и одушевленный одной мыслью—бороться съ полонизмомъ и католицизмомъ за русскую народность и православную вѣру. Къ этому кружку принадлежали всѣ наиболѣе выдающіеся дѣятели Западной Руси: Герасимъ и Мелетій Смотрицкіе, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, священникъ Демьянъ Налшвайко, Стефанъ Зизаній, Іовъ Борецкій и многіе другіе. Значеніе этой школы было велико. Кромѣ значительнаго нравственнаго вліянія на западно-русское общество, кромѣ того, что изъ нея вышли главнѣйшіе борцы за православную русскую идею въ юго-западной Руси, она важна тѣмъ, что была единственнымъ въ то время высшимъ православнымъ училищемъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ борьбу съ уніей и іезуитской пропагандой. Понимали важность ея и іезуиты. Извѣстный Поссевинъ съ тревогой сообщалъ въ Римъ, что изъ этой школы питается «русскій расколъ».

Приходилось князю Острожскому принимать и прямое участіе въ дѣлахъ западно-русской православной церкви. Видя одно изъ главныхъ средствъ для борьбы съ католической пропагандой въ монашествѣ, Острожскій старался поднять его значеніе, устранить неустройства въ жизни монастырей, усилить ихъ нравственную силу и вліяніе. Въ подчиненныхъ монастыряхъ князь Константинъ Константиновичъ заводилъ школы, привлекалъ въ нихъ образованныхъ монаховъ, ставилъ ученыхъ настоятелей. Для другихъ православныхъ монастырей Юго-западной Руси онъ печаталъ книги въ своихъ типографіяхъ, помогалъ имъ деньгами и «надаіями». Для того, чтобы побудить западно-русское монашество измѣнить праздный и распущенный образъ жизни, онъ напечаталъ въ своей Острожской типографіи книгу святого Василія Великаго о монашествѣ, вводилъ новый уставъ въ подчиненныхъ ему монастыряхъ, откуда малопо-малу этотъ болѣе строгій и соотвѣтствующій идеаламъ монашества уставъ началъ переходить и въ другіе монастыри Западной Руси.

Сознавая важное значеніе братствъ въ жизни православной церкви, Константинъ Острожскій всѣми силами содѣйствовалъ ихъ процвѣтанію. Пользуясь своимъ вліяніемъ при польскомъ дворѣ и у константинопольскаго патріарха, онъ легко доставалъ для нихъ всевозможныя привилегіи, давалъ наставниковъ въ ихъ школы, доставлялъ шрифтъ въ ихъ типографіи, помогалъ имъ нравственно и матерьяльно. Особенно близкія отношенія были у князя Константина Константиновича со Львовскимъ православнымъ братствомъ, которому Острожскій довѣрилъ и воспитаніе своего сына.

Извѣстны старанія Константина Острожскаго и въ дѣлѣ устроенія высшей іерархіи западно-русской церкви. Главнымъ образомъ нужно было измѣнить личный составъ іерархіи, въ которомъ нерѣдко были люди

порочные. Острожскій, пользуясь громаднымъ вліяніемъ при дворѣ, въ 1592 году выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда III право на патронатъ въ западно-русской православной церкви, что давало ему возможность самостоятельно избирать достойныхъ пастырей церкви, которые могли бы съ успѣхомъ нести служеніе и помогать Острожскому въ его нелегкой борьбѣ.

Между тѣмъ, пока всѣ эти реформы проводились въ жизнь, западно-русской церкви начала угрожать новая опасность въ формѣ уніи, съ которой Острожскому пришлось вынести также серьезную борьбу. Лично Константинъ Константиновичъ сначала былъ даже не прочь отъ уніи, но лишь при условіи, чтобы она была провозглашена вселенскимъ соборомъ, съ согласія и одобренія восточныхъ патріарховъ. Между тѣмъ нѣкоторые епископы, во главѣ съ Ипатіемъ Поцѣемъ, думали рѣшить дѣло домашнимъ способомъ, не спрашиваясь у патріарховъ, прямо по соглашенію съ римскимъ папой. Завязавшіяся по этому поводу сношенія между Острожскимъ и партіей уніатовъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Скоро отношенія обострились настолько, что, какъ было ясно для іезуитовъ, соглашенія быть не могло, и католическая партія рѣшила проводить унію помимо Острожскаго.

Главные дѣятели уніи—епископы Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій—успѣли склонить на свою сторону нерѣшительнаго кіевскаго митрополита Михаила Рагозу и добиться отъ него разрѣшенія созвать въ 1594 году соборъ въ Брестѣ для разсужденія объ уніи и связанныхъ съ нею вопросахъ. Къ собору сталъ готовиться и Острожскій съ православной партіей. Повидимому, то, что подготовлялъ князь Константинъ Константиновичъ для собора, было слишкомъ опаснымъ для уніатской партіи, и король Сигизмундъ III, ревностный католикъ и большой поклонникъ іезуитовъ, по наущенію католиковъ, декретомъ запретилъ соборъ, явно не желая допустить вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви. Между тѣмъ, князю Константину Константиновичу мало-по-малу пришлось стать съ королемъ и правительствомъ, явно покровительствовавшими католическимъ тенденціямъ іезуитовъ, въ очень натянутыя отношенія. Острожскій сталъ искать союзниковъ русской православной партіи даже среди протестантовъ, притѣсняемыхъ іезуитами и реакціоннымъ польскимъ правительствомъ не менѣе православныхъ. Острожскій предполагалъ даже, что окажется необходимымъ защищать свою вѣру съ оружіемъ въ рукахъ. «Его королевское величество», писалъ князь Константинъ Константиновичъ вождямъ протестантскаго движенія, «не захочетъ допустить нападенія на насъ, потому что у насъ самихъ можетъ явиться двадцать тысячъ вооруженныхъ людей, а папежники могутъ превзойти насъ развѣ числомъ тѣхъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держатъ у себя вмѣсто женъ». Общее сочувствіе западно-русскаго населенія къ Острожскому и его партіи и ненависть къ католичеству и іезуитамъ росло съ каждымъ днемъ, и іезуиты рѣшили ускорить дѣло. Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, были съ почетомъ приняты папой Клементомъ VIII, и отъ лица западно-русскихъ іерарховъ предложили подчиненіе западно-русской церкви. Острожскій, услышавъ объ этомъ событіи, разумѣется, отнесся къ нему съ негодованіемъ и выпустилъ свое первое посланіе къ русскому народу, въ которомъ увѣщевалъ западно-русскихъ людей не поддаваться на уловки іезуитовъ и папистовъ и всѣми силами противодѣйствовать введенію уніи. Посланія Острожскаго имѣли большое вліяніе на населеніе. Первыми поднялись казаки подъ начальствомъ Наливайки и начали громить имѣнія епископовъ, сочувствовавшихъ уніи, и западно-русскихъ пановъ, перешедшихъ въ католичество. Іезуиты видѣли, что ихъ дѣло, вслѣдствіе сопротивленія Острожскаго и его партіи, можетъ погибнуть и рѣшили по возможности скорѣе покончить его. На 6 октября 1596 года въ Брестѣ былъ назначенъ соборъ для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи. Острожскій немедленно далъ знать объ этомъ Александрійскому и Константинопольскому патріархамъ; тѣ прислали своихъ намѣстниковъ, съ которыми Острожскій и явился къ сроку въ Брестъ. Въ Брестѣ однако Острожскій уже нашелъ сторонниковъ уніи, которые, не ожидая православной партіи, начали соборъ и быстро подъ руководствомъ іезуита Петра Скарги рѣшили унію съ католичествомъ. 6 октября 1596 года начали соборъ и православные архіереи, подъ предсѣдательствомъ экзарха Константинополь-

скаго патріарха Никифора и при дѣятельномъ участіи Острожскаго. Православный соборъ послалъ звать и уніатовъ, но тѣ отказались. Тогда православные епископы обвинили ихъ въ отступничествѣ и произнесли надъ ними отлученіе, отправивъ этотъ приговоръ митрополиту, предсѣдательствовавшему на уніатскомъ соборѣ. По интригамъ іезуитовъ, королевскіе послы, также присутствовавшіе на уніатскомъ соборѣ, рѣшили примѣнить репрессію къ православнымъ и обвинили патріаршаго намѣстника Никифора въ томъ, что онъ турецкій шпіонъ. Обѣ стороны, разумѣется, начали жаловаться королю, но Сигизмундъ III принялъ сторону уніатовъ. Никифоръ былъ осужденъ на заточеніе, а на Острожскаго посыпались новыя обвиненія и нападки. Его обвиняли въ томъ, что онъ не укрѣпляетъ ввѣренныхъ ему областей противъ возможнаго нашествія татаръ, требовали отъ него уплаты подымнаго сбора, котораго насчитали 40.000 копъ грошей. Однако Острожскій не рѣшался на рѣзкія дѣйствія противъ польскаго правительства, несмотря на то, что моментъ былъ очень благопріятенъ, и русское населеніе, до крайности возбужденное уніей и уже давно недовольное притѣсненіями польскихъ пановъ, легко бы поднялось на защиту своей вѣры и своей народности. Дальше личныхъ объясненій съ королемъ князь Острожскій не шелъ и даже сдерживалъ православную партію, осуждая вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе казаковъ Наливайки. Посылая въ 1600 году Львовскому братству декретъ польскаго сейма противъ православныхъ, Острожскій писалъ братчикамъ: «Посылаю вамъ декретъ послѣдняго сейма, противный народному праву и святой правдѣ, и даю вамъ не иной какой совѣтъ, какъ только, чтобы вы были терпѣливы и ожидали Божья милосердія, пока Богъ, по Своей благости, не склонилъ сердца его королевскаго величества къ тому, чтобы никого не оскорблять и каждаго оставить при правахъ своихъ». Только въ своей Острожской типографіи князь Константинъ Константиновичъ до конца жизни велъ борьбу съ уніей и католичествомъ, печатая воззванія и книги противъ католиковъ и уніатовъ и поддерживая такимъ образомъ православное западно-русское населеніе въ тяжелой борьбѣ за свою вѣру. Умеръ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій въ глубокой старости, 13 февраля 1608 года и былъ погребенъ въ Острогѣ въ Замковой Богоявленской церкви. Изъ его дѣтей только одинъ,—князь Александръ, былъ православнымъ, другіе же два сына—князья Константинъ и Иванъ—и дочь—княжна Анна приняли католичество. Въ скоромъ времени перешли въ руки католиковъ и его типографія и училище, а въ 1636 году его внучка Анна Алоизія, явившись въ Острогъ, приказала вынуть кости князя изъ гробницы, вымыть ихъ, освятить по католическому обряду и перенести въ свой городъ Ярославль, гдѣ положила ихъ въ католической часовнѣ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, несмотря на такой, повидимому, неуспѣхъ своей дѣятельности, оказалъ однако громадныя услуги дѣлу русской народности въ западной Руси. По словамъ современниковъ, онъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировалась вся русская православная партія въ западной Руси. Своей типографіей и школой онъ оказалъ значительную нравственную и культурную поддержку православію въ борьбѣ съ католицизмомъ, а своимъ вліяніемъ и богатствомъ былъ полезенъ ему какъ крупная матеріальная сила. Умный и способный отъ природы, Острожскій понималъ важность для западной Руси переживаемыхъ моментовъ и напрягалъ всѣ силы для борьбы съ западно-европейской культурой, готовившейся, при помощи такого усовершенствованнаго аппарата, какъ іезуитскій орденъ, поглотить западно-русскую народность. Острожскій отрѣшился даже отъ личной карьеры: его рѣдко можно было встрѣтить при дворѣ, рѣдко онъ участвовалъ и въ походахъ, гдѣ легче всего было выдвинуться въ то время. Только въ 1579 году, въ угоду королю Стефану Баторію, онъ предпринялъ походъ на Сѣверскую область и этимъ закончилась его военная дѣятельность. Все же свое вліяніе и всѣ свои силы онъ направлялъ на защиту православія, которое въ значительной мѣрѣ обязано ему тѣмъ, что выдержало многовѣковую борьбу съ католичествомъ и католическимъ польскимъ правительствомъ.

Акты Западной Россіи т. III и IV; Акты Южной и Западной Россіи т. I—II; Archiwum książąt Lubortowiczów-Sanguszków w Słowucie, t. t. I—III; Danilowicz, „Skarbiec dyplomatów" t. t. I—II (Wilno 1860—62); Архивъ Юго-Западной Россіи, т. II—IV; Monu-

menta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, t. I, p. I—II. (Leopoli, 1895); Сборникъ Муханова (по указателю); Памятники, изданные временной коммисіей для разбора древнихъ актовъ, т. IV (Кіевъ 1859); Stebelski, Przydatek do Chronologjy, t. III (Wilno 1783); Кулишъ, „Матерьялы для исторіи возсоединенія Руси", т. I—II; Каратаевъ, „Описаніе славяно-русскихъ книгъ" т. I (Спб. 1883): „Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни" подъ ред. Иванишева (1849 г.); Сказанія князя Курбскаго (изд. 2-ое, Спб. 1842); Русская Историческая Библіотека, т. IV, VII, XIII; Scriptores rerum polonicarum, t. t. I—III; (Kraków 1872–1875); Сахаровъ. „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи" (1849 г.); Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни (изд. техн.-строит. отд. Волын. Губ. Правл.), вып. I—II (1862 и 1872 гг.); Сопиковъ. „Опытъ Россійской библіографіи" ч. I, №№ 69. 109. 193, 435, 464, 670, 750, 752, 987, 1.447; „Лѣтопись Грабянки; Батюшковъ, „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ (8 т. т. 1868–1885, по указателямъ); Stebelski. „Żywoty S. S. Eufrozyny i Paraskiewy z genealogia ksiażąt Ostrogskich"; Лебединцевъ. „Матеріалы для исторіи Кіевской митрополіи" („Кіевск. Епарх. Вѣдом." за 1873 г.); Boniecki. „Poczet rodów w Koronie i W. Ks. Litewskim XVI wieku" (Warsz. 1887); Wolff. „Kniaziowie Litewsko-Ruscy" (Warsz. 1895): Макарій, „Исторія русской церкви", т. VII, VIII и IX; Narbutt, „Dzieje narodu polskiego" t. t. IX—X; Дашковичъ, „Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ" („Кіевск. Унив. Извѣстія" 1884, X—XII); Кояловичъ, „Литовская Церковная Унія" т. I.; Бантышъ-Каменскій, „Историческое извѣстіе о бывшей въ Польшѣ уніи"; Чистовичъ, „Исторія западно-русской церкви" (Спб. 1884) ч. II; „Журналъ Минист. Народ. Просв." 1849, IV; „Князь Константинъ (Василій) Острожскій" („Православный Собесѣдникъ" 1858, II — III); „Начало уніи въ юго-западной Руси" („Правосл. Собесѣдн." 1858, IV — X); Максимовичъ, „Письма о князьяхъ Острожскихъ" (Кіевъ 1866); Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", вып. II (Спб. 1874) 535 — 563; Перльштейнъ, „Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ" („Временникъ Московск. Общ. Исторіи и Древн." 1852, кн. XIV, отд. I); „Кіевлянинъ" 1840 г. кн. I; Еленевскій, „Константинъ II князь Острожскій" („Вѣстникъ Западной Россіи" 1869, VII–IX); Зубрицкій, „Начало уніи" („Чтенія Московск. Общ. Исторіи Древн. 1848, № 7); Батюшковъ, „Волынь" Спб 1888); А. Андріяшевъ, „Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій" (Кіевскій Народный Календарь" на 1881 годъ): „Труды Кіевской Духовной Академіи" 1876. №№ 3 и 4; 1877, № 10, 1886, № 1; митроп. Евгеній, „Словарь писателей духовнаго чина": Вишневскій, „Исторія литературы польской" т. VIII; митроп. Евгеній, „Описаніе Кіево-Софійскаго собора"; Петровъ, „Очеркъ исторіи православной школы на Волыни" („Труды Кіевской Духовной Акад." 1867): Лукьяновичъ, „Объ Острожской школѣ" („Волынскія Епархіальн. Вѣдомости" 1881); Харламповичъ, „Острожская православная школа" („Кіевская Старина" 1897, № 5 и 6): „Кіевская Старина" 1883, № 11, 1885, № 7, 1882, № 10; Архангельскій, „Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и 1-ой половины XVII вѣка" (1888); Селецкій, „Острожская типографія и ея изданія" (Почаевъ, 1885); Максимовичъ. „Историческія монографіи", т. III; „Труды Кіевскаго Археологическаго Съѣзда", т. II; „Древняя и Новая Россія" 1876. IX, 1879. III; Демьяновичъ, „Іезуиты въ Западной Россіи"; „Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца", т. I стр. 79—81; „Волынскія Епархіальн. Вѣдомости" 1875, № 2: Сольскій, „Острожская библія" („Труды Кіевской Духовной Академіи" 1884, VII); Левицкій,„ Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI вѣка и унія" (Кіевъ 1881); Карамзинъ, (Изд. Эйнерлинга) т. X; Соловьевъ, (изд. т-ва „Общ. Пользы", т. II и III.

Е. Лиxачъ.

Острожскій - Лохвицкій, *Иванъ Осиповичъ,* засѣдатель нижняго земскаго суда въ Новомъ Осколѣ, авторъ записокъ; родился въ 1749 году и былъ сыномъ сотника; служилъ съ 1780 по 1783 годъ, сначала секретаремъ нижняго земскаго суда въ Новомъ-Осколѣ, а затѣмъ въ курской казенной палатѣ. Далѣе, съ 1787 по 1790 г. состоялъ, по выборамъ, засѣдателемъ въ нижнемъ земскомъ судѣ въ Новомъ-Осколѣ, въ 1791 году на ту-же должность выбранъ вторично. Острожскій оставилъ послѣ себя любопытныя записки, обнимающія время съ 1771 по 1825 годъ и рисующія безыскуственно, но очень ярко тогдашній бытъ помѣщиковъ средней руки, различныхъ «дѣльцовъ» и порядки въ казенныхъ учрежденіяхъ. Записки И. О. Острожскаго-Лохвицкаго, умершаго 25-го октября 1825 года, были продолжены его сыномъ, Петромъ Ивановичемъ, до 1846 года, но эта послѣдняя часть представляетъ уже гораздо меньшій интересъ. Записки, подъ заглавіемъ «Записки Ново-Оскольскаго дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго», напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г., №№ 2, 3, 4, 5, 10, 11 и 12.

„Кіевск. Стар." 1886, № 2—5, 10—12.

Остромиръ, — въ крещеніи *Іосифъ*, четвертый, по списку, новгородскій посадникъ, заказчикъ древнѣйшей, изъ дошедшихъ до насъ, датированной кирилловской рукописи, извѣстной подъ именемъ «Остромирова евангелія». Въ 1054 г. былъ поставленъ посадникомъ въ Новгородѣ вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ, которому

приходился свойственникомъ. Въ 1055 г. Остромиръ ходилъ съ новгородцами на Чудь; по однимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, походъ этотъ кончился неудачно и самъ Остромиръ былъ убитъ, а по другимъ, подтверждающимся и записью 12 мая 1057 г. писца Остромирова Евангелія и діакона Григорія, въ которой онъ говоритъ о посадникѣ, какъ о лицѣ здравствующемъ, Остромиръ овладѣлъ чудскимъ городомъ Оссъ - Декиппвъ (Солнечная рука) и благополучно вернулся въ Новгородъ. Въ 1056 г. онъ заказалъ діакону Григорію, пріѣхавшему съ нимъ изъ Кіева, написать упомянутое евангеліе. Годъ смерти Остромира неизвѣстенъ.

Полн. собр. русск. лѣтописей (по указателю); Н. Карамзинъ, Исторія Гос. Росс., т. II; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II; Остромирово Евангеліе, изданное А. Востоковымъ. Спб. 1843 г.; П. Григоровичъ, Истор. хронолог. опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821 г.; Н. Волковъ, О не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія („Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1897, № 12). *III.*

Остромысленскій, *Евфимій Андреевичъ*, протоіерей, педагогъ и духовный писатель; родился въ 1803 году въ Орловской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія; образованіе получилъ въ орловской духовной семинаріи, и въ кіевской духовной академіи. Еще будучи студентомъ академіи, онъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе кіевской церкви св. Иліи, упоминаемой въ договорѣ великаго князя кіевскаго Игоря Святославовича съ греками 951 года, сохранившемъ въ лѣтописи преподобнаго Нестора» и былъ удостоенъ преміи графа Н. П. Румянцова. Выпущенный въ 1829 году изъ академіи, со степенью магистра, Остромысленскій занялъ мѣсто профессора орловской духовной семинаріи. Посвященный въ санъ священника къ Покровской церкви въ Орлѣ, онъ скоро былъ возведенъ въ санъ протоіерея, назначенъ настоятелемъ каѳедральнаго собора и законоучителемъ орловской гимназіи, а затѣмъ и Орловскаго кадетскаго корпуса. Оставивъ въ концѣ 1870-хъ годовъ службу при корпусѣ, Остромысленскій поселился въ своемъ хуторѣ, Орловской губерніи, гдѣ продолжалъ обширный трудъ о молоканской сектѣ, кончить который помѣшала ему смерть. Остромысленскій оставилъ довольно много сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ: «Слово къ воспитанникамъ гимназіи о свойствахъ истинной мудрости». Спб. 1841; «Архимандритъ Макарій, Алтайскій миссіонеръ», («Странникъ» 1860 г. кн. 1 и 8); «Разговоры священника съ молоканомъ» (тамъ-же 1860 г., кн. 6, 8 и 12); «Объ образованіи сельскаго простонародья», (тамъ-же 1861 г., кн. 10 и 1863 г. кн. 3,); «Воспоминанія о высокопреосвященномъ Филаретѣ, митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ» (тамъ-же 1862 г. кн. 2); «Обозрѣніе источниковъ и средствъ къ улучшенію быта сельскаго духовенства» (тамъ-же 1863 г., кн. 9 и 1864, кн. 2—4); «Привѣтъ кіевской академіи въ день пятидесятилѣтія» («Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи», Кіевъ, 1869 г.); «Молоканская секта» (вып. I. Орелъ, 1881 г.; вып. II, Москва, 1885 г.) и много другихъ статей и брошюръ, напечатанныхъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ или изданныхъ въ Москвѣ и Орлѣ. Е. А. Остромысленскій скончался 30-го марта 1887 года.

„Московскія Церковныя Вѣдомости“ 1887 г. № 25; „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1887 г. № 10; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. VII, стр. 66; „Пятидесятилѣтній юбилей кіевской духовной академіи“, Кіевъ, 1869 г. стр. 107.

Отрощенко, *Яковъ Осиповичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ. Сынъ поручика малороссійскаго казачьяго полка Отрощенко родился въ Малороссіи въ 1779 г. Систематическаго образованія не получилъ онъ никакого, а читать и писать научился дома, подъ руководствомъ отца. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ опредѣленъ отцомъ въ уѣздный судъ, но въ августѣ 1800 года перешелъ, по собственному желанію, въ военную службу рядовымъ въ 7-ой егерскій полкъ, находившійся въ Вильнѣ. Произведенный вскорѣ въ офицеры, Отрощенко въ 1803 году былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ казначеемъ. Въ кампанію 1806 года Отрощенко, только что произведенный въ штабсъ-капитаны и назначенный ротнымъ командиромъ, участвовалъ почти во всѣхъ бояхъ и за отличіе въ сраженіяхъ при Прейсишъ-Эйлау, Альтъ-Кирхенъ и др. получилъ чинъ капитана и былъ награжденъ шпагою, съ надписью «за храбрость». По окончаніи войнъ противъ Наполеона, Отрощенко со своимъ полкомъ участвовалъ въ турецкой кампа-

ніи и отличился въ осадѣ Силистріи, въ въ штурмѣ крѣпости Кюстенджи и въ другихъ дѣлахъ. Проведя первую половину 1810 года въ Петербургѣ, въ 1-омъ учебномъ баталіонѣ, Отрощенко 1-го августа того-же года былъ произведенъ въ маіоры, съ переводомъ въ 14 егерскій полкъ, и снова возвратился въ Дунайскую армію, участвовалъ опять въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками, а по заключеніи перемирія состоялъ плацъ-маіоромъ въ Бухарестѣ. Возвратившись къ своему полку, онъ вскорѣ вступилъ съ нимъ въ составъ Тормасовской арміи, перешедшей затѣмъ въ командованіе адмирала Чичагова и участвовалъ въ березинскомъ и многихъ другихъ бояхъ. Въ войнахъ 1813, 1814, и 1815 гг. Отрощенко также принималъ дѣятельное участіе, причемъ за отличіе въ сраженіи при Краонѣ былъ произведенъ въ мартѣ 1815 года въ полковники и назначенъ командиромъ 14-го егерскаго гренадерскаго полка. По возвращеніи въ Россію, Отрощенко продолжалъ командовать названнымъ полкомъ, переименованнымъ вскорѣ въ 4-ый карабинерскій. Произведенный въ 1822 въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ командиромъ 3-ей бригады 3-ей гренадерской дивизіи, а въ слѣдующемъ году командиромъ 3-ей бригады 6-ой пѣхотной дивизіи. Съ этой бригадой Отрощенко началъ походъ противъ турокъ 1828 года и участвовалъ въ осадѣ крѣпости Силистріи, въ качествѣ начальника лѣваго фланга осаждавшей Силистрію арміи. По снятіи осады Отрощенко былъ назначенъ начальникомъ авангарда и со своей бригадой остановился въ селеніи Черноводахъ, гдѣ и провелъ всю зиму, продолжая въ то же время командовать 6-ой пѣхотной дивизіей. Когда весной 1829 года близъ Черноводъ собралась вся наша армія, и рѣшено было снова двинуться на Силистрію, начальникомъ авангарда снова былъ назначенъ Отрощенко. Въ августѣ 1829 года главнокомандующій И. И. Дибичъ, узнавъ, что верховный визирь собирается напасть на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, поручилъ осаду Силистріи генералу Красовскому, а самъ выступилъ навстрѣчу визирю, причемъ бригаду Отрощенки назначилъ въ авангардъ. У деревни Кулевчи наши войска были встрѣчены турками, и здѣсь разыгрался кулевчинскій бой, вся тяжесть котораго выпала на долю бригады Отрощенко, выдержавшей своими силами упорный бой съ непріятелемъ, во много разъ превосходившимъ численностью. Самъ Отрощенко неоднократно водилъ свои баталіоны и кавалерію въ атаку, пока не былъ раненъ пулею въ животъ. Объ ожесточенности этого боя для бригады Отрощенко можно судить по потерямъ; такъ, отъ одного батальона Муромскаго полка осталось всего 30 человѣкъ; потери другихъ частей были также велики, но зато верховный визирь былъ разбитъ и потерялъ 59 орудій, 30 знаменъ и много плѣнныхъ. По возвращеніи въ Россію Отрощенко вскорѣ принялъ участіе въ подавленіи перваго польскаго возстанія. Со своей бригадой онъ отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, между прочимъ подъ Остроленкою и въ штурмѣ Варшавы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ въ командованіе дивизію. Произведенный въ началѣ 1840-хъ гг. въ генералы-отъ-инфантеріи, Отрощенко былъ назначенъ сенаторомъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Отрощенко скончался въ Москвѣ 29-го марта 1862 года, и былъ погребенъ на кладбищѣ Донского монастыря. Послѣ Отрощенки остались любопытныя записки, напечатанныя частью въ «Русскомъ Архивѣ» (1869 гг. «Записка о Конарскомъ»), частью въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1877 г. №№ 9, 10 и 11 и за 1880 г. № 1 и 2).

„Душеполезное чтеніе“ 1862 г. ч. II. № 5, стр. 65—77; „Московскія Вѣдомости“ 1862 г. № 72, „Русская Старина“ 1880 г. т. XXIX, „Русскій Архивъ“ 1869 г. стр. 1207—1223.

Отсолигъ, *Өедоръ Мартыновичъ*—докторъ медицины, тайный совѣтникъ; директоръ медицинскаго департамента, гражданскій генералъ-штабъ-докторъ, непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, предсѣдатель медико-филантропическаго комитета; почетный членъ Императорскаго Казанскаго университета. Ө. М. Отсолигъ родился 8 сентября 1798 года въ небольшомъ эстляндскомъ городѣ Леалѣ и былъ сыномъ врача. Образованіе получилъ въ петрозаводской гимназіи, въ саратовскомъ частномъ пансіонѣ пастора Германа и на медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета. Выпущенный въ 1820 году со званіемъ лѣкаря, Отсолигъ отправился въ Пензу, откуда въ слѣдующему году переѣхалъ въ Петербургъ и 21 августа былъ назначенъ

врачемъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а также исполняющимъ обязанности секретаря при генералъ штабъ-докторѣ Романѣ. Въ то же время Отсолигъ состоялъ столоначальникомъ 2 стола при канцеляріи генералъ-штабъ-доктора, а затѣмъ завѣдывалъ письмоводствомъ въ комитетѣ для прекращенія холеры въ Астрахани; состоялъ правителемъ дѣлъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія проектовъ о преобразованіи гражданской медицинской части и старшимъ совѣтникомъ присутствія департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій. 25-го апрѣля 1839 г. Отсолигъ былъ удостоенъ степени доктора медицины. Назначенный 21-го апрѣля 1842 года вице-директоромъ медицинскаго департамента, Отсолигъ, находясь въ этой должности, неоднократно исполнялъ обязанности генаралъ-штабъ-доктора; кромѣ того, въ то же время онъ состоялъ членомъ коммиссіи изданія медицинскаго журнала при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, членомъ комиссіи, образованной при совѣтѣ для разсмотрѣнія свода военныхъ постановленій, совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта, членомъ комиссіи для изысканія средствъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи, вице-предсѣдателемъ, а съ 1858 года и предсѣдателемъ медико-филантропическаго комитета, членомъ комиссіи общественнаго здравія, попечителемъ Елизаветинской клинической больницы, временно исправляющимъ должность директора врачебныхъ заготовленій и секретаря медицинскаго совѣта, непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и членомъ многихъ другихъ комитетовъ и комиссій. 25-го декабря 1852 года Отсолигъ былъ назначенъ гражданскимъ генералъ-штабъ-докторомъ и эту должность занималъ почти до самой своей смерти. Особенную заслугу въ дѣятельности Отсолига составляетъ учрежденіе имъ института для практическаго подготовленія молодыхъ врачей къ самостоятельной врачебной дѣятельности. Съ этою цѣлью Отсолигъ выхлопоталъ перечисленіе больницы для чернорабочихъ въ С.-Петербургѣ (Александровской) изъ приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе медицинскаго департамента. Назначенный попечителемъ этой больницы въ августѣ 1854 года, онъ въ томъ же году учредилъ при ней особый институтъ для врачей, окончившихъ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и желавшихъ служить по министерству внутреннихъ дѣлъ. По проекту Отсолига врачебный персоналъ этой больницы раздѣлялся на двѣ категоріи: консультантовъ—опытныхъ врачей спеціалистовъ и практикантовъ - молодыхъ врачей. Послѣдніе должны были работать въ больницѣ подъ руководствомъ консультантовъ въ теченіе двухъ лѣтъ и затѣмъ уже пріобрѣтали право ѣхать на службу въ провинцію. Благодаря тому, что больница для чернорабочихъ, по своимъ размѣрамъ, одна изъ самыхъ большихъ въ Петербургѣ, вышеназванный институтъ получилъ возможность давать практическое медицинское образованіе довольно большому числу молодыхъ врачей. Основанный Отсолигомъ институтъ существовалъ до передачи больницы въ вѣдѣніе С.-Петербургской городской думы. 1-го декабря 1861 года Отсолигъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, вышелъ въ отставку; умеръ 9-го января 1863 года въ Петербургѣ.

Ѳ. М. Отсолигъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій; изъ литературныхъ произведеній послѣ Отсолига, кромѣ докторской диссертаціи, остался рядъ переводныхъ и медицинскихъ статистическихъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и статья «Замѣтки о тюрьмахъ» («Морской Сборникъ», 1862 года, № 6).

„Протоколы Засѣданій Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ" 1862—1863 гг. стр. 229—237; Н. П. Загоскинъ, „Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета 1805—1900 гг.", Казань, 1900, стр. 145; „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета 1801—1901 гг.". Казань, 1904 г. ч. II; „Русскій Архивъ" 1865 г. № 1.

Е. Ястребцевъ.

Отто, *Карлъ-Эдуардъ*, — ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета. К. Э. Отто родился 14 авг. 1795 года въ Дрезденѣ и получилъ прекрасное первоначальное образованіе дома, подъ руководствомъ отца, извѣстнаго математика Христіана-Готтлиба Отто; затѣмъ учился въ гимназіи гор. Баутцена (въ Саксоніи) и въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ которомъ, въ октябрѣ 1817 г., получилъ степень баккалавра, въ февралѣ слѣдующаго года — степень магистра, а затѣмъ и доктора философіи. Для дальнѣйшей спеціальной подготовки онъ от-

правился въ Гёттингенъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ извѣстнаго романиста, профессора Гуго; затѣмъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Гамбургѣ, отправился въ Берлинъ, гдѣ слушалъ лекціи Савиньи. По возвращеніи въ Лейпцигъ, Отто уже въ лѣтнемъ семестрѣ 1819 года началъ читать въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, лекціи по энциклопедіи и методологіи науки права; вскорѣ затѣмъ защитилъ свою диссертацію «Actiones forenses Atheniensium» и получилъ степень доктора правъ. Профессорская дѣятельность Отто въ Лейпцигскомъ университетѣ продолжалась 12 лѣтъ. Его лекціи распространялись на всѣ области римскаго права; сверхъ того, онъ читалъ курсы по естественному и международному праву; по учрежденіи особой каѳедры для преподаванія этого послѣдняго предмета, Отто былъ въ 1822 году назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1826 году ординарнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ, съ обязательствомъ, однако, читать лекціи и по римскому праву. Въ это время Отто, уже получившій почетную извѣстность переводомъ на нѣмецкій языкъ Corpus iuris civilis, согласно Шиллингу и Синтенису, принялся за изслѣдованіе темы о судебномъ процессѣ въ Аѳинахъ и вскорѣ напечаталъ трудъ «De Atheniensium actionibus forensibus». Кромѣ того, онъ обработалъ третье изданіе «Gründsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern Haubold's», издалъ «Institutionum lineamenta» Гаубольда; уваженіе къ памяти отца побудило К. Э. Отто издать въ 1827 году его сочиненія. Въ декабрѣ 1831 года Отто былъ избранъ совѣтомъ Дерптскаго университета на каѳедру римскаго и германскаго гражданскаго права, общаго судопроизводства и практики правовѣдѣнія. Въ Дерптскомъ университетѣ преподавательская и научная дѣятельность Отто продолжалась около 26 лѣтъ (съ ноября 1832 года по іюнь 1858). Онъ читалъ здѣсь курсы по исторіи и институціямъ римскаго права, по пандектамъ, римско-германскому процессу, внѣсудебной практикѣ, церковному праву, германскому гражданскому праву и исторіи германскаго права. Сверхъ того, имъ были читаны курсы по энциклопедіи и методологіи права, по философіи права и по исторіи юридической литературы. Наконецъ, онъ читалъ на латинскомъ языкѣ спеціальные курсы по законодательству XII таблицъ, Ульпіану и Помпонію. Два раза (въ 1835 и 1840 гг.). Отто былъ избираемъ деканомъ юридическаго факультета. Сверхъ того, въ теченіе всей своей службы онъ состоялъ по занимаемой имъ профессурѣ непремѣннымъ членомъ университетскаго апелляціоннаго и ревизіоннаго суда и неоднократно предсѣдательствовалъ въ немъ. Въ іюнѣ 1858 года Отто покинулъ Дерптскій университетъ въ званіи заслуженнаго профессора и выѣхалъ за границу, гдѣ поселился въ Іенѣ. Скончался К. Э. Отто 20 апрѣля 1869 года. Кромѣ указанныхъ сочиненій Отто слѣдуетъ отмѣтить еще «Gedächtnissfeier der dreizehnhundertjährigen Dauer des Römischen Rechts» и переводъ на нѣмецкій языкъ четырехъ книгъ Юстиніановыхъ Digesta для нѣмецкаго изданія Corporis juris civilis.

„Karl-Eduard Otto" — Eine Biographische Skizze von A. Bulmerincq, Dorpat, 1858. Статьи объ Отто Feichman'a въ Allgemeine Deutsche Biographie, Band 24, Ss 760—761. Статья профессора Пассека въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, б. Дерптскаго Унив., за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Т. I. Статьи проф. Новзорова: „Каѳедры мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ лифл., эстлянд. и курляндской" и „Торговое право". (Тамъ же). Recke und Napierski, Allgem. Schriftsteller und Gelehrten Lexicon.

Александръ Петровъ.

Отто, *Крестьянъ* (*Christian*) *Григорьевичъ*—оберъ-цейхмейстеръ контръ-адмиральскаго ранга, членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, управляющій Сестрорѣцкими орудійными заводами. Шведскій подданный, Отто въ русскую службу поступилъ въ іюнѣ 1698 года штурманомъ и тогда же былъ отправленъ въ Воронежъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ приготовленіемъ морскихъ орудій на воронежскомъ заводѣ и снабженіемъ артиллеріей судовъ азовской флотиліи. Кромѣ того, онъ обучалъ комендоровъ и констапелей, а также нѣсколько разъ былъ командированъ для осмотра работъ на Романовскіе и Липецкіе оружейные заводы. Въ февралѣ 1715 года Отто получилъ приказаніе, взявъ учениковъ и пушкарей, отправиться изъ Воронежа въ Петербургъ, для управленія артиллерійскими дѣлами во флотѣ и при Адмиралтействѣ. Въ томъ же году, 15-го іюня, онъ былъ произведенъ въ цейхмейстеры ранга капитанъ-командорскаго. Въ ноябрѣ 1718 года въ команду

Отто были поручены всѣ бывшіе на корабляхъ констапели и пушкари и, кромѣ того, ему же ввѣренъ былъ надзоръ за Пергаментнымъ дворомъ, поступившемъ въ вѣдомство Адмиралтействъ-Коллегіи. Произведенный 22-го октября 1721 года въ оберъ-цейхмейстеры контръ-адмиральскаго ранга, Отто въ слѣдующемъ году, за употребленіе на частныя работы артиллерійскихъ служителей, былъ отданъ подъ судъ, но безъ отстраненія отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Судъ тянулся два года, призналъ Отто виновнымъ, и, по сентенціи генералъ-адмирала, велѣно было команды его не лишать, «понеже оный обязанъ не малыми дѣлами», а подвергнуть штрафу вычетомъ полугодового оклада жалованья и денежнымъ удовлетвореніемъ посылавшихся на работы артиллерійскихъ служителей. 8-го августа 1723 года Отто былъ назначенъ присутствовать въ Адмиралтействъ - Коллегіи, 5-го февраля 1724 года былъ назначенъ управляющимъ Сестрорѣцкими оружейными заводами, и въ этомъ званіи оставался до самой смерти, т. е. до 9-го ноября 1725 года.

„Общій Морской Списокъ", т. I, стр. 292—293; „Матеріалы для исторіи русскаго флота", т. V, Спб., 1875 г.

Офренъ (Aufresne)—актеръ французской труппы петербургскихъ императорскихъ театровъ конца XVIII вѣка. Приглашенный 13-го іюня 1785 года на службу Дирекціи «pour jouer les rôles des rois dans la tragédie, les pères nobles et autres rôles, attachés à cet emploi dans la comédie le tout en chef au partage», Офренъ скоро привлекъ къ себѣ расположеніе публики, и дирекція не разъ возобновляла съ нимъ контрактъ. По свидѣтельству современниковъ, Офренъ производилъ сильное впечатлѣніе въ трагическихъ роляхъ; кромѣ того, онъ былъ умѣлымъ учителемъ декламаціи. Подъ руководствомъ Офрена въ кадетскомъ корпусѣ часто разыгрывались французскія трагедіи, и императрица, посѣщавшая эти спектакли, не разъ выражала Офрену свое полное удовольствіе. Послѣдній контрактъ съ Офреномъ былъ заключенъ на трехлѣтіе съ 1-го мая 1798 года и затѣмъ уже не возобновлялся.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ („Книга распоряженій Дирекціи", кн. I, л. 261, кн. II, л. 406; Дѣло № 24, л. 15: „Списокъ служащихъ" кн. I, л. 7, кн. II, л. 8, кн. III, л. 10). „Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ", вып. I, Спб. 1892 г.: П. Араповъ, „Лѣтопись Русскаго Театра". Спб. 1861 г., стр. 101 и 113; „Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ" 1840 г., т. I, стр. 80. „Записки": С. Н. Глинки (СПб. 1895, стр. 99—100), Ф. Ф. Вигеля (М. 1893, I, 154).

Офросимовъ, *Илья Өедоровичъ* — генералъ-лейтенантъ, начальникъ 10-ой кавалерійской дивизіи. И. Ө. Офросимовъ родился въ 1827 году и былъ сыномъ орловскаго губернскаго предводителя дворянства. Въ 1845 г., по окончаніи курса въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, былъ произведенъ въ корнеты и назначенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ, въ которомъ и прослужилъ двадцать лѣтъ, при чемъ въ полковники былъ произведенъ въ 1861 году, а въ 1864 г. былъ назначенъ командиромъ дивизіона. Назначенный въ слѣдующемъ году командиромъ 9-го уланскаго Бугскаго его королевскаго высочества принца Августа Виртембергскаго полка, Офросимовъ въ 1873 году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 2-ой бригады 5-ой кавалерійской дивизіи, а потомъ командовалъ 10-ой кавалерійской дивизіей. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Офросимовъ состоялъ начальникомъ Ялтинскаго военнаго отдѣла, а по окончаніи войны былъ назначенъ начальникомъ Чугуевскаго военнаго полугоспиталя. Произведенный въ 1883 году въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ зачисленъ въ запасъ по армейской кавалеріи. Офросимовъ нѣсколько разъ бывалъ губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ въ Орловскомъ губернскомъ и Сѣвскомъ уѣздномъ земствахъ. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей Сѣвскаго округа Орловской губерніи и Дмитріевскаго округа Курской губерніи. И. Ө. Офросимовъ умеръ въ Москвѣ 19-го марта 1892 года; погребенъ въ своемъ имѣніи, селѣ Большое Кричино, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи.

„Московскія Вѣдомости" 1892 г. № 80: „Новое Время" 1892 г. №№ 5770 и 5771.

П. М.

Офросимовъ, *Михаилъ Александровичъ*, генералъ отъ-инфантеріи, состоявшій при особѣ Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, московскій военный генералъ-губернаторъ. М. А. Офросимовъ родился 6-го августа

1797 года и происходилъ изъ тульскихъ дворянъ; образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Военную службу началъ въ 1814 году подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Произведенный два года спустя въ прапорщики, онъ продолжалъ служить въ упомянутомъ полку еще девять лѣтъ, при чемъ въ 1825 году былъ произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій (потомъ Гатчинскій) полкъ, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ рядахъ котораго онъ и принялъ боевое крещеніе во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и за отличія, выказанныя при осадѣ и взятіи крѣпости Варны, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени съ брилліантовыми украшеніями. По окончаніи турецкой кампаніи Офросимовъ продолжалъ до 1839 года служить въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, и въ 1833 году, произведенный въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ командиромъ полка, а затѣмъ командиромъ 4-ой гвардейской пѣхотной бригады. Отчисленный въ 1839 году отъ должности полкового командира, съ оставленіемъ командиромъ 4-ой гвардейской пѣхотной бригады, Офросимовъ три года спустя былъ назначенъ командующимъ 1-ою пѣхотною гвардейскою дивизіей, а по производствѣ въ 1844 году въ генералъ-лейтенанты былъ утвержденъ въ должности начальника той же дивизіи. Два года спустя, Офросимовъ, ввиду разстроеннаго здоровья, просилъ объ увольненіи его отъ командованія 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіей, и былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній. Въ слѣдующемъ 1847 году Офросимовъ былъ назначенъ начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, съ которой и совершилъ въ 1849 году, во время войны съ Венгріей, походъ къ западнымъ предѣламъ Россіи, причемъ за отличія, выказанныя во время этого похода, былъ награжденъ орденами Бѣлаго Орла и св. Александра Невскаго. Назначенный въ 1855 году командующимъ гвардейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ, Офросимовъ вслѣдъ затѣмъ получилъ новое назначеніе—ѣхать въ Крымъ и принять въ командованіе 2-й пѣхотный корпусъ, который участвовалъ въ сраженіяхъ противъ союзниковъ на Крымскомъ полуостровѣ. Однако, въ Крыму онъ пробылъ лишь до конца того же года. Въ 1856 г., произведенный въ генералъ-отъ-инфантеріи, былъ утвержденъ въ званіи корпуснаго командира, а черезъ три года назначенъ начальникомъ резервовъ армейской пѣхоты. Въ 1863 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени и вслѣдъ затѣмъ назначенъ командиромъ 3-го резервнаго корпуса. Въ началѣ слѣдующаго года Офросимовъ былъ призванъ на постъ московскаго военнаго генералъ-губернатора и въ тоже время былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта Въ Москвѣ Офросимовъ прослужилъ два года и за этотъ короткій срокъ успѣлъ снискать любовь и уваженіе москвичей, сказавшіяся въ особенности во время 50 лѣтняго юбилея службы его въ офицерскихъ чинахъ (въ концѣ 1866 года, когда Офросимовъ оставилъ уже Москву). Уволенный по прошенію въ началѣ 1866 года отъ должности московскаго военнаго генералъ-губернатора, Офросимовъ переѣхалъ въ Петербургъ, и въ апрѣлѣ того же года былъ назначенъ состоять при особѣ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта. М. А. Офросимовъ скончался въ Петербургѣ 13-го февраля 1868 года, на 71 году отъ рожденія

Офросимовъ не былъ чуждъ и литературы. Онъ писалъ стихи, изъ коихъ нѣкоторые были положены на музыку, и перевелъ съ французскаго нѣсколько пьесъ для театра. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ, какъ напр. «Мальтійскій кавалеръ» (комедія въ 1-мъ дѣйствіи въ стихахъ, передѣланная изъ пьесы Скриба «Simple histoire») «Плащъ, или мужъ, какъ и всякій», «Вертеръ, или заблужденіе чувствительнаго сердца» (переводный водевиль), «Молодая вспыльчивая жена» (перев. комедія) и «Дружба женщины» (перев. комедія), въ свое время пользовались значительнымъ успѣхомъ.

„Московскія Вѣдомости“ 1868 г. № 31: „Антрактъ“ 1868 г. № 7; „Русскій Архивъ“ 1870 г. № 11, стр. 2029; „Военный Сборникъ“ 1868 г. ч. 60, № 3, стр. 91—93; „Ежегодникъ Русской Арміи“ на 1869 г.; „Иллюстрированная Газета“ 1868 г., № 9; „Московскія Вѣдомости“ 1865 г., № 139, и 1866 г.; № 212; А. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ Театровъ“ ч. II, Спб. 1877 г., „Голосъ“ 1868, № 46.

Е. Ястребцевъ.

Оффенбергъ, баронъ *Иванъ Петровичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ

Военнаго Совѣта, инспекторъ кавалеріи. И. П. Оффенбергъ родился въ 1792 г.; въ военную службу поступилъ въ 1807 г. юнкеромъ въ Псковской драгунскій полкъ и три года спустя произведенъ въ прапорщики, послѣ чего былъ переведенъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ, съ которымъ и принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1812 года, причемъ за храбрость и распорядительность, выказанныя въ сраженіяхъ 5-го и 6-го августа подъ Смоленскомъ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-ой степени, 26-го августа подъ Бородинымъ—орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, за дѣло подъ Можайскомъ и Тарутинымъ—произведенъ въ штабъ-ротмистры и, наконецъ, за Вязьму—въ ротмистры. Во время похода русскихъ войскъ за границу, онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и за сраженіе подъ Лейпцигомъ въ 1813 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени, а въ слѣдующемъ году получилъ золотую саблю, съ надписью «за храбрость». По возвращеніи русскихъ войскъ изъ-за границы, Оффенбергъ былъ переведенъ 1-го марта 1815 года въ лейбъ-гвардіи Конно-егерскій полкъ, а черезъ годъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-маіору Бенкендорфу и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Произведенный 24-го апрѣля 1819 года въ полковники, онъ 29-го января 1823 года былъ назначенъ командиромъ Ямбургскаго уланскаго его королевскаго высочества принца Фридриха Виртембергскаго полка, которымъ и командовалъ до 25-го марта 1828 года, когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ состоять при начальникѣ 1-ой уланской дивизіи. Назначенный 2-го августа 1830 года командиромъ 2-ой бригады этой же дивизіи, онъ въ слѣдующемъ году принялъ съ нею участіе въ подавленіи польскаго возстанія и за отличія при штурмѣ Варшавы былъ награжденъ золотою саблею съ алмазными украшеніями и съ надписью «за храбрость». Назначенный 20-го марта 1832 года командиромъ лейбъ-гвардіи Конно-егерскаго полка, онъ вскорѣ былъ опредѣленъ командиромъ 1-ой бригады 2-ой легкой кавалерійской дивизіи, съ оставленіемъ командиромъ полка; 18-го апрѣля 1837 года произведенный въ генералъ-маіоры, былъ утвержденъ въ должности начальника дивизіи, которою и командовалъ болѣе 15-ти лѣтъ. Принявъ участіе въ Венгерскомъ походѣ 1819 года, Оффенбергъ особенно отличился въ дѣлахъ 3-го іюля при с. Дука и 5-го іюля подъ г. Вайценомъ у д. Ретшагу, за что и былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Венгерскаго похода Оффенбергъ былъ назначенъ командующимъ 2-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а 6-го декабря 1851 г. былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и утвержденъ корпуснымъ командиромъ, а 31-го декабря былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта. Назначенный 8-го ноября 1856 года командиромъ отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса баронъ Оффенбергъ командовалъ этимъ корпусомъ до самаго его упраздненія, при чемъ 26-го сентября 1859 года былъ награжденъ орденомъ св Владиміра 1-ой степени съ мечами, и въ 1861 году былъ назначенъ (17-го августа) шефомъ Литовскаго Уланскаго эрцъ-герцога австрійскаго Альберта полка, а 13-го ноября — вторымъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго е. в. принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго полка. По упраздненіи своднаго кавалерійскаго корпуса, Оффенбергъ былъ назначенъ, 12-го декабря 1862 года, инспекторомъ кавалеріи, съ оставленіемъ членомъ Военнаго Совѣта, а послѣдніе годы своей жизни состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества. Баронъ И. П. Оффенбергъ умеръ 18-го февраля 1870 года.

„Русскій Инвалидъ" 1870 г., № 58; „Иллюстрированная Газета" 1870 № 12. Полный послужной списокъ.

Охлябинины — русскій княжескій родъ, отрасль княжескаго рода Ухорскихъ, одного изъ многочисленныхъ развѣтвленій рода Ярославскихъ удѣльныхъ князей. Князь *Ѳедоръ Васильевичъ Ухорскій* прозывался *Охлябина*, и отъ него начались *Охлябинины*. Представители этого рода не выдѣлялись своею службой изъ среды московскаго служилаго дворянства, бывали воеводами, намѣстниками, но не одинъ изъ нихъ не достигъ думныхъ чиновъ. Во времена опричнины нѣкоторые Охлябинины вошли въ ея составъ, но и самый родъ скоро прекратился со смертью князя *Ивана Петровича* во второй половинѣ XVI вѣка.

Охлябининъ, князь *Василій Ѳедоровичъ*—воевода. Въ 1506 году былъ вто-

рымъ воеводой лѣвой рукой во Владимірѣ, въ 1512 и 1515 годахъ участвовалъ въ передовомъ полку въ походѣ на Литву, въ 1524 году стоялъ въ числѣ другихъ воеводъ на берегу Оки противъ крымцевъ, въ 1535 году лѣтомъ былъ въ числѣ воеводъ, посланныхъ въ Литву подъ Мстиславль, въ 1537 году былъ на воеводствѣ во Владимірѣ, откуда въ этомъ же году былъ переведенъ на ту же должность въ Муромъ, и въ 1540 году при нашествіи казанскихъ татаръ на Муромскія земли участвовалъ въ ихъ отраженіяхъ. Въ 1541 году Охлябининъ стоялъ на Окѣ противъ крымцевъ, и 1 августа этого года участвовалъ въ отраженіи крымскаго хана, грабившаго южныя окраины Московскаго государства. Въ 1543 году князь Василій Ѳедоровичъ былъ воеводой въ Коломнѣ и въ 1544 году участвовалъ въ походѣ на Казань. Послѣ этого извѣстія о князѣ В. Ѳ. Охлябининѣ прекращаются; годъ его смерти не извѣстенъ.

Спиридовъ, „Сокращ. описаніе службъ благородн. россійскихъ дворянъ" (М. 1810), I, 312; Разрядная книга—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1902, I), 96, 101, 102, 111—113, 116, 120; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 41, пр. 33, 99; Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка", 109, 177. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., VIII, 290, 299.

Охлябининъ, князь *Иванъ Петровичъ*, по прозванію Залупа, московскій дворянинъ и воевода; упоминается съ 1558 года, когда былъ головой въ войскѣ боярина князя А. М. Курбскаго; ходилъ подъ его начальствомъ въ Ливонію и былъ присланъ имъ къ царю съ извѣстіемъ о взятіи Ругодава (Нарвы), въ 1560 году, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго ходилъ снова въ Ливонію и участвовалъ во взятіи Вильяна (Феллина). Въ 1564 г. Охлябининъ, подъ начальствомъ князя П. И. Шуйскаго, ходилъ въ Литву и участвовалъ въ несчастной для русскихъ битвѣ подъ Оршею, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ. Изъ польскаго плѣна князь И. П. Охлябининъ былъ освобожденъ въ 1566 году и вскорѣ послѣ освобожденія былъ отправленъ первымъ воеводой сторожевого полка въ Калугу, откуда въ сентябрѣ этого же года былъ отозванъ и отправился съ царемъ въ Новгородъ. Въ 1569 году Охлябининъ былъ вторымъ воеводой въ Великихъ Лукахъ, оттуда былъ переведенъ сперва въ Калугу, потомъ въ Тулу, а въ 1570 году снова въ Калугу противъ крымскихъ татаръ. Послѣднія назначенія Охлябининъ получалъ уже «изъ опричнины». Въ 1571 году мы находимъ Охлябинина вторымъ воеводой сторожевого полка въ Торусѣ, въ 1572 году онъ ходилъ съ царскими войсками въ Ливонію, а въ 1573 году былъ посланъ въ Казань противъ взбунтовавшихся луговыхъ и горныхъ черемисовъ. Въ 1574 году онъ былъ подъ начальствомъ воеводы князя Голицына на Украйнѣ въ строевой цѣпи противъ крымскихъ татаръ. Въ 1575 году, когда напали на южную Московскую Украйну крымцы и ногайцы, Охлябининъ участвовалъ въ битвѣ съ ними въ Пепериковыхъ Дубравахъ; въ 1576 и 1577 годахъ стоялъ въ Пронскѣ и на Сомѣ противъ крымскихъ татаръ и ногайцевъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности князя И. П. Охлябинина не имѣется; годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ благородн. россійскихъ дворянъ" (М. 1810), I, 314—315; Разрядная книга (изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1902, I), 202, 223, 225, 242, 243; Разрядная книга („Сибирскій Сборникъ" М. 1845), 6, 15, 22—24, 28, 35, 39, 40, 42, 44—49; Собр. Госуд. Грамотъ и Договор. I, 478, 481. 482; Акты Моск. Гос. I, 31, 38; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), IX, 32, 48, пр. 365; Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка" стр. 204, 465—466.

Охлябининъ, князь *Петръ Ѳедоровичъ*, воевода великаго князя Василія Ивановича; впервые упоминается въ 1512 году, когда былъ однимъ изъ воеводъ въ Стародубѣ. Въ 1516 году, во время войны съ Польшей, былъ вторымъ воеводой передового полка въ походѣ подъ Могилевъ, въ 1517 году былъ снова воеводой въ Стародубѣ, въ 1518 году участвовалъ въ званіи воеводы передового полка въ походѣ на Литву, въ 1519 году ходилъ снова въ Литву до самой Вильны. Въ 1522 году стоялъ въ передовомъ полку противъ крымскихъ татаръ на устьѣ Осетра, въ 1527 году снова былъ въ походѣ противъ крымцевъ, по возвращеніи изъ котораго былъ намѣстникомъ въ Калугѣ, въ 1528 году былъ однимъ изъ воеводъ въ Каширѣ, но въ слѣдующемъ 1529 году, при новомъ нашествіи крымскаго хана на Московскую Украйну, былъ переведенъ изъ Каширы въ Рославль. Въ 1531 году Охлябининъ снова лѣтомъ стоялъ въ сторожевой цѣпи противъ крым-

цевъ, въ 1532 году, когда московское правительство возводило на казанское царство своего ставленника Епалья. Охлябининъ былъ вторымъ воеводой сторожевого полка, и потомъ былъ посланъ въ Литву вторымъ воеводой правой руки. Въ 1534 году, во время нашествія крымцевъ, кн. Охлябининъ отражалъ ихъ подъ Коломной, а послѣ ихъ ухода былъ назначенъ однимъ изъ воеводъ въ Муромъ, зимой того же года онъ былъ снова отправленъ изъ Смоленска на Литву, разорялъ Оршу, Дубровну, Друтскъ, Борисовъ, Боровичи, доходилъ до Вильны и весной вернулся на родину, гдѣ получилъ назначеніе на воеводство въ Коломну. Въ 1536 году Охлябининъ защищался въ Коломнѣ отъ нападенія крымскихъ татаръ, въ 1537 году былъ на воеводствѣ сперва во Владимірѣ, а потомъ въ Муромѣ, въ 1538 году — воеводой сторожевого полка на Угрѣ, откуда, по роспускѣ большихъ воеводъ, былъ посланъ на воеводство въ Калугу. Послѣднее извѣстіе о князѣ П. Ѳ. Охлябининѣ встрѣчается въ 1549 году, когда онъ былъ назначенъ вторымъ воеводой сторожевого полка въ шведскій походъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ" (М. 1810) I, 311—312; Разрядныя книги—изд. Милюкова („Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1902, I), 66, 77, 81—92, 94; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VII, пр. 231, 265; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 296.

Охлябининъ, *Романъ Васильевичъ* московскій дворянинъ и воевода; упоминается съ 1551 года, когда былъ написанъ въ третью статью московскихъ дѣтей боярскихъ; въ 1559 году «годовалъ» на воеводствѣ въ Чебоксарахъ, въ 1560 году былъ воеводой въ Болховѣ, въ 1661 году былъ посланъ изъ Казани противъ мордвы и черемисовъ, взбунтовавшихся противъ русскаго владычества, въ 1563 году былъ однимъ изъ воеводъ въ Полоцкѣ, въ 1564 году былъ посланъ изъ Полоцка воеводой сторожевого полка въ Литву и за отличіе при взятіи Озерецка получилъ позолотой угорскій; въ 1567 году стоялъ въ Калугѣ противъ крымскихъ татаръ, въ 1568 г. «годовалъ» на воеводствѣ въ Смоленскѣ; въ 1579 году ходилъ съ царемъ па Лифляндію, въ 1580 году былъ на московской Украйнѣ однимъ изъ воеводъ противъ крымскихъ татаръ, въ 1581 году собрался съ ратными людьми въ Волоколамскъ, откуда пошелъ къ Зубцовъ противъ поляковъ. По заключеніи мира, былъ отправленъ на Оку, гдѣ былъ въ 1583 году вторымъ воеводой сторожевого полка; въ 1587 году Охлябининъ упоминается при церемоніи представленія боярамъ польскаго посла; въ 1590 году, во время похода подъ личнымъ начальствомъ царя Ѳедора Іоанновича въ Новгородъ, а оттуда противъ шведовъ, участвовалъ въ этомъ походѣ, но былъ оставленъ въ Новгородѣ при царицѣ. Въ 1591 году, во время нашествія крымскаго хана на Москву, участвовалъ въ походѣ для отраженія татаръ и получилъ въ награду золотой; въ 1592 году Охлябининъ былъ объѣзжимъ головой для огней въ Москвѣ въ Кремлѣ, въ 1598 году онъ принималъ участіе въ земскомъ соборѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова и подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ; въ 1600, 1601 и 1602 году упоминается въ числѣ объѣзжихъ для огней головъ въ Москвѣ.

Спиридовъ, „Сокращ. описаніе служебъ благородн. россійскихъ дворянъ" (М. 1810), I, 313—314; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) X, пр. 315; Акты Археограф. Экспедиціи II. 43; Собр. Госуд. Грамотъ и Догов. I, 477, 480. 482, 508, 510. 539, 541, 543, 519; Акты Московск. Государства I, 43; Разрядныя книги (Сибирскій Сборникъ, М. 1845). 7. 8. 49. 71. 77. 80. 125.

Е. Лихачъ.

Охремовскій, *Константинъ Яковлевичъ*— докторъ медицины, писатель; род. 4-го марта 1847 г., ум. 4-го сент. 1879 г. По окончаніи курса въ полтавской гимназіи и затѣмъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, былъ назначенъ въ военный временной № 59 госпиталь. При этомъ госпиталѣ Охремовскій состоялъ въ теченіе всей русско-турецкой войны, а затѣмъ въ 1878 году былъ причисленъ къ Клиническому военному госпиталю. Выдержавъ въ томъ же году докторскій экзаменъ, онъ въ слѣдующемъ году защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Къ ученію о крови». Кромѣ диссертаціи, Охремовскому принадлежатъ слѣдующія работы: «О количественномъ опредѣленіи бѣлковъ въ мочѣ» и «Краткій очеркъ ученія о желѣзѣ, красящемъ веществѣ и числѣ кровяныхъ тѣлъ въ крови» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1874 г., ч. 121, отд. II; 1879 г., ч. 134 отд. II).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", вып. II, Спб. 1888 г.

Очаповскій, *Михаилъ Николаевичъ* (Michał Oczapowski), профессоръ агрономіи въ Виленскомъ университетѣ, директоръ Маримонтскаго инстититута сельскаго хозяйства и лѣсоводства, писатель. М. Н. Очаповскій родился 18 мая 1788 г. въ имѣніи Почейкахъ (Poczeiki), Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи. По окончаніи курса въ Слуцкой гимназіи, а затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, на физико-математическомъ факультетѣ, онъ въ теченіе семи лѣтъ управлялъ имѣніемъ богатаго жмудскаго помѣщика Ренс, по временамъ выпуская свои ученые труды по агрономіи и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. 1819 г. онъ провелъ въ практическихъ занятіяхъ въ Могилевской сельско-хозяйственной академіи, подъ руководствомъ А. Тэера. Въ 1820—1821 г. Очаповскій, на средства коммисіи народнаго просвѣщенія Царства Польскаго, совершилъ образовательное путешествіе по Европѣ, побывавъ въ Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. Въ іюнѣ 1822 г. онъ былъ приглашенъ на каѳедру сельскаго хозяйства въ Виленскомъ университетѣ, которую занималъ до самаго закрытія университета. Помимо преподаванія въ университетѣ, М. Н. Очаповскій былъ съ 1828 года визитаторомъ гимназій и другихъ училищъ въ Вильнѣ, а съ 1829 по 1834 г. цензоромъ въ Виленскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Въ 1834 году онъ переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ сначала назначенъ администраторомъ имѣній, принадлежащихъ Маримонтскому институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а затѣмъ 27 ноября 1835 года и директоромъ этого института. Кромѣ того, Очаповскій былъ членомъ промышленнаго совѣта въ высшей коммисіи внутреннихъ дѣлъ, членомъ-корреспондентомъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, членомъ Варшавскаго Воспитательнаго Совѣта (съ 1848 г.) и многихъ другихъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Въ ноябрѣ 1853 года Очаповскій, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку, а 21 января 1854 года скончался въ Варшавѣ и былъ похороненъ въ Вавржишевѣ, подъ Бѣлянами (близъ Варшавы).

Изъ многочисленныхъ трудовъ Очаповскаго отмѣтимъ: «Zasady chemji rolniczej» (Вильно 1819), «Zasady agronomji, czyli nauki o gruntach», «Wykład skrócony zasad wyrozumowanego gospodarstwa A. Thaera», «O sposobach gospodarowania w klimacie północnym» (за это сочиненіе авторъ удостоился Высочайшаго пожалованія брилліантовымъ перстнемъ), «gospodarstwo wiejskie, obejmujące w sobie wszelkie gałęzie rolnictwa», (издано въ Варшавѣ въ 1848 году въ десяти томахъ и дополнено по смерти автора). «O nauce gospodarstwa wiejskiego w ogólnosci, o potrzebie i pożytkach szkół praktycznych rolniczych», «Hodowla koni» и многіе другіе, а также рядъ переводовъ агрономическихъ сочиненій. (См. Estreicher, Biblografja polska XIX stulecia).

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Евфрона; Slovnik naučny v Praze, 1865. томъ V; Encyklopedja Powszechna 1865 года, томъ 19. S. Orgelbranda Encyklop. Powszechna 1901 года, томъ II. Estreicher, Bibliografja polska XIX stulecia; „Agronomische Zeitung“ 1854, № 14 (статья д-ра Ф. Бецгольда); Ф. Бабицкій. „Нѣсколько словъ о жизни и произведеніяхъ М. Н. Очаповскаго“ („Земледѣльческая Газета“ 1854, № 34); „Виленскія Губернскія Вѣдомости“ 1854 № 19; „Земледѣльческая Газета“ 1855, №№ 20 и 21.

Александръ Петровъ.

Очины-Плещеевы,—русскій дворянскій родъ, отрасль дворянскаго рода Плещеевыхъ, происходившихъ отъ черниговскаго боярина Бяконта, выселившагося около 1300 года въ Москву къ великому князю Симеону Гордому. Родоначальникомъ Очиныхъ - Плещеевыхъ былъ *Григорій Семеновичъ* Плещеевъ, по прозванію *Очи* (умеръ въ первой половинѣ XVI вѣка). При внукѣ его *Захаріи Ивановичѣ* Очинѣ-Плещеевѣ родъ достигъ высшей степени процвѣтанія, и при Іоаннѣ Грозномъ большинство его членовъ вошло въ составъ опричниковъ. Вскорѣ, однако, родъ началъ сильно падать, и въ XVII вѣкѣ ни одинъ изъ его представителей не достигъ думныхъ чиновъ. Родъ этотъ существовалъ еще въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича.

Очинъ-Плещеевъ *Григорій Андреевичъ*, стольникъ и воевода; впервые упоминается въ 1613 году, когда участвовалъ въ земскомъ соборѣ и подписалъ соборное дѣяніе объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, въ 1614 году на Украйнѣ былъ вторымъ воеводой большого полка, въ 1616 году участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ поляковъ, въ 1619 году былъ однимъ изъ воеводъ въ Тулѣ, въ 1625 и 1626 годахъ упоминается въ чинѣ обѣихъ свадебъ царя Михаила Ѳеодоровича, съ 1633 по 1636 годъ былъ воеводой на

нѣ и 1 января 1642 года былъ назна-ъ первымъ судьей въ Судно-Московскій казъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

пиридовъ, „Записки о старин. службахъ скихъ благород. родовъ". (Рукоп. Имп. бл. Библ.) VI, 75—76; Разрядныя книги. passim; Дворцовые разряды I, 638.

Очинъ-Плещеевъ *Иванъ Ивановичъ*, ковскій дворянинъ и воевода, впервые минается въ 1551 году, когда былъ за-анъ во вторую статью московскихъ ей боярскихъ; въ 1554 году былъ по-лъ съ другими воеводами усмирять мутившихся казанскихъ инородцевъ, и успѣшныя дѣйствія получилъ въ на-у полозолотой Угорскій; въ 1555 году ъ первымъ воеводой передового полка Казани, въ 1556 году намѣстникомъ Черниговѣ, въ 1559 году первымъ водой передового полка ходилъ изъ ова въ Ливонію, въ 1560 году подъ альствомъ боярина князя Мстислав-го участвовалъ въ походѣ подъ Феллинъ льянъ) и, послѣ сдачи его, оставленъ ь въ немъ первымъ воеводой. Въ 1 году сбирался съ ратными людьми Псковѣ и отсюда ходилъ въ Литву ымъ воеводой сторожевого полку. Въ 2 году Очинъ-Плещеевъ «годовалъ» на водствѣ въ Смоленскѣ и участвовалъ походѣ, отсюда съ царевичемъ Бекбу-омъ, подъ Оршу. Въ 1564 году Очинъ-щеевъ принималъ участіе въ битвѣ ь Оршей, въ 1565 году участвовалъ походѣ подъ Озерище и во взятіи этого да, въ 1567 году снова ходилъ на ву и въ 1569 году былъ первымъ одой въ Великихъ Лукахъ. Годъ его ти неизвѣстенъ.

иридовъ, „Записки о старинныхъ служ-русскихъ благородныхъ родовъ" (Рукоп. Публ. Библ.) VI, 71—72; Разрядная а,—изд. Милюкова („Чтеніе Моск. Общ. ріи и Древн.". 1902, I, 170, 174, 183, 192, 223, 232, 242, 243, 251), Разрядная книга бирскій Сборникъ, М. 1845). 3, 7; Карам-(изд. Эйнерлинга) IX, пр. 63.

Очинъ-Плещеевъ *Никита Ивано-*, окольничій и воевода, упоминается 1548 года, когда участвовалъ въ чинѣ бы брата царя князя Юрія Васильє-въ 1558 году «годовалъ на воевод-въ Темниковѣ, въ 1562 былъ однимъ воеводъ въ Смоленскѣ, въ 1564 году назначенъ намѣстникомъ въ Почепъ, 569 году онъ былъ воеводой при рскѣ «изъ опричнины»; въ 1574 году воеводой въ Михайловѣ, въ 1575 году на воеводствѣ въ Тулѣ, въ 1576 году стоялъ въ Серпуховѣ въ войскахъ подъ начальствомъ Мстиславскаго, въ 1577 году былъ первымъ воеводой въ Новосилѣ, въ 1578 году стоялъ въ Ливоніи и Кукейносѣ, откуда былъ посланъ на помощь городу Линеварду, осажденному шведами, разбилъ шведскій отрядъ и освободилъ городъ. Въ 1579 году снова былъ на воеводствѣ въ Кукейносѣ, откуда былъ переведенъ во Псковъ, гдѣ и выдержалъ съ княземъ И. П. Шуйскимъ всю осаду Пскова королемъ Стефаномъ Баторіемъ; въ 1582 году былъ вторымъ воеводой правой руки въ Торусѣ въ 1583 и 1584 годахъ воеводствовалъ въ Смоленскѣ, въ 1586 году былъ вторымъ воеводой въ Серпуховѣ, въ 1587 году былъ воеводой на Окѣ, въ томъ же году былъ пожалованъ въ окольничіе; въ 1589 году былъ первымъ воеводой большого полка московскихъ войскъ на Украйнѣ, въ 1590 году былъ воеводой на Окѣ, въ 1591 году первымъ воеводой передового полка противъ крымскихъ татаръ, нападавшихъ на Москву и получилъ въ награду за походъ полуторной золотой. Въ томъ же году Очинъ-Плещеевъ былъ посланъ воеводой передового полка въ Калугу, а 19 августа этого года получилъ въ награду за службу шубу и былъ отправленъ первымъ воеводой правой руки въ Алексинъ. Въ 1592 году участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ подъ Выборгъ, въ 1593 году былъ вторымъ воеводой передового полка въ Калугѣ. Годъ смерти Н. И. Очина-Плещеева неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинныхъ службахъ русскихъ благородн. родовъ» (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) VI. 72—75; Разрядная книга. изд. Милюкова („Чтенія Моск Общ. Исторіи и Древн." 1902, I) 230, 232, 245. 246. 253; Разрядная книга (Сибирскій Сборникъ, М. 1895), 23, 47, 54, 58, 63, 70, 74, 87, 92—97; 100—112, 120—127; Акты Моск. Госуд. I, 43; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX, 192, пр. 63, 452, 508, X, пр. 99.

Очинъ Плещеевъ *Петръ Григорьевичъ*, стольникъ и воевода; упоминается съ 1625 года, когда въ чинѣ стольника участвовалъ въ чинѣ свадьбы царя Михаила Ѳедоровича на княжнѣ Долгоруковой, съ этого времени онъ находился постоянно въ Москвѣ, гдѣ несъ стольничью службу при дворѣ: «смотрѣлъ въ столы» при торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, былъ рындой при представленіяхъ иностранныхъ

пословъ царю, сопровождалъ царя въ путешествіяхъ по монастырямъ и при московнымъ селамъ. Въ 1638 и 1639 году былъ воеводой на Валѣ, въ 1641 году первымъ воеводой въ Тулѣ, съ 1641 по 1655 годъ снова находился при дворѣ, въ 1655 году отправился съ царемъ въ походъ на поляковъ третьимъ головой у огней въ царскомъ полку. Годъ смерти П. Г. Очина-Плещеева неизвѣстенъ.

Спиридовъ, „Записки о старинн. служб. русск. благородн. родовъ" (Рукоп. Имп. Пуб. Библ.) VI, 76—79; Разрядныя книги I, 1358. II, 90,195; Русск. Историч. Библ. X, 91—98. 208, 214, 252, 284, 296, 450.

Е. Лихачъ.

Очкинъ *Амплій Николаевичъ*,—цензоръ, писатель, переводчикъ; род. 24-го окт. 1791 г., ум. 12-го марта 1865 г. А. Н. Очкинъ получилъ образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, на службу поступилъ въ 1806 г. канцеляристомъ въ С.-Петербургское казначейство, откуда въ 1811 г. былъ переведенъ въ Экспедицію о Государственныхъ доходахъ, въ 1826 г. перешелъ на службу въ Правленіе С.-Петербургскаго университета секретаремъ, гдѣ кромѣ того, былъ архиваріусомъ и смотрителемъ университетскаго дома. Къ 1820-мъ годамъ относится и начало литературной дѣятельности Очкина, выразившейся главнымъ образомъ въ переводахъ съ фр. яз. Свои переводы, а также стихотворенія и оригинальныя критическія статьи онъ помѣщалъ въ «Благонамѣренномъ», гдѣ обыкновенно печатались труды членовъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, въ составѣ котораго находился Очкинъ; кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ «Соревнователѣ Просвѣщенія». «Сѣверной Пчелѣ», «Библ. для чтенія» и др., а также въ Словарѣ Плюшара. Съ 1835 г. по 1838 г. Очкинъ издавалъ дѣтскій журналъ, подъ названіемъ «Дѣтская библіотека, посвященная Ея Императорскому Высочеству великой княжнѣ Маріи Михаиловнѣ», причемъ въ 1837 г. въ соиздательствѣ съ кн. Вл. Львовымъ, а въ 1838 г. (первыя три части) съ А. Башуцкимъ. Въ 1837 г. Очкинъ получилъ въ свое завѣдываніе редакцію «С.-Петербургскихъ Академическихъ Извѣстій», которыя выходили подъ его редакціей до 1862 г., при чемъ съ 1848 г., по контракту, заключенному имъ съ Академіей Наукъ, послѣдняя сдала Очкину «Вѣдомости» въ аренду, и онъ сталъ такимъ образомъ редакторомъ и издателемъ этой газеты, выходившей уже подъ названіемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»; впрочемъ, въ 1850-хъ годахъ Очкинъ былъ редакторомъ едва-ли не номинально, такъ какъ всѣмъ дѣломъ изданія завѣдывалъ приглашенный имъ въ качествѣ помощника А. А. Краевскій. Въ 1863 г. Очкинъ предпринялъ изданіе ежедневной газеты «Очерки», но не сумѣлъ поладить съ своими ближайшими сотрудниками, во главѣ съ Г. З. Елисѣевымъ, и газета просуществовала съ небольшимъ три мѣсяца. Какъ цензоръ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета (съ 1841—1848 г.), Очкинъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, не отличался строгостью. Оставивъ службу по цензурѣ, Очкинъ опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія. Умеръ А. Н. Очкинъ 12 марта 1865 г. въ Петербургѣ и былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Изъ отдѣльно изданныхъ переводовъ Очкина отмѣтимъ: «Пустынникъ С.-Жерменскаго предмѣстья», въ 2 ч., 1826 г.; «Два года въ Константинополѣ и Мореѣ», 1828 г.; «Сенъ Марсъ»,—романъ А. д Виньи, въ 4 ч., 1829—1830 (2-е из 1835); «Странствованія Телемака»—Фен лона, въ 2 ч., 1835—1836 г. Всѣ издані вышли въ Петербургѣ.

Послужной списокъ. Дѣла изъ Архи Министерства Народнаго Просвѣщенія. «П реписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» т. I,—III, Спб. 1896; «Стихотворенія» Н. Языкова, Спб. 1898, т. I, стр. 152; «Рус Стар.» 1892, іюль (Воспоминанія С. Д. П торацкаго); 1901, декабрь (Воспоминанія К. Веселовскаго); «Русск. Арх.» 1896, февр. (В споминанія Ѳ. А. Оома), 1892, февраль; «Ис рич. Вѣстн.» 1898, 1901; «С.-Петербургск. В дом.» 1865, 14 марта; «Иллюстрир. Газет 1865, № 11; «День» 1865, № 12; «Русск. Ин лидъ» 1865 № 12; Воспоминанія: Н. И. Гре («Записки о моей жизни», Спб. 1886), И. Панаева, Спб. 1876, А. М. Каратыгиной («Р. Вѣстн.», 1881 № 5); Дневникъ А. В. Ни тенко («Рус. Стар.» 1889 и 1890 г., и отд.)

